Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Курганский государственный университет
Курганское областное общество краеведов

Емельяновские чтения

Материалы Всероссийской
научно-практической конференции «II Емельяновские чтения»
Курган, 11-12 мая 2007 г.

Курган 2007

УДК 9(063)
ББК 63лО
Е 60

II Емельяновские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курган, 11-12 мая 2007 г.). - Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. - 293 с.

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

Рецензенты:

В.П. Могутнов, доктор исторических наук, профессор, академик АВИН, начальник кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Курганского пограничного института ФСБ РФ

И.Е. Плотников, доктор исторических наук, профессор

Н.А. Чирухин, кандидат исторических наук, доцент, заслуженный учитель РФ

Издание представляет сборник докладов и сообщений участников II-й Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти известного ученого – доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Н.Ф. Емельянова, работавшего в Курганском государственном университете с 1987 по 2002 гг.

В сборник включено более 160 докладов и сообщений авторов из ведущих вузов, академических учреждений, архивов, музеев, библиотек таких городов, как Курган, Шадринск, Челябинск, Екатеринбург, Пермь, Оренбург, Нижний Тагил, Первоуральск, Ижевск, Оса, Уфа, Москва, Волгоград, Елабуга, Глазов, Самара, Тюмень, Омск, Томск, Новосибирск, Нижневартовск, Сургут, Ханты-Мансийск, Барнаул, Горно-Алтайск.

В сборнике представлены материалы исследования актуальных, слабоизученных проблем археологии, истории, историографии, источниковедения, методологии, регионалистики, краеведения, генеалогии, этнографии, культурологии, филологии, политологии и архивоведения.

Авторы сборника – известные ученые, доктора и кандидаты наук, аспиранты, студенты, краеведы, работники архивов, библиотек и музеев.

Редакционная коллегия:

В.А. Кислицын, канд. ист. наук, доцент (отв. ред.); Д.Н.Маслюженко, канд. ист. наук, доцент (отв. ред.), В.В. Менщиков, д-р ист. наук, профессор; И.С. Менщиков, канд. ист. наук, доцент; В.В. Пундани, д-р ист. наук, профессор; Д.М. Совков, канд. ист. наук, доцент; С.Н. Шилов, канд. ист. наук, доцент.

ISBN 978-5-86328-843-7

© Курганский
государственный
университет, 2007
© Авторы, 2007

Оргкомитет конференции:

Кислицын В.А. - канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Курганского государственного университета, председатель Курганского областного общества краеведов, председатель оргкомитета

Кузнецов А.П. - д-р биол. наук, профессор, проректор по научной работе Курганского государственного университета

Пундани В.В. - д-р ист. наук, профессор Курганского государственного университета, действительный член Академии военных наук

Павлуцких Г.Г.- канд. ист. наук, доцент, декан исторического факультета Курганского государственного университета

Менщиков В.В. - д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой теории истории государства и права Курганского государственного университета

Маслюженко Д.Н. - канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии Курганского государственного университета

Менщиков И.С. - канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой историографии, методологи и теории истории Курганского государственного университета

Шилов С.Н. - канд. ист. наук, доцент, заведующий археологической лабораторией Курганского государственного университета

Совков Д.М. - канд. ист. наук, доцент Курганского государственного университета

Рябинина Е.А.- аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета

Цыганкова М.А. – диспетчер деканата исторического факультета Курганского государственного университета

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

И.С. Менщиков
Курганский государственный университет, г. Курган

ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ТРУДАХ Н.Ф. ЕМЕЛЬЯНОВА

В этом году исполнилось бы 70 лет видному сибирскому учёному, основоположнику исторической школы, одному из создателей Курганского областного общества краеведов Николаю Филипповичу Емельянову (1937 – 2002). Эта юбилейная дата даёт лишний повод ещё раз обратиться к трудам этого историка и поразмыслить над его научным наследием.

Николай Филиппович Емельянов оставил заметный след в истории Западной Сибири. В ряде своих монографий и статей он охватил очень широкий по временным рамкам пласт сибирской истории. В сферу его научных интересов попали как проблемы заселения и освоения русским Западной Сибири, так и локальная история зауральских сёл и деревень. Трудно переоценить и его вклад в формировании научной школы.

Следует оговориться, что данная статья не преследует цели дать всеохватывающий и глубокий очерк научной деятельности Н.Ф. Емельянова. Хотелось бы остановить внимание на тех его работах, что посвящены исторической локалистике, истории отдельных мест Сибири. Если первые крупные работы Н.Ф. Емельянова связаны с исторической демографией, проблемой заселения (1) и освоения (2) русскими Среднего Приобья, то в 1980-е годы сфера его научных интересов заметно расширяется. В неё попали и поземельные отношения, влияние государственной власти на структурирование вновь заселённых территорий, а так же история отдельных населенных пунктов. В связи с этим обращает на себя внимание история Томска. В книге, посвященной данной проблеме (4), Н.Ф. Емельянов использует как традиционные подходы, от которых в начале 1980-х годов просто нельзя было отходить, так и некоторые новаторские приёмы. Так он попытался нарисовать, как он сам любил говорить, «широким мазками» исторический портрет этого города в феодальную эпоху. Следует отметить, что сам выбор темы отличался в те годы определенной новизной. Традиционно сибирские авторы той поры обращались к классовой борьбе, ссылке и каторге, несколько позднее - к заселению и освоению сибирских территорий. В «Городе Томске» отчётливо прослеживается попытка рассмотреть быт его обитателей, элементы повседневной жизни, большое внимание уделено экономическим и сословно-социальным отношениям.

Более полно эта новая тенденция в научном творчестве Н.Ф. Емельянова выявилась во второй половине 1980-х годов относительно города Кургана (3), с которым оказались связаны последние годы его жизни и научной деятельности. В его распоряжении оказались фонды Государственного архива Курганской области, которые ещё не были введены в такой широкий научный оборот.

В особенности это замечание справедливо применить к тем делам, которые касались жизни города, ибо курганских исследователей привлекали иные научные проблемы, история же Кургана была описана на уровне исторического краеведения. Он использовал так называемый метод сплошных хронологических срезов, который позволил ему провести анализ документов, традиционно не рассматривавшихся при изучении истории городов (11, 147-148). Н.Ф. Емельянов использовал городскую документацию, отчеты, полицейские бумаги, завещания, статистику, некоторые источники личного происхождения. Автор опубликовал материалы своих исследований в целом ряде статей, проследив городскую торговлю и её влияние на развитие города, чьё существование неразрывно с этой торговлей было связано, проанализировал состав и динамику населения Кургана, выделил поворотные моменты в экономической и демографической истории города. Всё это позволило нарисовать яркую и достаточно полную картину Кургана в монографии «Город Курган, 1782 – 1917: Социально-экономическая история» (6). Автор исследования широко использует историко-структурный метод. История города как бы неподвижна, но в то же время за этой медлительностью отчётливо прослеживаются медленные изменения в городской жизни. Это позволяет, по словам исследователей (8, 56) данной работы, через перечисление внешне непримечательных событий достичь эффекта «погружения» читателя в мир обыденности. Можно согласиться поэтому с мнением ряда историков, согласно которому исследование Н.Ф. Емельянова, посвященное городу Кургану, отличается особой новизной, ибо изысканий такого рода, посвященных городам Зауралья, ещё не предпринималось (8, 56).

Данное исследование было дополнено Н.Ф. Емельяновым в третьем томе «Истории Курганской области» (9), где в последних главах этого издания, посвященного городам Южного Зауралья, дан яркий очерк культурной и бытовой жизни Кургана в начале XX века, когда под влиянием проникновения рыночных отношений, индустриальной цивилизации и нового потока переселенцев (что тесно связано с приходом сюда Транссибирской железной дороги) произошло быстрое и бурное изменение повседневной жизни этого города. Н.Ф. Емельянов активно использует новый источник, появившийся в Кургане лишь в самом конце XIX века, – городские газеты (9, 398 – 450).

Наконец, в 1990-е годы исторические интересы Н.Ф. Емельянова сосредотачиваются на истории небольших населенных пунктов и сравнительно небольших историко-географических регионов. Так, под его редакцией выходят несколько сборников, посвященных истории отдельных районов Курганской области. За очерками прошлого отдельных регионов выявляется история небольших населенных пунктов, история семей и отдельных людей, то, что нередко называется микроисторией. Истории отдельных населенных пунктов посвящено несколько исторических сборников, в частности «Земля Курганская: прошлое и настоящее». Этой же проблематике посвящен отдельный том «Истории Курганской области» (10). Данный подход оказался довольно новаторским и плодотворным, но после смерти Н.Ф. Емельянова не получил широкого распространения и стал развиваться в несколько ином направлении.

Завершая краткий обзор трудов Н.Ф. Емельянова, посвященных отдельным регионам, хотелось бы обратить внимание на две его небольшие работы, в которых затронута история отдельных сёл. Речь идет о «Селе Ярославском» (5) и «Селе Брылинском на Ике» (7). Именно в этих кратких очерках автор и попытался нарисовать историю отдельного села, опираясь на имеющиеся источники. Остановимся более подробно на проблеме источников применительно к локальной истории и коротко рассмотрим её на примере «Села Брылинского». Автор прибег к источникам церковного происхождения, в частности использовал переписку населения села с церковными властями по поводу устройства здесь церкви, а также материалы, связанные с историей возникновения

села. Достаточно подробно Н.Ф. Емельянов останавливается на возникновении села и происхождении его названия. Как обычно в Сибири, название связано с первопоселенцами, в данном случае с засельщиком Герасимом Брылем из Терсюкской волости. Показано как к нему присоединились его братья – Иван и Михаил (7, 38). Поскольку расположение нового поселения было удобным – на берегу реки Ик, а земли плодородными, то и возникла деревня, которую назвали Брылинская (Брылинка). Поскольку она была окружена сосновым бором, широко использовалось и второе название - Борки. Далее автор переносит нас в середину XIX века в связи с эпизодом постройки церкви.

Он детально исследовал этапы этого довольно сложного в то время процесса, связанного с получением разрешения и благословения, поиском подрядчиков, наиболее подходящего иконостаса и подбора церковного причта. Показано жалование церковнослужителей, их социальное происхождение и смена на месте службы. В связи с этим рассматривается вопрос о существовании в окрестности села большого количества старообрядческого населения, которое отказывалось официальную церковь посещать. Используя этот момент, автор показывает нам отношения православного населения с раскольниками, места богослужения которых, да и их самих, местные крестьяне считали вредными. Затем кратко показана внутренняя история старообрядческой общины Брылинского расположенной рядом деревни Савиной, раскола в её среде, приведены в динамике интересные данные, в которых показано соотношение численности православного населения и старообрядцев (7, 39). В завершении очерка сделан краткий обзор демографического развития региона, отмечены причины роста и убыли населения (миграции, голод). В целом, эта небольшая по объёму работа является ярким и интересным наброском повседневной жизни сибирской деревни, рассмотренной на одном примере. К сожалению, характер источников не позволил сделать эту статью полноценной историей села, но и то, что было сделано, отличается безусловной новизной подходов и методов (7, 41).

Завершая обзор данного направления научной деятельности Н.Ф. Емельянова, хочется ещё раз остановиться на некоторых моментах. Прежде всего нельзя не отметить новизну в выборе предмета и метода исследования, что нашло выражение в обработке колоссального объёма архивного материала для получения крупиц исторического знания, умении находить ответы в источниках, которым обычно вопросов не задавали, создании на основе этого достаточно целостной картины прошлого отдельных местностей Зауралья. Другой безусловной заслугой Емельянова-историка является активная работа по публикации своих исследований, привлечении к своей работе широкого круга людей, интересующихся историей родного края. Наконец, нельзя обойти вниманием создание им определённой научной школы, которая смогла продолжить его дело, ибо, как любил повторять сам Николай Филиппович, «история, как и любая настоящая наука, строится не на костях, а на плечах своих предшественников».

Примечания

1. *Емельянов Н.Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). Томск, 1980.*
2. *Емельянов Н.Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск, 1981.*
3. *Емельянов Н.Ф. Разработка истории города (на примере Кургана) //Вторая Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Пенза, 1981.*
4. *Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск, 1984.*
5. *Н.Ф. Емельянов Село Ярославское и Притоболье в досоветский период// Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 2. Курган, 1991.*
6. *Емельянов Н.Ф. Город Курган, 1782–1917: Социально-экономическая история. Курган, 1992.*
7. *Емельянов Н.Ф. Село Брылинское на Ике// Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 5. Курган, 1993.*
8. *Ершов М.Ф. Города Зауралья в конце XVIII – первой половине XIX вв.// Историография и источниковедение Южного Зауралья (XVIII – XX вв.): Сборник научных статей. Курган, 1999.*
9. *История Курганской области. Т.3. Курган, 1998.*
10. *История Курганской области. Т.7. Курган, 2002.*
11. *Курилов В.Н. Монография Н.Ф. Емельянова «Город Курган, 1782 – 1917: Социально-экономическая история»// Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 5. Курган, 1993.*

В.В. Пундани
Курганский государственный университет, г. Курган

АВТОГРАФЫ…

Впервые мысль оценить роль автографа в жизни человека в широком смысле слова в целом, в своей личной в том числе, возникла у меня достаточно поздно - в 2006 г., когда кафедра отечественной истории, исторический факультет Курганского государственного университета, Курганское областное краеведческое общество провели первую межрегиональную научно-практическую конференцию, посвященную памяти известного учёного, доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Российской Федерации Н.Ф.Емельянова (работал в КГУ 15 лет).

В своей личной библиотеке (в ней около 5 тысяч книг) нашёл более 20 публикаций Н.Ф.Емельянова с его автографами, смысл которых в мой адрес предельно прост и многозначен. Это его слова признательности и благодарности за то, что я помогал своими советами и определённой критикой некоторых поднимаемых им дискуссионных проблем в подготовке к выходу, как говорят, на свет божий его работ!

При подготовке публикации к II Емельяновским чтениям родилась идея продолжить исследование о роли автографов в социокультурном пространстве не только одного человека, но сообщества, в котором он живёт, в целом.

Поиски первых автографов в своей библиотеке дошли до 40-х гг. ушедшего XX в. В 1947 г. у меня появилась книга известного детского писателя В.Бианки «Лесные домишки. Сказки и рассказы». Она была подарена мне и подписана рукой мамы.

Ещё один дорогой её памятный подарок находится в фотоальбоме с текстом «Дорогому сыну Валерию в день защиты диссертации от мамы В.Г.Пундани 31.11.73 г.». Этот подарок и автограф связан с успешной защитой мной в Уральском государственном университете диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук.

В 1954 г. одна из моих тётей, учительница Е.М.Русанова подарила мне с автографом «Словарь иностранных слов», к которому я нередко и сегодня обращаюсь за справкой.

В 1958 г. я получил от двоюродного брата В.М.Русанова (жил в г. Челябинске) альманах «Рыболов-спортсмен» с надписью «Дорогому брату-рыболову». В 2000 г. он – кандидат технических наук подарил мне свою книгу в стихах «По каменистым тропам науки» с надписью: «На добрую и долгую память от старшего двоюродного брата!».

В 1965 г., находясь в командировке в Москве, получил в подарок от жившего в столице родного дяди К.И.Клименко-Пундани книгу «Экономические проблемы технического прогресса в СССР». Многому обязывал автограф участника трёх революций в России, создававшего отряды Красной гвардии в Питере, с 60-х гг. XX в.- доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РСФСР. Подпись была следующей: «Дорогому моему племяннику..., несомненно будущему учёному!». Эти слова, очевидно, и нацелили меня на поступление в аспирантуру в 1969 г.

В 1966 г. двоюродный брат В.А.Белоногов (с 1972 г. - кандидат технических наук) подарил малую энциклопедию по истории на немецком языке, подписав её автографом: «...брату для лучшего усвоения языка!». Работа с ней существенно помогла в подготовке к сдаче кандидатского экзамена по иностранному (немецкому) языку.

В этом же году один из моих дядей А.Г.Русанов, участник двух мировых войн, георгиевский кавалер (жил в г.Камне-на-Оби), подарил несколько книг о природе с автографами краткого, ёмкого по содержанию смысла: «Дерзай! Желаю успеха. Дядя!».

Муж моей двоюродной сестры Л.А.Плотниковой В.В.Плотников, кандидат биологических наук, человек эрудированный, в 1974 и 1984 гг. подарил две свои монографии по проблемам освоения человеком природных ресурсов Севера вообще и Западной Сибири в частности с такими оригинальными подписями: «...атлету и летописцу..., дорогому нашему историку В.В.Пундани от приват-доцента натуральной истории (экологии)». Он знал о том, что я успешно делил любовь к Клио с любовью к многим видам спорта, в том числе к боевому самбо и каратэ.

Ещё один двоюродный брат В.А.Белоногов (живёт в г. Екатеринбурге), доктор физико-математических наук, с которым мы, встречаясь, спорим по самым различным темам и проблемам, в том числе нашей отечественной истории, подарил в 1990 г. монографию «Представления и характеры в теории конечных групп» с предельно кратким автографом «Дорогому брату В.В.Пундани от автора!».

Одна из подруг моей мамы, более 20 лет заведовавшая архивом КГПИ, З.Н.Емельянова подарила мне, студенту 3-го курса КГПИ, книгу «Поэты пушкинской поры», подписав её словами: «Дорогому Валерию - будущему историку и литератору в день его рождения!». А в 1962 г. получил от неё в подарок двухтомник сочинений Н.В.Гоголя с автографом «Дорогому Валерию в день окончания им института. Поздравляю от души и желаю больших успехов в предстоящей работе!».

Ещё один пласт автографов связан с дружеским окружением.

Один из них был получен в день рождения в 1956 г. в первом томе книги В.М.Полуянова «У Понта Эвксинского. Великая Скифия»: «Пундани Валерию на память от друга Таскаева Валерия». Видимо, даря эту книгу, товарищ уже интуитивно почувствовал моё увлечение историей человечества, в том числе его далёкого прошлого

Более 30 лет назад В.П.Таскаев со своей семьёй уехал в г. Челябинск. В 2000 г. от него, в начале 70- гг. XX в. ставшего кандидатом физико-математических наук (окончил аспирантуру МГУ), и его жены А.Г.Таскаевой (в 1989 г. стала доктором сельскохозяйственных наук) я получил в подарок написанную ими в соавторстве монографию «Теоретические основы и практические приёмы борьбы с сорняками в севооборотах на Урале» с автографом: «Другу Валерию Пундани от Таскаевых».

Дружеское поздравление от сокурсника С.А.Бердюгина, с которым я сидел 5 лет за одной студенческой партой (он был старше нас; участник Венгерских событий 1956 г.), есть в подаренной им книге нашего земляка, известного писателя А.К.Югова «Ратоборцы» с автографом «На память Валере от Сергея в день его восемнадцатилетия!».

Тёплые воспоминания пробуждают автографы, уводящие нас также в золотое студенческое время и одновременно связывающие его с современностью.

В 1963 г. от друга юности В.В.Подливалова получил в подарок «Испанско-русский словарь» с подписью: «С глубоким уважением и с большой благодарностью за широту дарований мысли, за оптимизм будущности!». К моему 60-летию он, уже кандидат исторических наук, доцент, подарил открытку со словами: «С большим уважением от твоего тёзки, тоже от Валерия, тоже от Владимировича, тоже от историка».

Родившийся в Южном Зауралье студент историко-филологического факультета, живущий ныне в г. Омске доктор филологических наук, профессор Б.И. Осипов много полезного сделал для увековечения памяти о людях его родной Юргамышской земли.

В моей домашней библиотеке есть несколько книг, подписанных рукой Б.И.Осипова. Эти книги кроме названий, раскрывающих их содержание («Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова», «Воспоминания работницы М.Н.Колтаковой: как я прожила жизнь», «Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А.У.Астафьева - “Записки изгоя”», «Воспоминания А.Н.Белозёрова - “Записки районного служащего”», «Солдатские воспоминания Н.Ф.Шульгина и Г.П.Еланцева»), имеют ещё один значительный подзаголовок - народные мемуары.

Они дороги для меня автографами: «Валерию Пундани от однокурсника с лучшими чувствами!», «Валерию Пундани, бывшему однокурснику и настоящему коллеге дружески!», «Валерию Пундани с лучшими пожеланиями — дружески! Б.Осипов».

Ещё три книги напоминают о живущем в Макушино бывшем студенте историко-филологического факультета КГПИ, почётном гражданине Макушинского района, директоре Макушинского районного общественного историко-краеведческого музея В.П.Бражнове.

Он ответственный редактор «Очерков истории Макушинского района», один из авторов публикаций в них. Автографы к ним понятны без комментариев: «В.Пундани - сердечно!»; «Валерию Пундани, искренне и сердечно!»; «Валерию Владимировичу с наилучшими пожеланиями, на добрую память от краеведа-любителя Бражнова Валерия Павловича. Как близка и далека, неповторима и желанна наша с Вами юность! Где ты? Нет ответа. Валерию от Валерия. Сентябрь, 2006 г.».

Ещё один очень дорогой автограф напоминает о целой эпохе и людях, живших в ней, которых автор подаренной мне книги называет всего одним словом «Шестидесятники». Это книга «И всё-таки я верю...», автором которой является известный не только в Курганской области, но и далеко за её пределами журналист, заслуженный работник культуры РФ, много лет работающий в издательстве «Зауралье» Ф.Ю.Рабинович. Подпись к книге следующая: «Другу юности, зрелости, поздней зрелости, порядочному и доброму человеку, настоящему учёному В.В.Пундани в знак искреннего уважения!».

Судьба человека имеет иногда неожиданный поворот! Так и я после четырёх месяцев работы учителем в средней школе посёлка Красный Уралец Юргамышского района нашей области во время педагогической практики студентов V курса КГПИ и окончания его в 1962 г. оказался телевизионным оператором в Комитете Курганского облисполкома по радиовещанию и телевидению. Там

проработал 12 лет (до 1974 г.).

Но историко-филологическое фундаментальное базовое образование (нас учили преимущественно кандидаты исторических, философских, филологических наук, выпускники аспирантур столичных вузов - Москвы, Ленинграда, Киева, Минска: А.А.Кондрашенков, В.В.Прусс, Н.А.Лапин, В.А.Горелов, А.С.Минский, З.А.Атлас, С.М.Шалютин, М.Д.Янко, М.И.Корная, Р.П.Сысуева, П.А.Сергеев, Л.П.Бабичева, П.М.Войцеховский) давало о себе знать. Его зов проявился в том, что работая телевизионным оператором, сдал кандидатские экзамены по истории, иностранному языку и философии.

Очевидно, немалое значение в стремлении проявить свой накопленный в вузе определённый научный потенциал сыграли известные мне факты подготовки к поступлению в аспирантуры моих старших братьев, их подарки книг с автографами, подбадривавшими на вступление на каменистую тропу науки, определённый дух соревновательности с ними. В том же ключе и особенно сильно на меня повлиял автограф моего московского дяди (о котором я уже говорил).

С 1969 по 1973 гг. учился заочно в аспирантуре при кафедре истории СССР СГПИ под научным руководством доктора исторических наук, профессора А.А.Кондрашенкова, вернувшегося с Курганской земли на родную Смоленщину... С того времени постоянно получал от него публикации с его автографами.

Успешная защита мной диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук в ноябре 1973 г. в УрГУ вызвала положительную реакцию коллектива Курганского комитета по телевидению и радиовещанию. Товарищи - телеоператоры (В.Е.Новгородов, Б.В.Багно, В.Н.Кондратских) подарили мне шахматы и на одной из крышек футляра для этой игры написали следующий автограф: «История пишется объективом!». Смысл его многозначен: имеется в виду обязательность достижения исторической наукой её объективности. В прямом смысле телевизионная камера имеет несколько объективов, линз, обладающих способностью отражать находящиеся перед камерой материальные объекты, выступающих людей, приближая их к телезрителям, предлагая им достоверную, объективную информацию.

Своеобразно откликнулся на защиту диссертации коллектив телерадиокомитета словами его председателя, журналиста Ю.В.Хлямкова - в поэтической форме (в шести четверостишиях). Воспроизведу одно из них: «Видим: очень рад он, да и каждый был бы рад. Есть учёный - оператор, оператор-кандидат!!!». Кроме поэта под стихами подписался ещё ряд коллег по работе.

Значительно расширился круг людей, с которыми приходилось встречаться и в стенах комитета, на телецентре, и за их пределами. Поэтому в моей библиотеке имеются дорогие для меня книги, подаренные и подписанные тёплыми, душевными автографами их авторов, известных писателей, поэтов, журналистов: В.Ф.Потанина, И.П.Ягана, М.И.Шушарина, Я.Т.Вохменцева, Л.П.Бендика, И.Б.Богуславского и других.

Далее жизнь автора данной публикации оказалась связанной с историческим факультетом УрГУ, на котором я работал с марта по август 1974 г. на кафедре архивоведения. Ею заведовал доктор исторических наук, профессор, автор более 460 научных и краеведческих трудов, участник Великой Отечественной войны А.Г.Козлов.

В то время здесь начинался путь в историческую науку целой плеяды молодых преподавателей, недавних выпускников этого вуза: А.В.Черноухова, В.Д.Камынина, Н.Н.Алеврас, Р.Г.Пихои, В.И.Усанова (сегодня они доктора исторических наук, профессора), Э.А.Пензина, И.А.Гурьева, А.М.Сафроновой, В.А.Чудиновских (с 70-х гг. кандидаты исторических наук, доценты). На кафедре истории СССР работал талантливый учёный, кандидат исторических наук, исследователь аграрной истории Урала Г.В.Яровой.

Сложившиеся тогда у меня с вышеназванными преподавателями прочные коллегиальные, дружеские, творческие отношения сохраняются до сегодняшнего дня (кроме некоторых, к сожалению, уже ушедших в мир иной).

Увидевшая свет в 1973 г. книга «Вехи истории», подготовленная А.Г.Козловым к 250-летию Свердловска, подписана в мае 1974 г. следующими словами: «Валерию Владимировичу Пундани в знак перспективы совместной работы». Несмотря на то, что я покинул вскоре ту кафедру, и в последующие годы получал его работы с автографами. В 1981 г. он прислал мне в Курган составленную им книгу «Творцы науки и техники Урала. XVII - начало XX вв.». Биографический справочник. Слова в автографе следующие: «Валерию Владимировичу Пундани с глубоким уважением и дружескими пожеланиями успехов по изучению родных мест, автор. Профессор А.Г.Козлов».

В 1974 г. получил из Свердловска бандероль со статьёй Г.В.Ярового «Статистические источники о государственной деревне Урала в дореформенный период» со словами: «Дорогому Валерию Владимировичу Пундани на память о совместной работе в УрГУ».

В 1980 г. один из составителей путеводителя (краткого справочника) «Государственный архив Свердловской области» А.В.Черноухов сделал на нём для меня следующую надпись: «Увлекающемуся пылью веков и житьём мужиков с уверенностью - довершишь дело Уралосибирского крестьянства!».

В 1982 г., находясь в командировке в Свердловске, получил в подарок книгу «История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии» от её авторов И.А.Гурьева и В.И.Усанова с очень кратким автографом: «Рецензенту В.В.Пундани с признанием!».

В 1985 г. получил из Свердловска посылку с очень ценной книгой очерков об уральском краеведении, несколько страниц которой были посвящены А.Г.Козлову. Но автограф на книге был уже грустный: «Валерию Владимировичу от Козловых в память о Анатолии». Профессор скончался 5 августа 1985 г. на 59-м году жизни.

С 1 сентября 1974 г. я начал работать ассистентом на кафедре истории СССР КГПИ, затем старшим преподавателем (1975 г.), доцентом (1980 г.); с 1982 по 1987 гг. был заведующим этой кафедры.

С благодарностью вспоминаю то время. Здесь работал стабильный преподавательский коллектив: кандидаты исторических наук, доценты Р.Н.Пономарёва, И.Е.Плотников (с 1985 г.-доктор исторических наук), А.П.Григоров, Е.И.Терещенко, Г.Г.Малютин, Г.А.Прохорова (кандидат педагогических наук), старший преподаватель О.Е.Потанина. О том времени хорошо напоминают подаренные ими свои научные публикации в самых различных изданиях с автографами.

Многое напоминают автографы на книгах, статьях, подаренных бывшими учителями в КГПИ. Читавший лекции по устному народному творчеству М.Д.Янко подарил мне в 1960 г. свою книгу «Литературное Зауралье» с надписью: «Валерию Пундани - на память о Курганском педагогическом институте». В 1975 г. дарит мне пособие к спецкурсу по литературе родного края с автографом: «Валерию Пундани. Способному студенту, которому я в былое время поставил по фольклору «отлично», а ныне молодому учёному - с любовью».

В 1980 г. в Кургане был издан библиографический указатель трудов М.Д Янко, составителем которого довелось быть мне. На этой брошюре профессор оставил надпись: «Дорогому В.В.Пундани - с сердечной благодарнос-

тью за подготовку указателя».

В 1989 г. ректор КГПИ А.Д.Сазонов дарит книгу «Профессиональная ориентация молодёжи» (написана в соавторстве с А.П.Менщиковым и Н.М.Калугиным) с подписью: «В.В.Пундани с добрыми пожеланиями от автора. Проф. А.Сазонов».

В 1991 г. получаю в подарок книгу доктора филологических наук, профессора В.П.Фёдоровой «Свадьба на Ирюме» с автографом: «Бородаторыжему В.В.Пундани с пожеланием подольше сохранять оригинальность. С уважением - собрат по краеведению». На её же авторской книге «Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев в Южном Зауралье» (издана в 1997 г.) надпись: «Дорогому коллеге В.В.Пундани с пожеланием добра!». На вышедшем в 2005 г. библиографическом указателе (к 70-летию со дня рождения) «Валентина Павловна Фёдорова», подаренном мне, есть автограф: «В.В.Пундани. Почитателю женщин...».

Имеются в моей библиотеке книги с автографами людей, казалось бы не имеющих никакого отношения к специальности, которой я посвятил более 40 лет своей жизни.

Кандидат физико-математических наук, доцент В.М.Янко подарил в 1993 г. учебное пособие «Физические явления электростатики в технических решениях» с надписью: «Валерию Владимировичу - учёному, краеведу, историку с глубоким уважением». Кроме того, что мы с автором пособия учились в КГПИ, хотя и на разных факультетах, были давно знакомы. Его отец учил меня. Я знал, что В.М.Янко, как все интеллигентные люди, любит и уважает нашу, Отечественную историю. А он хорошо знал, что я далеко неравнодушен и к физике, и к математике, и к технике. Даже оказался однажды соавтором патента «Транспортное средство для самовытаскивания», документ, за который денежную премию получал.

Есть в моей библиотеке две книги доктора экономических наук, профессора В.П.Степанова. В учебном пособии по спецкурсу «Территориально-отраслевое управление» (издано в 1989 г.; соавтор М.Д.Шарыгин) есть подпись: «Дорогому Валерию Владимировичу! Знай, что у тебя есть друг, который тебя никогда не предаст!».

Предельно краток автограф к книге В.П.Степанова (соавтор И.А.Чубаров) «Формирование рынка жилья крупного города» (издана в 2005 г.): «Лидии Николаевне, Валерию Владимировичу - с уважением!» (надпись посвящена моей жене и мне).

Имею в библиотеке несколько книг от кандидата педагогических наук, профессора А.Л.Михащенко. На учебном пособии для студентов вузов «Казачество Южного Зауралья» (издано в 2000 г.) автограф гласит: «В.В.Пундани, активному редактору книги. Спасибо за помощь в издании. С уважением, автор!».

В монографии А.Л.Михащенко «Становление и развитие образования в российской провинции в 1719 - 1917 гг. (на материалах южно-зауральского региона Западной Сибири)» (издана в 2004 г.) есть надпись: «Профессору В.В.Пундани - коллеге, наставнику и оппоненту от автора. С уважением!».

Фундаментальна монография бывшего студента, ныне проректора по учебной работе, доктора философских наук, профессора Б.С.Шалютина «Становление свободы: от природного к социокультурному бытию» (издана в Кургане в 2002 г.) с автографом: «Глубокоуважаемому В.В.Пундани - учителю и коллеге с чувством признательности!».

С волнением читаешь автографы своих коллег, преподавателей кафедр нашего исторического факультета, бывших студентов. Часть их стали аспирантами, защитили кандидатские диссертации, работают на факультете. Есть и уехавшие в другие города и вузы РФ, в Сургут, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, но не потерявшие творческих отношений с ALMA MATER. Это М.Ф.Ершов, В.Д.Пузанов (кандидаты исторических наук), Л.В.Алексеева (доктор исторических наук).

Это надписи на своих публикациях коллег - представителей старшего поколения: И.Е.Плотникова, Л.А.Евдокимова, М.Н.Федченко, В.В.Подливалова; среднего поколения: В.А.Кислицина, О.Ю.Винниченко, Г.Г.Павлуцкого, В.В.Менщикова, В.Г.Савельева, П.А.Свищёва; молодого поколения: И.С.Менщикова, В.В.Пестерева, Д.М.Совкова, В.А.Алексеева, А.Г.Битюкова.

Оригинальны автографы В.А.Кислицына. Составитель ценного издания программных документов и материалов «Политические партии России в XX в.», он подписал их словами: «В.В.Пундани на добрую и долгую память о творческом содружестве. В.Кислицын». На коробке сувенирного кинжала, подаренного им на мой день рождения, есть надпись: «Железному профессору от В.Кислицына! г. Курган».

Бывший студент исторического факультета КГПИ, кандидат исторических наук с 1993 г., в 1993-1997, 2002-2003 гг. - декан историко-правоведческого факультета КГУ О.Ю.Винниченко, став в 2001 г. доктором юридических наук, подарил мне монографию «Советы Урала в механизме тоталитарного государства 1922-1941 гг.» с автографом: «Дорогому Учителю, Учёному, Человеку - Пундани В.В. от ученика!».

Монография В.В.Менщикова «Русская колонизация Зауралья в XVII - XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии» (издана в 2004 г.) подписана словами: «Валерию Владимировичу от автора в знак благодарности и признательности».

Коллега В.В.Пестерев в монографии «Организация населения в колонизуемом пространстве (очерки истории колонизации Зауралья конца XVI - середины XVIII вв.)» подарил надпись: «Пундани Валерию Владимировичу на память и с благодарностью за благожелательное отношение к данному опусу от автора. 17.03.2005».

С тёплым чувством воспринимаешь автограф бывшего студента нашего факультета, ныне старшего преподавателя кафедры всеобщей истории на подаренной им книге Ю.М.Лотмана «Пушкин» из слов: «В.В.Пундани - замечательному человеку, педагогу, учёному книгу о «нашем всём» (то бишь А.С.Пушкине). В.А.Алексеев. 15.01.2005 г.».

Моё начавшееся приобщение к большой науке с 1972 г. через участие в работе более 40 форумов: симпозиумов, конференций (региональных, межрегиональных, Всероссийских, Всесоюзных, международных), исторических школ, чтений, после защиты докторской диссертации в 1991 г. в Институте истории и археологии УрО РАН – (оппонирование работ на соискание учёной степени кандидата и доктора исторических наук) очень отразилось на расширении круга соратников на ниве Клио.

С чувством глубокой благодарности обменивался своей научной продукцией с автографами с обоюдной отдачей от академика В.В.Алексеева, директора Института истории и археологии УрО РАН, докторов исторических наук, профессоров А.В.Бакунина, Н.А.Миненко, Г.Е.Корнилова, В.Д.Камынина, Е.Б.Заболотного, Н.Н.Алеврас, Г.Н.Чагина, П.А.Колесникова, Д.А.Сафонова, В.С.Кобзова, Т.К.Махровой, Л.Н.Мазур, О.Н.Вилкова, А.Т.Топчия, Д.Я.Резуна, Л.М.Дамешека, Г.Ф.Быкони, В.А.Скубневского, Т.С.Мамсик, В.В.Рабцевич, Н.С.Половинкина, Н.А.Балюк, П.С.Кабытова, К.Я.Ячменихина, М.П.Мохначёвой.

Солидным считаю корпус кандидатов исторических наук, имеющихся в урало-сибирском регионе, в европейской части России, с которыми у меня сложились добрые

творческие отношения через переписку, обмен новыми публикациями.

Из представителей старшего поколения в этом плане можно отметить Б.А.Сутырина, Ю.С.Зобова, Н.П.Шмакову, Ю.С..Васильева; из среднего поколения - это И.В.Побережников (от него имею более десятка ценных работ по урало-сибирской тематике, в том числе несколько монографий, с краткими, ёмкими автографами; давно уже должен стать доктором исторических наук), Е.Ю.Апкаримова, С.В.Голикова, Т.Г.Мосунова, И.И.Вишев, Д.Л.Харланов, Н.Н.Агафонова, Е.Ю.Рукосуев, В.А.Манин.

Ценной частью моей библиотеки являются работы с автографами известных учёных, докторов исторических наук, профессоров Л.Г.Захаровой, А.А.Преображенского, А.А.Чернобаева, В.В.Черепанова. Автографы москвичей кроме их краткости весьма оригинальны по содержанию.

Профессор МГУ Л.Г.Захарова подаренный мне в 2000 г. трёхтомник «Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Д.А.Милютина» (за 1816-1862 гг.), изданный в Москве в 1997-1999 гг. (под её редакцией), подписала словами: «Дорогому Валерию Владимировичу с наилучшими пожеланиями в наступающем новом тысячелетии и дружески!».

Подготовленная ею и Л.И.Тютюнник книга «Венчание с Россией. Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 г.»(издана в 1999 г.) подписана словами: «Дорогому Валерию Владимировичу на добрую память дружески!».

А.А.Преображенский изданную в Москве в 2000 г. книгу «Историк об историках России XX столетия» сопроводил надписью: «С добрыми пожеланиями В.В.Пундани. А.Преображенский!». Вторая его книга «Веков связующая нить. Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII- начало XIXвв.)» (увидела свет в Москве в 2002 г.) имеет автограф «Дорогому В.В.Пундани на добрую память. А.Преображенский!». К сожалению, это была его последняя прижизненная работа.

А.А.Чернобаев, автор-составитель двухтомного биобиблиографического словаря «Историки России XX века» (издан в Саратове в 2005 г.), подписал мне автографом: «Уважаемому В.В.Пундани с самыми добрыми пожеланиями». А.А.Чернобаев - главный редактор журнала «Исторический архив».

Находившийся в отпуске на родной земле В.В.Черепанов подарил мне фундаментальную монографию «Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне» (увидела свет в московском издательстве «Известия»). Автограф к книге следующий: «Глубокоуважаемому земляку - профессору Пундани Валерию с наилучшими пожеланиями от автора - В.Черепанова. Июль 2006 г.».

Завершая тему автографов от людей, делающих и делавших большую науку, отмечу ещё раз А.А.Кондрашенкова, проработавшего в КГПИ 14 лет, в том числе 13 лет его ректором. Он был моим научным руководителем по кандидатской и научным консультантом по докторской диссертациям. 36 лет продолжалось моё творческое, духовное содружество с этим замечательным человеком.

Работая 20 лет ректором СГПУ, а с 1988 по 2005 гг. - просто профессором этого вуза (умер 10 сентября 2005 г. на 91-м году жизни), практически на протяжении всего этого времени присылал мне в Курган свои работы с автографами.

Одна из статей А.А.Кондрашенкова «Заселение и экономическое освоение Зауралья русскими крестьянами в XVII - первой половине XIX вв.» была написана им в соавторстве со мной и опубликована в «Материалах научной конференции, посвященной 25-летию Смоленского проблемного объединения по истории сельского хозяйства и крестьянства Западного региона РФ 15-16 марта 1995 г.» (изданы в Смоленске).

Последний автограф моего мудрого учителя был следующим: «Дорогому Валерию Владимировичу с добрыми пожеланиями здоровья, творческого долголетия!».

Свидетелями многолетней творческой дружбы с краеведами-зауральцами являются находящиеся в моей библиотеке книги с их надписями. Это труды В.П.Бирюкова, С.В.Плотникова, Л.А.Астафьевой, М.М.Мозина, Л.П.Осинцева, С.В.Борисова, А.М.Бритвина, А.А.Пашкова, Ю.П.Агафонова, А.С.Севастьянова, С.Е.Золотых, А.М.Васильевой, Э.А.Самсоновой, В.В.Усманова, Г.П.Устюжанина, В.Т.Серкова, В.С.Чернышёв, Г.М.Плеханов, Н.А.Аксёнова.

Содержание их автографов многомерно и оригинально. Отмечу лишь две надписи, имеющиеся в книге «Забытый Курган», А.М.Васильевой и директора Курганского областного краеведческого музея Э.А.Самсоновой. Первая: «Уважаемому Валерию Владимировичу с искренним чувством благодарности за активную помощь в издании книги». Вторая: «Другу музея, благодаря которому эта книга увидела свет, с любовью и благодарностью».

Завершая поднятую тему, отмечу следующее. Достаточно широка география автографов, хранящих память о людях, их подаривших, знаменующих очень многое. Это тёплые, искренние, родственные, крепкие, прочные, надёжные, дружеские, творческие, научные, духовные нити, связывающие нас. Это люди, живущие и жившие на Курганской земле, в Кургане, Шадринске, Юргамыше, Далматово, Макушино, станице Звериноголовской, в Челябинске, Миассе, Екатеринбурге, Оренбурге, Уфе, Перми, Тюмени, Сургуте, Ханты-Мансийске, Нижневартовске, Омске, Томске, Новосибирске, Барнауле, Красноярске, Вологде, Самаре, Чернигове, Смоленске, Москве.

Со всеми дарящими, присылающими своё творение - публикацию с автографом, мы становимся ближе, открытее, делаем одно большое, доброе дело, углубляемся в историю нашей большой и малой Родины, находим новые страницы своих, нередко трагичных родословий! Уверенно держим руку на пульсе научных и краеведческих поисков, сотрудничаем!

Л.Е. Добрейцина
Уральский государственный университет,
г. Екатеринбург

ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ: СИСТЕМА СВЯЗЕЙ И ОТНОШЕНИЙ КАК ОСНОВА РЕГИОНАЛИСТИКИ

На рубеже XX-XXI веков интерес к проблемам культуры регионов в отечественной науке оказался чрезвычайно высок. Причины этого многообразны. Это и общая демократизация всех сфер жизни, в том числе и культуры, поощрение инициативы «снизу» в 1990-е годы; и открытие новых, неосвоенных в советское время источников, и вследствие этого появление новых тем исследования; и, наконец, общемировые тенденции глобализации, вызвавшие потребность в защите региональных особенностей, в сохранении культурного разнообразия. Всему этому мы обязаны появлением особой отрасли культурологии – регионалистики, которая в наши дни активно заявляет о себе. Как для любой становящейся науки, для нее характерен целый ряд проблем. На некоторых из них нам и хотелось бы заострить внимание.

Ключевым для этой науки является понятие региона, вытеснившее слишком спорный термин «провинция», что отчасти справедливо, так как за долгий период ис-

пользования в бытовом языке и в языке власти этот термин приобрел оценочно негативную окраску. И все же говоря о регионах, как правило, имеют в виду провинциальные регионы, так как регион концентрации столичной культуры подразумевается само собой разумеющимся объектом изучения. А вот право провинциальных регионов на изучение, на наличие чего-то ценного как будто еще требуется доказать. Таким образом, одной из проблем регионалистики является сам факт ее существования: научная несомненность и одновременно обывательская сомнительность предмета.

Серьезная проблема практически любой становящейся науки – некоторая терминологическая нечеткость. Понятие «регион» заимствовано из политической географии, и до сих пор требуются уточнения для того, чтобы превратить его в полноценную культурологическую категорию. Можно ли считать понятия региона, провинции, периферии синонимами? Очевидно, нет, хотя часто они используются именно так, в том числе и в научных текстах. Наконец, необходимым антонимом к провинции является понятие столицы. Все эти понятия требуют уточнения. В целом все многообразие значений можно свести к трем основным трактовкам: территориально-географической, культурно-географической и ценностной.

Первая четко определяет столицу как административный центр, а провинцию – как все, что этим центром не является. Однако это объяснение относится скорее к сфере политической географии и не может считаться исчерпывающим для культурологии. Более культурологично, на наш взгляд, говорить не о столице, а о «культурном центре» или просто «центре», так как ясно, что столица как место резиденции власти и столица как центр культуры, как ее репрезентант далеко не всегда тождественны.

Ценностная трактовка больше характерна для бытового понимания и фиксирует значение центра как однозначно положительного места, а провинции – как чего-то косного, отсталого и бедного. Провинция в буквальном переводе с латинского – «то, что должно быть завоевано», «завоеванная территория». Словарь Брокгауза-Ефрона дает именно такие значения: «…3). Вражеская область, которая назначается полководцу как театр военных действий 4). Внеиталийское владение, население которого обращено в римское подданство, вносит подати и подчиняется римскому наместнику» (7). То есть это не просто территория, удаленная от другой территории – столицы, это территория, удаленная от магистральных рубежей развития культуры, от новейших достижений, она по отношению к столице является как бы вчерашним днем. Это широко распространенное в массовом (и не только) сознании ценностное определение провинции фиксируют многие словари советского времени. В частности, в словаре С.И. Ожегова слово «провинциальный» прямо объясняется как «отсталый, наивный и простоватый» (2, 604). Оценочное понимание столицы и провинции особенно характерно для авторитарных культур: «постепенно возникавшая иерархия людей накладывалась на постепенно возникавшую иерархию пространств, в результате чего «хорошие» с точки зрения культуры (авторитарной культуры) люди оказывались ближе к Москве или даже к центру Москвы, а «плохие» занимали периферию» (3, 109).

Разумеется, для целей регионалистики такое определение не подходит. Не случайно почти во всех словарях, где дается подобная трактовка, она отмечается ремарками «разг.», «перен.», то есть не рассматривается как нечто, имеющее объективную значимость. Быть может, негативные ассоциации, связанные со словом «провинция», действительно мешают его научному употреблению, и имеет смысл отказаться от него в пользу термина «периферия», которое воспринимается нами безоценочно – просто как «нецентральная территория».

Значительно более интересна культурно-географическая трактовка понятий. Центр и периферия в этом случае понимаются как две полноправные составляющие общенациональной культуры, отличные друг от друга и находящиеся в состоянии диалога. «Образ центра – один из фундаментальных символов человечества. Это символ начала, абсолютной реальности, места конденсации и сосуществования противоположных сил, наиболее концентрированной энергии... Это символ творческой силы и конца всех вещей» (4, 326). А провинция в этом случае трактуется как «…3. Местность, находящаяся вдали от столицы или крупных культурных центров, вообще – территория страны в отличие от столицы» (5, 902). Здесь удачно применено слово «в отличие», которое характеризует провинцию как нечто самостоятельное в духовном отношении, какую-то иную культуру, с которой необходим диалог. Тогда понятие «регион» должно обозначать просто некую территорию, характеризующуюся общими природно-географическими и историко-культурными особенностями. Центральность либо периферийность региона – его конкретно-ситуативная характеристика, а не объективно присущая ему как понятию составляющая.

Очевидно, что при изучении культуры региона необходимо учитывать его центральное или периферийное положение в общенациональной культуре, а также степень удаленности периферийных регионов от центральных. При этом большая удаленность от центра вовсе не обязательно будет автоматически означать большую отсталость, а, скорее всего, большую самобытность, оригинальность и, возможно, даже наличие многих качеств центра. Разумеется, иерархия культурного пространства четче выражена в культурах авторитарных, но это не означает ее отсутствия в культурах демократических. Деление на центр и периферию изначально присуще культурному пространству и имеет под собой вполне объективные основания, которые можно и нужно выявлять в процессе изучения региона.

Для периферии характерна большая специализированность, утилитарность (регионы промышленные, курортные, портовые, сельскохозяйственные), в то время как центр – это все богатство разнообразия культурной самореализации, пространство выбора. Не случайно по отношению к периферии употребляются слова «житница», «кузница», «кладовая», «опорный край державы» и т.п., а в столице России находится «выставка достижений народного хозяйства».

Не случайны столь частые в истории смены столиц при смене культурных парадигм развития. Они были обусловлены причинами не только политического, но и семиотического порядка: новизна культуры требовала и нового центра ее осуществления (таковы были действия египетского фараона Эхнатона, императора Карла Великого, киевского князя Святослава, Петра I, В.И. Ленина). Причем порой элемент новизны еще усиливался постройкой совершенно нового города, как правило, на окраине привычного старого мира, так что переносилась не только столица, но перестраивалась вся пространственная организация культуры. Периферия могла приобрести статус центра, хотя бы местного, и в результате действий людей, представлявших собой оппозицию существующему укладу и типу культуры. Таковы, например, некоторые города Урала, которые в годы зарождения капитализма в России превратились в столицы почти автономных маленьких государств-вотчин (Невьянск, затем Нижний Тагил Демидовых, Усолье Строгановых). Таков был

Магадан – столица «государства в государстве» – ГУЛАГа.

Таким образом, центр – это «пространство возможностей», а периферия – место ограниченного выбора. Окраины традиционно связываются с работой, делом, в то время как центр – с праздностью, развлечениями. Именно труд провинции обеспечивает великолепие центра. Житель провинции является в центр в свободное от работы время, чтобы потратить там заработанные деньги и приобщиться к оживлению, повышенному ритму существования. Центр – репрезентант культуры всего региона, своего рода его символ. «Город как замкнутое пространство может находиться в двояком отношении к окружающей его Земле: он может быть не только изоморфен государству, но олицетворять его, быть им в некотором идеальном смысле (так Рим-город вместе с тем и Рим-мир), но он может быть и его антитезой. Urbis и orbis terrarum могут восприниматься как две враждебные сущности... В случае, когда город относится к окружающему миру как храм, стоящий в центре города к нему самому, то есть когда он является идеализированной моделью вселенной, он, как правило, расположен в центре Земли. Вернее, где бы он ни был расположен, ему приписывается центральное положение, он считается центром. Иерусалим, Рим, Москва в разных текстах выступают именно как центры некоторых миров» (1, 320).

В центре отдельные явления региональной культуры испытываются на прочность: приобретают своего рода огранку и пускаются в оборот либо теряются и гибнут. На периферии идет черновая работа, оттуда поставляется сырье, там черпаются идеи. В то же время провинция хранит наследие прошлого либо закладывает фундамент для будущего, а столица воплощает в себе все многообразие настоящего. «Высокая привлекательность (промышленного города) в первые два десятилетия, пока город строится и существует скорее в мечтах и ожиданиях, сменяется через 40 лет резким спадом привлекательности реально построенных городов. Основные доминанты в привлекательности такого типа городов – ценность «новизны», нового образа жизни, романтика становления и преодоления, эффект собственного участия – город строится «на наших глазах» и «нашими руками»... Через 40 лет горожане ощущают, что живут в городах несбывшейся мечты» (6, 46).

Дихотомия «центр-периферия» является одной из важнейших для понимания особенностей развития культуры как региональной, так и общенациональной. Сложность заключается в том, что понятие центра архетипично, и выделять центр можно бесконечно. Любой регион имеет свой центр и свою периферию, поэтому любую точку пространства, отмеченную человеческой деятельностью, необходимо рассматривать как бы в трех плоскостях: как саморазвивающуюся систему, как провинцию, испытывающую влияние со стороны некоего центра, и как центр, к которому тяготеют свои собственные провинции.

Один из важнейших постулатов регионалистики – уверенность в самоценности любого периферийного региона, в наличии у него собственных законов функционирования и развития, творческого потенциала. Однако при изучении этих особенностей нельзя не учитывать фактор многочисленных влияний извне, без которого также невозможно было бы никакое развитие. Эти влияния проникают как по вертикали, так и по горизонтали. Вертикаль проникновения зеркальна: сверху, из центра и снизу, из собственных провинций. Этот тип взаимодействия, как правило, агрессивный: регион выступает либо в качестве жертвы, которой что-то навязывается силой, либо в качестве агрессора, который сам что-то присваивает, отбирает или диктует. Причем эта агрессия не обязательно будет буквальной. Бьющая в глаза привлекательность центра, разнообразие предлагаемых им возможностей, соблазны действуют не менее эффективно, чем прямые приказы. По горизонтали регион несвободен от проникновения влияний со стороны соседей. Таким образом, можно сказать, что любая точка пространства, освоенная людьми, – это перекресток различных культурных влияний и заимствований. Изучение источников этих влияний, а также процессов преобразования чужого в свое является, наверное, самым сложным, но при этом абсолютно необходимым элементом любого регионоведческого исследования.

Наконец, практическая значимость регионалистики видится сейчас в сохранении культурного наследия и проектировании дальнейшего развития региона в соответствии с его собственными традициями, которые, возможно, были отчасти забыты и теперь подлежат восстановлению. И опять же при всей очевидной правильности этого утверждения сохраняются некоторые сомнения. Традиция – уже не традиция, если она требует восстановления. Любая реконструкция будет искусственной и, следовательно, вряд ли жизнеспособной. Традиции и артефакты, безусловно, подлежат изучению. Но именно как часть прошлого, как намек на возможное будущее, может быть, как предостережение, а не как прямое руководство к действию. Примерами могут служить так популярные сейчас в Европе и России этнографические музеи, всевозможные заповедники, сам статус которых говорит о том, что перед нами нечто отличное от реальной живой жизни. Быть может, далеко не все традиции следует сохранять и развивать. Например, едва ли перспективным на сегодняшний день является развитие Урала как исключительно горнопромышленного региона, носителя культуры городов-заводов, не отвечающих современным тенденциям ни в промышленности, ни в экономике, ни в экологии, ни в духовной культуре.

Мы обозначили, безусловно, не все существующие проблемы и спорные моменты, но лишь те, которые показались наиболее важными. В их решении, возможно, заложены дальнейшие перспективы развития регионалистики.

Примечания

1. *Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: «Искусство–СПБ», 2000.*
2. *Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989.*
3. *Паперный В. З. Культура 2. М.: Новый литературный обзор, 1996.*
4. *Семиотика пространства: Сборник научных трудов / Под ред. А. А. Барабанова. Екатеринбург: Архитектон, 1999.*
5. *Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Рус. словари, 1994 . Т. 3.*
6. *Человек и город: пространства, формы, смысл: Материалы Международного конгресса Международной ассоциации семиотики пространства (Санкт-Петербург, 27-30 июля 1995 г.): В 2 т. Т. 2. Екатеринбург: Архитектон, 1998.*
7. *Энциклопедический словарь – Репринтное воспроизведение издания Ф. А. Брокгауз - И. А. Ефрон, 1890. М.: Изд. центр «Терра», 1990. Т. 49.*

С.В. Рыбаков
Уральский государственный технический университет, г. Екатеринбург

РЕГИОНАЛИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПАРАМЕТРЫ

Сегодня многим российским политикам, экономистам, обществоведам вполне понятно, что при выборе путей и средств модернизации России необходимо учитывать специфические особенности страны, являющиеся продуктом реальных исторических процессов, и владеть конкретными знаниями во многих практических сферах. В этих условиях насущной необходимостью становится качественное обновление научно-познавательного инструментария. Перед наукой вырисовывается задача вплотную заняться проблемами российской социокультурной идентификации, дать полноценный «цивилизационный портрет» России. Эта задача полностью соответствует главному назначению науки, связанному с выработкой адекватных знаний о действительности, со стремлением к логичному и непротиворечивому пониманию окружающего мира. Излишне доказывать, что выполнение такой задачи должно быть свободно от разного рода конъюнктурных влияний, должно опираться на весь спектр как новационных, так и традиционных средств.

Одним из феноменов современной науки, возникшим на стыке методического новаторства и практического традиционализма, явилась регионалистика. В российском научном сообществе наблюдается устойчивый рост внимания к ней. Главной задачей этого достаточно молодого для нашей страны научного направления стало комплексное и системное изучение регионов. В данном случае под регионами понимаются не административно-территориальные образования в виде областей, краёв и национальных автономий, а особые историко-культурные зоны – территориальные комплексы, рассматриваемые в исторически стабильных географических границах с учётом многовековых изменений состава населения, его этносоциальных и культурно-языковых характеристик, хозяйственного уклада, политического строя и мировоззренческих предпочтений.

Термин «историко-культурные зоны» призван подчеркнуть как историческую динамику, так и типологическую спецификацию того или иного региона. Регионалистика никоим образом не сводится к статическим характеристикам отдельных территорий. Её назначение связано с изучением, фиксацией и оценочным анализом основных парадигм регионального развития. Тематика регионалистики методологически «вписана» в исторический контекст. С этой точки зрения одной из её доминантных особенностей как научно-исследовательской отрасли оказывается принципиальная зависимость от теоретического и методического инструментария, используемого исторической наукой. Регионалистике присуще смысловое взаимодействие с историей. Нередко регионалистика и воспринимается как региональная история или социокультурная история того или иного региона.

Однако её предметные границы определяются не только этим взаимодействием. Важнейшей характеристикой регионалистики является её синтезная взаимосвязь с такими научными дисциплинами, как краеведение, археология, антропология, этнография, религиоведение, политология, социология, лингвистика, демография, статистика, экономическая география, экология. Отсюда ясно, что познавательный потенциал регионалистики базируется на суммарных результатах исследований в разных отраслях гуманитарного и обществоведческого знания. Регионалистика наглядно отразила системный подход к научным исследованиям, к получению полезных, практически применимых знаний. Она нацелена на то, чтобы стать макродисциплиной, выполняющей интеграционную функцию и базирующейся на обобщении и синтезе, на придании общезначимого масштаба результатам «узкопрофильных» исследований.

Та научная картина, которую призвана представить регионалистика, оказывается результатом корректного и сбалансированного совмещения исследовательских данных, которыми оперирует каждая из отдельных научных дисциплин, взаимодействующих с ней. В такой картине находят место и этногенез, и социально-демографические процессы, и процесс антропологического воздействия на ландшафтную сферу. Алгоритм совмещения этих процессов производится посредством использования категории «топохрон», раскрываемой как культурный тип с характерной, архетипической социально-поведенческой ментальностью, тесно увязанной с координатами времени и пространства. Семантически родственным «топохрону» является термин «хронотоп», понимаемый как устойчивый стереотип поведения в пространственных и хронологических координатах.

Концептуальные установки регионалистики основываются на том, что задача адекватного отражения действительности не может быть полноценно реализована на том методологическом поле, где абсолютизируется либо социологическое, либо биологическое начало человеческой природы. Современный подход к антропологии не разводит и не противопоставляет индивидуальные и социальные характеристики человека, рассматривая их как компоненты двуединой природы. Одновременно этот подход признаёт отсутствие жёсткого равновесия между этими характеристиками и наличие таких инвариантов человеческого поведения, в которых отражаются определённые диспропорции между индивидуальным и социальным началами. Эти диспропорции объясняются усложнением культурно-цивилизационной деятельности внутри людского сообщества.

Концептуально-теоретические параметры регионалистики требуют дополнительной «шлифовки». Но уже сейчас очевидно: они тесно связаны с антропологическим фактором. Человек, его обязательства, права, потребности, психология – вот что находится в подтексте регионалистских исследований. Не последнее место в этих исследованиях занимает проблема соотношения новаторства и традиций.

Регионалистика не занимается новациями как таковыми, они интересуют её только с точки зрения взаимодействия с определёнными хронотопами. Очевидно, что предметность регионалистики намного теснее связана с традициями, нежели с новациями. Научно-прикладной вектор регионалистики направлен на достижение конкретных, прагматических результатов. Такого рода прагматика не может быть понята вне традиционализма, вне устойчивых, проверенных вековой практикой ментальных ценностей. Традиционализм является концептуальным ядром регионалистики. Хронотопы – это и есть комплекс определённых традиций, сумма эндогенных факторов. Отвергая механические шаблоны, регионалистика ищет дополнительные, нераскрытые пока резервы развития тех или иных историко-культурных зон именно в сфере действия эндогенных факторов, за которыми скрыт немалый ментальный, культурный, хозяйственный опыт, когда-то задействованный, но в большинстве случаев оказавшийся дезавуированным под унифицирующим воздействием повсеместно насаждавшихся доктринальных схем.

Отношение к традициям должно быть не начётническим, а творческим. Следует отделять традиции от замшелой архаики и понимать, что главное смысловое назначение традиций – не консервация существующего порядка вещей, а реализация принципов, в народном сознании выраженных формулами «не навреди», «семь раз отмерь – один раз отрежь». Традиции предостерегают против такого недостатка, присущего части нынешнего обществоведения, как отрыв от человеческого фактора. За таким отрывом кроются крупные теоретические пороки, связанные с представлениями о фатальной зависимости человека и общества от социологических закономерностей, существующих будто бы в автономном режиме и превращающих людей в своих заложников, чаще всего безличных и безликих.

Разумеется, не существует никаких противопоказаний для создания теоретических моделей истории и общества. В процессе познания полностью обойтись без теоретических построений нельзя. Но они ничего не решают, если отделены от ценностных ориентиров, от этики и морали. Восстановление чётких нравственных критериев по сути дела означает реабилитацию проверенных временем этических традиций, векового духовного опыта.

В некоторых теоретических схемах слово «традиция» отождествляется с некой формальной, статичной истиной. Но традиция – это отнюдь не «мёртвая» статика. В реальной практике каждой эпохи традиция находит для своего самовыражения специфические пути и средства. Они могут быть замысловатыми и причудливыми, но это не отменяет традиции как таковой. Она всегда присутствует в историческом бытии, наиболее наглядно проявляясь в сохранении культурно-исторической идентичности и самостоятельности той или иной страны, того или иного народа. Традиция выполняет функцию определённой познавательной установки, благодаря которой народ, национальная культура, та или иная цивилизация становятся исторической реальностью, остаются собой, несмотря на изменения, претерпеваемые ими во времени. Утрата традиции означает исчезновение народа, культуры, цивилизации. Невозможно «отменить» познавательный потенциал традиции, связанный с использованием накопленного за века богатства человеческой мысли.

Традиция выражает связь между поколениями, нормы и особенности, присущие сознанию людей, принадлежащих к одной цивилизационной, этно- и социокультурной общности. Традиция не навязывает формальных истин, но при этом раскрывает внутреннюю достоверность тех или иных ментальных ценностей, обеспечивает устойчивость культуры, противостоит хаосу в умах и душах людей. Только в искажённом сознании устойчивость может отождествляться с некой архаичностью. Традиция – вовсе не архаика, её главное назначение сводится не к консервации прошлого, а к обеспечению единства между прошлым, настоящим и будущим.

Исследование историко-культурных зон нацелено на построение логико-смысловой конструкции, в которой топохроны выступают элементами единой культурно-коммуникативной сети. Проникновение в мир каждого топохрона выражает диалог разновременных культур. В этом диалоге регионалистика казалось бы берёт на себя функции, органично присущие, с одной стороны, историографии, с другой – культурологии. Однако применительно к регионалистике «диалогическая» функция приобретает новую смысловую окраску, ибо она направлена не на поиск общих, универсальных, обобщённых закономерностей «диалога культур», а на выявление его деталей, подробностей, локальных особенностей в рамках той или иной историко-культурной зоны. С точки зрения регионалистики планетарная панорама культурно-исторического процесса выстраивается как мозаичное единство отдельных, отличающихся друг от друга, но достаточно конкретных и определённых историко-региональных феноменов – топохронов, запечатлённых в непрерывной динамике.

Точно также и культурно-историческая характеристика России в ракурсе регионалистики предстаёт не как некая шаблонная, механическая целостность, а как живое собрание самобытных подробностей, как «единство в многообразии». Культурно-историческое развитие огромной по территории и полиэтничной России никогда не подчинялось единой, шаблонной схеме. Россия – это историко-культурный континент, на котором происходило и продолжает происходить общение и творческое взаимодействие субэтносов и субкультур. Территориальное, политическое, социокультурное единство России ни в коей мере не противоречит наличию в ней историко-культурных зон, среди которых легко выделить такие, как Северо-Западная Русь (Новгородская, Псковская, Ленинградская области), Русский Север (Беломорско-Ледовитый бассейн), Средняя Россия (Волго-Окское междуречье), Южная Русь (Азовско-Черноморский бассейн), Северный Кавказ, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток.

Наличие историко-культурных зон внутри России – реальность, обусловленная историей вхождения разных земель в состав единого государства, ландшафтно-климатическими условиями, культурно-этническими различиями, хозяйственной специализацией и многими иными факторами. Признание такой реальности не несёт угрозы государственно-политическому единству России. Напротив, оно позволяет двигаться к прочному единству страны, оставаясь на практической почве, не уносясь в абстрактно-теоретические выси.

Залогом успешности регионалистских исследований является понимание того, что они не должны сводиться только к материально-экономическим факторам. Их предметность связана с духовно-этической и эстетической сторонами культурно-исторического бытия. Внимание ко всему спектру аксиологической тематики поможет регионалистике выйти на решение такой задачи, как перспективное теоретическое и практическое моделирование развития разных регионов Российской Федерации. В идеальном варианте такое моделирование должно стать частью долгосрочных государственных стратегических программ, нацеленных на обеспечение благоприятных исторических перспектив России как «единства в многообразии».

Было бы ошибкой замыкать исследовательские интересы регионалистики только рамками отдельных регионов, их сугубо внутренними вопросами. Её актуальной задачей становится теоретическая разработка проблемы взаимодействия регионов и формулирование практических рекомендаций для административных органов. Эти рекомендации должны быть нацелены на значительное повышение эффективности межрегионального взаимодействия.

Квалифицированное обобщение научных данных, предоставляемых регионалистикой, служит резервом для совершенствования работы центрального правительства, постоянной заботой которого является проблема неравномерного развития разных регионов. Разрывы в развитии между ними приводят к заметной дифференциации уровней жизнеобеспечения и благосостояния населения, когда простая «привязка» к регионально-географическому фактору означает в одних случаях вполне приличный уровень материальной обеспеченности людей, в других – откровенную бедность. Попытки центра ликви-

дировать эти разрывы чаще всего осуществляются за счёт перераспределения финансовых средств между регионами-донорами и регионами-реципиентами. Но непосредственная практика показывает, что все финансовые бреши экономически слабых регионов закрыть всё равно не удаётся. Поэтому проблему отстающих регионов нужно решать не за счёт льготных кредитов, бюджетных дотаций и других «подачек» из центра, а за счёт их экономической и культурной самореализации. Главным тормозом такой самореализации следует признать унифицирующие шаблоны, упрощённо понимаемую директивность, безразличие к особым, специфическим чертам и характеристикам разных историко-культурных зон. Стратегические перспективы страны не в последнюю очередь зависят и от того, удастся ли переломить иждивенческую психологию в дотационных регионах и верно определить эндогенные стимулы для динамичного развития каждого из этих регионов.

Регионалистика, занимаясь изучением специфики отдельных историко-культурных зон, способна дать обобщённый социально-экономический и культурно-ментальный «портрет» каждой из них. Точность такого «портрета» не может быть полной, во-первых, без учёта «топохронных» настроений людей, проживающих в том или ином регионе, во-вторых, без детального каталога внутрирегиональных резервов и потенциальных возможностей. С этих позиций регионалистика призвана помочь повышению социально-экономических стандартов жизни народа. Оно является главной прикладной задачей, выполняемой регионалистикой. Её исследовательские данные могут и должны послужить практической базой для разработки и внедрения программ социально-экономического и культурного развития регионов-реципиентов. Как известно, к таким регионам относится более половины субъектов Российской Федерации. Свою роль в их развитии могло бы сыграть наращивание интеграционных, кооперационных связей между регионами, входящими в общую для них историко-культурную зону.

Пути и средства проведения эффективной региональной политики в нынешней России определены только контурно. На сегодняшний день, говоря в целом, региональная проблематика изучена слабо. Центру ещё предстоит осознать, что нужно не остерегаться дифференцированной региональной политики, а использовать её как необходимый рычаг решения важных стратегических задач. Россия нуждается в принципиально новой концепции развития регионов, направленной на решение двуединой задачи – сохранения территориальной и политической целостности страны и преодоления её хозяйственной фрагментации за счёт максимального использования внутренних потенциалов всех без исключения регионов. В формировании этой новой концепции своё веское слово должна сказать регионалистика – комплексная наука, которую ожидают большие перспективы.

СЕКЦИЯ 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Т.И. Оконникова
Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ В ТРУДАХ А.В. ШМИДТА

Алексей Викторович Шмидт (1894-1935) – ведущий специалист в области уральской археологии 1920-х – первой половины 1930-х гг. Этот период в истории отечественной археологии известен как переломный, что стало следствием прямого вмешательства государства в сферы научной компетенции. Основным содержанием первых послереволюционных десятилетий стало внедрение (с конца 1920-х гг. ставшее насильственным) марксистской теории в археологические исследования. Сложный и противоречивый характер эпохи в полной мере сказался на научном творчестве А.В. Шмидта. Если его «ранние» (1920-х гг.) труды по различным проблемам уральской археологии реализовывали, прежде всего, культурно-исторические методологические установки (2; 3; 4), то «поздние» (первой половины 1930-х гг.) работы подчинены задачам реконструкции социально-экономических структур древних обществ (5; 6; 7; 8). Не акцентируя в настоящей статье внимания на трудностях психологического плана, которые пришлось испытать Алексею Викторовичу на пути вынужденной «перестройки сознания на марксистские рельсы», отметим, что его «поздние» труды отличаются стремлением выстроить строго научную методологию реконструкции различных сторон жизнедеятельности древних обществ, основанную на марксистской социологической теории.

Наибольший интерес в плане разработки методологических принципов реконструкции структур идеологического («надстроечного») порядка на основе археологических материалов представляет работа А.В. Шмидта «Жертвенные места Камско-Уральского края» (5), основной целью которой стало решение проблемы воссоздания жертвенного обряда верхнекамского общества гляденовского периода (А.В. Шмидт датировал его II в. до н.э. – III в. н.э.), уже с последней четверти XIX в. известного оригинальными памятниками - «костищами».

В качестве ключевой методологической посылки при решении подобного типа задач на основе марксистских установок автор рассматривал необходимость привлечения всего комплекса имеющихся источников: археологических, письменных, этнографических, лингвистических. В указанной работе автор опирался, главным образом, на археологические и этнографические данные.

Следующим шагом А.В. Шмидта стали разработка и обоснование принципов корректного использования этнографических параллелей при истолковании археологических источников. Он считал, что привлекаемые этнографические сведения должны принадлежать народу, который стадиально близок ископаемому человеческому обществу. Важная роль отводилась и фактору сход-

ства природных условий, в которых проживали сравниваемые общества (5,6).

Главным критерием стадиальной близости является, по А.В. Шмидту, сходство способа производства. «Если окажется, что речь идет об обществах различного способа производства, то сравнение надстроечных явлений должно быть отброшено, хотя бы к этому манили отдельные случайные совпадения. Следовательно, сравнение явлений первобытного общества с явлениями из обществ, основанных на античном или феодальном или какомлибо ином способе производства, является методически неправильным» (5,11).

Но автор развивает эту посылку и дальше: «…сравнение обществ по одному только способу производства для нас недостаточно… Нам необходимо сравнить базисную сторону общества, их производительные силы, в частности ведущие производства, роль и характер торгового обмена, общественно-экономическую структуру и обусловленное производственными отношениями общественное расслоение. Только проделав такую работу и убедившись в возможности сближать основания общественного процесса сравниваемых обществ, мы можем подойти к явлениям надстроечного порядка» (5,11-12).

Реконструируя базис гляденовского общества в соответствии с вышеприведенной схемой, А.В. Шмидт пришел к следующим заключениям: «Руководящими производствами гляденовского общества следует считать скотоводство и… земледелие. Наряду с ними играли роль, и не малозначительную, рыболовство и охота. Основными орудиями труда являлись железные орудия …Пережиточно продолжают существовать и костяные» (5,16). Основными методами хозяйственных реконструкций стали прямые реконструкции по орудиям труда, анализ остеологического материала, анализ данных о климатических условиях. Нахождение предметов импорта (прежде всего, большого количества бус восточно-средиземноморского происхождения, индийских монет и т.д.), логические заключения о развитой пушной охоте определили выводы автора о существовании товарного обмена с другими обществами, предметом экспорта в котором выступали меха.

В части выводов о производственных отношениях автор выдвигал следующие соображения: «Производительные силы гляденовского общества были достаточно развиты, чтобы давать производителям известное прибавочное время. Тем самым создавалась возможность получения прибавочного продукта. Наличие последнего доказывается существованием товарного обмена с другими обществами» (5,16). В целом А.В. Шмидт определил гляденовское общество как «общество первобытное», конкретнее - как «один из высших типов первобытной общины» (5,16), в котором существовали не только разделение труда (5,14-15), но и «известное экономическое расслоение общества» (5,15).

Придерживаясь выдвинутых методологических принципов, А.В. Шмидт пришел к выводу об относительной близости базиса гляденовского общества с базисом современных угорского (прежде всего, вогул и остяков) и самодийского («самоедского») обществ, которые, по словам автора, уже в большей степени затронуты влиянием «капиталистического окружения», но в целом сохраняют архаичный облик. Сходство подтверждалось фактором близости природных условий, в которых проживали древние гляденовцы и современные угры и самодийцы. Таким образом, по заключению автора, имелись все основания предполагать сходство и в надстроечных структурах рассматриваемых обществ (5,18).

Сравнение древних костищ Пермского края со святилищами угров и «самоедов», известных автору по этнографическим описаниям XVIII – начала XX вв., стало основанием для интерпретации первых как жертвенных мест.

Рассуждая о генезисе характерного жертвенного обряда, исследователь указывал, что в предшествующее гляденовскому время хотя и были места жертвоприношений, они не были столь «богатыми», не предполагали кровавых жертв. Он выделил круг «социально-экономических условий», определивших возникновение этого явления: «В области производительных сил: руководящая хозяйственная роль сопровождающегося регулярным получением достаточно высокого прибавочного продукта земледелия или скотоводства (оленеводства), или, в некоторых случаях, рыболовства; массовое употребление в общественном производстве железных орудий.

В области общественно-экономической структуры: разлагающаяся общинная (родовая) организация общественного производства, известная степень товарности хозяйства (воздействие чужого торгового капитала), не доведшая еще до полного разложения архаической формации и до возникновения новой, “в общих чертах более прогрессивной” формации, развитие экономического неравенства, не сломившего еще “первобытно-коммунистических форм общины” (5,30).

Эти условия, по мнению исследователя, вызвали возникновение таких явлений «надстроечного» порядка, как «рост культового значения священных мест; эти священные места становятся местами жертвоприношений кровавых и вещных; в жертву приносятся различные домашние животные; среди вещных приношений обращают на себя внимание монеты, бусы, одежда, некоторые виды украшений (бляхи), шкуры часто ценного пушного зверя, словом – предметы товарного значения или (как стрелы) средства их добывания; объектами поклонения и “получателями” даров и жертв являются вырезанные из дерева идолы или священные деревья, иногда камни и скалы; храмовых сооружений еще нет, культовые объекты, а очень часто приношения остаются под открытым небом» (5,30).

Такова в общих чертах реконструированная А.В. Шмидтом картина генезиса жертвенного обряда гляденовского общества и его основных характеристик. Ее методологическим фундаментом стала марксистская социологическая концепция, основными источниками – археологические и этнографические материалы. В работе также имеется и небольшой раздел, в котором осуществлена попытка доказательства взаимосвязи описанных базисных и надстроечных явлений путем лингвистического анализа на основе теории Марра (5,33-36), но его в силу лишь иллюстративного характера можно расценивать не более чем как дань времени.

С содержательной точки зрения разобранный сюжет сегодня интересен скорее как историографический факт, поскольку ряд выдвинутых А.В. Шмидтом положений не выдержал испытания временем (см.: 1,105-112). Очевидна и явная схематичность выстроенной автором концепции, что стало отражением сложившейся в советской археологии рубежа 1920-1930-х гг. атмосферы. Важно другое. Проведенный анализ дает представление о том, что А.В. Шмидт стал одним из немногих исследователей, всерьез поставивших перед собой задачу создания методологии реконструкции социально-экономических и идеологических структур ископаемых обществ на основе социологической схемы К. Маркса. Несмотря на вынужденность этого шага, А.В. Шмидт отнесся к реализации со свойственной ему научной добросовестностью. Осознание недостаточности археологических источников для воссоздания различных сторон жизнедеятельности древних обществ заставило его обратиться к разработке принципов междисциплинарного анализа. «Марксизм не может иметь две истории общества: одну – строящуюся на этнографических

материалах, другую – на археологических», – писал он в специальной работе, посвященной вопросам методологии и методики использования этнографических материалов в работах по истории материальной культуры (6,13). Там же он заметил: «Столь же и неприемлема третья теория, строившаяся индоевропеистами на основании только лингвистических данных» (6,13). Отодвинув в сторону пафос приведенных высказываний, обусловленный запросами эпохи, следует подчеркнуть, что А.В. Шмидту удалось внести существенный вклад в развитие методологии этноархеологических исследований.

Примечания

1. *Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.*
2. *Шмидт А.В. Туйский всадник // Записки коллегии востоковедов АН СССР. 1925. Т.1.*
3. *Шмидт А.В. Древний Восток и русский Север // Новый Восток. М., 1926. № 13-14.*
4. *Шмидт А.В. К вопросу о происхождении пермского звериного стиля // Сборник МАЭ. 1927. Т.IV.*
5. *Шмидт А.В. Жертвенные места Камско-Уральского края // ИГАИМК. Л., 1932.Т.XII. Вып. 1-2.*
6. *Шмидт А.В. Об использовании этнографических материалов в работах по истории материальной культуры // СГАИМК. 1932. № 1-2.*
7. *Шмидт А.В. О хронологии доклассового общества // ПИДО. 1933. № 1-2, 7-8.*
8. *Шмидт А.В. Очерки истории северо-востока Европы эпоху родового общества // ИГАИМК. 1934. Вып.106.*

Ю.Б. Сериков
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г. Нижний Тагил

ИЗДЕЛИЯ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА В ПАЛЕОЛИТЕ УРАЛА

Бивень мамонта наряду с костью и рогом в древности являлся ценным поделочным материалом. Изготавливали из него как орудия труда, так и произведения искусства и украшения. На палеолитических памятниках России известны наконечники копий и дротиков, клинки, кинжалы, мотыги, скребла, лощила, лопаточки, ложки, проколки, иголки, булавки, бусы, подвески, скульптурные изображения человека и животных, выполненные из бивня мамонта. Поражают воображение дротики и копья из бивня мамонта, найденные в двойном погребении подростков на Сунгирской палеолитической стоянке, возраст которой около 27 тысяч лет. При диаметре около 2,5 см их длина составляет 165 и 247 см (4, 69).

На Урале известно около 150 верхнепалеолитических памятников, чуть более 40 из них исследовано раскопками. В их комплексах известны и изделия из бивня мамонта.

Самой ранней находкой можно считать бивень мамонта с ритмическими насечками, найденный на местонахождении Мамонтова Курья (Республика Коми). Возраст бивня составляет 34 тыс. лет (9, 232). Обработка бивня мамонта отмечена еще на одном достаточно раннем памятнике, расположенном в нижнем течении р. Чусовой (Пермский край) – стоянке Заозерье. На ней найдены плоское острие из бивня, 11 фрагментов пластинок из бивня мамонта со следами резания и 2 обломка шлифованных изделий из бивня возрастом 31-33 тыс. лет (10, 15).

Все остальные изделия из бивня мамонта происходят с палеолитических памятников, культурные слои которых датируются в интервале от 19 до 12,5 тыс. лет назад.

Только один комплекс изделий из бивня найден на стоянке открытого типа – Гаринской, все остальные находки происходят из пещерных памятников.

Гаринская палеолитическая стоянка находится на берегу р. Сосьвы (Свердловская обл.). Культурный слой датируется 15-16,5 тыс. лет назад. Изделия из бивня мамонта представлены небольшой серией. Прежде всего, это пять отщепов, сколотых с бивней небольшого диаметра. Отщепы довольно стандартны по размерам, их ширина примерно в четыре раза превосходит длину: 3 х 12,5 см; 3,5 х 13,5 см; 2,5 х 13,5 см; 2,5 х 10,1 см; 2,1 х 8,8 см. Кроме этого, в коллекции присутствуют два куска бивня со следами обработки. Оба бивня имеют диаметр около 6 см. На одном из них присутствует один негатив от скола отщепа, на другом – два. Еще одно изделие – это выколотая пластина мамонта длиной 16,4 см, шириной 2,5 см и толщиной 0,7 см (14, 58).

Интересной находкой из этой серии является обломок бивня молодого мамонта диаметром 4,1 см и длиной 19,7 см. Концевой участок бивня сточен с одной стороны, а противоположная сторона обработана сколом. В результате скола образовалось симметричное в профиле лезвие рубящего орудия. На образованном лезвии присутствуют выкрошенность и микросколы от ударов. На вогнутой стороне бивня имеются насечки от ударов рубящим орудием. В обоих случаях насечки парные. Обе группы насечек патинированы. Это свидетельствует о том, что нанесены они по свежему бивню.

На боковой плоскости изделия (на стороне, обработанной сколом) четко просматривается участок с абразивной обработкой поверхности. Хорошо выраженные линейные следы покрывают патинированную поверхность бивня и в центральной части сработанного участка обнажают его внутренний слой. Размеры участка – 5,1 х 1,6 см. Он имеет вид вытянутого овала. Линейные следы очень четкие, но сглаженные. Идут примерно под углом 45° к продольной оси бивня. Следы располагаются слегка по дуге, к тому же они не все параллельны друг другу, есть и перекрещивающиеся под небольшим углом. Это свидетельствует о смене позиции в процессе работы. Очень интересным является то, что бивень использовался дважды, причем второй раз после значительного перерыва. Только после того, как он покрылся патиной, его использовали в качестве абразива.

Уникальное изделие из бивня мамонта найдено в гроте Безымянном на р. Пышме (Свердловская обл.). Оно представляет стилизованное изображение животного, выполненное в стиле плоской скульптуры. Длина фигурки 7, 9 см, толщина – всего 2 мм. Склеена из четырех фрагментов. Поверхность изделия тщательно отшлифована, боковые края заглажены. Тонкие ноги фигурки отломаны в древности. Но по их положению можно предположить, что скульптура изображает присевшего для прыжка хищника семейства кошачьих (?). Однако следует подчеркнуть, что сильная стилизация не позволяет достоверно определить вид животного. Среди ученых нет единого мнения даже в вопросе, что считать головой, а что хвостом. На Урале это пока единственная палеолитическая скульптура. В палеолите России (и бывшего СССР) аналогий ей не имеется. О.Н. Бадер в качестве аналогии приводит плоскую скульптуру льва со стоянки Павлов (Чехия) (1, 30-31). Автор видит определенное сходство и со скульптурным изображением хищника со стоянки Истуриц (Франция) (6, 433).

Вместе с фигуркой обнаружено еще два изделия из бивня мамонта. К сожалению, все они представлены обломками. Одно из них имеет прямоугольную форму, некоторую изогнутость и размеры: 2,5 х 1,3 х 0,5 см. Являлось, видимо, обломком браслета или диадемы. Он плос-

кий внутри и выпуклый снаружи. Поверхность тщательно зашлифована, но на торцевых сторонах сохранились следы пиления. Второе изделие представлено тремя обломками (несоединяющимися) тонкого, слегка уплощенного в сечении (3-5 мм) стержня. Возможно, эти фрагменты были частью игловидного наконечника стрелы (13, 60). Учитывая данные находки, а также другие костяные изделия, автор раскопок В.Т. Петрин считал, что такой набор артефактов абсолютно нетипичен для комплекса, связанного с обитанием, и высказал предположение о том, что эти предметы, возможно, являются остатками погребения (12, 84). Датируется комплекс временем около 19 тыс. лет назад.

Еще одна пещера (Шайтанская), исследованная В.Т. Петриным, дала находку двух изделий из бивня мамонта. Одно из них – вкладышевый наконечник стрелы или дротика длиной 22 см. Наконечник имеет шиловидную форму, острый кончик пера и приостренный насад. Ширина изделия 8 мм, толщина – 6 мм. Его поверхность тщательно отшлифована. Почти по всей длине наконечника прорезан паз шириной 1,5 мм и толщиной до 5 мм. От второго наконечника сохранился только обломок длиной 1,4 см. Слой с находками имеет дату 14,5 тыс. лет назад (11, 66-67).

Любопытное орудие обнаружено в Медвежьей пещере на Северном Урале. Это концевая часть бивня мамонта длиной около 35 см. Судя по следам ударов, выбоинам и царапинам, этот кусок бивня служил своеобразной мотыгой для копания земли (5, 120). Кроме мотыги в пещере найдены обломки двух стержней из бивня мамонта (диаметр около 2 см) с прорезанными пазами, которые могли быть частью вкладышевых наконечников или, судя по их диаметру, кинжалов (10, 204). Дата комплекса – 16-18 тыс. лет назад.

Концевая часть бивня со следами оббивки по краям найдена О.Н. Бадером в пещере Кульюрт-Тамак, расположенной в 1 км ниже по течению от Каповой пещеры. Культурный слой в пещере датируется 15-16 тыс. лет (8, 12).

Находки изделий из бивня мамонта известны и в двух знаменитых уральских пещерах с палеолитической росписью – Каповой (Шульган-Таш) и Игнатиевской. Расположены они на Южном Урале, соответственно в Республике Башкортостан и Челябинской обл. В Каповой пещере найдены две подвески (бусины) овальной формы диаметром 6 и 9 мм, выполненные из тонких пластинок бивня мамонта (15, 33). Подобные две бусины диаметром 6 мм и толщиной менее 1 мм и также из бивня мамонта обнаружены в Игнатиевской пещере (12, 138). Датировка комплексов 14-15 тыс. лет и 13,5-14 тыс. лет назад.

Изготовление бус из бивня мамонта можно проследить по находкам в двух пещерах: гроте Бобылек (Свердловская обл.) и пещере Байсланташ (Республика Башкортостан). В гроте Бобылек (датируется около 14 тыс. лет назад) найдено шесть заготовок бус из бивня мамонта. Собой они представляли тонкие (от 1 мм и меньше) и узкие (6-10 мм) пластинки бивня (3, 11). Пластинки обработаны скоблением, строганием и шлифовкой. По достижению необходимой толщины пластинка размечалась на квадратные секции. В центре каждого квадратика намечалось будущее отверстие. Затем производилось сверление заготовки и деление пластинки по разметке на квадратики (2, 244). Оставалось сточить углы квадратных заготовок и превратить квадратик в бусину округлой формы. Полный цикл изготовления подобных бусин зафиксирован в пещере Байсланташ (Акбутинской) (датируется 13,5 тыс. лет назад). Как и в гроте Бобылек в ней найдены просверленные квадратные заготовки размером от 5 х 5 до 10 х 10 мм. Толщина заготовок составляла 0,5 мм, диаметр отверстия – 1 мм. С двух сторон каждого квадратика имеются следы надрезов, по которым и произошло их отделение от пластинки. Здесь же найдена и пластинка для получения таких заготовок. Она размечена на три квадратных секции, в центре каждого квадратика просверлено миниатюрное отверстие. Кроме заготовок в пещере обнаружена круглая бусина диаметром 3 мм и толщиной 0,3 мм. В центре бусины имеется миллиметровое отверстие. По всей видимости именно такие бусины и являлись конечной целью описанной выше технологии (7, 51). Такие же округлые бусины только более крупного диаметра обнаружены в Каповой и Игнатиевской пещерах.

Интересное изделие из бивня мамонта найдено в Кумышанской пещере на реке Чусовой (Пермский край). Формально – это отщеп. Длина его по оси скалывания 3,5 см, ширина – 10 см, а толщина доходит до 1,1 см. Данный отщеп является более массивным, чем отщепы с Гаринской стоянки. И сколот он с бивня более крупного диаметра. Изучение отщепа под микроскопом привело к интересным результатам. На естественной поверхности (спинке отщепа) отмечены следы рубки и скобления каменным орудием. С противоположной стороны (с брюшка) выявлены следы рубки, скобления и резания резцом. Поверхность отщепа заметно залощена. Особенно сильное залощение имеют боковые (удлиненные) края отщепа. Как показал микроанализ, оба края использовались для скобления по шкуре: хорошо просматриваются линейные следы, идущие перпендикулярно рабочим кромкам лезвия.

Подводя итоги, необходимо отметить, что из 44 исследованных на Урале раскопками палеолитических памятников изделия из бивня мамонта в количестве 48 экз. найдены на 12-ти. К выразительным изделиям, сравнимым с лучшими образцами Русской равнины, можно отнести только два: скульптуру с грота Безымянного и вкладышевый наконечник с Шайтанской пещеры. Бедность палеолитических памятников изделиями из бивня мамонта можно было бы объяснить слабой изученностью палеолита Урала. Однако палеолитические памятники Урала характеризуются слабой насыщенностью культурными остатками не только из бивня, но и из кости и камня. 44 исследованных раскопками памятника Урала суммарно дают около 270 костяных изделий (присутствуют на 21 памятнике) и около 30 тыс. каменных артефактов. И это с площади около 4000 кв. м. А в европейской части России только на Мезинской стоянке найдено свыше 100 тыс. каменных изделий, в Костенках 4 – 60 тыс., Хотылево 2 – 40 тыс. и т.д. С чем связана такая особенность палеолитических памятников Урала, еще предстоит выяснить.

Примечания

1. *Бадер О.Н., Петрин В.Т. Произведение искусства и костяные изделия эпохи палеолита с восточного склона Уральских гор // У истоков творчества. Новосибирск, 1978.*
2. *Волков Р.Б., Широков В.Н., Улитко А.И. Изделия из кости, рога и бивня из верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек // II Северный Археологический Конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург–Ханты-Мансийск, 2006.*
3. *Волокитин А.В., Широков В.Н. Верхнепалеолитическая стоянка в гроте Бобылек (Средний Урал) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 1. Екатеринбург, 1997.*
4. *Гиря Е.Ю. Копья из двойного погребения подростков Сунгирьской стоянки (технологический анализ) // IN SITU: К 85-летию профессора А.Д. Столяра. СПб., 2006.*
5. *Гуслицер Б.И., Канивец В.И. Пещеры Печорского Урала. М.-Л., 1965.*
6. *Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага, 1985.*
7. *Котов В.Г. Исследование палеолитического слоя в пещере*

Байсланташ (Акбутинская). Предварительные итоги // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004.
8. Нехорошев П.Е., Гиря Е.Ю. Некоторые итоги исследований верхнепалеолитической стоянки в пещере Кульюрт-Тамак (Южный Урал) // Уфимский археологический вестник. Вып. 5. Уфа, 2004.
9. Павлов П.Ю. Исследование палеолитических памятников на крайнем северо-востоке Европы // Археологические открытия 1994 года. М., 1995.
10. Павлов П.Ю. Ранняя пора верхнего палеолита на Северо-Востоке Европы (по материалам стоянки Заозерье). Сыктывкар, 2004.
11. Петрин В.Т. Вкладышевый наконечник дротика эпохи палеолита с Северного Урала // Древности Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1987.
12. Петрин В.Т. Палеолитическое святилище в Игнатиевской пещере на Южном Урале. Новосибирск, 1992.
13. Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. Палеолитические памятники в гротах Среднего Урала и некоторые вопросы палеолитоведения Урала // Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири. Свердловск, 1977.
14. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.
15. Щелинский В.Е. Палеогеографическая среда и археологический комплекс верхнепалеолитического святилища пещеры Шульган-Таш (Каповой) // Пещерный палеолит Урала: Материалы международной конференции. Уфа, 1997.

А.Ю. Серикова
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия,
г. Нижний Тагил

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА РЕКЕ ЧУСОВОЙ (СРЕДНИЙ УРАЛ)

Чусовая – это единственная река, пересекающая Уральский хребет с востока на запад. Уникальное географическое положение реки привело к тому, что уже с глубокой древности она активно использовалась людьми в качестве транспортной артерии. Археологи называют Чусовую трансуральской магистралью древности (9, 44). На берегах реки обнаружено и исследовано большое количество археологических памятников разных эпох. Но наибольший интерес вызывают найденные в пещерах р. Чусовой погребения, так как они являются наиболее информативным, но в тоже время наиболее редким археологическим источником. За все годы исследований в среднем течении р. Чусовой (от с. Усть-Утка до г. Чусового) погребения были обнаружены только на трех археологических памятниках. Два захоронения относятся к эпохе неолита, одно датируется X–XI вв.

В 1988 г. в гроте на Камне Дождевом были найдены два неолитических погребения. Женское погребение, частично разрушенное, выявлено у входа в грот. Захоронение находилось в вытянутом положении на спине, было обильно посыпано охрой. Сохранились не все кости, череп, тазовые, берцовые и длинные кости рук отсутствовали (6, 127). Погребальный инвентарь представлен отщепом, скребком и фрагментом керамики. Зато одежда женщины была богато расшита зубами животных. Всего найдено 73 просверленных клыка выдры, 2 просверленных зуба северного оленя, зуб медведя и 2 непросверленных резца лося. Причем зубы выдры представлены только клыками из нижних челюстей, всего от 37 особей. Возраст женщины определен антропологом Т. А. Чикишевой в 35-40 лет.

В глубине грота найдено отличной сохранности погребение мужчины 40-45 лет. Он лежал на спине в скорченном положении. Захороненного мужчину сопровождал богатый погребальный инвентарь. Пока это самое богатое погребение на Урале. Расположение находок позволяет реконструировать костюм. На шапке был нашит верхний клык лисицы. Пояс украшен 10 резцами бобра. На сапогах и штанинах брюк были нашиты костяные подвески: с внешней стороны – 9 фигурок уточек, выполненных из таранных костей бобра, с внутренней – 6 каплевидных подвесок. На поясе находился костяной гарпун, на груди – шлифованный нож. С левого боку у мужчины была сумка с 15 отщепами и заготовками орудий. А также колчан, в котором сохранилось 4 костяных биконических наконечника стрелы. В погребении найдены также обломок сильно сработанного шлифованного орудия, скребок, расколотый надвое зуб лося и расколотые кости северного оленя. По телу погребенного россыпью залегали 11 каменных наконечников стрел. В погребении было найдено 7 фрагментов керамики от 2 сосудов, причем самые крупные из них залегали в районе колена. По-видимому, они были нашиты на брюки на уровне коленей и представляли собой своеобразные опознавательные знаки. Погребенный был убит выстрелом в спину: каменный наконечник стрелы найден между шейными позвонками (7, 51).

Некоторые особенности инвентаря и погребального обряда позволяют интерпретировать данное захоронение как шаманское, а погребение женщины – как его помощницы (10, 33- 44). Полную аналогию данным захоронениям мы находим в одном из парных (№ 152-153) погребений Оленеостровского могильника. Там в одной могильной яме лежал шаман с посохом, увенчанным костяным изображением головы лося, а справа от него была захоронена женщина-помощница (2, 336, 340).

Захоронение в гроте на Камне Дождевом имеет радиоуглеродную дату 5530±65 (СОАН-5154) лет. Калиброванное значение даты – 4510-4242 Cal BC (лет до н. э.). Т.е. обряд захоронения был совершен 6500 лет назад. Следовательно, погребения можно отнести к ранним этапам неолита.

Ниже по течению Чусовой в Кумышанской пещере было обнаружено еще одно необычное захоронение. К сожалению, оно было сильно разрушено водотоком и сохранилось неполностью. Оно находилось в 6 м от входа за большой каменной глыбой, почти полностью перегородившей пещеру.

Погребение выглядело в виде овального двухметрового пятна охры с двумя боковыми выступами. В рамках охряного пятна находились остатки каменного ящика в виде невысокой прямоугольной оградки. За изголовьем погребенных стояла чаша из черепа младенца, заполненная охрой. Боковые выступы охряного пятна оказались ямками, заполненными охрой. В восточной ямке найдено острие, изготовленное из грифельной кости лося, а в западной – плоское каменное рыболовное грузило с двумя противолежащими выемками для привязывания и локтевая кость бизона. Все предметы были густо облеплены охрой (8, 58).

Также к погребальному инвентарю можно отнести фрагмент придонной части сосуда с гребенчатым орнаментом, нож из плитки кремня и кость мамонта, которые были густо облеплены охрой. Следы охры сохранились еще на одной кости мамонта и лопатке шерстистого носорога, но эти кости могли попасть в погребение случайно, при устройстве могилы. Самой интересной находкой из погребального комплекса можно считать тщательно отшлифованную подвеску, которая изготовлена из темно-зеленого офита (мягкой разновидности змеевика). Ее высота 3 см, ширина 2,5 см. Подвеска выполнена в виде профильного изображения лица человека. Техникой высверливания подчеркнуты лоб, нос и подбородок. На мес-

те глаза находится просверленное отверстие. Подобная подвеска в виде лица человека известна на Южном Урале, на поселении Муллино III (3, 56).

Несмотря на то, что в погребении сохранилось чуть больше сотни костей, антропологу Д. И. Ражеву удалось установить, что останки принадлежат трем взрослым (20-30 лет, возможно, женщины), двум новорожденным, двум плодам (7-9 месяцев) и годовалому младенцу. Причем кости младенца представлены только фрагментами черепа, который был наполнен охрой и находился за погребением.

Радиоуглеродная дата погребения 4635+85 (СОАН-5155). Калиброванное значение даты – 3622-3108 Cal BC (лет до н. э.). Дата вполне согласуется с погребальным инвентарем, который можно отнести к позднему неолиту.

Интерпретация такого коллективного захоронения представляет значительную трудность. Нельзя однозначно сказать, было ли оно единовременным или же мы имеем дело с несколькими захоронениями, совершенными с некоторыми перерывами. Можно предположить, что детские захоронения были сосредоточены внутри каменной кладки и находились внутри погребений взрослых (т. к. граница охряного пятна шире каменного ящика). Интересно отметить, что, возможно, захоронение сопровождалось человеческим жертвоприношением. Свидетельством этому может служить расколотый череп младенца, заполненный охрой, который находился выше погребения. Кроме того, двадцатью сантиметрами ниже под погребением зафиксирована ямка с охрой, в которой находились раздробленные кости, возможно, человеческие (однозначного мнения антропологов по поводу этих костей пока нет), зуб животного и каменный отщеп.

Кроме самого состава захороненных индивидуумов данное погребение выделяется обнаруженной в нем подвеской в виде лица человека, а также костью бизона. Подобные находки, несомненно, несут на себе определенную сакральную нагрузку. Нельзя не заострить внимание на находке в погребении кости бизона (то есть животного, в голоценовую эпоху уже вымершего). Подобные находки известны не только на территории Урала, но и в Сибири. Так, в 21-м погребении неолитического могильника Братский Камень (Прибайкалье) у большой берцовой кости погребенного лежала кость бизона (4, 145), а в энеолитическом погребении № 5 Усть-Удинского могильника обнаружен зуб шерстистого носорога (5, 157-158). Необычно большая тазовая кость шерстистого носорога была найдена в погребении № 1 с коллективным захоронением в могильнике Хоорлуг-Оймак (на юге Тувы). Она находилась на дне могильной ямы под дощатым полом сруба. Погребение это датируется ранним железным веком (11, 43).

Нахождение костей вымерших животных и изделий из кости и бивня мамонта на памятниках голоценовой эпохи, по всей видимости, не является случайным. Еще О.Н. Бадер высказывал предположение, что кости ископаемых животных могли играть определенную роль при отправлении культа (1, 252). Существует предположение, что кости вымерших животных в погребении подчеркивают особый социальный статус захороненного субъекта. К сожалению, аналогии подобному погребению привести пока невозможно, что во многом затрудняет его интерпретацию.

Следует отметить, что погребения из грота Камня Дождевого и Кумышанской пещеры пока единственные из всех доандроновских уральских погребений, которые имеют радиоуглеродную дату. Оба погребения относятся к эпохе неолита и являются ценными источниками по духовной культуре неолитического населения Среднего Урала.

Примечания

1. *Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. Т. XXI. 1954.*
2. *Гурина Н. Н. Оленеостровский могильник // МИА. Вып. 47. 1956.*
3. *Матюшин Г.Н. Поселение Муллино III в Приуралье // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.*
4. *Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976.*
5. *Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975.*
6. *Сериков Ю. Б. Исследования грота на Камне Дождевом (р. Чусовая) // Вопросы археологии Урала. Вып.21. Екатеринбург, 1993.*
7. *Сериков Ю. Б. Культовые комплексы реки Чусовой // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березняки, 2001.*
8. *Сериков Ю.Б. Новые данные о пещерном святилище на реке Чусовой // XV Уральское археологическое совещание: Тезисы докладов международной научной конференции. Оренбург, 2001.*
9. *Сериков Ю. Б. Река Чусовая – трансуральская магистраль древности // Пути сообщения, коммуникации, научные достижения народов Евразии: Материалы Международной научно-практической конференции. Березники, 1997.*
10. *Сериков Ю. Б. Шаманские погребения Зауралья // Вопросы археологии Урала. Вып.23. Екатеринбург, 1998.*
11. *Худяков Ю.С. Использование костей плейстоценовых животных населением Саяно-Алтая в древности и средневековье и задачи охраны памятников палеонтологии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая: Сб. статей. Вып. XI. Барнаул, 2000.*

А.Н. Осин

Курганский государственный университет, г. Курган

ПРОЕЦИРОВАНИЕ МЕТОДОВ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ НА ТЕРРИТОРИЮ МЕЖДУРЕЧЬЯ РЕК ТОБОЛ И СУЕРЬ

Термин «археологический микрорайон» начал активно использоваться в археологической терминологии в конце 80-х годов XX века. Одним из основателей этого научного направления в археологии является В. И. Матющенко, который со своими учениками и коллегами разработал методику определения, изучения и классификации археологических микрорайонов (АМР).

В.И. Матющенко определяет АМР как: «Археологический микрорайон – группа археологических памятников, расположенных в пределах сравнительно ограниченного пространства, характеризуемого однородной природно-географической обстановкой в пределах этого пространства, которое можно рассматривать как экологическую нишу с устойчивой природно-географической обстановкой» (6). А.В. Жук даёт АМР следующую трактовку - «археологический микрорайон представляет собой разновидность открытого археологического комплекса и принадлежит к числу естественных систем, микрорайон не моделируется (как это происходит с типологическим рядом и археологической культурой), но, подобно всякому археологическому комплексу, открывается, ибо существует объективно, независимо от того, исследуется он или нет, а если исследуется, то независимо от взглядов и методов исследователя» (4). А.М. Буровский трактует АМР как: «феномен, возникающий там, где человек осваивает, использует и преобразует природные реалии - географическую оболочку, природные ландшафты» (2).

Следующее определение АМР дает П. А. Косинцев. «АМР - это сгущение человеческой жизни, проявляющееся в повышенной концентрации археологических памятников на ограниченной территории. Очевидно, что такое сгущение происходило на участках земной поверхности, благоприятных по ряду значимых для человеческих коллективов параметров. Основные из них: повышенная концентрация пищевых и/или сырьевых ресурсов; удобная топография для осуществления хозяйственной, обрядовой, военной, транспортной и иной деятельности» (5). Последнее определение нам кажется наиболее предпочтительным.

Вопрос о выделении археологических микрорайонов в Южном Зауралье возник в кон. XX – нач. XXI века. Первым на современной территории Курганской области был выделен Убагано-Тобольский АМР. В междуречье р.Тобола и р.Убагана выявлено 29 памятников на сравнительно небольшой площади их распространения – 32 кв. км. В последнее время разведками в этом микрорайоне было открыто еще 7 археологических памятников, что позволяет более уверенно определить данное междуречье и прилегающие к нему территории как Убагано-Тобольский АМР.

В настоящее время рассматривается проблема поиска в других существующих междуречьях основных магистральных рек нашей области, которые с древности являлись магистралями продвижения и хозяйственной деятельности человека, новых АМР. Таким перспективным местом для выделения очередного АМР является междуречье рек Тобол и Суерь.

Рассмотрим географическое положение и особенности данного междуречья. Наблюдая р.Суерь, которая имеет исток из оз.Суерское, находящегося в Лебяжьевском р-не Курганской области, и протекает с юго-востока на север, следует отметить уходящую на юго-восток цепь больших и малых озер с явно выраженной вдоль них береговой линией древнего русла реки. Привлекая данные компьютерной модели русла прото-реки Суерь, становится понятным ее протяженность в древности и происхождение многих озер, находящихся в наше время в бывшем русле древней Суери. Географическое понижение высоты рельефа местности в районе р.Суерь идет с юга на север и является плавным, без больших перепадов высот, что при повышении уровня воды в водоемах рассматриваемой территории позволит многим из них соединиться и представлять собой единый водный комплекс. Река Тобол протекает с юга на север через всю территорию Курганской области, являясь главной магистральной рекой, его современное русло практически не изменилось с древних времен и представляет собой три выраженные террасы.

Экологическая ниша Тоболо-Суерского междуречья насыщена смешанным лесом, заливными поймами, многочисленными старицами обоих рек. На юге междуречья преобладают лесостепные участки с преимущественно лиственным лесом, заливными поймами.

С наступлением эпохи голоцена (15000 лет назад) климат стал теплым, мягким и засушливым, с преобладанием южных и юго-западных ветров. Уровень вод в реках и озерах был незначительно выше современного примерно на 30%. Климат волнообразно по времени с небольшой амплитудой изменений температуры и влажности, а также обводненности водоемов меняется с примерным интервалом в 6000 лет, а так же каждые 3000 лет происходят пиковые колебания амплитуд температуры воздуха, что в свою очередь так же сказывается на обводненности водоемов и возможности использования прилегающей к ним местности для хозяйственной деятельности, постройки жилищ, использования водоемом как транспортной артерии.

Это хорошо заметно по местонахождению памятников той или иной эпохи в разных АМР. В эпоху мезолита был сухой, теплый, бореальный климат, в неолите – более прохладный и увлажненный, в результате чего уровень вод в реках повышался, поймы подтапливались. Поэтому памятники неолита встречаются на более высоких возвышенностях и вторых террасах рек. Но уже в эпоху бронзы климат снова становится подобным мезолитическому, уровень вод понижается, культурные слои бронзового века находятся с мезолитическими комплексами.

В рассматриваемом районе, представляющем собой своеобразный треугольник, площадь которого занимает 195 кв. км, на данный момент насчитывается 68 известных памятников, из которых 5 местонахождений, 16 поселений, 7 селищ, 6 городищ, 14 одиночных курганов, 14 могильников, 6 курганных групп. Памятники датируются от эпохи неолита до эпохи раннего железного века, присутствуют многослойные и недатированные памятники.

Дальнейшее выделение Тоболо-Суерского АМР позволит более подробно изучить известные памятники и найти новые, сравнить экологическую нишу междуречья рек Тобол и Синара с другими АМР. Проследить возможные пути освоения этого микрорайона, а так же вытеснение культур другими более развитыми или их совместную ассимиляцию.

Примечания

1. Археологическая карта Курганской области. Курган, 1993.
2. Буровский А.М Методологические проблемы выделения археологических микрорайонов (АМР) // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1998.
3. Городецкая М. Е. Морфоструктура и морфоскульптура юга Западно-Сибирской равнины. М.: Наука, 1972.
4. Жук А.В. Генезис идеи археологического микрорайона // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997.
5. Косинцев П. А Формирование археологических микрорайонов: процессы и модели // Археологические микрорайоны северной Евразии. Омск, 2004.
6. Матющенко В. И, Археологический микрорайон в археологических исследованиях // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997.
7. Осин. А.Н. К попытке выделения археологического микрорайона мезолитических памятников в Убагано-Тобольском междуречье // Материалы 37 Урало-Поволжской археологической конференции. Челябинск,2005.С.35.

И.К. Новиков, Д.А. Кузнецова
Курганский государственный университет,
г. Курган

НОВЫЕ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕС КИЕ КОМПЛЕКСЫ В СРЕДНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ

Нео–энеолитические комплексы, в лесостепной части Среднего Притоболья исследованы еще недостаточно полно, несмотря на полувековые интенсивные археологические исследования в данном регионе.

Интересны любые комплексы относящиеся к этому времени, которые позволяют прояснить культурную ситуацию в районе лесостепного Притоболья. В работе рассматривается три памятника, содержащие перекрывающий материал: Долговское-3 – неолитическая полуземлянка с перекрывающим энеолитическим слоем; Дачный-2 – наземное энеолитическое жилище с подстилающим неолитическим культурным слоем; Гладунино-3 – хозяйственные сооружения, содержащие керамику неоэнеолитического времени, и погребение эпохи энеолита.

Поселение Гладунино-3 располагается в Белозерс-

ком районе Курганской области на левом берегу р. Суерь, на останце высотой 3 м.

В ходе раскопок периферийной части поселения, площадью 436 кв. м было расчищено 5 ям и одиночное погребение.

Ямы №2 и №5 не содержат находок и не имеют конструктивных особенностей.

Яма №1 округлой формы, трапециевидная в разрезе. Размеры: диаметр – 1,6 м, глубина – 1м. В заполнении ямы обнаружен слой отходов рыбной переработки в виде обильного скопления чешуи, а также кости птиц и животных. Изделия из камня представлены обломками крупных шлифованных орудий. Из костяных изделий – обломок проколки, а также изогнутое орудие из ребра животного, отличной сохранности. Размеры: длина – 16,4см, ширина – 2,9см, толщина - 0,5-0,8см. Изделие хорошо отполировано, имеет следы заточки. Вероятно, это нож или наконечник копья, хотя для последнего он имеет слишком изогнутую форму. Впрочем, можно и предположить, что он использовался в качестве кочедыка.

Яма №3 округлой формы. Размеры: диаметр - 2,30 м, глубина – 1,4м. Зафиксированы три ступеньки шириной до 30 см по всей окружности ямы. Ступеньки и дно застилает толстый слой рыбьей чешуи (от 10 до 35 см толщиной), под которым прослеживается углистая прослойка. По периферии ямы отмечены следы четырех столбовых ямок. Вероятно, это остатки сооружения, типа навес.

Яма №4 овальной формы диаметром 2 м х 1,64 м, глубиной 1,9 м. С севера на глубине 60 см от поверхности ямы находится прямоугольная ступенька для спуска вниз шириной 30 см. Под ступенькой была обнаружена ниша в виде полумесяца шириной 24 см в наиболее расширяющемся месте. В центре ямы прослеживается столбовая ямка для навеса. На глубине 130 см отмечен слой рыбьей чешуи толщиной 20 см, под ним - тонкая углистая прослойка. Как показал анализ, рыбья чешуя принадлежала крупной промысловой рыбе – сазану (4,34).

Коллекция находок с раскопа поселения Гладунино-3 состоит из 4 костяных изделий, 147 фрагментов керамики, 93 каменных орудий в основном на пластинах и четырех керамических грузил.

Керамический комплекс памятника условно можно подразделить на две группы – неолитическую и энеолитическую. Неолитический комплекс керамики представлен фрагментами, относящимися к кошкинской и козловской культурам периода раннего неолита (1,17,26). В энеолитической группе керамики также выделяются культуры: шапкульская, андреевская и сосновоостровская, которой принадлежит основная масса керамического материала (6,10,18).

Всего в 2 м от хозяйственных ям поселения обнаружено одиночное погребение. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении в неглубокой могильной яме подпрямоугольной формы. Размеры ямы 219х61х20. Голова погребенного лицевой частью была повернута почти точно на восток. При сохранении общего анатомического порядка следует отметить, что левая половина таза аккуратно отчленена и уложена на правую половину живота. Другой интересной особенностью погребения является то, что пальцы правой кисти уложены на подобии «щепоти», а левая кисть сложена «лодочкой» на таз. По всей видимости, отчленение произошло непосредственно в ходе обряда погребения, левая бедренная кость оказалась слегка развернутой. Сопровождающий инвентарь состоит из половины сильно расслоившегося каменного навершия булавы шаровидной формы из бурого железняка. Возле каждого колена лежало по одному фрагменту керамики сосновоостровского типа (4, 48).

Поселение Дачный-2 находится в Каргопольском районе Курганской области на террасе правого берега р. Миасс на высоте 7-8 м (3,24). Раскопами, охватившими край берега, выявили остатки сооружений: часть энеолитического жилища, канава, яма. Была проведена попытка реконструкции исследованной части жилища. Выделены следы несущей конструкции. Жилище представляло из себя наземное сооружение (глубина котлована 15см) с каркасно-столбовой основой и коридорообразным выходом. Линии из столбовых ямок образовывали прямые углы по периметру аморфного котлована. Обнаружены следы рамы светодымового отверстия, но следы прокалов отсутствовали и в самом жилище, и на площади раскопа в целом. Жилая зона жилища, обычно противолежащая входу, рухнула в реку (5,23). Скорее всего жилище носило сезонный характер, о чем свидетельствует небольшая мощность культурного слоя и следы ремонта и перестроек жилища.

Всего при исследовании керамической коллекции с поселения Дачный-2 по венчикам и профилировке удалось выделить 37 нео-энеолитических сосудов: 27 сосудов эпохи энеолита и 10 - неолита. Керамика неолита с характерным наплывом с внутренней стороны венчика встречается реже энеолитической. На памятнике существовал неолитический слой, перекрытый энеолитическим жилищем. Керамика энеолита представлена развалами сосудов, два из которых найдены в пределах жилища. В подавляющем большинстве энеолитические сосуды представлены липченской и шапкульской культурами (6,8,10).

На поселении Дачный-2 найдено 11 керамических грузил.

Каменная индустрия (247 экз.) носит в основном пластинчатый характер. Присутствует также шлифованные орудия – долото и нож для рыбы.

Поселение Долговское-3 открыто в урочище «Остров» на правом берегу реки Миасс у села Долговское Каргапольского района Курганской области (2,43). Экспедицией КГУ 2005 года обнаружено две хозяйственные ямы и жилище неолитического времени. Жилище подпрямоугольной формы, ориентировано длинными сторонами по линии север – юг. Размеры - 5,4 х 4,5 м. Общая площадь жилища составляет 19 кв. м (рис.1). Глубина котлована сооружения составляет 70 см. Из чего можно заключить, что жилище было полуземляночного типа. В северо-восточном углу жилища находился подквадратный коридорообразный вход, выходивший в сторону водоема. Ширина входа 1,3 м, длина - 1 м. Предполагаемый основной очаг располагался возле центральной части западной стенки, на материковом останце. В северо-западном углу находилась хозяйственная яма размером 1х0,8 м, глубиной 0,4 м. Судя по столбовым ямкам, данная яма была отделена перегородкой от основного помещения. В центре жилища располагалось яма-погреб аморфной формы, размером 2,3х2,2 м, углубленная ниже уровня пола на 1,6 м. В яме-«погребе» имелись ниши и уступы, использовавшиеся в хозяйственных целях. В нишах найдены фрагменты керамики неолитического облика и каменные орудия (5,87).

По венчикам и профилировке было выделено 78 сосудов, из них 19 сосудов энеолитических и 59 - неолита. Большинство керамики энеолитического периода относится к липчинскому типу (6,8).

Из неолитического типа 55 сосудов сопоставимы с керамикой козловского типа. Орнаментирована в разнообразной технике: прочерченно-накольчатая, движущаяся гребёнка, гребенчатый штамп. Большинство сосудов закрытой формы, с приостренным дном и характерным наплывом с внутренней стороны венчика (1,17). Керамика козловского типа находилась в основном заполнении

жилища и в «погребе» с его хозяйственными нишами.

Рис.1. *Поселение Долговское – 3. Вид жилища после расчистки*

4 сосуда неолита относятся к боборыкинской культуре. Они имеют характерную прочерченную и накольчатую орнаментацию. Два из них имеют тюльпановидную профилировку и плоское дно со своеобразным наплывам по краям (1,48). Сосуды боборыкинского типа залегали вне жилища или в слоях, перекрывающих его.

Помимо керамики, на поселении обнаружены изделия из глины - пряслица и их заготовки, фрагменты керамики с залощенными краями, фрагмент грузила, «кирпичики». Особенно интересна полая глиняная поделка ромбовидной формы с плоским основанием и отверстием диаметром 0,5 см на верхушке. Размеры: высота-4,2 см, диаметр-5,4 см. Изделие разделено на восемь секторов тремя пересекающимися друг с другом полосами. Сектора заполнены горизонтальными прочерченными линиями. По ребру изделия проходит горизонтальный ряд коротких наклонных насечек.

Каменный инвентарь состоит из 150 орудий и 158 отходов производства. Среди находок преобладают пластины и изделия из них.

Данные материалы могут помочь в решении ряда вопросов, связанных с изучением нео-энеолитических древностей Среднего Притоболья. В частности, получены новые сведения о домостроительстве (реконструировано наземное энеолитическое жилище на пос. Дачный-2 и раскопана неолитическая полуземлянка с погребом Долговское-3), о погребальном обряде (одиночное погребение Гладунино-3), о хозяйственной деятельности (каменные и костяные орудия).

Примечания

1. *Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья: Учеб. Пособие по спецкурсу. Свердловск, 1989.*
2. *Шилов С.Н. Отчёт Курганского государственного университета о проведении на территории Курганской области в Каргарольском районе археологических исследований. Курган, 1994.*
3. *Шилов С.Н. Отчет об археологических исследованиях 1996 года КГУ на территории Курганской области. Курган, 1997.*
4. *Шилов С.Н. Отчёт Курганского государственного университета о проведении на территории Курганской области в Белозерском и Звериноголовских районах археологических исследований. Курган, 1999.*
5. *Шилов С.Н. Отчёт Курганского государственного университета о проведении на территории Курганской области в Каргапольском районе археологических исследований. Курган, 2005.*
6. *Шорин А.Ф. Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. Екатеринбург, 1997.*

Е.И. Сорогин
Курганский государственный университет, г.Курган

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

История исследования Алакульского могильника, располагающегося в Щучанском районе Курганской области, начинается в XIX веке, когда исследователь Р.Г. Игнатьев впервые выделил и описал данный некрополь. Затем в 1938 г. К.В. Сальников исследовал 2 кургана (7, 66-71), и выделил на основании полученного материала Алакульскую культуру. В 1969 году работы на памятнике продолжила Е.Е. Кузьмина, раскопавшая 2 кургана. И в 1999-2003 годах археологическая экспедиция КГУ под руководством С.Н. Шилова (10) проводила аварийные раскопки Алакульского могильника. За эти годы раскопок в 16 исследованных курганах были найдены керамическая коллекция численностью около 300 сосудов, бронзовые украшения, которые позволили реконструировать женский и детский наряды алакульцев, погребальный инвентарь. Всего же за все годы изучения могильника было исследовано 20 курганов, содержавших 224 погребения.

Для определения статуса погребального обряда автор статьи решил воспользоваться методикой Д.Г. Здановича, который, ссылаясь на Дж. Брауна, формулирует три основных параметра элитного погребального обряда. Первый - количество энергии, затраченное на отправление обряда, второй – наличие определенных артефактов или атрибутов, символизирующих «авторитетное» положение в обществе некоторых погребенных, либо фактов половозрастного ранжирования и третий – наличие отклонений в демографической структуре погребального комплекса от предполагаемой нормальной структуры популяции (1, 24-25).

Автор данной статьи считает, что формулировка «элитный» по отношению к могильнику может употребляться в случае, если будет доказано, что в некрополе в центральных взрослых погребениях захоронены представители элиты – небольшой по численности прослойки коллектива, выполняющей жреческие и вождеские функции. Таким образом, «элитным» может являться и погребальный обряд если он проводится в отношении данной прослойки.

По первому параметру стоит отметить, что ряд современных археологов считает, будто количество трудозатрат на сооружение курганов было очень велико, считая данное утверждение одним из доказательств того, что курганы строились только для очень немногочисленной элиты общества. А.Т. Синюк в своей работе пишет: «Количество трудозатрат на сооружение курганов, если бы они предусматривались для всех членов общества, оказалось бы совершенно фантастическим» (8,286). Правда, он не приводит какие-либо конкретные расчеты по данному вопросу. Восстановление объёмов земляных насыпей Алакульского могильника на данный момент также практически невозможно из-за сильной распашки некрополя. Памятник разрушается на протяжении 150 лет, в результате чего множество курганов было полностью нивелировано, а средняя высота оставшихся не превышает 30 - 40 см. Произвести на данный момент какие-то расчёты по количеству трудозатрат не представляется возможным.

По второму параметру следует отметить ряд немаловажных моментов. Несмотря на сильную степень ограбленности могильника еще в древности, керамичес-

кая коллекция на данный момент насчитывает более 300 сосудов, а на основании сопроводительного инвентаря были реконструированы детский и женский наряды алакульцев. Кроме того, в центральных погребениях курганов № 8, 38 были обнаружены булавы (в кургане №8 изготовлена из бронзы, а в кургане №38 из нефрита). На данный момент нет единой точки зрения по функциональному назначению булавы. Большинство исследователей считает булаву атрибутом и символом власти. Возможно также булава, кроме того, что служила символом власти, использовалась в каких-то ритуальных целях, т.к. лица, несшие на себе функции управления, были наделены жреческими функциями и скорее всего занимали наиболее авторитетное положение в обществе. Таким образом, независимо от функциональной принадлежности булавы, она, несомненно, является признаком элиты. То, что булава не забиралась при последующем ограблении потомками погребения предка, по мнению автора статьи, связано с тем, что ритуальные или иные функции, атрибутом которых была булава, не передавались по наследству. К сожалению, данная точка зрения во многом гипотетична и имеет под собой лишь косвенные доказательства.

Признаком элитности погребения может служить и его богатство. Вот описание центрального погребения №6 из кургана №18-а Алакульского могильника. «Форма погребения прямоугольная, длинными сторонами ориентирована на юг. Заполнение могилы составляла перемешанная темно-серая супесь с вкраплениями суглинка. В погребении находились остатки деревянной конструкции, лежащие вдоль южной стенки.

В погребении был расчищен полный костяк женщины. Её рост составлял 162 см, а возраст примерно 18-20 лет. Погребённая лежала на левом боку, руки очень сильно согнуты в локтях вдоль груди (возможно при жизни были стянуты верёвкой), кисти перед лицом; ноги слегка согнуты в коленях.

У южной стенки могилы находился крупный алакульский сосуд (d = 23 см), орнаментированный в резной, прочерченной манере, трёхзонально – треугольниками и меандром.

Помимо сосуда и остатков погребальной пищи найден разнообразный набор женских украшений. Было найдено 7 бронзовых подвесок в 1,5 оборота, каждая вторая из них в золотой фольге. Располагались они большей частью под черепом, а одна находилась около восточной стенки у десятого позвонка.

Вероятней всего, они украшали шапочку или косы женщины. С боков черепа расположились 2 плохо сохранившихся височных кольца. Под челюстью, в районе груди, была обнаружена низка пастовых бусин с тремя крестовидными подвесками, две из которых изготовлены из белого металла, предположительно серебра. На каждой руке погребенной было надето по два браслета (1 из них желобчатый, второй – с закруглёнными в спираль концами, толщина обоих около 0,8 мм). Восточнее берцовых костей найдены две низки бронзовых бус, возможно украшавших штаны или юбку женщины» (10).

К наиболее богатым следует отнести и центральное погребение кургана №27, где обрушившаяся часть накатника сохранила от грабежа северную половину захоронения. В ней располагались останки девушки 12-14 лет, на которых находилось множество украшений, в том числе и бронзовая шейная гривна и остатки накосника. А поверх накатника, в грабительском лазе, были обнаружены 2 подвески в полтора оборота, обернутые золотой фольгой. Все эти находки подтверждают предположение о том, что в могильнике захоронена элита алакульского общества (10).

Третьим параметром элитности могильника является наличие отклонений в демографической структуре погребального комплекса от предполагаемой нормальной структуры популяции. По этому вопросу исследователем была проведена отдельная работа. Антропологический анализ погребений из 16 курганов (исследования 1999 - 2003) показал, что из 158 погребений, находящихся в них, 28 погребений не содержали антропологический и остеологический материал, а в 17 погребениях кости были в такой плохой сохранности, что даже не было возможности определить, сколько человек находилось в захоронении. Таким образом, мы получили 113 погребений, содержавших антропологический материал. Проведённый анализ показал, что в 113 погребениях находилось 154 костяка. Из них состояние 43 (28%) не позволило сделать какие-то выводы об их возрастной группе. Анализ других показал, что 88 (57%) костяков принадлежат возрастной группе Infantilis I, 9 (5,8%) – Infantilis II, 6 (3,9%) – Juvenus, 5(3,3%) - Adultus, 2(1,3%)– Maturus, 1(0,7%) – Senilis. Эти показатели отражают непропорционально большое количество детских погребений до 6 – 7 лет. Кроме того, анализ центральных взрослых погребений также продемонстрировал следующую картину. Так как у нас сохранились данные предыдущих лет раскопок, было выявлено, что на Алакульском могильнике нет одиночных захоронений лиц мужского пола. Всего были найдены останки четырёх мужчин, но один в парном захоронении, два - в тройном, а ещё один в погребении, содержавшем кости пяти человек. Останки женщин содержались в 8 центральных погребениях, из них 4 являлись одиночными. Преобладание женских костяков над мужскими в 3 раза (12/4). И хотя 13 центральных погребений не дают точной половой характеристики, однако сделать какие – то выводы о том, что в них процентное соотношение мужчин больше, чем предыдущих, мы не можем. *

Все эти отклонения в палеопопуляции некрополя неопровержимо доказывают, что и по третьему параметру погребальный обряд Алакульского могильника относится к элитным. Таким образом, подводя итог, можно отметить, что по 2 параметрам из 3-х в могильнике захоронены не простые члены общества, а небольшая элита, состоящая в основном из женщин. Следовательно, можно предположить, что женщины, погребенные на Алакульском могильнике, имели высокий статус и возможно выполняли какие-то культовые функции.

Однако из этого не следует, что данные функции были привилегией только женского пола, или то, что женщины чаще выполняли их. Находки булав подтверждают, что символы власти находились и у мужчин. В то же время исследователи сходятся во мнении, что в эпоху среднего бронзового века культовые и властные функции ещё не были разделены, и почти всегда находились в одних руках. Таким образом, можно предположить, что если в элиту общества входили как мужчины, так и женщины, а в некрополе захоронены в основном женщины, то на Алакульском могильнике захоронены не все представители элиты, умершие за какой-то период жизнедеятельности общества, а только преимущественно женская часть. Имеет право на жизнь и точка зрения, что в данном могильнике в центральных погребениях захоронены представители элиты, принесённые в жертву. Обряд принесения в жертву жрецов, вождей и иных лиц, исполнявших какие-либо культовые функции, был широко распростра-

** Неоценимую помощь в проведении антропологического анализа автору оказали антрополог Нечволода А.И (г. Уфа) и врач-криминалист Областного бюро судебно-медецинской экспертизы Грехов Ю.Н.(г. Курган).*

нён в древнем мире (6). Он связан с тем, что, согласно древним верованиям, уровень жизни племени, его богатство и стабильность напрямую зависят от личности вождя (жреца). Следовательно, в случае военной неудачи, массового падежа скота, засухи или неурожая этот человек приносился в жертву богам (3; 9). Принесённый в жертву, он должен будет после смерти принести удачу своему племени и оберегать его от разных напастей (6, 68). В этом случае большое количество детских погребений можно объяснить либо попыткой приобщить их к статусу элитного погребённого и одновременно предоставить их под его защиту, либо защитить племя от духов умерших детей.

Здесь стоит отдельно отметить точку зрения исследователей Д.И. Епимахова и А.В. Ражева на феномен многочисленности детских погребений. Они, отметив наличие коллективных детских захоронений, выдвинули следующую гипотезу. «Близкая во времени смерть многих людей происходит в результате инфекционного заболевания, передающегося от коров. При этом заболевании в первую очередь должны страдать дети, потребляющие в отличие от взрослых цельное молоко. Болезнь не должна вызывать панического страха, т.е. передаваться от человека к человеку и иметь высокой летальности. Неоспоримо существование у населения андроновского круга культа домашних животных. Вполне вероятно, что заражение от культовых животных могло рассматриваться животноводческим населением как передача части их мистических свойств человеку. Смерть от такой болезни автоматически переводила человека в привилегированный слой» (5,247).

Однако данная гипотеза не находит подтверждения по материалам Алакульского могильника. Доля детских коллективных погребений от общего количества захоронений очень невелика. Единственное коллективное детское захоронение, где было погребено 4 младенца, находилось в кургане №38. Остальные погребения Infantilis I являются либо одиночными, либо парными. Кроме этого, около 80% из погребений до 18 лет занимают младенческие захоронения до 1 года, т.е. того возраста, когда дети находятся в грудном возрасте и потребляют материнское молоко, а не молоко животного происхождения. К тому же не обладая современными знаниями о микробах и вирусах, очень тяжело проследить взаимосвязь между употреблением молока и заражением болезнью. И потому вопрос о большом количестве детских захоронений остаётся открытым. Однако факт отклонения демографической ситуации на Алакульском могильнике остаётся бесспорным.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что подкурганные захоронения Алакульского могильника принадлежат прослойке общества с высоким социальным статусом, который чаще всего определялся жреческими или вождескими функциями.

Примечания

1. *Зданович Д.Г. Синташтинское общество: социальные основы «квазигородской» культуры Южного Зауралья эпохи бронзы. Челябинск, 1997.*
2. *Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта. Челябинск, 1992.*
3. *Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.,1994.*
4. *Потёмкина Т.М. Бронзовый век в лесостепном Притоболье. М., 1983.*
5. *Ражев Д.И., Епимахов А.В. Некрополи бронзового века: феномен многочисленности детских погребений // Экология древних и современных обществ: Доклады конференции. Вып.2. Тюмень, 2003.*
6. *Русакова И.П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.*
7. *Сальников К.В. Курганы на озере Алакуль // МИА. М.,1952.*
8. *Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.*
9. *Токарев С.А. Ранние формы религии. М.,1990.*
10. *Шилов С.Н. Отчёт Курганского государственного университета о проведении на территории Курганской области в Щучанском и Звериноголовском районах археологических исследований. Курган, 2000-2003.*

С.Н. Шилов
Курганский государственный университет, г.Курган
Е.П. Китов
ГУ СПЛИАЦ «Аркаим», г.Челябинск

К ВОПРОСУ О ДЕКАПИТАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ДАЧНОЕ-2)

В 1995 г. археологический отряд Курганского государственного университета проводил исследования курганного могильника Дачное-2 в Каргапольском районе Курганской области. Памятник, насчитывающий свыше 50 курганных насыпей, растянулся на 3,5 км вдоль высокого (10-11 м) коренного правого берега реки Миасс.

С 1996 – 2005 гг. было раскопано 6 курганов, пять из которых оставлены гороховско-саргатским населением и датируются V-IV – II-I вв. до н.э. Одна насыпь сооружена в эпоху финальной бронзы (межовская культура). В данной публикации рассматривается антропологический материал из кургана №11 саргатской культуры.

Курган №11, располагавшийся в западной части памятника, имел диаметр 17 метров, достигал высоты 1,5 метра. После снятия насыпи на площадке, окруженной 3 рвами, были найдены 3 захоронения (2 полностью ограблены), яма с человеческим черепом и жертвенник с костями м.р.с. Инвентарь кургана №11 состоял из 7 саргатских сосудов, бронзовых (5 штук) и железных наконечников стрел, железных кольчатых удил (1 экз.), железного кинжала (?) и ножей. В ограбленном парном захоронении №3 между двумя скелетами крайне плохой сохранности было найдено бронзовое зеркало с валиком по краю, ручкой и выпуклиной в центре. Там же обнаружены голубые стеклянные бусы (5 шт.).

По анализу инвентаря и погребального обряда курган №11 датирован в рамках III-I вв. до н.э. и отнесен к саргатской археологической культуре.

Несомненный интерес в данном комплексе представляет находка отчлененного мужского черепа (возраст около 25 лет) с нижней челюстью и тремя нижними позвонками.

Он был обнаружен в северо-западной части кургана на глубине 26 см («0») в 20 см от внутреннего края рвов №1, 2, практически напротив перемычки между рвами. Яма имела прямоугольное очертание размером 60х40 см. Длинными сторонами яма ориентирована в направлении север-юг. Ее заполнение состояло из серой и темно-серой супеси с примесью светлого суглинка и песка. Глубина ямы, имевшей отвесные стенки и ровное дно, составила 18-20 см. При расчистке в южной половине ямы обнаружен человеческий череп, находившийся в вертикальном положении, слегка наклонившись на восток. Лицевой частью череп направлен на юго-восток. В 5 см к северо-западу от него обнаружен шейный позвонок. Других находок в яме не обнаружено.

Череп неполный, отсутствуют носовые косточки и прилегающие лобные отростки верхнечелюстных, что не позволило снять ряд размеров.

Мозговой отдел характеризуется средними продоль-

ным и высотным диаметрами, большим поперечным. По указателям брахикранный, ортокранный и тапейнокранный. Лоб среднеширокий, слабонаклонный. Макрорельеф среднеразвитый. Форма по вертикали – сфеноид.

Лицевой отдел очень большой по скуловому диаметру и средней ширине, высокий. Верхняя ширина находится на границе значений среднеширокого и широкого, высота средняя. В горизонтальной плоскости слабо профилирован на верхнем и сильно профилирован на нижнем уровнях. В вертикальной норме ортогнатный по общелицевому углу. Альвеолярная часть прогнатная. Высота носа на границе среднего и большого значений. Клыковая ямка неглубокая.

Нижняя челюсть целая. Мыщелковая, угловая ширина и высота тела имеют большие значения. Высота симфиза средняя, а ширина ветви большая.

По комплексу черт данный череп в целом европеоидный, с небольшой примесью монголоидности, достаточно типичный для населения РЖВ лесостепной части Зауралья (1).

В качестве особенностей можно отметить следующие.

На правой теменной кости черепа выше теменного бугра фиксируется след бывшей в прошлом травмы. Повреждение овальной формы, размером 4х2 см, несквозное, вероятно от удара тупым предметом, имеет признаки заживления (рис. 1).

Рис. 1

На третьем шейном позвонке фиксируются четыре горизонтально ориентированных линейных пореза (три из них на теле позвонка). Одним из порезов почти рассечено тело позвонка, другим порезом отсечена часть правой нижней суставной поверхности. Видимо, этот порез был последним, так как отсеченная правая нижняя суставная поверхность подразумевает рассечение спинномозгового канала. Все порезы были выполнены с фронтальной стороны тел позвонков (рис. 2). Характер данных повреждений свидетельствует о декапитации, умышленном отчленении головы человека.

Рис.2.

Следует сказать, что декапитация как явление на палеоантропологических материалах фиксируется нечасто. В частности, для гороховской (саргатской?) культуры данный факт зафиксирован впервые, на материалах кургана №2 могильника Дачное-2. Возможно, это всего лишь частный случай. Однако, также вероятно, что здесь мы фиксируем новый элемент ритуала для данной культуры. Это предполагает впредь внимательнее относиться к палеоантропологическим исследованиям.

Примечания

1. Багашев А.Н. Палеоантропология Западной Сибири: лесостепь в эпоху раннего железа. Новосибирск, 2000.

А.А. Краснопёров
ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет», г.Ижевск

ОБУВЬ ПЬЯНОБОРСКО-МАЗУНИНСКОГО ВРЕМЕНИ

Обувь является одним из составных элементов костюма. Она дополняет комплекс одежды, подчеркивая возрастное и социальное положение ее носителя. В обуви, как и в одежде, отражаются природно-географические условия и уровень социально-экономического развития, хозяйственные занятия населения, его традиции и обычаи (4, 91).

Органических частей обуви, позволяющих восстановить ее крой и форму, в погребениях пьяноборско-мазунинского времени не сохранилось. Незначительные фрагменты кожи и ткани, законсервированные бронзовыми и железными украшениями, не дают представления о внешнем виде обуви. На костях ног и около них обнаруживаются различные пряжки, наконечники, накладки, бляхи, пронизки, бусы. Чаще всего эти украшения образуют единый ансамбль, конкретно – составляют украшения ремешка. В некоторых случаях он лишь угадывается в разрозненных деталях, смещенных со своего первоначального положения. В других – сохраняются целые наборы, закрепленные на органической основе.

К пьяноборскому времени (II в. до н.э.– III в. н.э.) относятся остатки обуви, найденные в 209 погребениях Кипчаковского, Кушулевского III, Ныргындинского II, Городищенского, Камышлытмакского, Ныргындинского I, Юлдашевского, Старокиргизовского, Чегандинского II, Куштирякского, Старочекмакского, Урманаевского II, Сасыкульского, Уяндыкского I, Афонинского, Деуковского II могильников. Фрагменты обуви не обнаружены в погребениях Икского, Галановского, Шидалинского, Трикольского, Уяндыкского II, Суюндюкского могильников. При всей редкости фиксации элементов обуви, самой обычной находкой являются остатки ремешков, скреплявших обувь в области щиколотки.

Из 11 возможных вариантов оформления ремешков реально зафиксированы только пять:

Таблица 1

	пряжка	накладки	пятка	наконечник
1	+			
2		+		
3			+	
4				+
5	+	+		
6	+		+	
7	+			+
8		+	+	+
9		+		+
10			+	+
11	+	+	+	+

Примечание:

1 – Тураево, п. 102; 2 – Тарасово, п. 1685 (Голдина Р.Д., 2003, табл. 619-1-3); 3, 4 – варианты кроя по Е.И. Оятевой (Оятева Е.И., 1962, рис. 1-4,5); 5 – Скородум (Обыденнов М.Ф. Корепанов К.И., 2001, рис. 57-

3); 6 – Булгаково, к. 5 (Клочко Л.С., 1992, рис. 2-2); 7 – Гремячан (Коренюк С.Н., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф., 1994, рис. 5); 8 – Суворово, п. 14; 9 – Урманаево, п. 6.

В подавляющем большинстве от ремешков сохранились застежки (162 случая): пряжки (42 случая) и застежки с неподвижным крючком (123 случая). Характерной особенностью этих застежек является наличие крючка на одном конце и приспособления для крепления ремешка на другом. В качестве такого приспособления могут выступать «шпеньки-пуговицы», обоймы и петельки.

Не всегда застежки обувных ремешков симметричны. В погребении 25 могильника Чеганда II обувной ремешок на левой ноге застегивался пряжкой, а на правой – застежкой с крючком. В погребениях 86 и 97 могильника Ныргында II на правой ноге сохранилась пряжка, а на левой – застежка. В погребении 285 Сасыкульского могильника в качестве обувных использовались костяные застежки с неподвижным крючком, а в погребении 2 Камышлытамакского могильника на правой ноге обувь была скреплена бронзовой застежкой, а на левой – костяной пряжкой.

Все застежки с неподвижным крючком по форме можно разделить на две большие группы: 1) овальные и круглые и 2) прямоугольные с вогнутыми длинными сторонами. Последний вариант позволяет предполагать, что данный тип застежек украшал обувь не с боковой, а с передней стороны, располагаясь на подъеме стопы. Вогнутость длинных сторон при этом не мешала ходьбе и подвижности стопы.

Застежки с неподвижным крючком стягивали узкие ремешки, которые обвивались вокруг щиколотки. В.Ф. Генинг описывает способ фиксации ремешка: в погребении 29 могильника Ныргында II ремешок, привязанный одним концом наглухо к петле застежки, обвивался дважды вокруг ноги и свободным концом зацеплялся за шпенек. Ремешок чаще всего был сложен вдвое, что и облегчало закрепление его. Концом он протягивался в кольцо или дужку с изнаночной стороны и зацеплялся за шпенек (6, 169).

Достаточно часто сохраняются украшения самого ремешка. Они зафиксированы в 38 погребениях. Интересно отметить, что в 18 могилах (Афонино, 152; Ныргында I, 315; Юлдашево, 55, 70; Камышлытамак, 35, 56; Чеганда II, 9, 21, 33, 36; Сасыкуль, 253; Уяндык I, 34; Тарасово, 1090, 1100, 1258, 1395, 1635, 1871) ремешок, помимо накладок, пронизок, бус и бляшек, имел застежку, а в 20 (Кипчаково, 18; Кушулево III, 291, 309; Афонино, 126; Ныргында II, 17, 75; Ныргында I, 273; Чеганда II, 20, 189, 201; Сасыкуль, 28, 100; Уяндык I, 4; Тарасово, 658, 660, 661, 1158, 1215, 1263, 1354) скрепляющий элемент отсутствовал, следовательно, ремешок завязывался узлом.

«Визитной карточкой» пьяноборской обуви являются ремешки, украшенные «В-образными» пронизками и бляхой. Два кожаных ремешка продевались через ряд пронизок, с пяточной стороны на ремешок нанизывалась крупная бляха с двумя или четырьмя ушками. Такой набор с бляхой зафиксирован в 18 захоронениях, из них в трех случаях бляхи сопровождались застежкой с неподвижным крючком (Кушулево III, 53, 272; Тарасово, 1108), а в двух – комплект из застежки и бляхи был дополнен бляшкой (Юлдашево, 51; Тарасово, 1274). В остальных бляха сочеталась с пронизками, в четырех погребениях комплект дополнялся застежкой с неподвижным крючком (Чеганда II, 15; Камышлытамак, 98; Юлдашево, 51; Старый Чекмак, 29), в девяти (Кушулево III, 359; Кипчаково, 15; Старокиргизово, 14; Юлдашево, 77, 84, 92; Старый Чекмак, 13, 18; Урманаево, 6) ремешки, вероятно, завязывались. Украшения обувного ремешка с левой ноги умершего из могилы 6 Урманаевского II могильника полностью сохранили свое расположение. Непрерывный ряд пронизок имел разрыв в передней части, в том месте, где находился узел (рис. 1-9).

В погребении 201 могильника Чеганда II зафиксировано по два ремешка с накладками на каждой ноге, на левой ноге ремешки располагались крест накрест. Это может характеризовать один из способов завязывания ремешков вокруг стопы.

В двух погребениях Сасыкульского могильника (139, 284-1) остатки обувных ремешков были представлены пряжками и наконечниками. Ранее наконечники обувных ремешков исследователями в пьяноборское время не отмечались. Б.Б. Агеев вообще не упоминает наконечники ремней в качестве инвентаря пьяноборской культуры (1, 30-53).

В погребении 14 Кипчаковского могильника была зафиксирована отделка носков сапог – по паре прямоугольных и «угловых» серебряных накладок.

В мазунинский период (III – V в. н.э.) находки остатков обуви еще более редки. Обувной набор обнаружен всего в 106 захоронениях (могильники: Чепанихинский, Заборьинский, Ижевский, Устьсарапульский, Нивский, Бахмутинский, Мазунинский, Югомашевский, Ангасякский, Старокабановский, Тураевский, Покровский, Тарасовский). Находки остатков обуви не отмечены в Быргындинском, Сайгатском и Малокачаковском могильниках. По составу украшений было выделено семь вариантов оформления ремешков из семи возможных:

Таблица 2

	пряжка	накладки	наконечник
1	+		
2		+	
3			+
4	+	+	
5	+		+
6		+	+
7	+	+	+

В 35 случаях ремешок скреплялся только пряжкой и дополнительных украшений не имел, в 36 – пряжка дополнялась наконечником (рис. 1-2). Лишь в одном погребении от ремешков сохранились только наконечники. Полный комплект украшений найден в 14 погребениях (рис. 1-1). Набор из пряжки и накладок отмечен в четырех могилах; из накладок и наконечника – в одном.

Большинство этнографических данных указывает, что многие типы обуви были характерны в равной мере и для мужчин и для женщин. Наличие скрепляющих ремешков говорит о том, что обувь сама по себе плотно ногу не облегала, при этом была достаточно высокой. Для памятников азелинского круга В.Ф. Генинг предполагал обувь типа высоких поршней, скроенных из одного куска сыромятной кожи. При этом там же отмечается, что кожа *тонкой выделки* была окрашена в красный цвет (5,58-59). Современные исследователи считают, что у азелинского населения бытовало два типа обуви: 1) мягкая обувь, стягиваемая на подъеме ремешком с пряжкой, накладками, наконечником, и 2) обувь типа высоких сапог с застежками, наколенными накладками и бляхами, которые украшали обувь спереди или сзади, располагаясь вертикальным рядом (7, рис. 4-2; 11, рис. 13, 23, 25, 33-1, 5). Еще одним свидетельством бытования сапог является использование накладок, украшавших носок обуви, причем форма накладок индивидуальна для правой и левой ноги.

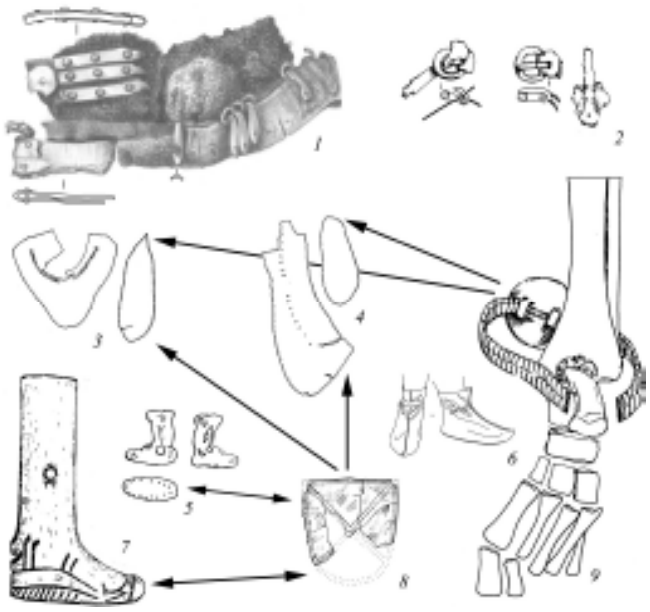

Рис.1

Л.И. Ашихмина проанализировала «модели» древней обуви финно-угорского населения. Ею указано на сходство формы двух костяных лопаточек с Буйского городища и Гремячанского поселения (рис. 1-7) ананьинской эпохи. На обоих предметах «изображен» короткий сапожок с загнутым вверх носком. На лопаточке с Буйского городища прочерченный орнамент может изображать конструктивные особенности кроя обуви (2). Глиняная фигурка из Скородумского клада (КА ПГУ, СК-1) изображает сопожок с закругленным носком и пяткой, высотой, вероятно, до колена, с несколько расширяющимся голенищем. На «подошве» ряды точек, возможно, обозначают шов (рис. 1-5) (12, рис. 57-3). Из погребения 249 Ахмыловского могильника происходит антропоморфная фигурка, изображающая мужчину в сапогах, доходящих до колена (16, табл. 44-2а).

Л.С. Клочко, исследуя скифскую обувь, располагала не только археологическими материалами, но и многочисленными изобразительными источниками. Персонажи на предметах причерноморской торевтики обуты в сапожки, подвязанные узким ремешком вокруг щиколотки и вокруг стопы. Данный факт отмечен в изображениях на чертомлыкской амфоре; гребне, горите и вазе из кургана Солоха; гривне из Куль-Обы; пекторали из Толстой Могилы; чаше из Гайматовой Могилы. Полностью сохранились мужские скифики в Булгаковском погребении. Они представляли собой короткие (высота 20 см) сапожки. Изготовлены из кожи различной выделки – на подошве очень плотной и грубой, на верхних деталях – тонкой и мягкой. В 3 см от верхнего края голенищах хорошо сохранились завязки в виде длинных ремешков, которые закручивались вокруг щиколотки. Ремешок обвивался вокруг щиколотки два раза (рис. 1-6). Женская обувь зафиксирована в кургане Вишневая Могила. Башмачки были цельнокроеные, конструктивные швы располагались спереди вдоль носка и сзади, посередине пятки. Башмачки удерживались на ноге с помощью ремешков, обвязанных вокруг щиколотки. Изготовление обуви было домашним, женским ремеслом. По мнению исследовательницы, при всем своеобразии скифской обуви она обладает чертами, характерными в рассматриваемый период для всей территории Евразии (9, 27-31). В описании присутствует важная для нас деталь – обувь закреплялась на подъеме стопы шнурком, обвитым в два ряда.

Почти целые экземпляры кожаной обуви находят в нижних слоях древнерусских поселений, начиная с X в. (8, 14, 15). К основным типам обуви относятся поршни (постолы), туфли, полусапожки, сапоги, лапти. Поршни, по мнению В.И. Даля, вообще не шьются, а гнуться из одного лоскута сырой кожи на вздежке. Туфли характеризуются мягким, свободным кроем и пришивной подошвой. У большинства экземпляров такой обуви вокруг щиколотки присутствует стягивающий ремешок, завязывавшийся спереди, на подъеме. Сапоги и полусапожки характеризуются, прежде всего, наличием голенища.

Нахождение в погребениях украшенных ремешков говорит, что наиболее вероятными типами обуви в этих погребениях являются туфли и сапоги. Бытование сапог подтверждается не только украшениями из погребения 14 Кипчаковского могильника, но и находками на азелинских памятниках. Можно также высказать предположения относительно кроя. Форма накладок из погребения 14 Суворовского могильника (рис. 1-8) говорит о том, что носок обуви и передняя часть подошвы была закруглена. А наличие в составе ремешков *плоской* пяточной бляхи (рис. 1-9), свидетельствует, что пяточная часть была удлиненной, что соответствует цельнокроеной заготовке верха со швом сзади (рис. 1-3). Этот вариант наиболее вероятен. Либо носок и пятка были равномерно закруглены (рис. 1-4).

Также, учитывая практически повсеместную известность (изображения присутствуют даже на трофеуме Траяна в Адамклисси), могли бытовать и постолы (поршни). Вероятно, поршень, стянутый шнуровкой, изображен на фрагменте фигурки с Подборновского поселения эпохи бронзы (3,133,232, рис. 70-12). Их конструкция чрезвычайно проста и не подразумевает каких-либо украшений. Низкая «стоимость» делала этот вид обуви доступным для всего населения.

Нельзя исключать и бытования валяной и плетеной (лапти из лыка и кожи) обуви. Особенно для погребений, где украшения обуви не зафиксированы. Хотя инструменты для плетения лаптей – кочедыки – на территории мазунинской культуры не зафиксированы (13, 160). Вероятность бытования войлочной обуви косвенно подтверждается двумя фактами: территориальным – обширные лесные пространства с континентальным климатом и многоснежной зимой, и хозяйственным – разведение мелкого рогатого скота на шерсть.

Примечания

1. *Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992.*
2. *Ашихмина Л.И. «Модели» древней обуви с территории финно-угров // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003. С. 144-150.*
3. *Бадер О.Н., Попова Т.Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР: Археология СССР в 20-ти т. М., 1987. С. 131-135.*
4. *Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана. Историко-этнографический атлас. Пущино, 2001.*
5. *Генинг В.Ф. Азелинская культура III-V вв.: очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов // ВАУ. Вып. 5. Ижевск-Сведловск, 1963.*
6. *Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Чегандинская культура III в. до н.э. – II в. н.э. Часть I // ВАУ. Вып. 10. Ижевск-Свердловск, 1970.*
7. *Голдина Р.Д. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1987. С.41-63.*
8. *Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. 1959. №65. С. 192-222.*
9. *Клочко Л.С. Скифская обувь // СА. 1992. №1. С.26-33.*
10. *Коренюк С.Н., Лепихин А.Н., Мельничук А.Ф. Исследова-*

ние культовых памятников раннего железного века в Среднем Приуралье // АОУП. Йошкар-Ола, 1994. С. 67-71, 171.
11. Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – новый памятник пьяноборской эпохи на Вятке. Ижевск, 2000.
12. Обыденнов М.Ф., Корепанов К.И. Человек в искусстве Урала, Прикамья и Среднего Поволжья. Уфа, 2001.
13. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III-V вв. Ижевск, 1997.
14. Оятева Е.И. Обувь и другие кожаные изделия древнего Пскова // АСГЭ. Вып. 4. Славянские древности. Л., 1962. С.77-94.
15. Оятева Е.И. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 15. Л., 1973. С.105-111.
16. Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы. М., 1982.

Сокращения:
АОУП – Археологические открытия Урала и Поволжья
ВАУ – Вопросы археологии Урала
СА – Советская археология
АЭ – Археологическая экспедиция
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

Ю.А. Подосёнова
Пермский государственный педагогический университет,
г. Пермь

ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ С ПРИВЕСКОЙ В ВИДЕ ПОЛОГО ШАРА И КОНУСА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЛОМОВАТО - РОДАНОВСКИХ ДРЕВНОСТЯХ

Височные украшения с привеской в виде полого шара и конуса на территории Пермского Предуралья имеют весьма длительный период бытования: появляясь здесь ещё в конце VII - VIII вв.(2,129; 5,347) в виде простых, зачастую не декорированных украшений, они достигают своего апогея в виде украшений с грушевидной привеской с зерно-сканым декором, бытующих вплоть до XIII в. (1, 73 - 78).

На сегодняшний день наиболее полным анализом данной группы украшений является исследование С.С. Рябцевой. В поле исследования ученой вошли височные украшения с привеской в виде полого шара и конуса с территории всего Прикамья. Впервые было уделено внимание технологическим особенностям данных украшений. Исследовательница описывает следующую технологическую схему данных украшений (условно назовём её схемой первой (рис. 1 а). - Ю. П.). Это украшения, состоящие из кольца - дужки, продетого сквозь петлю, в которую загнут штырь, на который нанизана привеска, состоящая из усеченного конуса и шарика.

По мнению С.С. Рябцевой, экземпляры, выполненные по этой технологической схеме, будут бытовать на территории Пермского Предуралья до XI века. На протяжении VIII - XI вв. они несколько видоизменяются - становятся крупнее, появляются дополнительные детали (полые шарики на дужке, цилиндрик при переходе кольца - дужки в привеску), усложняется декор (от 1 - 2 рядков рубчатой проволоки до украшений с зернью и сканью), привеска приобретает уже совершенную грушевидную форму. Кроме бронзовых появляются экземпляры, выполненные из серебра и комбинированные (5, 347 – 349). Под данную технологическую схему попадают украшения не только с Деменковского, Урьинского, Каневского, Телячий Брод и Аверинского могильников, но и украшения с Баяновского, Редикарского, Важгортского, Городищенского (Степаново Плотбище) могильников.

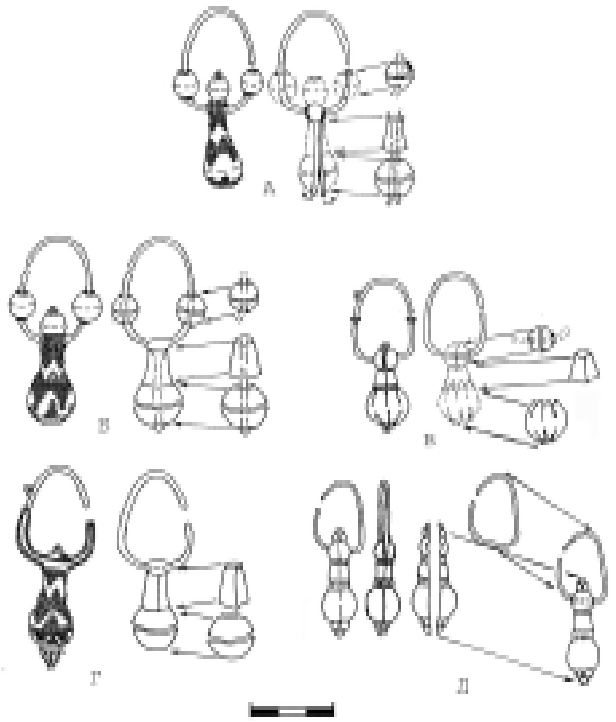

Рис.1. Височные украшения с привеской в виде конуса и полого шара

С наблюдениями С.С. Рябцевой нельзя не согласиться, однако, в связи с обработкой материала с памятников, не вошедших в поле внимания исследовательницы, возможно их и дополнить.

Анализ украшений с памятников Пермского Предуралья, датируемых VIII - XI вв., свидетельствует о других способах изготовления данных украшений.

Схема вторая (рис. 1 б). Это украшения из серебра или бронзы, где кольцо - дужка отлито вместе со стержнем - штырём, на который нанизывалась привеска. Составными частями привески являются литой усеченный конус, сужающийся кверху, и две литые половинки полого двусоставного шарика с отверстиями для стержня. Снизу штырь либо загнут, либо расплющен для укрепления конструкции.

В качестве основных декоративных элементов использовались зернь, рубчатая проволока, псевдозернь. Рубчатая проволока чаще всего располагалась 2-3 рядами на месте припая деталей привески (горизонтальные ряды) и на утолщении, на кольце над привеской (вертикальные ряды). Зернь, выложенная треугольниками, украшала усеченный конус и полый шарик. Иногда вместо зерни использовалась псевдозернь, которая представляла собой литой в односторонней форме равносторонний треугольник с полушариями (имитация зерни) на нём.

Все экземпляры (4) украшены двусоставными полыми шариками, нанизанными и припаянными на кольцо - дужку по одному с обеих сторон. Один такой шарик, зачастую украшенный сверху пирамидкой зерни, украшал место над привеской.

Нижняя часть привески также часто украшалась пирамидкой зерни.

Изделия происходят из Плёсинского могильника (VII - X вв.).

Схема третья (рис. 1 в). Это украшения (3 экз.) комбинированные из серебра и бронзы, где на кольцо - дужку нанизывался полый двусоставной тисненный шарик,

так, что его шов располагался по отношению к основанию кольца - дужки вертикально. К полому шарику припаивался усеченный конус, сложенный из тонкого прокованного листа серебра. В усеченный конус вставлялся и припаивался полый шарик. Шарик был не литым и не двусоставным, как в предыдущих случаях, а сложенным из прокатанного листа серебра (скорее всего подпрямоугольной формы) с треугольными прорезями.

В качестве декора здесь выступает рубчатая проволока и зернь. Рубчатая проволока закрывала места припая в один ряд, а также служила ободками на боковых сторонах кольца - дужки. Зернь же здесь выкладывалась пирамидками: в верхней части одной из боковых сторон, на полом шарике - как завершающая часть привески.

Данные изделия встречены на Пыштайнском (VIII - X вв.) и Плёсинском (VIII- X вв.) могильниках.

Схема четвертая (рис. 1 г). Украшения, выполненные по этой схеме (8 экз.), редки и в основном происходят из кладов или случайных сборов. Это украшения чаще всего из серебра, где на кольцо - дужку либо нанизывался двусоставной полый шарик (швом вертикально по отношению к кольцу), либо кольцо - дужка имело прикрытое рубчатой проволокой или половинкой полого тисненого шарика шарообразное утолщение. К шарику или утолщению припаивалась привеска, состоящая из двух частей - усеченного конуса и полого шарика. К конусу припаивалась и другая часть привески - полый двусоставной тисненый шарик. То место, где находился припай, украшалось сканью, расположенной двумя нитками так, что создавалось впечатление косички. Гладкие части шарика и конуса украшались зернью, уложенной треугольниками. Зернь имела разные размеры (1-2 мм в диаметре). После декорирования свободная от зерни и скани гладкая часть (фон) шарика и конуса покрывалась позолотой.

Нижняя часть привески украшалась пирамидкой из зерни крупного размера (2-3 мм в диаметре).

Кольцо - дужка могло быть украшено либо нанизанными с боковых сторон по одному полыми двусоставными тисненными шариками, либо поделено на две части - верхнюю и нижнюю. Нижнюю часть оплетала в три ряда декорирующая проволока с косыми насечками, имитирующими скань, верхнюю часть с одной из боковых сторон украшала пирамидка зерни.

Данные изделия происходят из Лекмортовского клада и случайных находок из с. Рождественское и других мест.

Многие исследователи связывают происхождение данных изделий с ювелирными мастерскими Волжской Болгарии. Однако факт того, что на территории Волжской Болгарии таких украшений (как и других зерно - сканых изделий, атрибутированных как булгарские) не встречено, позволяет оставить этот вопрос открытым (4, 157; 3, 155-156).

Кроме этого, в X - XI вв. данные украшения начинают копироваться двумя другими способами, где привеска имеет грушевидную форму, но уже не состоит из шарика и конуса. Один из таких способов - это литьё по восковой модели, а другой - со сборной грушевидной привеской (рис. 1 д). Привеска в них была составлена из двух вертикальных литых полых половинок. В ней можно проследить имитацию двух полых шариков и усеченного конуса между ними, а также и декорирующие элементы в виде пирамидок зерни на верхнем шарике и под нижним шариком. Полые половинки отливали скорее всего в односторонней форме. На краях верхних полушариков обеих половинок проточены пазы, куда в дальнейшем вкладывалось проволочное кольцо - дужка. Стыки половинок сложенной таким образом привески с проходящим через неё кольцом - дужкой припаивались к друг другу. Данные украшения были встречены на Купросском городище.

Анализ височных украшений с привеской в виде конуса и полого шара позволяет сделать нам некоторые выводы и предположения.

Первоначально на территории Пермского Предуралья появляются украшения, выполненные по первой технологической схеме, о чем свидетельствует не только ранняя датировка погребений, где были встречены данные экземпляры, но и внешний их «незавершенный» вид, где конус и полый шарик ещё идут обособленно друг от друга, с малым декором или без него. Затем, приобретая привеску с совершенной грушевидной формой, их изготовление копируется по другим технологическим приемам. Преобладание (по численности и по территории распространения в Пермском Предуралье) украшений, выполненных по первой схеме, и единичная концентрация украшений, выполненных по другим технологическим схемам, может свидетельствовать о собственном производстве данных украшений и, как следствие этого о высоком профессионализме средневековых ювелиров и популярности данных украшений в продолжительный период времени.

Примечания

1. *Белавин А.М. Камский торговый путь: средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.*
2. *Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.*
3. *Руденко К.А. Булгарские ювелирные изделия // II Северный археологический конгресс: тезисы докладов. Ханты-Мансийск - Екатеринбург, 2006.*
4. *Руденко К.А. О роли финно-угров в сложении культуры Волжских Болгар XI - XIV вв. // Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи финно-угорских народов. Йошкар-Ола, 2004.*
5. *Рябцева С.С. «Близнецы» или «двойники»? О сходстве и отличии «волынских» и «прикамских серег»// STRATUM plus: неславянское в славянском мире. Санкт - Петербург - Кишинёв - Одесса. 1999. №5.*

А.Н. Сарапулов
Пермский государственный педагогический университет,
г. Пермь

О ЗЕМЛЕДЕЛИИ СЫЛВЕНСКО-ИРЕНСКОГО ПОРЕЧЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Сылвенско-Иренское поречье (нижнее и среднее течение рек Сылвы и Ирени с притоками) располагается на территории Пермского Предуралья, обширной географической зоны, внутри которой локализуются отдельные местности, существенно отличающиеся друг от друга широтным расположением, почвенно-географическими и климатическими условиями.

На изучаемой территории отмечается наличие высокопродуктивных черноземных и сероземных степных и лесостепных почв. Особенностью ландшафта является существование широких сухих пойм и относительно ровная поверхность. В целом все особенности создавали выгодные для земледелия условия, которые в сочетании с мягким климатом делали район привлекательным для развития хлебопашества.

Но археологические материалы не дают нам не одного прямого доказательства существования пашенного земледелия в средневековье, в отличие, например, от

территории Верхнего Прикамья, где известно более 156 наконечников пахотных орудий (1).

В 2002 г. вышла статья известного удмуртского археолога И.Ю. Пастушенко, посвященная истории земледелия в Сылвенско-Иренском поречье.

И.Ю. Пастушенко, анализируя сопутствующие, на его взгляд, пашенному земледелию археологические и этнографические материалы (наличие серпов, кос-горбуш, жерновов, большого объема зерна), делает вывод о том, что на данной территории использовали цельнодеревянные пахотные орудия, материальные остатки которых не сохранились (4, 271-272). Сделанный ученым вывод является лишь умозрительным, так как археологически наличие цельнодеревянных пахотных орудий подтвердить невозможно, потому что в данных почвенных условиях дерево не сохраняется. Но, несмотря на это, многие исследователи отмечают, что цельнодеревянные пахотные орудия вполне могли использоваться (Ю.А. Краснов, Н.Я. Мерперт, Р.Д. Голдина, В.А. Кананин). Именно поэтому мы с точной уверенностью не можем опровергнуть данный тезис или его подтвердить.

Некоторые ученые считают, что перелог всегда сочетается с пашенной формой обработки земли. Что касается данной территории, то у нас нет точных данных об использовании пахотных орудий в Сылвенсо-Иренском поречье. Тем не менее мы все-таки считаем, что переложная система земледелия была распространена на рассматриваемой территории в эпоху средневековья. Необходимо отметить, что И.Ю. Пастушенко, анализируя письменные источники (Писцовые книги 1623/24 гг. Михаила Кайсарова), делает вывод о том, что к моменту начала русско-татарской колонизации региона население сочетает в своем хозяйстве перелог и пар, притом перелог, по-видимому, имеет глубокие давние традиции (4, 171).

Таким образом, все-таки мы склонны утверждать, что переложная система существовала в средневековье на территории поречья, но, возможно, с использованием **ручных орудий для обработки почвы.** Об этом свидетельствует:

- во-первых, находки «пешни», которые Ю.А. Краснов предложил относить к наконечникам ручных орудий для вскопки земли (2). И.Ю. Пастушенко считает, что пешни могли использовать как наконечники пахотных орудий. Пешни имеют округлую форму и ими совершенно не рационально распахивать почву, т.к. широкая рабочая часть, как у обычных ральников, у пешни отсутствует. Кроме того, пешни имеют широкие аналогии в этнографическом материале различных частей света. И везде они являются наконечниками палок для выкапывания земли. Такие аналогии можно найти в Европе, в Азии, в Африке и в Америке. Тот факт, что пешни могли быть наконечниками орудий для копания земли, подтверждает и находка в Муромском могильнике X-XI вв. Здесь была найдена пешня на краю кремационной ямы, выкопанной, очевидно, этим орудием (2, 26);
- во-вторых, на наш взгляд, нельзя говорить о прямой зависимости между пашенным земледелием и наличием большого количества орудий для сбора урожая и обработки зерна. Такая зависимость наблюдается лишь с высокой урожайностью полей, которая может быть достигнута не только в условиях пашенного земледелия;
- в-третьих, участки при ручной обработке в силу качественности работы были более производительными и давали большие урожаи, если еще и учесть, что почва здесь благоприятствовала этому.

Можно предположить, что сроки непрерывного использования под посев участков открытых пространств при обработке их ручными орудиями были в общем несколько большими, чем при переложной системе с применением упряжных пахотных орудий. В последнем случае никогда не наблюдается той интенсивности обработки почвы, которая характерна для земледелия беспашенного. Этнографические данные конца XIX – начала XX вв. показывают, что на территории лесной полосы посев на одном и том же участке при переложной системе с применением пахотных орудий редко превышал 3-5 лет, после чего поле забрасывалось на 15-20 лет (2, 63). Новь, целина, использовалась несколько дольше. Как отмечает В.И. Белицер, у коми новый участок, не занимавшийся ранее под пашню, использовался в течение 5-10 лет, затем забрасывался на 15-20 лет. Иногда с такого участка снимали несколько покосов сена. Через 15-20 лет заброшенный участок вновь распахивали, но эксплуатировался он уже более короткий срок (1, 36-37).

Многочисленные этнографические данные позволяют в общих чертах восстановить картину земледельческих работ при переложном земледелии с применением только ручных почвообрабатывающих орудий. Небольшие по размерам тщательно обработанные поля располагались поблизости от поселений, преимущественно в долинах рек, на мягких плодородных землях. Поля менялись относительно редко. Обработка нови или залежи производилась разнообразными ручными орудиями. Поднятая новь, или залежь, обрабатывалась затем различными вспомогательными орудиями. Целью повторной обработки было доведение почвы до агрегатного состояния. Посев производился вручную, вразброс или рядовым способом. В последнем случае небольшой палкой проделывалась лунка, в которую бросали зерно и затаптывали его ногой. Борозду для зерен могли проделывать и при помощи специального ручного орудия для проделывания борозд. Заделывание семян могло производиться также граблеобразными орудиями или просто связкой хвороста.

Если поле обрабатывалось не первый год, и почва на нем была достаточно мягкой, предпосевная обработка могла ограничиваться легким взрыхлением. Перед посевом могло практиковаться выжигание остатков прошлогодней растительности, чем достигалось некоторое удобрение почвы и до определенной степени устранение сорняков. Поля, заброшенные в перелог, могли использоваться под выпасы. Действующие поля обычно огораживались для защиты от потравы, прежде всего, домашними животными, как это и делалось у коми до недавнего прошлого.

Таким образом, мы можем отметить, что в Сылвенско-Иренском поречье в эпоху средневековья могли применяться как цельнодеревянные пахотные орудия, так и ручная обработка земли. Пока этот вопрос остается открытым. Данная тема требует дальнейшего изучения с привлечением всего объема археологических, этнографических и лингвистических источников.

Примечания

1. *Белицер В.Н. Очерки по этнографии народов коми. – М.: Наука (Тр. / ИЭ), 1958.*
2. *Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М., 1971.*
3. *Оборин В.А. Костяная рукоятка из Анюшкара (Кыласово) // КСИИМК .1955. № 57.*
4. *Пастушенко И.Ю. К вопросу о земледелии у населения бассейна р. Сылвы в эпоху средневековья // Исследовательские традиции в археологии Прикамья. Ижевск. 2002.*

В.В. Васильев
Курганский государственный университет, г.Курган

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОКРОУСОВСКОМ РАЙОНЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Лесостепное Притоболье, являющееся в данный момент территорией современной Курганской области, всегда привлекало внимание исследователей. В составленной Н.Б. Виноградовым «Археологической карте Курганской области» в 1993 г. на нашей территории насчитывалось свыше 1000 археологических памятников (1), число которых неуклонно растёт с каждым годом. Однако есть районы области, которые являются буквально археологической «terra incognita» для исследователей. Одним из таких районов и является Мокроусовский район на северо-востоке области, где в 1986 г. на всей территории района, площадью 3076 кв. км, был известен всего 1 памятник (2, 174 – 175). Это связано не столько с удаленностью данного района, сколько со слабой изученностью данной территории, почему-то не привлекающей внимания учёных.

Объектом исследования является Мокроусовский район Курганской области, земли с древнейших времен должны были привлекать людей своими богатыми рыбной ловлей озерами и густыми лесами с изобилием различной дичи. В настоящее время север Мокроусовского района считается одним из самых живописных мест в Курганской области. Большое количество чистейших родников, берега и овраги, глубина которых достигаем более 30 метров. Так называемое место «Согра» - крутые берега из белой глины, заросли черемухи и березы - производит незабываемые впечатления.

Несмотря на это, в районе до настоящего исследования был известен только один памятник, открытый Н.Б.Виноградовым в 1986 году, - стоянка Михайловка-1 в 1 км ЮВ с. Новотроицкого, в 3 км СЗ д. Михайловки, на распаханном мысе северного берега р. Суерь. Площадь подъёмных сборов составила 6400 кв.м. Предварительная датировка стоянки – поздний неолит-энеолит (3, 174 – 175).

Цель данной работы дополнить археологическую карту Мокроусовского района, включив новые памятники и случайные находки. Так, в фондах музея Мокроусовского краеведческого музея до 2005 года хранилась единственная археологическая находка – железный меч, найденный в середине 80-х годов XX века при строительстве силосной ямы в урочище «Убиённое» у д. Одино (4). Меч с кольцевидным навершием на рукояти и с ромбическим в сечении длинным, свыше 1 метра, лезвием. Рукоять прямая, ромбовидная в сечении. Крупное кольцо навершия диаметром 7,5 см изготовлено из железного прута и приварено к рукояти. Перекрестье прямое, с закруглёнными углами. Длина лезвия, а также небольшая ширина у перекрестья позволяют отнести данный экземпляр к группе узких мечей, которые приспособлены не столько для колющего, сколько для сильного рубящего удара и служили оружием исключительно конных воинов.

Мечи и кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестьем становятся ведущей формой в среде кочевников степей Евразии (III-II вв. до н.э – II в. н.э.) Такие длинные мечи были дорогим и исключительно опасным оружием. Интересно, что кинжалы и мечи с кольцевым навершием и прямым перекрестьем очень широко известны в Южном Приуралье, Нижнем Поволжье, на Нижнем Дону, но в музейных фондах Курганской области хранятся только 2 экземпляра подобного типа оружия. Второй подобный меч найден в Шадринском уезде и сейчас находится в Курганском областном краеведческом музее.

Рис.1. Меч найден в урочище «Убиенное», Мокроусовский район. Длина свыше 1 метра

Автором данной работы были проведены самостоятельные полевые исследования на краеведческом уровне (после соответствующих консультаций и получения полевого опыта в археологических разведках и экспедициях КГУ) в Мокроусовском районе.

В ходе предварительного осмотра были открыты три памятника археологии – поселение энеолита - финальной бронзы Погадаево-1, поселение финальной бронзы Погадаево-2, поселение раннего железного века Погодаево-3. Все полученные материалы были переданы им для проверки и дальнейшей обработки в археологическую лабораторию КГУ.

Поселение Погодаево-1. Находится непосредственно на южной окраине д. Щигры (данная часть деревни у местных жителей именуется «Погодаево»), на невыраженном мысе восточного берега р. Кизак, на площадке высотой 6 м от уровня воды. Площадка сильно повреждена тракторами, когда при строительстве плотины через р. Кизак была содрана большая часть культурного слоя. Площадь подъёмных сборов – 60 кв.м. Судя по стратиграфии откоса реки, мощность культурных отложений, куда входят и напластования д. Щигры, составляет 1,5 - 2 м. В рытвинах, оставленных техникой, и промоинах было обнаружено около 60 фрагментов керамики, обломки обожжённых костей и обломок костяного орудия.

Керамическая коллекция разделяется на 2 группы. Первая группа (15 фр.), орнаментированная гребенчатой техникой в виде «шагающей гребёнки», горизонтальных линий и зигзагов, относится к эпохе энеолита. Вторая группа самая многочисленная (43 фр.), датируется эпохой финальной бронзы. Данная керамика орнаментирована в прочерченной, накольчатой и гребенчатой техниках. Орнаментальные мотивы: горизонтальные пояса ромбов, образованные отпечатками гребенчатого штампа, горизонтальный зигзаг, пояса наколов, желобки, прочерченные линии. В большинстве фрагментов присутствует примесь талька. Данная керамика относится к памятникам черкаскульского-межовского круга.

Имеется ещё несколько неорнаментированных фрагментов, которых по профилировке и обильной примеси слюды и талька можно отнести к эпохе раннего железа.

Поселение Погодаево-2. Располагается в 1 км ЮЗ д. Щигры, на третьей надпойменной террасе западного берега р. Кизак, в 13 м от уровня воды. Площадь подъёмных сборов – 1000 кв.м. С поверхности поселения, сильно разрушенного распашкой, найдено 4 фрагмента керамики красноватого оттенка. 3 фрагмента с примесью шамота, 1 - талька. Орнаментирован только один фрагмент в прочерченной технике, орнаментальная композиция состоит из горизонтального зигзага по верхнему краю венчика. Предварительная датировка памятника – финальная бронза.

Поселение Погодаево-3. Открыто в 2 км ЮЗ д. Щигры, на третей надпойменной террассе западного берега р. Кизак, на высоте более 10 м от уровня воды. Площадка памятника хорошо задернована, с западной стороны поселения березовый лес. Зафиксировано 5 округлых углублений диаметром 6-8 м и глубиной до 20 см с обво-

ловкой по краям. На поселении в выкиде свежевырытой норы барсука было обнаружено 3 неорнаментированных, сильно талькированных фрагмента керамики и зуб лошади. Предварительная датировка памятника – ранний железный век.

Помимо поиска памятников археологии автор сфотографировал ряд живописных мест района и собрал небольшой фольклорный материала, а также изучил найденные палеонтологические материалы, которые хранятся в музее районного центра: берцовая кость мамонта, бивень мамонта, зубы мамонта, нижняя челюсть шерстистого носорога, череп эласмотерия и др. Все экспонаты останков доисторических животных, переданные в дар Мокроусовскому музею, являются случайными находками в устье р. Кизак и р. Манай.

В Мокроусовском районе в августе 2006 г. у с. Куртан в обрыве северного берега оз. Куртан местным жителем Николаем Фереферьевиче Фомягиным (5) случайно найдено древнее захоронение.

Рис.2. Захоронение раннего железного века, найденное у озера Куртан

На дне погребения, половина которого уже осыпалась в оз. Куртан, была расчищена верхняя половина человеческого скелета молодого мужчины 20 -25 лет, ростом 156 см (определение Ю.Н.Грехова, Бюро судмедэкспертизы г. Кургана). Древний скелет залегал на глубине 1,5 м от современной поверхности, в прямоугольной в разрезе могильной яме. Дно погребения было покрыто меловой подсыпкой. Костяк лежал на спине, черепом на север. Сам череп был приподнят и наклонен на правое плечо, глазницами на юг. Кости рук слегка разведены в стороны. Рядом с костями левой руки обнаружены компактно лежащие 7 наконечников стрел из кости. Судя по их веерообразному расположению (все острия небольших наконечников направлены на север) рядом с умершим был положен колчан с охотничьими стрелами. В изголовье могилы слева за черепом был расчищен не орнаментированный круглодонный сосуд с отогнутой шейкой. Керамика неважного качества – рыхлая, плохо обожженная, с добавками толчёной раковины и талька. Под сосудом найдена частично расколотая трубчатая кость небольшого копытного животного.

Судя по наконечникам длиной всего 7-8см, с ромбовидным пером и плоским черешком, все они были охотничьими. Костяными наконечниками подобного типа пользовались охотники от неолита до средневековья – слишком они универсальны. Технология их изготовления не менялась тысячелетиями. Брали крупную трубчатую кость животного, откалывали суставные головки, а среднюю часть раскалывали на четыре части и из каждой вырезали наконечник стрелы. Но на наконечниках из Куртана сохранились чёткие следы обработки железным ножом. Сосуд, стоявший в изголовье погребенного, имеет четкую привязку к древностям эпохи раннего железа, как и положение скелета вытянутого на спине, ориентированного на север. Ритуальная меловая подсыпка так же характерна для погребального обряда того времени.

Итак, на данный момент в Мокроусовском районе Курганской области известно 6 памятников археологии – стоянка Михайловка-1 (энеолит и неолит), поселение эпохи финальной бронзы Погодаево-1,2, поселение раннего железного века Погадаево-3, одиночное захоронение Куртан-1 и случайная находка крупного железного меча (Убиенное-1) д. Одино. Так, за 2006 год было обнаружено 4 новых памятника и одно точно зафиксированное палеонтологическое местонахождение Щигры-1.

Дальнейшее проведение археологических и палеонтологических изысканий в Мокроусовском районе позволит открыть ещё больше памятников древности и постепенно стирать «белые пятна» с археологической карты Южного Зауралья.

Примечания

1. *Археологическая карта Курганской области. Курган, 1993. С. 174 – 175.*
2. *Шилов С.Н. Ударный кулак дружины. Найден уникальный меч сарматского кавалериста // от. Новый Мир 29. 03. 2003.*
3. *Шилов С.Н. Охотник из Куртана // от. Восход. 20. 09. 06.*

П.Г. Данилов
Тобольский государственный историко-архитектурный музей - заповедник, г. Тобольск

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХРАМА ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА В ТОБОЛЬСКЕ

В связи с программой по превращению Тобольска в туристический центр Западной Сибири в городе развернулись масштабные реставрационные работы памятников каменного культового и гражданского зодчества. Кроме Софийского комплекса начались работы и на церквях, расположенных в подгорной части Тобольска. Состояние этих историко-культурных объектов вызывает повышенные опасения. Причинами для этого служат их местонахождение в заболоченной пойме реки Иртыш, высокий уровень грунтовых вод, вызывающий обводнение фундаментов и их постепенное оседание и разрушение под собственным весом. Первоочередные работы, начатые здесь, связаны с укреплением фундаментов и отводом поверхностных и грунтовых вод. Одним из таких храмов является Крестовоздвиженская церковь, находящаяся в отдаленной части города – Заабрамке.

Годы строительства данной церкви являлись для Тобольска временем подъема каменного строительства, затронувшего культовое зодчество, гражданское и общественное домостроение. Зодчество всей Западной Сибири и Урала в это время находилось под влиянием тобольской архитектуры, представители которой играли активную роль в строительстве храмов по всему региону. В тобольском культовом зодчестве с 40-х гг. XVIII века нашли отражение новые формы и стили, характерные для русской архитектуры конца XVII – начала XVIII в. Складывалась самобытная строительная культура, известная как «тобольское барокко» (8). К этому стилю архитекторы и искусствоведы относят ряд храмов, строившихся в эти годы – это Рождественская, Андреевская, Михаилоархангельская, Крестовоздвиженская, Захарьевская церкви.

Первый деревянный храм Воздвижения Креста был

построен в этом отдаленном предместье города в 1652 г. В 1743 г., после пожара, храм был возобновлен, и только в 1753 г. священник Иоанн Бурцов и церковный староста Дягилев обратились с прошением к митрополиту Сильвестру, испрашивая разрешения на построение каменного нового храма «в верхнем храме в то же имя, как и деревянный, в нижнем храме в честь Покрова Пресвятые Богородицы» (6, 328). Строительство каменного храма началось в том же году. Местом для него послужил искусственный остров на берегу р. Покровки. Остров был возведен тобольскими купцами братьями Евгением и Иваном Медведевыми для своего дома, однако они пожертвовали остров для церкви. Строительство продвигалось медленно, поскольку велось на пожертвования прихожан. В 1761 г. был освящен нижний храм во имя Покрова Богородицы, а в 1771 г. верхний храм. Каменная колокольня была достроена в 1784 г. (8, 156). Таким образом, строительство церкви продолжалось 30 лет. Еще позднее, в октябре 1789 г. был заложен северный придел на имя Симеона Столпника (7, 10).

В советское время в здании церкви размещалась овощная база. После ее закрытия в начале 90-х гг. XX в. храм пришел в запустение. В 2005 г. в церкви начались реставрационные работы, в рамках которых были проведены археологические исследования внутри храма с целью изучения фундаментов и культурного слоя. Были заложены два шурфа в алтарях центрального и северного приделов.

Глубина заложения фундамента составила 2,5 м в центральном приделе. Фундамент сложен из кирпича на известковом растворе, шире стены на 78 см. Расширение создано за счет пяти ступеней, спускающихся к подошве фундамента. Две верхних ступени сложены тычковым способом, три нижних ложковым способом. Размеры кирпича: 28 х 12 х 6 см. В основании фундамента были выявлены бревна – лежни из лиственниц, диаметром 60 – 70 см. Таким образом, удалось установить устройство фундамента храма – в вырытую траншею укладывались лежни, на которые выкладывали кладку фундамента. Снаружи фундамент алтарной апсиды дополнительно усилен путем создания здесь кирпичной площадки подпрямоугольной формы шириной не менее 2 м.

Исследователи отмечают, что в русском каменном зодчестве были широко распространены два типа оснований фундамента – на сваях и на лежнях. Свайные основания имели стены и башни Белого города в Москве (1586 – 1588 гг.), ворота детинца во Владимире (XII в.) (5, 220), крепостные стены Орла – городка (XVII в.) (13, 147). В Тюмени при раскопках колокольни Благовещенского собора, построенного в 1700 – 1708 гг., были выявлены следы деревянных свай (17, 29). В свою очередь бревна – лежни выявлены в основаниях Успенского собора Киево-Печерской лавры (1073 – 1078 гг.) (23, 30), церквей Бориса и Глеба в Вышгороде (10, 89), Спаса на Берестове XI – начала XII в. (9, 232), Успенского собора во Владимире (1185 – 1189 гг.) (4, 471), церквей Святого Саввы (1418 г.) и Спас-Преображения (1421 г.) в Новгороде (11, 42), келий Сретенского монастыря конца XVII – начала XVIII вв. (22, 178), частного дома XIX в. в Пскове (16, 81).

В качестве материала на лежни в Европейской России шел дуб, в Сибири его заменила лиственница. Как правило, наличие свай и лежней в основании фундаментов объяснялось повышенной влажностью грунтов, на которых строилось здание. Крестовоздвиженская церковь, хотя и была построена на искусственном острове, находилась в пойме реки Иртыш на болотистых грунтах и нередко подвергалась наводнениям. Так, в 1784 г. вода поднялась настолько, что церковь оказалась затопленной на 1 аршин 5 вершков (75 см). Наводнения наносили ущерб и острову, поэтому в 1789 г. он был укреплен деревянными обрубами (6, 329).

Фундамент северного придела имеет несколько иную конструкцию. Глубина заложения его меньше – подошва выявлена на отметке 200 см. Сложен фундамент способом тычок – ложок на известковом растворе, при этом на его стенках видна тонкая известковая обмазка, чего нет в устройстве фундамента центрального придела.

Кроме того, в северном приделе в границы шурфа 1 попали три погребения (одно детское, два взрослых) приходского кладбища. Датировать погребения, исследованные в 1 шурфе, можно достаточно точно в пределах 1761 – 1789 гг., т. е. с момента освящения храма до начала строительства северного придела. Погребенные похоронены в деревянных гробах в два яруса. В верхнем ярусе находилось детское погребение, поставленное сверху на крышку гроба взрослого человека (погребение № 3). Костяки лежали на спине, вытянуто, головой на юго-запад. В детском погребении сохранились фрагменты специальной погребальной кожаной обуви. Тапочки скроены из целого куска кожи, не имеют дополнительных креплений для фиксации на ноге и являются атрибутом погребальной одежды. В этнографической литературе погребальная обувь, скроенная из цельного куска кожи, называется в зависимости от региона по-разному – калигвы, калиги, калижки (19, 2). Аналогичная погребальная обувь встречена в погребениях XVII века на кладбище при Вознесенской церкви в Тобольске (1, 98 - 103). Кожаная погребальная обувь встречена в материалах русских некрополей XVII – XVIII вв. Верхотурья, Каменска-Уральского (14, 120), Спасском и Орловском могильниках Приуралья (12, 212), средневековой Москвы (18,22). В Среднем Прииртышье при раскопках поселения XVIII в. Изюк I на выявленном сельском кладбище в нескольких погребениях была обнаружена кожаная обувь (21, 423).

В двух взрослых погребениях, не потревоженных рабочими, обувь не сохранилась, однако были найдены медные нательные кресты. Аналогии крестам известны по материалам Саянского (17, 244), Албазинского (3, рис. 76, 6,9) и Алазейского (2, Табл. 48,4) острогов в Восточной Сибири, Москвы, Звенигорода (20, 238). По мнению А. К. Станюковича и др., эти типы крестов сформировались во второй половине XVII в. и широко бытовали на территории России до начала XX в. (20, 238).

Наличие нательных крестов в погребениях XVIII века – явный признак изменения средневековой русской христианской традиции хоронить умерших без крестов, выявленной на кладбищах XVII века Западной Сибири – Тобольска (1, 100), Томска (24, 23-24), Сосновского и Кузнецкого острогов (25, 442).

В центральном приделе в шурфе 2 был обнаружен кирпичный склеп со сводчатым потолком. Внутри склепа находилось погребение взрослого человека, совершенное в деревянном гробу. Следов погребальной обуви и нательного креста не обнаружено. Данное погребение имеет более широкую датировку - 70-е гг. XVIII в. – XIX в.

Примечания

1. *Адамов А. А. Исследование кладбища около Вознесенской церкви в г. Тобольске // Ежегодник Тобольского музея – заповедника. Вып. 1. Тобольск, 2003. С. 98 – 106.*
2. *Алексеев А. Н. Первые русские поселения XVII – XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996.*
3. *Артемьев А. Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999.*
4. *Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII – XV веков. В 2 т. Т. 1. XII столетие. М., 1961.*
5. *Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. 1949. № 11. С. 203 – 239.*
6. *Грамматин А. Крестовоздвиженская церковь г. Тобольска*

// Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 17 – 18.
7. *ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 144. Оп. 1. Д. 53.*
8. *Заварихин С. П. В древнем центре Сибири. М., 1987.*
9. *Каргер М. К. К истории киевского зодчества конца XI – начала XII в. Церковь Спаса на Берестове // Советская археология. Вып. XVII. М., 1953. С. 223 – 247.*
10. *Каргер М. К. К истории киевского зодчества XI века. Храм – мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // Советская археология. Вып. XVI. М.-Л., 1952. С. 77 – 99.*
11. *Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // МИА. 1963. № 117. С. 5 – 103.*
12. *Макаров Л. Д. Погребальный обряд славяно-русского населения Вятского края // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 6. Новосибирск, 2003. С. 192 – 232.*
13. *Оборин В. А. Орел – городок // СА. 1957. № 4. С. 140 – 153.*
14. *Погорелов С. Н., Святов В. Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях: Сборник научных трудов / Под ред. Л. В. Татауровой. Омск, 2002. С. 118 – 121.*
15. *Семенова В. И. Раскопки в исторической части города Тюмени // Областная научно-практическая конференция «История, краеведение и музееведение Западной Сибири»: Тезисы докладов. Тюмень, 1989. С. 29 – 30.*
16. *Сергина Т. В. Раскопки в Окольном городе в 1978 – 1979 гг. // Археологическое изучение Пскова. М., 1983. С. 81 – 104.*
17. *Скобелев С. Г. Особенности отношения к предметам религиозного культа у русских первопроходцев Южной Сибири XVIII в. (по материалам Саянского острога) // Культура русских в археологических исследованиях: Сб. науч. ст. / Под ред. Л. В. Татауровой. Омск, 2005. С. 235 – 260.*
18. *След в истории. Московская обувь XII – XX вв. Каталог выставки. М., 2002.*
19. *Станюкович А. К., Насырова Н. Ш. Консервация и реставрация остатков кожаной обуви из захоронения в Вознесенской церкви г. Старицы. Звенигород, 2002.*
20. *Станюкович А. К., Осипов И. Н., Соловьев Н. М. Тысячелетие креста: произведения русской христианской металлопластики X – XX веков из частных собраний. М., 2003.*
21. *Татаурова Л. В. Археология о культуре русских Омского Прииртышья // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, Омск, 2000. С. 421 – 423.*
22. *Тиц А. А. Русское каменное жилое зодчество XVII века. М., 1966.*
23. *Харламов В. А. Исследования Успенского собора Киево-Печерской лавры в 1986 – 1988 годах // Проблемы изучения древнерусского зодчества. СПб., 1996. С. 30 – 33.*
24. *Чугунов С. Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ // Материалы для антропологии Сибири. Вып. XV. Томск, 1905.*
25. *Ширин В. В. Поселенческие и погребальные комплексы российских переселенцев XVII – XVIII веков в Кузнецком крае // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, Омск, 2000. С. 441 – 443.*

А.А. Лукиных, А.В. Парунин
МУ Шадринский краеведческий музей им. В.П.Бирюкова, г.Шадринск

НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ КОЛОНИЗАЦИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Осенью 2006 года Шадринским краеведческим музеем была организована экспедиция в Каслинский район Челябинской области, возглавляемая научным сотрудником А.А. Лукиных Объектом археологического обследования были выбраны окрестности сел Огневское и Клепалово. В районе исследований леса не занимают доминирующего положения. Преобладает береза, местами сосна, осина. Остепнённые сосновые боры, приурочены, как правило, к выходам на поверхность пород гранитоидного ряда или песков (1, 240).

Основной целью исследования являлась проверка сведений В.Я. Толмачева. В опубликованной в 1913 году работе «Древности Восточного Урала» (5, 193 – 225). В.Я. Толмачев вводит в научный оборот уникальные материалы по древней истории Зауралья, в частности знаменитый Сапоговский клад бронзовых фигурок воинов и клад медных птицевидных идолов с озера Большой и Малый Куяш (2, 117). В главе, посвященной окрестностям с.Огневское, содержатся описания разведочного обследования начала XX в., которые содержат весьма интересные факты. По сведениям В.Я. Толмачева, подъемные сборы производились им на южном и восточном берегу оз. Малый Куяш, а так же на восточном и юго-западном берегу оз.Большой Куяш в районе с.Огневское: «На западном берегу озера Б. Куяш, в 300 метрах от воды, и на правом берегу впадавшего в него ручья, теперь высохшего, влево от дороги из с.Огневского в с.Багарякское, при земляных работах в 1906 году, местные крестьяне нашли несколько медных птицевидных идолов. Высохший ручей носит название «Шайтанки». Под этим же именем известна и часть с. Огневского, расположенного при впадении ручья Шайтанки в оз. Б.Куяш. Долина ручья представляет в настоящее время болотистую, местами топкую низину; часть южного берега его, где были найдены идолы, вдается в эту низину, образуя небольшой мыс, возвышающийся над уровнем бывшего ручья на 0,5 метра. В средней части мыса было заметно два небольших холмика, представляющих остатки исчезнувших железистых ключей. Идолы найдены около самых холмиков, в двух местах, причем в одной группе их было найдено десять, а в другой – четыре. Позднее здесь же было встречено еще несколько экземпляров. В таких местах, где были обнаружены идолы, при разведках в 1911 году нами замечены следующие наслоения, снизу: непосредственно на желтоватой глинистой подпочве залегает культурный слой, мощностью в 5-10 см, светло-серого цвета, песчаный, с кусочками болотной железной руды, с идолами, черепками и мелкими обломками костей млекопитающих и птиц; выше находится переходный слой бурого цвета в 4-5 см, и, наконец, чернозем мощностью с дерновым слоем в 20-30 см, около болота переходящий в иловато-торфяной слой» (5, 208-209).

В 1906 году была собрана коллекция птицевидных идолов (14 штук) и другие предметы. Для примера приведем описание одной из этих находок: «Медный птицевидный идол высотой в 7-8 см. Голова с тремя бугорками на лицевой стороне и с неудаленным остатком металла. Крылья в виде ласт, согнутых почти под прямым углом. На груди килевидное возвышение. Нижняя часть туловища расширена с двумя небольшими, сильно выдающимися бугорками в середине. Лицевая сторона крыльев и туловища украшена орнаментом в виде прямых, ломаных и перекрещивающихся выпуклы линий; ряды таких же линий расположены и вдоль внешнего края крыльев и нижней части туловища, причем концы некоторых из них выступают по форме зубцов. Патина тонкая, светло-зеленая. Собрание В.Д. Мамина» (5, 210-213).

Описанная им стоянка имела незначительные размеры. Эти данные стали основой для проведения полевых исследований. Однако в ходе разведочных работ сведения В.Я. Толмачева не подтвердились. Возможно, для уточнения информации, собранной краеведом, требуется более детальное обследование местности.

На территории разведочного обследования нами было обнаружено два археологических памятника. Наибольший интерес представляет селище «Голая заимка»,

расположенное на западной окраине с.Огневское на берегу оз. Большой Куяш к югу от р. Шайтанки. Селище многослойное, по материалам подъемных сборов можно датировать памятник эпохой раннего железного века и периодом заселения и освоения русскими Южного Зауралья (XVIII - начало XX вв.). Всего в коллекции содержится 105 фрагментов керамики, а также часть фаянсовой чашечки, четыре обломка трубчатой кости и фрагмент шлака.

Керамическая часть коллекции разделена на две группы. В первую группу включен 21 фрагмент, относящийся к эпохе раннего железного века. Поверхность керамика преимущественно светло-коричневых тонов. В тесте большое содержание мелкого талька, песка и шамота. Элементы декора отсутствуют.

Вторая группа содержит 84 фрагмента керамики, относящиеся к XVIII-XIX вв. По классификации Г.Х. Самигулова, данная группа разделена на три типа: «архаичная», «московская» и «поливная» (3, 15-16).

Керамика «архаичного» типа представлена 29 фрагментами. Поверхность темно-серая или черная, на изломе черепок серого или коричневого цвета. Поверхность залощена небрежно. В тесте встречаются примеси теста и мелкого галечника. Скорее всего для достижения серо-черного цвета поверхности использовали «обвара» (погружение сосуда сразу после обжига в органическую среду). Венчики, относящиеся к данному типу, немного заостренные, прямые или отогнутые наружу.

Керамики московского типа – 4 фрагмента. Поверхность – светло-серая, на изломе черепок серого цвета. К примесям можно отнести наличие мелкого галечника. Поверхность хорошо залощена. Характерной особенностью керамики данного типа является валикообразное утолщение на венчике.

Поливной керамики сборов происходит 55 фрагментов. Отличительной чертой является плотное тесто без примесей и гладкая поверхность. Цветовая гамма глазури – различные оттенки зеленого и коричневого. Черепок на изломе имеет светло-розовый цвет. Некоторые фрагменты принадлежит довольно крупным сосудам с немного отогнутым венчиком, с высокой и прямой шейкой. В некоторых случаях венчики отогнуты и уплощены со скосом наружу.

Керамика XVIII-XIX вв. Южного Зауралья встречает аналогии с керамическими комплексами Прикамья, поскольку до середины XVIII в. заселение Зауралья осуществлялось выходцами из Северно-Западной и Центральной России (4, 93).

В заключение отметим необходимость дальнейшего более детального обследования селища «Голая заимка» для выяснения стратиграфии и мощности культурного слоя. Дальнейшее исследование памятников данного типа является весьма важным для понимания процессов колонизации и освоения русскими Южного Зауралья в XVIII-XIX вв.

Примечания

1. *Левит А.Н. Южный Урал: география, экология, природопользование. Челябинск, 2001.*
2. *Мосин В.С., Григорьев С.А., Таиров А.Д. и др. История археологии Южного Зауралья. Челябинск, 2002.*
3. *Самигулов Г.Х. Челябинск XVIII-XIX вв.: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменных источников): Автореф. …канд. ист. наук. Ижевск, 2005.*
4. *Самигулов Г.Х. Глиняная посуда XVIII – XIX веков из слоя Челябинска // Известия Челябинского научного центра. Вып.3 (20). Челябинск, 2003.*
5. *Толмачёв В.Я. Древности восточного Урала. Выпуск 1-й съ цинкографическими таблицами //ЗУОЛЕ. Т.XXXII. Вып. 2. Екатеринбург, 1913.*

Д.Н. Маслюженко
Курганский государственный университет, г. Курган

ИСТОРИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

После распада Золотой Орды в начале XV в. на ее территории образовалось несколько государств, потенциально претендующих на наследие этого политического объединения. В последнее десятилетие ряд таких политий, в частности Казанское, Казахское, Крымское, Астраханское ханства, Большая и Ногайская орды, подверглись тщательному изучению. В то время как история Сибирского ханства, находившегося на периферии постзолотоордынского пространства, до сих пор остается практически не изученной. Видится необходимым установить наиболее значимые моменты в истории политического образования с точки зрения закономерностей его внутренней политики и внешнеполитических связей в геополитике постзолотоордынского мира.

Автору данной работы кажется, что наиболее перспективными могут быть исследования в следующих направлениях, которые мы попытаемся в дальнейшем кратко в силу небольшого объема работы проиллюстрировать:

1. Выявление хронологии и этапов трансформации Сибирского ханства в рамках преемственности с вилайетом Чимги-Тура и улусом Шибанидов.
2. Изучение статусных особенностей сибирской ветви династии Шибанидов в соотношении с иными Чингизидами, а также сибирской княжеской династии Тайбугидов.
3. Исследование внутренней специфики политического устройства Сибирского ханства.
4. Определение основных внешнеполитических приоритетов Сибирского ханства на протяжении XV-XVI вв.
5. Определение причин падения Сибирского ханства и длительной борьбы автохтонного населения юга Западной Сибири за его наследство на протяжении XVII в.

В проведенных ранее исследованиях, в том числе диссертационном, автор пришел к выводу о том, что можно выделить три этапа в этнополитической истории южной лесостепи Западной Сибири, приведших к формированию особых условий для развития местного государственного устройства и культуры. По всей видимости, они были обусловлены наличием различных сил внешнеполитического влияния (V-XII вв. – тюркоязычные народы; XIII-XVI вв. – монголы в лице представителей Чингизидов; конец XVI-начало XVII вв. – начало доминирования русских в ходе конфликта и/или синтеза с местными группами). Культура доминирующих этносов помогала местной знати удерживать власть и консолидировать население. При этом именно степные связи, а также кризисы государственности у номадов, обусловливали взлеты и падения местных объединений. Часть закономерностей этих процессов (особенности строительства системы городищ или торговли со Средней Азией) являются определяющими и для русского заселения этого контактного региона в XVII веке (7, 19).

Наибольшая степень интеграции населения региона была достигнута внутри Сибирского ханства, а также непосредственно связанных с ним Тюменского ханства и Сибирского княжества. Ханы, руководившие данным политическим объединением, периодически претендовали на реставрацию золотоордынского могущества и проводили успешную внешнюю политику. В истории этого ханства существует ряд существенных пробелов, препятствующих полноценной реставрации позднесредневековой истории Западной Сибири и пониманию специфики

русской политики в этом регионе. В существующей литературе история Сибирского ханства, как и предшествующего ей улуса Шибана, практически не подверглась специальному исследованию (кроме работ Д.М.Исхакова (например, 5), А.Г.Нестерова (9, 55-59; 10, 205-214), В.П.Костюкова (6, 210-224)). Чаще всего данное объединение рассматривалось в контексте общей истории постзолотоордынского мира и проблем его взаимоотношений с растущим Российским государством или Ногайской Ордой (см. например, работы М.Г.Сафаргалиева (13, 468-477), Р.Г. Скрынникова (12, 81 и далее), В.В. Трепавлова (14, 113 и далее), В.Д.Пузанова (11, с.3-7)). В связи с этим назрела необходимость исследования Сибирского ханства как особой самостоятельной политии, имевшей свою историю.

Прежде всего, необходимо определить хронологию истории Сибирского ханства, в частности дату его образования и этапы функционирования, т.к. существует достаточно большой разброс точек зрения в отношении первой из этих проблем (от 1421 до 1480 гг.). Подходом к решению данной проблемы может являться рассмотрение ранней истории ханства сквозь призму его преемственности с улусом Шибана XIII-XIV веков. Исходя из этого, необходимо подробнее изучить генеалогию династии Шибанидов и специфику образования и статуса ее младшей сибирской ветви. Для истории региона XV в. вопрос закономерностей взаимоотношений между различными представителями этой династии был одним из главных при определении внешней политики кочевых объединений. Часто титулатура того или иного представителя дома Шибана давала ему определенные права и властные полномочия даже на территории соседних государств, в частности определенный пиетет со стороны растущего Российского государства и могущественной Ногайской Орды. В современных исследованиях по отношению к данному объединению используется несколько политонимов, среди них не только Сибирское ханство, но также Тюменское ханство и Сибирское княжество. Они отражают не только территориальные изменения, но и определенные этапы трансформации внутренней сущности этого «государства». На данный момент, на наш взгляд, в ряде публикаций источников неоправданно перепутаны Тюменское ханство на Тереке и Тюменское ханство в Сибири, что дополнительно усложняет ситуацию и не учитывает контекста указанных в документе событий (4, 137-138 сравни с 196-197). Такая путаница связана со сложностью определения самоназвания Сибирского ханства на разных этапах его истории, а также неоднозначным восприятием этого факта русской администрацией. Не менее значим вопрос выявления даты окончания функционирования ханства, поскольку традиционный взгляд на эту проблему, в частности в школьных и университетских учебниках, однозначно сводит ее к походу Ермака и поражению сибирских войск в 1582 году.

Для исследований подобных объединений в последнее время весьма острым становится вопрос об их внутренней сущности и возможности достижения государственного уровня в традиционном понимании этого термина. Для истории Сибирского ханства также существенен вопрос специфики внутренней политики его правителей, ведь абсолютно справедливо утверждение о том, что в большинстве случаев для номадов объединение необходимо было только для выполнения внешнеполитических задач. Стабильное существование Сибирского ханства на протяжении полутора столетий говорит в пользу того, что ханы проводили определенную реформу с целью ликвидации центростремительных тенденций. Одной из таких реформ была попытка исламизировать местное население, предпринимавшаяся неоднократно вплоть до времени соправления Ахмед-Гирея и Кучума (8, 64-69). Однако в повседневной жизни ислам стал лишь поверхностной, легко стиравшейся оболочкой, поскольку продолжали сохранять свое значение местные раннерелигиозные культы и некоторые христианские секты. Однако наиболее сложен вопрос формирования определенной, условно называемой, «бюрократической системы» управления ханством, а также налогообложения, причем этот вопрос не может быть изучен на материалах известных источников. Путь реконструкции здесь может быть только на основе аналогий соседних государств, в частности Бухарского ханства. Исследователи, как правило, ограничивались констатацией того, что ханство представляло из себя рыхлый конгломерат различных племен и объединений. Без понимания специфики внутренней политики сложно понять периодические причины кризиса ханства, выразившиеся в борьбе между Шибанидами и Тайбугидами или в уходе от Кучума в 1580-х гг. ряда крупных «вождей», таких как Карача.

Историю любого постзолотоордынского государства невозможно представить вне контекста внешней политики, поскольку именно ее успех или провал кодифицировал власть любого потенциально обладающего на нее правами Чингизида. Тем более все это характерно для территории юга Западной Сибири, где ко всем перечисленным проблемам добавлялось слабое развитие местного хозяйства и его зависимость от среднеазиатской или приуральской торговли. На разных этапах различные направления внешней политики определяли внутреннюю историю Сибирского ханства. Наиболее важными вопросами в этом отношении являются взаимоотношения с Ногайской Ордой, Казанским и Казахским ханствами, Большой Ордой. На последнем этапе существования особое значение придается бухарскому и русскому направлению, что позволяет определить крупнейших гегемонов в степных делах этого периода. К тому же Бухарское ханство выступало своеобразным ориентиром и идеалом для сибирских политиков, что приводило и к подражанию ему в ряде вопросов внутренней политики. Следует определить не только причины изменений самих внешнеполитических приоритетов сибирских ханов, но и те проблемы, которые вынуждали лидеров объединения варьировать торговлю и военные действия в отношении соседей. Отдельным аспектом исследования внешней политики является определение степени и пределов зависимости северных угорских и самодийских княжеств от Сибирского ханства (3, 98-100).

Правление Кучума, получившее неоднозначную трактовку в литературе (от узурпатора престола до героя сопротивления русским (1, 4-28)), было переломным этапом в истории Сибирского ханства. В этот период вмешательство в русскую политику на Урале привело к столкновению с казачьими отрядами, которое повлекло за собой утерю столицы и поражение сибирских войск. Часто в исследовательской литературе причины этого события сводятся к военному превосходству казачьих войск, хотя в целом сибирские отряды соответствовали степному стереотипу подготовки и степени вооруженности (2, 138). Причины можно понять лишь в контексте уже указанных внутренних проблем и изменении внешнеполитической обстановки в южных степях. Предварительно можно предположить, что поражение хана Кучума было предрешено эволюционными особенностями Сибирского ханства, несоответствием между его внутренними возможностями и внешними запросами.

Возникает вопрос: существовало ли Сибирское ханство при наследниках Кучума на протяжении первой половины XVII века? Осознавали ли себя члены военных отрядов Кучумовичей как часть той же политии или это была абсолютно бесперспективная война, связанная лишь с их личной преданностью ханам и огланам? Каким был их внешнеполитический статус? Хотя сама титулату-

ра и ее периодическое признание русскими царями скорее говорит о них как правителях отдельного улуса. К большому сожалению, невозможно узнать, что происходило в сознании, как отражалась на уровне менталитета вся противоречивость положения этих людей, потерявших свои земли перед действительно серьезным противником. Сами попытки возрождения данной политии в середине XVII века наводят на мысль не просто о неком противодействии русской политике, но и о живости идеи независимой государственности в умах автохтонного населения юга Западной Сибири.

Вышеперечисленное подчеркивает тот факт, что в истории постозолотоордынского пространства Великой Степи Сибирское ханство являлось стабильно существующим и признаваемым компонентом политического развития. Однако при этом его собственная история изучена гораздо слабее других государств – наследников Золотой Орды и еще ждет своих исследователей.

Примечания

1. *Абдиров М. Хан Кучум: известный и неизвестный. Алматы, 1996.*
2. *Герасимов Ю.В., Шлюшинский А.В. Комплекс защитного вооружения татар XV-XVII вв. (по материалам этнографо-археологических комплексов Прииртышья) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Красноярск – Омск, 2006.*
3. *Головнев В.А. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.*
4. *Государственный архив России XVI столетия. Опты реконструкции / Подг. текста и комментарии А.А.Зимина, под ред. Л.В.Черепнина. М., 1978.*
5. *Исхаков Д. Введение в историю Сибирского ханства. Очерки. Казань, 2006.*
6. *Костюков В.П. Улус Шибана в XIII-XIV вв. (по письменным источникам) // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск, 1998.*
7. *Маслюженко Д.Н. Южное Зауралье в средние века (этнополитический аспект): Автореф. ... дис. канд.ист.наук. Курган, 2004.*
8. *Маслюженко Д.Н. Проникновение мировых религий на территорию Южного Зауралья в позднее средневековье (по письменным источникам) // Вестник КГУ. № 3. Серия «Гуманитарные науки». Вып.2. Курган, 2006.*
9. *Нестеров А.Г. Формирование государственности у народов Урала и Западной Сибири: Искерское княжество Тайбугидов (XV-XVI вв.) // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. :Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 1999.*
10. *Нестеров А.Г. Династия сибирских Шейбанидов // Тюркские народы: Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.*
11. *Пузанов В.Д. Военно-политические факторы колонизации Приисетья. Шадринск, 2001.*
12. *Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986.*
13. *Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. М.,1996.*
14. *Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002.*

Е.А. Рябинина
Курганский государственный университет, г. Курган

СИБИРСКИЙ ПОХОД 1483 ГОДА: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ С ТЮМЕНСКИМ ХАНСТВОМ

Среди вопросов, касающихся взаимоотношений Московского, а затем Российского государства, с кочевым миром Зауралья, интерес представляет проблема ранних контактов. Как один из их примеров можно привести зауральский поход 1483 года.

В русских летописях данному походу уделяется небольшое внимание, которое ограничивается кратким описанием маршрута и не всегда даже констатацией результатов. Наиболее подробно он рассмотрен в Вологодско-Пермской летописи, что, вероятно, объясняется непосредственной связью истории Пермских земель с описываемой территорией. Согласно источнику основная цель и причина похода заключалась в том, чтобы обезопасить от нападений пермскую окраину России, граничившую с вогульскими и другими угорскими княжествами. Главной задачей ставился разгром вогульского князя Асыки и его сына Юмшана, чьи земли находились в бассейне рек Лозьвы и Пелыма: «отпустил князь великий с Москвы на князя Вогульского Асыку …а лихо от него (Юмшана) бывало и от отца его много..» (3, 275, 277). Вогульские князья, и в том числе Асыка, во второй половине XV века совершали постоянные нападения на пермские и прикамские земли, стремясь не допустить дальнейшего наступления русских за Урал и распространения христианизации (5, 75). По мнению ряда авторов, определенную роль в этих событиях играли тюменские ханы, которые не только подстрекали вогулов на нападения, но даже оказывали военную помощь (5, 76, 80), однако в источниках мы не находим этому подтверждения.

По всей видимости, реальная цель похода, заключалась в подчинении земель Югры и некоторых прилегающих к ней областей Москве, начало которому было положено в 1465 году походом Василия Скрябы, когда часть этой территории номинально стала принадлежать России. Подобное заключение можно сделать из текста летописи, где описывается приход зауральских князей к московскому царю в 1484 году, по которому можно выяснить территории, подвергшиеся нападениям русских. Помимо вогульского князя Юмшана, в Вологодско-Пермской летописи перечисляются: «Вогулятин князь Пыткей с поминки великими от князей Кодских, от Лаба да от Чангила, и от все земли Кодские и Югорские» (3, 277). Более поздняя летопись так перечисляет имена князей: «Тое же весны пришли с челобитием князи вогульския и югорския, вогульский князь Юмшан да Калпа, а сибирский князь Лятик, а Югорский князь Пыткей, а большей князь Югорский Молдан… »(9, 95).

В этой же летописи (Архангелогородский летописец) обращает на себя внимание фраза об обложении данью всех зауральских князей: «и князь великий за себя их привел, и дань на них уложил» (9, 95). Интересно, что в Вологодско-Пермской летописи, содержащей наиболее полное и подробное описание похода и последующего посольства 1484 года, имя Лятика и титул сибирского князя не обнаружены, кроме того, встречается конкретное упоминание о дани только по отношению к вогулам князя Юмшана (3, 277).

Исследователями уже высказывались сомнения в принадлежности князя Лятика к сибирским князьям (6,153; 10,21). Возможно, упоминание в поздней летописи XVI-XVIII вв. именно сибирского князя в связи с вопросом обложения данью можно объяснить претензиями Москвы на то, что не только Югра, но и якобы Сибирь издревле платила дань и находилась под высокой рукой великого князя.

С этой точки зрения интерес представляет и маршрут похода, который традиционно одинаково описывается практически во всех летописях, где есть о нем упоминание. После боя в устье реки Пелым, где вогульские князья потерпели поражение, русские двинулись «вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю; воевали, идучи, добра и полону взяли много. А от Сибири шли по Иртышу

реце вниз, воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю..» (3, 275-276). Если вспомнить цели похода, обозначенные в летописях – разгром вогульских княжеств и подчинение Югорских земель, то становятся не совсем понятными мотивы похода в Сибирскую землю.

В связи с ограниченными данными по этому вопросу в летописях исследователи пытаются объяснить это событие по-разному. Так, например, одна из точек зрения заключается в том, что тем самым был нанесен удар в самое сердце Сибирского ханства (5, 80). В то же время необходимо отметить, что согласно летописям, Сибирское государство, которое не являлось ханством, в среднем течении Иртыша и нижнем течении Тобола возникло в самом конце XV века и было основано Тайбугидами (7,81). Тюменское же ханство Ибак-хана со столицей в Чимги-туре русские благополучно миновали по рекам Тавда и Тобол, не сделав попытки напасть на его земли.

Кроме того, согласно летописям, в 80-е годы XV века между Иваном III и тюменским ханом Ибаком существовали достаточно мирные отношения. Это было связано с убийством Ибаком и его союзником ногайским мурзой Ямгурчеем хана Большой Орды Ахмата (9, 95). В ответ на посольство Ибак-хана по этому поводу Иван III «посла Ивакова чествовал и дарил и отпусти ко царю с честию, а царю Иваку теш послали» (9, 95). Подобные отношения продолжали существовать и в 90-е гг., о чем свидетельствует переписка Ибак-хана с Иваном III, которая носит достаточно мирный характер, а московский царь называется братом (8, 6, 14).

Возможно, мирные отношения между Москвой и Сибирью были вызваны тем, что Россия еще не чувствовала себя готовой к активным военным действиям в Зауралье против татар, или тем, что сама территория Сибири и Зауралья еще не рассматривалась как необходимая для захвата и присоединения, скорее как возможный рынок и источник поступления мехов. Схожие представления о Сибири можно проследить частично еще в конце XVI века. В частности на примере похода Ермака, когда Иван Грозный не хотел в условиях ведения Ливонской войны еще одной войны на востоке с Сибирским ханством, по поводу чего посылал опальные грамоты Строгановым (4, 335-336).

В связи с этим высказывается другая точка зрения: русские спокойно перемещались по границе Тюменского ханства, поскольку не боялись нападений в спину. И кроме того, сам поход от Тюмени в Сибирь рассматривается как удар по врагам Ибак–хана – Тайбугидам (6, 144-145), чьи владения располагались по Нижнему Тоболу и Среднему Иртышу (1,106; 2,364). Возможно, поход в направлении Сибири мог рассматриваться как ответный дружеский ход со стороны Москвы в благодарность Ибак-хану за убийство Ахмат-хана.

В то же время, согласно Есиповской летописи, изначальные владения Тайбугидов располагались южнее по Ишиму (7, 81,108). Перемещение их в район Тобола и Иртыша произошло в конце XV века, после того, как Тайбугид Мамет убил шибанского хана Ибака, разрушил столицу Тюменского ханства Чимги-туру и основал столицу нового государства в Кашлыке (Искер) на Иртыше. После этого, как говорится в летописи, «пресечеся царство на реке Ишиме» (7, 108).

Таким образом, нанести сильный удар по врагам Ибака русские войска вряд ли могли по причине их отсутствия на данной территории. Скорее всего они «повоевали» не саму территорию Тайбугина Юрта, а приграничные области или территорию угорских княжеств, которые могли выплачивать дань Тайбугидам. Но и в этом случае, по всей видимости, урон от этого похода для Тайбугидов был небольшой. В пользу этого свидетельствует и тот факт, что после похода для заключения мира и дружбы с Иваном III в 1484 году прибыли, согласно летописи, только югорские, вогульские и кодские князья (3, 277), о Тайбугидах же нет никаких упоминаний ни в одной из летописей.

Исходя из ограниченных данных источников и рассмотренных точек зрения, можно сделать предположение, что поход непосредственно в Сибирь скорее всего не носил характер запланированной экспедиции. Учитывая то, что эта территория была малоизвестна, вероятно, русские воеводы воспользовались возможностью более подробно исследовать данный регион. Попутно они совместили исследования с грабежом местных жителей, не заходя при этом на территорию тюменских или ишимских владетелей, которые могли бы оказать сильное сопротивление.

Примечания

1. *Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.*
2. *Бояршинова З.Я., Степанов Н.Н. Западная Сибирь в XIII – XVI вв. // История Сибири. Т. 1. Л., 1968.*
3. *Вологодско-пермская летопись. ПСРЛ. Т.26. М.-Л., 1959.*
4. *Миллер Г.Ф. История Сибири: В 3 т. Т. 1. М., 2005.*
5. *Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990.*
6. *Плигузов А. Текст-кентавр о Сибирских самоедах. М.,1993.*
7. *Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987.*
8. *Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. Часть 5. М., 1894.*
9. *Устюжские и вологодские летописи XVI – XVIII вв. ПСРЛ. Т.37. Л., 1982.*
10. *Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032-1882 гг. Сургут, 1993.*

А.Н. Канев

Российский государственный профессионально-педагогический университет, г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ МИФОЛОГИИ

В современном активно развивающемся потоке информации возник феномен мировой глобальной культуры. В подобных условиях возникает реальная угроза потери индивидуальности традиционных культур, которые теряют свои особенности, рискуют раствориться и исчезнуть. Необходимой задачей исследователя традиционной культуры становится восстановление и изучение глубоких слоев мифологического сознания и мировоззрения.

Культура обских угров входит в «группу риска». Поскольку это неписьменный народ, то изучение его культуры затруднено - только мифы и археология открывают завесу древней истории этого народа. XX век привнес разрушение традиционного мировоззрения, быта и уклада жизни северных народов. Вступая в XXI век, можно найти лишь крохи некогда богатой древней культуры. Осталось мало носителей традиционного образа жизни. Молодежь увлечена современным стилем жизни, отрицающим традицию, уклад и мировоззрение предков, они уже жители нового глобального мира.

В арсенале исследователя остается очень мало «инструментов» для глубокого и объективного изучения традиционной культуры обских угров: еще не выполнена широкая систематизация археологического материала,

имеется малое количество письменных источников и немногочисленных этнографических работ к. XIX- н.XX вв., в последние десятилетия проводилось изучение социально-экономической и материальной культуры в ущерб духовной, накоплено только описательное изучение обрядов без глубокого анализа, а также фрагментарный и хаотический зафиксированный фольклор.

В связи с этим необходима экспертиза мифологии традиционной культуры. Исходя из принципов организации духовного пространства традиционного мировоззрения, можно предположить, что в мифологии все должно складываться логично. Конечно с поправками на логику мифологического сознания. Если мы имеем мифы разорванные, не связанные друг с другом, не имеющие инвариантов, то мы должны понимать, что перед нами уже не мифология, а некая выборка мифов. Наличие инвариантов - это необходимое условие для завершенной картины мира. Поскольку логика мифа стремится к простоте и многочисленным повторениям, то наличие мифологических персонажей, не известных в других мифах этого народа, означает, что мифологическая картина мира отражена не полностью и не может быть репрезентабельной для многочисленных современных методик анализа мифологии. Миф в данном случае выбивается из отражения целостности мира. В случае невозможности его восстановления, например, по причине гибели культуры, его необходимо рассматривать как артефакт и ставить вопрос о необходимости применения новых принципов к его анализу и изучению.

Допустим, что миф это артефакт. Если после анализа мифологии миф признается артефактом, то перед исследователем стоит три пути. Первый прекратить исследование, поскольку современные методики изучения мифологии предполагают наличие многочисленных инвариантов для поиска внутренних мифических структур (структурный подход) или исходного, истинного варианта (сравнительно-исторический). Но если в культуре по различным причинам сохранился только один инвариант, то эти методики будут не эффективны.

Второй путь: начать исследователю что-либо абстрактно сочинять, хаотично цитировать мифологические тексты и пытаться создавать новую мифологию на основе старых осколков. Но это уже не наука, это больше похоже на художественное личное творчество.

Остается третий путь, это путь гипотетический. Поскольку перед исследователем сложный материал, то возможно хотя бы на уровне гипотезы изучить то, что уже никогда не восстановить. Это похоже на путь археологии. Эта наука пытается по жалким остаткам познать не только богатство материальной культуры, но и духовные представления. Это становится возможным потому, что археология имеет дело с вещами - артефактами. Общеизвестно, что мифологическое проявляется во всем пространстве культуры. Это дает возможность по некоторым вещам, конечно гипотетически, восстановить воззрения духовной культуры давно несуществующего общества. Если такая наука как археология имеет право на существование, то почему же не быть археологии мифа, которая имела бы дело не с вещами – артефактами, а с мифами – артефактами? Археолог вполне может оказаться в положении человека, который обнаружил вещь, но не знает ее назначения. Исследователю придется применять различные принципы анализа, опираясь на свою интуицию смотреть, где найдена вещь, к какому времени и народу она относится, изучить ее качества и многое, многое другое. Вследствие такого многостороннего анализа обнаруживается функция артефакта. В таком случае вещь - артефакт становится мифом.

Миф тоже может быть артефактом, да собственно, это и есть настоящий артефакт. Артефакт - это факт человеческой культуры. Факты культуры, как известно, могут быть различными, как различны в своем многообразии проявления человеческой культуры. Вещь может стать мифом, когда она начинает повествовать о том, что гораздо больше, чем ее утилитарная функция, когда она частично показывает внутреннее состояние создателя и пользователя вещи, она отражает отблески пространства и времени культуры. Мифологическая составляющая вещи взаимодействует с мифологическим в сознании ученого и открывает о себе. Это происходит потому, что механизмы мифообразования в древности и в современности одинаковы.

Если еще глубже посмотреть на вещь и миф, то можно увидеть много общего в их природе. Оба эти артефакта - реализация человеческих потребностей, необходимости осваивать окружающий мир. Они взаимопроникают, отражают друг друга, они связаны своей функцией структурировать пространство культуры. Поэтому, вероятно, не будет большой дерзостью предположить, что для археологического подхода к мифологии исчезнувшей культуры миф как артефакт - это вещь.

Предположим, что миф это вещь. Что такое вещь с точки зрения археологии? Это, безусловно, факт культуры, который рассказывает, повествует о культуре. Слово «вещь» не такое банальное, как мы привыкли его воспринимать. В нашу эпоху потребления думать о высоких вещах не принято, об обыденных вещах тоже. Что же такое «вещь»? Славянский язык позволяет увидеть глубину и неоднозначность этого слова. «Вещь» это то, что содержит в себе некое знание, которое при пользовании вещью раскрывается, становится доступным. В церковно-славянском языке слово «вещь» употребляется в различных значениях: вещь, имущество, дело, происшествие, государственные дела и само государство, существо, нечто, тяжба, проступок, вещество, природа, личность, сущность (3, 74). Слова «ведать» - знать, «ведьма» - соответственно, та, которая обладает тайным знанием, и слова «вещать», то есть «говорить, сообщать», отражают двухсоставную природу «вещи», которая имеет внутреннее содержание (некое знание) и повествует о нем. В этом смысле миф, облеченный в вербальную форму, самая настоящая вещь и артефакт. Он содержит в себе определенное знание, опыт и делится им с каждым желающим.

В попытках реконструировать миф частично можно применить принципы структурного подхода к изучению мифологии. Особенностью структурного анализа является выделение мифемы – большой структурной единицы мифа. Миф в данном случае рассматривается как структура, несущая в себе множество смыслов – отношений (1, 219). В нашем принципе реконструкции смысловые единицы мифа будут играть роль качественных и функциональных характеристик артефакта в археологии.

К. Леви-Стросс, определяя методику анализа мифа, указывает на основные принципы, которые служат основой всех форм структурного подхода: 1) стремление к экономичности объяснений; 2) единство решения; 3) возможность восстановить целое по его части; 4) необходимость предвидеть дальнейшее развитие, исходя из наличествующих данных (1,219). Почти все эти принципы можно применять и в экспериментах реконструкции мифологии, поскольку в этом методе также из части восстанавливается некое целое, а исследователь вынужден предвидеть (интуитивная работа) дальнейшее развитие реконструируемой модели.

Некоторую надежду на принципиальную возможность реконструкции мифологии вселяет особое отношение к источнику в структурном анализе, который, в отличие от сравнительно-исторического метода, не ищет мифа-первоисточника, а анализирует все имеющиеся

варианты (2,152-170). С точки зрения Клода Леви-Стросса, миф нельзя испортить: миф, рассказанный как миф в любом переводе и в любой интерпретации, является мифом, который сохраняет основную структуру, поскольку она базируется в языке как в феномене сознания, реализующем миф (1, 227).

Можно соглашаться или не соглашаться с мнением Леви-Стросса о презентабельном качестве любого мифологического источника, но в нашем варианте традиционного общества этот принцип, очевидно, единственно возможный.

По К. Леви-Строссу, для анализа мифа необходимо рассмотреть все многообразие инвариантов. Но этим богатством может располагать только богатая письменная культура, например, античная. Исследователь, изучающий традиционную неписьменную культуру обских угров, неизбежно сталкивается, с одной стороны, с хаотичностью мифологического материала, а с другой стороны, с малым количеством инвариантов. Поэтому перед нами встает трудная задача - имея малое количество материала, попытаться найти внутреннюю структуру мифа. Из хаоса восстановить космос.

Метод реконструкции будет отличаться от классических форм структурного анализа Клода Леви-Стросса. В нашем случае необходимо пойти от обратного: имея один вариант мифа, раскрыть его структуру, применяя также сравнительно-исторический метод, изучить символическую глубину структуры мифа, попытаться восстановить некое целое, которое будет трудно подтвердить на бедном этнографическом материале.

Но следует отметить, что археологический подход к изучению и реконструкции мифологии может дать хотя бы гипотетическую возможность восстановить мифологическую картину мира исчезнувших культур. Подобное исследование мифа может позволить выделить различные мифологические особенности традиционной культуры, глубже заглянуть в то, что находится в тени истории. Исследователь, желающий пользоваться методом реконструкции мифа, должен максимально узнать о народе – носителе мифа, о всех сторонах его жизни. Тогда ученый, если он не закоренелый приверженец агностицизма в изучении мифологии, может попытаться восстановить содержание изучаемого мифа – артефакта. Это, еще раз повторю, будет гипотеза, но в создавшейся критической ситуации наличие гипотезы и здоровой научной дискуссии все же лучше чем отсутствие попыток познать такое явление, как миф исчезающей традиционной культуры.

Примечания

1. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 2001.
2. Мелетинский Е.М. К вопросу о применении структурно-семиотического метода в фольклористике: Семиотика и художественное творчество. М.: Наука, 1977.
3. Полный церковно-славянский словарь / Сост. протоиерей Г.Дьяченко. М., 1993. С.74.

В.И. Сподина
Институт языка, истории и культуры народов Югры Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск

К ВОПРОСУ О САМОНАЗВАНИИ ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ БАССЕЙНА Р.АГАН

Этническая группа лесных ненцев рассматривается нами в составе Аганско-Васюганского ареала расселения хантов, проживающих в бассейне Средней Оби с притоками Тромъеган, Аган, Вах, Васюган и представленных, согласно данным Е.П.Мартыновой, пятью локальными этническими группами: аганской (*оун ях*), тромъеганской (*торум ёгун ях*), ваховская (*ваха ях*), васюганской (*вать ях* или *вать ёгун ях*), обской (*ас ях*) (5, 169).

Данные археологических исследований свидетельствуют о присутствии самодийских племён на территории указанного ареала: большинство археологов считают кулайскую культуру Среднего Приобья эпохи железа (V в. до н.э. – V в. н.э.) самодийской. На карте, составленной Б.О.Долгих, в качестве территории проживания хантов отмечены бассейны рек Тромъегана и Агана, а лесные ненцы показаны им в верховьях р. Аган. И.В.Васильев уточнил, что в XVII в. в верховья Агана проникали отдельные семьи лесных ненцев, а их компактные группы появились там сравнительно поздно. В XVII – нач. XVIII вв., со значительным расширением границ освоенной хантами территории, в состав аганско-тромъеганских хантов, по мнению Е.П.Мартыновой, вошли группы селькупов и лесных ненцев. Таким образом, аганско-васюганский ареал представляет активную ненецко-хантыйскую этнокультурную контактную зону (особенно бассейн р. Аган), на что обратил внимание и В.И.Васильев (1, 82).

В пространственном аспекте этническая группа лесных ненцев нами рассматривается в основном в границах их современного расселения на территории Нижневартовского района по притокам р.Аган. Это стойбища Иуси А.К. по р. Хаплиута и р. Варьёган с их притоками, стойбище Айваседа Ю.К. на р. Тюй-Тяха (граница Сургутского района), стойбище Айваседа П.Я. и его родственников по р. Улька и р. Пыльчи-ёган, а также сам национальный посёлок Варьёган. Заметим, что лесные ненцы в XVII-XIX вв. кочевали преимущественно в пределах Сургутского района (2,185). Вообще же многие исследователи подчёркивали пограничный характер территории проживания лесных ненцев. Так, Кастрен в своё время высказал предположение, что лесные ненцы составляют переходное звено, связывающее» … кочующих на Севере у Ледовитого моря самоедов (очевидно речь идёт о тундровых ненцах. – Г.В.) с южными – алтайскими». Далее учёный указывает, что лесные ненцы, к которым «можно отнести и аганских хантов, образуют быть может переходное место между тымскими или всеми нарымскими самоедами на юге, а казымские на севере» (3, 59). С. Патканов, обработав материалы переписи 1897 г. о поселении Берёзовского округа, отмечает, что особую группу составляют бродячие и лесные самоеды – пян-хазово, которые кочуют по р. Казым и в вершинах притоков рек Казыма, Лямина, Тромъегана, Агана, Надыма, Пура и Таза (3, 60-61). По замечанию Г.Д.Вербова, лесные ненцы соприкасаются с хантами главным образом в бассейне р. Аган, в районе оз. Нумто и на притоке Ваха р. Колекъёган. Отмеченное соприкосновение в некоторых районах лесных ненцев с хантами, по мнению учёного, имеет весьма глубокие корни, на что указывает как лингвистический материал, так и характер семейно-брачных отношений (3, 66).

В архивных источниках лесных ненцев чаще всего именуют казымскими самоедами. На рубеже XVII – XIX вв. и первой половины XX в. они освоили бассейн верхнего и среднего течения р. Пур и верховья притоков Сургутской Оби – рек Назыма и Лямина. С этого времени в этнографической литературе они стали именоваться *пян хасова* (“лесные люди”). На это определение как на самоназвание указывает и известный этнограф Л.В.Хомич (7, 24-25). Однако так лесных ненцев называли их тундровые сородичи. Самоназванием же этой группы ненцев является слово *не’шаһ* – “человек” (мн. ч. *не’ша’*). С продвижением в район бассейна р. Аган (водораздел между р. Пур и р. Аган – *выһсамы тя* - “земля, имеющая тундры”, т.е.

лесотундра) они стали именовать себя *выһ' не'ша'* ("болотных тундр люди"). В связи с этим ныне живущие в районе полевых исследований ненцы обижаются, когда их называют "лесными". П.Я.Айваседа рассуждает так: "Лес есть везде, и в тундре, только низенький. Так почему же вы (исследователи. – В.С.) называете именно нас лесными?". Заметим, что согласно выводам Г.Д.Вербова, лесные ненцы считали себя "особым племенем" (тээмс) и противопоставляли тундровым (3, 67).

Иную точку зрения высказал Ю.К. Айваседа Он характеризует *выһ' не'ша'* как "тундровые люди", тундровики, подчёркивая их кочевой, оленный быт. Они могут жить в таёжной зоне, в лесу, но отдельно от других людей, населённых пунктов, транспортных магистралей. Оленный человек, живущий возле посёлка, по мнению информатора, не будет называться *выһ' не'шаһ* (Айваседа Ю.К., стойбище на р. Тюй-тяха. 2006).

Уже при советской власти ненцев заставили добывать рыбу и выжили с тундровых болот. В отличие от хантов, реку Аган, куда их переселили на рыбную ловлю, они считали "большой, магистральной рекой". Как нечто исключительное вспоминают старики то как ненцы драли корень кедра, плели канаты по 100 м и насаживали на них невода.

Вся система ценностей лесных ненцев рождалась в быту, чётко организованном предками. Условия существования были всегда суровыми. С детства детей учили выживать среди болот, различать их виды, ориентироваться в них. «Этому, - говорит П.Я.Айваседа, - мы учили детей в первую очередь». Сам Павел Янчевич уже в 5 лет ходил с родителями по болоту. На болоте жить лучше, там всегда есть живун, рыба. Сухостой с болот хорошо горит и даёт много тепла. Отсюда доскональное знание местности.

Хантыйка П.В.Казамкина, живущая бок о бок с лесными ненцами, различает:

кор – сухое болото без кочек;

чинныс – сухое болото с деревьями и кочками;

кавахан – плавун ("качающееся болото");

конын – болотистое место возле берега озера или речки, прибрежье;

нёрым ятсы яхым – болото среди бора;

воррк lирых – чистое болото с маленькими берёзками.

У ненцев эти же типы болот имеют следующие обозначения:

lымпат – топкое болото, трясина;

тёшаl, *тёшаle'ей* – между рекой и бором открытая болотина, которая может тянуться на длинные расстояния, такое болото может быть топким, клюквенным с твёрдыми местами, а может и иметь небольшие озерки, с этой болотины могут быть стоки в сторону реки;

пенку – болото, незначительный речной массив;

таным – густое лесистое сухое болото, лесистое место вокруг болот, лесок с озерками.

В *таным* могут быть участки ягеля. По мнению нашего иформатора, «это у русских болото, а у нас это к болоту не относится» (Айваседа П.Я., пос. Варьёган. 2001).

Во многих произведениях фольклора лесных ненцев действие, как правило, разворачивается среди тундровых болот. В сказке «*Выһ' тян вайси'ку*» - «Тундровой земли мужичище», рассказанной А.С.Айваседа из рода Тётт, единоборство героев происходит в чуме среди болот. Аттени Соболевна вспоминает, что герой этой сказки *Выһки вэ'ку* («Тундровых болот мужик») – реально существующий человек, родом с р. Пур – притока Вынгапур, который по-ненецки называется *Выһки пюl* (досл. «Тундровая быстрина»). Вероятно, это было его прозвище. В другой ненецкой сказке «*Няхаl каса на'шки*» – «Три мужских ребёнка» (или «Три брата») герой с помощью вещей старушки, живущей в чуме среди болот, находит своё счастье. Действие и многих ненецких загадок также происходит среди болот. Одна из них спрашивает: *Нёрымlат яттшин нилэ нюки кот охпырхы lёлlеm* – (на) Болотца середине четыре зимних жилища (чума) головой вниз стоят (*вели чучи* – оленя соски).

Сами ненцы пос. Варьёган относят род Вэлла и Тёт к тундровым, а Иуси и Айваседа к болотным, считая последних менее умелыми, чем тундровые. Среди ненцев, живущих в бассейне р. Аган, об умелом родственнике говорят: «Если уж болотный ненец сделал так красиво, то это уж он действительно постарался и остальные люди (русские, ханты) и подавно сделают» (Айваседа П.Я., пос. Варьёган. 1999). Та же фраза, но применительно к детям, имеет довольно устойчивую форму *выһ' ha'шкиһ шеlтамы* – «болотный ребёнок сделал». Ю.К.Айваседа считает, что здесь имеются в виду навыки обрусевшего человека, по аналогии с выражением *тям капи* – «обской хант». Так называют и ненцев, которые утратили свои традиции. "Болотный" же человек им рассматривается как синоним «воспитанника тундры» и не носит уничижительного характера (Айваседа Ю.К., стойбище на Тюйтяхе. 2006).

Кроме того, и ханты р. Аган в обращении к ненцам используют выражение *нёрым ики* («болотный мужчина, человек»). Представители рода Казамкиных зачастую обращаются к лесным ненцам с шуточным выражением *нёрым севыт-колынкыт* – «болот сороки-вороны». П.Я.Айваседа пояснил, что болотные ненцы, как и эти птицы, никогда не останутся голодными и выживут в любое время года. Несколько иное объяснение дала П.В.Казамкина. Оказывается, у аганских хантов сорока ассоциируется с понятием «скачет» в значении «кочевые». Что касается ворона то, как и другие птицы, он «имеет право на жизнь» (Казамкина П.В., пос. Варьёган. 1999).Таким образом, здесь подчёркивается кочевой характер ведения хозяйства, связанный с особенностями выпаса оленей в условиях заболоченных территорий. Кстати, у болотных ненцев нет понятия сороки, её называют «хантыйской птицей» (Айваседа П.Я., пос. Варьёган. 2000).

Жизнь среди болот наложила отпечаток и на конструктивные особенности ненецких нарт. Если у хантов нарты выше, носы полозьев круче, более изогнута перемычка между полозьями (*ахан*), то у нарт болотных ненцев полозья прямые, нарты длинные, а значит, они берут больше груза (Айваседа П.Я., пос. Варьёган. 2000). Такая нарта для ненца более предпочтительна, чем лёгкая хантыйская с малой грузоподъёмностью. Болотные ненцы ходят, как правило, налегке. При этом говорят: «Своё мясо надо унести, остальное будет».

Резюмируя вышесказанное относительно термина «болотные ненцы», скажем, что до уточнения этого вопроса на более широком этнографическом материале представляется целесообразным пользоваться терминологией, принятой в литературе.

Примечания

1. *Васильев В.И. Особенности развития этнических и языковых процессов в этноконтактных зонах Европейского Севера и Севера Сибири // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М., 1985.*
2. *Васильев В.И. Проблемы формирования северосамодийских народностей. М., 1979.*
3. *Вербов Г.Д. Лесные ненцы // СЭ. М.-Л., 1936. № 2.*
4. *Лапина М.А. Родственные связи ханты Берёзовского и Шурышкарского районов Тюменской области // Встреча родов ханты: Материалы межрегиональной детской этнографической экспедиции "Встреча родов ханты, про-*

живающих на реках Тромъеган, Пим, Лямин, Сыня". Сургут, 2004.
5. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М., 1998.
6. Перевалова Е.В. Беглецы: к истории родов лесных ненцев // Самодийцы: Материалы IV Сибирского симпозиума "Культурное наследие народов Западной Сибири" (10-12 декабря 2001 г. Тобольск). Тобольск-Омск, 2001.
7. Хомич Л.В. Ненцы. М.-Л., 1966.

Г.Х. Самигулов
ЮУрГУ, ЧНЦ УрО РАН,
г. Челябинск

«ЖИВАЯ» ПАМЯТЬ О СЛОБОДАХ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО. (НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ ОСВОЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ)

Челябинск, как любой город, имеет легенды о том, что на самом деле его возраст больше, чем принято считать официально. Миасская крепость (ныне село Миасское Челябинской области) тоже вроде как старше самой себя – но эта тема меньше муссируется. Ирония ситуации в том, что причиной такого рода легенд стали вполне научные публикации, относящиеся еще к дореволюционному периоду. Так уж получилось, что последствия этих публикаций весьма явственно ощущаются и поныне, и не только в спорах «откуда есть пошел град Челябинск», но и в том, что до сих пор в различных статьях и книгах фигурируют слободы, которых на самом деле не существовало. Причем два этих вопроса – о дате основания Челябинской и Миасской крепостей и о мифических слободах – растут из одного корня.

Обзор некоторых из интересующих нас публикаций, с которых собственно и пошло дело, был дан еще в статье Н.В. Чернавского «Когда возник город Челябинск?», написанной им в 1924 г. (35, 55–63). Им были учтены далеко не все публикации, использовавшие ранние «даты основания» ряда слобод, но это первая попытка проанализировать имеющиеся материалы по времени закладки Челябинской крепости. Самую раннюю дату «основания» Челябинска указал дореволюционный статистик и историк В.В. Зверинский. В изданном в 1871 г. под его редакцией XXVIII томе «Списков населенных мест Европейской России» написано, что г. Челябинск устроен в 1658 г. в качестве крепости для прикрытия слобод, заселенных по Исети с притоками со стороны Сибири с половины XVII в. (28, 44, 47). Отсюда эта дата попала в ряд дореволюционных изданий, причем большей частью справочного характера, в том числе в «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Эфрона (35, 55), в «Список населенных мест Оренбургской губернии», вышедший в 1892 г. (27, 108), в исследование самого Чернавского «Оренбургская епархия в прошлом ее и настоящем» (34, 41). Затем основание Челябинской крепости было датировано 1658 г. в «Пермской старине» А. Дмитриева (6, 46), тот же год начала Челябинска, ссылаясь на него, указывает Л.Е. Иофа в «Городах Урала» (7, 83). Мы имеем длинный шлейф публикаций в авторитетных изданиях абсолютно неверной даты! Источник информации, которым пользовался автор первой публикации этой даты, неизвестен (35, 55).

Следующий ложный «временной пояс», относящийся уже к дате основания не только Челябинска, но и некоторых других населенных пунктов Южного Зауралья, прописан в нескольких работах дореволюционных историков. Первый из них - войсковой старшина Оренбургского казачьего войска Ф.М. Стариков, автор книг «Откуда взялись казаки» (31), «Историко-статистический очерк Оренбургскаго казачьяго войска» (29), «Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска» (30). Стариков писал, что В.Н. Татищев, действуя удачно против бунтовщиков башкир со стороны Сибири, «в апреле 1736 г. дал инструкцию полковнику И.Н. Татищеву слободы Верхне-Миясскую, Бродо-Калмацкую и Александровскую (ныне гор. Челябинск), основанныя исетскими казаками (первая – в 1685 г., вторая – в 1687 г., и третья – в 1696–1700 гг.), переименовать в крепости и укрепить, а затем основать вновь Еткульскую и Чебаркульскую» крепости (29, 53; 30, 37–38). Несколько ранее он перечисляет остроги (!), основанные «исетскими» казаками: «…в 1677 г. – Арамильский и Средне-Миясский (ныне Окуневская слобода Челябинскаго уезда), в 1679 г. – Чумляцкий, в 1682 г. – Белоярский, в 1685 г. – Верхне-Миясский (ныне станица Миясская), в 1687 г. – Бродо-Калмацкий, в 1688 г. – Богаряцкий и Новопесчанский» (29, 24–25). В более ранней книге тот же автор пишет все же не об острогах, а о слободах, имеющих острожные укрепления (31, 118–120); правда в той же работе он сообщает о Чебаркульской слободе, якобы основанной чуть позже Верхне-Миасской в конце XVII в. и переименованной в крепость в 1736 г. (31, 120). Александровская слобода среди перечисленных Ф.М. Стариковым поселений отсутствует, однако налицо Бродо-Калмацкий и Верхне-Миясский остроги, плюс Чебаркульская слобода, построенные в конце XVII в. Источником информации об Александровской, Бродо-Калмацкой и Верхне-Миасской слободах Ф.М. Старикову послужил «Указ Оренбургской губернской канцелярии от 19 октября 1819 г. войсковой канцелярии, которым разъяснено время основания этих крепостей» (29, 53). Н.В. Чернавский впоследствии прокомментировал, что источники, использованные для подготовки самого указа, наводят на сомнения (35, 56).

Следующим, кто вслед за Стариковым, ссылаясь на его работы и опубликованную им челобитную зауральских крестьян 1695 г. (о ней ниже), писал об основании Верхне-Миасской слободы в последней четверти XVII в. был В.Н. Витевский (3, 458–459). Затем, уже ссылаясь на Витевского, пишет о Миасской или Верхне-Миасской слободе, основанной в конце XVII в. и позже переименованной в Миасскую крепость, А. Дмитриев. Кроме этого, автор «Пермской старины» раздельно называет Белоярскую-Теченскую и Теченскую слободы; также указывает на некую Чебаркульскую слободу, основанную в конце XVII в. и перестроенную в 1736 г. в Чебаркульскую крепость (6, 45–46). В последнем случае А. Дмитриев ссылается на В.Н. Витевского, однако никаких упоминаний о Чебаркульской слободе в указанном месте работы о Неплюеве нет, а имеются они в уже упоминавшейся работе Ф.М. Старикова (6, 46; 3, 458–460; 29, 120).

Попытаемся все же разобраться: когда были основаны Челябинская и Миасская крепости; предшествовали ли им некие «докрепостные» русские поселения, впоследствии переименованные в крепости; что подразумевается под Бродо-Калмацким острогом или Бродо-Калмацкой слободой.

Начнем с версии основания Челябинской крепости в 1658 г. Возникновение первых русских поселений в Южном Зауралье относится к середине XVII в.: в 1644 г. была основана Успенская пустынь – будущий Успенский Далматов монастырь, в 1650 г. – Исетский острог, современный Исетск, в 1655 г. – Катайский острог (Катайск), в 1659 г. – Ялуторовский острог (Ялуторовск) (13, 90; 18, 13–14), к рубежу 1650–1660-х гг., очевидно, были основаны Мехонский острог, Барневская слобода и Царево городище на Исети (18, 14). Как видно, все поселения на реке Исети, основанные к 1658 г., кроме Успенской пус-

тыни, имели военный характер и строились с целью прикрыть территории, освоенные русским населением, от набегов из степи. Ставить на отшибе, на реке Миасс, одиночную крепость, чтобы защитить остроги на реке Исети – не самая удачная идея, тем более, что крепость не перекрывала бы ни одного из традиционных путей – брод через реку Миасс был расположен в 15–20 км ниже по течению, там, где в середине XVIII в. было основано село Баландино. Более того, русские весьма неохотно селились поначалу в острогах на Исети (18, 14), не говоря уж о совсем «диких» краях. В 1672–1673 гг. рядом с современным Златоустом, на месте впадения в Ай двух речек Тесьм, стоял Новый Уральский городок или острожек (9, 43–44; 10, 75–83). Построен он был для нужд экспедиции, искавшей на Южном Урале серебряную руду. В опубликованных документах, связанных с этим острожком, не упоминается какой-либо русской крепости между Катайским острогом и Новым Уральским городком. Если бы таковая существовала, то база экспедиции располагалась бы там, а не в Катайском остроге, как это было в действительности. Целесообразность и реальность постройки крепости в верхнем течении Миасса в 1658 г. весьма сомнительна, да и документов, подтверждающих существование таковой, не обнаружено. В общем, как писал еще в 1924 г. году историк и краевед Н.В. Чернавский, строительство в 1658 г. Челябинской крепости не соответствовало логике колонизационных процессов в Зауралье (35, 59–60).

Рассмотрим более внимательно информацию Ф.М. Старикова. Сразу надо объяснить, что «исетских казаков» как отдельной территориальной структуры до 1737 г. не существовало. Исетское казачество – это казаки крепостей Исетской линии, Исетской провинции; основные крепости Исетской линии были построены в 1736–1737 гг., Исетская провинция образована в 1737 г. (16; 19, 134–136). Выражение «исетское казачество» или «исетские казаки» широко входит в обиход в 1740-х гг. Еще в 1742 г. в «Ведомости о новопостроенных в Сибири к Оренбурху крепостях» их называют «поселившимися ис крестьян в казаки» (23). Следовательно, В.Н. Татищев не мог в 1736 г. писать о том, что «исетские казаки» построили какие-то слободы в XVII в. Распространение определения «исетские казаки» на всех беломестных казаков слобод и острогов Приисетья (29, 18–29; 3, 451–452; 17, 154; 32, 39), равно как и характеристика их как «потомков Ермаковой вольницы» (5, 4; 6, 41), не имеют под собой оснований. Само применение понятия «исетские казаки» к беломестному казачеству Приисетья XVII в., то есть его удревнение, произошло, очевидно, в конце XVIII–XIX вв., в частности ни П.И. Рычков, ни Г.Ф. Миллер казаков приисетских слобод и острогов так не называли, за одним исключением, о котором чуть дальше. Логика, из которой исходили сторонники этой точки зрения, хорошо изложена у Старикова и у практически дословно повторившего стариковский текст В.Н. Витевского: «казаки поселившиеся в Березове, Сургуте, Пелыме, Таре, Туринске и Тобольске – потомки и сподвижники Ермака. Свои названия казаки получали от местностей где поселялись: жившие в Березове, стали называться Березовскими, в Сургуте – Сургутскими, на Исети – Исетскими» (3, 451–452; 31, 107). В этой связи надо отметить, что казаки действительно назывались по тем местам, где жили – по городам, слободам и острогам – так определение «исетский казак» в документах XVII в. применено к Давыду Андрееву, конному казаку *Исетского острога* (14, 341). В других значениях, в том числе и как определение, подразумевающее казаков, живущих на реке Исети, в XVII в. это выражение не встречается. Как уже говорилось, «исетские казаки» как более широкий термин появляется после 1737 г. и применяется к казакам вновь построенных в западной части Исетской провинции крепостей: Челябинской, Миасской, Чебаркульской, Еткульской, Еманжелинской, Кичигинской, Коельской; казаки старых слобод и острогов, расположенных по Исети, в Исетское казачье войско не входили и исетскими казаками не назывались. Остается добавить, что в XIX в. точка зрения о том, что «исетское казачество» это казаки слобод и острогов Приисетья, очевидно, была если не единственной, то преобладающей – автор историко-статистической справки, составленной в 1875 г., также писал, что «Исетские казаки происхождением своим обязаны … донской вольнице, которая с Ермаком покорила Сибирь» (1, 11), а наряду с ним и более именитый автор «Пермской старины» полагал, что «…исетские казаки, потомки славной казацкой дружины Ермака» (6, 41).

Попытаемся разобраться с датами «основания» разных населенных пунктов, приведенными у Ф.М. Старикова. Это нужно еще и потому, что время от времени появляются новые публикации, где поднимается вопрос о том, что не стали бы старые авторы зря-то писать – значит, было что-то... Кроме того, вопрос о датах возникновения села Бродокалмацкого, Челябинской и Миасской крепостей неразрывно связан с вопросом о реальности существования неких, основанных в XVII в. слобод, на месте которых (или рядом с которыми) якобы и возникли в 1736 г. перечисленные фортеции.

Прочно обосновавшись на Исети, где в 1660-е годы было основано еще несколько слобод, русские начали продвигаться на юг и юго-запад. В 1670-х гг. строятся новые поселения уже на реке Миасс, начиная от ее устья – места впадения в Исеть - и далее вверх по течению. Первой в 1670 г. была построена Усть-Миасская слобода в нижнем течении р. Миасс; вторая в 1676 г. - Средне-Миасская, или Окуневская (Окунево в Мишкинском районе Курганской области) и, наконец, в 1684 г. – Верхне-Миасская, она же Чумлятская – современный Чумляк Щучанского района Курганской области. В документе 1695 г. о ней сказано: «Верхняя Миасская Чюмлятская слобода: и в прошлом во 192-м году по указу великих государей… заводил и строил тое слободу Васька Соколов з братом… А от тое Чюмлятской слободы до митрополичья Воскресенского городка по мере 31 верста 400 сажен, а от того митрополичья городка до Окуневской Средней Миасской слободы по мере 16 верст 100 сажен; всего от Чюмлятской до Окуневской слободы 47 верст 500 сажен» (11, 87). В челобитной жителей зауральских слобод, датированной В.Н. Шишонко концом 1795 – началом 1796 гг., указана Верхне-Миасская слобода, а в подписной части использовано ее второе название – подписи под челобитной ставили жители Чумлятской слободы – слободчик Васька Соколов с казаками и крестьянами (точнее, за них расписывался дьячок), а Верхне-Миасская слобода в подписной части челобитной не упоминается; текст этой челобитной приведен полностью и Ф.М. Стариковым, и В.Н. Шишонко (31, 127–138; 37, 53–57). Название Верхне-Миасская довольно скоро забылось и осталось наименование по речке, впадающей в Миасс, на которой и была построена слобода – Чумлятская или Чумлякская. Соответственно, Верхне-Миасская слобода никак не могла стать в 1736 г. Миасской крепостью, поскольку находилась совершенно в другом месте, где пребывает и сегодня под названием Чумляк. Вполне объяснимо заблуждение людей, которые, читая челобитную зауральских казаков и крестьян 1795 г., не имели представления о прочих документах и о первоначальном названии Чумлякской слободы – Верхняя Миасская Чумлятская.

Реальная Верхне-Миасская (Чумлятская) слобода – одно из первых русских поселений, построенных на гра-

нице Зауральской Башкирии. В 1682 г. была построена Белоярская (Теченская) слобода, нынешняя Русская Теча, в 1688 г. – Багарятская слобода, современный Багаряк (11, 86–87; 13, 90). Эти три слободы с деревнями маркировали границу территории русского заселения и башкирских земель.

В 1694 г. правительство поручило расследование спора о землях между башкирами и казаками и крестьянами зауральских слобод тобольскому дворянину Ивану Полозову. Он должен был выяснить, действительно ли Катайский и Колчеданский остроги, а также Камышевская, Арамильская, Новопещанская, Чумляцкая, Багаряцкая и Белоярская (Теченская) слободы построены на башкирских землях (11, 84–99; 37, 45–46). Надо отметить, что никакой Бродокалмацкой слободы в документах, связанных с этим спорным делом, не упоминается, то есть ее просто не существовало. Равным образом не упоминается в материалах Челябинская крепость или Александровская слобода. Верхне-Миасская слобода фигурирует в документе, но как «Верхне Миасская Чумлятская» (11, 87, 88, 95), а не как некое поселение, существовавшее выше Чумлятской слободы по течению реки Миасс. Если бы подобные населенные пункты существовали, то они должны были быть указаны в жалобах башкир – если уж Арамильская (Арамиль) и Камышевская (Камышлов) слободы оказались на башкирских землях, то поселения в верховьях Миасса и наЕче не могли быть обойдены вниманием (11, 84–99; 37, 45–46). В.Н. Шишонко также опубликовал материалы следствия Ивана Полозова, где фигурировала Верхняя Миасская Чумлятская слобода, но эти фрагменты документа оказались опущены, возможно, из-за плохой сохранности или же он имел дело с неполным текстом (37, 45–51).

В 1705–1710 гг. произошло очередное башкирское восстание, во время которого было сожжено немало русских деревень в Южном Зауралье. В 1706 г. башкиры разорили деревни Теченской слободы – Калмацкий Брод и Солоцкую, где было убито 45 человек, 25 пленено и угнано много скота (22). То есть в 1706 г. Калмацкий Брод уже существовал, но вовсе не как слобода, а как деревня, образованная от Теченской слободы. Деревня Калмацкий Брод на рекеЕче зафиксирована и в 1728 г. (38, 376). На плане Калмацкого Брода 1736 г., составленном Генрихом Магнусом фон Траубенбергом, значится: «деревня Калмацкой Брод, круг которой ныне городок» (25). Слободой Калмацкий Брод стали называть после лета 1736 г., когда деревня была обнесена оборонительной стеной, и то это было довольно условное название – как слобода этот населенный пункт обозначен на ряде карт 1736–1737 гг.: «Тракт полковника Тевкелева…», составленной в сентябре 1736 г.; Лант-карте Уфимской провинции, декабрь 1736 г.; Лант-карте Уфимской провинции декабря 1737 г. (21; 24; 26). На более ранней «Ланд карте ведомства Екатеринбургскаго», составленной в 1734 г., она обозначена как деревня Калмацк. Брод (36). С большим правом слободой или хотя бы селом Бродокалмак мог называться с 1740–1745 гг., после постройки храма и образования Бродокалмацкого прихода (33, 65).

В 1729 году крестьянин Крутихинской слободы С.И. Кузнецов подал на имя Петра II прошение о разрешении построить крепость на озере Чебаркуль. В описательной части своего заявления, где рассматривалась история русско-башкирских отношений в Зауралье, Кузнецов упоминал попытку строительства Зюзельской слободы и нападение башкир, там же говорится о ближайшем русском населенном пункте – поселье Далматова монастыря и ближайшем военно-административном центре – Катайском остроге (12, 487–488). Поселье Далматова монастыря располагалось при впадении р. Уй в Тобол (15, 105, 180–181; 31, 162–163). Очевидно, Кузнецов не знал о существовании Александровской, Верхне-Миасской и Чебаркульской слобод, которые находились гораздо ближе указанных поселений, да и не мог знать, поскольку их не существовало.

В 1736 г. на основании указа Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. началось строительство линии крепостей от Теченской слободы до Верхояицкой пристани. Полковник А. Тевкелев 21 августа 1736 г. писал «из лагиря при деревне Калмацкого Броду»: «две крепости Чебаркулска и Мияская построены да третья на Калмацком Броде ныне заложена» и «в ней обывателское строение забором обнесено» (4). Изначально между Миасской и Чебаркульской крепостью предполагалось строить две крепости, но Тевкелев писал Татищеву в том же августе: «…не успеется двух, одна будет построена» (2, 133–134). За десять дней до закладки Челябинской крепости полковник А. Тевкелев еще не знал точного места, где это будет сделано, того же 21 августа 1736 г. он сообщил в Сибирскую губернскую канцелярию, что будет заложена новая крепость между Миасской и Чебаркульской, от той и от другой расстоянием в 40 верстах (4, л. 17а). В итоге Челябинская крепость была основана в 27 верстах от Миасской и в 64 верстах от Чебаркульской крепостей (20, 258–260). Вряд ли такая путаница с расстояниями была бы возможна, если бы речь шла о том, сколько верст насчитывается между существующими (весьма немногочисленными) русскими населенными пунктами. Однако полковник А. Тевкелев не знал, сколько точно верст между Верхне-Миасской и Александровской слободами, поскольку таковых просто не существовало в тех местах.

Чтобы закончить разбор доводов, следует указать, что ни одного архивного документа с упоминанием существования какого-либо поселения на месте Челябинской крепости на сегодняшний день не найдено. Пресловутая Александровская слобода в источниках не упоминается. Слобода с подобным названием, насколько можно судить, вообще не известна в Южном Зауралье XVII – начала XVIII вв. Археологические исследования, которые уже более десяти лет проводятся в историческом центре Челябинска, не выявили никаких свидетельств существования поселения в конце XVII в. или самом начале XVIII в. Самая ранняя монета из слоя Челябинска – 1736 года – ровесница крепости, все остальные датируются временем от царствования Анны Иоанновны, при которой и была основана Челябинская крепость, и позже.

Итак, насколько можно видеть, нет ни одного убедительного аргумента за более раннее существование Челябинска и Миасского, чем с 1736 г. Более того, текст Ф.М. Старикова, положивший начало «цепной реакции», представляет собой скопление ошибок. Во-первых, Исетские казаки не могли основать в XVII в. практически все слободы Южного Зауралья, поскольку «исетскими» тогда назывались беломестные казаки Исетского острога, а основная часть известных слободчиков никакого отношения к Исетскому острогу не имела. Во-вторых, Верхне-Миасскую слободу не могли назвать в 1736 г. Миасской крепостью, поскольку эта самая Верхне-Миасская (она же Чумлятская) слобода находилась километрах в 60 к востоку от места закладки Миасской крепости. В-третьих, не могли назвать крепостью Бродокалмацкую слободу, поскольку такой слободы не существовало до 1736 г., а после того как *деревню* Калмацкий Брод обнесли оборонительной стеной, она стала называться не крепостью, а слободой, позже, после постройки храма и открытия прихода, – селом. В-четвертых, полковник И.Н. Татищев не мог построить Чебаркульскую крепость после того, как обустроит Челябинскую, Миасскую и Бродокалмацкую,

поскольку в апреле 1736 г., когда В.Н. Татищев якобы давал ему инструкцию, командир Сибирского драгунского полка полковник И.С. Арсеньев уже строил ту самую Чебаркульскую крепость по поручению того же В.Н. Татищева (23), о чем В.Н. Татищев написал в донесении на имя Анны Иоанновны от 17 апреля 1736 г. (2, 132). В-пятых, поскольку практически все остальные детали, описанные Ф.М. Стариковым, не соответствуют действительности, «Александровская слобода», очевидно, также изначально является плодом какого-то недоразумения. Ошибки терминологического и фактологического характера, которыми изобилует этот фрагмент текста Старикова, свидетельствуют, что документ, на который он опирался, видимо, был составлен на основании каких-то поздних и недостоверных источников.

Будучи небольшим по размеру, но насыщенным датами и обозначенными событиями, цитированный фрагмент из труда Ф.М. Старикова вызвал довольно значительную цепь ошибок, которые уже стали привычными и воспринимаются как подтвержденные факты. До сих пор авторы некоторых работ пишут, что до 1736 г. на месте Челябинской и Миасской крепостей существовали поселения (17, 155). Общим местом сейчас является указание на основание в 1687 г. Бродокалмацкой слободы (9, 115; 13, 90) либо Бродо-Калмацкого острога (18, 19; 32, 39). Вместо Верхне-Миасской Чумлятской слободы, основанной в 1684 г., указываются две слободы – Чумлятская, 1684 г. (либо 1679 г.) и Верхне-Миасская, 1685 г. (9, 115; 13, 90; 32, 39), хотя вряд ли кто-то сможет предоставить убедительные документы, из которых бы следовало, что это два самостоятельных населенных пункта, а не одна и та же Верхняя Миасская Чумлятская слобода. Ю.М. Тарасов раздельно указал эти слободы, опираясь на работы Ф.М. Старикова (32, 39), последующие авторы использовали данные, приведенные Ю.М. Тарасовым. В итоге мы имеем нынешнюю ситуацию. Примерно та же картина, что и с «вольными исетскими казаками» XVII в.

Примечания

1. *Авдеев П.И. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, 1873 г. Оренбург: Издание Оребургскаго казачьяго войска, 1904.*
2. *Буканова Р.Г. Города-крепости юго-востока России в XVIII веке. История становления городов на территории Башкирии. Уфа: Китап, 1997.*
3. *Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в его прежнем состоянии до 1758 года: Историческая монография. Т. 2. Казань, 1897.*
4. *ГАГШ, Ф. 224, Оп. 1, Д. 193.*
5. *Дело о самозванце Ф.И. Каменщикове–Слудникове: Сб. документов. Екатеринбург: УрО РАН, 1992.*
6. *Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь: Б.и., 1900. Вып. 8: К истории Зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермь: Издание автора, 1900.*
7. *Иофа Л.Е. Города Урала. Часть первая: Феодальный период / Отв. ред. С.Г. Струмилин. М.: Географгиз, 1951.*
8. *История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Т. I / Отв. ред. Н.Ф. Емельянов. Курган: Курганского гос. пед. ин-т, 1995.*
9. *Курлаев Е.А. Определение маршрута и района работ крупнейшей поисковой экспедиции XVII в. под руководством Т. Селина и Я. Хитрово // Россия и Восток: история и культура. Омск, 1997.*
10. *Курлаев Е.А., Манькова И.Л. Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в. М.: «Древлехранилище», 2005.*
11. *Материалы по истории Башкирской АССР / Отв. ред. А. Чулошников. Часть I. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936.*
12. *Материалы по истории Башкирской АССР/ Под ред. Н.В. Устюгова. Т. III. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.*
13. *Менщиков В.В. Русская колонизация Зауралья в XVII–XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.*
14. *Миллер Г.Ф. История Сибири / Ред. кол. Е.П. Батьянова, С.И. Вайнштейн и др. Т. III. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.*
15. *Пестерев В.В. Организация населения в колонизируемом пространстве: Очерки истории колонизации Зауралья конца XVI – середины XVIII вв. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005.*
16. *Поздеев В.В. Исетские казаки (к вопросу о времени возникновения термина) // Челябинск неизвестный. Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1996. Вып. 1.*
17. *Пономаренко Е.В. Города Южного Урала с древности до середины XIX в. Т. 1. Челябинск: Изд-во Челябинского областного комитета статистики, 2005.*
18. *Пузанов В.Д. Военно-политические факторы колонизации Приисетья. Шадринск: ПО «Исеть», 2001.*
19. *Пузанов В.Д. Исетское казачество в XVIII в. // Пермский регион: история, современность, перспективы. Березники, 2001.*
20. *Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999.*
21. *РГАДА, Ф. 192, Д. 5.*
22. *РГАДА, ф. 199, Д. 481, Т. 1, л. 152 об.*
23. *РГАДА, Ф. 199, Д. 481, Т. 6, ЛЛ. 248–250.*
24. *РГАДА, Ф. 248, Оп. 160, Д. 4. кн. 139, Л. 168.*
25. *РГАДА, Ф. 248, Оп. 160, Д. 6. Кн. 139, Л. 174.*
26. *РГВИА, Ф. ВУА, Д. 20618.*
27. *Списки населенных мест Оренбургской губернии // Оренбургский статистический комитет. Оренбург, 1892.*
28. *Списки населенных мест Российской империи. Т. XXVIII, Оренбургская губерния. Санкт–Петербург, 1871 г.*
29. *Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1891.*
30. *Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска. Оренбург, 1890.*
31. *Стариков Ф.М. Откуда взялись казаки (исторический очерк). Оренбург, 1881.*
32. *Тарасов Ю.В. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М.: Изд-во «Наука», 1983.*
33. *Храмы Шадринского уезда / Ред–сост. С.Б. Борисов, А.М. Бритвин. Шадринск: ПО «Исеть», 1994.*
34. *Чернавский Н. Оренбургская епархия в прошлом ея и настоящем. Вып. I. Оренбург, 1900.*
35. *Чернавский Н.М. Материалы к истории Челябинска. Челябинск: Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, 1993.*
36. *ЧОКМ, КП № 4893.*
37. *Шишонко В. Пермская летопись, пятый период, часть вторая: с 1695–1701 г. Пермь: Типография Пермской земской управы, 1887.*
38. *Шишонко В. Пермская летопись, пятый период, часть третья: с 1702–1715 г. Пермь: Типография Пермской земской управы, 1887.*

И.В. Балюнов
Тобольский государственный педагогический институт им. Д. И. Менделеева, г. Тобольск

ОБ ОДНОМ ИЗ ВИДОВ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЫ Г. ТОБОЛЬСКА XVII В.

Летом 2000 г. на территории Тобольского кремля под руководством А. А. Адамова были произведены археологические исследования, общая площадь которых составила 198 кв. м. В результате стратиграфических наблюдений удалось выделить слой, который можно датировать концом XVI (не ранее 1587 г. - время основания города) - XVII вв. Самым массовым материалом, собранным из этого слоя, являются многочисленные обломки глиняных сосудов (1, 450).

Статистический анализ находок показал, что горшки следует считать наиболее распространенным видом керамической посуды (составляют более 90% от общего числа собранных фрагментов). Посуда этого вида изготавливалась на гончарном круге, являлась плоскодонной и, как правило, неорнаментированной. На изломе основная масса черепков либо темно-серая, либо двух-, трехслойная (центральную часть излома занимает слой темно-серого цвета, прослойки светло-коричневых тонов прилегают к поверхности). В первом случае это свидетельствует о восстановительном обжиге с длительной выдержкой, во втором - о восстановительном обжиге, при котором сосуд быстро переместили из огня на воздух, в результате чего его поверхность начала окислятся (5, 81). На дне сосудов зафиксировано так же использование песчаной посыпки (не во всех случаях). Толщина стенок сосудов может составлять от 0,5 до 0,8 см.

Судя по археологически целым формам, этот вид образуют приземистые сосуды (диаметр в самой широкой части всегда превышает высоту). Устье тобольских горшков заметно шире дна, наибольшая ширина приходится на область плечиков. К сожалению, малое количество сосудов полного профиля не позволяет установить точно закономерности их пропорций. По этой причине наиболее информативными являются верхние части горшков, для которых характерно большое многообразие форм венчика:

1) округлый,
2) прямой,
3) кососрезанный,
4) округлый с валиком по внешней кромке,
5) прямой с валиком по внешней кромке,
6) кососрезанный с валиком по внешней кромке,
7) приостренный с валиком по внешней кромке,
8) прямой или овальный с внешним наплывом и валиком по внутренней кромке.

Взяв за основной признак профили верхних частей сосудов (область шейки и плечика), можно подразделить тобольские горшки на четыре типа (рис.1).

Тип I со слабовыраженным переходом шейки в плечико, подразделяется на два варианта:

Вариант IА (25 экз.) с удлиненной или средней шейкой, шейка округлая, наклоненная во внутрь, переход к плечику не выражен, плечико покатое. Форма венчика может быть представлена самыми разными вариантами.

Вариант IБ (25 экз.) шейка короткая или практически отсутствует, венчик почти сразу же переходит в округлое плечико. Венчик округлый либо округлый с валиком по внешней кромке.

Тип II с почти прямой (вертикальной или несколько наклоненной во внутрь) шейкой, переходящей в округлое плечико, подразделяется на два варианта:

Вариант IIА (78 экз.) с короткой или средней шейкой. Форма венчика: - округлая, прямая, округлая с валиком по внешней кромке. Этот подтип имеет два варианта: с узким плечиком и широким плечиком.

Вариант IIБ (27 экз.) с удлиненной шейкой. Форма венчика: приостренная с валиком по внешней кромке, кососрезанная с валиком по внешней кромке, очень редко прямая или округлая с валиком по внешней кромке. Горшки этого варианта так же очень часто отличаются от варианта IIА лучшим качеством изготовления и представляют собой тонкостенные сосуды с хорошо профилированной шейкой.

Следует отметить, что к типу II принадлежат так же немногочисленные горшки, несущие на своих стенках следы небрежного лощения. Иногда такое лощение, дополненное канелюрами, образует сетчатый или линейный орнамент. Подобная орнаментация характерна так же для керамических комплексов Москвы (14, 29), Мангазеи (13, 271), Томска (17,69-75), Илимска (7, 125) и др.

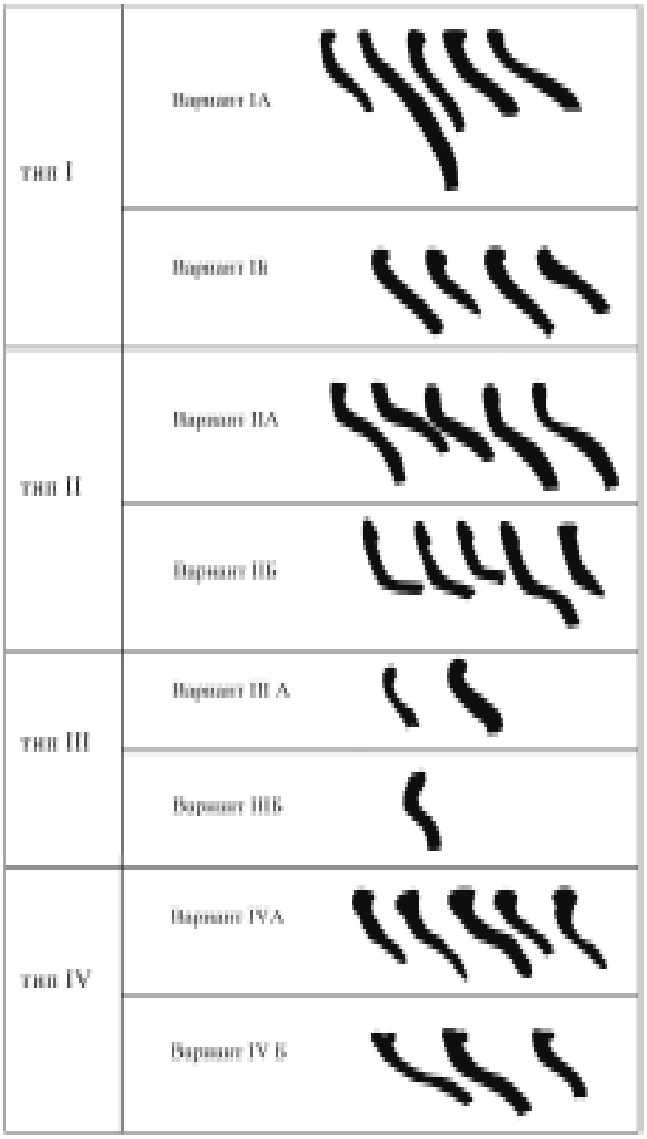

Рис.1. Типы и варианты тобольских горшков

Тип III с отогнутым наружу венчиком, переходящим в округлое плечико, представлен двумя вариантами:

Вариант IIIА (20 экз.) с округлой шейкой (S-видного профиля). Форма венчика округлая либо округлая с валиком по внешней кромке.

Вариант IIIБ (6 экз.) с прямой шейкой. Форма венчика округлая, часто с канавкой по верхнему краю.

Тип IV с округлой хорошо выраженной шейкой, переходящей в округлое плечико. Место перехода часто обозначено уступом (ребром). Тип IV представлен двумя вариантами, основным критерием для выделения которых является форма венчика:

Вариант IVА (48 экз.): Венчик прямой либо овальный с внешним наплывом и валиком по внутренней кромке.

Вариант IVБ (9 экз.): Венчик прямой либо кососрезанный с валиком по внешней кромке и канавкой по верхнему краю.

Диаметр устья горшков определяется для 210 экземпляров, соотношение выделенных вариантов и размеров сосудов показано в таблице.

Можно наблюдать, что в тобольском комплексе горшки средних размеров количественно преобладают. Следы нагара зафиксированы на подавляющем большинстве сосудов вне зависимости от размеров и типов, учитывая это, можно говорить об использовании горшков преимущественно в качестве кухонной посуды.

Таблица 1

	I А	I Б	II А	II Б	III А	III Б	IV А	IV Б	всего
Малые (8-15 см)	2	12	16	4	6	--	15	7	62
Средние (16-23 см)	20	10	50	20	11	6	16	1	134
Большие (24-31 см)	3	1	2	1	2	--	4	1	14

В литературе неоднократно отмечалось, что форма русских горшков, начиная с монгольского времени, развивалась в сторону постепенного уменьшения высоты шейки и отогнутости венчика наружу (8, 112; 14, 81; 15; 113-114; 16, 67-69). Наши наблюдения позволяют утверждать, что тобольские горшки (хорошо профилированые, со сравнительно невысокой наклоненной, прямой или чуть отогнутой шейкой) обладают наиболее характерными признаками русской позднесредневековой посуды. Эти признаки, судя по опубликованным материалам, присущи многим керамическим комплексам сибирских городов и острогов (2, 150; 7, 122-127; 13, 270-271 и др.). Вместе с тем следует отметить существование огромного типологического разнообразия в целом и свой набор типов горшков для каждого памятника в отдельности.

В ряде работ, вышедших в 70-80-х прошлого века, неоднократно высказывалось мнение о том, что гончарная посуда на ранних этапах русской колонизации завозилась в Сибирь из Европейской России (7, 122; 13, 272). В настоящее время эта точка зрения встретила возражение со стороны многих исследователей, которые убедительно доказывают существование местного производства керамики в Сибири (1, 149-150; 3, 101; 11, 398). Тобольск, являясь крупнейшим экономическим центром региона в XVII в., вероятно, также не мог удовлетворять свои потребности исключительно привозной продукцией.

В пользу этого может свидетельствовать и то, что серая или серо-коричневая керамика, наиболее широко бытовавшая в сибирской столице в XVII в., совершенно не представлена в позднесредневековых материалах многих городов Европейской России. Для их культурных слоев XVI-XVII вв. характерна преимущественно более качественная красная, белая или чернолощеная керамика (4, 187; 9, 120; 14, 13-48, 15, 113). Известно, что цвет черепка зависит в первую очередь от условий обжига. Данный факт свидетельствует, что сравнительно с европейской посудой тобольские горшки сочетают достаточно развитые для своего времени формы и не самую совершенную технологию обжига. По аналогии с другими исследованиями можно предположить, что в древнем Тобольске гончарные изделия могли обжигаться даже в бытовых печах (10, 26-27; 12;6 2).

На основании всех вышеперечисленных доводов, учитывая также значительную насыщенность культурного слоя фрагментами гончарной посуды, можно утверждать, что тобольская керамика является преимущественно местной, а не привозной продукцией. К последней категории с большой долей вероятности можно отнести фрагменты серых подлощенных горшков, составляющих менее 1 % от общего числа находок. Очевидно, что гончарное производство конца XVI-XVII вв. в Сибири ещё не выделилось в самостоятельное ремесло и носило кустарный подсобный характер. Подтверждением этому могут служить и архивные материалы конца XVIII в., которые содержат в себе список основных ремесел, существовавших на территории Тобольского наместничества. Гончарное производство в этом списке не упоминается (6).

Примечания

1. *Адамов А.А. Археологические исследования в Тобольском кремле // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000.*
2. *Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII - XVIII вв. Владивосток,1999.*
3. *Визгалов Г.П. Хозяйство и занятия посадского населения Мангазеи (по материалам раскопок 2001-2004 гг.) // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2005.*
4. *Воронин Н.Н. Раскопки в Ярославле // МИА. №11.1949.*
5. *Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996.*
6. *ГУТО ГА в г. Тобольске ф. 341. Оп. 1.Д. 40.*
7. *Добжанский В.Н. Керамика Илимского острога // Сибирь в древности. Новосибирск, 1987.*
8. *Кильдюшевский В.И. Об одном из типов керамики XIV-XVI вв. крепости Орешек //КСИА. Вып. 164. М.,1981.*
9. *Коваль В.Ю. Керамика Ростиславля Рязанского: вопросы хронологии // Труды Музея истории города Москвы. Вып. 9. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. М., 1996.*
10. *Малевская-Малевич М. В. Керамика западнорусских городов X - XIII вв. СПб. - 2005.*
11. *Мельников Б. В. Характеристика гончарной керамики археологических памятников Урала и Сибири XVI-XVIII вв.// Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири. Тобольск-Омск, 2000.*
12. *Новиков А. В. Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX - первой половине XX в. // Этнографо-археологические комплексы: Проблема культуры и социума. Т.4. Новосибирск, 1999.*
13. *Овсяников О. В. О керамике древней Мангазеи // Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973.*
14. *Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII-XVII вв. САИ. Вып. Е1-39. М., 1968.*
15. *Седова М.В., Беленькая Д.А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М., 1981.*
16. *Харлашов Б.Н. Некоторые итоги раскопок на Завеличье / / Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1994.*
17. *Черная М.П. Томский кремль середины XVII- XVIII в.Томск, 2002.*

С.А. Мишин
Челябинский научный центр УрО РАН,
г. Челябинск

ЧЕЛЯБИНСКИЕ УЛИЦЫ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Улица как объект археологического исследования не раз становилась предметом публикаций (1; 2). Наряду с жилыми и хозяйственными постройками, улица является неотъемлемой частью планировки населенного пункта. И зачастую именно улицы, их взаиморасположение, определяют тип планировки того или иного поселения. Но в данном случае мы бы хотели рассмотреть улицу не как элемент планировочной структуры, а как элемент инфраструктуры, который должен отвечать определенным требованиям.

На сегодняшний день, в ходе проведения охранных археологических исследований культурного слоя г. Челябинска XVIII-XIX вв., в нескольких случаях были выявлены и исследованы остатки дорожного полотна улиц.

В ходе проведения археологических исследований на месте строительства комплекса зданий Челябинского областного краеведческого музея в 2003 году были зафиксированы остатки двух улиц (3). Участок строительства располагался на современной набережной правого берега р. Миасс. Как было выявлено в процессе исследования, основная площадь (раскопы 1 и 2) приходилась на высокую пойменную часть реки. Именно в этом месте был расчищен участок деревянного дорожного полотна

(рис.1). Выявленная конструкция представляла собой продольно настеленные в одну линию бревна – лаги диаметром 15-20 см, на которые были положены поперечные березовые жерди диаметром 4 - 7 см и крупные ветки. Продольные бревна в целом соответствуют центральной осевой линии конструкции и являются основой ее несущей части. Так как, по всей видимости, существовали и боковые, продольные линии бревен. Два таких бревна зафиксированы западнее основной линии. И хотя они и не составляют сплошную линию, в целом соответствуют общему направлению конструкции. Протяженность выявленного участка полотна составляет порядка восьми метров при фиксируемой ширине около трех с половиной метров.

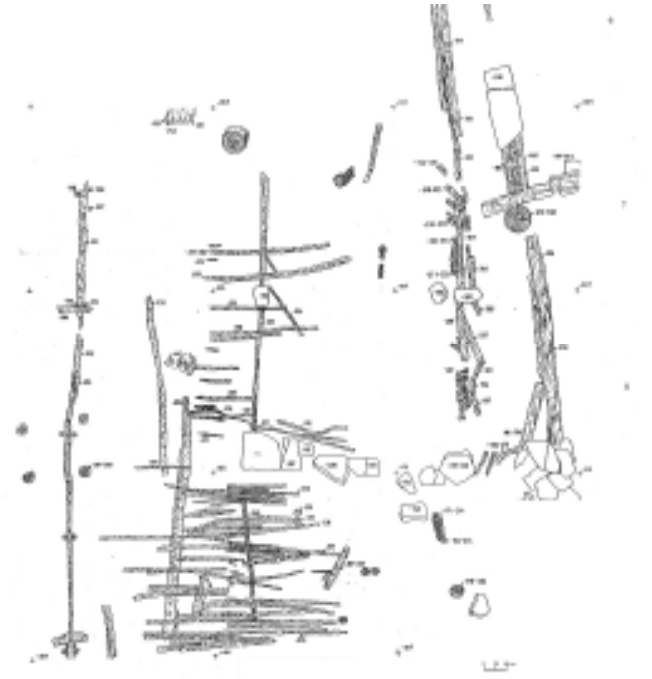

Рис. 1. План лежневки. Выделенный участок – створ улицы Челябинская

Исходя из анализа имеющегося картографического материала, данный участок по всей вероятности является прибрежной частью ул. Челябинской, показанной на плане 1784 года (рис. 2). Расположение, по всей видимости, и обусловило примененный строительный прием и используемый материал. Как мы уже говорили выше, это участок высокой поймы реки, который периодически подтапливался. И именно лежневка (гать) обеспечивала более или менее нормальное функционирование этого участка улицы и подход к реке.

Рис. 2. Фрагмент плана г. Челябы 1784 г. Выделенным показан участок исследования (Реконструкция Самигулова Г.Х.)

Юго-западнее описанного участка, в параллельном направлении, проходила еще одна улица. В ходе зачистки западного борта раскопа 3 была зафиксирована следующая стратиграфическая ситуация.

Под верхними насыпными слоями, представленными отложениями XX века, мощностью от 30 см до 80 см залегает слой песка мощностью до 40 см, включающий в себя прослойки различных цветовых оттенков, а также темной гумусированной супеси и дресвы, а в прослойках песка фиксируются включения гравия и мелкого галечника (1). Заполнение представлено таким образом, что каждая прослойка отображает определенный этап отсыпки (ремонта) дорожного полотна. Их мощность колеблется от пяти до десяти сантиметров. Всего таких этапов выделяется около шести. Подстилающими были слабогумусированный органический тлен и слой древесной щепы, в котором была найдена монета 1800 г. номиналом 2 копейки. На одном из участков все вышеописанные слои перекрывали более раннюю землянку, в заполнении которой была обнаружена монета 1775 г. номиналом 5 копеек. Исходя из плана 1784 года, данный участок можно соотнести с улицей Проточной, проходящей западнее улицы Челябинской и параллельно ей. Данный план (в отличие от более раннего плана 1768 г.) отражал реальную планировку города, и на нем обе улицы уже показы как существующие. Улица Проточная была запланирована планом 1768 года (6, 50). Судя по находке монеты 1775 года в заполнении углубленного объекта с впущенным срубом, можно с большой долей уверенности сказать, что к началу 80 – х годов XVIII в. данная улица уже существовала. Но учитывая тот факт, что песчано-дресвяные подсыпки лежат на слое, в котором была зафиксирована монета 1800 года, и исходя из характеристик этого слоя, можно предположить, что первоначально улица имела вид обычного проселка, т.е. без покрытия, которое появилось позже. Подобного вида покрытия были зафиксированы нами еще на двух участках, они также датируются XIX в. (4; 5).

Таким образом, первоначально, по всей видимости, для Челябинска XVIII в. были характерны улицы без покрытия, местами в качестве подсыпки, возможно, использовалась древесная щепа. На вопрос когда же начинают использовать речной песок и дресву в качестве строительного материала при мощении дорог без дополнительных архивных и исторических данных ответить трудно. Но как показывают археологические данные, не ранее начала XIX в. Что касается применения в качестве мостовой лежневки, то это, на наш взгляд, случай единичный, вызванный рядом причин. И такое покрытие, вероятн, улица Челябинская имела не по всей своей протяженности, а только на этом участке. Основным фактором, послужившим к использованию данного приема, было то, что этот отрезок улицы приходился на подболоченный, прибрежный участок.

Примечания

1. *Колосова И.О. Улицы Пскова: Средневековье и раннее Новое время // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Славянский средневековый город. М., 1997. Т.2.*
2. *Колчин Б.А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Материалы и исследования по археологии СССР. 1956.№ 55. С. 44 – 137.*
3. *Мишин С.А., Плешанов М.Л., Самигулов Г.Х., Таиров А.Д. Отчет об охранных археологических исследованиях памятника археологии «культурный слой г. Челябинска XVIII–XIX вв.» на участке строительства комплекса зданий Челябинского областного краеведческого музея. В 3 т. Челябинск, 2003.*
4. *Мишин С.А., Самигулов Г.Х. Отчет о раскопках культур-*

ного слоя XVIII–XIX вв. на участке прокладки линий коммуникаций к зданию Связь-центра в 2003 году. Челябинск, 2003.

5. *Самигулов Г.Х. Отчет об исследовании культурного слоя г. Челябинска XVIII–XIX вв. на участке 2-го этапа строительства 1-й очереди здания РОВД в 2001 году. Челябинск, 2002.*
6. *Самигулов Г.Х. Челябинск XVIII–XIX веков: население, планировка, материальная культура (по данным археологии и письменным источникам): Дис. … канд. ист. наук. Ижевск, 2005.*

А.Т. Ахатов
ЦЭИ УНЦ РАН, г. Уфа

РОЛЬ ЖИВОТНОВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ БАШКИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Башкирское население Курганской области в настоящее время проживает на территории Альменевского, Сафакулевского и Щучанского районов. Указанный ареал расселения окончательно сложился к середине XVIII в. и являлся своеобразной «буферной зоной» между кочевым и земледельческим мирами, что наложило определенный отпечаток на хозяйственную деятельность башкир.

Традиционным занятием предков курганских башкир в течение многих веков было полукочевое скотоводство, которое являлось главной отраслью их хозяйственной деятельности. В начале XVIII в. в междуречье Миасса и Уя башкиры продолжали передвигаться со своими стадами в течение всего года (4, 287).

В течение XVIII в. скотоводство так же продолжало быть главным занятием башкир. Животноводство давало населению тягловую силу, продукты питания: молоко, мясо, масло, кумыс, также материал для изготовления одежды, обуви. Башкиры разводили главным образом лошадей, обеспечивающих многие потребности населения, а так же крупный рогатый скот, овец, иногда коз.

Коров и овец было мало, поскольку они не были приспособлены к тебенёвке и большим расстояниям при переходах. Кроме того, лошади были более приспособлены к зимним условиям, так как башкиры обычно не строили для скота тёплых хлевов. В ту пору тёплые загоны были малораспространённым явлением, и часто скот зимой содержался под открытым небом.

Ранней весной башкиры со всем скотом и скарбом покидали деревню. За лето три-четыре, а иногда и пять-шесть раз меняли места кочевки. Первая кочевка располагалась сравнительно недалеко от деревни. Здесь отощавший за зиму скот отдыхал, набирался сил для дальних переходов. На первой кочевке находились около двух недель, после чего скот перегонялся на свежие пастбища. Дальние кочевки отстояли от деревни на 40-70 и более километров. Со второй половины лета, с приближением осени, постепенно переходили к более близким от деревни пастбищам. Последняя кочевка находилась в нескольких километрах от деревни, а то и прямо на прилегающих к ней лугах (5, 203).

Сокращение расстояния кочёвок можно связать также с тем, что в 30-е, а особенно в 40-50-е годы XIX в. происходит резкое уменьшение поголовья скота. Это явилось результатом сокращения пастбищных угодий из-за увеличения плотности населения в крае. Упадку скотоводческого хозяйства способствовали также меры администрации по переводу полукочевых башкир к осёдлости и земледелию. К примеру, в 40-е годы военный губернатор Обручев и командующий башкирским мещерякским войском Жуковский не разрешали башкирам выходить на кочёвку до завершения весенних полевых работ. Постепенно башкиры начали переходить к осёдлому укладу жизни (8, 9).

Содержание большого количества скота требовало и большого количества заготовляемого сена. Поскольку отсутствие или нехватка корма зимой в совокупности с различными заболевания, а также то, что скот зимой находился на улице, приводило к его падежу. Однако башкирское население Курганской области в XVIII – первой половине XIX вв. сено заготавливали в небольших количествах.

В 1833-1834 гг. по указам Оренбургской межевой конторы было проведено межевание в полном соответствии с результатами предыдущих межеваний дач д. Терегулово с деревнями Катайской волости и дач деревни Абдрашитовой и Мурзабаевой с деревнями Сарт-Калмыцкой волости, которое зафиксировало «сенного покосу – 460 дес. 2020 саж. из 121 820 дес. 101 саж. всей площади (около 0,4 %) и 3643 дес. 900 саж. из 160721 дес. 769 саж. всей площади (около 2,3 %)» в первой и во второй соответственно (3, 2).

В заготовке сена участвовали все, включая женщин и подростков 12-13 лет. В XVIII веке для косьбы травы использовали косу-горбушу. Но уже к середине XIX в. основным сенокосным инструментом стала коса. Коса для мужчин была длиннее, чем для женщин и подростков. Скошенную, слегка подсохшую траву сгребали ручными граблями в валки, складывали в копны и метали в стога и скирды.

Организация водопоя животных была относительно нелёгким делом. На весенне-летних пастбищах скот пользовался естественными водоёмами. Тебенующемуся скоту воду заменял снег. Зимой же лошадей и крупный рогатый скот поили из проруби, для чего его гоняли на речки и озёра или сооружали колодцы.

Второй отраслью хозяйства было земледелие, которое в первой половине и середине XVIII в. начинало развиваться в рамках полукочевого скотоводства, дополняя его, почти не затрагивая основ скотоводческого хозяйства (7, 127).

На территории современной Курганской области условия позволяли вести традиционный образ жизни, хотя и в несколько ограниченном виде, поэтому посевы были незначительны, располагаясь островками среди сезонных пастбищ и кочевий.

В начале XIX в. развитие земледелия несколько ускорилось, к хлебопашеству обращались как богатые, так и малосостоятельные хозяйства, однако в 30 - х гг. XIX в. земледелие имело среди башкир в Катайской и Сарт-Калмакской небольшое распространение. Пашни было очень мало, особенно в сравнении со всем количеством земли, которым владели курганские башкиры.

В Катайской волости «всего земли было 121 820 дес. 101 саж., а пашни на нее приходилось 941 дес. 2000 саж. (около 0,7 %)» (3). В Сарт-Калмакской волости было «всего земли 160721 дес. 769 саж. из которой обрабатывалось 2003 дес. 979 саж. (около 1,2 %)» (2).

Постепенно башкирское население начинает увеличивать посевные площади, получая хорошие урожаи. Основными культурами были зерновые, сеяли рожь, ярицу, озимую пшеницу, ячмень, овес, просо. Из технических культур башкиры возделывали издревле коноплю, которая шла на выработку волокна и холста, а зерна употреблялись в пищу. При проведении межевания земель в 1833-34 гг. землемерами было специально измерено количество земли, отведенной под огороды и конопля-

ники. В Катайской волости она равнялась «179 дес. 430 саж.», а в Сарт-Калмакской «309 дес. 825 саж.» (3).

Из зерновых предпочтение отдавалось более неприхотливой ржи. Уж к 40-м гг. у башкир нынешних районов с башкирским населением Курганской области посевы ржи колебались от 20 до 30 % (от занимаемой площади). Примерно столько же сеяли овса, а на третьем месте находилась пшеница. Но уже в середине XIX в. посевы пшеницы быстро увеличивались (1, 14).

Связано это было с тем, что в эти годы царское правительство ужесточает политику перехода башкир к осёдлости и земледелию. Идёт сокращение земель вследствие переселения пришлого населения. В результате этого во второй половине XIX в. начинается быстрое увеличение площади посевов различных культур, хотя в целом посевы остаются незначительными (6, 147).

Таким образом, традиционным занятием предков курганских башкир в течение многих веков было полукочевое скотоводство, которое являлось главной отраслью их хозяйственной деятельности. Башкиры разводили главным образом лошадей, обеспечивающих многие потребности населения, а так же крупный рогатый скот, овец, иногда коз.

Второй отраслью хозяйства было земледелие, которое в первой половине и середине XVIII в. начинало развиваться в рамках полукочевого скотоводства, дополняя его, почти не затрагивая основ скотоводческого хозяйства. В начале XIX в. развитие земледелия несколько ускорилось, постепенно башкирское население начинает увеличивать посевные площади, получая хорошие урожаи. Основными культурами были зерновые, сеяли рожь, ярицу, озимую пшеницу, ячмень, овес, просо.

В соответствии с историко-географическими реалиями формирование хозяйства башкир Курганской области, начавшегося как скотоводческое, шло в дальнейшем по пути интеграции западной и восточной: кочевническо-скотоводческой и оседло-земледельческой культур в процессе адаптации населения к окружающей реальности, которое закончилось окончательным переходом к земледелию в начале XX в.

Примечания

1. *Бикбулатов Н.В. Системы земледелия башкир в XIX - начале XX вв. // Хозяйство и культура башкир в XIX - начале XX вв. М., 1979. С. 14.*
2. *ОГАЧО. Ф. И. – 46. Оп. 1 Д. 484. л. 50 об. – 51 об.*
3. *ОГАЧО. Ф. И. - 46, Оп. 1 Д. 1009. л. 25.*
4. *Кузеев Р.П. Развитие хозяйства башкир в X-XIX вв. // Археология и этнография Башкирии. Т.3. Уфа, 1968. С. 287.*
5. *Кузеев Р.Г., Бикбулатов Н.В., Шитова С.Н. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX - начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. I. Уфа, 1962. С. 203.*
6. *Янгузин Р.З. Земледелие у башкир в 30-е года XIX в. // Археология и этнография Башкирии. Т.V. Уфа, 1973. С.147.*
7. *Янгузин Р.З. Земледелие у зауральских башкир в первой половине XIX в. // Из истории Башкирии (Дореволюционный период). Уфа, 1968. С 127.*
8. *Янгузин Р. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII-XIX вв. –Уфа, 1998.*

СЕКЦИЯ II. ИСТОРИЯ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVI-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Я.Г. Солодкин
Нижневартовский государственный гуманитарный университет,
г. Нижневартовск

ГАРНИЗОН ПЕЛЫМА В КОНЦЕ XVI В. (ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВ)

Летом 1593 г. отряд князя П. И. Горчакова (оставшегося здесь на воеводстве) и С. Н. Ушакова выстроил у впадения Пелыма в Тавду крепость, сыгравшую немаловажную роль в процессе русской колонизации Сибири.

Каким же образом на первых порах формировался пелымский гарнизон, из кого он состоял, тем более, что тогда город, «поставленный» в «месте нужном, безхлебном» (16, 117), представлял собой лишь «военный укрепленный пункт» (15, 9, 11; 16, 124).

Согласно памяти П. И. Горчакову, посланному заложить крепость в «Тоборах», туда «с Вологды» надлежало взять выходца из Ржевы И. Хрипунова, его жену, детей, «животы», и без государева указа обратно не отпускать. («Тоборы» находились в сотне верст от Пелыма (14, 99), почему нельзя утверждать (12, 101), будто русской крепости на Тавде предшествовал острог Тоборы). Видимо, подобно угличскому попу (скорее всего причастному к делу о гибели царевича Дмитрия), которого основатель Пелыма должен был прихватить с собой из «Пермии», И. Хрипунов, вероятно, городовой дворянин или сын боярский, являлся ссыльным. П. И. Горчакову предписывалось включить в свой отряд и семью М. Глазова, отправленного на службу в «Тоборы» (14, 114 – 115). Надо думать, что этот помещик Московского уезда тоже испытал опалу. Утверждение, будто И. Хрипунов и М. Глазов строили «Пелымский город» (11, 198), сохранившимися документами прямо не подтверждается.

Судя по наказу П. И. Горчакову, в его отряде, направленном в «Сибирскую страну», числились ратные люди из Перми, Выми, Соли Вычегодской, Вятки. Благодаря обнаруженным Г. Ф. Миллером поручным записям за 1593 и 1594 гг. известно, что в крепость на территории Пелымского княжества, даже когда ее только собирались возвести, решили переселиться служившие в сотне К. Шокурова в Чердыни стрельцы, среди которых насчитывались четыре «пермитина», помор, ненокшанин (т. е. также происходивший из Поморья), устюжанин, галичанин, вятчанин (7, 182, 184, 188, 189). Как указывает Н. И. Никитин, в числе первых жителей города, «срубленного» русскими на Тавде, были и «можаитин», «москвитин», новоторжец, холмогорец, донской казак Д. Иванов. Если верить отписке местного воеводы И. Вельяминова (1623 г.), службу в Пелыме вскоре после его основания несли и угличане (9, 26), в которых обычно усматривают посадских «мужиков», высланных на восточную «украйну» страны вслед за событиями 15 мая 1591 г. Половину этих «опальных людей» – 30 семей – определили на пашню, часть остальных, как представлялось В. И. Корецкому, зачислили в стрельцы и казаки (8, 39). В 1600 г. местный «жилец» «углечанин» Т. Мокеев привез в Пелым царскую грамоту. По-видимому, этого опального зачислили в служилые люди. Зато угличанин Т. Скобяников состоял в пашенных крестьянах Пелымского уезда (6, 151; 8, 41).

Не исключено, впрочем, что И. Вельяминов, перечисляя понесенные гарнизоном потери, выдал за служилых «пашенных людей». В 1605 г. угличан, поневоле ставших «пелымскими жильцами», отпустили на родину (6, 305; 16, 116 – 117). В город, заложенный П. И. Горчаковым, в октябре 1598 г. сослали и литвина Я. Витканова (1, 346). Следом туда собирались препроводить одного из строптивых братьев Быкасовых, «в государевой опале» очутившихся в Тобольске сразу после того, как письменный голова Д. Д. Чулков «срубил» эту крепость (13, 193 об.). В случае, если такое решение было осуществлено, московский дворянин, принадлежавший к потомственным стремянным конюхам, пополнил число «жилецких людей» Пелыма, скорее всего детей боярских. (Кстати, десять служилых «по отечеству» этого низшего ранга отправились с князем Горчаковым в «Тоборы»). Я. Витканов же, нужно полагать, сделался там казаком либо стрельцом.

Уже при выступлении из Москвы П. И. Горчакову предписывалось набрать в новый город пятьдесят конных и сто пеших служилых людей. Считается, что это распоряжение было выполнено. На взгляд В. И. Сергеева, вскоре после возникновения Пелыма его гарнизон превысил двести человек, а как представляется Н. И. Никитину, – около трехсот. Однако наказ, врученный П. И. Горчакову, оказался реализованным далеко не полностью (20, 250 – 252). В грамоте от 14 декабря 1595 г. констатируется, что «на Пелыме» мало служилых людей – конных и пеших. Среди них указаны дети боярские, «литва», казаки и стрельцы, в частности, Лаврентий Ядровский, очевидно, уроженец Речи Посполитой (7, 192). Кстати, в самом начале XVII столетия в числе выборных по Коломне упоминается литвин князь Ф. М. Ядровский (3, 220; ср. 260).

Основателю Тары князю А. В. Елецкому было приказано выдать в Лозьве новому пелымскому воеводе В. С. Толстому 100 рублей на жалованье служилым людям (столько же, сколько в Сургут и Тюмень). Известно, что сургутский гарнизон насчитывал тогда сто пятьдесят пять человек (5, 98; 7, 212 – 213). По-видимому, в 1594 г. примерно столько же служилых числилось «на житье» в Пелыме. А. В. Елецкому же следовало взять там (еще у П. И. Горчакова) «девятипудную» пищаль с двумя сотнями ядер (7, 216). Это позволяет думать, что сначала «на Пелыми» как минимум был и один пушкарь.

Наказом от 10 февраля 1595 г. новым администраторам Тары предписывалось взять в Пелыме местных стрельцов «для провожанья до Тобольскаго города сколько пригож» (7, 224; ср. 192).

Из наказа В. В. Аничкову, заложившему Сургут и ставшему здесь первым письменным головой (назначенный воеводой князь Ф. П. Барятинский присоединился к нему позднее), узнаем о том, что по пути к местности, где «в вверх Оби» со временем встали стены и башни нового города, в Пелыме надлежало взять казаков и двигаться с ними в Тобольск. Год спустя, 10 февраля 1595 г., был составлен наказ следующим сургутским администраторам О. Т. Плещееву и И. И. Колемину, согласно которому в крепости, «срубленной» на территории Бардакова княжества, служили «присланные» «с Пелыма» казаки терские, «сольские», донские атамана Темиря Иванова, т. е. годовальщики (19, 2, 7). (В «сольских» можно видеть «польских» казаков, тех, кто ранее обитал в Поле (17, 26). Они, кстати, в 1594 г. были среди первостроителей Тары. Н. Н. Оглоблин и Н. И. Никитин под «сольскими» подразумевали волжских или вольных). Е. М. Главацкая и А. Т. Шашков находят, что станицу Т. Иванова В. В. Аничков взял из Пелыма, направляясь к месту будущего «Сургуцкого города», иначе говоря, казаки, которые прежде несли службу в «Тоборах», «ставили» крепость у впадения Бардаковки в «великую» Обь (5, 99 – 100, 122; 10, 105; 21, 21, и др). Можно, однако, думать, что станица Т. Иванова сменила в этой крепости других пелымских казаков, под началом В. В. Аничкова строивших Сургут, появившись здесь ранней осенью 1594 г. (18, 45). Через год «Темиреву» станицу, власти обещали отпустить обратно, что противоречит взгляду, будто часть гарнизона «поставленного» П. И. Горчаковым города уже вскоре перевели в возникший следом «Сургуцкий» на постоянное «житье». Но по челобитной долго служившего в Сургуте атаманом Т. Федорова, он прибыл туда из Пелыма (5, 122), и, думается, не один.

Выходцы оттуда на первых порах встречались и в построенной в 1594 г. Таре. Этот город, наряду с Лозьвой и Пелымом, «ставил» выехавший из Речи Посполитой в Россию в конце царствования Ивана Грозного отец тарского казака П. Костелецкого. И Пелым, и Тару, если доверять его «челобитью», сооружал сподвижник Ермака Г. Иванов, «рубивший» также с первыми воеводами Тюмень, Тобольск, Томск. Пелымский атаман К. Волнин с десятью казаками был послан основателем русской крепости «в верх Иртыша» князем А. В. Елецким в экспедицию против Кучума, а затем (вероятно, с сеунчем) – в Москву, откуда привез деньги, пожалованные участникам успешного похода. Казаки из Пелыма несли службу в «Тарском городе» и в 1595 г. (7, 229 – 231, 237, 245; 12, 26).

Десять черкас и стрельцов, ранее живших в крепости на Тавде, в 1600 г. под началом письменного головы Ф. О. Янова строили Туринский острог (7, 284, 287). Сохранилась отписка (того времени) пелымского воеводы Т. И. Траханиотова основателю укрепленного поселения в «Епанчином юрте». Благодаря этому документу известно, что стрельцы, «литва» и черкасы, служившие в Пелыме, делились на две статьи и получали соответствующее жалование (42 алтына и 23 алтына 2 деньги). Согласно «росписи» пелымского письменного головы И. И. Неелова, «на Епанчине» в 1600 г. в годовальщиках находились семь стрельцов, черкас и литвинов из воздвигнутого в «Тоборах» города, в том числе десятник И. И. Векша, Ш. Давыдов, «немчин» К. Власов, Л. Игнатьев, И. Пищальник, З. Иванов (2, 1, 2) (последнего относят к числу «ермаковых казаков»).

Пелымцы наряду со служилыми людьми нескольких других сибирских городов в 1604 г. строили Томск (4, 32, 42).

Итак, гарнизон крепости, заложенной князем П.И. Горчаковым, поначалу состоял из детей боярских, стрельцов, казаков, черкас, «литвы», как минимум одного «немчина» и был невелик. Среди местных казаков попадаются выходцы с Терека, Дона, Поля, даже один ермаковец. Немало служилых Пелыма в первые годы его существования происходило из севернорусских уездов. Оказывались в этом городе, где в рассматриваемый период не сложился посад, и ссыльные, к примеру, литвин Я. Витканов, по-видимому, угличане. Пелымцы были в числе строителей Сургута и Томска, несли службу в только что основанных Сургуте, Таре, Туринске. По источникам комплектования и структуре, насколько можно судить, гарнизон Пелыма в последние годы XVI в. заметно не отличался от служилого люда остальных сибирских городов и острогов.

Примечания

1. Андреев А. Описание актов, хранящихся в археографической комиссии Академии Наук СССР//Летопись занятий археографической комиссии за 1927 – 1928 годы. Л., 1929. Вып. 35.

2. Архив СПб. ин-та истории РАН: Русская секция. К. 174. Оп. 2. Ед. хр. 638.

3. Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1.

4. Бояршинова З. Я. Основание города Томска//Вопросы гео-

графии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3.
5. Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994.
6. Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2.
7. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского Царства. М., 1998. Кн. 1.
8. Корецкий В. И. Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI – начало XVII в.)//Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973.
9. Никитин Н. И. Служилые люди Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988.
10. Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995.
11. Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000.
12. Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI – первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982.
13. Рос. гос. архив древних актов. Ф. 214. Оп. 1. № 2.
14. Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2.
15. Сергеев В. И. Основание городов Западной Сибири (до середины XVII века): Автореф. дис. … канд. ист. наук. М., 1962.
16. Сергеев В. И. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение//Вестник истории мировой культуры. 1960. № 3(21).
17. Солодкин Я. Г. Служилые люди Сургута в первые годы его существования//Очерки истории Сургута. Сургут, 2002.
18. Солодкин Я. Сургутяне – строители первых сибирских городов и острогов//Югра. 2002. № 10.
19. Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. Прилож.
20. Шашков А. Т. К истории основания Березова и Пелыма// Культурное наследие российской провинции: история и современность: К 400-летию г. Верхотурья: Тез. докл. всерос. научно-практ. конф. Екатеринбург, 1998.
21. Шашков А. Первые зауральские города и остроги//Югра. 1997. № 8.

М.В. Смирнов
Курганский государственный университет,
г. Курган

ИКОНОСТАС ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА

Никакое дело на Руси не начиналось без предварительного обращения к иконе, к Богу, через иконописное изображение. Столь важная акция – покорение Сибири – разумеется, не могло быть в этом смысле исключением. Известно, что у Ермака в походе был переносной иконостас, точнее деисусный чин (4, 194). Нечто вроде передвижной часовни. Деисус – важнейшая часть иконостаса, представляет собой фиксированную каноном последовательность икон.

По центру основная икона «Спас в силах», часто данный образ и по размеру больше прочих, что подчёркивает особую значимость. По сторонам от Спасителя расположены Иоанн Предтеча и Дева Мария, за ними архангелы, апостолы и святые(1, 206). Установленный порядок не изменялся даже в художественных традициях, отмеченных крайней степенью специфичности (3, 65). В иконостасе, который принадлежал Ермаку, вместо образов архангелов Гавриила и Михаила поставлены иконы Св. Николая Мирликийского Чудотворца и Дмитрия Солунского.

Св. Дмитрий вполне заслуженно пользовался уважением Ермака «со товарищи». В день памяти святого воина была одержана решающая победа над войсками хана Кучума – 25 октября 1582 года (4, 196). Вообще говоря, Дмитрий Солунский считается ещё плюс ко всему покровителем великокняжеского рода. Однако, вряд ли такой статус мог стать причиной особого отношения в маргинализованной среде покорителей Сибирского царства. Скорее даже наоборот, тем более что власть Ивана IV на Ермака распространялась весьма условно.

Из любого даже наиболее популярно составленного источника легко усваивается факт – Св. Николай был одним из наиболее почитаемых святых на Руси. Нужно только внести некоторые уточнения. Какова «сфера ответственности» Св. Николая в понятиях народного сознания прошедших веков? Такую информацию к сверхсекретной не отнесёшь. Ответ в общем обычный – моряки, путешественники, переселенцы и далее в этом же духе. Рассматривая ситуацию через призму таких сведений, всё становится на свои места. Сделав небольшой хронологический шаг, легко убедимся: с усилением колонизационного движения значение Св. Николая в массах растёт. Хотя поход Ермака все-таки военная акция, а не чисто колонизационная, миссионерская или переселенческая. А так, Николай Угодник был, как правило, первым святым, с которым встречались аборигены. Уже позднее этнографы фиксировали всякого рода уникальные факты, как, например, «Саган Убукгун» (по-якутски – седой или белый старик) - якутская интерпритация Св. Николая (4,196), или вот записанное краеведами свидетельство: «…святой человек Никола самоедам шибко помогает…»(4,196). Ну, якуты хотя бы православные (2,430), а вот о самоедах, например, в энциклопедии этносов сведения следующие: «Большинство ненцев (они же самоеды) являются анимистами. В начале XIX века были сделаны первые попытки приобщить ненцев к христианскому вероучению. Специальная миссия архангелогородского архимандрита Вениамина осуществляла крещение ненцев… В кон. XIX – нач. XX вв. миссионеры Тобольской духовной консистории пытались приобщить к христианству ненцев. Но большая часть ненцев …сохранили анимистические представления» (2,249). Подумать только, язычники и сейчас, и тогда, а вот «…Никола шибко… помогает…».

Есть и другой подход к рассмотрению данной проблематики. Святой Никола особенно чтим на севере европейской части России. Современная территория Архангельской, Вологодской областей и Карелии были своего рода Сибирью до Сибири. Имеется в виду, что точно так же русский север был колонизован, освоен, русифицирован. Как раз там вспыхивает культ Св. Николая с особенной яркостью. В так называемых северных письмах его образ отлично разработан (3,51). Наверно, логика, в принципе, дублируется – святой покровитель переселенцев помог успешно закрепиться на новых территориях до берега Белого моря, проверенный помощник не оставит и в следующей аналогичной ситуации, каковой стало переселение за Урал. Значительная доля первых переселенцев была из вышеупомянутых северных регионов.

Примечания

1. Барская Н.А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М.,1993.
2. Народы России: Энциклопедия. М., 1994.
3. Реформатская М.А. Северные письма. М., 1968.
4. Сибирская икона. Омск, 1999.

Т.Г. Мезенина
Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия,
г. Нижний Тагил

ФОРМИРОВАНИЕ ВЛАДЕНИЙ СТРОГАНОВЫХ НА УРАЛЕ

Строгановы достаточно известны в истории российского предпринимательства как род крупных солепромышленников и торговцев. Активная предпринимательская деятельность Строгановых началась в XV в., в нача-

ле XVI в. выделились три самостоятельные ветви рода, условно названные по местности, где располагались земельные владения и соляные варницы, принадлежавшие представителям каждой из них. Тотемская ветвь в Вологодском крае угасла в 1618 г. Представители другой ветви – циренниковской – жили недалеко от Сольвычегодска, их предпринимательская деятельность прекратилась в XVII в. в связи с переходом в крестьянское сословие. Сольвычегодско-Пермские Строгановы, представлявшие третью ветвь, стали крупными промышленниками и землевладельцами, именно их предпринимательская деятельность продолжалась несколько столетий и оставила столь заметный след в российской истории (1; С. 4).

Предпринимательская активность Строгановых разворачивалась из Сольвычегодского края, где изначально находились земельные владения и соляные промыслы рода. Основными статьями дохода являлись солеварение и торговля разнообразными товарами, приносившие немалые прибыли. Торговые связи Строгановых охватывали все Русское государство, распространяясь и на соседние территории Урала и Сибири. Русская колонизация Урала и освоение его территорий открывали новые возможности развитию частной инициативы. В этих условиях было закономерно стремление предпринимателей использовать появившиеся шансы. С середины XVI в. на Урале начали формироваться обширные земельные владения Строгановых.

В 1558 г. по инициативе Григория Строганова ему были переданы во владение «пустые земли» в Перми Великой. До передачи прав владения были соблюдены соответствующие формальности. В частности, необходимо было проверить слова Григория Строганова об отсутствии на жалуемых территориях угодий «пермич». Правоту этих сведений подтвердил приехавший из Перми с данью «пермин» Кодаул (6, 226). На основании челобитной Григория Строганова и свидетельства Кодаула и была составлена жалованная грамота. Согласно ей, Строганову жаловались «места пустые, лесы черные, речки и озеры дикие, острова и наволоки пустые, а всего того пустого места 146 верст».

Границы жалованных земель в тексте грамоты были обозначены довольно туманно: «по обе стороны Камы от устья Лысьвы до устья Чусовой и по рекам, что в той меже впали от устья и до вершин». Подобная формулировка может объясняться недостаточным знанием географии местности на момент пожалования. На пожалованные земли предоставлялась льгота – освобождение поселенцев от податей и сборов сроком на 20 лет (до 1578 г.). Были перечислены и обязанности владельца: «чтобы Григорий городок поставил, пушки и пищали учинил для береженья, лес сек, пашни пахал, дворы ставил, звал людей неписьменных и нетяглых, варницы ставил и соль варил, а руд [медных, серебряных и оловянных] не делал» (6, 225–226). Это пожалование стало первым в череде царских «милостей», выразившихся в последующих жалованных грамотах на уральские территории.

В 1568 г. брат Григория Яков Строганов подал челобитную, в которой просил пожаловать ему земли по течению Чусовой и Каме ниже устья Чусовой. Просьбу он обосновывал тем, что на пустых землях найдены «росольные места» и существует возможность развивать соляной промысел и осваивать территории, с которых в государственную казну будут поступать налоги (5, 231). Эта просьба была удовлетворена. Яков Строганов получил во владение земли «по обе стороны реки Чусовой от устья и до вершины, и по речкам, и по озерам, и до вершин», а также «по обе стороны Камы от устья Чусовой вниз на 20 верст по речкам до вершин» (5, 232). Практически, четкие границы владения обозначены не были, земли по берегам рек, впадающих в Каму и Чусовую в указанной «меже», попадали в земельный отвод Строгановых без ограничений. В грамоте 1568 г., так же как и в грамоте 1558 г., была установлена налоговая льгота на жалованные территории – освобождение населения от уплаты податей сроком на 10 лет. Благодаря этим пожалованиям сложилась огромная территория строгановских владений на Урале.

В 1579 г., после окончания действия налоговых льгот, писцом Яхонтовым была произведена перепись уральских владений Строгановых. По результатам этой переписи в 1581 г. часть земель, незанятых и оставшихся «пустопорожними», была возвращена государству. В казну отошли земли от устья реки Чанвы (притока Яйвы) до вершины Яйвы, от устья реки Утки (правого притока Чусовой) до вершин Чусовой и от устья реки Барды (притока Сылвы) до вершин Сылвы (2). Границы строгановских владений, таким образом, были уточнены.

В конце XVI–XVII вв. происходил дальнейший рост земельных владений Строгановых. В 1597 г. царь Федор Иванович пожаловал Никите Строганову земли «по обе стороны Камы от Ласвы вниз до Ошапу». В этот отвод попадали территории по берегам рек Сюзьва, Нытва, Очер и Юг от устьев и до вершин. На пожалованные земли также устанавливалась налоговая льгота на 15 лет – до 1612 г. После окончания «льготных лет» предполагалось провести описание владений и установить размер уплачиваемых Никитой Строгановым налогов (3, 265–266). Перепись владений была осуществлена в 1613–1614 гг. писцами из Москвы Девятым Федоровичем Змеевым и подьячим Василием Михайловичем. На основании этой переписи был рассчитан размер податей с населения вотчины (1,114).

Следующее пожалование уральских земель состоялось в 1614 г. Согласно жалованной грамоте Михаила Федоровича, Андрей и Петр Строгановы становились владельцами земель по обе стороны Камы от устья реки Тулвы вверх до «Никитиной вотчинной межи». Во владения Строгановых попадали территории по берегам «речек малых от устей и до вершин» в указанных границах. Так же как и в предыдущих пожалованиях, устанавливалась налоговая льгота – освобождение поселенцев от уплаты податей сроком на 10 лет, до 1624 г. (3, 270–271). Передача этих земель во владение стала своего рода «компенсацией» денежных средств, которые по просьбе правительства поступали от богатых промышленников и торговцев на создание ополчения и оплату жалования «ратным людям» в 1608–1610 гг. (4, 135–139). Отводы 1597 и 1614 гг. расширили территории строгановских владений на Урале, способствовали формированию беспрецедентно огромной латифундии, принадлежавшей представителям одного предпринимательского рода.

Увеличение строгановских владений путем пожалования земель происходило и в конце XVII в. В 1685 г. Г. Д. Строганову были пожалованы земли по реке Весляне с ее притоками, в 1688 г. – земли по Каме от устья реки Зырянки до устья Яйвы (3, 318, 320), в 1694 г. – земли по реке Лолог и ее притокам (9, 38). Столь щедрые пожалования выступали тогда в качестве награды за «службу и радение Московскому государству верою и правдою во всем». Служба заключалась в помощи людьми из строгановских владений при организации военных отрядов и денежными средствами на оплату жалования «ратным людям». Всего по подсчетам, приведенным в жалованной грамоте 1692 г., Строгановыми в период с «Московского разорения» по 1673 г. была отдана в казну сумма в 841 762 рублей (3,304). Возможно, пожалование земельных владений стало попыткой государства расплатиться

с этими «долгами». Кроме того, передача малоосвоенных территорий в руки частных владельцев снимала с казны финансовые затраты на заселение и разработку ресурсов Урала. Последнее пожалование земель состоялось в 1702 г., когда во владение Г. Д. Строганова перешли земли в верховьях рек Обвы, Иньвы и Косьвы (9, 38). В результате всех пожалований вотчина Строгановых стала одним из крупнейших частных земельных владений.

Другим способом расширения строгановских владений на Урале стала покупка земель у мелких местных землевладельцев. Самыми крупными из купленных территорий были следующие: в 1615 г. Андрей и Петр Строгановы купили у крестьянина Фомы Исаева «пустошь с пашнею и со всеми угодьи» в Осинском уезде по реке Тулве; в 1668 г. Данила Строганов купил у А. Ф. и Б. Ф. Елисеевых их «вотчину» по реке Сылве и ее притоку Барде за 640 рублей; в 1673 г. вдова Д. Строганова Агафья Тимофеевна купила у М. И., И. И. и С. И. Елисеевых т. н. Кишертскую вотчину за 800 рублей (3, 276, 316–317). В результате несколько расширились владения Строгановых по Каме и Сылве. Приобретали Строгановы также покосы, «полянки», «пустые места» по рекам Яйве, Обве, Иньве, Косьве. Однако покупка земель играла незначительную роль в увеличении их владений. Гораздо большее значение в процессе формирования строгановских «вотчин» имели, без сомнения, «государевы жалованные грамоты».

Вопрос о площади пожалованных Строгановым земель вызывает неоднозначные мнения исследователей. Одни указывают цифру в 10 382 347 дес.(8, 59), другие – 10 823 тыс. дес.(7, 5) к началу XVIII в. Связаны эти разногласия с расхождением данных источников. Чаще всего используются сведения, приведенные В. Н. Шишонко в его «Пермской летописи» (10, 448), основанные на историко-статистических таблицах Ф. А. Волегова, по имению Строгановых или подсчеты служителей Строгановых, произведенные в первой половине XIX в. на основании документов вотчинного архива. Цифры в этих расчетах существенно отличаются (таблица 1).

Таблица 1

*Количество земель, пожалованных Строгановым с 1558 по 1692 г. (дес.)**

Дата пожалования	По «Пермской летописи»	По сведениям вотчинной конторы Строгановых
1558 г.	3 415 840	3 840 836
1568 г.	4 129 217	4 866 165
1597 г.	586 382	546 784
1614 г.	163 280	469 788
1685 г.	604 211	-
1694 г.	254 741	-
1692 г.**	-	311 930
Всего	9 153 671	10 035 503
Возвращено казне	2 756 568	2 093 792
Осталось во владении	6 397 103	7 941 711

** Пермская летопись / Сост. В. Н. Шишонко. Второй период. 1613–1645. Пермь, 1882. С. 448; ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16 а. Л. 30; Волегов Ф. А. Историко-статистические таблицы на Пермские имения господ Строгановых с 1568 по 1850 г. // Памятная книга Пермской губернии на 1889 г. / Сост. А. А. Дмитриев. Пермь, 1888. Приложение. С. 7.*

*** Весляно-Лологская дача считалась пожалованной в 1692 г. Однако, в подтвердительной грамоте 1692 г. упоминание о землях по реке Лолог отсутствует.*

Разница в подсчетах, отчетливо видная по приведенной выше таблице, может быть объяснена несколькими причинами: во-первых, недостаточным знанием географии местности, в которой жаловались земли и отсюда расплывчатыми формулировками границ отводимых территорий, во-вторых, задачами, которые ставились при подсчете площадей строгановских владений. Историко-статистические таблицы, составленные Ф. А. Волеговым, представляли собой результат его частного исторического исследования, не предназначенный для широкой публики, тогда как расчет жалованных Строгановым земель служащими вотчинной конторы в первой половине XIX в. был предназначен к отправке в официальные инстанции для решения многочисленных земельных споров Строгановых и их наследников. Естественным в этом контексте представляется стремление служащих указать несколько завышенные цифры. В этом случае более достоверными представляются сведения Ф. А. Волегова, опубликованные А. А. Дмитриевым и В. Н. Шишонко.

Таким образом, к началу XVIII в. на Урале сформировались огромные по территории владения, принадлежавшие роду Строгановых. Формирование строгановских вотчин происходило в XVI–XVII вв. и явилось результатом пожалования уральских земель предприимчивым купцам и солепромышленникам. Таким способом государство пыталось привлечь частную инициативу при решении задачи заселения и освоения окраинных территорий.

Примечания

1. *Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII вв. М., 1962.*
2. *ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 16а. Л. 30.*
3. *Грамота 1692 г. Г. Д. Строганову // Андреев А. Р. Строгановы XIV–XX вв.: Энциклопедическое издание. М., 2000.*
4. *Грамоты 1608, 1609, 1610 гг. Андрею и Петру Строгановым // Дмитриев А. А. Пермская старина. Вып. 6. Пермь, 1895.*
5. *Жалованная грамота 25 марта 1568 г. Якову Строганову // Андреев А. Р. Указ. соч.*
6. *Жалованная грамота Ивана IV Григорию Строганову 4 апреля 1558 г. // Андреев А. Р. Строгановы XIV–XX вв.: Энциклопедическое издание. М., 2000.*
7. *Мухин В. В. «Строгановский регион» и его роль в формировании культуры дореволюционного Урала // Строгановы и Пермский край: Материалы научной конференции 4–6 февраля 1992 г. Пермь, 1992.*
8. *Строгановы // 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов / Сост. О. А. Платонов. М.,1995.*
9. *Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. Пермь, 1995.*
10. *Шишонко В. Пермская летопись. Второй период. 1613–1645. Пермь, 1882.*

В.Д. Пузанов

Сургутский государственный педагогический университет,

г. Сургут

БЕЛОМЕСТНЫЕ КАЗАКИ В СИБИРИ XVII В.

В 30 – 40 гг. XVII в. в слободах и острогах юга Сибири появляется особая категория служилых людей по прибору – беломестные казаки. Часто эта группа служилых людей изучается как исключительно сибирское явление, вне общего российского контекста. Между тем подобная категория служилых людей известна на юге России в первой половине XVII в. и упоминается в Соборном Уложении 1649 г. Беломестные казаки являлись одной из групп служилых людей по прибору, которые по замечанию В. О. Ключевского являлись «соединительным звеном» между верхушкой московского общества – служилыми людьми по отечеству и тяглыми, жилецкими людьми.

А. В. Чернов, автор наиболее подробного исследования о русских вооруженных силах XV – XVII вв. считал, что беломестные казаки появились в первые годы царствования Михаила Федоровича, когда после Смуты правительство проводило массовое верстание вольных казаков в службу (1). По свидетельству В. Н. Татищева, эта

категория служилых людей появилась на «Украине» – южной границе Европейской России еще раньше – со второй половины XVI в. «Сих беломестных перво царь Иоанн Васильевич из солдат и других военных на Украине, а более царь Алексей после польской войны, не хотя салдатства на жаловании содержать, полками населил» (2). Кто же из исследователей прав? Когда появились в России беломестные казаки? Работа А. А. Станиславского подтвердила в этом вопросе правоту В. Н. Татищева (3). Автор показал наличие беломестных казаков на юге России во второй половине XVI в.

Происхождение названия данной категории служилых людей связано с архетипичными представлениями о символике цветов народов востока Евразии. В частности белый цвет традиционно означал «никому не подвластного, свободного от должностей и податей, также нечто радостное, щастие приносящие» (белый царь, белая земля). По авторитетному свидетельству И. Е. Фишера, «россияне приняли сии же наименования», в частности «козаки в Сибири, получающие вместо жалования землю, называются потому беломестными казаками, понеже они не платят с них никаких податей в казну», т. е. владея «белой» – свободной от налогов землей (4). В России XVII в. земельный оклад беломестных казаков, свободный от государственных налогов и повинностей составлял 20 – 30 четвертей в поле, кроме того, они получали небольшое денежное жалование в 2 – 3 рубля. В Сибири традиционным был надел «по шти десятин с полудесятиною в поле», всего 18 – 19,5 десятин.

В 1620 – 1640 гг. на юге Верхотурского и Туринского уездов власть проводит строительство слобод с крестьянским населением, которое должно было решить проблему снабжения хлебом сибирских гарнизонов. Первоначально слободы населялись исключительно крестьянами, однако позднее в 1630 гг. в результате резкого увеличения военной опасности на юге Сибири, в слободах начинается строительство острогов, в них направляются отряды годовальщиков из ближайших уездных центров. Но годовальщики не могли эффективно прикрыть все новые поселения, так как сами гарнизоны городов Сибири были немногочисленны, поэтому пришлось решить проблему защиты слобод другим способом. Когда же появились в Зауралье беломестные казаки? Э. Я. Бояршинова отмечала, что с 1640-х гг. «приказчики, как правило, привлекали на поселение наряду с крестьянами и беломестных казаков» (5).

Материалы Сибирского приказа позволяют дать более точную дату этого события. По данным воеводы Верхотурья царской грамотой 1634 г. приказчику Нижней Ницынской слободы Тобольского уезда П. Перхурову предписывалось набрать в слободе 10 конных и 10 пеших беломестных казаков. Конным казакам был назначен оклад по 4 рубля с четью, а за хлеб дана пашня 12 десятин по 4 десятины в поле, «а дву потомуж». Беломестным пешим казакам было велено служить с пашни и за денежное и за хлебное жалование (6).

Когда беломестные казаки появились в других слободах Сибири? 8/03/1634 г. к воеводе Тобольска князю Андрею Голицыну обратился приказчик Верхней Ницынской слободы Михаил Байкашин, просивший здесь местных служилых людей, по примеру Нижней Ницынской слободы устройства, без которых «никакими мерами быть не уметь». Приказчик обосновал необходимость создания гарнизона наличием в слободе пашенных крестьян и государевых житниц. Андрей Голицын разрешил приказчику набрать из гулящих людей 10 человек в конные казаки, назначив им жалование из денежных доходов Чубаровой слободы, так как в Верхней Ницынской слободе таких сумм еще не было. 12/06/1634 г. приказчик сообщил в Тобольск, что конные казаки набраны. Воевода, сообщив в Сибирский приказ об этом решении, писал, что слобода стоит на окраине русских владений, куда часто нападали Кучумовичи и где без «служилых жилецких людей быть не уметь» (7).

В сентябре 1634 г. в Сибирский приказ обратился воевода Верхотурья, просивший устроить жилецких служилых людей в Невьянской слободе, находившейся на окраине русской колонизации. В 1626 г. по царскому указу в слободе был построен острог для защиты от нападений кочевников, но летом крестьянское население уезжало на работы и в остроге оставались только приказчик «да посадские люди немногие». Воевода обращал внимание, что около Невьянской слободы часто бегают из Сибири ссыльные люди и также крестьяне, взявшие деньги на строительство, а ловить их некем, по данным приказчика, что «за такими за беглыми людьми посылать некого, служилых людей в Невьянском остроге нет». Воевода сообщал также, что нет возможности постоянно посылать в Невьянскую слободы служилых людей из гарнизона Верхотурья, который насчитывал всего 60 человек, постоянно посылаемых на различные службы и писал, что в создавшейся обстановке в слободе невозможно быть без своих служилых людей. В 1635 г. еще в 2 слободах появились казаки – в Невьянской слободе было 17, в Ницынской – 30 человек (8).

Однако, несмотря на это, и после формирования в слободах небольших гарнизонов, туда отправляли годовальщиков. Так в 1638 г. из Верхотурья посылались «от приходу воинских людей» в Невьянскую слободу 22 стрельца и 1 пушкарь, в Новую Ницынскую на Красный яр – 14 стрельцов (9). По сведениям Е. В. Вершинина, в 1642 г. в Сибирском приказе отмечалось, что в 3 слободах - Чубаровской, Верхней Ницынской и Нижней Ницынской было по 10 человек «конных жилецких казаков» (10).

3 марта 1642 г. верхотурский воевода, князь Н. Ф. Мещерский сообщал царю, что из слобод Верхотурского уезда часто пишут приказчики с просьбой прислать из города служилых людей для защиты от возможных набегов ойратов, а в гарнизоне Верхотурья имеется всего 100 служилых людей (95 стрельцов и 5 пушкарей), из которых большая часть находится в разъездах по территории уезда, на сборе ясака, на заставах в городе и на других необходимых службах, в результате свободный резерв составляет не более 20 – 30 человек, которые необходимы в самом городе (11). В 1642 г. воевода послал памяти приказчикам Невьянской, Тагильской, Ницынской, Ирбитской слобод Верхотурского уезда, в которых, основываясь на царской грамоте 1635 г., приказал им набирать служилых людей из 2 источников – 1) «вольных и охочих» т. е. гулящих людей, 2) пашенных крестьян, не более одного человека из семьи. Всего предполагалось набрать 145 человек – 85 конных, 60 пеших беломестных служилых людей. В частности, в Невьянской слободе воевода приказал набрать 40 конных, 20 пеших, в Тагильской – 20 конных, 10 пеших, в Ницынской – 10 конных, 10 пеших, в Ирбитской – 15 конных, 20 пеших (12). К этому начинанию сразу же проявил интерес Тобольск. 27 марта 1642 г. в слободы Верхотурского уезда был прислан тобольский письменный голова Станислав Баскаков с памятью для смотра по спискам служилых людей, набранных приказчиками в слободах. Верхотурский воевода жаловался в Сибирский приказ, что после этого гулящие люди и члены семей пашенных крестьян, которые «прибрались и те послыша ис Тобольска присылки все разбрелись» (13).

К 1647 г. в Невьянском остроге удалось прибрать в беломестные казаки 10 конных и 4 пеших человек. В Ницынской на Красном яру 14 конных, 9 пеших. В Ирбитской – 5 конных, 9 пеших и в 1647 г. еще 2 пеших казака. В

1645 – 1646 гг. в Арамашевской слободе прибрано 29 конных казаков (14). Гарнизоны новых слобод часто формировались из служилых людей старых поселений. Так, в 1649 г. приказчик Белослудской слободы Василий Муравьев, получив верхотурскую память о том, чтобы ему беломестных казаков «в проезжие станицы посылать и караулы караулить» на случай набега кочевников, сообщил, что у него в подчинении имеется только 1 беломестный казак и «посылать некого». Верхотурский воевода приказал выделить пополнение из гарнизона Ирбитской слободы, где «сверх верхотурской памяти» было прибрано к тому времени 15 беломестных казаков (15). В 1653 г. в 5 слободах Верхотурского уезда насчитывалось 113 беломестных казаков. В Арамашевской – 36 человек, Невьянской – 17, Ницынской – 30, Ирбитской – 25, Белослудской – 5 беломестных казаков (16).

В 50-е гг. XVII в. происходит русская колонизация реки Исети, где беломестные казаки также играли большую роль. В 1650 г. верхотурские служилые люди на верхнем течении реки основали Исетский острог, а уже в 1655 г. был построен Катайский острог. Гарнизоны по реке Исети формировались за счет старых острогов. 2 марта 1657 г. воевода Верхотурья Иван Хитрово перевел в Катайский острог 30 беломестных казаков с семьями, и к 1660 г. на поселение удалось прибрать 5 семей русских и 36 семей татар и черемис.

Восстание 1662 – 1667 гг. заставило администрацию увеличить количество беломестных казаков на юге Сибири. Летом 1662 г. восставшие башкиры перебили 30 беломестных казаков Катайского острога, крупные потери понесли и другие остроги края. В 1665 г. приказчик Катайского острога писал на Верхотурье, что там мало новоприборных беломестных казаков, которые к тому же не вооружены, в казне острога «оружия нет и давать им нечего». В этих условиях администрация Тобольска первоначально попыталась увеличить численность гарнизонов за счет населения самих зауральских слобод и острогов путем перевода его части в беломестные казаки. Так, если к 1665 г. в Шадринской слободе насчитывалось 6 беломестных казаков (при 4 крестьянах), то вскоре после указания администрации «прибрать 10 человек или сколько пригоже» Юрий Малечкин за один день 7 мая принял на службу 9 казаков, поручившихся друг за друга (20). Всего к 1667 г., по данным Тобольского воеводы П. И. Годунова (1667 - 1670), в острогах Приисетья находилось 160 беломестных казаков: в Исетском остроге – 30, Мехонской слободе – 60, Шадринской слободе – 20, Катайском остроге – 50 чел. (21).

В 1668 г. воевода Тобольска П. И. Годунов попытался заставить беломестных казаков служить в драгунах, что вызвало сопротивление служилых людей, казаки Верхотурского уезда в количестве 72 чел. «из верхотуринских слобод в исетские остроги не выехали». В 1679 г. в южных острогах Сибири по Исети и Тоболу насчитывалось 363 драгуна и 243 беломестных казака, в том числе 100 казаков в слободах Верхотурского уезда и 143 казака в Тобольском уезде. В 1686 г. там находилось 1000 служилых людей – 648 драгун и 352 беломестных казака. В 1688 г. все служилые люди по прибору, служившие в слободах и острогах по Исети и Тоболу стали называться беломестными казаками. 19 ноября 1688 г. царским указом Борис Лошкин стал «в слободах у беломестных казаков, что были драгуны, головою» (22).

В 1694 г. царским указом беломестные казаки Верхотурского уезда были освобождены от власти приказчиков слобод, которым предписывалось их «на караулах и на работах у себя не держать». Отныне казаки были подчинены одному лицу – сотнику Камышловской слободы Матвею Солдатову в судебном, административном и военном отношениях. Это решение было вызвано военным положением на юге Сибири, на сотника была возложена ответственность за разведку, проводившуюся силами беломестных казаков из слобод, и своевременное сообщение вестей воеводе и приказчикам (23).

Из кого состояла эта корпорация служилых людей? В одной из челобитных имеются интересные биографические сведения, позволяющие нам увидеть, что были за гулящие люди, которые наряду с пашенными крестьянами стали основным источником формирования беломестных казаков. В 1694 г. на государево имя обратился с челобитьем о позволении оставить службу Лука Суслов, беломестный казак Невьянской слободы, прослуживший в составе данной категории служилых людей 46 лет. А до того, он начал службу еще при Михаиле Федоровиче солдатом в полку воеводы Плещеева на Самаре, затем «многие годы» служил стрельцом в Астрахани во время воеводства Б. А. Репнина, в середине XVII в. перешел в Сибирь и строил Катайский острог «без вашего великого государя жалования», служил «во всяких посылках непрестанно». В 1694 г. казаку исполнилось 92 года, по его словам он стал «стар и дряхл и казачьи службы служить за дряхлостью не могу» и остался без кормильцев. 27 июня 1694 г. эта челобитная была удовлетворена (24).

В 1698 г. Петр I создал на юге Сибири из беломестных казаков драгунский полк.

В 70-е гг. XVII в. беломестные казаки появляются и на востоке Сибири. После военного разгрома киргизами служилого мира Красноярска, в 1668, 1671, 1674 гг. Алексей Михайлович предпринял ряд мер для усиления боеспособности на юге контролируемого русскими участка по реке Енисею, в частности по предложению воеводы Енисейска было предписано организовать здесь беломестных казаков. К 1679 г. в Енисейском уезде имелось уже 149 беломестных казаков, размещавшихся в 6 острогах. В 1700 г. в Илимском остроге имелось 6 беломестных казаков, которые «служат с пашни без жалования», 65 посадских людей и 356 пашенных крестьян (25). По данным Н. Ф. Емельянова к 1710 г. в Сибири имелось 512 семей беломестных казаков, в Тобольском уезде – 83, Верхотурском – 111, Тарском – 185, Енисейском – 133 (26).

Примечания

1. *Маньков А. Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. М., 2003. с. 252; Чернов В. А. Вооруженные силы русского государства в XV – XVII вв. М., 1954. С. 129.*
2. *Татищев В. Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения. Ленинград, 1979. С. 185.*
3. *Станиславский А. А. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990.*
4. *Фишер И. Е. Сибирская история. СПб., 1774. С. 52.*
5. *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 131.*
6. *РГАДА, ф. 214, ед. хр. 656, л. 85; Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников // К истории Сибири. Тюмень, 2003. С. 65.*
7. *РГАДА, ф. 214, ед. хр. 656, л. 118*
8. *РГАДА, ф. 214, ед. хр. 656, л. 86*
9. *РГАДА, ф. 214, ед. хр. 110, л. 25.*
10. *Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII- XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 54.*
11. *РГАДА, ф. 214, ед. хр. 65, л. 191.*
12. *РГАДА, ф. 214, ед. хр. 65, л. 192.*
13. *РГАДА, ф. 214, ед. хр. 65, л. 193.*
14. *РГАДА, ф. 214, ед. хр. 209, л. 27.*
15. *РГАДА, ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 744, л. 38.*
16. *РГАДА, ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 755, л. 11.*
17. *Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2, приложения, с. 546.*
18. *ДАИ. Т.4. с. 87.*

19. РГАДА, ф. 214, ед. хр. 408, л. 32, 34,35.
20. Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, Вып. 8. С. 27.
21. Титов Ю. Сибирь в XVII в. М., 1890. С. 25.
22. РГАДА, ф. 214, д. 100, л. 528.
23. РГАДА, ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 392, л. 57, л. 62.
24. РГАДА, ф. 1111, оп. 2, ед. хр. 392, л. 58.
25. РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2623, л. 35;.РГАДА, ф. 214, ед. хр. 1354, л. 307; ДАИ, Т. 8, С. 150.
26. Емельянов Н. Ф. Спорные вопросы истории феодальной Сибири. Курган, 1991. С. 60.

Д.О. Скульмовский
Нижневартовский государственный гуманитарный университет,
г. Нижневартовск

ПУШКАРИ В СИБИРСКИХ ГАРНИЗОНАХ в конце XVI – начале XVII вв.

В составе служилого населения Сибири рубежа XVI – XVII вв. преобладали казаки и стрельцы, самой же малочисленной группой были пушкари и затинщики. Сведения об источниках комплектования, функциях, происхождении и численности двух последних категорий «приборных людей» крайне скудны.

По определению Г.Е. Катанаева, казаки, несшие службу «при пушках», считались пушкарями, а служилые, которые «ведали» исправностью и охраной острожных входов, насыпей и тына, – это затинщики и воротники (1, 3). Н.И. Никитин находит, что затинщиками были пушкари, состоявшие при особых крупнокалиберных и тяжелых ружьях – «затинных пищалях» (2, 45). В каждом городе были свои пушкари и затинщики (воротники в документах конца XVI – начала XVII вв. не упоминаются).

По мнению Н.И. Никитина, на город в зависимости от численности его гарнизона и стратегического значения обычно приходилось от 1 – 2 до 10 – 12 пушкарей, которые несли «пешую службу» наряду с казаками и стрельцами (3, 79).

Пушкари, несомненно, входили в состав тюменского гарнизона и, по всей вероятности, их количество было довольно велико, так как их отправляли строить другие сибирские города, в частности, Туринск и Томск.

Больше всего пушкарей, видимо, числилось в Тобольске, так как гарнизон сибирской «столицы» был самым многочисленным и боеспособным. В 1600 г. местный пушкарь Ворошилко Власьев был в качестве «главного лица» направлен «к соляному промыслу» на р. Неглу, где оставался до 1605 г., когда солеварение было прекращено и даже запрещено в силу невыгодности, а оборудование перевезли «на Верхотурье». Пушкаря же и «соловара» В. Власьева велели «в деньгах, и в хлебе, и в дровах, и в приходе и в расходе счесть», а заодно проверить, не «чинил» ли он «какие хитрости» и не «корыстовался ль», после чего «отписать» в Москву, что про него «в сыску скажут». Сам Ворошилка должен был оставаться «на Верхотурье» до царского указа (4,1, 77, 104 – 106; 4,2, 165 – 166).

Ничего не сказано в документах о пушкарях, служивших в конце XVI – начале XVII вв. в Сургуте, где 3 пушкаря служили в 1625 г. (5, 120), Пелыме и Березове.

До конца XVII в. «пушкарские люди» имелись и в тарском гарнизоне. Согласно грамоте от 10 февраля 1595 г., «на Тару» были отправлены «с Москвы» пушкари (в неизвестном количестве), чтобы «держать наряд для похода на Кучюма царя», причем «всякие пушечные и пищальные запасы» были довольно внушительны: 5 скорострельных пищалей и 600 железных ядер (6, 355 – 357; 7, 19).

Согласно грамоте от 1 ноября 1599 г. о проведении переписи в Верхотурье, в гарнизоне этого города находились и «пушкарские люди». Сколько человек там служило «в пушкарях», неясно, вероятнее всего, не менее двух, так как в 1597 г. «на Верхотурье» для строительства «судов» и «контроля» над плотниками, «чтоб суды делали скоро и неоплошно», «приставляли смотреть накрепко» пермских пушкарей (4,1, 14 – 15, 38). Но неизвестно, остались ли в городе эти пушкари или нет. По грамоте от 11 ноября 1604 г., в то время «на Верхотурье» не было ни пушкарей, ни затинщиков, ни «пищалей малых и затинных» (6, 217 – 218).

Пушкарь состоял в направленном на строительство Туринского острога отряде тюменского головы Ф. Янова, включавшем 15 конных казаков и столько же стрельцов. Отряду выделили 2 «затинные» пищали, 200 ядер, 10 пудов зелья и 10 пудов свинца. Дополнительно «с Верхотурья» в «Епанчин юрт», где «поставили» новый острог, были отправлены еще 2 «затинные» пищали, 200 ядер, 10 пудов зелья и такое же количество свинца. В качестве жителей предписывалось оставить 10 конных казаков и пушкаря. П.Н. Буцинский называл 10 тюменских казаков и пушкарей, не уточняя, сколько было последних (6, 374 – 377; 8, 58). По всей видимости, следует говорить об одном пушкаре. Так, грамоту «на Верхотурье» от 29 декабря 1604 г., в которой говорится о нехватке лошадей у служилых людей Туринска и Тюмени, доставил туринский пушкарь Борис Андреев. Однако уже через два с лишним года, 13 февраля 1607 г., «на Верхотурье» повез «колодников» другой пушкарь из Туринска – Иван Барсуков (4,2, 161 – 162, 184 – 185). Согласно грамоте от 25 мая 1607 г., т.е. через два с половиной месяца, в качестве пушкаря снова находился сын боярский Борис Андреев (9, 231). Подчеркнем, что это, насколько известно, – единственный случай за конец XVI – начало XVII вв., когда в пушкарях находился выходец из детей боярских.

Согласно грамоте от 21 марта 1604 г., для «закладки» Томска из Тюмени с атаманом Д. Юрьевым было направлено 50 «лутчших» стрельцов и казаков, а также 2 пушкаря, которым предстояло «в Томском городе годовать». Из вооружения и боеприпасов у них имелись скорострельная пищаль, 200 железных и 200 свинцовых ядер, 10 пудов зелья и 10 пудов свинца (6, 402). О дальнейшей судьбе пушкарей неизвестно.

Таким образом, в конце XVI – начале XVII вв. практически во всех сибирских городах на «государевой» службе находились пушкари (затинщики в документах упоминаются значительно реже). Являясь одной из самых малочисленных категорий служилых людей, пушкари играли далеко не последнюю роль в жизни первых сибирских гарнизонов. Выполняя преимущественно оборонительные функции, «пушкарские люди» наряду со стрельцами и казаками несли пешую службу – доставляли царские грамоты, сопровождали ссыльных «колодников» и т.д. Иногда им давались и более ответственные поручения, например, разведка и организация «соляных промыслов».

Примечания

1. *Катанаев Г.Е. Западносибирское служилое казачество и его роль в обследовании и занятии русскими Сибири и Средней Азии. СПб., 1908. Вып. 1.*
2. *Никитин Н.И. Начало казачества Сибири. М., 1996.*
3. *Никитин Н.И. Первый век казачества Сибири // Военно-исторический журнал. 1994. №1.*
4. *Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII вв. М., 1982. Вып.1; М., 1982. Вып.2.*
5. *Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994.*
6. *Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 1999. Т.1.*

7. *Тарская мозаика (история края в очерках и документах 1594 – 1917 гг.). Омск, 1994.*
8. *Буцинский П.Н. К истории Сибири. Тюмень, 2003.*
9. *Миллер Г.Ф. История Сибири. 2-е изд., доп. М., 2000. Т.2.*

Е.А. Тимохин
Курганский государственный университет, г. Курган

ОТПИСКИ СИБИРСКИХ ВОЕВОД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В настоящее время в исторической науке проявился интерес к изучению мировоззрения служилого населения Западной Сибири (9). Вместе с тем, изучение мировоззрения предполагает некоторое пересечение со смежными областями общественного сознания, одним из которых является правовое сознание. Вместе с тем, правосознание содержит в себе такой компонент как представления людей о своих правах и обязанностях (11, 99). И таким образом представляется возможным изучение такого компонента на историческом примере в лице служилого населения Западной Сибири. Принимая во внимание, что Симачковой Н.Н. был изучен период становления воеводской системы управления в Сибири в конце XVI - начале XVII вв., то представляется возможным изучение некоторых аспектов правового сознания служилого населения на данном этапе(10).

Территория Сибири в XVI в. находилась в ведении Посольского приказа, а с 1599 г. перешла под контроль Приказа Казанского дворца, в ведении которого к началу XVII столетия были все восточные окраины страны (4, 124). Верхним этажом управления в Сибири была воеводская власть (3,166). Основной административной единицей в Сибири в XVII веке был уезд (4, 125). В конце XVI века перед Москвой встала задача – создать в Сибири административный цент, способный контролировать и координировать деятельность сибирских уездов, которым становится г. Тобольск (4, 125-126).

Несмотря на стремление уездных воевод сноситься напрямую с Москвой, минуя Тобольск, правительство сумело объединить сибирские города под началом Тобольска (2, 253). В результате уже после смуты складывается Тобольский разряд, который включал в себя все уезды подконтрольной Сибири (4, 126; 2, 254). Руководящее положение Тобольска в Сибири поддерживалось благодаря тому, что первыми воеводами были представители родового боярства, близких к царскому двору (4,126).

Четкого разграничения прав и обязанностей уездных и разрядных воевод не имелось (4,127). Однако ряд полномочий, таких как административно-судебные вопросы был зафиксирован в «государевом жаловальном слове» в лице наказов, указов и грамот (1, 37). В этой связи встает вопрос о значении других документов, которые, так или иначе, затрагивают вопросы, касающиеся правовых представлений различных категорий служилого населения. Одними из таких делопроизводственных источников являются отписки представителей сибирской администрации.

Большая часть исследуемых отписок (общее число проработанных документов – 25) в тематическом плане связана с проблемой межэтнических отношений в Сибири в тот период, часть документов затрагивает некоторые аспекты хозяйственной и административной деятельности и уголовно-правового характера, имеются несколько документов, которые затрагивают вопросы налогообложения местных племен (7,369-404; 8, 177-219).

Исходя из содержания большинства отписок, представляется возможным определить преобладающей группой обязанностей в понимании служилого населения – совокупность представлений о защите интересов царской власти и местного русского населения. Данное обстоятельство вполне объяснимо, учитывая сложный и конфликтный характер межэтнических отношений в указанный период: имели место конфликты с местными племенами, которые, скорее всего, представляли интересы кучумовичей и возглавлялись кем-либо из его родственников. Обязанность выполнять военно-охранительные функции представлялась служилому населению в виде некоторой совокупности строго определенных задач: содержание военных гарнизонов, взаимные предупреждения воевод и голов, организация охраны тех или иных промыслов, получение информации со стороны представителей местного нерусского населения, организация и проведение военных и правоохранительных мер. Кроме того, различные отписки по-разному характеризуют агрессию местных племен: так в одном случае идёт речь о «набеге», «войне», в других документах применительно к правонарушениям местных племен применяется понятие «воровство». Так в отписке тобольского воеводы Семена Сабурова пелымскому воеводе от 10 декабря 1600 г. характеризуется данное понятие: «да тех вагулич за их воровство, что они сына боярского били и стрельцов перестрелять хотели» (8,190). В этой связи можно говорить об отсутствии в представлениях служилого населения образа кочевых племен как представляющих непосредственную угрозу для царской власти. Соответственно подавление того неповиновения воспринималось и как военная, и как правовая мера. Так согласно отписке верхотурского воеводы от 11 октября 1604 года отмечается массовое проявление бандитизма: «многие вагуличи по волостям, и по юртам, и по дорогам русских людей побивают» (8, 216). В то же время в документе присутствует характеристика возможной юридической ответственности за правонарушение: «а сыскав про воровство подлинно, посажати б их в тюрьму да об них отписати нам холопем твоим и сыск прислать тебе государю царю» (8, 216). В рамках общих представлений об обязанностях могли существовать более мелкие нормы, носившие ситуационный характер: так в отписке от 30 июля 1603 года сообщается о взятии в плен служилыми людьми «языка» (вероятно один из кучумовичей) и о применении к нему «расспроса» (допроса) и «пытки» (8,210). В данном случае пытку можно рассматривать с альтернативной позиции – могла быть, а могла и не быть. Вместе с тем, имеются документы, отражающие в силовых действиях служилого населения исключительно правоохранительный аспект. Так ряд отписок делает акцент на необходимость охраны государственной собственности – соляных варниц (7,369-404 ; 8, 177-219).

Охрана соляных варниц представляет собой предмет хозяйственной и административной деятельности. Соляной промысел считался государственным и поэтому, как и в прежнем случае, правовая инициатива была ограничена обязанностями. Отписки тобольских и верхотурских воевод показывают значимость данного промысла для служилого населения, и, прежде всего, для воевод. Отписки тобольского воеводы Семёна Сабурова за период с октября по декабрь 1600 г. свидетельствуют о значимости данной сферы хозяйства в глазах воевод, прежде всего (8, 188-191). Кроме того, на подобные представления могло повлиять развитие солеварной промышленности на Урале (6, 190). Помимо этого значимость данного промысла объясняется тем, что согласно отпис-

ке от 10 декабря 1600 года пелымскому воеводе предписывалось применить силовые меры в отношении тех вагуличан, которые отказались помогать служилым, и совершили на них нападение (8, 190). Другими факторами, свидетельствующими о заинтересованности в развитии соляного промысла – организационная работа по транспортировке железа, необходимого для варниц (8, 189-191). В то же время другим видом деятельности, демонстрирующим выполнение служилыми людьми своих хозяйственных функций, стало строительство.

Так в отписке Лозвинского воеводы Пелымскому строительное дело именуется «государевым делом», то же прослеживается в отписке за 11 октября 1604 года: в документе данный термин упоминается в контексте необходимости привлечения к уголовной ответственности лиц за совершение разбоя (7, 369;8, 216). Таким образом, через систему понятий в сознании служилого населения были объединены и права, и обязанности. Другой не менее важной категорией в правовых представлениях был «ясак». В Сибири существовали специальные ясашные волости, которые появились после утверждения русских в регионе (4, 129).

Сбор ясака был обязанностью воеводы, о чём в частности свидетельствует факт ссылки воеводы Шаховского на государев наказ в своей описке в Москву в 1597-1598 гг.(8,177). В то же время в Сибири существовала практика сбора так называемых «поминок» - добровольных приношений со стороны местных племен (4, 129). Сбор поминок был скорее правом воеводы, но и в то же время не порицался царем. Однако согласно данным отписки тобольского воеводы Шереметева от 9 апреля 1601 г. служилым людям запрещалось торговать мягкой рухлядью, что позволяет говорить о злоупотреблениях при сборе ясака не только воеводами, но и служилыми людьми (8,197). Так в отписке кетского воеводы указано, что на его служилых людей присланы были челобитные от томских воевод (7,404). Возможно, что это как раз та ситуация, когда служилый человек мог незаконно добыть меха и затем очень спокойно их сбыть. Однако в случае с кетским воеводой иллюстрируется другая сторона деятельности воевод – административная. Согласно отписке воеводы налицо имело место противоречие между томскими воеводами и кетским из-за территориальных разногласий. Если учесть и то обстоятельство, что позднее между имевшими определенную самостоятельность уездными воеводами и тобольским воеводой возникали трения, то можно сделать вывод – для многих воевод характерным было свое видение вертикали власти, но общим моментом было осознание т.н. «государева дела» - всей службы, которая должна была быть подчинена интересам государства и самого царя как источника всякого права (3,167).

Примечания

1. *Авдеева О.А. Особенности административно-судебной системы Сибири в период воеводско-приказного управления//История государства и права.№2.2003. С.34-40*
2. *Бахрушин С.В. Научные труды. Т.3.Ч.1.М.,1955.*
3. *История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года). Т.1.Курган.,1995.*
4. *История Сибири: В 5 т. Т.2.Л.,1968.*
5. *Менщиков В. В. Русская колонизация Зауралья в XVII-XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии: Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та.2004.*
6. *История Урала с древнейших времен до 1861 года.М.,1989.*
7. *Миллер Г.Ф. История Сибири: В 2 т. Т.1. М.,1999.Приложения.*
8. *Миллер Г.Ф. История Сибири: В 2 т. Т.2. М.,2000.Приложения.*
9. *Путилин С.В. Служилое население Западной Сибири в конце XVI - начале XVIII вв.(Историко-мировоззренческий аспект).: Автореф. дис. / С.В. Путилин. Челябинск., 2006*
10. *Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII вв.: Автореф. дисс. / Н.Н. Симачкова. Тюмень., 2002.*
11. *Уледов А. К. Структура общественного сознания. Теоретико-социологическое исследование. М.,1968.*

А.А. Лукиных

Шадринский краеведческий музей им. В.П.Бирюкова, г. Шадринск

ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЙ В ЗАУРАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – XVIII ВВ.

Процесс колонизации и освоения Зауралья весьма сложный и многогранный, ему посвящено множество работ, где показаны разнообразные аспекты жизни населения в период XVII – XIX веков, рассмотрены политические, военные и социальные особенности процесса заселения Приисетья и Притоболья. На настоящий момент остаётся совершенно нераскрытой тема оборонительных укреплений, имевших огромное значение, особенно на начальном этапе, что было обусловлено крайне не спокойной этнополитической ситуацией в данном регионе во второй половине XVII-начале XVIII вв.

Для процесса колонизации очень важен правительственный фактор, который являлся стержнем для дальнейшего вольнонародного освоения Зауралья. Основой же государственного регулирования является военно-бюрократический аппарат, в задачи которого входило и обеспечение безопасности всего населения, а именно строительство оборонительных линий, которые были характерны для Зауралья в XVII-XVIII веках.

Касаясь вопросов острожного строительства, необходимо отметить, что в слово «острог» вкладываются нередко различные понятия. К примеру, при создании городов в европейской части России остроги возникали рядом с городом для защиты жилых поселений (посадов). Аналогичными были первые укрепления Тюмени и Томска. Однако для Сибири характерно понятие острога отождествлять с территорией и сооружениями крепости, так как рядом с ним возникали – посады, окружённые оборонительными стенами (полисадами) (13, 17). Данное утверждение можно подтвердить описаниями приисетских слобод, относящихся к 1719 году. Так, например, Шадринская слобода: «была обнесена рогатками, а внутри наподобие кремля или замка сделан рубленый город с башнями, в котором снаружи для торговых проделаны лавки, так как по воскресеньям здесь проходил торг всякими товарами» (7, 95). Примерно такие же укрепления имели Катайский острог, Багарякская, Каменская, Утяцкая и другие слободы. Слобода Царёво городище имела «городового строения город кремль рублёный, с двумя башнями проезжими, да город же лежачий в столбах, при них четыре проезжие ворота да восемь бастионов, и оные крыты драницами, надолбами, рогатинами и ров» (16, 12). Весьма важным являлся выбор места нового поселения, которое диктовалось не только военно-стратегическими соображениями, но и условиями для ведения сельского хозяйства, торговли и промысла. Возникая в основном на пересечении водных и сухопутных путей, они размещались на удобных, чаще возвышенных участках, в устье небольших рек при впадении их в более крупные водные артерии (13, 13).

Основными составными частями оборонительного сооружения являются: заплот (деревянная стена) с про-

рубленными амбразурами, воротами и башнями, бастионы, а также рогатки и надолбы. Анализ перечисленных составляющих требует дополнительного исследования и не входит в интересы настоящей работы.

Для понимания особенностей крепостного строительства в Зауралье следует более широко раскрыть некоторые понятия военной и архитектурной терминологии, которые отражают специфику того времени. Основными опорными пунктами в системе оборонительных линий в Зауралье были остроги, слободы, редуты и другие временные укреплённые пункты, которые строились в основном по проектам местной администрации. Так к примеру, в большинстве наказных грамот на основание слобод в XVII – начале XVIII вв. говорилось, что первым делом необходимо «острог поставить», так как в условиях постоянных набегов кочевников и башкирских восстаний оборона новых поселений была одним из наиболее важных мероприятий. В то же время эти документы не давали чётких инструкций по строительству того или иного объекта, что означает наличие традиций в возведении военно-оборонительных сооружений. Весьма интересный материал содержится в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера. При описании г. Тобольска автор приводит следующий факт: «До 1643 г. стоял острог, построенный ещё в 1587 г. Данилой Чулковым. В ночь с 13 на 14 августа 1643 г. вспыхнул пожар уничтоживший его. На его месте был построен деревянный город, вроде тех, которые называют по-русски рублёными» (10, 77). Это подтверждает тезис о наличии традиций в оборонительном строительстве. В отписке исетского конного казака Давыда Андреева туринскому воеводе Василию Кокореву об отпуске обратно туринских крестьян в виду окончания острожного и церковного дела на Исети, содержатся сведения о сроках строительства оборонительных сооружений: «В нынешнем во 158-м году марта в 30 день прислал ты на Исеть для острожного и церковного дела туринских крестьян 35 человек, и в нынешнем во 158-м году же маия в 21 день те крестьяне острожное и церковное дело зделали до готова и отпущены в Туринск» (11, 336). Кроме того, анализируя переписку тобольского воеводы Василия Шереметьева с верхотурским и туринским воеводами, связанную со строительством Исетского острога нам удалось восстановить общее количество строителей данного укреплённого поселения. Так из Верхотурского уезда полагалось послать на строительство острога «на Исеть реку, на Красный бор, верхотурских стрельцов 20 человек с ружьем же да пашенных крестьян из верхотурского уезду из Ирбицкие слободы 15 человек, из Ницынские слободы 10 человек» (11, 331). Следующий документ говорит о дополнительной посылке людей: «Господину Рафу Радионовичу Василей Шереметьев челом бьёт. В нынешнем во 158-м году писано к тебе из Тобольска, а велено послати из Верхотурского уезду, из Ирбицкой да из Ницынской слобод, на Исеть для острожного ставления пашенных крестьян 25 человек, да к тому ныне в прибавку помечено послать из Ирбицкие ж, да из Ницынские, да из Белослуцкие слободы пашенных крестьян на Исеть для острожного ставления из Ирбицкие, и из Ницынские, и из Белослуцкие слобод 40 человек…» (11, 332). В этом же году Туринскому воеводе было велено отправить на Исеть 50 пашенных крестьян, но по челобитной в которой указывалось, что «они де нужны и бедны, да они же де сверх государеву пашни делают многие изделия» и «чтоб от того острожного ставления в конец не не погинуть, и государевы пашни не отбыть, и врознь не розбрестися» просили снизить количество человек необходимых для строительства Исетского острога (11, 335). На эту просьбу из Тобольска был дан следующий ответ, что по «указу велети убавити из тое исецкие посылки Туринских пашенных крестьян 15 человек, а послати их на Исеть для острожного ставления 35 человек, чтоб им в том ставленье большой тягости не было» (11, 335). Из всего вышеописанного следует сделать вывод, что для постройки довольно значительного военного укрепления, такого как Исетский острог, важного на тот момент в стратегическом плане, понадобилось 120 человек, а все работы заняли 52 дня.

Теперь обратимся к процессу оборонительного строительства в Зауралье во второй половине XVII – XVIII вв. Для защиты от нападений южных кочевников по плану П.И. Годунова (1667-1670) начала создаваться оборонительная линия (7, 94), которая начиналась Тархановским острожком, далее шла «вверх по Тоболу через Ялуторовскую слободу на Исеть через Исетский острог, Курьинскую слободу, Шадринскую слободу, Далматов монастырь и до Катайского острога» (1, 278). Далее эта линия должна была проходить по реке Каменке до Исетского озера. На территории Среднего Притоболья пограничная полоса создаётся примерно с 70-х годов XVII века, которая к 1719 г. проходила по линии Миасс - Утяцкая слобода – Царёво городище – Абалацкая слобода (7, 95). Общая протяжённость её достигала 472 версты. Отличительной особенностью оборонительных линий является то, что все укрепления были деревянными. В.В. Косточкин, рассматривая особенности древнерусских оборонительных укреплений, указывает, что деревянные крепости строились тогда в основном на востоке страны и объясняет это отсутствием у противника огнестрельного оружия (8, 41). На наш взгляд данное утверждение является необоснованным, поскольку можно предположить, что основной причиной сооружения деревянных укреплений была доступность материала для Зауралья и Сибири. Данный тезис подтверждают сведения, собранные Т.И. Успенским, который указывает, что «за 100 лет перед сим, по утверждению старожилов, были здесь такие сосновые боры, из которых получался жителям весь нужный для них строительный материал» (15, 2-3).

Во второй трети XVIII века сибирские крепости постепенно начинают превращаться в чисто инженерные сооружения, повсеместно внедряются типовые проекты крепостей для целых линий и участков границы (14, 94-98). В 1730-40-х годах, была создана Оренбургская пограничная линия, в состав которой входили: Самарская, Сакмарская, Нижнеяицкая, Верхнеяицкая, Исетская и Уйско – Тобольская (4, 11-12).

В 1730 - е годы складывается Ишимская укреплённая линия, в состав которой входило до 60 посёлков (5, 181). Она начиналась у Чернолуцкого острога, шла к крепости Большерецкой, Зудиловскому острогу, Коркинской слободе, крепостям Усть – Ламинской и Омутной, далее проходила южнее Кургана к острогу Лебяжьему. Создание оборонительной линии способствовало активному освоению лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири. Из таёжных, неблагоприятных для сельского хозяйства районов шла вторая волна переселения (5, 181).

В 1750 -х началось создание новой системы крепостей - Ново – Ишимской (Пресногорьковской или Горькой) (9, 103). Её основной задачей было закрытие «Сибирской стороны». Рекогносцировочные работы проводились в 1743-1745гг. В итоге было создано два варианта расположения новой линии: от Утяцкой слободы на Тоболе через Коркину слободу до Чернолуцкой слободы на Иртыше. Второй вариант проходил по южной кромке лесостепи – от урочища Звериная голова на Тоболе через Средний Ишим вдоль Камышловских озёр до Омской крепости. Кроме этих изучались и другие варианты. С 22 июня 1752 года началось строительство новой пограничной линии от урочища Звериная голова до Омской крепости. Общая протяжённость её составила 556 верст. По созданному проекту планировалось построить 2 шести-

угольные и 9 четырёхугольных крепостей, 33 редута и 42 маяка. Вся линия была разделена на три дистанции: Тобольская, Ишимская и Тарская (6, 70-75).

Следует привести некоторые характеристики укреплений на участках Ново-Ишимской оборонительной линии. Гарнизон редутов на 1755 г. составлял 16-46 человек, крепостей - до 66 человек (2, 214). С постройкой Пресногорьковской оборонительной линии Ишимская линия укреплений потеряла своё значение. Огромный район лесостепи по рекам Ишиму, Вагаю и Тоболу стала доступной для хозяйственного освоения русскими крестьянами. Уже в середине XVIII в. происходило интенсивное переселение на Пресногорьковскую линию крестьян из Тобольска, Тюмени и других районов (5, 182). Только в 1752г. свыше 1000 крестьян Тобольского, Ишимского и Краснослободского дистриктов заявили о своём желании переселиться в район линии (3, 23).

Весьма интересны исследования, проведённые А.В. Матвеевым на территории Омской области по поиску остатков оборонительных сооружений. Они привели к обнаружению восьми укреплений (редуты Степной I, Степной II, Курганский, Волчий, Лосев, Дубровный, укрепленное сооружение близ п. Веселый - редут Горький, крепость Николаевская) (12, 138-141).

Дальнейшее изучение памятников данного типа является весьма важными для понимания процессов колонизации русскими Южного Зауралья в XVIII-XIX вв. Данные исследования весьма перспективны, так как дают возможность более широко взглянуть на изучаемую проблему. Кроме того, археологическое изучение памятников военно-оборонительного назначения периода русской колонизации Зауралья может пролить свет на некоторые спорные вопросы и дополнить уже известные факты.

Примечания

1. *Бахрушин С.В. Научные труды. Т III. М., 1955.*
2. *Горбань Н.В. Из истории строительства крепостей на юге Западной Сибири. Ново-Ишимская линия крепостей / /Вопросы географии. М., 1953.*
3. *Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск, 1965.*
4. *Зобов Ю.С. Оренбургская пограничная линия //Седьмые Бирюковские чтения: Тезисы докладов. Челябинск, 1987.*
5. *История Сибири / Под ред. А.П.Окладникова, В.И.Шункова и др. Т.II. Л., 1968.*
6. *Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII – начале XIX вв. Омск, 1973.*
7. *Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII веках. Ч.1. Заселение территории русскими. Челябинск, 1966.*
8. *Косточкин В.В. Древнерусские крепости. М., 1970.*
9. *Крадин Н.П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.*
10. *Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. II. М., 2000.*
11. *Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд. 2-е, дополненное. Т. III. М., 2000.*
12. *Матвеев А.В., Свиридовский О.С. Ново-Ишимская (Горькая) линия военных укреплений XVIIIв. (источники, история изучения, результаты последних исследований) // Известия ОГИК, № 8. Омск,2004.*
13. *Оглы Б.И. Строительство городов Сибири. Л., 1980.*
14. *Огурцов А.Ю. Типовые планы линейных укреплённых пунктов Западной Сибири середины XVIII в.// Бахрушинские чтения: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск, 1989.*
15. *Пермский сборник. Повременное издание. Кн. 1. Отд. IV «Смесь». М., 1859.*
16. *Шлепенков Е.В. Военно-оборонительная система Зауралья в XVII-XVIII веках (по литературе)//Земля курганская: прошлое и настоящее, Вып. 17. Курган, 1996.*

В.В. Менщиков
Курганский государственный университет, г. Курган

ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА

Среди демографических характеристик населения важное место занимают возрастные показатели. Однако для рассматриваемого нами периода выяснить это оказывается весьма трудно, хотя материалы переписей содержат данные о возрасте жителей слобод, ими самими заявленные. Отсутствие в то время системы точной документальной фиксации дат рождения придавало возрастным показателям относительный характер. Подобное относительное отношение ко времени в целом характерно для традиционного общества. Как отмечает Г.В. Любимова, «так же как и время, возраст воспринимался крестьянами в значительной степени как относительная величина... В целом, сама категория «возраст» означала не столько количественное выражение прожитых лет, сколько определенное состояние человека, фиксировавшее уровень его физического, умственного и нравственного развития, включая брачный и социальный статус» (2).

Учитывая указанные обстоятельства, все-таки постараемся определить усредненные показатели возраста населения Зауралья. Для этого обратимся к данным переписей 1710 и 1719 гг., что даст нам также возможность провести сравнительный анализ.

Перепись 1710 г. показывает, что средний возраст дворохозяев Крутихинской слободы (4, 505-550) составил 49 лет (по самой слободе без деревень – 46 лет, в деревне Загайнова – 52 года, в деревне Дерганова – 48 лет). Несколько меньший показатель характерен для Белозерской, Утяцкой и Царевогородищенской слобод (5, 129-154, 186-245) – чуть больше 40 лет (например, по Белозерской слободе этот показатель составил 43,6 года, по Утяцкой слободе без деревень – 40 лет). Учитывая не точный, относительный характер этих данных, предположим, что реальный средний возраст дворохозяев как раз находился где-то в районе 40 лет, что выглядит вполне достоверно.

В 1719 г. средний возраст дворохозяев Крутихинской слободы (6, 766-780) несколько увеличился и составил 52 года, что также укладывается в возможную логику развития демографических процессов по мере стабилизации населения на колонизируемых территориях.

Распределение населения по возрастным категориям полностью укладывается в структуру населения традиционного общества. При высоком уровне рождаемости (детская смертность тоже весьма высока) значительную часть населения составляют дети до пятнадцатилетнего возраста. Так, в Крутихинской слободе в 1710 г. (без деревень) (4,505-550) дети до пятилетнего возраста составляли 20% от всего населения, а до пятнадцатилетнего возраста – 43%. В 1719 г. (6, 766-778об) эти показатели составили соответственно 26% и 48%. Несколько более высокие показатели объясняются погрешностью по причине учета только мужского населения, поэтому, скорее всего, подобная структура населения сохраняла стабильность и мало изменялась в период существования традиционного общества и характерного для него демографического поведения. Практически такие же показатели половозрастной структуры характерны и для Колчеданского острога и Багаряцкой слободы в 1719 г., что было проанализировано И.В. Побережниковым и А.Г. Томиловым (3, 39-42).

Вернемся к тезису об относительности восприятия времени и возраста крестьянским традиционным созна-

нием. Так исследователь XIX в. Н.П. Григоровский отмечал, что крестьянин, женивший старшего сына, считал себя уже стариком, хотя бы ему и было «еще с небольшим 40 лет» (1). Очень ярко подобное явление может быть проиллюстрировано сравнительным анализом возрастных данных переписей 1710 и 1719 гг. в Крутихинской слободе.

Так, в 1710 г. «оброчный крестьянин Фрол Артемьев сын Юровский сказал себе от роду 45 лет», помимо прочих у него зафиксирован старший сын Алексей 14 лет (4, 507об). Уже в 1719 г. тот же крестьянин Фрол Артемьевич Юровский сказал, что ему 60 лет, старшему сыну Алексею 25 лет и он уже женат и имеет двухлетнего сына Ивана (6, 775об). Еще один пример: в 1710 г. «оброчный крестьянин Михайло Стафеев сын Грачев сказал себе от роду 50 лет», старшему сыну Миките 10 лет (4, 508). Через девять лет в 1719 г. Михайло Стафеевич Грачев назвал себе уже 70 лет, сыну Никите 25 лет, он также женат и имеет сына Ивана двух лет (6, 775об). Таких примеров можно привести достаточно много.

Действительно, изменение брачного и социального статуса меняло представления крестьян об их собственном возрасте. Однако мы встречаем не только увеличение реального возраста, хотя это явление по нашим подсчетам является преобладающим, но и уменьшение, хотя нами зафиксировано всего восемь подобных случаев. Так, в 1710 г. крестьянин Меркурий Михайлович Пономарев сказал, что ему 50 лет, у него было два ребенка – восьмилетняя дочь Марфа и трехлетний сын Иван (4, 507). К 1719 г. он переселился в село Уксянское и назвался также пятидесятилетним (6, 780). Нечто подобное мы встречаем в случае с еще одним крестьянином Крутихинской слободы, переселившемся между двумя переписями в деревню Татарскую. В 1710 г. Семену Семеновичу Буркову по его словам было 50 лет (4, 509об), а в 1719 г. он также заявляет себе такой же возраст (6, 782).

Отметим еще одно обстоятельство, бросающееся в глаза при анализе возрастной структуры по данным переписей начала XVIII в. Существенное преобладание так называемых «круглых» чисел в названном крестьянами возрасте. Так по переписи 1719 г. в деревне Загайновой Крутихинской слободы среди 17 дворохозяев один назвал себе 30 лет отроду, 7 человек – по 40 лет, 5 – по 50 лет, 3 – по 70 лет и один – 80 лет (6, 778). Приведем типичную в этом смысле запись той же переписи по Крутихинской слободе: «Во дворе Алексей Максимов сын Хмелинин 30 лет, у него братья Семен 25 лет, Иван 10 лет. У Алексея дети Иван 5 лет, Василий 3 лет. У него же живет бобыль Иван Козмин 20 лет» (6, 768об-769). Указание возраста детей до десятилетнего возраста по данным переписей отличается большим разнообразием, крестьяне более точно указывали возраст: «Никита Афонасьев сын Королевых 40 лет, у него дети Григорий 12 лет, Иван 8 лет, Афонасей 2 лет» (6, 774).

Проведенный нами анализ и приведенные примеры наводят на ряд размышлений. Стабильность в жизни крестьянина, повышение его брачного статуса, превращение в отца или деда со временем увеличивало осознание своего возраста. И наоборот, уменьшение стабильности, переезд в другое место, приводившее к необходимости как бы начинать все с начала, своего рода «омолаживало» человека, заставляло увеличивать свою жизненную перспективу за счет сокращения осознаваемого возраста. Все это еще раз указывает на условный характер представлений крестьянского сознания о времени.

Примечания

1. *Григоровский Н.П. Крестьяне-старожилы Нарымского края// Записки Западно-Сибирского отдела РГО. Омск, 1879. КН. 1. Цит. по: Любимова Г.В. Возраст и время в традиционном мировосприятии крестьян-сибиряков// Сибирский этнографический вестник. № 1. Новосибирск, 1999// www.sati.archaeology.nsc.ru*
2. *Любимова Г.В. Возраст и время в традиционном мировосприятии крестьян-сибиряков// Сибирский этнографический вестник. № 1. Новосибирск, 1999// www.sati.archaeology.nsc.ru*
3. *Побережников И.В., Томилов А.Г. Переписные книги как источник по истории населения уральских слобод начала XVIII в.// Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода: Сборник научных трудов. Екатеринбург, 1992. С. 39-42.*
4. *РГАДА, ф. 214, кн. 1525.*
5. *РГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 1526.*
6. *РГАДА, ф. 214, кн. 1587.*

И.Н. Абатуров
Демидовский институт,
г. Екатеринбург

«АГЛИНСКИЕ ПРОВИНЦИИ» В ВОСПРИЯТИИ Е.Р. ДАШКОВОЙ И Н.А. ДЕМИДОВА (начало 70-х гг. XVIII в.)

История уральской промышленности в XVIII в. – это не только строительство заводов, социальные волнения мастеровых и работных людей, развитие технологии производства. Это также и история самих заводовладельцев, личностного становления этих людей. Поэтому изучение быта и духовной культуры уральских заводчиков является одной из важных проблем истории нашего края. Важным событием в жизни многих уральских заводовладельцев XVIII в. были их европейские путешествия. По тому, что интересовало заводчиков в Европе, что волновало их душу, можно судить об особенностях сознания и ментальности этих людей, даже иногда и о том, насколько заботила их судьба принадлежащих им предприятий.

Особый интерес представляют два путешествия начала 70-х гг. XVIII в. - Е.Р. Дашковой и Н.А. Демидова. Оба путешественника были связаны с нашим родным краем: Н.А. Демидов был владельцем ряда уральских заводов. А родичи княгини Е.Р. Дашковой, Воронцовы отхватили ряд уральских предприятий, пользуясь близостью ко двору. Так дядя княгини, канцлер Михаил Илларионович владел Пыскорским, Егошихинским, Мотовилихинским и Висимским заводами. Отец Е.Р. Дашковой – граф Роман Илларионович был хозяином Верх-Исетского завода. Младший брат Е.Р. Дашковой – знаменитый дипломат С.Р. Воронцов тщетно пытался наладить заводское производство, сам вникал в управление предприятиями, обращался к заграничному, прежде всего британскому опыту. Но до сих пор нет ответа на вопрос – а почему Воронцовы как заводовладельцы не состоялись, а заводы Демидовых процветали? И это не случайно – ведь именно в Англии с 60-х гг. XVIII в. набирал силу промышленный переворот. Поэтому, сравнив взгляды Е.Р. Дашковой и Н.А. Демидова на «аглинские провинции» - сердце зарождающейся индустриальной мощи Великобритании – можно понять, в чем состояла разница в сферах интересов и в психологии заводовладельца и придворной дамы.

В историографии нет сравнительного анализа двух своеобразных «отчетов» об этих поездках – «Путешествия одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям» Е. Р. Дашковой и «Журнала путешествия Никиты Акинфиевича Демидова». Даже в фундаментальной обобщающей работе по истории русско-английских контактов Э.Г. Кросса эти источники никак не сопоставляются (6). А. Г. Тартаковский вообще не упоми-

нает о Путешествии Е.Р. Дашковой, и утверждает, что «Журнал путешествия» Н.А. Демидова – «единственно известная нам публикация в XVIII в. произведения чисто дневникового типа» (5, 93). И это, несмотря на очевидное сходство этих двух источников, оба сочинения представляют собой путевые журналы, записи в которых идут в хронологическом порядке. Разница в том, что в Путешествии повествование ведется от первого лица, а в Журнале от третьего. Во многом похожи и сами путешественники – как по своему происхождению, так и по образованности.

Даже по характеру Е.Р. Дашкова и Н.А. Демидов во многом были близки. Оба деспотичные в отношении подвластных им людей, предприимчивые, расчетливые, но вместе с тем в духе времени увлекались литературой и получили, хоть и домашнее, но достаточное образование. Схожи были и формальные причины путешествий – лечение на курортах, только Е.Р. Дашкова поправляла свое здоровье, а Н.А. Демидов заботился о своей жене А.Е. Демидовой. И Е.Р. Дашкова, и Н.А. Демидов имели общих знакомых, в том числе среди английских аристократов, например, графов Суссекс. Но самое главное – то, что и «Путешествие» Е.Р. Дашковой и «Журнал» Н.А. Демидова были опубликованы при жизни авторов.

«Журнал» Н.А. Демидова и «Путешествие» Е.Р. Дашковой – прекрасный источник, отражающий восприятие русскими вельможами провинциальной Англии. Причем, то, что «Журнал» отражает взгляды самого Н.А. Демидова – несомненно, даже, если этот источник был написан не самим заводовладельцем, а его секретарем Н.И. Крымовым (данная точка зрения была высказана Е.В. Карповой) (3, 612 - 634). То все же Н.А. Демидов, несомненно, просматривал и редактировал «Журнал» перед публикацией и не мог оставить в нем то, что противоречило бы его собственным впечатлениям. Надо отметить, что английская провинция XVIII в. – это не только усадьбы и парки аристократов, это и города с прекрасной архитектурой, университетские центры (Оксфорд и Кембридж) и конечно, заводы, фабрики и рудники.

Сразу надо отметить, что времени на ознакомление с провинциальной Англией было у путешественников немного. Е.Р. Дашкова выехала из британской столицы 14-го и вернулась в Лондон 29-го июля 1770 г., посетив Южную и Центральную Англию. Н.А. Демидов в рамках своего путешествия заезжал в Англию дважды. И во время второго путешествия в Великобританию заводовладелец посетил ряд английских провинций, дважды выезжая из Лондона. Первый раз – с 11 по 15 июня 1773 г. он добрался до Портсмута. А второй раз – с 23 июня по 1 июля 1773 г., как и Е.Р. Дашкова, заводовладелец проехал по Южной и Центральной Англии.

И Е.Р. Дашкова и Н.А. Демидов проявили живой интерес к усадьбам и паркам британских аристократов. Особый интерес вызвал парк, принадлежащий некому Гамильтону, расположенный недалеко от Бата. При этом следует отметить, что Е.Р. Дашкову гораздо больше интересовало само парковое искусство: гроты, дорожки, искусственные острова, подстрижка кустов и т.д. Творения английских садовников вызвали у княгини совершенный восторг. Она писала: «Тень разной зелени деревьев, тень от густоты или редкости деревьев, вышина или низкость их, воды, проведенные с таким искусством, чтоб казалось единственно им тут быть, различные строения – все сие у них с великим рачением и искусством употребляется» (1, 98). Чувствуется скрытое желание княгини разбить подобный парк и у себя на родине. Она сравнивает английских и русских садовников и с досадой пишет, что один англичанин «более трех наших ленивцев сделает» (1,98). Вероятно, тогда зародилась у Е.Р. Дашковой любовь к английским паркам, не угасавшая на протяжении всей ее жизни. Неслучайно, вернувшись в Россию, Екатерина Романовна разобьет парк в английском стиле в имении своего старшего брата А.Р. Воронцова (4, 408 - 410).

Н.А. Демидов проявлял интерес также как натуралист-любитель. Неслучайно в Журнале указаны латинские названия всех «неординарных деревьев», росших в упомянутом парке Гамильтона (2, 212 – 213). Этот интерес не случаен. Ведь Демидовы были знакомы с крупнейшими натуралистами России и Европы: К. Линнеем, Г.В. Штеллером, И.Г. Гмелиным и др. В селе Красном (под Соликамском) был разбит братом Никиты Акинфиевича – Г.А. Демидовым ботанический сад. О парковых строениях, напротив, в Журнале написано немного и без такого восторга как у Е.Р. Дашковой.

По дороге оба путешественника останавливались в усадьбах английских аристократов. Оба посетили дворец знаменитого герцога Мальборо, от которого пришли в полный восторг. В Журнале этот памятник архитектуры описан так: «Оный дом …превосходит все строения, в Англии находящиеся. Внутри убран мрамором и знатнейшими картинами, а кругом сего огромного здания великий парк» (2, 214). Е.Р. Дашкова описывала этот дворец гораздо подробнее. (1, 107 - 108).

Кроме усадеб и парков оба путешественника посетили знаменитый Оксфордский университет, хотя Н.А. Демидова он почти не заинтересовал. Уральский заводовладелец пробыл там менее одного дня, и в Журнале об этом содержится лишь краткая запись (2, 214). Зато Е.Р. Дашкова проявила к университету самый живой интерес. Она пообщалась с одним из семи русских студентов Оксфорда – Никитиным, который стал ее гидом. В течение трех дней княгиня осмотрела все колледжи Оксфорда и составила подробное описание, подмечая малейшие детали – вплоть до того, к какому ордеру относятся колонны того или иного здания.

В отличие от Е.Р. Дашковой Н.А. Демидов проявил живой интерес к английской промышленности. Он из Оксфорда поехал в Бирмингем, по пути успев осмотреть «лучшие железоделательные заводы, принадлежащие дворянину Наинту» (2, 215). В Бирмингеме и его окрестностях уральский заводовладелец осмотрел ряд заводов и рудников. При этом Н.А. Демидов детально описал процесс производства. (2, 215) напоследок посетив фабрику некого Балтона по производству металлических пуговиц, цепочек и прочих мелких галантерейных товаров.

И заводовладелец и, особенно, княгиня проявляли самый живой интерес к памятникам архитектуры и истории. Е.Р. Дашкова даже посетила Стоунхендж («Стонгихенс»)– «здание…наподобие великой залы», оставив о нем самое подробное описание. (1, 102).

Таким образом, следует отметить, что английская провинция произвела на Е.Р. Дашкову и Н.А. Демидова очень сильное впечатление. Оба они были очарованы красотами английских парков, усадеб. По описаниям, составленным ими, можно судить о том, что оба путешественника были просвещенными, европейски образованными вельможами со сформировавшейся системой взглядов и высоким культурным уровнем. Но, все-таки, несмотря на сходство характеров Н.А. Демидова и Е.Р. Дашковой, восприятие этими людьми даже одних и тех же достопримечательностей английской провинции существенно отличалось. Е.Р. Дашкова руководствовалась, прежде всего, двумя интересами: во-первых, материнским - стремление дать образование своим детям (отсюда пристальный интерес к Оксфорду), во-вторых, просто также как человек, желающий создать в России для себя такие же прекрасные условия жизни, как у английских аристократов, - отсюда интерес к паркам и усадьбам лордов. В Н.А. Демидове, напротив, проявился, прежде все-

го, профессиональный интерес заводовладельца – внимание к английским заводам, фабрикам и рудникам. А также - черты довольно образованного натуралиста- любителя.

Примечания

1. *Дашкова Е. Р. Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым аглинским провинциям // Дашкова Е. Р. О смысле слова «воспитание». Сочинения, письма, документы. СПб., 2001.*
2. *Журнал путешествия Никиты Акинфиевича Демидова (1771 - 1773). Екатеринбург, 2005.*
3. *Карпова Е.В. «Журнал путешествия» Н.А. Демидова (материалы к изучению) // Демидовский временник.: Исторический альманах. Кн. II. Екатеринбург, 2006.*
4. *О разведении сада в селе Андреевском // Архив князя Воронцова. Кн. XXI. Бумаги княгини Е. Р. Дашковой (урожденной графини Воронцовой). М., 1881.*
5. *Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика XVIII- первой половины XIX века. М., 1991.*
6. *Cross A.G. By the Banks of Thames. Russians in Eighteenth Century Britain. Newtonville, 1980.*

В.Б. Масляев, В.И.Усанов
Курганский государственный университет, г.Курган

РОЛЬ И.И. НЕПЛЮЕВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ

Заметное место в биографии известного государственного деятеля XVIII века И.И.Неплюева занимает его деятельность по экономическому развитию Оренбургского края.

И.И.Неплюев управлял Оренбургским краем в течение 16 лет (с 1742 по 1758 гг.) и с самого начала этой деятельности его ожидало много трудов и разных забот.

Оренбургский край занимал тогда территорию от Камы до Каспия и от Волги до Тобола. Окружность всего края равнялась 5,5 тыс. верст. На территории Оренбургской губернии к 1762 году, т.е. ко времени завершения Неплюевым губернаторства, проживало лишь 472 тыс. человек (1). Более половины из них составляли русские. Среди населения преобладали государственные крестьяне. Особенностью края было наличие Яицкого, а затем и Оренбургского казачьих войск.

19 апреля 1743 года «с надлежащим молебствием и пушечной пальбою»(2) был заложен город Оренбург. Уже через 4 года после основания в городе было 4 церкви, 837 дворов, ряд казенных зданий, провиантский и соляной магазины, госпиталь и около 175 лавок для торговцев (3). За дальнейшие 13 лет губернаторства Неплюева количество домов в Оренбурге выросло в три раза.

Торгово-промышленное развитие природных богатств Оренбургского края особенно занимало Неплюева: оно могло служить надежным средством к сближению русского и других народов.

Неплюев умело повел дело развития торговли. Азиатские купцы стали приезжать в Оренбург большими караванами, несмотря на трудности пути и опасности перехода через киргизские степи. Сами киргизы охотно прибывали в Оренбург для обмена русских товаров на лошадей, верблюдов, другой скот. В 1743 году между ними уже стали обращаться сукна, изготовленные на русских фабриках.

В Оренбурге для зимней торговли был устроен Гостиный двор со 150 лавками, а для летней – Меновой двор (148 амбаров и 344 лавки) (4). К 1754 году деревянные лавки были заменены каменными. С 1750 года меновой двор был открыт также в Троицкой крепости. На зов Неплюева для торга в Оренбург прибыли купцы из Ростова, Тулы, Симбирска, Казани. Первый оренбургский губернатор прилагал большие усилия в осуществлении заветов Петра Великого «отворить врата в среднеазиатские страны и завести с ними торговые сношения» (5).

За счет пошлин в торговле покрывались все расходы по управлению краем; в то же время они были значительно ниже, чем по всей России (по стране 5 копеек с рубля, в Оренбургской губернии – 3 копейки). Пошлинный доход с торговли достигал 50 тыс. рублей в год, торговый оборот в Оренбурге в 1751 году достиг гигантской суммы – 2,8 млн рублей (6).

Весьма плодотворной была деятельность И.И.Неплюева и в отношении развития промышленности в Оренбургском крае. До него в крае не было ни одного завода. Правительство решило строить заводы волевым путем, но наткнулось на сопротивление местного населения. Неплюев доказал в «верхах», что устройство заводов должно происходить по добровольному соглашению заводчиков с башкирами, и дело отдали в частные руки. Помощником в деле развития промышленности оренбургский губернатор избрал И.Б.Твердышева, весьма деятельного, трудолюбивого и честного человека.

Твердышев возродил разрушенный башкирами медеплавильный Воскресенский завод и в течение пяти лет устроил еще 4 медеплавильных завода: Преображенский (1748г.), Богоявленский (1751 г.), Архангелогородский и Верхоторский на р.Тор (1753 г.). Пример Твердышева увлек многих: братья Мосоловы построили на р.Кан Кано-Никольский медный завод, купец Мясников основал Благовещенский завод, братья Красильниковы построили Архангельский медный завод, тульский купец Коробков основал в 1746 году Каслинский железный завод - первый завод на нынешней территории Челябинской области (7).

За 16 лет губернаторства Неплюева в Оренбургском крае было заведено и открыто 28 заводов (15 медеплавильных и 13 железоделательных), в том числе такие знаменитые заводы как Каслинский и Кыштымский.

При Неплюеве в Оренбургском крае стали добывать и обрабатывать каменные породы, например, плиточный камень. В пяти верстах от Оренбурга были найдены залежи извести, и в Гребнях стали действовать известковые заводы. Чебаркульская и увельская глины были признаны пригодными для выделки фарфора. Фарфоровая продукция пошла на мировой рынок (8). Богатство глины дало возможность устроить в крае несколько кирпичных заводов.

Благодаря заботам Неплюева началось извлечение из земли и других минеральных богатств: найдены запасы селитры, Уразлин открыл квасцы, доктор Риндер нашел купоросные воды, близ Сергиевского городка началась добыча серы, в том же районе были указаны и нефтяные ключи.

В Исетской провинции было устроено два стекольных завода. Жители края научились приготавливать спирт из молока и сыворотки, а из крапивы пряли нитки и ткали холст. Столь известные изделия из пуха, как оренбургские пуховые платки, получили свое начало при Неплюеве благодаря содействию П.И.Рычкова.

На юге губернии были сделаны опыты получения хлопчатой бумаги. Во многих местах края были найдены разного цвета краски: синяя, красная, лазоревая.

Самыми прибыльными распространенными промыслами в крае были соляной и рыбный. При Неплюеве было положено начало правильной разработке илецкой соли. В 1753 году разработка соли в Илецкой защите стала казенным промыслом, в котором использовалось

около 200 ссыльных и каторжников. Объем добычи достигал 500 тыс. пудов в год, казна имела от этого 15 тыс. рублей годового дохода (9).

Немало сделал Неплюев для улучшения рыболовства по реке Яик, настояв на том, чтобы все низовое течение ее было отдано в безраздельное владение Яицкого казачьего войска.

За 16 лет управления Оренбургским краем И.И.Неплюев сделал так много для него полезного, что вполне достоин звания «устроителя» (термин В.Н.Витевского) этого края и благодарной памяти о нем всех его жителей.

Примечания

1.Зобов Ю.С., Футорянский Л.И. Родной истории страницы. Оренбург, 1994. С.6.
2.Устинов В.А., Гуркалов П.И. Любовь и Восток. М., 1994. С.417.
3.Футорянский Л.И. История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С.33.
4.Зобов Ю.С., Футорянский Л.И. Родной истории страницы. Оренбург, 1994. С.7.
5.Витевский В.Н. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 года. Казань, 1897, Т.III. С.722.
6.Футорянский Л.И. История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С.26.
7.Борисов В. Птенец гнезда Петрова // Вечерний Челябинск. 1990, 14 марта.
8.Борисов В. Птенец гнезда Петрова // Вечерний Челябинск. 1990. 14 марта.
9.Футорянский Л.И. История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С.27.

Н.А. Новикова
Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРНЫХ ОРГАНОВ НА УРАЛЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

В период правления Екатерины II было образовано большое количество разнообразных выборных органов и должностей. В первую очередь, эти органы формировались на местном уровне.

Так, например, в 1775 году была проведена крупнейшая реформа местного управления. Данная реформа проводилась на основании Учреждений для управления губерний Всероссийской Империи, принятых 7 ноября 1775 года (8). Этот документ предусматривал создание большого числа выборных органов. Данный нормативный акт, как справедливо отмечает исследователь XIX века К.Арсеньев, утвердил новый порядок в производстве дел по внутреннему или губернскому управлению (1, 57). Практически все коллегиальные уездные и губернские учреждения, введенные в 1775 году, по своему составу были выборными (назначались только председатели палат). Вообще все должности, учрежденные в 1775 году, можно поделить на: 1 – состоящие по назначению правительства; 2 – состоящие из правительственных чиновников и выборных от сословий; 3 – состоящие из выборных лиц. В свою очередь, органы, состоящие из выборных лиц, и органы, в которых участвовали выборные лица, можно разделить на органы, формируемые дворянством, городским населением и сельскими жителями. В итоге этой реформы местное общество получило широкое участие в делах местного управления. Дворяне, горожане и даже люди низших сословий получили право принимать участие в деле суда, посылая своих выборных заседателей в суды своего сословия и в совестной суд. Кроме того, все сословия вместе посылали своих представителей в приказ общественного призрения.

Данным документом предусматривались следующие выборные должности: 1) уездный предводитель дворянства, десять заседателей верхнего земского суда, два заседателя совестного суда, уездный (или окружной) судья и земской исправник (или капитан), два заседателя уездного суда, дворянские заседатели нижнего земского суда – выбирались дворянством каждого уезда каждые три года; 2) городской глава, два бургомистра, четыре ратмана, шесть заседателей губернского магистрата, городские заседатели совестного суда, заседатели верхней и нижней расправ, нижнего земского суда и два члена совестного суда – выбирались городским обществом от каждого города, каждые три года старосты и судьи словесного суда – каждый год; 3) заседатели верхней расправы, восемь заседателей нижней расправы, два заседателя совестного суда выбирались селениями также каждые три года.

Некоторые новые выборные должности предусматривала и «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи» (7). В частности, было установлено, что в городах должны избираться общие и шестигласные городские думы от всех категорий городского населения. Кроме того, различные выборные должности предусматривались и в некоторых других законодательных актах (10).

Постепенно после утверждения данных законодательных актов повсеместно начали реализовываться их положения. Не стали исключением и уральские губернии. Местная администрация попыталась организовать выборы в соответствии с действующим законодательством и сформировать предусмотренные им выборные органы и должности.

Однако сразу после начала реализации положений императорского законодательства местные власти столкнулись с многочисленными трудностями при формировании выборных органов, в результате чего стало ясно, что полностью придерживаться узаконений просто невозможно.

В итоге на местах (во всяком случае, на Урале) были допущены серьезные отступления от закона. Так, например, в Шадринске собрания градского общества проводились гораздо чаще, чем это предусматривалось положением, и оно обладало более широкими распорядительными функциями. На собраниях решались самые разнообразные вопросы внутригородской жизни, по существу эти собрания мало чем отличались от обычных крестьянских сходов (подробнее 6, 49-50).

Трудности с формированием новых выборных органов возникали, в первую очередь, в связи с нехваткой лиц, наделенных пассивным избирательным правом. В результате открытие общих городских и шестигласных дум шло с трудом и с отступлением от норм закона (в том числе и в отношении сроков, в течение которых должны были быть реализованы нормы имперского законодательства).

Например, в городах Вятского наместничества формирование этих органов произошло только в 1792-1793 годах. При этом в связи с тем, что в городах Вятке, Орлове, Слободском и некоторых других не было иногородних и иностранных гостей, а также именитых граждан (от всех этих категорий должны были быть избраны представители в городские думы), вместо шестигласных были образованы трехгласные думы (9, 211-212).

В городах же Сарапуле, Елабуге, Нолинске, Глазове, Яранске, Малмыже, Уржуме и Царевосанчурске открытие вышеупомянутых органов вообще было отложено на неопределенный срок в связи с малочисленностью купцов и мещан.

В Перми выход из сложившейся ситуации был най-

ден в замещении выборных должностей городского самоуправления «обывателями люднейших старых городов», которые должны были переселяться в губернский город. Так, первым городским головой Перми был избран кунгурский купец второй гильдии Михаил Абрамович Попов, заседателем совестного суда стал купец из Чердыни Федор Пономарев, бургомистром – Андрей Залесов из Соликамска (5, 23).

В Екатеринбурге эта проблема была решена другим путем – в состав екатеринбургского городского общества стали записываться не только купцы и мещане, но также государственные и экономические крестьяне, иногородние купцы и мещане, заводские служители, ссыльные польские конфедераты, отставные солдаты, рекрутские сыновья, которые изначально не имели избирательных прав при городских выборах. В результате стало возможным организовать выборы и сформировать предусмотренные законодательством органы, что и было произведено в 1781 году. Но и в этом случае число лиц, наделенных избирательными правами, было невелико: даже в 1830 году список населения города Екатеринбурга, наделенных избирательными правами, состоял всего из 61 человека (3).

В Шадринске также нашли свой выход из сложившейся ситуации: вопреки установлениям законодательства выборы были проведены без установления имущественного ценза, в результате чего было набрано необходимое количество лиц, наделенных избирательными правами.

В связи с нехваткой людей возникла и другая проблема: закон рекомендовал выбирать сразу два «комплекта» судебных заседателей (в городских и сельских судах). Но это правило было реализовано только в волостях Туринского уезда, в остальных уральских городах и деревнях выбиралось по одному составу судов, но на укороченный срок (от 6 месяцев до 1 года).

Отступления от закона коснулись и других сфер проведения выборов. Так, например, в соответствии с действующим законодательством для участия в выборах устанавливался морально-нравственный ценз. Администрация требовала выбирать на ответственные должности «людей добрых и пожиточных», но на практике на выборные должности попадали малоимущие, больные и престарелые. Особенно часто это происходило при проведении сельских выборов, так как считалось, что общественные выборы – это внутреннее дело общины, и поэтому губернская администрация не вправе вмешиваться в эти дела.

Возникали проблемы и с составлением городских обывательских книг, которые являлись основанием для составления избирательных списков. Подобные обывательские книги заменялись так называемыми ведомостями на конкретный год, где в алфавитном порядке указывались все жители города, обладающие избирательными правами, с указанием их возраста, положения, а также рода деятельности. Например, «Алекссевъ Иванъ… имеетъ домъ, торгуетъ разными овощными и фруктовыми товарами. Былъ выборщикомъ» (2). Но, справедливости ради, следует отметить, что по замечанию И. Дитятина подобные книги не велись ни в одном из городов Российской Империи (4, 248).

Таким образом, подводя общий итог, можно отметить, что в ходе проведения выборов местные власти уральских губерний не смогли полностью соблюсти требования действующего законодательства. На пути реализации норм закона встречались трудности, которые невозможно было преодолеть с тем, чтобы не нарушить императорские установления. Причем данные проблемы в отдельных случаях совпадали с общеимперскими проблемами, а иногда были обусловлены местными особенностями. Тем не менее, власти стремились к реализации норм законов и искали обходные пути для выполнения своих обязанностей по формированию выборных органов, которые были образованы в большинстве уральских городов и деревень.

Примечания

1. *Арсеньев К. Статистические очерки России. СПб.: 1848.*
2. *ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 292. Л.д. 70-83.*
3. *ГАСО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 635. Л.д. 168-174.*
4. *Дитятин И. Городское самоуправление в России. Ярославль, 1877.*
5. *История местного самоуправления на Урале в XVIII – начале XX в.: город, село, деревня /Е.Ю.Апкаримова, С.В.Голиков, Н.А.Миненко и др. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999.*
6. *Миненко Н.А. Черты общественного быта города Шадринска (конец XVIII – начало XX в) // Уральский город XVIII – начала XX века: история повседневности /Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В., Миненко Н.А., Мосунова Т.П.; Общ. ред. д-р ист. наук, проф. Н.А.Миненко. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001.*
7. *Полное собрание законов Российской империи. Том XXII. №16.188. См. также Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1987. С. 68–129; Законодательство Екатерины II: В 2 т. Т. II / Д.Ю.Арапов, А.В.Звонарев и др. М.: Юридическая литература, 2001. С. 77– 119; История отечественного государства и права: Сборник документов. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2003. С. 285–295.*
8. *Полное собрание законов Российской империи. Том XX. №14.392. См. также Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1987. С. 170 – 295; Акты царствования Екатерины II: Учреждения для управления губерний и жалованные грамоты дворянству и городам / Под ред. Г.Н.Шмелева. М.: 1907; Законодательство Екатерины II: В 2 т. Т. 1 / Д.Ю.Арапов, А.В.Звонарев и др. М.: Юридическая литература, 2000. С. 380 – 469.*
9. *Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века / Е.Ю.Апкаримова, С.В.Голикова, Н.А.Миненко, И.В.Побережников. М.: Наука, 2003.*
10. *Устав Благочиния или Полицейский // Полное собрание законов Российской империи. Т. XXI. №15.379. См. также Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1987. С. 324–387; Законодательство Екатерины II. В 2 т. Т. 1 / Д.Ю.Арапов, А.В.Звонарев и др. М.: Юридическая литература, 2000. – С. 557– 605.*

А.Т. Кашенов
Томский государственный педагогический университет,
г. Томск

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА МЕЩАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Одной из групп городского населения, активно занимавшейся предпринимательской деятельностью, было мещанство. Для мещан, занимающихся «мелочной» торговлей, определялось три формы отчетных документов: кассовая книга для ежедневного учета прихода и расхода; товарная – для записи всех полученных товаров; рас-

четная – для учета долгов и счетов. Торгующие в розницу вели еще книгу регистрации торговых документов. Документ, принимавшийся у мещан в качестве доказательства городского гражданства, одновременно свидетельствовал об имущественном положении.

Мещане, регулярно занимавшиеся ремеслом, переходили в разряд цеховых. Цеховые в сибирских городах не были замкнутой корпорацией: доступ в цех и выход из него не представлял особых затруднений. Постепенно сословия мещан и цеховых фактически слились, и в 1825 г. они были объединены в одно мещанское сословие. Однако формально категория цеховых продолжала существовать и впоследствии. Так, например, по табелю о народонаселении Томской губернии за 1842 г., мещан числилось 12986, а цеховых – 976 душ обоего пола (4).

Не желавшие уплачивать обременительные гильдейские сборы купцы выходили в мещанское сословие, но при этом в большинстве своем не оставляли торгово-промышленных занятий, ведя торговлю, товарный ассортимент и объемы которой зачастую не уступали, а иногда, как показывали материалы проверок, проводившихся городскими думами, и превосходили обороты остававшихся в гильдиях купцов.

Отличительной особенностью социально-правового статуса мещан было то, что в отличие от купечества налогообложение мещан не зависело от их имущественного положения. Законодательство значительно ограничивало масштабы торговых операций мещан, запрещало им вступать в сделки с казной, участвовать в подрядах и откупах. Все это стимулировало переход зажиточных мещан в гильдию, что отвечало фискальным интересам казны.

Гильдейская реформа 1824 г. ввела мелочную регламентацию хозяйственной деятельности мещан. Прежде всего, мещанство было разделено на две группы – «торгующих мещан» и «посадских мещан». Эта мера была принята для того, чтобы, с одной стороны, «охранять пользу купечества», а с другой стороны, чтобы не стеснять торгово-промышленную деятельность мещан (8). С другой стороны, юридически закреплявшаяся на протяжении предшествующего столетия монополия купечества на торгово-промышленные занятия была нарушена на законодательном уровне. Так, реформа 1824 г. отменила многие ограничения для торговли мещан (в частности, в отношении ассортимента реализуемых товаров), серией законодательных актов расширены права различных сословий в сфере подрядных перевозок и промышленного предпринимательства.

Торгующим мещанам дозволялось производить розничную торговлю, заключать частные сделки, брать подряды и откупа на сумму не свыше 4 тыс. рублей. Они обязывались покупать мещанские торговые свидетельства, в которых фиксировались все виды деятельности, способ торговли, перечень товаров. Цена мещанских свидетельств была достаточно высокой: при сохранении 8 рублей подушной подати в год мещанин в данном случае должен был платить от 40 до 120 рублей в зависимости от класса местности. Для основной массы мещан такие оклады были непосильны и через 2 года они были отменены, но сам принцип фискальной политики не изменился (1, 76).

Особенно ощутимую конкуренцию купцам создавали торгующие мещане в сфере розничной торговли. Так, по сведениям, полученным городскими думами в результате проводимых их представителями проверок торговых заведений, в Томске в начале 1820-х гг. «свойственным купеческому званию торгом» занимались 9 мещан (3).

По итогам таких проверок городскими властями, как правило, принимались соответствующие репрессивные меры: описывались и обращались в доход города товары, «не принадлежащие мещанскому торгу» (российские и иностранные товары мануфактурного производства); торговцев-мещан, чей товарооборот превосходил законодательно установленный минимальный размер капитала купца третьей гильдии, обязывали выкупать гильдейские свидетельства. Зачастую секвестр накладывался даже на мелкие партии принадлежавших мещанам товаров. Так, в 1824 г. Томская городская дума описала товары у 28 мелких торговцев, в основном из числа местных мещан, производивших торговлю из лавок и балаганов, расположенных на гостиной площади. Общая стоимость описанных товаров составила 804 рублей. Учитывая это, губернское правление отменило решение думы о секвестре этих товаров, посчитав, что они представляют собой «не что иное, как мелочи, не составляющие никакой значительной суммы...» (2).

Активное участие мещане принимали и в промышленном производстве. Прежде всего это касалось кожевенного производства и мыловарения.

Таблица 1

*Сведения о кожевенных заводах Томской губернии за 1812 г.**

Сословная принадлежность владельцев	Количество фабрик и заводов	%	Количество производимой продукции, шт.	%
Дворяне	1	6	500	7
Купцы	1	6	2500	34
Мещане	14	88	4400	59
Всего	16	100	7400	100

* *Источник: Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. СПб., 1814. С. 44 – 45.*

Таблица 2.

*Сведения о кожевенных заводах Томской губернии за 1845 г.**

Сословная принадлежность владельцев	Количество фабрик и заводов	%	Количество производимой продукции, шт.	%	Стоимость продукции, руб.	%
Купцы	6	26	14925	77	53975	80,6
Мещане	16	70	4290	22	12875,86	19,2
Крестьяне	1	4	90	1	100	0,15
Всего	23	100	19305	100	66950,86	100

* *Источник: ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 153. Лл. 6 об. – 13, 15 об. – 18, 24 об. – 51, 83 об – 84, 88.*

Таблица 3.

*Сведения о мыловаренных заводах Томской губернии за 1812 г.**

Сословная принадлежность владельцев	Количество фабрик и заводов	%	Количество производимой продукции, шт.	%
Купцы	3	38	462	36
Мещане	5	63	835	64
Всего	16	100	7400	100

* *Источник: Ведомость о мануфактурах в России за 1812 год. СПб., 1814. С. 83.*

Таблица 4

*Сведения о мыловаренных заводах Томской губернии за 1845 г.**

Сословная принадлежность владельцев	Количество фабрик и заводов	%	Количество производимой продукции, пуд	%	Стоимость продукции, руб.	%
Купцы	5	36	1900	75	4785,71	73
Мещане	9	64	647	25	1765	27
Всего	14	100	2547	100	6550,71	100

* *Источник: ГАТО. Ф. 3. Оп. 18. Д. 153. Лл. 4 об. – 5, 19 об. – 20, 52 об. – 63, 88.*

Анализ данных таблиц позволяет говорить о том, что мещане составляли серьезную конкуренцию купечеству. Объемы производства мещанских кожевен и мыловарен вполне сопоставимы с купеческими, а в некоторых случаях даже превосходят их.

Отсутствие замкнутости в отдельных группах горожан (мещан, купцов, почетных граждан), постоянные переходы людей из одной категории в другую, позволяет отметить, что эти категории не являлись отдельными сосло-

виями в формально-юридическом смысле. Спорным представляется тезис о том, что различия между купечеством и мещанством с 1775 г. приобрели социальный характер (7, 131). В отличие от купцов, которым свое звание требовалось ежегодно подтверждать путем уплаты особых взносов, звание мещанина было наследственным. В случае финансовой несостоятельности купцы автоматически выбывали в мещане и могли передать своим детям наследственные права только этого сословия. Н.В. Шелгунов подмечал хорошо заметную современникам условность деления городских сословий на купцов и мещан (13).

С.И. Сметанин отмечает: «Мещанство и купечество были фактически не двумя, а одним городовым сословием, наиболее богатая часть которого и являлась купечеством. Переход из этого городового сословия в состав других сословий был скорее исключением, чем правилом» (12, 171). На таких же позициях стоит А.Р. Ивонин, который утверждает, что «городское гражданство было единым сословием, включавшим в свой состав несколько относительно обособленных групп» (6, 154). На аналогичных позициях находится Н.М. Дмитриенко, по мнению которой купечество, законодательно оформленное «Жалованной грамотой городам» 1785 г., не было сословием в полном смысле этого слова, членство в нем не передавалось по наследству, а приобреталось за деньги, и как следствие, эта группа постоянно обновлялась (5, 33).

В.Н. Разгон исследуя социальную мобильность сибирского купечества, отмечает, что «Социальная мобильность, связанная с повышением социального статуса в результате перехода российских (и сибирских в том числе) купцов в дворянство, еще нуждается в специальном изучении, однако, судя по всему, ее масштабы не шли ни в какое сравнение с мобильностью купцов, связанной с понижением их социального статуса из-за банкротств и обеднения. В частности, ревизские материалы показывают массовый характер выбытия сибирских купцов в мещанство и вместе с тем ими зарегистрировано всего лишь несколько случаев перехода купцов и их сыновей на государственную службу, являвшуюся в России основным путем получения недворянами прав высшего состояния. Для сибирских купцов был также затруднен и процесс приближения к социальному статуса дворянина, связанный с обзаведением земельной собственностью из-за фактического отсутствия в Сибири частного землевладения» (9, 126).

На наш взгляд, различия между ними имели, прежде всего, экономическую основу. В частности, Совет комиссии законов, рассматривая дело о допустимости телесных наказаний для детей купцов 1-й и 2-й гильдий, отмечал «что хотя купцы 1 и 2 гильдий и освобождены от телесного наказания, но таковое преимущество их,… вовторых, не есть всегдашнее или постоянное, но продолжается только дотоле, пока пользующийся им пребывает в которой либо из сих двух гильдий; то есть объявит менее капитала нежели сколько требуется для купца 1 и 2 гильдии, то вместе с тем теряет и сие преимущество, с сими гильдиями сопряженное» (10).

Социальные различия, проявлявшиеся в ряде привилегий и льгот (запрет телесных наказаний, освобождение от рекрутчины и др.), напрямую зависели от экономического положения, т.е. «купеческие права присваивались мещанам не «по рождению», а ценой в сущности покупки: за согласие уплачивать подати в известном размере» (11, 44).

Одним из важнейших условий предпринимательства является принцип формально-юридического равенства субъектов предпринимательской деятельности, установленный правом и охраняемый государством. Действие же принципа сословности, находившегося в основе законодательства России, обуславливало «размытость», нечеткость юридического оформления правового статуса предпринимателей. Кроме того, средневековый менталитет характеризуется проникновением в сознание людей идеи о присущих каждому сословию прав, обязанностей и привилегий, которые определяют их социальную и экономическую роль в жизни общества и государства.

Примечания

1. *Бачкина А., Доронова Л. Аристократы капитала. Очерки истории российского предпринимательства и благотворительности XIX – XX в. Тюмень, 1994.*
2. *ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1267. Л. 53.*
3. *ГАТО. Ф. 127. Оп. 1. Д. 997. Л. 40.*
4. *ГАТО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 307. Лл. 41, 60, 66 об., 102, 123, 139, 185, 197, 247, 298, 365, 403, 413, 431, 449 об., 519.*
5. *Дмитриенко Н.М. Сибирский город в XIX – первой трети XX века. Локально-историческое исследование на материалах Томска: Автореф. дис. д-ра. истор. наук. Томск, 2000.*
6. *Ивонин А.Р. Западносибирский город последней четверти XVIII – 60-х гг. XIX в. (Опыт историко-демографического исследования). Барнаул, 2000.*
7. *Останина Л.В. Формирование мещанского сословия Западной Сибири (конец XVIII – XIX вв.) //Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири //Четвертые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сборник научных трудов /Под ред. В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2003. Книга II.*
8. *ПСЗ РИ -1. Т. XXXIX. № 30115.*
9. *Разгон В.И. Сибирское купечество в XVIII – первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа. Барнаул, 1998.*
10. *РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 620. Л. 14 – 15.*
11. *Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958.*
12. *Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России (1800 – 1861) //Исторические записки. Т. 102. М., 1978.*
13. *Шелгунов Н.В. Экономическое значение наших городов // Русское слово. 1865. № 7.*

О.А. Вагутович
Курганский областной краеведческий музей, г. Курган

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ПРАВОСОЗНАНИЯ КРЕСТЬЯН КОНЦА XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА

Правовое сознание всегда имеет конкретного носителя – конкретную личность, группу, социальный слой. Объединение людей в группы в этом случае происходит по признаку общности осознания сущности правовых норм. Отличительная особенность коллективного правового сознания российских крестьян – способность веками сохранять свои сущностные черты, поэтому и важен вопрос об истоках крестьянского правосознания.

В Киевской Руси самую значительную часть населения составляли крестьяне – свободные смерды. В локальном обществе, каким являлась крестьянская община, основные решения принимались главой семьи или собранием глав самостоятельных хозяйств. Писаным правом не пользовались по причине его ненужности, оно, скорей всего, было даже неизвестно. Община жила замкнутой жизнью, для регулирования которой было достаточно морали и норм обычного права. Элементы правосознания появились у восточных славян уже в период господства обычного права, так как «правовое отношение, правовая норма, правовое сознание взаимно коррелятивны, подразумевают друг друга» (1, 71). Общественному сознанию был присущ определенный синкретизм,

но правовое сознание уже играло роль в поддержании социального порядка в локальном сообществе.

Одним из факторов, оказавшим значительное влияние на формирование правосознания крестьянства, стало принятие христианства. Произошло смешение нескольких компонентов культуры – христианства, связанного с церковной догматикой; язычества, унаследованного от праславянского периода; « антихристианства» - язычества неславянского происхождения, проникшего в славянскую народную среду вместе с христианством или другим путем; сказалось влияние других религий и сект (манихейство, богомилы, зороастризм). Для язычества характерна его вплетенность в язык реальной жизни, даже если речь идет об отвлеченных понятиях.

На почве языческих представлений бог и человек объединяются в борьбе за Правду, то есть права крестьян, которые все больше ущемляются по мере развития феодальных отношений. Анализ так называемых «отреченных книг», то есть литературы, запрещенной церковью, приводит к выводу о наличии двух видов социальной утопии в древнерусский период. В одном случае утопия осуществляется в грядущем, в другом она уже имеет настоящее, но оно отдалено пространственно (2, 17). Идеал Правды связан с идеальным устройством на земле. Устремленность к земному царству Правды является важнейшей характеристикой российского массового сознания (3, 78). Стремление к идеальному устройству не оставляло места для такого явления как право, так как право, направленное на установление баланса противоречивых интересов, создает не идеальные, а наиболее приемлемые для различных социальных групп нормы и отношения. Со стремлением к идеалу, с привычкой рассматривать всякое явление с позиции «добро-зло» связана и важная роль морали в сознании древнерусского народа. При этом мысль о том, что право должно служить нравственным целям (4, 300), что оно опирается на моральные начала (5, 159), справедлива; все дело в преувеличенной моральности в оценке собственно правовых явлений.

Важнейшее право, которое крестьяне считали ущемленным, и которое возвращалось к ним в утопии – право на землю. Так как земля была дарована феодалам государством, сельское население относилось к ним как к господам, насильно владеющим землей и вынуждающим крестьян платить ему оброк и нести повинности. При этом крестьяне продолжали считать землю «божьей» (6, с. 559). Так, в конце XVIII - начале XIX веков в Южном Зауралье произошли значительные изменения в землевладении и землепользовании. На смену заимочному праву и наличию значительного неучтенного фонда земель была установлена жесткая правительственная регламентация земельного фонда, создание колонизационного фонда, выделение казенно-оброчных статей (7, 281). Государство как собственник земли издавало указы, запрещавшие использовать казенные земли для купли-продажи. Эти указы игнорировались крестьянами. Комиссия Министерства государственных имуществ отмечала, что «каждый крестьянин считает пашню собственностью и передает ее другому» (8. 278). Претензии государства, таким образом, считались крестьянами лишенными правовой основы.

Многовековое существование общины, ее замкнутость также стали фактором, оказавшим существенное влияние на правосознание крестьян. Процесс овладения системой социальных норм, которые действуют в обществе, предусматривает необходимость активного включения человека в сложную систему социальных взаимодействий в различных сферах общественных отношений. Освоение социальных норм происходит в процессе социализации личности. Социализация крестьянина протекала в условиях микросреды – общины, которая и оказывала решающее воздействие на личность. Правовых взглядов, которыми руководствовались крестьяне в разрешении внутриобщинных конфликтов, оказывалось явно недостаточно при их экстраполяции на социальные отношения в государстве (9, 6). Кроме того, крестьяне вообще имели смутное представление о сущности этих отношений, чему во многом, наряду с такого рода изоляцией, способствовала и массовая неграмотность.

Если к этому добавить недостатки в деятельности органов, призванных охранять закон, становится понятным, почему крестьяне прибегали к помощи властей в разрешении правовых вопросов только в крайних случаях. Государственные органы и должностные лица воспринимались как ненужные, если не сказать вредные (как в случае со стремлением государства заявить права на «божью» землю), а их способность установить порядок всегда вызывала сомнения. Казалось бы, в глазах крестьян способностью урегулировать социальные противоречия обладал монарх. Однако, согласно взглядам крестьян, монарх не разрешал противоречия путем поиска компромисса, то есть путем выработки приемлемых для разных групп населения правовых норм. Его миссия заключалась в установлении идеального порядка, а идеал крестьян, в свою очередь, нес в себе отрицание государства и государственного права. Таким образом, в обоих случаях (в представлениях о государственном аппарате и в представлениях о царе) налицо неадекватность представлений крестьянства о природе отношений в государстве. В условиях мировоззренческой и социальной изоляции практически отсутствовал важнейший элемент правосознания – ценностный, следовательно, не могла сформироваться правильная оценка роли права, закона, государственных органов и должностных лиц. В результате не формировалась должным образом и правовая установка, то есть готовность человека активно действовать в сфере правового регулирования общественных отношений.

Государство в своих интересах способствовало сохранению общины. В условиях существования запретительно-предписывающего права, характерного для традиционных цивилизаций (10, 305), общинное устройство облегчало процесс государственного управления (например, облегчался сбор налогов). Государство не заботилось о развитии элементарных правовых взглядов самого многочисленного российского сословия. Вместе с тем крестьяне считались обязанными знать и исполнять властные предписания.

В результате действия ряда факторов, среди которых: наличие общины и стремление государства ее сохранить, значение идеала Правды, не являющегося по своей природе чисто правовым, отсутствие правового просвещения – эволюции крестьянских правовых представлений практически не происходило. По этой причине низшее сословие использовало преимущественно неправовые методы борьбы с всесилием власти. Это был, в одном случае, побег (издание десятков указов против побегов являлось малоэффективным средством борьбы с массовым бегством крестьян). Беглые крестьяне пополняли ряды казаков – социального слоя, существующего вне государства и государственного права. В другом случае крестьяне пытались использовать в качестве способа регулирования социальных отношений бунт, действительно «бессмысленный» из-за неспособности бунтующих выйти за пределы собственных достаточно примитивных социальных и правовых представлений.

Правосознание крестьян в конце XVIII - начале XIX веков фактически было не в состоянии выполнить свои функции на уровне «большого общества», то есть на уров-

не государства, в том числе важнейшей из них – регуляции отношений в сложном обществе, которая подразумевает совершенствование и развитие права.

Примечания

1. *Юрашевич Н.М. Правосознание и право: общность и различия// Государство и право. 2005. №7.*
2. *Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М.,1977.*
3. *Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск: Сибирский хронограф,1997.*
4. *Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. СПб., 2001.*
5. *Малахов В.П. Философия права. М., 2002.*
6. *Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.*
7. *История Курганской области. Т.1. Курган, 1995.*
8. *Там же.*
9. *Ахиезер А.С. Россия как большое общество// Вопросы философии. 1993. №1.*
10. *Алексеев С.С. Право: азбука, теория, философия. Опыт комплексного исследования. М.,1999.*

П.В. Немкин
Курганский государственный университет,
г. Курган

КУПЦЫ-СТАРООБРЯДЦЫ УРАЛА И ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Несомненна тесная связь старообрядчества и нарождавшегося в России в XVII- XVIII веках капиталистического рынка. Парадоксально, но факт: старообрядцы, подвергавшиеся гонениям, платившие государству “двойной оклад” вместо одной подушной подати - именно они на протяжении двух веков составляли основную массу русских предпринимателей. Общеизвестны такие старообрядческие купеческие династии Урала, как Баландины, Рязановы, Казанцевы.

В данной статье перед автором поставлено две основных задачи:

1) показать основные различия между купцами-никонианами и купцами-старообрядцами;

2)попытаться раскрыть причины предпринимательской активности именно в старообрядческой среде.

Староверы на территории России еще в XVIII веке создали очень разветвленную и оперативную систему кредитования своих единоверцев. На Урале и в Западной Сибири почти одни старообрядцы создали кожевенный и салотопенный промыслы, начали добычу золота (3).

Авторитет купцов-староверов был настолько велик, что для совершения сделки им не требовалось подтверждения кредитоспособности, договоров, расписок, достаточно было честного слова, скрепленного крестным знамением.

Сейчас уже никому не приходит в голову отрицать исключительную роль старообрядцев в торговле. К началу XX века в реальном секторе экономики Российской империи активно действовали два мощных лобби: иностранцы и купцы-старообрядцы.

Старообрядческие общины, появившиеся в XVII веке после раскола Русской православной церкви, сыграли почти такую же роль в формировании российского капитализма, как протестанты на Западе. Историки любят сравнивать протестантов и раскольников, подчеркивая схожесть их конфессионально-этической системы, — аскетизм, трудолюбие, бережливость, честность, основательность. Но сходство с протестантской этикой только на первый взгляд кажется бесспорным. В отличие от протестантов, которые рассматривали благосостояние как добродетель, для купцов-старообрядцев зарабатывание денег не было самоцелью. «Про богатство говорили, что Бог дал его в пользование и потребует по нему отчета»(3).

Не власть, слава и деньги двигали предпринимателями, не они были целью жизни, а дело. Дело, которое становилось своеобразным служением. К работе, труду староверы относились так же серьезно и ревностно, как к исполнению религиозных обрядов, что и придавало их жизни регламентированность, упорядоченность, почти не свойственную остальной части населения. А если к этому прибавить еще жесткие ограничения, отказ от роскоши, почти аскетический быт, то становится понятно, почему предприниматели-старообрядцы так быстро богатели и легко обходили конкурентов.

Именно купцы-старообрядцы задавали тон в предпринимательской среде. Велико было и доверие к ним со стороны населения, что позволяло купцам-староверам без труда и в кратчайшие сроки заключать сделки. Любой кредитор знал, что старовер-заёмщик отдаст все сполна и его не придется «стирать в порошок». Кстати, это выражение имеет прямое отношение к купеческому делопроизводству. Дело в том, что имена должников и суммы долга купцы обычно записывали мелом на притолоке, а если по истечении оговоренного срока должник не объявлялся, долг прощали («яко же и мы оставляем должникам нашим»), а надпись «стирали в порошок». Это наносило сокрушительный удар по репутации, поэтому быть «стертым» боялись (5).

Торговля и предпринимательство в православии считалось греховным занятием. И самые религиозные православные купцы отмаливали каждый свой «выход в рынок», жертвовали огромные суммы («на церковь»), искупая свое чувство вины за то, что приходится заниматься «грязным делом».

Для предпринимателей-старообрядцев торговля перестала быть «грязным делом». Мировоззрение староверов осталось православным, однако поменялись акценты. В понимании хозяйственных вопросов они чаще апеллировали к Ветхому Завету. Предпринимательская активность воспринималась ими (и в этом староверы очень близки к протестантам) как сфера непосредственного служения Богу и самореализации личности. «Лишь неправедное богатство - зло, но благословен тот, кто наживает богатство и кормит других. Торговля, если не брать лишнего, узаконена, «честные гири угодны Богу» (3).

Чем же был вызван успех предпринимательской деятельности старообрядцев? Во-первых, наличием самой старообрядческой общины, которая сплачивала единоверцев и позволяла им быстрее заключать сделки между собой, а также кредитовать друг друга.

Собственно банковское дело появилось в России только во второй половине XIX века, а до этого купцы и крестьяне-торговцы были вынуждены прибегать к системе кредитования, не вписывавшейся в официальную структуру. Строилась эта система в основном на личных связях. А у староверов они были чрезвычайно обширны, нередко выходя и за пределы России (4).

Во-вторых, успех старообрядческого предпринимательства был основан на такой особенности движения, как возможность эксплуатации единоверцев. Так, на заводах Демидова в начальный период работало много старообрядцев. В металлургии XVIII века на одного основного работника приходилось до 15 подсобных. И старовером Демидовым был создан уникальный механизм, когда каждый завод окружался десятками лесных скитов. Его единоверцы, скрывавшиеся здесь от властей, выполняли многочисленные вспомогательные работы(2).

Третий фактор, характерный, скажем, для филипповцев и федосеевцев, заключался в отсутствии у этих толков законного брака. Безбрачное направление в беспоповстве

позволяло довольно быстро накапливать капиталы, поскольку не было наследников и деньги оседали в общине.

Но, на наш взгляд, не эти факторы были главными в успешной предпринимательской деятельности староверов. Гораздо важнее то, что движение не признавало официальной структуры государства, его бюрократических порядков. Кроме того, огромную роль сыграла высокая образованность старообрядцев по сравнению с основной массой населения России. Помимо прочего, немаловажным фактором успеха на ниве предпринимательства был основанный на “Домострое” порядок семейной жизни старообрядцев.

Правда, ситуация существенно меняется в первой половине XIX века. Старообрядчество помогало предпринимателям первого поколения при сравнительно небольшом капитале, пока это было незаметно для государства. Когда же речь шла о значительных состояниях, старая вера становилась помехой.

Поэтому печальный для самих старообрядцев факт, но вполне закономерный: второе и третье поколения русских купцов-старообрядцев стремились перейти в никонианство или найти компромисс с ним. Так, семейство Демидовых в третьем поколении отказалось от прежней веры, а екатеринбургский купец Рязанов попробовал найти компромисс между старообрядчеством и официальной церковью, предложив концепцию единоверия. Эта концепция, выдвинутая Рязановым и другими екатеринбургскими купцами, была высказана Александру I при посещении Екатеринбурга (1,52).

Среди купцов Урала было очень много староверов, но истории известны далеко не все купеческие династии, тем более что установить принадлежность купца к староверию не всегда является возможным, это старались не афишировать. Тем не менее, несмотря на всю её сложность, данная тема, остаётся достаточно актуальной для отечественных историков и краеведов.

Примечания

1. *Агеев С.С., Микитюк В.П. Рязановы – купцы екатеринбургские. Екатеринбург, 1998.*
2. *Байдин В.И. Екатеринбургские купцы Казанцевы// http://www.uralgalaxy.ru/literat/ug1/baid.htm*
3. *Керов В.В. Конфессиональные факторы старообрядческого предпринимательства// http://www.samstar.ru/document/1199/*
4. *Перелетова Е. Деловая этика русского раскола// http://www.samstar.ru/document/1152/*
5. *Материалы из личной беседы с Ильиной Марией Филиповной (1928 г.р.).*

Е.А. Балюнова
Государственный архив,
г. Тобольск

СИБИРСКАЯ ДИВИЗИЯ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН (1808-1814 гг.)

Обращаясь к событиям, связанным с периодом Отечественной войны 1812 г., мы иногда выпускаем из виду факт того, что Российская империя обладала внушительными южными границами, которые требовали постоянного военного присутствия. Одной из таких государственных границ являлись так называемые сибирские линии.

Следует отметить, что еще в 1808 г. с территории Сибири выводятся к западным рубежам Европейской России все линейные полки и артиллерия. В этом же году первым корпусным командиром войсковой сибирской инспекции стал генерал-лейтенант Григорий Иванович Глазенап (1750-1819), который возглавлял охрану южных границ вплоть до своей смерти. Биография генерал-лейтенанта, составленная его адъютантом С.Б. Броневским, была опубликована в 1860 г. Н.А. Абрамовым в Тобольских губернских ведомостях (1, 240-242). 5 февраля 1808 г. согласно именному императорскому указу, адресованному Г.И. Глазенапу, Сибирская инспекция была переименована в 24-ю дивизию (13, 58). Данное высочайшее решение являлось частью государственной политики, поскольку известно, что в это же время, например, оренбургская инспекция, была так же переименована в 23-ю дивизию. Позднее сибирская дивизия была переименована в 29-ю, а в 1813 г. в 30-ю, и уже в 1815 г. она стала называться отдельным сибирским корпусом (2, 75). В ее состав входили различные гарнизонные полки и батальоны: омский, тобольский, семипалатинский, петропавловский и пр.

Основу этого воинского формирования составляло сибирское казачество. Сразу же в 1808 г. по представлению генерал-лейтенанта были утверждены положения и штаты казачьего войска (1, 241). А на следующий год были высланы пожалованные императором знамена для десяти конных полков, которые были организованы по регулярному уланскому образцу. Согласно положению, сибирское войско должно было содержать 6000 казаков, которые выходили на службу с собственным вооружением, снаряжением, обмундированием и лошадью. Кроме вышеупомянутых десяти регулярных полков, предполагалось еще организовать две конноартиллерийские роты по 12 орудий каждая. По мнению историка сибирского войска Г.Е. Катанаева, казаки были единственной регулярной военной силой «на случай боевых столкновений с вольными киргизами, бухарцами, ташкентцами, кокандцами, хивинцами и китайцами» (10; 133). Но кроме охраны границ казаки несли службу и по сопровождению экспедиций торговых караванов в 1804, 1811, 1813 – 1814 гг. и др.

Упомянутый выше тобольский гарнизонный полк был сформирован весной-летом 1811 года из трех батальонов. Согласно архивным документам, штат одного гарнизонного батальона на полевом содержании (это четыре мушкетерских роты) имел численность 866 человек, из которых 801 являлись строевыми и 65 нестроевыми военнослужащими. Исходя из табеля учиненного на предмет формирования гарнизонного полка, всего в его составе должно было находиться всех чинов 1853 человека (4, 1-5).

Как мы можем предположить, вообще к самой политике, проводимой военным ведомством в этот период времени, имел отношение факт того, что в январе 1812 г. тобольскому городничему было предписано составить отчет: сколько в губернском городе находится на жительстве штаб - и обер-офицеров, а также нижних чинов и при них женщин и детей обоего пола. Было установлено, что всего военных чинов разного рода в 1812 г. в Тобольске было 1254 человека (3, 1-7). Как указывает В.В. Рабцевич, на постое у горожан находилось в среднем по два человека военнослужащих на квартире (12, 197). Следует заметить, что какая-то часть полка находилась в Томске.

Выше уже было сказано, что в 1808 г. все линейные полки с территории Сибири были выведены. Этот факт указывал на то, что высшее руководство Российской империи готовилось к столкновению с Великой Армией Наполеона. Такая тенденция продолжала иметь место и с приходом нового военного министра Барклая де Толли и не могла не затронуть 29 дивизию. 24 марта 1812 г. появилось предписание Барклая де Толли, адресованное генерал–лейтенанту Г.И. Глазенапу, где говорилось о необходимости выбрать из гарнизонов дивизии особо способных к несению полевой службы нижних чинов в коли-

честве 700 человек так, чтобы в их числе было «исправнейших 42 унтер-офицера». Сделанный расчет показал, что каждый гарнизонный батальон должен был дать трех унтер-офицеров и 47 рядовых. Причем сам Г.И. Глазенап предписал первоначально изъять таковых, если будет возможно, из тех военных пунктов, которые находились ближе к Европейской России. В дальнейшем их предполагалось пополнить за счет других гарнизонов, не затронутых первоначальным отбором (5, 1). По этой причине к отправке было назначено из гарнизонного омского полка 300 человек, из петровского, железинского, семипалатинского батальонов - 100 человек, из тобольского полка также 100 человек. Первоначальным пунктом назначения был определен город Казань (5, 5). Как мы видим, гарнизонные войска являлись одним из источников комплектования полевых войск. В России в период 1810-1811 гг. 52 гарнизонных батальона были переведены в полевые (11, 202).

В 1813 г. процесс вывода военнослужащих с территории Сибири возобновился. В декабре - январе через Тобольскую губернию проследовала команда семипалатинского гарнизонного батальона в составе 180 человек под руководством капитана Петкевича (8, 574). В январе таких партий зафиксировано уже три: из Томска 180 человек тобольского гарнизонного полка под командованием капитана Ударцова, чуть позже железнинского батальона 180 нижних чинов, руководимых капитаном Петровичем, и из Устькаменогорска команда Томского батальона прапорщика Сорокина - 180 человек (8, 1). В январе-феврале проследовала воинская команда бийского гарнизонного батальона подпоручика Кочергина, количество не известно, но, вероятно, то же (8, 23). В марте 1813 г. в Тобольске стало известно о предписании управляющего военным министерством кн. А. И. Горчакова, учиненного им генерал-лейтенанту Г.И. Глазенапу, об отправлении в Казань 150 человек, специально выбранных для гвардии. И в мае из Омска проследовала команда под руководством штаб-капитана Мородова и поручика Ляхова (5, 64). К концу года данная тенденция идет на спад, зафиксирована только одна партия, проследовавшая из тобольского гарнизонного полка в декабре под руководством прапорщика Судовского в количестве 181 человек (8, 99). Таким образом, на протяжении 1813 г. с сибирских линий было отправлено 1231 человек.

Итоговые данные по отправке воинских команд интересно сопоставить с данными отправки на сибирские линии рекрутских партий. Следует отметить, что рекрутские наборы в Сибири за период войны 1812 г. проводились всего один раз - с 1 ноября 1812 г. по 1 января 1813 г. Именно с этим набором, вероятно, следует связывать восемь партий общим количеством не менее 1586 человек, проследовавших по территории Тобольской губернии в январе – мае 1813 г. Всего в течение этого года общее число отправленных рекрутов составило более 1813 человек. Из них только 134 следовало из Иркутска, остальные из Тобольска(8, 6-8, 14, 19, 24, 26, 39,38, 43, 46, 85). Оттуда основная масса новобранцев направлялась в Омск, который, очевидно, служил местом их распределения по Сибирским линиям. В документах названы две команды без указания места их назначения. Данный факт свидетельствует, скорее всего, о том, что они были отправлены на южные границы, поскольку если бы они следовали в г. Казань, это нашло бы отражение в архивных материалах. Ввиду того, что у нас нет ни одного свидетельства об отправке новобранцев в Европейскую Россию, на примере 1813 г. мы можем сделать вывод о том, что российское правительство предпочитало забирать из Сибири действительных военнослужащих, имеющих уже опыт строевой, а, возможно, и боевой службы, заменяя их в гарнизонных частях на рекрутов.

В этом же году Сибирь стала местом ссылки военнопленных поляков. Согласно распоряжению управляющего военным министерством генерал-лейтенанта А. И. Горчакова, в Тобольской губернии их отправляли на службу в дивизию, находящуюся под командованием Г. И. Глазенапа (9, 9). На примере так называемых орловского легиона (пополненного за счет пленных французов, итальянцев и голландцев) (6, 1-3) и русско-германского легиона мы можем проследить политику руководства страны, которое, ощущая недостаток военнослужащих в русской армии, набирало туда иностранцев (14, 500-501). Пунктом сосредоточения пленных являлся г. Ишим, до которого поляков направляли партиями: южными - через Оренбургскую губернию и Курганский уезд; и северными - через Пермскую губернию, Тюменский, а затем и Ялуторовский уезды.

В г. Ишиме (где происходило распределение пленных по сибирской линии), имели место некоторые «неблагонамеренные движения поляков». Так, например, ишимский уездный судья, сообщая в рапорте (31 июля 1813 г.) о прибытии очередной партии пленных, указывал, что они «на первый раз оказываются буйныя»(8,73). Ряд архивных документов указывает на то, что какие-то волнения поляков происходили в этом городе в сентябре 1813 г. (9, 308) После этого заводить в Ишим вновь прибывшие партии пленных было запрещено и они расквартировывались в его окрестностях. Там, 19 февраля 1814 г. в деревне Безруковой имел место другой подобный случай, причина которого была в том, что полякам объявили об их зачислении в состав 30-й дивизии (9, 543-544). Основываясь на этом сообщении, мы можем сделать вывод, что военнопленным только в Сибири становилось известно, с какой целью их отправляли за Урал. Соответственно, этот факт ставил под вопрос качество их военной службы.

В сентябре 1813 г. было произведено распределение поляков по городам и форпостам сибирской линии. С этого времени было отправлено: в Омск - 2056, в Тобольск - 870, Петропавловск - 250, Тюмень - 8, Томск – 40 (позднее из Омска туда переслали еще 36) человек (9, 333, 337, 342, 363, 409, 445, 459-460, 481, 507-511, 524, 530, 561), всего более 3000 человек. Из архивных документов известно, что согласно распоряжению князя А. И. Горчакова от 26 июня, прибывшие в Ишим польские офицеры не должны были распределяться по полкам и батальонам дивизии в качестве военнослужащих, то есть следовало считать их только пленными. На основании этого Г.И. Глазенап, выводя из Ишимского уезда поляков, приказал 26 иностранных офицеров распределить по сибирским линиям из расчета один человек на один военный пункт. Кроме этого восемь офицеров содержалось в Тюмени. Следует отметить, что уже 23 января 1813 года в Тобольск пришёл императорский указ «о даровании прощения польских территорий обывателей» от 12 декабря, (6, 1) а 6 апреля 1814 года появилось повеление, в котором говорилось о возвращении всех пленных поляков домой, и в начале лета началась их отправка из Сибири.

Приведенные нами факты позволяют говорить о том, что сибирская дивизия практически за всё время своего существования (1808-1815 гг.) испытывала влияние наполеоновских войн. Её формирование произошло в период подготовки страны к войне 1812 г., и в дальнейшем она являлась источником людских ресурсов для западных войск или же местом пребывания пленных поляков.

Примечания

1. Абрамов Н. А. Биография генерала Глазенапа // Тобольские

Губернские Ведомости. 1860. № 35.
2. *Голодников К. М. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1887.*
3. *ГУТО ГА г. Тобольске Ф.1 Оп.1 Д.184.*
4. *ГУТО ГА г. Тобольске Ф.329 Оп.13 Д.498.*
5. *ГУТО ГА г. Тобольске Ф.329 Оп.13Д.506.*
6. *ГУТО ГА г. Тобольске Ф.329 Оп.13 Д. 568.*
7. *ГУТО ГА г. Тобольске Ф.329 Оп.13 Д.556.*
8. *ГУТО ГА г. Тобольске Ф.329 Оп.13 Д.574.*
9. *ГУТО ГА г. Тобольске Ф.329 Оп.13 Д.605.*
10. *Катанаев Г. Е. Краткий исторический обзор службы сибирского казачьего войска с 1582 по 1908 гг. // Тобольский хронограф. Вып.3. Екатеринбург,1998.*
11. *Керсоновский А. А. История русской армии: В 4 т. Т.1. М., 1992.*
12. *Рабцевич В. В. Политика абсолютизма по отношению к городам Западной Сибири в 80-х годах XVIII-первой четверти XIX в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974.*
13. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). Т. XXIX. 1806-1808. СПб.,1830.*
14. *Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. (ПСЗРИ). Т. XXXIII. 1812-1815. СПб.,1830.*

О.В. Усольцева
Томский государственный педагогический университет,
г. Томск

ПРОЕКТЫ СУДОХОДНОЙ ТРАНСПОРТИРОВКИ РУД ИЗ РУДНИКОВ НА ЗАВОДЫ И ПРАКТИКА ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОМ (АЛТАЙСКОМ) ГОРНОМ ОКРУГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Развитие горнометаллургического производства в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе на всем протяжении первой половины XIX в. в части перевозки руд из рудников на заводы было проблемным. Ощущалась постоянная нехватка приписных крестьян, направленных в заводские работы, труд вольных возчиков был дорогим, а использовать на таких работах урочников допускалось только в случае крайней необходимости. Жесткие ежегодные разнарядки Горного совета по количеству руд, которые необходимо было перевести, побуждали горнозаводскую администрацию настойчиво следовать практике решения этого вопроса через судоходные перевозки. Красноречиво об этом писал горный начальник заводов Л.А. Соколовский в 1844 г. в записке, подготовленной им к заседанию Горного совета, на котором в очередной раз поднимался вопрос организации перевозки руд по рекам: «Мысль о перевозке змеевских руд водою в Обские заводы с давнего времени занимала местное горное начальство. Возможность этой перевозки вероятно входила в расчеты строителей сих заводов, которые избрали для плавилен места, по возможности ближайшие к реке Оби. По крайней мере известно, что основатель алтайского горного промысла Демидов имел это обстоятельство в виду при выборе места для Барнаульского завода. Он не только не затруднился испытать ход судов по Оби и впадающим в нее рекам, но даже учредил по ним постоянное судоходство для снабжения сего завода рудами Змеевского округа и плавиленными припасами из Колыванского завода. Перевозка эта, которую Демидов признавал удобной, продолжалась во время состояния заводов в его управлении, впоследствии, после передачи заводов в казенное управление, прекратилась по неизвестным причинам и едва ли не потому, что рабочие, обращавшиеся при сплаве руд, понадобились на горнозаводские работы. Перевозку же руд сухим путем удобно было поручить приписным к заводам крестьянам. Впрочем, начальство заводов не теряло из виду этого важного предмета и неоднократно были сделаны предположения о перевозке руд Обью и одной из впадающих в нее рек» (8, Л. 9 об-10).

В начале XIX в. судоходство вводилось на одном из наиболее трудных направлений перевозки руд – из рудников Змеиногорского края в так называемые обские заводы: Барнаульский, Павловский и Сузунский. Ближайшие рудники Змеиногорского края располагались от этих заводов за 280 верст, а Зыряновский рудник – за 600 верст.

С 1808 г. сплав змеиногорских руд производился по Оби и Алею от села Кашина на Барнаульский завод. Проект организации сплава по этим рекам возник в результате произошедшего в 1806 г. увеличения объема руд, которые было необходимо перевозить из Змеиногорского края в обские заводы до 1,5 млн пудов. Невозможность значительно увеличить количество работ, возложенных на приписных крестьян, заставила горнозаводское начальство обратиться к вольной перевозке, но даже увеличение провозных цен не приводило к желаемому увеличению перевозки. В результате проведенных опытов сплава по Алею и Чарышу оказалось, что сплав по Алею задействует намного больше рабочих и будет значительно дороже, поэтому было решено опыты сплава по Алею прекратить. Вместе с тем, несмотря на незначительность доли объемов руд, доставляемых по реке (табл. 1), следует придать значение тому, что от проекта не отказывались в течение 10 лет.

Таблица 1

Количество руд, перевезенных в период опытного сплава по рекам Оби и Алею (4, Л.75; 5, Л. 28; 6, Л. 73 об.).

Год	Сплавлено, пуд.	Год	Сплавлено, пуд.	Год	Сплавлено, пуд.
1808	3214	1812	11600	1816	16757
1809	14663	1813	5750	1817	Нет данных
1810	6050	1814	12200	1818	7800
1811	11300	1815	7998		

Несколько опытов сплава было проведено по Чарышу, но его посчитали неудобным, и опыты были прекращены (2, Л. 13-14 об.). Возможность сплава по Чарышу рассматривалась Горным советом также в 1823 г., в результате которого он был признан неудобным для сплава из-за сильного разлива реки весной и в июне (7, Л. 42 об.).

Еще одним направлением развития судоходства была организация сплава по Иртышу с Бухтарминской пристани на Усть-Каменогорскую. Сплав руд по Иртышу был начат в 1804 г. и существовал на протяжении всего рассматриваемого периода.

Данное направление представлялось горнозаводской администрации в начале XIX в. наиболее перспективным. Для увеличения сплава руд по Иртышу в 1813 г. было построено к существующим четырем судам еще два, одно из которых должно было быть длиной 12 сажен, то есть на одну сажень больше остальных. Горный совет 1815 г. постановил «стараться сплавлять» на имеющихся 6 судах как можно больше, увеличив даже для этого приготовление руд в Зыряновском руднике. Объемы перевозки по Иртышу увеличивались, в 1824 г. сплав производился уже на 12 судах (7, Л. 46).

Очередной подступ к организации судоходной доставки руд был сделан в Обозрении заводов и рудников Колывановоскресенского округа, составленном в Горном совете в 1831 г., где отмечалось, что «по малонаселенности края судоходство производится только по рекам: Оби,

Иртышу, Томи и Чумышу и то в самой малой степени. Но многие реки могли бы быть к тому также способны» (9, Л. 38). Однако, если судить по раскладам, ежегодно составляемым Горным советом, сплав руд во второй четверти XIX в. осуществлялся только по Иртышу, причем объемы сплава увеличивались (табл.2).

Таблица 2

Количество руд, сплавленных по Иртышу за отдельные годы XIX в. (3, Л. 58; 6, Л. 73; 7, Л. 46; 9, Л. 19 об; 10, Л. 22; 11, Л. 27; 12, Л. 28 об; 13, Л. 62; 14, Л. 57 об; 15 Л. 44; 16, Л. 40 об; 17, Л. 48; 18, Л. 62; 19, Л. 49 об; 20, Л. 54).

Год	Назначено сплавить, пуд.	Сплавлено, пуд.	Год	Назначено сплавить, пуд.	Сплавлено, пуд.
1814		63060	1835	450000	450308
1815		88510	1837	450000	429550
1816		98814	1838	550000	586532
1823	275000	263302	1844	1002107	996389
1830	450000	441414	1846	854106	826186
1831	450000	442055	1854	1270298	1345103
1833	450000	450019	1858	940569	959695
1834	450000	450084	1860	881532	841477

В начале 1840-х гг. в Обь-Иртышском бассейне возникло паровое судоходство (1, С.17), с которым горнозаводская администрация связывала особые надежды. 20 июля 1842 г. главный начальник Алтайских заводов С.П. Татаринов направил горному начальнику предложение об организации парохода у с. Белоярского для перевозки салаирских руд на Барнаульский завод и известкового камня на Барнаульский и Павловский заводы. Результатом такой организации перевоза, по мнению главного начальника, должно было стать уменьшение количества занятых в перевозках, сбережение от потраты руд, уменьшение расходов на вольную перевозку и облегчение приписных крестьян.

В представленном в Горный совет 1844 г. горным начальником Л.А. Соколовским проекте обращает на себя внимание, что главным направлением, где, по его мнению, необходимо организовать сплав руд, является не то, которое выделил главный начальник, а прежнее, традиционное для горного округа – из Змеиногорского края в Барнаульский, Павловский и Сузунский заводы. Горный начальник предложил организовать складочное место на Чарыше и оттуда сплавлять руды на судах по Чарышу и Оби. При этом сухопутная перевозка должна была сократиться на 200 верст.

Произведенные в 1845-1848 гг. измерения показали, что Обь между устьями Чарыша и Чумыша судоходна, Чарыш может быть судоходен только в большую воду, Чумыш из-за мелководья и извилистого течения не удобен для плавания по нему. При этом отмечалось, что просчитать экономическую выгоду от сплава можно только проведя опыты, возможные только после постройки парохода. Главный начальник заводов П.П. Аносов, ввиду того, что пароход построить долго и трудно, особенно из-за отсутствия специалистов, принял решение отложить введение парохода «до того времени, когда опыт подтвердит возможность развития судоходства по малым рекам в большом виде», а на первое время устроить коноводки (8, Л. 82 об).

Была начата постройка 4 полубарок для использования по Чумышу, шести – по Чарышу и по одной коноводке. Предполагалось сплавлять руды по Чарышу и Чумышу в мае и июне, а затем на тех же судах перевозить по Оби в заводы.

По подсчетам Ученого комитета корпуса горных инженеров для сплава всего количества змеиногорских руд необходимо 850 полубарок, на каждой из которых должны были работать по 6 человек, то есть более 5000, в то время как сухопутно руды перевозят 4176 человек (8, Л. 83). Принимая во внимание увеличение количества занятых на перевозках, которое вызовет введение данного проекта и большие затраты на постройку судов, министерство финансов в 1850 г. велело прекратить опыты. П.П. Аносов распорядился употребить построенные суда на перевозку заводских тяжестей и известкового камня из Томского завода, но горное правление не нашло для них назначения и было решено их продать или разобрать. Таким образом, очередная попытка радикально решить проблему доставки руд до заводов посредством судоходства оказалась неудачной.

Вновь вопрос о судоходстве появился в повестке дня Горного совета в 1859 и 1860 гг. в контексте вопроса уничтожения принудительного труда в горнометаллургическом производстве. По мнению Горного совета, организация производства на основе свободного труда «неминуемо окажет большое влияние на наши огромные, весьма дешевостоящие перевозки и повлечет за собой повышение цены на выплавляемые ежегодно металлы» (20, Л. 171). Были рассмотрены проекты введения судоходства по р. Бухтарме, устройства пароходства по Иртышу, сплав по которому существовал уже долгое время и на этом участке предполагалось наработать практику организации пароходного сообщения между рудниками и заводами для внедрения ее на других реках горного округа.

В связи с тем, что данные проекты были локальными, они не были вписаны в последующие реформаторские шаги.

Итак, проекты введения судоходной транспортировки руд были привлекательны для горнозаводской администрации и вопрос организации судоходства (пароходства) настойчиво поднимался на протяжении всей первой половины XIX в. Но экономическая эффективность этих проектов наталкивалась на их финансовую и организационную несостоятельность в условиях, когда невозможно было использовать принудительный труд, как то имело место в начале истории горнометаллургического производства на Алтае. Все проекты судоходства сводились в итоге к использованию для сплава руд барок и коноводок, что не могло сократить количество занятых в перевозке руд, а только переводило их с одного участка работы на другой. В конечном счете, на протяжении дореформенного периода XIX в. в реализации этих проектов так и не удалось наработать положительного опыта. Более того, в предреформенный период негативная практика реализации проектов судоходной транспортировки руд стала одним из проявлений кризиса кабинетного хозяйства на юге Западной Сибири.

Примечания

1. *Большаков В.Н. Город Томск в системе водного транспорта дореволюционной Сибири // Из истории Томской области. Томск: Изд-во ТГУ, 1988. С. 16-24.*
2. *РГИА. Ф.468. Оп.18. Д.940.*
3. *ЦХАФ АК. Ф.1. Оп.2. Д.1750*
4. *ЦХАФ АК. Ф.1. Оп.2. Д.1879*
5. *ЦХАФ АК. Ф.1. Оп.2. Д.2035*
6. *ЦХАФ АК. Ф.1. Оп.2. Д.2037*
7. *ЦХАФ АК. Ф.1. Оп.2. Д.3385*
8. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.423*
9. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1645*
10. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1647*
11. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1649*
12. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1652*
13. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1668*
14. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1673*
15. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1678*
16. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1736*
17. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1773*
18. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1857*
19. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1880*
20. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.1885*

Е.Ю. Лебеденко
Институт истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург

«МЕЩАНЕ» Г. ЕКАТЕРИНБУРГА ПО ГОРОДОВОМУ ОБЫВАТЕЛЬСКОМУ СПИСКУ 1823-1824-28 ГГ.

К изучению проблемы городского населения Урала в первой половине XIX в. обращались Л.Е. Иофа, М.А. Горловский, П.Г. Рындзюнский, С.И. Сметанин, Н.В. Андреев и др. (1/12/14). Однако этот вопрос не утратил своей актуальности и в настоящее время.

Многостороннюю информацию о демографических характеристиках и профессиональном составе городских сословий содержат городовые обывательские книги, которые считаются одним из основных источников по истории мещанства. К сожалению, городовые обывательские книги Екатеринбурга за 1820-е гг. не сохранились, поэтому для реконструкции городского социума представляется актуальным привлечение других источников, например, различных списков жителей города.

Исследуемый источник озаглавлен как «городовой обывательский список» (2). «Городовой обывательский список» должен был являться основным источником для составления городовой обывательской книги города и сочинялся специально выбранными старостами (11, 363). После составления «список обывателям здешнего города» предоставлялся к градским делам, где его сверяли «с формой». Если все совпадало, то старосте могли разрешить отлучиться от должности на 1 год (4). Далее, на основании полученных данных, градской голова с депутатами должны были, «разделяя тот список на шесть частей», составить городовую обывательскую книгу (3). В качестве автора исследуемого источника обозначен староста Терентий Благин, который и заверил список 1823-28 гг. постранично (2).

На титуле указана дата создания документа – «1823-24-28 годы». Более точно определить временной промежуток составления списка невозможно, лишь косвенные данные позволяют сделать вывод, что данный документ дописывался после 1824г. (2, 10 об.).

Источник состоит из двух частей (по числу частей Екатеринбурга); в конце документа расположен Алфавит, где перечислены все домовладельцы города.

«Список» составлен в виде таблицы, в которой выделено 7 колонок. Каждая из граф содержит определенную информацию – прозванье обывателя; его семейное положение – имя, отчество жены, ее статус до замужества, ее возраст; количество, имена, пол и возраст детей; есть ли недвижимость в городе; где именно и на каком основании владеет; в городе ли живет или в отлучке; промысел – род занятий; пребывание в градских службах – указываются должность и год (11, 363).

Из «городовых сословий» в исследуемом источнике фигурируют только «купцы» и «мещане». Не обнаруживаем в списке «цеховых» (которые, согласно Уставу цехов 1799г. «пользовались правами мещан города»), хотя известно, что в городе в указанный период такая группа горожан существовала (1, 38). Если обратимся к Книге… Ирбитского городового магистрата с описанием домов, строений и земель за 1795-97гг., наиболее близкой по предмету описания и по структуре к «городовому обывательскому списку», то обнаружим, что в книге… магистрата «цеховые» как особая категория граждан также не выделяется. В то же время другой источник – городовая обывательская книга г.Ирбита за 1795-97гг. - свидетельствует о наличии «цеховых» в г.Ирбите в конце XVIII в. (6). Возможно, что маркировка «цеховых» в качестве особой категории домовладельцев города не предусматривалась самим источником. Важным в данном случае являлась принадлежность к определенной податной группе жителей города. В данной работе предметом исследования является категория «мещан». Под понятием «мещане» в данной работе используется толкование, данное в статье 241 Законов о состоянии, - «название мещан присвоено исключительно нижнему разряду городовых обывателей»; и в статье 244 – «мещане полагаются все в одной степени, независимо от того, производят ли они предоставленный им торг, или занимаются другими промыслами» (13, 74).

Согласно «городовому обывательскому списку», в Екатеринбурге в середине 1820-х гг. 511 домов принадлежали мещанам, мещанским вдовам и девкам, что составляло 22% от всех домовладельцев Екатеринбурга (2). При них в семействах насчитывалось 955 душ мужского и 1086 женского пола, всего 2141 чел. Если сравнить с численностью «мещан и цеховых» за 1830г. (1915 душ м.п.), то можно предположить, что около половины мещанских семейств не имели домов в городе (9, 156). Возможно, часть из них жила на подворье (хотя источник не выделяет данную группу горожан), часть – вне города. Так, в 1820г. из 1051 семьи купцов и мещан Екатеринбурга 556 (52,9%) жили в городских предместьях и уездах. (9, 117).

Интересно, что 64,5% мещан (330 семейств-домовладельцев) приобрели жилье путем покупки (либо домов, либо земли под строительство). Дополнительная информация, содержащаяся в колонке «прозванье обывателя», позволяет сделать вывод, что к категории мещан-«старожилов» Екатеринбурга принадлежали лишь 156 семейств (30,52%). Остальные 70% - к тем, кто «родился в городе» или записался в городскую общину.

«Список» позволяет выявить один из источников пополнения мещанства – замужество (в 82 ст. Городового положения 1785 г. указано, что «мещанин сообщает мещанское состояние жене своей») (11, 367). Всего в материалах городового списка зафиксировано 439 супружеских пар, по своему статусу указанных как «мещан». Значительное количество жен -176 и 27 (40% и 6,4%) происходило из мещанских и купеческих семейств, что указывает на то, что почти в каждом втором случае браки заключались внутри городской общины.

На втором месте по численности – дочери мастеровых и непременных работников: 116 женщин (примерно 26,4%). Крестьянское происхождение имели около 70 мещанских жен (примерно 15,4%). Лишь 29 замужних мещанок (6,6%), живших в городе в середине 1820-х гг., происходили из семей военных. Примерно такое же количество – из купеческих семей (6,4%). Также среди женщин, вышедших замуж за екатеринбургских мещан, было незначительное количество дочерей церковнослужителей (10 – 2,4%), приказнослужителей (7 – 2,1%) и отпущенных на волю (4 – 0,9%).

Эти данные показывают, что женились мещане преимущественно на дочерях социально и географически «близких соседей» - их статус и уровень благосостояния позволял им при заключении брака выходить за рамки своего социального слоя (8, 78). Специфичным представляется пополнение мещанства из такой группы как мастеровые и непременные работники. Для них смена статуса, в особенности для мужчин, была сопряжена с трудностями (и происходила крайне редко в исследуемый период). Поэтому интересным представляется изменение сословной принадлежности у лиц женского пола. Значимым является и происхождение 70 мещанских жен из крестьянских семей, что, впрочем, может быть связано с пополнением посада Екатеринбурга в конце XVIII века.

Список городовых обывателей содержит весьма подробные данные о занятиях горожан. Представляется важным, что из показанных в источнике 511 домов, принадлежавших мещанам (мужского и женского пола), у 145 (около 28,3% от 511) занятия не указаны вообще.

В целом «источники пропитания» екатеринбургских мещан-домовладельцев выглядят следующим образом. Непосредственно в торговле было занято 223 из 511 мещан-домовладельцев, или примерно 43,63 %. Однако поскольку данные источника не охватывают «мещанство» города в целом, можно предположить, что приведенные цифры не вполне точны. Кроме того, 2 домовладельца мещанина совмещали торг с разным и свечным ремеслом. 11,15 % всех домовладельцев-мещан жили за счет «разной работы». Главы 38 семейств были заняты в партикулярных услугах (7,43 %) (в качестве приказчиков у купцов; на заводах, в мелких услугах и др.); 10 (1,9 %) так или иначе были связаны с продажей вина. Незначительное распространение среди мещан Екатеринбурга получило занятие ремеслом (во многом вследствие конкуренции со стороны других категорий екатеринбуржцев) (12, 333). Среди мещанских семейств лишь 35 (6,8 %) пропитывались ремесленными занятиями. Достаточно распространенным промыслом среди мещан Екатеринбурга были иконопись и ювелирное мастерство, а также чеботарное ремесло. В городе было лишь 3 мещанина-домовладельца, зарабатывавших портняжным искусством, и 1 часовых дел мастер.

Рассмотрев «городовой обывательский список» Екатеринбурга как возможный источник для истории мещанства города, можно сделать вывод о его высокой степени информативности и ценности. Данный документ является в своем роде уникальным источником информации в силу отсутствия равноценных, таких как городовые обывательские книги. Но вместе с тем отметим, что заменить городовые обывательские книги исследуемый документ не может, поскольку описывает ограниченный контингент «положенных в оклад» по городу. Имеются данные, которые позволяют предполагать, что значительная часть мещан, платящих подати по Екатеринбургу, постоянно жила вне города. Это, в свою очередь, позволяет говорить о наличии еще как минимум одного источника, который использовали в «градских делах» города для составления городовых обывательских книг.

«Список» позволяет охарактеризовать «мещан» Екатеринбурга по следующим параметрам. Большинство мещан - домовладельцев, которые живут в городе в середине 1820-х гг. в значительной мере не являются старожилами Екатеринбурга. Пополнение посада города шло во многом через приток новых жителей из других сословий. Источник позволяет нам охарактеризовать один из способов пополнения городского общества – замужество.

По роду занятий мещане-домовладельцы города в целом практически мало чем отличаются от мещан городов Сибири и Центральной России (7/10; 20). В источнике представлены те же характерные промыслы – торг, работы, услуги. Невысокий процент цеховых ремесленников объясняется спецификой региона. В данной области с мещанами успешно конкурировали местные мастеровые. В целом, данные источника показывают, что занятия екатеринбургских мещан-домовладельцев в середине 1820-х гг. были достаточно традиционны для данной категории горожан.

Примечания

1. *Горловский М.А. Горный город Екатеринбург. 1807-1863 гг. Краткий очерк. Свердловск, 1948.*
2. *Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.8. Оп.1. Д.567.*
3. *ГАСО. Ф.106. Оп.1. Д.39. Лл. 67,112.*
4. *ГАСО. Ф.106. Оп.1. Д.79. Л.31.*
5. *ГАСО. Ф.644. Оп.1. Д.13. Л.55//об.*
6. *ГАСО.Ф.644.Оп.1.Д.13, 14.*
7. *Дитятин И.Устройство и управление городов России. Т.2.Ярославль, 1877.*
8. *Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: Изд-во РГГУ, 2006.*
9. *Корепанов Н.С. В провинциальном Екатеринбурге (1781-1831гг.). Екатеринбург, 2003.*
10. *Останина Л.В. Мещанство Западной Сибири в к. XVIII – 60-х гг. XIX вв. Автореф.дис. …к.и.н. М., 1996.*
11. *Полное собрание законов Российской империи. I. СПб.: Типография Отд.Собст.Имп.Вел.Канцелярии, 1830. Т.XXII. №16188. ст. 54, 58, 59, 60, 61.*
12. *Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М.,1958.*
13. *Свод законов Российской империи. Законы о Состояниях. Т.9. Кн.1. СПб.: Типография Отд.Собств.Имп.Вел.Канцелярии, 1835.*
14. *Сметанин С.И. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России в 1800-1861 гг. // Исторические записки. Т.102. М.: Наука, 1978.*

О.Г. Черкасова
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

СТРУКТУРА СЛОБОД ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Слободы со времени своего возникновения в Тобольской провинции являлись центром сосредоточения крестьянских поселений и возникали, как правило, благодаря деятельности и предприимчивости частных лиц – слободчиков (21, 25; 24, 21). Слободчики приглашали во вновь создаваемые слободы пашенных крестьян из вольных и гулящих людей, а также служилых людей (1, 19).

Обустраивая тобольский край, правительство пыталось заселять его свободными людьми (вольные и гулящие люди, государственные крестьяне, отставные солдаты), для того чтобы удержать необходимое количество крестьян в Европейской части России и ограничить передвижение населения между слободами по окончании льготных лет. Эти меры принимались с целью регулярного поступления крестьянских повинностей в государственную казну, для чего был издан ряд царских наказов. В наказе верхотурскому воеводе «о строении острога и слободы на Пышме» от 1673 г. говорилось: «В беломестные казаки и во крестьяне в ту слободу на пашню призывать и прибирать из вольных гулящих, а не из тяглых и не пришлых людей, которые приходят из верховых поморских городов, из крестьянских детей от семей, и бобылей и захребетников, и имати б по них службе и в житье и в оброке поручные записи, что им жить в беломестных казаках и во крестьянех в той новой слободе, беломестным в службе, а крестьянам и бобылям в оброке» (2, 308).

Основными чертами слободы было наличие торга или ярмарки, православной церкви, проезжих башен и ворот, двора приказчика, государевых амбаров, усадеб духовенства и зажиточных слобожан, крестьянских дворов. В ряде слобод существовала управительская канцелярия (3, 13об.-19; 4, 6; 11, 35-36; 20, 47; 26, 89-90). Все это в определенной мере приравнивало слободы по своему статусу к западносибирским городам. Данное суждение подтверждается и тем, что для охраны слобод возводились «городовое строение, город лежачей в столбах, надолбы, рогат-

ки и ров», от одной до двух проезжих башен и «другие проезжие ворота», на которых располагались караульные каланчи. В слободе могло насчитываться до четырех проезжих ворот (9, 43; 10, 116-289; 15, 324-325; 22). Эти оборонительные сооружения были атрибутами города и служили подтверждением тому, что одной из причин строительства слобод в Тобольской провинции было малое количество городов, строительство которых затруднялось из-за постоянных набегов кочевников.

Укрепления слобод состояли из двух основных линий: старый город (деревянный кремль) охватывал небольшую площадь и новый город (система земляных укреплений – бастионов) окружал основное пространство, занятое слободскими строениями. Самыми крупными из них были: изба приказчика, служившая штаб-квартирой гарнизона, казармы, пороховой погреб, военные склады, амбары для хранения «государева хлеба», усадьбы духовенства и зажиточных крестьян. Земляные укрепления главным образом состояли из рогаток, надолбов и рвов, которые сдерживали натиск конницы, башни и каланчи строились для наблюдения за неприятелем, а стены вокруг селений были преимущественно «лежачие», то есть бревна при строительстве были положены горизонтально (4, 6; 20, 47).

Однако со временем облик слобод менялся. Это было связано с тем, что благодаря строительству оборонительных линий на юго-востоке Западной Сибири отпала необходимость в содержании военных гарнизонов, в результате чего утратили свое значение и заградительные сооружения слобод, которые были заброшены и со временем обветшали (23, 432-436).

Потеряв оборонительное значение, многие слободы по-прежнему оставались административными центрами ряда волостей, возлагавшими на себя некоторые функции городов (административные, хозяйственно-экономические, фискальные, судебные, полицейские и т.д.). С введением новой административно-территориальной единицы – волости, произошла реорганизация управительских (воеводских) канцелярий в волостные правления, которые находились в волостных центрах – слободах (5, 2-23об.). Наиболее значимыми в хозяйственно-экономическом плане можно считать те слободы, в которых со второй половины XVIII в. начинают строиться каменные церкви. Их строительство было дорогостоящим, а строительные материалы порой приходилось привозить из отдаленных районов (для строительства церкви в Царевом Кургане известь привозили из окрестностей Шадринска и Тюмени), поэтому их возведение могли позволить, как правило, лишь те приходы, которые имели высокие доходы от торговли, а прихожане могли делать крупные пожертвования на возведение новых церквей (11, 60; 25, 33).

Описывая обустройство слободы первой половины XIX в., И. Завалишин писал: «Крестьянский быт сытен, селения хорошо обстроены, дома и надворные постройки везде крыты или тесом или драницами» (19, 145).Улицы в селениях, за исключением главной «срединной», как правило, «кривые». «Дома построены в беспорядке и в ненастное время чрезвычайно грязны» (7, 70; 18, 487). Однако Н. Черняковский в беспорядочной постройке домов видел их удобное расположение для самих жителей (25, 37).

Дома в слободах строились «на манер крестьянских» с крыльцом, выходившим на улицу или во двор, который, как правило, был просторным. Во дворе делались навесы, примыкавшие к амбарам, кладовым и хлевам для размещения повозок и телег. Крытых дворов, как в европейской части России, практически не было, за исключением постоялых дворов «на русской манер» для проходящих обозов у поселенцев. Позади дома, как правило, располагались огород, пригон для скота, овин и другие хозяйственные постройки (4, 6; 18, 486; 25, 37-38).

При въезде в каждую слободу располагались большие амбары или запасные магазины для общественного хлеба. В некотором отдалении от слободы (волостного центра) находилась «изба, называемая ледником». В 40-х гг. XIX в. начинают появляться мужские училища, часть которых были духовными. Ряд слобод содержали почтовые станции (конторы), речные перевозы и пристани (Бешкильская, Исетская, Усть-Ламенская, Абацкая, Татьмыцкая и др.) (8, 35; 14, 261; 16, 37; 17, 266-267; 18, 487).

Наиболее полно структуру слобод можно разобрать на примере двух тобольских слобод середины XIX в. – Белозерской Курганского и Татьмыцкой Тарского уездов, так как их структуру можно наиболее полно проследить по историческим описаниям, составленным местными священнослужителями.

Белозерская слобода располагалась на левом берегу Тобола и состояла из двух «правильных» улиц, застроенных 110 домами (в том числе дома церковнослужителей, выстроенные ими за свой счет, а не за «общественный»). В центре слободы находилась одноэтажная каменная двухпрестольная церковь во имя св. Алексея с приделом св. Мученицы Параскевы. При церкви находилось 160 деревянных лавок, построенных в 1821 г. «на счет церковной суммы». В слободе находилось волостное правление, расположенное в ветхом здании и питейный дом – «необходимая принадлежность всякого мало-мальски порядочного селения». Посреди одной из улиц «на востоке, на конце слободы» находился «вал или земляная насыпь» - остатки оборонительных сооружений середины XVIII в. Через слободу проходил почтовый тракт (6, 291).

Татьмыцкая слобода находилась на левом берегу Иртыша и была заселена треугольником или тупым клином, «главный конец которого упирается на северо-восток». Слобода делилась на две главные, довольно широкие и прямые улицы, три улицы чуть меньших размеров и на несколько кривых переулков, на которых располагалось 106 домов, в том числе и духовных (два из которых были построены на деньги слобожан). В слободе были построены одна деревянная церковь и небольшая деревянная пятистенная часовня, волостное правление, 2 погребка, 8 распивочных винных, одна салотопня, 10 амбаров для общественного хлеба, 2 ветряные мельницы, 5 кирпичных сараев, погреб «для нечаянно умерших», 3 взвоза и 2 придорожных креста: на въезде из Тары и на выезде в Омск (12, 19; 13, 27).

Таким образом, слобода состояла из одной или нескольких улиц застроенных домами слобожан, в центре располагалась церковь (каменная или деревянная), волостное правление, питейный дом, торговые лавки, при въезде в слободу находились хлебные амбары или запасные магазины, придорожные кресты (на въезде и выезде), на окраине погреб «для нечаянно умерших», при кладбище часовни. В слободе могли находиться ветряные мельницы, небольшие промышленные производства (салотопня и др.), распивочные винные погребки и сараи для хранения сельскохозяйственных и промышленных товаров, почтовые станции и речные перевозы.

Примечания

1. *АИ. Т.4.*
2. *ДАИ. Т.6.*
3. *АРГО. Разр.61. Оп.1. Д.23.*
4. *АРГО. Разр.61. Оп.1. Д.25.*
5. *ГАТ. Ф. 329. Оп. 13. Д. 32.*
6. *Адрианов В. Слобода Белозерская // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 22. С. 291-294.*

7. *Белов Гр. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852. 108 с.*
8. *Брем А., Финш О. Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882. 578 с.*
9. *Лепехин И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1771 г. СПб., 1780. Ч.3. 404 с.*
10. *Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. 320 с.*
11. *Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российского государства. Ч. 2. Кн. 2. СПб., 1786. 572 с.*
12. *Попов М. Слобода Такмыцкая // Тобольские губернские ведомости. 1866. № 4. С.19-20.*
13. *Попов М. Слобода Такмыцкая // Тобольские губернские ведомости. 1866. № 5. С.27-28.*
14. *Радищев А.Н. Полное собрание сочинений. Т. 3. М.; Л., 1952. 676 с.*
15. *Фальк И.П. Записки путешественника. Т. 6. СПб., 1824. 546 с.*
16. *Васильева А.М. Слобода Куртамыш в XIX веке // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 5. Курган, 1993.С.34-38.*
17. *Голодников К. Ялуторовский округ губернии Тобольской // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч.XV. Кн.7. С.256-281.*
18. *Голодников К. Ялуторовский округ губернии Тобольской // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч.XV. Кн.8. С.484-521.*
19. *Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. 418 с.*
20. *Кондрашенков А.А. Курганская слобода в XVIII веке // Ученые записки Курганского пединститута. Вып. IV. Курган, 1962. С.39-58.*
21. *Очерки по истории переселенческого движения в Сибирь. М., 1902. 370 с.*
22. *Резун Д.Я. Слободы как протогорода Сибири. Рукопись.*
23. *Россия: полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т.16. Западная Сибирь / Под ред. В.П. Семенова-Тянь-Шанского. СПб., 1907. 529 с.*
24. *Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири. Кн.1. СПб, 1886.*
25. *Черняковский Н. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журнал министерства внутренних дел. 1843. Ч.2. Кн.4. С.3-48.*
26. *Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М; Л., 1946. 228 с.*

А.Д. Кузьмин
Курганское областное общество краеведов,
г. Курган

УЧАСТНИК ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830-1831 ГОДОВ П.М. ВАЖИНСКИЙ И ЕГО 25-ЛЕТНЯЯ ССЫЛКА В КУРГАНЕ

В дневнике сосланного в Курган декабриста Вильгельма Кюхельбекера за 1845 год есть лаконичная запись: «22 сентября. Процеживал у меня Вожжинский наливку и между прочим рассказывал свою историю: это целый роман, в котором покойный полковник Севастианов, убитый потом под Варшавой, играет чудесную роль» (1, 431). Похоже, разговор был увлекательным и откровенным. Но кто же он таков, собеседник Кюхельбекера, с кем опальный поэт мог поговорить по душам?

Порфирий Михайлович Важинский (Wazinski) родился в 1791 году. Он принадлежал к старинному польскому роду. Предок Порфирия Хероним Важинский купил у литовского князя Казимира Сапеги в 1678 году имение Оляны в повете Ошмянском (ныне – Ошмянский район республики Беларусь). За ним числилось 604 десятины земли (2, 76).

В молодые годы, как и многие поляки, П. Важинский принимал участие в войне 1812 – 1815 годов на стороне Наполеона. Прошло чуть больше пятнадцати лет – и он вновь взял в руки оружие. В академическом трехтомнике «История Польши» эти события описываются следующим образом: «В Вильнюсе еще в конце 1830 г. был образован тайный повстанческий комитет из девяти человек, который держал связь с Варшавой. План комитета состоял в том, чтобы поднять восстание во всех уездах литовских и белорусских губерний. Подготовка восстания, однако, осуществлялась крайне вяло и бессистемно. Не хватало оружия, денег. Поместная шляхта уклонялась от участия в организации восстания, выжидая дальнейшего хода событий» (3, 542 – 543).

Более активным было крестьянство Жемайтии, здесь в феврале 1831 года произошло стихийное восстание. 26 марта крупный отряд мятежников занял город Расейняй, начались выступления в других уездах. Все это происходило помимо Виленского комитета. Повстанцы намеревались занять Вильнюс, чтобы нарушить коммуникации между Петербургом и королевством Польским. Попытка не удалась.

Прибытие в край регулярных польских войск ободрило шляхту, повстанческое движение возобновилось. Но план овладеть Вильнюсом вновь провалился. Русское командование успело стянуть к городу значительные силы, а в повстанческих частях начал обнаруживаться «недобор людей». В мае польские генералы вынуждены были увести свои части к Варшаве.

Что же стало с Важинским? Когда русские войска пришли в повет Ошмянский, он прятался в родовом имении, был пойман крестьянами ближайшего поселения Черкесы и выдан генерал-фельдмаршалу Паскевичу. Порфирий Важинский «за деятельность в составе мятежа, участие с принятием от злоумышленников звания начальника и первого члена мятежного комитета, грабеж казенных и частных сумм и другие преступления, по Высочайше утвержденной конфирмации командующего 1-й Армиею лишен дворянского достоинства» и определен к каторжным работам (4, 1). Имение Оляны русские власти не тронули только потому, что Михаил Важинский предусмотрительно завещал усадьбу напрямую внукам Леону и Владиславу. А вот фольварк Динапол, купленный Порфирием у Ваньковичей, был конфискован и поделен между холопами (2,76).

Из официального письма исполняющего должность Тобольского гражданского губернатора, председателя губернского правления Василия Копылова (написано 1 декабря 1834 года) мы узнаем причину, по которой государственный преступник Порфирий Важинский, осужденный к 20 годам каторги, оказался в курганской ссылке: «Прибыл в Тобольск 15 августа 1832 года в болезненном состоянии и до 20 октября находился в острожной больнице, и в сие время учинено ему свидетельство, по коему он признан к работе вовсе не способным и потому на основании параграфа 198 «Устава о ссыльных…» назначен в разряд неспособных каторжных в Тобольскую губернию» (4, 4).

Сохранилось описание физических данных больного, из которой очевидно, почему Важинскому облегчили наказание: «ростом 2 аршина 6 вершков, имеет правой руки в локте сведение, бездействие которой произошло вследствие большого вывиха и неправильного сращения, нервную чресленную боль в правой ноге и слабое владение левой от повреждения через прострел берцовой кости…» (4, 1).

В Ведомостях о государственных и политических преступниках, составленных в 1849 году, указана дата приезда Порфирия Важинского в Курган – 28 октября 1832 года. Товарищи Важинского по несчастью - другие участники

восстания: Киприан Воронецкий, Игнатий Чарпинский, Каетан Закржевский и Франц Чернецкий (5, 58). Каетану Закржевскому и Порфирию Важинскому предписывалось поселиться в Смолинской волости, но «при близком расположении волости» они, как и другие ссыльные, остановились в Кургане (4, 6).

Порфирий Михайлович живет в городе уединенно, находится больше в своей квартире, «имеет по найму в стряпках из полячек ссыльную Магдалину и болезнею изуродованного по воле пришедшего с матерью сосланного в Сибирь крестьянского сына Матвея». Важинский выходит из дома очень редко и к своим только товарищам, государственным преступникам.

В Сибири получило резонанс так называемое «Омское дело» - подготовка к вооруженному выступлению участников польского восстания, служивших рядовыми в отдельном Сибирском корпусе. Декабрист Андрей Евгеньевич Розен в своих воспоминаниях пишет: «В конце 1834 года донесено было на ссыльных поляков, что они в Сибири составляют новый заговор… Заподозрены были и несколько человек из моих товарищей, но дело скоро объяснилось, обвиненные были оправданы» (8, 304).

Поначалу события приняли самый серьезный оборот. 16 октября 1834 года жандармский полковник Маслов написал на имя генерал-губернатора записку, в которой содержались серьезные обвинения в адрес бывшего повстанца. Его тревога была основана на данных другого ссыльного, Каетана Закржевского: «Живший начально с ним Закржевский рассказывал, что Важинский во время бывшей французской кампании был при Наполеоне исполнителем строгих и тяжких для человечества приказаний, имеет с своими соотечественниками, здесь, в Сибири, переписку и, получая, истребляет в тот же раз; ожидая милости монарха, с 30 августа проговаривал, что если не будет, то надо принять меры, но какия и в чем должны заключаться, не сказывал» (4, 2). Словом, и полковник, и его информатор обвинили Порфирия во всех грехах, в каких только могли. Маслов предположил, что Важинский занимается каким-то письмоводительством, а следовательно, и сам отсылает ответы на письма, приходящие ему из Сибири. Все это весьма подозрительно.

Каетан Закржевский тоже был участником Польского восстания. Родом он с Волыни, поместье Закржевских находилось в повете Луцком. В войске Польском Каетан дослужился до чина капитана, после чего ушел в отставку. В ноябре 1831 года, когда его край пришел в волнение, Закржевский в компании Богдановича принял участие в походе на Ковель. На основании конфирмации все того же командующего 1-й армией (которую 24 октября 1831 года утвердил российский император Николай I) сослан в Сибирь с утратой звания, прав состояния и имения (5, 122).

Зачем Закржевскому понадобилось «топить» товарища по несчастью? С уверенностью о причинах судить мы не можем. Каетан Закржевский находился в Курганской ссылке еще десять лет. Он получил разрешение возвратиться из Сибири «до губернских городов средней России» 31 декабря 1843 года. 30 января следующего года выехал с жандармами в Киев.

Порфирия Важинского взял под свою защиту курганский городничий. 22 ноября 1834 года он написал донесение исправляющему должность гражданского губернатора в Тобольск. Вот что сообщает городничий: «По учиненному мной тайному тщательному разысканию и разведанию за поведением ссыльного Важинского, ничего подозрительного не открыто. Живет он тихо, скромно и добропорядочно. В течение минувшего лета большею частию занимался в своем огороде около растительных огородных овощей, а осенью уборкою оных. Потом, купя несколько штук рогатого скота, поодиночке резал и в базарные дни продавал говядину, а с сала делал и теперь продолжает делать свечи и продает их нуждающимся по рознице, тем и проживается. В квартире своей находясь, письмоводительством никаким не занимается, к чему совершенно и способности не имеет, ибо неоднократно случалось мне видеть, что он писал по несколько дней одно письмо к жене на родину, и едва кое-как оное составил. Равным образом со своими соотечественниками здесь в Сибири переписки никакой, кроме получаемых чрез начальство писем, не читает, а потому вышеописанные подозрительныя и невыгодныя слухи насчет его, Важинского, дошедшие до сведения Его Превосходительства господина председательствующего в Совете Главного Управления Западной Сибири, – несправедливы» (4, 6об).

Из этого донесения следует, что курганский городничий часто встречался с Важинским, посещал его на дому. Вероятно, изувеченный ссыльный вызывал в нем сочувствие – ведь ни одно из подозрений жандармского полковника городничий даже косвенно, в виде предположения, не подтвердил. Это и неудивительно: городничий подполковник Федор Иванович Бурдзенкевич сам происходил из польской шляхты. Однако мы не можем упрекнуть его во лжи и измене долгу. Был снисходительным – да, милосердным – почему бы и нет?

Постепенно Порфирий Важинский освоился в незнакомом ему городе. Тем более, что в 1835 году сюда были переведены в ссылку Юлиан Росцишевский, затем Евстафий и Роман Хельминские, чуть позже – Казимеж Росцишевский. Они не только единомышленники, но и родственники Важинского. Всего же в Кургане с 1832 по 1857 год находились 16 польских политических ссыльных дворянского происхождения (5, 58).

А. Е. Розен рассказывал в своих мемуарах: «Кроме товарищей моих жили в Кургане несколько ссыльных поляков за восстание в 1830 году: Важинский, Раевский, князь Воронецкий…По безлюдным улицам Кургана часто слышны были пение или насвистывание национальной польской песни. 3 мая собирались они у себя торжественно и праздновали память Костюшки…» (8, 301).

Порфирий Важинский посещал гостеприимный дом Нарышкиных, дружески общался с Розеном, Назимовым, участвовал в проводах декабристов на Кавказ 21 августа 1837 года. Н. И. Лорер вспоминал: «Бедные поляки ходили грустные по городу, предчувствуя, что без нас они осиротеют…На первой станции мы еще раз тронуты были изъявлениями общего сочувствия. Все товарищи изгнания нашего, поляки, выехали заранее, чтобы проводить нас, и угостили нас ужином в первый и последний раз, ибо, конечно, мы с ними не увидимся в этом мире» (7, 180).

Порфирию Важинскому выпало прожить в ссылке еще очень долго. Только в 1856 году государственным преступникам, то есть участникам восстания 1830 – 1831 годов, была объявлена амнистия. Порфирий Важинский покинул Курган 12 февраля 1857 года.

Находясь в ссылке, П. М. Важинский дал обет: если Бог вернет его в родные места, он построит в Олянах каплицу (кладбищенскую часовню). Слово свое он сдержал. Это сооружение из красного кирпича и дикого камня сохранилось до наших дней. Рядом находятся родовые захоронения Важинских. В книге «Повет Ошмянский», изданной в конце XIX века, упоминаются прямые потомки Порфирия Важинского – его сын Леон и правнук Константин (2, 123).

Примечания

1. *Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневники. Статьи. Л.: Наука, 1979.*
2. *Янковский Чеслав. Повет Ошмянский. Варшава, б/г (на*

польском языке).
3. *История Польши, Т. 1. Л.: Наука, 1955.*
4. *Государственный архив Омской области, ф. 3, оп. 13, д. 17942.*
5. *Тальская О. С. Декабристы и ссыльные поляки в Кургане// Живы в памяти потомков. Курган, 2005.*
6. *Сливковская Виктория. Польские ссыльные в Российской империи в первой половине XIX века. Варшава, 1998 (на польском языке).*
7. *Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984.*
8. *Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1984.*

О.В. Кишкин
Курганский государственный университет, г. Курган

АНОМИЯ ПРИ PROIECTION ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ИНСТИТУТ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ (1861-1864 ГГ.)

Наличие конституционной основы форм политической власти (государственной и местного самоуправления) учитывающей исторический опыт (закономерности и случайности) формирования органов власти на местах позволяет системе местного самоуправления связать в единое целое гражданское общество.

Еще в дореволюционной историографии сложилось мнение, будто в западной науке существовали две теории самоуправления – общественная и государственная, впоследствии воспринятые и русской мыслью. К примеру, П.П. Гронский писал, что в России, как и в Германии, государственная теория, «победив общественную теорию, является господствующей в данный момент (1914 г.)» (1). Это мнение разделялось многими авторитетными историками права, а из их работ перешло в советскую историографию (2). В настоящее время трудно определить, когда впервые эти теории прозвучали в Российской науке.

Основоположниками государственной теории считаются Л. Штейн и Р. Гнейст (3). Штейн считал, что развитие общества неизбежно ведет к его распаду на две противоположности (собственников и несобственников), между которыми разгорается борьба. Примирение враждебных друг другу интересов и стремлений внутри гражданского общества возможно лишь путем их объединения в рамках высшего союза – государства. Оптимальной формой правления Штейн считал конституционную монархию, которая есть «самостоятельное государство в свободном обществе» и основана на разделении властей. Только такое государство способно мирно решить «социальный» и «рабочий» вопросы при сохранении системы частной собственности. В ней он видел «первую форму, в которой достигнет осуществления идея свободного управления, как организованного и полномочного участия граждан в функциях управления вообще и исполнения в особенности» (4). Реально это значило, что дела государственные должны стать делами всего общества, всех граждан. Опору для независимости самоуправления от бюрократии Штейн находил в присвоении его органам статуса юридических лиц публичного права, разрешающих свои споры с государством в судебном порядке . «Общественная теория, - писал Конкуров, - видит сущность самоуправления в предоставлении местному обществу самому ведать свои собственные интересы и в сохранении за правительственными органами заведования одними только государственными делами. Общественная теория исходит, следовательно, из противоположения местного общества государству, общественных интересов - политическим, требуя, чтобы общество и государство - каждое ведало только свои собственные интересы. Государственная теория, напротив, в самоуправлении видит возложенное на местное общество осуществление задач государственного управления, службу местного общества государственным интересам и целям. С этой точки зрения самоуправление предлагает не противоположение и обособление местного общества и государства, а призыв местного общества на службу государству. Согласно общественной теории, самоуправление есть самостоятельное осуществление местным обществом своих собственных интересов, согласно государственной теории - осуществление государственных интересов» (5).

Теоретически возможно было выработать общественную концепцию местного (земского) управления к началу проведения реформ 1861 г. Однако, следует отметить, что реформа сельского общественного управления, основанная на принципах включения общины в государственный механизм, апробировалась в отношении государственных крестьян с 1937 г. (реформа П.Д. Киселева), то есть достаточно длительное время. С другой стороны осуществлять новую концепцию самоуправления на местном (земском) уровне без какой-то практической проверки возможности ее сосуществования с сельским звеном управления было бы вдвойне опасно. Поэтому должно было сначала возникнуть некое звено управления в рамках теории государственного самоуправления, но в то же время оно должно несколько выходить за эти рамки (в этом смысле это звено промежуточное, среднее). Это звено должно было также осуществлять функции и по проведению крестьянской реформы (в определенный период). Оно должно было наладить мирные отношения помещиков с крестьянским миром. Таким образом, наиболее точное название данного звена (органов) во всех его значениях было бы (и стало) мировой посредник. Логично предположить, что до практической проверки, как будет действовать государственный механизм с данным звеном, не может быть утверждена ни одна концепция земского управления. В объяснительной записке к проекту Положения о земских учреждениях, направленной в 1863 г. в Государственный совет указано: «Земское управление есть только особый орган одной и той же государственной власти и от нее получает свои права и полномочия: земские учреждения, имея свое место в государственном организме, не могут существовать вне его» (6) и так далее. Но, одновременно, в том же самом документе, земские учреждения называются общественными, а то и частными, хозяйство их приравнивается к хозяйству частного лица, а компетенция ограничивается местными хозяйственными интересами, особыми «земскими» делами – словом взгляд на земство как институт негосударственный (7). Чем вызвано одновременное существование в проекте положений двух различных теорий? Верещагин А.Н. ставит вопрос несколько по иному: чем же объясняется такое противоречие? Отвечая на поставленный вопрос, он приводит следующую аргументацию. Комиссию по подготовке земских учреждений возглавлял сначала Н.А. Милютин (с марта 1859 г. по апрель 1861 г.), а затем Валуев. Взгляды Милютина были более благоприятны для земства..Милютин выражал мнение, что «земское управление, как чисто местное, очевидно не может и не должно нисколько касаться государственных дел, интересов государственной казны, ни суда, ни, наконец, полиции исполнительной, сего главного местного органа центральных учреждений. Вне этих отраслей собственно правительственной деятельности остается обширный круг местных интересов, большею

частью мелочных, так сказать обыденных и для Высшего правительства не важных, но составляющих насущную потребность местного населения» (8). Настаивая на необходимости «дать самое, по возможности, широкое развитие хозяйственной деятельности» земских учреждений, Милютин особо подчеркивал, что они не могут и не должны иметь характера политического; их значение собственно административное и вот почему нет причины, как я смею думать, основывать новый закон исключительно на недоверии или преувеличенных опасениях (9). Кроме того, он настаивал на расширении представительства в нем городских и крестьянских обществ (10). В разделе «Существо, степень и пределы власти земских учреждений» сказано, что этим учреждениям «должна быть предоставлена действительная и самостоятельная власть в заведовании делами местного интереса, нет надобности в участии правительственной власти, в прямом ее вмешательстве и влиянии на ход дел» (11).

«Что касается до отношений земских учреждений к прочим существующим правительственным местам и лицам, то земские учреждения, имея характер местный и общественный, очевидно не могут входить в ряд правительственных губерний или уездных инстанций, а потому не могут подлежать к инстанционному служебному подчинению или иметь в своем подчинении какие-либо из правительственных мест. Подчиняясь общим законам на том же основании, как отдельные общества и частные лица, земские учреждения, с другой стороны, имеют право на содействие и исполнение законных своих требований правительственными лицами и учреждениями» (12).

Гарантии защиты интересов «должны заключаться в надзоре Правительственной власти за законностью состоявшихся уже постановлений и в ответственности земских учреждений за незаконные и неправильные действия перед судебной властью» (13).

О взглядах Валуева на земское управление можно судить в частности по статье в «Северной почте» (июнь 1863 г.) и добавление к ее тексту, сделанное рукой Валуева. Ставя вопрос об отношении земства к государственному организму, автор статьи заявляет, что земское управление должно быть только особым органом одной и той же государственной власти: «Создавая земские учреждения, правительство не может создать государства в государстве, не может поставить эти учреждения вне государства, не может изъять их из тех условий, которым подчиняется вся государственная теория, и от того общего названия, которое устанавливается потребностями государства» (14).

«В основе предположений о земских учреждениях лежит децентрализационная мысль, - пишет Валуев, - но эта же мысль не направляется к ослаблению связи между частями и общим центром. Государственная власть не отделяет от себя земство, а привлекает к общему делу. Она видит в нем не соперника, а союзника. Земским учреждениям вверяется ближайшее попечение о тех интересах, которые на местах ощущаются живее, чем в центре, ближайшее заведование теми делами, которые могут быть направлены и разрешаемы лучше, чем из центра государственного управления» (15).

Существование двух проектов устройства земского управления привели к различным выводам об основах Положения 1864 г. Поначалу в историографии земства утвердилось мнение, будто в его основу легла общественная теория самоуправления (16). Затем в него внесена была поправка: якобы Положение получило свой окончательный облик в борьбе общественной и государственной теорий, но преобладание получила первая (17).

На наш взгляд, существование двух противоположных взглядов в проекте отражало последовательность политики балансирования между интересами служивого дворянства (бюрократии) и связанных с ним помещиков-феодалов, с одной стороны, и дворян, стремившихся к самостоятельной политической деятельности, с другой. Это противоречивое единство и послужило развитию российской государственности в 1864 году без изменения существа этой государственности. Здесь уместно привести высказывание Валуева: «Самодержавие должно оставаться неприкосновенным, но формы его проявления должны обновиться» (18). Если под термином «форма» (19) понимать внутреннюю организацию содержания, то Валуев политически и логически верно отразил существо преобразований.

Исследовав материалы по подготовке земской реформы, А.Н. Верещагин делает следующие выводы: «в объяснительной записке отразилась не борьба абстрактных «теорий», которых тогда и в помине не было, а скорее искусственный компромисс двух различных подходов внутри самой Комиссии, каждый из которых, имея в ней своих представителей, так и не смог одержать верх над другим. Впрочем, каковы бы ни были мотивы и устремления авторов реформы, это механическое соединение двух противоположных взглядов на земство замечательно тем, что как бы предвосхищает последующее отношение к нему самодержавного правительства: в разные моменты оно было склонно считать земство то общественным институтом, то государственным - смотря по обстоятельствам» (20).

Полагаем, что данный вывод (в части компромисса) не вполне соответствует действительному положению дел по следующим обстоятельствам: серьезность и можно назвать концептуальность просматриваются в проработке, обсуждении вопросов реформы; механическое соединение взглядов имело место по форме, но никак не по существу; а главное недостаточно объясняются обстоятельства изменения взглядов самодержавного правительства.

Государственное строительство в Российской империи традиционно велось самым серьезным образом (это касалось подготовки реформ). Не является исключением и земская реформа 1864 г. Очевидно, что реформа сельского управления (1861 г.) и земская (1864 г.) связаны. Очевидно также, что было бы безрассудством проводить земскую реформу без учета результатов проведения крестьянской реформы и реформы сельского общественного управления. Полагаем, что в этих результатах и следует искать основную причину, определившую, в конечном счете, направление земской реформы 1864 г. (Динамика крестьянского движения (21) в 1860-1864 гг. выглядела следующим образом: 1860 г. - 168, 1861 г. - 1859, 1862 г. - 864, 1863 г. - 509.

Число осужденных среди подсудимых крестьян было: в 1860 г. - 58%, в 1861 г. - 66%, в 1862 г. - 65%, в 1863 г. - 75%, в 1864 г. - 65% (22). Все это не могло не вызвать самую серьезную озабоченность правительства (23) и не повлиять на дальнейшую политику самодержавной власти).

Вызвал большую тревогу институт мировых посредников. Выступление тверских мировых посредников, когда либерально настроенное дворянство подвергло довольно резкой критике условия проведения крестьянской реформы (24). Все началось с того, что 12 декабря 1861 г. на губернском съезде мировых посредников в Твери были подвергнуты критике условия проведения крестьянской реформы. Местные власти не отреагировали на этот акт, и тогда на дворянском собрании 1 - 3 февраля 1862 г. на принятый «Всеподданнейший адрес Александру II» по поводу положения 19 февраля 1861 г. (25). «В Тверь отправлено 10 жандармских полковников с приличным количеством солдат, обер-прокурор Семенов, обер-секре-

тарь Сальков» (26). Решение об этом было принято 13 февраля на совещании у царя (27). 5 февраля 13 посредников (из числа бывших на общем собрании дворян) вкратце повторили то же, что уже было сказано дворянством 1-3 февраля (28), правительство велело арестовать именно этих выделившихся дворян. Власть решила наказать «главных зачинщиков», хотя 13 посредников ссылались на решение съезда, подписанное 112 дворянами. Тверское дворянство в чрезвычайном собрании 1 - 3 февраля составило прошение на имя императора, где были сформулированы следующие положения: несостоятельность закона 19 февраля, необходимость предоставить крестьянам землю в собственность; несостоятельность сословных привилегий; несостоятельность правительства удовлетворять общественные потребности; указать единственный и неизбежный путь: «собрание представителей от всего народа без различия сословий» (29). Общественное мнение было таково, что в данном случае «защита обвиняемых есть как бы обвинение правительства», которое «арестовало мировых посредников как политических преступников» (30). Заодно с реакционным министром юстиции действовал и министр внутренних дел П.А. Валуев, который сразу предлагал «арестовать главных зачинщиков, доставить их в Санкт-Петербургскую крепость и предать суду сената» (31). После пятимесячного заключения в Петропавловской крепости мировые посредники Тверской губернии были приговорены Сенатом к заключению в смирительном доме от двух и более лет.

Анализ изложенных материалов их сопоставление приводит нас к выводу, что бюрократия осознала опасность для себя желания части общества провести земскую реформу на принципах самоуправления, приложила усилия к самосохранению и в силу событий, происходящих в стране в результате проведения реформ 1861 г., которым было придано огромное политическое значение, дальнейшее развитие общественного направления в земском управлении стало невозможным. Эти события значительно снизили роль института мировых посредников.

Примечания

Anomie-отсутствие закона.Несоответствие,разрыв между универсальными целями и ожидаемыми одобряемыми в данном обществе,и социально приемлемыми «санкционированными» средствами их достижения…ФЭС.М., 1983. С.25.

1.Цит. по А.Н. Верещагину. Земский вопрос в России (политико-правовые аспекты). М., 2002. С. 32.

2.См., например, Гессен В.Н. Вопросы местного управления. М., 1904.С. 121; Лазаровский Н.И. Самоуправление// Мелкая земская единица. – СПб., 1903 г.; Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.С. 4-5.

3. См., например, Верещагин А.Н. Указ. соч. С. 33.

4. См.: Верещагин А.Н. Указ. соч. С.36.

5. Конкуров Н.М. Русское государственное право. СПб., 1899, Т.2. С. 265-266.

6. Материалы по земскому общественному устройству. СПб., Т.2. С. 356.

7.Там же, С. 357, 380, 384. 8. Цит. По Верещагину А.Н. Указ. соч. С. 27.

9. Там же С. 25.

10. Там же С. 25.

11. Материалы по земскому общественному устройству. Т. 1. С. 144.

12. Там же С. 146.

13. Там же С. 145.

14. Северная почта, 1863, № 140-142.

15. Там же.

16. Свешников М.И. Основы и пределы самоуправления. СПб., 1892, Ч. 1, С. 129-132.

17. Авинов Н.Н. Главные черты в истории законодательства о земских учреждениях// Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 4, 7, 8, 14.

18. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. М., 1961, Т.2.С. 143.

19. ФЭС. 1983.С. 621.

20.Верещагин А.Н. Указ. соч. С. 31.

21.Крестьянское движение в России в 1857-1861 г. М., 1964. С. 736. Крестьянское движение в России в 1861-1869 гг. М., 1964.С. 800.

22. Опыт изучения крестьянского движения в России. М., 1962.С. 80.

23. Там же. С. 76.

24. См.: Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.

25. См.: Корнилов А.А. Крестьянская реформа. СПб., 1905. 26 Цит. по Д.М. Легкий. Право и политика, 2002, № 2.С. 106.

27.Там же.

28. Там же.

29. Там же.

30. Там же. С. 107.

31. Дневник П.А. Валуева. М., 1961, Т. 1. С. 146.

И.А. Попп
Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург

СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1873–1889 ГГ.): К ПРОБЛЕМЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО ЦЕНЗА СУДЕЙ

Реформа 20 ноября 1864 г. была направлена на развитие демократических основ в российской судебной системе. Однако она разрабатывалась в условиях сословного строя и традиционного мышления основной части общества. Поэтому в судебных уставах Александра II существовали статьи, авторы которых пытались не допустить в юстицию «простолюдинов».

Прежде всего, это касалось судебно-мировых учреждений. Еще на этапе разработки судебных установлений «О мировых судьях и их съездах» преобладало мнение о том, «чтобы выбор мировых судей был предоставлен дворянам, имеющим значительное состояние…, чтобы мировые судьи выбирались только из землевладельцев…» (4, 94). В итоге эти пожелания были во многом восприняты и привнесены в уставы.

Мировые судьи формально избирались справедливо, «всеми сословиями в совокупности», выборы проходили в земских собраниях. Однако в законодательстве установили определенные цензы: нижний возрастной, образовательный или служебный, имущественный (13, 2–6). Поэтому «многие заинтересованные в избрании мировых судей, но не подходящие под … избирательный ценз» были «устранены от выборов» (4, 115).

Особое внимание судебные установления уделяли имущественному цензу кандидатов в мировые судьи. Четыре статьи в законе (ст. 19 п.3; 20; 21 п.3, 4; 28) были посвящены всестороннему рассмотрению материального достатка будущего судьи (13, 4-7). Кандидаты в мировые учреждения или их ближайшие родственники должны были владеть землей «вдвое против того, которое определено для непосредственного участия в избрании гласных в уездные земские собрания» или другим недвижимым имуществом не ниже 15 тысяч рублей, а в городах – недвижимой собственностью, оцененной для взимания налога: в столицах не менее 6 тысяч, в прочих – не менее 3 тысяч рублей (13, 4). Кроме того, мировой судья не мог быть несостоятельным должником и состоять под опекой за расточительность (13, 5).

В частности, для Екатеринбургского судебно-мирово-

го округа вполне подходящим материальным содержанием считалось владение в г. Екатеринбурге домом, оцененным в 3600 рублей. Возможен был и другой вариант: дом и усадебное место в г. Казани, стоимостью в 1500 рублей, и земля в уезде в количестве 300 десятин. Такой «смешанный ценз удовлетворял требованиям закона» (8, 87).

В отличие от образовательного ценза, наличие которого не гарантировало от проникновения в мировую юстицию малообразованных кадров, имущественный ценз тщательно отсеивал всякого, кто ему не отвечал. Это вполне соответствовало сословной политике, поскольку разработчики судебной реформы хотели «видеть в лице мировых судей преимущественно местных землевладельцев–помещиков» (17, 212), которые традиционно оказывали поддержку трону.

Однако эти надежды правительства во многом не оправдались. Так, в северо-восточных губерниях, включая Пермскую, зачастую «совсем не было дворян, которые могли бы составить достаточный и благонадежный контингент…» (1, 357). Даже мировые посредники, состоявшие в основном из образованных дворян, без имущественного ценза могли быть выбраны в мировые судьи только единогласно (14, 60). Таким образом, из-за недостатка кандидатов с подходящим имущественным цензом в большинстве уездов Пермской губернии выбор судей осуществлялся по принципу «на безрыбье и рак рыба, на безлюдье и Фома дворянин».

Анализ источников по Пермской губернии показывает, что именно имущественный ценз становился самым тяжелым барьером для кандидатов в мировые судьи. Возникало множество недоразумений и препятствий для действительно достойных людей. Поэтому уральская общественность желала, чтобы посты мировых судей «занимали люди с университетским образованием, и если бы такие нашлись и изъявили желание баллотироваться, можно и не особенно строго относиться к отсутствию имущественного ценза – избрать их единогласно» (11, 609).

Действительно, разработчики судебной реформы предусмотрели вариант, при котором независимо от цензов в мировые судьи мог попасть почти любой человек. Но для этого было необходимо, чтобы гласные земского собрания «закрытой подачей голосов» единогласно избрали кандидата. В законе это звучало вполне пристойно: эти лица «приобрели общественное доверие и уважение своими заслугами и полезной деятельностью» (13, 8). На самом деле земства пользовались этой формулировкой, когда не было подходящих кандидатов. При этом выбирали в участковые мировые бывших губернских и коллежских секретарей, купцов, полицейских чиновников, заводских подрядчиков, содержателей питейных заведений и ходатаев по делам (18, 177–181). Образование этих людей оставляло желать лучшего.

В редких случаях земства, применяя этот закон, выбирали наиболее подходящего кандидата на ответственный пост мирового судьи. В частности, 22 января 1889 г. в участковые мировые судьи по Ирбитскому судебно-мировому округу среди прочих был избран Сергей Львович Нагибин, действительный студент Казанского университета (2, 22 об.). Однако Сенат не утвердил его в этой должности, распорядившись проверить «сведения о том, состоит ли Нагибин единственным наследником к недвижимому имению, принадлежащему его матери и показанному в виде его имущественного ценза, или же… имеются наследники кроме него» (2, 20 об. – 21).

В итоге С.Л. Нагибин так и не был утвержден Сенатом в должности мирового судьи, так как его имущественный ценз в момент избрания не удовлетворял требованиям закона (3, 16). Эта сенатская проверка длилась больше года и, вероятно, всем порядком надоела. Поэтому земские гласные 16 марта 1890 г. выбрали Нагибина на пост участкового мирового судьи единогласно (3, 9 об.). Таким образом, Ирбитское уездное земское собрание, избрало в судьи того, кто, по мнению гласных, больше всех подходил к исполнению этой должности.

Но такие случаи были скорее исключением, чем правилом. В основном кандидаты с недостаточным имущественным цензом на тайных выборах в земских собраниях оказывались не избранными. Например, в мировые судьи в Екатеринбургском уезде в 1887 г. баллотировались Кавшевич-Матусевич и Размахнин. У обоих имелись подходящие образовательные цензы, а у г. Размахнина – еще и служебный. Однако Кавшевич-Матусевич сумел предоставить в виде имущественного ценза землю в размере 700 десятин, принадлежавшую его матери и причитавшуюся ему по наследству. В результате, Кавшевич-Матусевич занял пост мирового судьи, а Размахнин при том же количестве избирательных шаров, поданных за него гласными (30 избирательных и 11 неизбирательных) оказался не выбранным (12, 155).

Многие кандидаты в мировые судьи, связанные с юстицией долгие годы, по вышеизложенным причинам не могли попасть даже в почетные мировые судьи (неоплачиваемая должность на общественных началах). Так, Екатеринбургскому уездному земскому собранию в 1878 г. были предложены три кандидата на должности почетных мировых: председатель собрания Скоров, судебные следователи Чиж и Цервитский. При тайном голосовании Скоров получил 25 избирательных и 4 неизбирательных, Чиж – 24 и 5, а Цервитский – 28 и 1. В итоге только Скоров оказался в должности почетного мирового судьи, остальные кандидаты, как не имевшие имущественного ценза отсеялись (6, 121).

Не утверждались мировыми судьями и лица, которые приобрели имущественный ценз уже после выборов. Сенат был неумолим: «приобретение коллежским секретарем Соколовым имущественного ценза после его баллотировки не может служить основанием к утверждению его в должности участкового мирового судьи…» (15, 3).

Сведения об имущественном цензе проверялись очень строго. В частности, выбранному мировому судье надворному советнику Михаэлису Шадринского судебно-мирового округа не поверили, что его мать владеет в Шлиссельбургском уезде Санкт-Петербургской губернии 30 десятинами «плитных ломок», оцененных ею в 80000 рублей. Поэтому Сенат поручил пермскому губернатору представить дополнительные сведения» (16, 14).

Имущественный ценз был настолько важен, что дело доходило до абсурда. Например, в 1878 г. мировой судья 8 участка Екатеринбургского судебно-мирового округа сильно заболел и в течение года не мог выйти на работу. Судья 9 участка, замещавший больного, запустил судебные дела в обоих участках. Поэтому многие гласные земского собрания просили съезд (т.е. своих коллег) выбрать запасного мирового судью. Они даже нашли подходящую кандидатуру Сысоева, который получил юридическое образование в Казанском университете, но не успел собрать сведения об имущественном цензе. Гласные утверждали, что «он должен быть избран единогласно», что «необходимо иметь хотя бы одного запасного мирового судью», что «выбор запасного мирового судьи действительно необходим. Население наших двух участков бедствует». Однако в результате тайного голосования Сысоев не был выбран, т.к. 2 из 28 гласных (!) проголосовали против его избрания (7, 141–142). Таким образом, выявленная практика показывала на неэффективность статьи закона, требовавшего материального достатка для мировых судей.

Однако самодержавие, мыслившее в полукрепост-

нических, феодально-бюрократических рамках, не прислушалось к уральской общественности: «вполне возможны случаи выбора в мировые судьи лиц, не вполне достойных. Но причину того искать надо в требованиях закона относительно обладания высоким имущественным цензом» (10, 131). Царизм не учел и мнение столичных авторитетных деятелей, которые утверждали, что завышенный имущественный ценз – это путь к фиктивным цензам и «служебное положение судьи, избранного по мнимому цензу, всецело зависело от каприза его благодетелей…» (5, 21, 28). Они же предлагали понизить имущественный ценз для мировых судей хотя бы до «ценза равного цензу гласного» (9, 93).

В результате, имущественный ценз, необходимый, якобы, для финансовой независимости судей, не отвечал общечеловеческим принципам справедливости. Он был одним из многочисленных факторов, задерживавших процесс модернизации судебной сферы и всей российской общественно-политической системы. Этот угнетающий ценз просто мешал работе мировых судей. Вместо того чтобы эффективно работать (быстро решать мелкие уголовные и гражданские дела), он ждал всестороннего рассмотрения его кандидатуры Сенатом. Это положение особенно усугублялось в провинции.

Считаем, что высокий имущественный ценз стал одной из важных причин существенного падения авторитета российской мировой юстиции, не оправдавшей многих возлагавшихся на нее ожиданий. Это во многом предопределило ее замену земскими начальниками в 1889 г.

Примечания

1. *Богатырева О.Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург, 2004.*
2. *ГАСО. Ф. 633. Оп. 1. Д. 425.*
3. *ГАСО. Ф. 633. Оп. 1. Д. 433.*
4. *Гессен И. В. Судебная реформа. СПб., 1905.*
5. *Городыский Я.К. Причины недостатков нашего выборного мирового института //Право. 1899. № 45.*
6. *Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания VIII очередной сессии (1877 г.) и Доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1878.*
7. *Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания IX очередной сессии (1878 г.) и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1879.*
8. *Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXIII очередной сессии (1892 г.). Екатеринбург, 1893.*
9. *Замечания С.- Петербургского столичного мирового съезда по вопросу о выборности мировых судей //Выборный мировой суд: Сб. ст. СПб., 1898.*
10. *Екатеринбургская неделя. 1882. № 9.*
11. *Екатеринбургская неделя. 1882. № 40.*
12. *Екатеринбургская неделя. 1887. № 8.*
13. *Общее учреждение судебных установлений //Судебные уставы императора Александра II, изданные по повелению императора Александра Александровича. СПб., 1883.*
14. *О порядке производства выборов мировых посредников в мировые судьи на первое трехлетие //Сборник Пермского земства. Пермь, 1873. Июль, Август.*
15. *По выбору мировых судей Пермским уездным земским собранием на первое трехлетие //Сборник Пермского земства. Пермь. Т. IV. 1877.*
16. *По выбору мировых судей Шадринским уездным земским собранием на второе трехлетие //Сборник Пермского земства. Пермь. Т. IV. 1877.*
17. *Полянский Н. Мировой суд //Судебная реформа. М., 1915.*
18. *Попп И.А. Проблема кадров для мировой юстиции Пермской губернии в 1873–1889 гг. (по материалам «Екатеринбургской недели») //Россия в мировом сообществе цивилизаций: история и современность: Сб. ст. Пенза, 2006.*

С.Г.Федоров
Курганский государственный университет, г. Курган

КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В историографии довольно дискуссионными остаются вопросы: каких составных больше в кооперативном движении: социалистических или капиталистических, являлась ли кооперация ответом традиционализма на модернизационные процессы, происходившие в России на рубеже XIX-XX веков или кооперация была неотъемлемой частью этих процессов.

В начале XX века на страницах кооперативных газет, журналов начинает пропагандироваться идея «кооперации, которая должна была поднять благосостояние сибирского крестьянства и ликвидировать нищету в корне». Это, по замыслам апологетов «кооперативного социализма», исключило бы в будущем любые классовые противоречия в деревне. Так, томский профессор М.Н. Соболев писал: «Путем кооперации перестраивается экономическая мотивация, и подготавливаются элементы более совершенного экономического строя на началах общественности» (2, 60). Эсер Н.В.Фомин писал в журнале «Сибирская кооперация»: «Кооперация это, прежде всего определенный своеобразный метод социализации народного хозяйства» (17, 6). Однако противоречивость идеологов «кооперативного социализма» проявилась в том, что они были вынуждены признать в некоторых сторонах деятельности кооперативов их капиталистический характер и природу.

М.И. Туган-Барановский утверждал, что доход кооперативного предприятия принципиально глубоко отличен от капиталистической прибыли: «Правда, элементы прибыли могут примешиваться к доходу кооперативов, но они являются инородными в природе этого дохода, явлением ненормальным, препятствующим кооперативу достигать своих основных целей, началом капиталистического выражения кооператива» (3, 5-6). В другой работе «Экономическая природа кооперативов и их классификация» М.И. Туган-Барановский заявляет: «Мелкобуржуазная кооперация тяготеет к чисто капиталистической организации и нередко при благоприятных условиях испытывает капиталистическую метаморфозу – превращается в капиталистическое предприятие… И помимо юридической формы и внутренняя экономическая природа кооператива имеет много общего с капиталистическими предприятиями» (22, 502).

В 1918 году этот же автор писал: «Современная кооперация лишь в принципе является свободным хозяйственным союзом, в реальной действительности опирается на насилие, подобно капиталистическому предприятию… В основе кооператива лежит не только частная собственность, но и капиталистическая эксплуатация труда. Так, проценты на капитал, наемный труд, - что это, как не элементы капитализма?» (21; 3,9).

Не следует рассматривать российское кооперативное движение как особое уникальное явление российской исторической действительности, присущее только ей. Ряд авторов считает, что «чрезвычайно быстрое распространение кооперативных форм было защитной реакцией общинно организованной деревни на усиление рыночных отношений и развитие капитализма. Так община приспосабливалась к новым рыночным условиям хозяй-

ствования» (14, 14). Но артельная (или кооперативная) форма ведения хозяйства зародилась на Западе и за очень короткий срок доказала свое право на существование, наглядно показала свои преимущества перед частной формой в данных исторических условиях. История кооперативного движения ряда стран - Дании, Англии, Германии, опередивших Россию в модернизационном развитии, свидетельствует, что кооперация явилась следствием экономической необходимости, и если даже первоначально кооперация была ответом (вызовом) на модернизацию, то постепенно кооперативное движение трансформировалось, превращаясь в составную процессов модернизации. Так, например, «из трех основных типов кооперативных обществ (производительных, ссудосберегательных и производительных товариществ) преимущественное распространение получили: в Англии и во Франции - общества потребителей, в Германии и Италии – кредитные. Что касается производительных обществ, то наибольшее число попыток к устройству их было сделано во Франции» (18, 157).

На наш взгляд, и крестьянская кооперация в России на рубеже XIX-XX веков, несмотря на существенные и значительные особенности, имела очень много общего с кооперацией западной и была частью российской модернизации. Приведем свои доводы.

В организации кооперативного маслодельного движения проявили заинтересованность не только община, но и лица, владевшие капиталами: прежде всего купцы, землевладельцы, капиталистые крестьяне, заинтересованные в получении прибыли. Именно они были пионерами в этом деле в нашем регионе. Местный землевладелец А.Ф.Памфилов первый устроил сыроваренный завод и маслодельные заводы в Тюменском округе, около г. Тюмени, в своем имении. В 1894 г. в Курганском округе санкт-петербургский купец А.А.Вальков открыл два маслодельных завода в с. Утятском, Утятской волости и с. Галишеве, Менщиковской волости. С.Ю.Витте писал в 1904 г.: «Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности... Община и кооперативный союз резко отличаются друг от друга по своей экономической и правовой структуре» (4, 188). Инициатором создания в 1907 г. Союза маслодельных артелей выступил курганский купец А.Н.Балакшин. К 1906 г. частные и артельные заводы в Южном Зауралье существовали примерно в равных пропорциях: 2215 –артельных и 2014-частных (12, 143). Более того, «со временем почти все артели перешли в руки частников («частному предпринимателю выгодно фигурировать в артельной шкуре» - писали газеты). Как говорили, под кооперативным флагом рождалась в России буржуазия - из артелей возникло несколько тысяч частных маслоделен» (14, 17).

Большую роль в организации кооперативного движения, как впрочем, и в модернизации в России сыграло государство. «Само правительство, а за ним и лучшие люди общества стали оказывать покровительство артелям и содействовать их устроению» (20). К числу мероприятий, проведенных правительством, можно отнести открытие в 1902 г. «Организации по устройству маслодельных артелей в Западной Сибири», а также организацию Департаментом земледелия для развития и улучшения маслодельческой промышленности шести испытательных лабораторий по молочному хозяйству. Большую роль в пропаганде и развитии кооперативного движения в Южном Зауралье сыграли такие государственные лица как Тобольский губернатор Н.М.Богданович и инструктор молочного хозяйства В.Ф.Сокульский.

Одновременно с артельной кампанией в России началось создание потребительских обществ и ссудосберегательных товариществ (к началу 1880-х годов их было около тысячи). Эти товарищества имели неограниченную ответственность, отвечали за долги личным имуществом и потому им доверяли и вкладчики, и кредиторы. Особенно выгодными кредитные товарищества оказались средним крестьянам. В ходе революции 1905 г. Государственный банк открыл таким кооперативам кредит в 20 млн рублей. Вообще, роль государства в кредитных кооперативах, в отличие от Запада, в России была очень велика (это даже называлось «русской системой»). Такой кредит был весьма эффективным, он выдавался под 6% годовых в размере 100-200 рублей. В 1910 г. Госбанк списал безнадежных долгов на 194 тыс. рублей, а процентов по ссудам получил более 2,5 млн рублей. В годы столыпинской реформы кредитные товарищества стали крупными покупателями земли, с ними так или иначе была связана примерно треть населения России. В 1908 г. на I Всероссийском съезде работников кооперации было решено создать большой банк. В 1911 г. был учрежден Московский народный банк, 90% акций которого приобрели кооперативы. Он координировал деятельность кооперативов, давал им кредиты и гарантировал их займы. Его оборот вырос к 1916 г. до 1,2 млрд рублей (14, 18).

Как и модернизация, кооперация имела под собой техническую основу, без которой невозможно их возникновение и развитие. Развитию русского маслоделия способствовал прогресс молочнохозяйственной техники, в частности, появление ручных сепараторов. Оно ускорило процесс отделения сливок от молока на 200-300% и уменьшило расход молока на пуд масла, улучшило его качество (19, 26). Применение сепаратора позволило концентрировать переработку молока в одних руках, расширить производство. Это обусловило изменение технологии производства и появление маслодельных заводов. Наконец, важнейшим толчком в дальнейшем развитии кооперативного движения и «масляной горячке» в нашем регионе было проведение Сибирской железной дороги, связавшей Сибирь с центральной Россией. Железная дорога позволила выйти сибирскому маслу не только и не столько на европейский рынок России, сколько на внешний зарубежный рынок. Кроме того, развитие путей сообщения способствовало стремлению кооператоров выйти на рынок, как внутренний, так и внешний, без «помощи» посредников, о чем наглядно свидетельствует создание Союза маслодельных артелей. Если в 1901-1905 гг. из России было вывезено 2326 тыс. пудов масла, то 1612 тыс. пудов из этого количества было из Сибири, что составило 69,3%; 1906-1910 гг. из России было вывезено 3387 тыс. пудов, из них из Сибири – 3113 тыс. пудов, т.е. 91,9%. В целом же сибирское масло занимало по стоимости 4 место в экспорте всех сельскохозяйственных товаров из России, после хлеба, льна, леса (1, 318).

Втягивание южнозауральского крестьянского хозяйства в рыночные отношения даже посредством кооперации способствовало, как и в целом, модернизационные процессы разложению общины и расслоению крестьянства. На одно крестьянское хозяйство, вступившее в кооперативную маслодельную артель, приходилось в среднем 5 коров (5). Это говорит, что имущественное положение крестьян, занимавшихся кооперацией, было достаточно высоким. Естественно, кооперация не создала, да и создать не могла классового мира в деревне. Есть основание полагать, что «беднота» (1-2 коровы) была выброшена за борт более крупными хозяевами. Последних устраивали более низкие цены на молоко, чего не желали малоимущие крестьяне. Возникали на этой почве и открытые стычки между членами артелей, что отмечают в своих отчетах инструкторы Союза, посещавшие артели (6).Таким образом, идея, что артель станет выравнивать

экономический уровень крестьянских хозяйств, на практике во многих случаях не осуществлялась.

Социальное расслоение деревни, в котором кооперация сыграла немаловажную роль своеобразно отразилось на менталитете зауральского крестьянина. К маслозаводу крестьяне относились подозрительно, называли его «молоканкой» и видели в нем нечистую силу, которая выходит из машины и «портит коров и телят». Обрат, вышедший из машины считали «опоганенным» и в пищу не употребляли, даже масло, сделанное на своем артельном заводе, долгое время считалось «нечистым», для себя артельщики били масло руками (15, 31). В крестьянах рождалось убеждение, что все их несчастья происходят от маслоделия, как проявления через машины нечистой силы. Это привело к возникновению своеобразного «луддисткого» движения в нашем крае, которое как мы помним, является прямым следствием модернизации. «Крестьяне увидели, что маслоделие приносит им не только одну выгоду, но и вред, истощая их семьи. Недовольство крестьян доходило даже до открытого бунта, во время которого было разбито несколько «молоканок» (13, 64).

И, наконец, кооперация оказала существенное влияние на развитие правовых отношений в Южном Зауралье, втягивала крестьянина в их новую сферу. В волостных судах южнозауральского региона значительно возросло количество исковых заявлений и судебных решений, связанных с развитием кооперативного движения. В этих судебных разбирательствах ответчиками и истцами выступают и маслодельные артели, и крестьянские общества, и сами крестьяне - кооператоры. Приведем несколько примеров.

В 1907 году Глядянская маслодельная артель обратилась в волостной суд с иском к крестьянину села Дубровное Петру Семенову Черепанову. Иск на сумму в 50 рублей заключался в следующем: «Петр Черепанов самовольно отошел от Глядянской маслодельной артели в другой завод вместе со своим хозяйством». Ответчик имел десять коров, оцененные истцами в 5 рублей каждая. Волостной суд иск утвердил, ответчик пытался обжаловать решение суда. Но уездный съезд крестьянских начальников подтвердил решение волостного суда (7). Данный пример примечателен еще и тем, что ставит под сомнение действие в Южном Зауралье одного из признаков кооператива - свободное вступление и выход из артели.

18 декабря 1907 года крестьяне Петр и Федот Фатеевы-Колташевы обратились в волостной суд с иском на сумму в 10 рублей, которые им не додал Глядянский артельный завод за сданное молоко. Ответчик - доверенный от Глядянского артельного завода показал, что истцы сдали на завод испорченное молоко. Свидетели подтвердили показания ответчика. Просителям в иске было отказано. Однако, Курганский съезд крестьянских начальников после обжалования Колташевыми отменил решение волостного суда и отправил его на пересмотр в другом составе судей (8).

20 февраля 1910 года волостной суд рассматривал гражданское дело между Разломайским и Глядянским маслодельным товариществами, с одной стороны, и Глядянским маслодельным заводом, с другой. Завод оказался должным товариществам «за маслодельные инструменты» 80 рублей. Иск истцами был доказан и утвержден в пользу маслодельных товариществ (9).

Кооперация в Зауралье имела специфическую черту - слияние производственной сельскохозяйственной кооперации и потребительской в одно целое. При артельных маслозаводах создавались лавки для выдачи членам артели кредита или расчета с кооператорами. Как правило, расчеты проводились промышленными и продуктовыми товарами, необходимыми для быта и ведения крестьянского хозяйства. Очень часто крестьяне не могли расплатиться за взятые кредиты и становились ответчиками в волостных судах по исковым заявлениям кредиторов – лавочников (10).

Таким образом, кооперативное движение в Южном Зауралье носило многие характерные черты модернизационных процессов (цели, организация, протекционизм, технологическая основа, социальные и правовые последствия) и являлось их составной частью.

Кроме того, развитие новых форм хозяйствования в Южном Зауралье заставляло вступать крестьян в новые виды правоотношений, что, несомненно, приводило к росту правосознания крестьянства Западной Сибири. Гражданские хозяйственные споры уже не решались крестьянами на традиционно – бытовом уровне с помощью обычно – правовых норм. Разрешение своих хозяйственных споров – конфликтов крестьяне теперь стремятся перенести в сферу официально-нормативного права. И хотя гражданские иски крестьян первоначально рассматривались низшей судебной инстанцией – волостными судами, специально созданными для крестьянства, крестьяне всегда имели возможность опротестовать решение волостных судов в более высоких судебных инстанциях.

Вовлечение крестьянства в кооперативное производство есть огромный шаг вперед, есть развитие капиталистических модернизационных отношений, которые являлись несравненно более прогрессивными, чем традиционно – патриархальные. И хотя для артельных форм организации труда, бытовавших в Зауралье, характерно наличие патриархальных форм эксплуатации «чужаков» и неполноправных членов артели (11), на наш взгляд, утверждения, что кооперация была «областью добуржуазных отношений» или представляла собой «крестьянский социализм при капитализме» являются не вполне обоснованными (16, 190). В условиях капитализма кооперативы представляют собой коллективные капиталистические предприятия, так как главный источник их прибыли и формирования кооперативной собственности – часть прибавочной стоимости. Капиталистическая кооперация была одним из способов вовлечения мелких товаропроизводителей или потребителей в систему рыночных капиталистических отношений и одновременно одной из форм их борьбы против эксплуатации торговых посредников, перекупщиков, ростовщиков и промышленных капиталистов.

Примечания

1. *Асалханов И.А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск, 1975.*
2. *Вестник кооперации. 1911. №3.*
3. *Вестник кооперации. 1912. №1.*
4. *Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.2.*
5. *ГАКО. Ф.154. Оп.1. Д.4. Л.26.*
6. *ГАКО. Ф. 154. Оп.1. Д.19. Л.51.*
7. *ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д. 255. Л. 274-278.*
8. *ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д. 255. Л. 113-115.*
9. *ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д. 332. Л. 53.*
10. *ГАКО. Ф.129. Оп.1. Д. 255. Л. 2,5, 8-12, 27-29, 109-110, 235-239, 307-309; Д. 331. Л. 77-78, 120-121, 143, 144-145, 159,171, 173, 187; ГАГШ Ф.25. Оп.1. Д.451. Л.23-25, 73-74, 115-117; Ф.16. Оп.1. Д.571. Л.62-64, 83-85.*
11. *ГАКО. Ф. 149. Оп. 1. Д.67. Л.19-24. Ф.154. Оп. 1. Д.41. Л.17; Зиновьев В.П. Артель в дореволюционной Сибири // Проблемы социально-экономического развития и общественной жизни России (XIX- начало XX вв.). Омск, 1994.*
12. *Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семенова О.Г. Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994.*
13. *Западная Сибирь, Тобольская губерния и Томск / Под ред. М.М. Петрова. Томск, 1908.*
14. *Кара-Мурза С. Советская цивилизация. М., 2002. Кн.1.*
15. *Мурашкинцева А.А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири. СПб., 1902.*

16. *Свищев П.А. Южное Зауралье в конце XIX- начале XX в. // История Курганской области (1861-1917 гг.). Курган, 1996. Т.2. С. 190; Емельянов Н.Ф. Указ. Соч.*
17. *Сибирская кооперация. 1919. №1.*
18. *С. и Р. Кооперация: Энциклопедический словарь. СПб., 1890.Т.16.*
19. *Пляшкевич А. Маслоделие в Сибири // Сборник материалов к изучению сельского хозяйства в Сибири. Вып.2. Новониколаевск, 1924.*
20. *Тобольские губернские ведомости. 1895. № 82.*
21. *Туган-Барановский М.И. О кооперативном деле. М., 1918.*
22. *Туган-Барановский М.И. Экономическая природа кооперативов и их классификация. М., 1914.*

В.А. Кислицын, А.А. Стороженко
Курганский государственный университет, г. Курган

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИМ МИРОМ И СЕЛЬСКИЙ СХОД В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

С точки зрения поддержания и совершенствования социальных отношений в крестьянской общине, регуляции повседневной жизни крестьянина со стороны государства и реализации новых правительственных установок большое значение во второй половине XIX – начале XX вв. имела система крестьянского управления.

Устройство «мирского» самоуправления у русских крестьян Сибири подчинялось требованиям Общего положения о крестьянах. Крестьянам предоставлялось право «составлять по делам хозяйственным сельского общества», которые имели право решать, наряду с хозяйственными, вопросы административные и фискальные.

В Общем положении о крестьянах было определено, что сельское общественное управление составляли:

1)сельский и семейный сход;

2)сельский староста.

Допускался выбор других должностных лиц по усмотрению членов сельского общества. Право участия в сельских сходах имели крестьяне-домохозяева с 25-летнего возраста. Права голоса были лишены безземельные крестьяне и батраки, а также лица, состоящие под судом и следствием, отданные под надзор полиции или общества, временно устраненные самим обществом от участия в сходах.

Законодательно были определены вопросы, которые подлежали ведению сельского схода (1,243). Это были вопросы, которые можно разделить на три группы: 1) административные, 2) фискальные, 3) хозяйственные.

В данной статье подробнее остановимся на административной функции, так как она непосредственно касается управления крестьянским миром.

В законе указывалось, что сельские сходы могли принимать приговоры только по предметам, подлежащим их ведению, иначе приговор признавался недействительным, а лица, виновные в его составлении, подвергались наказанию со стороны администрации.

Административные вопросы включали в себя вопросы о выборе сельских должностных лиц, учет их деятельности и назначение выборным лицам крестьянского управления жалованья или иного вознаграждения за службу. Законом определялось жалованье крестьянским выборным и должностным лицам: старосте – 10 рублей, писарю – 15 рублей, старшине – 10 рублей (2, 672-677). Реально сумма выплачивалась на местах и была несколько ниже, так как деньги эти полагалось собирать с крестьян - членов общины. Так, например, сельский староста Островского сельского управления в 1868 году получал в месяц 9 руб., сельский писарь – 5 рублей 42 копеек (3, 2 об., 4 об.). Кроме того, должностные лица освобождались «лично» от всех мирских нарядов и работ. Другие же выборные на сельских сходах не оплачивались, лишь сборщики податей освобождались от части негосударственных налогов.

В донесении Челябинскому окружному начальнику находим: «…следует сделать дополнение по писарям: «живут исключительно одним только жалованием, не занимаясь работами крестьянскими, то, чтобы содержать себя, производят непозволительные поборы с крестьян при исполнении дел общественных и частных, и, сверх того, устраняется проволочка дел, которые при недостатке содержания весьма часто служат как средство к вымогательству» (4, 19).

Из этого можно сделать вывод, что даже в самом низшем звене крестьянского управления - сельском сходе – существовало взяточничество и волокита при решении важных вопросов жизнедеятельности крестьян.

К административным вопросам, решаемым на сельском сходе, относилось удаление крестьян из общества или временное устранение от участия в сходах, увольнение из членов общества и прием новых членов сельского общества. Так, например, 20 октября 1862 года на сельском сходе Троицко-Салтановского общества слушали словесную просьбу государственного крестьянина д. Турилова Василия Егорова об увольнении его из числа государственных поселян с женою Татьяной, сыном Семеном и дочерьми Анною и Дарьей для причисления в Шадринское мещанство Пермской губернии (5, 73-73 об.).

Этот документ интересен тем, что в нем перечисляются условия, которые необходимо выполнить, чтобы быть уволенным из сельского общества:

1)семейство должно не состоять на рекрутской очереди;

2)семейство должно уплатить казенные подати до 1 января следующего года;

3)семейство раскольническим сектам не принадлежит;

4)из семейства под судом никто не состоит;

5)в остающейся части семейства, таких людей, которые бы остались без родителей и средств пропитания, нет;

6)родители увольняющегося крестьянина на увольнение согласны.

Таким образом, при соблюдении этих условий, любой крестьянин, изъявив желание, мог быть сравнительно легко уволен из сельского общества. А вот вступить в сельское общество было гораздо труднее, и не всякого принимали крестьяне в свою общину, а тем более, если к ним просился осужденный, то никакое начальство не могло, да и не имело на то власти заставить крестьян принять такого человека. И в этом проявлялась автономность общины.

Так, 23 июля 1882 года, когда в Бугаевское сельское правление поступило предложение от Шадринского полицейского управления за № 8132 «О принятии в сельское общество находящегося в Шадринском тюремном замке … крестьянина Василия Сергеева Волосникова, осужденного по решению Екатеринбургского окружного суда за покушение на подьячего», то бывшие на сельском сходе крестьяне определили: крестьянина Василия Сергеева Волосникова в среду нашего общества не принимать, а предоставить его в распоряжение правительства, несмотря на то, что он был «однообщественником» (6, 31-31 об.). И это всего лишь один из типичных примеров отказа крестьян принять в свою среду оступившегося.

Еще один пример отказа: «Губернский пристав 2-го стана Шадринского уезда от 18 марта 1876 г. за № 1317,

последовавший с указа Пермского губернского правления от 13 января сего года за № 259, обращается в Бугаевское сельское правление с просьбой принять в среду свою удаленного в Сибирь за дурное поведение крестьянина нашего общества Максима Семенова Блинова, числящего водвориться на место родины в село Бугаевское, мы бывшие на сходе домохозяева решили отказать». Далее крестьяне подробно излагают причину, почему они решили отказать, что встречается в документах такого рода весьма редко: «так как не надеемся на него, чтоб он, Блинов, мог оставить дурные свои наклонности, по возвращении в прежнее свое жительство, а также он, Блинов, по возвращении из ссылки может создать какой-либо нам вред в отмщение за ссылку его, Блинова, в Сибирь» (7, 24-24 об.).

Чтобы рассмотреть компетенцию сельских сходов, необходимо вернуться к рассмотрению круга лиц, составляющих крестьянское самоуправление.

Службу в крестьянском самоуправлении крестьянин обычно начинал с должности десятского. Обязанности десятского налагались и на малолетних плательщиков, за которых службу отбывали старшие члены семьи. Следующую ступень в прохождении общественной службы составляли должности «караульных», сотских, пожарных старост. На все эти должности допускалось замещение по найму, выбирались крестьяне с 22-23 лет в порядке очередности. Третью ступень составляли должности сельских старост и «кандидатов книги», церковных старост, полесовщиков, волостных судей. На эти должности крестьян избирали только с 25 лет и не подвергавшихся никаким взысканиям, хотя реально, по данным Мамсика, проанализировавшего социальный облик сельской выборной администрации, в сельские старосты обычно избирались в 42-43 года (8, 26-28). Только пройдя эти должности, крестьян избирали в «большие волостные службы» - волостных старейшин, волостных заседателей, волостных доверенных при размежевании.

Экстренные поручения (например, выполнение обязанностей доверенных по общественным делам), по усмотрению общества, засчитывались за очередную общественную службу. Общественная служба по сельскому самоуправлению была для крестьян своего рода натуральной повинностью, и отношения к ней было как к повинности. Службы выполнялись в порядке очередности, которая, однако, нередко нарушалась. Богатые крестьяне могли избежать выполнения очередной должности, внеся определенную сумму в мирской капитал.

Нарушалась очередность службы и в силу того, что выбранный крестьянин мог освободиться от выполнения обязанностей по самоуправлению, откупившись от общества водкой. Существовал обычай распивать на сельском сходе спиртные напитки. О распространенности пьянства во время выборов свидетельствует и тот факт, что при ревизии сельских управлений в акте отмечалось, «фигурирует ли водка на сходах» (9, 14).

Очередность выбора нарушалась не только для того, чтобы избежать службы, но и чтобы получить престижную должность (таковыми считали должности старост, сельских и церковных, волостных старшин и заседателей, сборщиков податей). Крестьяне, не согласные с решением схода о выборах их на общественную должность, подавали прошение крестьянскому начальнику с просьбой отменить решение сельского схода.

Самым распространенным мотивом просьбы об отмене выбора крестьяне выдвигали свое тяжелое материальное положение. Вот как объяснял свою просьбу об отмене выбора Егор Иванов Лазарев (Волявинский сельский сход): «В настоящем году моего сына Евгения должны отзывать на учебные сборы как ополченца, поэтому хозяйство должно идти к упадку, так как у него 9 человек семьи при двух работниках, из которых один должен отбывать учебные сборы, а другой отбывать должность старосты, просит об увольнении» (10, 33).

Крестьяне просили освободить их от несения службы и по состоянию здоровья, и по старости. Причиной отказа служило и то состояние, что крестьяне уже выполняли несколько раз обязанности по делам крестьянского самоуправления. Выполнение обязанностей выборных отнимало у крестьян много времени, в результате чего они не уделяли должного внимания своему хозяйству. Со стороны правительства существовала тенденция вопреки традиции и закону продлять сроки службы старост, аргументируя это тем, что старосты не успевают привыкнуть к делам. Препятствуя бюрократической тенденции, старосты по мере приближения конца срока пребывания в должности подбирали новую кандидатуру вместо себя и оформляли «новый выбор» за подписями «лучших крестьян».

Восприятие должности в качестве повинности объясняет факт замены себя родственником и найма для ее исполнения другого крестьянина. Видимо, самостоятельные крестьяне считали более выгодным для себя, как только подходила их очередь исполнять «мирскую службу», избавиться от нее путем найма. Нежелание исполнять мирскую должность не снимало и положительного интереса к ней. Если выдвигалась чья-либо кандидатура, вопросом чести для крестьянина было то, насколько единодушно он был представлен к «выбору» своими односельчанами.

Рассмотрение круга обязанностей выборных лиц крестьянского самоуправления, те мизерные льготы, которыми они пользовались, показывают, что служба для большинства крестьян была повинностью и повинностью тяжелой, и если была возможность, то ее всеми силами пытались избежать. Однако зажиточные крестьяне могли извлечь выгоды, исполняя такие общественные должности, как должности сельских старост, сборщика податей, волосного старшины, то есть те, которые были связаны с распоряжением денежными средствами и давали определенную власть по отношению к жителям подведомственной территории.

Примечания

1. *СЗР. СПб., 1911., Ст. 57, прим. 10.*
2. *ПСВ. Т.24. № 18682.*
3. *ГАКО. Ф. 183. Оп. 1. Д. 2.*
4. *ГАКО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 7.*
5. *ШФ ГАКО. Ф. 474. Оп. 1. Д. 886.*
6. *ШФ ГАКО. Ф. 203. Оп. 1. Д. 11.*
7. *ШФ ГАКО, Ф. 203. Оп. 1. Д. 8.*
8. *Мамсик Т.С. Социальный портрет крестьянского выборного // Проблемы истории Сибири: общее и особенное. Новосибирск, 1990.*
9. *ГАТО. Ф. 303. Оп. 1. Д. 1.*
10. *ГАТО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 453.*

Ю.А. Горюнов
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург

ОРЕНБУРГ-ТАШКЕНТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Включение Средней Азии в состав Российской империи приходится на вторую половину девятнадцатого столетия. Это событие тесно связано с поражением в

Крымской войне 1853-1856 гг., когда Россия временно отказалась от активного участия в Европейской политике и была вынуждена переориентироваться на укрепление своих позиций в Средней Азии. Бухарское, Кокандское и Хивинское ханства в силу своей территориальной близости к русским границам, а также возможностью развития торговых отношений не могли не интересовать царское правительство. Находясь на феодальной стадии развития, государства отличались нестабильностью внутреннего политического положения и крайне низким уровнем обороноспособности. Если вспомнить, что в середине XIX века Англия уже завершила подчинение Индии, проникла в Афганистан, Персию и готовила базу для вторжения в Среднюю Азию, то становятся вполне понятными опасения русского правительства за сохранность своих южных границ.

В 1863-1868 гг. Россия заставила Бухарское и Кокандское ханства признать вассальную зависимость, а в 1873г. установила протекторат над Хивинским ханством. Затем Кокандское ханство было лишено самостоятельности и превращено в 1876г. в Ферганскую область Туркестанского генерал-губернаторства, образованного в 1867 году. Сделано это было по причине близости Кокандского ханства к границам Индии и Афганистана, зависимых от Британской империи. Хива и Бухара сохранили относительную самостоятельность во внутренней политике, а во внешней должны были следовать в фарватере Российской империи. Немалую роль в присоединении Средней Азии к империи сыграло строительство Закаспийской военной железной дороги в 1881-1888 гг., которая позже была переименована в Среднеазиатскую железную дорогу (1890г.). После того как военное присоединение региона было завершено и внутренняя обстановка стабилизировалась, начинается экономическое проникновение в Среднюю Азию. Это стало возможным благодаря новым, удобным путям сообщения. По словам В.И. Ленина, «Закаспийская железная дорога стала «открывать» для капитала Среднюю Азию» (1; 116).

Строительство Оренбург–Ташкентской железной дороги стало второй важной вехой в освоении Средней Азии. Главным фактором её постройки стала необходимость развития хлопковой промышленности в русском Туркестане, обусловленная стратегией правительства по переводу российской хлопчатобумажной промышленности на собственное сырьё. Возможности Среднеазиатской дороги были ограниченными, и в начале XX века она уже не справляется с транспортировкой хлопка-сырца во внутренние губернии России. Если в 1885г. из Средней Азии вывезли около 500 тыс. пудов, что составило 7,7% от всего хлопка, потребленного русской промышленностью, то в 1890г. это уже 2 млн пудов хлопка или 24% от всего хлопка, потреблённого русской промышленностью. Со строительством Оренбург-Ташкентской железной дороги (1901-1906 гг.) вывоз хлопка составил в 1907г. около 9 млн пудов или 52%, а в 1915г. более 18 млн пудов или 70% (4; 30). Причём более половины перевезенного хлопка-сырца приходилось на Оренбург-Ташкентскую железную дорогу. По словам русского-экономиста П.И. Лященко, «…особенно важным было сооружение линии Ташкент-Оренбург, соединившей среднеазиатские рынки с железнодорожной сетью метрополии, давшей непосредственный выход хлопку в московский промышленный район» (2; 546).

Для Ферганской области хлопчатник стал главной выращиваемой культурой. С постройкой этой железной дороги усилились связи с цетральноевропейской частью России, увеличился спрос на продукцию сельского хозяйства и животноводства, население стало заинтересованным в увеличении производства определённых видов культур пользующихся торговым спросом. Произошла специализация региона.

Скачок в развитии сельского хозяйства привёл к увеличению спроса не только на сырьё, но и на полуфабрикаты, прошедшие первичную обработку. Это подхлестнуло развитие перерабатывающей сельскохозяйственной промышленности, прежде всего, хлопкоочистительных и маслобойных заводов. Если в 1888г. в Ферганской области было всего 7 хлопкоочистительных заводов, то 1897г. их стало 88, а в 1910г. уже 147 (3; 91).

Но самой значительной категорией грузов, перевозимых по этой дороге, был хлеб: пшеница в зерне и муке, просо, крупчатка и т.д. Перевозки хлебных грузов в 1909-1913 гг. достигали в среднем 49 млн пудов, что составляло около 43% от всех грузов, перевозимых по железной дороге за те же годы. Зерно выращивалось, главным образом, в Самарской и Оренбургской губерниях, и следовало для продажи на внутренние рынки центральных Российских губерний, в Европу и в Среднюю Азию. На первый взгляд поставки хлеба и хлопка никак не связаны, но это только на первый взгляд. Географические особенности Средней Азии таковы, что большую её часть составляют земли, непригодные для земледелия. Оно возможно лишь при условии ирригации, требующей значительных трудовых затрат. Естественно, что наибольшая часть посевов отводилась под жизненно важные культуры, такие как пшеница, просо, ячмень, т.е. зерновые. С приходом русских и строительством железных дорог в Среднюю Азию хлынул более дешёвый хлеб, что сделало собственные посадки зерновых не выгодными. Вместо хлеба стали сеять хлопок, попав, таким образом, в зависимость от русского зерна. Импорт хлебных грузов в той же Ферганской области составил в 1909 году 10 млн пудов. Торговля, а также производство хлопка вскоре оказалось в руках коммерческих фирм, а затем и монополистов. П.И. Лященко писал: «В 900-х годах московские банки захватили на 80-90% скупку и сбыт хлопка. Они представляли громадную силу – концентрированный банковский капитал, который монопольно распоряжался на хлопковом рынке» (2; 543). Такая операция «хлеб в обмен на хлопок» была очень выгодной в экономическом отношении и для Оренбург-Ташкентской железной дороги, которая стала приносить серьёзную прибыль. В 1909 году она была 3 млн. рублей, а в 1913г. достигла почти 10 млн рублей.

Кроме развития сельского хозяйства и промышленности транспорт способствовал развитию торговли и переселенческого движения из внутренних российских губерний. С проведением переселенческой политики и увеличением числа русских поселенцев в Средней Азии возрос спрос на строительный лес, черные металлы (чугун, сталь, сортовое железо) и сельскохозяйственный инвентарь. Из Азии в основном вывозили сельскохозяйственную продукцию. Но в связи с тем, что территория была малоосвоенная, уровень жизни населения, экономика и инфраструктура городов находились на очень низком уровне, требовались значительные материальные вливания. Если ещё в 1911г. из 100% грузооборота Оренбург-Ташкентской железной дороги 72,23% приходилось на ввоз в Среднюю Азию и лишь 27,77% на вывоз, то комментарии излишни. В дальнейшем соотношение ввоза и вывоза хотя и стало выравниваться, но в равновесие так и не пришло, так как вспыхнула сначала Первая мировая война, а затем этому помешала Гражданская война и интервенция. Царизм был свергнут, фактически не начав эксплуатации Средней Азии, экономическое проникновение было остановлено, но созданные предпосылки позволили сделать это в дальнейшем, при советской власти.

Подводя итоги, можно утверждать, что хотя дорога и выступала как орудие экономического проникновения

царского правительства в Среднюю Азию, но её строительство оказало, безусловно, положительное влияние на дальнейшее развитие сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности территории Туркестанского края, способствовало привлечению трудового населения в эти регионы и развитию взаимовыгодной торговли с Российской империей.

Примечания
1. *Ленин В.И. Полн. собр. соч.: В 55 т. изд. 5-е. М., 1976. Т.23.*
2. *Лященко П.И. История народного хозяйства СССР. Т.2. Капитализм. Изд. 4-е. М., 1956.*
3. *Путеводитель по Туркестану и железным дорогам: Среднеазиатской и Ташкентской. СПб., 1912.*
4. *Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, 2000.*

А.С. Смирнова
Челябинская государственная академия культуры и искусства,
С.С. Смирнов
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ПРИУРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЯХ

С середины 1890-х годов в России круто изменилась политика в области виноторговли. Акцизная система, основанная на частной инициативе, под воздействием мощного общественного трезвеннического движения была заменена казенной винной монополией. Реформа рассматривалась как важное средство борьбы с пьянством, уже тогда представлявшим собой массовое социальное явление. Однако эта мера влекла за собой и противоречивые экономические последствия. С одной стороны, инициатор реформы С.Ю. Витте, возглавлявший в то время Министерство финансов, рассчитывал, что реформа приведет к существенному росту государственных доходов (доходы от казенной торговли водкой составляли примерно четверть государственного бюджета) и потому не был заинтересован в сокращении объемов виноторговли. С другой стороны, региональные органы власти и общественного самоуправления теряли существенный источник пополнения своих бюджетов и соответственно возможности финансирования социальных программ, включая и антиалкогольные мероприятия. И, в - третьих, частные производители спиртных напитков (в основном помещики – владельцы винокуренных заводов) по-прежнему были заинтересованы в реализации своей продукции, теперь уже через казенные винные лавки, и оказывали давление на правительство.

По указанным выше причинам правительство не решилось сразу осуществить реформу на территории всей страны, а для начала, в виде эксперимента, только на Урале. «Положение о казенной продаже питей», утвержденное в июне 1894 г., «в виде опыта» было распространено в четырех приуральских губерниях – Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской, а чуть позже в Вятской. Документ предусматривал ряд мер по упорядочиванию виноторговли: спиртное продавалось только на вынос, сокращалось время торговли, устанавливался возрастной ценз для покупателей и продавцов и др. Существенно сокращалась численность торговых заведений, имеющих право на реализацию спиртосодержащей продукции (4). Так, в Оренбурге с января 1895 г. число винных лавок и складов сокращалось более чем в пять раз: со ста до семнадцати (3).

Одновременно для общественной поддержки создавались губернские и уездные комитеты казенного Попечительства о народной трезвости. Целью попечительств официально провозглашалось распространение среди населения здорового образа жизни путем разъяснения вреда неумеренного употребления спиртного и развития альтернативных (трезвых) форм проведения досуга. Практическая деятельность в этом направлении заключалась в издании и распространении антиалкогольной литературы, открытии чайных, народных читален и т.п. Всё это, по мысли организаторов, должно было отвлекать население от пьянства.

Второй задачей являлось создание специализированных лечебных учреждений (отделений) для алкоголиков.

Попечительствам предоставлялось также право надзора за соблюдением правил торговли спиртными напитками. Могли они оказывать и материальную поддержку тем учреждениям, которые осуществляли деятельность, совпадающую по целям с деятельностью попечительств.

Источниками финансирования мероприятий являлись суммы, ассигнуемые от казны, частные пожертвования, сборы от продажи изданий попечительств и устройства чтений, общественных развлечений и т. п., а также деньги, причитающиеся выявителям нарушений правил о торговле крепкими напитками, если нарушение обнаружено членом попечительства.

Во главе губернских комитетов стояли губернаторы, а в уездах местные предводители дворянства. Членами становились представители епархиального духовенства, директора народных училищ, полицейские чины, акцизные чиновники.

С самого начала комитеты создавались по стандартной схеме, прежде всего в губернских и уездных городах, например, в Уфимской губернии появились Белебеевский, Бирский, Златоустовский, Мензелинский, Стерлитамакский, Уфимский, в Вятской губернии возникли Вятский, Елабужский, Ижевский, Котельнический, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Слободской, Уржумский, Яранский. Из 11 комитетов 10 действовали в городах и только 1 (Ижевский) находился в заводском поселке. Всего в 11 комитетах насчитывалось 740 членов, преимущественно мужчин — 650 человек (5, 120). В Оренбургской, Самарской и Пермской губерниях комитеты действовали во всех уездных городах.

Их деятельность заключалась в надзоре за правильностью осуществления питейной торговли, распространении среди населения знаний о вреде злоупотребления крепкими напитками (антиалкогольная пропаганда), заботе о лечении алкоголиков (страдающих запоями), организации антиалкогольных мероприятий (чтений, чайных, культурно-массовой работы и т.п.). Таким образом, «попечительства» совмещали в себе пропагандистские и полицейские функции. Надзор, в частности, предусматривал пресечение тайной торговли водкой, продажи ее в долг или под залог, наблюдение за «нравственностью» продавцов, недопущение распития спиртного на улицах. Деятельность «попечительств» финансировалась казной за счет отчислений от штрафов за нарушение правил торговли, членских взносов и частных пожертвований. Значительную часть расходов по содержанию принадлежавших попечительствам чайных, столовых, народных домов, читален и т.д. несли земства и органы городского самоуправления.

В Приуралье значительную часть средств попечительства первоначально получали из государственной казны. Так, в 1895 г. для «попечительств» четырех губерний (без Вятской) было ассигновано из государственной казны 200 тыс. рублей. На эти деньги было открыто 120

чайных, из которых 26 имели читальни (7, 372).

К 1901 г. силами Оренбургского, Пермского, Уфимского губернских, а также уездных и Уральского особого комитета было создано 17 книжных складов, 296 пунктов для проведения публичных народных чтений; организовывались вечерние и воскресные классы для обучения взрослых; устраивались театральные представления, народные празднования. Финансирование всех мероприятий осуществлялось из средств местных попечительств, но большая часть расходов покрывалась из государственной казны (6, 22). Наиболее значительной акцией Комитета попечительства о народной трезвости в Челябинске явилось строительство Народного дома, открытого в 1903 г., существующего и функционирующего до настоящего времени. Таким образом, Челябинск стал пионером организации народных домов на Урале. Даже в губернских центрах - Вятке, Уфе, Оренбурге - подобные объекты были открыты значительно позднее.

Казенный характер, а также излишний уклон в образовательно - просветительскую деятельность, не подкрепленный достаточным финансированием, после нескольких лет эйфории стал вызывать критику, а со временем и недовольство общественности, требовавшей от «попечительств» конкретных результатов в виде сокращения народного пьянства, которое, несмотря все эти мероприятия, только росло. Многие в этих условиях считали, что правительство не заинтересовано в существенном уменьшении производства спиртного и потому сознательно подменяет борьбу за сокращение потребления спиртного строительством библиотек, чайных и народных театров. Известный юрист А.Ф. Кони по этому поводу писал, что наивно полагать будто пьяницу можно перевоспитать, предлагая ему вместо стакана водки стакан чаю, и что прямые расходы на борьбу с пьянством составляют лишь ничтожную долю одного процента казенных доходов от продажи спиртного: «Какое значение могли иметь для борьбы с пьянством ассигнования 4 или даже 5 млн при доходе от казенной продажи питей свыше 700 млн?» (2, 80).

Подобные настроения стали проскальзывать в материалах местной прессы уже в первые годы после начала питейной реформы, а со временем только усиливались. Масло в огонь подливала статистика, согласно которой за годы казенной винной монополии (с 1895 по 1913) объем доходов казны от торговли спиртными напитками не только не сократился, как это было обещано, а, наоборот, увеличился более чем в три раза. В то же время в официальных документах рисовалась благостная картина. Например, отчитываясь о работе за 1898 г., председатель Оренбургского уездного комитета попечительства о народной трезвости утверждал, что «открытые в различных селах уезда дешевые народные чайные с бесплатными библиотеками-читальнями с успехом заменили деревенскому населению трактир, служивший местом собрания, отдохновения и развлечения, но вместе с тем так печально влиявший на нравственное и материальное благосостояние посетителей» (1). Управляющий акцизными сборами Оренбургской губернии в подготовленном для губернатора Очерке о положении дела казенной продажи вина за 1896 год сообщал, что « внешние признаки болезни пьянства начинают естественным путем ослабевать вследствие стеснения от публичного пьянства» (просвещенный в читальнях народ стесняется напиваться публично). Правда количество выпитого при этом увеличилось за год на 15%. Но и это обстоятельство чиновника не смутило, поскольку «увеличение потребления идет рядом с уменьшением пьянства». Этот парадоксальный вывод основывался на том, что «исчезает прежний вид потребления, который состоял в выпивании разом в неумеренном количестве». Теперь, хоть и большую дозу, народ выпивал с двух раз: после работы вечером и перед работой утром (8, 27).

Несмотря на неутешительную алкогольную статистику, уральский эксперимент царем и правительством был оценен положительно. Началось быстрое формирование попечительств по всей империи. В 1901 г. в России действовало уже 695 комитетов и отделов. На Урале работу попечительств координировали Оренбургский, Пермский, Уфимский губернские комитеты и уездные отделы, а также Уральский особый комитет. (Такой же комитет существовал и в Вятской губернии, однако первые опубликованные отчеты включали в себя сведения только по четырем «экспериментальным» губерниям). Их силами к 1901 г. было создано 17 книжных складов, 296 пунктов для проведения публичных народных чтений; организовывались вечерние и воскресные классы для обучения взрослых; устраивались театральные представления, народные празднества. Финансирование всех мероприятий осуществлялось из средств местных попечительств, но большая часть расходов покрывалась из государственной казны (6, 9-26).

Однако факт стремительной алкоголизации населения, особенно в годы Русско-японской войны и первой русской революции, становился очевидным для абсолютного большинства трезво мысливших людей. Поэтому в качестве положительных итогов своей деятельности попечительства начинают называть исключительно рост просветительских учреждений и мероприятий, не связывая его напрямую с динамикой потребления спиртных напитков. Наблюдавшийся при этом рост пьянства, по их мнению, был целиком на совести государственных чиновников, которые не проявляли должного усердия в борьбе с незаконной виноторговлей. Так, в отчете Оренбургского уездного комитета за 1904 г. писалось, что, «несмотря на прогрессивно увеличивающееся потребление алкоголя в селах и деревнях уезда, чему способствует в сильной степени развитие тайной продажи вина, никаких сведений об обнаружении и преследовании этой вредной торговли от членов попечительства не поступало. Что же касается самого населения, то и оно не принимает никакого участия в деле борьбы с пьянством» (8, 28). Причину такой инертности авторы отчета усматривали в нежелании государственных чиновников реагировать на предложения «попечительств» о закрытии винных лавок, в которых грубо нарушались правила торговли.

Положение еще более усугубилось в годы Первой мировой войны, когда финансовые возможности «попечительств» заметно сократились, а фактический запрет на продажу спиртного привел к массовому употреблению самогона и суррогатов.

Таким образом, битву с «зеленым змием» приуральские «попечительства» проиграли. Тем не менее, их опыт культурно-просветительской деятельности имел определенное значение для реализации общей культурной политики государства, направленной на распространение грамотности и положительных знаний в народе.

Примечания

1. *Государственный архив Оренбургской области.Ф.10.0п.2.Д.1. Л.46.*
2. *Кони А.Ф. К истории нашей борьбы с пьянством//Кони А.Ф. Избранное М.,1989.*
3. *Оренбургский край. 1894. 6 ноября.*
4. *Оренбургский листок. 1897. 17 июля.*
5. *Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1904 год. Вятка,1903.*
6. *Попечительства о народной трезвости в 1901 г. СПб., 1904.*
7. *Русская школа.1896.№ 7 - 8.С.372.*
8. *Судорогина Т.В. Заботясь о народной трезвости // Южный*

Урал: историко-культурные проблемы: Сб. науч. трудов. Оренбург,1995. С.24-35.

Д. Г. Кориков
Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

П.Ф. ЛОСЕВ И ЕГО РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ

Одна из наиболее интересных сторон в истории края – это история неофициальных религиозных движений. Без учета этого аспекта региональная история будет неполной и искаженной. В особенности это верно по отношению к тем регионам, в которых официальное православие имело крайне малое влияние на жизнь местного населения. Одним из таких регионов в дореволюционное время был Оренбургский край. Государственная религия была здесь слаба во многом из-за крайне больших размеров Оренбургской епархии и связанной с этим удаленности селений от храмов на большое расстояние, что приводило к трудной контролируемости религиозной жизни местного населения. Так в 1869 году, когда произошло разделение огромной епархии на Оренбургскую и Уфимскую, всего на новой территории Оренбургской епархии площадью в 85 тыс. кв. верст оказалось 142 церкви. Только к началу XX века в Оренбургской епархии количество приходских церквей возросло до 502. Но и это количество храмов не было достаточным для того, чтобы духовенство оказывало достаточное влияние на местное население. Существовали наравне с ними сотни молитвенных домов (т.н. часовен). Такая ситуация приводила к значительному снижению роли священника, функции которого часто замещал грамотный благочестивый человек. «Даже свои приходы, - писал священник М. Головкин, - были без надлежащего надзора, и духовенство не имело ни времени, ни умения бороться с заблуждениями»(2, 731). Также он отмечал и значительную роль беглого населения: «В глазах беглого раба церковь не пользовалась симпатией потому, что она помещичья, барская; исповедание ее учения подчас навязывалось насилием и иногда страшными истязаниями»(2, 732).

Кроме того, официальная религия, поддерживаемая часто одним административным путем, не могла иметь большого влияния не только в Оренбургском крае, но и во всей России. Утверждение это можно подтвердить статистическими данными. В. Бонч-Бруевич определял общую численность различных сект в 1903г. в 6 млн человек, а раскольников в 20 млн (1, 175) Эти цифры говорят о достаточно слабых позициях официального православия в народной среде.

Слабость государственной религии была во многом причиной проявления официально не санкционированной религиозной активности. Ярким примером здесь может служить личность П.Ф. Лосева. Религиозная деятельность этого человека, обратившая на себя внимание как обычного народа, так и церковного и светского начальства, приходится на пятидесятые и шестидесятые годы XIX века. Сам Лосев был в то время отставным урядником Оренбургского казачьего войска. Жизнь его в это время отличалась аскетическим характером. Зимой и летом он ходил босым, из-за чего получил в народе прозвище «Петр Босой». Многие люди, с которыми ему приходилось иметь дело, считали его человеком святым, имевшим дар прозорливости. Хорошая репутация не спасла его, однако, от столкновения с местной духовной консисторией, а также и светским начальством. Столкновение это было не единичным, а целой серий конфликтов. Один из этих конфликтов был связан с внешними проявлениями аскетической направленности жизни Лосева, а именно с тем, что он, как уже говорилось, ходил в любую погоду босым. На Лосева было оказано епархиальным начальством давление. В результате он стал против желания носить шапку и обувь, хотя это, по его словам лишь стесняло его.

Другой конфликт был связан с тем, что Лосев какое-то время проживал в кладбищенской часовне. Трения с консисторией, возникшие на этой почве, едва не привели к вмешательству полиции. Удалению его из часовни с помощью полиции помешал лишь епископ Варлаам.

Еще один конфликт произошел в связи с официально не зарегистрированным торжественным шествием иконы и сбором пожертвований для учреждения в Оренбурге женского и мужского монастырей. Икону Богоматери «Достойно есть» Лосев получил на Афоне в знак благословения на устройство этих монастырей. Св. Синод, однако, отклонил его просьбу о разрешении нести икону открытым образом со сбором пожертвований, несмотря даже на то, что она была поддержана оренбургским генерал-губернатором Катениным. Лосев проигнорировал этот запрет. В результате, когда в Оренбурге узнали, что Лосев несет икону без разрешения начальства, навстречу ему послали казачьего офицера с тем, чтобы немедленно прекратить торжественное шествие. Икона была у Лосева отобрана, а деньги конфискованы и переданы в Войсковое Правление Оренбургского казачьего войска.

Об иконе, однако, стала распространяться слава как о чудотворной. В связи с этим икону, согласно предписанию епархиального начальства, стали снова обносить по селам. Лосев выступил в качестве распорядителя. Когда икона находилась в пос. Линевском, местное начальство заявило, что иконы принимать не следует, так как по войсковому ведомству не было распоряжения об открытом ее следовании. Вместе с тем, по станицам и поселкам было отправлено известие, чтобы народ не собирался для встречи иконы. Торжественное шествие снова было остановлено (хотя на этот раз и не путем простого запрета).

После этого икона была помещена в Оренбургский кафедральный собор. После жалобы Лосева Войсковое Правление выразило намерение передать икону в Войсковую Георгиевскую церковь. Епископ Антоний в этом отказал. Он объяснил, что икона отобрана у Лосева, как ложно оглашенная чудотворной, а сбор пожертвований был учинен им незаконно. Лосев, пытаясь добиться справедливости, подал прошение императору о переносе иконы в Войсковую церковь и о возвращении из 6 тыс. рублей, отобранных Катениным, 3 тыс. рублей как составляющих его собственность. В ответ на это прошение последовал указ Св. Синода, где говорилось о правомерности изъятия иконы. Деньги по этому указу как «самовольно отобранные»(5, с.449) Лосеву не возвращались.

Устройства женского и мужского монастырей в Оренбурге также не произошло. Епископ Антоний, в ответ на вопрос об учреждении монастырей уклончиво ответил, что «не имеет для суждения об этом никаких данных»(5, 423). В результате продолжала существовать лишь женская община, не получая административной санкции, мужская же организована не была. Впоследствии Лосев в указанном уже прошении императору выражал также просьбу об учреждении в Оренбурге приюта с монастырским уставом для призрения неимущих вдов и сирот (вместо женского монастыря). Св. Синодом эта просьба была отклонена.

На примере Лосева достаточно ярко прослеживается характерное для того времени явление – существование некого неофициального православия наряду с государственной церковью. Это не были две различные организации. Граница между тем и другим проходила

через сознание отдельного человека. Так Лосев, не порывая видимым образом с внешней государственно-церковной организацией, не считал для себя обязательным подчиняться ей во всех случаях. Здесь возникает вопрос: не был ли Лосев одним из представителей т.н. мистических сект (как было принято называть тогда хлыстов, скопцов и сродные им секты с характерными для них особыми экстатическими ритуалами и соответствующей им верой в возможность воплощения божественного начала в человеке). В Оренбургских епархиальных ведомостях в статьях М. Головкина(3) и С. Словоохотова(4) проводится взгляд на Лосева как на «хлыста», скрывавшегося под маской ревнителя православия. Взгляд этот основывается, главным образом на показаниях В. Балабанова, одного из лидеров неофициального религиозного движения, признанного церковным начальством хлыстовским. Лосев, по утверждению раскаявшегося Балабанова, побудил его отречься от обычной мирской жизни, но в то же время призывал не подчиняться епископам и священникам, а также отвергал брак. Если учесть единодушно отмечаемую дореволюционными сектоведами скрытность «хлыстов» и отсутствие у них внешнего разрыва с православной церковью, а также неприятие ими обычной семейной жизни и практики т.н. духовных браков, то взгляд на Лосева как на «хлыста» не выглядит простым обвинением. Но в то же время такой взгляд не является достаточно аргументированным. В первую очередь следует обратить внимание на то, что Лосев не только не попал под арест, но и вообще не вызывал подозрений у местного духовенства. Когда у Лосева начались трения с епархиальным начальством, он не был заподозрен в сектантстве, хотя обвинение его в «хлыстовстве» было выгодно начальству. Протоиерей А.В. Шильнов, близко его знавший, также не обвинял Лосева в принадлежности к секте «людей Божьих» (как обычно называли себя т.н. «хлысты»). Кроме того, его почитатели и почитательницы, как отмечал в Оренбургских епархиальных ведомостях Н. Чернавский, сохранили о нем «добрую память, как о Божьем человеке, но не из «людей Божьих»»(5, 416).

Пытаясь как-нибудь объяснить устранение Лосева от следствия, С. Словоохотов ищет разгадку этого факта в малоизвестности Лосева епископу Антонию(4, 829). В данном случае имеется в виду, что Лосев был хитрый и ловкий лицемер, так как внешняя его деятельность как раз была хорошо известна и церковному, и светскому начальству. Утверждение это, однако, никак не доказывается Словоохотовым.

Что же касается отрицания Лосевым брака, то отрицание это не носило слишком жесткого характера, так как сам он (имея семью, состоящую из жены и воспитанницы) идею «духовного» брака на практике не воплощал. В этом, состояло его отличие, например от упомянутого уже Балабанова, который при своей живой жене завел себе новую «духовную» жену.

Обвинение Лосева в скрытом сектантстве, из-за того, что он при разговорах с Балабановым отрицал авторитет священников и епископов, также не очень убедительно. Если бы это отрицание носило радикальный характер, то оно привело бы его к резкому отчуждению от внешней церковной организации, уподобив его некому старовер-беспоповцу. Подобные мысли и слова были вызваны у Лосева скорее не его сектантской настроенностью, а более общей причиной. Причиной этой была отмеченная уже слабость государственного православия. Религия, насаждавшаяся путем административных указов и поддерживаемая полицейскими мерами, не могла вызывать к себе большого уважения.

Подводя итоги, следует отметить двойственный характер религиозной деятельности П.Ф. Лосева. С одной стороны эта деятельность не была официально санкционирована, с другой стороны она все же не привела к созданию под его руководством общины, которая являлась бы (в соответствии с терминологией того времени) мистической сектой. В данном случае видно такое своеобразное явление, которое можно назвать неофициальным православием. Это неофициальное православие отличается как от государственной религии, так и от того направления народной религии, которое было принято тогда называть хлыстовством.

Примечания

1. *Бонч-Бруевич В.Д. Избранные соч.. М., 1959.*
2. *Головкин М. Очерки оренбургской хлыстовщины//ОЕВ, 1897. №20.*
3. *Головкин М. Очерки оренбургской хлыстовщины//ОЕВ, 1897. №23.*
4. *Словоохотов С. «Люди божьи» в Оренбургской епархии// ОЕВ. 1880. №21.*
5. *Чернавский Н. Урядник П.Ф. Лосев и его выступления по делам Оренбургской епархии//ОЕВ. 1915. №33-34.*

З.В. Галлямова
Елабужский государственный педагогический университет,
г. Елабуга

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО И ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНОВ В СТРУКТУРЕ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ВЯТКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)

Буржуазный характер преобразований второй половины XIX века внес качественные изменения в структуру городского самоуправления, заложив в нее принцип разделения властей – исполнительной и распорядительной.

Такой подход к устройству городского самоуправления в условиях социально-экономического развития российских городов, предполагающий расширение городского хозяйства, был вполне рационален и являлся одним из прогрессивных моментов городской реформы. Между тем, обзор материала второй половины XIX - начала XX вв. выявил в разные хронологические периоды два ведущих противоречия в законодательстве по устройству городского самоуправления. Во второй половине XIX века оно состояло в совмещении в одном лице должности председателя думы и управы; в конце XIX - начале XX века - в предоставлении номинальных контролирующих полномочий думе в отношении управы.

Исполнительным органом общественного управления по обоим Городовым положениям была городская управа, которая находилась под председательством городского головы. Законодательство определило функции управы следующим образом: «а) по наблюдению за правильностью производства торговли, за верностью употребленных в торговле весов и мер и по клеймению весов и мер; б) по взиманию в пользу казны и земства налога с недвижимых имуществ и пошлин за право торговли; в) по распределению между городскими обывателями натуральных повинностей, отнесенных на них по земской раскладке»(2. 830).

Управа также должна была регистрировать книги нотариусов, продавать гербовую бумагу и выполнять ряд других обязанностей (2. Там же). Согласно ст. 94 Городо-

вого положения, каждые 2 года половина состава управы обновлялась. В целом, пребывание в должности члена управы составляло 4 года: 2 года в новом и столько же в старом составе(2. Там же).

Функции и порядок работы управы, определенные законом 1870 года, сохранялись и в последующем. Если рассматривать механизм взаимодействия исполнительного и распорядительного органов, то он складывался по следующему порядку. Распорядительные функции думы в отношении управы состояли в вынесении окончательных решений по ее докладам, утверждении отчетов управы по отдельным отраслям городского хозяйства.

Кроме того, управа должна была руководствоваться разработанной думой инструкцией. Вятской городской думой было издано две инструкции: в 1870 и 1895 годах (5; 7. 118-131). В инструкциях четко оговаривались функции управы, указывались дела, по которым они могли выносить самостоятельное решение, а какие решать коллегиально. Указывались правила заведования городским имуществом, правила отдачи в аренду городских оброчных статей и т.д. Отдельно указывалась форма отчетности, порядок заведования делопроизводством. Но в целом, как показывает анализ регионального материала, инструкции носили номинальный характер и не являлись гарантией их четкого выполнения городским управлением.

Насколько дума была способна к осуществлению контроля над деятельностью управы? Как отмечалось выше, наделенная распорядительными функциями, дума обладала достаточно широкими полномочиями в отношении управы и должна была выполнять координирующую роль в действиях последней. Тем не менее, за весь период действия Городового положения 1870 года, практически не встречались факты осуществления контроля думой городского управления. Так, в 1878 году, с началом нового четырехлетия было обнаружено, что управа практически не предоставила отчетов по городскому хозяйству. Между новыми и бывшими членами управы начался спор по вопросу о том, кто должен составлять отчеты за прежние годы – управа нового или старого состава. Дума в данной ситуации выступила в роли третейского судьи, не вполне обоснованно возложив данную обязанность на новых членов управы (4. 45). Тем самым, сама дума заложила основу безответственности управы перед распорядительным органом, не используя никаких механизмов своего контроля над ней.

Такая ситуация была обусловлена равнодушием большинства гласных к делам города, не желающих вникать в вопросы городского хозяйства. Несмотря на то, что во второй половине 70-х гг. были созданы контрольная и ревизионная комиссии, ни один отчет управы не был обревизован. Характерно, что за весь период этот вопрос на думских заседаниях ни разу не затрагивался и был поднят только в конце 90-х годов при другом законодательстве. Была создана ситуация, при которой два органа общественного управления существовали обособленно друг от друга в одной системе, при этом вопросы городской жизни становились предметом забот управы, в то время как ее распорядительный орган – дума ограничивалась вынесением постановлений без контроля их реализации. В качестве единственного случая попытки осуществления контроля над выполнением думских постановлений можно отметить попытку гласного Шубина в 1877 году привлечь управу к ответственности перед судом. Причина состояла в медленности исполнения управой постановления думы от 27 февраля 1875 года, согласно которому должна была быть образована комиссия для ревизии отчетов банка (1. Л.280). Как показали последующие события, для управы данная ситуация завершилась без последствий. Влияние думы на работу городского управления могло протекать в плоскости межличностных отношений, когда возникал конфликт между членом управы и гласным думы (1. Лл.315-317). Законодательство, совмещая в одном лице исполнительную и распорядительную власть, сводило к нулю какие-либо механизмы думского контроля: городской голова, являясь одновременно председателем думы и управы, не мог эффективно выполнить эти функции. Данный пробел в законодательстве мог бы исправить административный контроль. Но как показывает региональный материал, объектом внимания со стороны администрации в данный период была, прежде всего, практическая деятельность представительства (точнее, выполнение последним задач административного назначения) и выбор главы местного самоуправления. Невмешательство администрации в дела города играло негативную роль, так как пускало на самотек работу городского управления.

Совмещение в одном лице должности председателя думы и управы привело к тому, что во второй половине XIX века произошло смещение функций в структуре городского самоуправления: исполнительные и распорядительные полномочия сосредотачиваются в одном органе - городской управе. Признаками данного явления были либо игнорирование, либо промедление с исполнением постановлений думы, отсутствие отчетности управы перед думой, крупные хищения в городском хозяйстве. Сложившуюся ситуацию усугубляла индифферентность основной массы гласных, уклоняющихся от функций контроля.

Контрреформа 1892 года внесла свои коррективы в работу городского управления. Во-первых, административное утверждение, которое требовалось прежде только для городского головы и заступающих на его место членов управы, теперь распространялось на всю управу (3. 451).

Во-вторых, если раньше число членов управы зависело от думы, теперь оно было определено законом. В-третьих, пожалуй, самым существенным элементом в законодательстве было причисление городских голов и их товарищей, а также членов управы к лицам, состоящим на государственной службе (3. Там же).

В-четвертых, по-прежнему Положению должностные лица городского управления привлекались к ответственности не иначе, как по суду. Предание суду городских голов зависело от первого департамента Сената, а предание суду остальных должностных лиц – от думы или от Губернского по городским делам присутствия, решения которых могли быть обжалованы думой в Сенате. По новому положению предание суду должностных лиц общественного управления зависело, исходя из должности, от губернского по городским делам присутствия или от совета МВД (3. Там же).

Из нового Городового положения была исключена статья, наделяющая исполнительный орган своего рода контрольными функциями в отношении распорядительного органа (статья 80 Городового положения гласила, что если городская управа большинством голосов признает определение думы «противозаконным» и по этому вопросу между думой и управой не будет достигнуто согласия, то управа передает дело губернатору) (6. 17).

Таким образом, законодательство придало органу общественного управления статус административного учреждения. Казалось бы, оно осуществило функцию, совершенно несовместимую с самим понятием самоуправления. Ведь именно этот момент в законе 1892 года оценивался в советской историографии как апофеоз правительственной реакции. Законодательство еще больше ограничило распорядительные полномочия думы в отношении управы в 1892 году, придав исполнительному органу статус государственного учреждения. Как по фор-

ме, так и по содержанию, созданная система местного самоуправления должна была войти в государственную структуру.

В конце XIX – начале XX века во взаимодействии думы и управы происходят значительные изменения. Типичным явлением в развитии местного самоуправления становится рост в его общественно – политической активности. В этих условиях позиция гласных думы в решении вопросов городской жизни приобретает инициативный характер. Следствием этого становится привлечение управы к отчетности перед ними. Вместе с тем, на данном этапе выявляется еще одно противоречие, заложенное в законодательную основу городского самоуправления, - предоставление номинальных контролирующих полномочий думе в отношении управы. Стремление думы привлечь управу к ответственности перед ней привело лишь к росту антагонизма между исполнительным и распорядительным органами самоуправления. Дума оказалась не в состоянии самостоятельно осуществлять контроль над управой. В сложившейся ситуации в начале XX века дума предпринимает неоднократные попытки привлечь как высшие, так и местные органы государственной власти к решению вопроса отчетности перед ней управы. Но и эти усилия были безуспешны.

Очевидно, причина сложившейся ситуации состояла в незаинтересованности государства в самодостаточности контролирующей функции думы, в принципиальном размежевании системы местного самоуправления, где общественно- представительным элементам должна была отводиться крайне незначительная роль. Обеспеченный законодательством номинальный характер полномочий думы в отношении управы должен был включать скрытые механизмы надзора администрации за городским самоуправлением, обеспечивая в его структуре ведущие позиции губернских властей.

В отечественной историографии надзор администрации за деятельностью самоуправления рассматривался как одно из негативных явлений в его развитии. На практике контроль местной администрации над общественным представительством сводился к выборному производству. В результате дела города оказались в руках городской управы – небольшой группы должностных лиц, численность которой не превышала более четырех человек. В данных обстоятельствах, невмешательство административной власти негативно сказывалось на состоянии городского хозяйства.

Вопреки сложившейся ситуации, в условиях общественно – политического подъема на рубеже веков, неизбежным явлением в развитии самоуправления становится активизация распорядительных функций думы. Оставив попытки привлечь управу к ответственности перед ней законодательным путем, она выбирает путь непосредственного участия во всех отраслях городского хозяйства. Иными словами, распорядительный орган частично возлагает на себя обязанности исполнительного. Таким образом, появилась новая форма смещения полномочий в структуре муниципалитета, когда антагонизм между органами самоуправления сменяется в начале XX века слиянием их функций. Показателем данного явления было обюрокрачивание всей системы самоуправления, которое проявлялось в участии гласных в ведении делопроизводственной части городского хозяйства, а также в привлечении администрации к решению разногласий между думой и управой. Двойственность создавшейся ситуации – усиление в общественном управлении демократических элементов, с одной стороны, и администрирование на этой же основе, – с другой, была закономерным следствием усложняющейся на муниципальной базе городской инфраструктуры.

Примечания

1. *ГАКО. Ф. 628.Оп. 1.Д.450.*
2. *Городовое положение // ПСЗРИ. Отделение первое. СПб., 1874. Т.14. №48498.*
3. *Городовое положение 1892 г. // ПСЗРИ. Отделение третье. СПб., 1895. Т. 12.*
4. *Журналы вятской городской думы за 1878 год. Вятка,1879.*
5. *Инструкции вятской городской управе. Вятка, 1895.*
6. *Нардова В. А. Самодержавие и городские думы в конце XIX – начале XX вв. СПб., 1994.*
7. *Постановление вятской городской думы за 1870 - 1871 года. Вятка, 1874.*

О.Н. Кобяков
Курганский государственный университет, г. Курган

НАЧАЛО СИБИРСКОГО МАСЛОДЕЛИЯ

Южное Зауралье широко известно за его пределами, как родина сибирского маслоделия. История зарождения и развития маслодельной промышленности изучена еще далеко недостаточно. Очевидно, что без детального исследования этой новой для конца XIX – начала XX вв. отрасли сибирской экономики, невозможно понять специфику развития нашего края в условиях капитализма.

Местная природа создавала благоприятные предпосылки для производства сливочного масла в значительных объемах. Однако до постройки Сибирской железной дороги предприниматели не имели удобных путей сообщения с европейской Россией. Масло тогда изготавливали в основном топленое. Это был чисто русский продукт, в других странах практически неизвестный. Занимались производством топленого масла главным образом женщины. Технология была чрезвычайно примитивной.

Открытие движения по Западно – Сибирской магистрали позволило местным и приезжим предпринимателям выгодно перерабатывать молоко и отправлять полученное сливочное масло на российский и заграничный рынки. Один из первых маслозаводов в Сибири был открыт в марте 1886 года, в имении А.Ф.Памфилова на выселке Чернореченском, Тюменского уезда Тобольской губернии. Официальным владельцем завода являлась Анна Яковлевна Памфилова. Мастером работал Александр Янушкин. Предприятие перерабатывало до 5 тысяч пудов молока в год (9, 34). Владелец чернореченской фермы А.Ф. Памфилов неоднократно поднимал вопрос о расширении экспорта масла из Сибири на страницах приложения к Тобольским губернским ведомостям за 1896 год (6, 40).

Гораздо большее значение для новой отрасли хозяйства имело открытие первых маслоделен петербургским купцом А.А. Вальковым в Курганском округе. Здесь маслоделие приобретает действительно массовый характер.

Так называемая “масляная горячка” начинается в 1894 году с открытия заводов в с. Утятском, Утятской волости и д. Галишеве, Меньщиковской волости (3,112).

В начале работы первых частных заводов крестьяне относились к ним с большим недоверием. Сепаратор и сам завод они называли “молоканкой”, утверждая, что “молоканка гремит на земле, оттого и нет грома на небе”, а следовательно нет дождя. Так местные жители, находившиеся в плену предрассудков, объясняли причину засухи 1901 года (4,33). Однако крестьяне очень быстро осознали выгоду от сдачи молока на завод. Обычно из пуда молока хозяйки получали не более 1,25 фунта топленого масла. При средней цене на масло в 6 рублей 50

копеек за пуд, получалось, что эти 1,25 фунта стоили 20 копеек. Причем получение топленого масла – процесс очень трудоемкий. После открытия заводов, крестьяне сдавали молоко на переработку и без всяких хлопот получали 25 копеек за пуд (5,22). В Курганском округе сельские труженики стали увеличивать поголовье коров. Так, в селе Утятском, за шесть месяцев, маслозавод принял от сдатчиков 11 тысяч пудов молока, а в 1897 году, за тот же период 65 тысяч пудов. При этом поголовье дойных коров увеличилось в селе Утятском в два раза (8, 70).

Благодаря активной деятельности А.А. Валькова, маслоделие становится самой динамично развивающейся отраслью экономики Южного Зауралья. Число заводов постоянно росло. В 1894 году работали два маслозавода, в 1895 году пять, в 1896 году восемнадцать, в 1897 году восемьдесят. В 1897 году большинство маслоделен – 68 из 80 были частными (8, 71). Что же представляли из себя первые частные заводы? В деревне Кропани Курганского округа маслозавод открылся 28 декабря 1895 года. Помещение находилось в крестьянском доме, аренда которого обходилось в 60 рублей за год. Всем процессом производства руководил мастер Матросов, которому помогали два работника. Оборудование состояло из аппарата экстрактора Якобсона, двух маслобоен. Крестьяне получали посуду для сбора молока, изготовленную в Москве, в мастерской Н.В.Верещагина. В сутки принимали от сдатчиков до 170 пудов молока по 30 копеек за пуд. Из 25 пудов молока вырабатывали 1 пуд масла. Тарой служили ольховые бочонки, вместимостью 3 пуда. Масло еженедельно отправляли в Курган и в село Утятское. Летом производительность завода доходила до 100 пудов масла в неделю. Сначала производилось масло сорта – “парижское”, затем сладко-соленое. С 10 июня 1896 года стали делать голштинское экспортное масло. Владел заводом А.А.Вальков (7,83). Такой же завод, принадлежащий Валькову, начал работать в соседнем селе Менщиково в 1895 году. Мастером трудился Илья Тимофеевич Ламаков, в год перерабатывалось 27 тысяч пудов молока (9,28).

Высокая рентабельность нового дела сразу привлекла купцов, мещан, зажиточных крестьян. В большом количестве стали создаваться частные, общественные, товарищеские и даже церковно-приходские маслодельни.

Не обошла стороной «масляная лихорадка» и казаков. Атаман 2-го военного отдела Сибирского казачьего войска, полковник Чириков в своем приказе за номером 218 от 20 ноября 1898 года настоятельно рекомендовал казакам открывать общественные маслодельни по примеру станицы Лебяжинской, поселка Конюховского, Акмолинской области, Петропавловского уезда. Казацкая маслодельня открылась в 1898 году и за период с 3-го мая по 1-е октября принесла чистого дохода 1 тысячу 184 рубля (1,7). Атаман Чириков предостерегал казаков: «Создавайте общественные заводы, пока не ушло время, спохватитесь, да будет поздно, из-под носу у вас вырвут эту отрасль хозяйства кулаки и мироеды и, пользуясь вашей же простотой, будут обирать вас, загребая себе в карман барыши. О сбыте продукции не придется беспокоиться, только в Кургане работает 7 контор, скупающих масло» (1,8).

Ведущая роль в производстве масла в конце XIX века принадлежала частным предпринимателям. Однако инструктор маслоделия В.Ф.Сокульский отмечал большие недостатки в их работе. Это прежде всего плохое оборудование, антисанитарные условия и, как следствие, плохое качество масла (3,116). Частные владельцы, в погоне за прибылью, не всегда заботились о чистоте производства. Изучив опыт Валькова, Сокульский отправил губернатору Н.М.Богдановичу докладную записку с проектом устройства образцовой артельной маслодельни. Первый артельный маслозавод начал работать 8 февраля 1896 года в деревне Моревой Ялуторовского округа (5,22). Первые артельные предприятия в Курганском округе в селе Митино, Митинской волости и малых Дубравах, Байдарской волости. Затем была открыта четвертая маслодельня под руководством В.Ф.Сокульского – в Ялуторовском округе, в д.Скородум, Суерской волости (3,114). Первые партии полученного на четырех артельных заводах масла были проданы в Москву, торговому дому Чичкина. А с 1 октября 1896 года вся выработка масла была сдана на комиссию торговому дому Паллизен, который открыл свою контору в Кургане (3,114).

Артельные заводы по сравнению с частными обладали многими преимуществами. Технологический процесс контролировался специально обученными мастерами. Сама кооперативная форма труда была более привычна и вызывала доверие у сибирских крестьян. «Даже в селениях, где уже открыты заводы Валькова, являлись ходоки, предлагая деньги на устройство артельного завода и обязательно, что будут все молоко сдавать на артельный завод», – писал В.Ф.Сокульский (3, 117). Так, в селе Менщиково, где с 1895 года работал завод Валькова, крестьяне решили организовать артель. Артельное предприятие было создано в 1905 году под руководством А.Н.Балакшина. Сначала артель объединяла 130 человек, но их число постоянно росло (3,102).

Таким образом, появившееся в конце XIX века промышленное маслоделие уже в первые годы смогло добиться значительных успехов. В 1903 году в Кургане насчитывалось 13 русских и иностранных фирм по экспорту масла, из иностранных главным образом английские и датские (3,119). С созданием Союза Сибирских маслодельных артелей в 1907 году общий вывоз масла за границу достигал 5.347.776 пудов, что позволяло России занимать второе место на мировом рынке (3,139). Благодаря развитию маслоделия, Сибирь успешно была включена в общероссийский и мировой экономический рынок.

В начале XX века продукция нашего курганского крестьянина конкурировала в Европе с маслом из Дании, Голландии, Канады, Австралии. Так у нас произошел переход от натурального крестьянского хозяйства к капиталистическому, ориентированному на внешний рынок. Способствовали этому: природные условия, совершенствование технологии переработки молока, активность предпринимателей и крестьян, развитие кооперации, деятельность экспортных контор. Артельные и частные заводы вели постоянную конкурентную борьбу, но будущее принадлежало кооперативной форме труда. Кооперация в данных исторических условиях доказала свои преимущества перед частной промышленностью.

Примечания

1. *ГАКО. Ф. 149. Оп. 1. Д. 1. Л. 7-9.*
2. *ГАКО. Ф. 154. Оп. 1. Д. 5. Л. 102.*
3. *Емельянов Н.Ф., Пережогина И.Н., Семенова О.Г., Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994.*
4. *Мурашкинцева А.А. О производстве и сбыте экспортного масла в Западной Сибири. СПб., 1902*
5. *Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности /Приложение к Тобольским губернским ведомостям . 1896. № 4.*
6. *Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности /Приложение к Тобольским губернским ведомостям . 1896. № 7.*
7. *Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности /Приложение к Тобольским губернским ведомостям . 1896. № 15.*
8. *Труды 1-го Тобольского отдела императорского Московского общества сельского хозяйства 1897 г. Тобольск, 1898.*

9. *Труды 1-го Тобольского отдела императорского Московского общества сельского хозяйства. 1900, Тобольск, 1901.*

Н.Ю. Толстых
Варгашинская центральная библиотека, р. п. Варгаши Курганской области

ВСТРЕЧА М. А. СПИРИДОНОВОЙ И ЕЕ СОРАТНИЦ НА СТАНЦИИ КУРГАН В 1906 ГОДУ

Политическая каторга и ссылка в Сибирь как средство борьбы с революционным движением и мера наказания его участникам многократно возросла в годы первой русской революции. Отправка на каторгу и в ссылку производилась железнодорожным транспортом, в том числе по Транссибирской железной дороге. Исследователь политической ссылки Э.Ш. Хазиахметов отмечает, что «летом 1906 г., когда ссылка в Сибирь приобрела широкие размеры, через Челябинск каждую неделю следовало три специальных поезда с политическими ссыльными» (1, 39). Со станции Челябинск, начального пункта Транссиба, часть поездов, вероятно, направлялись по ветке через Екатеринбург на Тюмень, а другая уже двигалась по Великому сибирскому пути, не миновав тем самым следующей после Челябинска крупной станции Курган. Здесь же, как и на других сибирских станциях, поезда с политкаторжанами и политссыльными сопровождались торжественными встречами и митингами, устройством которых занимались местные революционные организации.

В прокламации «Организуйтесь!», выпущенной Курганской социал-демократической группой в начале июля 1906 г. в своей подпольной типографии, отмечалось: «У граждан и рабочих Кургана вошло в обыкновение встречать по воскресеньям поезд № 12, с которым проезжают в ссылку жертвы произвола и деспотизма – политические. Этими встречами граждане Кургана заявляли о своей солидарности с ними, выражали свое уважение передовым борцам за дело народа. Эти встречи стали постоянными явлениями и не давали спать приспешникам самодержавия» (2, 75-76). В ряду таких встреч большой массовостью, высоким гражданским подъемом и эмоциональным накалом отличалась встреча с 6 политическими арестантками, членами партии социалистов-революционеров, осужденных за террористическую деятельность. Это были М.А. Спиридонова, А.А. Измайлович, А.А. Биценко, М.М. Школьник, Л.П. Езерская и Р. Фиалка. Их везли на Акатуйскую каторгу в арестантском вагоне, прицепленном к товарно-пассажирскому поезду № 12.

В череде терактов и покушений случай М.А. Спиридоновой имел особенно громкий общественный резонанс. Исполняя решение Тамбовской организации эсеров, в январе 1906 г. Спиридонова выстрелами из пистолета тяжело ранила советника Тамбовского губернского правления Г.Н. Луженовского, возглавлявшего карательный отряд, который боролся с аграрным движением и жестоко подавлял крестьянские выступления. Истязания, которым подверглась Мария Спиридонова сразу же после покушения на Луженовского (от полученных ран он скончался спустя почти месяц), были преданы широкой гласности и вызвали волну горячего сочувствия к ней. Совершенный ею теракт воспринимался не только как акт возмездия, но и как акт самопожертвования. Для противников царизма она олицетворяла одновременно жертву и борца. Это подчеркивалось и в письме, с которым обратились к Марии Спиридоновой отбывавшие каторгу видные эсеры, ее старшие партийные товарищи Г. Гершуни, Е. Созонов, П. Карпович, Сикорский: «Вас уже сравнивали с истерзанной Россией. И вы, товарищ, несомненно, ее символ. Но символ не только измученной страны… - вы символ еще и юной, восставшей, борющейся, стойкой и самоотверженной России. И в этом все величие, вся красота дорогого нам вашего образа…» (3, 257).

Встречи и митинги во время остановок поездов с осужденными революционерами являлись яркими демонстрациями политической активности. Поэтому курганские революционные круги, в первую очередь местные группы РСДРП и ПСР, их проведению придавали большое значение в деле политического воспитания и сплочения трудящихся. Произошедшая в конце июня 1906 г. встреча курганцев с М.А. Спиридоновой и ее партийными соратницами это всецело подтвердила. Участник первой революции Ф.Т. Корельцев, устроившийся по окончании Омского технического училища в курганское депо слесарем и ставший членом местной социал-демократической группы, спустя десятилетия отмечал в своих воспоминаниях: «Немалую революционизирующую роль среди рабочих сыграли поезда, провозившие политзаключенных, их везли обычно с товарно-пассажирским поездом № 12 (или его иначе называли «Максим Горький»)… Особенно многолюдна встреча была поезда, в котором везли политзаключенных женщин, в том числе молодую революционерку Марию Спиридонову (об издевательствах над которой много писалось в газетах). Этот поезд провожали с букетами цветов до разъезда Утяк, машинист вез состав очень малой скоростью, а провожавшие стояли на подножках вагонов с букетами. Вначале жандармы препятствий не чинили, кроме как брали себе на заметку, как они выражались, «крикунов», т.е. товарищей, произносивших лозунги, запевающих революционные песни и т.п.» (4).

Действительно, кроме конвойной команды, сопровождавшей политических в арестантском вагоне, между встречавшими курганцами и политкаторжанками никакого другого препятствия в виде дополнительной охраны не имелось. С разрешения начальника конвойной команды арестанткам дозволялось выходить на ступеньки вагона. Вид женщин-эсерок, вершивших возмездие палачам и подвергавших смертельной опасности свои молодые жизни (многие первоначально приговаривались к смертной казни), произвел огромное впечатление и вызвал горячую симпатию к ним у трудовых масс Кургана. Встреча вылилась в бурный, эмоциональный митинг. В многоголосье приветствий и восторженных выкриков очень часто звучало имя Спиридоновой. От всех встречавших, всего революционного Кургана ее вместе с соратницами приветствовал оратор, принадлежавший к Курганской группе РСДРП. Позже, 5 октября 1905 г., рукописный текст приветствия был найден жандармами во время обыска зданий депо ст. Курган. Он оказался среди захваченных документов, принадлежавших курганским социал-демократам (5). На приветствия с речью к собравшимся со ступенек вагона обратилась Мария Спиридонова. В борьбе за народную свободу, за политическое и экономическое освобождение она призвала быть готовыми на неизбежные жертвы, проявить мужество и самоотверженность.

Проводы на каторгу эсерок-террористок властями расценивались как «политические беспорядки» и сильно их обеспокоили. Они решили больше не допускать столь близкого соприкосновения митингующих курганцев с политическими арестантами. Со 2 июля 1906 г., когда в Курган прибыл следующий товарно-пассажирский поезд № 12, вокруг вагонов с политкаторжанами выставлялось охранное оцепление из солдат расквартированной в Кургане 16 роты 28 Восточно-Сибирского стрелкового полка (2, 74-75).

А в Омске 30 июня 1906 г. подобных мер еще принято не было. Встречающие не только вблизи увидели и услышали Спиридонову с ее спутницами, но и добились также разрешения на их фотографирование. Был сделан групповой снимок стоящих на вагонных ступеньках политкаторжанок в плотном окружении омских рабочих. Как отмечает историк эсеровского движения в Сибири Н.П.Курусканова, фотокарточки «продавались затем в городе эсерами, а выручка шла в кассу комитета» (6, 67). Однако в стороне от распространения фотоснимков эсерок не остались и социал-демократы, в частности, курганские. Об этом прямо свидетельствуют такие документы, как месячные отчеты, в том числе кассовые, Курганской группы РСДРП, которые печатались в подпольной типографии. Экземпляры таких отчетов изымались при обысках полицией и жандармерией. Например, в июньском отчете группы значилось: «За июнь месяц группой устраивались свыше 20 собраний… Были устроены проводы члену Думы Ишерскому, депутату Омского комитета РСДРП, и М.А. Спиридоновой. На первых было свыше 3000, на вторых около 2-х тысяч человек». В кассовых отчетах содержались сведения о приходной и расходной частях денежной кассы Курганской группы, отмечались источники поступления денежных средств и их расходование. Так, приходной части июньского кассового отчета было отдельной строкой записано, что «со встречи Спиридоновой» собрано 32 руб. 8 коп. Следовательно, в ходе митинга на встрече и проводах эсерок велся сбор средств. Собранная сумма пополнила партийную кассу курганских эсдеков. В то же время в расходной части за июнь 1906 г. вновь возникает имя Спиридоновой. Помимо различных расходов – на типографию, газеты, гектограф, бумагу, извозчиков и проч. – там указан и такой расход: «венок Спиридоновой». Очевидно, имелся в виду лавровый венок, который был поднесен ей. Он обошелся в 4 рубля.

В августе, когда женщины-эсерки уже находились на каторге в Акатуе, громкое имя Марии Спиридоновой, ореол ее славы оставались все так же притягательными. Повышенный интерес к ее личности удовлетворялся в том числе за счет распространения фотографий с омской встречи революционерок. Именно их продажа пополнила приходную часть Курганской группы РСДРП на 21 руб. 23 коп. В августовском кассовом отчете напротив этой суммы стоят только два сокращенных слова – «карт. Спирид.», раскрывающие сам источник поступления данной суммы (7, 435; 8).

Разумеется, было бы ошибкой полагать, что курганские социал-демократы просто использовали имя знаменитой эсерки для пополнения своей партийной кассы. Напротив, несмотря на идейные разногласия, противник у эсеров и эсдеков в буржуазно-демократической революции был общий – самодержавие. Это объясняет тот факт, что члены Курганской группы РСДРП приняли самое деятельное участие в организации встречи и проводов Спиридоновой и ее соратниц.

Массовые встречи и митинги, устроенные на сибирских станциях по случаю проезда эсерок способствовали росту влияния эсеровской партии в целом и ее программы в среде сибирских рабочих, крестьян, служащих, беспартийных участников революции. Сибирские организации и группы ПСР усилились и увеличились численно за счет притока новых членов. Заметно оживилась их деятельность, включая террористическую. В рядах Омской организации ПСР, как отмечает Н.П.Курусканова, «возросла рабочая прослойка» (6, 66-67; 9, 116). Сходный процесс происходил и в Кургане. Здесь местная эсеровская группа пополнилась не только за счет беспартийных, но и путем перехода в нее лиц, ранее состоявших в социал-демократической партии. К числу таких эсдеков, ставших впоследствии активными эсерами, относились, в частности, П.Ф. Широков и Т.В. Баранцев.

Нужно отметить, что в нисходящий период первой российской революции, а также с началом реакции в рядах местных социал-демократов сильнее проявилось стремление к проведению тактики «левого блока», к сотрудничеству в первую очередь с эсерами, нежели подчеркивание идейных и прочих разногласий с ними. В Кургане линию на сотрудничество с эсерами поддерживал и осуществлял один из влиятельных членов местной социал-демократической группы Н.В. Шумилов (партийная кличка – Николай Черный). Еще во время обыска на его квартире в октябре 1906 г. жандармы среди легальных и нелегальных изданий обнаружили книгу «О Спиридоновой». Его жена, А.М.Шумилова, в чьем присутствии происходил обыск, на расспросы жандармов сказала, что вся найденная литература принадлежит ее мужу, а равно и ей: «Кого хотите, того и пишите, мужа или меня». Брошюра «Мария Спиридонова» была обнаружена тогда же при обыске у других рабочих-железнодорожников (10, 11, 123-124).

Наличие изданий о Спиридоновой может свидетельствовать об интересе местных социал-демократов к ее личности. Стоит упомянуть, что А.М.Шумилова в конце 1907- начале 1908 гг. была причастна к террористическим и экспроприаторским замыслам, для реализации которых она вошла в тесный контакт с уральскими эсерами-максималистами. Нельзя исключить, что такой поворот в революционной деятельности Шумиловой связан с эволюцией, переменой ее идейно-политических взглядов. Что касается Н.В. Шумилова, то за свою деятельность в период первой революции он гораздо позже, уже в 1913 г., вместе с П.Ф. Широковым был приговорен к пожизненной ссылке (вечному поселению) в Енисейскую губернию (12; 13, 181-182; 14, 60-61).

Примечания

1. *Хазиахметов Э. Большевики в нарымской ссылке. Новосибирск, 1967.*
2. *Революционное движение в Тобольской губернии в 1905-1914 гг.: Сб. док. Свердловск.*
3. *Кравченко Т. Возлюбленная террора. М., Смоленск, 1998.*
4. *ГАОПДКО. Ф. 6919. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.*
5. *ГАОПДКО. Ф. 10. Оп. 32. Д. 40. Л. 16.; Ф. 5857. Оп. 3. Д. 7. Л. 15.*
6. *Курусканова Н.П. Деятельность эсеров в Омске в годы первой российской революции (1905-1907 гг.) // Страницы исторического прошлого Омска (XIX- нач. XX вв.): Краеведч. сб. Омск, 1994.*
7. *Второй период революции. 1906-1907 гг. Ч. 2. Май-сентябрь 1906 г. Кн. 2. М, 1962.*
8. *ГАОПДКО. Ф. 5871. Оп. 3. Д. 21. Л. 2-5.*
9. *Хазиахметов Э.Ш. Политическая ссылка в омском Прииртышье в нач. XX в.// Страницы исторического прошлого Омска (XIX - нач. XX вв.): Краеведч. сб. Омск, 1994.*
10. *ГАОПДКО. Ф. 5857. Оп. 3. Д. 17. Л. 2.*
11. *Горелов В.А. Курганские большевики в революции 1905-1907 гг.: Ист. очерк. Челябинск, 1965.*
12. *ГАОПДКО. Ф. 5857. Оп. 1. Д. 152. Л. 6-7, 10.*
13. *Копылов Д.И. Социал-демократические организации Тобольской губернии в 1905-1907 гг. // На хозяйственном и идеологическом фронте: Уч. зап. ТГПИ. Сб. 28. Вып. 5. Тюмень, 1966.*
14. *Николай Васильевич Шумилов // Революционеры, вожаки масс (славная плеяда коммунистов Узбекистана). Ташкент, 1967.*

С.В. Карпук
Курганский государственный университет, г. Курган

ФИЛЕРСКАЯ СЛУЖБА В КУРГАНСКОМ ЖАНДАРМСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ПОСЛЕ 1907 Г.

Эффективным инструментом в руках жандармов была хорошо отлаженная служба «наружного наблюдения». Хотя этот метод и появился на Руси задолго до появления жандармских частей и Департамента полиции. Уже в XIX веке она состояла в основном из отдельных филёров-агентов. Но с ростом революционного движения, в начале XX века в Москве появился отдельный «отряд» филёров, а затем по всей территории Российской Империи при уездных органах политического сыска учреждаются должности филёров.

Официально в Курганском жандармском органе, согласно имеющимся архивным материалам, числились филёрами фельдфебель запаса Бессонов В.С. (3,л.185-186), старший унтер-офицер Емельянов С.С. в д. Шибаево (3, л. 11об.,13об.,41,42,165,178,180, 184,186, 194,195,201,202), Константинов (3,л.41об.) и старший унтер-офицер Новиков В.Г. (3,л.85-88,90,178,180,184-186,188,194,195,201,215,218). Чаще же службу наружного наблюдения несли унтер-офицеры жандармских подразделений, переодеваясь в гражданское платье.

Организована служба филёров была согласно совершенно секретной Инструкции по организации наружного (филерского) наблюдения от 1907г. Руководило организацией наружного наблюдения 3-е делопроизводство Департамента полиции, а затем Особый Отдел. (2,с.104)

Для несения наружной наблюдательной (филёрской) службы выбирались строевые запасные нижние чины, предпочтительно унтер-офицерского звания, не старше 30 лет. Преимущество отдавалось окончившим военную службу в год поступлении на филёрскую службу, а также кавалеристам, разведчикам, бывшим в охотничьей команде, имеющим награды за разведку, отличную стрельбу и знаки отличия военного ордена.

Филёр должен быть политически благонадежен, тверд в своих убеждениях, трезв, ловок, сообразителен, выносливь, терпелив и т.п., но не болтун, дисциплинированный, выдержанный, уживчивый, серьезно и сознательно относящийся к делу и принятым на себя обязанностями, крепкого здоровья, в особенности с крепкими ногами, с хорошим зрением, слухом и памятью, такою внешностью, которая давала бы ему возможность не выделяться из толпы и устраняла бы запоминание его наблюдаемыми. Запрещалось принимать в филёры лиц польской и еврейской национальности.

Вновь поступившему филёру должно быть разъяснено:

1)о том, что такое государственное преступление;

2)что такое революционер;

3)как и какими средствами революционные деятели достигают своих целей;

4)несостоятельность учений революционных партий.

5)задачи филёрского наблюдения и связь его с внутренней агентурой;

6)серьезность принятых филёром на себя обязанностей и необходимость безусловно-правдивого отношения к службе;

7)вред от утайки, преувеличения и вообще ложных показаний.

Принимались в филёры с большой осторожностью, и, в случае сомнений, надлежало новичка испытать, для чего выдержать его при Отделении недели 2 без поручений по наблюдению, стараясь за это время изучить его характер, на основании данных общения его с другими служащими. Бывало, что филёр, при всех своих достоинствах, обладал также чрезмерной нежностью к семье или непростительной слабостью к женщинам, — эти качества с филёрской службой были несовместимы и вредно отражались на службе.

Филёру в первый же день службы должно быть внушено, что все, что он слышал в Отделении, составляет служебную тайну и ни в каком случае не может быть известно кому бы то ни было.

Принятому в службу наружного наблюдения новичку поручали сначала наблюдение за своим же служащим, и если с этой задачей он справлялся успешно, ему доверялось настоящее наблюдение, причем на первый случай он назначался в помощь старому, опытному филёру. Когда молодых филёров набиралось несколько, в Отделение приглашался священник и молодые филёры приводились к присяге на верность службе.

Начальство внушало филёрам, что наблюдение должно быть строго конспиративным и что лучше вовсе бросить его, чем дать себя заметить. Если наблюдаемый ускользал от филёра, последний должен был, не боясь выговоров и взысканий, доложить об этом начальству.

Раз, взяв наблюдаемого, филёр, словно привязанный, следовал за ним. Он сопутствовал ему всюду пешком, сопровождал в трамвае или на извозчике, заходил с ним в рестораны, магазины и театры, ехал в другой город, а иногда и за границу, дотошно фиксируя лиц, с которыми встречался наблюдаемый, и дома, в которые он заходил. В тех случаях, когда наблюдение должно было быть особо конспиративным, оно велось так называемым «параллельным» методом, состоявшим в том, что 2 филёра следовали по двум улицам, параллельным той, по которой шел наблюдаемый, видя его лишь на перекрестках. Третий филёр шел за наблюдаемым, но на таком расстоянии, что заметить его было практически невозможно.

Все увиденное филёр записывал в свою книжку, которая по заполнении сдавалась заведующему наблюдением. На основании таких книжек или дневников составлялась сводка наружного наблюдения, в конце которой вычерчивалась диаграмма наблюдения» (1, 41).

Появились в Курганском уезде первые филёры при ротмистре В.В. Желябужском (4 апреля 1905г. (3, л.117) - 1910г. (3,л.61об.)), но при нём они службу несли «не напрягаясь», в том числе поэтому Желябужский за политическую неблагонадёжность и был уволен из ОКЖ. (3,л.57,61,200)

Зато при ротмистре Н.В. Кривцове (1911г. (6, 188; 3, л.24) - 1915г. (3,л.10)) филёрская служба, особенно под руководством его жены Марии Павловны, которая секретную агентуру знала больше жандармов и была в курсе всей переписки Курганского жандармского пункта (3, л.12), пошла в рост. Не зря Кривцов, служа в колчаковской контрразведке, покончил жизнь самоубийством (3,л.79).

«Агенты наружного наблюдения не знали ни фамилии, ни профессии лиц, порученных их «заботам». Их не ставили в известность и о причинах установления наблюдения. Агент не знал, за кем наблюдает: за «врагом внутренним» или же за «своим», сексотом в целях проверки правильности его донесений» (2, 116).

Требования к подготовке филёров были жёсткие. Каждый филёр должен знать части города, улицы, площади, полицейские участки, проходные дворы, трактиры, пивные, общественные сады, скверы, сколько последние имеют входов, выходов; отход и приход поездов, места стоянки извозчиков, таксу последних, учебные заведения,

государственные и частные учреждения, время занятий в таковых; фабрики, заводы, время начала и окончания в последних работы (а в 1910г. в г.Кургане было 29 фабрик и заводов, 401 человек рабочих; в Курганском уезде: 777 фабрик и заводов, 2069 рабочих. (5, 55)); формы чиновников, служащих в различных учреждениях и заведениях, техников, учащихся. Полученные филёром в этой области познания он должен представлять ежедневно в письменном виде заведующему наблюдением. По этим письменным ответам можно судить до некоторой степени о пригодности его к филёрской службе».

Одеваться филёр должен согласуясь с условиями службы; обыкновенно же так, как одеваются в данной местности жители среднего достатка, не выделяясь своим костюмом вообще, и отдельными его деталями в частности, из общей массы жителей.

Наружное наблюдение устанавливается за известной личностью с целью выяснения ее деятельности, связей и знакомств.

Каждому лицу, попавшему под наблюдение, дается кличка. Она должна была характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собою впечатление, которое производит данное лицо.

Группа филёров (не менее 2 филеров), назначенная для наблюдения за определенной личностью или домом, называлась наблюдательным постом. Филёру, назначенному на пост, указывалось место, откуда нужно взять наблюдаемое лицо, описывались приметы последнего, давалось фото; сообщалось время выхода или прихода. Рекомендовалось иногда одевать филёров посыльными, торговцами, газетчиками, солдатами, сторожами, дворниками и т. п., смотря по местности и надобности. На пост филёр должен был прийти не более как за час до известного времени выходя наблюдаемого; если же время неизвестно, то нужно было быть на посту ко времени начала общего движения в данной местности. При осуществлении наблюдения рекомендовалось действовать так, чтобы не обратить на себя внимания, не ходить заметно тихо и на одном месте в течение продолжительного времени не оставаться. Удобными местами прикрытия считались находящиеся поблизости: трактир, чайная, пивная, кофейная и т. п. заведения, где, усевшись у окна, из которого видно место выхода, можно спокойно ожидать наблюдаемого. Следуя за наблюдаемым, филёр должен был изучить его походку, характерные движения, обратить внимание на то, как наблюдаемый держит голову, руки, как ступает ногами и проч. Если встреча наблюдаемого с филёрами неизбежна, то запрещалось встречаться глазами, так как глаза легче всего запоминаются.

Проведя наблюдаемого в дом, филёр должен был обследовать двор, т. е. узнать, не проходной ли он, и если проходной, то обеспечить все выходы. В городе, где филер имеет постоянное жительство, он должен знать наизусть все проходные дворы. Все места, куда заходил наблюдаемый, нужно твердо запоминать.

Нужно иметь в виду, что наблюдаемые вообще редко заходят в увеселительные места для развлечения, а в большинстве случаев они пользуются этими местами для конспиративных свиданий; а потому, если в театре наблюдаемый с кем-либо виделся, имея продолжительный разговор или выбирал для разговора укромные места, и вообще, судя по конспиративным приемам, имел деловое свидание, то лицо, видевшееся с наблюдаемым, по выходе следует брать под наблюдение для установки личности.

Если приходится арестовать наблюдаемого на улице, то филеры должны были «отвести» наблюдаемого подальше от его квартиры и указать наблюдаемого чину полиции для ареста. Если наблюдаемый идет по направлению к полицейскому участку, то лучше «подвести» его ближе к последнему.

В случае потери наблюдаемого филеры должны возвратиться к месту жительства наблюдаемого и ожидать вторичного его выхода или возвращения, а также установить наблюдение в местах наиболее частых его посещений.

Вечером, на общем собрании в Отделении, филеры обмениваются данными наблюдения и наводят справки.

На случай отъезда наблюдаемых необходимо было иметь на вокзале аванс, из которого отъезжающие филеры брали себе на дорогу. Этот же аванс мог храниться в жандармской канцелярии на вокзале (рублей по 25 на каждого).

Если наблюдаемый прибывал в другой город и приезжих филёров встречали филёры местного охранного отделения, то приезжим надлежало немедленно же передать местным филёрам наблюдаемого. Сдав наблюдаемого, филёры должны были немедленно с вокзала явиться в местное охранное отделение и доложить имеющиеся у них сведения о наблюдаемом, и, если не будет особого приказания, возвратиться назад (4, 594-606).

Письма по наблюдению посылаются заказными, в двух конвертах, запечатанных сургучной печатью; причем в верхнем (большем) конверте на месте печати делается прорезь, чтобы сургуч при запечатывании проник до внутреннего конверта и припечатал его к наружному. Письма рекомендуется сдавать на вокзалах или же опускать в почтовые ящики поездов.

Несмотря на, казалось бы, превосходную организацию филёрского дела, наружное наблюдение испытывало и немало трудностей и недостатков. Это то, что филёрская служба «так и не смогла подняться выше унтер-офицерского уровня, моральное же её состояние скорее продолжало деградировать. …стали распространяться упаднические пессимистические настроения, …пьянство…» (7,183).

О реальном качестве филёров написал в своих воспоминаниях бывший жандармский офицер А.Поляков, проходивший службу в соседнем городе Тюмени: «За время моей службы …были сформированы «специальные» филёры. Много крови мне попортили охранники и филёры, приезжавшие из Перми, а тут ещё завелись свои под носом, постоянные, которые даже за мной следили! Это были такие, с позволения сказать, прохвосты, что даже мои унтер-офицеры избегали с ними встречаться, а при встречах не подавали им руки» (4, 513).

Таким образом, отживший монархизм не смог должным образом организовать и обеспечить свою собственную безопасность и одну из основ её – службу наружного наблюдения. Задумано всё было хорошо, но так и осталось на бумаге.

Примечания

1.Борисов А.В., Иваневский В.Е., Скрипилев А.Е. Полиция Российской империи XIX-начало XX вв. М., 2000.

2.Галвазин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативной практики. М., 2001.

3.ГАОПДКО, ф.6905, оп.2, д.7599.

4.Жандармы России /Сост. В.С. Измозик. СПб., 2002.

5.Памятная книжка Тобольской губернии на 1910г. Тобольск,1910.

6. Памятная книжка Тобольской губернии на1911г.Тобольск,1911.

7.Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917гг.). М.,2000.

С.В. Любичанковский
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург

МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЛУЖАЩИХ ГУБЕРНСКИХ АДМИНИСТРАЦИЙ УРАЛА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ (РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА)

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ МК-200.2007.6.

Материальное положение служащих аппарата управления не может не оказывать влияния на качество их деятельности как государственных служащих. Нами проведена дифференциация служащих губернской администрации (под ней понимается ключевая подсистема местного управления, подведомственная МВД и состоящая из институтов губернаторства, вице-губернаторства и губернского правления) в зависимости от жалованья и определение той нормы жалованья чиновника в уральских губернских городах (Вятка, Оренбург, Пермь, Уфа), которую условно можно рассматривать в качестве прожиточного минимума в позднеимперский период. Результаты исследования представлены в настоящем докладе.

В исследуемый период чиновникам было запрещено совмещать свою службу с какой-либо коммерческой деятельностью, которая могла бы принести им дополнительный доход. Владельцы недвижимости среди государственных служащих Уральского региона были немногочисленны. Так, например, из 41 служащего Оренбургского губернского правления в 1906 году только 10, то есть менее 25%, имели собственный дом, хотя речь идет о чиновниках-местных уроженцах (5). Три четверти чиновников снимали квартиру. В исключительных случаях, в видах поощрения отдельных служащих из числа высшего губернского руководства, императором могли быть дарованы для получения дополнительных доходов т.н. «права аренды». Что же касается такого вида дополнительных доходов, как пенсии, то в исследуемый период работающие пенсионеры были крайне редки, и это были исключительно высокооплачиваемые губернские руководители. Таким образом, средний, массовый губернский чиновник жил только на жалованье. Остановимся на указанном источнике дохода подробнее.

Жалованье должностных лиц губернских администраций (в каждой губернии – 35 человек, включая 33 должностных лиц губернского правления, вице-губернатора и губернатора) определялось штатами 1865 г., измененными в 1876 г. Эти оклады действовали вплоть до издания закона от 23 марта 1912 г. (12). Таким образом, в 1877-1911 гг. заработная плата этих государственных служащих не увеличивалась. Исключение составляли только губернатор и вице-губернатор. Кроме указанных должностных лиц, в губернских администрациях служили рядовые чиновники. Поскольку они не принимали никаких решений и выполняли лишь механическую работу, в основном по переписыванию бумаг, они не входят в предмет нашего внимания. Однако для полноты картины охарактеризуем также и эту группу. Ее численность штатами не фиксировалась и ограничивалась лишь косвенно: определением совокупной суммы, выделенной учреждению на канцелярские расходы. Изучение ведомостей на получение жалованья позволяет заключить, что писцы и прочие канцелярские служащие получали в год от 120 до 500 рублей (2; 4; 13). Интересно, что средний заработок рабочего по различным отраслям промышленности, подчиненной надзору фабричной инспекции, в Пермской губернии до войны был равен примерно 250 рублям в год. В Уфимской губернии, по данным на 1911 год, рабочим платили от 120 до 450 рублей в год. Таким образом, зарплата фабричного рабочего было вполне сравнима с жалованьем рядового чиновника губернских администраций Урала.

Никакой компенсации инфляционных потерь не производилось, хотя они были значительны. В исследуемый период имел место серьезный рост цен на все основные продовольственные товары, на наем квартир, их отопление и освещение. Проблема «дороговизны жизни» неоднократно поднималась как в местной периодической печати, так и в служебных записках. В заключениях уральских губернаторов о реформе местного управления, направленных на имя министра внутренних дел в 1898-1903 гг., было уделено серьезное внимание материальному положению губернских чиновников. Оно характеризовалось как не соответствующее реалиям жизни. Так, Н.М. Клингенберг в 1900 году отметил, что из-за малого оклада даже в чиновники особых поручений при губернаторе «идут только молодые люди, совершенно неопытные и причем на самое короткое время» (6, 47). П.Ф. Хомутов в 1903 году прямо указал на то, что «нынешние штаты Губернского Правления совершенно не соответствуют современным потребностям». В частности, «содержание делопроизводителей... и их помощников... положительно затрудняет приискание на эти должности дельных работников, которые не стремились бы переходить при первой возможности на службу в другое ведомство» (6, 85). В рапорте Вятского полицмейстера губернатору от 26 июня 1904 г. звучала мысль, что жалованья в 1200 рублей (а это уровень даже не помощников начальников отделений губернского правления, а выше) «при современной дороговизне на все необходимое… недостаточно при самой скромной жизни даже одинокому, не говоря уже о семейных» (3).

Безусловно, одного или нескольких таких свидетельств недостаточно, чтобы записать всех губернских чиновников с окладом ниже 1200 рублей в разряд бедствующих. Научно определить прожиточный минимум позволяет на сегодняшний день только одна исследовательская схема - методика П.А. Зайончковского. Она заключается в сравнении оклада с примерным бюджетом одинокого чиновника (7). Основная сложность заключается в определении структуры такого бюджета, поскольку было бы некорректно экстраполировать современные нормы потребления и семейных расходов на реальность вековой давности. В свое время П.А. Зайончковский воспользовался для целей своего исследования уникальными материалами – опубликованными в середине XIX века, то есть современниками изучаемого им периода, бюджетами «типичных» провинциальных чиновников. Использовать их в целях настоящего исследования было бы неправомерным, поскольку эти бюджеты не относились к периоду позднеимперской России. В результате целенаправленного поиска и определенной исследовательской удачи был найден именно такой, насколько нам известно, единственный в своем роде, документ - расчет минимального годового бюджета провинциального холостого чиновника, опубликованный в Вестнике чиновника в 1912 г.: «В настоящее время за небольшую, удобную для жилья комнату не только в губернском, но и в любом уездном городе надо заплатить восемь рублей в месяц или 96 рублей в год. На отопление такой комнаты в «плохую» зиму надо положить 25 рублей в год. На освещение 15 рублей в год и на самую необходимую прислугу 36 рублей… Обед из двух блюд, от которого не всегда будешь

сыт, стоит двенадцать рублей в месяц или 144 рубля в год. Чай, завтрак и ужин двенадцать рублей в месяц или 144 рубля в год. Обувь, обмундировка, носильное и постельное белье – пятьдесят рублей в год. Стирка белья 36 рублей в год. Табак, газета, доктор, лекарства, страховка инвалидности и другие случайные расходы – четырнадцать рублей в год. Итого 560 рублей в год. Обязательные вычеты из жалованья в инвалидный капитал, пенсионный, по разным подписным листам всего около восьми процентов или сорока рублей в год. Итого шестьсот рублей «minimum» годового бюджета, при котором можно было бы жить одному холостому чиновнику в небольшом городе» (1).

Исходя из представленной выше структуры бюджета и учитывая цены на продукты и услуги в губернских городах Уральского региона, нами был произведен расчет размера указанных выше расходов применительно к более ранним годам позднеимперского периода. Для этого применялась следующая методика. Конкретно были рассмотрены 1894-1896, 1902-1904 и 1910-1912 гг. Использование в расчетах среднестатистических данных за три года, на наш взгляд, сделало результаты подсчетов более репрезентативными, поскольку годовые показатели, в отличие от средних за несколько лет, потенциально обладают большей специфичностью. Документы свидетельствуют, что цены в регионе были примерно равными в Оренбурге, Уфе, Перми и Вятке. Единственным более или менее серьезным отличием обладали цены на жилье: в Оренбурге и Уфе они были стабильно выше на 5-7 рублей, чем в Перми и Вятке. Таким образом, с точки зрения цен на основные товары и услуги Урал исследуемого периода действительно можно рассматривать как единый регион. Оперируя полученными цифровыми данными, далее из полученных средних показателей выбирались наименьшие, округлялись до целых и ложились в основу расчета примерного бюджета уральского губернского чиновника. Таким образом, в своих расчетах искомых бюджетов, представленных ниже, мы руководствовались минимальной планкой цен.

Итоговые цифры таковы: примерный бюджет уральского губернского чиновника в 1894-1896 гг. был равен 210 рублей в год, в 1902-1904 гг. – 409 рублей, в 1910-1912 гг. - 601 рублей. Подчеркнем, что вышеуказанные суммы – это минимальный прожиточный уровень одинокого чиновника, живущего в губернском городе Уральского региона. Наличие жены и хотя бы одного ребенка объективно увеличивает этот минимум, по меньшей мере, вдвое. Исследования показывают, что холостых чиновников среди служащих губернских администраций было меньшинство – в браке состояло более 80% из них (9). В бюджете не учтены также трудно поддающиеся фиксации «представительские» расходы.

Принимая во внимание неизменность окладов и рост расходов, становится очевидным, что в исследуемый период материальное положение служащих губернских администраций неуклонно и планомерно ухудшалось, причем большая группа чиновников оказалась ниже черты прожиточного минимума. Если в 1890-х гг. экстремальным (ниже определенного нами прожиточного минимума) можно признать жалованье лишь рядовых писцов, да и то не всех, то перед революцией 1905 года таковой же была ситуация для 6 должностных лиц губернского правления, то есть для 18,20% их состава (от 33 человек). Перед повышением зарплаты в 1912 г. в аналогичной ситуации находилось уже 14 человек, или 42,40%. Еще 10 человек, то есть 28,60% вплотную приближались к опасной черте. Напомню, что условный минимум был рассчитан на одинокого чиновника. С учетом семейности абсолютного большинства руководителей названных учреждений на Урале, можно с большой долей уверенности и их зачислить в разряд чиновников, получающих в межреволюционный период жалованье ниже прожиточного минимума.

Новые штаты губернских администраций были введены законом от 23 марта 1912 г. Изменение законодательства было в первую очередь вызвано тем, что «ассигнуемые по сим (прежним. – С.Л.) штатам суммы совершенно не соответствуют… возросшей дороговизне на предметы первой необходимости и условиям оплаты труда в других правительственных, а также общественных и частных учреждениях» (11). Но эти надбавки носили догоняющий по отношению к инфляции характер и не смогли не только улучшить, но даже и стабилизировать материальное положение государственных служащих.

Итак, должностные лица губернских администраций Урала в позднеимперский период находились в стремительно ухудшающихся материальных условиях, которые были экстремальными как минимум для трети из них. Такая ситуация не могла не провоцировать падения качества работы местного управления.

Важно отметить, что в этот же период наблюдается сдвиг и в психологии губернского чиновничества, связанный с усилением корпоративного начала в этой среде. О складывании неформального объединения губернского чиновничества, основанном на сокрытии должностных преступлений, однозначно свидетельствуют как документы официального делопроизводства губернских администраций Урала (10), так и материалы сенаторских ревизий, проведенных в этот период в ряде других регионов империи (8). Тяжелое материальное положение достаточного большого количества работников губернских администраций среднего звена ускоряло формирование неформальной корпорации губернского чиновничества, снижающей эффективность государственного управления в регионе, поскольку предоставляло удобное моральное обоснование незаконного поведения как вынужденного.

Примечания

1. *Вестник чиновника. 1912. №33. С.7.*
2. *Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.583. Оп.172. Д.171. Л.21; Оп.607. Д.664.*
3. *ГАКО. Ф.583. Оп.98. Д.123. Л.1об.-2.*
4. *Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.11. Оп.3. Д.3902-3905, 3907-3917, 3919-3920, 3923-3926;*
5. *ГАОО. Ф.11. Оп.3. Д.3899.*
6. *Губернская реформа в заключениях губернаторов Уральского региона на рубеже XIX-XX вв.: Сборник документов / Пред., вступит. статья, комментарии и публ. С.В. Любичанковского. Оренбург, 2006. С.47.*
7. *Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке. М., 1978. С.80-86.*
8. *Любичанковский С.В. Губернские администрации Российской империи в оценке сенаторских ревизий начала XXв. // Клио. Журнал для ученых. 2005. №3. С.125-131.*
9. *Любичанковский С.В. Губернские администрации Урала в 1895-1913 гг.: социокультурный аспект // Вестник Евразии. 2006. №2. С.75-94.*
10. *Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.) / Поволжский филиал Института российской истории РАН. Оренбург, 2005. С.172-185.*
11. *Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.1276. Оп.3. Д.18. Л.299об.-300.*
12. *РГИА. Ф.1276. Оп.3. Д.18. Л.335-336.*
13. *Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф.И-9. Оп.1. Д.752, 754.*

Л.Ю. Зайцева
Шадринский государственный педагогический институт,
г. Шадринск

ШКОЛЫ ПРИ МОНАСТЫРЯХ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX-НАЧАЛЕ XX В.

Ведомости 1842 г. содержали сведения, что в Абалакском, Иоанновском и Тобольском монастырях Тобольской епархии училища были открыты в 1839 г., а в Тюменском монастыре – в 1840 г. (3, 3). Рапорты монастырских настоятелей за 1847 г. конкретизировали эти сведения. Архимандрит Венедикт из Тобольского Знаменского монастыря в своем рапорте архиепископу Георгию утверждал, что при монастыре «заведено училище для обучения детей назад тому 3 года», т.е. в 1844-1845 г.г. В монастырском училище в 1847 г. обучались 3 мальчика. Преподавали «по очереди кто-нибудь из иеромонахов, Священников, Диаконов или Послушников, смотря по способности, удобству и охоте их. Постояннаго же преподавателя в малолюдном Тобольском Знаменском монастыре определить невозможно» (4, 5). Архимандрит Тюменского Троицкого монастыря Владимир сообщал, что в его монастыре с 1840 по 1845 г. обучались 5 штатнослужительских детей, а в 1847 г. «временно обучаются в братских келлиях под моим надзором чтению часослова и псалтыри, и письму всего 9 человек из малолетних детей тюменских мещан, из коих 5 учеников обучает послушник Михей Космаков и 4 ученика послушник Андрей Соколов» (4, 21). Иеромонах Гавриил, управляющий Иоанновским Междугорским монастырем, отмечал, что при монастыре особого училища не имелось, а учащиеся занимались в братских кельях. В 1847 г. в монастыре обучались 4 человека из штатнослужительских детей. Преподавал иеромонах Моисей (4, 40).

Игуменья Туринского Николаевского женского монастыря Афинодора в рапорте от 25 апреля 1847 г. за №37 писала: «…при вверенном мне в управление Монастыре до настоящаго время училище заведено не было» (4, 7). «Кроме что в настоящаго время по распоряжению начальства принято мною воспитанниц из Духовнаго и Светскаго звания сирот малолетних девиц на жительство в монастыре 12, которыя требуют образования кроме занятий по рукоделью и хозяйственной части грамоте писать и читать и чтоб дать им хотя малейшее понятие о грамоте. Я поручаю их из находящих здесь послушниц малограмотных учить только азбуке и читать Духовныя книги» (4, 7). В рапорте от 6 июня 1847 г. за №50 игуменья добавляла: «…при самом вступлении в управление вверенаго мне монастыря я обратила внимание на образование малолетних проживавших тогда в оном только двух девиц, к ним приняв сама по просьбе родственников трех малолетних светских сирот с сентября месяца 1845 г. и тогда же распорядилась завести училище, избрав из среды послушниц более грамотных и благонадежных поручила им под моим руководством воспитание детей и обучение грамоте, которыя ныне поют и читают на клиросе, но в последствии времяни когда по распоряжению Начальства поступило в монастырь воспитанниц еще 7 девиц разнаго возраста и состояния, тогда сделано мною распоряжение обучать их не одной грамоте, но и рукоделью и хозяйственной части, назначив к тому способных из сестер» (4, 41). Афинодора отмечала восприятие сестрами мер по развитию монастырского образования: «…все это вводимое казалось для проживающих в монастыре очень новым порядком, которыя никогда не воображали ни о каких науках и просвещении» (4, 41). Монастырский священник не брал на себя учительские обязанности: «Священник же Бирюков, будучи занят службою и должностию законоучителя при Туринском уездном училище не обращал на это никакого внимания» (4, 41). Игуменья признавалась: «При таковых обстоятельствах я нередко встречала в этом случае много затруднений и видела большие недостатки во всех к тому предприятиях моих, а потому в рапорте своем Вашему Высокопреосвященству от 25-го Апреля №37 я не смела ничего сказать о заведенном мною при Монастыре с сентября месяца 1845 года детском училище» (4, 41). Игуменья Афинодора полагала, что училище сможет действовать по-настоящему с привлечением диакона и священника: «Ныне же, повинуясь указу Духовной Консистории Диакон Монастыря Сильверстов принял должность учителя в сказанном выше мною училище и продолжает обучать грамоте всего детей женскаго пола 12-ть человек, но с прибытием ожидаемаго сюда Священника Головина, он, надеюсь, улучшит это заведение, так как он, Головин, ничем, кроме церковной службы не будет отвлечен от занятий по училищу» (4, 41).

В Иоанновском монастыре обучались (5):
1847 г. – 5 человек,
1848 г. – 6 человек,
1849 г. – 6 человек,
1850 г. – 7 человек,
1851 г. – 4 человека,
1852 г. – 1 человек. Все мальчики.

В рапорте от 8 января 1853 г. за №8 Иоанновского Междугорного монастыря строителя иеромонаха Гавриила: «…при вверенном мне Монастыре особаго училища не имеется, а занимаются учащияся в братских кельях, в коих учится 1 штатнослужительский сын. Учитель его – иеромонах Иоил, обучающий его Псалтирю и Чистописанию под собственным моим наблюдением, на собственном родителей иждивении» (5, 7).

Школы при монастырях в первой половине и середине XIX в. ещё не имели специальных зданий, учительских кадров и образовательных программ. Обучались в них преимущественно священнослужительские дети. Контингент учащихся был немногочисленным. Преподавание оставалось нестабильным. Еще слабо ощущалась потребность в образовании среди населения, а духовенство не имело стимулов к преподавательской деятельности. К 70-м годам XIX в. ситуация в некоторой степени изменилась.

Из рапорта Игуменьи Уфимского Благовещенского женского монастыря Евпраксии о монастырском училище (1870 г.):

«Училище помещается в особом монастырском доме; сироты, воспитываемые на счет монастыря, имеют удобное помещение, сытный стол без применения к ним правил монастырской жизни, одежду нераскошную, но приличную их возрасту и все однообразную; наблюдение за воспитанницами поручено благонадежной сестре Монастыря, которая при участии монастырскаго духовника занимается обучением детей. В виду того, что воспитанницы бедныя сироты, для которых труд, может быть, будет единственным источником к обезпечению, при занятиях науками, значительная доля времени употребляется на обучение детей рукоделию. Кроме того, дети приучаются к домашнему хозяйству: весною они бывают при посадке овощей, летом при уборе сена, осенью при собирании овощей. В последнем случае имеется в виду и физическое развитие детей. Монастырское училище имеет для себя целью, кроме желания облегчить часть беспомощных сирот духовнаго звания, дать возможность малолетних детям, остающимся без всяких средств к вос-

питанию, приготовиться для поступления в 6-классное Епархиальное женское училище… и в истекшем году 2 сироты духовного звания по надлежащей подготовке сдали в Епархиальное училище приемный экзамен и приняты в число пансионерок оного».

Среди учащихся:

Сироты духовного звания – 8;

Сироты мещан – 2;

Чиновников – 1;

Приходящие – 10. Всего – 21 (1, 87).

В 1886 г. была принята резолюция Тобольского епископа: «Вменить в обязанность всем членам причтов нашей Епархии, чтобы они детей своих, предназначаемых в Псаломщики, старались заблаговременно сами, возможно основательнее приготовлять к Псаломщическим должностям, не обременяя монастырей сим делом, где могут обучаться церковному чтению и пению сироты Духовнаго Звания» (2, 291).

Тобольские епископы нередко посылал в Тюменский Свято-Троицкий мужской монастырь Тобольской епархии молодых людей «для подготовки их в монастыре к пению и чтению». Игумен Порфирий высказал желание «выпускать из монастыря Псаломщиков благонравнаго поведения и твердо знающих все обязанности псаломщика, с правильным чтением, пением и знанием устава, а также закона Божьяго, Литургики, Катихизиса», для чего просил епископа «разрешить устроить при вверенном мне монастыре 2-хмесячные псаломщические курсы» (8, 39).

По выходу из монастыря получалось удостоверение, пример которого мы приведем: «Удостоверение. Сим удостоверяю, что предъявитель сего – Иван Иванович Шевнин с 10 мая 1913 г. и по 5 мая сего 1914 г. проживал во вверенном мне Тюменском Свято-Троицком монастыре, при чем за время своего пребывания в монастыре был на псаломщических курсах слушателем, храм Божий посещал с усердием, исполнял клиросное послушание, поведения был хорошаго и ни в чем предосудительном замечен не был. Выдано настоящее удостоверение от Настоятеля Тюменского Свято-Троицкого монастыря, Игумена Порфирия. 5 июня 1914 г.» (9, 70).

Из отчета о состоянии Кунгурского женского монастыря Пермской епархии за 1913 г.: «При монастыре с 1892 г. существует одноклассная церковно-приходская женская школа, для которой монастырем отведен особенный дом – 94 девочки. Учительницы – рясофорные монахини: старшая окончила курс в Пермской Мариинской Гимназии и младшая окончила Прогимназию в г. Глазове» (6, 7).

Из отчета о состоянии Красносельского женского монастыря Пермской епархии за 1913 г.: «В числе сестер есть много зырянок из Вологодской губернии, которые большею частью поступают неграмотными и обучаются в монастыре грамоте, клиросному церковному пению и чтению и разным рукоделиям и становятся по языку и образу жизни своем русскими» (7, 1). Школа грамоты при монастыре «за неимением учащихся в 1904 г. прикрыта». 27 октября 1913 г. была открыта церковно-приходская школа. Среди учащихся было 52 послушницы, из которых около половины совершенно неграмотные. Кроме них уроки Закона Божьего посещали старшие сестры-монахини. Преподавателем был священник монастыря о. Иоанн Ляпустин, который «не только заботился об открытии при монастыре школы, но и все учебники для всех обучающихся, учебные пособия, бумагу и письменные принадлежности приобрел на свой счет» (7; 8,9).

В Тюменском Свято-Троицком мужском монастыре действовала Филофеевская 2-классная церковно-приходская школа. В 1914 г. в 1-м классе обучалось 46 человек, во 2-м – 13 человек, а всего в школе значилось 59 учащихся. Законоучителем был священник Иоанн Страхов, остальные предметы преподавала учительница Е. Иваценвич. В первом классе преподавались: Закон Божий, славянское чтение, русский язык, арифметика, чистописание; во втором классе – Закон Божий, церковно-славянский язык, церковное пение, русский язык, арифметика, история, география, физика, геометрия, естественная история, чистописание. Среди учащихся все были мальчиками. Обучались 6 послушников. 1-й класс был разбит на 3 группы: старшая, средняя и младшая. 2-й класс – на 2 отделения: IV и V-е. Успеваемость была разной. Несколько человек были охарактеризованы: «плохо учится». Выводился «средний вывод», т.е. средний балл по учебе, который в основном составлял «3», а также оценка за поведение, среди этих оценок в основном преобладали «4» и «5», лишь две «3». Нередки двойки по отдельным предметам (9, 80-81).

Тюменская мещанская вдова Агафья Николаевна Белунина в своем прошении от 30 апреля 1914 г. Тобольскому епископу писала: «После смерти мужа моего Тюменского мещанина Георгия Петровича Белунина последовавшей тому 2 года…остались на моих руках буквально без всяких средств к существованию четверо малолетних детей из коих двоих мне удалось поместить в Тюменское Владимирское сиропитательное заведение, двое же других по настоящее время находятся на моем попечении, не имея средств, я желала бы поместить сына Николая, которому исполнится в Июле месяце 10 лет, в Тюменский Иоанновский мужской монастырь, с каковою просьбою я и обращалась к Настоятелю сказанного Монастыря. На что он заявил мне, что помещение в монастырь кого-либо зависит от Вашего Преосвященства. Заявляя о вышеизложенном, имею честь покорнейше просить Ваше Преосвященство зделать кому следует распоряжение о принятии сына моего в сказанный выше Тюменский Иоанновский Монастырь и о последующем распоряжении мне объявить» (9, 97). Епископ Варнава на прошении вывел резолюцию: «Если О. Игумен Порфирий согласен, то ничего не имею против» (9, 97).

Со второй половины XIX в. школы при монастырях обучали сирот духовного звания, готовили молодых людей к псаломщическим должностям, а девочек к поступлению в Епархиальное женское училище. Монастырские школы были открыты для детей недуховного сословия и инородцев. В этих школах не просто давали зачатки грамоты, как это было в 40-50-х годах, но обучали в соответствии с программами школ грамоты или церковно-приходских школ. Количество учащихся значительно возросло. Преподаванием занимались лица духовного звания и учителя. Уровень профессиональной подготовки последних оставался невысоким, как и качество знаний учащихся.

Примечания

1. *БЦГИА. Ф.И-291. Оп.1. Д.39.*
2. *ГАКО. Ф.28. Оп.1. Д.6.*
3. *ГАКО. Ф.И-235. Оп.1. Д.280.*
4. *ГАКО. Ф.И-235. Оп.1. Д.281.*
5. *ГАКО. Ф.И-235. Оп.1. Д.282.*
6. *ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.486.*
7. *ГАПО. Ф.198. Оп.1. Д.488.*
8. *ГАТюмО. Ф.И-85. Оп.1. Д.95.*
9. *ГАТюмО. Ф.И-85. Оп.1. Д.322.*

Э.Р. Кадиков
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

ОМСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ВЕСНОЙ-ЛЕТОМ 1911 Г. ГЛАЗАМИ ФИЛЁРОВ

Для начала XX в. характерна острая конфронтация власти и общества, борьба правительства с революционным движением достигла своего апогея. По мнению директора Департамента полиции С.П. Белецкого, «события 1905 г. – результат непринятия своевременно решительных мер, что в свое время было результатом неосведомленности розыскных органов вследствие неудовлетворительной постановки политического розыска, почему все подготовительные работы революционеров прошли незамеченными или были учтены недостаточно серьезно местными розыскными органами» (Цит. по: 7, 41). Уже в ходе этой борьбы правительство стремилось исправить ошибки в работе политического сыска, дабы иметь всеобъемлющую информацию как о жизни партий в целом, так и о каждой их отдельной организации. Главным источником осведомления политической полиции являлась внутренняя секретная агентура. Определенную роль играло и наружное наблюдение, для чего назначались особые лица (филёры). Согласно разработанной в 1907 г. Инструкции начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения, последнее представлялось средством, большей частью вспомогательным, поэтому наибольшую выгоду из наружного наблюдения можно было получить «только при строгом сообразовании его с указаниями внутренней агентуры на значение наблюдаемых лиц и намеченных филёрами событий» (5). По словам генерал-майора Отдельного корпуса жандармов А.И. Спиридовича, «наружное наблюдение развивало данные внутренней агентуры» (8, 52), т.е. через него шла разработка сообщений секретных сотрудников, уточнялись и проверялись их сведения. Филёры, наблюдая на улицах за причастными к революционным организациям лицами, выясняли наружно, что те делали, с кем встречались и какие места посещали.

В этой связи сохранившийся в Государственном архиве Омской области в фонде Омского жандармского управления (ОЖУ) дневник наружного наблюдения за лицами, принадлежащими к организации партии социалистов-революционеров (ПСР) в Омске за период с 29 марта по 5 августа 1911 г., позволяет более достоверно реконструировать историю местного эсеровского подполья (4). С одной стороны, филёрский дневник раскрывает лишь внешнюю канву повседневной жизни эсеров, но с другой – в силу своей специфики дает некоторое представление об их образе жизни, занятиях вне стен своего дома.

В 1911 г. деятельность эсеров в Омске активизировалась после значительного перерыва (1. Л. 2; 9, 97). Уже 10 января начальник Томского охранного отделения ротмистр Д.И. Знаменский, опираясь на полученные агентурные сведения, уведомлял начальника ОЖУ полковника Орлова об организовавшейся в городе группе социалистов-революционеров (3. Л. 2). Однако в последовавшем ответе омские жандармы настаивали на отсутствии эсеров в городе – они были разгромлены еще в 1909 г. (3. Л. 3). Одновременно практически ту же информацию Орлов сообщил начальнику Иркутского Губернского жандармского управления полковнику М.И. Познанскому: «Сведений нет, сплоченной организации социалистов-революционеров в Омске абсолютно нет, а есть лишь только отдельные личности, по убеждению принадлежавшие к ПСР. Но таковые между собой связи не имеют» (3. Л. 117). Лишь 17 февраля, когда от секретных сотрудников «Иванова», «Журавля» и «Белого» были получены данные о составлении эсерами прокламации «19 февраля» и их намерении распространить оную в день пятидесятилетия со дня отмены крепостного права (2. Л. 4 об.), а также уже после проведенной акции началась разработка местной эсеровской группы.

Сохранившиеся в жандармском делопроизводстве документы доказывают важность службы наружного наблюдения в негласном расследовании. Штат филеров, ведущих слежку за местными эсерами весной 1911 г., состоял из 7 человек (Обух, Майоров, Погребной, Лесняк, Фартушин, Сизов, Назаров). Значение работы филеров ОЖУ подтверждается вниманием к ней со стороны ротмистра Д.И. Знаменского, опытность которого отмечалась полковником Орловым. В частности, 29 апреля Д.И. Знаменский «прибыл в г. Омск, лично ознакомился с филерами и со всеми секретными сотрудниками по всем организациям и, беседуя с ними по нескольку часов, нашел, что они вполне соответствуют своему назначению» (3. Л. 136). Однако в мае полковник Орлов, признавая недостаточность собственных сил для наружного наблюдения, обратился к начальнику Томского охранного отделения с просьбой о командировании нескольких человек филеров на помощь (3. Л. 157 об.). В итоге из Томска для усиления филерского состава ОЖУ по наблюдению за членами местной организации ПСР были командированы П. Уфинцев и П. Данчин (3. Л. 162), а еще ранее был оставлен филер Е. Шушарин, прибывший в город вместе с видным эсером М.М. Федоровым (3. Л. 101, 162).

В разное время наружному наблюдению подверглись как активные члены местного эсеровского подполья, так и сочувствующие партии лица: И.Л. Симанин (газетный сотрудник), М.М. Федоров (омский мещанин без определенных занятий), В.А. Шевелев (типографский наборщик), А.Л. Бессонов (землемер), Г.И. Гительсон (корректор газеты «Омский Вестник»), А.И. Эсаулов (землеустроитель), В.В. Лавров (слесарь Омских железнодорожных мастерских), Н.В. Рымш (ученик Омского железнодорожного технического училища), А.К. Попов (ученик Омской Центральной фельдшерской школы), В.М. Осипов (музыкант), Н.Н. Ваньков (техник Сибирской железной дороги), проживающий по подложному паспорту на имя Н.И. Бердюгина помощник секретаря при редакции «Омский Вестник», дочь дворянина Е.К. Ромберг, германский подданный Р.Р. Шефер (музыкант) и др. Каждому лицу, вошедшему в наблюдение, давалась краткая (из одного слова) кличка. В соответствии с Инструкцией по организации наружного (филерского) наблюдения от 1907 г. она должна была характеризовать внешность наблюдаемого или выражать собой впечатление, которое производит данная личность (6). Так, М.М. Федоров получил кличку «Курносый», В.А. Шевелев – «Смуглый», Н.В. Рымш – «Бородавка», его брат И.В. Рымш – «Конопатый», В.В. Лавров – «Клюв», В.М. Осипов – «Мохнатый», Н.И. Бердюгин – «Рыжий», Е.К. Ромберг – «Чалма». Однако иногда вопреки Инструкции кличка могла даваться исходя из занятия наблюдаемой фигуры – «Землемер» (А.Л. Бессонов), «Корректор» (П.Ф. Михайлов), по имени – «Ваня» (И.Л. Симанин), по географическому объекту – «Пермяк» (А.И. Эсаулов). Из всех наблюдаемых лиц наибольшего внимания со стороны филеров удостоились М.М. Федоров, В.М. Осипов и Н.И. Бердюгин, что, впрочем, вполне понятно.

После арестов в марте – апреле 1911 г. ряда участников местного эсеровского подполья М.М. Федоров по прозвищу «капитан» развил активную партийную деятельность. За ним наблюдало одновременно до 3 филеров (4.

Л. 38, 48 об., 49 об.). Отчеты агентов наружного наблюдения лишь подтверждали значение данной фигуры для Омской организации ПСР. «Курносый» посещал наибольшее количество адресов (в том числе Пушкинскую библиотеку), чаще других встречался с разными лицами, именно на его квартире проходили сходки социалистов-революционеров. Так, 13 апреля состоялась сходка, в которой участвовали 12 человек (4. Л. 28 об.-29). Но не все у «капитана» получалось гладко. Это касается, например, его поездки в Томск в начале мая. Пробыв там всего один день, М.М. Федоров вечером 8 мая вернулся обратно. Филеры, ожидавшие на вокзале приезд «Курносого», осветили его поведение по прибытии: встретили «капитана» В.М. Осипов, Р.Р. Шефер, И.В. Рымш и «неизвестный молодой человек в черной фуражке и черном пальто…»; ««Курносый», проговорив с ними минут 10, отделился от них и ушел по шпалам городской ветки в город, и, дойдя до завода Мариупольского, сел на скамейку около дома и, просидев минут 5, встал и прошел на Атаманскую ул., где зашел в свой дом и был оставлен» (4. Л. 48 об.49). Подобное поведение М.М. Федорова во многом становится понятным после ознакомления с донесением ротмистра Д.И. Знаменского полковнику Орлову, где отмечалось, что М.М. Федоров произвел весьма плохое впечатление на членов Томской организации ПСР, вследствие чего к нему отнеслись с недоверием и отказались от активного участия в деятельности омской эсеровской организации (3. Л. 148).

Тем не менее, роль М.М. Федорова среди местного подполья нельзя недооценивать. 26 мая полковник Орлов сообщал ротмистру Д.И. Знаменскому, что в Омской организации ПСР «работа остановилась и произошло среди них замешательство по случаю тяжкой болезни главы партии Федорова» (3. Л. 164-164 об.). И действительно, как видно из показаний филеров, следивших за Н.И. Бердюгиным, «Курносый» находился на излечении в городской больнице. Причем сам Н.И. Бердюгин, по сведениям филеров, 24 мая посещал на берегу Иртыша плоты, пришедшие из Семипалатинска с лесом, и разговаривал там с рабочими «относительно инцидента «Курносого», происшедшего с рабочими по поводу драки» (4. Л. 70 об.-71). В данном инциденте, видимо, и кроется причина болезни «капитана». Только 5 июня за ним вновь установлено наружное наблюдение, однако филеры продолжали отмечать, что «Курносый» «от болезни еще не совсем поправился» (4. Л. 81, 84).

Другим заметным деятелем омских эсеров в 1911 г. являлся музыкант В.М. Осипов, квартиру которого очень часто посещал М.М. Федоров. Филёрский дневник содержит весьма интересные подробности относительно образа жизни «Мохнатого». Так, с наступлением теплой погоды он перебрался жить в палатку «на острове реки Иртыша вблизи пивного завода Мариупольского» (4. Л. 71 об.). Там же стали устраиваться сходки эсеров и близких к ним лиц. 27 мая, в частности, на остров переправилось 9 человек, причем не только для решения партийных дел. Вечером, по сообщениям филёров, «с острова приехал человек на лодке, имея в руках корзину, и прошел в винноколониальный магазин Пономарева…, откуда через 10 м вышел с покупкой и прошел в пивоваренный завод Мариупольский, где купил 1 ведро пива и прошел на берег р. Иртыша и отправился на лодке на остров» (4. Л. 74 об.). Возвращения с острова данных лиц филёры так и не дождались и предположили, что все они остались там ночевать. Вечером следующего дня В.М. Осипов с четырьмя товарищами «с музыкой» отправился поездом в Исилькуль (4. Л. 75 об.).

Говоря о работе филёров, наблюдающих за местными эсерами в 1911 г., необходимо в целом отметить их добросовестность. Благодаря усилиям службы наружного наблюдения были выяснены первостепенные и второстепенные члены Омской организации ПСР. Именно филёры смогли сравнительно быстро найти 8 апреля партийную типографию, зарытую в лесу в 3-х верстах от Омска (4. Л. 26 об.27). В то же время в их работе были и промахи. Таков, например, эпизод, связанный с отъездом М.М. Федорова в Томск. Со 2 по 5 мая филеры, дежурившие на станции Омск, отмечали, что при наблюдении у всех пассажирских поездов, идущих на Сибирь, «Курносого» не видели (4. Л. 46-47). Тем не менее, 4 мая М.М. Федоров все-таки выехал в Томск (3. Л. 96). Или другой случай, выявляющий оплошность агентов наружного наблюдения: 28 мая следившие за В.М. Осиповым филёры Обух и Погребной сообщали, что в течение всего дня его не видели, находившиеся же на станции Омск филёры Майоров и Шушарин заметили там появление в 7 час. вечера «Мохнатого» с товарищами (4. Л. 75 об.).

Безусловно, наиболее опытные революционеры не могли не учитывать возможность наблюдения за собой. Документы филёров нередко свидетельствуют о большой степени осторожности, выказываемой отдельными лицами, в частности, М.М. Федоровым. Так, 20 апреля «Курносый» неоднократно выходил из дома и возвращался, постоянно оглядываясь назад: ходил «по разным улицам и переулкам то очень тихо, то скоро, оглядываясь во все стороны», вечером же вместе со знакомым техником пошел «по разным улицам, делая разные ухищрения скрыться, оглядываясь назад, то останавливаясь, то бегая бегом» и в результате был утерян (4. Л. 35). 26 апреля «капитан» вообще предпринял попытку раскрыть филёров с помощью своего товарища, который шел позади и, «очевидно, старался узнать тех лиц, кто наблюдает за Федоровым» (4. Л. 41-41 об.).

Таким образом, наружное наблюдение являлось немаловажным источником получения информации о деятельности революционеров. Филёры ОЖУ сыграли существенную роль в раскрытии местной организации ПСР, что позволило жандармам в декабре 1911 г. ликвидировать ее. Филёрские дневники имеют большую ценность для восстановления отдельных эпизодов из жизни эсеров, позволяют реконструировать общий контекст, в котором происходило развитие революционного движения в начале прошлого столетия.

Примечания

1. *Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.270. Оп.1. Д.59.*
2. *ГАОО. Ф.270. Оп.1. Д.526.*
3. *ГАОО. Ф.270. Оп.1. Д.529.*
4. *ГАОО. Ф.270. Оп.1. Д.530.*
5. *Инструкция начальникам охранных отделений по организации наружного наблюдения, 1907 г. // http:// gendarme.regiment.ru/doc/A/15.htm*
6. *Инструкция по организации наружного (филёрского) наблюдения, 1907 г. // http://gendarme.regiment.ru/doc/A/16.htm*
7. *Перегудова З.И. Политический сыск России (1880 – 1917 гг.). М., 2000.*
8. *Спиридович А.И. Записки жандарма. Харьков, 1928.*
9. *Толочко А.П. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910 – 1914 гг.). Томск, 1989.*

А.О. Коптелов
Институт истории и археологии
Уральского отделения РАН,
г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ НА УРАЛЕ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Современное российское общество в последнее пятнадцатилетие вступило в эпоху развития, которая характеризуется отказом от некогда безраздельно господствовавшей идеологии, ломкой исторически сложившихся стереотипов, отрицанием многих былых ценностей и истин, еще недавно казавшихся единственно значимыми. Пересмотр многих догматических канонов в истории, постепенное исчезновение белых пятен и запретных тем, получение доступа к ранее закрытым источникам - все это в значительной степени стимулирует интерес к исследованию прошлого российского государства. Появление новых подходов в исторических исследованиях, отказ от штампов в оценке социально - экономического анализа исторической ситуации, смещение политических акцентов, от простого деления на «белых» и «красных», «наших» и «не наших» дает возможность обратиться к таким историческим темам, изучение которых ранее было не всегда возможным, а главное, заставляло исследователей делать из исследуемого материала, заранее определенные идеологическими установками выводы.

Глубокие политические и социально-экономические изменения в стране в начале XXI века властно требуют пересмотра важных положений в истории России, искажавшихся или малоизученных в прошлом. В этот процесс активно включились исследователи, изменившие свой взгляд к традиционным подходам к самодержавию, ведь предвзятость едва ли не чаще всего проявлялась в освещении именно истории царской России. Сегодня уже почти не оспаривается тот факт, что в условиях XIX - начала XX веков самодержавие, представляя интересы дворянского сословия, в то же время выступало верховным арбитром между борющимися общественными силами. Поэтому современные историки стремятся глубоко и непредвзято изучать деятельность самодержцев и их правительственных аппаратов. Они пытаются выявить, какие меры, принятые и реализованные ими через различные учреждения и ведомства, имели общенациональный характер, а какие – интересы дворянства.

При новом подходе к прошлому важно не только изучение верховной власти, но и ведущих государственных учреждений, на которые она опиралась, осуществляя державную волю и замыслы. Повышенное внимание у исследователей вызывает сегодня история государственного аппарата Российской империи, в системе которого, как оказалось, было немало работоспособных институтов. Речь в первую очередь идет о системе политического сыска Российской империи, получившей в оппозиционной среде, да и в значительной части научных и литературных произведений, название «охранка».

На протяжении ряда десятилетий в исторической литературе было принято, идеализируя революционное движение и его участников, в то же время производить своеобразное «оглупление» противника, изображать весь государственный аппарат царизма в виде однородной грубой силы, способной действовать лишь по принципу «тащить и не пущать!». В «исторических» исследованиях нам предлагали строго выверенный набор «героев», столь же тщательно отобранный набор «злодеев». Советские исследователи, описывая тяжелую жизнь народных масс, терпевших нужду и бедность, уделяя внимание самодержавному государственному аппарату, особенно его репрессивным органам: полиции и жандармерии, зачастую рисовали деятельность последних только в мрачных и темных тонах, замалчивая то позитивное, что было в этих, конечно же далеких от совершенства органах и учреждениях. В последние же годы, напротив, наметилось стремление (чаще всего оно присуще авторам публицистических работ), с одной стороны, оценивать революционное движение лишь в негативном плане, а с другой – в восторженных тонах описывать деятельность руководителей царской охранки, показывать их как «спасателей» Отечества, «рыцарей без страха и упрека». Такой подход, вольно или невольно, влечет за собой реанимирование монархических настроений, что вряд ли можно считать оправданным.

Только сегодня стали серьезно исследоваться механизм и особенности функционирования охранительных органов, в том числе и органов политического сыска. И это имеет огромное значение для россиян, поскольку несколько поколений наших соотечественников росли, находясь в плену хорошо продуманной мифологии, исключавшей самостоятельные суждения. Белым пятном для нас остается по-прежнему практически весь XIX в. и начало XX в. и тем более, такая тема, как история русской политической полиции. Эту тему тщательно не исследовали дореволюционные историки, советские же исследователи подходили к архивам III отделения, Корпуса жандармов и Департамента полиции только как к материалу по истории революционного движения. Между тем выяснение социальной природы и функций полицейской организации является чрезвычайно существенным для понимания политики царского правительства.

Повышенное внимание к общим проблемам истории России, развитию отдельных регионов, выделению самостоятельных субъектов Российской Федерации - все это в комплексе подогревает интерес к региональной истории, особенностям становления регионов, территорий и областей, выявлению их специфики и роли в истории страны в целом. Пристальное внимание историков в последнее время к составу, механизму функционирования и практике государственных органов на местах связано с необходимостью выявления определенных тенденций в деятельности властей в различных регионах России. Функционирование государственной власти во многом определялось именно местным правительственным управлением и чиновниками на местах, именно с ними соприкасалось в повседневной жизни громадное большинство населения. Обращение к деятельности государственной администрации на местах вызвано пониманием значительной и возрастающей роли регионов. В то же время чиновничество России в провинциях в XIX-начале XX в. изучено недостаточно, внимание исследователей по большей части сосредоточено на бюрократии центральных и высших органов власти. Если управленческая деятельность и карьера губернаторов отдельных регионов Европейской России стала предметом специального рассмотрения, то исследования корпуса административной элиты на местах (включая и представителей жандармского ведомства), предпринимавшиеся отечественными и зарубежными историками, большею частью ограничивались выявлением общих характеристик. При этом административная элита традиционно выделяется в соответствии с критериями формально-юридического характера, в то время как реальные властные полномочия отдельных лиц и даже групп зависели и от неформальных факторов.

Характерной чертой системы управления в Российс-

кой империи было большое значение личностного начала. Попытки внести элементы порядка и рационального устройства в бюрократический аппарат упорно размывались патриархальными традициями местного управления. Очень многое и в деятельности органов власти, и в жизни управляемых людей зависело от авторитета, воли, взглядов, вообще человеческих качеств тех, кто занимал высокие должности. В изучении личностей государственных деятелей в регионах предстоит сделать еще немало. Существующие источники дают возможность во многом восполнить существующие пробелы и выявить социальные характеристики, особенности карьеры, реальный круг дел и забот отдельных представителей государственной администрации на местах, включая офицеров Корпуса жандармов.

В деле эффективной разработки любой научной проблемы важную роль играет изучение истории вопроса, поскольку известно, что исторический подход позволяет лучше понять современные проблемы, дает возможность вычленить закономерности развития теории и практики, трудно уловимые без ретроспективного анализа. Однако работ, которые посвящались бы системе органов царской России в XIX-начале XX в., обеспечивавшей охрану государственного и общественного строя, на сегодняшний день явно недостаточно. Предметом глубокого исследования должна стать деятельность административно-полицейских органов государства в Уральском регионе в указанный период по обеспечению государственной безопасности, формы и методы борьбы с противниками существующего режима, правовые и организационные основы их деятельности. Территориальные рамки, которые должны охватывать подобные исследования, определяются административно - территориальными границами Пермской губернии в XIX-начале XX века. В составе Пермской губернии были не только современные районы Пермской области, но и современные территории Зауралья, и даже южного Урала. Это - Камышловский, Верхотурский, Екатеринбургский, Шадринский, Ирбитский и Красноуфимский уезды. Всего в составе губернии было 12 уездов. Пермская губерния граничила на западе - с Вятской, на севере - с Вологодской, на востоке - с Тобольской, на юге - с Оренбургской и Уфимской губерниями.

Методологической основой таких исследований должны стать принципы объективности и историзма. Изучение проблемы целесообразнее проводить на грани исторического, историко-правового и политико-правового исследования. В таких работах авторы должны придерживаться и принципа единства и непрерывности исторического процесса и рассматривать историю пермских губернских жандармов, а позже и Пермского губернского жандармского управления (ПГЖУ) в контексте истории Российских спецслужб. Данные исследования должны дать обзор изменений структуры, функций, численности пермской жандармерии с момента образования в зависимости от территориального деления страны, роста численности населения губернии, усложнения политической обстановки в России и Пермской губернии в частности, принятия новых Положений и Уставов и т.д. Должны быть подвергнуты рассмотрению связи жандармского управления с органами полиции. Подробно рассмотрены методы работы по выявлению неблагонадежных лиц и организаций. Необходимо определить место и значение губернии в системе русской политической ссылки, региональные особенности контроля жандармерии за политическими ссыльными, численность последних в губернии и их размещение на ее территории, выявить влияние политической ссылки на внутреннюю жизнь губернии, социальную обстановку в регионе. При этом деятельность Пермского ГЖУ должна быть представлена в контексте истории жандармерии России.

Данные проблемы в региональном аспекте, как самостоятельные, еще не изучались, а затрагивались лишь в контексте рассмотрения смежных исторических или правовых проблем. Рассмотрение данной темы как самостоятельной в рамках исторического исследования Пермской губернии соответствует широкому комплексному подходу и наиболее полному, всестороннему изучению истории края.

Главный упор должен быть сделан на выявление и анализ конкретных исторических фактов по теме в их взаимосвязях и совокупности, без подгонки к априорным схемам и стереотипам, сложившимся в течение многих десятилетий как в монархической историографии, так и у либеральных и революционно настроенных историков того периода, а также в советской исторической науке. Объективность может обеспечиваться конкретно-историческим подходом к изучению вопросов развития политической полиции на Урале и его использованию применительно к территории Пермской губернии. Использование принципа историзма даст возможность исследователю реконструировать сложные процессы в жизни страны, рассмотреть создание и функционирование названных ведомств в их становлении и развитии, закономерных и мотивированных изменениях в их составе, структуре и совершенствовании методов работы.

Избранное направление определило использование разнообразных подходов и методов исследования. Историзм подразумевает применение совместно, но не одновременно, двух подходов: историко-ситуационного и историко-ретроспективного. «Суть историко-ситуационного подхода состоит в рассмотрении явлений и процессов прошлого в контексте соответствующей исторической ситуации. Основным здесь является выяснение того, в какой мере современники адекватно воспринимали историческую реальность и учитывали ее при определении целей и задач своей деятельности, с одной стороны, и соответствие этой деятельности объективным перспективам исторического развития — с другой. Глубина понимания современниками прошлого и настоящего и их соотносимости с будущим определяет степень субъективной прогрессивности их взглядов и основанной на них деятельности… Историко-ретроспективный подход раскрывает суть и прогрессивность явлений прошлого с определенной исторической дистанции, когда уже в той или иной мере обнаружились исторические результаты соответствующей деятельности в прошлом. Это, естественно, позволяет углубить раскрытие ее объективной значимости и прогрессивности и дать ей более глубокую оценку»(2;15), то есть авторы должны принимать в расчет то специфическое обстоятельство, что объяснение и оценка фактов, событий и явлений у современников и потомков большей частью не совпадают. Главное преимущество исследователя состоит в том, что ему уже известны последствия развития исторического процесса во времени. Современникам же понимание происходящих текущих событий и выяснение их подлинного значения не всегда бывает посильно (1;121-122). Нельзя забывать и системный подход при рассмотрении поставленной проблемы, который требует выявления внутрисистемных и межсистемных взаимосвязей, отраженных в деятельности органов политической полиции в Уральском регионе.

Среди используемых для решения поставленных задач методов можно отметить исторический метод, метод исторической реконструкции, историко-сравнительный метод диахронического характера, историко-генетический метод.

Исторический метод помогает воспроизвести время, место, подробности личной деятельности того или иного лица, деятельности государственного института в целом в качестве составной части государственного механизма. И.Д. Ковальченко отмечал, что «любое поколе-

ние в состоянии радикально изменить существующие общественные отношения. Но действовать оно может только опираясь на историческое наследие, на тот материальный и духовный потенциал, который достался ему от предшествующих эпох. Это, естественно, ограничивает возможности для субъективной деятельности людей и ставит перед ними задачу адекватной оценки исторического наследия и его рационального использования в своей деятельности. Историки же должны показать, что представляло собой это наследие и насколько эффективно оно использовалось» (2,4).

Метод исторической реконструкции позволяет восстановить в своих основных чертах картину становления органов политического сыска Российской империи и, в особенности, Урала. С помощью диахронического историко-сравнительного метода выявляются закономерности и особенности, присущие российской политической полиции как самой по себе, так и в качестве необходимой составной части Российского государственного механизма. Если диахроническое сравнение позволяет выявить сущность и характер произошедших изменений, то применение историко-генетического метода предполагает установление генетической связи тех или иных событий с событиями более ранними во времени. Иными словами, устанавливаются основные причинно-следственные связи, выявляются ключевые положения исторического развития в указанный период, частные особенности этого развития и единичные подробности, обусловленные особенностями исторической эпохи, страны, национального и группового менталитета и личных черт отдельных участников исторического процесса.

Все эти методы и подходы позволяют, при условии правильного их применения, получить новое, научно обоснованное и достоверное знание при неукоснительном соблюдении одного важного условия: исследователь действительно должен стремиться к истине, при отказе от устоявшихся догм, идеологических и злободневных соображений, сопереживания той или иной стороне либо тому или иному историческому лицу. «Задача историка состоит в том, чтобы выявить причины… и на этой основе более глубоко объяснить, что же произошло, а не просто делить современников на хороших и плохих, осуждать одних и восхвалять других, менять одни оценки прошлого на другие»(2;8).

Примечания

1. Дьяков В.А. Методология истории в прошлом и настоящем. М., 1974.

2. Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований: Заметки и размышления о новых подходах // Новая и новейшая история. 1995. №1.

Л.В. Котович, Н.А. Давыденко
Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск

«ПРОСЫПАЙСЯ, СИБИРЯК! КАПИТАЛ ИДЕТ!»: ОБРАЗ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ)

Изменения, происходившие в деревне Западной Сибири в 1894 - 1914гг., способствовали формированию в крестьянской среде способности выходить за рамки традиционной культуры, искать более совершенные решения, отвечающие новым сложным вызовам российской истории, строить более эффективные программы хозяйственной деятельности.

Сибиреведами много сделано для изучения реалий, отражавшихся в массовом сознании сибиряков: социально-экономических условий, состояния и развития сельского хозяйства западносибирской деревни в конце XIX – начале XX вв. Определены направления развития сельского хозяйства, причины и факторы, которые его определяли. Отмечена важная роль мирского самоуправления в решении хозяйственных вопросов. Л.М. Горюшкин изучал вопрос участия сельских обществ в организации маслодельных кооперативных заводов, создании общинных маслодельных артелей, отметил тормозящее воздействие крепостнических черт общины на развитие капиталистической кооперации в Сибири (1, 191 – 206). А.А. Николаев, изучая развитие маслодельной кооперации в Сибири, поставил вопрос о влиянии крестьянской общины и считает, что «конкретно-исторический анализ позволит раскрыть более сложный и многомерный процесс взаимодействия сельского мира с кооперацией (5, 185 - 186). Работы В.А. Зверева позволяют составить представление об отношении крестьян к первым проявлениям демографического перехода, об изменениях в демографическом поведении крестьян на рубеже XIX – XX вв. (2). Исследования И.С. Кузнецова позволяют вычленить ключевые особенности социальной психологии сибирского крестьянства начала XX в., охарактеризовать специфику секуляризации крестьянского сознания (4). Отношение крестьян к аграрным миграциям в Сибирь было предметом специального изучения Н.Н. Родигиной (6, 24–33; 168–182) и Чуркина М.К. (7).Ценность образования для сельского населения региона проиллюстрировали в своих работах К.Е. и В.А. Зверевы. Отдельные черты менталитета крестьянского населения Западной Сибири в годы Первой мировой войны выделены в диссертации Т. А. Кижаевой (3). Таким образом, усилиями специалистов по истории сибирского крестьянства созданы предпосылки для комплексного изучения образа модернизационных изменений в сибирской деревне в массовом сознании сельского населения региона конца XIX – начала XX вв. в данной статье мы остановимся на модернизационных процессах, происходивших в наиболее динамичной, на наш взгляд, сфере хозяйственной деятельности – животноводстве. Начиная с середины 90-х гг. XIX в. на животноводческую деятельность сибирских крестьян начинает оказывать влияние деятельность специализированных государственных учреждений: агрономической и ветеринарной служб, сельскохозяйственных складов переселенческого управления, Томской и Забайкальской конюшен государственного коннозаводства. За короткий срок своего существования (примерно 20 лет) сотрудниками этих учреждений была проделана большая работа по созданию новых условий для развития животноводства. Усилиями персонала ветеринарной службы удалось ликвидировать чуму крупного рогатого скота, создать на территории Сибири сеть ветеринарно-бактериологических лабораторий, занимавшихся вопросами изучения заболеваний профилактики и лечения животных, организовать в сибирских губерниях и областях амбулатории, предназначавшиеся для оказания систематической ветеринарной помощи заболевшим животным. Силами немногочисленного штата агрономической организации в разных регионах Сибири были оборудованы опытные поля, заложены сотни показательных участков с посевами однолетних и многолетних культур кормовых трав и корнеплодов, сформирована сеть случных пунктов и питомников племенного скота, проводилась пропаганда улучшен-

ных способов ведения животноводства в населении. Через сельскохозяйственные склады переселенческого управления удалось наладить снабжение крестьян улучшенными семенами трав и корнеплодов, сеноуборочными машинами. Томской, а затем и Забайкальской заводскими конюшнями стала осуществляться работа по улучшению сибирских пород лошадей. Серьёзным фактором развития животноводческого хозяйства крестьянства стала деятельность различных видов сельскохозяйственной кооперации. Являясь важным звеном между агрономической организацией (а шире - государства) и населением сельскохозяйственные общества активно включались в процессы модернизации крестьянского земледелия и животноводства, становились значимыми центрами по оказанию конкретной помощи населению. Гибко реагируя на разнообразные запросы крестьянства в области ведения своего хозяйства, они помогали ему приспосабливаться к переменам. Учреждения мелкого кредита поддержали крестьянское животноводство пострадавших во время неурожая 1911 г. районов, организовав выдачу ссуд на прокорм скота. Между государственными и общественными организациями установилось тесное взаимодействие по вопросам развития сибирского животноводства. Оно выражалось в совместном планировании мероприятий по улучшению отрасли на съездах деятелей по молочному хозяйству, на уездных, губернских и областных агрономических совещаниях и сельскохозяйственных съездах, на заседании сельскохозяйственных обществ и их проведении в жизнь. Часть чиновников в ведомстве являлось одновременно и членами сельскохозяйственных обществ, что в значительной степени облегчало осуществление координации между учреждениями и ускоряло решение возникавших проблем, а в конечном итоге способствовало модернизационным изменениям.

Примечания

1. *Горюшкин Л.М. Крестьянская община и маслодельная кооперация в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) //Крестьянство Сибири XVIII – начала XX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975.*
2. *Зверев В.А. Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917). Новосибирск, 1993.*
3. *Кижаева Т. А. Менталитет и социальное поведение сельского населения Томской губернии в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Томск, 2005.*
4. *Кузнецов И.С. Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Новосибирск, 1992; он же. Центральная власть и местное управление в психоисторическом контексте // Проблемы истории местного управления Сибири XVII –XX вв.: Материалы научной конференции. Новосибирск, 1996.*
5. *Николаев А.А. О влиянии крестьянской общины на развитие маслодельной кооперации в Сибири // Сибирская деревня: История, современное состояние, перспективы развития: Сб. науч. тр. Ч.1. Омск, 2002.*
6. *Родигина Н.Н. «Земля обетованная» или «каторжный край»: Сибирь в восприятии крестьян Европейской России второй половины XIX в. // Моя Сибирь: вопросы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 2002. ; она же. Крестьяне-переселенцы о причинах и ходе аграрных миграций в Сибирь в 1861–1896 гг. // «Сибирь – мой край…»: проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999.*
7. *Чуркин М.К. Переселения крестьян черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации. Омск, 2006.*

Н.А. Майдурова
Институт алтаистики им. С.С.Суразакова,
г. Горно-Алтайск

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОСЕДЛЫМИ ИНОРОДЦАМИ ГОРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Основные принципы административного управления аборигенными народами Сибири были заложены в Уставе об управлении инородцев М.М. Сперанского в 1822 г. В 1892 г. главные положения этого документа были с небольшими дополнениями и изменениями повторены в Положении об инородцах.

Известно, что аборигены Сибири в зависимости от уровня их гражданского образования и образа жизни, а также по качеству их промысла, составлявшего главный предмет их пропитания, разделялись на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. В Горном Алтае, составлявшем часть территории Бийского округа (с 1898 г. - уезд) Томской губернии, инородческое население было причислено к двум разрядам: оседлому и кочевому.

Административно кочевое инородческое население Бийского уезда, проживающее в Горном Алтае, было объединено в конце XIX – начале XX века в 16 административных единиц: 1-ю, 2-ю, 3-ю, 4-ю, 5-ю, 6-ю, 7-ю Алтайские дючины , 1-ю и 2-ю Чуйские, Комляжскую, Кергежскую, Кузенскую, Южскую, Нижне-Кумандинскую, Верхне-Кумандинскую, Тогульскую-2-й половины волости. Оседлые инородцы составляли в середине 90-х годов XIX в. четыре, затем пять инородных управ: Быстрянскую, Сарасинскую, Мыютинскую, Уймонскую, Улалинскую. В 1897 г. насчитывалось 12336 оседлых инородцев (3, 1).

Данное выступление посвящено анализу системы управления оседлыми инородцами Горного Алтая, изменениям в ней в конце XIX - начале XX века.

Статья 16 Положения об инородцах гласила, что «все вообще оседлые инородцы сравниваются с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят. Они управляются на основании общих узаконений и учреждений» (5, 540). Поэтому для оседлых инородцев, живущих в деревнях, Положением об инородцах определялся волостной порядок управления, как у крестьян.

В конце XIX – начале XX века крестьяне Бийского уезда (в 1901 г. в уезде было 9 крестьянских волостей, в 1910 – 29 волостей) управлялись на основании Общего положения о крестьянах. Это означало, что волостное управление крестьян включало волостной сход, волостного старшину с волостным правлением и волостной крестьянский суд. Сельское общественное управление состояло из сельского схода и сельского старосты. В волостное правление входили волостной старшина, все сельские старосты или помощники старшины, сборщики податей. Крестьяне имели право по своему усмотрению выбирать или нанимать и других должностных лиц управления: заседателей, смотрителей хлебозапасных магазинов, десятских, сотских, писаря и т.д.

Специфика управления оседлыми инородцами Горного Алтая заключалась в том, что на них система крестьянского управления не была распространена. Они управлялись на основании архаического приложения к статье 70 Учреждения Сибирского. И даже требования этого закона в системе управления не соблюдались. По данному законоположению волостное правление должно было состоять из волостного головы, старосты и писаря, а сельское управление – старшины и десятника. После-

дний избирался на один год, остальные должностные лица - на три года с двумя на каждую должность кандидатами (7; 529, 530)

В оседлых инородных управах Горного Алтая в 1906 г. значились следующие должностные лица. Сарасинская управа – староста управы, кандидат в старосты, писарь управы; сарасинское сельское общество – старшина и кандидат сарасинского сельского старшины. Мыютинская инородная управа – староста управы, кандидат старосты, писарь управы, мыютинский сельский старшина и сборщик податей. В Уймонской инородной управе значились староста управы, его помощник, казначей управы, писарь управы. В трех сельских обществах управы (Горбунова, Верхний Уймон, Усть-Кокса) были старшины, кандидаты старшин и писари, в Тюгурюке - только сельский старшина (8).

Отличие в системе управления оседлых инородцев от управления в крестьянских волостях не устраивало губернскую администрацию. В конце XIX – начале XX века в среде высших чиновников Сибири отчетливо обозначилось стремление к унификации системы управления инородческим и крестьянским населением. Как вспоминал непременный член Томского губернского по крестьянским делам присутствия А.А. Барок, с 1892 года, когда Томский губернский Совет высказался за распространение на оседлых инородцев Общего положения о крестьянах, губернатор обращался с этим предложением в Министерство внутренних дел в 1892, два раза в 1898, в 1903 годах. После приезда в 1908 г. в губернию помощника управляющего земским отделом МВД Д.И. Пестржецкого для ревизии крестьянских учреждений и его доклада П.А.Столыпину, МВД согласилось с предложениями томской администрации. Общее присутствие Томского губернского управления, рассмотрев в заседании 12 декабря 1908 г. вопрос об упорядочении внутреннего управления и суда у инородцев, постановило переименовать оседлые инородные управы в оседлые инородные волости того же наименования и ввести в них внутреннее общественное управление и суд по правилам Общего положения о крестьянах. За инородцами сохранялось право освобождения от воинской повинности и другие личные права, предоставленные этому сословию по закону (6, 224-228; 9).

После реформы, к примеру, волостное и сельское управление в Мыютинской инородной волости выглядело следующим образом (данные на 1912 г.): волостной старшина, кандидат старшины, шесть волостных судей, волостной писарь, мыютинский сельский староста и его кандидат. В Уймонской инородной волости - волостной старшина, помощник старшины, волостной заседатель, казначей, четыре волостных судьи, волостной писарь. В Верх-Уймонском сельском правлении – сельский староста, его кандидат, сельский писарь, сборщик податей, вахтер, десятник, каморник и т. д. (10).

Отличалась система административного управления оседлыми инородцами от управления крестьян и на окружном (уездном) уровне. Крестьянское население имело свои специальные органы управления в лице чиновников по крестьянским делам, (округ делился на участки) и окружного по крестьянским делам присутствия, которое состояло из чиновников по крестьянским делам округа и земского исправника. Должность чиновника по крестьянским делам вначале была введена в Алтайском горном округе, а в 1883 г. - во всей Западной Сибири. (В Восточной Сибири управление крестьянами осуществляла земская полиция). На чиновниках по крестьянским делам лежали обязанности по общему надзору за крестьянским общественным управлением, разбор жалоб, приносимых на сельских и волостных начальников, наблюдение за выполнением крестьянами натуральных повинностей и сбором податей, за состоянием сельских школ и т. д. (1; 203-204, 338-339).

Надзор же за инородческим населением Горного Алтая осуществляли органы окружного полицейского управления. В 1895 г. Бийский округ в административно-полицейском отношении был разбит на три участка, во главе которых стояли земские заседатели, и отделение, возглавлял которое Алтайский отдельный заседатель, имеющий помощника. В ведении Алтайского отдельного заседателя и его помощника было все инородческое население Горного Алтая, за исключением Сарасинской оседлой управы, которая входила во второй участок. Возглавлял окружное полицейское управление исправник (6, 223; 11).

Унификация управления оседлыми инородцами и крестьянами на уездном уровне начала осуществляться с 1898 года, когда было принято «Временное положение о крестьянских начальниках». В губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской «заведование общественным управлением сельских обывателей, а также обязанности по устройству быта этих обывателей и переселенцев и по управлению и суду инородцев» возлагались на крестьянских начальников, уездные съезды крестьянских начальников и губернские управления. Должности чиновников по крестьянским делам упразднялись, как и окружные по крестьянским делам присутствия. Земские заседатели переименовывались в становых приставов, округи - в уезды. Таким образом, на уездном и губернском уровнях как управление крестьян, так и инородцев, сосредотачивалось в одних и тех же учреждениях (2, 165).

Территория Бийского уезда была разделена вначале на три, затем на четыре участка. Первый и второй участки крестьянских начальников охватывали в основном степные районы Бийского уезда, заселенные преимущественно русскими крестьянами, третий и четвертый – большей частью районы Горного Алтая с преимущественно инородческим населением. Сарасинская, Мыютинская, Уймонская оседлые инородные управы находились в ведении крестьянского начальника четвертого участка, Улалинская и Быстрянская – третьего. В 1910 г. крестьянским начальником третьего участка состоял Н. Плотников, четвертого – В.Грифцев (4; 27, 119)

Крестьянские начальники получили большие права по управлению крестьянами и инородцами. Они занимались вопросами экономического, финансового и культурного положения крестьян и инородцев, осуществляли контроль за сбором государственных податей и исполнением повинностей. Расходование мирских капиталов, как и пользование хлебом из запасных магазинов, осуществлялось с разрешения крестьянских начальников. Они утверждали приговоры волостных сходов, контролировали повестки дня сходов, осуществляли надзор за волостными судами, ревизовали волостные суды, сельские и волостные правления. Крестьянские начальники могли подвергнуть должностных лиц сельского, волостного крестьянского и инородческого управления (без формального производства) следующим видам взысканий: замечание, выговор, денежный штраф не свыше пяти рублей, арест на время не свыше семи дней, временное отстранение от должности и др.

Следующим звеном системы управления после крестьянских начальников был уездный съезд крестьянских начальников. Членами его были крестьянские начальники уезда по очереди, уездный исправник, податные инспектора, представитель Главного управления Алтайского округа. При уездном съезде состоял секретарь и канцелярия. Съезды принимали решения по всем важнейшим вопросам, отнесенным к ведению крестьянских начальников, и являлись второй апелляционной инстан-

цией рассмотрения приговоров, вынесенными крестьянскими начальниками (2, 165-180).

Таким образом, система административного управления оседлым инородческим населением Горного Алтая подверглась в конце XIX – начале XX в. преобразованиям. Происходила ее постепенная унификация с системой управления крестьян. Вначале это произошло на уездном уровне, когда и инородцы, и крестьяне были подчинены крестьянским начальникам и уездному съезду крестьянских начальников. В 1909 г. реформа коснулась волостного и сельского уровня управления. Инородные управы были переименованы в волости, а внутреннее управление и суд у оседлых инородцев стали осуществляться по правилам «Общего положения о крестьянах».

Примечания

1. *Власть в Сибири, XYI – начало XX в. / Сост. М.О. Акишин, А.В. Ремнев; отв. ред. В.В. Моисеев. 2-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2005.*
2. *Временное положение о крестьянских начальниках // Свод законов Российской империи. Кн. 2. М., 1910. Том девятый. Особое приложение к законам о состояниях. Положения о сельском состоянии, издания 1902 года. Книга третья. Положения об установлениях, заведывающих крестьянскими делами.*
3. *Горный Алтай и его население. Т. III. Вып. II. Оседлые инородцы Бийского уезда. Барнаул, 1902.*
4. *Майдурова Н.А. Горный Алтай в конце XIX – начале XX вв. Горно-Алтайск, 2000.*
5. *Положение об инородцах. Издание 1892 года // Свод законов Российской империи. Кн.1. Т.2. М., 1910. Свод губернских учреждений.*
6. *Святогорье. История Республики Алтай в документах Центра хранения архивного фонда Алтайского края XYII – начало XX веков. Горно-Алтайск, 2000.*
7. *Учреждение Сибирское. Издание 1892 года // Свод законов Российской империи. Кн. 1. Т. 2. М., 1910. Свод губернских учреждений.*
8. *ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 9. Л. 36, 38, 40, 46.*
9. *ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 28. Л. 63.*
10. *ЦХАФАК. Ф. 185. Оп. 1. Д. 40. Л. 58, 59, 74, 76.*
11. *ЦХАФАК. Ф. 170. Оп. 1. Д. 18. Л. 58-59.*

Л.С. Тихобаева
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВНУТРИОТРАСЛЕВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАБИНЕТСКИХ КАМНЕРЕЗНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА И СИБИРИ В XIX – НАЧ. XX В.

В России XVIII – нач. XX вв. существовало только три центра камнерезной отрасли промышленности: Петергоф, Екатеринбург и Колывань. В обработке поделочных, полудрагоценных и драгоценных камней тесно переплелись искусство и принуждение, творчество и тяжелый труд камнерезов, руками которых были созданы уникальные по качеству и размерам изделия. Сегодня они украшают крупнейшие музеи России и Европы, а в императорский период российской истории являлись предметами роскоши и служили поддержанию престижа самодержавной власти как на внутригосударственном, так и на международном уровнях. В силу этих обстоятельств исследования в данной области сконцентрированы на искусствоведческих и историко-геммологических аспектах. Кроме того, преимущественная их часть отличается пространственной ограниченностью, связанной с огромным расстоянием между центрами камнерезной отрасли промышленности, различиями в ведомственном подчинении и своеобразием территориальных объединений, в которые они входили. Тем не менее, архивные материалы демонстрируют, что функционирование камнерезных предприятий происходило в постоянном взаимодействии и сотрудничестве, которые еще не подвергались специальному исследованию.

Особый интерес вызывает социальный аспект взаимодействия Екатеринбургской гранильной фабрики, Горнощитского мраморного завода и Колыванской шлифовальной фабрики в период их единого ведомственного подчинения Кабинету Его Императорского Величества (далее Кабинет). Одной из форм такого взаимодействия были личные контакты служащих и мастеровых перечисленных предприятий при транспортировке готовых камнерезных изделий в Петербург. Очень важным звеном на этом пути являлся Екатеринбург. Перевозка каменных вещей из Колывани до уральского города, длившаяся до 36 суток, осуществлялась на лошадях, далее – «разными реками и каналами» до Петропавловской крепости Петербурга (10, 1014 – 1015; 113). Именно в Екатеринбурге хранились колыванские изделия до вскрытия рек ото льда, проводилось их освидетельствование и упаковка для дальнейшего пути при участии и помощи администрации и рабочих гранильной фабрики (1, л. 12 – 13). В доставке каменных вещей наряду с военными, участвовали камнерезы на случай поломки изделий при транспортировке или окончательной их сборке в Петербурге, как правило, по одному или по два человека. Таким образом, в Екатеринбурге возникали условия для личных контактов уральских и алтайских камнерезов, обмена опытом, знакомства последних с техникой и технологией Екатеринбургской гранильной фабрики. Большое значение данным обстоятельствам придавал управляющий Колыванским камнерезным предприятием П.А. Ивачев (1886 – 1903 гг.), видевший в них «связь между однородными фабриками», которая, по его мнению, прервалась в 70-е гг. XIX в., когда доставка алтайских изделий стала осуществляться без участия камнерезов (16, л. 95).

Личные контакты рабочих Екатеринбургской гранильной и Колыванской шлифовальной фабрик возникали не только на территории Екатеринбурга, но и за его пределами при совместной перевозке уральских и алтайских изделий из камня. Например, в январе 1842 г. поручик Линейного Сибирского батальона №10 Петров, возглавлявший команду по доставке камнерезных изделий, сообщал в Кабинет об отсутствии в течение 24 дней мастерового Горнощитского завода Яковлева и подмастерья Колыванской фабрики Шелковникова, отлучившихся в день отъезда команды из Петербурга в торговую лавку (2, л. 28 – 30 об.). К сожалению, информация о других случаях совместной транспортировки уральских и алтайских изделий в Кабинет нами пока не обнаружена. Тем не менее, можно сделать вывод, что периодичность и систематичность данной формы социального внутриотраслевого сотрудничества находилась в прямой зависимости от процесса доставки готовой продукции в Кабинет. Однако его организация и проведение нуждаются в специальном изучении.

Еще одной формой социального внутриотраслевого сотрудничества является распространение опыта Екатеринбургской гранильной фабрики на Колыванскую, например, по организации небольшого подразделения с административно–полицейскими функциями. Данное явление зафиксировано в делопроизводстве Колыванской горной конторы, получившей 21 сентября 1840 г. разрешение Кабинета на организацию при Колыванской шлифовальной фабрике команды для полицейского надзора и «рассылки по делам службы», которая в 1837 г.

была учреждена при Екатеринбургской гранильной фабрике (17, л. 1-2; л. 173 – 173 об.). Кабинетом предписывалось укомплектовать команду шлифовальной фабрики из трех лучших фабричных людей благонадежного поведения, обмундировать по образцу соответствующей команды уральского камнерезного предприятия и назначить каждому годовое жалование в размере 30 рублей ассигнациями (8 рублей 58 копеек серебром), дополнительно выдавая к нему по 30 рублей ассигнациями на содержание лошадей и сбруи (18, л. 2, 6). В формулярных списках фабрики за 1844 и 1850 гг. с соответствующим содержанием указаны «командные» Семен Яковлев Мельников, Иван Петров Туголуков и Мартемьян Алексеев Кривошеин (19, л. 149 об. – 150; л. 280 об. – 281). Первые двое из них были переведены в «командные» из шлифовальных учеников 1 статьи, последний, самый старший, – из каменоломцев. Все трое являлись потомственными камнерезами, но принадлежали к низовым квалификационным категориям работников. Причем, грамотным из них был только самый младший по возрасту И.П. Туголуков.

Несмотря на организацию колыванской команды по образцу екатеринбургской, эти структуры имели ряд существенных отличий. «Команда Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики» состояла из 8 мастеровых хорошего поведения. Двое из них находились на Верхотурских приисках «за счет сумм от продажи крестьянам билетов на прииск цветных камней», еще двое – на изумрудных приисках, а остальные использовались в качестве рассыльных, «для командировок с деньгами, полицейской обязанности и летом для присмотра на Сафирных приисках». Содержание последних двух групп «командных» предписывалось осуществлять из суммы фабрики и завода (3, л. 173 – 173 об.). Что касается экипировки колыванских и екатеринбургских «командных», то она была одинаковой и включала саблю, рубашку, серые шаровары, зеленый полукафтан и фуражку. Надпись на фуражке отличалась, так как являлась аббревиатурой названий фабрик: ЕГФ и КШФ (20, л. 5, 8). Существовали различия и в целевом назначении команд фабрик, обусловленные местными особенностями камнерезного производства. Учреждение уральской команды было связано, прежде всего, с решением проблемы охраны приисков, которая обострилась после открытия месторождения изумрудов в 1831 г. (12, 360 – 361). Уже 6 марта 1832 г. были высочайше утверждены Правила на добычу цветных камней. В них закреплялось исключительное право Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики искать и добывать цветные или драгоценные камни на всех казенных землях Пермской и Оренбургской губерний, а также продавать крестьянам этих территорий билеты на добычу камней (13, 374 – 375). В этом же документе для надзора за приисками при Екатеринбургской гранильной фабрике учреждалась объездная команда, которая по данным В.Б. Семенова и Н.И. Тимофеева начала функционировать с 17 марта 1832 г. (14, 377). Можно предположить, что с 10 июня 1837 г. произошло объединение двух команд: объездной команды 1832 г. и вновь учрежденной команды Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики, в связи с их одинаковым функциональным назначением – обеспечением охраны приисков.

Таким образом, в учреждении уральской команды были заинтересованы прежде всего Министерство императорского двора, Кабинет и сам император. Наделив подведомственное им камнерезное предприятие монополией на добычу камней, они стремились обеспечить таким образом своё исключительное право на сырье и изделия из него, а также доходность от продажи билетов на право добычи цветных камней частным лицам. В то же время собственно гранильная фабрика и мраморный завод получали рассыльных с полицейскими функциями. Острой необходимости в охране алтайских месторождений не существовало, поэтому инициатором организации подобной команды выступил управляющий Колыванской фабрикой, а функции её членов были более ограниченными. А.А. Пережогин соотносит команду Колыванской фабрики с учрежденными в 1831 г. на Алтайских заводах горными казаками (11, 144). Следует подчеркнуть, что организация казачьей команды также являлась следствием распространения опыта Екатеринбургских заводов на Алтай, но в 1831 г. она не коснулась Колыванской фабрики, вероятно, в силу различного ведомственного подчинения Алтайских заводов и камнерезного предприятия.

Своеобразной формой социального внутриотраслевого сотрудничества является перемещение рабочих с одного на другое кабинетское камнерезное предприятие. Интересно отметить, что до 1861 г. оно строилось по следующей схеме:

ЕГФ и ГМЗ ⟺ ПГФ ⟺ КШФ

Примечание: ЕГФ – Екатеринбургская гранильная фабрика; ГМЗ – Горнощитский мраморный завод; ПГФ – Петергофская гранильная фабрика; КШФ – Колыванская шлифовальная фабрика.

Под непосредственным руководством петергофских мастера Петра Бакланова и подмастерья Михаила Денисова происходило формирование камнерезного производства на Алтае (21, л. 51; 56; 7). В 1772 и 1775 гг. около 20 мастеровых Петергофской гранильной фабрики были переведены на Горнощитский мраморный завод «для скорейшего поспешения требующихся работ», которые прослужили при мраморном заводе и гранильной фабрике более 10 лет, после чего вернулись с семьями в Петергоф (4, л. 3 -3 об.). В 1831 г. по просьбе администрации Петергофской гранильной фабрики в её распоряжение были переведены молодые уральские камнерезы Андрей Иванов, Василий Щукин и Петр Мезенцов (5, л. 56 – 56 об.; л. 116). Кроме того, в «Списке мастерам и мастеровым Императорской Петергофской гранильной фабрики, употребляемым к изготовлению малахитовых колонн и пилястр для Зимнего дворца, коим посылаются установленные на возобновление сего дворца серебряные медали» 1838 – 1839 гг. старшим мастеровым 2 разряда числился мастеровой Колыванской фабрики Петр Яковлев Тихобаев (15, 71). Последний раз он зафиксирован в документах алтайского камнерезного предприятия в 1828 г., что может свидетельствовать о том, что в начале 30-х гг. XIX в. Петергофской гранильной фабрикой привлекались для работы наряду с уральскими и алтайские камнерезы (22, л. 150 об.; л. 115, 131 – 132).

Таким образом, в дореформенный период перемещения рабочих кадров между уральскими и алтайскими камнерезными предприятиями не осуществлялось. По архивным же материалам втор. пол. XIX – нач. XX вв. нам стали известны два факта перевода или перехода служащих и рабочих Колыванского камнерезного предприятия на Екатеринбургскую фабрику. Так, 10 марта 1872 г. помощником директора Екатеринбургской гранильной фабрики по искусственной части был утвержден окончивший Императорскую Академию художеств со званием художника 1 степени ученик Колыванской фабрики Назар Андреянов Ивачев, (6, л. 13 – 14; л. 69 об. – 70). Указом Сената от 28 августа 1873 г. ему был присвоен чин коллежского регистратора. Кроме того, в 1913 – 1916 гг. главным мастером Императорской Екатеринбургской гранильной фабрики числился сельский обыватель Томской губер-

нии Колыванской волости и села Василий Галактионов Акимов (20, л. 269 об. – 270). В 1909 г. он был старшим мастером Колыванской шлифовальной фабрики с окладом 40 рублей в месяц (23, л. 18). В 1916 г. его оклад на Екатеринбургской фабрике практически в той же должности составлял 100 рублей в месяц. (8, л. 62 об. – 63). Кадровые переходы и переводы, на наш взгляд, носили вынужденный характер в связи с кризисными явлениями на алтайском камнерезном предприятии. В первом случае причиной определения на службу при гранильной фабрике Н. Ивачева являлось отсутствие вакансий при Колыванской фабрике для людей, соответствовавших его званию и статусу. Во втором – решение Кабинета об ограничении деятельности Колыванской шлифовальной фабрики в рамках добычи и грубой первоначальной обработки камня для Петергофской и Екатеринбургской гранильных фабрик, последовавшее 9 января 1914 г. (9, л. 1 – 4).

Несмотря на единичный и отрывочный характер обнаруженных фактов, мы можем сделать вывод о существовании взаимодействия и сотрудничества кабинетских камнерезных предприятий Урала и Сибири в социальной сфере. Они были представлены тремя формами: личные контакты камнерезов, распространение опыта Екатеринбургской гранильной фабрики на Колыванскую и перемещение рабочих кадров внутри отрасли. Интересно отметить, что их возникновение основано на единой ведомственной принадлежности камнерезных предприятий Кабинету и неразрывно связано с другими видами внутриотраслевого взаимодействия, такими как совместная перевозка изделий в Петербург и сотрудничество в административной сфере. Наиболее систематичным и последовательным нам представляется личное контактирование уральских и алтайских камнерезов, имевшее место при транспортировке готовых каменных вещей в столицу, необходимость, в осуществлении которой возникала практически ежегодно. Особого внимания заслуживает учреждение команды Колыванской шлифовальной фабрики. На данный момент неясно, насколько правомерно объяснять хронологическую дистанцию в организации алтайской команды горных казаков и команды Колыванской фабрики исключительно с позиции различия в ведомственном подчинении Алтайских заводов и камнерезного предприятия, притом, что управляющий фабрикой, обращаясь к горному начальнику с просьбой об учреждении «командных», основывался, вероятно, на местном опыте, так как называл их в своем «представлении» разъездными казаками. Различать же названия «казачья команда» и «команда Колыванской шлифовальной фабрики» предписывалось Кабинетом, исходя из обозначения административно-полицейского подразделения уральского камнерезного предприятия. Интересно также отметить, что решение Кабинета об учреждении колыванских командных было принято, минуя инстанцию министерства императорского двора, со ссылкой на полученное ранее разрешение этого ведомства на организацию команды Екатеринбургской гранильной фабрики. Вероятно, это было обусловлено одинаковым видом производственной деятельности и единой ведомственной принадлежностью уральского и алтайского камнерезных центров Кабинету, которая являлась не только основой внутриотраслевого сотрудничества, но и втягивала их в решение надотраслевых внутриведомственных вопросов, преимущественно социального характера.

Примечания

1. *ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 113.*
2. *ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 266.*
3. *ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 177.*
4. *ГАСО. Ф. 770. Оп.1. Д. 401.*
5. *ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 113; Д. 119.*
6. *ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д.412; ЦХАФ АК. Ф.2. Оп.1. Д.4793.*
7. *ГАСО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 478.*
8. *ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 374.*
9. *ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 788.*
10. *Гуляев С. О большой яшмовой чаше, сделанной на Колыванской шлифовальной фабрике// Санкт-Петербургские ведомости. №225, 1844 г.; Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика: 1805 – 1861 гг. Екатеринбург, 2003.*
11. *Пережогин А.А. Военизированная система управления Колывано – Воскресенского (Алтайского) округа (1747 – 1871 гг.). Барнаул, 2005.*
12. *Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика: 1805 – 1861 гг. Екатеринбург, 2003.*
13. *Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика: 1805 – 1861 гг. Екатеринбург, 2003.*
14. *Семенов В.Б., Тимофеев Н.И. Екатеринбургская камнерезная и антиковая фабрика: 1805 – 1861 гг. Екатеринбург, 2003.*
15. *Семенов В.Б. Малахит. Т.2. Хроника. Документы. Комментарии. Свердловск, 1987.*
16. *ЦХАФ АК. Ф.4. Оп.1. Д. 1343.*
17. *ЦХАФ АК. Ф. 59. Оп.2. Д. 76; ГАСО. Ф. 86. Оп.1. Д. 177.*
18. *ЦХАФ АК. Ф. 59. Оп.2. Д. 76.*
19. *ЦХАФ АК. Ф.2. Оп. 1. Д. 4793; Д. 5527.*
20. *ЦХАФ АК. Ф.59. Оп. 2. Д. 76.*
21. *ЦХАФ АК. Ф. Р-232. Оп.1. Д. 16; Савельев Н.Я. Ф.В. Стрижков (1769 – 1811 гг.). Барнаул, 1954; Он же. Алтайские камнерезы. Барнаул, 1956.*
22. *ЦХАФ АК. Ф. 2. Оп.1. Д. 3315; Ф. 59. Оп.2. Д. 76.*
23. *ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп.1. Д. 345.*

В.В. Семячкова
Институт истории и археологии УрО РАН,
г. Екатеринбург

ОКАЗАНИЕ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ МЕСТНЫМИ КОМИТЕТАМИ РОККА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)

Русско-японская война начала XX века сделала актуальной проблему оказания помощи раненым и больным военнослужащим, а также членам семей мобилизованных в военное время. Уже с первых дней войны Военное министерство Российской империи встало перед необходимостью выделить санитарную часть в самостоятельный отдел полевого управления армии. Приказом по военному ведомству №79 от 23 февраля 1904 года во главе санитарной части был поставлен строевой генерал-лейтенант Ф.Ф. Трепов. Под его началом были три отделения: медицинское, госпитальное и эвакуационное, за исключением аптек. Также ему подчинялся главноуполномоченный Российского общества Красного Креста (РОКК) (4, 57-62).

Как известно, лазареты и полевые госпитали - ведомственные, общественные и частные, были отправлены на фронт, а некоторые развернуты непосредственно в уральских городах. Они были сформированы комитетами Российского общества Красного Креста (далее РОККа) и включаются в дело оказания медико-санитарной, а вместе с тем и социальной помощи военнослужащим и их семьям. Финансирование этих медико-санитарных учреждений осуществлялось, в основном, за счет благотворительных организаций и частных лиц, которые активизировались уже в первых числах февраля 1904 года. И Урал не стал исключением.

Местные комитеты РОККа появились на Урале еще

в 70- е годы XIX в., располагая необходимыми средствами и подготовленным медицинским персоналом, в основном сестрами милосердия для создания лазаретов. При некоторых комитетах были созданы общины сестер милосердия, наиболее известные – Екатеринбургская, Пермская (Надеждинская), Вятская и Уфимская (Александровская).

Одним из первых комитетов РОККа, который откликнулся на начавшуюся войну, стало Пермское управление Общества Красного Креста, приступившее к активным действиям уже в феврале 1904 года. Был начат сбор пожертвований: денег, одежды, медикаментов. Согласно отчету за 1904 год, в кассу Пермского управления поступило 77,5 тысяч рублей (5, 4).

На театр военных действий были командированы два отряда пермских сестер милосердия. В течение трех недель был сформирован и отправлен на Дальний Восток отряд-лазарет на 200 кроватей, с врачом В.А. Хомяковым. В числе врачебного персонала Пермского лазарета были также А.Н. Варфоломеев, Е.Ф. Шрейбер, А.П. Штейнфельд и Н.Е. Костромин (6, 150). Расходы на оборудование лазарета составили 39 тысяч рублей, включая подъемные, суточные и жалование врачебному персоналу за первый месяц.

Для госпиталя Дамским комитетом под председательством супруги Пермского губернатора Лидии Николаевны Наумовой было заготовлено большое количество белья и перевязочных средств. Кроме того, в Перми в помещении Надеждинской общины сестер милосердия был открыт лазарет Красного Креста, рассчитанный на 40 больных и раненых, прибывающих с Дальнего Востока (5, 4).

Активную роль на фронте военных действий сыграл Екатеринбургский комитет. В газете «Уральская жизнь» от 5 февраля 1904 года можно увидеть следующие сообщение: «3 февраля в общине сестер милосердия был отслужен молебен о ниспослании победы Российскому воинству.… Было выслушано предложение С.Г. Неймана о жертвовании в пользу Красного Креста доходов от продажи билетов на бегах, в продолжение всего военного времени.

Пытались ускорить (члены Екатеринбургского комитета РОККа –авт.) решение губернатора о помощи на нужды армии и флота открытием курсов оказания первой медицинской помощи, включив в их программу и обучение санитарной прислуги военного времени, а также немедленно созвать организованное совещание докторов, изъявивших желание преподавать на курсах» (14, 3).

В составе Екатеринбургского комитета Красного Креста заметную роль играли представители Горного ведомства и члены их семей, а также выходцы из других привилегированных групп населения. Среди учредителей была жена управляющего Верх-Исетским горным округом А.П. Котляревская, а также председателем была Лидия Ивановна Фадеева.

Во время Русско-японской войны Екатеринбургский Комитет вел активный сбор средств, изготовлял различную одежду, организовывал лазареты - создал и направил на фронт лазарет на 50 кроватей. Одновременно открывается лазарет в Екатеринбурге для эвакуированных (1, 114-116).

В отчете о деятельности Екатеринбургского комитета за время Русско-японской войны говорится: «Всего лазарет пробыл в Маньчжурии пятнадцать с половиной месяцев, находился в действии 295 дней. Остальное время было употреблено на переезды, устройство лазарета, а также отчасти на вынужденное бездействие, в виду отсутствия больных и раненых. Всего лежало у нас 1301 больных и раненых нижних чинов (офицеров не было), коими в общей сложности проведено 31094 дня, со среднесуточным числом больных единовременно было 383. Из числа лежавших в лазарете умер 31, то есть около 2,5 %, выздоровело 873, то есть 66,1 %, эвакуировано на запад (в Россию) 295 человек; переведено в другие госпитали 102. Денежные расходы выразились общей цифрой 81144 рублей 07 копеек» (2, 23).

Уже в первые месяцы войны в газете «Урал» было опубликовано письмо-благодарность коменданта военно-санитарного поезда: «Больные и раненые 19-го Сибирского военно-санитарного поезда, получившие щедрое пожертвование от обывателей г. Екатеринбурга, в особенности от господина полицмейстера, Липиных, представительниц Красного Креста и господ Агафуровых, просят меня от лица больных и раненых передать их искреннюю благодарность посредством Вашей газеты» (11, 3).

Также от Екатеринбургского комитета РОККа на театр военных действий были направлены сестры милосердия – Анна Дмитриевна Скрябина, Анна Федоровна Новожилова, Анфиса Николаевна Соловьева, Ефросинья Харитовна Романико, Ольга Николаевна Хомулло. До 1905 года работала Анна Ильинична Вяткина. Все они жили общиной и были подготовлены в Верх-Исетской больнице, под руководством члена Комитета, доктора медицины А.А. Мисловского. Сестры милосердия находились в лазарете на фронте с мая 1904 года – 349 суток, за это время Комитет совершал за них пенсионные выплаты, по 1,5 рублей за человека (9, 84-85).

В Екатеринбурге был создан Попечительский Комитет о сестрах Красного Креста, который вел подготовку медицинского персонала к отправке на театр военных действий. В частности, в газете «Урал» было помещено такое объявление: «Приглашаются все бывшие слушатели подготовительных курсов для отправки на театр военных действий, для этого сообщить лично или письменно канцелярии общества Святой Евгении о месте жительства и о готовности явиться по первому требованию Комитета» (12, 2).

Одним из местных комитетов РОККа на Южном Урале являлся Златоустовской комитет Казанского военного округа. Уездный Комитет Общества Красного Креста открылся 2 марта 1904 года. Было 52 члена. Председателем был Городской голова - А.А. Зотов. Лазарет для лечения раненых и больных воинов на 35 коек открылся позже, 17 ноября 1904 года. С 11 января выходят воззвания, приглашающие желающих содержать за свой счет «именные койки» с оплатой по 15 рублей в месяц. Таких коек было 22.

Первый эшелон раненых и больных воинских чинов с театра военных действий в Златоустовский лазарет прибыл 19 января 1905 г., с этого дня там постоянно лежали раненые и больные воинские чины. Лазарет состоял из двух отделений: Ветлужского (43 койки, из них 14 именных) и Демидовского (32 койки, из них 8 именных) в зданиях Попечительства о народной трезвости…

В Златоустовской комитет Красного Креста за 10 месяцев существования (02.03.-30.01. 1905 г.) поступило – 33879 рублей 68 копеек; израсходовано – 9398 рублей 30 копеек. За 1905 год поступило больных – 1002 человека, больничных дней – 9205, из них на Ветлужский – 5650 и на Демидовский - 3555 дней. Общая стоимость содержания обошлась в 3820 рублей 38,5 копеек (3, 1-4).

Златоустовский комитет и учреждения Красного Креста вели самостоятельную деятельность от Эвакуационной комиссии. Выписываемым из лазарета нижним чинам от комитета выдавалось: белье, сапоги, валенки, теплые чулки, полушубки, одному даже костыли. Вещи выдавались не всем, лишь нуждающимся в чем - либо; выдавались деньги на дорогу. Деятельность местного

комитета РОККа в Златоусте была эффективной благодаря отзывчивости жителей г. Златоуста и его уезда, в том числе сбору пожертвований, как со стороны простого люда, так и высокопоставленных лиц, например, действительного статского советника Цехановецкого.

Среди местных комитетов РОККа за время Русско-японской войны отличил Вятское управление РОККа, в том числе Вятская община сестер милосердия (существует с 01.12.1878. – авт.), которая приняла деятельное участие в военных действиях, послав на Дальний Восток три отряда сестер. Первый отряд в количестве 15 сестер милосердия был отправлен 26 марта на станцию Сретенскую Забайкальской обл., где Вятским управлением был устроен лазарет на 200 коек для больных и раненых воинов, эвакуируемых с театра военных действий. Второй отряд был отправлен 15 мая, третий – 17 октября. Первому отряду приходилось ухаживать не за 200 больными, как предполагалось вначале, а за 350. Сестры второго и третьего отрядов находились в постоянном передвижении, сопровождая раненых при эвакуации их с фронта в госпитали Сибири и европейских губерний России (7, 251).

Российское Общество Красного Креста на театре военных действий имело 28719 коек в 143 учреждениях, оказало помощь 600 тыс. раненым и больным. Персонал на Дальнем Востоке составлял 4190 человек (16, 68-69).

Помимо театра военных действий в Маньчжурии, местные отделения РОККа располагались также и в земских больницах. Например, «…хотя Верхотурская земская больница располагалась в здании, давно требовавшем ремонта, и не могла похвастаться своим оборудованием, она увеличила количество больничных мест: если в 1904 году на 158 человек – 1 место, то в 1910 году – 53» (10, 145).

Таким образом, деятельность местных комитетов Российского общества Красного Креста, в том числе отдельных представителей, сыграла важную роль в решении многих социальных проблем, которые государству без помощи общественности осилить было крайне сложно. Это касается как оказания медико-санитарной помощи местными комитетами и общинами сестер милосердия, так и серии благотворительных мероприятий, которые коснулись военнослужащих и их семей. Но в ходе войны был выявлен и ряд недостатков, устранение которых в последующий период, до начала Первой мировой войны, позволило улучшить материальное снабжение лечебных учреждений – лазаретов и госпиталей. Данная политика коснулась и Урала с его системой оказания медико-санитарной помощи. Опыт работы Местных комитетов РОККа как в годы Русско-японской войны, так и в последующее десятилетие, оказался весьма ценным и был востребован позднее - в годы Первой мировой войны.

Примечания

1. *Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2000.*
2. *Благотворительность на Урале. Парадоксы времени. Екатеринбург, 2003.*
3. *Боков В. Деятельность Златоустовского Местного Комитета Российского общества Красного Креста за время Русско-японской войны 1904-05 гг. Б.м., б. г.*
4. *Будко А.А., Селиванов Е.Ф. Военная медицина России в войне с Японией в 1904-1905 гг. // Военно-исторический журнал. 2004. №6.*
5. *Бушмаков А. Пермяки и война с Японией // Архивное наследие. 2004. №3.*
6. *Верхоланцев В.С. Летопись г. Перми с 1890 по 1912 г, с приложениями вместо введения. Пермь, 1913.*
7. *Касанов С.А. Из истории благотворительности и милосердия на Вятской земле // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования / Под общ. ред. О.Л. Лейкинд. СПб., 2003.*
9. *Отчет Екатеринбургского Местного комитета РОККа за 1905 г. Екатеринбург, 1906.*
10. *Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края. Екатеринбург, 1998.*
11. *Урал. - 1904. 13 августа.*
12. *Урал. - 1904. 19 февраля.*
13. *Урал. - 1904. 28 января.*
14. *Уральская жизнь. - 1904. 5 февраля.*
15. *Уральская жизнь. - 1904. 21 февраля.*
16. *Учебник для сестер милосердия и пастырей, несущих служение в больницах. СПб., 2000.*

К.А. Пожарская
Алтайский государственный университет, г. Барнаул

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АДАПТАЦИИ СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА АЛТАЕ

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 06-01-00504а.

Данная статья представляет собой попытку осветить некоторые аспекты проблемы природно-климатической и хозяйственной адаптации переселенцев из Европейской части России на Алтай в годы столыпинской аграрной реформы. Данные адаптационные механизмы рассматриваются нами во взаимосвязи, поскольку природные условия в исследуемый период времени являлись определяющими в организации земледельческого производства крестьян, в то же время результаты функционирования земледельческого хозяйства являлись основным качественным критерием адаптации в новых природно-климатических условиях.

Крестьянский земледельческий труд в Сибири в целом и на Алтае, в частности, представлял собой длительный опыт адаптации к природно-климатическим и географическим особенностям региона. Тип почв, их плодородность, рельеф, климат, метеорологические условия оказывали непосредственное влияние на формирование производственных навыков крестьян. Так, А.А. Кауфман указывал, что хозяйственные приемы крестьян-старожилов базируются на прекрасном знании особенностей сибирской почвы, климата и экономических условий (4, 107).

Земли Алтайского округа, переданные Кабинетом Его Императорского Величества в введение Переселенческого управления указом 19 сентября 1906 г., являлись привлекательными для переселенцев из Европейской России наличием обширного естественного колонизационного фонда. Выбор переселенцами мест расселения нередко был детерминирован природно-географическими особенностями губернии выхода. Так, жители южных земледельческих губерний Центральной полосы России избирали для поселения преимущественно степную часть равнинного Алтая, в то время как таежные районы являлись наиболее привлекательными для мигрантов из северных губерний, на которых удручающе действовали бесконечные азиатские степи с их безлесым ландшафтом (10, 10).

Сравнительно мягкий климат Алтая (средняя температура лета +16-20 °С, зимы – 13-21 °С) также создавал дополнительную привлекательность округа в глазах мигрантов из центральных регионов Российской империи (1, 400). По своим среднегодовым температурам климатические условия Алтайского округа соответствовали Пермской губернии, северным частям Вятской, Вологодской губерний, юго-западной части Воронежской губер-

нии (7, 6). Однако в целом благоприятные природно-климатические условия региона сопровождались целым рядом спорадически повторяющихся неблагоприятных факторов, таких как засухи, наводнения, ветра, ураганы, малое количество осадков и их неравномерное распределение по временам года, малоснежные зимы, весенне-летние возвраты холодов, ранние осенние заморозки, неожиданные смены температурных режимов и т.д. (12, 143 – 149). Подобные метеоусловия оказывали прямое воздействие на характер производственной деятельности крестьян, определяли неравномерность земледельческого крестьянского труда, придавали ему импульсный характер.

Наличие значительного количества неблагоприятных климатических условий определили основную особенность земледельческого труда сибирских крестьян, связанную с краткостью вегетационного периода. Данное обстоятельство обуславливало лучшую по сравнению с Европейской Россией подготовку сибирских почв для посева (3, 70). При этом главной целью обработки земли для крестьян являлось не только улучшение качества ее рыхлости, но и очищение полей от сорных трав. Проблема борьбы с сорняковыми растениями решалась переселенцами путем внедрения в свои хозяйства плугов. Традиция обработки почвы сакковским плугом была введена переселенцами из Полтавской губернии. Плуг позволял осуществить более качественное по сравнению с сохой рыхление почвы: глубина рыхления почвы плугом составляла 2-4 вершка, в то время как сохой 1,5-2,5 (7, 20). В качестве нового хозяйственного приема выступала для европейских мигрантов двукратная (весенняя и осенняя) вспашка земель. Особенно медленно внедрялась в хозяйствах переселенцев практика осенней распашки земли под яровые хлеба (13, 173). Местные природные условия требовали от переселенцев использования усовершенствованных орудий по уборке хлебов и трав. Так, жнейки постепенно вытесняют серп; литовка, использовавшаяся при сенокошении, заменялась модернизированными орудиями труда, такими как косилка и конные грабли (13, 170).

Помимо приспособления к местным природным условиям перед основной массой переселенцев из внутренних губерний России, устраивавшихся на переселенческих участках и образовывавших переселенческие поселки, стояла задача обработки целинных земель. Так, 87,53% хозяйств, обосновавшихся в основном колонизационном районе Алтая-Кулундинской степи, обработали целинную землю, что составило в среднем по 10,58 десятин на каждое крестьянское хозяйство (13, 172). Освоение целины крестьянами было невозможным без использования рабочего скота. И если в местах выхода наличие 1-2 лошадей в крестьянском хозяйстве являлось вполне достаточным для осуществления производственной деятельности, то в Сибири распашка целинных степных или таежных земель делало недостаточным наличие такого количества тягловой силы (5, 31). На страницах «Сибирских вопросов» подчеркивалось, что «одна лошадь при условиях сибирского земледелия – это все равно, что половина или даже треть лошади в Европейской России» (2, 39).

В начале XX века набор сельскохозяйственных культур, выращиваемых в крестьянских хозяйствах сибиряков, соответствовал в целом природно-климатическим условиям средней полосы России. Основную роль в хозяйствах алтайских крестьян играли зерновые, занимавшие до 90% засеваемых площадей (11, 33). Крестьяне выращивали озимую рожь, пшеницу, овес, ячмень, гречиху, лен, коноплю, просо, картофель и другие культуры. Переселенцами в Сибирь были завезены сорта твердых пшениц: белотурка, кубанка, черноколоска, синеуска (8, 12). При этом мигранты из Европейской части России пытались расширить ассортимент выращиваемых культур за счет бахчевых. В Алтайском округе начали культивироваться арбузы, тыквы и дыни. Арбузы крестьяне разводили так называемой малой – бухарской породы, которые по своим вкусовым качествам не уступали малороссийским. В качестве новационной деятельности новоприбывших можно рассматривать опыты по разведению сахарной свеклы (12, 143).

Значительную трудность в организации домообзаводства переселенцев на новом месте жительства составляло отсутствие или нехватка леса в Алтайском округе. Подобная ситуация явилась следствием реализации на Алтае землеустроительной реформы 1899 г., итогом которой стал переход в собственность короны ценных сосновых боров, располагавшихся в районе наиболее плотного земледельческого населения (Барнаульский, Шульбинский, Коростылевский, Локтевский, Касмалинский ленточные боры) (14, 176). Проблема нехватки поделочного и строевого леса решалась переселенцами путем восприятия техники саманного строительства, т. е. использования для сооружения жилых построек в качестве основного строительного материала земляного дерна (9, 22). Прежде всего, данный тип построек получил распространение в степных, безлесых районах и был зафиксирован в селениях различных национальных групп переселенцев (немцев, украинцев), вынужденных «отказаться» от специфических национальных техник строительства (6, 22,26). Ветки кустарниковых растений также использовались как строительный материал для плетения изгородей и даже домов (15, Л. 20). Отсутствие богатой растительности, садов, однообразие местной природы болезненно воспринимались крестьянами-переселенцами, прибывшими из местностей с разнообразной флорой и фауной (10, 34).

В качестве проявления механизмов адаптации в новых природно-климатических условиях можно отметить и ряд изменений, произошедших в структуре питания европейских мигрантов. Возрастает по сравнению с родиной количество потребляемого крестьянами хлеба, при уменьшении потребления картофеля, растительной и мясной пищи (горох, капуста, лук, мясо, птица, рыба) (13, 178). Причины данных изменений крылись в господстве на Алтае трехпольной залежно-паровой системы полеводства, приводившей к преобладанию в структуре посевов зерновых, ограничению разнообразия видов возделываемых растений. Кроме того, в первые годы обустройства на новых местах выдвинули на первый план задачу получения максимального урожая зерновых, отодвинув тем самым огородничество на второй план, придав ему скорее потребительское, чем промысловое значение. Значительное место в рационе переселенцев начинает занимать употребление чая, который в Центральной России был дорог, и сахара (6, 28).

Таким образом, анализ естественно-географических и природно-климатических особенностей устройства столыпинских переселенцев на Алтае позволяет сделать вывод о существовании детерминационной связи между природными условиями региона и организацией крестьянского земледельческого хозяйства. Традиционное для крестьянства стремление минимизировать связанные с природными особенностями риски производства в полной мере нашло отражение в особенностях организации хозяйственной деятельности переселенцев из Европейской части России.

Примечания

1. Азиатская Россия. В 3т. Т.1. СПб., 1914.
2. А.Х. Записка двух министров о Сибири // Сибирские вопро-

сы. 1910. № 48-49. С. 33 - 47.
3. Головачев П.М. Сибирь. Природа. Люди. Жизнь. М., 1902.
4. Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь, ее современное состояние и ее нужды: Сб. ст. СПб., 1908.
5. Карабанов Н. Переселение и расселение крестьян. М., 1912.
6. Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западную Сибирь (конец XIX – первая четверть XX вв.). Новосибирск, 2004.
7. Морозов Г.М. Алтайский округ в колонизационном отношении. Полтава, 1908.
8. Ноздрин Г.А. Хозяйственное и социокультурное развитие сибирской деревни во второй половине XIX в. // От средневековья к новому времени: этносоциальные процессы в Сибири XVII – начало XX: Сб. научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 117 – 133.
9. Переселение в губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую в 1907 г. СПб., 1907.
10. Переселенческое движение из Харьковской губернии в 1909 г. по данным Челябинской и Сызранской регистраций. Харьков, 1910.
11. Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. //Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – XX вв.(на материалах массовых источников): Сб. статей. Барнаул, 2002. С. 22 – 61.
12. Рубакин Н. Рассказы о Западной Сибири или о губерниях Тобольской и Томской, и как там живут люди. М., 1908.
13. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии уезды Барнаульский, Каинский, Томский, Мариинский / Под ред. Нагнибеды В.Я. Б.м, Б.г.
14. Соболева Т.Н. Коммерциализация лесного хозяйства Алтайского округа в 1911 – 1916 гг.// Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII- начале XX вв.): Межвузовский сб. научных статей. Барнаул, 1995. С. 174 - 190.
15. ЦХАФ АК Ф.4, Оп.1. Д. 3166. Л.20.

О.В. Чудаков
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В БОРЬБЕ С ДОРОГОВИЗНОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 - февраль 1917 гг.)

В числе многочисленных вопросов, поставленных перед органами городского самоуправления Западной Сибири военным временем, продовольственный, без сомнения, приобрел наиболее серьезное значение. Война сильно сказалась на торгово-промышленной жизни городов Западной Сибири вследствие недопоставок сырья и изделий промышленности. Нарушение торговых связей, оскудение рынка промышленных товаров очень скоро привели к росту цен на товары народного потребления. Приток продуктов питания из деревень по прежним низким ценам был невозможен, а переход части промышленных предприятий на выполнение военных заказов еще более усугубил ситуацию на потребительском рынке. К тому же, в крупных городах располагались многочисленные военные гарнизоны, было размещено значительное число раненых, беженцев и военнопленных.

Признаки надвигавшейся катастрофы стали заметны еще с начала войны, поэтому одним из первых мероприятий, связанных с решением этого вопроса, было создание местных особых совещаний по продовольствию, а при городских управах - продовольственные комиссии из гласных и обывателей (потребителей) в равном количестве с правом решающего голоса (1, Л. 149; 5, 24). Комиссиям предоставлялось право выяснять потребности местного населения в продуктах первой необходимости, их запасы в местах торговли и т. д.

Создание продовольственных комиссий поначалу внушало определенный оптимизм и рождало надежды на перемены в решении продовольственного вопроса. Однако вскоре обнаружилось отсутствие у них какой-либо реальной власти и возможности повлиять на ситуацию. Их деятельность ограничивалась сбором сведений о ценах и запасах продуктов. В связи с этим, городские думы начали устанавливать таксы - фиксированные цены на товары и продукты (2, Л. 467, 470; 1, Л. 149). Однако эти административные меры мало способствовали устранению проблемы дороговизны, имевшей объективный характер, так как, во-первых, таксируемые предметы исчезали с рынка или переправлялись в места, где такс не было или их ставки были больше, а во-вторых, в большинстве случаев таксу определяли исходя из учета интересов торговцев. В результате населению было воочию ясно, что таксы составлялись пристрастно, гласные многих городских дум достаточно легко шли на повышение ранее установленных цен. В частности, журнал «Городское дело» отмечал, что в Кузнецке (Томская губерния) губернское правление отменило таксу на муку. В тот же день на рынке сразу появилась мука (3, 346).

Достаточно благоприятно повлияло на спекулятивное взвинчивание цен на продовольствие запрещение вывоза ряда продуктов из одной губернии в другую. Сохраняя значение аграрного региона, некоторые районы Западной Сибири в годы Первой мировой войны вынуждены были поставлять продовольствие для армии и центральных районов страны, что повлекло за собой новое подорожание основных продуктов.

Запрещение вывоза и установление произвольной таксировки цен на предметы потребления привело к исчезновению товаров с рынка, а местами и к полному товарному голоду. При отсутствии гибкости в действиях административных властей и органов городских самоуправлений, таксировка цен не смогла следовать в тесном соответствии с рыночными ценами. В результате, города, зафиксировавшие таксами цены, ниже действительно существовавших на рынке, оказались на грани полного товарного голода. К сожалению, несмотря почти на повсеместно отрицательное отношение городов к таксировке, последняя по-прежнему играла определенную роль в деле смягчения продовольственного кризиса. Но, тем не менее, чувствовалась необходимость в иных мерах по борьбе с дороговизной жизни.

Высказываясь за отмену такс и сознавая, что только свободная конкуренция является рычагом установления действительно нормальных цен, городские самоуправления признали необходимым выступить на борьбу с дороговизной путем организации муниципальных заготовок предметов первой необходимости для продажи их населению по заготовительным ценам. Почти повсеместно были учреждены городские продовольственные организации, на которые возлагалось проведение продовольственных операций (10, Л. 347; 8, Л. 8; 7, Л. 5). В распоряжение городских управ и специальных комиссий передавались солидные средства, отпускаемые Особым продовольственным совещанием или получаемые от займов, заключенных в частных кредитных учреждениях под гарантию государственного казначейства. Для правильного распределения товаров среди населения городские власти заключали соглашения с кооперативными обществами. Органы местного самоуправления почти всех городов Западной Сибири продавали заготов-

ленные продукты из городских лавок и из лавок потребительских обществ.

Однако главная задача продовольственных комиссий - «способствовать нормальному положению рынка, путем конкуренции не допускать искусственного взвинчивания цен, понижением стоимости продуктов до минимума побуждать к тому же частных торговцев» - не была выполнена. Действия комиссий превращались, по сути, в благотворительность, когда, например, заготовленный сахар или топливо продавались по довольно низкой цене.

Приступив к организации заготовок, городские самоуправления на первых же шагах своей деятельности наладили тесное взаимодействие с кооперативами, имевшими почти повсеместно готовый торговый аппарат. Таким образом, развиваясь как элемент рыночного хозяйства, кооперация в годы войны играла роль своеобразного буфера. Она попыталась восполнить вызванный войной пробел в рыночных механизмах регулирования экономики - налаживала разрушенные связи, организуя сбыт и закупку определенных товаров. Помимо того, кооперация способствовала защите тех социальных слоев, которые не могли самостоятельно выстоять перед лицом растущей дороговизны и прогрессирующего развала экономики.

Муниципальные заготовки, несомненно, сдерживали резкое повышение цен, но действия городов были далеки от того, чтобы своей планомерностью и решительностью внести значительные коррективы в местную торгово-промышленную жизнь. Городские продовольственные организации, представленные в большинстве цензовым элементом, далеким от настойчивой борьбы с дороговизной, страдали отсутствием инициативы столь необходимой в деле обеспечения продовольствием народных масс. В результате складывались процессы, вызывавшие у населения все большее недовольство и тревогу: прекращение выпуска товаров первой необходимости, перебои с продовольствием. На этой почве с 1915 г. в России отмечался рост стихийного недовольства малоимущего городского населения, прежде всего женщин-солдаток, а с весны 1916 г. в Западной Сибири широкий размах приобрели продовольственные «беспорядки», которые выражались в погромах магазинов и сопровождались столкновениями с полицией и войсками. «Голодные бунты» приняли широкий характер в Тюмени, Барнауле, Бийске и других городах (6, 89; 4, 94; 9, 19).

Таким образом, несмотря на все принятые меры, к концу 1916 г. ситуация с продовольствием заметно ухудшилась. Действия городских самоуправлений, направленные, в первую очередь, на таксировку продуктов и на их закупку для перепродажи городскому населению, сталкивались с препятствиями, связанными с отсутствием дееспособного центрального продовольственного органа, с расстройством транспорта, с недостатком городских финансовых средств, необходимых для закупочных операций, с неприспособленностью к борьбе с дороговизной жизни органов городского самоуправления, ограниченных в своей компетенции Городовым положением 1892 г.

В военное время свободная торговля и частная инициатива не могли обеспечить снабжение страны продовольствием. Расстройство транспорта, недостаток рабочих рук, массовые закупки для армии, составлявшие огромную долю спроса на продовольственные продукты, нарушили налаженные каналы обращения товаров, расстроили нормальный товарообмен и вызывали необходимость государственного вмешательства в регулирование цен, подвоз продуктов, распределение их среди населения. Попытки же усиления государственного вмешательства в рыночные механизмы, недоверие со стороны властей к обществу привели к тому, что свободный рынок принял искаженные формы и стал восприниматься населением негативно. Провал в организации продовольственного дела в годы Первой мировой войны стал одним из главных факторов недовольства политикой правительства среди широких слоев населения.

Примечания

1. ГАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 28. Л. 149
2. ГАТО. Ф. Ф-127. Оп. 1. Д. 2969. Л. 467, 470.
3. Городское дело. 1916. № 7.
4. Горюшкин Л. М. Революционное движение в Новониколаевске в годы Первой мировой войны // Бахрушинские чтения, 1976 г. Новосибирск, 1976.
5. Обзор продовольственного дела в отдельных губерниях и областях Империи // Известия Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу. 1916. № 20.
6. Очерки истории Алтайского края. Барнаул, 1987.
7. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 844. Л. 5.
8. РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 64. Л. 8.
9. Рощевский П. И. Октябрь в Зауралье. Октябрьская социалистическая революция и борьба за установление советской власти на территории Зауралья. Тюмень, 1959.
10. ТФ ГАТюмО. Ф. И-152. Оп. 35. Д. 1277. Л. 347.

А.А. Николаев
Институт истории СО РАН,
г. Новосибирск

РАЗВИТИЕ КРЕДИТНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Сибирская сельскохозяйственная кредитная кооперация в силу недостаточно высокого уровня товарности сельского хозяйства, слабых транспортных коммуникаций и сети финансовых учреждений, культурной и психологической неподготовленности крестьянства стала формироваться значительно позже, чем в центральной России. В 1877 г. в Тобольской губернии были открыты Лыбаевское, Гулинское и Юровское ссудо-сберегательные товарищества. Затем товарищества открываются в Акмолинской области и Томской губернии. До 1905 г. в Сибири существовало только 12 ссудо-сберегательных товариществ (3). Многократная материальная ответственность за получаемые ссуды и психологическая боязнь по обязательствам перед банками, незнание техники банковского дела тормозили рост кредитной кооперации. Утверждение Положения о мелком кредите и Устава кредитных товариществ в 1904 г. упростило порядок регистрации и условия получения ссуд, что дало импульс к росту низовой сети. В 1909 г. в Сибири насчитывалось 25 ссудо-сберегательных товариществ, осуществлявших главным образом операции по ссудам и вкладам (7; 228).

Интенсивный рост кредитной кооперации в Сибири начался с 1911 г. К этому времени созрели объективные предпосылки для формирования системы кооперативных обществ и союзов, основанных на собственных и привлеченных финансовых средствах для кредитования крестьянских хозяйств. Значительно повысилась товарность сельскохозяйственного производства, улучшились транспортные коммуникации с введением в строй Транссибирской железной дороги. Рост объемов продаж масла и зерна сопровождался увеличением спроса на дорогостоящую технику, инвентарь и оборудование. Но решающим фактором формирования разветвленной кредитно-кооперативной системы стала широкая государственная

поддержка. В связи с неурожаем 1911 г. государство выделило деревне значительные ссуды на семена, прокорм скота и даже личное потребление в целях предотвращения банкротства крестьянских хозяйств и возврата долгов. На эти средства в каждой волости учреждалось беспаевое кредитное товарищество, распределявшее ссуды Государственного банка и Переселенческого управления. На 1 января 1914 г. в Сибири действовало 856 кредитных товариществ, насчитывающих 469 тыс. членов, или в среднем на одно товарищество 548 чел. Общая сумма капиталов составляла 5609,6 тыс. рублей или в среднем на одно товарищество 6553 рублей и на одного члена-пайщика – 12 рублей, общая сумма вкладов – 6738,3 тыс. рублей или в среднем на одно товарищество 7870 руб. и на одного участника – 14 рублей. Членами кредитной сельскохозяйственной кооперации являлись 30% крестьянских хозяйств (4).

Основной статьей активной части баланса кредитных товариществ являлись ссудные операции. Процент просроченных ссуд был минимальным и составлял 3,3% общей задолженности заемщиков (5). Кредитные товарищества работали преимущественно на вкладах и займах, которые размещались в ссудных операциях, что соответствовало уставным целям и стимулировало предпринимательскую активность крестьянства.

Попытки создания кредитных союзов в Сибири относятся к 1911 г., когда на Алтае в Барнаульском уезде силами 28 товариществ началось оформление официальных учредительских документов, растянувшееся на 2 года. Но в полной мере работа Барнаульского кредитного союза развернулась только в 1915 г., когда он объединил 85 товариществ из 178, находящихся в зоне его действия. Союз организовал ремонтные мастерские, кузнечно – слесарные, колесные и мельничные предприятия, занялся приобретением племенных пород скота (1; 77). С конца 1915 г. в Сибири начали возникать союзы кредитной кооперации, преследующие цели развития посреднических операций. Союзы добились передачи кредитов Госбанка в свое распоряжение и значительно увеличили кредитование своих участников. В 1914 – 1915 гг. в крупных городах Сибири были созданы отделения Московского народного банка, что укрепило организационно кредитно – кооперативную систему. Число кредитных кооперативных союзов увеличивается с 4 в 1915 г. до 26 в 1918 г.

Начавшаяся мировая война кардинально изменила функции кредитной кооперации. Инфляция сделала невозможным ведение судных и вкладных операций, являвшихся основной кредитно-кооперативной системы. Кредитная кооперация занялась заготовкой сельскохозяйственной продукции по заказам государственных заготовительных органов и организацией сбыта сельскохозяйственной продукции. В 1914 г. операции с хлебом проводили 262 кредитных кооператива в Западной Сибири. При поддержке отделений Государственного банка они закупали для нужд армии пшеницу, муку, овес, используя оборотные средства. Посреднические операции приобрели размах и устойчивость, на основе чего расширилась деятельность кредитных союзов, инвестировавших заработанные средства в постройку элеваторов с механическим оборудованием на станциях Лебяжье (300 тыс. пудов), Курган (300 тыс. пудов), Зырянка, Макушино и Петухово (9; 275). В дальнейшем кредитные союзы и кооперативы перешли к торговле предметами широкого потребления. В Забайкальской области доля ссуд в балансе кредитной кооперации снизилась с 81% в 1915 г. до 43% на 1 января 1919 г., а доля товаров повысились с 2,9% до 9% (7; 228).

С 1916 г. кредитные союзы Сибири начали координировать свою деятельность в сфере совместных закупок сельскохозяйственных машин и инвентаря и объединения финансовых ресурсов. В сентябре 1917 г. по уставу товарищества на паях учрежден Союз сибирских кредитных союзов – Синкредсоюз. В 1918 г. он объединял 27 кредитных союзов Сибири от Урала до Владивостока. Имел баланс на 1 января 1919 г. 34 млн рублей. Основу его деятельности в условиях Гражданской войны составляли закупки товаров для своих участников и продажа продуктов сельского хозяйства и промыслов(4). В 1918 г. кредитные союзы Сибири поставили Министерству продовольствия по твердым ценам 920 тыс. пудов хлеба, а Синкредсоюз сибирскому населению – сельхозинвентаря на 25,5 млн рублей и предметов личного потребления на 3 млн рублей. В 1919 г. после отмены твердых цен Синкредсоюз закупил 20 млн пудов хлеба на 120 млн рублей и поставил продовольствия и предметов обмундирования на 180 млн рублей (2; 57, 74).

Значительно увеличились вложения в расширение промышленного производства. Так, Барабинский союз кредитных и ссудо-сберегательных кооперативов, учрежденный 17 апреля 1917 г. в составе 14 товариществ в г. Татарске, на средства, накопленные от заготовок и сбыта хлеба и рыбы, открыл в 1918 г. деревообрабатывающую и слесарно-кузнечную мастерские, пимокатный и мыловаренный заводы, выступил пайщиком при покупке лесопильного завода в Тюмени, наладил кустарное производство телег, веялок, сельскохозяйственного инвентаря. В 1919 г. производительность пимокатного завода составила 5 тыс. пар пимов, мыловаренного – 5 тыс. пудов мыла и колесной мази (5).

Расстройство финансов и товарного обращения, начавшееся в годы Первой мировой войны, привело к скоплению значительных денежных масс в деревне. Деньги, полученные от поставок для армии продовольственного и фуражного хлеба, были не обеспечены достаточным количеством промышленных товаров, что вызвало рост инфляции, усилившейся в Гражданскую войну. В работе кредитной кооперации, посреднические операции стали осуществляться в ущерб операциям по ссудам. Размеры ссуд уменьшились, и они стали обращаться на потребительские цели, так как крестьяне потеряли уверенность в целесообразности улучшения своего хозяйства и опасались реквизиций. На 1 ноября 1918 г. баланс 24 кредитных союзов достиг 146,5 млн рублей или в среднем на один союз 6,1 млн рублей. В активной части баланса усредненного союза 1,32 млн рублей составляли товары, 0,746 млн рублей – имущество, 1,23 млн рублей – ссуды и 2,704 млн рублей прочие активы (5). Таким образом, ссудная работа кредитной кооперации в Сибири была в значительной степени замещена заготовками и сбытом сельскохозяйственной продукции, инвестированием средств в производство и ремонт сельскохозяйственных орудий, развитие племенного дела. В составе промышленных предприятий были лесопильни, обозно-механические и чугунолитейные мастерские, кожевенные и крахмально-терочные заводы. На Дальнем Востоке плотность кредитно-кооперативной сети была более низкой. В 1918 г. здесь насчитывалось 248 кредитных кооперативов, в том числе в Забайкалье и Прибайкалье – 114, на Амуре – 48, в Приморье – 81, в низовьях Амура – 5 (8; 33).

Кредитная кооперация Сибири в лице Синкредсоюза и отделений Московского народного банка отрицательно отнеслась к установлению Советской власти и профинансировала Сибирскую областную думу. При белом режиме в условиях политической нестабильности руководство кредитной кооперации сосредоточилось на хозяйственной работе, выступило за отмену твердых закупочных цен и государственных монопольных цен на сельс-

кохозяйственную продукцию. Отделения МНБ в Сибири объединились во Временную дирекцию и с осени 1918 г. стали единственным устойчивым банковским аппаратом на Востоке России, несмотря на то, что правительство Колчака практически не выделяло ссуд на поддержку кредитной кооперации (2, 38).

Примечания

1. *Алексеева В.К. Кооперативное движение в Сибири (конец XIX – начало XX века). Новосибирск, 1993.*
2. *Бунин А.О. Советская власть и кредитная кооперация (октябрь 1917 – 1924 г.) Иваново, 1998.*
3. *ГАНО. Ф.Р-998. Оп.1. Д.61. Л.10.*
4. *ГАНО. Ф.Р-998. Оп.1. Д.61. Л.11.*
5. *ГАНО. Ф.Р-998. Оп.1. Д.61. Л.59.*
6. *ГАНО. Ф.Р-31. Оп.1. Д.34. Л.72–74.*
7. *Махов В. Потребительская кооперация Сибири в процессе ее развития (1898–1920 гг.). Новониколаевск, 1923.*
8. *Очерки истории потребительской кооперации Дальнего Востока. Новосибирск, 1969.*
9. *Шишкина С.Ю. Кредитная кооперация в Тобольской губернии в годы Первой мировой войны // Отечественная кооперация: исторический опыт и современность. Иваново, 2004.*

СЕКЦИЯ 3. УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ

М.Е. Янникова
Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург

ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Изучение старообрядчества убеждает в том, что интересные страницы истории не всегда бывают достаточно исследованы. Нельзя назвать старообрядчество предметом, обойденным вниманием отечественной и зарубежной историографии. Но мы имеем дело с весьма сложным социальным явлением, которое отличается разнообразием и причудливостью форм. В настоящее время нет единого подхода к этому явлению. Более того, отсутствует четкое определение понятия старообрядчества. Можно подойти к этой проблеме в аспекте теории модернизации.

Модернизация, по мнению академика В. В. Алексеева, представляет собой «совокупность процессов структурной и функциональной дифференциации общества, индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, становления современных мотивационных механизмов и т. д.» (1, 3). Таким образом, модернизация охватывает все сферы жизни общества, в том числе и интересующую нас социокультурную сферу.

Невозможно понять исторический смысл модернизации общества, не обратившись к анализу ее социокультурной составляющей, а именно: культурных оснований модернизации, сопровождающих ее социокультурных конфликтов, изменения ментальности и моделей поведения участников модернизационного процесса. Именно в социокультуре общества содержатся неопровержимые доказательства, указывающие на начало и завершение модернизации. В этом ключе возникновение старообрядчества, эволюция от взаимного непризнания государственной властью и старообрядцами друг друга к поиску компромисса между официальной церковью и старообрядцами, от разработки идей Апокалипсиса (2, 287-300) и пропаганды самосожжений (3) к их осуждению ведущими деятелями раскола и поиск иных форм протеста есть не попытка консервации традиций, а процесс модернизации в социокультурной сфере.

Трудности в изучении культурных компонентов модернизации в России усугубляются рядом обстоятельств, требующих специального обсуждения. Первое из них касается циклического характера отечественной модернизации. Ее этапы отделены друг от друга исторической полосой, которая сопровождалась всеобъемлющим разрушением сложившихся модернизационных социокультурных институтов в области государственного и экономического быта (и может быть определена как социокультурная катастрофа), так происходил откат общества на исходные рубежи, после чего иные социальные силы вновь брались за решение тех же самых исторических задач, но уже прибегая к помощи иных инструментов. Распад древнерусской «соборной» культуры и начало становления личностного сознания наиболее очевидным способом выражалось для России XVII века в обострении восприимчивости к новым европейским влияниям.

Для тех, кто не пользовался европейским опытом, самоопределение личности принимало особые формы, сознание индивидуальной миссии, регламентируемой лишь чувством личной ответственности, несло в себе черты сакральности. В этой связи понятно восприятие старообрядцами реформы Никона как конца света, попытки спастись от охватившей всех катастрофы путем бегства от богопротивной власти, пустынножительства и крайней формы протеста – самосожжения. Но на смену крайним старообрядцам, которые воспринимали мученическую смерть как триумф и завершение земных путей благоверия (4, 184-199), приходили те, кто понимал необходимость выражать протест «легальными» способами, искать компромисс с властью (5, 123-160).

Дискретность исторического процесса, столь явно присутствующая в российской модернизации, проявляется в изменчивости культурных оснований модернизации. Социальная катастрофа, проживаемая современниками как состояние хаоса, на самом деле представляет собой сложную комбинацию социокультурных образований. Гибель больших социальных институтов при насаждении европейских, а не традиционных основ для модернизации привела к всеобщему «окукливанию» общества, его сжатию до домашних, соседских, артельных общин. Жизнь в них регулируется обычаями, сохранившимися в глубинах исторической памяти людей. Заново актуализируются элементы архаичной и традиционной культуры, которые, в свою очередь, вступают во взаимодействие с сохранившимися пережитками погибшей культуры. Продуктом соединения становится своеобразная культурная среда, пребывающая в агрегатном состоянии. Она лишена признаков системности, расколота на отдельные сегменты, мозаична (6, 88-90). Именно в ней, однако, складываются культурные предпосылки для следующего цикла модернизации. Эти предпосылки историчны. Такой средой и стали старообрядцы. Общая природа социальных катастроф проявляется в конкретно-исторических формах, существенно отличающихся друг от друга. Своеобразие исторических ситуаций находит свое естественное продолжение в специфике культурной среды, в которой формируются модернизационные процессы. Разность культурных оснований, тем не менее, может быть понята лишь в контексте единой культурной традиции, выработанной всей историей России.

При изучении культурных условий возникновения старообрядчества как процесса модернизации, недостаточно выяснить содержание первичных оснований. Необходимо обратиться к анализу ее вторичных оснований, созданных предшествующим циклом модернизации, учитывая при этом влияние внешней культурной среды. В этом отношении целесообразно проследить процесс трансформации старообрядчества как сегмента процесса модернизации, его форм протеста и взаимовлияние старообрядчества и внешней, враждебной по отношению к старообрядцам, культурной среды.

Необходимо подчеркнуть, что старообрядцы и никониане - есть продукт одной культуры. Культура в данном случае рассматривается как деятельностная характеристика общества. Это социальные технологии, используемые людьми – участниками исторического процесса. Социальные технологии включают в себя:

- сложившуюся в сознании общества картину мира (ментальность), которая прямо или опосредованно воздействует на социальную практику;

- модели поведения людей, включающие в себя укоренившиеся ценности, принятые нормы, используемые средства, найденные жизненные стили.

Религиозная культура переживает процесс исторических перемен вместе с обществом, но по своему собственному алгоритму. Целостное состояние культуры в определенном пространственно-временном континууме на основании единого стиля (или группы стилей) характеризуется как культурная эпоха. Модернизация включает в себя процесс культурных перемен, в основе которого лежит переход от религиозной к рациональной ментальности общества.

В литературе, посвященной отечественной модернизации в социокультурной сфере, общим местом стало ее отождествление с европеизацией страны, сама европеизация понимается как перенос западных социокультурных институтов на русскую почву, начатый Петром Великим. Примечательно, что наступление «последних времен» старообрядцы чаще всего и связывали с личностью Петра I (7, 40-45), а формы протеста в этот период приобрели крайнюю форму, трансформировавшись в самосожжения, которые становятся массовым явлением (8, 18-20). Однако сторонники огненной смерти стремились как в теории, так и на практике подчеркнуть вынужденный и мученический характер этого акта, соответствующий условиям «гонительного антихристова царства» (9, 294-302).

Запоздалый импорт модернизации объясняется тем, что «в России не сложилась крепкая культура» (10, 27). Это суждение можно интерпретировать по-разному: и как указание на слабость культурных предпосылок для модернизации, и как объяснение относительной легкости проникновения чужой культуры. В любом случае, высказанное в категоричной форме, оно не представляется достаточно корректным. В самом деле, если под модернизацией понимать нечто большее, нежели уточнение внешней атрибутики, то для принятия западных культурных образцов необходимы соответствующие условия и благоприятная культурная среда, пусть недостаточно развитая для того, чтобы произвести на свет новые социальные институты, но располагающая к тому, чтобы чужие обычаи на ней прижились (11, 89-93).

В этой связи необходимо принять во внимание психологию правящего сословия России. Ментальность российского благородного сословия претерпела существенные изменения после Петровской реформы. Оно выработало в себе привычку к усвоению европейской культуры, а вместе с тем и обостренное чувство собственного достоинства. По своему сословному положению, по хозяйственному укладу русская правящая элита принадлежала к традиционному обществу, была оплотом крепкого строя и регулярного государства. В тоже время по своим культурным ориентирам, по своим просветительским ценностям она тяготела к Европе революций, к Европе денег. Русское дворянство превращалось в европейски образованный класс. Его открытость к новейшим достижениям западной культуры, способность насаждать их на русской культурной почве можно считать важнейшей культурной предпосылкой к модернизации.

Иное дело, что двойственность положения русской интеллектуальной элиты приводила к избыточной абстрактности, умозрительности, беспочвенности в воззрениях и выводах, касающихся политического, экономического и духовного устройства общества. То, что для западных интеллектуалов было выстраданным продуктом осмысления собственного исторического опыта, для их российских собратьев по культуре зачастую становилось интеллектуальной игрой, в которой невозбранно и увлекательно доходить до крайних значений.

Нужно обратить внимание и на иное обстоятельство. Источником для социально-политической рефлексии русской интеллигенции являлись тексты западных авторов. В соответствии с их воззрениями отечественная элита выстраивала свое отношение к российским институтам, более того, к российской истории.

Культурные истоки низовой модернизации можно обнаружить в традициях хозяйственной культуры старообрядцев. В невольной соревновательности с государственной системой, раскол не искал чужеземного опыта, а взял за основу институт земства. Братство и общинность старообрядцев, культ труда привели к тому, что в стране, которая «во имя обновления удалила от себя старообрядцев как инициаторов модернизации на собственно русской почве, эта часть народа повела хозяйство и быт лучше, чище и выгодней» (7, 42).

Таким образом, во всех пластах отечественной культуры существовали предпосылки для модернизации, как верхушечной (элитарной), так и низовой. Речь идет об устойчивых, складывающихся поколениями тенденциях к рационализации деятельности, проявлявшихся в иных религиозных формах, нежели протестантизм.

Можно принять точку зрения М. Веббера, что реформация «создала религиозные мотивы именно в сфере мирской профессии…Протестантизм ищет религиозное спасение в методически рационализированном осуществлении своего признания» (12, 12). Ученый находил причины этому в теологических основаниях новой ветви христианства, одновременно указав на ситуацию избранничества, в которую попали адепты нового вероучения. Русские староверы, ничего не знавшие о предназначении, в торговых делах вели себя как пуритане: презирали жажду наживы, придерживались строгих правил в ведении дел, избегали ростовщичества. Общность положения (гонения со стороны государства, необходимость противостоять враждебной среде, состояние избранности) формировала единую стратегию жизненного поведения.

Парадокс отечественной модернизации состоит в том, что она, будучи запоздалой по отношению к западноевропейской, оказалась преждевременной с точки зрения становления собственных культурных предпосылок. Они не были интегрированы в единый социокультурный уклад, автономный и локализованный в социальном пространстве (13, 91-93). Главным препятствием к его становлению является культурный раскол, бывший последствием Петровской реформы. Возможные инициаторы модернизации разошлись по разным полюсам социального мира, утратив общий язык для взаимопонимания. В таких условиях протоэлементы модернизации на время оказались погруженными в традиционную культуру, более того, приобрели функцию своеобразного консерванта, поддерживающего старые институты в изменившихся условиях.

Старообрядчество, таким образом, результат не одноактового изменения правил религиозной обрядности, а своеобразный продукт накопления предпосылок для отечественной модернизации, именно староверы были инициаторами модернизации, но в силу определенных условий приобрели функцию консерванта, отошли назад, после чего иные социальные силы, старообрядцы нового поколения брались за решение тех же самых исторических задач, но используя другие инструменты, одним из которых стал компромисс с властью и признание внешнего по отношению к старообрядцам православного мира.

Но компромисс был найден лишь в конце XVIII в., а на начальном этапе общество, бывшее неготовым к всеобъемлющей модернизации, уступило первенство власти. Для последней модернизация была лишь инструментом в реализации имперских притязаний. Лейтмотивом модернизации было состязание с Западом, состязание, в котором хороши были все средства, если они служили поставленной цели: обеспечить военное и политическое превосходство над противником. В своей реформистской деятельности власть руководствовалась вековыми традициями, суть которых сводилась к неуважению прав подданных. Для достижения быстрого успеха власть имущие не просто игнорировали низовые ростки модернизации, но и мимоходом уничтожали все то, что не укладывалось в их видение культурного прогресса. Власть ориентировалась на зарубежные образцы, отбирала те из них, которые соответствовали ее культурным доминантам и не противоречили ее интересам. Этим и объяснятся враждебное отношение государства к старообрядцам как авторам модернизации на исконно русской, традиционной основе.

Следующим шагом государства было насаждение западных образцов в иной культурной почве. Общество, и старообрядцы в том числе, привыкало относиться к модернизации как к чужому для него казенному делу и отвечало противодействием власти, которое могло иметь скрытые формы (национализм) и открытые - «немоление за государя», бегство, пустынножительство, а также прямой вызов власти, коим можно считать самосожжения.

Таким образом, возникновение старообрядчества есть результат отхода инициаторов модернизации на собственно русской, традиционной основе от государства, инициировавшего модернизацию по западному образцу, и выделение их в особую религиозную общность, которая искала религиозное спасение в методически рационализированном осуществлении своего призвания; обоснование этого призвания могло быть и не рациональным (например, самосожжение с целью спасения истинной веры), но это легко объяснить огромным влиянием религии и эсхатологии на сознание старообрядцев; чаще же всего при обосновании призвания старообрядца рационализованные и мистические основы переплетались, человек мог получить религиозное спасение, преобразуя посюсторонний мир.

Подводя итог всему вышесказанному, необходимо подчеркнуть, что старообрядцы, судя по всему, и были теми силами, которые могли инициировать модернизационные процессы на русской, традиционной, основе. Насильственное насаждение государством западных образцов вызвало протест модернизационных сил и они «ушли в раскол», став оппозицией правящей власти. С этого времени в старообрядческих источниках монарх рассматривался как антихрист, а государство, в свою очередь, всячески подавляло инициативу старообрядцев, ограничивая их политическую и экономическую свободу. Однако развитие процесса модернизации привело к тому, что в умах некоторых деятелей государства и в старообрядческой среде начинает формироваться мысль о мирном сосуществовании – компромиссе, поиск которого начался в период либерального правления Екатерины II (5, 147-160).

Примечания

1. *Опыт российской модернизации. XVIII-XX века. М., 2000.*
2. *Гурьянова Н. С. Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988.*
3. *Аввакум. Житие протопопа Аввакума. М., 1960; Жуков Д. К. Огнепальный. М., 1979.*
4. *Плюханова М. Б. О некоторых чертах личностного сознания в России в XVII в. // Художественный язык средневековья. М., 1982.*
5. *Мельников Ф. Е. Краткая история древнеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул, 1999.*
6. *Опыт российской модернизации. XVIII-XX века. М., 2000.*
7. *Старухин Н. Н. Как утверждалась новая вера на Руси // Старовер. Горно-Алтайск, 1994.*
8. *Побережников И. В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVII веке. Новосибирск, 1989.*
9. *Шашков А. Т. Самосожжения как форма социального про-*

теста крестьян-старообрядцев Урала и Сибири в конце XVII- начале XVIII вв. // Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселений в Европе, Азии и Америке. Новосибирск, 1992.
10. *Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1. От прошлого к будущему.*
11. *Эйзенштадт. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999.*
12. *Веббер М. Хозяйственная этика мировых религий. Введение // Веббер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.*
13. *Опыт Российской модернизации. XVIII-XX века. М., 2000.*

Л.Н. Мазур
Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

УРБАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В XX ВЕКЕ

В XX в. Россия пережила множество потрясений, среди которых по значимости последствий выделяется «урбанизационный переход». По совокупности прошедших трансформаций можно с полной уверенностью говорить о формировании в России и на Урале во второй половине XX века новой стадии расселения, соответствующей параметрам индустриального и постиндустриального общества, отличительными чертами которой стали рост численности городов, концентрация сельского расселения вокруг городских центров, сокращение числа мелких и средних населенных пунктов. Таким образом, урбанизация – это процесс комплексной трансформации поселенческой сети, в ходе которой коренным образом преобразуется не только городская, но и сельская местность.

Начальный этап урбанизации сельской поселенческой сети характеризуется тенденцией ее расширения, она прослеживается вплоть до конца 1930-х гг. Вслед за этапом расширения наступает стадия сжатия (1940-1980-е гг.), вновь сменяемая тенденцией децентрализации (1990-е гг.). Динамические колебания численности сельских поселений дополняются изменениями в структуре расселения, связанными с появлением новых типов населенных пунктов и изменением их облика.

Предложенная выше периодизация нашла отражение в динамике численности сельских поселений на Среднем Урале. Оценивая общие итоги развития сельской местности на Среднем Урале (рис.1), следует подчеркнуть, что в сравнении с началом XX века общая численность сельских поселений изменилась несущественно, однако произошли значительные структурные трансформации за счет развития городской сети и формирования индустриальных вариантов сельского расселения (транспортного, промышленного, лесопромышленного, рекреационного), в результате чего наиболее пострадало сельскохозяйственное расселение.

По сведениям Списков населенных мест Пермской губернии по состоянию на 1904 г. общая численность сельских поселений в Пермской губернии составила 14113, из них 2218 располагались на территории Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского, Камышловского и Красноуфимского уездов, позднее вошедших в состав Свердловской области. К 1908 г. численность сельских поселений увеличилась незначительно – с 14113 до 14137. Весьма показательна структура расселения по типу поселений. На территории Пермской губернии насчитывалось 118 заводов, 684 села, 10581 деревня и 2754 выселка и поселка (1). В соответствии с особенностями аграрного расселения преобладали традиционные типы сельскохозяйственных поселений (села, деревни), однако уже в начале XX века увеличивается число поселков, выселков, впервые появляются хутора.

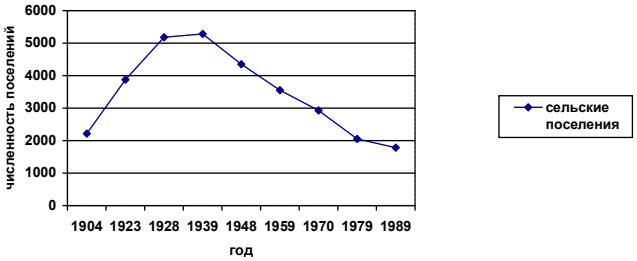

Рис. 1. Динамика численности сельских поселений Среднего Урала в XX веке

1920–1930-е гг. остаются достаточно сложным периодом с точки зрения оценки динамики поселенческой сети. Здесь сталкиваются разнонаправленные тенденции и факторы, что приводит к неоднозначным результатам. В целом по РСФСР мы можем наблюдать рост сельской поселенческой сети. В 1928 г. по 6 округам Уральской области в границах современной Свердловской области (Свердловскому, Тагильскому, Шадринскому, Кунгурскому, Ирбитскому, Шадринскому) насчитывается в общей сложности 5 179 селений (2), а в 1939 г. на территории Свердловской области в документах административного учета отмечено 6625 сельских поселений (3). Корректность оценки динамики осложняется в результате несопоставимости данных, связанной с методами учета и территориальными границами. Тем не менее, можно сделать вывод, что в 1930-е поселенческая сеть региона переживает множество влияний, приводящих к новообразованиям – это индустриализация, развитие лесопромышленной отрасли, формирование колхозно-совхозной системы, строительство в сельской местности санаториев и домов отдыха и др. В результате вплоть до конца 1930-х гг. преобладает тенденция к расширению поселенческой сети.

Одновременно закладываются основы будущего свертывания поселенческой сети, обезлюдения деревни. В результате индустриализации, оттока сельского населения на стройки пятилеток, раскулачивания и репрессий, роста смертности в результате голода и снижения уровня жизни сельского населения демографическая ситуация в деревне меняется. Свою роль в свертывании сельской поселенческой сети сыграла политика государства в области сельского хозяйства и расселения, ориентированная на укрупнение сельскохозяйственного производства и ликвидацию неперспективных деревень.

Учитывая объективные тенденции и направления развития сельского расселения в изучаемый период, нужно отметить, что характерной чертой урбанизационного перехода является «исчезновение» значительной доли сельских поселений. Всего по материалам БД «Города и села Среднего Урала в XX веке» в 1930–1980-е гг. были закрыты по разным причинам 44,2% постоянных поселений. Больше половины из них (67,3%) исчезли в 1970–1980-е гг. – время наиболее жесткого административного вмешательства в расселенческие процессы.

Сокращение сельской поселенческой сети, которое происходит во второй половине XX века, сопровождалось не только уменьшением численности сельского населения, но и изменением степени заселенности территории, трансформацией структуры и форм расселения. Произошло то, что специалисты называют концентрацией и поляризацией сельского расселения, т.е. сосредоточение населения в относительно немногочисленных, как правило, крупных поселениях, при этом все более

выраженной становится очаговость расселения. Если в 1939 г. средняя численность населения в сельских поселениях Свердловской области составляла 198,4 чел., в 1989 г. - 310, 7 чел. Однако рост средней людности не является следствием укрупнения поселенческой сети, а скорее ее поляризации – увеличения доли мельчайших и крупных поселений при одновременном сокращении числа мелких и средних.

При характеристике удельного веса исчезнувших населенных пунктов возникает проблема оценки уровня «сжатия». По Свердловской области наиболее высокие показатели наблюдаются на севере, самые низкие – в южных районах, наиболее благоприятных для сельского хозяйства и плотно заселенных. Учитывая последствия трансформаций региональных систем расселения, можно сделать вывод, что уровень сокращения сельской поселенческой сети не должен превышать 30 – 35%, иначе в системе расселения нарастают деструктивные процессы, связанные с разрушением его каркаса.

В этой связи особый интерес приобретает анализ вариантов «исчезновения» сельских поселений. Исключение из списков имело разные причины. Можно выделить 3 основные варианта «исчезновения» поселений:

1. Исключение из учетных данных в связи с изменением статусных характеристик населенного пункта, в частности, с преобразованием их в поселки городского типа или включением в черту городских поселений (примерно 5–10% от общего числа закрытых поселений).

2. Слияние с более крупными населенными пунктами, расположенными рядом (15-20%).

3. Ликвидация поселений в связи с потерей населения, в том числе в результате выезда жителей, сселения или смертности (70–80%). К их числу относятся преимущественно малые монофункциональные деревни. Их удельный вес составил 84,9%. Именно эта группа населенных пунктов дает нам наиболее полное представление о реальном сокращении поселенческой сети.

Анализируя последнюю группу поселений, необходимо остановиться на причинах появления пустошей. Среди них наиболее важное место занимают демографические процессы, связанные с изменением демографического поведения и сельской миграцией. Далее по значимости можно выделить экономические условия: в связи с концентрацией производства (промышленного, сельскохозяйственного) возникают объективные предпосылки к ликвидации тех населенных пунктов, которые потеряли свои хозяйственные функции. Это особенно актуально для промышленных и лесопромышленных поселений. Объективные причины, способствовавшие обезлюдению сельской местности, были дополнены субъективными – политикой, нацеленной на оптимизацию расселения, в основе которой лежала идея о необходимости ликвидации неперспективных малых деревень. ***Особенностью Свердловской области,*** как и прилегающей Челябинской, стало то, что список исчезнувших деревень здесь вырос в результате влияния техногенных факторов, в частности влияния Восточно-Уральского радиоактивного следа.

Наиболее существенным следствием всех структурных и пространственных изменений, произошедших в сельском расселении XX века, является то, что на значительной части России и Урала равномерное сельское расселение, характерное для аграрного общества, практически перестает существовать. Оно распалось на 2 части, резко отличающиеся друг от друга в демографическом, экономическом плане и по культурно-бытовым характеристикам. Первая наиболее жизнеспособная часть поселений представлена населенными пунктами, сохранившими административные и производственные функции – это наиболее устойчивый элемент сельского расселения.

Вторая, деградирующая часть сельского расселения – периферийные, мелкие поселения, потерявшие или теряющие возможности демографического, социального, экономического воспроизводства и развития. В результате на окраинах локальных систем расселения появляется сеть действительно неперспективных поселений, которые постепенно умирают. Это приводит к обезлюдению обширных пространств, а система расселения из равномерной преобразуется в очаговую.

Примечания

1. *Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908 гг. и другие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь, 1910. С.15.*
2. *Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Т.III. Ирбитский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т.VI. Кунгурский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т.X. Свердловский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т.XI. Тагильский округ. Свердловск, 1928; Список населенных пунктов Уральской области. Т. XVI. Свердловск, 1928; Список населенных мест Уральской области. Т. XIV. Тюменский округ. Свердловск, 1928.*
3. *Здесь и далее показатели рассчитаны на основе ЮД «Города и села Свердловской области в XX веке». См. подробнее: Мазур Л. Н., Бродская Л. И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006. 564 с.*

Ю.Н. Кряжев
Курганский государственный университет,
г. Курган

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИИ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Российские правящие круги и либеральную общественность во время войны сильно тревожило революционное брожение в армии и деревне. Уже осенью 1915 г. министр внутренних дел А.Н. Хвостов говорил, что настроение деревни напоминает 1905–1906 гг. На совещании губернаторов 15 центральных губерний (май 1916 г.) отмечалось, что в армии «наблюдается серьезное брожение, отражающееся через письма, а также через прибывающих раненых и больных в деревне. Пропаганда ведется на наиболее чувствительных сторонах вожделений крестьянина – надежде на бесплатную земельную подачку... Аграрный вопрос грозит большими осложнениями тотчас после окончания войны» (3, 164).

23 февраля 1915 г. министр земледелия А.В. Кривошеин вошел в Совет министров с представлением об обеспечении землей особо отличившихся солдат по окончании войны. Для этой цели он проектировал образовать земельный фонд, в который должны были войти земли, принадлежащие Крестьянскому банку, а также земли, которые в связи с законом 2 февраля 1915 г. о ликвидации немецкого землевладения могли поступить в распоряжение российского правительства (7). Однако данный проект не получил осуществления из-за опасения, что он может совершенно неожиданно для правительства, послужить революционным целям. В департамент полиции поступили агентурные сведения о том, что слухи о наделении землей отличившихся участников войны проникли в армию и вызвали там «толки о каком-то, будто бы уже опубликованном высочайшем указе, заключаю-

щем в себе самые широкие обещания в смысле предстоящего обеспечения солдат-героев землей» (8). По-видимому, на правительство произвели известное впечатление и те предостерегающие голоса из рядов либеральной общественности, которая усматривала в проекте Кривошеина рискованную демагогию (9).

Тем временем черносотенные депутаты Государственной думы, чтобы отвлечь внимание крестьян от помещичьей земли, выдвинули проект о награждении землей немецких колонистов - наиболее отличившихся ветеранов войны. 28 июля 1915 г. за подписью 37 правых членов Думы поступило заявление об образовании комиссии по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни. Выступивший в поддержку этого заявления А.Н. Хвостов демагогически жаловался на захват немецкими колонистами земель у русского народа, в то время как крестьяне переселялись за Урал, в Сибирь, в тайгу. Но в его речи не было ни одного намека на привилегии немецких баронов в Прибалтийском крае, связанные с владением дворянскими вотчинами. И это не случайно: ведь из среды прибалтийского дворянства с его «испытанным» консерватизмом вербовались кадры административных деятелей для всей Российской империи.

Возражая Хвостову, кадет П.Н. Милюков обратил внимание на особую опасность черносотенной демагогии в вопросе о колонистах, ибо «это игра на желании крестьян иметь землю. Вы дразните аппетиты колонистской землей, но вы эти аппетиты не удовлетворите». При этом Милюков сослался на разговор между бывшим министром внутренних дел Н.А. Маклаковым и одним членом Государственной думы. 4 ноября 1915 г. Маклаков сказал, что он включил Екатеринославскую губернию в сферу действий упомянутых выше правил потому, что член Государственного совета А.П. Струков убедил его, что эта мера обеспечит русских помещиков на сто лет от аграрных беспорядков. Но правые в данном случае жестоко ошибаются: «Колонистских земель мало, и тот, кто начнет с колонистских земель, непременно кончит вашими землями» (2, 503, 504).

Таким образом, Милюков в качестве главного довода против ликвидации немецкого землевладения выдвинул опасность колебания принципа «священного права собственности» в глазах крестьян!

21 августа 1915 г. за подписью 74 членов Думы поступило законодательное предположение о ликвидации немецкого землевладения, которое и было передано на заключение по вопросу о желательности в комиссию «О мероприятиях по борьбе с немецким засильем». Последняя приступила к рассмотрению правил 2 февраля и разработала ряд положений законопроекта, но 3 сентября Дума была распущена, а комиссия перестала действовать.

После возобновления думской сессии 10 февраля 1916 г. И.В. Левашев от имени правых предложил в первую очередь поставить на обсуждение законопроект о ликвидации немецкого засилья, образовав из отчуждаемых колонистских земель фонд, из которого наиболее отличившиеся на войне защитники Родины могли бы приобрести на льготных условиях хотя бы небольшие участки земли. При этом он предупредил, что «излишняя медлительность в деле ликвидации немецкого землевладения крайне возбуждает народ и служит в руках революционеров опасным орудием для антидинастической пропаганды». Напротив, либеральные фракции видели в предложении правых рискованный эксперимент, который только разожжет вожделения крестьян в отношении помещичьих земель.

На заседании Думы 14 июня черносотенец Г.Г. Замысловский предложил поставить на повестку следующего заседания доклад комиссии по борьбе с немецким засильем по законопроектам о ликвидации немецкого землевладения, но И.И. Капнист 2-й от имени прогрессивного блока, обозвав заявление правых жестом, заявил, что комкать такой важный вопрос в последние дни занятий Думы нецелесообразно. При поименном голосовании за предложение правых было подано 115 голосов, против – 86 и 16 воздержались от голосования. Но до конца четвертой сессии (20 июня) законопроект в общем собрании Думы не был рассмотрен.

В отличие от черносотенцев блокисты (прогрессивный блок – думские фракции прогрессистов, кадетов, октябристов, центра, националистов и т.д.) рассчитывали внести успокоение в деревне при помощи уравнения крестьян с другими сословиями. С этой целью они внесли законопроекты о волостном земском управлении и об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц бывших податных сословий.

Первый законопроект был совершенно тождествен с тем, который почти пять лет назад был одобрен III Думой, но провален в Государственном совете. Примыкающий к кадетам П.П. Гронский назвал этот законопроект блестящим образчиком блоковской программы, ибо он представлял собой компромисс между консервативным и либеральным крыльями прогрессивного блока. Так, куриальная система избрания волостных гласных не соответствует программам кадетов и прогрессистов, тем не менее, они отказались от мысли вносить в порядок выборов какие-либо изменения по существу (2, 5577–5580).

При обсуждении законопроекта в комиссии по местному самоуправлению правые по-прежнему находили «преждевременным» вообще введение волостного земства, так как «народ еще не созрел, чтобы управляться самому». Представитель же министерства внутренних дел заявил, что правительство считает возможным предоставить волостному земству только хозяйственные функции (10).

Рассмотрение законопроекта выявило разногласия внутри самого блока. Кадеты и прогрессисты высказались против включения в состав судебно-административного присутствия, которому принадлежало право утверждения исполнительных органов волостного земского управления и контроль за его деятельностью, на правах, члена, земского начальника. Но докладчик земец-октябрист В.И. Стемпковский полагал, что земский начальник по знанию местных условий окажется полезным работником этого присутствия. Кадеты предложили также исключить из законопроекта примечание к ст. 10 о том, что евреи не имеют права участия в волостном земстве и не пользуются избирательным правом, так как указанное примечание «содействует возбуждению племенной розни». Но Стемпковский считал, что в отношении местностей в пределах черты оседлости евреев лишение их права участия в волостном земстве имеет существенное значение. Комиссия приняла примечание к ст. 10 без изменений (11).

Расхождения по вопросу о волостном земстве лишний раз показали, что прогрессивный блок – весьма хрупкое сооружение, грозящее развалиться при первой серьезной пробе. Во избежание этого лидеры думского блока предпочли отложить рассмотрение законопроекта до следующей сессии.

Второй законопроект – о крестьянском равноправии – был внесен российским правительством еще в 1907 г. в замену меры 5 октября 1906 г., проведенной П.А. Столыпиным в порядке ст. 87 «Свода Основных государственных законов Российской империи». Избранный судебной комиссией докладчиком кадет В.А. Маклаков всячески превозносил указ 5 декабря, назвав его «правовой революцией в жизни крестьянства». Примечательно, что, изобразив историю крестьянского вопроса после 1861 г. – от Каханова до Столыпина – как борьбу между «урав-

нением» и «обособленностью», Маклаков даже не упомянул о революции 1905 г., которая, собственно, и заставила правящую элиту отменить некоторые ограничения для крестьян. Докладчик ни словом не обмолвился и о земельной тесноте, о придавленности крестьян помещичьими латифундиями, хотя именно здесь-то и следовало искать источник крестьянского бесправия. Постановка на повестку Думы законопроекта, воспроизводящего с незначительными ретушами действующий указ 5 октября, была только жестом, рассчитанным на сеяние конституционных иллюзий в народе. Неудивительно, что товарищ министра внутренних дел граф А.А. Бобринский заявил, что «те изменения, те исправления, которые внесены в законопроект судебной комиссией, встречают со стороны правительства, в общем, полное сочувствие» (2, 4717, 4731).

За исключением очень зажиточных крестьян вроде К.Е. Городилова, который вслед за Н.Е. Марковым 2-м защищал сословную обособленность, крестьянские депутаты, в том числе и сидевшие на правых скамьях, не скрывали своего разочарования и недовольства по поводу законопроекта судебной комиссии. В своих речах они указывали, что крестьяне не удовлетворятся отменой второстепенных ограничений, а требуют полного и действительного уравнения их в правах с другими сословиями. Вместе с тем депутаты-крестьяне заявляли, что они не мыслят себе подлинного равноправия без широкой земельной реформы.

Характерно, что даже крестьянские депутаты из Юго-Западного края, подвергавшиеся усиленной националистической обработке черносотенными монахами Почаевской лавры, резко разошлись с помещичьим большинством Думы в оценке законопроекта. Правый М.П. Тывончук (Волынская губерния) заявил: «Меня удивляет, что здесь и справа и слева лица разных сословий так горячо защищают на словах интересы крестьян, а между тем на деле это совсем не так». Указав далее, что за минувшие десять лет никакого закона в интересах многомиллионного крестьянства проведено не было, Тывончук продолжал: «... только когда война началась, начали здесь на словах горячо говорить о крестьянах, что надо что-нибудь им сделать... Крестьянство вовсе не этого ждет, оно ждет от вас действительного улучшения своего положения на деле, а не на словах... Крестьяне еще не забыли слов, сказанных самодержцем, что им будет дана прирезка земли там, где существует теснота земельная. Где этой тесноты нет? Дайте же им эту земельную прирезку, они этого особенно ждут, сильнее, чем всего другого...» (2, 4992).

Крестьянские депутаты дали достойную отповедь черносотенной демагогии Маркова 2-го, утверждавшего с думской трибуны, что крепостнический принцип сословной обособленности отвечает интересам крестьян, что волостной суд или право составлять приговоры об удалении порочных членов сельского общества – это привилегия, «великое, драгоценное право крестьянства», а не признак их неравноправия. В связи с претензиями Маркова 2-го выступать в роли поборника крестьянских интересов «независимый» М.С. Лащухин процитировал выдержки из речей Маркова в разное время, в которых он называл крестьян «анархической и пьяной сплошь и рядом толпой», неспособной к общественной и государственной работе. Лащухин припомнил также, как Марков 2-й советовал безземельным крестьянам ехать в пустыню. Не были забыты и слова его о том, что «если бы настал такой несчастный для России день, когда бы все земли сделались бы исключительно крестьянскими, то это был бы день величайшей гибели и несомненно был бы днем окончательного уничтожения России, как государства, в глазах всего мира» (2, 5003).

Трудовик Н.О. Янушкевич, отвечая управляющему земским отделом А.Н. Неверову, который пытался изобразить земских начальников «благодетелями» крестьянства, заметил, что институт земских начальников «был учрежден с целью опять подвести крестьян под дворянскую опеку... восстановить крепостную зависимость от господствующего сословия» (2, 5179).

Прения в Государственной думе по крестьянскому вопросу порядком нервировали российские правящие круги. В записке императору Николаю II от 7 июня 1916 г. новый министр внутренних дел Б.В. Штюрмер писал: «Гос. дума... внесла в свои суждения едва ли допустимую страстность, временами переходящую в резкие призывы крестьянских масс против дворянства, как высшего в государстве сословия... Определившаяся в последних заседаниях Гос. думы наклонность к намеренному подчеркиванию розни между интересами дворянства и крестьянства способна породить весьма тяжелые последствия» (4, 123, 124).

Штюрмер вошел в переговоры с председателем Государственной думы, октябристом М.В. Родзянко, о необходимости принять меры, чтобы «думские эксцессы были остановлены в самом начале». Последний не оспаривал справедливости доводов Штюрмера. Лидеры прогрессивного блока и сами были не рады, что поставили на обсуждение Думы данный законопроект. Родзянко при встрече с Штюрмером намекнул, что правительство облегчило бы положение думского большинства, если бы ускорило роспуск Думы на летние каникулы (5, 337). В совете старейшин 5 июня И.В. Годнев (думская группа «Союза 17 октября») находил бесцельным заседать после июня, ибо, во-первых, не будет кворума, а во-вторых, Государственный совет все равно не пропустит ничего из того, что проводится Думой.

Думцы понимали, что одобренный ими законопроект вряд ли может удовлетворить крестьян (6). Чтобы сгладить до известной степени неблагоприятное впечатление от думского проекта, правый В.Н. Снежков предложил сопроводить его призывом к примирению. Он внес формулу с выражением твердой уверенности, что после окончания войны «равноправные (?! – Ю. К.) сословия империи объединятся на счастье и процветание всей земли русской». К этой формуле присоединился и докладчик судебной комиссии В.А. Маклаков. Он заявил, что хотя единства всех классов, может быть, после окончания войны и не будет, «но, как пожелание, как идеал того, к чему мы должны стремиться... эта утопическая картина возродившейся России более мне улыбается, чем продолжение классовой и социальной ненависти и злобы (рукоплескания слева, в центре и в левой части правой; Марков 2-й: Маклаков, хорошо говорите)» (2, 5690, 5694).

Действительно, представление о том, что во время войны в России произошло объединение всех классов, было совершенно иллюзорным. Тактика прогрессивного блока бесповоротно разошлась даже с настроением интеллигенции, находившейся раньше в значительной степени в сфере влияния либеральных депутатов. Как видно из доклада охранного отделения в столице от 26 апреля 1916 г., занятия Пироговского съезда врачей (15–18 апреля) «с первого же дня были отмечены крайним радикализмом и левизной», что, в частности, выразилось в отрицательном отношении к цензовым общественным организациям (1).

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 97. Оп. 4. Д. 93. Т. II. Л. 471.

2. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. Сессия четвертая. Пг., 1915.

3. Красный архив. 1929. № 2 (33).

4. Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II. М.–Л., 1927.
5. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. IV. М.–Л., 1926.
6. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 143.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 11. Д. 764. Л. 1-2.
8. РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 764. Л. 173.
9. РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 764. Л. 172.
10. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 239, 240. Заявление К.Е. Городилова на заседании комиссии по местному самоуправлению 20 мая 1916 г.
11. РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 555. Л. 249, 267–268.

И.О. Бездомов
КПИ ФСБ России,
г. Курган

НОВАЯ ВЛАСТЬ В ШАДРИНСКЕ

Шадринский уезд входил в Пермскую губернию. Весть о Великой Февральской революции – падении царизма в Петрограде – очень скоро достигла и г. Шадринска. Шадринская городская дума сразу же выступила в поддержку Временного правительства, а 6 марта 1917 г. состоялось ее чрезвычайное заседание, в протоколе которого отмечено, что кроме гласных думы, на заседание были приглашены командир 139 пехотного запасного полка полковник Архангельский, председатель уездного съезда Стефановский, полицейский исправник Подгурский. Все трое заявили, что «они вполне присоединяются к новому правительству, которому будут повиноваться и служить по мере своих сил» (1, 17-18).

В это время в Шадринске, как и в Кургане, большевистской организации еще не было. Но активизировали свою деятельность партии левого толка – социалистов-революционеров (эсеров), социал-демократов (меньшевиков). Популярной была и партия народной свободы (кадеты) (2, 6).

Среди активных членов партии социалистов-революционеров надо назвать Сдобного, Пономарева, Завадского и др. Именно они призывали население поддержать Временное правительство (1, 18).

В деле создания Советов в условиях демократии Шадринск явно отставал от Кургана. Если и не было в Шадринске еще большевистской организации, но отдельные большевики, находящиеся на нелегальном положении, были. Так в 139-м пехотном запасном полку солдатом служил большевик Н.В. Лаптев – рабочий Златоустовского завода. Писарем в полковой канцелярии состоял Н.М. Уфимцев – уральский большевик-подпольщик, член партии с 1906 г. В начале 1917 г. в полк прибыл прапорщик А.А. Жданов, член большевистской партии с 1915 г. (3, 33).

В первые месяцы после Февральской революции в ряде мест образовались объединенные с меньшевиками организации, в том числе и в Шадринске (4, 246).

По инициативе большевиков в Шадринске лишь к середине марта возник Военный Комитет 139-го пехотного запасного полка. Принято его считать Советом солдатских депутатов. Военный Комитет имел большой авторитет среди военных гарнизона, принимал меры к демократизации их жизни, смещая наиболее реакционных офицеров (3, 34-35).

12 марта 1917 г. в Шадринске состоялось Чрезвычайное земское собрание по выборам Шадринского уездного комиссара. 16 марта Шадринский гарнизон во главе с начальником гарнизона и командиром 139-го пехотного запасного полка приняли присягу на верность Временному правительству (5).

В марте же был создан Шадринский комитет общественной безопасности (КОБ) (6, 55).

Делом создания Советов в Шадринске по своей инициативе начал заниматься Военный Комитет при 139-м пехотном запасном полку, возникший в первой половине марта и возглавляемый А.А. Ждановым, Н.М. Уфимцевым, Н.В. Лаптевым.

Военным Комитетом была создана комиссия по организации выборов в Совет рабочих депутатов, который организационно оформился только лишь 18 мая 1917 года (7, 6).

Созданная комиссия по организации Совета рабочих и солдатских депутатов г. Шадринска в этом направлении проделала большую работу. О порядке выборов в Совет ею была разработана инструкция. Об этом писала газета «Исеть» (8).

18 мая в народном клубе состоялось собрание Совета рабочих депутатов. Был избран временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов в составе шести лиц.

19 мая состоялось объединение исполкомов Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов г. Шадринска (9).

Советы в Шадринске созданы. А как же население города и уезда встретило новую власть? Наверное, по-разному. Но вот о чем говорят документы: «10 марта 1917 г. в селе Бродокалмацком прошел праздник Свободы. Энтузиазм народа небывалый. Торжественный благодарственный молебен, парад учащихся, манифестации, колокольный звон – все это было что-то новое, небывалое. И глядя на небывалое зрелище, на огромную толпу народа и учащихся, залившую площадь после молебствия, слыша колокольный звон и поздравления с праздником, можно было подумать, что уже наступила Пасха, но красные флаги, украшавшие здания, красные флаги в руках манифестантов, красные ленты, пестревшие всюду на детских курточках, на дамских саках и мужских пальто, фуражках и в косах девушек, говорили, что нет, это не Пасха – это большее – праздник Свободы.

Потом происходило собрание в высшем начальном училище. Произнесли речи инспектор училища К.Н. Никулин, крестьяне Ф.Ф. Бархатов, И.Н. Сверчков и торговец И.М. Миронов (овации, ура). И в заключение новому правительству послана телеграмма следующего содержания: «Собравшиеся в селе Бродокалмацком 10 марта… приветствуют Временное долгожданное правительство и, выражая ему полное доверие и уважение, желают счастливой работы на благо родного народа…». Тут же был произведен сбор на «Красное яичко» для посылки пасхальных подарков через Государственную думу на фронт» (Так писала газета «Исеть») (2, 13-14).

25 марта 1917 г. газета «Исеть» сообщила о волостном сходе в селе Прошкинское Шадринского уезда, который прошел не позднее 16 марта: «Прошкинский волостной сход Шадринского уезда, горячо приветствуя Временное правительство, решил послать телеграмму на имя Родзянко такого содержания: «Председателю Государственной Думы гражданину Родзянко. Прошкинский волостной сход Шадринского уезда, горячо приветствуя Временное правительство, выражает готовность к дальнейшей работе для дорогой армии и тыла и высказывается за демократически-республиканский образ правления в обновленной России». Сход прошел дружно, спокойно. Никаких протестов против нового строя не было» (2, 12-13).

Революция только что свершилась. В стране уже чувствуется начало политического разброда. А поэтому Военный Комитет Шадринского гарнизона, верный присяге

и воинскому долгу, в марте месяце выступил с воззванием к населению:

«Граждане! Теперь, когда солнце свободы озарило нашу дорогую Родину, и мы получили блага, за которые боролись и умирали тысячи лучших людей, все граждане свободной России должны стремиться оградить свободу от покушений как изнутри, так и извне.

Мы сейчас слышим, что со всех сторон необъятной России несется крик: «Отечество в опасности!» Этот крик зовет всех нас на помощь делу спасения Родины.

В этот тяжелый момент, когда решается судьба нашего народа, находятся такие, которые бегут с фронта, являясь предателями тех, которые там остались проливать свою кровь. Предатели Родины и нашей молодой свободы позорят нашу армию и являются внутренними врагами… Во имя блага Родины и свободы просим Вас, граждане, о всех солдатах, не имеющих отпускных билетов, сообщать надлежащим властям и тем помочь нашему общему родному делу» (2, 13).

Так писала газета «Исеть» 2 апреля 1917 г. В своем воззвании члены Военного Комитета Шадринского гарнизона, возглавляемого большевиками, в тот момент выглядели патриотами, а поэтому так реагировали на позорное явление в русской армии – дезертирство, которое было результатом действия Приказа № 1 Петроградского Совета.

Чувствуется, что шадринские большевики еще не находились под влиянием «Апрельских тезисов», да их в России в тот момент еще и не было.

Политическая жизнь в Шадринске еще не стояла на месте.

Так, 20 апреля в помещении бывшего уездного съезда состоялось собрание членов партии социалистов-революционеров (эсеров). Из 36 членов партии на собрании присутствовало 22 члена. В середине марта организовалось временное бюро партии, в состав которого вошли товарищи Зырянов, Распутин, Яхонтов, Фомин, Ефимов, Удинцев. Временным бюро была открыта запись в члены (10).

21 апреля Шадринская городская дума опомнилась, что идет уже второй месяц, как Николай II отрекся от престола, а в городе все еще есть ощущение его присутствия. Городская дума решила: «Все портреты лиц из дома Романовых из общественных зданий убрать и надписи на иконах и сооружениях, имеющие отношение к дому Романовых, уничтожить» (6, 55).

1 мая в Шадринске. На Флоровской площади прошел праздник труда и солидарности. Люди были с красными бантами и лентами. На домах, балконах и воротах – красные флаги. На митинге выступили начальник гарнизона полковник Архангельский, председатель Комитета общественной безопасности А. Луковкин (6, 55).

2 мая 1917 г. Военный Комитет г. Шадринска рассмотрел и принял наказ делегату на I Всероссийский съезд крестьянских, солдатских и рабочих депутатов. В этом документе есть такие положения:

«…139-й пехотный запасной полк протестует против затягивания войны и требует скорейшей ее ликвидации на началах отказа воюющих сторон от аннексии и контрибуции в качестве военной добычи, но с обязательством воюющих государств восстановить разрушенные области…

Признавая необходимым сохранение целостности фронта и тыла, полк призывает революционную армию, рабочих и крестьян сплотиться для защиты Свободы Родины от всяких посягательств, от кого бы они ни исходили» (2, 15-16). Читая этот документ, чувствуешь, что меняется отношение к войне у Военного Комитета г. Шадринска.

В июле газета «Исеть» сделала интересное сообщение о сборе средств на военные нужды в селе Песчанском: «В базарный день священником Михайловским был отслужен о взятии Галича благодарственный молебен. Священником Михайловским было сказано о необходимости помощи Родине кто чем может.

Народ откликнулся, и на Заем Свободы поступило золото, серебро в виде колец, серег, георгиевских крестов, медалей, портсигаров, посуды. Были внесены деньги, хлеб – более 2000 пудов, куплено облигаций на сумму 34300 рублей.

Учащиеся Песчанской школы поставили спектакль «Веселые дни». Прибыль от выручки 50 рублей тоже поступила на нужды войны» (11).

Политические новости опять дает газета «Исеть»: «на выборы гласных в городскую думу 9 июля 1917 г. был сформирован социалистический блок – партия социалистов-революционеров и социал-демократическая рабочая партия (меньшевики). Партия эсеров к этому времени насчитывала 200 человек. Это была самая многочисленная и влиятельная в уезде политическая партия» (12).

«29 июля состоялось оргсобрание полковых и городских большевиков. Председателем избранного городского комитета партии избран А.А. Жданов, секретарем – Г.Н. Дворников. К октябрю 1917 г. парторганизация насчитывала 40 человек» (13).

Газета «Народная мысль» 10 сентября 1917 г. сделала очень важное сообщение о политическом решении совместного собрания Совета рабочих и солдатских депутатов г. Шадринска с исполкомом Совета крестьянских депутатов в поддержку Временного правительства:

«В дни ужасных несчастий, постигших нашу дорогую родину, в дни, когда купленной ценой крови и безмерных страданий трудового народа свободе грозит опасность, мы – представители этого трудового народа, представители солдат, рабочих и крестьян, считаем необходимым определенно заявить, что для родины и для свободы готовы пожертвовать всем, и каждую группу, каждое отдельное лицо, кто будет вредить этой родине и кто будет посягать на свободу, объявляем врагом народа. Всеми силами и средствами, имеющимися у нас, будем отстаивать народное Временное правительство, которое силой своей власти будет проводить в жизнь начала государственного строительства, которые были обнародованы в декларации 6 мая и 8 июля и имеющие в своем составе представителей трудовой демократии – социалистов, избранных и уполномоченных ее органами в лице Всероссийского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов…» (2, 17-18).

Краткий вывод. Еще в сентябре 1917 г. рабочие и крестьяне г. Шадринска и уезда поддерживали Временное правительство и ни о каких революционных потрясениях не помышляли.

Примечания

1. *Шадринск за 40 лет Советской власти. Шадринск, 1957.*
2. *Хрестоматия по истории Курганской области (1917–1945 гг.). Курган: Зауралье, 1997.*
3. *Очерки истории Курганской областной организации КПСС Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1977.*
4. *Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971.*
5. *Исеть. 1917. 22 марта.*
6. *Шадринская летопись. XX век. Шадринск: Исеть, 1998.*
7. *Установление Советской власти на территории Курганской области (март 1917 – июнь 1918 гг.): Сборник документов и материалов. Курган, 1957.*
8. *Исеть. 1917. № 41. 7 мая.*
9. *Исеть. 1917. № 50. 20 мая.*
10. *Исеть. 1917. 23 апреля.*
11. *Исеть. 1917. 13 июля.*
12. *Исеть. 1917. 2-10 июля.*
13. *Исеть. 1917. 3 августа.*

О.Ю. Бабушкина
ИПКРО Курганской области,
г.Курган

КУРГАНСКИЙ УЕЗДНЫЙ СЪЕЗД ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН В 1918 Г.

«Для объединения духовенства и мирян, для оживления и урегулирования всех областей церковно-приходской жизни в уезде» с 27 февраля по 1 марта 1918 года в г. Кургане проходил съезд, в котором приняли участие духовенство и миряне православных и единоверческих приходов Курганского уезда Тобольской епархии (1). Основным вопросом на повестке дня съезда было обсуждение декрета «Об отделении Церкви от государства и школы от Церкви», опубликованного в № 25 «Известий Курганского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». В начале обсуждения настоящего декрета была почтена память лиц, уже павших при проведении его в жизнь. Обсуждение было постатейным, после чего съезд постановил «считать декрет приемлемым со следующими изменениями»:

Декрет в редакции Совета Народных Комиссаров	**Декрет, приемлемый с точки зрения Уездного съезда духовенства и мирян**
1	2
1. Церковь отделяется от государства.	1. Церковь отделяется от государства, но не лишается права нравственного воздействия на него.
2. В пределах республики запрещается издавать какие-либо законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, или устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности	2. В пределах республики запрещается издавать какие-либо местные законы или постановления, которые бы стесняли или ограничивали свободу совести, устанавливали какие бы то ни было преимущества или привилегии на основании вероисповедной принадлежности
3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры, или не исповеданием никакой веры, отменяются. Примечание. Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность граждан устраняется	3. Каждый гражданин может исповедовать любую религию или не исповедовать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры, отменяются. Примечание. В официальных документах обозначение вероисповедания не обязательно, но допустимо
4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений не сопровождаются никакими религиозными обрядами или церемониями	4. Действия государственных и иных публично-правовых общественных установлений могут сопровождаться религиозными обрядами
5. Свободное исполнение религиозных обрядов обеспечивается постольку, поскольку они не разрушают общественного порядка и не сопровождаются посягательством на права граждан советской республики. Местные власти имеют право принимать все необходимые меры для обеспечения в этих случаях общественного порядка и безопасности	5. Не принимается
6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда	6. Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого положения, под условием замены одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются для духовенства по решениям приходского собрания
7. Религиозная клятва или присяга отменяется. В необходимых случаях дается лишь торжественное обещание	7. Религиозная клятва или присяга в необходимых случаях заменяется для желающих торжественным обещанием
8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью, отделами записи браков и рождений	8. Акты гражданского состояния ведутся исключительно гражданской властью, отделами записи браков и рождений. События крещения, венчания и отпетия в церкви непременно записываются по церковным документам
9. Школа отделяется от церкви. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях, где преподаются общеобразовательные предметы, не допускается	9. Школа от церкви не отделяется. Преподавание Закона Божия и совершение молитв в школе должно быть обязательным для православных, но не принудительным. Законоучителями должны быть лица в священном сане.

1	2
	В случае же невозможности иметь законоучителями лиц в священном сане, могут быть допускаемые к преподаванию Закона Божия в школах и светские лица с соответствующим образованием
10. Все церковные и религиозные общества подчиняются общим положениям о частных обществах и союзах, и не пользуются никакими преимуществами и субсидиями ни от государства, ни от местных автономных и самоуправляющихся установлений	10. Не принимается
11. Принудительные взыскания сборов и обложений в пользу церковных или религиозных обществ, равно, как мера принуждения или наказания со стороны этих обществ над их сочленами, не допускается	11. Не принимается
12. Никакие церковные и религиозные общества не имеют права владеть собственностью	12. Церковные и религиозные общества имеют право владеть собственностью
13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной властью в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ	13. Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ составляют неотъемлемую собственность этих обществ и находятся в их полном распоряжении

Декрет должен был обсуждаться в каждом приходе, так как к протоколу № 6, в котором были представлены высказанные замечания о декрете, прилагались приговоры церковно-приходских собраний, поступившие в Совет съезда накануне. При этом приговоры церковно-приходских собраний, принимающие декрет полностью и не высказывающие никаких замечаний и пожеланий об его изменении, решено было на Всероссийский Собор не посылать.

Несмотря на то, что нормы взаимоотношения церкви и государства, предложенные в декрете новой властью, по сути, соответствовали конституционным основам некоторых европейских государств, в частности Франции, в последних параграфах декрета содержалась принципиальная новизна. Объявление зданий и предметов культа народным достоянием, по сути, являлось юридическим прикрытием для конфискации церковного имущества и гонения на Церковь. Таким образом, издание декрета вызвало в церковных кругах обоснованные опасения, что его осуществление сделает невозможной нормальную жизнь приходов, монастырей и духовных школ (2, 367 - 368).

По вопросу о материальном положении духовенства съезд постановил, чтобы во всех приходах каждый приходской совет произвел запись всех православных христиан, пожелавших принять на себя обязательство содержать причт и на общем собрании определить источники и размеры содержания членов причта. При этом обращалось внимание на то, что сбор средств на уплату жалованья духовенству желательно производить не через само духовенство, а через членов общины. От духовенства требовать за назначенное общиной жалованье исполнения всех таинств, а также обязательных для всех христиан обрядов, всех общественных богослужений в праздничные дни и посты в храме и общественных молебнов как в храме, так и на полях. Частные же требы: молебны, панихиды, поминовения исполняются духовенством по приглашению прихожан и за особую плату по желанию приглашающего и из его личных средств.

В работе съезда, организованного по инициативе Курганского уездного совета духовенства и мирян, приняли участие 130 человек: 41 священник, 8 диаконов, 9 псаломщиков и 72 мирянина. Заседания съезда были открытыми. Лица, не делегированные от приходов уезда, могли принять участие в работе съезда с правом совещательного голоса. В работе съезда с правом совещательного голоса принял участие делегат крестьянской секции Курганского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Иванов Никон Маркович (3).

Курганский уездный съезд можно рассматривать как еще одну попытку поиска компромисса между церковью и новой властью. Однако нерешенные в 1918 г. вопросы о материальном положении духовенства и взаимоотношении церкви с государством остаются актуальными и сегодня.

Примечания

1. *Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТО) Ф.694, Оп.1, Д.157. Лл.1 - 9.*
2. *Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Православной Церкви. Синодальный период. Новейший период. М., 2004.*
3. *ТФ ГАТО Ф.694, Оп.1, Д.157. Лл.10, 2.*

А.А. Абрамовский
Челябинский институт Уральской академии государственной службы,
г. Челябинск

ЗАРОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВОСУДИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ЗАУРАЛЬЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ШАДРИНСКОГО РЕГИОНА)

Модернизация российского общества не возможна без модернизации государственного аппарата, частью которого является система судов. Данный процесс про-

исходит со своими взлетами и падениями. Наивысшего предела он достигает, вполне естественно, в периоды политических кризисов, революций и переворотов. Октябрьская революция круто изменила, в первую очередь, содержание российской судебной системы.

Реализуя требования центральных декретов, местные совдепы вносили свой вклад в формирование пролетарского правосудия. На Урале III-й областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший 6-11 февраля 1918 года в Екатеринбурге, создавая областную судебную систему, постановил, что исходя из декретов и распоряжений Совета Народных Комиссаров и народного комиссара юстиции, суды образуются трех категорий: 1) местные народные суды, 2) окружные суды, 3) революционные трибуналы. Подсудность между этими судами распределялась следующим образом: а) местные народные суды должны решать все дела в соответствии со ст. 2 декрета о суде № 1; б) в связи с тем, что закон о конструкции и компетенции окружных судов центральной власти еще не был издан, съезд сам определил эту подсудность; уральские окружные суды должны были принимать к своему производству гражданские дела по искам свыше 3000 рублей, а уголовные - когда наказание предусматривается сроком свыше 2 лет лишения свободы; в) компетенция революционных трибуналов определялась в соответствии со ст. 8 декрета о суде № 1. Далее съезд подчеркивал, что местные суды в Уральской области должны создаваться по порядку, указанному в специальных инструкциях Совнаркома, в дополнение к которым вводились некоторые обязательные положения. Количество судебных участков в уездах должно было оставаться таким, каким было при Временном правительстве, но каждый уездный совет имел право изменять их число и границы с согласия и утверждения областного комиссара юстиции. Выборы местных судей производились советами по районам (новое территориальное образование, принятое этим съездом, но так и не прижившееся) там, где советы не были еще образованы, выборы судей проводили окружные советы (1, 6-11).

В Пермской губернии большевики сумели довольно в короткие сроки реорганизовать прежний судебный аппарат и создать новые учреждения. В Шадринском уезде на VI-м съезде Совета крестьянских и рабочих депутатов, проходившем с 23 по 27 марта 1918 года, комиссар юстиции Клевенский дал свое классовое понимание создаваемых судов. Он отмечал, что новые суды в отличие от царских «будут только выборные и подразделяются на две части: гражданские и *политические*» (курсив автора.-А.А.)(2, 171). Съезд попытался определить механизм создания новых судов. «Чтобы перейти от старой системы к новой, - подчеркивалось в постановлении съезда, - нужно ликвидировать камеры мировых судей». Мировым судьям было предложено сдать дела своим секретарям. Создаваемые суды должны были отличаться от мировых судов прежде всего тем, «что участок суда меньше, но компетенция (подсудность народного суда) больше».

Следующей судебной инстанцией, отмечалось на съезде, должны стать окружные народные суды, «которые выбираются на окружных съездах народных судей и состоят из председателя и не менее двух членов. Компетенция этих судов: грабежи, взломы, кражи свыше 3000 рублей, кражи лошадей и т. п.». В качестве кассационной инстанции должен был образован съезд народных судей, председатель которого и народные судьи в количестве 5-6 человек работали на постоянной основе. Следующей ступенью являлся областной народный суд, состоявший из членов окружных народных судов и рассматривавший кассационные жалобы на решения окружных народных судов (2, 171).

На этом съезде было принято предложение комиссара юстиции Клевенского о разделении уезда на 27 судебных участков, в каждый входили две волости. Участковый суд должен был состоять из одного народного судьи и 2-х «подсудков» (заседателей) (3, 60). Однако это решение в жизнь проводилось с большими трудностями и крайне медленно. Выборы участковых судей были назначены на 16 апреля, а до этого местный совдеп предложил должности народных занять прежним мировым судьям, однако последние отказались. Тогда Совет комиссаров исполкома принял специальное постановление № 28: «Вследствие острой нужды в суде, до выборов народных судей утвердить двух временных судей Кудряшова и Чернавина, бывших секретарей мировых судей, а третьего, Макаревского, выдвинуть кандидатом» (4, 285). Кроме двух судей, работавших в Шадринске, для отправления революционного правосудия в уезде еще было назначено четверо (2, 100).

Начавшиеся в середине апреля 1918 года выборы участковых народных судей продолжались вплоть до начала гражданской войны. Очередной съезд Шадринского совета крестьянских и рабочих депутатов 29 мая в своем решении отмечал, что «за это время выборы еще не всюду кончились, в 15 волостях судьи не выбраны, но отдел юстиции надеется это поправить». Избранные народные судьи не были снабжены, в отличие от соседних, челябинских судей, ни Инструкцией Наркомюста революционным трибуналам, ни иными нормативно-правовыми актами. При разборе дел и вынесении решений они должны были, как обычно, руководствоваться революционной совестью и пролетарским правосознанием. «Судьи выбранных волостей, - отмечалось на уездном съезде, - часто запрашивают разного рода инструкции, но в отделе юстиции этого нет. Об этом было сообщено в областной комитет, но и оттуда ничего нет» (5).

В первые месяцы советской власти важное значение в зарождающейся новой судебной системе придавалось революционным трибуналам. В их юрисдикцию включались все дела о контрреволюционных преступлениях, а также ряд криминальных деяний наиболее опасных для молодого пролетарского государства. В Пермском регионе губернский революционный трибунал был образован в начале января 1918 года, возглавлял его П.М. Обросов (6, 461). Началось создание трибуналов и на местах. Решением губисполкома от 21 января 1918 года организация этой работы и контроль данного процесса возлагались на губернский юридический отдел (7). В Шадринском уезде уже упоминавшийся VI-й съезд Совета крестьянских и рабочих депутатов 24 марта постановил: «В связи с революцией возникают новые дела, которые разбираются революционным трибуналом, который состоит из судьи, секретаря и 40 заседателей, избираемых на 3 месяца с правом отзыва. Ревтрибунал делится на два отдела: первый решает дела, связанные с контрреволюцией и саботажем, второй - по спекуляции, мародерству и т. п. Для ведения расследования дел ревтрибунала образуется следственная комиссия, состоящая из 6 лиц и председателя» (8). Удивляет интенсивность работы этого судебного органа. Так, за первую сессию, состоявшуюся 17-18 апреля, было рассмотрено более 30 уголовных дел, а во вторую - только за один день, 27 мая, - уже 50 уголовных дел (9).

В соседнем с Шадринским Курганском уезде революционный трибунал был сформирован советом в феврале 1918 года под председательством большевика И. А. Ястржембского. По составу данного трибунала можно судить о том остром дефиците юридических кадров, который испытывали практически все новые уральские судебные учреждения. «Ястржембский – портной, чле-

ны - Буждан – портной, Тишков – крестьянин, Цыренщиков – денщик и другие подобные, все едва умеющие подписывать свои фамилии», - иронически сообщала о его работе местная правоэсеровская пресса (10, 47-49).

При осуществлении реформы всей судебной системы, вполне естественно, необходимо было реконструировать и отдельные ее звенья, в частности, институт предварительного следствия. После четких указаний губернской власти процесс создания института предварительного следствия в уездах активизировался. Шадринский совет крестьянских и рабочих депутатов 27 марта 1918 года постановил: «Чтобы суд был ясный и справедливый, необходимо следствие, для этого организуется комиссия их трех лиц, по декрету комиссара юстиции комиссия может кооптировать знающих лиц» (8). В это же время в Шадринске был создан и уездный революционный трибунал. Для расследования контрреволюционных дел трибунальной подсудности также была образована следственная комиссия, состоявшая «из шести лиц и председателя» (2, 172). Ранее, в феврале 1918 года была создана следственная комиссия Курганского уездного ревтрибунала, также ярко отображавшая картину дефицита подготовленных следователей. «Состав следственной комиссии: председатель Гурин – кузнец, члены – официант по имени Егор, Зырянов – фотограф. … Все ничего не понимающие», - сообщала вышеупомянутая газета (11, 48).

Общеюридическое следствие дополняло чрезвычайное, чекистское. Постепенно сеть чрезвычайных следственных комиссий покрывала всю территорию России и уже к 1 июля 1918 года в РСФСР действовало 265 уездных и 40 губернских ЧК, (12, 31) немалая часть которых функционировала в Уральском регионе. В Пермской губернии 15 марта 1918 года был образован окружной чрезвычайный комитет по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем, через два месяца переименованный в Пермскую губернскую чрезвычайную комиссию. Ее председателем был утвержден Ф. Н. Лукоянов, руководивший до июля 1918 года, затем возглавил Уральскую областную ЧК.

При участии губернской комиссии весной-летом 1918 года стали создаваться и работать уездные ЧК. В Шадринске в июне 1918 года было принято, на наш взгляд, абсурдное решение - создать комиссию (!) в единственном лице большевика Торопова (2, 324-325). К осени 1918 года на территории Пермской губернии действовало уже 30 чрезвычайных комиссий (12, 203).

Процесс становления новой советской судебной системы приостановила начавшаяся Гражданская война, после окончания которой пролетарское правосудие начало создаваться по иной схеме.

Примечания

1. *Советский сборник. Вып. 1. Екатеринбург, 1918.*
2. *Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-596. Оп. 1. Д. 206.*
3. *ОГАЧО. Ф. П-596. Оп. 1. Д. 203.*
4. *Крестьянин и рабочий. 1918. 26 марта.*
5. *Крестьянин и рабочий. 1918. 1 июня.*
6. *Революционеры Прикамья. Пермь. 1966.*
7. *Известия Пермского губернского исполнительного комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 17 февраля.*
8. *Крестьянин и рабочий. 1918. 2 апреля.*
9. *Крестьянин и рабочий. 1918. 1 июня.*
10. *Глебов С. В. В пламени революции. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1967.*
11. *Сырых В. М. История государства и права России. Советский период: Учебник. М., 1999.*
12. *Абрамовский А. А. Становление советской судебной системы и уголовного судопроизводства (октябрь 1917-июнь 1918 гг.). М., 2004.*

Д.Ю. Штукатуров
Курганский государственный университет, г. Курган

1917 – 1922 ГГ. КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ АДВОКАТУРЫ В РОССИИ

Большинство исследователей советской адвокатуры ведет периодизацию только с 1922 года (1). При этом умалчивается, что в дореволюционной России адвокатура сформировалась после реформ 60–х годов XIX столетия. Этот сложившийся институт, с его традициями, основанными на опыте, знаниях и навыках плеяды адвокатов, был не совместим с новым государственным и общественным строем.

При этом малоизученный период с 1917 по 1922 год стал особым временем для института адвокатуры. Он стал переходом от российской адвокатуры к советской и имел огромное значение для последующего становления будущей советской адвокатуры.

К сожалению, не будет преувеличением назвать это время уничтожением адвокатуры, сложившейся в Российской империи. Путем последовательного искоренения не соответствующих новому строю признаков адвокатуры готовилась почва к созданию Советской адвокатуры на принципиально иных началах. Кроме того, состояние адвокатуры в этот период является отражением послереволюционных преобразований в стране. Как отмечают исследователи истории советской и российской адвокатуры, «главнейшей задачей Октябрьской революции было уничтожение и полное разрушение буржуазно-помещичьего государственного аппарата и создание нового – социалистического государства» (2, 36).

Естественно, что одним из проявлений старорежимного судебного устройства была присяжная адвокатура. Сами принципы существовании присяжной адвокатуры – независимость адвокатуры от государства (в том числе отделение от судебной власти); адвокатское самоуправление; осуществление адвокатской помощи на основе гонорара, согласовываемого с подзащитным или доверителем, - были несовместимы с новым государственным устройством.

Еще одной особенностью российской адвокатуры, которая полностью исключала возможность ее существования в прежнем виде было то, что присяжные поверенные по социальному происхождению относились зачастую к тем слоям, которые не приняли новой власти. Естественно, что они не хотели идти на компромисс с новым строем, а Советы в свою очередь не могли прощать этого несогласия.

Характерной иллюстрацией начала этого конфликта является то, что «в день опубликования Декрета о суде № 1 – 24 ноября 1917 года петроградские адвокаты обратились к населению с резолюцией по поводу переживаемого момента, 30 ноября 1917 года состоялось собрание московских адвокатов, которые также требовали созыва Учредительного собрания и передачи ему власти Советов, восстановления законности» (2, 37).

В результате с первых шагов советской власти был предопределен ее конфликт с адвокатурой и адвокатами.

К сожалению, уничтожение «старорежимной» адвокатуры было напрямую связано и с искоренением адвокатов. Одни были уничтожены физически, некоторые потеряли свободу, многие из оставшихся на свободе лишились права выступать в судах, часть представителей адвокатского сообщества оказалась в эмиграции, части присяжных поверенных, оставшихся в России, пришлось сменить профессию. Лишь небольшая часть профессиональ-

ных российских адвокатов продолжала деятельность, стараясь вписаться в новую реальность. Состояние адвокатуры в эти годы можно охарактеризовать статистическими данными: за период гражданской войны численность адвокатов в России сократилась с 13 000 человек в 1917 г. до 650 человек к 1921г. (9, 23).

Первым этапом реорганизации судебной власти стал Декрет «О суде» № 1 от 24 ноября 1917 года, которым помимо присяжной адвокатуры упразднялись институт прокуратуры, отделы уголовных расследований – то есть практически, вся судебная система, существовавшая в Российской империи. Причем предполагалось, что часть судебной системы будет реорганизована на так называемых революционных началах, но адвокатуре никакой замены не предусматривалось.

Первыми специальными органами, на которые возлагались некоторые функции адвокатуры, были коллегии правозащитников. 19 декабря 1917г. была издана инструкция «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаний и о порядке ведения его заседаний» (9, 24). В соответствии с этой инструкцией народным комиссариатом юстиции при революционных трибуналах образовались коллегии правозащитников, которые действовали наряду с общегражданскими обвинителями и защитниками.

Но коллегии правозащитников были непрофессиональными организациями – все желающие оказать помощь революционному правосудию могли быть свободно туда включены, независимо от наличия у них юридического образования и опыта правозащитной деятельности. Зато вводилось ограничение по политическому признаку – для вступления в коллегию требовалась рекомендация Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Согласно Инструкции, обвиняемый мог воспользоваться защитником из числа лиц, присутствующих в зале суда. Нужно подчеркнуть, что эти организации участвовали в отправлении правосудия лишь при рассмотрении наиболее сложных дел.

На практике обвиняемые редко обращались к помощи защитников из коллегий правозаступников, прибегая к помощи бывших присяжных поверенных, в том числе и потому, что коллегии правозаступников по существу являлись коллегиями обвинителей.

Стоит отметить, что закон оставлял лазейку для участия профессионального защитника в судебном процессе – адвокат, с которым заключено соглашение, был среди присутствующей в зале суда публики, из которой подсудимый имел право выбрать защитника. Эта схема часто использовалась адвокатами и их клиентами.

Декретом «О суде» № 2 от 7 марта 1918г. при Советах рабочих, солдатских и крестьянских депутатов была учреждена коллегия лиц, посвятивших себя правозаступничеству, как в форме общественного обвинения, так и в форме общественной защиты (таким образом, изменился орган, к которому относились коллегии правозащитников). В эти коллегии могли поступать лица, выбранные Советами рабочих, крестьянских депутатов. Только эти лица получили право официально выступать в суде за плату. Плата за осуществление защиты определялась свободным соглашением с клиентом.

В состав правозаступников смогла войти и часть дореволюционных адвокатов. Но в большинстве случаев доступ профессиональных «старорежимных» защитников в коллегии был ограничен. Декретом предусматривалось, что члены коллегий правозаступников избирались и отзывались советами, при которых состояли коллегии. Каждый обвиняемый имел право сам пригласить себе защитника или просить о назначении ему правозаступника. Но пока сохранялся порядок, согласно которому в судебных прениях могли выступать по одному обвинителю и защитнику из числа присутствовавших в зале судебного заседания (при этом существовал запрет для этих лиц получать плату за оказание юридической помощи).

В этот период, по сути, шла борьба адвокатуры с теми условиями, которые навязывались государством. Так как доступ в официальные коллегии был возможен лишь через рекомендацию Советов, не все профессиональные адвокаты могли вступить в эти организации. Возможность выступать «из зала» оставалась, это давало возможность адвокатам продолжать профессиональную деятельность. Но при этом у них не было возможности получать гонорар официально – их доходы оказались «подпольными».

Бывшие присяжные поверенные пытались создать, в противовес новым коллегиям, свои адвокатские объединения, на местах с их существованием боролись. Например, в отчете Тверского губернского управления юстиции (1918г.) содержалась следующая информация: «Была попытка открытия и у нас, в Твери, юридического бюро, но ее сразу же мы пресекли, и участники этого бюро были преданы суду революционного трибунала, который и воздал им должное» (5, 34).

Следующее ограничение профессиональной адвокатской деятельности было создано в ноябре 1918 года – постановлением «О народном суде РСФСР» (4). Члены коллегии защитников теперь фактически признавались должностными лицами и получали содержание в размере оклада, устанавливаемого для народных судей по смете Народного Комиссариата Юстиции. По сути, правозаступники стали государственными служащими.

Положение устанавливало, кто, кроме членов коллегии защитников, может быть защитником и представителем сторон в суде. Это могли быть: близкие родные тяжущихся (родители, дети, супруги, братья и сестры), и юрисконсульты советских учреждений по уполномочию их руководящих органов. Контроль за деятельностью коллегий защитников возлагался на губернские отделы юстиции. Они должны были периодически проводить совещания членов коллегий, следственных комиссий и народных судей для единого направления их деятельности. Фактически же это означало полную зависимость от государственных органов в лице губернских отделов юстиции.

Но даже в такой «адвокатуре» советское государство подозревало угрозу. Органы власти были недовольны работой членов коллегий защитников, многие из которых боролись за свою независимость. В июле 1920 года на III Всероссийском съезде деятелей советской юстиции было высказано мнение о том, что коллегии обвинителей, защитников и представителей сторон себя не оправдывали. По мнению представителей власти, коллегии злоупотребляли доверием, получали высокие гонорары и т.д. В связи с этим В.И. Ленин в 1920г., писал: «Мы разрушали в России, и правильно сделали, что разрушали, буржуазную адвокатуру, но она возрождается у нас под прикрытием советских правозаступников» (7).

В итоге Коллегии правозаступников окончательно были упразднены Положением о народном суде РСФСР 1920г. (4, 101). Положение устанавливало, что в качестве защитников привлекаются судебным органом граждане, «способные исполнять эту обязанность». Районные, городские и уездные исполкомы составляли особые списки кандидатов. Если лица, привлеченные судом в качестве защитников, состояли на службе, они освобождались на время участия в процессе от своей основной работы с сохранением зарплаты, а привлеченные в качестве защитников и не состоявшие на службе, получали минимальную заработную плату, установленную для данной категории лиц.

В том случае, если суд не имел в списке лиц, подлежащих привлечению для защиты в порядке трудовой повинности, в качестве защитников могли быть привлечены консультанты отделов юстиции и представители общественных организаций, в которых состоял обвиняемый. В гражданском процессе в качестве представителей сторон могли выступать, как и прежде, ближайшие родственники тяжущихся: родители, дети, супруги, братья и сестры, но также по уполномочию руководящих органов представители советских учреждений (8, 407).

Таким образом, защиту могли осуществлять только лица, которые получили на это разрешение со стороны государства независимо от наличия у них знаний и опыта работы. При этом защитники получали жалование за осуществление своей деятельности от государства, а, следовательно, представляли в первую очередь его интересы.

Подводя итоги, необходимо подробнее остановиться на том, основополагающих принципах адвокатуры, которые были уничтожены в рассмотренный период.

1. Профессиональная основа деятельности адвокатов.

Ни один из декретов, принятых в течение рассматриваемого периода не предусматривал в качестве условия осуществления правозащитной деятельности наличия у лица юридического образования и опыта работы. Тогда как профессионализм адвоката и его опыт это основная гарантия эффективности его деятельности. Суть адвокатуры в том, что юридическая помощь оказывается квалифицированным специалистом. Иной подход делает существование самостоятельного института адвокатуры бессмысленным.

2. Независимость адвокатуры от судебной власти.

Единственной гарантией состязательности судебного процесса является наличие адвокатуры, которая не подчинена судебной власти и никаким образом не зависит от нее. В противном случае адвокат является только формальным участником процесса и отстаивает не интересы своего подзащитного (доверителя), а интересы государства или суда. Это противоречит основному принципу адвокатуры – неукоснительному отстаиванию интересов клиента. В случае же, когда адвокатура и суд равнозависимы от государства и одинаково состоят на его содержании, достижение этого принципа невозможно.

3. Адвокатское самоуправление.

Адвокатское самоуправление было запрещено в рассматриваемый период, что не могло не сказаться на месте института адвокатуры в обществе. Объединение в адвокатские образования имеет значение для профессиональной взаимопомощи адвокатов, независимости адвокатского сообщества в целом. Оно существенно повышает престиж адвокатуры, уважение к адвокатской деятельности, и гарантирует доверие к конкретному адвокату со стороны подзащитного или доверителя.

Таким образом, период с 1917 года по 1922 год стал временем поэтапного уничтожения адвокатуры и адвокатов. Лишь немногие профессионалы смогли пройти через это время и остаться в профессии. Основным инструментом государства в деле искоренения адвокатуры стал тотальный контроль за деятельностью адвокатов, постановка их в зависимость от Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, ограничение доступа в коллегии защитников по политическим убеждениям. Следствием этого стало снижение до минимума роли адвокатуры в судебной системе, понижение профессионализма защитников и гражданских представителей.

В итоге, к 1922 году были созданы условия, при которых появилась возможность строить новую Советскую адвокатуру на практически чистом месте – «старый мир» действительно был разрушен «до основания».

Примечания

1. *Адвокатура и нотариат. Становление адвокатуры в РФ: Учебное пособие. Авторский коллектив. Allpravo.ru – 2003.*
2. *Галоганов А.П. Россиская адвокатура: история и современность. М. 2006*
3. *Дубков Е. П. Демократические основы организации и деятельности советской адвокатуры// Советское государство и право. -1962. № 6.*
4. *Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 41.*
5. *Материалы НКЮ. М., 1918, вып. V*
6. *Собрание Узаконений. 1918. Allpravo.ru.*
7. *Собрание узаконений. 1920. Allpravo.ru.*
8. *Собрание узаконений. 1920. № 82.*
9. *Хаски Ю. «Российские адвокаты и советское государство. Происхождение и развитие советской адвокатуры 1917-1939 гг. М. 1993.*

Р.О. Багаутдинов
Башкирский государственный университет, г. Уфа

УЧАСТИЕ БЕЛЫХ БАШКИРСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ НА ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ ФРОНТЕ

Чехословацкий мятеж 1918 г., поддержанный эсерами, казачеством и сибирскими белогвардейцами, в каких-нибудь три месяца преобразил восточную Россию до неузнаваемости. Советская власть на протяжении от Волги до Владивостока была низложена (1, 5).

Как признавали сами большевики, незначительные красные отряды Сибири, Урала и Поволжья были быстро истреблены хорошо вооруженным и обученным Чехословацким корпусом (2, 34). После захвата Челябинска чехословацкие части двинулись на запад к Златоусту, Уфе и на север, в сторону Екатеринбурга (4, 503).

Данное направление в 1918 году было одним из самых успешных для антибольшевистского лагеря и с самого начала приобрело исключительную важность. Против большевиков сражались объединенные силы чехословаков, сибирцев, казаков и башкир. Первая переброска башкир на Екатеринбургский фронт состоялась 14 июня 1918 года. Перед отправкой были устроены торжественные проводы этого полка (5, 408).

Был направлен один батальон (413 штыков) только образованного в Челябинске 1-го Башкирского пехотного полка (9, 274). Подразделение стало ядром так называемого «Султаевского отряда», в который также вошли челябинская народная рота и дружина оренбургских казаков. Руководство отрядом взял на себя офицер 1-го Башкирского полка подполковник Штин. Немного позднее отряд пополнился еще одной ротой башкирских солдат.

Эти два башкирских батальона совместно с чехословаками участвовали в ожесточенных боях в ауле Куяш, откуда красные отступили в направлении Екатеринбурга. Бой закончился уничтожением большевистского отряда и захватом оружия и других военных трофеев. По словам Валидова, в 1920 г. он узнал, что бой при Куяше (90 км от Екатеринбурга) сыграл особую роль в истории России. «Причиной убийства Николая в те дни явилось совместное наступление на Екатеринбург башкир и чехов», - сообщал ему видный большевик Е. А. Преображенский (10, 244-245).

На данном направлении фронта башкиры столкнулись с дружинами Боевой организации народного вооружения (БОНВ), созданной еще в конце 1917 года. Боевики БОНВ принимали участие в боях с оренбургскими казаками, башкирскими партизанами и в подавлении антибольшевистских крестьянских выступлений весной

1918 года (6, 110-11)

В июне основная тяжесть борьбы с белыми силами Уральского региона легла на их плечи. Екатеринбургское направление на участке Златоуст–Миасс удерживало несколько дружин БОНВ. Им помогал выехавший 31 мая из Петрограда и прибывший 8 июня в Екатеринбург эстонский батальон в 900 штыков 10 июня он прибыл в Златоуст (3, 50)

С середины июня отряд подполковника Штина, являясь одной из главных ударных сил на екатеринбургском направлении, вел тяжелые бои с противником в районе д. Сары. В конечном итоге красные части были вынуждены отступить к местечку Куяш, где они также были разбиты. Более того, в сражении погиб командующий красной группировки Малышев. Неудача красных сил у Куяша совпала с потерей ими Златоуста. Началось общее отступление красногвардейцев к Екатеринбургу. 1 июля башкиры совместно с чехословацкими частями нанесли очередное поражение противнику у станции Тургаяк, захватив большое количество оружия, которое было выдано формирующимся 1-му и 3-му полкам (10, 245).

23 июля на фронт был направлен недавно сформированный батальон 2-го Башкирского пехотного полка. Общая численность башкирских сил, сражающихся у Екатеринбурга, достигла приблизительно 1 тысячи солдат (с 8 августа к ним присоединился еще один батальон того же полка). Крупной победой белых сил, в числе которых были башкирские формирования, стало взятие ими 25 июля Екатеринбурга. Красные войска, спешно отступив из города, оставили башкирским батальонам большое количество оружия и военного снаряжения (9, 276).

Находящийся под впечатлением от июне-июльских баталий начальник штаба Чехословацкого корпуса полковник Червинка сообщил полковнику Чечеку: «В последних боях башкиры вели себя выше похвалы и зарекомендовали себя надежными солдатами». Лестные отзывы были и со стороны сибирцев. Командующий Уральским корпусом генерал-лейтенант Ханжин 9 июля телеграфировал башкирским военным: «С чувством глубокой радости и гордости» приветствую «доблестное поведение молодых башкирских частей 1-го Башкирского полка». От имени сибирского командования генерал поблагодарил «молодцеватые части за их работу и безответную преданность Святому делу», а всем офицерам и солдатам Ханжин выразил «сердечное спасибо» (9, 276).

А 23 июля 1918 г. по Башкирскому военному совету был объявлен приказ № 4 с выражением им благодарности (7).

Благодарные горожане торжественно вручили башкирским воинам почетное знамя, изготовленное из дорого белого кумача с зеленой каймой, с изображением цветка, вышитого золотом по краям, знамя прикреплено к древку, увенчанному специально отлитым из серебра полумесяцем. На знамени были вышиты надписи на русском и тюркском языках: «Доблестным освободителям – благодарный Екатеринбург» (5, 456).

Удаление основных боевых действий за Волгу и срыв наступления Красной армии на Екатеринбург в середине августа 1918 года позволили башкирским частям Екатеринбургского фронта отойти на отдых. В благодарственном послании командующего Уральским (Екатеринбургским) фронтом полковника С. Войцеховского говорилось: «Прошу передать всем гг. офицерам и стрелкам мою сердечную благодарность за громадную боевую работу, выполненную ими за время нахождения в моей группе». Башкиры понесли большие потери – свыше половины личного состава (около 600-700 человек), участвовавших в сражениях за Екатеринбург выбыло из строя (9, 276).

Взятие Екатеринбурга стало настоящим триумфом антибольшевистского лагеря и позволило белому командованию снять с этого направления значительные военные силы, которые частью отошли на отдых, а частью были отправлены в Поволжье. Для башкир Екатеринбургский фронт имел особое значение. В июне-июле 1918 года, в рамках реализации концепции территориальной автономии “Башкурдистана”, началось формирование башкирской национальной армии. Первые ее части, созданные в Челябинске, были отправлены на Екатеринбургский фронт, где они получили первый боевой опыт широкомасштабных военных операций.

Именно 1-й и 2-й башкирские пехотные полки, прошедшие екатеринбургскую кампанию, стали основой вооруженных сил “Башкурдистана” – реальной опоры молодой республики в суровых условиях Гражданской войны (8, 114).

Примечания

1. *18 февраля 1919 года: Материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти. К четырехлетию перехода. Уфа, 1923.*
2. *Борьба за Урал и Сибирь: Воспоминания и статьи участников борьбы с Учредиловской и Колчаковской контрреволюцией. М. -Л., 1926.*
3. *Маамяги В.А. В огне борьбы (Красные эстонские стрелки). М., 1987.*
4. *Минц И. И. Год 1918-й. М., 1982.*
5. *Национально-государственное устройство Башкортостана (1917-1925 гг.). Документы и материалы: В 4 т. / Авт.-сост. Б.Х. Юлдашбаев. Т. 2. Ч. 1. Уфа, 2002.*
6. *Раимов Р.М. Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. М.,1952.*
7. *РГВА. Ф. 40205. Оп. 1. Д. 2 .Л. 2.*
8. *Таймасов Р. Башкирский корпус: вымыслы и действительность//Ватандаш. 2000. №8.*
9. *Таймасов Р.С. Участие башкирских национальных частей в боях за Екатеринбург (июнь - июль 1918 г.) // Урал в военной истории России: традиции и современность: Материалы Международной научной конференции, посвященной 60-летию Уральского добровольческого танкового корпуса. Екатеринбург, 2003.*
10. *Тоган З. В. Воспоминания: Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрков за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа, 1994.*

С.С. Салазникова

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия социально – гуманитарный институт,

г. Нижний Тагил

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА НА ВОСТОКЕ РОССИИ (ОСЕНЬ1918 Г.)

Радикальные политические перемены в России в конце XX столетия вызвали повышенный интерес к событиям Гражданской войны 1918-1921 гг., выявили стремление к новому осмыслению, раскрытию всех сложностей развития государства этого периода. Необходимо объективно исследовать все альтернативы и пути разрешения кризисной ситуации, предложенные политическими силами в послереволюционный период. Создание антибольшевистских правительств на Востоке России в 1918 г. представляло собой попытку правых сил предложить «третий» путь выхода из сложившейся ситуации, когда страна оказалась ввергнутой в тяжелейший общенациональный кризис, грозивший ее существованию.

Особое место в истории антибольшевистского движения периода «демократической контрреволюции» на

Востоке России занимают Западно-Сибирский Комиссариат, Временное Сибирское правительство, Временное областное правительство Урала, Временное Всероссийское правительство (Уфимская Директория). В них был представлен практически весь спектр политических сил, выступавших против Советской власти.

Объединение антибольшевистских организаций происходило на основе идеи свержения Советской власти и восстановления самоуправления Сибирью. Претендентом на верховную власть в Сибири в мае 1918г. был Западно - Сибирский Комиссариат, но он не устраивал цензовые и военные круги, так как эсеры не могли вывести страну из кризиса. Образование Временного Сибирского правительства явилось, таким образом, вынужденным компромиссом между различными политическими партиями. В наметившемся интеграционном процессе в лагере «демократической контрреволюции» основную роль были призваны сыграть государственные образования, обладавшие наибольшим политическим и военным потенциалом. Таким государственным образованием и стало Временное Сибирское правительство.

Во второй половине 1918г. завершилось сближение сибирской военщины и влиятельных партийно-политических сил правой ориентации на основе общих интересов и целей. В данный период происходило усиление реставраторских тенденций и тяга к военной диктатуре. Это было характерно не только для офицерства и казачества, но и для старого чиновничества, игравшего все большую роль по мере складывания административного аппарата правительств «демократической контрреволюции».

Июль - август 1918 г. - время расцвета областничества. В это время возникло правительство на Урале: Временное областное правительство Урала во главе с областником Ивановым П. В. и кадетом Кролем Л.А. Главным тормозом на пути преобразования государственного устройства в русле демократии на Урале было отсутствие собственных вооруженных формирований, четких административных границ, нехватка денежных средств. Так, осенью 1918г. из Екатеринбурга в Омск шли тревожные телеграммы о состоянии дел: «…Местного хлеба не хватает, благодаря бездорожью подвоз его ограничен и цены на хлеб поднялись неимоверно. Из Сибири за октябрь месяц и первую половину текущего ноября не поступило ни одного вагона, хотя по плану, утвержденному Сибирским правительством, на Урал было решено ввезти 510 тысяч пудов пшеницы и 360 тонн овса. Положение Урала в этом отношении катастрофическое и, можно сказать, даже угрожающее государственному спокойствию и порядку. Ко всему этому приходится еще добавить, что Уралу суждено в самое ближайшее время остаться впотьмах, благодаря отсутствию керосина. На рынках нет мануфактуры и обуви и население совершенно раздето… В настоящее время наблюдается заболевание населения сыпным и брюшным тифом, повальным воспалением легких…» (1, 3).

Вообще, на первых парах областничество способствовало сплочению антибольшевистских сил. Вокруг него сосредоточились левые, умеренные, правые группировки. Однако в дальнейшем выявилась слабость этого движения. Именно областничество начинает препятствовать сплочению «белых» сил. Внутриполитическая борьба и территориальные споры сводили на нет все попытки добиться единства. А усилия властей на местах в вопросе о поддержании жизненного уровня трудящихся оказались для основной массы населения неудовлетворительными. Постепенно повышалась доступность и одного из самых вожделенных товаров – алкоголя. В октябре 1918 г. Екатеринбургская уездная земская управа получила от волостных земств сведения о массовом развитии в уезде винокурения и хулиганства: «Пьянство положительно небывалое. Самогонки сколько хочешь от 9 до 20 руб. за бутылку, и достать можно в каждом доме. Аппаратов для выделки самогонки достаточно. В общем, нам грозит повальное пьянство и порча хлеба. Безобразие это совершается уже около трех недель»(3, 270). В Кыштымском и Каслинском горных округах Екатеринбургского уезда, в Челябинском и Златоустовском уездах и сопредельных с Уралом Петропавловском и Курганском уездах к концу августа 1918 г. самогоноварение из хлеба нового урожая приобрело пугающие масштабы. В докладной записке исполняющего обязанности товарища министра внутренних дел Временного Сибирского правительства от 29 августа 1918 г. по этому поводу значилось: «…на всей хлебородной части этого огромного пространства идет в настоящее время усиленная перегонка хлеба на водку, идет в то время, когда в соседних местах крайне нуждаются в хлебе и платят за него, как, например, в Екатеринбурге, 1 руб. 30 коп. за фунт, а в соседнем Челябинске лишь 32 копейки. Гонят водку и пьют почти все взрослые и дети. Деревня утопает в самогоне, усиливаются преступления, дебош, хулиганство, никаких мер к их прекращению не принимается» (4, 269).

Причины подобного положения в деревне очевидны. Неуверенность в завтрашнем дне, инфляция, рост цен на товары массового спроса, дефицит самого необходимого, рост цен на продукты питания и предметы первой необходимости.

Правительства «демократической контрреволюции» не смогли остановить разрушительных процессов в деревне, в горнозаводском хозяйстве Урала, в Сибирском регионе повсеместно.

Уфимской Директории (Временному Всероссийскому правительству) выпала роль последнего правительства «демократической контрреволюции», только сохранив единство, антибольшевистские правительства могли претендовать на роль проводников по выходу из кризиса на принципах демократии. Но Директория, в конечном счете, оказалась лишенной возможности к дальнейшей эволюции и, выявив свою неспособность, была заменена режимом военной диктатуры (5, 69).

«Ахиллесовой пятой» Директории стала политическая программа. Она декларировала общие красивые идеи, провозглашала отвлеченные лозунги: «Родина», «Народ» и очень слабо соприкасалась с реальной жизнью. Директория определила свои первоочередные задачи так: борьба за освобождение России от советской власти, воссоединение отторгнутых и отпавших областей, отказ от Брестского мира и продолжение войны с Германией. Делалась ставка на «сильную боеспособную единую Российскую армию, поставленную вне влияния политических партий и подчиненной в лице ее высшего командования Всероссийскому Временному правительству». В области экономики Директория провозгласила путь сочетания модернизированного капитализма с его незыблемыми ценностями: частной собственностью и предпринимательской прибылью с эсеровскими требованиями государственного регулирования частной промышленности и торговли, условий увольнения рабочих. Члены Директории выражали общее сочувствие крестьянству, оставив землю в руках фактических пользователей. Кратковременный характер новой власти подчеркивался тем, что Директория должна была сложить свои полномочия с началом работы Учредительного собрания 1 января или 1 февраля 1919 г. (2, 1-5).

К осени 1918 г. эсеры и меньшевики выполнили отведенную им историей роль, создав благоприятные условия для изменения соотношения классовых сил в пользу «твердой руки». Именно этим, очевидно, обуслов-

лено отсутствие сколько-нибудь серьезного сопротивления со стороны мелкобуржуазных масс и, прежде всего, крестьянства военному перевороту 18 ноября 1918г. Но и это противостояние антибольшевистских и большевистских сил завершится вскоре в пользу последних.

Примечания
1. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.131. Оп.1. Д.346.*
2. *ГАРФ. Ф.192. Оп.1. Д.4.*
3. *ГАСО. Ф.1951. Оп.1. Д.76.*
4. *Нарский И. Жизнь в катастрофе. Челябинск, 2000.*
5. *Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000.*

В.М. Рынков
Институт истории СО РАН, г.Новосибирск

МАРГИНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ЗА ТРУД В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Революционные события очень сильно пошатнули значение зарплаты как главного механизма привлечения и удержания работников. Поэтому попытки вновь наладить его либо опереться на иные способы материального стимулирования были чрезвычайно важны. В качестве альтернативы выступало натуральное снабжение. Комуч и Временное областное правительство Урала исходили из необходимости преимущественно централизованного снабжения рабочих потребительскими товарами, но не имели возможности реализовать свои планы. Усилия Временного Сибирского и Российского правительств в этом направлении оказались более результативны, но и они не внесли кардинальных перемен. Катастрофически низкий уровень зарплат сохранился.

Основные тенденции в сфере оплаты труда на востоке России вполне очевидны. Они были нормальными и неизбежными с точки зрения экономической логики. Всеобщий производственный спад всегда сокращает спрос на рабочие руки. При этом предложение в Сибири оставалось чрезвычайно велико. Более того, оно постоянно держалось на высокой планке за счет беженства, ликвидации ряда предприятий и ряда других факторов. Вот причина естественного стремления рынка труда к относительному снижению расценок найма.

Впрочем, судить о доходах работавших по официальным заработкам нет оснований. Далеко не у всех они совпадали. Более того, нельзя не отметить методологическую слабость попыток исследователей определить реальный доход рабочих. Очевидно, что рынок труда на востоке России ещё в большей степени, чем в целом по стране, нес на себе отпечаток архаизации. Первым его проявлением было сохранение тесной связи индустриального и аграрного рынков труда. Наименее квалифицированные работники часть времени, обычно в страдную пору, были заняты в аграрном производстве, а остальное время обслуживали промышленные предприятия. Причем в годы войны их заработок в аграрном секторе стал значительно выше. Крестьяне, наоборот, имели сезонные заработки на заводах. Второй момент – даже «настоящие» пролетарии (не сезонники) не просто сохраняли связь с деревней, но в городах имели огород, скот, покосы. Росписи городского имущества Сибири прекрасно характеризуют большинство даже крупных городов как наполовину «агрогорода», именно пролетарские окраины которых были сельскими по образу жизни. Это обстоятельство свидетельствует о том, что, во-первых, заработок главы семейства не определял совокупный доход семьи. Кстати, ещё предстоит изучить, из чего он в реальности складывался и как его трансформировала революция и гражданская война. Очевидно лишь то, что по мере сокращения индустриальных заработков, доля иных доходов неизбежно должна была возрастать. Во-вторых, и сравнение с международным опытом в этом твердо убеждает, такая связь пролетариев с аграрным сектором сдерживает оплату труда от повышения до уровня прожиточного минимума. И чем теснее связь рабочих с сельским хозяйством, тем меньшую долю от необходимого для поддержания жизни объема работодатель будет выплачивать рабочим (10, 21 - 26). Следовательно, настойчивые требования профсоюзных организаций определять заработок рабочего исходя из прожиточного минимума для семьи из двух – трех человек есть результат социальной мимикрии. Статистика тех лет и вовсе не учитывала доходы рабочих от подсобного хозяйства.

Подсобным сельскохозяйственным производством источники семейного дохода, как правило, не ограничивались. Необходимо учитывать выгоды от семейно-кустарного производства, изготовление предметов домашнего хозяйства не только для внутреннего потребления, но и на продажу. Важнейшим ресурсом коренных пролетариев стало жилье. В Сибири мещанское население традиционно получало существенную часть доходов сдачей обширных жилых площадей респектабельным коммерсантам и чиновникам. Но в 1918–1919 гг. города были переполнены беженцами. Любое жилье стало цениться, в том числе и крохотные углы в избах пролетариев и полупролетариев. Одним из наиболее экзотических способов пополнения семейного бюджета рабочих было воровство материальных ценностей с предприятия. В 1918–1919 г. это явление переживало, судя по документам промышленных предприятий, своеобразный расцвет. Например, на Гурьевском заводе за ночь снимали всё ценное с вновь установленного оборудования. Жестокие порки рабочих не помогали (5, 37). На Ленских приисках администрация неспроста настаивала на удержании с рабочих крупных залогов за выданный инвентарь. Видимо, он исчезал с молниеносной скоростью. Рабочих возмущало, что хозяева «дерут» за такое воровство втридорога, администрацию беспокоила невозможность восполнить запасы инвентаря в условиях Гражданской войны (13, 516). Примеры такого рода можно продолжить. В золотопромышленности наблюдатели отмечали, что значительная часть золота не сдается, а сразу по добычи перепродается за наличные нелегальным скупщикам для переправки в Китай. Сокращением реальных размеров заработной платы объясняют современные исследователи и всплеск хищений и разложения трудовой дисциплины в советской России, где эти явления также приняли куда более массовый характер (3, 21-25; 16,167). И дело было не в криминализации пролетариев. Теряя месяц от месяца в реальной зарплате, рабочие считали морально оправданной такую материальную компенсацию за счет владельцев производства.

Экономический кризис трансформировал трудовую этику. Современными аналитиками замечено, что в любом обществе стихийно складываются представления об уровне «справедливой» заработной платы, которая и задает трудовое поведение работников (1, 256 - 268; 2, 78 - 83; 11,141 - 142; 17, 286 - 292). Падение рентабельности производства в годы революции привело к тому, что уровень реальной оплаты труда снизился очень сильно. Это повлекло за собой два последствия. С одной сто-

роны, работники стремились снизить интенсивность трудовых усилий, чтобы компенсировать потерю своих доходов. С другой стороны, они стали активнее искать способы вернуть себе утраченный доход за счет работодателя. В этом случае взрывоопасное расширение «теневых» практик отчасти играло компенсаторную роль и восстанавливало баланс доходов. Обе тенденции могли проявляться параллельно, но могли и носить альтернативный характер. Но т.к. условия труда у всех разные, то и эта выравнивающая доходы компенсация за счет «теневых» практик не может равномерно перераспределять доходы между наёмными работниками. В одних случаях работники при низких заработках держались за свои рабочие места, используя должностное положение для получения побочных доходов. В других, когда таких возможностей не представлялось, – жестко требовали закрепить за ними право на пониженную интенсивность труда, что на языке времени назвалось «революционные завоевания».

Коррупция и рост «неформальной» экономики являлись результатом и разбалансированности соотношения между «справедливой» и реальной оплатой труда. Несмотря на очень скромные зарплаты, среди рабочих наибольшими доходами, вероятнее всего, обладали проводники и работники поездных бригад, рабочие вокзалов и станций. Поскольку их работа была связана с переездами, они не только брали безбилетных пассажиров за вознаграждение, но и набивали вагон до отказа товарами, которые везли для перепродажи в соседние регионы (8, 16 мая; 22, 27 июня, 4 июля). Другая сфера коррупции – почтовое ведомство. В условиях кризиса транспортной системы предприниматели стали широко использовать необычный вариант переправки коммерческих грузов – почтовыми посылками. В результате объём почтовых отправлений вырос в несколько раз. Путем систематического подкупа почтовых служащих коммерсанты вытеснили обычные почтовые отправления. Когда Российское правительство запретило приём частных почтовых посылок коммерческого характера, торговцы начали отправлять посылки в адрес кооперативов, городских управ, военных частей, государственных предприятий и для этого обзавелись необходимыми удостоверениями уполномоченных Министерства продовольствия и снабжения (9; 8; 22).

Безусловно, в самом выгодном положении оказались служащие государственной администрации. Распад государства в 1917 г. привел к автономизации его структур, производственной и управленческой системы. Процесс возрождения властной системы шел медленно, и дефицит управленческого единства компенсировался за счет коммерционализации административного ресурса. Ценность представляла не любая должность как таковая, а административное право на распоряжение потребительскими товарами и услугами. В частности, громадные доходы можно было извлекать из причастности к системе распределения товаров. Служащие аппарата министерств снабжения и продовольствия, военного, МПС, быстро и эффективно создавая длинные цепочки нелегальных посредников от поставщика товаров до потребителя, перенаправляли в свою пользу ощутимый поток товарных и в конечном итоге денежных средств.

В марте 1919 г. были арестованы уполномоченный по продовольствию и снабжению Урала И.Р. Кричинский и некоторые его подчиненные, уличенные в приемке некачественных предметов интендантского довольствия и выдаче для их исполнения преувеличенного количества сырья (4; 12, 171; 14). Летом 1919 г. был привлечен к ответственности начальник троицкого мясозаготовительного пункта полковник Плышевский. Предназначенные на закупку холодильного оборудования казенные средства он израсходовал для приобретения на Дальнем Востоке дефицитных товаров, которые продал спекулянтам. Объём тезисов не позволяет детально описать масштабы коррупции колчаковских чиновников и основные механизмы её функционирования (6, 7, 15, 18).

Административный торг не ограничивался только аппаратом нескольких министерств. В него были вовлечены служащие кооперации, земских и городских органов самоуправления, общественных организаций (19, 20, 21). Но границу между коррупцией и использованием ресурсов во имя выживания провести невозможно. Ведь многим рабочим и служащим предлагали контролировать и регулировать товарные потоки, не выплачивая им зарплату по нескольку месяцев. Неудивительно, что сколько бы припасов не заготавливал тыл, но при существовавшей системе их распределения фронт оставался голодным и раздетым. Столь же неэффективно функционировала и система снабжения городского населения и работников отдельных предприятий. Примеры можно продолжать, но полномасштабное обличение коррупции в годы Гражданской войны выходит за рамки настоящего исследования. Важно отметить, что ресурсы государства и общества переводились на обогащение государственных служащих и отдельных категорий рабочих через разнообразные «теневые» схемы. Это фактор нельзя игнорировать при анализе тенденций, складывавшихся в сфере оплаты труда служащих и рабочих. То, что с точки зрения нормальной экономической логики казалось маргинальным, в условиях Гражданской войны постепенно становилось доминирующей формой компенсации за труд.

Примечания

1. *Akelroff G. Gift Exchange and Efficiency Wages Theories For Views // American Economic Review. 1984. Vol. 74. № 2.*
2. *Akelroff G., Yellen J. The Fair Wage-Effort Hypothesis and Unemployment // Quarterly Journal of Economics. 1990. Vol. 105. № 2.*
3. *Борисова Л.В. Трудовые отношения в Советской России (1918 – 1924 гг.). М., 2006.*
4. *Венные ведомости (Ново-Николаевск). 1919. 23 марта.*
5. *Государственный архив Кемеровской области. Ф. Д-13. Оп. 1. Д. 28.*
6. *Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 79. Л. 3.*
7. *Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 79. Л. 56– 62.*
8. *Дальний Восток (Владивосток). 1919. 16 мая; Дальний Восток (Владивосток). 1919. 6 апр.*
9. *Друг народа (Мариинск). 1919. 25 апр.*
10. *Карвил Э. Разделение труда: сегментарная география рынков труда и рабочего движения Америки в период индустриализации. 1730 – 1930 // Конец рабочей истории? М., 1996.*
11. *Кравченко А.И. Социология труда в XX веке: историко-критический очерк. М., 1987.*
12. *Кроль Л.А. За три года. Воспоминания члена уральского правительства. Владивосток, 1922.*
13. *Ленские прииски. Сборник документов. М., 1937.*
14. *Отечественные ведомости (Екатеринбург). 1919. 30 марта.*
15. *Правительственный вестник. 1919. 2 авг.*
16. *Присяжный Н.С. Экономическая Чума: военный коммунизм в России (Историко-экономический анализ. 1918–1921 гг.). Ростов-на-Дону, 1994.*
17. *Радаев В.В. Экономическая социология. М., 2005.*
18. *Русь (Омск). 1919. 11 сент.*
19. *Рынков В.М. Военно-промышленные комитеты Сибири в годы гражданской войны // Политические партии, организации, движения в условиях кризисов, конфликтов и трансформации общества: опыт уходящего столетия: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2000. С. 289 – 298.*
20. *Рынков В.М. На полпути к «военному коммунизму»: кооперация востока России. 1914 – 1919 гг. // Кооперация Сибири: факторы устойчивого развития: Сб. науч. тр. Вып. 4.*

Новосибирск. С. 108 – 110.
21. Рынков В.М. Роль органов местного самоуправления в снабжении населения Сибири продовольствием в годы гражданской войны // Проблемы местного управления Сибири XVII - XX вв. Тез. докл. регион. науч. конф. Новосибирск, 1996. С. 59–61.
22. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 27 июля. 4 июля.

В. В. Исаев
Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ БИЙСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛИНИИ В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА АЛТАЕ

Солоновское сражение по праву считается переломным событием Гражданской войны на Алтае. Последняя попытка Омского правительства удержать за собой Алтайскую губернию завершилась полным провалом. 14 ноября 1919 г. без боя была оставлена столица Белой Сибири город Омск. Белогвардейский фронт окончательно рухнул. Произошедшие события имели для казачества Бийской линии роковые последствия. Близость катастрофы стала для многих казаков очевидной. 28 ноября 1919 г. начальник штаба 6-й горно-степной дивизии Зиновьев докладывал начальнику штаба 3-го корпуса Западно-Сибирской крестьянской Красной Армии Жигалину: «У казаков полнейший развал – идет междоусобица стариков с молодыми. Молодежь стоит на нашей стороне» (1, 519).

Партизанская армия Мамонтова, воодушевленная победой, развернула наступление по всем стратегическим направлениям, в том числе на Бийскую линию, ликвидация которой рассматривалась как залог скорейшей победы над «колчаковщиной».

В середине ноября 1919 г. 1-й алейский полк Ф.И. Архипова занял Усть-Чарышскую Пристань. В течение нескольких дней численность партизан настолько возросла, что позволила сформировать дивизию, получившую название 6-й горно-степной. В ее состав вошли четыре полка: 21-й алейский (бывший 1-й, командир П.Д. Тибекин), 22-й приобский (П.К. Чаузов), 23-й горно-стальной (М.К. Назаров) и 24-й рабоче-крестьянский (Конкорин). Основу 23-го полка составили казаки и крестьяне, ушедшие с Матвеем Назаровым с Бийской линии после поражения повстанческого движения в начале сентября 1919 г. (2, 1 - 4).

Сосредоточение партизанских сил в непосредственной близости от Бийской линии не могло остаться незамеченным. Для защиты казачьих станиц от возможного нападения в богатое крестьянское село Коробейниково в спешном порядке перебрасываются 300 казаков, волонтеры и мобилизованные крестьяне. 20 ноября казаки вступили в боевое соприкосновение с дивизионной разведкой партизан около деревни Красноярка.

Штаб партизанской дивизии выдвинул 21-й и 23-й полки в Усть-Журавлиху и Красноярку. 29 ноября вышеназванные полки развернули наступление на село Коробейниково. Под напором превосходящих сил противника белые отошли к станице Антоньевской, где пополнив свои силы за счет казаков усть-каменогорского полка есаула Горбунова, утром 30 ноября перешли в контрнаступление. Не выдержав удара, партизаны откатились в Красноярку.

1 декабря 21-й и 23-й полки вновь перешли в наступление. С боем казаки оставили Елбанку, Озёрную и Коробейниково и к вечеру отошли к станицам Антоньевской и Слюденской (3, 6 - 53).

Расположившись на отдых в селе Ключи, партизаны планировали на следующий день возобновить наступление, но утром 2 декабря обстановка резко изменилась. Казаки, получив значительные подкрепления со стороны усть-каменогорского полка есаула Горбунова, перешли в контрнаступление. Партизанское командование, сосредоточив на левом фланге по дороге на село Паутово 23-й горно-стальной полк Назарова и развернув в цепь пехоту 21-го полка на правом фланге, попыталось сбить атакующий порыв белых, но эта попытка завершилась полной неудачей. Казачья кавалерия нанесла основной удар по партизанской пехоте и, смяв ее, прорвала правый фланг партизан (4, 19). Успеху казаков в немалой степени способствовала погода. Из-за сильного мороза партизанские пулеметы вышли из строя, а пехота, преимущественно вооруженная пиками, оказалась неспособной к серьезному сопротивлению (5, 7). Отступая через Ключи, партизаны попытались закрепиться на этом рубеже, но казаки, заняв позиции по окраинам села, открыли по ним «убийственный огонь из винтовок и пулеметов». По воспоминаниям одного из участников тех событий Шабанова: «Держаться при таких условиях в селе не было никакой возможности, пехота и кавалерия партизан вынуждены были, как можно скорее отступить. В суматохе боя часть подвод с пикарями на некованых лошадях залетела на лед реки. Пикари соскочили с подвод. Кто успел, тот спрятался в крайних домах, а остальных казаки окружили и начали рубить шашками» (6, 1–2).

23-й полк помочь своим соседям ничем не смог. Как выяснилось позднее, для его бойцов, расположившихся на отдых по квартирам, стремительное наступление казаков оказалось настолько неожиданным, что они на время потеряли всякую способность к сопротивлению (7, 4). Спешно отступая в направлении Усть-Чарышской Пристани, партизанские полки настолько растерялись, что на некоторое время даже потеряли связь друг с другом. Паника и неуверенность охватили не только рядовых бойцов, но и партизанское командование. Временно исполняющий обязанности командира 6-й горно-степной дивизии Тибекин обратился в штаб дивизии со следующим запросом: «Прошу сообщите мне ваши соображения, какому полку и куда держать направление?». На столь нелепый для командующего дивизией вопрос начальник штаба дивизии Зиновьев дал ответ: «Вы лучше меня знаете боевые способности полков, а поэтому можете правильней распределить силы, стратегическую задачу разрешить единолично я не решусь, т.к. не имею на это никакого права» (8, 65,72).

От полного разгрома партизанские полки спасли два обстоятельства. Казаки, опасаясь оставить без защиты родные станицы, не стали преследовать отступающего противника. Вернувшись на исходные позиции, они тем самым предоставили возможность партизанам привести в порядок свои потрепанные подразделения и поправить пошатнувшуюся дисциплину. Большое значение для партизан имело возвращение в строй прежнего командующего – Архипова, который ранее находился на военном совещании в селе Троицком. Архипову в течение нескольких дней удалось восстановить боеспособность партизанских полков и подготовить их для дальнейших военных действий.

5 декабря в расположение 6-й горно-степной дивизии перебежали и добровольно сдались 9 крестьян-дружинников из станицы Антоньевской. Они сообщили о том, что «казаки численностью около тысячи и волонтеры около ста человек ушли из Антоньевской на Михайловку и Слюденку. В Антоньевской осталось дружинников около двух сот человек, в Паутовой только беженцы…» (9, 57). Партизанская разведка 22 полка в тот же день подтвердила эту информацию, не обнаружив противника в Озёрной и Ключах.

Штаб партизанской дивизии в срочном порядке разработал план очередной наступательной операции. В соответствии с ним 21-й полк должен был занять Михайловку, а 22-й и 23-й полки станицу Антоньевскую. Чтобы сломить боевой дух казаков и избежать вероятного сопротивления, для всех казачьих станиц был заготовлен приказ следующего содержания: «Атаману станицы. Приказываю объявить селению о том, чтобы немедленно сложили оружие и сдались. Иначе всех казаков с их гнездами превращу в пепел. Сочувствующие нам пусть заявляют своевременно и переходят на нашу сторону. 5 декабря 1919 г. Начальник 6-й горно-степной дивизии Архипов»(10, 82-83).

6 декабря партизаны перешли в наступление. Без боя были заняты Коробейниково, Озерное и Ключи. После непродолжительной перестрелки партизаны вошли в станицу Антоньевскую. Неподалеку от нее им удалось перехватить двигавшийся в направлении Бийска большой обоз, в котором, как им поначалу показалось, ехали исключительно женщины и старики. Однако при ближайшем рассмотрении обнаружилось, что под одеялами и подушками скрываются не успевшие уйти казаки, в том числе еще не бравшие в руки оружия подростки. Не разбирая, кто прав, а кто виноват, партизаны стали уничтожать всех. При этом было устроено зверское состязание: на полном скаку партизанские кавалеристы прошивали пиками казачьи подводы, проверяя таким образом, прячется в них кто-нибудь или нет. Продвигаясь по Бийской линии, партизаны вошли в село Петропавловское. В ходе обысков в одном из домов были обнаружены несколько казаков. В завязавшейся перестрелке казаки убили одного и ранили двух партизан. Пришедшие в ярость партизаны окружили дом и сожгли оборонявшихся заживо (11, 5-6).

Очистив от белых северную часть Бийской линии, дивизия Архипова, преследуя отступающий казачий полк есаула Горбунова, двинулась на юг. 9 декабря 1919 г. в селе Маралиха 23-й горно-стальной полк Назарова встретил передовые части горно-конной дивизии И.Я. Третьяка, наступавшие со стороны станицы Чарышской. Объединением двух крупных партизанских группировок способствовало завершению военных действий в районе Бийской линии. Казаки, измотанные неравной бесперспективной борьбой, прекратили дальнейшее вооруженное сопротивление (12, 137).

Примечания

1. Партизанское движение в Западной Сибири (1918–1920 гг.). Документы и материалы. Новосибирск, 1959.
2. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 257. Л. 1–4; Д. 461. Л. 6.
3. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 211. Л. 6–53.
4. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 318. Л. 19.
5. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 445. Л. 7.
6. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 483. Л. 1–2.
7. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 257. Л. 4.
8. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 211. Л.65,72.
9. ГАНО. ФП. 5. Оп. 4. Д. 1209. Л. 57.
10. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 211. Л.82–83; Д. 471. Л. 9.
11. ЦХАФ АК. ФП. 1061. Оп. 1. Д. 257. Л. 5–6.
12. Третьяк И.Я. Партизанское движение в Горном Алтае в 1919 г. Барнаул, 1968. С. 137.

И. П. Малых
Челябинское высшее военное автомобильное командно-инженерное училище, г. Челябинск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА 1-Й АРМИИ ТРУДА ЧЕЛЯБИНСКОГО РАЙОНА В ХОДЕ КУРГАНСКО-ИШИМСКОГО МЯТЕЖА

Политическая и экономическая обстановка в Республике в начале 1921 года была крайне тяжелой особенно в аграрных районах. Крестьяне, недовольные проведением продразверстки, бесчинством продотрядов, а в некоторых случаях и беззаконием советских и партийных органов, «подогреваемые» контрреволюционной агитацией, поднимали восстания по всей стране. Челябинская губерния была не исключением. Особой главой в историю Урала вписан Курганско-Ишимский мятеж в феврале 1921 года. Его стихийность и всеобщее недовольство проводимой большевиками политикой в Курганском уезде стерли грань между недовольством и резней. Действия повстанцев чаще всего выражались в убийстве коммунистов, продработников, а также в уничтожении коммун, артелей, совхозов. Стихийно создавались боевые отряды и дружины. Эти факты подтверждались донесениями в Губчека и губисполком: «наблюдались случаи, - докладывал председатель Курганского уисполкома Сидоров, - когда бандиты живыми связывали людей и перепиливали пилой по пояснице на две части. Прежде чем казнить, к осужденному вызывался поп, который с крестом в руке читал над ними отходную. В одной из деревень бандиты убивали коммунистов следующим образом: привяжут веревки к ногам, а другие концы веревки к хвостам лошадей, они разрывали человека и возили по деревне напоказ в назидание другим. Арестуя продработника, убьют его, разрежут живот, насыплют пшеницы, напишут на бумажке «Продразверстку выполнил» и прибьют на грудь гвоздями» (1, 176). Анализ показывает, что ответные меры властей были не менее жесткими. По свидетельству председателя Сибирского революционного комитета И. Н. Смирнова, к середине марта 1921 года потери повстанцев в 15 раз превышали потери большевиков (1, 177). Причинами такого соотношения были: плохая вооруженность крестьян, отсутствие боевого опыта и организации, сам повстанческий террор был узконаправлен, несмотря на то, что бандитские отряды возглавляли участники Антоновского и Кронштадского мятежей, попавшие после разгрома на Урал.

11 февраля 1921 года президиум Курганского исполкома на территории уезда ввел военное положение и по приказу Командующего Приуральским военным округом против повстанцев были брошены регулярные части Красной Армии (69-я бригада), части особого назначения, 35-я бригада ВОХР (войска внутренней охраны), органы ЧК, милиция и реввоентрибуналы (1, 180).

12 февраля 1921 года на объединенном заседании губисполкома, губкома и других структур было принято решение организовать работу выездных сессий отдела реввоентрибунала 1-й Армии труда Челябинского района. Данные чрезвычайные органы при подавлении мятежа имели задачу находиться вблизи боевых порядков, производить следствие и в судебном порядке осуществлять расправу над повстанцами. По докладу председателя реввоентрибунала Челябинского района Нефедова выездные сессии выдвигались на наиболее важные на-

правления, где восстание было более организованным, массовым и ожесточенным: 1 - в Курган, в составе председателя - Зябкина, члена Дьякова, военного следователя Жук-Почекутова, следователя Бычкова и секретаря Мешкова. Но сессии работали не все одновременно, а «выбрасывались» по мере необходимости. 15 февраля «зеленые банды» были сосредоточены в районе Мишкино. Чтобы предотвратить их движение на Челябинск, против них выступили войска, вместе с ними из района Куртамыша была переброшена выездная сессия 2 в составе: председателя - Пеункова, члена Жихарева, военного следователя Яковлева, секретаря Вихарева. По продвижению войск вдоль Омской железной дороги и очищению местности от повстанцев 25 февраля в район Лебяжье была выдвинута сессия 3 в составе: председателя - Бахвалова, члена Никулина, военного следователя Тимофеева (2, 42). В оперативном подчинении органов чрезвычайного правосудия находились подразделения войск внутренней охраны. Они предназначались для претворения в жизнь приговоров, вынесенных выездными сессиями, этапирования заключенных в концлагерь и их охраны в ходе следствия.

В связи с нейтрализацией банд на территории Курганского уезда имели случаи внесудебного расстрела. Некоторые советские и партийные руководители настаивали на массовом расстреле граждан, причастных к повстанческому движению. Однако подобная тактика приводила к большим осложнениям в дальнейшем для всей советской системы на Урале. Поэтому губисполкомом во время военного положения в губернии при проведении карательной политики были определены следующие принципы: воинские части могли расстреливать только лиц, оказывающих сопротивление, остальные предавались суду реввоентрибунала; выездные сессии при вынесении приговоров применяли высшую меру наказания только в тех случаях, когда вина обвиняемых в сознательном и активном участии в вооруженном выступлении была установлена и доказана. Данное требование относилось главным образом к руководителям, организаторам восстания; суд строго разбирался в классовой принадлежности, «щадя пролетарский малосознательный элемент» (1, 180). Основным же моральным воздействием на население служила конфискация имущества у кулаков, которые особо злостно проявляли себя во время восстания. Все конфискованное имущество передавалось по описи в Укомрасхозсобесы, а оправдательные документы по окончании работ сдавались в реввоентрибунал.

Дознание вели не только военные следователи, но также следователи из ЧК, Политбюро, милиции. Как правило, оно велось в упрощенном виде и ограничивалось только допросом обвиняемых, который никаких результатов не давал. Судебные заседания над организаторами восстания были публичны, защита и обвинение к слушанию дела не допускались. Всего за время подавления Курганско-Ишимского мятежа выездной сессией 1 было рассмотрено 37 дел, прекращено - 13, передано - 6. На судебное заседание привлекалось - 424 человека. Из них приговорено: к расстрелу - 111 (26,2 %) человек, к пожизненному заключению - 3 (0,7 %), к долгосрочному лишению свободы - 62 (14,6 %), к заключению под стражей до ликвидации восстания - 96 (22,6 %), условно - 48 (11,3 %), оправдано по суду - 72 (17,0 %), выделено в особое производство - 5 (1,2 %), другие виды наказания - 27 (6,4 %). Выездной сессией 2 приговорено 50 человек, из них: к расстрелу - 14 (28,0 %), объявлено вне закона - 8 (16,0 %), к лишению свободы на разные сроки - 22 (44,0 %), к штрафу - 6 (12,0 %). Необходимо отметить, что следователь выносил на распорядительные заседания 68 участников восстания, но в ходе работы 18 были оправданы. Выездной сессией 3 привлекалось 129 человек. Из них приговорено: к расстрелу - 21 (16,3 %), к лишению свободы на разные сроки - 98 (75,9 %), оправдано на судебном заседании - 10 (7,8 %) (2. 1). Повстанцы, приговоренные к различным срокам заключения, под охраной отправлялись в Челябинск. Анализ показывает, что большинству обвиняемых было 16-17 лет.

Работа выездных сессий давала большой эффект, так как это позволяло выявить активных участников мятежа, кроме того, суд на местах давал хорошую агитацию среди населения и заставлял отказываться от выступлений против существующего строя. Приговоры, вынесенные реввоентрибуналом, печатались в типографиях и расклеивались на видных местах. Осужденные и пленные, арестованные во время ликвидации восстания в Курганском уезде, находились в концентрационных лагерях изолированно от других. Среди этих заключенных устанавливался усиленный негласный контроль в целях выявления и изъятия из их среды явных контрреволюционеров.

Таким образом, деятельность реввоентрибунала 1-й Армии труда Челябинского района в ходе работы выездных сессий внесла существенный вклад в подавление Курганско-Ишимского мятежа и являлась составной частью не только карательной политики в Курганском уезде в феврале-апреле 1921 года, но и воспитательным орудием «темных слоев населения».

Примечания

1. Вепрев О. В., Лютов В. В. Государственная безопасность. Три века на Южном Урале. Челябинск, 2002.
2. ГАСО. Ф.-574. Оп.4. Д.8.

А.В. Сушко
Омский государственный технический университет, г. Омск

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИБИРИ НАЧАЛА 20-Х ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ IV СОВЕЩАНИЯ ЦК РКП С ОТВЕТСТВЕННЫМИ РАБОТНИКАМИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ

Первые шаги Советской власти в области национального строительства в 20-е гг. - тема, актуальная для историков. В этой связи интересной представляется практика Наркомнаца (Наркомата по делам национальностей) по проведению совещаний с ответственными работниками национальных республик и областей. Они проводились в целях прямого информирования руководства государства о положении дел на местах и предоставления методической помощи непосредственным исполнителям политики партии в виде практических рекомендаций по ее воплощению с учетом текущей обстановки. Для изучения истории советского национально-государственного строительства в Сибири важным источником являются материалы IV Совещания ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей. Оно проводилось в Москве 9-12 июня 1923 г. Материалы этого совещания после его завершения в виде брошюры были изданы под грифом «секретно» и разосланы для служебного пользования ответственным работникам, отвечавшим за проведение политики партии в отношении этнических групп. Брошюра была переиздана в 1992 г. к столетию со дня рождения М. Х. Султан-Галиева. Несмотря на то, что на совещании большое внимание было уделе-

но этнополитической ситуации в Сибири, его материалы до сих пор практически не используются для изучения сибирской истории. Цель данной работы – проанализировать этнополитическую ситуацию в Сибири, сложившуюся к середине 1923 г., на основе докладов с мест.

Нэп зафиксировал временную победу крестьянства в Гражданской войне. Как писал В. П. Данилов: «Решение земельного вопроса вновь приводилось с требованиями крестьянского наказа 1917 г. Можно было бы сказать, что крестьянская революция победила, однако эта победа оказалась равносильна поражению, поскольку крестьянство не смогло создать отвечавшую его интересам государственную власть, поскольку демократические возможности сгорели в огне Гражданской войны, поскольку из жесточайшего столкновения вырастала государственная диктатура» (1, 41). В контексте сказанного нельзя согласиться с суждением М. В. Шиловского о завершении в Сибири в 1920 г. Гражданской войны (5, 426). Массовое антикоммунистическое движение крестьян по всей России, и в Сибири в том числе, привело к нэпу, массовое антикоммунистическое движение инородческих (нерусских) масс населения под руководством националистической интеллигенции приводило к образованию национально-территориальных автономий. Докладывавший на совещании о положении дел в Якутии Барахов сообщил, что начавшееся там осенью 1921 г. антисоветское движение с участием всех слоев якутов не было еще до конца подавлено на момент совещания. Полгода Советская власть существовала только в Якутске и двух пунктах. По словам докладчика-коммуниста, наряду с бедственным материальным положением якутов, вызванным политикой военного коммунизма и кадровой слабостью партийных организаций, «национальный момент» был важнейшей причиной восстания. В докладе четко прослеживается, что национальная автономия якутов явилась результатом их борьбы с Советской властью, которая в итоге была вынуждена ее разрешить создать. «Национальное движение, главным образом, среди интеллигенции, имеющей большое влияние на массы якутов, начало принимать слишком большие размеры, мы начали поднимать вопрос перед центром о том, чтобы и Якутии дали национальную автономию. Еще в апреле 1921 г. мне лично пришлось докладывать перед Сибирским бюро, что если будет продолжаться такое же положение вещей, какое имеется сейчас в Якутии, то мы неизбежно столкнемся со всей якутской нацией… Ликвидация восстания сделалась возможной после того, как мы дали национальную свободу якутам, получили автономию и провозгласили автономную республику, на основании постановления ВЦИК, привлекли интеллигенцию» (3, 206-207). Советский историк В. А. Демидов прослеживал антисоветскую деятельность националистов в Якутии вплоть до 1928 г. (2, 221).

Якутские, бурятские, алтайские, киргизские (казахские) националисты в результате Гражданской войны добились создания национально-государственных образований и вместе с коммунистами принимали активное участие в управлении ими. По Якутии Барахов приводил следующие красноречиво характеризовавшие ситуацию данные: «В Якутии имеется своя интеллигенция – это все грамотные якуты, начиная от сельских писарей до людей с высшим образованием, докторов, юристов и проч. Этот слой очень небольшой. Если принимать во внимание громаднейшую безграмотность якутов, то этот слой имеет очень большой удельный вес среди населения… и только в результате восстания мы начали привлечение интеллигенции и сейчас боимся даже то, что пожалуй слишком много привлекли. Приведу некоторые цифры: Президиум Якутского ЦИКа состоит из 7 человек, из них членов партии 4, беспартийных интеллигентов 3. В Якутском Совнаркоме из 9 человек – 5 членов партии и 4 беспартийных» (3, 207). Участник совещания от Бурят-Монгольской республики Ербанов рассказал о подобном положении дел в годы Гражданской войны среди бурят: «У нас особенно сильны были национал-либералы, которых мы просто называли националистами. Их политическая ориентация выражается в следующем: Они говорили массе, что мы, буряты, народ очень малочисленный и ввязываться активно в классовую борьбу нам не следует, нужно придерживаться выжидательной тактики, ибо мы не знаем, кто победит, а тратить свои силы попусту не следует. Эта точка зрения, конечно, очень импонировала националистически настроенной массе населения, которая почти исключительно являлась крестьянской, мелко-буржуазной». В Бурятии особенно велик был авторитет религиозной интеллигенции – лам. По словам докладчика, «ни в одной из автономных республик и областей вопросы религиозного характера не имеют такого актуального значения и не пользуются таким влиянием на трудовую массу… Лам в некоторых местах от 12 до 17% всего населения» (3, 181). После того, как определился победитель в Гражданской войне в общероссийском масштабе, бурятская националистически настроенная интеллигенция добилась от большевиков образования национальной республики и приняла активное участие в управлении ею. Таким образом, в 20-е гг. коммунисты вынуждены были делить власть с националистами.

Совместная работа коммунистов с националистами в деле национально-государственного строительства объясняется рядом причин. С одной стороны, влиянием в массах населения националистически настроенной интеллигенции, от лояльного отношения которой к Советской власти во многом зависело спокойствие на местах. С другой стороны, эта ситуация многократно усугублялась тем, что на местах партия не имела достаточного количества квалифицированных коммунистически настроенных работников, способных самостоятельно, без помощи интеллигенции, работать в массах инородческого населения. Причем это касалось как представителей коренных этнических групп, так и не из коренных, направленцев партии. Об этом на совещании говорили все докладчики, и это отразилось в итоговой резолюции совещания. Представителя КирССР (Казахской ССР) Каратлеува беспокоило, что «на местах большинство активных работников губернских центров и краевого центра понимают постановление съезда в декларативной форме, и говорят, что это имеет значение международное, но не практическое… и, что, несмотря на распоряжения и декреты ни один работник не думал и не пробовал изучать киргизский язык… Они говорят, что киргизский язык малокультурен и не интересен и что они в Киргизии не будут годами жить и поэтому языка не изучают» (3, 128). Представитель Якутии Барахов: «Если состав партийной организации определяется приблизительно в 500 человек, то из них самое большое 15-20% якутов, остальные приезжие русские, главным образом военные, которые сейчас заняты борьбой с генералом Пепеляевым. Другая особенность местной партийной организации – это то, что она представляет из себя молодежь, которая за все это время там надорвалась и сейчас не столько хочет там дальше оставаться и работать, сколько учиться. Почти все хотят выехать оттуда и учиться где-нибудь в Свердловске» (3, 207). В итоговой резолюции совещания говорилось: «Роль местной интеллигенции в республиках и областях во многих отношениях иная, чем роль интеллигенции центральных районов Союза Республик. Окраины настолько бедны местными интеллигентными работниками, что каждый из них должен быть привлечен на

сторону Советской власти всеми силами» (3, 283). По итогам совещания ЦК РКП(б) выпустило циркулярное письмо о мероприятиях по реализации постановлений совещания, в котором местным партийным организациям предписывалось «произвести учет беспартийной, но лояльной интеллигенции по национальностям» (4, 171).

IV совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей проводилось с целью активного проведения резолюции XII съезда партии по национальному вопросу в жизнь. На наш взгляд, уместно поставить вопрос о победе в Гражданской войне некоторых групп этнических националистов в Сибири. На бывшей территории Сибири в результате Гражданской войны и антисоветских восстаний под националистическими лозунгами в начале 20-х гг. появились национально-государственные образования до этого никогда не существовавшие (Киргизская ССР (позднее Казахская ССР), Якутия, Бурятия, Ойротская автономная область). В общем, в начале 20-х гг. в Сибири можно говорить о слабости коммунистов в районах компактного проживания этнических групп нерусского населения, вынужденных делить власть с националистами. Следует признать, что по сравнению с большинством колониально зависимых народов Востока положение советских народов было гораздо более выгодным. Советская власть предоставила этническим группам национально-государственные образования и вынужденно допустила националистически настроенную интеллигенцию к участию в управлении ими. Тем самым на некоторое время снялось межэтническое напряжение в регионах.

Примечания

1. *Данилов В. П. Крестьянская революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005.*
2. *Демидов В. А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. Новосибирск, 1983.*
3. *Тайны национальной политики ЦК РКП. Воспроизведено по тексту 1-го издания (Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в Москве 9-12 июня 1923 г. Москва. Бюро Секретариата ЦК РКП, июнь 1923 г.). М., 1992.*
4. *ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918-1933 гг. М., 2005. .*
5. *Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917-1920 гг. Новосибирск, 2003.*

В.В. Цысь

Нижневартовский государственный гуманитарный университет,

г. Нижневартовск

РАСФОРМИРОВАНИЕ УРАЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ АРМИИ В КОНЦЕ 1921 - 1922 ГГ.

В период Гражданской войны широкое распространение получил перевод воинских частей на хозяйственный фронт, что было вызвано сохранением угрозы со стороны внутренней и внешней «контрреволюции», а также обусловливалось принципами всеобщей трудовой повинности. Трудовые армии внесли определенный вклад в спасение экономики страны от полного краха, установление политической стабильности на территории своей дислокации. Возрождение рыночных отношений при переходе от военного коммунизма к нэпу поставило вопрос о целесообразности их существования. Данная тема неоднократно обсуждалась на заседаниях СТО в течение второй половины 1921 г. Партийное и советское руководство первоначально склонялось к мнению о необходимости сохранения трудовых частей, переформированных в соответствии с реалиями новой экономической политики.

28 сентября 1921 г. СТО издает постановление о сокращении трудовых армий до 75 тыс. человек (1, 3-4). Все части Уральского трудового района предлагалось объединить в одну бригаду численностью 6500 человек (из них 4000 должны были выполнять задания Главлескома, 3500 – Главугля). Количество выходящих на работу трудармейцев предписывалось увеличить до 75%, а занятых на самообслуживании сократить до 15% (3, 159). 10 ноября 1921 г. коллегия наркомтруда решает перевести трудовые части на хозрасчет (5, 69). Выдвигается предложение организовать из трудармейцев Государственные артели. По проекту они представляли собой небольшие самостоятельные хозяйственные единицы, включавшие от 100 до 300 военнослужащих, которые должны были нести все расходы по оплате труда своих членов, найму квартир, аренде помещений, выдаче премиальных и т.п. Прибыль артели могли получать от выполнения нарядов хозяйственных органов, продажи своей продукции и займов. Всеми артелями округа руководило управление, состоящее из экономического, общего, хозяйственного, производственно-просветительского отделов (7, 239(об), 245).

В конце 1921 г. окружное управление Уральского трудового района создало комиссию по выяснению состояния трудчастей, изучению возможности их перевода на хозрасчет. В это время трудовые части Урала насчитывали 4153 человека. Из них по трудовым заданиям работало 860 человек или 20,7% личного состава, в переброске находилось 5,7%. Остальные 73,6% не использовались в основном из-за отсутствия одежды и обуви. Комиссия пришла к выводу, что Урал с избытком имеет более дешевую рабочую силу в лице сезонных рабочих из местных крестьян (7, 239-240). Себестоимость 1 куб. сажени дров, заготовленной наемными рабочими, составляла 64 тыс. рублей. По предварительным подсчетам 1 куб. сажень, заготовленная трудовыми артелями, обошлась бы в 582 тыс. рублей (7, 241). В этих условиях о проведении хозрасчета не могло быть и речи.

За роспуск Уральской трудовой армии выступило Уральское областное экономическое совещание 28 декабря 1921 г., мотивируя свое мнение наличием резерва свободной рабочей силы в регионе, слабым обеспечением военнослужащих обмундированием, обувью и продовольствием (4, 83). «Трудармия оказывается институтом, отжившим свое время, - докладывал в апреле 1922 г. командующий трудчастями Урала Иванов, - она не выдержала экономической конкуренции» со свободной рабочей силой (7, 255(об.)).

Таким образом, дальнейшее сохранение трудчастей теряло всякий смысл. 30 декабря 1921 г. СТО издает постановление об их повсеместной ликвидации к 1 февраля 1922 г. (2, 18). В январе 1922 г. все трудчасти полностью снимаются с государственного снабжения. К 18 января было уволено 69% личного состава Уральской трудовой армии (7, 265). 5 февраля 1922 г. командующий трудовыми частями Урала сообщил, что 2 февраля отдан приказ «считать трудармию расформированной» (7, 34).

Однако на этом ее историю нельзя считать законченной. Попыткой реанимировать идею использования массовой рабочей силы было создание в 1922 г. Всероссийского объединения государственных рабочих артелей (ВОГРА) с сетью отделений в ряде регионов страны, в том числе и на Урале (центр - Екатеринбург, контора в Тюмени). В распоряжение ВОГРА временно передаются из трудовых армий красноармейцы 1899 года рождения. В перспективе же предполагалось, что основу артелей

составят вольнонаемные рабочие.

В соответствии с телеграммой начальника трудовых частей Республики от 20 января 1922 г. разрешается оставлять трудармейцев на работах в Кизеловских копях в том случае, если они будут сведены в артели, состоящие на полном содержании администрации копей, о чем «надлежит немедленно заключить договор минимум (на) четыре месяца» (3, 116). В феврале 1922 г. организуется 1-я государственная трудовая артель в составе 140 красных командиров, 112 сотрудников административно-хозяйственного аппарата и 4828 трудармейцев, использовавшихся на угольных копях Урала. 24 апреля 1922 г. в Екатеринбург поступила директива из Москвы, требовавшая «срочно принять меры сформированию артелей (на) основании добровольного участия…» (6, 245).

Дальнейшему развертыванию сети артелей помешали те же причины, которые препятствовали использованию частей Уральской трудовой армии в предшествующий период. В условиях нэпа рабочие артели не смогли составить конкуренции свободному рынку труда. После демобилизации красноармейцев, завершившейся весной 1922 г., деятельность Уральского отделения ВОГРА останавливается. В июле Уралвогра по свидетельству инспектора Гольдмана «представляло собой чистое поле, усеянное обломками прошлого» (6, 120). Председателю отделения Х. Г. Энтину не удалось создать ни одной артели из вольнонаемных. На Кизеловских копях осталось лишь 9 человек административно-хозяйственного персонала. Только в Тюмени организовали одну артель, занимавшуюся погрузочно-разгрузочными работами.

В сентябре 1922 г. с инспекционной поездкой на Урале побывал заместитель наркомтруда А. М. Аникст. Одним из результатов поездки стала телеграмма от 21 сентября 1922 г. на имя председателя ВОГРА И. И. Саулова с требованием привлечь к ответственности директора Уральского отделения за то, что тот фактически ликвидировал отделение, «оставив на произвол судьбы» Тюменскую контору, якобы имевшую неплохие перспективы дальнейшей деятельности (6, 77).

Таким образом, поиски организационных форм, в рамках которых можно было бы эффективно использовать массовую рабочую силу, вынуждали идти по пути постепенного упрощения управленческого аппарата трудовых армий, сокращения вспомогательного и обслуживающего персонала, в результате чего они все более отходят от своего первоначального прототипа. Экономические реалии заставляли Наркомтруд постепенно отказываться от военной структуры трудчастей, что, привело к попытке сформировать из них хозрасчетные артели, которые уже почти ничем не напоминали воинские подразделения. В условиях нэпа становятся анахронизмом даже такие рудименты трудовых армий, как государственные рабочие артели. Поэтому их ликвидация была вполне закономерной и неизбежной.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 130. Оп. 5. Д. 438.
2. ГАРФ. Ф. 130. Оп. 5. Д. 467.
3. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 84.
4. ГАРФ. Ф. 486. Оп. 1. Д. 31.
5. ГАРФ. Ф. 382. Оп. 1. Д. 50.
6. ГАРФ. Ф. 9560. Оп. 1. Д. 45.
7. ГАРФ. Ф. 25892. Оп. 7. Д. 59.

О.И. Филонова
Курганский государственный университет, г. Курган

СТРУКТУРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ СУДОВ В 1921-1929 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ)

Советские судебные органы в период нэпа (1921-1929 годы) находились в непосредственной зависимости от политических и идеологических установок, что получило отражение в структуре деятельности судов. Деятельность судов имела социально-классовую и политическую направленность и находилась под руководством не только органов судебного управления, но и партийных комитетов.

Поскольку советский суд был провозглашен одним из основных орудий государства, его функции не ограничивались лишь отправлением правосудия – большой объем в структуре деятельности судебных органов занимала общественная работа.

Общественная работа не была однородной – она разбивалась на общественно-правовую и общественно-политическую. Общественно-правовая работа состояла в выступлениях судей с докладами по правовым вопросам перед населением, в проведении вечеров вопросов и ответов, в проведении бесед с народными заседателями на юридические темы, в организации работы юридического кружка, в публикации статей в местной печати (1). Общественно-политическая деятельность заключалась в участии в мероприятиях, проводимых государством, прежде всего, в кампаниях по перевыборам народных заседателей и советов. Ход кампаний по перевыборам народных заседателей в округах Уральской области регламентировался циркулярами Уральского областного суда (2). Циркуляром НКЮ РСФСР «О борьбе с нарушением революционной законности» от 19 января 1925 г. на работников суда была возложена задача усилить работу по ознакомлению масс с началами революционной законности, особенно в момент перевыборов народных судей и народных заседателей (3).

Судебные органы должны были содействовать выполнению провозглашенной руководством страны задачи вовлечения в советскую работу работниц и крестьянок. Циркулярами Уральского областного суда народным судам предписывалось провести показательные суды по бытовым вопросам, организовать привлечение женщин в работу юридических кружков, обеспечить их бесплатной защитой в гражданских процессах (4).

Органы судебного управления придавали немаловажное значение общественной работе судей, в частности, Уральский областной суд отмечал, что «о качестве работы того или иного судебного работника впечатление создается в первую очередь по степени участия его в общественной работе» (5).

В обязанности народных судей входил контроль над деятельностью судебных исполнителей. Циркуляром НКЮ РСФСР №48 за 1925г. на народных судей, кроме того, была возложена обязанность обследования работы органов милиции и местных советов в части исполнения ими судебных решений. Народные судьи были обязаны исполнять нотариальные действия в местностях, в которых нотариальные конторы не учреждены. Народные судьи участвовали в деятельности судов специальной подсудности - земельных комиссий и особых трудовых сессий, находясь в их составе в качестве постоянных членов.

Несмотря на значительный объем общественной работы, в деятельности суда основную роль играла все же судебная работа.

Судебные органы, являясь частью государственного аппарата, осуществляли свою деятельность в полном соответствии с политикой партии и правительства.

Важнейшей задачей судебных органов в 1921-1926 гг. было содействие проведению нэпа. Народным судам в зависимости от направления государственной политики предписывалось в первоочередном порядке рассматривать определенные категории дел. В 1922-1925 гг. первоочередными для рассмотрения являлись дела: о самогоноварении, должностных преступлениях, уклонении от уплаты налогов, хищениях и растратах, нарушениях Кодекса законов о труде. Органы судебного управления, таким образом, привлекали внимание народных судов к рассмотрению наиболее распространенных преступлений, имевших политическое или общественное значение. Можно заметить, что, как правило, дела, требовавшие первоочередного рассмотрения, были связаны со «злоупотреблением нэпом». От народных судей, кроме быстрого рассмотрения таких дел, требовалось придавать им политико-агитационный характер, проводить показательные процессы и освещать в местной печати.

В период 1928-1929 гг. задачи судебных органов изменились. Политика нэпа свертывалась, судебные органы были призваны помогать государству в осуществлении политики форсированной индустриализации и коллективизации. Органы судебного управления предписывали судьям уделять максимальное внимание делам, связанным с государственной политикой в деревне. Секретными циркулярами Уральский областной суд требовал рассматривать дела, связанные с хлебозаготовительной кампанией, в кратчайшие сроки, проводить по ним показательные процессы, выездные сессии, усилить меры наказания, немедленно приводить приговор в исполнение (6).

Деятельность судей по отправлению правосудия не была однородной – помимо проведения распорядительных и судебных заседаний, практиковалось рассмотрение дел в выездных сессиях, а по отдельным категориям дел, представлявшим важное политическое значение, проводились показательные процессы.

С целью разгрузки мест лишения свободы на судебные органы возлагалась задача пересмотра уголовных дел. Судьи участвовали в пересмотре судебных приговоров. Амнистия проводилась регулярно – к годовщинам Октябрьской революции, к Международному дню работниц.

В деятельности народных судов на территории Уральской области в 1923-1929 гг. значительную роль играли выездные сессии, целью которых было максимальное приближение суда к населению. Возникновение выездных сессий было затребовано практикой: одна из возложенных на них задач заключалась в том, чтобы избежать вызова на суд жителей отдаленных волостей судебного участка. Выездные сессии не только рассматривали дела в местах их возникновения, но и принимали от населения заявления и жалобы. Органы судебного управления, партийные и исполнительные комитеты указывали на необходимость проведения в выездных сессиях суда показательных процессов по делам, представлявшим политическое или общественное значение.

Выполняя указания органов судебного управления, суды производили огромный объем канцелярской работы: вели переписку с различными органами и учреждениями; составляли планы, заполняли ведомости, делали письменные отчеты, на основе которых органами судебного управления составлялись многочисленные циркуляры.

В структуре деятельности судебных органов определенное место занимали регулярные устные отчеты судей о работе, проводившиеся на заседаниях местных исполкомов и комитетов партии.

Таким образом, можно выделить следующие основные направления в структуре деятельности народных судов на территории Урала и Западной Сибири в 1921-1929гг.:

I. Судебная работа:

1. Проведение распорядительных заседаний суда.
2. Рассмотрение дел в судебном заседании.
3. Проведение показательных процессов.
4. Проведение выездных сессий народного суда.
5. Участие в проведении амнистии и пересмотре приговоров по отдельным категориям дел.
6. Оформление отчетной документации.
7. Консультирование граждан, обратившихся в суд.
8. Работа с народными заседателями.
9. Контроль над исполнением судебных решений судебными исполнителями, органами милиции и советами.

II. Общественная работа:

1. Участие в кампаниях по перевыборам народных заседателей и депутатов советов.
2. Проведение лекций, собраний по правовой тематике.
3. Организация и участие в деятельности юридических кружков.
4. Публикация статей и заметок в периодической печати.
5. Участие в праздновании важных для советского государства дат и событий.
6. Участие в проведении политических кампаний.

III. Работа с партийными и советскими органами.

Особенностью советского судопроизводства в 1921-1929 гг. являлось стремление придать политический характер отдельным категориям обычных уголовных обвинений, практика проведения показательных процессов по таким делам с оглашением приговоров в печати и на собрания; распространение выездных сессий народных судов для быстрейшего рассмотрения дел на местах и достижения максимального приближения суда к населению.

На суды возлагались обязанности по выполнению общественно-правовой и общественно-политической работы, заключавшейся в пропаганде советского права и агитации мероприятий, проводимых партией и правительством. Пропаганда и агитация осуществлялись:

1) непосредственно через ведение общественной работы (участие в перевыборных и политических кампаниях, проведение лекций, собраний, участие в деятельности юридических кружков и т.д.);

2) в судебном порядке – через вынесение приговоров и решений, исходя из правовых идей партии и правительства; такой формой работы являлись проведение показательных судебных процессов, публикация приговоров в печати, работа в выездных сессиях.

При незначительности штата народных судов, низком профессиональном уровне судебных работников и многочисленности обязанностей, возложенных на них, у судей не оставалось достаточно времени для рассмотрения судебных дел в установленные сроки. Проблема перегруженности народных судов оставалась стержневой на протяжении 1921-1929гг., и задачи реформирования судоустройства и судопроизводства в основном были вызваны необходимостью ее решения. Проведение народными судьями мероприятий, по замыслу направленных на повышение авторитета советского суда и права (общественно-правовая работа народных судов, предоставление отчетности), в действительности выразилось в

неэффективности судопроизводства и оказалось фактором, понизившим авторитет советского суда.

Примечания

1. *Инструкция по заполнению судорганами отчетных ведомостей, установленных Циркуляром НКЮ РСФСР от 8 декабря 1925г. № 248 // Сборник циркуляров НКЮ РСФСР за 1922-1925гг. – С.38; ГАКО, Ф.№р.286, Оп.1, Д.11, Л.329; ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.37, Л.13; Краткий обзор Курганского округа Уральской области. Курган: Изд-во Окружной Плановой комиссии, 1925 г. С.553.*
2. *Циркуляр Уральского областного суда «О перевыборах народных заседателей на 1926г.»// ГАКО, Ф.№р.177, Оп.1, Д.1, Л.125; Циркуляр Уральского областного суда «О перевыборах народных заседателей на 1927г.»// ГАКО, Ф.№р.475, Оп.1, Д.2, Л.6; Циркуляр Уральского областного суда от 26 марта 1925 г.//ГАКО, Ф.№р.177, Оп.1, Д.1, Л.51.*
3. *ГАСО, Ф.148-р, Оп.1, Д.117, Л.24.*
4. *ГАКО, Ф.№р.177, Оп.1, Д.1, Л.17, Л.18.*
5. *ГАКО, Ф.№р.177, Оп.1, Д.1, Л.55.*
6. *ГАСО, Ф.148-р, Оп.1, Д.349, Л.14, Л.81; ГАСО, Ф.148-р, Оп.1, Д.350, Лл.1, 4, 20.*

И.В. Девятов
Курганский государственный университет, г. Курган

МЕСТО ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В КУРГАНСКОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ НЭПА

С объявлением новой экономической политики на экономическом поле встретились 3 вида торговли: государственная, экономическая и частная. До введения нэпа госторговли не существовало. На потребительскую же кооперацию были возложены функции распределения товаров по планам Наркомпрода. И только частная торговля за все годы советской власти не прекращала своего существования. Так или иначе, данные три формы хозяйствования были тремя китами, на которых зиждилась советская торговля. Таковы были общие контуры торговой ситуации во всесоюзном масштабе, таковы они были и в условиях Курганского округа.

Стоит констатировать, что необходимых материалов для изучения роли частного капитала в торговле Курганского округа в начальный период нэпа не имеется. Поэтому изучение роли частного капитала в округе было произведено по материалам 1923-1924 гг., 1924-1925гг., 1925-1926гг. и 1-го квартала 1927-1928 гг. В основу изучения были положены главным образом материалы Окрфинотдела, Окрвнуторга, Статбюро, Госбанка. Во многом цифровой материал по экономике округа был сведён и обобщён в докладе комиссии по выявлению роли частного капитала в округе (1).

Важными показателями присутствия и активности частного капитала является число торговых предприятий и их торговый оборот. В 1923-1924 операционном году имелось 1248 предприятий, из них 1025 – частные, что составляет 81,9 % от общего числа. Впоследствии количество частных торговых предприятий возрастает до 1364 (71,4%) в 1924-1925гг., а в 1925-1926 гг.- до 1457 (67,5%). Таким образом, видно, что число частников неуклонно росло, их удельный вес в сумме торговых предприятий снижался за счёт освоения рынка предприятиями государственного и кооперативного характера. Последние, между прочим, дают показатель наибольшего роста - 200 (16,1%) в 1923-1924 операционном году против 441(25,8%) в 1926-1927опер.г., т.е. прирост кооперативного сектора составил по обзорному периоду на 241 предприятие (+9,7%). Наоборот, удельный вес частной торговли снижался из года в год: с 81,9% (1923-1924гг.) до 67,5% (1926-1927гг.). Однако количество и удельный вес частных предприятий не являются показателями, окончательно определяющими роль частного капитала. Если же мы обратимся к учёту торговых оборотов предприятий, то заметим, что частный торгоборот из года в год увеличивался: с 1819 тыс.р. в 1923-1924 гг. до 4410 тыс.р. в 1924-1925 гг. и 7206 тыс. р. в 1925-1926 гг.(2). Темпы же роста госторговли опережали частные, и, конечно же, сумма их в разы превышала частную выручку. Однако, определяя такой показатель как доход от торговли, мы увидим, что у частника он составлял 663 тыс.р. в 1923-1924 гг. (78,57% от общей суммы), 891,1тыс.р. (67,6%) в 1924-1925 гг. и 1048,8 (56,72%) в 1925-1926 гг. Таблица наглядно показывает распределение доходов по видам торговли.

Таблица 1

Доход от торговли в процентах к сумме торгового оборота

Дата	государственная	кооперативная	частная
1923-1924гг.	2,2%	2,4%	36,4%
1924-1925гг.	1%	2%	20,2%
1925-1926гг.	2,7%	2,1%	14%

Таким образом, можно констатировать, что при общем падении уровня доходов частных предприятий они неизменно занимали значительное место на фоне кооперативных и госпредприятий. Однако данный факт не означает, что частный капитал в отличие от последних нарастал быстрее. Как раз наоборот - наблюдалось обратное. Чистая прибыль, получаемая частником, шла на содержание (личные расходы) и только небольшая часть – на увеличение капитала в торговле. Есть основания подозревать, что изложенный цифровой материал имеет незначительные неточности. Как бы Наркомфин не подходил строго к выявлению частных торговых оборотов, частная торговля зачастую работала в скрытой форме и утаивала часть своей выручки. К распространённым методам укрытия капиталов относятся:

а) участие в кустарно-промысловых артелях путём вложения в эти организации своих капиталов под видом паевых взносов. Естественно, что значительная часть прибыли подобных организаций распределялась между пайщиками;

б) использование агентами госпредприятий получаемых ими авансов для ведения самостоятельных торговых операций.

Так или иначе, цифры, представленные Комиссией, можно считать действительными, что позволяет сделать в отношении частного капитала ряд выводов:

1)по количеству торговых предприятий частная торговля неизменно занимала первое место. Однако при этом параллельно шло падение её удельного веса, что и понятно в условиях гонки за обладание рынком;

2)доход от частной торговли обгонял доход кооперативной и госторговли. Данный факт объясняется большими наценками частников на товары. При этом лишь незначительная часть прибыли шла в оборот. Так, например, чистое накопление капитала в 1923-1924 составляло 38 р. на частное предприятие, 72р. в 1924-1925 гг. и 190 р. в 1925-1926 гг. Подобные накопления частного капитала являются незначительными и, по мнению Комиссии, ничего угрожающего в себе не таят.

Примечания

1. *ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.136. Л.19-34.*
2. *ГАОПДКО. Ф.7. Оп.1. Д.613. Л.30.*

В.Г. Савельев
Курганский государственный университет, г. Курган

ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ 1920-Х ГОДОВ В УСЛОВИЯХ ЖЕСТКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ

Кооперация как форма организации труда свое современное значение приобретает в эпоху буржуазных преобразований во второй половине XIX века, когда простейшие формы традиционного сотрудничества дополняются новыми, а условия жесткой рыночной конкуренции рождают естественную потребность у широких слоев населения объединить свои усилия. Именно кооперация дала возможность рядовому производителю выйти со своей продукцией не только на внутренний, но и на мировой рынок. Войны и революции прерывали нормальную работу кооперации, меняли государственный строй, но стоило возродить рыночные принципы - возрождалась и кооперация. Не был исключением и период 1920-х годов - период возрождения экономики в совершенно новых условиях. Постараемся выяснить в какой мере основные принципы работы сельскохозяйственной кооперации были возрождены в 1920-е годы и как кооперация функционировала в условиях жесткого административного давления.

Рассмотрим одну из наиболее важных сфер кооперативной деятельности - кредитную. Сельские кооператоры не олигархи, поэтому кредиты необходимы каждому. В начале XX века сложилась четкая система возможности получения кредита под залог имущества - чем оно у заемщика больше, тем больше и сумма предоставляемого кредита. Совершенно новым явлением возрождаемой кооперации было то, что кредит в подавляющих случаях стал предоставляться исходя не из экономических показателей, а по классовой принадлежности заемщика. В сельском хозяйстве кредита лишаются не только зажиточные крестьяне, но и середняки, которые до революции были основными заемщиками. Происходит кредитование лишь наиболее обездоленных слоев деревни. Однако выдача ссуд без экономического расчета объективно приводит к появлению такого массового явления, как «просрочка ссуд», т.е. их фактическое невозвращение. Поэтому государственные чиновники в лице руководителей госбанковских структур начинают обращаться к руководителям низовых кредитных товариществ с указаниями как разрешить вопросы «просрочки ссуд». Так, 17 января 1929 года заместитель председателя Союзбанка обратился с письмом к председателям кредитных товариществ, в котором указал, что «на сегодняшний день наша система имеет за населением просроченных ссуд в сумме 800 тыс. рублей, погашение которых почти не производится, а если и идет, то оно значительно отстает от новых просрочек и в результате сумма просрочек стабилизировалась. Как следствие этого сама низовая система, т.е. сельскохозяйственные кредитные товарищества имеют просроченных своих платежных обязательств Союзбанку в сумме 548 тыс. рублей» (1, 240).

Указав, что данное положение - это не результат неурожая или стихийного бедствия, а также то, что государство, не получив возврата выданных ссуд, не сможет выдавать новые, чиновник предложил свое видение проблемы и административные меры ее разрешения. Просрочка ссуд объяснялась «преступной халатностью», мера воздействия предлагалась одна - «жесткий, беспощадный сбор всей задолженности... переход к безоговорочному выполнению всех директив». Средством разрешения проблемы объявлялось «принудительное взыскание», замена «неспособных» исполнителей, проверка «социального состава» хозяйств, продажа имущества только «наиболее платежеспособных» из них, необходимость получения от сельсоветов справок о «движении имущественного положения хозяйств» и, наконец, призыв применять жесткие меры не только к «кулацким» хозяйствам, но и к «середняцким объединениям применить ту же меру» (1, 241). Отметим, что случаи невозврата ссуд были и в дореволюционной маслодельной кооперации, но они не были массовыми.

Остановимся на социальном составе маслодельных кооперативов Курганского округа в конце 1920-х годов, выясним какие слои сельских кооператоров получали основную массу кредитов. Рассмотрим статистические данные относительно состояния молочной кооперации Курганского округа на 1 октября 1926 года и 1 мая 1928 года по количеству коров на каждого члена кооператива.

Таблица 1

Состояние молочной кооперации Курганского округа

Количество коров на 1 кооператора	01.10.1926г.	01.05.1928 г.
1 корова	30,3 %	35,4 %
2 - 3 коровы	60 %	56,1 %
4 и более коров	9,7 %	8,5 %
Всего коров	36936 голов	28178 голов

Составлено по: (2)

Приведенные данные ясно показывают, что общая численность коров у членов маслоартелей сократилась с 1926 по 1928 годы на 23,7 %, а по имущественному положению в артелях уменьшалось число зажиточных и середняков при возрастании числа бедных. Кстати, сама разбивка членов молочной кооперации на 3 группы приведена в статистических данных за 1928 год, где «к беднякам отнесены имеющие одну корову, середнякам - 2- 3 коровы, зажиточным - 4 и свыше коров» (3, 193). Кому же направлялись кредиты на покупку коров, если общая численность молочного скота в кооперативах неуклонно снижалась в конце 20-х годов. Ответ можно найти в отчетах Курганского окружного Маслосоюза по районам округа за 1928 год. Так, в докладе инструктора Маслосоюза Кузьмина 9 июля 1928 года на заседании представителей маслоартелей Мокроусовского района Курганского округа отмечалось «слабое выполнение плана маслозаготовок - 60,6 %», предлагалось лиц, уклоняющихся от сдачи молока, «привлечь к сдаче путем общественного давления», а также «обязать районную комиссию по распределению фонда кооперирования бедноты немедленно распределить фонд данный Союзом в сумме 600 рублей между артелями, а последним принять срочные меры к его использованию» (4, 86). На совещании уполномоченных маслоартелей Варгашинского района Курганского округа 7 июля 1928 года отмечалось выполнение плана по большинству маслоартелей менее чем на 50 %, предлагалось «приостановить работу всех мелких сепараторов частных лиц, найти способ противопоставления продажи дойных коров, усилить кооперирование путем использования бедняцких фондов, посредством которого произвести закооперирование бедноты, покупая последним за счет этого фонда молочный скот» (4, 92). Естественно, что данные ограниченные финансовые влива-

ния государства в кооперативы, исходя из узкоклассовых интересов, не могли остановить валового падения производства масла из-за сокращения поголовья молочного скота у более состоятельных категорий и прежде всего среднего слоя крестьян.

Остановимся на другом аспекте отношений государственных органов и предприятий маслодельной кооперации, связанных с введением гарантийных или твердо низких, по сравнению с рыночными, цен за сдаваемое молоко. Введение гарантийных цен при внешнем пропагандистском эффекте вело к появлению целого ряда негативных последствий. Эти негативные последствия можно проследить в следующем: твердо низкие цены сразу же приводят к резкому падению «заноса» молока на маслозаводы, заводы без молока не могут нормально работать и закрываются, население отворачивается от кооперации и начинает искать собственные пути производства и сбыта масла, перестают поступать какие-либо денежные средства в кооперативы, не выполняется ни одно из принятых обязательств по производству масла и, как результат, усиление административного нажима на всю кооперативную систему. Так, в обращении в Курганский окрисполком 7 июля 1928 года председатель Курганского окружного правления Маслосоюза подчеркивал, что «введение гарантийных (твердых) цен разрушает основы кооперативного строительства, превращая молочную кооперацию из производственно-сбытовой и комисионной в твердосчетную сбытовую организацию, заранее обусловленные цены могут оказаться нереальными и повлекут за собой поглощение основных капиталов» (4, 91). В отчете о проделанной работе инструктор Курганского отделения Маслосоюза Дмитрий Соловьев 3 июля 1928 года отмечал, что «сегодня, наконец, удалось закончить работу по ликвидации частника-сыровара в с. Усть-Суерском, сдатчики какового вынесли постановление о слиянии с Памятинской маслоартелью» (4, 61). Жесткий административный контроль и выхолащивание основных принципов функционирования сельскохозяйственной кооперации привели к тому, что несмотря на падение мировых цен на масло в 1920-е годы и возрастание внутренних цен по причине общего сокращения его производства, масло продолжали отправлять на экспорт по ценам второго сорта, хотя руководители Курганского отделения Маслосоюза рекомендовали еще в октябре 1926 года «приступить к изучению вопроса новых путей переработки молока, более выгодного для населения, как-то выработки вместо экспортного масла парижского или перевести некоторые заводы на выработку сыра и возможно открыть казеиновое производство» (5, 30-35). Главная цель этих поисков - повысить материальную заинтересованность рядовых сдатчиков молока, что, к сожалению, шло вразрез с идеологическими догмами административного аппарата.

Примечания

1. ГАОО, Ф. 584, Оп. 1, Д.31
2. ГАКО, Ф. р-469, Оп. 1, Д. 28, Л. 30-35; Д. 101, Л. 193.
3. ГАКО, ф. р-469, оп. 1, д. 101
4. ГАКО, ф. р-469, оп. 1, д. 107.
5. ГАКО, ф. р-469, оп. 1, д. 28, л. 30-35.

С.С. Смирнов, М.А. Мишина
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ДЕТСКИХ ДОМОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1920-1930-Е ГОДЫ

Первый этап становления советской системы социального обеспечения детей приходился на годы Гражданской войны, когда главной проблемой являлась массовая беспризорность. В такой обстановке особое внимание было уделено организации детских домов. В 1921 г. в стране, помимо уже имевшихся 5 млн беспризорников, в сфере голода оказалось еще 8 млн детей. В Челябинской губернии в наибольшей степени пострадал Курганский уезд. Число голодающих детей (до 15 лет) в нем превысило 36 тыс.; детская смертность вдвое превзошла смертность взрослого населения.

Осенью 1921 г. для принятия экстренных мер по спасению детей при ВЦИК была образована Комиссия по улучшению жизни детей под председательством Ф.Э. Дзержинского. В губерниях при отделах народного образования создавались подотделы охраны детства, назначались уполномоченные ВЦИК по улучшению жизни детей. Началось массовое открытие детских домов. Были организованы также перевозки детей из районов, охваченных голодом, в менее пострадавшие.

Наркомат народного просвещения и его отделы на местах пытались в этот период найти новые, более эффективные формы и методы помощи детям. На Южном Урале они в основном сводились к следующим мероприятиям:

1. В 1921 г. часть детских домов была прикреплена к хозяйственным организациям, которые были обязаны снабжать их всем необходимым – продовольствием, одеждой, инвентарем и т.д. (10). Подростки включались в трудовую деятельность на указанных предприятиях (11).

2. В 1922 г. некоторые из детских учреждений (в Челябинской губернии 350 детей) переданы на содержание Международной рабочей организации помощи голодающим (6).

3. Для защиты детей от голода к образовательным учреждениям прикреплялись сельскохозяйственные угодья, урожай с которых шел непосредственно на нужды этих учреждений (8).

4. В 1922 г. выпущены лотерейные билеты Челябгубкомголода в пользу голодающих и беспризорных детей. Планировалось получить 50 млрд руб., но из-за финансового кризиса получили в течение месяца лишь 3 млрд руб. (12).

5. С целью сокращения расходов многие детские дома переводились в сельскую местность. В январе 1923 года в Челябинской губернии в таких домах проживало 45 % воспитанников. Финансовых средств на них уходило меньше, чем в городе. Если в городах на одного педагога приходилось 17 детей, а на технического работника - 15, то в уездах на одного педагога – уже 28 детей, а одного технического работника – 25 (7).

Условия жизни в детских домах были суровыми, мест для всех нуждающихся не хватало. В докладе Челябинского ГубОНО от 10.01.1922 г. на заседании Комиссии при уполномоченном ВЦИК по улучшению жизни детей Челябинской губернии говорилось, что количество воспитанников в детских домах значительно превышает количество пайков, отпущенных Наркомпросом, катастрофически не хватает

белья, топлива. Представитель Губздрава указывал на сырость в помещениях, недоедание, высокую смертность детей грудного возраста из-за отсутствия молока (5).

С 1923 г. ситуация с продовольствием стала заметно улучшаться. Часть воспитанников, направленных в детские дома в связи с голодом, была возвращена в родные семьи. Подрастали и выпускались в жизнь осиротевшие в период мировой, а затем и Гражданской войн. В связи с этим число детских домов и воспитуемых стало быстро сокращаться. В них оставались в основном круглые сироты и т.н. «полусироты». Небольшой процент составляли также дети-инвалиды и правонарушители. Действительных беспризорников оставалось чуть более 10 процентов (см. табл. 1).

Таблица 1

Территория	Все воспитанники	Круглые сироты	Полусироты	Имеют родителей	Беспризорные
Челябинск	100	52,3	30,7	5,6	11,4
Округ	100	65,5	19,0	2,3	13,2
Вся территория	100	61,2	22,8	3,4	12,6

К середине 20-х годов уже имело место профилирование стационарных детских учреждений интернатного типа в зависимости от возраста или заболевания ребенка. В Челябинске функционировало шесть типов детских домов – школьные дома (два), дошкольные дома (три), школы для глухонемых (одна), колонии для дефективных (одна), приемники (один), изоляторы (два). В общей сложности 10 детских учреждений, в которых проживало 664 чел. (2).

Финансирование детдомов осуществлялось из городских и районных бюджетов. В 1925 г. в Челябинском округе на городские бюджеты приходилось около 40 %, на районные – около 60 % финансовых расходов. Выделенных государственных средств не хватало. Обеспеченность детдомов одеждой и бельем составляла 60 %, обувью – 25 % (4). Тем не менее, к этому времени уже были разработаны типовые нормы расходов на содержание воспитанников, что само по себе было положительным шагом на пути к социальным стандартам.

Таблица 2

Наименования расходов	**Нормы**
Освещение	В детдомах: 10 коп. на ребёнка в месяц при электрическом освещении и 6 копеек при керосиновом
Канализация	В учреждениях, имеющих канализацию, 1 ведро в день на человека. В прочих: 1 бочка нечистот на 20 – 40 человек
Баня и стирка белья	Баня: в детдомах 2,5 коп. на ребёнка в неделю, стирка белья 2,5 коп. на ребёнка в неделю
Питание	В детдомах: 5 рублей на ребёнка в месяц. В домах ребёнка – 10 коп. в день на ребёнка и 10 коп. на кормилицу, в больнице обыкновенного типа на 1 койку в день норма детская 24 коп.
Снабжение одеждой	В детдомах 4 рубля на ребёнка в месяц
Снабжение учебными пособиями	Для детдомов и школ 1 ступени 1 р. 50 коп. на человека в год

Содержание детей в детдомах оставалось бесплатным и после того, как постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 2.11.1925. временно допускалась платность содержания в детдомах детей рабочих, служащих и крестьян, которые имели средства на содержание детей, но по семейным обстоятельствам или по условиям труда лишены были возможности воспитывать их дома (1).

В 1927 г. ВЦИК и СНК утвердили подготовленный Наркомпросом трехлетний план действия по борьбе с беспризорностью. План предполагал полную ликвидацию уличной беспризорности путем расширения сети детских учреждений и увеличения в них мест за счет ускоренного выпуска подростков при условии их серьезной профессиональной подготовки. План предполагал также развертывание профилактических мероприятий. Однако в условиях политики сокращения доли государственных расходов на социальные нужды он не был до конца реализован. Вместо того сделана попытка компенсировать недостаток мест в детских домах путем создания для здоровых детей института приемной семьи. 6 февраля 1928 г. ВЦИК и СНК РСФСР приняли постановление «О передаче воспитанников детдомов в крестьянские семьи». Передача детей осуществлялась на основе письменного обращения лица, которое намеревалось принять несовершеннолетнего в семью для дальнейшего воспитания (15). Однако большого распространения подобная практика не получила ни тогда, ни в настоящее время (в отличие от опеки и попечительства). (И в настоящее время усыновляется не более 8% сирот, из них 5% иностранцами).

Одновременно расширялась сеть учреждений для ослабленных детей и детей-инвалидов. На основании доклада комиссии ВЦИК (1932 г.) о борьбе с детской беспризорностью народный комиссариат социального обеспечения начал создание специализированных детских домов - интернатов, где воспитанники могли получить общее образование и профессиональную подготовку.

В середине 30-х годов безработица и социальное неравенство как основные факторы, порождавшие детскую беспризорность, были ликвидированы. Однако сама беспризорность, хотя и в гораздо меньших масштабах, продолжала сохраняться. В связи с этим 31 мая 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП (б) приняли специальное постановление «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности», на основании которого произошло дальнейшее расширение сети сиротских детских и подростковых учреждений. Большинство из них входило в систему народного образования (14).

Таблица 3

Распределение воспитанников по различным типам детдомов Южного Урала

Типы социальных учреждений	Башкирская АССР	Оренбургская область	Челябинская область	Южный Урал	
				чел.	%
Нормального типа	2 750	2 907	8 067	13 724	**64,1**
Для трудновоспитуемых и умственно отсталых	100	80	400	580	**2,7**
Для физически дефективных	618	400	700	1718	**8,0**
Экстернат	100	200	1 800	2 100	**9,8**
Патронат	120	100	-	220	**1,0**
Воспитанники, подлежащие вывозу из детдомов на работу или учебу	189	175	300	664	**3,1**
Лечебного типа	125	384	750	1 259	**5,9**
Санаторного типа	30	-	305	335	**1,6**
Для физически-дефективных и умственно отсталых детей	75	65	140	280	**1,3**
Для глубоко-умственно отсталых	15	10	20	45	**0,2**
Детские приемники	125	125	240	490	**2,3**
Итого	**4 247**	**4 446**	**12 722**	**21 415**	**100**

Сравнение с общероссийскими показателями выявило, что абсолютное большинство детей, как по России, так и по Южному Уралу, находилось в учреждениях системы образования. Это было связано с тем, что главной задачей детского дома являлось образование и социализация ребенка. Но доля детей, находившихся в ведении системы здравоохранения (лечебного типа и санаторного), на Южном Урале в 2,5 раза превышала общероссийский показатель (7,5 % и 3,2 % соответственно). Такая ситуация сложилась за счет Челябинской области, где доля таких детей составила 8,3 %. Было ли это случайностью или на Южном Урале удельный вес детей с

серьёзными проблемами здоровья был выше мы пока не смогли выяснить.

Таким образом, к середине 1930-х годов на Южном Урале уже сформировалась система государственного стационарного социального обеспечения и обслуживания детей, попавших в трудную жизненную ситуацию, которая в целом действует и сегодня. Это, а также коренные социально-экономические образования привели к ликвидации беспризорности как массового социального явления.

Примечания

1. *Андреев В.С. Социальное обеспечение в СССР. Курс лекций, темы 1-8. М., 1969. С. 84.*
2. *Годовой отчет о работе Челябинского городского Совета VI созыва за 1924-1925 год / Под ред. А.Я. Поваляева. Челябинск, 1926 . С.128.*
3. *Объединенный государственный архив Челябинской области. (ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 84. Л. 78.). Подсчитано нами.*
4. *ОГАЧО. Ф. Р-98. Оп. 2. Д. 84. Л. 81. Подсчитано нами.*
5. *ОГАЧО. Ф. Р-106.Оп.1.Д. 460. Л. 173-174.*
6. *ОГАЧО. Ф. Р-106. Оп.1.Д. 460.Л. 201.*
7. *ОГАЧО. Ф. Р-106. Оп.1.Д. 914. Л. 1.*
8. *ОГАЧО. Ф. Р-106. Оп.1. Д. 914.Л. 240.*
9. *ОГАЧО. Ф. Р-108. Оп. 1. Д. 78. Л. 24.*
10. *ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 301. Л. 479 об.; 200.*
11. *ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1.Д. 462. Л. 41.*
12. *ОГАЧО. Ф. Р-138. Оп. 1. Д. 647 а. Л. 51.*
13. *Государственный архив Оренбургской области (ГАОО) Ф. Р-1014. Оп. 6. Д. 24. Л. 85-86. Подсчитано нами.*
14. *Фирсов М.В. История социальной работы. М.: Гум. изд. центр ВЛАДОС, 1999. С. 168.*
15. *Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан. Ф. Р-798. Оп. 1. Д. 3717. Л.12.*

Н.С. Казакова
Нижневартовский государственный гуманитарный университет,
г. Нижневартовск

РАБОТА ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО ОКРУГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ.

Остяко-Вогульский национальный округ был учрежден в декабре 1930 г., национальное районирование в стране совпало с социалистическими преобразованиями во всех сферах жизни общества, что вызывало необходимость в создании *нового человека*, в первую очередь грамотного, готового провести эти преобразования. По этой причине социалистические преобразования в духовной сфере жизни общества, начавшиеся еще во второе десятилетие XX в., предполагали введение начального образования.

Целесообразной формой начального обучения на Крайнем Севере была признана школа-интернат. В 1932 г. на Севере Уральской области работало 12 школ-интернатов (7, 112-117). Школы-интернаты создавались при культбазах, в наиболее густонаселенных районах. Большое значение имел выбор места расположения интерната. От этого зависела продолжительность учебного года, комплектование интерната учащимися. Практика работы Ненецкого и Ямало-Ненецкого национальных округов показала, что в кочевых районах целесообразнее было строить школы на берегу, а не в глубинной тундре. Строительство школ в местах летовок значительно лучше разрешало вопрос набора детей в школу и длительности учебного года. Ненцы откочёвывали с летних на зимние пастбища в конце сентября, т. е. в начале учебного года, и, таким образом, при наличии школ имели возможность до откочёвки с летних пастбищ оставить своих детей в школе, так как дети находятся здесь же. Возвращались ненцы с зимних пастбищ в конце учебного года - весной. Если же школа находилась в местах кочевья, то дети могли прибыть в школу лишь тогда, когда ненцы подкочуют с летовки, т.е. к концу ноября (6, 58). Набор учащихся в школы-интернаты округа затрудняла их отдаленность от районных центров. Расстояние самой отдаленной школы от районного центра составляло от 200 до 600 километров, добраться до этой школы в условиях осеннего и весеннего бездорожья было невозможно (6, 60).

Работа школы-интерната определялась решением X съезда ВКП(б) о преодолении культурной отсталости «нацменьшинств» и практически была направлена на переделку многих сложившихся у ребёнка своеобразных бытовых навыков, привычек, но и должна была сохранить и развить у него интерес к Северу, его промыслам и природе. Коренная «переделка навыков» заключалась в том, чтобы приучить детей к пище, одежде, постели, учили их надевать бельё и одежду, умываться, пользоваться мылом и полотенцем, есть за столом, пользоваться посудой, столовым прибором и т. д. По возвращению домой ребенок должен был перенести имеющиеся навыки в семью, тем самым оказывая влияние на перестройку культуры и быта северных народностей.

Итак, школа должна была прививать учащимся наряду с общими знаниями и трудовые навыки ведения охотничьего и рыболовного промыслов. Для этой цели школа устанавливала связь с производственными объединениями и организовывала мастерские, оборудованные охотничье-рыболовным промысловым инвентарем (1, 225). Также при культбазах создавались слесарно-столярные, слесарно-механические мастерские, по резьбе кости. Практическое направление школы было вызвано стремлением к скорейшей подготовке национальных кадров, в которых была острая нужда. Нужно отметить, что подобная работа велась усилиями учителей и работников культбаз, т.к. хозяйственные организации неохотно шли на сотрудничество со школой. Ученики школы-интерната могли заниматься рыболовством и охотой, мастерить орудия промысла, участвовать в заготовке дичи (7, 125-130). Проведение подобных занятий было связано и с тем, что учащиеся скучали по обычному укладу своей жизни.

Вместе с тем состояние работы школы в этот период оставляло желать лучшего. На пленуме Комитета Севера (1932 г.) отмечалось, что преподавание не всегда велось на родном языке, не было учебников, а отсев учащихся составлял 80 %. В одном классе учились дети от 8 - до 15 лет, зачастую выпускник 4 года обучения не усваивал материал за второй год (8, 92-102). Хотя в некоторых школах преподавание велось с помощью переводчиков, позже учителя изучали родной язык учеников (10).

Конечно, главной проблемой школы-интерната была проблема комплектования. Учителя школ-интернатов, работники культбаз, а также участники культпохода объезжали юрты для сбора учеников на учебу, платили родителям большие деньги за нарты, так как они считали, что не могут «бесплатно» затрачивать несколько дней на доставку детей в интернат. В начале 1930-х гг. Ханты-Мансийский окружком партии создал специальные бригады из коммунистов и комсомольцев для проведения культурно-просветительной работы, которые также занимались вовлечением детей в школы. В Березовском районе работало 12 бригад, в Сургутском - 5, в Шурышкарском - 4. Ими было вовлечено в школу 1016 детей школьного возраста (5, 200). Часто такие кампании срывались и проходили безрезультатно. Подобная ситуация в советской историографии объяснялась тем, что местное населе-

ние под влиянием устрашающих рассказов шаманов о школе просто не доверяло ей. И. Талишев, работавший в остяцкой школе-интернате Березовского района, описывает, что к началу занятий не явился ни один человек, учащиеся прибывали на учебу по мере того, как заканчивался сезонно-хозяйственный цикл. Дети поступали в школу в течение всего учебного года, а это влекло за собой неуспеваемость учащихся и отсев. Привлечение детей в школу организовывалось в основном силами учителей и требовало от них знания особенностей местного быта, традиций и большой разъяснительной работы. Учитель мансийской школы юрт Ломбуожи А.В. Голошубин вспоминает: «По вечерам, когда манси собирались в своих юртах, я заходил к ним, долго беседовал о значении школы, о том, что надо учить детей грамоте. Мои беседы имели некоторые результаты. Через месяц в школу пришли первые 8 учеников» (2, 98). Также к мероприятиям по привлечению детей в школы привлекались местные партийные организации, комсомол и сами дети. Во время летних каникул в своих чумах, юртах, ярангах дети постоянно рассказывали о школе, об учителе, о том, как они живут в интернате. И на следующий год они, возвращаясь в школу, привозили с собой и новую смену учащихся (2, 98). Родители не хотели отправлять детей-помощников в школу, да и не понимали зачем. Очень часто подобное поведение родителей было вызвано и действиями местных властей – детей просто отнимали у родителей и насильно увозили в интернат, родителей, не желавших отдавать детей в интернат, привлекали к уголовной ответственности (5, 198). Подобные действия приводили к тому, что родители забирали своих детей в середине учебного года. Дети с большим трудом приспосабливались к новой жизни в интернате - не могли спать на кровати, одежда и обувь им казалась не удобной, пища непривычной. Поэтому так часто дети сбегали из интерната домой. Работа с детьми требовала от педагогов не просто терпения и знания особенностей быта и верований, но и настоящего героизма. В своем письме учитель школы-чума Сидоров описывает свои трудности в преподавании у остяков: «Решил написать о своих мытарствах со своими учениками. Это один сплошной кошмар. Какие они номера выкидывают, прям, черт знает, что, с ума можно сойти. Заниматься не хотят, и никак их не могу засадить. Добьешься как-нибудь, посадишь их, а они ничего не хотят делать, ничем их не заинтересуешь, что только не пробовал. Матерят меня и по-русски, и по-остяцки, по всем швам. Руки мне все исцарапали, Ксюрку палкой огрели. Я думаю, это оттого, что им наказали родители, и вообще все остяки не слушаются в школе. Вызовешь родителей, они говорят, что они, мол, дома и нас также ругают, но чувствуется, что это борьба всех туземцев против школы, побьются, мол, побьются и бросят» (4, 235).

В историографии приводится множество примеров того, когда учителя неделями обучали детей использовать столовые приборы, приучали спать на кровати, мыться в бане. Вовлечению детей в школы-интернаты препятствовало запугивание родителей и детей шаманами. Достаточно ярко это иллюстрирует случай, произошедший в школе-интернате юрт Ломбуожи. «Как только дети устроились в интернате по юртам пошел слух, что в помещение интерната вселился «нечистый дух». Выяснилось, что ночью, во время сна, кто-то подходит к интернату и скребет стену. От шума дети просыпались, вскакивали и разбегались по юртам. Школа в интернате оставалась пустой. Снова пришлось ходить по юртам, говорить с родителями, доказывать им, что нечистого духа в школе нет. После длительных переговоров и разъяснений дети вернулись. На ночь возле интерната поставлен был сторож. Тогда «нечистый дух» переселился во внутрь школы. Опять по ночам, когда дети спали, кто-то начинал скрестись, но уже изнутри. В интернате возникало смятение, дети покидали помещение и опять убегали в юрты. Тогда было решено установить в интернате ночное дежурство. Обязанности дежурного взял на себя воспитатель интерната Федор Пантелеевич Репин. В одну из ближайших ночей т. Репин обнаружил, что «нечистым духом» является ученик Алексей Хозымов, 14 лет из юрт Хурумпаул. Выяснилось, что Алексей Хозымов был подкуплен для этих проказ хурумпаульскими шаманами — Иваном и Петром Хозымовыми. По их наущению живущие в интернате дети портили интернатское имущество, выпускали из матрацов сено, рвали подушки, полотенца... 7 января 1932 г. в Ломбуожи съехалось до 80 туземцев, примерно, на 40 нартах. Ночью они устроили собрание и после него взяли детей, которые находились в интернате, и увезли их по своим юртам. Из 32 человек продолжали учиться всего лишь 8. Это были дети передовых Ломбуожских манси, членов Совета» (3, 98). Лишь после уговоров учителей дети вернулись в интернат. Но даже после того, как дети собраны, случалось, что детей просто негде было разместить и школа объявляла о каникулах. Иногда занятия прекращались из-за нехватки топлива, освещения или отсутствия продуктов питания. Все это сказывалось на учебно-воспитательном процессе, а главное на здоровье учащихся.

Органы советской и партийной власти настойчиво пытались решить проблему всеобуча в округе, однако, нередко методы и средства не учитывали специфики северного региона и образа жизни местного населения. Поэтому до крестьянской ссылки показатели школьного строительства были не на высоте. Попытка выделить различные типы школ свидетельствовала о стремлении руководителей Уральской области и Тобольского округа дифференцировано подойти к решению проблемы обучения детей.

Примечания

1. *Андреева К.С. Культурное строительство у малых народов Обского Севера // Культурное строительство в Сибири в 1917-1960 гг. Новосибирск, 1962. С. 225.*
2. *Базанов А.Г., Казанский Борьба за всеобщее начальное обучение на Крайнем Севере// Школы на Крайнем Севере. Л., 1939. С. 98.*
3. *Борьба за всеобщее начальное обучение на Крайнем Севере// Школы на Крайнем Севере. Л., 1939. С.98.*
4. *Из письма учителя школы-чума Сидорова, январь 1932 г. // Истории школы в истории судеб. Екатеринбург, 2004. С. 235.*
5. *Киселев Л.Е. Партийное руководство хозяйственным и культурным строительством в автономных округах Севера РСФСР (октябрь 1917 – июнь 1941гг.). Томск, 1989. С. 200.*
6. *Кронгауз Ф.Ф. К истории советской школы на Крайнем Севере. М., 1948. С.58.*
7. *Отчет Уральского Комитета севера // Советский Север. 1932. №5. С. 112-117.*
8. *Очередные задачи культурного строительства на Крайнем Севере // Советский Север. 1932. №4. С. 92-102.*
9. *Талишев И. Год работы в остяцкой школе // Советский Север. 1932. №5. С. 125-130.*
10. *Тахтуева А. Угутские воспоминания // Краевед. Ежемесячный выпуск «Новостей Югры». 1997. №12.*

Е.А. Леонтьева
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург

КОММУНАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В 1934 – 1940 ГГ.

Советское государство и партия в 30 – е годы в связи с широкомасштабной индустриализацией начинают проявлять заботу и о бытовом обслуживании населения страны, в первую очередь городского. Одной из главных задач стало обеспечение их жильем и коммунальными услугами.

Переход к стратегии форсированной индустриализации на рубеже 20-30-х годов XX века одним из своих последствий имел затяжной жилищный кризис. Возник большой разрыв между промышленным и жилищным строительством. В связи с ростом г. Оренбурга как административного и промышленного центра в течение второго пятилетия и недостаточности жилищного строительства в этом периоде, давшем увеличение жилфонда на 11,2 %, норма жилплощади на одного жителя снизилась с 4,3 м^2 в 1932 г. до 4,1 м^2 к концу пятилетия. В 1938 г. обеспеченность жилплощадью в среднем по городам Оренбургской области возросла и составила 3,84 м^2 на одного человека, а в 1940 г. – 5,5 м^2. Вся жилая площадь в г. Оренбурге в период с 1934 по 1937 гг. увеличилась в 1,1 раза и составляла соответственно 612,6 тыс. м^2 и 694,6 тыс. м^2 (7).

Общая сумма вложений в жилищное хозяйство городов области за период с 1933 по 1938 годы составляла 13,267 тыс. рублей, в том числе на новое строительство – 5,686 тыс. рублей, капитальный ремонт – 7,581 тыс. рублей (12, 18).

Проблема строительства жилья осложнялась нехваткой рабочей силы, слабостью стройиндустрии, низким уровнем механизации работ. Все это вело к тому, что капиталовложения, выделяемые на жилищное строительство, не осваивались полностью, не выполнялись планы ввода жилья. Так, из 2529,1 тыс. рублей, ассигнованных на капиталовложения, в 1939 г. были использованы лишь 52,3% или 1323,4 тыс. рублей (3, 91).

К числу наиболее важных коммунально-бытовых вопросов относилось отопление жилищ. В условиях Урала отопительный сезон длится более полугода. Основным видом отопления было печное, а топливом служили дрова, уголь, торф. Центральное отопление было развито слабо. Всего к 1940 г. центральным отоплением пользовалось 9% населения области, и отапливалось лишь 12,4% общей жилой площади городов (9). Промышленные предприятия и культурно – бытовые учреждения являлись самозаготовителями топлива. По цехам и участкам составлялись графики высвобождения работников с основного производства. Те же бригады заготавливали топливо для тех, кто не мог этим заниматься по возрасту или состоянию здоровья. Городское население покупало топливо на рынке, сельские жители заготавливали дрова самостоятельно.

В 30 – х годах ежегодно в начале нового учебного года вставала проблема заготовки топлива. В основном к началу занятий ни одна школа области не имела полный запас топлива на весь отопительный сезон. Школы решали эту проблему по - разному. В 1935 г. начальная школа им. Сталина Ак - Булакского района топливом на зимний период не была обеспечена и в силу этого учебная работа находилась под угрозой срыва. Руководство школы было вынуждено пустить в школу курсы трактористов МТС, которые обеспечивали школу соломой. Топка печей соломой создавала грязь и препятствовала содержанию школы в должном санитарном состоянии, но поскольку дров не хватало – продолжали топить соломой (11, 16).

В городском жилфонде электроосвещение было главенствующей из статей благоустройства. Городские электросети обслуживали далеко не весь объем жилых построек. В 1937 г. обеспеченность осветительной электроэнергией по городам области определялась в среднем 29,4 кВт в час на одного человека. Постепенно возрастало количество электроэнергии, потребляемой населением: в 1934 г. – 8191,1 тыс. кВт/час; в 1935 г. – 13165 тыс. кВт/час, в 1936 г. – 18489,3 тыс. кВт/час, то есть за 3 года возросло в 2,3 раза (14). В г. Оренбурге так же, как и по области с каждым годом увеличивался отпуск электроэнергии потребителю. Так, в 1935 г. он составил 12371,9 тыс. кВт/час, в 1936 г. – 17053,5 тыс. кВт/час, в 1937 г. – 21443,5 тыс. кВт/час, в 1938 г. и 1939 г. соответственно 22490,8 тыс. и 26549,2 тыс. кВт/час (3, Л. 71). Однако, в г. Чкалове на 1 января 1940 г. имели электрическое освещение лишь 6657 домов или 39,8 % (4, 88). Также в области оставалось много неэлектрифицированного жилья, оно освещалось керосиновыми лампами. Обеспеченность керосином имела особую сложность в деревне. Основная масса сельских жителей с наступлением темноты ложилась спать. Если же приходилось покупать или выменивать керосин, обходилось это дорого.

В городах и рабочих поселках области немалую остроту имела проблема водоснабжения. Протяженность водопроводной сети области составляла в 1935 г. – 78,43 км, в 1936 г. – 82,6 км, в 1940 г. – 216 км, то есть с 1935 по 1940 гг. увеличилась в 2,8 раза (8). В 1937 г. водопроводы имелись в городе Оренбурге с расходом воды 35 литров на 1 человека в сутки, в Бузулуке – 23,2 литра, в Бугуруслане – 15 литров на 1 человека. В 1938 г. и 1939 г. среднее потребление воды на 1 человека в г. Оренбурге составило соответственно 40 и 41 литров (3, 88). Всего же водопроводом пользовались 31,2% городского населения области (13). Питьевая вода поступала через разборные колонки, водопроводы и путем подвозки. Водоснабжение населения шло с перебоями, водопроводная система часто выходила из строя, а на ее ремонт не хватало средств. Качество питьевой воды было невысоким.

Оренбургский городской водопровод по своему состоянию далеко не удовлетворял потребностей города в воде как по пропускной способности очистных сооружений и производительности насосов, так и по развитию сети. Потребность города в воде в летнее время значительно превышала пропускную способность фильтрованной станции, поэтому приходилось подавать летом нефильтрованную воду. Недостаточная мощность водопровода и техническая изношенность, с одной стороны, рост населения города и промышленных предприятий, строительство общественных зданий и жилых домов, рост благосостояния и культурных запросов трудящихся, с другой стороны, вызывали серьезную необходимость в расширении существующей мощности городского водопровода. Всего же по г. Оренбургу рост присоединенных домов к водопроводу за 1932 – 1935 гг. был весьма незначительным – всего 44 дома, а за 1938 – 1939 гг. было присоединено 92 домовладения. Количество домовладений, присоединенных к водопроводу, увеличилось с 1566 домов в 1934 г. до 1730 в 1939 г., или в 1,1 раза, длина водопроводной сети - соответственно с 51,6 до 64,5 км, или в 1,25 раза (5).

Система канализации имелась только в Оренбурге, но не отвечала техническим требованиям. Общая протя-

женность линии канализации с 1935 по 1940 гг. увеличилась лишь на 6,1 км (с 31,9 до 38) (8). Домов, имеющих канализационную сеть, было очень мало, в 1935 г. их было всего 285, а в 1938 г. – 330 из 16 тыс. строений города (6).

Низкий уровень благоустройства жилья делал особенно значимыми услуги, оказываемые населению коммунально-бытовыми предприятиями. Важную роль играло банно-прачечное хозяйство, включавшее в себя бани, прачечные, санпропускники, душевые, дезокамер, прожарки и т. д. К началу войны эта система не отличалась развитостью ни в количественном отношении, ни в пропускной способности. К 1940 г. на всю Чкаловскую область с населением более 1600 тыс. человек имелось всего 58 бань (1, Л. 65 – 66). К 1934 г. по области на одного человека в среднем получалось только 3 помывки в год, в 1935 г. – 4,4, в 1936 г. – 6,7, в 1937 г. – 6,4, в 1938 г. - 9,7 помывок, что было явно недостаточным, хотя единовременная вместимость бань с каждым годом возрастала: в 1934 г. – 456 человек, в 1935 г. – 596 человек, в 1936 г. – 1154 человека (16). Если исходить из средней санитарной нормы мытья каждого человека 1 раз в 10 – 12 дней, то он мог быть в бане в 1934 г. – лишь 1 раз в 122 дня, а в 1938 г. – 1 раз в 38 дней. Потребность населения в обслуживании банями в связи с количественным и культурным ростом населения из года в год возрастала. Госплан СССР утвердил строительство в г. Чкалове 1 бани на 100 мест в 1941 г. и 1 бани на 100 мест в 1942 г. (3, 91).

В период с 1934 по 1938 гг. в области имелась только одна полумеханическая прачечная в г. Оренбурге с пропускной способностью в 1934 г. – 656 кг, в 1936 г. – 650 кг, в 1938 г. - 675 кг белья за смену, что давало на одного жителя области в 1938 г. в среднем 1,34 кг белья (15). Прачечная почти не обслуживала бытовые нужды, так как она с трудом справлялась с потребностями лечебных учреждений и гостиниц. В 1939 г. в городе была открыта новая прачечная с пропускной способностью 1060 кг белья в смену. Но работала она неудовлетворительно. При проектной мощности 300 т в год она за II полугодие 1939 г. пропустила 136 т белья, причем частным лицам всего лишь 100 кг (3, 91). Наличное хозяйство было не в состоянии справиться с нагрузкой. Началось ускоренное его расширение за счет упрощенных и приспособленных строений, перевода на многосменность. Для предупреждения эпидемий организовывались дезокамеры, дезостанции, простейшие прожарки и вошебойки. Все банно-прачечное хозяйство не обеспечивало потребности населения. Не хватало воды, топлива, мыла, тазов.

С трудностями было связано и оказание населению парикмахерских услуг. Ощущался недостаток мыла, одеколона, помещения.

Серьезную проблему в условиях перенаселенных и неблагоустроенных промышленных районов области представляло поддержание санитарной чистоты. Справиться с этой задачей коммунальные службы очистки и ассенизации не могли, объем выполняемой ими работы сокращался. Пришлось применять метод привлечения населения через воскресники, месячники санитарной очистки. Между дворами, улицами, районами организовывались соревнования, объявлялись многочисленные почины. Санитарные месячники приняли характер массовых сезонных кампаний. В г. Оренбурге в период с 1934 по 1938 гг. было вывезено 139,7 т мусора (3, 66). Наряду с очисткой населенных пунктов силами населения, проводилось элементарное благоустройство: ремонт заборов, вывесок, номерных знаков на дворах и уличных обозначениях, замощение улиц. Население привлекалось к этим мероприятиям как на началах самодеятельности и добровольности, так и в порядке трудовой повинности. В г. Оренбурге площадь зеленых насаждений увеличилась с 30,9 га в 1935 г. до 53,4 га в 1940 г., или в 1,7 раза (10).

В условиях Оренбургского жаркого и сухого лета, изобилующего сильными ветрами, и при наличии в городе в 30 – е годы от 70 до 85% деревянных зданий зеленые насаждения имели первостепенное значение - как средство защиты от пыли и очистки воздуха, как противопожарное мероприятие. В результате насаждения преобразили облик большинства населенных мест, очищали воздух от пыли, микроорганизмов и играли роль ветрозащитного барьера, что особенно важно в степных районах. Также улучшилось освещение на улицах и площадках, устанавливались новые электрические светильники. К 1940 г. по области действовало 1270 уличных световых фонарей. Только в г. Оренбурге в период с 1935 по 1939 гг. их число увеличилось с 436 до 586 светоточек, или в 1,3 раза (4).

Из общей площади уличных покрытий в г. Оренбурге к 1937 г. было заасфальтировано 16%, замощено булыжником – 71% и шоссировано – 13% дорог. Если не считать отдельных асфальтированных участков, не имеющих существенного значения для городского транспорта, усовершенствованное покрытие имели лишь магистраль, соединяющая центр с вокзалом, и наиболее оживленные части двух центральных улиц (Советской и Кирова). Прочие транспортные магистрали города: ул. Цвиллинга, Пролетарская, Комсомольская и др. замощены и частично шоссированы. Асфальтировано 73% всей площади тротуаров города (2, 38).

Оренбург, расположенный между реками Уралом и Сакмарой, пересекающими площадь городских земель, до середины 30 – х годов не имел ни одного постоянного моста. Сообщение с прилегающей Зауральной частью города и заречными районами поддерживалось паромными переправами и ежегодной наводкой временных мостов. На организацию переправ и наводку мостов из городского бюджета ежегодно безвозвратно расходовались значительные суммы до 100 – 150 тыс. рублей (2, 39). Помимо обременительности для бюджета, эти способы сообщения, не обеспечивая бесперебойности, служили основным препятствием к развитию грузооборота.

Несмотря на увеличение с каждым годом бюджетных ассигнований, темпы роста строительства жилья были низкими. Заготовкой топлива большинство населения занималось самостоятельно. Система водоснабжения и канализации действовала только в городах. Хотя в конце 30-х годов увеличилось количество бань, банно-прачечное хозяйство было слабо развитым, поэтому оно не справлялось с тем объемом работ, который выпадал на ее долю.

Таким образом, сфера коммунально-бытового обслуживания населения Оренбургского края была одной из отстающих во всей социальной работе, так как руководством области этому вопросу уделялось второстепенное значение, хотя определенные сдвиги наблюдались накануне Великой Отечественной войны.

Примечания

1. *Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф.Р-846. Оп. 1. Д. 60.*
2. *ГАОО. Ф.Р-941. Оп. 3. Д. 1б.*
3. *ГАОО. Ф.Р-941. Оп. 3. Д. 3.*
4. *ГАОО. Ф.Р-846. Оп. 1. Д. 60. Л. 65 - 66.; ГАОО. Ф.Р- 941. Оп. 3. Д. 3. Л. 71.*
5. *ГАОО. Ф. Р-846. Оп. 2. Д. 51. Л. 6.; ГАОО. Ф. Р- 941. Оп. 3. Д. 3. Л. 67, 69, 88.*
6. *ГАОО. Ф. Р-846. Оп. 2. Д. 53. Л. 13.; ГАОО. Ф. Р- 941. Оп. 3. Д. 3. Л. 88.*
7. *ГАОО. Ф.Р-941. Оп. 3. Д. 1б. Л. 8-9.; ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 18.; Народное хозяйство Чкаловской области: Стат.сб. Чкалов, 1957. С. 99.; ГАОО. Ф.Р-846. Оп. 2. Д. 51. Л. 11.*
8. *Народно – хозяйственный план Оренбургской области на 1937 год. Оренбург, 1937. С. 8.; Народное хозяйство Чкаловской области: Стат. сб. Чкалов, 1957. С. 97.*

9. *Оренбургская область за 25 лет. Стат. сб. – Оренбург, 1960. С. 139.; Айрепатов В. Г. Подъем материального и культурного уровня жизни трудящихся Урала в годы третьей пятилетки (1937 – июнь 1941) // Материально – бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937 - 1975). Свердловск, 1981. С. 15.*
10. *Оренбургская область. Статистико – экономический справочник. 1935 г. Оренбург, 1935. С. 14.; ГАОО. Ф.Р- 941. Оп. 3. Д. 3. Л. 93.*
11. *ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 1. Д. 340.*
12. *ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412.*
13. *ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 19., Айрепатов В. Г. Указ. работа. С. 15.*
14. *ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 19.; ГАОО. Ф. Р- 846. Оп. 1. Д. 413. Л. 6.*
15. *ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 20.; ГАОО. Ф. Р- 846. Оп. 1. Д. 413. Л. 8 – 9.*
16. *ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 2. Д. 412. Л. 19.; ГАОО. Ф. Р- 846. Оп. 1. Д. 413. Л. 8 – 9.; ГАОО. Ф.Р- 846. Оп. 2. Д. 51. Л. 7 об.*

В.П. Мотревич
Уральская государственная юридическая академия, г.Екатеринбург

НАСЕЛЕНИЕ КУРГАНСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1939 Г.)

Период реконструкции народного хозяйства СССР сопровождался коренными изменениями во всех областях жизни общества. Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства привели к значительному перераспределению людских ресурсов между отраслями народного хозяйства, изменению численности, состава и размещения населения, его профессиональной структуры, повышению культурного уровня и т. д. Все это требовало организации переписи населения. Она должна была определить происшедшие в стране изменения и дать сведения для планирования дальнейшего развития народного хозяйства СССР. Всесоюзная перепись населения СССР была проведена в стране по состоянию на 6 января 1937 г., т.е. через 10 лет после Всесоюзной переписи 1926 г.

Однако Совнарком СССР в постановлении от 25 сентября 1937 г. признал организацию переписи населения неудовлетворительной, а итоги дефектными. СНК СССР также обязал ЦУНХУ провести новую Всесоюзную перепись населения. Новая перепись населения СССР была проведена по состоянию на 17 января 1939 г. Ее материалы были обработаны и в самом общем виде опубликованы в 1939 - 1940 г. Подробные итоги переписи населения СССР 1939 г. были подготовлены к публикации, но их обнародованию помешала Великая Отечественная война. Некоторые материалы были опубликованы позднее, однако в областном масштабе они охватывали лишь численность населения. Неопубликованные материалы переписи населения России хранятся в фонде в Центральном государственном архиве РФ и по Уральскому региону в настоящее время частично опубликованы (1).

По данным Всесоюзной переписи населения СССР, на начало 1939 г. на территории Челябинской области проживало 2801,9 тыс. человек, в том числе 1312,8 тыс. мужчин и 1489,1 тыс. женщин. Большая часть жителей – 1,6 млн - проживала в сельской местности. Крупнейшими городами области, помимо Челябинска, являлись Златоуст, Копейск и Магнитогорск. В составе Челябинской области насчитывалось 60 районов, в том числе и Курганский. На момент проведения переписи численность населения Курганского района составляла 100978 человек, в том числе 48074 мужчины и 52904 женщины. Из числа жителей района 53253 человека являлись городскими и 47725 сельскими жителями. Все горожане являлись жителями районного центра города Кургана, в нем несколько преобладало женское население – 52,2%.

Характерной особенностью России является многонациональная структура населения. Анализ материалов переписи показывает многонациональный состав населения и на Урале. Национальный состав городского и сельского населения на Урале имел существенные различия. Удельный вес русских в городах был намного выше их доли во всем населении края. Разнообразие национального состава уральской деревни объясняется тем, что коренные жители края - башкиры, коми-пермяки, удмурты, а также проживавшие на Урале казахи, марийцы, мордва, татары, чуваши - были заняты почти исключительно сельским хозяйством. В некоторых случаях сдерживал миграцию в город и религиозный фактор. У исповедующих мусульманство народов (башкиры, татары) процесс урбанизации шел медленнее, чем у христиан.

Особенно резко национальный состав города и деревни различался в автономных республиках Урала. Горожане в них по преимуществу были русскими, а коренное население проживало в сельской местности. Существовавшие различия объясняются и тем, что в Приуралье города исторически сформировались как опорные пункты постепенно расширявшегося Русского государства. Они были административно-территориальными центрами. Военные и административные, а также торговые и ремесленные функции в них выполнялись русскими. При этом, если в Свердловской области национальный состав села был достаточно однороден, на долю русских приходилось 92,2 % населения, то в Оренбургской области заметную часть сельчан составляли мордва, казахи и украинцы, в Пермской области - коми-пермяки, в Челябинской области — башкиры и татары.

Перепись населения 1939 г. содержит подробные сведения об этническом составе населения районного центра г. Кургана. По данным переписи, подавляющую часть его жителей составляли русские - 51112 человек (96,0%). На втором месте были украинцы – 768 человек (1,4 %), далее шли татары – 505 (0,9 %), казахи и мордовцы – по 0,2 %. Аналогичная картина наблюдалась и по Курганскому району в целом, где доля русского населении составляла 96,1%. Таким образом, этнический состав населения Курганского района характеризовался высокой степенью однородности. Доля русского населения среди проживающих на территории Курганского района Челябинской области лиц была значительно выше аналогичного показателя как по Челябинской области, так по Уралу в целом.

Данные переписи позволяют характеризовать состав населения и по занятиям. Всего на начало 1939 г. в народном хозяйстве Курганского района было занято 42,2 тыс. человек. Больше всего жителей района трудилось в сельском хозяйстве – 13937 человек (33,0%). Далее следовали занятые в промышленности (16,6%), транспорте и связи (14,5%), лесном хозяйстве (8,5%), торговле, заготовках и общественном питании (6,8%), просвещении, искусстве и печати – (5,0%), строительстве (4,4%), государственных учреждениях, партийных и общественных организациях (3,0 %) (2).

Примечания

1. *Всесоюзная перепись населения 1939 года. Уральский регион /Сост. В.П. Мотревич. Екатеринбург: ГУ, 2002. 369 с.*
2. *Подсчитано по данным: Всесоюзная перепись населения… С. 277, 284.*

А.Н. Фёдоров
Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА)

В современной исторической литературе, посвященной 1945–1953 гг., утвердился тезис о том, что значительные слои советского общества того времени ожидали неких социально-политических перемен в сторону демократизации режима. Некоторые авторы даже говорят о «стихийной десталинизации», вызванной осмыслением провалов и побед закончившейся войны (1, 19-20; 2, 10-12; 11, 6). Тем не менее, исследователи обычно не поясняют, в чем именно проявились эти ожидания и стремления, ограничиваясь утверждением, что власть оценивала их негативно и всячески пресекала. Между тем при внимательном обзоре реалий первых послевоенных лет обнаруживается, что демократические тенденции явственно прослеживаются в деятельности местных организаций ВКП(б).

Возвращение к мирной жизни высшее руководство СССР связывало не только с восстановлением народного хозяйства, но и с перестройкой работы партийных органов. Одной из задач в этом направлении стало восстановление в соответствии с Уставом ВКП(б) основ внутрипартийной демократии: регулярной отчетности руководства перед партийными организациями и выборности руководящих партийных органов, критики и самокритики. Данный шаг ЦК ВКП(б) предпринял не столько из идеологических, сколько из прагматических соображений. Механизм внутрипартийной демократии, как показывал и довоенный опыт, позволял центру контролировать деятельность партийного руководства на местах и оптимизировать деятельность партийных органов. К тому же приходилось учитывать изменения в составе партии, которая пополнилась миллионами новых людей, как правило, воевавших на фронте и настроенных на ощутимые преобразования.

Позицию рядовых коммунистов на то, в каком направлении должна развиваться внутрипартийная жизнь, весьма характерно выразил капитан К. Анисимов в своем письме, поступившем осенью 1945 г. в ЦК ВКП(б) на имя Г.М. Маленкова. Он предложил отменить рекомендацию секретарей партийных комитетов вышестоящими органами и «предоставить массам самим выдвигать руководителей», заменить многоступенчатые выборы делегатов партийных съездов и конференций на прямые (10, 123-125). Столь открыто подобные предложения озвучивались редко, но то, что они в тот период прочно захватили умы многих рядовых коммунистов, показывают и отдельные высказывания, и непосредственные результаты «оживления» внутрипартийной демократии на местах. Наиболее показателен здесь пример партийных организаций Урала, на которых высшее партийное руководство в 1945–1946 гг. выясняло возможность изменения роли партийных органов в системе управления.

Восстановление внутрипартийной демократии было объявлено первоочередной задачей уральскими областными комитетами ВКП(б) ещё до окончания войны. Однако по причине перегруженности партийных органов работой восстановление регулярности в проведении отчетно-выборных конференций (каждые полтора года в обкоме и каждый год в райкоме и горкоме) затянулось. В декабре 1944 – апреле 1945 гг. в Свердловской области прошли 34 городские и районные партийные конференции (27 по сроку и 7 в только что созданных комитетах), хотя партийных организаций насчитывалось 83. Перелом состоялся только в 1947 г., когда партийные конференции прошли в 72 горкомах и райкомах партии из 83, и упорядочилось время их проведения (январь-апрель месяцы). В дальнейшем конференции проводились во всех парторганизациях по плану и почти без задержек (13, 163). Подобная картина наблюдалась и в Челябинской области. Здесь в январе-мае 1945 г. конференции прошли лишь в 22 (3 – в недавно организованных) из 58 ГК и РК ВКП(б); в следующем году ими было охвачено уже 34 горкома и райкома из 61 и то благодаря кампании по усилению организационно-партийной работы. Только с 1947 г. удалось добиться устойчивых показателей: конференции стали регулярно проводиться почти во всех ГК и РК ВКП(б) (3, 3-18).

Проведение первых же городских и районных партийных конференций показало, что они стали для рядовых коммунистов и низовых партработников доступным и действенным механизмом для выражения своей позиции по ряду важнейших вопросов и своего отношения к руководству. Количество записывавшихся и выступавших в прениях было велико и обычно составляло пятую часть всех делегатов. Причем выступали не только руководящие работники, но и рядовые коммунисты. Анализ замечаний и предложений, высказанных на этих партийных конференциях делегатами, показывает, что обычно объектом критики становились руководящие работники, которым наиболее часто вменялось невыполнение прямых обязанностей или неправильный стиль руководства (4, 1-10; 9, 198-199; 14, 2-3). При этом формулы, принятые для обозначения подобных пороков, – бюрократизм, канцелярщина, администрирование, забвение принципа коллегиальности, зажим критики, обезличка – принимали у коммунистов этическую заостренность и означали уклонение от активного участия в общем деле, иначе говоря – предательство. На это, например, указывает то, что о партийных работниках-бюрократах говорили как о «не любящих партийную работу», «работающих без огонька», «не вкладывающих душу в дело», «мещанах». В этом же русле воспринимались и те «грехи» руководства, которые суммировались простым выражением «отрыв от масс». Сюда включали грубость в обращении с подчиненными и рядовыми коммунистами (окрик, одергивание, охаивание, ругань), пренебрежение к ним (высокомерие, зазнайство). Особо сильное недовольство порождало «барство» и случаи, когда недавно выдвинутый на партийную работу человек «оторвался от масс и руководит исключительно из своего кабинета телефонными звонками» (6, 79).

Гораздо реже руководящим работникам в вину ставилось «морально-бытовое разложение», «недостойное поведение в быту» (пьянство, хулиганство, ссоры в семье, разврат). Осуждалось и злоупотребление служебным положение, к которому относили самоснабжение, получение премий, подарков и продуктов от хозяйственных органов, бесплатные выпивки, растрату государственных и партийных средств, обрастание личным хозяйством, махинации во время проведения денежной реформы (3, 49; 8, 186; 12, 34-36). Однако подобные обвинения выдвигались не в качестве основных, а служили только довеском к обличениям в бюрократизме или отрыве от масс.

Мощная критика, которая сопровождалась дельными соображениями по решению текущих проблем, напрямую сказывалась на важнейшей части конференций – выборах руководящих органов (областных, городских и районных комитетов). Состав партийных комитетов в эти

годы серьезно обновился. Так, в 1946–1947 гг. 70 % членов партийных комитетов Челябинской и Свердловской областей не входили в прежний состав, а каждый десятый был избран впервые. Обновление состава бюро и секретарей ГК и РК ВКП(б) также оказалось значительным. Более половины избранных не входили в прежний состав бюро комитетов, а 40 % впервые удостоились такой чести; почти половина избранных на партконференциях секретарей РК и ГК ВПК(б) ранее не работала в данном комитете, а треть вообще оказались «новоиспеченными». Приведенные данные показывают, что каждый второй старый секретарь не был рекомендован на выборы, причем немало из них, как следует из документов, либо были признаны негодными для дальнейшей работы в районе или городе (переведены), либо вообще отстранены от руководства.

Но более полно ситуацию с выборами руководства, прежде всего, секретарей, проясняют не эти обобщенные данные, а другой показатель – число голосов, поданных против кандидата-секретаря. По нему парторганизации Урала на протяжении первых послевоенных лет держали ведущие позиции в стране. Так, по результатам прошедших в апреле 1947 – апреле 1948 гг. районных и городских партийных конференций оказалось, что по числу конференций, где партийные работники получили много голосов «против», Челябинская областная парторганизация заняла второе (после Сталинградской), а Свердловская – пятое (после Омской и Хабаровской) место (9, 150-155). Случаев, когда количество голосов «против» составляло 25-30 % и более голосов, было немного, но даже 10 % голосов «против» расценивалось вышестоящим органом как явление чрезвычайное и часто побуждало его к замене непопулярного секретаря. Хотя имелись и совсем удивительные факты, когда против секретаря РК или ГК голосовало больше половины делегатов (5, 67).

Размах, с которым низовые работники и коммунисты выражали свою поддержку или недовольство на выборах, нередко толкал руководство к мерам, позволяющим свести к минимуму негативные последствия. Секретари в нарушение инструкции ЦК ВКП(б) не допускали расширения списка кандидатов в члены партийного комитета хотя бы на одного человека, чтобы в случае получения большого количества голосов против себя не оказаться забаллотированными. Процедура обсуждения списков кандидатов проводилась ускоренно, чтобы не допустить предложений о внесении дополнительных кандидатур либо выдвигали таких «дополнительных» людей, которых делегаты из-за негодности таковых сразу отклоняли (6, 104; 7, 33; 12, 118-119; 13, 10). Данная тактика была простой и испробованной, поэтому применялась очень широко. Так, еще осенью 1945 г. по отчетам обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик было выяснено, что на 1685 из 2198 городских и районных партийных конференций «число кандидатур соответствовало числу избираемых членов горкомов и райкомов». Такая практика укоренилась в Свердловской области, где подобный прием применили на 20 из 23 партийных конференций, на которых не забаллотировали ни одного секретаря, хотя они в среднем получали по 20-34 % голосов «против» (10, 117-120).

Иной способ обеспечить желаемый результат выборов отдельные партийные руководители находили в формировании лояльно настроенного к руководству состава участников конференции. Этого достигали при помощи «персонального подбора коммунистов для избрания делегатами», «нарушения норм представительства», предварительной «проработкой» делегатов. Нередко секретари прибегали к авторитету представителя обкома партии для давления на делегатов и «внимательно» контролировали подсчет голосов. Подобные случаи иногда становилась достоянием общественности и вызывали открытое недовольство коммунистов. Например, на пленуме Нязе-Петровского РК ВКП(б) Челябинской области (1948 г.) при выборах второго секретаря коммунисты отклонили кандидатуру рекомендованного Барыкина и предложили свою кандидатуру, на что представитель обкома Нечаева заявила: «Хоть выбирайте, хоть нет, Ваше решение мы на бюро обкома все равно не утвердим». Авторы письма, направленного в ЦК ВКП(б) по данному делу, возмущались выборами «сверху вниз» и требовали «дать возможность парторганизации района самой работать в соответствии с инструкцией и указаниями ЦК ВКП(б)» (5, 47-48).

На протяжении всей второй половины 1940-х гг. коммунисты выступали против таких попыток ограничить внутрипартийную демократию, свести ее к фикции. А партийные руководство, стремившееся обеспечить устойчивость и подконтрольность партийных кадров, изыскивало средства для уменьшения ее эффекта. После 1948 г. накал, свойственный партийным конференциям прежде, начал спадать, поскольку удалось достичь известного равновесия между требованиями рядовых коммунистов и действиями партийного аппарата. Но стремление заявить о своей позиции оставалось у коммунистов сильным, и их своеобразная борьба за демократию возобновлялась. В значительной мере этому способствовали кадровые чистки, прошедшие на Урале в 1949–1950 гг., а затем и кампания по подготовке к XIX съезду ВКП(б). И в том, и в другом случаях центр использовал внутрипартийную демократию как механизм достижения своих целей, предоставляя тем самым хорошую возможность для критики руководства «снизу», которая на местах нередко подавлялась.

Таким образом, внутрипартийная демократия в первые послевоенные годы стала одновременно для центра действенным механизмом регулирования местного партийного руководства, а для рядовых коммунистов способом выражения своей позиции по ряду значимых вопросов. Подобное совпадение интересов не было случайностью. Центр в данный период попытался провести ряд глубоких преобразований в системе управления, призванных изменить роль партийных структур в ней, и нуждался в широкой поддержке именно партийных «масс». Значительная часть рядовых коммунистов изыскивала новые возможности влиять на действия руководства в интересах общего дела и своих собственных.

Примечания

1. Зиновьев А. Моя эпоха: О Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // Свободная мысль. XXI. 2005. № 5.
2. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999.
3. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 11. Д. 214.
4. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 39.
5 ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 12. Д. 195.
6. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 13 Д. 190.
7. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 14. Д. 147.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 900.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 902.
10.РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 87.
11. Фурсов А.И. Номенклатурные сатурналии // Литературная газета. 2006. 22-28 февраля.
12. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 43. Д. 178.
13. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 44. Д. 169.
14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 49. Д. 147.

Р.Р. Хисамутдинова
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург

ЗАСУХА 1946 Г. И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Весна 1946 г. в Курганской области была холодная, затяжная. Посев начали на 2—3 недели позже обычного. Весенний сев был крайне напряженным, ибо подготовленных земель имелось всего лишь 200 тыс. га, или 30% к плану ярового сева, а 70% надо было поднять весной. Но, несмотря на это, план сева был выполнен к 5 июня на 101,5%. Колхозами посеяно на 60 700 га больше, чем в 1945 г. Поднято целинных и залежных земель 86 231 га, или 123,2% к плану (3).

Однако почти все усилия сельских тружеников перечеркнула засуха 1946 г., которая охватила важнейшие зерновые районы Советского Союза. Затронула она и Уральский регион. Больше всего от засухи пострадали южные области Урала. Так, валовой сбор зерновых по всем категориям хозяйств сократился в Челябинской области в 1,5 раза, в Чкаловской области и в БАССР — в 1,3 раза, в Курганской области и в Удмуртии в 1,2 раза, в Свердловской — в 1,1 раза и только в Молотовской области произошло увеличение в 1,5 раза по сравнению с 1945 годом (16, 204).

Засуха в нашей стране, где большая часть пашни и посевов зерновых культур сосредоточена в степных, засушливых районах, не такое уж редкое явление. Но тяжесть последствий зависела не только от размеров и остроты засухи, но и от силы сопротивления земледельца стихийному бедствию. К сожалению, в первый послевоенный год колхозы и совхозы не могли противопоставить засухе такой комплекс агротехнических мер, который бы не допустил ее пагубного влияния. Ослабленные войной колхозы и совхозы при недостатке техники, живой тягловой силы и рабочих рук не могли соблюдать многие самые необходимые требования агротехники: сроки посева и уборки урожая, качество семенного материала, качество обработки почвы, проведение уборки урожая с наименьшими потерями и т.д.

Сказывались не только объективные причины, но и все более утрачивавшееся хозяйское отношение к земле, практически бесплатная работа на колхозных полях за мизерный трудодень в течение ряда лет. Отчуждению крестьянина от земли способствовала административно-командная система управления колхозами, установившаяся со времени коллективизации. В сложных условиях первых послевоенных лет важно было предоставить большую самостоятельность колхозам в ведении хозяйства. Однако методы командования, мелочной опеки по отношению к колхозам, получившие особенно широкое развитие в годы войны, не только не ослабевали, а усиливались.

Весь июнь и половину июля в Курганской области стояла жара, осадков не было совершенно. Даже пшеница, посеянная по парам, залежам и целинным землям, была подвергнута губительному воздействию засухи и выколосилась, набрав рост 12—15 см. Во второй половине июля начались дожди, в результате чего созревание хлебов, особенно в северных и западных районах, затянулось на месяц против 1945 года. Значительное количество хлебов совсем не дозрело.

Многое делалось для спасения урожая в Курганской области. Количество косцов вручную было увеличено почти в 4 раза и составило 28 тыс. человек. Почти половина комбайнов за невозможностью их использования на уборке в связи с дождливой погодой была поставлена на стационарную молотьбу. Увеличилось строительство сушилок с 780 до 2580. Чтобы спасти хлеб от гибели, Курганский обком партии был вынужден принять чрезвычайные меры. Была проведена массовая мобилизация населения на спасение урожая. Из городов, рабочих поселков и районных центров было мобилизовано около 40 тыс. рабочих, служащих, домохозяек, учащихся, в том числе 1100 коммунистов и 10 000 комсомольцев.

Наиболее трудоспособная часть колхозников и мобилизованного населения (30 000 человек) была поставлена на уборку вручную, которая являлась единственным средством уборки в течение октября — ноября. Также было увеличено количество глубинных пунктов для приема зерна с 355 в сентябре до 889 в октябре и ноябре. Это дало возможность сохранить хлеб от порчи и расхищения, так как возможности его вывоза на пристанционные пункты были весьма ограниченны из-за бездорожья. Кроме того, было мобилизовано на предприятиях и учреждениях для перевозки зерна 346 автомашин. Для оказания помощи отстающим МТС было дополнительно направлено из городов области 12 походных мастерских, 40 кузнецов, 20 токарей, 20 слесарей, 10 механиков (4, Л. 31, 33, 34).

Исключительно неблагоприятные погодные условия 1946 г. в период уборки и заготовки хлеба, особенно в восточных районах страны, привели к необходимости значительных отступлений от установленных правительством ограничительных кондиций, особенно по влажности, при приемке зерна от хлебосдатчиков. До сентября Министерство заготовок ограничивало приемку сырого зерна месячной производительностью зерносушилок на заготовительных пунктах. Впоследствии, ввиду отсутствия у хлебосдатчиков кондиционного хлеба, размер приемки сырого зерна в отдельных областях был увеличен до двухмесячной производительности зерносушилок. Однако все это оказалось недостаточным. Возникла опасность недополучения большого количества хлеба, если и дальше сдерживать приемку сырого зерна. Поэтому телеграфным распоряжением Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 12 сентября в районах Сибири, Урала и северных областей Казахстана было разрешено принимать зерно влажностью 22—25% на пункты, имеющие зерносушилки, и до 19% на глубинные пункты. Количество принимаемого зерна ограничивалось двухмесячной производительностью зерносушилок, а на глубинных пунктах — емкостью складов (10).

Выполнение хлебопоставок в 1946 г. в Уральском регионе шло очень медленно. Так, на 25 сентября план хлебопоставок был выполнен Курганской областью на 21,2% (план 21 300 тыс. пудов, сдано 4507 тыс. пудов), Молотовской — на 54,5% (20 100 тыс. пудов, 10 819 тыс. пудов), Чкаловской — на 42,1% (36 021 тыс. пудов, 15 155 тыс. пудов), Башкирией — на 45,7% (35 000 тыс. пудов, 12 352 тыс. пудов), Удмуртией — на 55,2% (14 027 тыс. пудов, 7747 тыс. пудов), Свердловской — на 48,4% (12 355 тыс. пудов, 5958 тыс. пудов), Челябинской — на 34,5% (15 810 тыс. пудов, 5455 тыс. пудов), по СССР — на 52,6% (1 342 506 тыс. пудов, 697 862 тыс. пудов) (16, 212). На Урале хуже шли поставки хлеба государству по Курганской области.

На 1 октября 1946 г. по Курганской области убрано только 560 757 га, или план по уборке выполнен на 66,7%, в том числе убрано комбайнами 286 365 га (51% к убранной площади), а простыми машинами и вручную - 49%. По совхозам Зернотреста убрано 63,8% уборочной площади и по совхозам животноводческого треста 53,4% (5). Плохо в период уборки работали МТС. Годовой план трак-

торных работ был выполнен на 90,2%, план комбайновой уборки — на 63%. В совхозах план тракторных работ выполнен на 63,4% (4, л.35)

Принципы заготовительной политики, сложившиеся в довоенные годы и во время войны, сохранялись и после нее. Недостатки заготовительной политики государства понимали и представители Центра. Так, инспектор ЦК ВКП(б) Н. Я. Ицков в своем письме Сталину от 31 декабря 1946 г. пишет, что «это усугубило извращения при проведении закона о хлебозаготовках, и мы вынуждены были на деле вести работу по хлебозаготовкам методом, похожим на продразверстку. Разрыв между уборочной площадью зерновых культур и облагаемой пашней по зерну стал еще более угрожающим для интересов государства. Если до войны при 1 га посева зерновых культур облагалось 1,6 га пашни, то сейчас при 1 га посевов зерновых культур уже облагается 2,1 га. Еще более разительная картина по отдельным районам и колхозам. Там нередко посевная площадь зерновых культур находится в соответствии к облагаемой площади по зерну, как 1 : 6 : 7 и более» (11).

Сохранялись символические закупочные цены на сельскохозяйственную продукцию, далеко не возмещавшие себестоимость ее производства. А все это предопределило сохранение прежних командных методов заготовок.

С приближением времени хлебозаготовок руководители колхозов, совхозов, многие партийные, советские работники областей, охваченных засухой, обращались с просьбой о снижении планов заготовок. Если для областей, охваченных засухой, планы хлебозаготовок были уменьшены, то с областей вне засухи по постановлению Совета Министров СССР от 4 октября 1946 г. был установлен дополнительный план хлебозаготовок. Был составлен список 37 областей, краев и республик, которые, как считало правительство, имеют возможность досрочно выполнить государственный план хлебопоставок и сдать зерно сверх плана, в их числе оказались все 7 областей и автономных республик Урала. За счет сверхплановой сдачи зерна этими областями, краями и республиками правительство рассчитывало получить еще 36 180 тыс. пудов хлеба. Больше всех должны были сдать Казахстан — 9 млн пудов, Алтайский край — 8 млн пудов и Новосибирская область — 2,5 млн пудов. Челябинская область и Башкирия должны были сдать сверх плана по 1 млн пудов, Курганская, Молотовская, Свердловская и Чкаловская области — по 500 тыс. пудов, Удмуртия — 200 тыс. пудов. Из 37 областей, краев и республик отказывались выполнять сверхплановую сдачу хлеба 4 административно-территориальные единицы (Московская, Ивановская и Чкаловская область, Краснодарский край) (12). Но их все равно заставили сдавать хлеб сверх плана даже в увеличенных размерах. Потом Казахской ССР план хлебопоставок был увеличен и составил 11,8 млн пудов, Чкаловской области — 2 млн пудов, Челябинской — 1 млн 383 тыс. пудов. Сначала секретарь ЦК ВКП(б) Н. С. Патоличев, которому было поручено заниматься хлебозаготовками, разговаривал с первым секретарем Алтайского крайкома о том, чтобы сельские труженики данного региона выступили с инициативой о сдаче сверх государственного плана 6 млн пудов хлеба. После этого появились обращения сельских тружеников других областей, краев и республик. Башкирия взяла обязательства сверх плана сдать 1 млн 136 тыс. пудов хлеба, Курганская область — 1 млн пудов хлеба (16, 215). Личные хозяйства колхозников и рабочих совхозов должны были также участвовать в заготовках хлеба. Таким образом, для крестьян сокращался и этот источник существования, а карточная система распространялась только на горожан.

Как мы видим, власти, стремясь не допустить сокращения государственного резерва хлеба, пошли по пути организации дополнительных хлебозаготовок, когда колхозы и совхозы в порядке обязательной разверстки уже после выполнения плана сдачи хлеба получили так называемую надбавку к плану. По сути, государство отбирало хлеб, предназначенный для распределения на трудодни колхозникам, что явилось одной из причин голода в деревне.

Для обеспечения самых необходимых потребностей страны в продовольствии от местных партийных, советских органов, руководителей колхозов, совхозов требовалось выполнение заданий по хлебозаготовкам любой ценой. Отчеты о ходе заготовок осенью 1946 г. не сходили с повестки дня заседаний бюро обкомов, райкомов партии, исполкомов местных советов. ЦК ВКП(б) был разработан план оперативных мер по усилению хлебозаготовок. По этому плану 26 сентября были командированы ответственные работники ЦК партии для оказания помощи местным партийным организациям 33 областей, краев, республик (в том числе Курганской, Молотовской, Чкаловской областей, Башкирии и Удмуртии) в выполнении государственного плана хлебозаготовок.

В целях усиления контроля за работой обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик по руководству хлебозаготовками при секретаре ЦК партии Н.С. Патоличеве в сентябре выделили группу оперативного контроля из работников аппарата ЦК ВКП(б) в количестве 15 человек. Руководил группой инспектор ЦК ВКП(б) Н. Я. Ицков. Также по этому плану должны были заслушать в ЦК партии до 10 октября отчеты 6 обкомов, крайкомов партии и ЦК компартий, до 20 октября — 5, до 30 октября — 6 (в том числе Курганского, Чкаловского, Молотовского и Башкирского), до 10 ноября — 6. По итогам каждой пятидневки обкомы, крайкомы и ЦК партий союзных республик должны были отчитываться перед ЦК ВКП(б) о ходе хлебозаготовок и мерах, принимаемых партийными органами по усилению хлебопоставок (12, л. 144, 145, 154, 156).

На местах в период хлебозаготовок итоги сдачи хлеба каждую 5-дневку обсуждались на бюро обкомов ВКП(б). Заслушивались доклады ряда секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Политбюро ЦК ВКП(б) в ноябре — декабре 1946 г. еженедельно обсуждало ход хлебозаготовительной кампании. Рассылались телеграммы, вызывались с отчетами в ЦК ВКП(б) руководители партийных, советских организаций областей, республик, краев.

Как и в годы войны, происходит ужесточение хлебозаготовительной политики. 31 июля 1946 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О запрещении торговли хлебом и подсолнухом до выполнения плана заготовок хлеба и подсолнуха», которое сохраняло действие постановления СНК от 24 сентября 1943 г. (16, 218). В колхозе им. Чапаева Варгашинского района Курганской области в середине июня по указанию председателя колхоза Нестерова было срезано 379 кг ржаных колосьев и разделено между колхозниками. Нестеров был привлечен к уголовной ответственности за то, что сделал это задолго до выполнения плана хлебозаготовок (8, 104). Таких примеров можно привести достаточно много.

11 ноября 1946 г. Чкаловский, Челябинский, Курганский, Башкирский обкомы партии получили высшую правительственную телеграмму, в которой говорилось о том, что «считать совершенно недопустимым, что Чкаловский, Курганский, Челябинский, Тюменский, Башкирский... обкомы партии, несмотря на предупреждение ЦК о необходимости усиления темпов сдачи хлеба государству, попрежнему ведут их крайне низкими темпами. За плохое

руководство хлебозаготовками, недостойное отношение к интересам государства строгий выговор объявлялся секретарю Чкаловского обкома ВКП(б) Денисову и председателю облисполкома Сафронову, а руководители остальных областей были предупреждены о том, что если они не исправят серьезных ошибок, допущенных в руководстве хлебозаготовками, то к ним будут приняты более строгие меры наказания» (15).

Правительственные телеграммы от 21 и 26 ноября требовали ускорить темпы хлебозаготовок и повсеместно закончить обмолот не позднее 10 декабря. Доложить к 1 декабря и в дальнейшем каждую пятидневку докладывать о ходе хлебозаготовок.

Правительственная телеграмма за подписью председателя Совета Министров И. В. Сталина и секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова от 26 ноября в день её получения 26 ноября была обсуждена на бюро Курганского обкома и облисполкома. С 26 ноября по 1 декабря вызывали в обком партии 14 секретарей райкомов партии. Работники МВД, прокуратуры были направлены в колхозы и совхозы с целью решительно пресекать противогосударственные действия, разоблачать и судить укрывателей хлеба, выявить укрытый хлеб и обеспечить его сдачу государству. За плохое руководство хлебопоставками сняли с занимаемых постов секретаря Галкинского райкома Новикова, председателя Белозерского райисполкома Свиридова. На 1 декабря Курганской областью сдано хлеба государству 183 556 т, или план выполнен на 51% (13).

Для организации хлебозаготовок, их ускорения в колхозы направлялись уполномоченные районных, областных партийных и советских органов, группы работников ЦК ВКП(б), Министерства сельского хозяйства, Министерства заготовок. Из Москвы было послано 186 ответственных работников, в том числе 102 работника министерств, 23 работника ЦК комсомола, 35 работников аппарата ЦК ВКП(б), 2 инспектора ЦК ВКП(б), 24 работника райкомов, горкомов партии и партактива (12, л. 146).

В крупные зерновые районы выезжали члены ЦК ВКП(б), Политбюро. Так, в Казахскую ССР был направлен А. И. Микоян, в Алтайский край — Г. М. Маленков, в Курганскую и Челябинскую области — Л. М. Каганович, в Краснодарский край — Л. П. Берия, Л. З. Мехлис. На Украине заготовками хлеба занимались Н. С. Хрущев, Н. С. Патоличев, Л. М. Каганович, в Чкаловской области К. Е. Ворошилов и А. А. Андреев. Почти все они имели «опыт» проведения хлебозаготовок в 1932—33 гг. и широко его использовали. Как и в годы войны, главное — выполнить план любой ценой. Уполномоченные проводили тщательную проверку имеющегося зерна: нередко перевешивали семенной фонд, проводили очистку отходов, все выявленное сдавалось.

С целью ускорения хлебозаготовок в Курганской области был мобилизован весь областной партийный и советский актив, а также актив Кургана и Шадринска (свыше 300 человек). Количество агитаторов на уборке было доведено до 10 000 человек. 23 октября был проведен пленум Курганского обкома партии «О положении с хлебозаготовками в области и мерах по выполнению государственного плана» (4, л. 34).

В засушливом 1946 г. происходит самая большая «посадка» председателей колхозов за невыполнение плана хлебозаготовок. В Курганской области за 1946 г. из 1764 председателей колхозов сменилось 822, или 46,6% к их общему составу (в числе сменившихся 281 сняты как не обеспечившие руководство и 141 сняты за злоупотребления, в том числе 52 осуждены) и за 6 месяцев 1947 г. сменено 577, или 32,7%. За 1,5 года были возбуждены судебные дела на 278 председателей, что составляет 15,8% к их общему составу, из которых на 103 председателя судебные дела были возбуждены необоснованно. Бюро обкома партии 12 августа 1947 г. обсудило постановление Секретариата ЦК ВКП(б) «О недопустимых фактах частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов» и предложило райкомам партии, райисполкомам «решительно покончить с администрированием и частой сменяемостью председателей колхозов». За август 1947 г. за должностные преступления осуждено два председателя и на пять председателей после проверки на месте облпрокурором дела прекращены. На 154 председателя колхозов, осужденных за должностные преступления в 1946—1947 гг., дела направлены прокурору РСФСР с целью проверки и освобождения необоснованно осужденных (14). В результате принятых мер текучесть руководящих кадров в колхозах в 1948 г. уменьшилась почти в 2 раза.

Для борьбы с хищениями хлеба были задействованы и правоохранительные органы. В Курганской области в целях предотвращения хищений зерна в колхозах и совхозах и усиления контроля за его сохранностью на пунктах «Заготзерна» было выделено 300 работников МВД и МГБ (4, л. 33).

В целом по стране план хлебозаготовок на начало 1947 г. был выполнен на 78,8%. По всем категориям хозяйств был заготовлен 1 млрд пудов хлеба вместо 1,2 млрд в 1945 г. и 2,2 млрд в 1940 г. Основную часть хлеба дали колхозы — 835,8 млн пудов (2, 176). Собранный продовольственный фонд был примерно вдвое меньше, чем в 1940 году.

В Курганской области уборка закончилась 20 ноября. А план хлебосдачи колхозами на 20 января 1947 г. был выполнен на 52,4%. Сдано хлеба 188 399 т. Из 1769 колхозов план хлебопоставок выполнили только 8 колхозов. План поставок картофеля выполнен на 45,4%, овощей на 58,6%, махорки на 34,7%. По совхозам план хлебопоставок выполнен на 91,4%. Всего сдано 23 358 т против 27 776 т в 1945 г. (4, л. 35).

В среднем по стране в 1946 г. было распределено на один трудодень 0,52 кг хлеба (фактически выдано меньше), в Молотовской области — 0,7 кг, в Челябинской — 0,4 кг, в БАССР — 0,618 кг, в Свердловской — 0,530 кг, в Удмуртской АССР — 0,460 кг, в Курганской — 0,154 кг (в южных и западных районах колхозники на трудодни получили 80 г и выше), в Чкаловской области — 0,300 кг, а во многих колхозах не имели и этого (16, 236). В целом по СССР 10,6% колхозов вообще не производили оплату зерном (9, 177), по РСФСР — 13,2% (1, 137).

Это привело к тому, что люди стали голодать. Весной 1947 г., как только стаял снег, многие колхозники стали собирать оставшийся с прошлого года урожай. Собирали колосья на освободившихся от снега полях, не убранных вовремя. Употребление в пищу данных продуктов вызывало тяжелые заболевания, нередко со смертельным исходом. В связи с этим уральские обкомы ВКП(б) приняли решение по профилактике и борьбе с заболеваниями, связанными с употреблением в пищу испорченных продуктов. Особенно большую угрозу представляла септическая ангина. Поэтому были взяты на учет все неубранные и плохо убранные поля, где имелись большие потери хлеба. Кроме этого, проводился подворный обход с выявлением больных и не имеющих продуктов питания. Среди сельского населения проводилась разъяснительная работа, целью которой была борьба с распространением септической ангины. В Курганской области картофель от излишней влаги погиб как в колхозах, так и у колхозников. Положение с продовольствием в ряде колхозов Альменевского, Сафакулевского, Шумихинского, Косулинского и других районов создалось исключительно напряженное. В Сафакулевском районе заболевание населения безбелковыми отеками наблюдалось

в колхозах «Кызыл Маяк» Карасевского сельсовета, им. Сталина К.-Абдрашевского сельсовета, «Красная Заря» Мансуровского сельсовета, «Кызыл Ай» Мурзабаевского сельсовета. В декабре 1946 г. в райбольнице находились на излечении 20 человек. Число больных в декабре ежедневно увеличивалось. Так, 6 декабря поступило четверо детей в возрасте от 4 до 8 лет, 10 декабря — 10 детей. Энергичных мер по борьбе с заболеваниями в районе не принималось. После трехдневного пребывания в больнице при опадении опухоли больных выписывали. По линии районо 15 детей, остро нуждающихся в продовольствии, приняли в детдом (4, л. 36; 6).

Засуха и государственная продразверстка 1946 г. привели к нехватке семян в колхозах для весеннего сева 1947 г. Так, обеспеченность семенами колхозов Курганской области составила на 20 января по зернобобовым 51,5%; 20,6% и по техническим культурам — 4,6%. Большинство семян в колхозах Курганской области было повышенной влажности и низкой всхожести. Не менее 200 тыс. т подлежало обмену (всего 424,4 тыс. ц). В совхозах обеспеченность семенами составила 53% (4, л. 36). Всего в Курганской области имелось 52,3% собственных семян от потребности (7).

Большой урон засуха нанесла и животноводству. Так, в 1946 г. в Курганской области пало в колхозах лошадей 5668 голов, крупного рогатого скота — 17 137, овец — 39 181, свиней — 10 690. Всего 72 676 голов (4, л. 38).

За время с 1 сентября по 30 сентября 1946 г. военная цензура г. Кургана зарегистрировала 142 письма с отрицательными сообщениями из районов. 2 сентября А. В. Колесов из деревни Маслово Лопатинского района Курганской области пишет письмо: «…Живем неважно, потому что не дают хлеба, хотя и хлеб убираем и по хлебу ходим, а аванс не дают, хлеба горят в ворохах и его в государство не принимают, поэтому и аванс не дают. Погода стоит дождливая, хлеба гниют десятками тонн в ворохах и надеяться на получение хлеба нечего, придется жить только на картошке…». В. А. Гаев из Пегановского сельсовета этого же района 19 сентября пишет:«...Намолоченный хлеб в колхозах весь горит, так что угрожает голод...». Из деревни Логовушка Мишкинского района Лешева Клавдия пишет письмо брату в армию: «Население в деревне ходит рваное. В колхозе хлеба не дают. Так жутко смотреть на голодных и рваных колхозников. Наш колхоз скоро развалится… Колхозники убегают на производство, в колхозе народу совсем мало» (6, л. 31, 32, 39, 51).

Таким образом, несмотря на все экстренные меры и усилия местных партийных и советских руководителей, помощь населения городов, районных центров, учащихся, студентов и военных, самоотверженный труд самих сельских жителей во время уборки урожая, убрать хлеб полностью с минимальными потерями при неблагоприятных погодных условиях не удалось. Последствия страшной засухи 1946 г., усиленные продразверсткой, привели к появлению очагов голода на Урале, особенно в южных областях, всплеску заболеваний септической ангиной — болезнью голодных людей, а также к увеличению среди населения дистрофии, истощения и болезней желудочно-кишечного тракта. Последствия засухи продолжали сказываться и в последующие годы. Засуха и голод 1946-1947 гг. замедлили процесс преодоления последствий войны в сельском хозяйстве области, способствовали оттоку сельского населения из деревни.

Примечания

1. *Вербицкая О. М. Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. М., 1992.*
2. *Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972.*
3. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 3. Д. 75. Л. 167; Оп. 4. Д. 49. Л. 30—31.*
4. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 49.*
5. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 223. Л. 57.*
6. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 60. Л. 79, 80.*
7. *ГАКО. Ф. 895. Оп. 7. Д. 965. Л. 13.*
8. *Зима В. Ф. Голод в СССР 1946—1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.*
9. *Попов В. П. Экономическая политика Советского государства. 1946—1953 гг. Тамбов, 2000.*
10. *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 168. Л. 158, 164.*
11. *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 170. Л. 144, 150.*
12. *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 177. Л. 18, 19, 174, 175*
13. *- РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 166. Л. 176.*
14. *РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 224. Л. 104; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 49. Л. 22.*
15. *ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 10. Д. 129. Л. 33, 34, 40 об.; ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 10. Д. 297. Л. 100.*
16. *Хисамутдинова Р. Р. Аграрная политика Советского государства на Урале после окончания Великой Отечественной войны (июнь 1945 – март 1953 гг.). Оренбург, 2003.*

В.Н. Солдатов
Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1945 – 1953 ГГ.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Развитие высшего образование и науки в вузах является одним из решающих факторов восстановления научно-инновационного потенциала России, а также перехода на качественно новый уровень отношений науки и общества. Поэтому в настоящий момент крайне важно осмыслить и проанализировать исторический опыт прошлого, рассмотреть состояние научной сферы страны в период тяжелых послевоенных испытаний.

Окончание Великой Отечественной войны ознаменовало перестройку научно-исследовательской работы. Главное внимание ученые направили на разрешение проблем, связанных с дальнейшим развитием народного хозяйства и культуры. Основной тенденцией, характеризующей состояние вузовской науки в этот период, следует назвать курс на более широкое использование достижений науки и увеличение сотрудничества вузов и производства. Доминирующей формой реализации являлась совместная работа научных работников с производственным коллективом по налаживанию и освоению новой техники. К примеру, ученые Уральского политехнического института совместно с предприятиями Свердловска и области за 1951 – 1952 гг. внедрили более 130 научных работ (1, 69). В Уральском государственном университете во второй половине 1940-х гг. научно-исследовательская работа наиболее организованно проводилась на физико-математическом факультете, где велась работа над рядом актуальных тем, но в целом научная работа университета была признана неудовлетворительной – среди причин назывались слабая материально-техническая база, отсутствие нужной литературы, проблемы с выпиской иностранной периодики (17, 57-59).

Помимо материальных трудностей, во многом связанных с разрушительными последствиями недавно закончившейся войны, наука испытывала и административные препятствия. В начале 1950-х гг. договоры по содружеству УПИ с предприятиями часто означали оказание технической помощи, ограниченной административными отношениями, многие научные разработки не внедрялись в производство, при этом научные труды, оторванные от нужд промышлен-

ности, оценивались как не представляющие научной ценности (14, 69). Это, конечно, не означает, что уральская наука в этот период не развивалась. Профессор УПИ Н. С. Сиунов и доцент Г. П. Михайлов разработали и внедрили на многих предприятиях высокопроизводительный и эффективный метод сварки трехфазной дугой (9, 3). Большое значение для экономики страны имели работы профессора УрГУ Г. И.Чуфарова в области химии и термодинамики металлургических процессов (6, 171).

Послевоенный период характеризуется развитием фундаментальной науки, выражавшимся в формировании научных направлений и школ. Ведущую роль уральской металлургической науки закрепили работы С. С. Штейнберга, И. А. Соколова и их учеников, большой известностью пользовалась научная школа, возглавляемая заведующим кафедрой органической химии УПИ профессором И. Я. Постовским (2, 82). Высокий научный статус этого института доказывало и то, что в нем при кафедре высшей математики была оборудована единственная в Свердловске лаборатория счетно-вычислительных машин (10, 4).

Сотрудники Уральского университета также внесли большой вклад в научный прогресс региона. Основателем уральской школы биологов и физиологии растений был Г. В. Заблуда; С. С. Шварц, руководивший во второй половине 1940-х гг. лабораторией УрГУ, впоследствии создаст здесь крупнейшую в стране школу экологов (6, 197). Родоначальником одной из ведущих в стране школы магнитологов был Р.И. Янус, удостоенный в 1951 году Государственной премии за разработку нового метода испытания металлов (6, 134). Центральное место в научно-исследовательской работе университета занимают темы по изучению Урала в различных областях науки. На выборах в Академию наук СССР в 1953 г. среди 148 новоутвержденных членов-корреспондентов трое принадлежало к уральской науке: Г. И. Чуфаров, С. В. Вонсовский, Л. А. Иванов (12, 2).

Сильные импульсы развития получала наука в закрытых городах региона. Стоит отметить, что у истоков создания вечернего отделения МИФИ в Свердловске-45 стояли член-корреспондент АН СССР Л. А. Арцимович и кандидат технических наук Б. А. Разумов, ставший первым директором института (3, 280). Среди основателей института в Челябинске-40 были академики И. В. Курчатов и А. А. Бочвар (5, 396).

Необходимо сказать также о достижениях вузовской науки в гуманитарной сфере. В 1951 г. были выпущены «Очерки истории большевистских организаций на Урале» (среди авторов – Ф. П. Быстрых, Г. П. Рычкова, В. М. Шмелева) - первый опыт систематического изложения истории уральских большевистских организаций, написанный на основе литературных, архивных источников, а также воспоминаний большевиков. В основу этого обобщающего труда был положен «Краткий курс ВКП(б)», поэтому «Очеркам» был свойственен субъективизм в оценке роли отдельных исторических деятелей (4, 115).

Наряду с историко-партийным направлением развивалось изучение местной истории. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. были проведены научные конференции по истории Екатеринбурга-Свердловска, была опубликована монография М. А. Горлового «Горный город Екатеринбург» (7, 113). Свердловский пединститут основное внимание уделял исследованию уральской тематики, проводил «Уральские чтения», в которых участвовали научные работники вузов Свердловска (1948 г.), ученые Перми (1950 г.), Челябинска и Тюмени (1951 г.) (4, 112). Актуальные проблемы теории и практики развития народного хозяйства разрабатывал заведующий кафедрой политэкономии университета, создатель уральской экономической школы, В. М. Готлобер (6, 337).

Высокий уровень развития науки на Среднем Урале в 1945-53 гг. подтверждается проведением в Свердловске всесоюзных научных конференций по физике магнитных явлений, комплексному использованию руд цветных металлов, конференций работников биологических и сельскохозяйственных наук, работников цветной металлургии (1, 69). Большое значение имело межобластное совещание заведующих кафедрами общественных наук вузов Урала и Сибири, проведенное в 1947 году (8, 2).

Большое значение для развития вузовской науки имела научная работа студентов уральских вузов. Студенческое общество Уральского университета в 1947 г. сделало 105 докладов, на научных чтениях в этом же году 10 докладов получили премии (16, 39). Через три года СНО объединяло 10 отделений, 46 научно-исследовательских кружков, провело в 1949-50 гг. 2 научно-теоретические конференции, в которых приняло участие более 900 человек (15, 74). За 1950 г. СНО УПИ выполнило 293 работы в области промышленности, из них 72 были внедрены; при этом партийный комитет института принял решение об обязательном выполнении и внедрении каждым студентом минимум одной работы (13, 169). В основном студенты обобщали производственный опыт стахановцев. Отрицательными чертами научно-исследовательских работ студенчества, как, впрочем, и всей вузовской науки, можно назвать формальный подход руководителей, наличие штурмовщины, погоню за количеством, слабость материальной базы, плохую организацию работы, редкую публикацию трудов. Но все же уровень студенческой научной деятельности был достаточно высок. На смотр научных работ 1952 г. студенты свердловских вузов представили 541 работу, из которых 153 были отправлены в Министерство высшего образования СССР (11, 3).

Научная деятельность учебных заведений Среднего Урала в 1945 – 1953 гг. проходила в сложных послевоенных условиях. Этот фактор в совокупности с бюрократизацией научных процессов вузов и недостатками планового управления высшей школой объясняет многие трудности, которые испытывали вузы региона в этот период. Но в эти годы наблюдается и явный прогресс вузовской науки, особенно заметный в развитии научных отраслей, наиболее востребованных промышленностью региона (металлургия, машиностроение, химическое производство и т. д.). Высокий научный уровень учебных заведений Среднего Урала, продемонстрировавший свои возможности в годы Великой Отечественной войны, позволял успешно решать задачи обновления производства и методов работы и достигать внушительных результатов в области теоретической и фундаментальной науки.

Примечания

1. *История Советского Урала: Учеб. пособие. Свердловск, 1983.*
2. *Культурное строительство на Среднем Урале (1941 – 1977): Сб. документов. Свердловск, 1987.*
3. *Лесной: история закрытого города. Екатеринбург, 1997.*
4. *Селиванова Г. Совершенствование системы исторического образования и научных учреждений на Урале во второй половине 30-х – сер. 50-х гг. //Актуальные проблемы историографии строительства социализма в СССР. Иваново, 1985.*
5. *Толстиков В.С. Тайны «сороковки». Екатеринбург, 1995.*
6. *Уральский государственный университет в биографиях. 2-е изд. Екатеринбург, 2000.*
7. *Уральский государственный университет им А.М. Горького. Свердловск, 1980.*
8. *Уральский рабочий. 1947. 30 января.*
9. *Уральский рабочий. 1951. 19 августа.*
10. *Уральский рабочий. 1952. 10 июля.*
11. *Уральский рабочий. 1952. 2 июля.*
12. *Уральский рабочий. 1953. 29 октября.*
13. *ЦДООСО (Центр документации общественных органи-*

заций Свердловской области). Ф. 1910. Оп. 4. Д. 126.
14. ЦДООСО. Ф. 1910. Оп. 4. Д. 53.
15. ЦДООСО. Ф. 285. Оп. 3. Д. 111.
16. ЦДООСО. Ф. 285. Оп.3. Д. 63.
17. ЦДООСО. Ф. 285. Оп.3. Д. 39.

М.В. Булавин
Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДНЕГО УРАЛА В ПЕРИОД 1945–1957 ГГ.

Секуляризация в тех или иных ее формах является необходимой частью модернизации общества. В нашей стране периодом ее особенно быстрого осуществления стала советская эпоха. При этом качественный сдвиг в ходе модернизационных процессов пришелся на 1920–1930-е гг. – время грандиозного перелома в образе жизни многомиллионных масс и особой активности государства в деле разрушения народной религиозности. С началом Великой Отечественной войны антирелигиозная пропаганда и преследования церкви в СССР практически прекратились.

В этой связи крайне важным представляется исследование эволюции массовой религиозности в первый послевоенный период, до начала так называемых «хрущевских гонений» на православие, когда церковь, по общему мнению, пользовалась невиданной для атеистического государства свободой деятельности. Это дает нам возможность, в том числе и через сопоставление с другими периодами церковной истории, создать боле полное представление о системе факторов, которые воздействовали на ход секуляризации в разное время.

Особый интерес вызывает изучение религиозности крестьянства, бывшего носителем традиционного мировоззрения в его наиболее чистом виде и, в связи с этим, одной из важных опор церкви в советском обществе. В своем анализе крестьянской религиозности мы опирались в основном, на данные уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по Молотовской и Свердловской областям. Эти материалы являются, наиболее ценным источником сведений о состоянии религиозной обстановке на Среднем Урале в рассматриваемый период.

При знакомстве с ними возникает представление об общем кризисе сельских приходов уральских епархий, в первую очередь связанном с уменьшением количества прихожан. Падение посещаемости сельских храмов, в основном за счет молодежи, было зафиксировано еще в довоенное время (12, 79). Однако после войны оно проявилось в такой степени, что стало источником серьезных проблем для церкви. Малоимущие сельские храмы посещались по обычным воскресным дням 5–30 прихожанами, и только в крупные праздники число посетителей поднималось до 100–300 человек (4, 37). В их числе преобладали лица пожилых и старых возрастов, обычно малограмотные, физически немощные. В свою очередь, это создавало трудности в комплектовании церковных хоров, наборе церковнослужителей. Священник Царевский из дер. Симонята (Молотовская область) так описал эту беду своего прихода: «Ходят одни старухи, никто из них ничего прочесть не может, некого на клирос поставить, никто из них ни в зуб ногой» (7, 15).

Малое количество посетителей, помимо всего прочего, больно било по финансам сельских церквей. Многие сельские батюшки жаловались на изнурявшую их морально и физически крайнюю бедность. По словам одного из них, священники подчас вынуждены были довольствоваться «пищей святого Антония», то есть жить впроголодь (4, 118). Епископ Товия, управлявший Свердловской и Челябинской епархиями, считал, что уже к началу 1950-х гг. значительная часть сельских приходов «дошла до ручки» (14, 134).

В значительной мере общий кризис сельских приходов объясним развитием секуляризации массового сознания, однако в его разрастании существенной была роль и демографического фактора. Послевоенное время стало в СССР периодом стремительной урбанизации общества. Например, если в 1939 г. сельское население Свердловской области составляло 40 % от общего числа жителей, то к 1959 г. его доля уменьшилась до 24 % (10, 5). Деревню покидали не только молодежь и люди среднего возраста – вместе с ними в города переезжали и пожилые члены их семей. Разумеется, это обстоятельство существенно осложняло с точки зрения властей религиозную обстановку в городах: наблюдался некоторый рост числа церковных треб, замедлилось, а в ряде мест и полностью прекратилось падение посещаемости храмов. Но это обстоятельство никак не улучшало бедственного положения большинства сельских приходов.

Тем не менее, ошибкой было бы описывать религиозную ситуацию в уральской деревне только в логике отступления церкви, сдачи ею своих позиций. Особенность времени как раз и состоит в сложном взаимопереплетении разнородных противоречивых процессов, причудливом напластовании черт архаики и модерна. Быстрота преобразований всех сторон жизни общества породила ситуацию сосуществования старого и нового даже в сознании отдельных людей. Применительно к крестьянам Среднего Урала данная особенность отмечалась еще в довоенное время: «здесь уживаются крайняя религиозная насыщенность, ревнивая забота о себе, как бы уберечься от соблазна и греха, от осквернения дьявола – и огромный интерес к общественно-политической жизни и знанию» (13, 77).

Кроме того, традиционное крестьянское мировоззрение в принципе достаточно медленно поддается новым веяниям. Этим объясняется не только все еще заметное место, которое религия занимала в повседневной жизни деревни Среднего Урала, но и наличие в структуре сельской религиозности ряда архаических, едва ли не средневековых черт.

Весьма показательными в этом плане являются описания ежегодных праздников близ с. Кольцово в Молотовской области, где, согласно местному преданию, еще в XIX в. была явлена чудотворная икона св. Николая Угодника. На праздновании в 1955 г. монахини, жившие при местной церкви, раздавали верующим куски плитняка, на поверхности которого можно было при большом усилии воображения различить «лики святых» и восклицали при этом: «Богоматерь с младенцем! Вот истинный лик Николая Чудотворца!» (8, 34).

Достаточно распространены были молебны о хорошей погоде и урожае. В отдельных случаях они служились совершенно официально, с приглашением священника колхозным начальством, при большом стечении народа (2, 57). Известно, что обряды, связанные с сельским хозяйством, исчезают одними из первых в ходе развертывания процессов секуляризации (11, 7). Присутствие такой обрядности в повседневной жизни уральских крестьян свидетельствует не только о тяжести, недостаточной технической оснащенности их труда, но и глубокой традиционности определенных пластов их мировоззрения.

Наконец, следует отметить и такое наглядное свидетельство значимости для крестьян традиционных норм

поведения, как обычай с большим размахом, иногда по несколько дней, отмечать крупные церковные праздники. Даже в тех деревнях и селах, где в ближайшей округе не было ни одной церкви, некоторые колхозники не выходили на работу в Пасху и Рождество (6, 17). Там же, где церковь действовала, масштабы празднований могли превосходить все самые смелые современные представления. В Добрянском районе Молотовской области население некоторых сельсоветов не работало примерно 150 дней в году (7, 55). Иногда сами власти, чувствуя невозможность противодействовать прогулам в дни церковных торжеств, фактически давали санкцию на их легальное превращение в дни отдыха. Так, в 1948 г. в Артинском районе Свердловской области правление колхоза им. Чапаева с ведома секретаря парторганизации Мангилева приняло решение о переносе выходного дня с воскресенья 4 января на Рождество (3, 11).

Таким образом, секуляризация крестьянства Среднего Урала не являлась процессом, лишенным противоречий, развивавшимся равномерно и без препятствий. Традиционное сознание уступало свои позиции крайне медленно и неохотно. Эта ситуация дополнительно консервировалась рядом обстоятельств. Во-первых, власти уделяли сравнительно слабое внимание антирелигиозной пропаганде. Само это понятие временно исчезло из официального лексикона, будучи замененным на «естественнонаучную пропаганду». Следует помнить, что и в довоенный период атеистическое движение встречало на пути своего развития огромные трудности организационного, финансового и другого характера. Теперь к ним добавились и все последствия достаточно длительного, почти пятнадцатилетнего перерыва в практике атеистической работы.

Несмотря на целый ряд постановлений уральских партийных органов об улучшении постановки пропаганды, уполномоченные Совета по делам РПЦ неоднократно констатировали, что на деле меняется немногое: «Мало и редко читаются лекции, плохо работают культпросветучреждения, особенно в сельской местности» (5, 66). Например, из 1171 лекций, прочитанных в 1952 г. населению Кушвинского района Свердловской области, только 169 (14,4 %) имело естественнонаучную (необязательно собственно атеистическую!) тематику (6, 50).

Во-вторых, церковное богослужение по-прежнему продолжало выполнять традиционную для него эстетическо-развлекательную функцию, далеко не везде встречая достойную конкуренцию со стороны советской секулярной культуры. На эту сторону взаимодействия между церковью и обществом верно указывал в 1953 г. один из корреспондентов митрополита Вениамина (Федченкова): «Богослужение, пение, сами здания – все это очень красиво; надо прямо сказать, что наша советская сторона не может предложить что-либо равнозначащее вместо всего этого. Быт ведь еще довольно труден. Театр очень хорош, но дорог, и попасть в него не так уж просто. Хорошие лекции, дискуссии и т. д. имеются, но все требует подготовки… Красоту же пения и обряда, которые дает церковь, просто нельзя заменить! Короче говоря, церковь сейчас дает нечто народу, нечто такое, чего очень большой процент народа не может получить в другом месте» (1, 370).

Разумеется, все эти соображения особенно были применимы к сельской местности с присущей ей слабостью культурной инфраструктуры. Эстетическое богатство церковного обряда привлекало не только пожилых крестьян, которые к тому времени уже привыкли смотреть на церковь как на «свой клуб», но и молодых людей. Так, в первой половине 1950-х гг. в г. Красноуфимске Свердловской области неоднократно отмечались случаи, «когда колхозная молодежь, из некоторых ближних колхозов, группами приходила в церковь из любопытства, как на концерт» (9, 14). Именно недостаток других развлечений зачастую приводился крестьянами как довод в пользу посещения храма и празднования дней церковных торжеств. В колхозе им. Сталина (Пермско-Сергинский район Молотовской области) уполномоченному Совета по делам РПЦ так объяснили желание иметь у себя церковь: «У нас церкви нет, нам она не всем нужна, но у нас в такой большой деревне Мостовой… клуба нет, картины совсем не показывают» (7, 64).

Заметно, что официальный атеизм был далек от окончательной победы в среде крестьянства Среднего Урала. Но все же те препятствия, которые возникали на пути секуляризации деревни, не остановили ее хода полностью. Медленно, но неуклонно сокращался объем присутствия религии в жизни уральских крестьян. В сочетании с особенностями демографического развития региона, вызвавшими уменьшение количества прихожан, это уже в 1940–1950-е гг. привело к упадку сельских приходов и заметной «урбанизации религиозности». Православные обычаи в среде значительной части крестьянства приобрели значение яркой детали уральской повседневности, которая, однако, в новых условиях сравнительно мало сказывалась на общей религиозной обстановке.

Примечания

1. *Вениамин (Федченков). Записки архиерея. М., 2002.*
2. *ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 336. Л. 57.*
3. *ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 348. Л. 11.*
4. *ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 645. Л.37, 118.*
5. *ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 656. Л. 66.*
6. *ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 913. Л. 17, 50.*
7. *ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1144. Л. 15, 55, 64.*
8. *ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1253. Л. 34.*
9. *ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1262. Л. 14.*
10. *Свердловская область в цифрах. 1976–1980 годы. Статистический сборник. Свердловск, 1981.*
11. *Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. М., 1981.*
12. *ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 139. Л. 79.*
13. *ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 14. Д. 375. Л. 77.*
14. *Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. М., 1999.*

А.Ф. Васенёв

«Государственный архив общественно-политической документации Курганской области», г. Курган

РАДИОВЕЩАНИЕ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

С первых дней советской власти коммунистическая партия использовала радиовещание не только в качестве средства связи и информации, но в большей степени как орудие массовой агитации и пропаганды.

Военные и послевоенные годы стали периодом окончательного закрепления за радио именно этой функции. Подавляющее время в сетке центрального радиовещания было выделено общественно-политическому сектору. Радиожурналист должен был быть в первую очередь «работником идеологического фронта», главная задача которого – «повседневно пропагандировать политику большевистской партии, составляющей жизненную основу советского строя…».

В Курганской области, как и в целом по стране, ра-

диовещание находилось под полным партийным контролем. На заседаниях бюро обкома партии утверждались ежемесячные тематические планы работы областного радиокомитета, там же обсуждались итоги их выполнения. Среди передач областного радиовещания в 1945-1953 гг. можно выделить 6 основных тематических групп: партийная и советская жизнь, сельское хозяйство, промышленность, культура и образование, здравоохранение и спорт, молодежная жизнь.

Следует отметить, что одной из главных задач было сочетание московских программ и сравнительно небольших отрезков местного вещания (в 1951 г. среднесуточный объем вещания по областному радио составлял 1 час 2 мин) (1). Важным был принцип дополнительности, когда местные программы, насыщенные своим материалом, приближали слушателей к проблемам жизни региона. Из проведенного анализа количества местных передач на различные темы следует, что в Курганской области передачи общественно-политической направленности занимали отнюдь не первое место, так как их было достаточно на центральном радио. Следуя тому же принципу дополнительности, лидером по количеству передач была тема сельского хозяйства, наиболее актуальная для Зауралья как аграрного региона. По тематике передачи Курганского областного радио в рассматриваемый период в среднем распределялись следующим образом (2):

сельское хозяйство 40,4 %
промышленность 24 %
общественно-политические 21 %
культура и образование 10 %
молодежная жизнь 3,4 %
здравоохранение и спорт 1,2 %

В целом же все направления работы радиокомитета были подчинены задаче мобилизации населения на выполнение и перевыполнение текущих хозяйственных планов, на новый подъем трудового (т.н. социалистического) соревнования, как того требовали партийные органы. Пропаганда сверхценности пятилетних планов активизировалась после выхода 27 марта 1946 г. постановления ЦК ВКП(б) «Об организационо-пропагандистской работе партийных организаций в связи с принятием “Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.”». Курганский обком партии в связи с этим подчеркивал, что «главная задача радиовещания - …правдивым большевистским словом мобилизовать массы на выполнение и перевыполнение грандиозной программы новой сталинской пятилетки…» (3).

В радиоэфире регулярно звучали передачи о роли агитационной работы в повышении производительности труда, в проведении сева, уборки и т.д.: «Агитаторы – организаторы борьбы за высокий урожай», «Агитатор на животноводческой ферме», «Массово-политическая работа среди механизаторов», «Опыт работы лучших агитпунктов», «Сила наглядной агитации» и др. Поощрялись различные «почины», «движения», «инициативы», по радио выступали передовики производства, стахановцы. Путем воздействия таким образом на массовое сознание власть решала вопросы подъема сельского хозяйства и промышленности в условиях отсутствия экономической заинтересованности в труде.

После войны серьезное подкрепление получил культ личности Сталина, чему способствовало наряду с другими СМИ и радиовещание. Так, в декабре 1949 г. в связи с 70-летием Сталина на областном радио в течение 6 дней было передано 9 материалов, приуроченных к юбилею (4). Звучали репортажи о стахановских вахтах в честь этого события, белорусские, украинские, казахские песни и сказы о Сталине. Для сравнения: в 1952 г. прошло столько же радиоматериалов о состоявшемся XIX съезде КПСС (5).

Большое внимание уделялось подготовке к выборам и предвыборной агитации. Акцент здесь делался, с одной стороны, на пропаганду преимуществ социализма («Самая демократическая в мире избирательная система», «Советская демократия – демократия высшего типа»), с другой – на контрпропаганду, дискредитацию политических систем и образа жизни в капиталистических странах («Американская лжедемократия в действии», «Обнищание и бесправие японских рабочих» и т.п.). В выпусках «Последних известий» предписывалось «…освещать трудовой и политический подъем трудящихся области в период подготовки к выборам, …единодушную поддержку кандидатов блока коммунистов и беспартийных…» (6). В преддверии первых послевоенных выборов в Верховный Совет СССР в 1946 г. говорилось, что «комсомольцы и молодежь подойдут к избирательным урнам с гордым сознанием своих неограниченных прав, предоставленных нам нашей партией и правительством…» (7). Путем утверждения в общественном сознании важнейшей идеологической установки ЦК ВКП(б) о превосходстве советского строя над капиталистическим пропагандисты формировали советский патриотизм, морально-политическое единство народа.

Массовое сознание испытывало на себе воздействие двух противоположных факторов: с одной стороны, была пафосная пропаганда советского образа жизни, социалистической демократии, восхваление трудовых достижений; с другой – повседневная реальность с нищенским уровнем жизни и бытовой неустроенностью большинства населения. В 1946 г. даже в областном центре из двух существовавших бань не было ни одной нормально работающей, в столовых не хватало посуды (в одной из них на 600 прикрепленных человек имелось лишь 30 тарелок), товары в магазинах в большинстве своем были бракованные и не ходовые, во дворах многих домов не было мусорных ям, и мусор выбрасывался на улицу (8). Радио, как и другие СМИ, старалось не обращать внимания на «мелкие вопросы быта»; частная жизнь должна была растворяться в общем настрое на великие дела. Даже если информация о повседневной жизни носила положительный характер, сам факт привлечения к ней внимания вызывал неодобрение партийного руководства. Так, на сообщение Мехонского районного радио об устройстве в райцентре тротуаров обком реагировал: «Для Мехонского района главное, конечно, не тротуары, а дальнейшее развитие сельского хозяйства…» (9). А в ответ на сообщение радио о том, что Петуховская МТС в 1948 г. наметила выдать колхозникам на каждый трудодень 6-7 кг хлеба, инструктор обкома партии возмущался: «Какая трогательная забота о личных интересах! А вместе с тем и странная забота, ибо о том, чтобы дать хлеб прежде всего государству, ничего не сказано... Необходимо усилить цензуру за передачами…» (10).

Постоянной критике властей подвергались корреспонденции, носившие только информационный характер, так как они не выполняли функции агитации, пропаганды, мобилизации масс.

На соответствующем идейно-политическом уровне должны были быть и культурно-просветительные радиопередачи. В 1946 г., например, партийное руководство критиковало областной радиокомитет за то, что большинство (!) программ не соответствуют требованиям пропаганды политики партии и «неправильно ориентируют радиослушателей». Так, в одной из передач была положительно оценена роль Александра III в закладке и строительстве Транссибирской магистрали. Обком ВКП(б)

расценил это как восхваление императора и указал, что «…постройка сибирской железной дороги явилась следствием колониальной политики русской буржуазии и крепостников, стремившихся выйти на восточные окраины для грабежа новых народов…». А развитие курганского маслоделия до революции, о котором также рассказывалось в одной из передач как о положительном явлении, оценивалось партийным руководством как «…грабительская политика Николая II, превратившего Зауралье в "кухню Лондона"…» (11). По мнению секретаря обкома по пропаганде, в литературной передаче о М.Ю. Лермонтове не следовало подчеркивать, что он учился у Шекспира, Гюго, Шиллера и Байрона, так как в этом усматривалось излишнее преклонение перед Западом (12).

Таким образом, помимо общественно-политических передач, которые носили чисто пропагандистский характер, не свободны от идеологизации были и радиопрограммы других тематических групп. Главным требованием для радиожурналиста того времени была его политическая грамотность, а не уровень профессионализма. Это приводило к тому, что большинство корреспонденций отличалось бедным языком с обилием штампов и канцелярских оборотов.

В послевоенный период радиоточки и приемники еще не стали обиходными для значительной части населения области. В 1952 г. 1 радиоприемник приходился в среднем на 200 человек (13). В этих условиях, для того чтобы охватить вещанием большее количество людей, устанавливались уличные радиодинамики. В 1950 г. в Кургане было 23 таких динамика. Основная их часть размещалась на промышленных предприятиях и в центре города – на Базарной площади и в городском саду (14). В сельской местности организовывались коллективные радиослушания в избах-читальнях. Однако радиофикация набирала темпы, и если на начало 1951 г. было радиофицировано всего 12 % населенных пунктов Курганской области, то в 1954 г. – уже 71 % (15).

Во всех районах области существовали редакции местного радиовещания, готовившие ежедневные 30-минутные программы, свои радиоузлы были в колхозах. Идеологический контроль над районным, а особенно колхозным вещанием был значительно слабее, зачастую там работали совершенно случайные люди. Это могло приводить к казусам, подобно случившемуся в 1955 г. в с. Лихачи Варгашинского района, когда через колхозный радиоузел в течение 5-7 минут транслировалась передача иностранной радиостанции на русском языке. Радист объяснил, что допустил это по неопытности, так как в радиотехнике абсолютно не разбирается (16).

В целом же радиовещание послевоенного времени выполняло свою основную функцию агитатора и пропагандиста. Как средство оперативной пропаганды радио широко использовало один из самых эффективных способов воздействия на массовое сознание – повторение. Известно, что посредством повторения идея закрепляется в умах до такой степени, что начинает восприниматься как доказанная истина. «Утверждение тогда лишь оказывает действие, когда оно повторяется часто и, если возможно, в одних и тех же выражениях» (17, 75). После войны этот прием, наряду с другими способами внеэкономического воздействия, помогал мобилизовывать людей на выполнение и перевыполнение четвертого пятилетнего плана при отсутствии материальной заинтересованности.

Безусловно, что при комплексном исследовании массового сознания влияние радиовещания необходимо рассматривать лишь как часть общего воздействия СМИ, характеризовавшегося многоканальностью, системностью и координированностью.

Примечания

1. *Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 166. Оп. 9. Д. 184. Л. 38.*
2. *Подсчитано по тематическим планам Курганского областного радиокомитета: ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 5. Д. 202. Л. 11; Там же. Оп. 8. Д. 169. Л. 8; Оп. 9. Д. 184. Л. 25, 39, 44; Оп. 10. Д. 210. Л. 193.*
3. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 191. Л. 24.*
4. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 7. Д. 162. Л. 13.*
5. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 10. Д. 210. Л. 176.*
6. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 9. Д. 184. Л. 30.*
7. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 191. Л. 72.*
8. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 55. Л. 109, 115, 117, 200.*
9. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 191. Л. 35-36.*
10. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 6. Д. 202. Л. 4.*
11. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 191. Л. 27-28.*
12. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 4. Д. 191. Л. 31-32.*
13. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 10. Д. 210. Л. 165.*
14. *ГАОПДКО Оп. 8. Д. 169. Л. 7.*
15. *ГАКО. Ф. Р-1607. Оп. 1. Д. 287. Л. 11; ГАОПДКО. Ф. 166. Оп. 12. Д. 190. Л. 27.*
16. *ГАОПДКО. Ф. 166. Оп.13. Д. 107. Л. 11-12.*
17. *Лебон Г. Психология масс // Райгородский Д.Я. Психология масс: Хрестоматия. Самара, 2006.*

В.Н. Мамяченков
Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1946–1955 ГГ.) КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

После окончания Великой Отечественной войны состояние жилого фонда Свердловской области было удручающим, особенно фонда местных Советов. Объяснить такое состояние жилого фонда можно двумя причинами. Во-первых, тем, что большая его часть была еще дореволюционной постройки, а в советский период строилось в основном «временное» жилье – обычно в виде бараков. А, во-вторых, конечно, все объяснялось последствиями Великой Отечественной войны. На одном из совещаний строителей в июне 1946 года прямо говорилось, что «…на ряде наших предприятий многие тысячи рабочих живут в общежитиях с 2-х ярусной системой (то есть вынуждены спать на двухъярусных нарах. – *В.М.*). При норме 6 кв. м на человека в ряде городов и поселков имеется 2,5–3 кв. м на человека, а на таком крупном заводе, как Новотагильский металлургический, – 2,1 кв. м, на коксохимическом заводе – 2 кв. м, **а есть еще хуже** (выделено нами. – *В.М.*)» (3, 16).

Действительно, «времянки» составляли после войны значительную часть жилого фонда. Например, такой город, как Карпинск, после войны представлял собой нагромождение общежитий: их было 127 и проживало там без малого 10 000 человек. При этом в общежитиях, например, Жилтреста в некоторых комнатах проживало по пять семей (4, 1-2). В других крупных городах области, таких как Нижний Тагил, Каменск-Уральский и других, «времянки» составляли 25–30% жилого фонда. При этом в Нижнем Тагиле у 9 основных предприятий жилой фонд на 51% состоял из временного жилья и только на 49% – из постоянного. Как было подчеркнуто на упомянутом совещании строителей, сотни тысяч квадратных метров такого «жилья» подлежали немедленному списанию за ветхостью (4, 16).

Положение усугублялось темп, что после окончания

войны темпы строительства жилья резко снизились, а в конце 1940-х годов упали практически до ноля (см. табл. 1). И тому было вполне понятное объяснение – завершилась тяжелейшая война, закончился период чрезвычайщины и стимулы военного времени перестали действовать, а новых стимулов строителям никто не предлагал. Были и другие причины: явная нехватка подрядных строительных организаций, примитивная производственная база ремонтно-строительных контор городских Советов, нехватка элементарных стройматериалов (ощущался острый дефицит сантехнического оборудования, деревоматериалов, стекла, алебастра и даже олифы) (5. 18). Говорить о качестве даже вновь построенного жилья не приходилось – оно заведомо не могло быть хорошим хотя бы из-за низкого качества стройматериалов. Например, в справке от 1946 года, подписанной заместителем заведующего отделом строительства и стройматериалов Свердловского обкома ВКП(б) Стихиным, об упомянутом заводе «Новострой» говорились такое, во что трудно даже поверить: «…Технологическая дисциплина на заводе совершенно неудовлетворительная… Качество кирпича низкое…Брак и бой доходят до 45%. Сортность и марка кирпича определяются на глаз» (5, 37-38). А в следующем, 1947-м, году руководство области в письме И.Сталину как о великом достижении сообщало, что из 36 городов области 14 имеют канализацию, а 8 – водопровод (6, 22). Таким образом, в первую послевоенную пятилетку перелома в темпах жилищного строительства не произошло.

Таблица 1

Темпы развития жилищного строительства в Свердловской области в первое послевоенное десятилетие (4-я и 5-я пятилетки)

Годы	Всего введено жилья (тыс. м^2)	В том числе:				Капвложения в жилищное строительство (млн руб.)
		За счет гос. ассигнований	Индивидуальное строительство			
			Всего	В том числе:		
				В городе	На селе	
1946	326	229	97	76	21	185
1947	415	302	113	85	28	241
1948	519	396	123	77	46	242
1949	527	403	124	83	41	291
1950	527	421	106	73	33	364
1951	632	507	125	84	41	530
1952	618	480	138	95	43	553
1953	690	535	155	96	59	589
1954	761	554	207	115	92	614
1955	755	481	274	139	135	592

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.55. Д.174. Л.106–107,114.

За первую половину 1950-х годов в сфере жилищного строительства было сделано немало: капитальные вложения в нее возросли в 1,7 раза, производство стеновых материалов – в 1,8 раза, цемента и асбеста – в 2 раза, стекла оконного – более чем в 3 раза, шифера – более чем в 6 раз, введены в эксплуатацию 8 кирпичных заводов мощностью 173 млн штук кирпича в год и т.д. За 1951–1955 годы было введено жилой площади: в Свердловске – 520, в Нижнем Тагиле – 338, Краснотурьинске – 134 и Первоуральске – 73 тыс. кв.м. Но, правду сказать, и этого было очень мало, так как все перечисленные показатели были изначально крайне низкими. Именно в это время у руководства области возникла идея объединить все существующие подрядные строительные организации, ОКСы и УКСы в единую строительную организацию – «Главсредуралстрой» (7, 101, 103, 131).

Об огромных трудностях в Свердловской области с жильем в 1950-х годах свидетельствуют, например, надписи граждан на избирательных бюллетенях, сделанные ими в 1954 году:

– «Просим новых депутатов хлопотать у Правительства об организации в Свердловске мощного стройтреста, снабженного новейшей механизацией, а все мелкие упразднить, чтобы на наших улицах появились новые большие многоквартирные дома, сменив провалившиеся в землю хибарки».

– «Больше жилья для рабочих».

– «Подумайте о студенческих общежитиях в Свердловске. Нужно, нужно и нужно. Невозможно учиться без общежитий» (8, 52).

Развитие жилищного строительства в области шло противоречиво. Так, в 1955 году ввод жилья в эксплуатацию составил только 85,9 % к плану, а итоги работы по строительству и в данном году были признаны неудовлетворительными. В это время среднедушевая обеспеченность жилой площадью по области составила всего лишь 4,8 кв. м (в том числе по области – 5,2, а по Свердловску – 4,4). При этом более 20 тысяч человек проживали в 512 бараках и 460 землянках (!), подлежащих немедленному сносу (7, 17, 47). В одном из документов отмечалось, что «Темпы строительства жилищ серьезно отстают от развития народного хозяйства области, от роста городов, рабочих поселков. Это положение усугубляется тем, что из года в год не выполняются планы жилищного и культурно-бытового строительства. В результате за один 1955 год не было введено в действие… более 75 тыс. кв. метров жилья» (9, 91). Но при этом капиталовложения в жилищное строительство в послевоенный период постоянно наращивались (см. табл. 1). Достаточно сказать, что в 1955 году они составили 163 % по сравнению с 1950-м годом. Всего же за 5-ю пятилетку (1951–1956 гг.) в жилищное строительство области было вложено 2 881 млн рублей (из общего объема капитальных вложений 15 605 млн, то есть 18,5 %).

Тем не менее, перелом уже наметился: именно 1955 год стал поистине этапным годом для строительства в нашей стране. В это время руководство страны во главе с Н. С.Хрущевым наконец-то взялось за решение жилищной проблемы. Именно в указанном году вышло сразу несколько постановлений ЦК КПСС и Совета Министров, посвященных строительству. Наконец, в этом же году был установлен ежегодный профессиональный праздник – «День строителя», отмечаемый во второе воскресенье августа.

В справке комиссии горкома Свердловского КПСС, датированной 1956-м годом, отмечалось, что жилой фонд области составляет 13,6 млн кв. м, значительная часть семей все еще проживает в ветхих домах и бараках, а для устранения недостатка жилья необходимо ввести в эксплуатацию около 21,5 млн кв. м жилой площади, то есть увеличить жилой фонд более чем в 2,5 раза (9, 2, 78). Состояние жилого фонда тогдашнего Свердловска (с населением примерно 720 тыс. человек) и области можно выразить таблицей 2.

Таблица 2

Жилой фонд г. Свердловска и Свердловской области (тыс. кв. м на начало года)

№№ п/п		Годы			
		1926	1940	1951	1956
1.	г. Свердловск – всего	681	1935,1	2660,7	3226,4
	в том числе:				
	– местных Советов	62,9	447,1	472,0	473,6
	– других ведомств	273,7	1075,5	1693,4	2184,3
	– частновладельческие	344,4	412,0	495,3	568,9
2.	Область – всего	2478,6	4094,2	7217,3	9415,6
	в том числе:				
	– местных Советов	100,4	219,0	279,8	301,5
	– других ведомств	369,5	1816,0	4031,3	5573,8
	– частновладельческие	1999,7	2059,2	2906,2	3540,3

Источник: ЦДООСО. Ф.4. Оп.55. Д.174. Л.77,115.

Из таблицы 2 видно, что размеры жилого фонда области за 30 лет возросли в 3,8 раза. Но за это же время чис-

ленность ее населения возросла в 4,9 раза – с 557 тыс. до 2 749 тыс. человек (9, 77). А потому, чтобы довести норму обеспечения жильем даже до скромных стандартов, принятых в СССР, в области надо было ввести в строй объемы жилья, в 1,6 раза превышающие все его наличие (9, 78).

Но первое послевоенное десятилетие все-таки не прошло зря: за эти годы была подготовлена почва для резкого увеличения масштабов жилищного строительства. И уже за 1957–1959 годы в области было построено 940 кв. м жилой площади, что было в 2,2 раза больше, чем за предшествующие три года – 1954–1956 гг. (10, 1). Планы на семилетку также поражали воображение – планировалось построить примерно 12 млн кв. м жилья, то есть столько же, сколько было его построено за предшествующие 14 лет. При этом капитальные вложения в этот вид строительства должны были составить 49 млрд рублей, то есть значительно больше, чем за все предшествующие пять пятилеток (10, 38). Конечно, значительную часть жилья составляли «хрущевки», как сейчас мы пренебрежительно говорим об этих домах. Но в те годы десятки миллионов людей были счастливы получить в них квартиры.

Появление так называемых «хрущевок» было, с одной стороны, вынужденной мерой, позволившей снизить невероятную остроту жилищной проблемы, но с другой – это было повторение вчерашнего дня градостроительной культуры. Один из строителей тех лет позже вспоминал: «Строили много, но качество плохое, проекты застройки примитивные. Новое строительство давало крышу над головой, тепло для тела, но душу воротило от этих унылых серых коробок, от «отсутствия всякого присутствия» газонов, скамеек, дорожек и других малых архитектурных форм, помогающих создать уют и колорит города» (2).

И это было еще только начало, а конца этого пути еще даже не видно. В прошлом, 2006-м, году популярный российский еженедельник опубликовал следующую информацию: «В России в среднем на душу населения приходится 19,5 кв. м общей жилой площади. В США – более 60, в Норвегии – 74, во Франции – 43, в странах Восточной Европы – примерно 35 кв. м» (1). Комментарии, как говорят, излишни.

Примечания

1. *Аргументы и факты. 2006. № 6.*
2. *Манойлин В.И. Базирование военно-морского флота СССР. СПб.: Нева, 2004.*
3. *ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.138.*
4. *ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.148.*
5. *ЦДООСО. Ф.4. Оп. 41. Д.220.*
6. *ЦДООСО. Ф.4. Оп.43. Д.222.*
7. *ЦДООСО. Ф.4. Оп.55. Д.173.*
8. *ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.112.*
9. *ЦДООСО. Ф.4. Оп.53. Д.174.*
10. *ЦДООСО. Ф.4. Оп.59. Д.190.*

Е.В. Пахомова
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург

ПРОБЛЕМА ВОДОСНАБЖЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ ХОЗЯЙСТВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ (1954-1956 ГГ.)

В середине 50-х гг. XX в. одним из регионов массового освоения целинных и залежных земель стал Южный Урал. В степных районах Южного Урала особо остро стояла проблема организованного водоснабжения организованных на целинных землях хозяйств. Как правило, центральные усадьбы новых совхозов и МТС располагались в непосредственной близости от естественных водоемов (преимущественно рек и озер). В условиях отсутствия централизованной системы водоснабжения населенных пунктов воду из естественных водоемов использовали для технических нужд. Помимо этого питьевой водой полевые станы снабжались также путем завоза из близлежащих естественных водоемов и колодцев (2, 25). При этом не всегда соблюдались санитарно-гигиенические требования. Так, в большинстве целинных хозяйств Чкаловской области в течение весенне-летнего периода 1954 г. вода для питья, доставлявшаяся из рек и озёр, содержалась в грязной посуде и не кипятилась (13, 11). Аналогичная ситуация была отмечена в тракторных бригадах Кулевчинской МТС Челябинской области (7, 209).

В условиях острого дефицита воды на полевых станах не менее остро стоял вопрос об использовании воды на бытовые нужды. По свидетельству первоцелинников, в целинных хозяйствах сложно было организовать стирку белья. А. Мартынова, участвовавшая в освоении целинных и залежных земель в Чкаловской области, вспоминала: «Трудно было со стиркой. Воду негде было согреть, корыта не было, давали тазик - бригадирша себе забрала. Мыться негде было, бани в совхозе не было, а старожилы мылись у себя в кадушках… В поле попадались ложбинки с водой. Вода чистая, нагреется на солнце, вот я там мылась и стирала» (6, 150).

При ближайшем рассмотрении выясняется, что в отдельных областях Южного Урала ситуация с обеспеченностью целинных хозяйств водой была различной. При этом наибольшие трудности в налаживании организованного водоснабжения хозяйств, организованных на новых землях, возникла в Чкаловской области, где на протяжении всего 1954 г. вопросы водоснабжения решались крайне неудовлетворительно. В течение первого года освоения целины на центральных усадьбах восьми новых совхозах было построено 5 буровых скважин, но из-за отсутствия насосов и компрессоров в эксплуатацию не была сдана ни одна скважина. Кроме этого, за данный период было построено только 23 шахтных колодца. Однако в полевых условиях изысканий воды и строительства скважин и колодцев почти не производилось, в результате чего совхозы были вынуждены привозить воду на поля автомашинами на расстояние 50-60 км (3, 46).

Особенно неудовлетворительная ситуация со снабжением водой сложилась в совхозах Адамовского района Чкаловской области. Например, расположение центральной усадьбы совхоза «Озерный» было выбрано без учета фактора водоснабжения хозяйства (11, 40). Центральная усадьба совхоза не имела питьевой воды для населения на месте, поэтому воду завозили за 10 км. В результате этого водоснабжение тракторных бригад данного хозяйства производилось с большими перебоями, что, естественным образом, вызывало недовольство рабочих. Так, в первой половине июня 1954 г. в совхозе «Озерный» рабочие в течение двух недель не пользовались душевой установкой. Стремясь избежать подобных ситуаций в дальнейшем, дирекцией совхоза было принято решение об установлении графика работы душевых, в соответствии с которым каждый рабочий мог воспользоваться душем один раз в 10 дней (4, 7).

В то же время с определенными трудностями пришлось столкнуться и в процессе организации других целинных хозяйств Чкаловской области: не было питьевой воды на первом участке совхоза «Тобольский», неудовлетворительное водоснабжение было в совхозах «Буруктальский», им. XIX партсъезда и «Адамовский». Строительство буровых скважин в этих совхозах поручено про-

мысловому управлению «Бугурусланнефть», которое из 11 пробуренных скважин в течение 1954 г. сдало в эксплуатацию только 2 скважины с водой, которые работали с перебоями, остальные 9 скважин оказались с соленой водой или безводными (12, 175).

Неблагоприятная обстановка с водоснабжением целинных хозяйств сложилась и в хозяйствах Челябинской области. Например, в тракторных бригадах Брединского конного завода № 146 для людей не хватало воды, так как она привозилась на быках за 8-10 км. В условиях постоянного недостатка воды нерегулярно для рабочих организовывалась баня, поэтому рабочие некоторых тракторных бригад не мылись в бане более 2-х недель (14). В условиях дефицита автотранспорта нередкими были случаи, когда руководителям отдельных хозяйств не удавалось наладить бесперебойное водоснабжение полевых станов целинных совхозов и МТС. Выходом из подобных ситуаций было привлечение к перевозкам воды лошадей. В связи с этим одной из наиболее востребованных на целине в первые годы ее освоения (1954-1955 гг.) стала профессия водовоза. В «Сталинской смене» в очерке, посвященном становлению организованных на новых землях хозяйствах, было отмечено: «Водовоз - … важная и ответственная профессия в условиях нового степного совхоза. Не подвезешь вовремя воды на полевой стан - и тракторы остановятся, и обед людям не сваришь. А вода в степи не везде есть. Возить ее издалека придется. И самому доставать из колодца. Не каждому это под силу, а девчатам тем более...» (9).

Министерство совхозов РСФСР приказом от 23 сентября 1954 г. обязало местные власти организовать бесперебойное снабжение полевых станов доброкачественной водой для питьевых и санитарно-гигиенических целей. Одновременно с этим местным властям надлежало обеспечить бесперебойное банно-прачечное обслуживание работников совхозов, как на центральных усадьбах, так и в полевых станах, организовав для этого стационарные и передвижные бани (душевые установки), прачечные, дезинфекционные камеры и парикмахерские (5, 91).

В июне 1955 г. Центральное статистическое управление СССР провело выборочное обследование организованных на целинных и залежных землях совхозов. В результате данного исследования было установлено, что в 49 проверенных хозяйствах, расположенных на территории РСФСР, в 19 совхозах использовалась вода из колодцев и артезианских скважин (8, 77).

В 11-ти новых совхозах Чкаловской области на момент проверки действовало 2 артезианских скважины; в 2-х хозяйствах вода бралась из близлежащих рек и прудов, в 6-ти совхозах - из смешанных источников, только в одном совхозе использовалась привозная вода. При этом численность населения целинных районов Чкаловской области, пользовавшихся привозной водой, составляла 1,5 тыс. человек. В 10 целинных совхозах Челябинской области действовало 7 колодцев и артезианских скважин, в одном хозяйстве использовали воду из родников, в 2-х совхозах - из смешанных источников (8, 77) (таблица 1).

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в ходе проверки, произведенной Центральным статистическим управлением СССР в июне 1955 г., из 88 совхозов, организованных в целинных районах РСФСР, было обследовано только 49 хозяйств (около 55,7 % от общего их количества). Следовательно, приведенные в отчете ЦСУ СССР данные (хотя они и дают определенные представления относительно проблемы обеспеченности водой целинных совхозов) в целом не могут быть признаны исчерпывающими. Что касается территории Южного Урала, то ситуация выглядит следующим образом. В Челябинской и Чкаловской областях были обследованы все совхозы, организованные в течение 1954-1955 гг. на целинных землях (10 и 11 соответственно). Поэтому информацию относительно водоснабжения целинных хозяйств этих областей можно характеризовать как достаточно полную. В то же время в процессе предпринятой ЦСУ СССР проверки не были обследованы целинные хозяйства Башкирской АССР (4 совхоза, созданные в 1954-1955 гг.). В связи с этим следует признать, что вопрос об организации водоснабжения в совхозах Башкирской АССР требует дополнительного изучения.

Таблица 1.

Обеспеченность водой целинных совхозов Южного Урала (по данным на июнь 1955 г.)

	РСФСР	Чкаловская область	Челябинская область
Всего обследовано совхозов	49	11	10
Общая численность населения, проживавшего в обследованных совхозах (тыс. человек)	47,9	10	13,7
в том числе численность рабочих и служащих	24,1	6,1	5
Число совхозов, предоставивших сведения о водоснабжении	49	11	10
Вода из колодцев и артезианских скважин	19	2	7
Вода из рек и прудов	4	2	-
Вода из родников	1	-	1
Вода из смешанных источников	22	6	2
Привозная вода	3	1	-
Численность населения в совхозах, пользовавшихся привозной водой (тыс. человек)	2,9	1,5	-

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 45. Д. 96. Л. 74, 76-77.

Вследствие дефицита воды в первые годы жизни на целине переселенцы, прибывшие в районы освоения новых земель, не заводили огородов: в условиях отсутствия организованного водоснабжения растения было нечем поливать. В целинных районах Чкаловской области организованное водоснабжение в основном удалось наладить к 1957 г. Постепенно на целине стали появляться индивидуальные огороды. В числе первых был разбит сад-огород в совхозе «Кульминский», в котором получали хороший урожай капусты, картофеля, моркови, огурцов, помидоров. Это дало возможность снабжать свежими овощами детские учреждения, столовую и самих рабочих хозяйства (1, 62).

Начиная с 1956 г., по мере решения проблемы водоснабжения совхозов и МТС, организованных на целинных и залежных землях, стали предприниматься шаги по благоустройству новых поселков. Так, в Челябинской области уже в 1956 г. в новых хозяйствах были озеленены улицы целинных поселков, разведены сады, разбиты цветники. Одной из первых в области была благоустроена центральная усадьба совхоза «Заозерный» (10, 40).

В целом в период массового освоения целинных земель проблема обеспечения новых хозяйств водой была одной из наиболее актуальных. Успешное решение вопросов нормального водоснабжения, с одной стороны, зависело от эффективной организаторской работы руководителей, так как в условиях организационно-хозяйственного становления целинных хозяйств исключительно важное значение имел практический опыт руководящих кадров, способных в критической ситуации самостоятельно принять решение; с другой стороны, от деятельности тех ведомственных организаций, на которые возлагалась основная работа по изысканию источников воды и их последующей разработке.

Примечания
1. *Бирюкова В.И. Сказание о хлебе Оренбургском. Оренбург, 2004.*
2. *Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-846. Оп. 3. Д. 638.*
3. *Там же. Д. 639.*
4. *ГАОО. Ф. Р-1896. Оп. 4. Д. 15.*
5. *ГАОО. Ф. Р-2567. Оп. 1. Д. 1.*
6. *Мартынова А. Целина // Гостиный двор. 1999. № 7.*
7. *Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-274. Оп. 3. Д. 3482.*
8. *Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 45. Д. 96.*
9. *Сталинская смена. 1955. 12 января.*
10. *Тяжельников Е.М. К вопросу о миграции населения в связи с освоением целинных земель // Ученые записки Челябинского отдела Географического общества СССР. Вып. 2. Челябинск, 1957.*
11. *Ударова О. Целина: история и практика // Блокнот агитатора. 1989. № 14-15.*
12. *Ударова О.В. Источники по истории освоения целинных и залежных земель на Южном Урале. 1954-1963 гг.: Дис. … канд. ист. наук. М., 1989.*
13. *Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИ ОО). Ф. 371. Оп. 17. Д. 2010.*
14. *Челябинский рабочий. 1994. 25 марта.*

О.В. Кузнецова
Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург

СЕМЕЙНЫЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЦЕЛИНЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА ПЕРИОДА ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» (1954-1959 ГГ.)

В рамках истории повседневности одним из интереснейших аспектов изучения является рассмотрение истории семейных и межличностных отношений. Особенность данного аспекта повседневной жизни характеризуется, прежде всего, малой возможностью анализа по архивным данным, в частности в рамках нашей темы. Поэтому восстановление и конструирование повседневных отношений целинников происходит в основном на уровне воспоминаний самих участников событий исследуемого периода.

В общесоветском ракурсе современные ученые, в частности Б. Н. Миронов, оценивают семью периода «оттепели» следующим образом: это семья, где сохраняется авторитарный стиль, то есть по-прежнему главенствует отец, и родители доминируют над детьми. Но по сравнению с предшествующим периодом «новое состояло в том, что ребенок стал рассматриваться родителями как смысл жизни, как главный объект заботы и привязанности… Отношения между супругами становятся более партнерскими,… число детей сокращается до одного - двух, редко трех. Постепенно между родителями и детьми устанавливаются эмоционально насыщенные отношения, дети приобретают автономию. Патриархальная семья трансформируется в малую детоцентристскую» (10, 64-65).

Данное утверждение можно отнести в полной мере и к семьям первоцелинников. Отличительной чертой является, пожалуй, лишь то, что в их семьях количество детей было не 1-2 человека, а 2 и более. Доказательством этому может послужить наш расчет по ведущим целинным районам Оренбургской области (Адамовский, Домбаровский, Кваркенский) численности детей на семью из двух человек. В результате получены следующие данные: на семью из двух человек в среднем в Адамовском и Кваркенском районах приходилось по 2,4 ребенка, то есть уже больше двух детей, а в Домбаровском – 2, 8 ребенка, то есть почти трое детей (5, 1; 6, 1; 7, 49). Это в полной мере отвечает тезису о детоцентристской семье и новому отношению к ребенку. Рожали не потому, что хотели получить ряд выгод, тем более, что на целине это были очень условные выгоды ввиду отсутствия элементарного комфорта. Рожали потому, что ребенок стал теперь смыслом жизни, без которого семья не могла в полной мере называться семьей.

При этом, по мнению Н. Таубера, рождаемость зависит от степени занятости женщины (16, 4-5). Здесь можно привести следующие данные: по сельскому населению Оренбургской области удельный вес женщин в численности рабочих и служащих по совхозам в области (в процентах к общей численности рабочих и служащих) составляет на 1955 год – 32%, на 1957 год – 32%, на 1959 год – 31%. Соответственно число родившихся по области на 1000 человек в эти годы составляет 28 человек в год на 1000 человек (11, 110; 13, 152, 194). Как видно из приведенных выше данных, численность женщин-рабочих в совхозах области была не очень значительна - около 30%. Это объясняет, в свою очередь, достаточно высокую рождаемость здесь.

Возможность содержать столько детей объясняется, кроме социального пакета, который предоставлялся всем советским семьям, решивших родить ребенка, ещё и очень хорошими заработками. В среднем от 250 до 1000 рублей в 1954 году (17, 28). В 1956г. эта сумма увеличилась: от 1000 до 6 000 плюс премиальные (2, 2). При этом в 1954 году картошка стоила за 1 килограмм - 2руб. 50 коп., морковь -3руб., мясо -12руб.

Но прежде, чем появлялась сама семья, молодые люди выстраивали целый ряд межличностных отношений, которые в итоге заканчивались или не заканчивались браком.

Прежде всего, в зависимости от условий и степени кадровой наполняемости целинных совхозов, проблемы поиска своей половины решались по-разному. По воспоминаниям А. П. Романова, работавшего с 1956 по 1960 годы директором хлебоприемного предприятия в центре вновь созданного Адамовского целинного района, видно, что в его владениях девушки страдали от нехватки мужской части населения и связано это было с вполне объективными причинами: с работой диспетчеров, зерносушильщиков и лаборантов, которую необходимо выполнять на хлебоприемном пункте, «и женщины могут справиться». Поэтому здесь на одного парня приходилось 10 девушек (14, 19).

Другая ситуация была в совхозах, где было больше мужчин, но не было условий для знакомства и проведения свободного времени (клубов и художественной самодеятельности). Данное утверждение относится особенно к первым годам освоения целины, но не теряет своей актуальности и в последующие годы. Поэтому в результате неорганизованности досуга и половых диспропорций вся система отношений сводилась к выяснению последних, в основном в драках. По утверждению оренбуржца, члена Союза художников России Владимира Боброва, часто посещавшего целинные районы: «А драки – из-за девиц, их, надо полагать, завезли сюда не в достаточном количестве… И каждый вечер то порежут кого-нибудь, то изобьют до полусмерти…» (1, 76). Но даже в таких условиях молодежь выходила из положения. По воспоминаниям Д. М. Фаттахова, работавшего в Брацлавском совхозе в исследуемый нами период, танцы устраивали прямо на полевых станах в первый год освоения, на пыльных площадках целинной земли под обычную гармошку. Позже под клуб был приспособлен

склад, и только потом был построен сам клуб (9).

После этапа знакомства наступал этап выстраивания отношений внутри пары. Особенностью ситуации с целинниками по сравнению со всем советским обществом было то, что молодежь приезжала на неосвоенные целинные земли, отрываясь от ориентиров среды своей семьи, то есть передача житейского опыта внутри семейной ячейки была почти всегда невозможна, хотя старшее поколение присутствовало и здесь, но не в качестве родителей, а только соседей. Именно поэтому можно утверждать, что в выстраивании семейных отношений приоритет отдавался художественным идеалам, широко пропагандируемым с экранов кинопередвижек. В подтверждение этому можно привести, к примеру, следующий факт: в вагончиках девушек по всем стенам были расклеены любимые и популярные тогда актеры. А тогда вышел целый ряд замечательных фильмов. Вторая половина 50-х – нач. 60-х - «Карнавальная ночь» (1956), «Девушка без адреса» (1957), «Три плюс два» (1963), «Человек-амфибия» (1961) и другие, ясно показывающие идеалы отношений между мужчиной и женщиной.

После свадебного обряда, а во второй половине 50-х годов торжественное проведение свадеб считалось введением нового обряда в советскую повседневную жизнь, сами рутинные семейные отношения проследить довольно сложно. Но, проанализировав брачно-разводную характеристику целинной семьи, можно сделать вывод о степени крепости семейных отношений на целине и динамике браков в крупных целинных районах (таблица 1).

Таблица 1

Численность браков и разводов по основным целинным районам Оренбургской области

Назван. района	1954 год		1956 год	
	браки	разводы	браки	разводы
Адамовский	245	нет	308	1
Домбаровский	157	нет	92	нет
Кваркенский	216	2	196	6
Ново-Орский	280	нет	273	2

Составлено по: (3, 40; 4, 59).

Анализируя данную таблицу, можно сделать вывод, что количество браков увеличилось только в Адамовском районе. При этом количество разводов возросло практически во всех районах. Но это не говорит о том, что браки были чаще в Адамовском районе. Подобную ситуацию можно объяснить значительным увеличением численности населения целинных районов в течение вообще этих двух лет и одновременной текучестью его, что объясняет нестабильность роста браков. При всем том, что количество разводов увеличилось, их сумма была незначительна по сравнению с суммой браков. Данную ситуацию можно объяснить действием Указа Верховного Совета от 8 июля 1944 года, который внес серьезные изменения в законодательство о разводах. «Из прежде доступного акта гражданского состояния, для которого требовалось лишь обоюдное согласие (заявление) супругов, развод был превращен в сложнейшую юридическую процедуру, которая, как правило, очень затягивала разводы...» (12, 257).

Особенностью существования семьи в условиях целины была постоянная нестабильность жилищных условий и отсутствие постоянной инфраструктуры, кроме того, накладывалось ещё и два слоя привычек и традиций городского жителя и сельского, которые в полной мере столкнулись на целине, так как большинство из целинников были горожанами. Но относительно небольшой коллектив совхозов больше тяготел к сельскому образу жизни, поэтому здесь естественно отсутствовала анонимность в отношениях, усиливался «контроль со стороны односельчан, соседей» (15, 49).

О значении отдельных событий в жизни семьи можно судить при анализе личной корреспонденции. В частности, нам удалось найти и проанализировать 75 почтовых открыток одной семьи (из личного архива Д. М. Фаттахова), на основании которых мы смогли сделать вывод о значимости отдельных праздников в конкретной семье. Больше всего сохранилось открыток с поздравлением «8 марта» (24 шт.), причем поздравляли друг друга не только взрослые, но и дети: дочери отправляли матери поздравительную открытку, будучи ещё девочками и живя с нею в одном доме. При этом дети обязательно обращались к ней на «Вы». Меньше всего открыток с поздравлениями с праздником «Советской Армии» (2шт.). Но по воспоминаниям самого Д. М. Фаттахова основными праздниками во всех семьях его знакомых и друзей были «Праздник 7 ноября», «Новый год», «Праздник 1 Мая» и «8 марта» (9).

Говоря о межличностных отношениях, нужно отметить, что они создавались по нескольким приоритетам: личные интересы, национальный фактор и занимаемая должность. Например, если в кругу целинников были люди разной национальности, то они обычно имели два круга друзей: среди своих и общий круг знакомых. Общие интересы выстраивали также свой ряд знакомств. Особняком здесь, пожалуй, можно назвать лишь реэмигрантов из Китая, которые, кроме общих знакомств, старались не потерять своих прежних друзей, сплоченных долгой чередой лет вынужденной эмиграции. По воспоминаниям А.В. Лукина, реэмигранта из Китая, чтобы не выделяться из общей массы советской молодежи и найти новых друзей, он, крещеный ещё в Харбине, приехав на целину, снимал крест, когда общался со своими советскими сверстниками, и снова его одевал, когда попадал в свою среду (8).

Особо также стоит выделить значение занимаемой должности. Конечно, это было не повсеместно распространено, но чаще всего директора совхозов общались в основном с главными инженерами, главными зоотехниками, главными бухгалтерами и главными агрономами совхозов. Такой вывод можно сделать, основываясь на докладных на директоров различных целинных совхозов, устраивавших, как их называли сами целинники, «сабантуи» исключительно с «приближенными» по статусу (18, 53-63).

Но совместное время проводили, что следует из всех воспоминаний целинников, и с семьями, и с друзьями, занимаясь примерно одним и тем же: домино, карты, лапта, рыбалка, кино, семейные праздники.

Подводя итоги, отметим, что выстраивание семейных и межличностных отношений на целине наряду с общими проявлениями в рамках характеристики советской семьи имело свои особенности, которые вытекали из целого ряда факторов, сопровождавших повседневную жизнь целинников в изучаемый период.

Примечания

1. Бобров В. Зимняя радуга //Альманах «Гостиный двор». 2004. № 6. С.75-77.
2. Голованов М.Г. «Комсомольский» на целине // Целина, 1994, 11 июня.
3. ГАОО. ФР.1003. Оп.10. Д.104. Л.40
4. ГАОО. ФР.1003. Оп.10. Д.148. Л.59.
5. ГАОО. ФР.1465. Оп.6. Д.1312. Л.1.
6. ГАОО. ФР.1465. Оп.6. Д.1420. Л.1.
7. ГАОО. ФР.1465. Оп.6. Д.1449. Л.49.
8. Из личных бесед с А. В.Лукиным.
9. Из личных бесед с Д. М. Фаттаховым.
10. Миронов Б. Н. Семья семье рознь. Российское общество в зеркале семейных отношений //Родина. 2001. №8. С.60-66.
11. Народное хозяйство Чкаловской области. Статистичес-

кий сборник. Чкалов: Чкаловское книж. изд-во, 1957. 139 с.
12. Население России в XX веке: Исторические очерки: В 3-х т.Т.2. 1940-1959. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. 416 с.
13. Оренбургская область за 25 лет. Статистический сборник. Оренбург: Оренбургское книж. изд-во, 1960. 203 с.
14. Романов В.П. На оренбургском хлебном фронте. Оренбург: ООО «Печатный дом "Димур"», 1998. 112 с.
15. Рывкина Р.В. Образ жизни сельского населения. (Методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности). Новосибирск: Изд-во «Наука», 1979. 352 с.
16. Таубер. Н. Условия жизни семьи и среднее число детей // Демографический анализ рождаемости. М.: «Статистика», 1974. С. 3-12.
17. ЦДНИОО. Ф. 371. Оп. 17. Д.2009. Л.28.
18. ЦДНИОО. Ф.779. Оп.17. Д.118. Л.53-63.

И.Г. Коурова
Курганский государственный университет,
г. Курган

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 50-70-Х ГГ. XX ВЕКА – ДИРЕКТОР КАМАГАНСКОГО СОВХОЗА А.И. БИМОКАНОВ

Стремление к повышению уровня жизни народа выдвигает высокие требования к развитию сельскохозяйственного производства. Закономерно внимание исследователей не только к вопросам разработки и реализации аграрной политики, но и к людям, которые претворяли эту политику в жизнь. Одной из неординарных личностей, оставивших свой след в истории сельского хозяйства Курганской области второй половины 1950 - 1970-х годов был Умербек Бимоканов.

Родился Умербек Бимоканов 3 марта 1916 г. в ауле Иссель Тункиренского района Северо-Казахстанской области в семье крестьянина-бедняка. В 1919 г. родители его трагически погибли: во время грозы от удара молнии. Мальчик остался круглым сиротой. Детство было трудным, не слишком сытым – такое было время. Но обделенным теплом, вниманием, заботой Умербек себя никогда не чувствовал ни в детском доме, ни у родных, взявших его на воспитание. Окончил семилетнюю школу. А в 1930 году, который выдался в Казахстане засушливым и голодным, семья переехала в Журавлевский совхоз Омской области. Подросток вместе с взрослыми членами семьи пошел работать. Поначалу был курьером в совхозной конторе, с 1931 г.- рабочим на ферме, в 1932 г. в неполных 16 лет назначается бригадиром животноводов. В 1937 г. Умербека призывают в ряды РККА. Армия для него стала большой школой. Не зря считается, что армейская служба выковывает стойкость, ответственность, мужество. На Дальнем Востоке во второй Краснознаменской армии он окончил десятилетку, был принят в ряды ВКП (б). В декабре 1939 г. возвращается в ставший уже родным Журавлевский совхоз, а в 1941 г. на пятый день войны, получив повестку из военкомата, становится бойцом ударной Краснознаменной особой армии, участвует в обороне Москвы. Получив тяжелое осколочное ранение, долго находиться на излечении в госпиталях. В 1942 г. по состоянию здоровья был демобилизован (1, 4-5).

Вернувшись в Журавлевский совхоз, стал работать заместителем начальника политотдела этого хозяйства, управляющим фермой, затем Ишимским трестом совхозов направляется старшим зоотехником Станиченского совхоза Тюменской области. В 1950 г., пройдя обучение на годичных курсах директоров, Умербек Бимоканов переводится на должность заместителя директора совхоза «Пионер» Макушинского района Курганской области и одновременно поступает на заочное отделение Омского сельхозинститута. С июля 1954 г. назначается старшим зоотехником овцеводческого совхоза «Камаганский», тогда входившего в Звериноголовский район.

Еще не зная о том, что вся оставшаяся жизнь будет связана с этим хозяйством, Умербек ощутил себя на своем месте. Отары овец, заботы о них, уход за ними были знакомы не понаслышке, а на практике, любимы еще с детства, проведенного в казахских степях, да и время получения диплома «ученого зоотехника» приближалось, значит, мальчишеская чабанская «практика» могла быть подкреплена серьезной научно-теоретической базой. Руководство же Курганского треста совхозов и Звериноголовского района уже знало, что коммунист Бимоканов способен эффективно решать сложные задачи, требующие постоянной деловой активности, никогда не подведет, подготовлен к выполнению более ответственных обязанностей. Строки из характеристик-рекомендаций Бимоканова на должность директора, данных РК КПСС и товарищами по работе, подтверждали это: «Хорошо знает совхозное производство, обладает организаторскими способностями, настойчив в выполнении принятых решений», «… к порученной работе главного зоотехника относится честно, добросовестно, обращает внимание на уход за животными», «…товарищ Бимоканов выполняет работу, не покладая рук». В июле 1955 г. Курганский обком КПСС утвердил У. Бимоканова в должности директора овцесовхоза «Камаганский» (1, 12, 16).

Совхоз в передовых не числился, прибыли хозяйство не приносило, практически все отрасли аграрного производства были нерентабельны. Центнер молока обходился здесь в 240 руб., это не считая накладных расходов. Вместо 94 руб. по плану (масштаб цен тех лет), убытки от падежа скота составляли более 200 тыс. руб., настриг шерсти с овцы менее 3,5 кг, животноводческие помещения ветхие, в кошарах – сырость, государственные планы по продаже молока и мяса не выполнялись, не хватало водопоев (2).

Столько проблем, что у иного руководителя руки бы опустились. Но не из таких был новый директор. Смелости, решительности, умения ставить реальные цели, определять средства их достижения Умербеку было не занимать. Детально ознакомившись с общим положением дел в совхозе, Бимоканов собирает специалистов, заведующих фермами, МТМ, бригадиров для выработки мер по снижению себестоимости продукции, сокращению непроизводительных расходов, росту производительности труда и увеличению объемов производства. Принимается программа действий и решение проводить также подобные совещания каждый месяц для отслеживания и анализа положения дел в хозяйстве, для своевременной ликвидации прорывов, «слабых мест». В совхозе вводится ежедневная нарядная система и ежедневное же подведение итогов работы животноводов, полеводов, механизаторов. Для улучшения поения животных совхоз без промедления приобретает и устанавливает 11 водоподъемников с конными приводами. При переходе к пастбищному содержанию скота решено было предложить подкормку его силосом, концентратами. В результате этих мероприятий за май 1956 г. надой на фуражную корову составил 1044 л, что на 250 л больше, чем в мае 1955 г. (3).

Первый успех радовал всех камаганцев. Однако основной отраслью «Камаганского» являлось овцеводство. Овцы были неперспективных, грубошерстных и полугрубошерстных пород. А государству требовалась тонкая шерсть. Директор принимает смелое решение в сжатые сроки - уже в 1957 г. перейти на разведение тонкорунных

овец, полностью заменив поголовье стада.

Понимал Умербек Бимоканов, что для улучшения породы, сохранения и приумножения поголовья стада требуется большое мастерство, ответственность обслуживающего персонала, радикальное решение проблемы кормов. Не сразу все устроилось… Но в 1959 г. впервые Камаганский совхоз от своей хозяйственной деятельности получил прибыль, и впоследствии хозяйство уже всегда являлось высокорентабельным. В 1960 г., к примеру, в совхозе урожайность пшеницы составила 19,2 ц/га, надои молока – 2,6 тыс. кг на фуражную корову, настриг шерсти – 5,3 кг на каждую овцу(4, 21). С каждым годом «Камаганский» добивался новых успехов. Рос авторитет директора среди рабочих и специалистов. Его забота о людях, о их материальном достатке, духовных запросах и бытовых потребностях видна была каждому, что называется, «невооруженным глазом». На этой почве – «заботы о людях» - однажды даже на бюро Звериноголовского райкома партии его поступок «разбирался» по жалобе председателя райпотребсоюза: накричал на него Бимоканов, «слова разные» употреблял. Изменили Умербеку выдержка, терпение из-за обиды за своих полеводов и животноводов – люди днюют и ночуют в полях, на фермах, а в сельских магазинах не могут приобрести самых необходимых и простых вещей, которых на каждой базе полно, мыло хозяйственное, например. Звериноголовскому райпо давно плохую работу на вид ставили, потому бюро и ограничилось в отношении директора Камаганского совхоза лишь замечанием, учло, так сказать, «смягчающие обстоятельства».

В те времена и стали односельчане величать своего директора Андреем Ивановичем, что звучало одинаково уважительно и по-свойски, и для казахов, и русских, и украинцев, и молдаван, живших и трудившихся тогда в Камагане. Так это имя к нему прикипело, что и в официальных документах – анкетах, листках по учету кадров, с 1960-х гг. именует он себя уже не Умербек, а Андрей Иванович. И не было в этом отказа от своих «корней» (родных Андрей Иванович не забывал, поддерживал постоянные связи, помогал, чем мог), а обычный, привычный для советского человека интернационализм, впитанный с детства в семье и школе, потом в армии, вузе, на производстве.

Между тем совхоз «Камаганский» уверенно набирал силу, шел вперед и вперед. Не мешали ему ни перестройки системы управления сельским хозяйством – колхозно-совхозные управления заменили привычные районы, затем районы снова восстановили, но совхоз уже вошел в состав Куртамышского района. Овцеводческое хозяйство становится школой по внедрению передовых приемов в земледелии. За достижение высокой урожайности зерновых, внедрение новых форм организации труда, позволяющих проводить весь комплекс полевых работ в сжатые сроки, с высоким качеством и эффективным использованием техники, хозяйству в 1970 г. было присвоено звание «Высокой культуры и земледелия». Камаганский метод уборки урожая широко применялся по всей стране. «Кто не видел, как убирали урожай при Бимоканове, - вспоминает Г.П. Устюжанин, - навечно потерял возможность увидеть захватывающее дух чудо. На обширнейших хлебных нивах стрекотали комбайны с красными флагами на бункерах. По распоряжению директора – каждый, кто выполнил накануне дневное задание по косовице или намолоту зерна, вправе поднять над агрегатом флаг… Смотришь на хлебные просторы и кажется – на боевых маневрах находишься. У людей рабочий азарт в глазах и на душе…» (5).

Передовые приемы применялись и в овцеводстве. В 1970-е гг. поголовье овец достигло 40 тыс., действовал комплекс на 5 тыс. овцематок, 6 кормоцехов; на 2 тыс. га бывших песчаников раскинулись рукотворные культурные пастбища. Ежегодно в овцеводческие хозяйства области из совхоза, носившего с 1972 г. название «имени 50-летия СССР», поступало более 3 тыс. голов молодняка. Поголовье крупного рогатого скота перевалило за 3 тыс.

Большое внимание Андрей Иванович уделял социальной сфере. Стремился обеспечить специалистов и рабочих благоустроенным жильем. В области тогда остро не хватало строительных материалов. Бимоканов решил эту проблему по-своему: выстроил кирпичный завод, небольшой, но для возведения жилых домов для камаганцев и объектов соцкультбыта его продукции хватало.

Вскоре в совхозе были возведены не только жилые дома, но и магазины. Дом культуры – с концертным и кинозалом, библиотекой, комнатами для проведения занятий «артистов» из художественной самодеятельности, детский сад, прекрасная школа с интернатом для детей из дальних отделений хозяйства.

Традиционным, проходившим в очень торжественной и праздничной обстановке стало чествование передовиков производства, юбиляров.

В 1972 г. совхозу за заслуги в развитии земледелия, животноводства было присвоено почетное наименование «имени 50-летия СССР». Награды и звания не обходили и директора. Имел он с добрый десяток медалей, ордена «Знак Почета», Ленина, в 1973 г. стал Героем Социалистического Труда, в 1976 г. был избран областной партийной организацией делегатом XXV съезда КПСС. Все это свидетельства признания заслуг, уже претворенных в жизнь замыслов директора и его, как сейчас говорят, «команды». А сколько осталось неосуществленных планов, задумок, проектов. А.И. Бимоканов ушел из жизни рано, практически скоропостижно; говорят, можно было спасти, но не успели довезти до областного центра в «обкомовскую», как называли ее курганцы, больницу (ныне областной кардиодиспансер). Там был знающий, опытный персонал, комфортабельные палаты. Но полежать в этих «хоромах» Бимоканову было все недосуг. И сейчас еще работники ОКД вспоминают, как не могли доктора зазвать его не только на лечение, но и на элементарное профилактическое обследование. Высокие показатели в сельскохозяйственном производстве легко никогда не давались: накапливалась усталость, организм давал сбои, фронтовое ранение о себе напоминало.

Не умел ни жалеть, ни щадить себя Бимоканов. Умел он другое – работать много, с азартом, не покладая рук, добиваться все новых и новых успехов.

Примечания

1. *ГАОПДКО (Государственный архив общественно-политической документации Курганской области) Ф.166, оп.321, д.4, л.4-5.*
2. *Сталинский путь.1956. 25 марта.*
3. *Сталинский путь. 1956. 11 апреля; 18 июня.*
4. *ГАОПДКО, Ф. 166, оп. 321, д. 4*
5. *Золотое созвездие Зауралья. Курган: Парус – М, 2002. С.45.*

В.П. Копылов
Курганский пограничный институт ФПС РФ, г. Курган

КУРГАНСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ОБРАЗОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ (1960 –1965 гг.)

В конце 50-х годов XX века в Зауралье интенсивно развивались различные отрасли тяжелой промышленности, в том числе и машиностроительная. Такие заво-

ды, как Курганский автобусный, Уралсельмаш, Кургансельмаш, Курганский машиностроительный завод требовали высококвалифицированных инженерных кадров.

В связи с этим в ноябре 1959 года Совет Министров СССР издает постановление, согласно которому в Кургане на базе филиала Уральского политехнического института создается Курганский машиностроительный институт. Согласно этому постановлению 18 апреля 1960 года Министерство высшего и среднего специального образования РСФСР издает приказ № 290 «Об упорядочении сети вечернего и заочного образования в Курганской области», в котором говорилось об организации с 1 июля 1960 года в составе КМИ вечернего и заочного факультетов (2, 78).

Руководство области и города проявляло последовательную, творческую настойчивость в организации высшего технического учебного заведения в г. Кургане. Необходимо было решить такие сложные вопросы, как выделение соответствующей материальной базы, оснащение лабораторий и кабинетов оборудованием и приборами, приглашение квалифицированных преподавателей из других городов с выделением им соответствующих квартир и многие другие.

В январе 1960 года приступил к работе ректор института Радько К.И., а в феврале – проректор института по учебной и научной работе Мосталыгин Г.П. В должности проректора по административно-хозяйственной работе был утвержден Петров С. Я. (1).

Приказом Министра высшего и среднего специального образования РСФСР № 345 от 4 мая 1960 года была утверждена структура Курганского машиностроительного института. Осуществлялась подготовка по трем специальностям: «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты», «Оборудование и технология сварочного производства», «Автомобили и тракторы». Устанавливалось три формы обучения: дневная, вечерняя и заочная (2, 82). Был утвержден и план приема в КМИ: на дневной факультет – 150 человек (декан – доц., канд.физ.-мат.наук Филатов Н.В.), вечерний – 100 человек (декан – ст. преп. Бирюков В.П.), заочный – 100 человек (декан – доц., канд.техн.наук Давыдов К.Н.) (2, 80).

Этим же приказом утверждался и перечень кафедр КМИ:

1. Марксизма-ленинизма.
2. Высшей математики.
3. Физики.
4. Общей химии.
5. Начертательной геометрии и графики.
6. Иностранных языков.
7. Физического воспитания и спорта.
8. Теоретической механики и сопротивления материалов.
9. Технологии металлов.
10. Деталей машин.
11. Специальная кафедра.

В составе кафедр насчитывалось 44 преподавателя, из них 14 доцентов и кандидатов наук (3, 12).

Первый набор 1960 года в КМИ был особенным. Как обычно, принимались студенты на 1 курс дневного, вечернего и заочного обучения. Кроме этого, из числа вечерников и заочников старших курсов был укомплектован 2 курс дневного факультета, а на вечерний и заочный факультеты приняты студенты на 2, 3 и 4 курсы. Старшие курсы укомплектовывались из числа студентов филиала УПИ, действовавшего до этого в Кургане. Количество студентов на 1 октября 1960 года составляло 846 человек, из них на дневном факультете – 300, на вечернем – 227, на заочном – 319 (4, 4).

17 октября 1960 года в КМИ начался первый учебный год. Этот год был особенно сложным, необходимо было организовать учебный процесс в соответствии с учебными планами, развернуть воспитательную работу со студентами, планировать и выполнять научно-исследовательскую, методическую работу (5 (3, 12)).

Первое заседание ученого совета КМИ состоялось 28 октября 1960 года. На этом совещании был впервые утвержден план работы ученого совета института на 1960-1961 учебный год, а также план основных мероприятий по учебно-воспитательной работе в институте (5, 1-1(об)). В результате напряженной работы всего коллектива института задачи, стоящие в первом учебном году, были успешно решены, был заложен фундамент для дальнейшей деятельности.

Огромное внимание в институте придавалось прежде всего обучающимся студентам. За каждой учебной группой был закреплен один из преподавателей института, в обязанности которого входило: знать состав группы, вести производственное обучение, вести учет успеваемости в группе, знать условия жизни и быта своих подопечных. Периодически прикрепленные преподаватели заслушивались на ученом совете КМИ о своей работе (6, 1). В связи с отсутствием спортивной базы для проведения занятий по физической культуре в студенческом общежитии под руководством преподавателя организовывалась утренняя физическая зарядка (7, 45). Значительное внимание в обучении студентов уделялось и изучению иностранного языка, особенно чтению технической литературы. На одном из заседаний ученого совета КМИ всерьез рассматривался вопрос о проведении практических занятий и чтению лекций на иностранном языке (7, 5-5(об)).

Помимо основной работы – обучения студентов, научно-педагогический состав института проводил огромную работу по своему профессиональному росту. На различных заседаниях ученого совета обсуждается тематика научно-исследовательских работ, тематика диссертационных исследований. В период с 1960 по 1963 год три преподавателя защитили кандидатские диссертации (11 (6, 81)). По заявкам промышленных предприятий г. Кургана проводились научно-исследовательские работы в составе коллективов кафедр и лабораторий по различным направлениям (6, 12-15). В ноябре 1962 года в КМИ открывается первая аспирантура по кафедре «Технология машиностроения», руководителем которой стал доцент Розенберг А.Ю. (7, 46 (об)).

В октябре 1962 года в КМИ обучалось 1626 студентов. Из них на дневном факультете – 659, вечернем – 441 человек, заочном – 526 человек (8, 1).

В связи с тем, что в 1963 году предстоял первый выпуск инженеров-механиков, в июле 1962 года были организованы первые выпускающие кафедры: «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты», «Оборудование и технология сварочного производства», «Автомобили и тракторы», «Энергетика» (9, 129). Коллективы этих кафедр проделали огромную работу по организации первого выпуска инженеров. В апреле 1963 года произошло очередное увеличение числа кафедр КМИ. Кафедра «Марксизма-ленинизма» разделяется на две: «История КПСС и философия» и «Политэкономия и конкретная экономика» (7, 58(об)-59).

В июне 1963 года в институте состоялся первый выпуск инженеров-механиков. Дипломы инженеров получили 86 человек из числа студентов, закончивших вечерний и заочный факультеты. А в 1964 году еще 116 выпускников дневного факультета получили дипломы инженеров (1).

В 1964 году в КМИ обучается 1815 студентов, организуется подготовка инженеров по специальности «Автомобильный транспорт», позднее переименованная в специальность «Автомобили и автомобильное хозяй-

ство» (6, 81). В связи с ростом числа студентов учебно-научная библиотека КМИ постоянно увеличивала свой книгофонд. На 1 января 1964 года в библиотеке насчитывалось 35 тысяч томов книг. В библиотеке работал библиографический совет, который поддерживал тесную связь с другими библиотеками города, научной библиотекой Уральского политехнического института, библиотекой им. Ленина в Москве в целях обеспечения научно-технической литературой профессорско-преподавательского состава и студентов (6, 54).

В 1965 году дневной факультет реорганизуется в два факультета: механико-технологический и автотракторный, которые возглавили доценты, кандидаты технических наук Денисов А.Ю. и Филинков М.Д. Автотракторный факультет руководил также подготовкой специалистов по экономическим специальностям (1).

Подводя итог, можно сказать, что руководство института совместно с коллективом преподавателей за короткий срок проделало огромную работу по зарождению и становлению высшей инженерной кузницы Зауралья, которая позволяла успешно решать задачи, поставленные государством.

Примечания

1. *Мосталыгин Г.П. Кузница инженерных кадров Зауралья. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 1998.*
2. *Государственный архив Курганской области (ГАКО). Ф.Р-1758. Оп.1. Д. 2.*
3. *ГАКО. Ф.Р-1758. Оп.1. Д. 8.*
4. *ГАКО. Ф.Р-1758. Оп.1. Д. 5.*
5. *ГАКО. Ф.Р-1758. Оп.1. Д. 7.*
6. *ГАКО. Ф.Р-1758. Оп.1. Д. 182.*
7. *ГАКО. Ф.Р-1758. Оп.1. Д. 50.*
8. *ГАКО. Ф.Р-1758. Оп.1. Д. 46.*
9. *ГАКО. Ф.Р-1758. Оп.1. Д. 51.*

Н.С. Горобец

Оренбургский государственный педагогический университет, г.Оренбург

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКОГО ОБКОМА КПСС ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ. 1965-1970ГГ.

Одним из центральных направлений социальной политики государства является обеспечение граждан доступным и комфортным жильем. Изучение опыта Советского Союза в сфере жилищной политики представляет значительный интерес, поскольку это может дать определенные ориентиры в деле жилищного строительства на сегодняшний день, а также избежать просчетов и неудач в решении данной проблемы. В результате реализации в Российской Федерации национального проекта «Доступное жилье» рассмотрение проблемы жилищного строительства в исторической ретроспективе является весьма актуальным.

Необходимость решения жилищной проблемы нашла отражение в Основных законах и в партийных документах. Так Конституция СССР 1936г. провозглашала неприкосновенность жилища (ст. 128) (5, 44), что было закреплено и в Конституции РСФСР 1937г. (ст. 132)(4, 46).

В партийных документах постоянно подчеркивались успехи государства по решению жилищной проблемы. За 1966-1970гг. на эти цели израсходовано почти 60 млрд рублей, построено более полумиллиарда квадратных метров жилой площади (2, 43).

Выполняя постановления ЦК КПСС, Оренбургский обком разработал комплекс мероприятий, в результате реализации которых в Оренбургской области была создана обширная база строительства жилья.

Городским жилищным строительством в Оренбургской области руководил Главюжуралстрой, а с февраля 1969г. - Главоренбургстрой, в состав которого входило 8 строительных трестов: Новотроицкметаллургстрой, Оренбургпромстрой, Оренбургтрансстрой, Орскжилстрой, Орскпромстрой, Бурукталникельстрой, Южуралтяжстрой и созданный в июле 1966г. Оренбургжилстрой, необходимость образования которого объяснялась тем, что в г. Оренбурге ежегодно не выполнялся план строительных работ, в то время, как объемы жилищного строительства ежегодно увеличивались (14, 7).

Полученные нами данные свидетельствуют, что строительные тресты, как правило, не справлялись с плановыми показателями. Так, в 1965г. план строительных работ не выполнили тресты Оренбургпромстрой, Южуралтяжстрой, Орскжилстрой и другие. В 1967г. - Орскжилстрой, Оренбургжилстрой, в 1968г – Оренбургжилстрой (7, 50-51; 9, 24; 17, 90; 21, 24). В совокупности это приводило к срыву планов ввода жилой площади по области в целом. Оказались выполнены лишь плановые показатели на 1970г.: вместо 227769 введено 281702 кв.м жилой площади (17, 90; 19, 14; 21, 23; 29, 37).

Однако по отдельным городам наблюдался рост жилищного фонда по сравнению с 1960г. В Новотроицке жилищный фонд вырос на 66%, Оренбурге - на 45%, Орске - на 48%, Бугуруслане - на 25%, Медногорске на - 30%, Бузулуке на - 28% (23, 4). В то же время неудовлетворительно работали тресты по вводу жилья в городах Оренбурге, Медногорске (1965г.), Бузулуке, Новотроицке, Бугуруслане (1966г.), Оренбурге и Медногорске (1967г.), Оренбурге и Бузулуке (1968г.), Медногорске и Бузулуке (1970г.) (7, 52; 10, 21; 15, 120; 18, 16; 19,14; 21, 24; 29, 5; 29, 28).

Вместе с тем несмотря на абсолютный и относительный, в расчете на одного жителя, рост жилого фонда, фактическая душевая норма была намного ниже санитарной (23, 7). По данным Облстатуправления, в 1968г. в расчете на 1 жителя городов величина общей жилой площади составляла: в Медногорске 7,4 кв.м, Бузулуке 8,1, Бугуруслане 8,3, Оренбурге 8,9, Новотроицке 9,2, Орске 10,0 кв.м (23, 7). При этом минимальный размер жилой площади на 1 человека в среднем в большинстве республик с 1926г. составлял 9-9,5 кв.м (3, 23).

Застройка городов и рабочих поселков Абдулино, Кувандык, Бугуруслан и др. производилась хаотично, без соблюдения генерального плана (25, 29).

На заседании Оренбургского бюро обкома КПСС от 16 июля 1968г. отмечалось, что в г. Оренбурге «не ведется должной борьбы с установившейся неправильной практикой, когда прокладка инженерных сооружений, благоустройство и возведение зданий, обслуживающих население, значительно отстает от жилищного строительства. Так, заселение новых кварталов в Восточном поселке и на территории бывшего ипподрома на 2-3 года опережало появление первых предприятий торговли, общественного питания, детских учреждений» (20, 35).

Жилье, построенное в 1965-1968гг. в северном массиве Оренбурга, осталось без постоянных источников электроэнергии, тепла и водоснабжения. Согласно справке оренбургского горкома КПСС, водоснабжение поселка велось по 1 нитке от скважины аппаратного завода, поселок отапливался одной маломощной котельной, в результате чего температура в квартирах снижалась до +15 градусов. В данном районе не было бани, отсутствовало отделение милиции, школа (24, 7-8).

Партийными, советскими и хозяйственными органа-

ми принимались меры по исправлению данных недостатков. В частности был построен водовод Сакмарского водозабора, но не было подготовленных работников по его эксплуатации, вследствие чего водовод так и не был введен в действие; введена в эксплуатацию котельная с использованием природного газа.

В постановлении обкома от 14 февраля 1971г. «О работе Оренбургского горисполкома по развитию коммунального хозяйства города» отмечалось, что «в городе продолжает оставаться низким уровень инженерного благоустройства, который по оборудованию жилого фонда централизованным водоснабжением, канализацией, отоплением на 10-15% ниже, чем в среднем по РСФСР» (26, 93). По состоянию на 1 января 1971г. водопроводом было оборудовано лишь 78% жилого фонда г. Оренбурга (по РСФСР в среднем 84,5%), канализацией 69,5% (по РСФСР - 82,4%), централизованным отоплением 63% (по РСФСР 78,7%), горячей водой 4,1% (по РСФСР 45,6%), газом 46,5% (по РСФСР 80,6%), ванной 61,5% (по РСФСР в среднем 68,6%) (27, 56).

Водопотребление на 1 жителя в сутки по городу составляло около 160 литров при норме 191 литр (без нужд промышленности) (26, 93; 27, 56).

Приведенные факты позволяют выяснить причины неудовлетворительного решения жилищного вопроса в Оренбургской области в указанный период.

Прежде всего на выполнение планов гражданского строительства в области влияли темпы поставок строительных материалов. Так, в постановлении бюро обкома от 14 сентября 1967г. отмечалось: «Руководство треста «Стройматериалы» несвоевременно обеспечивает строительство жилых объектов столярными изделиями, деталями крупнопанельного домостроения и другими материалами…» (17, 90).

Оренбургская область в течение ряда лет испытывала недостаток и в стеновых материалах. Исполком Облсовета уведомлял в 1965г. Совет Министров РСФСР о том, что дефицит составлял около 200 млн штук и облисполком вынужден удовлетворять стройки Главюжуралстроя только на 75% (12, 109). Согласно справке отдела строительства обкома КПСС в 1-м квартале 1965г. строительные тресты области должны были получить 8,05 млн штук стеновых материалов, но получили только 6,11млн (8, 37). Долгое время Главюжуралстрой ликвидировал недостаток кирпича путем поставок из других областей (прежде всего из Челябинска) в количестве около 70 млн штук. Однако данные поставки с каждым годом сокращались. План поставок Куйбышевский и Челябинский облисполкомы не выполняли (14, 83-84).

Оренбургский обком КПСС пытался решить проблему нехватки стеновых материалов путем увеличения строительства крупнопанельных домов. Однако планы поставок панелей также не выполнялись. В связи с этим руководство треста «Орскжилстрой» отмечало, что завод домостроения за 3 года работы выделил тресту вместо 42 домов только 29. Поставляемые детали при этом отличались плохим качеством (11, 49об).

В итоге строительные организации должны были в 1969-1970г. высвободить 90 млн штук условного кирпича, но фактически дефицит был снижен только на 36 млн штук (28, 70).

Между тем Оренбургский обком КПСС и руководство строительных организаций не всегда находили поддержку со стороны центральных органов.

Так, на просьбу обкома в оказании помощи по строительству новой базы стройиндустрии Госплан РСФСР ответил отказом в связи с тем, что в Оренбургской области из-за недостаточности капитальных вложений уже были заморожено строительство Буруктальской базы стройиндустрии, цеха железобетонных изделий треста «Оренбургцелинстрой» и ряда других предприятий (13, 17).

Второй причиной срыва планов жилищного строительства является сложившаяся система планирования, согласно которой объем вводимой жилой площади распределялся по кварталам неравномерно. В результате большая часть объектов должна была быть сдана в конце года. 2-й секретарь обкома КПСС Б.А. Петров считал, что план 1967г. по этой причине был невыполним (16, 104).

Кроме того, строительным организациям области не хватало квалифицированных рабочих. Так, управляющий трестом «Орскжилстрой» А.С. Гехман жаловался на нехватку 280 человек, управляющий трестом Оренбургжилстрой Г.И. Сабуров - 350 человек (50 штукатуров и 300 маляров), а управляющий трестом «Оренбургтрансстрой» В.А. Быдзан - 150 человек (22, 109).

Другой причиной неудовлетворительного хода жилищного строительства являлось отсутствие в ряде городов (Оренбурге, Орске) единого заказчика в лице Отделов капитального строительства (ОКС) горисполкомов.

Наряду с государственным в области велось и кооперативное строительство. Однако развитие кооперативного строительства сдерживалось высокими размерами вступительных взносов (12, 51). В итоге из введенных за 8 пятилетку 3917,8 тыс кв.м общей жилой площади с помощью государственных кредитов было построено лишь 757,3 тыс. кв.м (6, 144).

Таким образом, деятельность Оренбургского обкома КПСС была направлена на улучшение жилищного строительства в области. На заседаниях обкома постоянно рассматривались результаты и ход жилищного строительства. В целом можно выделить следующие основные формы деятельности Оренбургского обкома КПСС: рассмотрение и обсуждение результатов реализации жилищной политики на заседаниях, вынесение постановлений по решению вопросов, связанных с жилищным строительством, и рассмотрение отчетов по их исполнению, разработка программы по созданию базы стройиндустрии области и подведению коммуникаций, ритмичному введению жилой площади, изучение и внедрение опыта строительства, используемого в других регионах, работа с руководителями трестов по выполнению плановых показателей, поощрение передовых строительных организаций и наложение взысканий на тресты, не выполнявшие план.

Говоря об эффективности работы Оренбургского обкома КПСС по решению жилищного вопроса, прежде всего необходимо отметить, что в целом по результатам деятельности строительных организаций наблюдается постепенное увеличение вводимой в эксплуатацию жилой площади. Само по себе наличие планов строительства несколько способствовало решению жилищной проблемы, поскольку необходимость их обязательного выполнения заставляла тресты использовать все имеющиеся мощности и ресурсы на обеспечение ввода жилых объектов. Подобная ситуация наблюдалась и в целом по СССР. С 1965 по 1978г. жилищная обеспеченность возросла в среднем с 10 до 12,7 кв.м полезной площади на человека (1, 158-159).

Однако результаты жилищного строительства в Оренбургской области не удовлетворяли всех нужд населения. Норма обеспеченности жилой площадью в расчете на 1 человека в среднем по области была ниже положенной. В ряде городов уделялось недостаточно внимания улучшению их внешнего облика и бытовых условий граждан. Жилищно-коммунальное хозяйство и культурно-бытовое обслуживание значительно отставало в развитии от темпов жилищного строительства. В результате полностью застроенная жильем и заселенная территория оказывалась недостаточно обеспеченной учрежде-

ниями обслуживания. По мнению А.В. Баранова, «...одной из причин этого является непропорциональное финансирование: на жилищное строительство идет 70% капиталовложений, отпускаемых на развитие городского хозяйства, тогда как некоторые специалисты считают, что следует направлять 55-60%, а остальную сумму - на развитие коммунального хозяйства и культурно-бытового обслуживания населения» (1, 132).

Следует отметить, что причинами неудовлетворительного выполнения планов являлись: недостаточное материально-техническое снабжение, низкое качество стеновых материалов и стеновых панелей, нехватка рабочей силы и текучесть кадров, нерациональное планирование сдачи объектов в эксплуатацию, частое изменение планов, недостаточный контроль Главка за деятельностью строительных трестов, сложность для большинства граждан вступить в кооператив по строительству жилья.

Примечания

1. *Баранов А.В. Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика, 1981.*
2. *Брежнев Л.И. Отчетный доклад центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза 30 марта 1971г. М.: Изд-во политической литературы, 1971.*
3. *Бронер Д.Л. Жилищное строительство и демографические процессы. М.: Статистика, 1980.*
4. *Конституция (Основной закон) РСФСР. М.: Юридическое изд-во НКЮ Союза ССР, 1937.*
5. *Конституция (Основной закон) СССР. М.: Юридическое изд-во НКЮ Союза ССР, 1937.*
6. *Оренбургская область в 9-й пятилетке (1971-1975гг): Статистический сборник. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1976.*
7. *Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДНИОО) Ф.371. Оп.33. Д.11.*
8. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.33. Д.29.*
9. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.33. Д.39.*
10. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.33. Д.66.*
11. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.33. Д.67.*
12. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.33. Д.155.*
13. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.34. Д.72.*
14. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.34. Д.147.*
15. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.15.*
16. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.19.*
17. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.30.*
18. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.33.*
19. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.52.*
20. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.271.*
21. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.280.*
22. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.281.*
23. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.390а.*
24. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.37. Д.392.*
25. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.38. Д.22.*
26. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.42. Д.45.*
27. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.42. Д.46.*
28. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.42. Д.64.*
29. *ЦДНИОО Ф.371. Оп.42. Д.168.*

В.А. Федоров
краевед,
г. Курган

НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ БЫТА ЖИТЕЛЕЙ КУРГАНА В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА

Быт можно определить как сферу внепроизводственной жизнедеятельности людей, совокупность способов и форм удовлетворения их повседневных жизненных потребностей (1). Он делится на домашний и общественный. Первый включает в себя жилищные условия и домашнее хозяйство, семейное обслуживание и семейные отношения, повседневную культурную жизнь и досуг. Второй – специализированные социальные институты, профессионально осуществляющие услуги в сфере быта: жилищно-коммунальные службы, транспорт, торговлю, общественное питание, здравоохранение, ремонтные мастерские, швейные ателье, химчистки, бани, прачечные, учреждения культуры, дошкольные учреждения и т.п. Быт несёт на себе отпечаток многообразных факторов, которые в совокупности обеспечивают формирование его определенного типа, это – природные условия, уровень развития производительных сил, характер общественных отношений, социальная структура, культурные и этнические особенности общества. В свою очередь, быт оказывает обратное воздействие на те или иные стороны жизни.

О том, что из себя представлял в некоторых своих чертах быт жителей Кургана в относительно недалёком советском прошлом, отчасти показывают данные социологического опроса, проведенного Лабораторией конкретных социологических исследований Курганского государственного педагогического института по заданию обкома КПСС и отдела культуры облисполкома в 1979 году. Были опрошены работники автоколонны 1855, мясокомбината, Кургансельмаша, УНР-1 треста 74, управления парикмахерских, горплодовощторга, ЗДС и жители двух микрорайонов – поселка Энергетиков и района агиплощадки КГПИ в центре города. Всего было опрошено 829 человек. Выбор респондентов осуществлялся по таблице случайных чисел. Всё это позволило сделать вывод о том, что исследование являлось достаточно репрезентативным и его результаты имели общезначимое для Кургана значение.

Важной стороной быта людей являются их жилищные условия. В России XX века они для значительной части городского населения были существенной проблемой. Так, в досоветский период многие из низших слоёв населения или снимали жильё (часто на задних дворах, в полуподвалах домов) у состоятельных домовладельцев, или же проживали в сооруженных на скорую руку домах, землянках, бараках на городских окраинах, поближе к промышленным предприятиям. В советское время многие городские жители, особенно нуждающиеся в жилье, были подселены в большие дома, квартиры бывших состоятельных горожан. Эти так называемые коммунальные квартиры несколько ослабили жилищную проблему. Но ускоренные темпы индустриализации, война, разруха вновь обострили её до крайности. Снова массово строились неблагоустроенные дома, землянки, бараки, общежития. Только примерно с середины 50-х годов в относительно широких масштабах началось строительство благоустроенного жилья. Темпы его постоянно росли. Вот каковы в этом отношении оказались к концу 70-х гг. жилищные условия опрошенных жителей Кургана (табл. 1).

Таблица 1

Жилищные условия жителей г. Кургана

№ п/п	Жилищные условия опрошенных	%
1.	Отдельная квартира	53,3
2.	Отдельный дом	17,7
3.	Отдельная комната (комнаты) в общей квартире	10,6
4.	Комната (комнаты) вместе с другой семьёй	9,4
5.	Общежитие	10,1

Таким образом, основная масса опрошенных уже тогда проживала в отдельных благоустроенных квартирах или имела отдельную комнату (комнаты) в общей семейной квартире. Но многие из курганцев ещё проживали или в отдельном неблагоустроенном доме, или ком-

нате (комнатах) вместе с другой семьёй, а также в общежитиях. В то же время различные виды жилья всё более оснащались теми или иными видами коммунальных услуг (табл. 2).

Таблица 2

Оснащение различных видов жилья коммунальными услугами

№ п/п	Виды коммунальных услуг	%
1.	Газовая плита	81,6
2.	Холодная вода	67,3
3.	Центральное отопление	65,3
4.	Санузел	53,9
5.	Горячая вода	51,7
6.	Ванная	51,7
7.	Печное отопление	25,9
8.	Телефон	14,2

В связи с ростом жизненного уровня населения, его покупательной способности происходило насыщение быта предметами культурно-бытового назначения (табл. 3).

Таблица 3

Насыщение быта предметами культурно-бытового назначения

№ п/п	Предметы культурно-бытового назначения	%
1.	Телевизор	69,3
2.	Холодильник	63,4
3.	Подписка на газеты и журналы	58,8
4.	Стиральная машина	57,4
5.	Швейная машина	43,9
6.	Пылесос	37,5
7.	Радиоприёмник	31,2
8.	Проигрыватель	28,5
9.	Семейная библиотечка	15,9
10.	Фотоаппарат	15,9
11.	Мотоцикл	11,1
12.	Охотничьи и рыболовные принадлежности	8,5
13.	Баян, аккордеон, гармонь	7,9
14.	Автомобиль	6,9
15.	Велосипед	5,8
16.	Пианино, рояль	3,0
17.	Лодка без мотора	2,0
18.	Лодка с мотором	1,1
19.	Полотер	1,1
20.	Киноаппарат	0,9

Относительно многие из опрошенных имели личное подсобное хозяйство, но в основном это был или сад, или огород (табл. 4).

Таблица 4

Личные подсобные хозяйства жителей г. Кургана

№ п/п	Виды подсобного хозяйства	%
1.	Сад	27,3
2.	Огород	19,5
3.	Свиньи	1,2
4.	Птица	0,7
5.	Крупный рогатый скот	0,7
6.	Овцы, козы	0,2
7.	Подсобного хозяйства нет	54,9

Главной целью ведения личного подсобного хозяйства было получение продукции для нужд семьи. Происходил также рост социального значения подсобного хозяйства как сферы здорового досуга, физической деятельности, любительского труда, творчества (табл. 5).

Таблица 5

Цели ведения личного подсобного хозяйства

№ п/п	Цели ведения личного подсобного хозяйства	%
1.	Получение продукции для нужд семьи	81,5
2.	Форма проведения свободного времени	14,7
3.	Получение денежного дохода	3,9
4.	По привычке	3,1
5.	Получение продукции для родственников	1,5

Некоторые курганцы, не имевшие личного подсобного хозяйства, хотели обзавестись им или увеличить имеющееся. Более всего было желающих обзавестись садовым участком, огородом (табл. 6).

Таблица 6

№ п/п	Виды подсобного хозяйства, которыми хотели бы обзавестись опрошенные	%
1.	Сад	12,1
2.	Огород	8,2
3.	Птица	0,8
4.	Свиньи	0,4
5.	Крупный рогатый скот	-
6.	Овцы, козы	-
7.	Желания обзавестись или увеличить личное подсобное хозяйство нет	81,6

Традиционно значительны были в целом затраты времени на непреложные бытовые нужды, ведение домашнего и подсобного хозяйства (табл. 7).

Таблица 7

№ п/п	Затраты времени	В рабочие дни %	В выходные дни %
1.	До 1 часа	28,6	13,0
2.	От 1 часа до 2 часов	32,2	16,6
3.	От 2 до 3 часов	16,2	12,3
4.	От 3 до 4 часов	10,6	13,3
5.	От 4 до 5 часов	7,8	11,7
6.	5 часов и более	5,2	33,4

Относительно высокие в целом затраты времени у опрошенных на трудовую деятельность в сфере быта, бытовые нужды объясняются как недостаточными возможностями в удовлетворении потребностей людей общественным производством, бытовым обслуживанием, так и самими этими потребностями. Большое влияние на это оказывает также распределение в семье между её членами домашних, хозяйственных обязанностей (табл. 8).

Таблица 8

№ п/п	Виды обязанностей	Муж	Жена	Дети	Другие члены семьи
1.	Покупка продуктов	42,8	62,7	18,4	5,9
2.	Приготовление пищи	23,9	93,0	13,2	7,0
3.	Уборка квартиры	40,6	90,2	29,0	5,3
4.	Стирка	19,0	92,1	12,1	5,3
5.	Ремонтные работы	76,0	57,3	9,6	3,6
6.	Воспитание детей	69,7	90,2	2,0	4,7
7.	Работа в саду, огороде	77,1	83,2	34,2	11,7
8.	Уход за животными	33,3	83,8	12,5	8,3

Как мы видим, система организации домашнего хозяйства в значительной степени сохраняла традицион-

ные формы удовлетворения бытовых потребностей прежде всего за счет труда женщин. Изменения здесь связаны с тем, что семья стала состоять главным образом из двух поколений – родителей и детей; бабушки и дедушки часто стали жить отдельно, а сами семьи стали малодетными. Но очевидно также и то, что мужья стали принимать больше участия в бытовой деятельности.

Рассматриваемые нами здесь 70-е годы XX века нынешней официальной пропагандой принято называть годами «застоя». Это один из многочисленных штампов, призванных очернить советское прошлое и оправдать постсоветское настоящее. В действительности страна развивалась, а в сфере быта в эти годы произошли очень серьёзные изменения к лучшему. Именно в это десятилетие развернулось беспрецедентное жилищное строительство, в результате которого в стране были построены дома общей площадью превышающие весь городской жилищный фонд в начале 60-х годов (2). К тому же строилось жильё всё более добротным и удобным. Быстро развивалась также и сфера общественного быта, бытового обслуживания населения. При этом жилищно-бытовая сфера создавалась не с целью наживы, бизнеса. Люди получали жильё бесплатно, а доля расходов на оплату коммунальных услуг (вместе с квартплатой) была самой низкой в мире, почти символической. Вполне доступны были и все бытовые услуги. Целью было сокращение трудоёмких процессов в домашнем хозяйстве, избавление человека от гнета мелких домашних дел и забот, высвобождение его времени для отдыха, учебы, повышения культурного уровня, творческих занятий, внедрение в быт культуры, его благоустройство, т.е. создание благоприятных условий для развития человека, его полноценной жизни. В результате развитие, прежде всего, получали те стороны быта (домашнего и общественного), которые способствовали решению этой задачи. Домашний быт и служба быта всё более составляли взаимосвязанные, взаимопроникающие и взаимодополняемые сферы. Жизнь людей, несмотря на множество проблем, становилась всё более удобной и защищенной и давала им всё больше уверенности в завтрашнем дне.

Примечания

1. *Краткий словарь по социологии. М.: Политиздат, 1988. С.21-22.*
2. *Правда, 2006. 28-29 ноября.*

И.Б. Бритвина
Курганский государственный университет, г.Курган

ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПУТЬ СНИЖЕНИЯ МИГРАНТОФОБИИ В РОССИИ

Миграционная ситуация на постсоветском пространстве в конце XX в. диктует необходимость пристального внимания к ней и тщательного научного анализа. Миграционные потоки были столь масштабны, что до сих пор продолжают определять некоторые стороны социального развития этих стран, отвлекая на себя серьёзные материальные ресурсы, вынуждая правительства стран особо заниматься миграционной политикой. Неэффективность российской миграционной политики 1990-х гг., во многом приведшая к усечению потока русскоязычных из стран СНГ на территорию нашей страны, заставляет сегодня искать новые пути и способы привлечения соотечественников на свою родину. Этим, прежде всего, вызван «Закон о соотечественниках», предложенный Президентом В.В. Путиным в 2006 г. В современных социальных науках и политике миграции населения тесным образом связывают с демографическими процессами, анализируя их как причину и как следствие демографических изменений.

Мигранты — особенно уязвимая категория людей, чье право на труд, как и права человека, постоянно нарушаются. По мнению Международной организации по миграции (МОМ), на мигрантов «все чаще и чаще возлагают вину за все внутренние проблемы современного общества, в частности за безработицу, преступность, наркоманию и даже за терроризм» (5). Подобное отношение можно наблюдать и к вынужденным мигрантам, которые в результате распада СССР по ряду причин стали переселяться в Россию.

Проблемы адаптации мигрантов характерны практически для всех государств, а принимающее сообщество, несмотря на степень цивилизованности страны, как правило, настороженно относится к репатриантам, а с ростом их количества учёные фиксируют усиление мигранто- и этнофобий. Ю.А. Левада считает, что недоверие к переселенцам из других стран производно от страхов утраты «ресурсов» и «утраты собственной идентичности» (4, 167). В.И. Мукомель пишет, что страхи «вторжения другого» служат вербальным объяснением эмоционального восприятия мигрантов как чужеродных, незваных гостей. В данном случае, видимо, более значимы социокультурные страхи «утраты идентичности» (6, 58). Таким образом, проблема поиска идентичности – это важнейшая социальная проблема любой трансформирующейся страны.

По Хаддингтону, «идентичность» - это отождествление себя с группой, позиционирование себя (чем я отличаюсь от других). Источниками идентичности являются следующие факторы:

1. Естественные (семья, род, клан, пол, раса, возраст).
2. Экономические (работа, доход).
3. Территориальные (страна, регион, двор, улица).
4. Культурные (языковая среда, региональная среда, национальная среда).

Все эти источники без сомнения наличествуют в вынужденной миграции русскоязычных на территорию России в конце XX – начале XXI вв.

Политические факторы оказывают значительное влияние как на вынужденную миграцию в целом, так и на адаптацию переселенцев в России. Именно эти факторы во многом детерминируют особенности миграционных перемещений и мигрантофобии принимающего сообщества. Но мы бы хотели остановиться *на источниках идентичности* вынужденных мигрантов из стран ближнего зарубежья и коренных россиян, что позволяет оптимистично оценивать результаты адаптации переселенцев в нашей стране. Хотя надо признать, что российская политика в отношении вынужденных мигрантов и уровень неприятия мигрантов, во многом производный от результатов политики, не позволяет сегодня проявлять оптимизм в этом вопросе. Мы считаем, что факторы идентичности в случае вынужденной миграции являются базовыми, основными, их отсутствие нельзя восполнить никакими политическими актами.

Оптимизм внушает то, что процент возврата переселенцев обратно в страну исхода очень мал. Подавляющее большинство мигрантов устраивается в России на постоянное место жительства. Это подтверждается как статистикой Федеральной миграционной службы, так и данными социологических опросов (3). Мы в 2004 г. опросили 361 вынужденного мигранта из стран СНГ и Балтии, поселившегося на постоянное местожительство в Курганской области. Более половины респондентов (58,6%)

считают, что они полностью адаптировались на новом месте жительства, четверть опрошенных - адаптировались частично. Эти результаты на первый взгляд вполне хорошие. Но нужно учесть, что подавляющее большинство опрошенных вынужденных мигрантов (72%) переехали в Россию более пяти лет назад. Эти данные показывают, как долго протекает процесс адаптации у некоторых переселенцев, хотя большинство мигрантов – это русские, вернувшиеся на свою историческую родину. Кроме того, успешность адаптации не всегда зависит от срока проживания в новой стране. Мы считаем, что во многом это связано со степенью идентичности вынужденных мигрантов с коренными россиянами. Кратко рассмотрим источники их идентичности.

Естественным источником идентичности в вынужденной миграции будет расовая и этническая принадлежность большинства переселенцев и самих россиян, а именно тот факт, что 80% жителей России считают себя русскими и подавляющее большинство мигрантов из стран ближнего зарубежья – это так же русские (до 70-80%) (7).

Территориальным источником такой идентичности является факт существования до 1991 года единого социально-политического пространства СССР, в котором жили нынешние мигранты и сами россияне, что не могло не сказываться в похожем образе жизни, в едином менталитете и т.д. Это проявилось в использовании Президентом России термина «соотечественники» - это все, кто жили на территории бывшего СССР. Так же здесь нужно учесть тот факт, что вынужденные мигранты живут в нашей стране, по нашим законам и в наших условиях, что так же работает на повышение степени идентичности.

Экономический фактор идентичности вытекает из вышесказанного в том смысле, что переселенцы работают вместе с россиянами на одних и тех же предприятиях, имеют такой же доход, такие же проблемы и условия труда. Правда, здесь нужно учесть факт стремления части вынужденных мигрантов к «самоизоляции», «капсулированию», что связано с трудностями их адаптации. Но, как показывают опросы, большинство вынужденных мигрантов настроено на сближение с местным населением, хотя надо признать, что проблем здесь возникает много (8).

И, наконец, культурные источники совместимости основываются на единой языковой среде, которая однозначно связана с русским языком, а так же с единой региональной и национальной средой, в которой находятся мигранты и россияне.

В отношении последнего мы бы хотели обратить внимание на бытование общих стереотипов мышления и поведения, которые свойственны русскоязычным переселенцам и коренным россиянам. Мы считаем, что это важное дополнение к культурным источникам идентичности, т.к. стереотипизация носит социально-культурный характер.

Многие авторы признают, что стереотипизация действует на различных уровнях социального взаимодействия, но главными среди них будут, прежде всего, этнический и расовый уровни, значительно реже – профессиональный или возрастной. Основной массив зарубежных работ по социальным стереотипам выполнен именно на материале этнических или расовых стереотипов (1, 96).

Много написано про конфликт этнических стереотипов в вынужденной миграции на постсоветском пространстве (9). Причины такого положения вещей во многом связаны с социокультурными особенностями отпускающих и принимающих сообществ, с бытованием в разных культурах различных гендерных стереотипов. Процесс миграции приводит к смене культурного-этнического окружения, и, в конечном счёте, происходит перемещение мигрантов из одной системы господствующих стереотипов в систему, где властвуют другие представления и нормы, имеющие стереотипизированный характер. Но этот процесс не приводит к автоматическому освобождению переселенцев от стереотипов, культурно воспринятых в стране исхода, вместе с пересечением границы страны предназначения. Они ещё очень долго оценивают новую реальность с точки зрения не до конца утраченных шаблонов сознания. Но дело в том, что и ведут они себя некоторое время (иногда довольно длительный период) так же в соответствии с усвоенными образцами. Это не могут не замечать коренные жители принимающей стороны, которые оценивают переселенцев в соответствии со своими стереотипами сознания. Именно здесь и возникает главный конфликт взаимного неприятия обеих сторон. Думается, что конфликт стереотипов страны исхода и страны предназначения мешает успешной адаптации переселенцев, увеличивает её сроки, тем более, что носителями этих двух видов стереотипов являются разные группы людей: мигранты и коренные россияне.

Однако есть здесь и моменты идентичности, про которые не нужно забывать, увлекаясь описанием проблем культурной несовместимости. Можно отметить некоторые благоприятные обстоятельства, вытекающие из особенностей постсоветских вынужденных миграций, что несколько смягчало конфликт стереотипов и помогало нарастанию степени идентичности. Все бывшие жители СССР не могли не иметь общих стереотипов, обусловленных советским образом жизни. Общими, советскими были и ряд гендерных стереотипов, связанных с представлением о женщине как об активной труженице, успевающей рожать, воспитывать детей и принимать участие в общественной жизни. В сознание советских людей активно внедрялись представления о мужчине и женщине как о равноправных партнёрах в труде и во всех других сферах жизни, но и одновременно - представления о мужских и женских типах занятости. Нужно вспомнить, что советской реальностью было и существование бесполых норм и стереотипов, в которых практически не обозначался гендер, например, «борцы за коммунизм», «труженики производства», «победители соцсоревнования» и т.д.

Кроме единого советского пространства, существуют и общие моменты культурной идентичности народов разных республик, которые так же были залогом смягчения конфликта стереотипов. Ш. Берн доказал, что есть четыре аспекта, по которым сходятся различные по другим показателям культуры: разделение труда по половому признаку; убеждения или стереотипы, связанные с различием между мужчинами и женщинами; дифференциальная социализация мальчиков и девочек; меньшая власть и более низкий статус женщин (2). Мы видим, что это стереотипы, обусловленные социокультурными факторами, и, таким образом, их наличие во всех культурах может служить залогом идентичности мигрантов и коренных россиян.

Таким образом, идентичность русскоязычных вынужденных мигрантов и россиян обусловлена историческими, этническими, культурными и экономическими факторами, а моменты неприятия друг друга могут быть изжиты при правильной политике государства и при желании переселенцев в укреплении идентичности.

Примечания

1. *Агеев В.С. Психологическое исследование социальных стереотипов // Вопр. психологии. 1986. № 1.*
2. *Берн Ш. Гендерная психология. СПб., 2001. www.bookprice.ru/book-16053.html.*
3. *Дубовый Л. М., Константинов В. В. Психологические проблемы компактно проживающих вынужденных мигрантов // Психологические проблемы профилактики экстремизма в российском обществе: Сб. мат. всероссийской науч.-*

практ. конф. Пенза, 2002. С. 16; Гриценко В.В. Роль индивидуальных различий в процессе адаптации вынужденных мигрантов // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы / Под ред. Г. У. Солдатовой. М.: Смысл, 2001. С. 112-138.

4. *Левада Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993-2000. М.: Московская школа политич. исследований, 2000.*
5. *Материалы Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. http://www.un.org/russian/conferen/racism/vision.htm.*
6. *Мукомель В.И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социол. исслед. 2005. № 2.*
7. *Основные итоги всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2003. С. 15; Оруджиева А. Одни – на запад, другие – на Восток: Миграционные процессы на Урале // Родина. 2001. № 11. С. 81-83; Беженцы и вынужденные переселенцы. Электронная версия бюллетеня «Население и общество»: Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. Восьмой ежегодный демографический доклад «Население России 2000» // www.demoscope.ru.*
8. *См. работы В. В. Амелина, И.М. Бадыштовой, В. В. Гриценко, Е.А. Назаровой, А. И. Спицына, Е.И. Филипповой и др.*
9. *Спицын А.И. Социально-экономическое регулирование миграционных процессов населения в регионе // Миграционные процессы в Оренбуржье: проблемы экономического регулирования и социальной адаптации переселенцев. Оренбург, 2004. С. 4; Кутепова Л. В. Особенности миграционных процессов в Ханты-Мансийском автономном округе: социологический аспект: Дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2000. С. 81; Космарская Н. П. Женское измерение вынужденной миграции и миграционное законодательство России // Проект «Гендерная экспертиза» Московского центра гендерных исследований. М., 1998.*

Д.А. Фельдшеров
Курганский государственный университет, г. Курган

ИЗ ИСТОРИИ ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ, ЧЕЛЯБИНСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТЯХ

Свердловская организация Демократической партии России была создана 17 октября 1990 года (5). Первоначально 6 членов ДПР являлись депутатами горсовета в Екатеринбурге и двое – в областном совете. Председателем Екатеринбургской городской организации ДПР был Евгений Костицин, а с декабря 1991 года – Элизабет Шегежды. Председателем областной организации вплоть до его исключения из ДПР был один из лидеров оппозиции Гарри Каспарова Борис Макаранец, а с декабря 1991 года председателем стал Герман Карелин – депутат горсовета.

С 4 ноября 1990 года по 16 декабря 1991 года областная организация ДПР была в составе движения «Демократический выбор – Демократическая Россия». Четверо членов ДПР были членами исполкома ДДВ – ДР. Смена областного руководства ДПР и выход из «Демократической России» были осуществлены на декабрьской конференции 1991 года. 15 – 16 февраля 1992 года состоялась конференция областной организации, избравшая новый состав областного правления ДПР: Г. Карелин (председатель), Элизабет Шегежды, Михаил Борисов, Алексей Гончаренко, Анатолий Котков, Михаил Хусаинов, Владимир Бобыкин, Лариса Венкова, Вадим Градов, Владимир Деведжиев, Игорь Прудников, Федор Попов, Евгений Костицин, Сергей Мальцев, Владимир Раскатов, В. Молчановский. Конференция решила, что для выхода из кризиса необходимо: принять новую Конституцию РФ; обеспечить скорейшее проведение избирательной системы на основе пропорционального представительства на многопартийной основе с проведением следующих выборов в местные Советы не позднее декабря 1992 года. Конференция осудила создание РКРП и идею немедленного роспуска Советов, что имело целью, по сути, устранение депутатского контроля за исполнительной властью в период массовой приватизации (6).

Свердловское региональное отделение Демократической партии России поддерживало политику российского руководства до декабря 1991 года. После развала СССР ДПР перешла по отношению к Президенту РФ к конструктивной «мягкой» оппозиции, считая, что искусственный разрыв целостного хозяйственного организма страны неминуемо скажется на ухудшении жизненного уровня граждан. Поддержало создание СНГ и приветствовало образование экономического союза.

В марте 1993 года были выдвинуты следующие кандидаты в народные депутаты областного совета: А. Артемьев, А. Ляпустин, А. Абаимов, В. Деведжиев, В. Раскатов, А. Котков, Л. Венкова.

По результатам голосования 11 апреля лишь один из них - А. Котков - прошел во второй тур голосования, став, таким образом, единственным кандидатом от демократических политических организаций, прошедшим в областной совет по результатам голосования 25 апреля. 1 июля 1993 года Котков голосовал против провозглашения Уральской республики, а член ДПР, депутат облсовета М. Борисов стал автором заявления депутатов, голосовавших против Уральской республики.

Накануне апрельского референдума Свердловская областная организация ДПР решила голосовать по двум последним вопросам «да», предоставив избирателям самим искать ответ на первые два вопроса.

25 сентября 1993 года правление областной организации выступило с заявлением, в котором отметило нарушение Президентом России действующей Конституции, отмечая в то же время, что сама Конституция стала тормозом развития нарождающейся демократии. Преодоление этого кризиса было возможно только в результате новых выборов. Правление поддержало действия, направленные на формирование Федерального Собрания.

По итогам выборов в декабре 1993 года Г. Карелин стал депутатом Государственной Думы. В апреле 1994 года Л. Котков был избран депутатом Свердловской областной думы.

Челябинская городская организация ДПР образовалась 8 июля 1990 года. На тот момент в Челябинской области было от 300 до 400 членов партии.

Устав регионального отделения был принят 12 февраля 1994 года на учредительном собрании областной парторганизации и зарегистрирован 23 марта 1994 года в Управлении юстиции Челябинской области.

Цель партии была сформулирована как «формирование и построение демократического правового государства, осуществление государственной власти через своих представителей в законодательных и исполнительных органах в центре и на местах» (4, 107).

На учредительной конференции председателем правления был избран Андрей Свиридов, руководитель информационного центра Агропромышленного союза Челябинской области, депутат областного совета. Председателем правления в ноябре 1994 года был избран Павел Модерау, научный сотрудник Уральского отделения РАН. Свиридов стал председателем областной организации.

В январе 1991 года руководство Челябинской городской организации раскололось. Свиридов был исключен из ДПР в связи с делом «о миллиардах». В ноябре 1993 года Модерау заявил о выходе из ДПР. До февраля 1994 года в организации продолжался кризис.

Была создана инициативная группа для восстановления партии, которая и вернула Свиридова к руководству. В феврале 1994 года на областной конференции он был вновь избран председателем организации.

На январь 1994 года в областной организации имелось 1400 зарегистрированных членов партии, объединенных в 13 территориальных организациях Челябинска (6 организаций), Чебаркуля, Магнитогорска, Копейска, Златоуста, Нагайбака, Троицка, районного центра Аргаяш и села Синий Бор (1, 68).

Появление в Перми Демократической партии России было напрямую связано с событиями «табачного бунта», так как именно на «табачном» митинге 1 августа 1990 года было объявлено о создании местного отделения ДПР.

На учредительной конференции Пермской городской организации Демократической партии России, состоявшейся 16 сентября 1990 года в актовом зале СПТУ №43, временные мандаты для голосования получили 47 человек, то есть почти столько же, как и на конференции Пермской областной организации «Демократическая платформа в КПСС», состоявшейся днем раньше. Но на доклад, на прения, на выборы временного совета понадобилось немногим больше двух с половиной часов. Объяснялось это, наверное, тем, что идея создания городской организации новой партии появилась совсем недавно - после летних «табачных» митингов, и председателю оргкомитета А. И. Злобиной просто не о чем еще было докладывать своим сторонникам. Она только напомнила громкие имена тех людей, которые вошли в состав временного руководства новой партии: председатель - народный депутат СССР и РСФСР Н. И. Травкин, его заместители - народные депутаты СССР Г. Э. Бурбулис, А. Н. Мурашов, народный депутат РСФСР М. Н. Толстой, чемпион мира по шахматам Г. К. Каспаров и другие, проинформировала, что сейчас разрабатываются программа и устав партии, высказала свое мнение о том, что надо делать городской организации после ее учреждения.

После такого доклада и выступления в прениях тоже были очень сжатыми и лаконичными. Однако по своей антикоммунистической направленности они были, пожалуй, сильнее, чем на конференции сторонников «Демократической платформы».

Так же, как и на учредительной конференции областной организации «Демократическая платформа», сторонники ДПР прямо заявили, что они уже сегодня начинают подготовку к выборам в местные органы власти, ставят задачу в парламентской борьбе вытеснить из Советов всех уровней членов КПСС.

Учредив единогласно городскую организацию ДПР, участники конференции выбрали ее временный комитет. Его главная задача состояла в проведении областной учредительной конференции (2), которая состоялась 30 сентября.

С самого начала своей деятельности в Перми ДПР объединила многих людей, готовых серьезно работать в политике, и в скором времени организация стала лидером демократического движения в городе. На пике популярности в марте 1991 года в Пермской городской организации ДПР состояло 152 члена - для демократических организаций того времени цифра весьма внушительная (3, 312).

Примечания

1. *Кириллов А. Д. Урал: тенденции политического развития (1991 – 1993). Екатеринбург, 1993. 150 с.*
2. *Вечерняя Пермь. 1990. 19 сентября.*
3. *Пермь от основания до наших дней / Под ред. М. Г. Нечаева. Пермь: «Книжный мир», 2000. 391 с.*
4. *Привалов Н. Г. Основные общественные и другие некоммерческие организации Урала. Екатеринбург – Челябинск: Урал – эксперт, 1998. Т. 2. Челябинская область. 205 с.*
5. *Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Ф. 342, Оп. 1, Д. 37, Л. 1 – 7 – Декларация и устав Демократической партии России.*
6. *ЦДООСО, Ф. 365, Оп. 1, Д. 21, Л. 2 – 5 – решения, резолюции конференций Свердловского регионального отделения Демократической партии России.*

Р.А. Брехач
Пермский государственный педагогический университет,
г.Пермь

ВОСПРИЯТИЕ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ ПРИКАМСКОГО СОЦИУМА

Миграция – сложное социально-экономическое явление, всегда имеющее и положительный, и отрицательный аспект. В стабильных условиях развития общества это явление характеризует свободу личности, передвижения, ускоряет течение самых разных процессов, способствуя становлению более цивилизованного общества. Однако, имея вынужденный характер, миграция вызывает явные негативные последствия. Миграция – это явление социальное и носителями ее проблемы взаимодействующие между собой и обществом личности и группы населения. В современной ситуации наблюдается изменение причин миграций на территорию России, если в последнее десятилетие XX в. основными причинами были экономические трудности, экономическая и политическая нестабильность в странах ближнего зарубежья, то сейчас основными мотивами являются «поиски лучшей жизни», воссоединение с родственниками, которые выехали раньше (догоняющая миграция), неуверенность в будущем по месту постоянного проживания, однако экономический фактор также не утратил своего значения в миграционном поведении переселяющихся. Миграция оказывает неоднозначное воздействие на социально-экономическую ситуацию. Приток мигрантов позволяет компенсировать демографические потери страны и регионов в частности, восполнить нарастающий дефицит рабочей силы. Однако можно выделить отрицательные стороны миграции: наплыв нелегальных мигрантов, стимулирующих теневую экономику; неконтролируемый приток иностранных мигрантов; «утечка умов»; размывание и маргинализация социально-культурных ценностей населения под воздействием миграции.

При проведении исследования по программе «Миграции как социальное явление: влияние на уровень социальной напряженности в Прикамье» изучалось, как воспринимает мигрантов население Пермского края, оценивалась степень толерантности к различным группам мигрантов. Представляло интерес выяснение мнений относительно роли миграции в экономическом развитии региона, воздействии ее на социальную обстановку, уровень и образ жизни населения. Для выявления наличия контактов респондентам было предложено ответить на вопрос: «*Приходилось ли Вам общаться с мигрантами*?» 82,6 % информантов ответили положительно. Путем открытого вопроса фиксировались места, где чаще всего приходилось встречаться с мигрантами. Наиболее упоминаемы контакты в сфере торговли и обслуживания. Общий показатель - 99,2%. Наиболее часто упоминается рынок, в частности студентами, пенсионерами, работниками государ-

ственных и частных предприятий, а также торговые предприятия, общественные места. Выделение сферы социальных коммуникаций из общей доли ответов составило 59,8%, в частности индивидуальное обучение детей мигрантов; детские площадки; круг личного общения; места досуга: учреждения культуры; по месту обучения разного уровня. По месту работы - наиболее часто упоминается жителями мегаполиса и провинциальных городов вне зависимости от уровня образования и возраста. В большей степени на факт сотрудничества с мигрантами обращают внимание рядовые работники государственных и частных предприятий, в основном занятые в сфере обслуживания и торговли; по месту жительства - эта позиция чаще упоминается жителями г. Перми. Трудовую сферу выделили 15,8% опрошенных. Группа респондентов 18-35 лет с уровнем образования от неполного среднего до высшего (особенно в г. Перми) отметила, что чаще всего присутствуют мигранты в сфере строительства. Жители мегаполиса и провинциальных городов Прикамья указывают сферу дорожного строительства. Респондентам было предложено конкретизировать «*С представителями, каких профессий из числа мигрантов Вам приходилось встречаться чаще всего*?». По ответам было выявлено, что это *представители рабочих профессий –71,6%.* Из них занятые тяжелым трудом составили 34,7%. Прежде всего это строители и дорожные строители и неквалифицированные рабочие. Эти категории выделили в основном работники промышленности, транспорта, сельскохозяйственных предприятий, силовых структур, образования и здравоохранения, вне зависимости от места жительства, занимаемой должности и уровня образования. Обслуживающий персонал *(6,3%)* - продавцы, грузчики, рабочие по ремонту дорог, мастера по ремонту обуви и изготовлению ключей, дворники, приемщики стеклотары, работники автосервиса, няни, охранники, водители и другие. Работники сферы финансов и бизнеса - 4,1%*;* частные предприниматели - 5,2%. Их чаще других называли руководители среднего уровня и рядовые работники, жители мегаполиса и провинциальных городов края.

Для выявления причин интолерантных настроений по отношению к мигрантам респондентам нужно было указать, что отрицательного они видят в присутствии мигрантов в своей местности. Выделили негативные моменты 63,5% из числа опрошенных. Самое большое количество ответов указывает на рост девиантного поведения - 50,1%. К числу проявления форм девиантного поведения отнесены: рост преступности, наркомании, проституции, нелегальность пребывания мигрантов. Представления о роли мигрантов в преступности явно мифологизированы. Это обусловлено сочетанием различных факторов: общесоциальные и психологические изменения в обществе, вызвавшие рост ксенофобии; экономические противоречия; политический, как в случае с античеченским синдромом.

20 % работников государственных предприятий считают, что мигранты сокращают число рабочих мест, хотя известно, что это рабочие места, которые не стремятся занять постоянно проживающие, чаще всего они характеризуются тяжелым физическим трудом и неблагоприятными условиями деятельности. 3,1% отметили, что мигранты эксплуатируют русское население и занимают экономические ниши.

В экономической сфере (25,1%) отмечены такие негативные последствия, как затоваривание рынка некачественными товарами - 14,7%, размещение на торговых площадях (19,1%), установление диктата цен на рынке, вытеснение российских производителей. Кроме того, указали, что мигранты тормозят развитие малого бизнеса в Пермском крае, развивают нездоровую конкуренцию, скупают предприятия и организуют свой бизнес таким образом, что он даёт дополнительные рабочие места для других мигрантов, а не для местного населения; занимаются нелегальным бизнесом.

Респонденты указали на конфликтные точки присутствия мигрантов в нашем регионе. В целом этот показатель составил 13,4%. 15,7 % отметили, что переселенцы провоцируют конфликты с местным населением и осложняют национальную обстановку в крае, такие ответы характерны для групп с высшим и средним образованием, в большей степени работников государственных предприятий и сферы образования, что является настораживающим фактом, так как именно от них зависит формирование алгоритма толерантных отношений в межэтнических коммуникациях. У 14,2 % информантов мигранты вызывают негативную реакцию при общении с ними, а 15,2% отметили, что они распространяют инфекционные заболевания, в особенности этим озабочены работники здравоохранения, образования, торговли и бытового обслуживания, вне зависимости от занимаемой должности и уровня образования.

В культурной сфере по ответам респондентов фиксируются такие негативные последствия присутствия мигрантов: деструкция культуры на территории Пермского края, насильственное внедрение своей культуры, нравов, порядков, традиций и обычаев, вытеснение «нашей» культуры, неуважительное отношение к традициям народов Прикамья, разложение морального облика края, создание этнических групп и землячеств. Ответы респондентов носят несколько противоречивый характер. Часть отмечает значительный позитивный потенциал притока населения на территорию Пермского края, особенно в экономической и демографической сферах, а с другой стороны, часть опрошенных указывают, что присутствие мигрантов в нашем регионе ведет к деструкции культуры и общества.

Корреляция этих ответов с показателем «укорененности» и «старожительства» в своем населенном пункте подтверждает, что интолерантные мотивы в восприятии мигрантов характерны как для тех, кто сами являются «внутренними мигрантами», то есть проживают в Перми и ее окрестностях чаще всего только в первом поколении, так и для групп «старожильцев», проживающих на территории более 10 лет.

Индикатором отношения к мигрантам являются показатели ответов на открытый вопрос: «*Где должны селиться мигранты, приехавшие в Ваш город?*». 20,8% опрошенных указали, что не должно быть никаких ограничений в выборе мигрантами места жительства. 14,2 % отметили, что мигранты могут селиться там, где считают нужным, в основном это люди с образованием в диапазоне от среднего до высшего.

Настораживает тот факт, что часть опрошенных указала, на необходимость ограничения в расселении мигрантов. 13,5% отметили, что приезжие должны селиться в отдельных районах, в специально отведенных местах, в отдаленных от города районах. Негативным видится тот момент, что этот ответ характерен для представителей различных категорий населения, вне зависимости от образования, статуса, сферы приложения труда и места жительства, то есть является распространенным для всего принимающего общества. 4,2% отметили свою крайнюю степень нетолерантности, указав, что они должны проживать в специальных общежитиях, специальных поселениях. 3,8% ответили, что они вообще должны уехать обратно. К сожалению, мы можем отметить наличие в регионе межэтнической напряженности в социальных коммуникациях при взаимодействии с мигрантами.

При анализе ответов на вопрос: *«Какие мигранты, по Вашему мнению, заслуживают помощи и сочув-*

ствия?» - сложилась такая картина. Большая часть на первое место поставила мигрантов из бывших республик СССР. Общий процент выбора этой категории в Пермском крае составляет 12, 6%.

Вне зависимости от социальных характеристик коренное население готово принять беженцев, вынужденных переселенцев, пострадавших от стихийных бедствий и локальных конфликтов - 10,8%. Отмечается позитивное отношение к тем мигрантам, которые, как считают респонденты, достойно живут, работают, получают образование, представляют ценность для общества и имеют высокий интеллектуальный потенциал.

Иерархическое восприятие этносов ведет к выстраиванию своеобразной шкалы социальной дистанции, характеризующей степень принятия или «чуждости» той или иной этнической группы и, соответственно, готовность или неготовность к взаимодействию с ней. На миграционные настроения влияет и характер отношений, складывающихся между государствами. При выделении этнических групп, к переселению которых относятся положительно, чаще всего упоминают украинцев (8,8%). По статусным характеристикам расхождений в группах не выявлено, 3,9% - армяне. К этой группе сочувственно относятся работники сферы образования, науки, культуры. Можно предположить, что представили этой группы принимают армян, зная о едином с нами социорелигиозном пространстве и историческая память не хранит моментов сложностей взаимоотношений в Арменией. Также упоминаются евреи (1,7%), белорусы (2,9%). Студенчество в свете событий проявления расизма к иностранным обучающимся выделяет группу афроамериканцев (3,1%). Однако только 46% опрошенных дали ответ по этой позиции.

При опросе было предложено указать народы, переселение которых, по мнению информантов, не желательно в наш край. В целом ответы по этой позиции дали 60,4% опрошенных. Этнические группы, к которым фиксируется «негостеприимное» отношение - киргизы (3,5%), азербайджанцы (6,9%), «кавказцы» (9,4%) и «азиаты» (6,9%), наряду с традиционно враждебно воспринимаемыми цыганами. Лишь наименьшая доля опрошенных готова принять их в качестве жителей края, не говоря уже о более тесных формах возможного взаимодействия. Антицыганские фобии имеют устойчивый и массовый характер. К исторической традиции добавляются новые представления о роли пришельцев в наркоторговле. 4,3% называли представителей узбекского этноса. Характер и направления миграции узбеков зависят от их принадлежности к диаспоре. Узбеки имеют относительно небольшой потенциал внешней миграции, среди них наблюдается значительный рост возвратной трудовой и торговой миграции.

5,9% отметили негативное отношение к чеченцам. Ответ на вопрос, почему так происходит, лежит на поверхности. Вопросы с Чечней не урегулированы до сих пор, социальная память не утратила еще эмоционально-окрашенного восприятия этих проблем. Также рост криминалитета в социальном сознании устойчиво ассоциируется с незаконной деятельностью выходцев из Средней Азии и Закавказья. С одной стороны, сводки ОВД подтверждают эти факты, особенно относительно наркоторговли; с другой стороны, это проявление устойчивого негативного этносоциального стереотипа, когда по некоторым фактам ставится стигма на весь народ или группу народов, что, безусловно, является отрицательным моментом социального взаимодействия.

Распространение в социальном сознании жителей Прикамья позитивной информации о культурном своеобразии, о бытовых традициях народов, населяющих наш край исторически и появившихся в процессе миграционных передвижений, является залогом повышения уровня толерантности в межэтнических отношениях на территории Пермского края и преодоления существующих на сегодняшний день у части населения интолернтных социальных установок и настроений. Наличие в прикамском социуме толерантно настроенной к мигрантам части населения среди разных возрастных, этнических и социально-статусных групп дает основание для благоприятных прогнозов развития цивилизованного общества, демократических традиций в Пермском крае. Любая интеракция предполагает позитивную мотивацию и готовность к сотрудничеству двух и более сторон. При соблюдении правил социального и правового поведения, взаимопомощи в адаптации мы сможем сформировать не только позитивный диалог, но и полилог, и от этого зависит будущее нашего общества, государства и подрастающего поколения.

Т.В.Рогачева
Уральский государственный технический университет – УГТУ-УПИ, г. Екатеринбург

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ УРАЛА

Рассматривая вопросы повышения рождаемости как приоритетные, на наш взгляд, следует помнить и о других категориях населения. В первую очередь, стоит обратить внимание на работоспособную часть населения, склонную к заболеваниям системы кровообращения. Известно, что данная группа нозологий занимает в нашей стране первое место в структуре смертности и заболеваемости. Возникает вопрос об этиологических факторах данных заболеваний и расстройств.

Изучение индивидуально-личностных особенностей пациентов с сердечно-сосудистыми и онкологическими нозологиями позволило Р. Розенману и М.Фридману с коллегами выделить психологические типы личности, склонные к ишемической болезни сердца. В течение восьми лет Р. Розенман и М.Фридман наблюдали 1500 человек, не имеющих заболеваний сердца. В результате были описаны широко известные сейчас поведенческие паттерны, влияющие на развитие сердечной патологии. Был выделен коронарный тип А, предрасположенный к инфаркту миокарда, основными свойствами которого были высокий уровень притязаний, выраженное влечение к достижению цели, нетерпимость в ситуациях ожидания, стремление к конкурентной борьбе. Такой человек постоянно испытывает дефицит времени для выполнения своих многочисленных планов, находится как бы в цейтноте. Он одержим стремлением сделать все лучше и быстрее других, систематически преодолевая чувство усталости. Практически он никогда не позволяет себе расслабиться, постоянно напряжен. Это очень энергичный, беспокойный и даже агрессивный человек. Его день расписан по минутам, он быстро ест, быстро ходит, не выносит бездействия.

Далее М.Фридман предположил, что если модифицировать поведение типа А, то это уменьшит склонность человека к заболеваниям сердца. Эксперимент, проводимый с пациентами, перенесшими инфаркт миокарда, длился три года. Испытуемые были поделены на три группы: пациентов первой группы обследовали и лечили только кардиологи; во второй группе, кроме лечения, проводилась психотерапевтическая работа, имеющая целью модификацию поведения типа А; третья группа была кон-

трольной. Лицам, включенным в первую группу, давали обычные советы: не курить, не употреблять определенные продукты питания, следить за уровнем холестерина в плазме крови и т.д. Пациентам второй группы на конкретных примерах объясняли, чем угрожает поведение типа А и как в связи с этим перестроить свою жизнь, чтобы избежать повторного рецидива острой коронарной недостаточности. Анализ частоты рецидивов в течение года показал, что «разница между пациентами, обследованными в первой и второй группах в первый год составила 48%, во второй - 62%, а на третьем году - 372%» (4, 276-277). Риск повторного инфаркта миокарда или внезапной смерти в течение последующего пятилетнего наблюдения у больных второй группы оказался в 8 раз ниже, чем у лиц первой группы, т.е. пациентов, получивших тривиальные рекомендации (3, 118).

Александр Лоуэн, исследуя «инфарктогенное» поведение, впервые в научной практике обратил внимание на тесную связь заболеваний сердца с проблемами любви. «Многие люди в нашей культуре испытали в детстве утрату любви, которая оставила их с «разбитым сердцем», - пишет А.Лоуэн, - стремясь перенести это, человек подавляет боль, создавая «панцирь», напрягая мышцы грудной клетки, которые становятся жесткими. Эта жесткость блокирует и ограничивает дыхание, движения и чувствительность, подвергая тело постоянному стрессу, который, на мой взгляд, повышает риск развития сердечно-сосудистых заболеваний» (1, 119). Другими словами, риск подобной патологии связан с ранними переживаниями детского возраста и страхом подобного опыта во взрослой жизни.

Утрата любви в детстве вызывает длящийся всю жизнь недостаток чувства безопасности. Это связано, с точки зрения А.Лоуэна, с возникновением длительной, хоть и неосознаваемой ребенком паники по поводу утраты контактов с родителем, дающим любовь и удовольствие. Паника чаще всего подавляется и может быть осознана только во время глубокого дыхания, когда невозможно вдохнуть достаточно воздуха. Эта ситуация напрямую связана со страхом. Этот страх также связан с младенчеством, когда человек был лишен любви в виде опоры и поддержки. Именно утрата любви, угроза или страх делают активным первичный недостаток чувства безопасности, вызывая панику. Анализируя природу стресса, А.Лоуэн выделяет два различных типа стресса, подчеркивая их взаимосвязь. Один имеет источник в окружающем мире и напрямую связан с поведением типа А, другой воздействует на человека дома и связан с непониманием в семье, недостатком любви или ее полной утратой. «Поведение типа А мотивировано сильной потребностью в подтверждении собственной ценности - потребностью, которая имеет своим источником недостаток безусловной любви в детстве», - пишет А.Лоуэн (1, 128).

Какие чувства блокируются в первую очередь? А.Лоуэн выделяет враждебность, ненависть, злость. Сдерживание именно этих эмоций требует контроля, значительного усилия воли, что является стрессогенным для тела. Контроль проявляется в первую очередь в силе хронического напряжения мышц и жесткости тела. Конечно, редукция чувств уменьшает влияние окружения на личность, но вместе с тем и личность ограничивает свою способность реагирования на значимых людей, а в итоге изолирует себя от мира. Последствием будет нечувствительность как к позитивным, так и к негативным силам - к любви и враждебности. Сформировавшийся при этом мышечный панцирь истощает личность, делая ее в итоге более податливой к стрессу. «Жесткость - главный механизм неосознаваемого контроля чувств. Он возникает посредством напряжения мышц, поддающихся волевому контролю, так что желания не имеют путей выражения. Для того, чтобы заблокировать, например, желание заплакать, мы напрягаем лицо… Когда эти напряжения становятся хроническими, заблокированные стремления не достигают поверхности тела и сознания. Самосознание ограничивается. Жесткость приводит к тому, что тело «замирает»… Когда жесткость охватывает коллатеральные кровеносные сосуды, это вызывает гипертонию, которая вынуждает сердечную мышцу работать с огромной перегрузкой и является признанным фактором риска в заболевании коронарных сосудов. Когда жесткость охватывает коронарные сосуды, это приводит к возникновению атеросклеротических бляшек, блокирующих эти важнейшие магистрали, доставляющие сердцу кислород и питательные вещества, в результате чего возникает серьезная угроза смертельного сердечного приступа», - так объясняет А.Лоуэн механизм патогенеза инфаркта миокарда (1, 131-132). Поэтому, когда возникает необходимость в мобилизации защитных функций организма, имеющиеся телесные деформации не позволяют этого сделать. Жертва сердечного приступа редко осознает логику событий, еще реже к ней приходит осмысление заболевания. Чаще человек говорит о ситуации ловушки, реагируя на нее паникой. Подавление страха, связанного с паникой, вызывает в теле то, чего человек стремится избежать - сердечного приступа.

Следовательно, анализ этиологических факторов болезней системы кровообращения позволяет сделать выводы о психосоматической природе данных нозологий. Тогда возникает проблема формирования психологической устойчивости к различным психогенным факторам. Что такое психологическая устойчивость? Существует относительно генерализованная форма устойчивости личности, т.е. та динамическая и содержательная характеристика поступков и поведения человека, которая наблюдается в самых различных видах его деятельности. Зная генерализированные мотивы поведения человека, можно с большой степенью вероятности смоделировать особенности поступков и поведения данной личности в различных ситуациях. Данный уровень устойчивости соответствует понятию «характер».

Второй, менее генерализованный уровень устойчивости личности фиксирует особенности поведения человека в группе. Когда человек действует в группе, то его поведение заключает в себе особые эмоционально заряженные свойства, возникающие вследствие подражания индивидов друг другу. Из-за такого подражания и эмоционального заражения возникает специфическая дополнительная «социальная сила», придающая, специфическую социальную устойчивость личности.

Третий уровень устойчивости личности – особенность поступков и поведения индивидов, обусловленная ситуативными мотивами деятельности. Иногда обстоятельства выдвигают требования, противоречащие генерализованному строю мотивации поведения личности. Ответ на эти обстоятельства порождает у личности специфическую форму поведения, которая не исчезает, а принимает форму устойчивости личности. Еще классик отечественной психологии С. Л. Рубинштейн заметил: «Ситуативно обусловленный мотив или побуждение к тому или иному поступку – это и есть личностная черта характера в его генезисе» (2, 136).

Ситуативная деятельность индивида определяется условиями деятельности и потребностями субъекта вследствие необходимости установить адекватное соответствие в данный момент в системе «объект - субъект». Протекая под влиянием побуждений текущих событий, ситуативная деятельность не может не испытывать влияния и со стороны генерализованной мотивации. Не

случайно человек познается и в очень крупных делах, и в мелочах именно в силу проецирования его доминирующих мотивационных установок на ситуацию.

Чтобы понять действительную природу явления устойчивости личности, необходимо рассматривать его, с одной стороны, в контексте целостного поведения индивида, а с другой – в аспекте относительной самостоятельности составляющих его компонентов и уровней. Динамическая и содержательная характеристики этих уровней поведения являются теми важными полюсами, под влиянием которых формируется устойчивость личности как своеобразная форма поведения человека.

Устойчивость, в отличие от сохранения, носит активный характер, то есть выражает момент сопротивления, который проявляет данная система к внешним воздействиям. Если воздействие кратковременно, единично, тогда устойчивость проявляется в том, насколько быстро система вернется к прежнему состоянию. Если воздействие продолжительно по времени или многократно повторяется, то устойчивость проявляется в том, что система переходит из одного состояния в другое, при этом сохраняя основные внутренние взаимосвязи.

Таким образом, мы приходим к заключению о личностных приоритетах в формировании психологической устойчивости к различным критическим ситуациям. Человек сам делает выбор и обязан нести за него ответственность. Выбор может существовать на нескольких уровнях. Так, по образному выражению М.Хайдеггера, познание это «возможность предварительного разумения бытия», которое лежит на поверхности. О такой возможности личность может не знать и / или не отдавать себе отчета в этом. Таким образом, возможность может быть не реализованной, тогда психологическая устойчивость принимает форму потенции.

Другой уровень выбора – осознавание. Осознавание предполагает д в и ж е н и е к, **осмысление** своего состояния на глубинном уровне, через телесные ощущения, через знаки, другими словами, через осмысление информации, в том числе интроецированной, через собственный опыт существования в мире. Это движение может быть конструктивным и неконструктивным. Адекватность определяется тем местом, которое занимает болезнь в жизни человека. Если осмысление болезни выражается в самоактуализации, как ее трактует А.Маслоу, то есть через обживание и осознание своей болезни как движении к себе, через распаковывание смыслов, то динамика может рассматриваться как конструктивная. Подобный механизм зафиксирован в различных исследованиях у пациентов, имеющих гармоническое отношение к своей болезни. Поэтому смыслы могут выступать средством для решения вопроса о выздоровлении. Второй вариант связан, по нашему мнению, с саморазрушительными тенденциями, проявляющимися в движении «от себя», названном Хайдеггером заброшенностью Я. Мир для такого человека представляется как брошенное на произвол судьбы бытие, где теряется и личность. Смысл в этом ключе можно рассматривать как распад, когда мир не приемлет тебя, а Я не устраивает содержание того, что предлагается миром. Именно эту тенденцию демонстрируют многие пациенты.

Некоторые решаются на бунт против мира. Тогда смысл является своеобразным резервом готового к употреблению в других структурах, других мирах иначе осознанного смысла. Таким образом, прояснение смысла болезни, который, находясь на границе внутреннего и внешнего, где протекает особенно интенсивная жизнь и выявляются истинные потребности личности, приводит к возможности адекватного решения задачи, что соответствует в конечном счете полноте и гибкости использования смыслов в качестве исходных предпосылок и средств движения к выздоровлению. Именно таких пациентов следует считать психологически устойчивыми. Как тут не вспомнить Св. Августина «Noli foras ire in te redi, in interiore homine habitat veritas» (Не стремись к внешнему, возвратись к себе, во внутреннем человеке пребывает истина).

Примечания

1. Лоуэн А. Секс, любовь и сердце. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2000. 224с.
2. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: АН СССР, 1959. 676 с.
3. Тополянский В.Д. М.В.Струковская. Психосоматические расстройства. М.: Медицина,1986. 384 с.
4. Rosenman R.H., Friedman M. Neurogenetic factors in pathogenesis of coronary heart disease // Med.Clin.N.Amer. 1974. v.58. P.269-279.

О.М. Коморникова
Шадринский государственный педагогический институт,
г. Шадринск

ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ

По прогнозам экспертов XXI век – век масштабных международных миграций. Эти процессы неизбежно вызывают усиление контактов между представителями различных этнических общностей. Люди все чаще сталкиваются с неизвестными и непонятными нормами поведения, при этом нарушается привычный баланс повседневного межэтнического общения. Уже сейчас четко наметилась тенденция к обострению проблемы взаимодействия мигрантов и местного населения, зачастую приобретающая характер межэтнической напряженности. Появляется опасность, что такие конфликты могут получить широкое распространение и стать преобладающей формой глобального конфликта.

В связи с этим особую актуальность для современного общества приобретает проблема толерантности (лат. toleranta – терпение), т. е. обеспечения устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и социальными группами, уважения к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовность к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям.

Необходимо разграничить понятия «терпение» и «терпимость» в их социальном понимании. Терпение – это психологический порог восприятия личностью, группой людей неблагоприятных для них социальных воздействий, при достижении которого утрачивается психологическая и волевая стойкость, и они способны к непредсказуемым действиям. Толерантное отношение, в отличие от терпения, предполагает не только восприятие, но и активное взаимодействие с представителями иных этносов, отсутствие стремления сразу же отторгнуть «чуждые» идеи, нравы, поведение, что позволяет выявить подлинную сущность «иного» (3, 54). То есть этническая толерантность предполагает готовность принять представителей других этносов такими, какие они есть, и взаимодействовать с ними на основе согласия.

В психологии толерантность рассматривается как обусловленное жесткими конструктами свойство личности, поддающееся коррекции посредством изменения установок. В социологической трактовке толерантность - это динамическая характеристика всей системы социаль-

ного действия. Изменения в этой области не ограничиваются изменением индивидуальных поведенческих характеристик. Они носят более широкий, долговременный и функциональный характер (2, 86-87).

Россия имеет многовековые традиции поликультурности. Народы, проживавшие совместно на ее территории в течение столетий, как правило, мирно уживались друг с другом. Это заслуга не только политиков, но и русских как этноса, структура которого и национальное сознание формировались в тесном контакте с другими народами (1, 196).

Ф. М Достоевский отмечал, что у «русских есть умение понимать и принимать все другие народы». Однако в современном российском обществе, переживающем период глубокой социально-экономической, политической и культурной трансформации, наметились несколько иные тенденции развития.

После распада СССР в Россию хлынул поток мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья в поисках лучшей жизни. В условиях усугубления социально-экономических проблем и относительного снижения уровня жизни местного населения это привело к возникновению и проявлению в разных формах чувства национальной неприязни, к укоренению в массовом сознании образа опасного «чужого» и надвигающейся опасности иноэтничной миграции. Согласно данным мониторинга «Левада-Центра», количество россиян, считающих, что взаимоотношения между представителями различных национальностей изменились к худшему, за последние годы значительно не менялось, но этот показатель достаточно высок (около 40%). Отсюда можно сделать вывод о том, что в российском обществе накопился определенный потенциал интолерантности в межнациональных отношениях.

В связи с этим представляется необходимым изучение объективных и субъективных конфликтогенных факторов, способствующих нарастанию противоречий между различными этническими группами, в том числе сложившихся в массовом сознании этнических стереотипов и социально-психологических установок, степени готовности представителей различных этнических групп к взаимодействию и определенной трансформации своего регуляторного механизма индивидуального и группового поведения.

Толерантность в межнациональных отношениях зависит от частоты и глубины контактов, относительного равенства прав, численного соотношения этнических групп в данном регионе, наличия различий культурного характера, которые приводят к неверному истолкованию чувств, намерений, мотивов партнеров по общению.

Формирование интолерантных установок у населения начинается, как правило, с ощущения тревожности по поводу ухудшения материального и социального положения возникновения опасности для жизни и благополучия, как отдельных представителей, так и существования этноса в целом.

Потребность в самосохранении есть неотъемлемое свойство этноса. Любое воздействие, которое может нарушить целостность этноса как системы, ведет к противодействию. Оно усиливается, если между представителями отдельных национальностей идет борьба за жизненно важные блага (территория, природные ресурсы, рынок труда). Причем в эти отношения «действия-противодействия» оказываются вовлеченными те люди, которые сами непосредственно не участвуют в конкурентных отношениях и даже не испытывают на себе каких-либо негативных воздействий.

Одной из наиболее явных характеристик личности, в которой проявляется свойство толерантности – это наличие стереотипов (2, 86). Они складываются в результате общения и взаимодействия с представителями других народов в тех или иных обстоятельствах. Очень часто этнические стереотипы не только не соответствуют действительности, но и искажают ее, так как отражают чувства и эмоции людей. Особенно это заметно на примере современных средств массовой информации, которым принадлежит немалая роль в нагнетании обстановки, формировании у населения изначально негативных установок на восприятие иноэтничных мигрантов, что приводит к распространению этнофобий и мигрантофобий. Многие люди, имевшие непосредственный опыт общения с иноэтничными мигрантами (не славянами), испытывают стойкое чувство неприязни, раздражения и даже отвращения. Ситуация осложняется тем, что в трансформирующемся российском обществе не сложились четкие нормы поведения. Соответственно, нет сдерживающих механизмов, что обеспечивало бы мигрантам свободу поведения.

Каждая нация в процессе своего развития должна совершенствовать свои отношения с другими этническими общностями, вырабатывать такие формы взаимодействия и общения, которые облегчают совместную жизнь людей, их интеграцию и адаптацию в полиэтничной среде.

Проявление интолерантности в межэтнических отношениях возможно и правомерно, так как толерантность не предполагает отказа от собственных ценностей и убеждений, но в цивилизованных и не агрессивных формах.

Таким образом, в настоящее время особую актуальность приобретает изучение механизмов формирования толерантных – интолерантных установок, определяющих отношение к представителям других этнических общностей, так как дальнейшее развитие общества невозможно без своевременного выявления, прогнозирования и устранения возникающих противоречий на основе взаимопонимания и согласия.

Примечания

1. *Крысько В. Г. Этнопсихология и межнациональные отношения. Курс лекций. М., 2002.*
2. *Петров В. Н. Этнические мигранты и полиэтничная принимающая среда: проблемы толерантности // Социологические исследования. 2003. № 7.*
3. *Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции// Социологические исследования. 2003. № 8.*

К. М. Кусмарцев
Волгоградское региональное отделение
Всероссийской политической партии
«Единая Россия»,
г. Волгоград

ВЫРАВНИВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВНУТРИГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ – ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

В последнее время в обществе началась активная дискуссия об организации управления столичными муниципальными образованиями – центрами субъектов РФ. Члены Комитета по местному самоуправлению Государственной Думы неоднократно предлагали принять поправки, позволяющие ликвидировать местную власть в областных центрах и республиканских столицах.

Через поправки к закону депутаты пытались решить проблемы, связанные с организацией не только управления городскими округами, но и их внутригородских районов, что положительно оценили руководители территориальных структур Волгограда, Самары, Челябинска и

ряда других крупных городов. Однако такая постановка вопроса не устроила глав муниципальных округов и под давлением общественного мнения законопроект Комитета Государственной Думы по местному самоуправлению отправили на доработку, в результате которой федеральные органы власти смогут сделать выбор в пользу принципиально иной системы организации муниципальной власти. По словам первого заместителя Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева, «если нынешняя система распределения полномочий местных и региональных властей потребует совершенствования, коррективы могут быть сделаны и на федеральном уровне, и на уровне местных органов» (1, 43).

Поэтому вопросы, касающиеся организации муниципального управления, остаются особенно актуальными, несмотря на то, что закон о местном самоуправлении с момента принятия в сентябре 2003 года пережил уже 18 правок. Поскольку не одно из принятых нововведений не решает проблем оптимизации управления внутригородских районов муниципальных округов, то данный вопрос выносится на рассмотрение в данной работе.

По действующему сегодня закону «Об общих принципах...» понятие «внутригородской район» отсутствует. В статье 2 закона приводится понятийный аппарат, в котором присутствует только определение внутригородской территории города федерального значения, наделенной правами муниципального образования. Таким образом, основополагающий для муниципальной власти закон не определяет полномочия внутригородских территорий, что ведет к их полной зависимости от органов местного самоуправления городского округа.

Проблема внутригородских районов заключается в целом ряде вопросов: во-первых, финансирование районов осуществляется по смете, т.е. администрация не может использовать денежные средства, предоставляемые городским бюджетом на какие-либо непредвиденные и неотложные расходы, требующие неотлагательного решения сразу. Здесь можно привести пример из работы администрации Советского района Волгограда, сотрудники которой в мае 2005 года занималась организацией траурных мероприятий в связи со смертью жителя района, Героя Советского Союза М.П.Теплова, и на согласование с руководителями города финансовых вопросов не было времени. Или более свежий пример из того же района: после получения нового рентгеноборудования для МУЗ «Больница №11» пришлось самостоятельно искать финансирование для организации подключения этого оборудования и изоляции рентген-кабинета. Данные работы не были предусмотрены ни национальным проектом «Здравоохранение», в рамках которого получено оборудование, ни сметой, предоставленной администрации Советского района на 2006 год, ни другими нормативно-правовыми актами города Волгограда и Волгоградской области.

Второй существенной проблемой развития внутригородских районов является распределение расходов без учета налоговых отчислений предприятий, находящихся на территории района. Это влечет к недовольству местных руководителей, активно поддерживающих промышленность и бизнес, т.к. обратно в район вернутся средства вне зависимости от итогов сбора налогов и проделанной работы.

Все это сводится к тому, что финансовая несостоятельность внутригородских районов не дает реального развития всему городскому округу. И это притом, что именно на уровне внутригородского района происходит непосредственная работа с населением и взаимодействие в области ЖКХ и социальной сферы.

Решить эти проблемы отчасти предполагалось поправками Комитета по местному самоуправлению Госдумы. Помимо назначения мэров столичных городов необходимым стало формирование внутригородских муниципальных районов. Таким образом внутригородские районы получили бы самостоятельность в рамках тех условий развития, которые созданы на протяжении всей истории района. В ходе реализации поправок закона «Об общих принципах...» администрациями районов городского округа создавались свои бюджеты, принималось в муниципальное управление имущество, создавались представительные и исполнительные органы местного самоуправления, основанные на всеобщем избирательном праве.

Предполагаемое принятие подобных поправок имеет как свои плюсы, так и минусы. Если сейчас внутригородские территории получат административную, финансовую, политическую самостоятельность, на что рассчитывают руководители районов столичных городов, начнутся совершенно неравные темпы в развитии разных частей одного города. Это связано с той инфраструктурой, которой располагают внутригородские районы сейчас. Например, в Волгограде 8 районов, и каждый из них имеет свои специфические особенности инфраструктуры. Так, в Дзержинском районе города находятся офисные помещения крупных кампаний «Лукойл», «МЕТРО», «Сервис-продукт» (оптовая торговля), ряд современных торгово-развлекательные комплексов, аэропорт. В тоже время Кировский район имеет только одно предприятие – ОАО «Химпром», и большое количество ветхого жилья, требующего безотлагательных вложений в капитальное строительство.

Развиваясь по смете, администрация Советского района Волгограда открывает все больше молодежных центров и подростковых клубов, в тоже время администрация Центрального района уделяет внимание больше организации многочисленных разовых мероприятий. Развивая инфраструктуру, Комитет по делам молодежи добился за 5 лет увеличения расходов на молодежную политику района в 16 раз за счет того, что новые субъекты управления увеличивали общее количество расходов. (2, 67) «Такой результат получился благодаря профессиональной работе команды руководителей администрации Советского района Волгограда, уделяющих внимание развитию инфраструктуры района», - прокомментировал в ходе выступления при открытии ГМЦ «Планета» председатель комитета по молодежной политике, физической культуре, спорту и туризму Волгоградской городской Думы Андрей Биленко.

Поэтому, если поправки в закон «Об общих принципах...» будут внесены в настоящее время, то Волгоград (как и все крупные муниципальные образования) получит социальную напряженность жителей одних районов по отношению к другим - более успешным и развитым. Решить эту проблему сможет целенаправленная политика руководителей городских округов и внутригородских районов, направленная на экономическое выравнивание территорий и равномерное развитие инфраструктуры.

Для организации политики выравнивания развития внутригородских районов городского округа считаем необходимым в каждом столичном городе создать соответствующий фонд, аккумулирующий средства федерального, регионального и местного бюджетов и направляющих их на финансирование развития инфраструктуры дотационных районов. Поскольку внутригородские районы имеют свои административные органы, муниципальные учреждения районного значения, доходную и расходную базу - их развитие схоже с муниципальными образованиями. Но развитию последних способствуют дотации Фонда развития муниципальных образований (регионального

и районного).

Подводя итог вышесказанному, считаем необходимым для развития внутригородских районов столичных городов законодательно закрепить реализацию принципа выравнивания инфраструктуры районов. Предлагаем для этого внести дополнения в некоторые законодательные акты Российской Федерации, касающиеся деятельности органов местного самоуправления, и, прежде всего, в федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»:

1)дополнить статью 2 определением внутригородской территории (внутригородского района) муниципального образования – столичного города субъекта РФ;

2)дополнить статью 16 (вопросы местного значения городского округа) пунктом 33 «выравнивание уровня развития инфраструктуры внутригородских районов, входящих в состав городского округа, за счет средств бюджета муниципального образования»;

3)с учетом вышеизложенной поправки дополнить главу 8 закона «Экономическая основа местного самоуправления» механизмами регулирования уровня экономического развития внутригородских территорий, в том числе созданием Фонда выравнивания инфраструктуры.

Примечания

1. *Мэров используют без назначения // Коммерсантъ Власть. № 46 (700). 20.11.2006.*
2. *Сидоренко П.В., Вырщиков А.Н. и др. От чистого истока. Страницы истории Советского района Волгограда. Волгоград: Авторское перо, 2006.*

О.Б. Орехова
Пермский государственный педагогический университет,
г. Пермь

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЕ СОЦИУМА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА)

В современных социокультурных, экономических условиях развития общества происходят переоценка ценностей и формирование новых ценностных ориентиров, в социальном сознании усиливается внимание к культуре, ее духовным и нравственным аспектам. В процессе социализации ценности обретают значимое место в личностном, гражданском и профессиональном становлении личности.

Важной составляющей социального и индивидуально сознания являются ценностные ориентации. Социальная психология рассматривает ценностные ориентации как способ дифференциации объектов индивидом по их значимости. Ценностные ориентации формируются при усвоении социального опыта и проявляются в целях, идеалах, убеждениях, интересах и других проявлениях личности. В структуре деятельности ценностные ориентации тесно связаны с познавательными и волевыми сторонами личности. Система ценностных ориентаций образует содержательную сторону направленности личности и выражает внутреннюю основу ее отношений к действительности.

Выражая определенные качества личности, ценностные ориентации являются средством реализации определенных целей социальных групп. Ценностные ориентации – это смысловые установки субъекта, осознанные им в процессе социализации. Если соотнести понятие «ценностные ориентации личности» с понятием «установка», под которым чаще всего понимается динамическое состояние готовности к определенной форме реагирования, то ценностные ориентации относятся к когнитивным структурам сознания и влияют на поведение опосредованно. Являясь функцией социальной среды, ценностные ориентации – это в то же время и целостная характеристика, составляющая сущность личности и открывающая внутренние тенденции к ее существованию и формированию. Это широкая система ценностных отношений личности, поэтому они проявляются как избирательно-предпочтительное отношение не к отдельным предметам и явлениям, а к их совокупности, то есть выражают общую направленность индивида на те или иные виды социальных ценностей. Система устойчивых ценностных ориентаций личности является показателем того, что можно ожидать от индивида. О социально-политической позиции, о духовном мире личности можно судить по тому, на достижение каких ценностей она направляет свои усилия, какие объекты являются для нее наиболее значимыми, то есть ценностные ориентации выступают как обобщенный показатель направленности интересов, потребностей, запросов личности, социальной позиции и уровня духовного развития.

В процессе совместной деятельности, определяющей отношения людей в группах, складываются групповые ценностные ориентации. Совпадение важнейших ценностных ориентаций членов группы обеспечивает ее сплоченность (как ценностно-ориентационное единство).

Анализ ценностных ориентаций выполнен на основе материалов исследования, проведенного на территории Кудымкарского района Коми-Пермяцкого округа в 2005 году. Работа с респондентом включала в себя ранжирование по принципу личной значимости наборов карточек с ценностными ориентациями.

В данной работе представлена иерархия ценностных ориентаций коми-пермяков в политической сфере. Ценностные ориентации входят в состав политической культуры наряду с политическими знаниями, доктринами, теориями, традициями, опытом, навыками, умениями, но даже в таком составе их следует рассматривать как ведущую категорию политической культуры.

При анализе ценностных ориентаций коми-пермяков зафиксирована следующая картина. В общей иерархии коми-пермяков ценностные ориентации политической сферы в основном находятся на периферии – это такие суждения, как «государство должно обеспечивать безопасное существование в стране» (18 место), «государство должно обеспечивать равенство всех и каждого перед законом» (22 место), «человек должен иметь право свободно выражать свои политические убеждения» (28 место), «быть в курсе политических событий» (35 место) и «оказывать влияние на важные решения правительства» (36 место). Таким образом, это свидетельствует о политической индеферентности.

Иерархия ценностных ориентаций политической сферы ниже будет проанализирована по таким показателям, как возраст, уровень дохода и уровень образования.

Таблица 1

Категория / возрастная группа				Категория / уровень дохода (руб.)					
1	18-25	4	46-55	1	<1000	4	3001-5000	7	10001-15000
2	26-35	5	56-65	2	1001-2000	5	5001-7000	8	15001-30000
3	36-45	6	66 и старше	3	2001-3000	6	7001-10000		
Категория / уровень образования									
1	среднее			2	среднеспециальное			3	высшее

При анализе иерархического распределения ценностных ориентаций в политической сфере в целом у коми-пермяков была зафиксирована следующая структура: на первое место выставлено суждение «государство должно обеспечивать равенство всех и каждого перед законом», на второе – «быть в курсе политических событий», на третье – «человек должен иметь право свободно выражать свои политические убеждения», на четвертое – «государство должно обеспечивать безопасное существование в стране» и на пятое – «оказывать влияние на важные решения правительства».

Примечательно, что смысловое выражение «быть в курсе политических событий» находится на первом месте только у первой возрастной категории, у других же оно располагается на втором и третьем месте. Следующее суждение – «человек должен иметь право свободно выражать свои политические убеждения» - также стоит на разных позициях данной иерархии: у людей 36 - 45 лет и пожилых респондентов оно располагается в интегрирующем ядре, у молодежи и людей в возрасте 56 - 65 лет – в срединном слое, а у респондентов 26 - 35 лет – на периферии.

Ценностная ориентация «государство должно обеспечивать равенство всех и каждого перед законом» по распределению позиций отличается постоянством, у всех возрастных групп, за исключением 4 категории (где это суждение на первом месте), оно находится в срединном слое.

Положение ценностной ориентации – «оказывать влияние на важные решения правительства», в иерархии идентично у большинства возрастных групп и находится у всех на периферии, только у 2 возрастной группы она располагается на третьем месте, т.е. в срединном слое. Следует остановиться на таком суждении политической сферы, как «государство должно обеспечивать безопасное существование в стране». Здесь ситуация сложилась следующим образом: люди старшего поколения выставили данную ориентацию на последнее место, а коми-пермяки в возрасте 26 - 45 лет - на второе и третье место и только молодежь поставила ее на первое место.

При анализе иерархии политической сферы у респондентов с разным уровнем образования принципиальных отличий не выявлено, но у людей с высшим образованием показатели все же немного разнятся. Суждение «государство должно обеспечивать равенство всех и каждого перед законом» у респондентов со средним и среднеспециальным образованием располагается в интегрирующем ядре, у людей с высшим образованием – в срединном слое на третьем месте; ориентация «быть в курсе политических событий» у людей со средним и среднеспециальным образованием – на втором и третьем месте, т.е. в срединном слое, а у респондентов с высшим образованием – на периферии. Выражение «человек должен иметь право свободно выражать свои политические убеждения», что примечательно, у всех категорий образования располагается в срединном слое на третьем месте. «Государство должно обеспечивать безопасное существование в стране» – это суждение также у людей с категорией образования 1 и 2 на периферии, а у людей с высшим образованием - в срединном слое на втором месте, и завершает иерархию ориентация «оказывать влияние на важные решения правительства», которая находится у всех на периферии.

Проведенный анализ позволяет зафиксировать различия в ценностных ориентациях в зависимости от уровня дохода. Суждение «оказывать влияние на важные решения правительства» у респондентов с доходом от 0 до 10000 руб. располагается в основном на последнем месте, т.е. на периферии ценностной иерархии, и только люди с доходом свыше 15000 руб. выставляют его на второе место. Следующее смысловое выражение «государство должно обеспечивать безопасное существование в стране» у коми-пермяков 2,8 категории дохода оно находится в интегрирующем ядре, люди с уровнем дохода от 2001 до 3000 руб. и от 7001 до 10000 руб. выставили его в серединный слой на второе и третье место, у коми-пермяков 1,4,5 категории дохода данная ценностная ориентация находится на последнем месте. Положение ориентации «государство должно обеспечивать равенство всех и каждого перед законом» на первой позиции у людей 1,3,5 категории дохода, на второй и третьей - у коми-пермяков с доходом от 1001 до 2000 руб., от 3001 до 5000 руб. и от 7001 до 10000 руб. и на периферию отнесли это суждение люди с доходом свыше 15000 руб. Ценностная ориентация «человек должен иметь право свободно выражать свои политические убеждения» на первое место выставлена респондентами с доходом от 3001 до 5000 руб., коми-пермяки 1,2,5,8 категории дохода отнесли ее на второе и третье место, т.е. это серединный слой, и с доходом от 2001 до 3000 руб. и от 7001 до 10000 руб. отнесли ориентацию к периферии. Суждение этой иерархии «быть в курсе политических событий» отнесено большинством респондентов к серединному слою, а именно людьми 1,3,4,5 категории дохода, в интегрирующее ядро данную ориентацию определили только коми-пермяки с уровнем дохода от 7001 до 10000 руб. и респонденты со 2,8 категорией дохода выставили ее на последнее место.

Таким образом, при анализе ценностных ориентаций по их направленности в различных сферах социального взаимодействия можно отметить, что ценности политической сферы фиксируются в периферийном слое. При изучении иерархии ценностных ориентаций в политической сфере была выявлена зависимость их иерархической структуры от возраста, уровня образования и дохода. Не выявлено деполяризации ценностных ориентаций в ценностно-мотивационных структурах в выделяемых группах, что является положительным моментом социальной консолидации коми-пермяков и позволяет зафиксировать отсутствие конфликтогенного параметра социального взаимодействия не только коми-пермяцкой этнической общности, но и в современном социальном пространстве Пермского края в целом.

В.В.Запарий
Уральский государственный технический университет – УГТУ-УПИ, г. Екатеринбург

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ПО СОХРАНЕНИЮ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ И ЕГО РАБОТА В РОССИИ И НА УРАЛЕ

В сентябре 2006 г. в Италии в г. Терни (Умбрия), а затем в Риме состоялся Тринадцатый Конгресс Международного комитета по сохранению индустриального

наследия (TICCIH). С 14 по 18 сентября около 500 членов этой организации, в том числе 250 иностранных, представляющих более 40 стран, обсуждали проблемы этой международной организации.

Международный комитет по сохранению индустриального наследия был создан в 70-е гг. прошлого века и представляет собой неправительственную международную организацию, целью которой является сохранение, реабилитация и пропаганда индустриального наследия как части национальной и международной культуры всего человечества.

Признанием заслуг российских ученых, краеведов и инженеров в деле сохранения индустриального наследия стало проведение в 1994 г. в Екатеринбурге и Нижнем Тагиле Международного конгресса, а затем в 2003 г. с 10 по 17 июля в Москве – Екатеринбурге – Нижнем Тагиле проходил Двенадцатый Конгресс Международного комитета по сохранению индустриального наследия (TICCIH).

По итогам последнего Конгресса в России Национальным представителем в этом Комитете был избран профессор В.В.Запарий, заведующий кафедрой истории науки и техники УГТУ – УПИ.

Работа Конгресса была построена таким образом, чтобы чередовать заседания с осмотром памятников индустриального наследия. В первый же день нам была показана крупная гидроэлектростанция Сант Анджело, расположенная недалеко от Терни. После чего было официальное открытие Конгресса, где выступили с приветствиями помощник прежнего президента республики Берлускони, министр культуры Итальянской республики, глава провинции Умбрия и мэр города, а также прежний президент TICCIH Бержерон и нынешний президент Эусебио Касанелис.

На пленарном заседании, которое состоялось в историческом центре Терни, было сделано 9 докладов. Пятым выступал Национальный представитель России, который сделал доклад на тему «Перспективы и проблемы движения по сохранению индустриального наследия и его особенности в России». Были сделаны доклады представителями Италии, Швеции, Мексики, Китая, Бразилии. В завершении своего доклада я пригласил специалистов, занимающихся индустриальным наследием в области металлургии, посетить Россию, где летом 2007 г. планируется проведение Международного семинара по металлургии в рамках большого международного Конгресса по индустриальному наследию, который планируется провести в г.Выкса. Там будет конституировано создание секции по индустриальному металлургическому наследию TICCIH.

Был еще ряд заседаний, работа по секциям, которая велась в зданиях Центра индустриального наследия города, которые представляли собой цеха старого машиностроительного предприятия, переоборудованного в современные вставочные залы.

В документах Конгрессов Международного комитета по сохранению индустриального наследия (TICCIH) записано, что главная цель организации состоит в обобщении опыта стран-участниц в сфере изучения, сохранения и использования объектов индустриального наследия, накопленного за предшествующее время. Особое внимание в настоящее время уделяется проблеме возрождения старых промышленных центров и роли индустриального наследия в решении экономических, социальных и культурных проблем городских сообществ.

На наш взгляд, совершенно справедливо на первых порах в деятельности организации превалировала забота о сохранении материальных памятников-носителей истории науки и техники, вещественных свидетелях прошлого. И в этом направлении сделано чрезвычайно много. Об этом говорят в своих выступлениях уважаемые коллеги. Конечно, здесь еще многое предстоит сделать. Не везде местные власти относятся к делу сохранения материального исторического наследия с должным вниманием.

На этом пути мировая и национальная общественность действует убеждением, лоббированием законодательных инициатив в соответствующих органах власти. Например, в России за последние годы создано целое законодательство, призванное сохранить историческое наследие.

Однако в 60 – 70-е гг. XX в. развитию движения за сохранение индустриального наследия в нашей стране не уделялось достаточного внимания. Это происходило потому, что к 80-м гг. мир и Советский Союз еще не вполне осознали необходимость такой работы. Это движение даже в самых продвинутых странах только создавалось. Не было еще понимания того, что памятники индустриального наследия представляют большой не только технический и научный, но историко-культурологический интерес. Более того, во всем мире существовало увлечение достижениями научно-технического прогресса. Все старое представлялось отжившим и не имеющим право на жизнь. Поэтому во всем мире и в СССР повсеместно сохранялись памятники истории и культуры, а индустриальные памятники к значимым, как правило, не относились.

В 80-е гг. в СССР началась перестройка, и было както не до таких мелочей. Однако уже тогда раздавались отдельные голоса о необходимости отнесения памятников индустриального наследия к историко-культурным, соответствующего их сохранения, придания им соответствующего статуса.

В результате это подготовило общественное мнение к тому, что в 90-е гг. началась реальная широкомасштабная работа в этом направлении. Именно тогда в движение за сохранение индустриального наследия включилась и Россия. Возглавил это движение Урал, где под руководством академика В.В.Алексеева собралась группа инициативных представителей обществоведов: историков, архитекторов, инженеров и краеведов, которые стали активно работать в этом направлении.

Индустриальное наследие Урала является ярким примером того, что именно на Урале зародились и развивались многие важные технические начинания в нашей стране. Урал с времен Петра Великого, Татищева и Геннина был и остается одной из кузнец не только техники, но и технических знаний. Именно здесь зародились и развивались многие инженерные школы. Здесь Татищевым были основаны первые школы при заводах, именно сюда прибыли мастера из центральной России и зарубежные специалисты. Здесь творили многие великие инженеры прошлого, такие как Аносов, Обухов, Чернов, Грум-Гржимайло и др. Сейчас благодаря развитию высших технических учебных заведений, таких как УГТУ – УПИ, ЮжУрГУ, УГГГА, УГЛТУ и другие в регионе создана мощная современная индустрия.

Сохранение памятников индустриального развития региона является большой не только региональной, но и национальной задачей. Но сохранение этого материального наследия не является самоцелью. Для нас, одного из самых крупных в регионе технических вузов, чрезвычайно важно то, что именно на этих примерах можно воспитывать новые поколения инженеров.

Почему это движение началось конституироваться именно здесь на Урале? Этому существовало несколько факторов. Во-первых, это диктовалось наличием на Урале мощной когорты историков и краеведов и появлением среди них инициативных энтузиастов. Во-вторых, в регионе существовало большое число музеев и музеефицированных объектов индустриальной направленности.

Кроме того, наличие здесь большого количества старинных промышленных объектов, историческое значение которых осознавалось широкой общественностью. В-третьих, наступило время, когда появилась и началась реализация нескольких проектов индустриальной археологии. В-четвертых, новая эпоха диктовала, кроме того, развитие новых дизайнерских направлений, связанных с индустриальным наследием. В-пятых, несомненно, на оценке роли Российской и Уральской индустрии в мировом индустриальном развитии сказалось влияние международного общественного мнения. В-шестых, определенную роль сыграли и интересы региональных и национальных элит, пытавшихся сделать на проблемах региональной истории себе рекламу или привлечь определенные средства. Интересы туристского бизнеса региона и страны к развитию индустриального туризма в регионе. И, наконец, экономический спад 90-х гг. заставлял искать надежду и утешение в гордости за наше историческое и индустриальное прошлое, что пробудило интерес к индустриальной истории в России среди молодежи и широких слоев населения.

Весь спектр этих факторов привел к существенному росту интереса общественности и властных структур, а отчасти бизнеса, и попытки решения этой проблемы. Так в ряде мест, в том числе на Урале, были осуществлены проекты по сохранению индустриального наследия. Это музеефикация старого Тагильского завода, домны Полевского завода и др.

Однако в конце 90-х гг. XX в. по сохранению памятников индустриального наследия ситуация сильно изменилась. Если во времена советской власти достаточно было решения правительства или одного Министерства культуры для придания статуса памятника культуры тому или иному объекту. В современной России ситуации в корне иная. Все предприятия были переданы в частную собственность, и уже предприниматель решал, нужны или нет ему эти объекты.

В те времена, когда существовала командная экономика, руководство предприятия не очень интересовало, в каком, современном или нет, помещении оно работает. Часто из экономии не строились новые помещения, особенно если еще можно было использовать старые заводские строения. Не устанавливались новые агрегаты, если все еще работали старые. Именно поэтому эти памятники индустриальной культуры дошли до наших дней. Такая экономия сделала российские товары мало конкурентоспособными на мировых рынках, но сохранила уникальные объекты, отсутствующие в других странах.

В современных условиях приняты законы, по которым для оптимизации производства вся техника обложена налогом. Поэтому все механизмы должны работать, во-первых, и работать эффективно, во-вторых. Если они не работают, то их режут на металлолом, что приносит деньги новому владельцу, которому очень важны вопросы эффективности производства, а не историческая ценность этой «груды старого железа».

Меньше всего сейчас приоритетны вопросы политические, а более всего экономические. В современном демократическом обществе нельзя так просто использовать очень удобные административные рычаги, как это могло быть раньше. Конечно, необходим целый ряд мер: необходим закон о статусе памятника индустриального наследия; закон, подобный тому, что есть относительно археологических памятников, когда ни одно строительство не начнется, пока не будет осуществлено археологическое исследование местности. Мало сейчас кто помнит, что, если бы не этот закон, то, вероятно бы, широко известный Аркаим никогда так и не был бы открыт, а на его месте давно бы шумело рукотворное море – водохранилище. Поэтому необходимо, чтобы широкомасштабные перестройки и реконструкции предприятий, имеющих возраст 70 – 100 лет и более, осуществлялись только по согласованию со специалистами – Российским комитетом по сохранению индустриального наследия. Нужно добиваться включения индустриальной археологии в археологические курсы университетов и пединститутов. Необходимо осуществить составление каталога таких объектов по регионам и стране в целом. Назрела необходимость в дальнейшей паспортизации таких объектов; должна быть создана база данных на такие объекты с подробной съемкой основных параметров этих объектов, создании их историко-технологических описаний. Важным является включение наиболее интересных из них в маршруты индустриального туризма, регионального, межрегионального и международного наследия. Следовало бы создать всероссийский журнал, посвященный вопросам индустриального наследия. Способствовать созданию общественного мнения, направленного на сохранение индустриального наследия как части региональной, национальной и мировой культуры. Работать над созданием региональных и федеральной программы по сохранению индустриального наследия. Способствовать включению курса истории науки и техники в федеральный компонент государственного стандарта для высших и средних учебных заведений России.

Очень важным является не отделение этого движения от государственных и общественных структур, что является его слабой стороной на Западе и во многих странах мира. Попытка показать его независимость от государства, которая всячески подчеркивается, на наш взгляд, является правильной, но не приоритетной задачей. Сейчас необходимо создание реально работающих фондов и, конечно, сотрудничество с государственными и неправительственными международными структурами по решению этих проблем.

Сильной стороной ряда национальных организаций TICCIH является реальный опыт в переструктурировании или переоборудовании, приспособлении ряда объектов индустриального наследия под современные нужды общества. Недавно такой опыт переоборудования текстильного производства был осуществлен в центре Москвы фирмой «Голутвинская слобода». Это крайне важно, потому что, когда объект не живет, он умирает. Негативной стороной музеев является то, что там хранится часто неживые объекты. Наиболее эффективным поэтому являются те музеи техники или индустриальной среды, где экспонаты могут функционировать. Это крайне важно для технического и патриотического воспитания подрастающих поколений.

Важнейшей стороной решения проблемы является экспертная оценка ценности индустриального объекта, его квалифицированная экспертиза. И здесь большую помощь может оказать международная экспертиза. Решающими могут оказаться целый ряд факторов, таких как историко-культурологическая и научно-техническая значимость объекта в региональном, национальном и международном аспектах; его сохранность и наглядность; доступность для обозрения в плане расстояний и возможности ознакомления с ним; необходимость создания базы, делающей доступным знакомство с объектом, хотя бы виртуально, с помощью мультимедийных средств.

Все эти проблемы будут решены, если нам удастся: привлечь внимание широкой общественности к проблемам сохранения индустриального наследия; добиться принятия соответствующих законов и программ правительства по их сохранению и реабилитации; включиться в движение по развитию индустриального туризма; широко изучать материалы по индустриальному наследию

в школе и вузах региона и страны; широко сотрудничать с международными организациями, делающими сохранение индустриального наследия приоритетной задачей своей деятельности (TICCIH, ICOMOS и др.); развивать национальное движение за сохранение индустриального наследия (TICCIH).

Индустриальное наследие должно иллюстрировать историю науки и техники, способствовать формированию всесторонне развитой личности, воспитанию эвристических начал современного ученого и инженера. Необходимо от сохранения и восстановления памятников идти дальше к систематизации, анализу, теоретическому осмыслению данных объектов.

Л.Г. Подкорытова
Зауральское генеалогическое общество им. П.А. Свищева, г. Курган

ЗАУРАЛЬЕ И ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО - ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

В Великом Новгороде состоялась международная научно-практическая конфренция «Новгородика. К 100 - летию Д. С. Лихачева». Собравшиеся ученые представляли Россию, страны ближнего и дальнего зарубежья. Работало семь секций. За три дня работы только в нашей секции «Генеалогия и геральдика» прозвучало двадцать докладов (1, 13,14). Конференция открывала комплекс научно-культурных мероприятий в преддверии юбилея Великого Новгорода (в 2009 году ему исполняется 1150 лет).

В отличие от ежегодных «Зыряновских чтений» в Кургане, конференции Великого Новгорода проводятся один раз в два года. Другая особенность – все заявленные доклады должны быть прочитаны автором на заседании секции и только после этого они могут быть включены в сборник, издаваемый после проведения научно-практической конференции. Напечатанные сборники все авторы статей получают бесплатно. Еще одна особенность – отсутствие почетных грамот. Такая установка верна – все доклады выполняются обычно на достойном уровне.

В секции «Генеалогия и геральдика» были в основном сообщения по родоведению дворянства. В докладах звучал подробный ход поиска, постепенное движение мысли исследователя, сопровождаемое указанием документов. Найдя какой-то факт, автор не спешил делать выводы, стараясь подтвердить его еще одним или несколькими источниками. Вершиной изысканий дворянского сословия стала представленная для ознакомления книга «Зиновьевы в истории Российского государства (тысяча лет древнему роду)» (2). Это богатейшее издание в кожаном переплете с тисненым золотомотом названием , в элитной технике печати, с обширной источниковедческой базой, семейно-родовым архивом. Содержательная структура книги опирается на достижения современной генеалогии и ее междисциплинарные связи. К сожалению, из-за высочайшей стоимости этот труд останется вне поля зрения большинства родоведов. Возник вопрос, у кого же есть возможность такого роскошного издания? Один из авторов книги – Игорь Николаевич Извеков - пояснил, что В. В. Зиновьев является генеральным директором ООО «Кавказтрансгаза» ОАО «Газпрома», а также депутатом Госдумы Ставропольского края.

В связи с этим вспомнилась другая книга «В потоке времени» Владимира Трофимовича Серкова – вершина изысканий, образец достойного представления крестьянского сословия в Зауралье (3). И если над ставропольской книгой работал коллектив профессионалов высочайшего уровня, то зауральская книга написана одним автором. Однако это скромное издание, не уступая по глубине и полноте содержания, наполнено трепетным чувством любви к родному краю, гордостью за свой крестьянский род. В книге 14 поколений тружеников и защитников Отечества. Не менее глубокие исследования есть и у других членов нашего общества, хочется верить, что со временем найдутся средства на их издание.

Самым ценным в работе собравшихся была культура общения: способность аудитории слышать сказанное, живой интерес, стремление проникнуть в суть исследования, доброжелательность и такт задаваемых вопросов. Все это способствовало созданию доверительной, творческой атмосферы единомышленников. Возникшее чувство востребованности, ценности слова открывало наиболее яркие грани каждого. Из услышанного особенно дороги слова ученого-родоведа, руководителя нашей секции «Генеалогия и геральдика» Игоря Николаевича Извекова о том, что генеалогия не прикладная, а самостоятельная наука, без которой невозможно духовное воспитание нации. Об этом говорил нам когда-то и первый руководитель нашего Зауральского генеалогического общества Павел Александрович Свищев (4, 4 – 6). Была приятна добрая память ученых – родоведов о нем. Они были тронуты тем, что наше общество носит его имя, весьма одобрительно отнеслись к удостоверению нашего общества с портретом Павла Александровича, а также ко второму сборнику «Зауральская генеалогия», посвященному его памяти (5). «Какие Вы молодцы! - воскликнул Игорь Васильевич Сахаров – директор института генеалогических исследований, президент Русского генеалогического общества г. Санкт-Петербурга. – Я знал и ценил этого талантливого молодого ученого». Из уст профессора КГУ Николая Филипповича Емельянова когда-то так же звучало доброе слово о своем бывшем ученике Павле Александровиче Свищеве как о преподавателе, который первым в университете начал глубоко заниматься вопросами генеалогии.

Оргкомитет конференции дал возможность принять участие в весьма содержательных обзорных экскурсиях по достопримечательностям великого, древнего города – музея. Об этом по возвращении в Курган звучало выступление по областному радио и написана статья «Господин Великий Новгород» (6).

В заключении необходимо сказать, что именно там, в Великом Новгороде, пришло новое понимание, а с ним и более высокая оценка того, что сделано Зауральским генеалогическим обществом. На международной научно-практической конференции оно было представлено не только докладом В.М. Маловичко «Шульгины от Новгорода до Сибири» и докладом Л. Г. Подкорытовой «К вопросу о введении новых понятий в родоведении», но и книгами: уже упомянутой «В потоке времени» (3), «Были» (7), научными сборниками «Зауральская генеалогия» (4, 5) и нашим коллективным творческим портретом «Растим родословное древо» (8). Все представленное получило достойную оценку. Достойная оценка прозвучала и в письме Татьяны Михайловны Ершовой профессионала высокого уровня, зав. отделом краеведения Новгородской областной универсальной научной библиотеки: «Большое спасибо Вам за послание: письмо с книгой и статьей о Новгороде… Бесспорно, сборник научных трудов «Зауральская генеалогия» – очень ценное издание для тех, кто занимается генеалогией, и думаю, что по достоинству будет оценен пользователями нашей библиотеки, занимающимися исследованием своих родословий, а также историей

отдельных российских родов. Передайте большое спасибо от новгородцев всем членам Зауральского генеалогического общества за весомый вклад в науку генеалогию и пожелания успешных научных поисков и открытий».

Несмотря на добрые отзывы о наших работах, ясно, что нам еще многому надо учиться. Международная научно-практическая конференция Великого Новгорода-большое событие в моей жизни: волнующее знакомство с истоком Руси, ее веры, с сокровищами ее зодчества и, наконец, роскошь культуры общения и отличная школа родоведения.

Примечания

1. *Программа международной научно-практической конференции «Новгородика. К 100-летию Д. С. Лихачева». Великий Новгород, 2006.*
2. *Зиновьев В.В., Баранов С.Ю., Извеков И.Н. Зиновьевы в истории Российского государства (тысяча лет древнему роду). Ставрополь, 2006.*
3. *Серков В.Т. В потоке времени. Курган, 2005.*
4. *Зауральская генеалогия. Курган, 2000. С. 4 – 6.*
5. *Зауральская генеалогия. Курган, 2006.*
6. *Подкорытова Л.Г. Господин Великий Новгород // Новый мир. 2006. 27 октября.*
7. *Подкорытова Л.Г. Были. Курган, 2006.*
8. *Растим родословное древо. Курган, 2005.*

С.В. Сапожников
Курганский государственный университет, г. Курган

РАЗВИТИЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ДЕЛА В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX ВЕКА

1841 год, 30 октября (12 ноября) - Именной указ императора Николая I об учреждении в России сберегательных касс «с целью доставления недостаточным всякого звания людям средств к сбережению верным и выгодным способом». Касса осуществляла одну вкладную операцию - прием и выдачу денег с начислением процентов на принятые суммы. Работала касса один раз в неделю - в воскресенье.

К середине XIX века в городе Кургана не было ни одного банка. Лишь 7 декабря 1916 г. в Кургане было открыто отделение Государственного банка. Но деятельность его не получила широкого развития ввиду начавшейся вскоре революции и Гражданской войны. Кассы вели хлебозалоговые операции, производили пожертвования пострадавшим от войны членам касс, занимались посредничеством по сбыту заложенных и незаложенных сельхозпродуктов на комиссионных началах, удерживая в пользу кассы 2% выручennой суммы, помогали армии в снабжении продуктами. В 1917 г. имелось уже 56 касс, приписанных к центральной сберкассе №540.

К концу XX века сберегательные кассы предстают перед нами развернутой сетью филиалов Сбербанка СССР. Назревают очередные перемены в финансовой системе как следствие перемен в политической жизни страны. Реальные изменения происходят в процессе начатой в 1987 г. реформы банковской системы.

Кредитными учреждениями, финансирующими капитальные вложения, стали: Промстройбанк СССР, Агропромбанк СССР, Жилсоцбанк СССР, Сберегательный банк СССР. Они финансировали капитальные вложения в следующие отрасли: На Сбербанк СССР было возложено кредитование потребительских нужд граждан.

Перед этой реформой ставилась задача перевести на самоокупаемость конторы и отделения государственных спецбанков, расширить их права при сохранении централизованной системы управления банками. Однако это оказалось невозможным прежде всего в связи с отсутствием четкого разграничения ресурсов, которыми они могли бы распоряжаться. Не было для этого и организационных предпосылок. Деятельность системы специализированных банков пришла в противоречие с нарождающимися рыночными отношениями.

Этому в значительной степени способствовала меняющаяся ситуация в экономике, в частности то, что было провозглашено право предприятий самостоятельно решать все хозяйственные вопросы. Была вновь, как и в период нэпа, разрешена предпринимательская деятельность. Происходило массовое образование кооперативов. Перестройка экономики сопровождалась ликвидацией системы централизованного материально-технического снабжения. Это возродило обширную сеть посреднических и торговых организаций. Резко возросла потребность в банковских услугах. Экономика страны нуждалась в эффективном и оперативном кредитно-расчетном обслуживании. Централизованная система государственных специализированных банков эту задачу решить не смогла из-за консервативности и инертности.

Учреждения банков не получили собственных капиталов, сохранилась по существу централизованная система управления ресурсами контор и отделений. Они продолжали работать по централизованным инструкциям и не могли адаптировать свою деятельность к решению повседневно возникающих проблем рыночной экономики в различных регионах страны.

На фоне таких экономических сдвигов можно сказать, что в 90-е годы происходит принципиальное изменение в положении сберегательного дела. Формируется Сберегательный банк, происходит его акционирование. Существенно улучшается материальное положение банка – появляются новые здания, новая компьютерная техника. Значительно омолодился кадровый состав, в том числе и низшего звена.

Главной особенностью новых экономических условий для Сбербанка стало отсутствие монополизма на рынке банковских услуг для населения. В Российской Федерации была ликвидирована государственная монополия в банковском деле. Необходимо отметить, что сберегательная система и главный элемент ее в современных условиях – Сберегательный банк – достаточно уверенно адаптировались к ним. В середине 1990-х гг. число счетов, открытых в Курганских городских отделениях банка, по-прежнему превышало общую численность населения, проживающего в областном центре.

В 1997 г., несмотря на сложность и новизну проблем, крайне неблагоприятную международную финансовую конъюнктуру, Сбербанк способствовал устойчивому функционированию межбанковского и валютного рынков страны. Впервые в том же году он привлек крупнейший для российских банков синдицированный кредит западных банков, причем на наиболее выгодных для нашей страны условиях. Сбербанку России был присвоен официальный рейтинг международного рейтингового агентства Fitch IBCA. Сбербанк - единственный из коммерческих банков России, вошедший в число 200 крупнейших кредитных институтов мира, в первую сотню европейских банков и ставший членом Всемирного института сберегательных касс (WSBI). Ему был предоставлен статус наблюдателя в Европейской группе сберегательных банков (EGSB).

Наверное, все хорошо помнят мощнейшее потрясение банковской системы России, августовский кризис 1998 года, так называемый «дефолт». 17 августа Правительство России объявило о «замораживании» плате-

жей по долгам государства по ГКО и о расширении «валютного коридора» - фактической девальвации рубля. Из российских инвесторов основными держателями ГКО являлись коммерческие банки. Объемы их работы с ГКО во многих случаях были сопоставимы с объемами кредитования. «Удар» по таким банкам в результате замораживания ГКО был вполне логичен и способствовал бы санированию банковской системы, освобождению ее от «отпетых» спекулянтов.

Однако это, во-первых, привело к тяжелым последствиям для предприятий, державших счета в этих банках, и населения, хранившего там свои накопления.

Во-вторых, кроме банков в ГКО вкладывали средства и предприятия. По разным оценкам, доля нефинансовых компаний в суммарном портфеле госбумаг составляла 10-15 млрд долларов. Кроме того, условия реструктуризации ГКО были объявлены лишь через неделю после 17 августа, в течение которой в стране разразился банковский кризис: операторы всех секторов денежного рынка на той неделе испытывали значительные сложности с исполнением текущих обязательств. Кризис всеобщего недоверия практически парализовал работу рынка МБК и межбанковского валютного рынка. Единственным реальным источником заемных средств для банков был Центробанк, продолжавший выдавать однодневные расчетные кредиты. Практически одновременно с этим начался массовый отток денег с частных вкладов в банках. Меньше всего ажиотаж коснулся Сбербанка, но и здесь выплаты наличных долларов к концу прошлой недели иссякли, рубли выплачивались с перебоями.

Центральный Банк предложил всем комбанкам передать своих вкладчиков Сбербанку РФ. ЦБР гарантировал выплату вкладов населению. Одновременно с этим самими комбанками стал создаваться платежный пул с участием «СБС-Агро», Инкомбанка, Мост-банка, НРБ, «Менатепа», ВТБ, ВЭБа, ОНЭКСИМбанка - всего двенадцати банков. Предполагалось, что банки должны были проводить платежи друг на друга, давать взаимные гарантии, но каков будет механизм, оставалось неясным. Началось расслоение кандидатов пула по признаку «финансового здоровья». Устойчивые банки желали ручаться за слабеющих. Поняв, что массированной денежной подпитки со стороны ЦБ не будет, банки - участники пула разработали клиринговую схему взаимных расчетов. В рамках этой схемы банки на основе двусторонних соглашений открывали взаимные корреспондентские счета и производили зачет платежей без движения живых денег.

В течении конца 1998-1999 гг. одновременно с оздоровлением отечественного производства, в значительной мере обусловленным девальвацией рубля, существенно изменилась ситуация в банковской сфере.

Сегодня уже четко видно, кто выжил после кризиса. В первую очередь это банки, которые были ориентированы на отрасли, являющиеся для нашей экономики системообразующими, такие как газовая и нефтяная промышленность.

Прошедший после кризиса год заставил многие банки взглянуть в сторону реального сектора экономики. Ряд отраслей за это время значительно активизировался, в частности пищевая промышленность, строительная индустрия. Банки все активнее работают с этими отраслями, а также с предприятиями, ориентированными на экспорт. Это сегодня самые выгодные клиенты и самые лучшие заемщики.

Миллионы россиян потеряли свои сбережения в коммерческих банках. Сложилась объективная необходимость для государства прийти на помощь пострадавшим вкладчикам. И решающую роль в этом сыграл именно Сбербанк России. Хотя он является таким же акционерно-коммерческим банком, как и многие другие по России, но контрольный пакет акций акционерного общества открытого типа «Сберегательный банк Российской Федерации» принадлежит государству в лице Центробанка России. Поэтому именно государство непосредственно регулирует деятельность банка и выступает гарантом по его обязательствам перед вкладчиками. Сбербанк в связи с этим в условиях кризиса стал своеобразным связующим звеном между населением страны и государством.

Одной из важнейших функций сберегательной системы всегда было кредитование. Конечно, сегодня характер и масштабы этого изменились, но сама по себе функция сохранилась. Как отмечал заместитель начальника управления Курганским городским отделением Сбербанка России А.Л. Каплан, главный принцип в системе кредитования – минимум риска. Именно нежеланием рисковать деньгами своих вкладчиков объясняется тот факт, что процентная ставка по кредитам Сбербанка традиционно ниже ставок других коммерческих банков. Еще одна важная особенность в этой сфере – во всех филиалах банка по стране действует единая система процентных ставок.

Сбербанк России предоставляет сегодня весь комплекс банковских услуг, но приоритетом является кредитование реального сектора экономики, в том числе и Курганской области. В XXI веке все так называемые градообразующие предприятия областного центра, определяющие экономику не только Кургана, но, пожалуй, и всей области – Курганский автобусный завод, «Русич», то есть КЗКТ, «Кургандрожжи», «Курганстальмост», «Химмаш», «Икар», «Дормаш», «Кургансельмаш», «Синтез» – являются клиентами Сбербанка. В 2000 г. 850 млн рублей было вложено банком в так называемый реальный сектор экономики области.

Наша область всегда традиционно считалась сельскохозяйственной. Кризис 90-х гг. сокрушительно ударил по аграрному сектору всей страны и нашей области в частности. По существу сегодня речь должна идти о чрезвычайных мерах по спасению и возрождению сельского хозяйства. И посильную помощь в этой сфере оказывает Сбербанк. В 2000 г. банк выдал сельчанам ссуды на 120-130 млн рублей. Конечно, это меньше, чем выдано промышленным предприятиям, но вполне сопоставимо.

Однако, как довольно часто бывает, выделенные средства могут быть растрачены неэффективно. Но наш Сбербанк показывает примеры иного рода, вполне эффективного кредитования. Еще в 1999 г. одно из сельскохозяйственных предприятий области – Утятская птицефабрика - испытывало огромные трудности. Все мы прекрасно помним тотальное преобладание на нашем потребительском рынке американской продукции, так называемых «ножек Буша». Но областное руководство Сбербанка приняло решение о полном кредитовании указанного предприятия. Результаты не заставили себя долго ждать. Сегодня Утятская птицефабрика более уверенно смотрит в будущее. Хотя проблемы еще остаются. Но ее продукция все больше завоевывает достойное место на местном рынке по качеству и по цене. Так средства населения в преобразованном виде возвращаются людям в виде качественной и доступной по цене продукции.

Одной из «болевых» точек современного материального положения людей является жилищная проблема. Современной средней курганской семье практически невозможно без дополнительной помощи приобрести новую квартиру, улучшить свои жилищные условия. На помощь приходит так называемая ипотека. Курганская областная администрация разработала программу «Ипотечное кредитование» на базе федеральной программы, Курганский Сбербанк принял в этом самое активное

участие, можно сказать, что банк выиграл соответствующий тендер, как выражаются сегодня.

Еще одной насущной проблемой современной экономики является развитие частного, прежде всего так называемого малого бизнеса. Безусловно, что развитие этого сектора реальной экономики без развитой системы кредитования не возможно. И в этой сфере важную роль играет Сбербанк. В настоящее время порядка 10% кредитного «портфеля» направляется как раз частным предприятиям, в основном в сфере перерабатывающей промышленности и торговли. Не остаются в стороне и предприятия сферы услуг, в частности транспортно-пассажирских. Клиентом Сбербанка, например, является хорошо известное по маршрутным такси в Кургане предприятие «Автолайт».

Не остаются в стороне от услуг банка и частные лица. Их кредитование увеличилось в течение 2000 г. практически в три раза. Появились очень важные и весьма перспективные виды кредитования. Например, образовательный. По его условиям клиент в течение учебы выплачивает только проценты, а основную сумму кредита выплачивает по окончании учебы, начав работать.

Курганский Сбербанк имеет возможности сегодня проводить активное инвестиционное кредитование, рассчитанное на пять лет. Дело, как говорится, за предприятиями и фирмами.

За более чем десятилетнее существование Сбербанка много сделано, но впереди значительно больше. Одной из важнейших проблем сегодняшнего дня Сбербанка, решение которой во многом определяет будущую работу многих работников этого крупнейшего банка России, является переход к международным стандартам бухгалтерского учета, что дает дополнительные ресурсы для более успешного интегрирования банка в мировую банковско-финансовую систему. Хотя и здесь успехи вполне ощутимы. В официальной мировой «табели о рангах» Сбербанк России стабильно входит в тысячу лучших банков мира. Довольно высокой остается котировка акций Сбербанка на вторичном рынке ценных бумаг.

Рассматривая перспективы развития Сбербанка России, в числе главных ориентиров хочу назвать реализацию социального потенциала Сбербанка в качестве его базисного статуса. Принципиально важным является целенаправленное повышение именно социальной роли Сберегательного банка, особенно в современных условиях резкого расслоения общества.

Новые перспективы и возможности в работе банка появились с созданием в стране федеральных округов и становлением в них новых финансовых структур. Например, создается Уральский банк Сбербанка России. Это создает возможности для более масштабных проектов, по крайней мере, регионального характера. Реализация на практике финансовых программ по поддержке малого бизнеса, доступности жилья, кредиты на обучение и т. д. – все это реализация в той или иной мере «приоритетных национальных проектов», проектов Всероссийского масштаба!

Отмечая важность усиления социальной функции в сберегательном и банковском деле снизу, отталкиваясь от реальных потребностей граждан, выявляется явная необходимости повышения роли Сбербанка и его инициатив в разработке многоуровневой программы социально-ориентированной деятельности, включающей в себя программы муниципалитетов, региональные программы и программы федерального уровня!

СЕКЦИЯ 4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

А.В. Коняхин
Курганский государственный университет, г. Курган

ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЧТЫ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ В ЗАУРАЛЬЕ В XIX ВЕКЕ

Начиная с петровских преобразований в течение XVIII в. шел интенсивный процесс организации в стране почты и постепенное поглощение ею ямской службы. Уже в 1711 г. состоялся сенатский указ об уничтожении ямского приказа, хотя он просуществовал значительно дольше. В 1717 г. подводы были разделены на почтовые и ямские, причем и тем и другим было разрешено перевозить частных лиц с двойной платой против проезжающих по служебным делам (1, 329-334). В 1718 г. Петр I дал указание «почту устроить сперва от Петербурга до всех главных городов, где губернаторы обретают ныне, а потом управителю почты, говоря с губернаторами, определить от тех городов в дальние города» (2, 337).

На начало 60-х гг. XVIII в. сеть почтовых дорог охватывала значительную часть территории России, включая и Сибирь (приблизительно 20 тыс. верст всех почтовых дорог). В Указе от 19 января 1797 г. говорилось о «снабжении всех дорог положенным числом почтовых лошадей, почты и станции отдать под ведомство Главного Директора почт и Почтового правления, с тем, чтобы оные содержаны были в надлежащей исправности, осматривая их часто через нарочно посылаемых» (3, 341). Таким образом, почтовая и курьерская связь на огромных российских пространствах появилась задолго до учреждения в 1800 г. Особого Сибирского Почтамта в Тобольске (4, 5). Тобольскому Губернскому Правлению по Указу Правительствующего Сената от 19 мая 1800 г. должно было содействовать в содержании в исправности почтовых станций, докладывать в Главное Почтовое Правление о положении почтовых станций.

Из архивных источников можно установить сведения о расстоянии между почтовыми станциями по тракту от Кургана на Ялуторовск (5, 108). На этом тракте находилось 5 почтовых станций. Первая располагалась в д. Кошкиной на расстоянии 27 верст от Кургана. Вторая станция – в с. Белозерском, которое находилось в 23 верстах от Кошкиной. Следующая почтовая станция находилась в д. Сладкий лог, в 17,5 верстах от Белозерского. В 31,5 верстах от Сладкого лога в д. Боровлянской была устроена четвертая станция. Затем тракт выходил к границе Курганского и Ялуторовского округов и в 5 верстах располагалась почтовая станция в д. Красногорской Ялуторовского округа. На почтовом тракте из Кургана в станицу Пресногорьковскую располагалось 5 почтовых станций (6, 109). От Кургана путь в 10 верст зимой (15 верст летом) пролегал до станции в д. Черемуховой, затем в 22 верстах находилась станция Утятская. Далее тракт направлялся через с. Чернавское в 20 верстах от Утятской, где находилась третья станция. В 23 верстах от с. Чернавского находилась д. Ялымская, где располагалась следующая почтовая станция. Последняя на этом пути станция находилась в д.Нижне-Алабугской, которая располагалась в 18 верстах от Ялымской и в 30 верстах от Пресногорьковской.

В 1882 г. генерал-губернатор Западной Сибири Мещеринов представил в МВД ходатайство Тобольского губернского начальства о разрешении открытия почтового сообщения между Курганом и Шадринском (7, 18). Для этой цели имелось в виду две дороги: одна скотопрогонная из Петропавловска в 70 саж. ширины, а другая так называемая телеграфная или коммерческая в 10 саж. ширины, которая короче первой на 16 верст. Тобольский губернский совет посчитал вторую более выгодной для казны, т.к. полотно ее значительно уже.

На почтовом пути из Кургана в Шадринск в 147,5 верст требовалось устроить 5 почтовых станций – в селах Веденском, Чинеевском, Кислянском, Мингалинском. По заключению Курганского окружного исправника Рязанова содержание их «по существующим ценам на гоньбу в Курганском округе может быть для казны обойтись до 4000 руб. выгоды» (8, 12). Как видно из приведенных фактов, почтовые станции устраивались на расстоянии не более 30 верст. При средней скорости движения почты и эстафет в 5-10 верст в час на преодоление расстояния от одной станции к другой необходимо было 3-5 часов времени (9, 13).

Почтовые станции обычно содержали богатые крестьяне. «Не пашня нас кормит, а дорога», - говорили об этом ямщики и торговые люди. Езда на тройках, которая осуществлялась, особенно зимой, со скоростями, вызывавшими удивление иностранцев (10, 2). Подряды на перевозку почтовой корреспонденции принимали на себя либо отдельные хозяева, либо сельские крестьянские общества. Они заключали контракты или «обязательства» с Сибирским почтамтом. Подписанию контракта («обязательства»), как правило, предшествовало проведение торгов. По существующей практике подрядчик был обязан выставить необходимое число лошадей, которые на определенный срок изымались из крестьянских хозяйств. Если гоньба отбывалась сельским обществом поочередно, то лошади, а также необходимое снаряжение и инвентарь находились не на станции, а во дворе домов каждого участника. По данным 1809 г., на почтовом тракте из Кургана в Ялуторовск почтовое ведомство посчитало возможным содержать на 5 станциях по паре лошадей с упряжью на каждой станции (11, 53).

Шадринск находился на расстоянии от Перми 558 верст и Екатеринбурга 199 верст. В Шадринске почтовыми делами управлял экспедитор; почта приходила в пятницу, а отходила обратно в субботу и воскресенье (12, 84).

В 1865г. почтовое ведомство разрешило завести в отдалённых уездах земскую почту, которая находилась в пределах исключительно своего уезда.

Архивные источники сохранили имена некоторых ямщиков. Это были крестьяне Курганского округа Фадей и Киприан Унжаковы, Василий Шорин, Иван Зяблов, Гаврила и Филипп Шорины, Яков и Платон Александровы, Степан Мяготин, Никита Колосов, Наум Монашков. С ними были заключены договоры на отправление почтовых перевозок от Кургана на Ялуторовск и от Кургана до крепости Пресновской (13, 84).

От исполнителя подряда требовалось обеспечить лошадей необходимым инвентарем. На каждую пару почтовых лошадей полагалось иметь: хомут со шлеей и уздой, два пристяжных хомута со шлеей и постромками, дугу и вожжи. Снаряжение дополняли колокольчики. Ежегодно для содержания лошадей заготавливали фураж. Он поставлялся притрактовыми крестьянами. Часто поставки осуществляли сами ямщики, отбывающие гоньбу.

Важно отметить, что почтовых лошадей предписывалось использовать по своему прямому назначению, привлекать же их к транспортировке грузов и частным разъездам запрещалось. Только в исключительных обстоятельствах – несчастных случаях, «почтовых» разрешалось привлекать для оказания помощи пострадавшим.

Перевозка почты, пассажиров, эстафет и грузов осуществлялась на зауральских трактах в специально оборудованных повозках. Летние повозки устраивались либо на деревянных, либо на железных осях, но непременно имели железные подоски, кузов, внутри прочно обшитый деревом. Зимние повозки представляли собой кибитки, для тепла они внутри были обиты войлоком. На каждую пару или тройку лошадей полагалось иметь зимнюю и летнюю повозку. Однако в отчетах почтовых чиновников нередко можно встретить замечания о нехватке повозок или их плохом состоянии. В 1810 г. из Курганского земского суда в Тобольское Губернское Правление поступил рапорт. Он сдержал материал инспектирования почтовых станций в Курганском округе чиновниками земского суда. В рапорте отмечено, что повозки ямщиков находятся в непригодном виде, с поломками, многие не обиты войлоком, без утепления. У некоторых ямщиков лошади не подкованы, упряжь находится в неудовлетворительном состоянии. Окружным судом было выставлено предписание ямщикам об устранении неисправностей «без малейшего отлагательства» (14, 142-143).

Современники нередко отмечали несправедливо завышенные расценки на гоньбу. Вот как описывает путь от Шадринска на Москву Паршин В. П. в «Описании пути от Иркутска до Москвы, составленном в 1849 г.»: «Отсюда волей – неволей, а надобно проезжать на вольной почте, я не знал вполне её значения и потому, ошибочно, взял подорожную до Москвы. Но подорожная моя здесь потеряла свое значение – до Казани. Узнав, значение вольной и её права я, изумился! На расстоянии более 1000 вёрст, т.е. от Шадрина до Казани и за Казань ещё на одну станцию, должны платить тройные прогоны, т.е. вместо 3 копеек сер. за пару, по 9 копеек сер. Потому что вас заставят взять третью лошадь под предлогом тяжести экипажа и повезут потом, на разбитых и охромевших лошадях, с бережливостью, - как пресное молоко, - мудрою хлынцою! На этой линии, более 1000 верст никто не имеет права ехать на вольнонаёмных, и таким образом населенность на всем этом пространстве лишается своих выгод. До Шадрина я спокойно ехал за обыкновенные казённые прогоны и везде видел соперничество ямщиков, которые возят даже по 4 копейки за лошадь. То же было и далее, но право провоза перешло в руки спекуляции, и те же самые крестьяне, которые занимались прежде извозом, живут по тракту, служат по контрактам – на вольной почте» (15, 180-182).

Для транспортировки почты лошади подавались по дорожной сообразно весу корреспонденции. По установленным нормативам на почтовую повозку при одной лошади разрешалось грузить не более 8 пудов почты. В целях сохранности почты ее провоз к месту назначения должен был происходить только по трактам и проселочным дорогам по согласованию с почтовым начальством. Кроме того, от ямщиков требовалось обязательно придерживаться установленного маршрута. Самовольный отход от него не разрешался. Не допускалось и сокращение пути через объезды (16, 39-40). Присутствие пассажиров, других посторонних лиц при почтовом рейсе запрещалось, чтобы избежать возможной потери почты. Ямщик персонально отвечал перед почтовыми чиновниками за сохранность и своевременную доставку почтовой корреспонденции. Станционный смотритель (содержатель) являлся главным ответственным лицом на почтовой станции. Все штрафы, предусмотренные за нарушение правил перевозки почты, взимались по специальному распоряжению начальника почтово-телеграфного округа.

Для выполнения перевозок грузов, почтовой корреспонденции, эстафет и пассажиров привлекалось немало лошадей. Установить точное количество привлекаемых лошадей не представляется возможным по имеющимся документам, но можно заключить, что численность лошадей увеличивается в связи с расширением грузопотока. В докладе Шадринской управы XXXII очередному земскому уездному собранию по земско-почтовому делу говорится: «... в месяц приходится казенной корреспонденции почти 23 тыс. и частной около 16 тыс. номеров» (17, 14).

Почтовое сообщение в Зауралье сыграло положительную роль в появлении и развитии путей сообщения – почтовых трактов, связывающих города и поселения.

Примечания

1. *Краткий исторический очерк развития водяных и сухопутных сообщений и торговых портов в России. СПб.: Тип. МПС, 1900.*
2. *Там же.*
3. *Там же.*
4. *Рахвалов А. С. От ямщика до «Телекома». Книга о Тобольских связистах. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999.*
5. *Кудрявцев А.С. Очерки истории дорожного строительства в СССР (дооктябрьский период) /Под общ. ред. В.В.Данилевского. М.: Дориздат, 1951.*
6. *Там же.*
7. *ТФ ГАТО ф.329, оп.13, д.341.*
8. *ТФ ГАТО ф.353, оп.1, д.458.*
9. *Там же.*
10. *ТФ ГАТО ф.353, оп.1, д.156.*
11. *Там же.*
12. *Там же.*
13. *ТФ ГАТО ф.329,оп.13, д.341.*
14. *Кудрявцев А.С. Указ. соч.*
15. *Макареня А.А., Егорова Г.И. Дороги Тобольска и Тобольской губернии как фактор развития Сибири //Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2000.*
16. *ГАПО ф.278, оп.1, д.489.*
17. *ТФ ГАТО ф.329,оп.13, д.341.*

В.А. Никитин
Курганский филиал Уральского юридического института МВД РФ
Г.Г. Павлуцких
Курганский государственный университет, г. Курган

РЫНОК РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В условиях капитализма товаром становится рабочая сила. В России он являлся крестьянским по воспроизводству и помещичье-крестьянским по потреблению (в Сибири - исключительно крестьянским). В Европейской части лишь ограниченное число районов испытывало нехватку местной рабочей силы.

В качестве цены в данном случае выступает оплата. В пореформенное время существовали две формы оплаты: натуральная и денежная. Первая была связана с отработочной системой ведения помещичьего хозяйства. Цена рабочей силы при данной оплате определялась не столько закономерностями, сколько факторами другого рода.

При денежной оплате могли использоваться издольная и сроковая форма найма.

Издольная была связана либо с обработкой определенной площади земли, либо с выполнением различных видов сельскохозяйственных работ. Для данных видов работ устанавливалась рыночная стоимость рабочей силы.

Сроковая форма подразделялась на годовую, сезонную и поденную. При первых двух работники (как пришлые, так и местные) чаще жили у хозяев и находились на их содержании. При поденной форме работники пользовались либо своими, либо хозяйскими «харчами», что учитывалось в рыночных ценах рабочей силы.

При различных сроках найма устанавливались различные цены на рабочую силу. При одних и тех же формах цены существенно отличались в зависимости от того, на чьем содержании находился рабочий – своем или хозяйском. В первом случае цены были выше. Преобладание пришлых рабочих связано с принятым содержанием на хозяйских «харчах».

Таблица 1

Цены на рабочую силу

	Годовая оплата (в рублях)	Летняя оплата (в рублях)	Поденная оплата (в коп.)
Черноземные губернии	48 – 104	33 - 52	47 – 128
Нечерноземные губернии	45 – 90	29 – 62	43 – 73

Составлено по: (3, 324)

Приведенные выше в таблице данные свидетельствуют о нивелировке, уменьшении вариации уровней цен.

Таблица 2

Динамика поденной оплаты

Губернии	На своем содержании		На хозяйском содержании	
	1899	1913	1899	1913
Пермская	55	77	43	62
Оренбургская	73	91	51	73

Составлено по: (3, 329-331)

Опережающий рост поденной оплаты, предусматривающей хозяйское содержание, в Оренбургской губернии (при изначальном преобладании) дает основание предполагать существование дефицита местной рабочей силы. В Пермской губернии, по-видимому, происходили обратные процессы.

Как же обстояли дела на рынке рабочей силы в районах, входивших ранее в состав Тобольской губернии? Использование наемных работников имело место еще в первой половине XIX в., причем значительные изменения в формах оплаты и найма произошли в течении 10-15 лет. Если Ю. А. Гагемейстер свидетельствует о существовании натуральной отработочной системы (работниками тогда были соседи - должники), то И. Завалишин застал уже использование наемных рабочих, находящихся на содержании хозяев (обувь, питание, летняя и зимняя одежда) (1, 320). Среднемесячная плата работникам составляла 1-2,5 руб. (или 12-30 рублей в год). Посуточно платили 15 копеек (плюс хозяйские харчи), подесятинно – 25 рублей (2, 176-177).

На основании изучения документов и материалов В.В. Пундани пришел к выводу о преобладании в Западной Сибири поденных, помесячных и сезонных форм найма. В январе – апреле поденная оплата составляла 10-18 коп. (5, 29).

В конце XIX в. превалирующей была денежная форма оплаты при различных условиях найма.

Таблица 3

Годовая оплата по Курганскому округу (конец XIX в.)

Волость	Сумма (в руб.)
Брылинская	30-40
Салтасарайская	30-40
Усть-Суерская	25-50
Иковская	35-50
Белозерская	45
Марайская	30-40
Могилевская	45-50
Моршихинская	40
Елошанская	20-40
Моревская	50

Составлено по: (4)

Таблица 4

Тарифы на выполнение различных видов сельскохозяйственных работ по Курганскому округу (конец XIX века)

Вид работ	Полная обработка 1 дес. (в руб.)	Вспашка и боронование (руб/дес)	Жатва (руб/дес)	Обмолот и вывоз (руб/дес)	Помол (коп/пуд)	Транспортировка	
						Цена (коп.)	условия перевозки
Волости							
Иковская	10-12	3	4-5	6	2	2	пуд/ до Кургана
Белозерская	до 17	2,5	6	до 5,5	3	до 2	пуд/верст
Марайская	15	2	до 5	4	3	8	пуд/верст
Мостовская	14	3					
Могилевская	13	3-6	5	3-4	3	2-3	пуд/верст
Моршихинская	12	5	5	1,25	5	3	пуд / до Макроус.
Елошанская	2,5-6	1,5	3-4	5-7		3-4	пуд / до Макроус.
Малочаусовская	10-12	2,5	4-5	6	4	4	пуд / 50 верст
Брылинская					3	5	пуд / 100 верст
Усть-Суерская					3	3-10	пуд / 100 верст
Мендерская						8-10 18 25-30	пуд / 100 верст пуд / 100–200 верст пуд / 200-350 верст
Шмаковская						до 5	пуд / 100 верст
Моревская				до 4			

Составлено по: (6, 31)

Издольная форма найма приближалась к сдельной в современной системе трудового законодательства, оплата зависела от объема производимых работ. Цена же этих работ определялась состоянием рынка рабочей силы.

Уровень же поденной оплаты определялся большим количеством факторов. Кроме упомянутого выше состояния рынка рабочей силы, как видно из таблицы, на установление размера заработной платы в Курганском округе оказывали:

- выполняемые работы;
- обладание (либо не обладание) работником тягловым скотом;
- пол работника;
- урожайность (в «дурные» годы поденная оплата ограничивалась «харчами»).

Несмотря на распространение в Южном Зауралье денежной оплаты какое-то время имели место случаи натуральных расчетов, которые выражались в пропитании, одежде и получении готового продукта.

Примечания

1. *Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири. Ч.2. - СПб., 1854.*
2. *Завалишин И. Описание Западной Сибири. Т. 1. М., 1862.*
3. *Ковальченко И. Д., Милов Л. В. Всероссийский агарный рынок (XVIII - начало XX века). Опыт количественного анализа. М., 1974.*
4. *Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895.*
5. *Пундани В.В. Государственная деревня Западной Сибири. во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Челябинск,1984.*
6. *Щур В. М. История Альменевского района до 1917г. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Курган, 1995.Вып.11.*

И.В. Неупокоев

МОУ «Средняя общеобразовательная школа №42», г. Курган

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

Для всех социальных институтов Тобольской губернии была характерна определенная региональная специфика, в том числе и для системы образования. Выделению и характеристике совокупности элементов такой специфики посвящена настоящая статья.

Приоритетное место в формировании региональных особенностей занимает географическое положение и размеры губернии. Это одна из самых больших территориально-административных единиц дореволюционной России (уступает только Енисейской губернии, Якутской и Приморской областям). Ее пересекают три природно-климатические зоны: зона полярных тундр, лесистых болот и высокоствольных лесов, а также степная зона. Указанный фактор влиял на неравномерность заселения и выбор вида экономической деятельности. А это, в свою очередь, отражалось на неравномерности распределения учебных заведений различных типов между северными промысловыми и южными сельскохозяйственными районами. Абсолютное большинство школ размещалось в густонаселенных уездах губернии – Ишимском, Курганском, Тюменском, Ялуторовском. Аборигены же Севера: ханты, манси, ненцы, селькупы, из-за кочевого образа жизни, языкового и культурного барьера были весьма незначительно охвачены просвещением. Дело обучения северян было более уделом энтузиастов-одиночек, чем государства.

Из-за особенностей своего расположения в составе империи, в соответствии с «Уставом о службе», Тобольская губерния была выделена как «отдаленная местность», служащие которой пользовались «особыми преимуществами гражданской службы» (1, 255). Удаленность губернии нашла свое законодательное отражение на образовательном статусе преподавателей гимназий и прогимназий, которым вообще-то полагалось иметь университетское образование. Но в Сибири на указанные должности могли допускаться лица, прошедшие только гимназический курс, так как не всегда была возможность «приискать лицо, имеющее установленный образовательный ценз» (2, 352).

Свидетельство о начальном образовании давало право на сокращение срока военной службы. Для принятия экзамена на эту льготу сначала штатный смотритель уездных училищ, а с 1900 г. инспектор, был обязан объехать все закрепленные за ним школы. В северных уездах губернии с весеннего времени пути сообщения выходили из строя, а после вскрытия рек жители целыми семьями разъезжались на рыбные промыслы вплоть до октября. По этой причине в 1891 г. директор училищ Тобольской губернии разрешил производить испытания на льготу по воинской повинности в сельских училищах Березовского округа в зимние месяцы (3, 327). Позднее, в связи с тем же обстоятельством отсутствия дорог начиная с апреля месяца, были перенесены сроки испытания на льготу в следующих уездах губернии: Тобольском, Туринском, частью Тарском и Тюменском (4, 122-123). Таким образом, местные природные условия диктовали сроки проведения итоговой аттестации учащихся. Что же касается процента оканчивающих школу, то в Тобольской губернии на

конец XIX в. он составлял 8%, что было значительно ниже, чем в Европейской России (5, 133-134).

Еще с начала 70-х гг. XIX в. в сельской местности России стали появляться так называемые «подвижные школы» (6, 10). В Тобольской губернии они впервые возникли в конце 90-х гг. XIX в. в Ялуторовском уезде. На каждую учительницу таких школ приходилось по три пункта (деревни), которые они по очереди должны были посещать, занимаясь ежедневно в каждом пункте не менее двух месяцев. При отъезде в другой пункт учительница обязана возвращаться раз в неделю в прежний пункт для проверки заданных уроков. В отсутствие учительницы дети собирались для общего приготовления заданных уроков в школе под наблюдение попечителя. При отсутствии школьного здания собирались по домам под контролем более знающих учеников или грамотных родителей. Подвижные школы дешевле обходились населению, чем министерские. Но главное, они позволяли выбрать для занятий более удобное время и вовлечь в образовательную среду детей самых отдаленных деревень. Таким образом, такой тип школы был своеобразным ответом населения на сибирский климат, большие расстояния до министерских училищ (7, 113) и свой низкий экономический статус.

Наряду со спецификой образовательной системы, обусловленной географическим положением губернии, следует остановиться и на влиянии других факторов. Одним из них было наличие в ряде приходов Тобольской епархии значительного числа старообрядцев. По сведениям Г.Я. Маляревского, в Ялуторовском уезде на 190 тысяч населения число раскольников составляло примерно 30 тысяч человек. Причем в большинстве мест «раскольники невежественны и просты, что плохо сознают, в чем их «вера» и какое отличие их от «мирских», где раскол держится только на старой привычке, потому, что отцы так верили …» (8, 34). Поэтому раскольники предпочитали отдавать своих детей в церковную школу, где учат «божественному», нежели в светскую школу. Следовательно, мировоззрение населения оказывало решающее воздействие на выбор типа начальной школы: церковной или светской.

Свою характерную особенность имели и способы подготовки учительских кадров для школ губернии. И хотя «Положение об учительских семинариях» существовало с 1870 г., первая мужская учительская семинария в губернии открылась в Ялуторовске только в 1911 г. До этого времени ближайшей специализированной кузницей учительских кадров являлись Омская учительская семинария (9, 383-384), открытая в 1872 г. В ней с 1878 г. содержалось 15 стипендиатов для Тобольской губернии (10, 2). Первенцем педагогического образования в Западной Сибири был с 1902 г. учительский институт в Томске. В Тобольской же губернии первый учительский институт открылся в Тобольске только в 1916 г. Но ему было суждено произвести всего один выпуск в 1919 г. Малочисленность специализированных педагогических заведений и их асинхронное по сравнению с соседями возникновение, по мнению автора, следует также считать элементом специфики образования губернии.

В течение всего указанного времени проблема взаимодействия начальной школы и деревни решалась как с позиций откровенной вражды, так и с позиций сотрудничества. Создание стационарной школы и появление в ней новичка деревенской жизни – народного учителя, можно рассматривать как форму экспансии городской культуры на сельскую. Интеграция в крестьянскую среду была делом не простым и во многих случаях превращала учителя в аутсайдера сельского общества. Дирекция народных училищ в целях взаимной адаптации и сближения школы и деревни пыталась приобщить учителей начальных школ к распространению среди крестьян знаний по сельскому хозяйству. Для этого с начала XX века учителей направляли на курсы по огородничеству, садоводству, пчеловодству. Полученные на курсах знания носили прикладной характер и позволяли их сразу применять на практике. Например, учитель Падеринской сельской школы А.Е. Новиков после таких курсов усиленно распространял среди крестьян полученные знания, из-за чего многие крестьянские хозяйства имели пчел и начали закладывать сады (11, 3). Таким образом, сельскохозяйственные курсы для учителей начальной школы можно рассматривать как специфичную для Тобольской губернии форму интеграции учителя в сельское общество.

В соседней Пермской губернии надзор за школами каждого уезда осуществляли инспектора, которых на 1897 г. было одиннадцать (12, 154). К отличительной же особенности системы образования Тобольской губернии можно причислить более позднее оформление института инспекторов – только с 1900 г. До этого времени сельские училища в *учебном отношении* были подчинены директору гимназии и штатным смотрителям уездных училищ. Директор народных училищ являлся в то же время директором гимназии, потому не мог посвящать надзору за начальными училищами достаточное время. Штатный смотритель, кроме посещения школ, имел прямые обязанности по уездному училищу. Пока численность школ была невелика, директор и штатные смотрители еще успевали наблюдать за ними. Количественный рост школ вызвал потребность в создании новой системы контроля. Первоначально на всю губернию было три инспекторских района (13, 51), с 1906 г. – пять (14, 32), в дальнейшем их количество возрастет до 11 (15, 74-76). После революции 1917 г. институт инспекторов подвергнется острой критике как выступавший «в роли угнетателей по отношению к личности народного учителя» (16, 1). В *административном и хозяйственном отношении* министерские училища зависели сначала от палат Министерства государственных имуществ, позднее от МВД: губернатора, чиновников по крестьянским делам. Кроме школ, у губернатора без того было много обязанностей по управлению губернией. Школьному делу он мог уделять внимание только при наличии собственного исключительного интереса. Чиновники по крестьянским делам были заняты надзором за сельским и волостным правлением и т.п., поэтому на школьное дело смотрели как на нечто побочное и второстепенное (8, 30-33). Следовательно, дробление учебного, административного и хозяйственного заведывания министерских школ также следует считать характерным элементом образовательной системы губернии.

Одним из устойчивых исторических мифов современности является суждение об активном участии учительства в антиправительственной и революционной деятельности. Этот тезис не имеет подтверждения применительно к рассматриваемому объекту (17, 66-68). Учебная и гражданская власть строго контролировала «политическую благонадежность» учительского персонала. Незначительные примеры радикализма были характерны только для начальных учителей губернии, что вело к моментальному исключению из учительской профессии. Подавляющая часть учительства была законопослушной, осуществляла свою профессиональную деятельность в рамках установленной амплитуды и служила опорой существующему режиму. Показательной в этой связи является цитата В.И. Ленина от 1920 г.: «Работники просвещения, учительский персонал были воспитаны в духе буржуазных предрассудков, в духе враждебном пролетариату, они были совершенно не связаны с ним» (18, 8).

Таким образом, нами выделен и охарактеризован

ряд элементов, составляющих, по мнению автора, основу региональной специфики народного образования Тобольской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Мы установили, что на ее становление и развитие оказывали значительное влияние как природно-климатические, так и социально-демографические, экономические и культурные особенности Тобольской губернии в рассматриваемый период.

Примечания
1. Устав о службе. СПб., 1910.
2. Свод Законов. СПб., 1893. Т.XI. Ч.I.
3. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1891. №11.
4. Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1900, №3.
5. Острогорский А.О. О современном состоянии начального образования в России //Образование. 1896. №7-8.
6. Жильцов П.А., Величкина В.М. Учитель сельской школы. М., 1985.
7. Коньков Н.А. Первые подвижные школы в Тобольской губернии //Вестник Тобольского государственного педагогического института. 2003. №1.
8. Маляревский Г.А. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири //Народное образование. 1896.
9. Правила для учеников Омской учительской семинарии // Циркуляр по Западно-Сибирскому учебному округу. Томск, 1895. №12.
10. О мерах к улучшению училищной части в селениях Тобольской губернии //Народная школа. 1877. №8.
11. ГАКО. Ф.Р-2382. Оп.1. Д.11.
12. Заметка о народном образовании в Пермской губернии // Русская школа. 1898. №10.
13. Адрес-календарь Тобольской губернии на 1901 г. Тобольск, 1901.
14. Народное образование в Западно-Сибирском учебном округе //Журнал Министерства Народного Просвещения. Ноябрь 1909.
15. ГУТО ГА в Тобольске. Ф.5. Оп.1. Д.10.
16. Суходеев И. Начальная ступень просвещения //Учитель. 1918. №3.
17. Неупокоев И.В. К вопросу об участии учительства Тобольской губернии в революционных событиях начала XX века // III Зыряновские чтения. Курган, 2005.
18. Зиновьев Г. Пролетарская революция и учительство. М., 1924.

А.В. Беспокойный
МУ «Шадринский краеведческий музей им. В.П. Бирюкова», г. Шадринск

ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ К.Д. НОСИЛОВА КАК ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В плеяде писателей, посвятивших свое творчество описанию коренных народов Севера России, К.Д. Носилов (1858-1923) занимает одно из важнейших мест. Занимаясь литературным творчеством, К.Д. Носилов с 1888 и до начала 1920-х гг. написал много разнообразных произведений, опубликованных на страницах газет, журналов, сборников и отдельными книгами. Большое внимание Носилова привлекали среднее и особенно нижнее течение реки Оби, полуостров Ямал, Северный Урал. Наблюдения и исследования дали обширный материал для книги «У вогулов» (1904 г.), написанной, как и предыдущая – «Новая Земля» (1903 г.), в форме художественного очерка. Газета «Урал», откликаясь на выход книги «У вогулов», называла автора «талантливым бытописателем вымирающих инородческих племен»(4, 163).

Путешествуя по Ямалу и северу Западной Сибири, К.Д. Носилов проявил себя как историк и этнограф (исследователь жизни, обычаев, верований и обрядов коренных народов). «Удивительно» поэтому, - пишет исследователь творчества писателя Н.В. Вехов, - что «познакомившись с опубликованным наследием Носилова, я обнаружил, что оно остается мало известным, или не замечаемым специально, невостребованным» (2, 46). Эти слова Н.В. Вехова в полной мере касаются и представителей исторической науки. Восполняя это невнимание со стороны историков к творчеству К.Д. Носилова, скажем, что давно назревшей необходимостью является источниковедческое исследование произведений Носилова с применением метода источниковедения, состоящего из анализа и синтеза. Эта насущная необходимость еще найдет свое место в последующих наших исследованиях.

Предварительная же оценка очерков К.Д. Носилова такова, что они, по всей вероятности, являются историческими источниками личного происхождения с нефиксированным адресатом, предназначенными к публикации, и по видовому признаку принадлежащими к эссеистике. Заметим, что французское слово essai, одним из переводов которого на русский как раз и является «очерк», представляет собой жанр произведений К.Д. Носилова.

Эссе как вид исторических источников предназначено для передачи уникального опыта индивида в коэкзистенциальном целом. Эссеист излагает свое мнение по произвольно выбранной им проблеме. При этом существенно важно, что в отличие от публициста, эссеист не выступает от имени какой-то социальной группы.

Наиболее продуктивно использовать произведения К.Д. Носилова в качестве исторического источника можно в этнологических исследованиях. Все творчество Носилова этнографично. Это признают все исследователи. Многие из них используют его очерки в качестве источников в своих работах. Однако, как совершенно справедливо замечает Н.В. Вехов, «до сих пор никто из биографов Носилова не попытался оценить вклад его как исследователя в изучение этнографии коренных народов Арктики» (2, 39-40). Эти слова справедливы и применительно к этнологическим реконструкциям материальной и духовной культуры малых народов Западной Сибири.

Время, когда К.Д. Носилов производил свои описания коренных народов Российского Севера, было периодом накопления данных, фактического материала об этих народах. Этнография была в то время наукой, имеющей прикладное значение: чтобы лучше управлять зависимыми народами, существовала потребность в знании их обычаев и традиций. Уже много позже, после смерти К.Д. Носилова, наступил период этнологии – науки, которая не отказываясь от непосредственного наблюдения, стремится к широким обобщениям. Поэтому закономерен ответ З.П. Соколовой на вопрос А.К. Омельчука: интересный ли этнографический источник очерки и наблюдения Носилова?

«К Носилову отношусь хорошо: мне нравится его отношение к манси и то, как он пишет. Недостатки – результат эпохи. Я на него ссылаюсь в своих монографиях», – ответила доктор исторических наук, известная исследовательница Сибири (4, 55).

Благожелательное отношение к народам Российского Севера отмечали все исследователи творчества К.Д. Носилова. «Он горячо полюбил север, с глубокой симпатией относился к малым народностям, населяющим край: ненцам, хантам, манси и др.», – писал о Носилове известный уральский краевед В.П. Бирюков (1,4). Подобная оценка всех без исключения исследователей творчества

писателя отметает, по нашему мнению, все сомнения поводу наличия у писателя любых предпочтений к намеренным недостоверным свидетельствам в отражении как материальной, так и духовной культуры коренных народов Севера.

Могут возникнуть сомнения в объективности К.Д. Носилова, в точности его оценок кажется, что у писателя наличествует желание идеализировать жизнь коренных народов Сибири. «Носилов настроен слишком благожелательно, настолько, что это мешает точности исследователя», – высказывает мнение А.К. Омельчук (4, 54-55).

Данное обстоятельство, безусловно, всегда придется держать в голове исследователю, который попытается в своих научных реконструкциях использовать произведения К.Д. Носилова. И все же очерки писателя заслуживают большой степени доверия в качестве этнологического источника. Потому что главным, по нашему мнению, является то обстоятельство, что при изучении коренных народов Российского Севера К.Д. Носилов использовал один из основных методов этнологии – метод полевых исследований. Как известно, суть метода заключается в длительном пребывании исследователя в месте проживания изучаемого этноса, во вживании исследователя в изучаемую этническую среду. К.Д. Носилову приходилось участвовать в жизни исследуемых им этнических групп в различных обрядах и ритуалах, пользоваться доверием носителей традиции.

Так, например, К.Д. Носилов присутствовал на мансийском празднике с обрядом жертвоприношения оленя и даже участвовал в поедании частей жертвенного животного. «Такой оборот дела решительно расположил ко мне вогулов; они, как истинного гостя, спрашивали меня, нравится ли мне ихнее угощение, лакомства, не нужно ли еще; один мне даже нахваливал обглодать ребрышко, другой совал чашку с кровью, третий выворотил для меня глаз и, обтерши его полой своего халата, подавал мне, рекомендуя настойчиво…» (3, 38-39).

Как видим, ценность метода полевых исследований состоит в том, что писатель был свидетелем и соучастником процессов жизнедеятельности, описанных в его произведениях. Это вызывает доверие к его очеркам как этнологическому источнику. Не зря в «Сборнике материалов по этнографии», издаваемом при Дашковском этнографическом музее, в выпуске за 1888 г., академик В.Ф. Миллер характеризует Носилова «знатоком нашего Севера» (4, 54).

Таким образом, очерки К.Д. Носилова – ценный источник разносторонних этнологических исследований. На современном, т.е. этнологическом, этапе его произведения могут стать важным объектом приложения исторического метода. Изучение письменных источников как одна из основ исторического метода в этнологии является надежным способом получения необходимой информации для реконструкции различных сторон жизнедеятельности традиционных обществ Западной Сибири.

Такие попытки уже предпринимались. Например, М.Д. Янко творчество Носилова заинтересовало в качестве источника сведений по социальной истории народов Российского Севера (5, 75-99).

Мы же обратим внимание на ценность очерков К.Д. Носилова для изучения духовной культуры, прежде всего религиозных верований, традиционных обществ Западной Сибири. Анализ религиозных представлений, на основе очерков Носилова составит основную часть наших будущих исследований творчества писателя.

В произведениях Носилова отражен широкий спектр религиозных верований коренных народов Западной Сибири. Мы видим в его произведениях причудливое переплетение самых различных форм религиозных верований: анимизм, фетишизм, магию и др.

Лидерство среди ранних форм религии принадлежит, пожалуй, шаманизму, с которым тесно связаны упомянутые выше религиозные верования. Шаманы были наилучшими посредниками между миром духов и людей. К ним часто обращались в случаях, когда человек не чувствовал себя способным справиться с возникшими жизненными трудностями.

Мы видим также по очеркам писателя, что шаманизм при всем своем широком распространении не охватывал все верования угроязычных народов. Наряду с ним существовали и другие формы религий, в частности родовой и семейный культ покровителей. Так, у хантов, манси каждая семья имела своих священных покровителей – обычно в виде деревянных кукол с глазами из оловянных кружков. Их заворачивали в тряпки или меховые лоскутки. Им молились, приносили жертвы, считая покровителями промысла.

С родовым культом слились пережитки тотемизма. Таково, вероятно, происхождение известного медвежьего культа у народов нижней Оби. У хантов и манси медведь являлся тотемом одной из двух фратрий и особо почитался. «Вогулы никогда не зовут медведя его именем, а всегда «он», считая его за божество», – отмечает К.Д. Носилов (3, 292).

Во время путешествий К.Д. Носилова по Западной Сибири среди коренных народов достаточно широко распространилось христианство (православие), принесенное русскими миссионерами. Но по большей части население крестилось только формально. Повсюду фактически сохранялись старые верования, постепенно изменявшиеся под влиянием христианских представлений. «Они даже христианство сливают со своим миросозерцанием, причисляя тех святых, о которых рассказывают им миссионеры, к добрым существам. К этим святым они обращаются, приносят жертвы по-своему», – читаем мы у Носилова (3, 22).

Богатство духовной жизни народов Западной Сибири завораживает исследователей. Мы отметили тут только основные моменты, которые сразу бросаются в глаза при чтении произведений К.Д. Носилова.

В заключение же скажем, что в ближайшем будущем мы начнем исследование творчества писателя в двух аспектах: во-первых, изучение значения его очерков как исторического источника с применением при этом метода источниковедения; во-вторых, мы покажем возможности научно-практического использования его очерков для изучения религиозных верований коренных народов Западной Сибири. Исследования творчества К.Д. Носилова в двух аспектах: источниковедческом и этнологическом взаимно дополняют друг друга и способствуют раскрытию значения его очерков и рассказов как исторического источника.

Примечания

1. *Бирюков В.П. 30 лет со дня смерти писателя-земляка // Путь к коммуне.1953. 26 февраля.*
2. *Вехов Н.В. Константин Дмитриевич Носилов и Север (1870-1910-е годы). Шадринск, 2000.*
3. *Носилов К.Д. У вогулов: Очерки и наброски. Тюмень, 1997.*
4. *Омельчук А.К. К. Носилов. Свердловск, 1989.*
5. *Янко М.Д. Очерки и рассказы К.Д. Носилова // Ученые записки Курганского государственного педагогического института. Вып. 1. Курган, 1958.*

Т.В. Сапожникова
Осинский филиал ПГПУ,
г. Оса

И.С. СИГОВ И ОСИНСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

В 1889г. в преддверии своего двадцатилетнего юбилея Осинское уездное земство постановило: признать издание сборника постановлений Осинского земства «весьма желательным и полезным» и поручило управе «приискать лицо для выполнения этой работы» (6, 548). Этим «лицом» стал **Иван Сергеевич Сигов** (1862-1942) – уральский историк-краевед, публицист, автор романов «Врач-каторжник», «Стародавняя быль», «На старом Урале». Последний был опубликован в Молотовском областном издательстве (9, 4).

Он родился в Соликамском уезде Пермской губернии. В 1875г. поступил в Красноуфимское реальное училище, которое окончил в 1881г. После окончания работал преподавателем, сочетая школьную работу с пропагандой народничества (еще в училище он вступил в группу Уральских народовольцев). За революционную пропаганду в 1885г. был уволен и переехал в Екатеринбург, поступил на работу в земство. В этот период начинает сотрудничать с местными газетами «Рудокоп» и «Урал». Принимал активное участие в деятельности УОЛЕ. В марте 1887г. за принадлежность к кружку народовольцев, в котором он состоял уже более года и заведовал библиотекой, был арестован. Произведенный на квартире обыск обнаружил большое количество народовольческой литературы. Иван Сергеевич был заключен в Пермскую тюрьму, из которой освобожден в 1889г. с высылкой в Осу под надзор полиции, где он жил и работал в уездном земстве до 1891г. (1). В это время он и работает над сборником.

В 1891г., когда было разрешено вернуться в г. Пермь, он снова стал работать в губернском земстве в старой должности агента страхования. В 1903-1904гг. вместе с братом А.С. Погореловым и статистиком Голубевым издает газету «Пермский край» (3, 3). Начиная с 1895г., в газетах и журнале «Русское богатство» печатаются его историко-экономические статьи. В дальнейшем ведущей темой научных изысканий И.С. Сигова была история горнозаводского Урала. Один из первых затронул вопросы поземельного устройства горнозаводского населения, историю кустарной промышленности и рабочего класса Урала (8, 90).

В 1890г. на XIV чрезвычайном собрании Осинское земство утвердило программу систематического свода постановлений Осинских уездных земских собраний за время с 1870 по 1890 год и выделило 300 рублей на вознаграждение за его составление (6, 549). Кроме указанного свода постановлений, И.С. Сигов также написал «Очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства по главнейшим предметам его ведения, в связи с общими сведениями об Осинском уезде» с большим количеством приложений. Эти труды были напечатаны одним изданием (с различной нумерацией страниц) в 1891г. в Осинской типографии И.А. Кузнецова.

В предисловии автор называет цели издания, ранжируя их по масштабной значимости: «во-первых, сборник может служить справочной книгой для земских собраний, управы, гг. гласных и служащих в земстве лиц… Во-вторых, дать более или менее полную картину местного земства со всеми его особенностями и, насколько это возможно, подвести итоги его 20-летней деятельности по всем предметам его ведения. Затем позволительно наедятся, что подобные «сборники» и «очерки», помимо местного интереса, могут послужить впоследствии удобным материалом для будущей истории русского земства, которая, несомненно будет написана рано или поздно…выяснить: подходит ли земство к общему укладу народной жизни,.. отвечает ли оно условиям времени и бытовым особенностям каждого края и затем вообще – стоит ли земство на высоте своего призвания…». Далее в предисловии автор дает характеристику использованным источникам. Так, для создания сборника постановлений «материалами служили исключительно журналы земских собраний, отчеты управы и подведомственных ей лиц, доклады управы и комиссий, и, наконец земский архив». Более подробно он указывает источники к каждой главе «Очерка» (см. таблицу).

Таблица 1

№	глава	источники
1	Исторические сведения об Осинском уезде	• Труд священника Н. Блинова «Земледелие и землепользование в Осинском уезде»; • Пермская летопись В. Шишонко; • Книга К. Мозеля «Материалы для географии и статистики России»; • Брошюра Д. Смышляева «Источники и пособия для изучения Пермского края»; • Чупин Н. «Статистическо-географический словарь Пермской губернии»
2	Географические, топографические и др. сведения	• Книга К. Мозеля «Материалы для географии и статистики России»; • Чупин Н. «Статистическо-географический словарь Пермской губернии»; • Календари Пермской губернии; • Сведения Осинского по крестьянским делам присутствия
3	Глава о промышленности	• Доклады и иные сообщения земской управы; • Брошюра Е. Красноперова «Кустарная промышленность Пермской губернии на Уральской выставке»; • Календарь Пермской губернии на 1890г. (отсюда взяты сведения об отхожих промыслах) и 1887г. (статья В.Г-ля «Поземельная собственность в Пермской губернии»)
4	Глава о земледелии и землепользовании	• Доклады земской управы; • Раскладки земских сборов; • Статья В. Г-ля «Поземельная собственность в Пермской губернии»; • Труд священника Н. Блинова «Земледелие и землепользование в Осинском уезде»; • Сведения Осинского по крестьянским делам присутствия
5	Глава «Народное образование»	• Журналы земских собраний; • Доклады управы и комиссий; • Отчеты инспекторов училищ, членов училищного совета, инспектора городского училища, председателя педагогического совета женской прогимназии; • Материалы о народном образовании в Пермской губернии, собранные В. Шишонко; • Сведения воинского присутствия (о числе грамотных рекрут); • «Очерк санитарного состояния народных школ Осинского уезда в 1887г.», составленный земским врачом Н. Тезяковым; • Разные земские издания о состоянии школ в других земских губерниях и уездах
6	Сведения, касающиеся народного здравия и ветеринарии. Все остальные главы	•Отчеты врачей, управы и другие земские издания; •Разные издания Осинского земства; •Архив и делопроизводство управы

Список источников достаточно широк, систематизирован по тематике, сбалансирован в плане использования местного и регионального материала, включает и самые современные для автора издания.

Автор утверждает, что «Сборник постановлений» составлен по утвержденной земством программе, в которую не внесено никаких существенных изменений, он систематизирован по 29 предметам ведения Осинского земства, где приведены все постановления земства по данной тематике с 1870 по 1890гг. (6, I, II).

«Очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства» включает два блока. В первом (часть I) приведены общие сведения об Осинском уезде. Исторические сведения предположительно являются переработкой исторической части труда священника, просветителя, земского деятеля Н.Н. Блинова «Исторический очерк заселения Осинского уезда». В отличие от Н.Н. Блинова, И.С. Сигов не приводит большого количества источников, а дает их обзор и анализ. Так, он пишет: «Обстоятельства, при которых возникли первые поселения, к сожалению, остаются неизвестными, так как интереснейшее для Осинского края время – эпоха его заселения русскими – оставила после себя очень мало памятников, если не считать разного рода письменных сделок с башкирами, которые хотя и являются в своем роде интересными документами, но разнообразием исторического материала

не отличаются. Сохранившиеся же устные предания не представляют собою того исторического интереса, какой могли бы иметь при наличности других более достоверных источников, тем более, что они не редко противоречат друг другу» (5, 5). Приведенный фрагмент характеризует автора как человека, владеющего основами источниковедения. Во второй главе общих сведений дано географическое и демографическое описание Осинского уезда с указанием национального и социального состава населения. В главе «Промышленность» характеризуется обрабатывающая промышленность, кустарные промыслы и земледелие как основное занятие жителей уезда. Наиболее интересна из первой части «Очерка» глава «Земледелие и землепользование». Цель ее: «отметить наиболее характерные особенности уезда и тем самым обратить на здешний край внимание исследователей». Автор указывает на уникальность уезда в плане «сложности и запутанности условий землевладения» в уезде и называет причины «земельных неурядиц», ставит интересные проблемы. Так, в окончании главы он пишет: «Общинное владение землей и переделы существуют только в немногих волостях, но представляют ли они собою вымирание или зарождение общины – вопрос трудный» (5, 22-27).

Второй блок «Очерка» (части II-XII) является обобщенной характеристикой деятельности земства по главным предметам его ведения за 20 лет. Многие из частей этого блока начинаются с исторического экскурса, характеризующего состояние описываемого предмета в доземский период. Наиболее разработана из этого блока глава «Народное образование», о чем говорит и сам автор: «Эта глава разработана более других потому, что предназначалась для Казанской научно-промышленной выставки, куда по некоторым обстоятельствам однако не была представлена» (5, 107). Начинается она с обзора «История зарождения и развития школьного дела с Петра I до позднейшего времени», где автор сравнивает отношение к просвещению в петровскую и в современную эпоху. Далее И.С. Сигов характеризует этапы становления народного образования в Пермской губернии и только затем подробно описывает состояние образования в Осинском уезде, начиная с открытия первого училища на территории Осинского уезда в 1830г. Излагая большое количество статистических данных по доземскому и земскому периодам, исследователь показывает вклад Осинского земства в развитие образования в крае. Для большей убедительности он сравнивает показатели Осинского с другими близлежащими уездами (5, 118,124,151). При рассмотрении системы народного образования И.С. Сигов анализирует и систематизирует большой диапазон вопросов - финансовых, кадровых, учебно–воспитательных и др., дает характеристику различным видам школ (инородческих, подготовительных школ грамотности, церковно-приходских школ, воскресных и вечерних классов для взрослых и др.), в заключении приводит результаты школьного обучения и просматривает судьбу воспитанников народной школы.

Ценные материалы содержат Приложения к «Очерку». Это датированные списки всех Осинских уездных земских собраний, председателей, гласных и представителей от ведомств, участвующих в этих собраниях, которые имеют большое значение для исследователей края, т.к. часть журналов Осинского земства была утеряна. Богатый систематизированный материал представлен в подробных таблицах сметных и действительных доходов, расходов и недоимок Осинского земства, таблицах, характеризующих состояние врачебного дела, ветеринарии, народного образования, земской публичной библиотеки, хлебных запасов и урожаев, содержания земских станций и др. Очень ценен подробный список населенных мест (сел, деревень, починков, выселков) Осинского уезда с числом наличных душ мужского и женского пола, тем более, что многих указанных в списке населенных пунктов уже не существует.

Одним из ведущих центров исторической мысли на Урале в XIX – начале XX века многие уральские ученые считают г. Пермь, пермские историки-краеведы внесли большой вклад в собирание и систематизацию исторических документов. Важнейшим результатом их источниковедческой деятельности было издание целого ряда крупных публикаций документов и материалов по истории Урала. В числе выдающихся историков-краеведов пермской школы называют и И.С. Сигова (4, 6). Работы Ивана Сергеевича, созданные во время его жизни в Осе, подтверждают это, они имели и имеют большое значение для изучения истории Прикамья, так как содержат большое количество документальных материалов, профессионально обработанных и систематизированных. Его исследования были и до сих пор являются образцом для местных краеведов. Крупнейший осинский краевед В.П. Шилов в письме пермскому библиографу А.К. Шарцу отмечал, что «во время своего вынужденного пребывания в Осе (1889-1891г.) Иван Сергеевич выполнил весьма ценную для нас краеведов работу “Очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства по главнейшим предметам его ведения”» (2, 1). Можно предположить, что и для самого И.С. Сигова работа в Осинском уезде стала отправной точкой для историко-исследовательской деятельности. Так, авторы монографии «Летописцы старого Урала» В.И. Усанов и П.Г. Свечников ставят ему в заслугу то, что он одним с первых в дореволюционной историографии обратился к разработке практически неисследованной темы – истории народного образования на Урале в период капитализма, т.к. им в начале 90-х гг. XIXв. была написана работа «Народное образование в Красноуфимском уезде», которая сохранилась в рукописи. Но то, на что указывают авторы, к этому времени было уже сделано И.С. Сиговым по Осинскому уезду, а сравнение структуры этих работ говорит об их однотипности (7, 124). Именно после работы в Осинском уезде он обращается к таким темам, как история кустарной промышленности, проблемы колонизации Урала русскими и характер ее протекания, взаимоотношения русских с местным населением, башкирские восстания в XVIIIв. и др. (7, 118). Возможно, интерес к этим темам возник во время подбора и изучения исследователем материалов для написания «Очерка…», в том числе работы Н.Н. Блинова.

Земские деятели Н.Н. Блинов и И.С. Сигов за короткие периоды пребывания в Осе сделали не мало, они собрали и систематизировали материалы по истории Осинского уезда. Ими был привлечен большой архивный материал, что привело к расширению фактографической базы знаний о прошлом края и к созданию базы для дальнейших краеведческих изысканий.

Примечания

1. *ГАПО Ф.р-926. Оп. 1. Предисловие.*
2. *ГАПО. Ф. р-790. Оп.1.Д.3860.*
3. *ГАПО. Ф.р-790. Оп.1. Д. 41144.*
4. *Данилов Н.Ф., Усанов В.И. Типология историков-краеведов Урала и Зауралья XIX – начала XXв.// Деятели социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни Урала и Зауралья в XVII-XX вв.: Сб. материалов региональной научной конференции (Курган, 30 мая, 2002г.). Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та,2004.*
5. *Очерк двадцатилетней деятельности Осинского земства по главнейшим предметам его ведения, в связи с общими сведениями об Осинском уезде/Сост. И.С. Сигов. Оса: Типография И.А.Кузнецова, 1891.*
6. *Систематический сборник постановлений Осинских уездных земских собраний за время с 1870 по 1890 год/Сост.*

И.С. Сигов. Оса: Типография И.А.Кузнецова, 1891.
7. *Усанов В.И., Свечников П.Г. Летописцы старого Урала: Монография. Челябинск: Изд-во «Факел» ЧГПИ, 1995.*
8. *Хитров И.П. Основные этапы и черты историографии рабочего класса Урала периода империализма//Историческая наука на Урале за 50 лет 1917-1967: Материалы 3-й научной сессии вузов Уральского экономического района (истории науки). Вып. 1. Свердловск, 1967.*
9. *Шарц А. Рукописи ждут Колумбов//Звезда. 1965. 3 марта. № 51.*

В.Э. Лебедев
Уральский государственный технический университет, г. Екатеринбург

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Научно-технический прогресс как социальный феномен оказывал постоянное воздействие на историческую динамику крупных регионов. Эта тенденция дала о себе знать в России уже в период протоиндустриализации (XVIII – первая половина XIX в.), когда осуществлялся переход от естественных производительных сил (индивидуальное аграрное и ремесленное производство) к общественным производительным силам, основанным на кооперации и разделении функций в процессе труда (мануфактурное производство). В ходе протоиндустриализации на Урале была создана третья металлургическая база страны после Олонецкой (северо-запад) и Каширско-Тульской (центр), то есть на экономическом пространстве России возник Урал как ее новый промышленный район. На этапе раннеиндустриальной модернизации (вторая половина XIX – начало XX вв.) в условиях промышленного переворота (переход к машинному, фабрично-заводскому производству) Урал стал утрачивать позиции ведущего промышленного района страны, уступая их Донбассу в связи с обнаружившимся затяжным кризисом уральской металлургии (1,4).

В начале XX в. обозначилась потребность в регионализации как одном из действенных механизмов социально-экономического развития и научно-технического прогресса. Игнорирование «регионального фактора» неминуемо приводило, с одной стороны, к недореализации промышленного потенциала страны, с другой – к фиаско государственного регулирования социально-экономической сферы. В России проблема регионализации стала масштабно решаться в конце 1920-х – 1940-е гг., когда имело место продолжение раннеиндустриальной модернизации («сталинская модернизация»), что было связано с ускоренной индустриализацией. В ходе ускоренной индустриализации возникла идея создания крупных экономических регионов с многоаспектной хозяйственной интеграцией. Стали разрабатываться и использоваться главные принципы и механизмы регионализации. Прежде всего речь шла о предельно конкретном соотнесении региональной специфики с общенациональными стратегическими интересами, практике планирования территориального развития, отработке моделей эффективного регионального управления, развитии межрегионального сотрудничества как основы включения регионов в широкое социально-экономическое пространство страны (2, 72). Начался поиск решения трех основных проблем региональной политики: национально-государственного строительства, районирования и нового административно-территориального устройства, а также выравнивания уровней экономического развития ранее отсталых территорий. Этот поиск содействовал формированию крупных экономических районов. Они оптимально для того времени соединяли промышленное и сельскохозяйственное производства, образовывали единые народно-хозяйственные комплексы, ориентировавшиеся на сокращение перевозок, новые технологии, привлечение недостающих трудовых ресурсов. На основе региональной организации экономики Урал в условиях ускоренной индустриализации становился звеном межрайонного комплекса Урало-Кузнецкого комбината.

Одновременно с социально-экономическими преобразованиями должен был сформироваться и научный потенциал территорий как «совокупность кадровых, материально-технических, финансовых, информационных и организационных ресурсов, а также возможностей их использования для развития науки и реализации ее достижений в хозяйственном комплексе региона»(3, 367). Развитие производительных сил на основе регионально-комплексного подхода должно было объективно способствовать формированию научно-технического плацдарма для самоорганизации разных видов деятельности на той или иной территории. УЭР не был исключением. Эффективное функционирование его хозяйственного комплекса и, прежде всего, индустрии во многом зависело от уровня развития его научного потенциала. Поэтому при создании Урало-Кузнецкого комбината Академия наук СССР в 1932 году провела на Урале выездное заседание, на котором было принято решение об организации Уральского филиала АН СССР (4, 12-13).

Но многие идеи, предложенные в конце 1920-х – 1930-е гг., не были воплощены впоследствии. В период «сталинской модернизации»действовала система централизованного управления, подавляющая саморегулирующие тенденции в организации и управлении экономикой и наукой регионов. Региональная политика Центра в отношении Урала традиционно имела существенную специфику – регион целенаправленно использовался для решения общегосударственных задач. Здесь впервые в стране сформировался территориально-производственный комплекс, охватывавший весь цикл производства от добычи полезных ископаемых до выпуска готовой промышленной продукции, который был поддержан мощной научной сферой. Роль Урала как “опорного” региона страны определяла в 1930 - 1950-е гг. военную специализацию его промышленности и гипертрофированное развитие базовых отраслей – добывающей, металлургии и тяжелого машиностроения. Такая специализация обусловила формирование региона как одного из важнейших промышленных и научных центров страны. Но вместе с тем комплексного, т.е. пропорционального взаимосвязанного развития отраслей региональной экономики и сферы науки и научного обслуживания достигнуто не было. Регионам отводилась роль исполнителя указаний Центра, где принимались решения, что не способствовало развитию и укреплению социального, экономического и научного потенциала в регионах, поскольку интересы территорий и ведомств во многом не совпадали. В условиях ускоренной индустриализации была реализована концепция первичности отраслевого и вторичности регионального начала в управлении НТП. Определение направлений и способов деятельности в области НТП, контроль за реализацией многих проектов и программ и в целом руководство научно-техническим прогрессом исходило из единого центра. Кроме того, регионы практически не участвовали в распределении доходов, полученных в результате их эксплуатации, и не могли саморазвиваться в достаточной степени. Политический и экономический центр непосредственно руководил развитием главных точек экономического роста, осуществлял по отношению к ним прямое и адресное планирование, на-

туральное распределение ресурсов и продукции (5, 6). Зависимость и подчиненность экономики регионов центру сказывалась и в нарушении принципов регионализации НТП.

Во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг., когда развитие страны происходило под воздействием феномена позднеиндустриальной модернизации (переход к научно-инженерной организации труда и поточно-конвейерному производству), а ее стержнем стала НТР (соединение производительного труда с научным знанием), усилилось действие тенденции, связанной с регионализацией НТП. На этапе НТР передовые промышленные государства начали переживать подъем, связанный с техническим и технологическим перевооружением производства, возникновением новых высокотехнологичных промышленных отраслей. СССР вынужден был вновь встать на путь ускоренного развития. Важным инструментом в этом процессе могла стать регионализация НТП. Ее необходимость обусловливалась рядом факторов.

Прежде всего происходило усложнение общественного производства. В ходе развития научно-технического потенциала региона росло количество организаций, учреждений и предприятий сферы науки и научного обслуживания. Ими независимым и нескоординированным образом руководило более 100 министерств и ведомств. В системе централизованного управления создание все новых и новых министерств приводило к противоречию с межотраслевыми тенденциями технологизации производства.

Другим фактором, определявшим необходимость регионализации НТП и управления им, стало изменение технико-технологической и социальной направленности развития производства. Метахронный характер НТП (переход от индустриальной к научно-индустриальной стадии производства) проявился в том, что регион как бы нес в себе черты прошлых и современных тенденций развития, сосуществовавших вместе. Традиционные производства, ориентировавшиеся на крупные предприятия, нуждались в сильной централизации административно-управленческого аппарата и концентрации производства. Робототехника, гибкие производственные системы, ЭВМ, внедрявшиеся в современное хозяйство и особенно в так называемые отрасли высоких технологий, как свидетельствовал опыт, могли эффективнее использоваться на небольших предприятиях, обрабатывающих центрах и т.п., что обусловливало тенденцию к деконцентрации производства. Обозначенная тенденция к «дисперсии» в размещении промышленно-производственного и научно-технического потенциалов требовала и децентрализации управления НТП, в связи с чем должна была возрастать «экономическая власть» в регионе.

Децентрализация управления территорией была вызвана также тем, что в условиях НТР территориальное разделение труда в производстве сопровождалось соответствующим разделением труда в науке. Это выражалось в тенденции географической деконцентрации научно-технического потенциала, которая нашла проявление в процессе институционализации науки в регионе. На Урале была создана широкая «система жизнеобеспечения» науки: организованы региональный академический научный центр, сеть исследовательских учреждений прикладного характера, соответствующих отраслевой индустрии края. В результате были заложены основы преобразования индустриального территориально-производственного комплекса в региональный научно-производственный комплекс.

Регионы в условиях позднеиндустриальной модернизации получили частичную самостоятельность в управлении НТП, но самостоятельность эта была ограниченной. В результате большинство экономических районов представляли собой неравномерно развитые, несбалансированные хозяйственные системы, неспособные эффективно функционировать без поддержки извне (Центра).

Негативные последствия такой системы управления проявились в полной мере в 1990-е гг., когда либерал-демократы, оказавшись у власти, вместо курса на постепенное завершение позднеиндустриальной модернизации (овладение высокими технологиями) поспешно взяли на вооружение концепцию постиндустриального общества, что привело к гибели половины индустриального потенциала страны, то есть к ее деиндустриализации. К тому же обретение регионами в эти годы более полной самостоятельности в управлении экономическими, социальными, научными процессами совпало в условиях распада СССР с разрывом хозяйственных связей между ними. Вместе с тем, наряду с негативными процессами постепенно накапливался и существенный позитивный опыт, связанный с ориентацией на развитие потенциала местной инициативы. В частности, под влиянием действия такой закономерности современного НТП, как его регионализация, даже в условиях деиндустриализации крупным экономическим районам удалось сохранить технико-технологический и научно-организационный аппарат промышленности, обеспечить свою технологическую безопасность, что в дальнейшем станет основным благоприятным условием для завершения позднеиндустриальной модернизации и постепенного перехода к постиндустриальному типу развития общества.

Примечания

1. Алексеев В.В. Уральская металлургия в эпоху протоиндустриализации // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: Материалы VI Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2004.
2. Алексеев В.В., Сапоговская Л.В. Исторический опыт промышленной политики в России (краткий научно-практический очерк). Екатеринбург, 2000.
3. Горшков А.В. Научный потенциал и промышленность Урала // Промышленность Урала в XIX – XX веках. М., 2002.
4. Лебедев В.Э. Научно-техническая политика региона: опыт формирования и реализации. Свердловск, 1991.
5. Лебедев В.Э. Указ. Соч.

Н.В. Крылова
Государственный архив Курганской области, г. Курган

ВОЕННОПЛЕННЫЕ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ

Страны, участвовавшие в войне 1914-1918гг., несли большие потери в личном составе своих армий, в том числе пленными. В лагерях, размещенных на территории Российской империи, размещалось около 2 миллионов военнопленных, граждан Германии и Австро-Венгрии (1,7). Из них в Тобольской губернии к 1917г. было размещено около 27000 человек (2,97). В Курганский уезд было направлено около 4000 военнопленных, первая партия которых в числе 3000 рядовых и 25 офицеров, преимущественно славян, прибыла в Курган согласно газете «Курганское слово» 3 сентября 1914 г. (3, 229-230об.).

Размещение и использование неожиданно большого для властей количества военнопленных в начале войны характеризовалось некоторой хаотичностью. По мере усиления мобилизации трудоспособного населения России правительство стало проводить более прагматичную политику в использовании труда военнопленных. В августе-сентябре 1915г. Особым Совещанием по обороне го-

сударства было принято решение снять военнопленных с сельскохозяйственных работ и предоставить их промышленным предприятиям (4,152), а в марте 1916г. все работоспособные военнопленные, состоявшие в распоряжении военного ведомства, были распределены между 33 губерниями и срочно доставлены для сельскохозяйственных работ (5, 52; 6,179об.).

Курганский уезд, которому грозило сокращение посевных площадей, также испытывал острый дефицит рабочей силы. Только через волостные правления к июлю 1915г. в адрес уездного руководства поступило 3440 ходатайств солдатских семей на привлечение в хозяйства 4772 военнопленных (6,1-2).

Из 3500 пленных, находившихся в распоряжении Курганского воинского уездного начальника, для распределения по волостям были переданы 2850 человек, а 650 были постоянно расквартированы в самом Кургане. Кроме того, Тобольским губернатором в июне 1915г. был разрешен отпуск еще 500 военнопленных Курганскому отделу Московского общества сельского хозяйства (КОМОСХу)(3,396-396 об.).

Согласно распоряжениям Тобольского губернатора в июне 1915г. труд пленных подлежал использованию «первым долгом в хозяйствах призванных нижних воинских чинов и ратников ополчения, затем у беднейших крестьян и только при наличии избытка военнопленных – у зажиточных крестьян и частных владельцев». Главным условием было, чтобы труд каждого военнопленного использовался в хозяйстве не менее как на 15 дес. посева (6,1;179об.). Таким образом, военнопленные были распределены, прежде всего, между волостными сельскими обществами и крупными землевладельцами Курганского уезда (Кропаниными, Карчевскими, Смолиными, Кочешевыми и др.). Пленные трудились в Обществе поощрения рысистого коннозаводства и на артельных маслозаводах, активно использовались в лесном хозяйстве (неквалифицированная работа в лесничествах по заготовке дров для железной дороги, мелиорация), в военном ведомстве (работа в оружейных мастерских). Их труд был востребован земским и городским хозяйством (ремонт дорог, приведение в порядок сточных городских канав и др.), а также на частных предприятиях Курганского уезда (винокуренном заводе Смолина, крахмально-паточном заводе Ванюкова, мельнице Дунаева, в Товариществе «Сибирская клепка») (7,199; 8,14; 9,1-2;10,189; 5, 136; 3,139-141;11,27). По мере установления более тесных контактов с местным населением, военнопленные устраивались у частных лиц домашней прислугой или находили для себя квалифицированную работу приказчиков, конторщиков и т.д. (8,13). Это явление получило довольно широкое распространение. Тобольский губернатор постановлением 29 февраля 1916г. запретил использование военнопленных в качестве прислуги, а лица, виновные в нарушении, подвергались тюремному заключению или штрафу (6,187).

Первоначально прибывшие военнопленные были расквартированы в приспособленных городских помещениях: в здании КОМОСХа, Общественном Собрании, Дамском попечительском обществе, в кинотеатрах, постройках ипподрома, пивных лавках города, цирке, крупных частных домовладениях (12,4). Незначительное количество пленных находилось в Курганской тюрьме. Больные и раненые поступили в городскую больницу. Учитывая, что городская больница не справлялась с потоком больных, городская управа вышла с ходатайством к Тобольскому губернатору о разрешении занять здание казенного винного склада под военный лазарет (13,211). Чуть позже в г. Кургане для пленных были построены лагерные бараки. Однако большую часть времени они стояли полупустыми: их обитатели в основном жили в хозяйствах у нанимателей (14,96; 6,1). Весь контингент лагеря военнопленных делился на роты, которые формировались преимущественно по национальному признаку. Запрещалось нахождение в одной волости пленных славян и военнопленных немецкого и венгерского происхождения (6,179). В начале войны к работам привлекались преимущественно пленные из славянских народов. Австрийцы, венгры и немцы к работам не допускались. Только в 1915г., когда была проведена массовая мобилизация трудящихся России, правительство стало использовать пленных всех национальностей (1,7; 3,409-410). Все рядовые военнопленные вплоть до унтер-офицеров были обязаны работать. Пленные офицеры не привлекались к работе, однако они содержались за свой счет, и при неимении средств к существованию все равно вынуждены были устраиваться на работу (6,216;234-235).

Использование труда военнопленных регламентировалось «Правилами о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных ведомств», утвержденными Правительством 7 октября 1914г., «Правилами об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915г., «Правилами об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915г. С установлением власти в уезде Временного Сибирского правительства и союзных ему чехословацких войск Комендантом города 6 июня 1918г. было утверждено новое Положение о военнопленных. 22 мая 1919г. аналогичные по содержанию «Правила о порядке отпуска военнопленных на работы казенные, общественные и частные» были утверждены Главным начальником Курганского военного округа (3,409-410;15,3.;16,26). В этих правилах оговаривались условия содержания, охраны и найма военнопленных. В частности, наниматели должны были обеспечить приемлемый уровень жизни нанятых пленных работников (определенный минимум заработной платы, снабжение продовольствием и одеждой, соответствующее санитарным нормам жилье, врачебная помощь и т.д.). Наниматели же несли полную ответственность за поведение и охрану военнопленных.

Оплата труда варьировалась. Согласно распоряжениям Тобольского губернатора и начальника Омской местной бригады, изданным летом 1915г., установление цен для оплаты труда пленных было предоставлено Уездному съезду крестьянских начальников при условии, чтобы расценка была не ниже 25 коп. за рабочий день, с обязательством работодателей предоставлять пленным продовольствие, в случае износа - одежду и обувь. Из заработной платы не менее 25 коп. платилось военнопленному, а остальное, сверх 25 коп., могло быть израсходовано на вознаграждение должностных лиц Уездного съезда крестьянских начальников, волостных и сельских управлений, заведовавших военнопленными. В Курганском уезде в 1915г. поденная оплата труда военнопленных составляла 30 коп., из которых 25 коп. платилось пленному, а остальная сумма распределялась между волостными, сельскими правлениями и уездным руководством. В 1916г. дневная плата устанавливались в 35 коп., при перечислении 5 коп. в Курганское казначейство (6,1-2). 9 августа 1917г. Временное правительство установило, что из заработной платы военнопленных, которая определяется сообразно местным ценам для каждой категории работ, на руки пленным должно выдаваться от 20 и не более 50 коп. в зависимости от продуктивности работы, прочая же часть заработной платы, за вычетом всех расходов по содержанию пленного, сдавалась в доход казны (17). С 1918г. условия найма военноплен-

ных определялись, в отсутствии правительственных, местными постановлениями: в Курганском уезде из денег, заработанных пленными на сельскохозяйственных работах, необходимо было отчислять в пользу казны по 15 коп. с каждого рубля. Размер оплаты устанавливался волостным земским собранием (14,96). Кроме того, учитывая крайний дефицит рабочей силы в деревне, военнопленные сами диктовали за свой найм цены, далеко превышающие расценки, установленные местными властями (6,234-235). Отчисления земских управ за использование труда военнопленных в пользу казны были нерегулярны, доходы занижались, по многим волостям такие отчисления совсем не проводились (18,48).

Контроль за исполнением условий содержания военнопленных вне городских границ уездными властями осуществлялся слабо. Но серьезных нарушений не наблюдалось: слишком велика была конкуренция нанимателей в борьбе за рабочую силу (пленные зачастую имели возможность выбора хозяев, а следовательно, и более выгодных и комфортных условий найма). В сентябре 1916г. Министерство земледелия констатировало, что «сведений о каких-либо существенных недочетах в обеспечении надлежащих условий жизни военнопленных, состоящих на работе ведомства, не возникало»(5,109). Международный контроль за положением военнопленных в Тобольской губернии осуществлялась датским представительством в лице уполномоченного датского посольства в Омске (19,53).

Отношение местного населения к военнопленным отличалось редкой толерантностью. В своем докладе член правления КОМОСХа И.А. Михайлов в июле 1915г. отмечал: «С самого начала… обнаружилось, что во многих селениях между военнопленными и мирным населением создались весьма тесные связи. С особенной резкостью это проявляется там, где и представители военного ведомства в лице старших наблюдающих за военнопленными принадлежали к мирным жителям. Так, в с. Нижне-Дубровском, несмотря на распоряжение Курганского военного начальника об отпуске на работы [КОМОСХу] 17 военнопленных, из 100 военнопленных, расквартированных там, не удалось получить ни одного: все категорически отказались работать где-либо, кроме «своего села». В более мягкой форме то же проявлялось и в других местах. Случаи отказа от работ многочисленны, но часто этот отказ вызывается действительной непригодностью военнопленного к крестьянской работе (например, попадали бухгалтера, скрипачи, портные). При той легкости с какой Отдел относился… к желанию военнопленных перемениться хозяевами, самовольный исход является угрожающим симптомом, обнаруживая, как полное непонимание военнопленными их положения, так и готовность населения потворствовать таким проявлениям ”привязанности”» (3,229-230 об.)/

Надзор за поведением, внутренним порядком и охраной военнопленных в местах их водворения возлагался на сельских старост, волостных старшин, членов волостных попечительств под руководством участковых крестьянских начальников и чинов общей полиции, которые о каждом случае нарушений со стороны военнопленных должны были доводить до сведения Курганского уездного воинского начальника (6,1). Наиболее частыми правонарушениями со стороны пленных являлись незаконные требования и отказы от работ на менее имущих хозяев, не соблюдались общие дисциплинарные правила. Председатель Уездного съезда крестьянских начальников К.П. Нилов констатировал в августе 1915г.: «Со стороны членов попечительства, а равно волостных и сельских должностных лиц, нет никакого надзора за отпущенными для сельскохозяйственных работ военнопленными, не установлено между нуждающимися в рабочих руках сельскими хозяевами порядка пользования трудом военнопленных. Пленные… свободно разгуливают в нерабочее время по селам, допускают самовольную отлучку в город и другие селения без всякого надзора, …было много случаев побега». Министерствами внутренних и военных дел губернаторам в 1916г. были предоставлены права по применению дисциплинарных взысканий: максимальным по тяжести из них было 3-месячное тюремное заключение в тюремных камерах волостных и сельских правлений и полицейских управлений, однако в общей массе военнопленные наказывались довольно редко (6,221;234-235об.) В городе была похожая ситуация: контролировать степень и глубину личных взаимоотношений работодателей и военнопленных было практически невозможно. Однако в городе были расквартированы пленные офицеры, за которыми осуществлялся более строгий надзор, и установление неформальных связей между ними и горожанами не поощрялось. Так, в 1915г. педагог Курганской женской гимназии П. Руф была уволена со службы за то, что открыто поддерживала знакомство с пленными офицерами (20,145).

Постепенно отношение властей, как центральных, так и местных, по отношению к военнопленным становилось все либеральней. 17 мая 1917г. Министерство внутренних дел установило порядок перехода военнопленных в число российских граждан, по которому прием в российское подданство неприятельских военных, состоящих в рядах Русской армии или добровольческих воинских частях, был признан возможным и желательным при наличии рекомендации начальника части, где они проходили службу, и при благоприятном отзыве местных властей. Чуть позже военный министр с формальными ограничениями разрешил вступать в брак военнопленным славянам с русскими гражданами (19,118). По окончании Первой мировой войны и заключении Брест-Литовского мирного договора в 1918г. военнопленные получили юридическое право вернуться на родину. Однако в силу политических и экономических причин это возвращение затянулось до 1920г. Часть бывших пленных приняла российское гражданство и осталась в Курганском уезде (21).

Таким образом, присутствие военнопленных Первой мировой войны на территории Курганского уезда сыграло положительную роль в поддержании приемлемого экономического уровня края и, кроме того, продемонстрировало высокую степень толерантности общества, их принявшего.

Примечания

1. *Интернациональные части в боях за власть Советов. М., 1960.*
2. *Загороднюк Н.И. Депортация населения в годы первой мировой войны //Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1996. Тюмень, 1998.*
3. *ГАКО. Ф. 267. Оп.1. Д. 23 а.*
4. *Суржикова Н.В. Военнопленные в экономике Среднего Урала //Документ. Архив. История. Современность. Вып.5. Екатеринбург, 2005.*
5. *ГАКО. Ф. 167. Оп.1. Д. 189.*
6. *ГАКО. Ф. 129. Оп.1. Д. 500.*
7. *Известия Курганского городского общественного управления. Вып. 13. 1914. 20 сентября.*
8. *ГАКО. Ф. Р-852. Оп.1. Д. 38.;*
9. *Там же, Д. 45. Л. 1-2;*
10. *ГАКО. Ф. 167. Оп.1. Д. 178.*
11. *ГАКО. Ф. 267. Оп.1. Д. 24.*
12. *Курганское Слово. 1914 г. – 3 сентября. С.4.*
13. *Известия Курганского городского общественного управления. Вып. 14. Курган, 1914. 5 октября.*
14. *ГАКО.Ф. 129. Оп.1. Д. 596.*
15. *Там же. Ф. Р-852. Оп.1. Д. 44.*

16. Там же. Ф. Р-408. Оп.1. Д. 6.
17. Новый мир (г. Курган). 1917. 30 сентября.
18. ГАКО.Ф. 168. Оп.1. Д. 20. .
19. Там же. Ф. Р-852. Оп.1. Д. 49 а.
20. Там же. Ф. 63. Оп.1. Д. 90.
21. Там же. Ф. Р-464. Оп.3. Д. 1-335.

В.А. Коростелев
Курганский государственный университет, г. Курган

САД ДУШИ АРКАДИЯ БИРЮКОВА

Выдающийся зауральский садовод – селекционер и врач А.П.Бирюков родился 23 февраля 1892 года в селе Першинском Шадринского уезда Пермской губернии, в семье псаломщика.

Изучая биографию Аркадия Павловича и размышляя над ней, невольно вспоминаешь великого русского писателя, врача и садовода А.П.Чехова. В биографиях этих людей есть подчас удивительные совпадения, но это не главное.

При изучении источников, освещающих жизнедеятельность Аркадия Павловича, складывается образ своего рода подвижника, для которого труд, бескорыстная помощь людям – единственно верный способ существования. Как же определить и объяснить тот источник созидательной энергии Аркадия Павловича? Вероятно, ответить на этот вопрос до конца, руководствуясь простой жизненной логикой, невозможно. По моему мнению, именно здесь на помощь может прийти художественная литература с её человековедческой направленностью. Это и есть главная причина обращения к творчеству великого классика.

А.П.Бирюков – фактический современник Чехова. Для Аркадия Павловича 90-е годы XIX – начало XXвв. – детство с его предпосылками для будущего выбора. В эти же годы у Антона Павловича рождается замысел пьесы «Вишневый сад». Общеизвестно, что пьеса – символический переосмысленный образ России, её настоящего и будущего. Многие люди хотели и хотят видеть Россию цветущим садом в прямом и переносном смысле. Чехов и в последствии Бирюков сделали всё возможное для этого. Но только ли идея цветущего сада – стимул для самоотдачи в труде? Скорее это лишь его составная. Одни люди, увидев прекрасный сад, хотят разбить такой же и даже лучше, но их мечта так и остаётся мечтой. Другие трудятся над её воплощением. Что же помогает людям сохранить и воплотить мечту, как это сделал Бирюков?

Профессор кафедры литературы Шадринского педагогического института В.В. Иванихин в своей книге «Искусство урока», размышляя над названием пьесы «Вишнёвый сад», делает вывод: «… вряд ли Антон Павлович хотел ограничиться малым и вложить в название только смысл «символа России». Такое понимание внутреннего содержания заголовка будет довольно узким и не до конца справедливым и поэтому требует дополнительной дешифровки» (1, 74). Далее ученый, определяя отношение персонажей к судьбе вишнёвого сада, утверждает, что персонажи в разной мере имеют в душе свой сад, который также нуждается в возделывании. Развивая эту мысль, можно прийти к выводу, что сад души требует внимания ещё в большей мере, чем обычный, и его возделывание не сводится только к заботе о вишневом, яблоневом или любом другом саде и восхищению им, как бы ни был он прекрасен. Возделывание сада души – это благие дела для ближних и всего живого. Лакей Фирс из пьесы, по мнению В.В. Иванихина, взращивал свой сад всю жизнь бескорыстным трудом для ближних.

В биографии А.П. Бирюкова можно найти тысячи примеров бескорыстного труда и заботы о ближнем, подтверждающих вышеизложенную идею. Историческая хроника этих дел такова.

В 1902г., когда А.П.Бирюкову было 10 лет, он побывал в саду крестьянина деревни Морозовой Шадринского уезда Г.Г. Овчинникова. Увидев там богатый урожай смородины и другие растения, редкие для Зауралья, Аркадий Павлович восхитился и на всю жизнь просто заболел садоводством. От рождения мечты до её воплощения прошло почти 24 года. Только 21 апреля 1926г. А. Бирюков заложил свой первый сад в г. Шадринске, где поселился в 1925г. Ему тогда было уже 34 года. Когда Аркадий Павлович закладывал сад, он ставил перед собой задачу - внедрить садоводство в Шадринске и опровергнуть бытовавшее мнение о бесполезности садов в Зауралье из-за суровых климатических условий. Задача была решена. Для её решения Аркадий Павлович много учился и работал: собрал богатую библиотеку по садоводству, а в 1934г. закончил Институт селекции плодово-ягодных культур им. И.В. Мичурина, трижды встречался с самим Иваном Владимировичем. Мичурин одобрил работу А.Бирюкова «Мичуринские сорта плодово-ягодных культур в центральном Зауралье». С помощью этой подготовки Бирюков вывел 16 сортов яблонь, адаптированных для местного климата. Среди них – знаменитый сорт «Аркад Бирюкова», полученный селекционером в 1941г. Вывел Аркадий Павлович 9 сортов вишни (2,12-20). Всего им было проверено около 500 сортов (6, 2).

Зауральский селекционер-мичуринец Бирюков неустанно и щедро делился своими знаниями, опытом и достижениями. В местных и центральных изданиях страны была опубликована 281 статья по садоводству, в свет вышло 10 брошюр (4, 53), самая известная из них – «Зауральские вишни». Под руководством Аркадия Павловича был организован 3 декабря 1932г. Шадринский плодопитомнический совхоз. В г. Шадринске в начале 60-х гг. XX в. каждый второй-третий двор был озеленен плодово-ягодными растениями, не считая коллективных садов (6, 14). На 31 марта 1964г. Бирюков провел 7154 беседы о садоводстве при 66724 слушателях (7, 20). Использовалась любая возможность для пропаганды: собрания на предприятиях, учительские конференции, съезды врачей, занятия в школах и даже избирательные участки. Садоводом регулярно организовывались стационарные и передвижные плодово-ягодные выставки, а его сад посетило с 1935 по 1963гг. 18820 человек (7, 21-22). Для закладки других садов Аркадий Павлович безвозмездно отпустил 46563 саженца и 39941 черенок плодово-ягодных (6, 8).

В ноябре 1946г. Бирюков получил письмо от врача-садовода Жукова Д.А. из пос. Селижарово Калининской области. Вот фрагмент из него: «После демобилизации я снова решил вернуться в свой район и теперь, на старости лет, мечтаю снова заложить небольшой сад, но достать посадочный материал совершенно невозможно. В журнале № 6-7 «Сад и огород» я познакомился с вашей статьей и решил обратиться за помощью. Убедительно прошу Вас поделиться посадочным материалом» (3, 1). Аркадий Павлович дал такой ответ: «Если только будет разрешена пересылка посадочного материала по почте или железнодорожным транспортом, то я буду иметь возможность в той или иной мере выполнить Вашу просьбу» (3, 2). Подобных писем, полученных Бирюковым, - сотни. На каждое из них селекционер старался дать ответ с нужными советами и твердым обещанием помочь.

Всего за период с 1932 по 1963 гг. Аркадий Павлович заложил 61 сад. Сад, заложенный военврачом второго ранга А.Бирюковым при эвакогоспитале в г. Сковородино Читинской области в 1942 г., в первое же лето дал уро-

жай. Фрукты в зоне вечной мерзлоты (5, 6)!

Снова обращаясь к проблеме «сада души», важно упомянуть, что А.П.Чехов определял два понятия сада: вишневый и вишнёвый. Вишневый – кормит, вишнёвый – символ творческого труда. Бирюков не выбирал между вишневым и вишнёвым. Он просто работал, мечтал и не искал покоя. Лучше об этом сказали поэты А.Гольдберг и Л.Татьяничева в своём произведении «Город на Исети»:

- Это он – мечтатель здешний, // Двадцать лет тому назад, // Несмотря на все усмешки, // Заявил, что будет сад. // Это он, седой мужчина, // На крутящемся снегу, // Сбросив с плеч своих овчину, // Кутал яблоньку в пургу. // Все познал он: // боль и жалость. // (Гибли саженцы не раз). // Даже ближние смеялись: // - Не расти садам у нас! // Мол, не Крым, а Зауралье, // Дует ветер круглый год… // Чем сильней разубеждали - // Тем упрямей садовод. // В неудачах неугрюмый – // Шел сквозь тысячи преград, // И труды его, и думы // Воплотились в чудо – сад (8, 3).

Почти одновременно с мечтой о саде у А.П. Бирюкова зародилась мечта – стать детским доктором, которая осуществилась в 1924 г., когда он закончил медицинский факультет Пермского университета. Упоённое занятие садами не мешало Аркадию Павловичу быть прекрасным врачом. Все его современники подтверждали и подтверждают такое мнение.

Всю жизнь этот скромный и неутомимый человек сажал сады, лечил людей, просвещал их, помогая каждому возделывать свой сад души.

Примечания
1. Иванихин В.В. Искусство урока. Шадринск – Оса, 1995.
2. Садоводство Курганской области. Челябинск, 1968.
3. ГАШ. Ф.1043, оп. 1, д. 269.
4. ГАШ. Ф.1043, оп. 1, д. 304.
5. ГАШ. Ф.1043, оп. 1, д. 319.
6. ГАШ. Ф.1043, оп. 1, д. 325.
7. ГАШ. Ф.1043, оп. 1, д. 328.
8. Красный Курган. 1947. 1 мая.

В.И. Бездомов
Зауральское генеалогическое общество им. П.А. Свищева, г. Курган

РАССКАЗ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ

Этот рассказ о замечательном земляке - курганце Куваеве Михаиле Романовиче, о человеке великого мужества – Настоящем Человеке.

Родился Миша Куваев 25 ноября 1923 г. в деревне Покровка Лопатинского района Курганского округа Уральской области (ныне – Макушинский район Курганской области). Родился в семье крестьянина, маломощного середняка, десятым ребенком. Его мать Прасковья Ефимовна (1887–1952) родила 13 детей, из которых выжило только 4.

Мишу, как и других детей, родители рано стали приучать к труду, воспитывая трудолюбие.

Все шло хорошо, да вот беда! В стране началась коллективизация – тяжелейшая страница истории России, которая объективно еще плохо раскрыта нашими историками. Вот что об этом периоде писал сам М.Р. Куваев: «В 1931 г. отец вступил в колхоз. Но был неурожай, и зимою нам отказали в выдаче пайка. Был коммунистический принцип распределения продуктов – по количеству едоков, как тогда говорили, без учета трудового вклада. Тем семьям, где было мало детей, как наша, перестали выдавать хлеб» (1, 1).

Вот по этой причине отец, Роман Федорович Куваев (1883–1937), участник гражданской войны, вместе с семьей, как и многие тысячи других крестьян, покинул деревню и перебрался в г. Верхний Уфалей (Челябинская обл.) на строительство Никелевого комбината, где уже трудились два его старших сына. Сначала было хорошо, но и там перестали выдавать продукты даже по карточкам (1, 1).

Уже весною 1932 г. Куваев старший от нужды кинулся в Петропавловск, а в августе семья переехала на станцию Макушино. Отец устроился работать чернорабочим, но, видимо, не от легкой жизни в 1934 г. заболел, стал инвалидом и в 1937 г. умер. А мать – колхозница, все заботы о семье легли на ее плечи. Вот в таких условиях жил и познавал жизнь наш герой.

В 1941 г. Михаил окончил Макушинскую среднюю школу. 15 июня прошел выпускной вечер: доклад, вручение аттестатов, танцы и игры (без застолья). На этом и закончились его детство и юность.

Через неделю после окончания школы началась Великая Отечественная война. Все выпускники школы пошли в военкомат. Михаилу хотелось попасть в военное училище, но военкомат отказал ему трижды. И только через РК комсомола он добился призыва в Красную Армию и 14 октября прибыл в Курган, в военный лагерь «Увал».

На Увале Михаила Куваева определили в учебный батальон по подготовке начсостава при 32-м запасном лыжном полку. Сначала жили в шалашах. Но с приближением зимы в лагере было развернуто строительство огромных землянок, в которых на трехъярусных нарах размещалось по 2 роты. Сам М.Р. Куваев вспоминал: «Готовились к боям мало и слабо. Командный состав был незнаком с современной войной. Учили отражать атаки кавалерии слева, справа, в штыковом бою. На войне мне это не потребовалось. Вот на лыжах ходить научили хорошо. В роте лыжной подготовкой руководил мастер спорта по лыжам (считаю, что это был курганец Кремлев Георгий Константинович. – В.Б.). На стрельбище каждый из нас истратил по 6 патронов. У меня получилось хорошо. Всегда целый день на ногах, и требовалось хорошее питание, но по распорядку был только завтрак и обед, без ужина. Есть хотелось сильно и всегда. И в этих условиях совершали большие марш-броски, хотя в первый раз кое-как одолели 35 км» (1, 1).

В конце ноября Михаилу Куваеву присвоили воинское звание замполитрука и назначили заместителем политрука роты. А в конце декабря воинов привели в Курган, в бане их остригли, помыли, выдали новое обмундирование и в эшелон.

Застучали колеса вагонов, и воины-лыжники поехали на фронт. В одном эшелоне – три батальона. Замполитрук Куваев был в составе 149 отдельного лыжного батальона. Вот и Ростов-Ярославский. Здесь простояли пять суток, получили оружие. Замполитрук Куваев получил автомат ППШ с тремя магазинами к нему. Важно отметить, что в Ростове-Ярославском батальон сумел потренироваться в стрельбе, что явилось хорошей боевой учебой. Личный состав размещался в музее Кремля. Спали на полу не раздеваясь. Все музейные экспонаты для хранения были перенесены в собор.

Проехали г. Калинин. Поезд остановился на станции Кувшиново. Это Калининский фронт, которым командовал генерал-полковник И.С. Конев. В Кувшиново маршевый 149 ОЛБ выгрузился, получил боеприпасы, продукты и к передовой двинулся пешим порядком. Ветеран Куваев вспоминал: «Идти было сильно тяжело при нагрузке: автомат с двумя запасными дисками, граната-лимонка и противотанковая, в рюкзаке порядка 500 патронов, запас продуктов на неделю или больше, лопатка, котелок, фляжка с водкой, валенки и т.д. Действовали не всегда умело. На лыжах надо было идти в ботинках, а на оста-

новках надевать валенки. Мы же шли в валенках, а при остановках потные ноги замерзали» (1, 2).

До передовой батальон шел три дня. Стояли сильные морозы, а негде было погреться, так как сгоревшие деревни встречали воинов одними печами с торчащими трубами. Когда пересекали Волгу и переходили на ее правый берег, то всем она показалась очень маленькой.

Передовая. Батальон занял линию обороны. Не успели еще окопаться в снегу, как немцы открыли минометный огонь.

«Запомнилась первая атака, – вспоминал ветеран. – Ходили в атаку ночами, у немцев была большая плотность огня. Сначала боялся трассирующей пули. Потом сообразил, что она уже пролетела. Но через секунды приходил в себя, стремился быстрее добежать до немецких позиций, и заботы боя поглощали все страхи. В следующие атаки действовал более внимательно и решительно» (1, 2).

В конце января в составе группы лыжного батальона Куваева послали в тыл врага (в районе Ржева). В феврале 1942 при выходе из вражеского окружения (в живых осталось 18 человек) в результате взрыва мины он получил тяжелое ранение (2, 461).

А вот что об этом писал сам ветеран: «Запомнилась и третья атака, когда мы пробивались между двумя немецкими линиями и я прикрывал с автоматом отход своей группы из 18 человек. Когда все благополучно прошли и вступили в еловый лес, вскочил и побежал догонять своих. Успел подумать, что пролетевшая мина не задела, как сноп огня – рядом. Очнулся утром. Кое-как дополз до леса и пролежал там пять дней. Ранен, контужен. Нет возможности перевязать раны».

За 5 дней Куваев съел полсухаря из оставшихся двух. Пить хотелось очень, а снег не утолял жажды. Раненого обнаружили разведчики. Они прислали санитаров, и те увезли Куваева на «лыжных носилках». С этого времени и началась его госпитальная жизнь, которая длилась 3 года и 7 месяцев. Лечили в санбате, 4 месяца в госпитале Москвы, где ему ампутировали ступни обеих ног. А 27 июня 1942 г. привезли в госпиталь г. Томска.

Вспоминая далекое прошлое, ветеран Куваев сказал, что, находясь в госпитале, «догадался в 1943 г. поступить в университет».

С сентября 1943 г. студент Куваев начал учиться на физико-математическом факультете Томского государственного университета (ТГУ). 19 октября 1943 г. инвалидом 2 группы переведен в клинику Томского медицинского института (2, 79). Но вскоре врачи запретили ему ходить на занятия. Первые 2 курса Куваев одновременно лечился и учился. Его аудиторией стала больничная палата. На 3–5 курсах избирался комсоргом группы, членом и секретарем бюро ВЛКСМ факультета. Со 2-го курса получал стипендию им. И.В. Сталина. В 1948 г. Куваев с отличием окончил университет по специальности «Математика» с квалификацией «Математик, с правом занятия должности ассистента, младшего научного сотрудника и учителя средней школы» (2, 461 – 462).

С 17 августа 1948 г. Михаил Романович Куваев стал работать в ТГУ в качестве ассистента кафедры общей математики. С 15 ноября 1949 г. он аспирант. 28 марта 1953 г. в совете ТГУ защитил диссертацию «Об уравнении типа Левнера для многосвязных обл.» на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук (научный руководитель П.П. Куфарев).

По научно-производственной лестнице прошел от доцента (с 1 сентября 1954 г.) и с 27 июля 1961 г. по 1992 г. – зав. кафедры общей математики. С 30 апреля 1980 г. – профессор кафедрой общей математики и т.д. Читал курсы более чем по 30 темам.

Среди студентов, слушавших Куваева, были академик В.Е. Зуев, член-корреспондент РАН В.М. Кабанов, член-корреспондент РАН А.М. Липанов и многие другие.

Профессор Куваев вел большую научную и научно-методическую работу, всегда оставаясь общественником. Он выступил с докладами на 20 научных конференциях. Автор около 200 работ, в том числе 22 сборников задач, 42 учебно-методических пособий. Был поощрен премиями ТГУ за учебное пособие «Дифференциальное и интегральное уравнение» в 3 томах (1980 г.), лучшую методическую работу (1988 г.) и монографию «Методика преподавания математики в вузе» (1992 г.). Входил в состав кандидатского диссертационного совета (2, 463).

М.Р. Куваев! Насколько же он был мужественным человеком! Из 57 лет после ранения 30 лет жил с открытыми ранами. В 1965 г. ему ампутировали левую ногу. На 17-й день после операции он вышел на работу. Студенты перед классной доской ставили 4 табуретки, а он, читая лекции, опирался на них коленом ампутированной ноги и, ступая на правую ногу с протезом, все время писал на доске. Трудно найти в жизни примеры подобного.

Ордена Отечественной войны I ст. (1968, 1985), Октябрьской Революции (1981), медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1946), «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), медаль Жукова (1996) и юбилейные.

Награжден нагрудными знаками «Отличник высшей школы» (1979) и «За отличные успехи в работе» (1987) МВ и ССО СССР, «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (1998); медалью «За заслуги перед Томским государственным университетом» (1998). Заслуженный ветеран труда ТГУ (1988). Занимаясь наукой, М.В. Куваев практически не отдыхал во время отпуска.

Михаил Романович был женат на Зое Семеновне (девичья фамилия – Сотникова). У них двое детей (дочь и сын) и 8 внуков. Так или иначе все они связаны с ТГУ.

Печальную весть о смерти М.Р. Куваева – настоящего человека – в 2001 г. мы узнали из письма его жены. «К нашему горю, великой печали, Миша ушел из жизни 2 июня», – писала Зоя Семеновна однополчанину мужа (1).

Примечания

1. Личный фонд Бездомова В.И.//Письмо М.Р. Куваева из Томска В.И. Бездомову в Курган. 1999. 10 мая.

2. Куваев Михаил Романович// Профессора Томского университета: Биографический словарь. Т. 4. Томск: Изд-во Томского ун-та. 2003.

Н.Н. Агафонова
Пермский государственный педагогический университет,
г. Пермь

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧНОСТИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ОКРУГЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Необходимо реально оценивать тот факт, что, безусловно, идет процесс трансформации этничности в современном обществе, так как жизнь представителей любого этноса определяется, прежде всего, внеэтническими характеристиками социального бытия (уровнем образования, профессиональным и социальным стату-

сом, доходами, объемом властных полномочий), государственными и социальными нормами и законами, социально-политическими институтами, а также мировой, государственной и региональной политикой.

Интенсивность реального межэтнического взаимодействия возрастает по мере увеличения дистанции в общении, то есть за пределами семейных отношений. Это подтверждается уже при рассмотрении этнического состава друзей. Уровень взаимоориентированности в сфере дружеских отношений характеризуют следующие показатели: среди русских имеют друзей в круге своего народа 70,7%, имеют друзей среди коми-пермяков 39,7%, а также в круг их дружеского общения входят татары (14,7%), украинцы (7,4%) и башкиры (5,9%).

Коми – пермяки имеют друзей своей национальности 53%, дружат с русским 43%, а также включают в круг дружеских отношений татар (6,2%), белорусов и башкир (по 1,5%).

Таким образом, мы можем зафиксировать, что русские в большей степени ориентированы на дружеское общение в моноэтнической среде, отдавая предпочтение представителям своего этноса. В ходе интервьюирования респонденты объясняют этот факт, что в своей среде им легче достичь взаимопонимания и обрести взаимную поддержку на психоэмоциональном уровне.

Но при этом 84% русских и 86% коми-пермяков отметили, что не являются сторонниками моноэтнического общения в кругу друзей.

Идентичность с группой по кругу общения, в частности с первичной группой друзей, выражена не значительно, но выше по сравнению с группой по семейно - ролевому основанию и составляет в иерархии первого порядка 2,7%/3,2%/ 2,9%(коми-пермяки/русские). В целом идентичность с этой группой актуализирована 46,7%/ 40,7%/, нужно отметить, что коми-пермяки в большей степени актуализируют эту группу на восьмом порядке идентификации своей группы, а русские на седьмом. Это различие возможно определить как не существенное. Полностью исключены из дружеского общения цыгане и чеченцы.

Показательным при анализе толерантности в этнических взаимоотношениях является ответ на вопрос о реакции на брак близкого родственника с представителями другой национальности. 39% русских и 38% коми-пермяков указали, что в этом случае национальность не имеет значения, и 47% русских и 45% коми-пермяков положительно отнеслись бы к браку близких родственников с представителями другого этноса. Это позволяет отметить высокую степень межэтнической терпимости в сфере семейно - брачных отношений.

Идентичность с первичной группой (семья, родственники) актуализирована в первом порядке 1,8%/3,2%/ 2,1%,в целом 49,3%/36,5%. Более высокий уровень идентификации коми-пермяков с семейно- родственной группой объясняется не тем, что у них патримониальные связи являются более устойчивыми по сравнению с русскими, а тем, что они оценивают себя менее успешно по социальному термометру и у них более отчетливо выражены потребности и интересы, направленные на поддержание приемлемого уровня жизни своей семьи.

Идентичные взгляды в этнических общностях устоялись о предпочтении применения своего труда. 70 % русских и 67 % коми-пермяков отметили, что предпочли бы работать в государственной сфере, в сфере частного бизнеса соответственно (18%; 14%). Это объясняется тем, что они чувствуют себя более защищенными в системе устоявшихся порядков, в этом случае государственная сфера является для них определенным символом социальной стабильности.

Примерно в равной степени русским и коми-пермякам импонируют как коллективные формы труда, по 44% в среде каждого народа предпочитают работать на крупных предприятиях), так и небольшим предприятиям отдали предпочтения 45,25 русских и 42,2% коми-пермяков. Идентичность с первичной группой - коллегами по работе- выражена в обеих этнических группах примерно в равной степени - 23,7%/23,2%. При проведении исследования были выявлены различные стремления у народов и к достижению профессионального статуса в обществе. 17% русских и 12% коми-пермяков хотели бы занимать руководящие должности, 27% русских и 23% коми-пермяков стремятся быть высококвалифицированными специалистами в своей профессиональной сфере, 45% русских и 44% коми-пермяков видят себя работниками среднего профессионального уровня и 9% русских и 16% коми-пермяков не придают значения своему профессиональному статусу.

Для проверки гипотезы о зависимости экономической активности индивида от психологических особенностей своей этнической общности, был проведен сравнительный анализ экономической деятельности как специфической совокупности социальных действий.

Русские 18% предпочли бы работать в партнерских отношениях с представителями своего этноса, только 1,6 % русских избрали бы своими партнерами коми-пермяков, 9,2% коми-пермяков предпочитают сотрудничать с представителями своей этнической среды, 11,5% выбрали сотрудничать с русскими. Малый процент ориентации русских на сотрудничество с коми-пермяками объясняется сложившимся стереотипом, что коми-пермяки являются менее экономически мобильными и более социально инертными.

Для определения установок на толерантное межэтническое взаимодействие в сфере производственно-трудовых отношений респондентам было предложено ответить на вопрос: «Вы руководитель подразделения и Вам необходимо выбрать людей для выполнения ответственного задания. В Вашем коллективе работают люди разных национальностей. Как Вы поступите при подборе команды?»

Преимущественное большинство коми-пермяков и русских отметили (83,2%), что этническая принадлежность не имеет значения в выборе трудовых контактов в первичной группе. Однако 16,6%/ 17,1% обозначили, что для них небезразличен этнический фактор в формировании малого трудового коллектива.

Представители обеих народов хотели бы иметь собственный бизнес, 33,1 % русских, 33,7 % коми-пермяков, примечательно, что многие респонденты коми-пермяки не определились со своими приоритетами, 7,3 % респондентов ответили на этот вопрос, выбрав позицию «не знаю». Необходимо отметить, что в экономической сфере сложились устойчивые негативные этнические гетеростереотипы относительно «лиц кавказской национальности».

Решая проективную задачу «Как Вы отнесетесь к тому, что ваш начальник будет иной национальности, чем Вы?», 14% русских и коми-пермяков указали, что для них имеет значение к какой национальности относится руководитель, отрицательно отозвались 4% русских и 5 % коми-пермяков, остальные респонденты при ответе на этот вопрос указали, что национальность не имеет для них значения. Но при ответе на контрольный вопрос «Предпочли бы вы работать в коллективе в котором начальник той же национальности, что и вы» 35% русских и 32% коми-пермяков дали положительный ответ. Однако нужно отметить, что в обеих этнических группах преобладает установка на равноправное сотрудничество.

Русские в силу своей коммуникабельности легче адаптируются в новом трудовом коллективе, 68% русских и 64,8 % коми-пермяков указали, что для них это безбо-

лезненный процесс, 22% русских и 28% коми-пермяков постепенно привыкают к новым условиям труда и 8,7% русских и 6% коми-пермяков сложно адаптируются в новом трудовом коллективе.

Различия выявлены в сфере отношения к денежным средствам, чтобы это определить, был предложен перечень поговорок, из которых необходимо было выбрать ту, которая на взгляд респондента наиболее точно отражает его отношение к деньгам. 31% русских и 28% остановили свой выбор на поговорке «не хвались серебром, а хвались добром», 21,5% коми-пермяков и 18% русских выбрали поговорку «богатством ума не купишь», примечательно, что примерно 13% в той и другой этнической группе отдали предпочтение поговорке «лишние деньги - лишняя забота». Это характеризует в большей мере их личностные качества, которые всегда в шкале ценностей этих народов возглавляют иерархию, а такие качества, как предприимчивость, рационализм вторичны в их гетеро- и автоэтническом стереотипе.

При ответах на соответствующие вопросы была выяснена следующая ситуация: 54,6 % русских и 49% коми-пермяков систематически следят за социально значимой информацией преимущественно через такие каналы: как телевидение и печатные издания, информационно индифферентны 40,5% коми-пермяков и 37% русских. В среде сельского населения преобладает как основной источник информации телевидение и радио, примечательно, что в сельской среде в качестве источника информации нередко упоминают и слухи.

Ценностно-ориентированные установки были выявлены через отношение к «общественной работе», которая не предполагает материального вознаграждения. 49% 45,8% отметили, что такой работой занимаются постоянно, 6% русских и 10% коми-пермяков указали, что выполняют эту работу от случая к случаю, и не принимают участия в общественной работе примерно 43% в той и другой изучаемой группе.

Материалы четко фиксируют наличие социальной установки на трансляцию этнокультурного опыта в обеих изучаемых группах. Когнитивный компонент несколько сильнее выражен в группе русских, что подтверждается доминированием абсолютно положительных ответов на такие вопросы, как «Человек должен знать обычаи и традиции своего народа», «Каждый человек должен владеть родным языком в совершенстве». Можно отметить, что в обеих группах отмечается установка на толерантное взаимодействие в полиэтническом пространстве, что подтверждается доминированием положительных ответов на вопрос о значимости национальных отличий и познание культуры не только своего, но и других народов, при этом на этот вопрос ответили все, кто имеет позитивную этническую идентификацию и чья этническая идентификация относится к типу этноиндифферентности.

Анализ показателей по этническим группам по шкале социальной дистанции позволяет сделать вывод, что установка на близость в первичной среде выше у коми-пермяков по отношению к русским и у русских по отношению к коми-пермякам. Зафиксированная разница не является значительной и не определяет, что между народами Пермского края отсутствует терпимость в социальном взаимодействии или имеются предубеждения в отношении представителей иноэтнической среды. Социальная дистанция в большинстве случаев оказывается зависимой от сформировавшихся компонентов автостереотипа и гетеростереотипа.

В целом материалы исследования не фиксируют предупреждений или неприятия между народами на территории Коми-Пермяцкого округа Пермского края, что способствует установлению достаточно высокой степени выбора совместно проживающих этнических групп, так и представителей татар и башкир, которые незначительно представлены в этнической структуре населения Коми-Пермяцкого округа. Это предопределено исторически сложившимися традициями совместного социального взаимодействия. Социальная и историческая память обеих народов не сохранила фактов межэтнической напряженности или противостояния двух народов, исторически сотрудничающих и соседствующих на территории Коми-Пермяцкого округа.

Анализ межэтнических отношений в сфере социальных коммуникаций и специфики проявления в ней этнического самосознания регистрирует устойчивое толерантное сосуществование в среде изучаемых народов и отсутствие ярко выраженных негативных этнических стереотипов народов относительно друг друга. Однако зафиксированная незначительная ориентация к моноэтническому общению не носит характер тенденции, а является проявлением частных случаев межличностного общения на индивидуальном, а не на групповом уровне. В целом сложилась устойчивая взаимоориентация русских и коми-пермяков на социальное сотрудничество, что, безусловно, будет способствовать стабильному развитию нового субъекта Федерации.

Историческая память коми-пермяков и русских хранит представления о том, что «когда-то давно» (в период средневековья) на территории соседнего с Коми-Пермяцким округом Карагайского района Пермского края проживали представители этнических тюрков, однако социальные контакты в большей степени осуществляются в биэтнической среде, между коми-пермяками и русскими.

Н.В. Лоскутова
Пермский государственный педагогический университет,
г. Пермь

ОПЕРИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТАМИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДОВ ПРИКАМЬЯ

В 2006 г. на территории Коми - Пермяцкого округа и Бардымского района Пермского края проводилось исследования по программе «Факторы функционирования и сохранения этнической культуры народов Пермского края». Понятие этнической истории и этнической самобытности в современных условиях все больше актуализируется. Этническая культура цементирует жизнь этноса, обеспечивая функционирование ее социальных институтов, наполняя их полноценным значимым для всех людей содержанием, проявляясь в специфических интересах, складе ума и образе жизни, традициях и моральных нормах, образцах межличностного и межгруппового поведения и самовыражения.

Базовым компонентом этнической культуры является язык. Чувство верности родному языку приводит в действие механизмы, направленные на сохранение своей этнической идентификации и этнической культуры. Ключевым показателем идентификации является язык. Языковой компонент включает в себя: родной язык респондента, язык детства, степень знания языков этнических партнеров, язык, используемый респондентом дома, на работе, в сфере общения и др.

Анализируя ответы на вопрос « Какой язык Вы считаете, родным», была зафиксирована следующая ситуация: в среде коми-пермяков у 48,5% респондентов род-

ной язык коми-пермяцкий, у 39,4 % родной язык русский, 9,1 % определили, что родным языком для них является коми-русский. Среди башкир родным языком считают татарский 76,6% опрошенных респондентов, башкирский 10,9 %, 1,6% назвали родным языком русский, 4,7 % определили, что родной язык для них татаро-башкирский, и 1,6 % определили, что родной язык для них татаро-русский. Среди опрошенных татар 87% считают родным языком татарский, 11,5% русский и 1,5% родным языком считают татаро-русский. В последних ситуациях респонденты не могут определить, какой из двух названных языков является для них родным, т.е. происходит смешение языков: русского и татарского, татарского и башкирского, коми-пермяцкого и русского. Преобладание родного языка у народов по их этнической принадлежности является важным показателем сохранения идентичности и этнической культуры в их среде.

Немаловажным показателем уровня сохранения родного языка является использование родного языка в различных социальных сферах. Было задано три ситуативные задачи для определения языковых ориентаций в сфере социобытового общения: оперирование зыком в социобытовой сфере, в трудовом коллективе, с друзьями. При анализе ответов можно провести детальную классификацию на примере коми-пермяцкого и башкирского народа

Оперирование языком в сфере семейно-бытового общения	башкиры	коми-пермяки
На родном	45,3	19,8
На русском	3,1	11,9
По этнической принадлежности	3,1	34,0
По этнической идентификации	28,1	8,2
Язык по этнической принадлежности, который не считает родным	4,7	1,2
По этнической принадлежности и русском	1,6	24,6
По этнической идентификации и русском	1,6	
Татарский	3,1	
Татаро-башкирский	1,6	
Татаро-русский	1,6	

В сферах общения в первичных трудовых группах и группе социального взаимодействия (с друзьями) фиксируется картина практически идентичная, как и в сфере семейно- бытового общения, за исключением того, что в трудовых коллективах русский язык преобладает в большей степени, разница примерно составила 10% у башкир и 15% у коми-пермяков. В сфере социального общения показатели получились практически такими же, как и в сфере социобытового общения.

Анализ материалов позволил выяснить, что преобладающим языком в общении среди татар и башкир является татарский язык, а у коми-пермяков русский язык. Это объясняется тем, что у татар и башкир сильно развито чувство сохранения своей истории, самобытности, культуры, а русский, хоть и является языком государственного общения, не пользуются популярностью в общении. У коми-пермяков ситуация противоположная коми-пермяки осознают, что владение русским языком разрешает лучше адаптироваться в современном социальном пространстве, а это позволяет добиться большего успеха в жизни. В связи с этим в среде коми-пермяков становится неактуальным изучение коми- пермяцкого языка в школе и в вузе, они не видят потребности в его изучении, что имеет важное этнокультурное значение, поскольку общение на родном языке способствует формированию идентификационного этнического самосознания и трансляции этнической культуры.

Следующим показателем оперирования и сохранения этнической культуры является традиционная культура, которая включает в себя календарные праздники, традиционное питание, традиционную обрядовую одежду, религиозный и фольклорный компонент.

При выявлении роли традиций в жизни татаро-башкирского народа были зафиксированы следующие позиции в ответах респондентов на вопрос «Какую роль в Вашей жизни играют традиции»: очень важную зафиксировали 78,6% опрошенных, достаточно важную 10,7%; скорее важную, чем нет 10,7%. Важно отметить, что ни один респондент не отметил такую позицию, как «не играет никакой роли». При этом подавляющее большинство респондентов – 92,9% на вопрос «можете ли Вы сказать о себе, что Вы стараетесь сохранять традиции своего народа», ответили положительно и только 7,1% отрицательно. У коми-пермяков: очень важную роль в жизни играют традиции у 41,7%, достаточно важную у 25,2%, скорее важную, чем нет -18,2%, не играет роли у 14,9% опрошенных. Эти показатели позволяют зафиксировать сложившееся стремление к сохранению своего традиционного культурного наследия, сформировавшегося в этносоциальной татарской, башкирской и коми-пермяцкой общности.

При изучении традиционной культуры был проведен анализ оперирования ее компонентами в социобытовой практике.

Стрежнем духовной культуры является религия и религиозное сознание. Религиозную символику в повседневной жизни применяют подавляющее большинство опрошенных респондентов, наиболее используемыми у татар и башкир были отмечены такие символы религиозного культа, как амулеты и полумесяцы, а у коми-пермяков - икона, крест, молитва.

При изучении календарно - религиозной обрядности у татар и башкир была зафиксирована следующая картина. Ведущее место занимают такие праздники, как Сабантуй (назвали 78% опрошенных), Уразу – байрам (назвали 72% опрошенных,) Корбан – байрам (67,5%), Навруз - (53% опрошенных), такой праздник, как Барда - зиен назвали 25% опрошенных, это праздник села Барда, который отмечается вместе с Сабантуем. У коми-пермяков 1-е место в иерархии занимает Пасха, её отметил каждый пятый опрошенный. Семик и Троица зафиксированы на втором месте, их отметили только каждый десятый опрошенный. Такие календарные праздники, как Новый год, Петров день и Вербное воскресение указаны только каждым двадцатым респондентом. Остальные праздники не занимают доминирующего места в календарно - религиозной обрядности.

Традиционное питание является важным элементом этнической культуры, и оперирование его элементами также иллюстрирует степень сохранения культуры этноса. В среде татар и башкир наиболее используемыми в социобытовой практике оказались такие блюда, как токмач (суп лапша на мясном бульоне) 22,2 % опрошенных. Любимым блюдом считается бэлиш из пресного теста с начинкой из кусочков жирного мяса (баранины, говядины, гусятины, утятины и пр.) с крупой или картофелем. Как обрядовую еду его указали 15% информантов. К этой же категории кушаний относятся эчпочмак (треугольник), перемяч с начинкой из рубленого мяса с луком (25,6%). Из мучных изделий татар нельзя не упомянуть о каймаках (вид оладий), изготовляемых из жидкого, дрожжевого или пресного сдобного пшеничного теста, его употребляют 22,2 % опрошенных. На свадебном столе татар обязательны масло с медом (бал-май), губадия (слоеный пирог)-98% опрошенных, чак-чак- 96%, пехлеве, коштеле (птичьи языки), талкыш калеве и т. д.

У коми-пермяков - пельмени (хлебное ухо) и кулич, их 40% респондентов. Рыбный пирог и мясные блюда отметили 20%, хотя материалы свободного интервьюирования показали, что представители старшего поколения обязательно указывали их на первых местах, наряду с пельменями. Респонденты среднего возраста и молодежь уже не фиксируют их на ведущих позициях иерархии.

Важным показателем сохранения этнической культуры является использование элементов традиционного

костюма в повседневной и обрядовой практике. Реальность современного бытия и стиль жизни вытеснили использование традиционного костюма в повседневной практике современным костюмом. Однако изучение оперирования костюмом в обрядовой практике показало, что элементы традиционного костюма сохраняются до сих пор. Например, у татар и башкир в современной социобытовой практике среди женщин отчетливо прослеживается употребление в одежде платков (покрывало заменилось на обычный белый платок квадратной или треугольной формы) и калфаков, их указали 23,4% опрошенных женщин, в обиходе употребляется платье с длинными рукавами - кулмэк -7,8%, в наименьшей степени сохранились в обиходе ичиги - 3,2%. Среди мужчин наиболее распространена тюбетейка; ее носят 70% опрошенных, более того, невключенным наблюдением была замечена популярность тюбетейки среди молодежи.

Эти данные позволяют сделать вывод, что традиционный костюм устойчиво сохраняется в современной обрядовой практике.

У коми-пермяков наоборот традиционный костюм практически утерян, по степени фиксации выявлены самые низкие показатели, однако редко, но используются такие элементы, как лапти, запон и вышитая рубаха с коми-пермяцким узором, зипун и дубас. Материалы свободного интервьюирования позволяют сделать вывод, что традиционный костюм до сегодняшнего дня устойчиво сохраняется только в похоронной обрядности старшего поколения. Старые люди завещают похоронить себя «как деды завели и в одежде, как раньше ходили». В социальной практике традиционный костюм у коми-пермяков можно считать утраченным.

На основе данного исследования можно сделать вывод, что среди татар и башкир не наблюдается снижения интереса к этническим ценностям, этнической культуре. Татары и башкиры, проживая в полиэтническом регионе, в тесном взаимодействии с русскими не ассимилируют и пока не теряют, а наоборот сохраняют свою этническую культуру. Исторически сложившаяся ситуация совместного проживания коми-пермяков и русских, наоборот, приводит к постепенной смене некоторыми коми-пермяками своей этнической идентичности, хотя по анализу межпоколенных связей по происхождению они коми-пермяки, но идентифицируют себя с русскими. Очевидно, что необходимо сохранение этнической культуры; это будет способствовать сохранению этнической идентичности. Это можно сделать через подготовку квалифицированных специалистов в образовательных учреждениях, которые смогли бы развить и формировать у молодого поколения любовь к своему народу, этническому языку, традициям, обрядам, обычаям и другим атрибутам традиционного образа жизни. Это обеспечит реализацию этнокультурной трансмиссии; молодое поколение свои знания, возможно, направит на сохранение и обогащение огромного культурного прошлого.

СЕКЦИЯ 5. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

М.Н. Федченко
Курганский государственный университет, г. Курган

СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННИКОВ УРАЛА В 40-60-Е ГГ. XX В. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Проблемы формирования новых жизнеспособных поколений – приоритетные для любого общества. Их актуальность осознавалась многими и в начале 90-х гг. XX в., когда в условиях системного кризиса и поиска путей кардинального переустройства нашей страны эти проблемы были отброшены на периферию общественного внимания. Газета правящей тогда партии «Правда» писала: «Нам придется в ближайшем будущем не только решать, как поднять уровень потребления до американского, но и *как социализировать человека, каковы должны быть механизмы этого процесса* (подчеркнуто авт. – М. Ф.), как … обеспечить достойное вхождение каждого нового поколения в жизнь» (9,1).

Социализация не сводится к образованию и воспитанию, но обязательно включает эти процессы. Она охватывает все стороны приобщения индивида к материальной и духовной культуре общества, в том числе и спонтанные, ненамеренные воздействия окружающей молодого человека действительности.

Актуальность предлагаемой для исследования темы состоит и в том, что современное российское общество «самовоспроизводит» черты «советского человека» в новых поколениях. В строительстве новой России активно продолжают участвовать люди, сформировавшиеся в условиях советской действительности. Глубокие знания макро- и микросреды формирования менталитета людей, живших в разные конкретно-исторические периоды, способствуют взаимопониманию, толерантности и плодотворному сотрудничеству разных поколений в различных сферах жизнедеятельности общества.

40-60-е гг. XX в. – это период интенсивного включения в производственные процессы все новых трудовых резервов – молодежи, которая составляла в промышленности и сельском хозяйстве СССР около половины общего количества работающих (2, 137 – 338; 3, 209 – 251).

При научной разработке проблем социализации индивида необходимо соблюдение принципа регионализма. Эта необходимость объективно диктуется неоднородностью социокультурных сфер жизнедеятельности в такой огромной и чрезвычайно разнообразной стране, какой является Россия. Урал – крупный промышленный регион Российской Федерации. В 1950 г. здесь было намного больше рабочих и служащих, чем в каждой из союзных республик, кроме Украины, а также в любом другом экономическом регионе России, кроме Центрального. Весьма значимым для страны являлось сельское хозяйство этого края. В 1959 г. среди 11 экономических районов РСФСР Урал занимал первое место по производству зерна и второе – по выращиванию картофеля и других овощей (2, 128; 8, 264).

В Уральском регионе работали предприятия-гиганты машиностроения и металлургии, военные заводы с

высоким уровнем технологий, предприятия многих добывающих отраслей, имелись обширные районы с преимущественно аграрным сектором экономики. Урал – край интенсивного индустриального строительства, в том числе ударных комсомольских строек, один из регионов освоения целинных и залежных земель. Здесь был накоплен богатейший опыт социализации молодежи в условиях производственной микросреды, получивший общесоюзное признание. Не потерял актуальности опыт организации общеобразовательной и профессионально-технической учебы молодых производственников, их трудового воспитания, технического и художественного творчества, становления и успешной работы молодежных производственных коллективов, социальной защиты юношей и девушек, борьбы против правонарушений и девиантного поведения в их среде.

Этот опыт был обусловлен рядом объективных факторов, вызванных спецификой региона. Начало трудовой деятельности многих уральцев военного поколения еще в подростковом возрасте, в том числе на передовых в техническом и технологическом отношении предприятиях оборонного значения, способствовало образованию в молодежной среде значительной прослойки технически грамотных, высококвалифицированных, дисциплинированных работников. Здесь в отличие от западных районов СССР, процессы преемственности поколений в производственной сфере не прерывались боевыми действиями и вражеской оккупацией, а, наоборот, получили мощные импульсы развития и совершенствования, которые вскоре еще более усилились в связи с вступлением общества в новый этап научно-технической революции. Стремительная индустриализация и урбанизация Урала вызывала интенсивное обновление рабочих кадров за счет неквалифицированной молодежной рабочей силы из уральской деревни и других регионов страны. Эти реалии объективно выдвигали в качестве приоритетных задач адаптацию юношей и девушек к производству, городской социокультурной среде, их профессиональную подготовку, повышение общеобразовательного и общего уровня культуры.

Проблемами воспитания работающей молодежи Урала специально занималось свыше двух десятков профессиональных историков региона. Кроме того, вопросы трудовой активности юношей и девушек, повышения их общего и технического образования, воспитания попутно затрагивались в обобщенных исследованиях по истории экономики и культуры края более чем 150 авторами. Почти все работы этих историков были написаны в советское время, а поэтому материал излагался в них с той степенью объективности, которая была возможна, исходя из доступности исторических источников, политических и идеологических условий того времени. Так, причины нездоровых явлений в молодежной среде (пьянство, хулиганство и др.) подчас сводились лишь к недостаткам воспитательной работы различных общественных институтов среди юношей и девушек. Вопросы, связанные с изучением условий труда, быта, материального достатка, нарушений социальных прав молодежи почти не рассматривались. А это означало, что проблемы социализации молодого советского поколения 40-60-х гг. исследовались поверхностно. Более того, вместо объяснения подлинных причин возникновения в молодежной среде острых проблем, негативных явлений нередко шло оправдание социальной практики умозрительными «теоретическими» конструкциями, основанными на жонглировании отрывками цитат из сочинений основоположников коммунистических доктрин, руководителей страны.

Наша попытка преодолеть эти недостатки, показать процессы социализации молодежи в условиях микросреды ее жизнедеятельности, то есть «изнутри», на уровне повседневности и обыденного сознания рядового молодого советского человека – лишь начало работы, которую необходимо выполнить для подлинно научной реконструкции жизнедеятельности наших соотечественников в 40-60-е гг. XX в. (10, 48). Во второй половине 80-х гг. XX – начале XXI века в этом направлении многое сделано на общероссийском уровне (Ю. В. Аксютин, О. М. Вербицкая, М. Р. Зезина, И. Е. Зеленин, В. Ф. Зима, Е. Ю. Зубкова, Е. С. Сенявская, Э. Р. Тагиров и др.). По-новому рассматриваются многие проблемы жизнедеятельности уральцев, в том числе и молодежи, в трудах А. А. Антуфьева, М. Н. Денисевича, В. М. Кириллова, Г. Е. Корнилова, М. Т. Крючкова, В. Э. Лебедева, Б. В. Личмана, В. П. Мотревича, Н. П. Палецких, А. В. Сперанского, Р. П. Толмачевой и других авторов. Так, концептуальную значимость имеют выводы Б. В. Личмана о несоблюдении пропорций развития производственной и социальных сфер Урала, о проблемах увязывания вопросов трудового соревнования с производственными отношениями в целом, эффективного использования природных, трудовых ресурсов, научного потенциала (4). М. Н. Денисевич на основе данных бюджетных обследований крестьянских дворов рассмотрел приусадебные хозяйства уральских сельчан и горожан, что имеет большое значение для исследования материально-бытового положения жителей региона, в том числе и молодежи (1, 28-29). В работах В. П. Мотревича имеются подробные сведения о социальном, профессиональном, возрастном составе сельского населения региона, о его грамотности, занятости в общественном и личном хозяйстве, об уровне материальной обеспеченности (6; 7).

Проблемы социализации молодого производственника нельзя рассматривать отвлеченно от той материально-технической среды, в условиях которой он трудился, от тех конкретных технологий, которые применялись и развивались в различных отраслях экономики. Послевоенное поколение работающей молодежи застало те производственные отношения, орудия труда, опыт и навыки к труду, формы его организации, которые были выработаны его предшественниками в предвоенные и военные годы. На Урале было сосредоточено большое количество передовых в техническом отношении промышленных предприятий, объективно требовавших высокого уровня технической подготовки, профессионализма и ответственности. В то же время ряд добывающих отраслей промышленности и строительство находились на раннеиндустриальной стадии и еще нуждались в видах работ, связанных с физически тяжелым, грязным, ручным трудом.

При исследовании процессов социализации мы исходим из того, что производственная сфера жизнедеятельности работающей молодежи являлась определяющей в этих процессах, так как производительный труд – это самая существенная форма человеческой практики, а трудовой коллектив – это своеобразная «проекция» всей общественной системы на первичном уровне. Большая часть биогенных и социогенных интересов и потребностей трудящегося индивида реализовывалась через общественное производство. Частичное исключение из этого правила составляли колхозы (примерно до 1953 г.), где материальное вознаграждение за труд в общественном производстве было символическим и зачастую компенсировалось методами административного принуждения и моральными стимулами. В исторической литературе получили слабое освещение проблемы, связанные с возрастной дискриминацией молодых рабочих в организации и оплате их труда. Особенно это проявлялось по отношению к так называемой «спецпоселенческой» молодежи, нередко составлявшей в отраслях, находившихся

на раннеиндустриальной стадии развития, большинство рабочих. Не исследована производственная деятельность юношей и девушек в так называемых личных подсобных хозяйствах, которые для многих сельских жителей не являлись подсобными. По мнению М. Н. Денисевича, так называемые личные подсобные хозяйства колхозников не были фактически подсобными ни по их удельному весу и общей валовой продукции сельского хозяйства, ни по формированию совокупного дохода крестьянских семей, ни по их роли в снабжении продуктами питания (1, 28-29).

Уральские историки еще в советское время одними из первых в стране серьезно стали исследовать материально-бытовое положение трудящихся региона (5, 3-169). Однако крупных обобщающих исследований в масштабах всего Большого Урала нет до сих пор. Уровень жизни населения показан, главным образом, на материалах отдельных крупных промышленных предприятий, реже – на материалах одной - двух областей региона. Лучше изучено материально-бытовое положение металлургов и колхозников. Советские историки весьма осторожно говорили о низком уровне жизни людей, а причину этого подчас сводили к войне и ее последствиям. Между тем, рассекреченные теперь документы властных структур свидетельствуют о том, что в военные и первые послевоенные годы не все бедствовали, а обеспечение различных категорий населения продуктами, одеждой, обувью, жильем было строго дифференцированным и не всегда, как считали тогда многие, справедливым. Материально-бытовое положение молодежи весьма значительно влияло на процессы ее социализации, а поэтому продолжать работу в этом направлении крайне необходимо. Историками сделаны лишь первые шаги в исследовании бытовых условий жильцов молодежных общежитий. Появляются лишь первые исследования о внутрисемейных отношениях, о влиянии этих отношений на жизнь молодежи.

Несмотря на обилие работ о коммунистическом воспитании, о деятельности общественных институтов по формированию духовного мира советской молодежи, содержательная сторона этой деятельности изучена весьма слабо и некритически. Почти не исследованы процессы влияния на молодежь т. н. «неформальных» групп и мероприятий. Между тем, в военные и первые послевоенные годы досуг молодежи не сводился лишь к лекциям в клубе, просмотру кинофильмов, танцам и художественной самодеятельности. Часть юношей, а особенно девушек верила в Бога, посещала храмы, совершала религиозные обряды. Многие предпочитали сельскому клубу вечерки, театру – чайные и кафе. Нашей историографией сделаны лишь первые шаги в изучении такого проявления молодежной субкультуры как «стиляжничество», которое весьма широко было распространено среди городской молодежи в 50-60-е годы. В то же время в сельской местности, горнозаводских поселках и городках Урала в военные и первые послевоенные годы еще сохранялись местные культурно-бытовые обычаи и традиции, которые оказывали влияние на молодежь. В этой связи историкам необходимо использовать этнографический материал. Следует и дальше обобщать исторический опыт борьбы общественности против правонарушений и девиантного поведения в молодежной среде.

В конце 50-х – начале 60-х годов правящая в СССР партия провозгласила лозунг о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Несмотря на обилие документальных источников о том, как этот лозунг воспринимался в молодежной среде, изучением общественного мнения о «коммунистической перспективе» серьезно из историков никто не занимался. Иронические высказывания на этот счет современных пропагандистов СМИ не могут приниматься всерьез исторической наукой. Нельзя вполне доверять и советским социологам 60-х гг., так как они были не вполне свободны в своих выводах. Не может нас удовлетворить и весьма распространенный сейчас расплывчатый тезис о «стереотипах массового сознания». Старшее поколение наших соотечественников хорошо помнит, что в начале 60-х годов большинство советских юношей и девушек искренне верили в возможность построения общества «светлого будущего». На чем была основана эта уверенность, какие объективные и субъективные факторы способствовали этому? Необходимо, освободившись от политической конъюнктуры, показать, почему в конце 50-х – начале 60-х гг. жизнь рождала молодых «коммунистических романтиков», вызывала массовый трудовой энтузиазм молодежи на целине, новостройках семилетки, огромную тягу к знаниям.

Советское общество 40-60-х годов XX века глубоко и всесторонне историками еще не изучено. Нам представляется, что в настоящее время, когда рассекречена масса архивных источников того времени, когда историки обрели подлинную свободу научного творчества, появилась уникальная возможность прорыва в научном осмыслении и объективном освещении процессов, происходивших в нашей стране, в том числе и в молодежной среде.

Примечания

1. *Денисевич М. Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930 – 1985 гг.). Екатеринбург: Наука. 1991.*
2. *История советского рабочего класса: В 6 т. Т. 4. М.: Наука. 1987.*
3. *Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат. 1963.*
4. *Личман Б. В. Региональная индустрия в экономической политике КПСС и Советского государства во второй половине 1950-х – середине 1980-х гг.: (На матер. Урала). Дис. д-ра ист. наук… Свердловск. 1991.*
5. *Материально-бытовое положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937 – 1975 гг.). Свердловск: Изд-во УрГУ. 1981.*
6. *Мотревич В. П. Материальное благосостояние колхозников Урала в 50-е – первой половине 60-х гг. Свердловск: Наука. 1990.*
7. *Мотревич В. П. Развитие сельского хозяйства Урала в первые послевоенные годы (1946 – 1950). Свердловск: Наука. 1990.*
8. *Народное хозяйство РСФСР в 1959 году: Стат. ежегодник. М.: Госстатиздат. 1960.*
9. *Правда. 1990. 22 января.*
10. *Федченко М. Н. Молодые производственники Урала. Исторический опыт социализации (1945 – начало 60-х гг.). Дис. д-ра ист. наук… Курган. 2001.*

Т.В. Козельчук
Курганский государственный университет,
г. Курган

ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ КАК ИСТОЧНИК ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ЧИНОВНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧ. XX ВВ.)

Согласно Указу Сената от 31 января 1764 г. все государственные учреждения обязывались каждые полгода присылать списки чиновников по особой форме. С этого момента так называемые послужные или формулярные списки (далее ФС) стали одной из основных форм доку-

ментирования прохождения службы чиновниками, а для исследователей дореволюционной бюрократии – первостепенным источником (9). Несмотря на широкий круг вопросов, являвшихся предметом фиксации в ФС, главной оставалась все-таки служебная карьера: «Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил оную, не было ли каких особенных по службе деяний или отличий, не был ли особенно, кроме чинов, чем награждаем и в какое время, сверх того, если, находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невинным, то когда и за что именно был предан суду и чем дело кончено» (3). Анализ содержания данного VII–го пункта ФС, как массовой учетной документации, позволяет проследить характер, частоту и направления вертикальной и горизонтальной социальной мобильности дореволюционного чиновничества. Под горизонтальной мобильностью, в первую очередь, подразумеваются межведомственные и межрегиональные кадровые перемещения госслужащих.

Изучение карьер чиновников, служивших в Тобольской губернии в рассматриваемое время, разрешает говорить о преобладании межведомственных кадровых перестановок внутри одной губернии и в рамках сибирского региона (8). Такие перемещения историк и публицист С. Шашков называл «миграциями»: «Периодически то в Восточной, то в Западной Сибири центральная администрация начинает очищать край от недобросовестных чиновников, но последние, вследствие этого, только меняют одни теплые места на другие. … Местами их миграции обыкновенно бывают попеременно – Восточная и Западная Сибирь. Если чиновнику жутко становилось в одной, или же его деяния становятся уж очень громки, - он исчезает из одной половины Сибири и устремляется в другую» (15, 291).

Реконструировать процессы горизонтальной мобильности российского чиновничества можно посредством определения роли в формировании бюрократического аппарата Тобольской губернии несибирских регионов. ФС позволяют сделать это даже без использования полного описания служебных карьер. Например, опираясь на указание в ФС первого места службы. Как сообщает формуляр за 1900 г., исправляющий должность помощника бухгалтера Курганского казначейства коллежский регистратор И.И. Серебряков в 1887 г. поступил на службу в штат Новгородской казенной палаты. В Тобольской губернии он появился только с 1896 г., следовательно, из служащих местного происхождения этого чиновника можно исключить, тем более по данным того же источника у отца Серебрякова имелся жилой дом в Москве (2). Этот пример весьма показателен, так как еще раз подтверждает высокую информативность ФС как источников: сведения прямого характера (о наличии дома в Москве, записанного в формуляре в качестве родовой недвижимости) косвенно свидетельствуют о неместном происхождении чиновника. Информация ФС об образовательном учреждении также косвенно может определять отправную «точку» в его горизонтальной мобильности, так как в большинстве случаев дети получали образование (чаще всего начальное и среднее) в тех губерниях, где проживали их родители. Например, как П.А. Волков, окончивший полный курс Тобольской духовной семинарии и ставший впоследствии советником 3-го отделения Тобольского губернского правления в чине коллежского советника (12).

Для воссоздания межрегиональных кадровых перемещений чиновников кроме графы ФС о служебной карьере и образовании можно использовать другую: «из какого звания происходит». Практика заполнения II-го пункта формуляра говорит о том, что нередко наравне с документированием социального происхождения чиновника подчеркивалось его так называемое территориальное происхождение. Например, в послужном списке Н.Е. Скатова, служившего в Тарском полицейском управлении, значится: «из мещан г. Тары»; заседатель Тобольского приказа о ссыльных, надворный советник В.А. Иванов по данным ФС – из дворян Санкт-Петербургской губернии; полицейский надзиратель В.И. Лорченко - из крестьян Могилевской губернии; канцелярский служитель Курганского полицейского управления И.М. Ильиных – купеческий сын г. Ялуторовска; Курганский уездный исправник, губернский секретарь Э.А. Каковский - сын чиновника, уроженца Полоцка (4). Подобная информация существенно дополняет и уточняет карьерные данные чиновников, позволяя представить не только социальную подструктуру, но и «географию» служащих Тобольской губернии.

Другим достоверным свидетельством неместного происхождения тобольских чиновников может служить анализ одной из составляющих частей жалованья (пункт I формуляра), а именно – добавочных денег за службу в Сибири. Как известно, подобную прибавку к содержанию за каждое пятилетие службы могли получать лишь чиновники, переведенные в Сибирь из других губерний Российской империи. Например, присяжный счетчик Курганского окружного казначейства Яснов «за два пятилетия» получал в год 66 рублей 66 копеек (1).

В любом случае определить территориальное происхождение чиновника достоверно можно, используя совокупность нескольких фактов источника. Что и было сделано при доказательстве местного происхождения П.М. Федорова. Во-первых, он учился в Тобольской губернской гимназии, во-вторых, был определен на службу в штат Тобольской казенной палаты, в-третьих, в качестве родового имения в формуляре Федорова значилась земля в Курганском округе (7). Данная карьера, тем самым, выступает примером горизонтальной иммобильности.

Несмотря на то, что в послужном списке курганского полицейского надзирателя Н.М. Кублицкого (6) говорится, что он происходит из дворян Смоленской губернии, другие сведения этого же источника (указание на то, что Кублицкий учился в Курганском уездном училище, у его матери в Кургане было два деревянных дома) разрешают предположить местное происхождение чиновника, ведь вполне возможно, что семья Кублицких переехала в Курган до рождения сына. Подобные эвристические моменты требуют проверки за счет сопоставления с данными других источников, например, духовными росписями, мемуарами, официальной информацией Тобольских губернских ведомостей о кадровых перестановках и др.

Итак, на основе описанной методики были индивидуально проанализированы формулярные списки 448 чиновников, служивших в различных учреждениях Тобольской губернии на рубеже XIX – XX веков (5). Из-за трудностей подтверждения достоверности интересующих нас сведений источника у 16,5% чиновников территориальное происхождение не было восстановлено. Результаты исследования говорят о явном преобладании в личном составе исследуемого чиновничества уроженцев Тобольской губернии. Таковыми являлись 282 представителя из 448 человек анкетируемой группы (или 63%). Их горизонтальная мобильность ограничивалась пределами губернии или в лучшем случае сибирским регионом. Лишь 18 % были выходцами из других губерний Российской империи, в основном европейской ее части. Значительная доля местных чинов в тобольской бюрократии подтверждается другими источниками, например, отчетами губернаторов. Так, из 140 человек, принятых на службу в

Тобольскую губернию по Министерству внутренних дел по данным на 1 ноября 1911 г., 76 являлись выходцами из этой же губернии, остальные 64 были представителями других различных губерний России (например, Пермской, Уфимской, Таврической, Смоленской, Калужской, Нижегородской и многих других) (11).

Формулярные списки позволяют изучить горизонтальную мобильность служащих с учетом их социального происхождения и принадлежности к группам внутри самого чиновничества. По результатам исследования наиболее мобильными оказались чины с дворянским происхождением, в плане межрегиональных перемещений более активной являлась высшая губернская администрация. Европейская Россия в тобольской бюрократии представлена 30 чиновниками дворянского происхождения. Равное количество чинов из духовного звания и потомственных государственных служащих (18 и 18) также приехали на гражданскую службу в Тобольскую губернию из Европейской России. Чиновники другого происхождения отправлялись служить в Сибирь гораздо реже. Два человека анкетируемой группы – оба потомственные дворяне – попали в Тобольскую губернию из Польши и Финляндии.

Таким образом, мы можем говорить о решающей роли кадров местного происхождения в пополнении тобольской бюрократии, значит, о невысокой горизонтальной мобильности сибирского провинциального чиновничества, ограничивающейся межведомственными перемещениями. Говоря словами Н.М. Ядринцева, «контингент служащих людей был постоянно один и тот же в отдаленной провинции. … Существовало одно приказное сословие, которое только постоянно переливалось и перетасовывалось» (16, 490).

Важно подчеркнуть, что подобные выводы стали возможны благодаря существованию формулярных списков, благодаря их высоким информационным возможностям. Возникшие как документ учета государственных служащих, они изначально были призваны фиксировать необходимые для проведения успешной кадровой политики сведения о чиновнике. В итоге историки получили почти полный социопрофессиональный облик дореволюционной бюрократии. Значимость формулярных списков повышается за счет изучения их как массовых источников, извлечения при этом максимума скрытой, косвенной информации, например, такой как горизонтальная мобильность служащих. Конечно, более достоверным является исследование служебных карьер чиновников, но даже при их утрате, можно проследить межведомственные и межрегиональные перемещения служащих посредством анализа таких анкетных данных формуляров, как социальное происхождение, образовательное учреждение, первое место службы, наличие недвижимости, состав жалованья.

Вместе с тем, ФС не могут дать ответы на все вопросы, возникающие при изучении горизонтальной мобильности чиновничества. Без привлечения других источников мы не всегда сможем объяснить выявленные на основе исследования ФС факты. Зачем и как правительство стимулировало активные межведомственные перестановки; почему доля приехавших чинов была сравнительно невелика при известной нехватке кадров в Сибири, почему «мало находилось охотников ехать на службу в Сибирь» (13, 538); какие чиновники - местные или приезжие – по своим служебным качествам были лучше, как они влияли на местное провинциальное чиновничество и общество в целом (10); почему многие из приехавших в Тобольскую губернию остались здесь и даже основали чиновничьи династии? Многие из этих вопросов разъясняются, например, в источниках личного происхождения – мемуарах, записках, дневниках, письмах, публицистических статьях современников тех событий. Так, тобольский губернатор А.В. Виноградский отмечал, что условия службы в Сибири намного хуже, чем в центральных губерниях, поэтому «нельзя надеяться на переход сюда благонадежных чиновников из внутренних губерний, где при больших вообще удобствах жизни они при усердной службе имеют в виду на основании именного Высочайшего указа 8 июня 1860 г. ежегодные денежные награждения к получаемому жалованью вполне обеспечивающие в нуждах их» (14, 538). Слова губернатора, в чьей осведомленности не приходится сомневаться, подтверждают наши выводы об иммобильности тобольской бюрократии и позволяют узнать одну из причин этого.

Итак, ФС остаются главным, базовым, высокоинформативным массовым источником по проблемам горизонтальной мобильности чиновничества, равно как по истории дореволюционной бюрократии в целом. Но источниковедческие возможности ФС будут в полной мере использованы минимум при трех условиях: во-первых, при комплексном и всестороннем анализе содержания каждого индивидуального формуляра; во-вторых, при изучении ФС как массовых источников с применением количественных методов исследования, в-третьих, при дополнении и проверке полученных результатов сведениями и фактами других самых разнообразных источников.

Примечания

1. *ГАКО. Ф.175. Оп.2. Д.1165. Л.29.*
2. *ГАКО. Ф.175. Оп.2. Д.81. Л.18.*
3. *ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д. 179.*
4. *ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп. 30. Д.171. Л.65; Д. 209-210, 222.*
5. *ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп.30. Д. 164-172, 176-187, 191-194, 209-227.*
6. *ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп.30. Д. 209-210.*
7. *ГУТО ГА в Тобольске. Ф. 152. Оп.30. Д.185. Л.144.*
8. *Подробнее об этом см.: Козельчук Т.В. Кадровые перемещения чиновников Тобольской губернии во второй половине XIX - начале XX века: Сборник научных трудов аспирантов и соискателей КГУ (гуманитарные и естественные науки). Вып. IV. Курган: Изд-во КГУ, 2002. С.36-40.*
9. *Подробнее об этом см.: Козельчук Т.В. Некоторые методические проблемы использования формулярных списков при анализе российской бюрократии. (На примере чиновничества Тобольской губернии во второй половине XIX - начале XX века) // Документ. Архивный документ. Исторический источник. Материалы региональной научно-практической конференции. Тюмень, Изд-во ТГУ, 2002. С. 20-29.*
10. *Подробнее об этом см.: Козельчук Т.В. Социокультурные группы провинциального чиновничества: «местные» и «приезжие» / Культура провинции: Материалы международной научно-практической конференции. Курган, 2005. С. 154-156.*
11. *РГИА. Ф.1284. Оп.47. Д.348. Л.76-81.*
12. *РГИА. Ф.1349. Оп.6. Д.1789. Л.57.*
13. *Тройницкий В.А. Неурожай в Тобольской губернии 1891 года // Исторический вестник. 1913. №34. Август.*
14. *Тройницкий В.А. Указ.соч.*
15. *Шашков С. Сибирское общество накануне своего юбилея. // Дело. 1879. №3.*
16. *Ядринцев Н.М. Сибирь как колония (в географическом, этнографическом и историческом отношении). СПб., 1892.*

Т.В. Козельчук
Курганский государственный университет,
Е.В. Тершукова
ГУ «Государственный архив Курганской области», г. Курган

ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ТРУДАХ АРХИВИСТОВ: ИЗ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Разработка истории г. Кургана в контексте повседневности была и остается доминирующим направлением научных и научно-популярных исследований историков-архивистов Государственного архива Курганской области (ГАКО) (1). Данная ситуация вполне закономерна, если оценивать ее с точки зрения задач, стоящих перед архивами в области использования документов. Популяризация документов тогда эффективна, когда она ориентируется на интересы современных «обывателей», проявляющих склонность к бытовым подробностям жизни: питание, здоровье, одежда, досуг, работа, жилище, семья и т.п. В этом смысле повседневность как предмет массового читательского интереса, самоценна, поскольку позволяет сравнить настоящую обыденную реальность с прошлым, увидеть в привычной каждодневности черты былых времен. Поэтому не случайно, что архивисты одними из первых, еще в 1980-х годах, начали изучение документов через призму истории повседневности.

Накопленный ГАКО опыт по изучению истории Кургана позволяет структурировать проблематику городской повседневности. Центральной является проблема городской среды обитания, которая включает описание и анализ городской инфраструктуры. Здесь и устройство дорог, тротуаров, и озеленение улиц, и водоснабжение населения, и средства передвижения и связи, и архитектура и многое другое, что наполняет урбанизированное пространство и отличает его от сельской «материальной среды» обитания. Изрядная часть исследований касается места и роли достижений технического прогресса в жизни курганцев - железной дороги, автомобилей, летательных аппаратов, велосипедов, телеграфа, телефона, синематографа, фотографии, огнестрельного оружия и банальной спички.

Классической проблемой, разрабатываемой в рамках теории повседневности, являются человеческое тело и забота о нем, здоровье, культура питания. Объектом внимания архивистов стали такие темы, как появление в рационе питания курганцев новых продуктов, производство и потребление различных напитков, профессиональные заболевания, распространение заразных болезней и их профилактика.

Одним из наиболее разработанных сторон повседневности является тема человека на службе городу, объединившая характеристики различных городских профессий. При описании трудовой деятельности извозчика, торговца, чиновника, приказчика, учителя, милиционера, нотариуса, фотографа раскрываются особенности их профессионального быта, служебной повседневности, в целом показывается, какую роль они играли в созидании городского общества. Статьи архивистов об обмене валюты, торговле мехами, рекламе товаров и услуг, ставшими для городского обывателя начала XX века привычным элементом каждодневного существования, показывают включение горожанина, независимо от его социальной и профессиональной принадлежности, в сферу торгово-промышленных отношений.

Обеспеченность источниками, с одной стороны, и постоянный интерес массового читателя, с другой, обусловили «популярность» темы городской культуры. Праздники и увеселения курганцев, летний и воскресный отдых горожан, формы и виды проведения досуга досоветского времени и периода нэпа (спорт, охота, конные бега, путешествия) – без этого невозможно представить дневной, недельный, сезонный, годовой циклы жизнедеятельности рядового горожанина. Архивисты не только фактографически описывают вышеназванное, но и анализируют качество досуга горожан, подчеркивая преемственность традиций и вычленяя позитивный опыт, накопленный несколькими поколениями курганцев. Формирование культурного пространства в начале XX века, в частности, зарождение периодической печати, организация художественных выставок, появление театра, музея, библиотеки, цирка, приближало провинциальный Курган к «стандартам» повседневности развитых городов России.

Однако картина повседневности не была бы полной без характеристики негативных сторон жизни городского общества и его представителей. Рассмотрение девиации как формы бытового поведения горожанина (пьянство, азартные игры, преступления), выходя за рамки констатации факта, затрагивает вопросы нравственности, ценностных приоритетов обывателей, в чем состоит ее значение для формирования повседневной реальности. Важным моментом архивных исследований стало изучение взглядов горожан на социально- и личностно-значимые моменты в жизни индивида дореволюционной эпохи: рождение, бракосочетание, семья и семейные отношения, смерть. Динамичность окружающей человека действительности в начале XX века меняла его мировосприятие.

Обыденную реальность горожан можно ранжировать по половозрастному критерию. Гендерный подход к повседневности нашел отражение в публикациях, посвященных женскому труду, проституции, дамским благотворительным обществам, судьбе женщин в «зеркале русских революций» и т.п. Вопросы детской повседневности преимущественно касаются воспитания и образования. Учебные предметы, режим школьных занятий, внешкольное воспитание, летний отдых, путешествия, курганские скауты и многое другое – рассказ об этом преломляет привычную реальность с точки зрения бытования молодого, растущего поколения.

Характер наличной источниковой базы имеет для историка-архивиста принципиальное значение при выборе проблем для потенциальных исследований. Иными словами, тематика статей и докладов по истории повседневности города, вышедших из-под пера курганских архивистов за три десятилетия, есть не что иное, как проекция архивной ретроспективной информации. Отсюда преобладание онтологического аспекта истории повседневности сибирского провинциального города, каковым являлся Курган в XIX – начале XX вв.

В связи с вышеизложенным целесообразно охарактеризовать основные группы архивных источников, на основе которых была реконструирована повседневная жизнь города. Прежде всего, это материалы справочно-информационного фонда Государственного архива Курганской области. Среди периодических изданий в качестве наиболее информативного источника следует выделить «Тобольские губернские ведомости» и «Тобольские епархиальные ведомости». Первые фиксировали происходящие в уездах и городах происшествия - пожары, наводнения, засухи, эпидемии. Свое отражение здесь нашли, как общезначимые для курганцев события (откры-

тие новых школ, проведение ярмарок, благотворительные мероприятия и т.п.), так и текущие дела «маленького человека» (продажа и покупка недвижимости, судебные тяжбы, назначения на должности и т.п.). Дополняют общую картину повседневности православных обывателей «Тобольские епархиальные ведомости»: освящение храмов, церковные праздники, а также кадровые перемещения священнослужителей, деятельность Тобольской духовной консистории, Курганского духовного правления, отчеты миссионеров, некрологи, письма священников.

Незаменимым источником для освещения повседневной жизни Кургана начала XX века являются местные газеты - «Курганские известия» и «Курганский вестник». Для периода революций 1917 г. и гражданской войны базовыми источниками по истории повседневности являются газеты, издаваемые местными общественно-политическими организациями. Последние, как известно, находясь на разных политических полюсах, идейно конфликтовали друг с другом, значит, по-разному интерпретировали одни и те же события и явления. Сам факт расширения газетного круга чтения курганцев, давший им возможность выбирать, - это один из показателей постепенного включения в каждодневность горожан новых, ранее неизвестных форм бытования. Военный коммунизм и период нэпа меняет характер периодики. Теперь доминирующее положение занимают газеты большевистского толка. С 1920 г. фактически в городе остается единственная газета - «Красный Курган». Выхолощенный, конъюнктурный характер публикаций этого периода рисует образ квазиповседневности: почти все многообразие городской жизни сводится к социально-политическим проявлениям, становится нормой «пропускать» сквозь идеологическое сито даже обыденные действия индивида.

К данной источниковой группе примыкают иные периодические издания. Например, Известия Курганского городского общественного управления (1914-1916 гг.), которые дают представление о повседневной жизни курганцев через деятельность Городской думы. Справочные издания - памятные книжки и адрес-календари Тобольской губернии за разные годы – содержат сведения о промышленных и торговых заведениях города, о сети учебных и здравоохранительных учреждений, страховых обществах и т.п. Своеобразным путеводителем по г. Кургану начала XX века является «Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г. Кургана и его уезда Тобольской губернии», созданная А.И. Кочешевым в 1909 г. Благодаря этому справочному изданию городская инфраструктура наполняется конкретным содержанием. Фонарные столбы и ассенизаторские обозы, аптеки и кладбища, банки и трактиры, театры и бани, торговые лавки и храмы, и другие детали повседневности - все это не что иное, как городская среда, то есть та среда, со своими правилами, запретами, обязательствами, которая собственно и формирует образ жизни горожанина.

Наиболее сложной в плане реконструкции каждодневного бытия города является делопроизводственная документация конца XVIII - первой половины XIX века. Следует подчеркнуть, что источниковедческий анализ данного комплекса архивных материалов в плане выявления проблем микроистории требует особого подхода. Работая с документом над изучением повседневности, архивист должен ставить перед собой новые проблемные задачи, выходя за рамки традиционной истории, формулировать новые вопросы к уже изученному, неоднократно привлекаемому в исторических исследованиях, источнику. Иными словами, архивист должен быть одновременно историком, антропологом, психологом, социологом.

Среди наиболее востребованных фондов досоветского периода Государственного архива Курганской области можно выделить следующие: Курганское городовое хозяйственное управление, Курганская городская управа, Тобольская духовная консистория, Курганский окружной суд, Курганское окружное казначейство, Курганская уездная тюрьма, Курганская Александровская женская гимназия, Курганское уездное училище (2). Отложившиеся в этих фондах документы требуют ранжирования по уровню отражения и воплощения в них моментов повседневности. Так, «удобными» для изучения повседневной реальности являются гражданские и уголовные дела, рассматриваемые Курганским окружным судом (1797 – 1897 гг.). По замечанию О.Е. Кошелевой, судебные материалы позволяют приоткрыть некоторые аспекты обыденной жизни горожан, уловить оттенки их речи. Использование судопроизводственных текстов с описанием конфликтных ситуаций дает возможность «оживить» население города (3).

Грамотно организованная исследовательская процедура ведет к тому, что источником повседневности становятся самые «неожиданные» документы, например, метрические книги. Формальные актовые записи рождений, бракосочетаний и смертей наряду с онтологическими аспектами бытия (например, статистический анализ смертности дает представление о материальном качестве жизни) раскрывают аксиологические аспекты, в частности, взгляды и предпочтения жителей города на брачно-семейные отношения.

Другими красками картину повседневности рисуют нарративные источники. Пропуская окружающую действительность сквозь личностное переживание автора, такие источники улавливают в буквальном смысле этого слова вкус, запах, настроение пространства и времени. Самым ранним из этой группы источников является автобиографическая книга немецкого драматурга А. Коцебу «Достопамятный год моей жизни». Жилье, питание, одежда, нравы, занятия… Коцебу затронул почти все грани повседневности города на рубеже XVIII – XIX веков. Мемуары и письма декабристов Н.И. Лорера, А.Ф. Бригена, А.Е. Розена, М.М. Нарышкина, Н.В. Басаргина и других содержат бытописания Кургана в 1830-1850-е гг. Отдельно стоит «Описание Западной Сибири» ссыльного И.И. Завалишина. В своей монографии он дает статистические, экономические, географические и, что самое главное, этнографические данные по уездам Тобольской губернии в 1850-е гг. Таким образом, в нарративных источниках мы находим все традиционные составляющие проблемы повседневности.

Визуализировать городскую среду обитания конца XIX - начала XX веков позволяет фотография. В Государственном архиве Курганской области отложились фотоматериалы курганских фотографов А. Кочешева, И. Ожгихина, Д. Панкратьева. На снимках представлены виды улиц, площадей, храмов, здания различных учреждений и организаций и пр., наконец, лица городских обывателей. Значение фотодокумента трудно переоценить, учитывая роль наглядного компонента для создания полного образа сибирского провинциального города.

Таким образом, изучение архивных источников с точки зрения проблем городской повседневности было и остается перспективным направлением в сфере использования и публикации документов. Практика Государственного архива Курганской области показывает, что история повседневности Кургана является благодатной почвой, на которой смыкаются научные и профессиональные интересы историков-архивистов и культурно-познавательные интересы различных слоев городского общества.

Примечания

1. *ГАКО. Ф. Р-585. Оп. 2. Д. 208, 280, 319, 358, 359, 368, 381, 402, 411. Работы архивистов С.А. Акатьевой, И. В. Грачевой,*

Т.В. Васеневой, Н.В. Крыловой, Т.В. Козельчук, Е.В. Тершуковой, Т.Н. Хоменко и др. опубликованы в местных СМИ, материалах местных, межрегиональных и всероссийских конференциях.

2. *ГАКО. Ф. 8, 9, 235, 236, 175, 253, 63, 147.*
3. *Кошелева О.Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: Изд-во ОГИ, 2004. С. 17-18, 71-72.*

А.Л. Михащенко
Курганский государственный университет, г.Курган

АКТУАЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Совершенствование современной системы образования в Российской Федерации – процесс сложный и многогранный, обусловленный демократизацией общества и развитием постиндустриальной культуры. В ходе реформирования немаловажную роль играет история, знание которой позволяет понять современность, научно осознать прошлое, дать материал для прогнозирования будущего. Российские историки и просветители утверждали, что прошлое не исчезает, а продолжает жить в накопленном опыте социальной жизни, наказывая тех, кто проявляет невежество и пренебрежение к минувшему (М.В. Ломоносов, В.Н. Татищев, В.О. Ключевский, М.А. Барк и др.).

Система образования всегда являлась ареной столкновений социальных, культурных, политических, религиозных и иных интересов, но основные позитивные результаты достигались не благодаря разрушительному эффекту таких «войн», а при эволюционном пути развития (А.Н. Джуринский). Опыт последних десятилетий позволил выявить закономерность резкого возрастания интереса к истории и, в частности, к развитию образования в период социально-экономических и политических преобразований.

Распад СССР привел к краху монополизации истории руководящей политической партией, требовавшей постоянной корректировки идеологии, а вместе с ней «подчищению и выправлению» истории, что приводило к крайней тенденциозности в освещении событий и фактов прошлого. С конца 80-х годов XX в. начался процесс демифологизации истории образования, обусловленный сменой парадигмы экономических и социально-политического курса России. Исследователи стали использовать свежую источниковую базу, оригинальные, освобожденные от прежних конъюнктурных доминант, методологические подходы. Пилотажное исследование развития образования в России выявило искажение фактов и замалчивание некоторых явлений, игнорирование особенностей в образовательных пространствах регионов, что было детерминировано приматом материального, экономического производства и классовой борьбы.

В поисках путей развития современного образования создание нового следует считать целесообразным лишь тогда, когда оно не разрушает старого, традиционного, а приумножает и развивает историческое данное с учетом новых социокультурных реалий. Эти тенденции учитывает Национальная доктрина образования на период до 2025 года, определившая основные направления в обучении и воспитании, среди которых историческая преемственность поколений, формирование бережного отношения к историческому и культурному наследию. Закон Российской Федерации «Об образовании» ввел понятие государственного образовательного стандарта, формирующегося на основе органического соединения федерального и национально-регионального компонентов. Это предполагает выработку каждым регионом самостоятельной политики, обеспечивающей развитие целостной системы образования, отражающей его специфические социально-экономические проблемы, национальные и культурные традиции. Разработка учебных программ для образовательных учреждений строится на ряде основоположений, в числе которых принцип регионализации, предполагающий учет особенностей края, и принцип историзма, раскрывающий историческую обусловленность явлений и процессов. С демократизацией общественно-политического строя, возрастанием роли провинции в общественной и культурной жизни России становится все более очевидным значение региональной историко-педагогической информации. Она обогащает, наполняет реальным содержанием историю страны, позволяет избежать негативных моментов и использовать позитивные стороны прошлого для создания эффективной системы регионального образования.

На новом витке исторического развития России создаются образовательные учреждения, характерные для досоветского периода: национальные, казачьи и воскресные школы, духовные семинарии; идет становление религиозного образования и катехизации, возрождаются самоуправление, попечительские советы и благотворительность. Неокапитализм с его рыночной экономикой породил обнищание значительной части населения, что обусловило появление 3 млн безнадзорных и 800 тыс. неграмотных детей школьного возраста (Вестник высшей школы. 2006. №3. №3. С.25).

Образование является неотъемлемой специфической частью культуры, выражает в себе ее основные особенности. Одним из индикаторов культуры являются уровень грамотности населения; состояние библиотечного фонда для учеников, учителей и родителей; культурно-просветительная деятельность образовательных учреждений, направленная на пропаганду различных знаний, в том числе и о здоровом образе жизни. Последнее приобретает особую значимость в современной социокультурной ситуации, характеризующейся возрастанием роли и ответственности семьи за воспитание детей.

Все вышеназванные проблемы и вопросы пытались решать в досоветской системе образования. Среди них стремление к максимальному охвату обучением детей школьного возраста с использованием различных форм обучения; материальная помощь малообеспеченным семьям, ученикам, учителям начальных школ; развитие библиотечного дела; борьба педагогических коллективов с алкоголизмом, хулиганством и табакокурением; земское самоуправление в образовании; попечительство и благотворительность. Комплексное научное исследование опыта прошлого на конкретной территории без какой-либо политической ангажированности позволит не повторять ошибок и успешней решать назревшие проблемы. Значимость историко-педагогического исследования возросла в связи с отказом от унитарного образовательного пространства, наделением регионов правом и обязанностью выбора собственной образовательной стратегии, создания собственной программы развития образования в соответствии с региональными социально-экономическими условиями.

Показателем актуальности локальных историко-образовательных исследований является повышенный интерес ученых к познанию особенностей становления и развития образования в различных административных районах Российской империи в досоветский период. В 2000-2006 гг. докторские и кандидатские диссертации представили около 100 соискателей, отразивших особенности развития образования в 35 регионах Российской

империи. В их числе Приуралье, Урал, Западная и Восточная Сибирь, Сахалин и Камчатка, Якутия.

Таким образом, актуальность исследования генезиса образования в регионах детерминирована четырьмя основными факторами: потребностями постиндустриального общества в реальном освещении историко-педагогических явлений и фактов без какой-либо политизированной направленности и замалчивания ранее не угодной информации; Национальной доктриной образования, провозгласившей историческую преемственность и формирование бережного отношения к историко-культурному наследию; поиском эффективных путей реализации национального проекта «Образование», направленного на совершенствование обучения и воспитания в условиях зарождения постиндустриальной культуры; повышенным научным интересом к региональным особенностям генезиса образования, обусловленным географическим положением, ментальностью и образовательным пространством.

Первые работы по истории народного образования в Южном Зауралье начали появляться в XIX веке. Это публикации В.Н. Шишонко «Описание начальных народных училищ в уездах Екатеринбургском, Ирбитском и Шадринском, Екатеринбургского района Пермской губернии» (Пермь, 1878); статья В.Е. Попова «Народное образование в Шадринском уезде, Пермской губернии, до открытия в нем земских учреждений», опубликованная в журнале «Русская школа» (СПб., 1892), его брошюра «Шадринское уездное училище» (Екатеринбург, 1898); работа Г.Я. Маляревского «Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири» (СПб., 1897); статья Д. Бобылева «О времени учреждения народных школ в Пермской губернии» в сборнике Пермского земства (Пермь, 1900. №2). А.И. Кривощековым в журнале «Вестник Оренбургского учебного округа (Уфа, 1914. №2) были опубликованы исторические заметки «На Оренбургской пограничной линии», где наряду с другими материалами он сделал ретроспективный анализ учебно-воспитательного процесса в Звериноголовской гарнизонной школе Южного Зауралья. Исторические аспекты народного образования содержались в «Тобольских губернских ведомостях», календарях-справочниках Пермского и Шадринского земств. Работы досоветского периода характеризуются отсутствием четкой концептуальной позиции авторов, фактологизмом и описательностью, статистическим уклоном, отсутствием многофакторного анализа. Они были выполнены на познавательно-просветительном, но не на научном уровне; отсутствовало систематическое изложение развития образования в Южно-Зауральской провинции, что было обусловлено еще не разработанной методологической базой.

В советский период история образования в Южном Зауралье рассматривалась в «Кратком обзоре Курганского округа Уральской области (Курган, 1925). В главе 38 освещалось зарождение народного образования в округе, где давались краткие сведения о первых училищах, приводилась статистика школ и учащихся, давалась краткая характеристика учительства, назывались профессионально-технические учебные заведения досоветского периода. Вопросы образования рассматривались в работах А.А.Кондрашенкова, Н.Н. Кузьмина, Н.А. Лапина. Работа по изучению локальной истории образования активизировалась в связи с юбилейной датой – 50-летием советской власти, но однако все статьи специального сборника, выпущенного Курганским институтом усовершенствования учителей, были посвящены развитию общеобразовательной школы в 1917-1967 гг. В 70-80-х гг. интерес южно-зауральских исследователей к локальной истории образования значительно снизился, что объясняется двумя причинами: позицией ведущих ученых во главе с А.И. Пискуновым, отстаивающих широкоформатные исследования; активной пропагандой практических достижений учителей-новаторов. Оппонентами «педагогического олимпа» стали сибирские ученые. В полемике на страницах журнала «Советская педагогика» концептуальную идею историко-педагогических исследований аргументированно отстаивал Ф.Ф. Шамахов, утверждавший необходимость познания локального материала с целью выявления общих и специфических особенностей в развитии регионального образования.

В постсоветское время, в связи с появлением новых региональных изданий, количество публикаций по истории образования значительно увеличилось. В краеведческом сборнике «Земля Курганская: прошлое и настоящее» (Курган, 1991, 1993) появились работы А.А. Пашкова, М.М.Козловой, А.М. Васильевой, отражающие появление первых школ, осуществление всеобуча, формирование библиотек в дореволюционных школах г. Кургана. В сборниках научных трудов «Культура Зауралья: прошлое и настоящее» (Курган: КГУ, 1997-2004 гг.) публиковались работы И.Б. Бритвиной, Л.Ю. Зайцевой, Н.В. Крыловой, А.А. Ломцова, И.С. Менщикова, А.Л. Михащенко, В.А. Никитина, В.М. Щура, рассматривавшие некоторые аспекты регионального образования, среди них, - роль земства в открытии школ, распространение грамотности на рубеже XIX-XX вв., образование тюркоязычного населения Альменевского района, роль педагогического музея им. А.С. Пушкина в образовании. Альманах «Шадринская старина» (Шадринск, 1993, 1995, 1998, 1999) представил работы Е.Л. Алыпова, Е.М. Брагиной, Н.М. Бажиной, М.Ф. Ершова, В.Н. Иовлевой, М.А. Комогорцева. В издании «Шадринская провинция» (Шадринск, 1993, 1998) были опубликованы статьи И.Б. Бритвиной, В.С. Гончарова, А.А. Клюкиной и др. В работах шадринских авторов преобладали статьи, посвященные неординарным педагогическим персоналиям и истории некоторых образовательных учреждений. Вопросы истории образования в Южном Зауралье рассматривали Н.А. Анисимов, В.И. Бочарникова, В.В. Пундани. Научные статьи и публицистические заметки постсоветского периода отражали в основном культурологические и аксиологические аспекты, освещали значение личностного (субъективного) фактора в развитии региональных общеобразовательных училищ. Они не давали целостного научного описания истории образования в Южно-Зауральской провинции.

При всем многообразии работ незаслуженно обделенными вниманием исследователей являются общие тенденции развития образования в Южно-Зауральской провинции, его специфические особенности в период с 1719 по 1917 год. Пилотажное исследование показало, что требует всестороннего освещения ряд сторон истории народного образования: роль ссыльных поселенцев, нерусские образовательные учреждения, казачьи школы, школки домашнего обучения, демократичность в формировании контингента учащихся гимназий, социальная помощь обучающимся, уникальная роль Шадринского уездного земства в развитии образования, этапы его развития. При разработке и реализации спецкурса «Общеобразовательная школа Южного Зауралья: досоветский период» мы столкнулись с отсутствием целостного научного изложения генезиса образования в Южно-Зауральской провинции; с противоречивой информацией, касающейся существования различных типов школ, материальной базы, контингента учащихся гимназий, статистических показателей; с игнорированием и замалчиванием советскими академическими изданиями региональных российских особенностей в образовании. Во всех работах разного уровня отсутствовал прогностический аспект, что в определенной степени обедняло публикации по истории локального образования. В постсоветский период

возникли проблемы и вопросы, имеющие много общего с прошлым, и поэтому надо познать их природу, выявить позитивный опыт с целью его интерпретации.

Таким образом, налицо общее противоречие между значимостью опыта становления и развития образования в Южно-Зауральской провинции периода 1719-1917 гг. для современного этапа развития образования и недостаточной теоретической и методологической разработанностью путей исследования. По своим признакам общее противоречие является несущественным и неантагонистическим, характеризующимся несогласованностью в разработке и освещении истории образования как целостного явления. Его составляющими являются противоречия между:

- потребностью в систематическом научном изложении генезиса образования в Южно-Зауральской провинции, основанном на совершенных методологических подходах, и его отсутствием;

- объективными данными, основанными на архивных материалах и публикациях досоветского периода, и их предвзято-односторонним освещении;

- богатым опытом южно-зауральского земства в области образования, распространившимся на часть Западной Сибири, и отрицанием наличия земств за Уралом;

- традиционным классовым подходом к вопросам образования в досоветской России, сложившимся в историко-педагогической науке, и бессословной демократичностью в формировании контингента учащихся образовательных учреждений Южного Зауралья.

Игнорирование этих противоречий способствует дискретному восприятию истории образования; стереотипизации, порожденной политической ангажированностью советского периода; забвению позитивного опыта прошлого.

А.В. Парунин
МУ Шадринский краеведческий музей им.В.П.Бирюкова, г.Шадринск

СВЕДЕНИЯ Г.Ф.МИЛЛЕРА О ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Герхард Фридрих Миллер (1705-1783 гг.) происходил из интеллигентной бюргерской семьи старого ганзейского города Герфорда в Вестфалии. Учился в Ринтельском университете, а затем в Лейпциге. В то время существовала тенденция переезда студентов из Германии в Россию: среди них был и Г.Миллер, прибывший в Петербург в 1725 г. В Петербурге Миллер работал в архивах; к началу 30-х гг. определились его научные предпочтения: они были связаны с историей и этнографией Сибири (2, 25-27).

Период 1733-1743 гг. был временем путешествия историка по окраинам Сибири, собирания материала, который в будущем стал основой для написания истории Сибири (2, 27-31). Однако выпуск в свет первого тома оказался затруднен из-за бюрократических проволочек и противодействия руководства Академии наук. Первые главы книги были отданы в печать осенью 1748 года, а полностью первый том был опубликован лишь в 1750 г (1, 97).

Историк в своем фундаментальном труде собрал гигантские сведения по истории заселения Сибири русскими, материалы по истории и этнографии проживавших на этих территориях народов, описал многие археологические памятники, в частности городище Искер, развалины Чимги-Туры, поселения, на месте которого теперь располагается Тюмень (7, 188-189). Ценные данные Г.Ф.Миллер приводил и относительно территории Южного Зауралья, преимущественно XV-XVII веков.

Г.Ф.Миллер в своем труде приводит интересную легенду о родстве Тайбугидов, захвативших власть в конце XV века в Сибирском улусе, однако не принадлежавших к роду Чингизидов, и, соответственно, не имевших права на ханскую власть. Династией Тайбугидов было основано Сибирское княжество. В 50-х гг. Тайбугиды проводили переговоры с усилившимся Московским царством, однако узбекские Шибаниды в лице ставленника Кучума в начале 60-х гг. XVI в. провели наступательные операции на Сибирский юрт. Окончательным поражением Тайбугидов стало падение Искера в 1563 году. Аморфное Тайбугидское государство, возникшее после первых поражений Кучума, перестало существовать в 1588 году (5, 51; 8, 17-23; 3).

Одна из версий этой легенды о родстве была записана Миллером на основе устных сказаний сибирских татар: «На реке Ишиме, которая впадает в Иртыш, жил много лет тому назад один татарский князь или хан ногайского происхождения по имени Он, которому были подчинены не только жившие по Иртышу, Тоболу и Туре татары, но и окрестные вогулы и остяки. Против него восстал один из его подданных, по имени Чинги, лишил своего государя жизни и был признан вместо него ханом всеми татарскими родами той страны. Несовершеннолетний сын убитого хана Тайбуга спасся во время этих волнений. Он долго скитался по разным местам, пока Чинги не узнал о его местопребывании. Он обещал бежавшему Тайбуге свою милость и покровительство, если он подчинится ему и прибудет к его двору. Тайбуга последовал призыву и после того в особой чести жил при дворе Чинги….Он выбрал себе местожительство на реке Туре, где стоит ныне город Тюмень» (7, 186).

Однако и сам историк подверг сомнению данную легенду, высказав предположение, что Он (или Он-Сом хан), возможно, ногайского происхождения или киргиз-кайсацкого (казахского), о чем свидетельствуют следующие строки: «..весьма возможно, что Чингис из-за отдаленности тех мест или по своему природному великодушию не оставил завоеванное за собой, но отдал его во владение одному из князцов, который признавал его власть за собой. Это и был великодушный Тайбуга, но был ли он сын хана Она с реки Ишима или киргиз-кайсацкий царевич, отца которого звали Мамык, это я оставляю открытым» (7,186-187). Эта версия была первоначально озвучена в «ведомости», составленной по приказу тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова.

И третья версия, наиболее короткая, представлена сведениями Ремезовской летописи: «вначале на Ишиме правил Он-Сом хан, который близ устья этой реки, при впадении её в Иртыш, на крутом красном яру имел свою резиденцию – укрепленный городок, окруженный тремя валами. По тому месту город этот назывался Кызыл-тура. Преемник Он-Сома назывался Иртышак, от него река Иртыш получила свое название. На Иртышака напал тюменский хан Чингис и его победил. После него правил на реке Ишиме Саргачик, по имени которого некоторые ишимские татары называют себя саргачиками» (7,186).

Версии этой легенды породили серьезные споры в исторической науке относительно этнической принадлежности династии Тайбугидов. Немалое внимание критике источников, выявлению четкого генеалогического древа Тайбугидов, их претензий на власть и борьбе с Шибанидами уделено в трудах Д.М.Исхакова (5,51-53; 6,19-21), В.В.Трепавлова (9,273-311), А.К.Бустанова (3), А.Г.Нестерова (8,17-23), Г.Л.Файзрахманова (10,64) и др.

Истории Сибири XVI века в труде Г.Ф.Миллера посвящено немало страниц. Отдельное внимание уделено Кучуму, ставшему сибирским ханом и присоединившему значительные территории Зауралья и Западной Сиби-

ри. Здесь в немалой степени Миллер пользовался трудом хивинского хана и историка Абулгази «Родословное древо тюрков», в частности по установлению родства Кучума с Чингизидами (7,192). При написании этих глав «Истории Сибири» немалым подспорьем для Миллера стала Ремезовская летопись, весьма подробно рассказывающая о жизни и деятельности последнего сибирского хана, а также некоторые другие, в частности, летопись, составленная по указанию тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова (7,193).

Отдельно рассмотрен вопрос о границах владений Кучума. Источником для историка опять послужила Ремезовская летопись. Под властью Кучума бесспорно находились «татары, живущие по Иртышу и в низовьях Тобола», а также башкиры (однако не указывается их четкая локализация). Под сомнение Миллером ставится вопрос о подчинении Кучуму остяков и вогулов (7,193-194).

Немалое внимание уделяется проникновению в Сибирь ислама, распространению которого способствовал сам Кучум. Однако внедрение ислама наткнулось на серьезные препятствия, в частности, многие народы, такие как Барабинские татары сохраняли языческую религию и не желали переходить в иную веру, на что и указывает Г.Ф.Миллер (7,194-195).

О смерти Кучума Миллер упоминает через посредничество хивинского историка Абулгази: «хан Кучум в старости потерял зрение, и, после того, как он был изгнан из Сибири русскими, кончил свою жизнь в стране Манкатской» (7,196).

В данном исследовании нами изначально не ставился вопрос о набегах Кучума на владения купцов Строгановых, располагавшихся в Приуралье; походах группы казаков под руководством Ермака против Сибирского ханства, поскольку данная тематика является отдельной темой для исследования, и в «Истории Сибири» Г.Ф.Миллера ей посвящена отдельная глава (7,197-232).

«История Сибири» Г.Ф.Миллера является основой для большинства современных сибириеведческих работ, как для небольших статей, так и для капитальных монографий. Примером тому может служить ставшая уже библиографической редкостью пятитомная «История Сибири», в одном из томов которой (а именно - во втором) немало страниц было посвящено борьбе русских переселенцев с Кучумом и его сыновьями (4,25-32). Наиболее подробно эту борьбу описал Г.Ф.Миллер, ставший, по сути, отправной точкой в историографии этого вопроса.

Примечания

1. *Андреев А.И. Труды Г.Ф.Миллера о Сибири // Г.Ф.Миллер. История Сибири: В 3 т. Т.1.М., 2005.*
2. *Бахрушин С.В. Г.Ф.Миллер как историк Сибири // Г.Ф.Миллер. История Сибири: В 3 т. Т.1.М., 2005.*
3. *Бустанов А.К. Западная Сибирь под властью ордынских правителей (династический аспект) // www. archeologia.narod.ru.*
4. *История Сибири: В 5 т. Т. 2. Л., 1967.*
5. *Исхаков Д.М. К вопросу о клановой принадлежности Тайбугидов (по русским и тюркским источникам) // Русские старожилы: Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11-13 декабря 2000 г., г.Тобольск). Тобольск. Омск, 2000.*
6. *Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV-XVI вв. Казань, 2004.*
7. *Миллер Г.Ф. История Сибири. В 3 т. Т.1. М., 2005.*
8. *Нестеров А.Г. Искерское княжество Тайбугидов (XV-XVI вв.) // Сибирские татары. Казань, 2002.*
9. *Трепавлов В.В. Малая Ногайская Орда. Очерк истории // Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005.*
10. *Файзрахманов Г.Л. История сибирских татар (с древнейших времён до начала XX в.). Казань, 2002.*

С.С. Коновалов
Курганский государственный университет, г. Курган

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА НА УРАЛЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Дореволюционная историография судебной реформы 1864г. на Урале практически отсутствует. Хотя специальных работ по этой проблеме и не имеется, тем не менее, в работах досоветских ученых и исследователей Уральского края собран некоторый фактический материал по социально-экономическим и политическим аспектам судебной реформы 1864г. на Урале.

Одним из первых историков-краеведов, кто обратился к истории проведения судебной реформы на территории Урала, был А.А. Дмитриев, который в своей работе обрисовал основные вехи начальной истории Пермского окружного суда. Историк не скрывал своего ликования по поводу введения Судебных уставов 1864г. на территории Пермского края. С точной и верной скрупулезностью исследователь перечислил имена первого председателя окружного суда и его товарищей. Судебная реформа запоздала в Пермской губернии по сравнению с центральными губерниями России почти на 10 лет и поэтому, как писал автор, «была здесь давно ожидаема» (1, 281-315).

Ход и реализацию судебной реформы 1864г. на территории Пермского края в цифрах и фактах проследил Е.И. Красноперов. Прежде всего, историк обратил внимание читателей на факт отмены телесных наказаний и наложения клейм по отношению к подсудимым. Эту меру он считал одной из самых гуманных и прогрессивных, кроме того, исследователь подчеркнул гласность судопроизводства, институт судебной защиты и проблему решения вопросов о виновности обвиняемых присяжными заседателями, представителями, как он говорил «общественной совести» (4,129-131). К числу несомненных достоинств судебной реформы 1864г. автор относил возможность крестьян участвовать в судопроизводстве наравне с прочими сословиями. Участие крестьян в качестве присяжных заседателей в суде он выразил в цифрах. При этом в качестве источника им активно использовалась газета «Пермские губернские ведомости».

Среди множества работ дореволюционных исследователей Южного Урала лишь монография Д.П. Никольского «Башкиры» в какой-то мере имеет отношение к исследуемой нами проблеме. В ней, например, отражена уголовная политика правительства в Башкортостане во второй половине XIX века, делается попытка выяснить динамику преступности среди башкир и представителей различных национальностей края. Он попытался статистически разграничить преступления по родам и видам, а преступников - по их национальной принадлежности, возрасту и полу. При этом историк приводит весьма интересные данные о резком росте преступности среди башкир и в частности среди башкирских женщин в период с 1872 по 1893гг. (7, 97-105). В этой работе частично отражена также деятельность местных и шариатных судов башкир. Так, ученый писал, что все споры разрешаются муллами и стариками, решение которых башкиры всегда выполняют охотно и подчиняются им (7, 99).

В советское время история судебной реформы 1864 г. начинает разрабатываться лишь в конце 50-гг. XX века. Конъюнктура советского времени и подходы историков к проблеме судебной реформы 1864г. не позволили рассмотреть надлежащим образом её ход и результаты. Самая демократичная и наиболее последовательная из всех

либеральных реформ 60–70-х гг. XIX века она менее всего интересовала ученых, не будучи достаточно изученной, до 60-80-х годов XX века даже на общероссийском уровне.

А.А. Ушаков был в числе первых советских историков, кто обратился к истории судебной реформы 1864г. на Урале. В своей работе он в краткой и тезисной форме рассмотрел деятельность Пермского и Екатеринбургского окружных судов. Оценивая деятельность судебных органов по реформе 1864г., историк следовал ленинской точке зрения. Он писал, что суд был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка (12,42). Негативное отношение к судебной реформе 1864г. на Урале А.А. Ушаков подкрепил конкретными примерами из истории. Так, например, он обратил внимание на факт судебной тяжбы между рабочими Строгановских заводов и заводским управлением Строганова. Судебное дело о наделении крестьян землей велось много лет, и не было решено вплоть до событий 1917г.

На территории Южного Урала судебная реформа 1864г. была рассмотрена в работе М.Д. Рабиновича. К сожалению, у автора почти не нашлось места для определения специфики судебных органов края. Характеризуя последствия и результаты судебной реформы 1864г., которая, по его мнению, была осуществлена в Башкирии в 1875г., исследователь ограничился потоком общих фраз и замечаний. При этом ученый отметил, что преобразования судебных органов в регионе имели наиболее буржуазный характер из всех реформ 60 – 70-х гг. XIX века (8, 163-164).

Крупным событием в советской историографии судебной реформы 1864г. на Урале стали научные изыскания Ф.А. Ишкулова. По его мнению, вплоть до конца 70-х годов XIX в. на Южном Урале шли подготовительные мероприятия по введению судебных уставов. Затем, на первом этапе (1878-1892гг.) были созданы мировые судебные учреждения, перестроена деятельность апелляционных органов и прокуратуры; на втором (1892-1894гг.) – созданы общие судебные места и прокуратура при них, упразднены палаты уголовного и гражданского суда; на третьем (1894-1898гг.) – проведена судебная контрреформа (в 1894 году ликвидированы мировые суды, учрежден институт земских участковых начальников), а в 1898 году завершена судебная реформа – введены институт присяжных заседателей при окружных судах и адвокатура (3, 5). Таким образом, судебная реформа в Башкирии характеризуется ученым рядом особенностей, не встречающихся при изучении процесса проведения либеральных преобразований 60 – 70-х годов XIX века в других регионах России. Это, прежде всего, одновременное проведение в крае и судебной реформы и судебной контрреформы. В связи с этим исследование историка приобрело значение, выходящее за рамки научного краеведения. В 1994г. вышло второе издание его книги, значительно дополненное фактическим материалом.

В краткой и лаконичной форме проведение судебной реформы 1864г. на Урале затрагивается Г.А. Кулагиной. Она отметила, что переход к новым судебным учреждениям из-за финансовых затруднений и отсутствия подготовленных кадров растянулся на тридцать пять лет, в течение которых новые суды, претерпев ряд изъятий, утратили многие, провозглашенные ранее буржуазные черты: отменена была несменяемость судей, сужена компетенция суда присяжных и др. (5,65). Исследовательница не ограничилась одной губернией, а затронула введение судебных уставов 1864г. во всем Уральском регионе.

Н.И. Леонов осветил проведение судебной реформы 1864г. в Башкирии на фоне других либеральных реформ 60-70-х гг. XIX века. Он заметил, что особенностью судебной реформы в Башкирии являлось сохранение волостных судов для башкир. Состав суда избирался ежегодно на волостном сходе в количестве 4-15 очередных судей (6, 259). Историк подтверждает мнение Ф.А. Ишкулова о том, что судебная реформа 1864г. начала проводиться в Башкирии гораздо позже, чем в Центральной России. Её реализация затянулась на многие годы, и в её процессе были допущены серьезные отступления от общих положений судебных уставов (6, 259).

Значительным событием в постсоветской историографии судебной реформы 1864г. на Урале стал выход коллективной монографии В.Н. Смирнова и Р.Р. Усманова «История адвокатуры среднего Урала». Книга освещает историю уральской адвокатуры с 1874г., когда по судебной реформе в Екатеринбурге был образован окружной суд с коронными судьями, присяжными заседателями, представителями обвинения и защиты, и вплоть до 1997г. В работе прослеживается становление адвокатуры в ходе осуществления судебной реформы 1864г. на Урале, оформление корпорации уральских адвокатов, рост их мастерства и авторитета в обществе в условиях пореформенной России (11,17-95). Освещена судьба адвокатуры Среднего Урала в послеоктябрьский период, ознаменованный, особенно в первые десятилетия после 1917г., тяжелейшим ударом по юстиции, правовым нигилизмом и извращением роли адвокатуры (11, 97-254).

На территории Южного Зауралья судебная реформа 1864г. на фоне других либеральных реформ 60 – 70-х гг. XIX века была изучена В.Г. Савельевым. В Южном Зауралье работа по введению судебных уставов началась 12 декабря 1872г. с Шадринского уезда, когда Государственный совет принял «решение о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864г. в Пермской губернии». Историк отметил, что принятие новых судебных уставов несколько ускорило решение дел, однако процесс внесения в уставы поправок и дополнений не прекращался. Более того, некоторые поправки, особенно внесенные в 80-е годы XIX века, иногда полностью изменяли ранее принятый смысл статей закона (9,263-272).

Особенности осуществления правосудия в Башкирском крае в дореволюционный период, рассмотрел З.И. Еникеев. Затрагивая судебную реформу второй половины XIX века, историк отметил её специфические черты и сделал ряд выводов. Во-первых, в крае институт присяжных заседателей был введён на 33 года позднее, чем в центральных губерниях России; во-вторых, в состав мировых судей входили не только участковые и почётные, но и добавочные судьи; в-третьих, общие судебные учреждения (окружные суды и судебные палаты) были введены гораздо позже; в-четвёртых, наряду с правительственными судами для башкир, мишарей и татар функционировали шариатские и местные (третейские) суды, которые осуществляли правосудие на основе адат хокугы (шариата) и гадат хокугы (обычного права) (2,98-102). Учёный констатировал, что сосуществование традиционных судебно-правовых систем наряду с общегосударственными судебными органами свидетельствует о правовом плюрализме в дореволюционной России.

Реконструкцией социального портрета русского нотариуса пореформенного времени на Урале занимался А.Г. Сапожников. Нотариальная часть судебной реформы 1864 г. была утверждена в Положении о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. Исследователь отметил, что на Урале нотариат вводился с 1874 г. При этом на замещение вакантной должности нотариуса на Урале, редко подавалось «лишнее» число заявлений и должности нотариусов иногда пустовали (10,1). Существенное внимание историк уделил доходности нотариальных контор пореформенного Урала. Он писал, что показатель их доходности есть показатель активности деловой жизни горожан и

населения округи. Не ускользнули от взора учёного и штаты нотариальных контор. По его мнению, в заштатных городах и иных поселениях нотариус нередко работал без служащих, не имея доходов на их содержание (10,1).

Скудность научных изысканий историков, посвященных судебной реформе 1864г. на Урале создает необходимость в дальнейшей разработке данной проблемы. Слабо изучены вопросы, связанные с деятельностью института судебных следователей и нотариата. На наш взгляд было бы продуктивным рассмотреть применительно к Уралу реализацию основных документов, составивших в целом судебную реформу и проследить те изменения, которые произошли в области уголовного и гражданского судопроизводства в крае. По-прежнему остается актуальной проблема прокуратуры, политического сыска и полиции пореформенного Урала. Все это создает настоятельную потребность в дальнейших исследованиях.

Примечания

1. *Дмитриев А.А. Очерки из истории губернского города Перми с основания поселения до 1845 г. с приложением летописи города Перми с 1845 до 1890 г. Пермь, 1889. С. 281-315.*
2. *Еникеев З.И. Особенности осуществления правосудия в Башкирском крае в дореволюционной России // Государство и право, 2004. № 1. С. 98-102.*
3. *Ишкулов Ф.А. Судебная реформа и контрреформа в Башкирии. Уфа, 1974.*
4. *Краснопёров Е.И. Двадцатипятилетие Пермского края со времени отмены крепостного права царём-освободителем императором Александром II (историко-статистический очерк). Пермь, 1886.*
5. *Кулагина Г.А. Буржуазные реформы 1860-1870 гг. // История Урала в период капитализма. М., 1990. С.61-68.*
6. *Леонов Н.И. Буржуазные реформы 60-70х гг. XIX в. // История Башкортостана с древнейших времен до 1917 г. Уфа, 1991. С.251-261.*
7. *Никольский Д.П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1889.*
8. *Рабинович М.Д. Буржуазные реформы 60-70-х годов XIX в. // Очерки по истории Башкирской АССР. Т.1.Ч.2. Уфа, 1959. С.156-157.*
9. *Савельев В.Г. Реформирование судебных органов // История Курганской области (1861-1917 гг.). Т.2. Курган, 1996. С.263-272.*
10. *Сапожников А.Г. Чиновник без чинов: социальный портрет русского нотариуса пореформенного времени на Урале // ЧиновникЪ. пара. Ru. № 2'04 (30).*
11. *Смирнов В.Н. Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. Екатеринбург, 1999.*
12. *Ушаков А.А. Как управлялся Пермский край раньше и как управляется теперь. Пермь, 1958.*

Д. М. Совков
Курганский государственный университет, г. Курган

ВОЗМОЖНОСТИ ДАННЫХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ ЦЕРКВЕЙ ПРИМИАССЬЯ)

Метрические книги являются основным источником историко-генеалогического исследования. Однако при оценке демографических показателей это - вид церковной делопроизводственной документации также может оказать неоценимую услугу исследователю, т. к. содержит и данные по демографическому поведению населения исследуемого региона, населенного пункта, семьи.

Как известно, демографическое поведение русского крестьянина XIX в. определялось взглядами на брак, семью, детей. Русская деревня, будучи патриархальной, способствовала тому, что на селе имела место подчиненность личности строгим и четким, не дающим альтернатив, нормам поведения. Важнейшая особенность норм крестьянского поведения, в особенности демографического, состояла в том, что эти нормы уже в то время имели немалый возраст, исчисляемый веками. С точки зрения русского земледельца XVIII – начала XX вв. брак – важнейшее условие порядочности человека, его материального благосостояния и общественного веса. Брак, как моральный долг, обуславливался религиозными воззрениями населения, а также поддержкой церкви, которая и регистрировала сам факт заключения брака.

В значительной мере взгляды крестьян на брак определялись и экономико-правовыми условиями жизни, т. к. крестьянское хозяйство могло нормально существовать только при наличии в нем женских и мужских рабочих рук, покоилось на половозрастном разделении труда. Таким образом, экономическая и моральная необходимость заставляла крестьян вступать в брак при первой, благоприятной возможности и делала безбрачие почти невозможным в их глазах. Надо заметить, что жизнь без семьи рассматривалась как отклонение от «предначертаний Господних» либо по причине несчастья, либо вследствие безнравственности (4, 161 - 162).

Брак, в рассматриваемый нами период, не был гражданским актом и обязательно должен был получить санкцию церкви. Церковь выдвигала ряд требований к вступающим в брак. Одно из них – достижение женихом и невестой брачного возраста. «Кормчая книга» (главный источник русского брачного права) устанавливала минимальный возраст для жениха 15 лет, для невесты – 13. В то же время, сохраняло силу положение, заимствованное русской церковью из «Номоканона»: «Всякому родителю подобает женить сына, если возрасту его 15 лет, а дочери 12 лет от роду». Указ 17 декабря 1774 г. постановил: жениху должно быть не менее 15 лет, невесте – 13 (3,174 - 175).

Отсутствие необходимости для новобрачных устраивать собственное хозяйство создавало реальную возможность ранних браков. Кроме того, считалось, что чем моложе невеста, тем легче пройдет ее адаптация к новым условиям. К этому присоединялось желание жениха стать полноправным «мужиком», а со стороны невесты – боязнь «засидеться» в «девках». Родители новобрачных хотели увидеть внуков и быть уверенными в том, что их род не прервется (чему придавалось очень большое значение). Как видно, у крестьян имелось множество соображений для ранних браков (4, 164).

Однако в 1830 г., закон установил брачный возраст жениха с 18 лет, невесты – с 16. Максимальный брачный возраст, по церковным канонам, равнялся 60-ти годам. Однако, формально, действовал и указ от 12 декабря 1774 года, по которому в брак можно было вступать вплоть до 80-ти лет (5, 372 -374).

Но, согласно крестьянским представлениям, вступление в брак в возрасте старше 60-ти лет – для мужчины, и 50-ти – для женщины, считалось неприличным, ибо «брак от Бога установлен ради умножения рода человеческого» (4, 164-165), т. о. налицо противоречие закона и моральных норм при урегулировании данного вопроса.

Для определения идеального брачного возраста в середине XIX – начале XX вв. идеальны данные метрических книг (табл.1).

Идеальным брачным возрастом (для первого брака) во второй половине XIX в., по мнению Б. Н. Миронова, для

юноши было 23 – 25 лет, для девушки – 20 – 22 года. На «девицу» старше этих лет смотрели как на «засидевшуюся» невесту, а на парня – как на «старого холостяка» (4, 163). К Европейской России такой тезис об идеальном (для первого брака) возрасте, может быть и можно применить в полной мере, а к Зауралью, к сожалению, нет.

Таблица 1

Количество вступающих в брак за 1854 – 1917 гг.

Возраст вступающих в брак, лет.	Совковы				Семеновы			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	I брак	II брак	I брак	II брак	I брак	II брак	I брак	II брак
До 20-ти лет	10	-	10	-	7	-	7	-
20 – 24 года	2	-	5	1	6	-	2	-
25 – 29 лет	1	-	4	-	2	-	2	-
30 – 34 года	-	2	2	-	1	-	1	-
35 – 39 лет	-	1	-	-	-	1	-	2
40 – 44 года	-	-	-	-	-	-	-	-
45 – 49 лет	-	-	-	-	-	-	-	-
50 – 54 года	-	-	-	-	-	-	-	-
55 – 59 лет	-	-	-	-	-	-	-	1
старше 60-ти лет	-	-	-	-	-	-	-	-
Всего:	**13**	**3**	**21**	**1**	**16**	**1**	**12**	**3**

Составлено по: (2).

Дело в том, что он только до некоторой степени определяется духовными и светскими законами, а главную роль играли все же условия крестьянской жизни. По данным о количестве вступающих в брак (и их возрасте) по приходам края видно, что от 47,6 до 63,1 % женщин в первый брак вступили в возрасте до 20 лет, мужчины же этого возраста, вступившие в брак (по отдельным приходам), составляли от 44,7 до 50 % от общего количества «брачующихся» (1, 138).

Анализ архивных данных показывает, что основная часть первых браков заключена в возрасте до 20 лет (т.е. между 16 и 20-ю годами), а затем количество женившихся и вышедших замуж падает. Браки в 20 – 24-летнем возрасте у мужчин были связаны с всеобщей воинской повинностью, с длительными сроками солдатской службы. До призыва в армию, парни старались не жениться (обычно делали это по возвращению домой со службы) (1, 138 – 139; 2). В возрасте 35 лет и старше в основном были браки повторные. В основном такие брачные союзы заключались или между людьми близкими по возрасту (если оба – вдовцы по предыдущему браку), или с разницей в возрасте 11 – 15 лет, а иногда и больше (до 20 лет). Однако такие браки были редкостью в то время в деревне.

Можно говорить о преобладании брачных союзов между сверстниками. Мужчины, как правило, были старше женщин, семьи, где положение было обратным, были редкостью (да и разница возраста супругов в них была невелика – 1-2 года) (табл.2).

Таблица 2

Соотношение возрастов супругов.

Разница в возрасте, лет.	**Совковы**	**Семеновы**
0	6	4
Муж старше жены:		
На 1 – 5 лет	20	18
На 6 – 10 лет	5	5
На 11 – 15 лет	2	2
Более 15 лет	2	2
Муж младше жены:		
На 1 – 5 лет	3	1
Более 5 лет	-	-
Итого:	38	32

Составлено по: (2).

Браки заключались не только между холостыми парнями и девицами, но и между вдовцами и девицами, вдовцами и вдовами. По мнению Б.Н. Миронова, в те времена девушка считала для себя бесчестьем выйти замуж за «старика» (мужчину старше ее более чем на 2 – 3 года). По его мнению, это определялось высокой смертностью мужчин и страхом женщины остаться вдовой, да еще с детьми на руках. При увеличении разницы в возрасте до 10 лет такая вероятность увеличивалась вдвое. Вдовство же рассматривалось как наказание, огромное несчастье. Вдова и вдовец – круглые сироты, которые нуждаются в помощи и защите.

Поэтому второй брак не осуждался, однако относились к нему с некоторым подозрением из – за страха, что и он окажется «недолговечным». Третий брак порицался, ибо, таким образом, человек «шел супротив Божьей воли». Девушки неохотно шли замуж за вдовцов, а на вдовах неохотно женились и мужчины. Чаще всего вдовцы и вдовы вступали в брак друг с другом (4, 164). Повторных браков в 50 – 60-летнем возрасте по данным архивных документов практически не было (2). Это, вероятно, было связано с тем, что, овдовев, мужчина или женщина могли уже жить на попечении собственных детей и заниматься воспитанием внуков.

При заключении брака материальные расчеты имели очень большое значение, что позволило многим наблюдателям крестьянской жизни считать брак хозяйственной сделкой и отрицать какое - либо значение взаимной склонности, эмоций и наличия нематериальных соображений у жениха и невесты. Однако эта точка зрения утрирует действительное положение дел. Конечно, браки устраивались родителями и всегда в расчет принимались статус и слава рода, из которого происходили новобрачные, затем – личные качества жениха и невесты и, лишь в последнюю очередь – их взаимные склонности. Несмотря на то, что решающая роль в устройстве брака принадлежала родителям, желания новобрачных принимались в расчет (ибо во второй половине XIX века супругами (в первом браке) становились 19 – 24- летние люди, мнение которых игнорировать было уже невозможно). Известны были и свадьбы «убегом», но брак «по страсти» не являлся богоугодным делом. По мнению крестьян, цель брака не в получении «плотских удовольствий и радостей», а в устройстве семьи, рождении и воспитании детей. В отличие от современного человека, крестьяне XIX столетия полагали, что не «страсть», а необходимость оправдывает и облагораживает брак (4, 162-163).

Основная масса родственных связей, рассматриваемых в работе, родов распространялась на близлежащие села и деревни. Соотношение брачных связей между старожилами и новоселами на селе также были подвержены изменениям в зависимости от объективных или субъективных факторов. У переселенцев налицо преобладание браков со старожилами как возможность прочнее укрепиться в местной родовой иерархии посредством установления брачных уз. Данные метрических книг дают информацию и о месте рождения уроженцев других губерний при регистрации таких брачных союзов. Такая же тенденция взаимосвязи родственных связей и церковно-административного деления видна и у старожилов. Дело в том, что в исследуемый период большинство брачных союзов обоих групп крестьянских родов приходится на жителей деревень, входящих в состав их собственного прихода, браки же с жителями деревень относящихся к другим приходам редки. Вообще доля таких браков невелика, по сравнению с союзами с местными родами, что было следствием низкой степени горизонтальной мобильности населения в дореволюционную эпоху (2).

Таким образом, проблема брачного поведения зауральского населения вполне исследуема на основе генеалогического материала церковной документации (в т. ч. и метрических книг) при разработке историко-демографической, генеалогической тематики, а также в изуче-

нии истории населенных пунктов Южного Зауралья XVIII – начала XX веков.

Примечания

1. *Арсланова М. А. Щучанский район // «История Курганской области» Т. V. Курган, 1999.*
2. *Данные метрических книг церквей Чумлякской, Карачельской, Шаламовской волостей Челябинского уезда за 1830 – 1917 гг.*
3. *Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII- I половина XIX века) – Новосибирск, 1979*
4. *Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества: В 2 т. Т. 1 - СПб., 1999.*
5. *Оренбургские епархиальные ведомости, 1877. № 11.*

Л.А. Волкова
Глазовский государственный педагогический институт,
г. Глазов

Н.Н. БЛИНОВ ОБ ЭТНОГРАФИИ УДМУРТОВ

Николай Николаевич Блинов (1839–1917) – священник, педагог, этнограф, краевед, земский деятель, один из самых активных и заметных исследователей дореволюционной Удмуртии. Его статьи и книги на протяжении более 40 лет публиковались как в губернских, так и центральных изданиях, удостаиваясь премий и медалей. За серию работ, описывающих быт и фольклор удмуртов и коми-пермяков, он был избран в 1863 г. действительным членом Вятского губернского статистического комитета, в 1877 г. – Нижегородского, в 1878 г. – Императорского русского географического общества. Выдающаяся деятельность Н.Н. Блинова получила освещение во многих исследовательских трудах дореволюционного, советского и современного периода России. Статьи о Блинове помещены в 7 энциклопедиях и словарях, изданных в 1892 – 1924 гг., а также в нескольких современных энциклопедических изданиях (10, 202).

Наибольшее количество работ посвящено педагогической и просветительской деятельности Н. Блинова. В. Помелов считает, что его вклад в российскую педагогическую науку остается до настоящего времени современным и не утратившим своего значения. Методист-новатор пользовался большим почетом и уважением среди учительства Вятской губернии и всей России. Во-первых, потому что был последовательным сторонником К.Д. Ушинского в области начального обучения. Во-вторых, сам разрабатывал теоретические и методические идеи, получившие воплощение в таких работах, как «Ученье – свет. Книга для чтения в народных училищах», «О способах обучения предметам учебного курса» и др.(8, 188). Н. Блинов является одним из первых авторов удмуртской азбуки «Лыдзон», в основу которой он положил звуковой метод. Изданная в 1867 г. в губернской типографии десятикопеечная книга вскоре стала образцом практически для всех удмуртских школ. Названные пособия и азбуки обладали мощным краеведческим контекстом. Автор предлагал вводить элементы природоведения и родиноведения в начальное обучение, вести учащегося «от семьи к деревне, от деревни к селу, затем к школе, в которой ему дается представление о широком Божьем мире» (8, 190).

Н. Бурцева освещает литературную и просветительскую деятельность священника и характеризует его как неутомимого земского деятеля. Жители г. Сарапула и уезда на рубеже XIX – XX вв. знали Н. Блинова как активного члена благотворительных и просветительских обществ, члена-сотрудника Сарапульского земского музея и Общества изучения Прикамского края, организатора уездных земских статистических исследований. Читатели регулярно знакомились с его историко-краеведческими исследованиями, читали рассказы о земской службе, написанные доступно, занимательно и поучительно. Совсем не случайно статья Бурцевой опубликована в серии о знаменитых российских просветителях журнала «Библиополе» (4, 61–63). Это высокая оценка просветителя, внесшего значительный вклад в развитие образования и книжной культуры. Благодаря инициативности священнослужителя книжный фонд сарапульских народных библиотек пополнялся не только официальными изданиями, но также научно-популярными и художественно-литературными. К тому же многие из них принадлежали лично Н. Блинову как автору или как владельцу солидной библиотеки.

Всесторонняя характеристика целеустремленной натуры Н.Н. Блинова дана Е.Ф. Шумиловым: «Это гуманист и энциклопедист, не только сельский иерей, миссионер и богослов, но еще крупный этнограф и статистик, краевед и географ, народный учитель и педагог-методист, переводчик и драматург, прозаик и журналист» (11, 313).

Свою службу Н.Н. Блинов по окончании курса Вятской семинарии в 1861 г. начал приходским священником в с. Карсовай Глазовского уезда. Он был уверен, что «только на духовной службе в селе можно быть наиболее полезным для народа» (11,314). Трехлетний карсовайский период оказался наиболее интересным в этнографическом отношении. Собранный им материал послужил основой для написания ряда статей, регулярно публиковавшихся в «Вятских губернских ведомостях»и других изданиях: «Заметки о пермяках Вятской губернии», «Описание Карсовайского прихода Глазовского уезда», «Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода (Глазовского уезда)», «Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда (дополнение к статьям о Карсовайском приходе)», «Движение народонаселения Карсовайского прихода». Эти и другие труды Н.Н. Блинова получили заслуженное признание у читающей аудитории и научного сообщества. Императорское Русское географическое общество наградило его в 1870 г малой бронзовой медалью за богатое статистико-экономическое содержание цикла статей о земледельческой культуре удмуртов (7, 21).

Практически все работы Н. Блинова – результат внимательных и скрупулезных наблюдений за повседневной жизнью крестьян, поэтому зарисовки представляются всесторонними и весьма объективными. Так, он отметил, что удмуртские крестьяне Карсовайского прихода Глазовского уезда живут беднее, чем удмурты южных уездов Вятской губернии, однако «гораздо лучше большинства пермяков» и «богаче, чем русские около г. Вятки» (2, 74–75). Он протестовал против тех работ своих современников, в которых удмурты наделялись преимущественно негативными качествами и считались глупыми, нелюдимыми, скупыми. Анализ работ предшественников оставляет у Блинова тягостное впечатление, по его мнению, «на вотяков насказано очень много недоброго. Обыкновенно только трудолюбие вотяков ставится им в похвалу, и то не всеми, притом каждым писателем представляется доказательство, как они неповоротливы и ленивы». Сам священник считал, что «голословные порицания…-взгляд неправильный и вредный» (3, 231) и потому взялся дать объективную характеристику изучаемого народа по аспектам: исторические и статистико-демографические сведения; религиозные представления и культы; этническая психология; народные знания, хозяйственная

деятельность и иные традиционные формы жизнедеятельности.

В частности, вот как выглядит по его описанию календарь крестьянской жизни удмуртов, бесермян и пермяков Карсовайского прихода (2, 74–75):

– после зимних святочных дней и до дней весеннего равноденствия, до масленицы, молотили хлеб, рубили дрова;

– со второй половины марта мужчины рубили дрова, готовили бревна и тес для строительства дома, женщины управлялись с прядением льна и замачивали моты с пряжей в родниках-ключах;

– в конце марта – начале апреля мужчины приступали к ремонту земледельческой техники (сохи, бороны), подыскивали «бороноволока» для помощи на посеве яровых хлебов. Обязанности заключались в том, что мальчик или девочка лет 7 – 8, сидя верхом без седла, управлял лошадью во время боронования пашни. Хозяева, не имевшие детей подходящего возраста, договаривались с многодетными соседями о найме работника. Родители охотно отдавали детей на весенние заработки, потому что условия им представлялись вполне приемлемыми. Наемному работнику выплачивалось от 7 до 9 коп. в день. Наниматель обязывался также кормить помощника наравне с членами своей семьи во все дни работы, включая и ненастные, если ребенок не уходил домой (9, 126–127);

– с Георгиева дня (23 апреля по старому стилю) или чуть позже, в зависимости от погоды, начиналась весенняя страда, а ей предшествовал праздник выхода на пахоту «гырыны потон» – у удмуртов, «акашка» – у бесермян;

– дня три после окончания весеннего сева праздновали, затем исправляли изгороди на яровых полях, женщины белили холсты, сажали овощи, сеяли лен;

– недели за три до Петрова дня (29 июня по старому стилю) мужчины пахали пары, поднимали новые пашни. В этот же период устраивали помочи по вывозу бревен из леса, помочи по «прятанью» (корчевание пней, очищение от хвороста будущих покосных или пахотных участков в лесах), заготавливали бересту, луб, ивовую кору;

– почти неделю праздновали «гербер»/петровки, затем выходили на покос. Сенокос длился месяц или чуть больше. Сроки зависели от площади сенокосных угодий и «урожайности» укоса, количества скота;

– в конце июля мужчины «двоили» яровые полосы, то есть пахали те участки, которые на следующий год весной будут засеяны пшеницей или ярицей (яровая рожь), а женщины начинали жать озимый хлеб;

– с августа до половины сентября жали хлеб, пахали пары и сеяли озимую рожь, копали картофель, убирали овощи из огородов, возили снопы с полей на овины и ставили кабаны-скирды из необмолоченных снопов на хранение и зимнее обмолачивание;

– по первому снегу вывозили на поле навоз;

– в начале зимы молотили хлеб на домашние нужды, зажиточные мужики ездили в Глазов, наниматься в извоз или продавать выращенный хлеб;

– с 20 декабря по 6 января (по старому стилю) праздновали святки, называемые «страшные вечера» – *«вожо»*. Это, пожалуй, единственное праздное время в календаре крестьян, когда запрещалось выполнение любых хозяйственных работ, кроме ухода за скотом. Нельзя было даже прясть или плести лапти. В этот период удмурты ездили в гости к родственникам в другие деревни.

Много времени у женщин в сельскохозяйственном календаре занимало изготовление холстов. Девушки примерно с десяти лет начинали готовить приданое, в котором обязательным элементом были предметы ее рукоделия. Н.Н. Блинов писал, что невесты-пермячки, выходя замуж, несут с собой в новую семью всего лишь два – три холщовых сарафана и две – три рубашки для себя, одну рубашку с бельем для мужа и различные полотенца-утиральники. Невесты-удмуртки же в приданом запасали несколько многометровых кусков холста для одежды («который ткут довольно хорошо»), холсты для полотенец и «еще аршин до 80 раздаривают поезжанам сшитыми рубашками» во время свадьбы (2, 87).

Еще один аспект научно-популярной деятельности Н.Н. Блинова – изучение землеобрабатывающих орудий. Этот вопрос священника весьма занимал и по той простой причине, что сам занимался сельским хозяйством. Он обратил внимание на использование разнообразных пахотных орудий крестьянами Вятской губернии. Причем в Сарапульском уезде крестьяне проявили наибольшую активность в применении усовершенствованных орудий Именно здесь встретились две волны: с западных уездов Вятской губернии шла косуля, и западных уездов Пермской губернии – курашимка. Результатом сравнения и оценки этих модификаций крестьянского пахотного орудия стала записка в Департамент земледелия о сохе-курашимке. Ее автор считал «резким переходом от сохи к плугу», причем, вопреки устоявшемуся мнению авторов многочисленных статей в журнале «Труды Вольного экономического общества», Блинов утверждал, что курашимка «ближе к плугу, чем к сохе» с наличием «первого существенного качества плуга – устойчивости» (1, 2–2об.). Статью под названием «Что такое курашимка?» автор опубликовал в 1888 г. в журнале «Труды Императорского Вольного экономического общества». Позже оттиск с дарственной надписью: «Многоуважаемому Дмитрию Константиновичу. 14/III-08 г. Сарапул» отправил Д.К. Зеленину, работавшему над своей знаменитой книгой «Русская соха, её история и виды» (6, 4). Этот ценный документ, свидетельствующий как о разнообразных исследовательских пристрастиях самого Н.Н. Блинова, так и о широком круге вятских корреспондентов-земляков выдающегося этнографа и фольклориста Д.К. Зеленина (уроженца Сарапульского уезда села Люк), хранится сегодня в личном фонде ученого в архиве Санкт-Петербургского отделения РАН (Ф. 849. Оп. 3. Д. 496).

Искреннее желание помочь народу, в среду которого ему приходилось нести Божье слово и распространять свет знаний, двигало Н.Н. Блиновым и в печально знаменитом Мултанском деле (1892 – 1896 гг.) по сфабрикованному обвинению удмуртов с. Старый Мултан Малмыжского уезда в человеческом жертвоприношении. Священник в этот период активно переписывался с В.Г. Короленко – одним из общественных защитников обвиняемых, написал книгу «Языческий культ вотяков». Однако, по справедливому мнению современных ученых, «недостаточно критический подход к материалу, произвольное его толкование явилось причиной того, что книга наряду с ценным фактическим материалом содержит весьма серьезные ошибки» (5, 44).

В целом оценивая этнографическую деятельность Н.Н. Блинова, можно отметить, что активная позиция просветителя и этнографа им полностью изложена в его работах. Они являются ценным источниковым материалом не только для начинающих, но и маститых ученых. Также представляют собой прекрасный образец краеведческого описания и потому достойны изучения в учебных заведениях Удмуртии в национально-региональном компоненте по таким предметам, как «Краеведение», «История и культура Удмуртии», в курсах по выбору, направленных на изучение традиционной этнографии народов Удмуртии.

Примечания

1. *Архив СПбО РАН. Ф. 849. Оп. 3. Д. 496. Л. 2–2об. Блинов Н.Н. «Что такое курашимка?» // Труды ВЭО. 1888, август. Оттиск.*
2. *Блинов Н. Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода (Глазовского уезда) // ВГВ, 1865. № 34–36.*
3. *Блинов Н. Инородцы северо-восточной части Глазовского уезда (Дополнение к статьям о Карсовайском приходе) / / ВГВ, 1865. № 61.*
4. *Бурцева Н. «…и буду жить в своем народе…» // Библиополе, 2006. № 8.*
5. *Владыкин В.Е., Христолюбова Л.С. История этнографии удмуртов: Краткий историографический очерк с библиографией. Ижевск, 1984.*
6. *Волкова Л.А. Д.К. Зеленин в удмуртской этнографии // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала: история и современность: Материалы региональной научной конференции. Глазов, 1999.*
7. *Волкова Л.А. Земледельческая культура удмуртов (вторая половина XIX – начало XX века. Ижевск, 2003.*
8. *Помелов В.Б. Видный просветитель Н.Н. Блинов как ученый-методист // Педагогическое образование в Удмуртской Республике: история, проблемы, перспективы: Материалы региональной научно-практической конференции, посвященной 130-летию образования в Удмуртии. Глазов, 2006.*
9. *Сборник материалов по оценке земель Вятской губернии. Вятка, 1909.Т. 12. Вып. 4. Ч. 1.*
10. *Шумилов Е.Ф. Блинов Н.Н. // Удмуртская Республика: Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 202.*
11. *Шумилов Е.Ф. Христианство в Удмуртии. Цивилизационные процессы и христианское искусство. XVI – начало XX века. Ижевск, 2001.*

В.А. Трусов
г. Первоуральск

РОДОСЛОВИЕ МОЕЙ БАБУШКИ ЕКАТЕРИНЫ СУХАНОВОЙ

Фамилия Суханов происходит от отчества родителя – Суханов сын. Раньше имя или прозвище Сухан имел человек от своего телосложения или от особенностей характера.

Но у меня есть еще одна версия. Зачастую в старину люди получали прозвище по названию рек. Человек, живший на реке Сухоне, мог получить имя Сухон, Сухонец которое затем при более удобном запоминании и написании стало Сухан, Суханец.

Одними из первоносителей фамилии Суханов на Урале могли быть:

Житель Ново-Никольской слободы Конанко Емельянов сын Куприянов Сухан, 1596.

Суханко Анцыфоров, туринский ярыжный, 1622.

Крестьянин пог. Коса на р. Косе Суханко Федоров сын Пятков, 1623.

Ивашко Васильев сын Суханец, крестьянин д. Бурсун на речке Бурсуне в вотчине Ивана и Максима Строгановых, 1623-1624.

Поручная запись крестьян Невьянской сл. «по Первом да по Суханке да по Данилке <…> новых детях», 1623.

Суханко, косьвинский ясачный вогул (манси) на р. Лозьве, 1626.

«Софонка Иванов прозвище Суханко», верхотурский подгородный оброчный крестьянин, 1640.

Суханко Самойлов, пашенный крестьянин Туринского острога, 1641» (1).

Также нужно запомнить Сухановых из Книги десятинной пашни Верхотурского уезда 1632 г.:

«В Верхотурском уезде на Тагиле пашут на государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руссии десятинную пашню тагилские пашенные крестьяне:

Ивашко Суханов да Ярофейко да Мишка Савастьяновы пашут десятину»(2).

Родословная моей бабушки Сухановой меня заинтересовала после того, как я прочитал книгу «Уральская переписка с Петром-I и Екатериной-I».

В доношении комиссара Бурцева генерал-майору Вилиму Ивановичу де Геннину в 1723 году упоминаются братья Сухановы:

«В прошлом 1722 году декабря в «…» день объявлен здесь в народ публичной его императорского величества указ за подписанием вашего превосходительства, велено вольным работным людем из разных городов и слобод суда приходить для работ на Исете-реке, где будут строиться вновь железные заводы и при них всякие фабрики. И того ж декабря в 20, в 21 и в 22 день явились здесь в Уктусской заводской канцелярии пришлые люди, а именно: Филип Ильин сын Чащин, Михайло Онисимов, которые при записке своей сказали, что де жили они у Никиты Демидова, Филип – девять лет и работал в колотушечных мастерах и молотовых подмастерьях, Михайло – пятнадцать лет и работал всякую работу, а от переписи де полковника господина князя Солнцова-Засекина онои Демидов с тех заводов их сослал и сказал, когда де перепись минется, то де ко мне паки жить приходите, для того ж им дворов и других домовых припасов продавать не велел, а желали де они быть здесь, при заводах его императорского величества, тако ж и прочие явились, которые сказывались при записке, что де жили у Демидова, а кто имянно тому ниже сего реестр. А в означенной записной книге пришлым людям дана роспись присланному от него, господина князя Солнцова-Засекина, порутчику Билсу, который был здесь для переписи и свидетельства мужеска полу душ, и оные пришлые в той переписи у него записаны.

Реестр пришлым людям, которые при записке сказались, что де жили у Демидова на заводе.

Иван Козмин сын Мухлынин.

Василий Григорьев сын Шулеланов.

Иван Федотов сын Раев.

Овдоким Леонтьев сын Суханов.

Мелентий Леонтьев сын Суханов.

Перфилей Аврамов сын Рогов.

Иван Иванов сын Тетерин.

Андрей Терентьев.

Иван Емельянов сын Банновых»(3).

Возможно, что кто-то из вышеперечисленных Суханко является прямым родственником моей бабушки.

Все поколения Сухановых, которые удалось найти, взяты из метрических книг и исповедных ведомостей Рождество-Богородицкой церкви.

«Село Сосновское расположено на берегу озера Сосновского, в болотистой местности, поросшей лесами, и от уездного города Шадринска находится в 25 верстах к северу. В начале XIX столетия село было заселено раскольниками-беспоповцами, имевшими у себя деревянную часовню. В 1832 году здесь был открыт единоверческий приход, которому и была передана часовня, перестроенная с 18 мая по 7 сентября в церковь и освященная в честь Рождества Пресвятой Богородицы. Перестройка храма продолжалась на средства Шадринского купца З. Черепанова и после 1832 года, так что в 1850 г. храм был освящен вторично. Церковь обнесена оградой, в которой находились два здания: амбар для хранения хлеба, собираемого на нужды церкви и помещение школы грамоты, существовавшей с 15 ноября 1894 года. Прихожане, кроме села, жили в 8 окрестных деревнях. Третья часть из них находилась в отлучке для заработка; остальные занимались хлебопашеством, чеботарством и пимокатством. Изделия обуви продавались на ярмарках

Ирбитской и Крестовоздвиженской. В 1900 году в Сосновском селе была открыта уездным земством для улучшения изделий местных кустарей сапожная и посудная мастерские»(4).

В Сосновской церкви очень часто собирались деньги на благотворительные цели. В 1903 г. производился денежный сбор в течение недели с 11 по 18 мая в пользу слепых. В 1904 году Российское общество Красного креста обращалось к прихожанам на святое дело помощи больным и раненым солдатам на Дальнем Востоке в русско-японской войне. Начиная с 1915 г. за литургиями в родительские субботы: Дмитриевскую перед 26 октября и Мясопустную, в течение трех лет проводился тарелочный сбор пожертвований для Всероссийского общества памяти воинов русской армии, павших в войну 1914-1915 годов с Германией, Австрией и Турцией, а 29 ноября 1915 г. в церкви был сбор «ковш зерна нового урожая», собирали не только зерно, но и пожертвования деньгами, одеждой и другими предметами в пользу Комитета Ее Императорского Высочества Великой Княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных действий.

Родословную Сухановых (5) удалось пока установить с семьи Захара Филимоновича (1767-1845), возможно, отчество и Филиппович. В двух документах - Филимонович, а в третьем – Филиппович. Дальнейшие поиски дадут точное имя родителя: Филимон или Филипп. Жена Захара – Марина Максимовна (1773). В семье было три Марины: кроме матери, две дочери Марины (1803 и 1816). Сыновья Михей (1802) и Игнатий (1817).

Семья Михея Захаровича Суханова. Жена – Марфа Александровна (1801). Дети: Захарий (1827), Тимофей (1829), Иоанн (1843) и две дочери Феодора (1833), Ирина (1835).

Семья Тимофея Михеевича Суханова. Жена – Ирина Фроловна (1831). Дети: Терентий (1854-1914), Яков (1857).

Семья Терентия Тимофеевича Суханова. Имя и отчество жены установить не удалось, так как метрические книги в ветхом состоянии и в архиве не выдаются. Дети: Петр (22 декабря 1879 - 25 апреля 1941), Стефан (1881).

Семья Петра Терентьевича Суханова. Первая жена – Таисья Якимовна (1878 – 1921). Дети: Михаил (1899 – 1954), Евдокия (1902 – 1920), Екатерина (7 декабря 1904 – 11 июля 1987), Иван (25 мая 1908 – 6 июля 1983), Мария (14 апреля 1911 – 13 августа 1999), Александра (6 ноября 1913), Василий и Антонина. Вторая жена – Марфа Ивановна Конева (1881-1970): одна дочь Анна (6 ноября 1925).

Прадед Петр Терентьевич – хлебороб, в зимнее время хорошо шил сапоги и кожаную обувь. Петр о жизни предков до 1917 года своим детям ничего не рассказывал, боялся властей. Михаил Петрович женат три раза, дети живут в Екатеринбурге. Иван Петрович женился первый раз на богатой невесте с условием, что будет носить фамилию жены - Бахтеев. Иван трижды женат, участник Великой Отечественной войны, семь раз ранен, дети живут в Екатеринбурге. Мария Петровна (по мужу Конева) жила в Первоуральске, у нее было три дочери: Валентина (по мужу Давыдова), Галина (похоронили маленькой), родилась и третья девочка, но она также умерла малышкой и даже имя никто не помнит. Василий Петрович погиб в 1941 году на фронте, дети живут в Екатеринбурге. Александра Петровна (по мужу Шилова) жила в Малом Истоке. Антонина Петровна (по мужу Корт) проживала в Березовском, дети живут в Екатеринбурге. Анна Петровна (по мужу Чукавина) живет в Реже.

Семья Екатерины Петровны Сухановой. Муж – Иван Николаевич Сметанин (20 января 1906 – 1 февраля 1958). Дочери: Апфия (3 декабря 1926), Мария (18 августа 1930 – 6 июня 2004), Людмила (12 января 1943) и Любовь (1950, прожила менее полгода и умерла от воспаления легких).

Мой дед Иван Николаевич Сметанин родом из села Белое Шадринского уезда. У одного из родственников была пимокатная мастерская. Зимой Иван ездил по ближайшим деревням продавать и принимать заказы на валенки. Так он познакомился со своей женой Екатериной Сухановой, которую перевез на жительство в село Белое.

Конечно, надо было бы раньше спросить о жизни у самой бабушки Кати. Но раньше как-то не задумывался, что ее может и не быть на белом свете. Из воспоминаний дочерей удалось узнать очень мало.

Иван с Катериной жили в доме, где кроме них еще существовали две семьи: мачеха с двумя детьми и дядя с женой и двумя ребятишками. В 1932 году рядом построили второй маленький домик, но по-прежнему все три семьи проживали в старом доме. Пришли власти и объявили, что у одной семьи два дома. Мужа Ивана забрали в трудармию. Оказывается, всего-то нужно было оформить «Акт о выделе». В селе население малограмотное. У Ивана три класса церковно-приходской школы, законы никто не знал. Прописки не существовало. Но и это не принималось, как объяснение. Все равно комиссия описала вещи, в том числе чашки и поварешки. Бабушке каким-то образом удалось угнать двух своих коров и продать их мужчине из соседней деревни. В это время на подмогу приехала младшая сестра Александра Петровна, которая оставалась с двумя маленькими племянницами Апфией и Машей. После продажи коров все четверо тайком пробирались к железной дороге. Одну ночь даже провели на деревенском кладбище. Опасались, что за ними пошлют погоню. Но все же без происшествий добрались до Первоуральска, где сестра Александра с мужем Шиловым устроились на строительство Новотрубного завода. Леонид Шилов помог достать паспорт. Жили на знаменитой Пахотке в бараке для первостроителей трубного гиганта. Дед Иван Николаевич проработал три года штукатуром в трудармии на строительстве Уралмашзавода. Затем приехал к семье в Первоуральск и устроился в цех № 34 на паросиловой участок, который находился в первом трубопрокатном цехе. В 1940-х годах во время Великой Отечественной войны Иван с дочерью Машей в нерабочее время ходили подрабатывать в пимокатную мастерскую на улице Строителей.

И в 30-х, и в 40-х, и в 50-х годах прошлого столетия рабочее место было найти трудно. Бабушка Катя при строительстве Новотрубного завода работала санитарной сестрой (проверяла чистоту в бараках), во время войны на отделке труб в цехе № 1, а в 50-х годах была даже в няньках.

Живы две дочери Екатерины Петровны: старшая Апфия и младшая Людмила. К сожалению, не стало средней - Марии – моей матери. Она умерла 6 июня 2004 г. от инфаркта, несовместимого с жизнью, хотя никогда не жаловалась на сердце. Сейчас в наследниках у бабушки: внук Владимир, две внучки Тамара и Татьяна, правнуки Максим и Катя, праправнучка Виктория.

Примечания

1. Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001. С. 377.
2. Коновалов Ю. В. Книга десятинной пашни Верхотурского уезда 1632 г. // Уральская родословная книга. Екатеринбург, 2000. С. 322.
3. Геннин В. Уральская переписка с Петром I и Екатериной I. Екатеринбург, 1995. С. 73-74.
4. Храмы Шадринского уезда. Шадринск, 1994. С. 87-88.
5. ГАСО. Ф. 289. Оп. 1. Д. 4, 6-8, 14, 15, 21, 22, 24, 25, 27-30.

Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов
Уральский государственный университет, г.Челябинск

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЙ

Генеральное межевание в России было самым масштабным проектом второй половины XYIII – первой половины XIX в. как по времени осуществления, так и по территории, на которой оно проходило. Началось все в первые годы царствования Екатерины II и продолжалось при ее преемниках на всей европейской территории России, включая и приуральские губернии. Такие длительные мероприятия не могут служить только сиюминутным, тактическим целям государственной власти. Они обязательно носят стратегический характер.

Одним из первых, кто попытался «по свежим следам» осмыслить суть и масштабы мероприятия, был архивист П.И. Иванов. Его первая работа, посвященная преимущественно Московской губернии, подводила некоторые итоги межеванию в целом, официально закончившемуся в 1843 г. с ликвидацией последней межевой конторы в Пермской губернии. Во втором его труде содержится уже общий исторический обзор межеваний в России. Автор, в частности, впервые предложил периодизацию истории межевания, разделив ее на три периода:

- с древнейших времен до «единодержавия» императора Петра I (период писцового межевания);

- с Петра до вступления на престол императрицы Екатерины II (начало генерального межевания);

-с Екатерины до 40-х гг. XIX в. (период полного развития генерального межевания) (3).

Книги должны были помочь правильной организации предстоящего специального межевания.

После завершения генерального межевания интерес к теме был надолго утрачен и возродился в конце XIX - начале XX в. в связи с начавшимся массовым переселением крестьян в Сибирь. Среди опубликованных в это время работ особого внимания заслуживают труды И.Е. Германа. В 1893 г., к пятидесятилетию окончания генерального межевания, вышла его книга, посвященная истории межевого законодательства. В частности, он обратил внимание на многочисленные неудачные попытки осуществить общероссийское государственное межевание, предшествовавшие генеральному. Последняя из них была сделана в 1754 г. при Елизавете Петровне. Её неудачу Герман связал со стремлением проверить в ходе межевания владельческие права дворян на свои имения.

В 1894 г. увидела свет его вторая книга, раскрывающая состояние земельной собственности в России накануне генерального межевания. В ней в частности указывалось на запутанность поземельных отношений, отсутствие четких документов, подтверждавших право собственности, что и явилось главной причиной неудачи предшествовавших попыток общего межевания. Автор изложил собственное видение причин генерального межевания, которых было несколько (2).

В последующих трудах, опубликованных в 1907 - 1914 гг., И.Е. Герман продолжил тему генерального межевания, сконцентрировав внимание на принципах и правилах его реализации. В частности главным нововведением был отказ от проверки документов на право собственности у тех владельцев, на чьи земли не было других претендентов. Это, в конечном счете, и позволило относительно успешно завершить общую часть межевания.

Для автора не представлял сомнения продворянский характер межевого законодательства, закрепивший за ними практически все земли, которыми они владели незаконно. Наибольший успех это мероприятие получило в центральных районах страны, где преобладала поместная система. На окраинах, где господствовали другие поземельные отношения, генеральное межевание в чистом его виде должно было погаснуть, чтобы уступить место иным видам межевания. Эти особые межевания частью завершены, а частью еще и не начинались. Автор имел в виду земли казачьи, иностранных поселенцев, башкир и иных «инородцев».

Близких Герману взглядов на характер генерального межевания придерживался С.П. Кавелин, считавший его логическим продолжением продворянской политики правительства, лишившего в XYIII в. прав земельной собственности все сословия, кроме дворянского: «Это межевание проводится без проверки прав на владение; за каждым помещиком закрепляется то количество земли, которым он владеет неспорно, хотя бы и незаконно»(4, 28). По этой причине корона, по подсчетам автора, потеряла не менее 50 млн десятин.

Наложение границ по дачам, на основании полюбовного развода самих владельцев, а не по документам на право собственности, сводило его роль к простой геодезической съемке, следы которой закреплялись на месте межевыми знаками. Вместе с тем, характеризуя землеустроительные задачи генерального межевания в отношении крестьянских земель, С.П. Кавелин подчеркивал, что это было не межевое, а чисто земельное законодательство, выражавшее основные принципы государственной политики по отношению к государственной деревне.

Преимущественно с формально-юридических позиций рассматривал проблему С.Д. Рудин. Однако его взгляды мало отличаются от взглядов П.И. Иванова, И.Е. Германа, С.П. Кавелина, подчеркивавших сословно-классовый характер такого, на первый взгляд, чисто технического мероприятия, как межевание.

Что касается специальных работ, непосредственно посвященных межеванию уральских губерний, то их нами не обнаружено. Однако сами материалы межеваний использовались для решения исследовательских задач, связанных с землевладением и землепользованием в крае, в частности на основе их изучения были уточнены размеры и границы владений отдельных категорий землепользователей.

Результаты перераспределения земельной собственности в Приуралье, преимущественно в южной его части, по итогам генерального межевания нашли отражение в работах В. Вешнякова, В.Новикова, Г.Г. Ершова, Н. В. Ремезова, Д.Н. Соколова. Так, В. Вешняков, опираясь на данные восьмой ревизии и результаты генерального и специального межеваний, осуществил относительно точный подсчет крестьян, купивших землю в частную собственность на основании закона от 12 декабря 1801 г. В их перечень вошли и крестьяне-собственники Вятской и Оренбургской губерний. Н.В. Ремезов на материалах поздней Уфимской губернии получил сравнительные данные о землевладении в начале генерального межевания в Оренбургском крае и в 1880 г. Он показал прогрессирующее обезземеливание государственных крестьян Южного Приуралья, как результат отрезки в казенный фонд в ходе межевания почти трети всех обрабатывавшихся земель.

Опираясь на статистические данные Н.В. Ремезова, а также на результаты обследования поземельной собственности в 1877-78 годах, Г.Г. Ершов проследил динамику землевладения различных категорий населения относительно периода генерального межевания. В част-

ности, он выявил сокращение площади башкирских земель во всех уездах Уфимской губернии от 13% в Мензелинском до 39,5% в Уфимском, а в общем по губернии на 26,5%, то есть более, чем на четверть. В Сборнике статистических сведений о России 1851 г. была впервые опубликована официальная статистика результатов генерального межевания.

Подводя итог досоветскому периоду, можно констатировать, что проявление интереса к теме наблюдалось дважды: в первое десятилетие после его завершения (с целью подведения его итогов) и затем семьдесят лет спустя в связи с ростом переселенческого движения и активизацией землеустроительной деятельности в рамках столыпинской аграрной реформы. При этом если первоначально внимание исследователей фокусировалось на процессе межевания, то позднее акцент делался на его сословно-классовом характере.

В советской историографии проблема генерального межевания специально не поднималась. Однако время от времени появлялись небольшие публикации, посвященные её частным вопросам. Так, в 1930-е годы в журнале «Архивное дело» было помещено несколько статей по истории и современному состоянию Межевого архива, содержавшего большой объем источников по межеваниям. Среди других работ, касающихся Урала, отдельного упоминания заслуживает опубликованная в 1969 г. статья Х.Ф. Усманова, в которой подробно рассмотрены нормативно-правовая основа и практика размежевания башкир-вотчинников с припущенниками.

Впрочем, в качестве исторического источника материалы межеваний, особенно «экономические примечания», использовались и используются в настоящее время достаточно часто. Это обстоятельство стимулировало написание специальных источниковедческих трудов о «примечаниях». Среди них наиболее фундаментальным исследованием остается монография Л.В. Милова (5). Однако специфика экономических примечаний, собранных в уральских губерниях, да и сами итоги межевания в уральских губерниях, до настоящего времени системно не изучались. Применительно к Южному Уралу и Зауралью этот недостаток отчасти был компенсирован за счет исследований С.С.Смирнова (8).

Задача частичного обобщения и источниковедческой интерпретации «экономических примечаний» ставилась также в исследованиях М.А. Цветкова, В.К. Яцунского, П.А. Колесникова, Я Е Водарского, А.А. Горского. Рассматривался в частности вопрос об изменении соотношения угодий под воздействием общего сокращения обрабатываемых государственными крестьянами площадей, вызванного отрезками во время межевания. Так, А.А. Горский, изучив экономические примечания ряда центральных губерний, пришел к выводу, что во второй половине XYIII в. резервы для поддержания трехпольного севооборота за счет вовлечения территорий, занятых под лесами, исчерпаны не были (2).

Если генеральное межевание как самостоятельная проблема и не стала в советский период объектом пристального внимания историков, то в качестве важнейшего фактора изменений поземельных отношений и условий и способов хозяйствования оно, безусловно, исследовалось историками-аграрниками. Следует, однако, заметить, что до сих пор отсутствует специальное исследование роли генерального межевания в процессе перераспределения земли на территории Урала в целом, не говоря уже обо всей России. Именно этим объясняется широко распространенное в литературе мнение о чрезвычайно высокой земельной обеспеченности государственных крестьян бывшей Оренбургской губернии, с чем категорически не согласен С.С. Смирнов. Изучив планы дач государственных крестьян в самой землеобильной Оренбургской губернии, он показал, что их обеспеченность была намного ниже даже официально установленной нормы в 15 десятин на ревизскую душу (7).

В постсоветский период заметных изменений в методологии и методике изучения хода и последствий генерального межевания не произошло. Можно лишь констатировать, что исследовательский интерес к проблеме еще более ослаб. Новая социальная и идеологическая конъюнктура сделала проблемы сельского хозяйства и поземельных отношений неактуальными. Это кажется тем более странным, когда в связи с принятием нового Земельного кодекса происходят революционные перемены в распределении земельной собственности с мало предсказуемыми последствиями. В этих условиях обращение к историческому опыту нам кажется объективно необходимым.

Вместе с тем, наметившаяся тенденция акцентирования внимания на проблемах региональной или даже местной истории справедлива и в отношении исследуемой тематики. В последние годы в приуральских издательствах опубликован ряд обобщающих и справочных работ, в которых поднимаются и вопросы, связанные с историей генерального межевания. Так, в первом томе «Истории Курганской области» указывается на тесную связь между топографическими, топографо-статистическими, военно-топографическими описаниями и «экономическими примечаниями», составленными по отдельным районам Зауралья. Небольшие статьи о межеваниях на Урале содержатся в ряде региональных энциклопедий (6, 336; 9, 806).

Однако, несмотря на приведенные нами примеры, в целом, остается справедливым утверждение о снижении интереса к материалам генерального межевания в последние полтора – два десятилетия.

Итак, историографический анализ показывает, что генеральное межевание, будучи одним из важнейших землеустроительных и землераспределительных мероприятий, не привлекло должного внимания историков, а задача его исследования не потеряла актуальности и в настоящее время. С другой стороны, как источник информации, полученной в результате сплошного обследования всей территории европейской России, «экономические примечания» к планам дач генерального межевания фрагментарно или выборочно используются в абсолютном большинстве трудов по проблемам сельского хозяйства России второй половины XYIII – первой половины XIX в.

Примечания

1. *Герман И.Е. Состояние поземельной собственности в России накануне генерального межевания. М.:Типолитография Д.А.Бонч-Бруевича,1894.192 с.*
2. *Горский А.А. Экономические примечания к Генеральному межеванию как источник по истории сельского хозяйства России во второй половине XYIII в. // История СССР. 1984. № 6.С.117-122.*
3. *Иванов П.И. Опыт исторического исследования о межевании земель в России. М.: Тип. С.Селиванского,1846. 148 с.*
4. *Кавелин С.П. Межевание и землеустройство. Теоретическое и практическое руководство. М.: Изд-во Межевого института,1914. 339 с.*
5. *Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию. М.: Изд-во МГУ,1965. 260 с.*
6. *Пундани В.В. Межевание Генеральное // Уральская историческая энциклопедия.2-е изд. Екатеринбург: Академкнига, 2000.638 с.*
7. *Смирнов С.С. К вопросу о земельной обеспеченности государственных крестьян Оренбургской губернии в первой*

половине XIX в. (по материалам генерального межевания) // Крестьянство Урала в эпоху феодализма: Сб. научных трудов. Свердловск: УрО АН СССР,1988. С.88-101.

8. Смирнов С.С. «Экономические примечания» к генеральному межеванию Оренбургской губернии - ценный источник по аграрной истории Южного Урала первой половины XIX в.// Урал и проблемы региональной историографии. Феодализм. Первобытнообщинный строй: Свердловск: УНЦ АН СССР,1986.С.75-78.

9. Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Генеральное межевание // Челябинская область: Энциклопедия. Т.I. Челябинск: Каменный пояс, 2003. 999 с.

Н.А. Толопко
Курганский государственный университет, г.Курган

СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ А.Н. ЗЫРЯНОВА И Е.Д. ЗОЛОТОВА О ПУГАЧЁВСКОМ ВОССТАНИИ В ЗАУРАЛЬЕ

Одной из тем русской классики был крестьянский бунт, так как он давал возможность исследовать историю России, истоки волнений, русский менталитет, отдельные характеры. Тема Пугачёвской войны как эпохального события, потрясшего всю страну, притягивала внимание многих писателей, например: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. Я. Шишкова.

Крестьянская война 1773-1775 годов имела массовый характер. Восстание стало предметом народного осмысления. Ему посвящены произведения разных фольклорных жанров, в большей степени исторические песни и предания. Таинственная фигура Пугачёва привлекала внимание многих российских писателей, но лишь после смерти Екатерины II о далёких событиях XVIII века стало возможным говорить на страницах художественных произведений.

Материалом нашего исследования являются два очерка: «Пугачёвский бунт в Шадринском уезде и его окрестностях» Александра Никифоровича Зырянова и «Город Кунгур в 1774 году во время Пугачевского бунта. Материалы для истории города» Евгения Дмитриевича Золотова.

Очерк «Пугачёвский бунт в Шадринском уезде и его окрестностях» написан в 1859 году по заданию Российского Императорского географического общества (примерно к столетию восстания). Зырянов поставил конкретную цель – подробно осветить события бунта, происходившие на территории Зауралья, исходя из представления о Зауралье как части России. Государственный крестьянин, ставший с веком наравне, просветитель, краевед поставил вопрос о роли локальных исследований в изучении Российского исторического процесса. А. А. Дмитриев отмечает, что Зырянов впервые использовал в работе письма зауральских пугачевцев, введя их в очерк. Значение его работы очень велико.

Другой очерк, ставший материалом нашего исследования, - «Город Кунгур в 1774 году во время Пугачевского бунта. Материалы для истории города», священник и краевед Е. Д. Золотов опубликовал в 1892 году. В то время отклики на очерк в печати были неоднозначны. Однако в наше время многие историки и краеведы, изучая крестьянскую войну, активно используют в своей работе документы, которые привёл Е. Д. Золотов.

Оба автора пользовались официальными материалами. Е. Д. Золотов обращался к письменным источникам: архивам, Материалам Пугачевского бунта в Кунгурской Городской Управе, собранным Василием Шишонко, статьям Пермского сборника 1860 года, Пермским губернским ведомостям и т. д. Основными источниками очерка Зырянова были: дело о Пугачеве в Шадринском уездном суде, значащегося по архивной описи под №5547; рапорты уездных старост; рапорты секунд-майора Завроткова и генерал-поручика Декалонга; переписка между осажденными далматовскими монахами и пугачевцами; устные рассказы очевидцев событий; произведения устного народного творчества. Письменные материалы, использованные Зыряновым, впоследствии сгорели. Поэтому можно говорить об уникальности его исследования.

Однако Зырянов в свой труд вводит предания и легенды, что оживляет очерк: **«В селе Белоярском мятежники почему-то не были. Белоярские крестьяне сохраняют об этом следующее религиозное предание: когда мятежная шайка подходила к селу Белоярскому, тогда Георгий Победоносец, во имя которого существует там церковь, показал им огромные полчища войск сибирских, посланных против врагов и вооруженных пушками и ружьями, - и мятежники, убоясь их, обошли Белоярскую стороною и не коснулись к ней» (2;82).**

У Золотова также в тексте очерка есть устные предания и сказания, но в меньшем объеме: татары стрелой попали в икону Св. Николая, **«За сие поругание Святыни немедленно постигло дерзких наездников праведное наказание: они были поражены слепотою» (1;109).**

Следует отметить, что Зырянов и Золотов опирались на прозаические произведения устного народного творчества – предания и легенды, поскольку очевидцев событий оставалось всё меньше и меньше, а рассказы «дедушек и бабушек» начали переходить в семейные воспоминания.

Изучая очерк Зырянова, видим двойственную позицию автора: с одной стороны, он объективно изображает происходившие события, а с другой, – чувствуется его благосклонное отношение к пугачевцам, он отмечает, насколько велика роль восстания в жизни народа. Вероятно, такая двойственная позиция исходит от положения самого автора: он – государственный крестьянин, но он и чиновник на службе царя.

Зырянов показал, что представители правящего класса не уступали по жестокости повстанцам, которых они уподобили дикарям: **«Замечателен слепой нищий, мыльниковский крестьянин, по имени Афанасий Корендюгин, принимавший деятельное участие в возмущении; он также по суду повешен»(2;89)**.

Картины, нарисованные Зыряновым, убедительно показывают, что побудительные мотивы восстания не в Пугачёве, а в подневольном, рабском, забитом положении народа. По его убеждениям, Пугачевское восстание – не мятеж одних лишь воров и разбойников, хотя в многомиллионной и многоликой армии встречались и такие, а выход всеобщего негодования, которое потрясло империю. Именно поэтому так быстро и с таким желанием шли люди за Пугачёвым, именно поэтому, вооружённые лишь топорами и палками, они легко одерживали победу над хорошо организованной армией правительственных войск. Зырянов отмечает находчивость и изобретательность обеих сторон: **«Казаки-крестьяне, предавшиеся самозванцу, - как безоружные, по приказанию начальника мятежников, рассыпались по окрестностям Челябинска по одиночке, стараясь бродить по возвышениям, чтобы челябинцы подумали, что их врагов много» (2;69).** Вместе с тем: «…**слобода Мехонская, отстоящая от Каргапольской в двадцати пяти верстах…уцелела от грабежа по следующему обстоятельству: жители её, если верить преданию, столпились в то время на возвышенности правого берега Исети…там разложили они пуки соломы и зажгли: мятежники, увидя огни, по-**

думали, что здесь стоит войско сибирское, и поспешили удалиться под слободу Уксянскую, которая теперь назначена была сборным местом для всех приверженцев Пугачева» (2;89).

Беспощадность, жестокость были также проявлением той мести, желанием оказать сопротивление многовековым унижениям.

Зырянов отмечает огромный размах военных действий, многонациональный состав Пугачевской армии, объединение людей разных сословий и вероисповедания для достижения единой цели – свободы. Он отмечает участие «башкирцев» в крестьянской войне: **«…когда Декалонг был в Шадринске, на берегах Мияса появилась партия башкирцев… эта толпа должна была поддержать мятеж»(2;89).**

Зырянов не даёт прямого объяснения причин возникновения бунта, но намёк на несправедливость властей находим на страницах очерка: **«Было бы, конечно, односторонне и крайне поверхностно объяснять причину этого волнения тем, что вот-де некто злодей Емелька Пугачев назвал себя императором Петром III, а простой народ вдался в обман и восстал против законной власти; утверждать так значило бы отрицать всякий человеческий смысл у волновавшегося миллионного народонаселения» (2;67).**

Зырянов рассказывает о событиях крестьянского бунта как объективный наблюдатель, Золотов же даёт им оценку односторонне. Он описывает пугачевцев как разнородную банду, всюду учиняющую разгром: **«В конце декабря 1773 года шайки Пугачева – башкирцы, татары и русские, - разорив окрестные заводы и селения, стали подвигаться к Кунгуру… Бунтовщики, разъезжая большими партиями … находящегося в тех местах скота отогнали, хлебные припасы, сено, кожи, железные поделки и всякий скарб разграбили и увезли в свои шайки» (1;46).**

Казнь же восставших Золотов оправдывает как справедливое наказание за грехи: **«Старожилы кунгурские рассказывают, что пойманных в злодейских шайках бунтовщиков … вешали по деревьям по горам … в страх и наказание другим. А вешали их за ребро на железном крюку, и долго они так висели неубранные, пока не распадались сами собой от времени» (1;105).**

У Зырянова безрезультатный, стихийный, захвативший огромное количество народа, но без определённых целей и задач, бунт уступает место затишью: «Крестьяне приисетские не волновались более… Напротив, какая-то вялость, робость заступили у них место этой недавней дерзкой отваге» (2;92).

Пугачевский бунт был вехой, определённым рубежом в жизни крестьян: **«И теперь еще живо предание о Пугачеве, так что это время служит для народа как бы эрою: спростите крестьянина: когда родился он? – «В Пугачевщину, или спустя столько-то лет после нее», - будет ответом вам» (2;92).**

Золотов же пишет: «**Радовались и не могли нарадоваться и не славить Бога спасенные от бед жители Кунгура!» (1;72).**

Золотов – священник, а потому он даёт односторонюю оценку происходившего. Зырянов – государственный крестьянин и чиновник, поэтому воспринимает войну как явление сложное и противоречивое. Позиция Зырянова близка к позиции писателя-реалиста – он показывает бессмысленный и беспощадный бунт, но со всех сторон.

Примечания

1. *Золотов Е. Д. Боль души. Избранное: Сборник статей / Под ред. О. А. Реневой. Кунгур, 2002. С. 41 – 135.*
2. *Зырянов А. Н. Пугачевский бунт в Шадринском уезде и его окрестностях // Шадринская старина: Хрестоматия. Шадринск. 1996. С. 67 – 92.*

А.С. Жарова
Курганский государственный университет, г.Курган

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КУРГАНСКОГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА О РОДИВШИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Как известно, польское население в Сибири появляется с эпохи Екатерины II и, начиная с этого времени, польское население постепенно растет как за счет ссыльных, так и за счет прибывших добровольно. В основном поляки проживали в городах, не стал исключением из этого правила и город Курган, где постепенно складывается польская диаспора. Приходится с сожалением признать, что о курганских поляках написано мало и многие источники не были введены в научный оборот. Сказанное относится и к метрическим книгам курганского римско-католического костела (1). Из этого источника можно извлечь некоторые данные о католиках города Кургана и окрестностей за период с 1905 по 1919 годы. При работе с этим источником следует учитывать его специфику, в первую очередь, то, что он не может дать перечень всех католиков, проживавших на тот момент в данном приходе. В метрики занесены только те лица, в семьях которых родились и были крещены дети. То есть, изначально мы имеем выборку. Кроме того, данный документ не дает данных о роде занятий, социальном положении, месте жительства и т.д., следовательно, материалы, полученные из этого источника, изначально нуждаются в дополнении и в привлечении других источников, восполняющих эти пробелы.

Мною из всего объема материала были выбраны данные, относящиеся к 1905-1917 годам, то есть относящиеся в основном ко времени Российской империи. В метриках записано за указанное время 250 семей, у которых появилось в данный период 466 детей.

Помимо фамилий лиц католического вероисповедания метрики дают сведения и о сословной принадлежности населения. Нужно отметить, что согласно метрикам, крестьян гораздо больше, чем представителей других сословий.

В целом же в источнике отмечены следующие группы населения:

дворяне – 32 семьи, 13% от общего числа;
крестьяне – 135 семьи, 54%;
мещане – 54 семьи, 21,5%;
иностранные подданные – 6 семей, 2,4%;
поселяне – 11 семей, 4,4%;
обыватели – 1 семья, 0,4%;
приписанные – 5 семей, 2%.

Можно извлечь данные и о месте приписки этих людей. К сожалению, в некоторых случаях отправители культа не делали подробных записей, а просто писали губернию, где был приписан человек, не упоминая при этом ни волости, ни города, ни уезда. И это создает определенные трудности. Например, в городе Кургане было приписано всего 3 семьи. В Курганском уезде чуть больше – 9. Но в то же время многие люди имели приписку в Тобольской губернии – 25 семей. Вполне возможно, что некоторые из них были приписаны и проживали в городе Кургане, но в метриках указана только губерния.

Наибольшее же число поляков были приписаны к Ковенской губернии – 39 семей, далее следует Тобольская – 25, Минская губерния и город Минск – 24 и 9 семей соответственно, Виленская, губерния – 20 семей. Что касается остальных губернии, то число приписанных там крайне невелико.

Метрические книги позволяют выявить и служителей культа, которые совершали обряды в костеле, можно также проследить и их сменяемость. Так с 1905 года по 12 августа 1907 года обряды проводит ксендз Калинка, с 23 сентября 1907 года по 6 января 1912 года - ксендз Козаковский, с 27 февраля 1912 года по 4 ноября 1912 года - ксендз Усанис, с 13 декабря 1913 года по 6 сентября 1915 года - ксендз Станислав Жамойтук, с 6 сентября 1915 по 1917 года - ксендз Иосиф Пуржицкий.

Итак, метрические книги римско-католического костела города Кургана являются ценным источником по изучению истории польской диаспоры в городе Кургане. Благодаря этому документу можно определить фамилии поляков, проживающих в изучаемый период на территории прихода, выявить их сословную принадлежность и место приписки.

Кроме того, метрики - это, наверно, единственный источник, который дает информацию о таком виде духовного родства как кумовство, так как в метриках указываются не только родители, но и крестные отец и мать ребенка. И здесь также можно проследить некоторые закономерности. Согласно метрикам, старались приглашать крестными только своих единоверцев, в первую очередь лиц польского происхождения. Люди, проживающие в одной местности, как правило, приглашают друг друга в качестве крестных.

Вашему вниманию представлена небольшая выборка из этого источника.

1. В семье крестьян Минской губернии Игуменского уезда Угриновичей Иосифа Фабианова и Марии (урожденная Корзюк) 8 февраля 1911 года родился сын Иосиф, который был окрещен 15 февраля этого же года. Его восприемниками стали Станислав Угринович и Франциска Угринович.

Второй сын этой семьи - Казимир родился 7 февраля 1913 года, а окрещен был 14 февраля 1913 года. Его восприемники: Станислав Угринович и Антонина Угринович, жена Ивана.

30 июля 1914 года в семье родилась дочь Елена, окрещенная 3 августа 1914 года. Ее восприемники: Иван Угринович и Виктория Корзюк, девица.

И, наконец, последний сын Станислав родился 18 мая 1917 года, а окрещен был 28 мая 1917 года. Восприемниками стали Иван Угринович и Виктория Корзюк, девица.

2. У семьи Угриновичей Станислава и Стефании (урожденная Казанцева, Казанец), крестьян Минской губернии Игуменского уезда, сын Эдуард родился 23 мая, а 2 июня 1911 окрещен. Восприемниками стали Иосиф Угринович, Виктория Угринович.

Сын Виктор родился 3 апреля 1913 года, был окрещен 15 апреля 1913 года. Его восприемники: Иосиф Угринович и Антонина Угринович, жена Ивана.

Сын Александр родился, 9 июня 1915 года был окрещен 13 июня 1915 года. Восприемниками его были Иосиф Угринович и Анна Реуцкая, девица.

3. У Ивана Антонова и Франциски (урожденная Гаусман, Гольцман) Угриновичей крестьян Минской губернии, Игуменского уезда, 13 февраля 1910 года родился сын Антон, окрещенный 14 февраля 1910 года. Восприемники его: Иосиф Угринович и Антонина Угринович.

2 декабря 1911 года в семье родилась дочь Мария, окрещенная 26 декабря этого же года. Ее восприемниками стали Иван Угринович и Мария Угринович.

Дочь Юлия родилась 2 января 1914 года, а окрещена была 19 января этого же года. Восприемниками стали Иван Корзюк и Анна Угринович.

Младшая дочь Янина родилась 12 марта 1916 года, окрещена была 22 марта. Восприемники ее: Иосиф Угринович и Юлия Гаусман, девица.

4. В семье Угриновичей Петра и Виктории (урожденная Шабуня), крестьян Минской губернии Игуменского уезда, 10 июля 1906 года родилась дочь Мария, а 20 июля 1906года она была окрещена. Восприемниками стали Леонтина Солтан и Игнатий Реуцкий.

Вторая дочь София, родившаяся 21 августа 1908 года, была окрещена 30 августа 1908 года. Ее восприемниками были Эдуард Максевич и Сабина Шабуня.

Сын Леонард, окрещенный 21 ноября 1910 года, родился 6 ноября 1910 года. Восприемниками стали Иосиф Угринович и Анна Угринович.

Младшая дочь Анна, родившаяся 24 июля 1913, окрещена 11 августа 1913 года. Восприемники: Антон Сырвид и Стефания, Станислава Угриновича супруга.

5. В семье Ивана Антонова и Антонины (урожденная Огрживайло) Угриновичей, крестьян Минской губернии, Игуменского уезда 8 сентября 1914 года родился сын Иван, который был окрещен 10 сентября 1914 года Восприемники: Иосиф Угринович и Стефания Угринович, жена Станислава.

Дочь Геновефа, родившаяся 11 мая 1916 года, окрещена была 19 мая 1916 года. Ее восприемниками были Иосиф Угринович и Павлина Конушевская, жена Михаила.

Таким образом, в городе Кургане проживал целый клан Угриновичей, выходцев из Минской губернии Игуменского уезда, которые, скорее всего, были родственниками. Из предоставленной выборки можно отметить и то, что это была достаточно замкнутая группа семей, в качестве восприемников они приглашают в основном представителей своего клана. То есть эти люди были связаны не только кровным, но и духовным родством.

6. В семье Филиппа и Софьи (урожденная Кнор) Гептен, поселян Екатеринославской губернии, Мариюпольского уезда, 15 июня 1911 родилась дочь Елена, а окрещена она была 11 октября того же года. Восприемниками были Яков Вагнер и Елена Петрушко.

7. У семьи Якова и Елены Геринг (урожденная Тринц), поселян Екатеринославской губернии, Мариюпольского уезда, 10 мая 1911 года родился сын Криштов и был окрещен 24 мая 1911 года. Его восприемники: Криштов Петрушко, София Кнор.

8. У Вагнер Бронислава и Брониславы (урожденная Живчинская, Жильчинская), мещан города Варшавы, 23 ноября 1907года родился сын Генрих, который 28 ноября 1907 был окрещен на Петуховском литейном заводе. Восприемниками стали Александр Григорьев и Виктория Шульдт.

Второй сын Владислав, родившийся 27 марта 1909 года, окрещен 23 мая 1909 года. Его восприемники: Константин Ср(Ф)абриков и Татьяна Четило.

Дочь Янина родилась 6 июля 1914 года, а 8 сентября 1914 года окрещена. Восприемниками ее были Леон Горбачевский и Анеля Бурянская, жена Игнатия.

9. У Вагнер Корнелия и Францишки (урожденная Кнорр), крестьян Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда, сын Филипп родился 20 июля 1912 года, а 12 марта 1913 года был окрещен. Восприемниками его стали Филипп Кнорр и София Геттинг, жена Филипа.

Дочь София родилась в этой семье 3 октября 1913 года, а окрещена была 3 декабря 1913 года. Восприемники: Яков Вагнер и София Кнорр, жена Георгия.

10. У семьи Вагнер Якова и Анны (урожденная Оборовская), поселян (крестьян) Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда, 12 августа 1909 года родилась дочь Елизавета, окрещенная 14 декабря 1909 года на участке Катанаево. Ее восприемниками стали Криштов Петрушко и Елизавета Кнор.

Вторая дочь Маргарита родилась 17 марта 1914 года, а 23 июня 1914 года было окрещена. Восприемники: Яков Шнайдер и Елена Петрушко, жена Иоанна.

11. В семье Вагнер Адама и Анны (урожденная Гептен), крестьян Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда 8 ноября 1913 года родилась дочь Ева, окрещенная 3 декабря 1913 года. Восприемниками стали Иван Петрушко и Ева Вагнер, жена Климентия.

12. У поселян Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда Кнор Юрия и Софии (урожденной Геринг) дочь Екатерина родилась 1 ноября 1909года, а 15 декабря 1909 года была окрещена на участке Катанаево. Восприемниками были Корнелий Вагнер и Елена Петрушко.

13. У Кнор Юрия и Анны (урожденная Массольд), поселян Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда, 10 декабря 1909года родился сын Генрих, окрещенный 14 декабря 1909 года на участке Катанаево. Его восприемники: Генрих Массольд и Екатерина Петрушко.

14. У поселян (крестьян) Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда Кнор Якова и Марии (урожденная Кнор) 18 июня 1909 года родился сын Иоанн, а 15 декабря 1909 года он был окрещен на участке Катанаево.

Восприемники: Иоанн Кнор и Елена Массольд.

Дочь Кнорр Елена 31 мая 1914 года родилась, 23 июня 1914 года окрещена.

Восприемники: Яков Петрушко и Елена Массольд.

15. Кнор Филипп и Елизавета (Ур. Вагнер), поселяне Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда, дочь София 17 ноября 1910года родилась, 15 декабря 1910 года окрещена на участке Катанаево.

Восприемники: Яков Вагнер и Анна Кнор.

Дочь Мария, родившаяся 3 ноября 1912 года, окрещена была 12 марта 1913 года. Восприемниками стали: Корнелий Вагнер и Францишка Петрушко, жена Христофора.

Вторая дочь Елена в этой семье родилась 7 сентября 1914 года, окрещена же была 10 марта 1915 года. Восприемники: Яков Мардоневский и София Гептен, жена Филиппа.

16. У семьи Петрушко Иоанна и Елены (урожденная Вагнер), поселян Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда, 3 августа 1909года родилась дочь Елена, окрещенная 14 декабря 1909 года на участке Катанаево. Восприемники ее: Юрий Кнор и София Гептен.

Сын Филипп, родившийся 10 ноября 1913 года, окрещен был 3 декабря 1913 года. Восприемниками его стали Климентий Вагнер и Анна Кнорр, жена Ивана.

17. В семье поселян (крестьян) Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда Петрушко Якова и Екатерины (урожденной Геринг) 15 февраля 1909года родилась дочь Мария, окрещенная 16 июня 1909 года на участке Катанаево. Восприемники: Филип Кнор и Елена Петрушко.

Старший сын Леон родился 18 ноября 1910года и был окрещен 15 декабря 1910 года на участке Катанаево. Восприемниками стали: Яков Кнор и Елена Массольд.

Младший сын Генрих, родившийся 25 февраля 1913 года, 12 марта 1913 года был окрещен. Его восприемниками были Генрих Масольт и Мария Кнорр, жена Якова.

18. У Петрушко Криштофа и Франциски поселян Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда 1 ноября 1909 года родился сын Стефан, окрещенный 14 декабря 1909 года на участке Катанаево. Восприемники: Карнелий Вагнер и Анна Вагнер.

19. В семье Массольд Генриха и Елены (урожденная Вагнер) поселян Черниговской губернии 20 ноября 1909года родилась дочь Екатерина, которая была окрещена 14 декабря 1909 года на участке Катанаево. Ее восприемниками стали Григорий Кнор и Екатерина Петрушко.

20 июня 1911 года в этой семье родился сын Валентин, который был окрещен 11 октября 1911. Восприемниками его были Филипп Гептен и Марья Кнор.

20. У Андрея и Елены (урожденная Вагнер) Масольд крестьян Екатеринославской губернии Мариюпольского уезда 2 октября 1913 года родилась дочь Анастазия, окрещенная 3 декабря 1913 года. Восприемниками ее стали Адам Вагнер и Екатерина Петрушко, жена Якова.

Как можно видеть, эта группа семей, проживающая на катанаевском участке Акмолинской области, также была связана между собой и кровным и духовным родством.

21. В семье крестьян Ковенской губернии Бесман Иосифа и Марии (урожденная Рымкус) сын Эдуард родился 10 января 1906 года, а 30 января 1906 был окрещен. Его восприемниками стали: Бронислав Сухомский, Мария (Фамилия крестной матери неразборчива)

Уже в записи за 1908 год Иосиф и Марья записаны как мещане города Минска и согласно метрической книге 5 марта 1908 года у них родился сын Лонгин, окрещенный 20 марта 1908 года. Его восприемники: Александр Бесман и Елизавета Бесман

Старшая дочь Анеля родилась 1 февраля 1910 года, а 7 февраля 1910 года была окрещена. Восприемники: Бронеслав Сухачевский и Стефания Венгрженек.

Младшая дочь Станислава 3 апреля 1915 года рождения, а окрещена была 9 мая 1915 года. Восприемниками стали Бронислав Сухачевский и Леопольда Луневская, жена Фомы.

22. У семьи Бесман Александра и Емилии (урожденная Чекат(н)ович), мещан Минской губернии и уезда (города Минска), дочь Мария родилась 10 января 1906 года, а 20 января 1906 года окрещена. Ее восприемники: Иосиф Бесман и Елена Сухачевская.

Сын Станислав, родившийся 20 февраля 1907 года, был окрещен 25 февраля 1907 года. Восприемники: Иосиф Бесман и Аделя Милош.

Следующий сын Цезарий родился 28 марта 1909 года, а 1 апреля 1909 года был окрещен. Восприемниками стали Иосиф Куклич и Вероника Пергаловская.

В записи за 1910 год эта семья уже фигурирует как мещане города Минска, и 28 ноября 1910 года у них родилась дочь Елена, которая была окрещена 6 декабря 1910 года. Восприемниками были Бронислав Сухачевский и Марья Пиотрович.

Дочь София, окрещенная 17 ноября 1913 года, родилась 13 ноября 1913 года. Восприемники: Андрей Петрович и Елисавета Бесман (девица)

23. В семье Бесман Александра и Анели (урожденная Чиканович), крестьян Минской губернии и уезда сын Станислав родился 4 мая 1915 года и был окрещен 10 мая 1915 года. Восприемники: Андрей Пиотрович и Валерия Гайдук, вдова.

Примечание
1 ГАКО, Ф. 305, Оп. 1, Д.2,4.

Ю.Ю. Патылицына
***О**мский государственный университет*
им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск

К ИЗУЧЕНИЮ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЛИБЕРАЛЬНО-ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В истории России вопросы возникновения и деятельности политических партий в начале XX века занимают далеко не последнее место. Особо значимо изучение партийно-политического движения в одном из крупнейших регионов России – в Сибири. На современном этапе развития исторической науки, наряду с конкретно-исто-

рическими исследованиями по указанной проблеме, большую роль играет ее историографическое осмысление, поскольку «выступая активным посредником в нескончаемом диалоге с прошлым, каждый историк одновременно вплетает собственную нить в полотно историографической традиции» (1, 76).

В начальный период советской историографии изучение классов и партий обуславливалось не только научной значимостью проблемы, но и потребностью повседневной идеологической борьбы. Несмотря на то, что в центре внимания исследователей оказалась история большевистской партии, была проделана и определенная работа по изучению роли и места либеральной буржуазии, ее политических партий. На общероссийском материале особо важны работы таких авторов, как С.Е. Сеф, В. Стальный и Е.Д. Черменский. В них была предпринята первая попытка дать анализ места и роли либеральной буржуазии в революции 1905–1907 гг., программ и тактики буржуазных партий, их взаимоотношений с самодержавием и революционной демократией. Несмотря на наличие некоторых недостатков (слабый анализ фактического материала, схематичное рассмотрение идеологии русского либерализма и др.), эти авторы собрали для того времени значительный материал, ввели в научный оборот документальные материалы, привлекли прессу тех лет. Все это сыграло свою положительную роль для дальнейшей разработки истории русского либерализма.

В литературе о политических партиях в России, опубликованной в центральных издательствах в 1920-х – 1930–х гг., история их сибирских организаций не освещалась. В той или иной мере изучение проблемы велось исследователями сибирского региона. Но их работы и в теоретическом плане, и по насыщенности фактическим материалом отставали от общего уровня, достигнутого советской историографией. Проблема классовой и партийной борьбы в Сибири в имевшихся публикациях, как правило, сводилась к изучению борьбы местного пролетариата против властей и капиталистов. За немногим исключением, исследователи не рассматривали представителей либерализма в Сибири в качестве фактора, способного ощутимо влиять на развитие местного общественного движения. В последующий период (с конца 1930-х до конца 1950-х гг.) значительных изменений в разработке темы не произошло. История либеральной составляющей общественного движения в Сибири, по сути дела, не разрабатывалась. Основное внимание исследователей сосредоточивалось по-прежнему на изучении борьбы большевиков против царизма и буржуазии, а также на рассмотрении политических выступлений рабочих.

В 1960 – 1980-е гг. много внимания продолжало уделяться изучению истории большевистской партии в дооктябрьский период. Однако возросший в эти годы интерес к проблеме союзников и противников пролетариата на буржуазно-демократическом этапе революции, потребовал от исследователей основательно заняться изучением политического развития российской буржуазии и деятельности либерально-оппозиционных партий. Интересующая нас проблематика активно разрабатывалась в вышедших в центральных издательствах монографиях и статьях Л.М. Спирина, Н.Г. Думовой, В.В. Шелохаева, А.Я. Авреха, В.С. Дякина, других авторов.

Работы исследователей – сибиряков появились несколько позже, чем в центре страны, но, несмотря на это, в них были намечены многие важные аспекты рассмотрения проблемы либерального движения в Сибири в начале XX века. Например, в работах И.Г. Мосиной была определена роль либеральной буржуазии и буржуазной интеллигенции в создании и деятельности первых кадетских и октябристских организаций, освещены их идейные позиции и тактика (2). По изучению классового состава сибирских отделов либеральных партий, деятельности кадетов в органах местного самоуправления, в культурно-просветительских обществах активно работала О.А. Харусь (4). Определенные успехи были достигнуты историками края и в разработке проблемы выявления социально-классовой основы политических партий и поиска путей ее расширения. Исследователи обратили внимание на изучение самих средств массового воздействия, имевшихся в распоряжении либеральных партий, на выявление комплекса причин краха их попыток направить движение масс в реформистское русло (3, 5).

Однако сибирских исследователей больше привлекали сюжеты, связанные с возникновением и деятельностью в крае организаций конституционно-демократической партии и областников. Это особенно наглядно видно в сопоставлении с тем, что сделано по изучению «Союза 17 октября». Вопросы о месте партии октябристов в системе политических сил Сибири, ее взаимоотношении с кадетами и «сибирскими патриотами» остались дискуссионными, требующими более глубокого изучения.

Кроме того, на материале зауральского региона разработка сюжетов, связанных с либерально-буржуазными партиями, ограничивалась в основном рамками первой российской революции. Что касается исследования организационного состояния, эволюции идейных позиций и основных проявлений деятельности кадетов и октябристов с 1907 г. по февраль 1917 г., то оно только начиналось. Даже в монографии И.Г. Мосиной «Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири» этот период освещен фрагментарно (2). Выводы исследователей, что после поражения первой российской революции в условиях отсутствия в Сибири оформленных кадетских и октябристских организаций главным прикрытием для политической деятельности либералов являлись культурно-просветительские организации местной интеллигенции заслуживают внимания, но их необходимо было подкрепить более основательным конкретно-фактическим материалом. Недостаточно была разработана проблема численности и классового состава либеральных партий в Сибири. Авторы на страницах своих трудов не открыли доступ к методике подсчетов, что привело к появлению некоторых неточностей.

Высказанные замечания не снижают значения работы, проделанной историками в 1920-х - 1980-х гг. по изучению либерально-оппозиционного движения в Сибири в начале XX века. Она явилась той основой, опираясь на которую исследователи смогли активизировать рассмотрение проблемы на современном этапе историографии.

Примечания

1. *История исторического знания: Пособие для вузов/В.В. Зверева, М.Ю. Парамонова, Л.П. Репина. М., 2004.*
2. *Мосина И.Г. Формирование буржуазии в политическую силу в Сибири. Томск, 1978; Она же. Буржуазия и буржуазная интеллигенция весной - летом 1905 г. в Сибири//Вопросы истории Сибири. Вып. 10. Томск, 1979. С. 114-121; Она же. Либералы и пролетариат Сибири в революции 1905-1904 гг.//Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири. 1905-1920 гг. Томск, 1982. С. 110-116 и др.*
3. *Толочко А.П. Использование большевиками Сибири опыта революции 1905-1907 гг. в борьбе с идеологией и тактикой кадетов за влияние на массы в период реакции//Революция 1905-1907 гг. и борьба трудящихся Сибири против царизма: Тезисы научн. конф., посвящ. 80-летию революции 1905-1907 гг. в России. Омск, 1985. С. 144–148; Он же. Политические партии и борьба за массы в Сибири в годы нового революционного подъема (1910-1914 гг.). Томск, 1989 и др.*
4. *Харусь О.А. Кадетские и октябристские организации в*

Сибири в период первой российской революции (1905-1907 гг.): Автореф. дис… канд. ист. наук. Томск, 1986; Она же. К вопросу о классовом составе октябристских и кадетских организаций в Сибири в период первой русской революции//Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989. С. 68-73; Она же. Деятельность либералов в профессионально-политических союзах на первом этапе буржуазно-демократической революции 1905-1907 гг. в Сибири//Борьба большевиков в Сибири против либералов и областников (1905-февраль 1917 гг.): Межвузов. сб. научн. тр. Омск, 1989. С. 24-31 и др.

5. Шейнфельд М.Б. Сибирское областничество и борьба с ним марксистов в периодической печати в годы Первой мировой войны//Из истории Сибири. Вып. 1. Красноярск, 1969. С. 3-43 и др.

С.И. Цеменкова
Уральский государственный университет им. А.М. Горького, г. Екатеринбург

ЕЖЕГОДНЫЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ АРХИВА УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА КОНТРОЛЯ ЗА СОХРАННОСТЬЮ ДОКУМЕНТОВ (последняя треть XIX - начало XX вв.)

Архивы Урала – это бесценный источник информации по истории региона. И от того, насколько полно представлен тот или иной исторический период архивными документами, зависит достоверность, глубина исторического исследования. В этом ключе актуальным является обращение к истории хранения архивных документов в одном из крупнейших архивов дореволюционного Урала – архиве Уральского горного правления.

В данной статье речь пойдет о такой традиционной для дореволюционного архивного дела форме контроля сохранности архивных документов как *освидетельствование* архива.

Еще с момента издания Генерального регламента в 1720 г., основной разновидностью контроля за деятельностью архива коллегии, являлась ежегодная проверка его состояния особо уполномоченными чиновниками учреждения, при котором состояло архивохранилище. Согласно Учреждению для управления губерний 1775 г. подобная процедура распространяется и на архивы местных учреждений. В XIX в. процесс освидетельствования архивов губернских учреждений регулировался законодательными актами, касающихся непосредственно деятельности губернских учреждений. Так, согласно ст. 302 Учреждения губернских правлений 1845 г., и ст. 604 Свода губернских учреждений 1892 г., присутственные места обязаны были освидетельствовать архив не менее одного раза в год (1).

24 фонд Государственного архива Свердловской области содержит целый комплекс документов и дел, освещающих историю деятельности архива Уральского горного правления. Анализируя содержание этих архивных документов, мы получаем сведения: о порядке хранения документов в архиве, его учетном и справочном аппарате, состоянии помещения хранилища, количестве дел, хранящихся на его полках, количестве дел, выделенных к уничтожению и пр.

Проблема обеспечения сохранности архивных документов стала одной из главных с момента появления в Екатеринбурге первых архивохранилищ. Так, еще по делам XVIII в. видно, что архивные документы охранялись очень плохо. В сентябре 1754 г. на воровстве бумаг из заводского архива был пойман 13-летний подросток Ларионов, который показал, что архив был «замкнут висячим худым замком» и дела он выносил два раза по праздничным дням, когда в канцелярии и архиве приказных служителей не было. Украденные документы он менял на голубей, на чем был пойман и наказан розгами (2,17).

Ценные сведения о сохранности документов в архивах мы черпаем из рапортов членов Комиссий по разбору архивных документов. Так, комиссия, учрежденная в 1852 г. для разбора решенных дел архива Уральского горного правления, выявила факт отсутствия в хранилище 61 дела за 1795 – 1833 гг. (3, 3). Комиссия действовала до 1859 г. и в результате ее деятельности к уничтожению было выделено более 30 тыс. дел из числа существующих 80 252.

Именно в связи с деятельностью этой комиссии, в 1864 г. Уральское горное правление разрабатывает правила «О хранении и уничтожении решенных дел», которые становятся методической основой деятельности архива (4, 379 – 384).

Комиссии по разбору документов работали также в 1865 – 1868 гг., 1876 –1878 гг., 1884 – 1886 гг. и рапорты и отчеты по их деятельности являются ценнейшим источником по истории экспертизы ценности архивных документов. До последней трети XIX в. систематически проводимые разборы архивных документов были, пожалуй, основной формой контроля состояния архивохранилищ решенных дел.

К сожалению, пока не удалось обнаружить архивные документы, которые бы освещали процедуру освидетельствования архива в первой половине XIX в. Судя же по делам и документам, составленным во второй половине столетия, архив Уральского горного правления начинают ежегодно ревизовать, т.е. освидетельствовать с 1878 г. Занимались освидетельствованием особые чиновники Уральского горного правления. Основная цель освидетельствования – как уже отмечалось выше, проверка состояния архива и архивных документов. С этого времени и до 1917 г. такие контрольные проверки стали для архива обязательным ежегодным мероприятием.

Рапорты чиновников, проводивших освидетельствование архива, являются для нас ценным источником по истории обеспечения сохранности архивных документов. Обязанность освидетельствования архива Уральского горного правления, а вместе с ним и архива заводского, закрепляется с 1878 г. за конкретным чиновником – надворным советником Герцем. Архивариус правления Боченков и заведующий заводским архивом Иванов обязаны были оказывать Герцу всемерную помощь. По результатам своей деятельности чиновник отчитывался перед общим присутствием Уральского горного правления (5, 1).

Так, 16 августа 1878 г. общее присутствие Уральского горного правления заслушало рапорт Герца о результатах освидетельствования архива правления. Из рапорта становится ясно, что: «a) дела содержатся в должном порядке; в) всем делам, хранящимся в архиве, имеются алфавиты; с) прием дел в архив производится с соблюдением установленного порядка; d) архивные дела, в случае надобности в них для справок, отыскиваются и выдаются с должною скоростью; е) дел, хранящихся в архиве всего 113 884 нумеров» (5, 1-1 об.).

Надворный советник Герц проводил освидетельствования архивов до 1890 г. В 1891 г. это занятие поручили младшему чиновнику особых поручений Тихонову. В рапорте, датированном 9 апреля 1891 г. Тихонов сообщает: «Долгом считаю доложить Управлению горной частью, что дела бывшей канцелярии Главного начальника в количестве 5 558, хранящиеся ныне в доме, занимаемом г. Главным начальником, как я понимаю, целесооб-

разней было бы сосредоточить в одном месте, для чего имеются свободные деревянные полки» (6, 2 об.).

В 1892 г. в действие был введен новый «Свод губернских учреждений», в котором по п. 604 значилось: «Архив свидетельствуется ежегодно полным Присутствием Правления; при чем обращается строгое внимание на все то, что установлено в сем отделении относительно архива, и делается постановление о том, в каком положении архив найден, что и какими мерами должно быть исправлено или улучшено» (7, 72).

Уже руководствуясь этим пунктом, с 1902 по 1908 г. освидетельствование архивов проводил горный инженер коллежский асессор Саларев. В рапорте от 30 апреля 1902 г. он отмечает, что «…В управлениях сделано хорошее нововведение: в каждой комнате, а их 11, считая и канцелярию, повешены ведомости с описанием, какие номера каких категорий помещены в комнату…это значительно облегчает ревизующему учет дел; по моему мнению, следовало таковые же ведомости завести и в заводском архиве. Затем нельзя не обратить внимания, что многие из описей дурно сброшюрованы, и ни на одной из них не заверено число дел подписью архивариуса ко дню ревизии, это, казалось бы, следовало ввести в употребление, т.к. новые Учреждения, упоминаемые описи составляют инвентарь архива» (8, 3 об.).

Интересен рапорт статского советника Минвица, проводившего освидетельствование архивов в начале 1909 г.: «…найдено в архиве Горного управления к 1 февраля 1909 г. 155 672 дела…Все дела находятся налицо и в порядке. В заводском архиве недавно проведена полная приемка архива с проверкою новым архивариусом Подаксионовым, причем многие дела, считавшиеся потерянными, были найдены» (9).

В феврале 1910 г. по поручению Главного начальника Уральских горных заводов и.о. ст. чиновник особых поручений Мельников освидетельствовал архив Уральского горного правления. Итоги своей проверки он изложил в особом рапорте, из которого мы узнаем следующее. На 1 февраля 1910 г. в архиве Уральского горного правления на хранении находилось 155 672 дела. Из них к первому разряду было отнесено 13 184 дела, ко второму – 34 036 дела, и 109 040 безразрядных дел (10). Все дела в архиве, по мнению Мельникова, хранятся в «подлежащем порядке», но «…на некоторых связках утеряны ярлыки с архивными номерами», и архивариус Новоселов вынужден отыскивать их «по памяти».

Также Мельников отметил, что некоторые архивные «реестры или описи» сильно истрепаны, нуждаются в реставрации и последующем переплете. Что касается дел, сданных за 1909 год, то на них и вовсе опись не заведена (11, 2-3).

Освидетельствование архива в апреле 1916 г. показало, что дела в архиве в порядке, всего же документов – 161 013 дел (12, 2). Проверяющий, и.о. главного техника Лукин оставил нам ценную информацию о порядке хранения документов в архиве. Документы хранились в особых связках, которые были разбиты на особые группы согласно структуре Уральского горного правления. В свою очередь эти группы были распределены на три категории, в зависимости от того, как часто дела требовались в канцелярию для справок. Так наиболее востребованные группы документов хранились в «ближних светлых» комнатах, на наиболее «видных полках», «другие же дела требуются меньше, а третьи редко … почему и кладутся в более удаленные комнаты» (12, 2). В каждой комнате на стенах висели подробные описи хранящихся в ней дел. В свою очередь на каждом из стеллажей также был вывешен «реестр» дел по каждой из полок.

Сами дела представлены были отдельными книгами или сшитыми тетрадями, некоторые из которых, как уже указывалось выше, соединялись в связки, на корешки которых наклеивали ярлыки, содержащие наименование дел и их номера. Таким образом, свидетельствовал Лукин, «… в смысле наглядности и удобства в отыскании какого-либо дела и общей ориентировки затруднений не встречается» (12, 2 об.).

Само помещение архива было охарактеризовано как чистое и опрятное «насколько это можно сказать про архивы», проходы между стеллажей не были загромождены, стекла в шкафах целы, течи в потолках не обнаружилось, двери архива были снабжены крепкими замками.

В конце рапорта Лукин высказал предложение в летнее время держать в помещении архива кадку с водой и мочальную швабру для поддержания чистоты и свежести в помещении.

По результатам проверки архивариусу архива Уральского управления Н.А. Подоксенову и его помощнику Н.Г. Зенкову за аккуратное и старательное отношение к службе в архиве по личному поручению начальника Уральских горных заводов была выражена благодарность (12, 2 об.).

Таким образом, мы видим, что процедура освидетельствования архивов, несомненно, положительно отражалась на состоянии архива и условиях хранения документов, вынуждая архивариусов (если они сами не проявляли радетельное отношение к службе) год от года совершенствовать систему хранения документов.

Примечания

1. *См. подробнее: Общее учреждение губернских правлении // Свод законов Российской империи. Т. II. Ч. I. СПб., 1857; Учреждение губернских правлений // Свод законов Российской империи. Т. II. Ч. II. СПб., 1892.*
2. *Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. 24. Оп. 1. Д. 1424. Л. 17.*
3. *ГАСО. Ф.24. Оп. 33. Д. 1445. Л. 3.*
4. *См. подробнее: Цеменкова С.И. Разработка правил хранения и уничтожения решенных дел: из истории архивного дела на Урале // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. трудов. Вып. 5. Екатеринбург, 2005.*
5. *ГАСО. Ф. 24. Оп. 16. Д. 157. Л. 1.*
6. *ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 2884. Л. 2 об.*
7. *Учреждение губернских правлений // Свод законов Российской империи. Т. II. Ч. II. СПб., 1892.*
8. *ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 5955. Л. 3 об.*
9. *ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 5962.*
10. *Архивные документы делились на три разряда: подлежащие вечному хранению, временному хранению (5 – 20 лет) и подлежащие уничтожению через 1-3 года.*
11. *ГАСО. Ф. 24. Оп. 18. Д. 5733. Л. 2 – 3.*
12. *ГАСО. Ф. 24. оп. 18. Д. 5909. Л. 2 – 2 об.*

А.М. Сафронова
Уральский государственный университет им. А. М. Горького, г.Екатеринбург

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗАКАЗ КНИГ В.Н. ТАТИЩЕВЫМ В АКАДЕМИЮ НАУК ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1736 г.

Руководя заводами Урала и Сибири, В.Н. Татищев не переставал работать над «Историей Российской» и, нуждаясь в книгах, заказывал их библиотекарю Академии наук, советнику академической канцелярии И.Д. Шумахеру. Все известные письма Татищева Шумахеру опубликованы, а переписка была длительной, на протяжении более 20 лет. Особый интерес для нас представляют письма, отправленные с Урала.

За 1736 г. известно лишь одно письмо Татищева от

30 декабря, в котором он запросил большую партию книг для заводов, школ и для себя лично (3, 246). По меньшей мере 7 более ранних писем Татищева, адресованных Шумахеру в этом году, пропали: от 13 февраля, 17 апреля, 16 мая, 7 июня, 26 сентября, 14 и 19 октября — о них речь идет в ответных письмах Шумахера Татищеву (3, 394). В одном из них, вероятно, октябрьском, был сделан еще один заказ книг. Об этом свидетельствует ответное письмо Шумахера, полученное Татищевым в Екатеринбурге 8 января 1737 г., к которому прилагался список литературы, готовящейся к отсылке на Урал. Само письмо Шумахера, оставшееся на руках у Татищева, неизвестно, подлинный же список книг на немецком языке был передан Татищевым в Канцелярию Главного правления заводов и сохранился в ее делах (2).

Этот список позволяет реконструировать состав литературы, заказанной Татищевым в Екатеринбургскую библиотеку. В нем фигурируют книги 34 названий. Часть их была заказана в Академию наук от имени Канцелярии еще в январе 1736 г., их состав нам известен. Исключив эти книги, получим названия 18 изданий, запрошенных Татищевым в недошедшем до нас письме Шумахеру. Состав заказанной литературы свидетельствует, над какими частями «Истории» Татищев собирался работать в Екатеринбурге в ближайшем будущем. Среди готовящихся к отправке книг были сочинения разных авторов, начиная с античных историков, заканчивая современными. Попытаемся понять, почему Татищев выбрал именно их.

«Одиссею» и «Илиаду» Гомера Татищев, видимо, затребовал, чтобы выяснить, что писал древнегреческий поэт о древних народах. В первой части «Истории» у него много ссылок на сведения Гомера о переселении славян, названиях племен, о венетах, жилищах «амазонов», обычаях скифов и др. (4. Т. 1. 93, 115, 151-153, 168, 262, 265, 316, 320 и др.).

«Plinii Cau. Secund.» — имя римского писателя и государственного деятеля Плиния Младшего (61/62 – ок.114), от которого сохранились только сборник писем в 10 книгах и похвальная речь — «Панегирик» императору Траяну. Письма содержат ценный материал для изучения экономической, политической истории Рима, его культуры и быта. В них дается целая галерея портретов современников Плиния, поэтому письма являются одним из главнейших источников для создания социального облика верхов империи. Они считаются и образцом эпистолярного жанра. Среди 113 корреспондентов Плиния был и Тацит. Вероятно, Татищев хотел просмотреть труды Плиния, как и Гомера, на предмет своего интереса.

Среди заказанных Татищевым книг — записки путешественников и мемуары о России. Для написания «Истории Российской», работы над географией, Татищеву понадобилась книга Марко Поло (ок. 1254–1324), венецианского путешественника, в 1271–1275 совершившего путешествие в Китай, где он прожил около 17 лет, а в течение 1292–1295 гг. возвратился обратно в Италию. Написанная со слов Марко Поло «Книга» — один из первых источников знаний европейцев о странах Центральной, Восточной и Южной Азии. Татищев использовал ее позже в переводе с французского, начиная с главы 10-й своей «Истории»: «Причины разности званий народов». Он отметил, что европейские историки и географы называют всю восточно-западную Азию Великой Тартарией, видимо, с легкой руки Марко Поло, от реки Татар, которой в действительности не существует. Татищев ссылался на Поло, засвидетельствовавшего родословие Чингисхана, и в ряде других случаев (4. Т. 1. 233; Т. 2. 270).

Была заказана и книга Сигизмунда Герберштейна (1486–1566) — барона, дипломата и государственного деятеля Священной Римской империи. В 1517 он прибыл с посольством в Москву с целью склонить великого князя Василия III к миру с Польшей и заключению союза против турок. В 1526 г. Герберштейн вторично побывал в России. И хотя поставленной задачи ему выполнить не удалось, венский дипломат составил подробное описание истории, географии, внутреннего и внешнего положения России, изданное впервые в Вене в 1549 — «Rerum Moscovitarum Commentarii» («Записки о московитских делах»). Эти «Записки» потом неоднократно переиздавались и стали основой многих будущих сочинений иностранцев о нашей стране. Поэтому понятен интерес Татищева к сочинению Герберштейна.

В своей «Истории» Татищев привел мнения Герберштейна о происхождении таких названий, как Русь (тот выводил его от роксоланов), Белая Русь (от множества снегов, чему Татищев возражал: в Великой Руси их еще больше), варяги и др. Но в четвертой части «Истории», где речь шла о событиях XVI в., как ни странно, Татищев совсем не использовал «Записки» Герберштейна, лишь констатировал факт прибытия посольств (4. Т. 1. 288, 290, 293, 294, 307, 355; Т. 6. 115, 117, 125).

Татищев решил изучить и записки Антонио Поссевино «Московия». Через посредничество иезуита Поссевино, посла папы Григория XIII к Ивану Грозному, в курной избе близ Яма-Запольского в 1582 г. России удалось заключить 10-летнее перемирие с Ливонией. Через пять лет вышла “Moscovia Antonii Possevini Societatis Iesu. – Antverpiae, 1587». В Екатеринбург книга поступила, но здесь Татищев не успел с ней познакомиться, потом, возможно, не достал ее или просто не использовал: он ни разу не сослался на нее, а о Поссевино лишь упомянул.

Среди заказанных Татищевым книг — ряд сочинений польских историков, чьи труды отсутствовали в его личной библиотеке: книга Августина Колудского «Собрание законов и установлений королевства Польского и Великого княжества Литовского», Квиаткивича «Ежегодные церковные события от лета господня 1198 до наших дней» сочинения С. Кобержицкого «История Владислава, польского и шведского наследника престола» и Павла Пясецкого (1579–1649) «Хроника свершений в Европе». Труды этих авторов Татищев использовал очень активно при написании «Царство царя Василиа Иоанновича Шуйскаго», при характеристике Смуты, особенно Кобержицкого (4. Т. 6. 298–308). Причем впервые применил систему подстрочных ссылок, с указанием полных выходных данных книг, только в отношении Пясецкого Татищев ограничился именем.

Числился среди готовящихся к отсылке и двухтомный труд К. Целлария «Notitia orbis antiqui sive Geographia plenor». Татищев впоследствии широко цитировал «Географию» Целлария в «Истории Российской», ссылаясь в тексте на конкретные части и страницы.

Наряду с историческими книгами в недошедших до нас письмах Татищев заказал и несколько изданий для нужд заводов. Прежде всего это медицинская литература, призванная пополнить уже имеющиеся в Екатеринбургской библиотеке справочники по травам, аптекарскому искусству, методам лечения болезней. Это описание трав, составленное знаменитым французским ботаником и путешественником Жозефом Питоном де Турнефортом (1656–1708). Турнефорт создал искусственную систему классификации растений, основанную на форме венчика цветка и отчасти плода. Трехтомный труд известного французского хирурга Гроиссанта Гаренгеота «Хирургия практическая» (Берлин, 1733) излагал современные методы проведения хирургических операций на различных частях человеческого тела. В переводе на немецкий эта книга должна была стать основательным руководством для медиков Екатеринбургского госпиталя, ко-

торый комплектовался из немцев. Одновременно это могло быть и наставление для обучения медицинских учеников из местных школьников, назначение которых стало практиковаться с 20-х гг. XVIII в. Эти труды дополняло двухтомное сочинение прусского королевского надворного советника и лейб-медика Георга Эрнста Шталя (1660–1734) «Der medicinische Haupt-Schlьssel».

Для химической лаборатории Татищев заказал сочинение знаменитого немецкого химика и врача Иоганна Рудольфа Глаубера (1604–1668). Перегонкой селитры с серной кислотой он впервые получил чистую азотную кислоту, а путем нагревания поваренной соли с серной кислотой – чистую соляную кислоту и сернокислый натрий — глауберову соль, названную его именем. Глаубер усовершенствовал печи, одним из первых стал применять стекло для изготовления химической посуды, основал стекловарение в Тюрингии, получил жидкое стекло, ряд лекарственных препаратов. Он верил в возможность превращения неблагородных металлов в золото.

Готовился к отсылке знаменитый «Всеобщий исторический лексикон» И.Ф. Буддея (1667–1729). Поскольку этот лексикон имелся в личном собрании Татищева, ясно, что он заказывался им для общего пользования в казенную библиотеку. В лексиконе имелись статьи «о жизни и делах» патриархов, апостолов, пап, кардиналов, епископов, главных ученых- богословов, еретиков, императоров, королей, курфюрстов, «великих господ» и министров, знаменитых ученых, писателей и художников, представителей уважаемых графских и дворянских фамилий, консилий, рыцарских орденов и т. д. В словаре описывались империи, королевства, княжества, республики, края, города, замки, монастыри, острова, реки. Словарь вмещал огромное количество информации, если учесть, что он имел большой формат, в единицу, а текст был напечатан в две колонки мелким убористым шрифтом.

В письме Шумахеру Татищев заказал еще четыре книги. Три из них — “Gratian L’ homme de cour”, его же “Oracul” и “Criticon” — труды знаменитого испанского философа и писателя, иезуита Балтазара Грациана (1601–1658), посвященные проблемам морали, искусству обхождения — переводы с испанского на немецкий язык. Был заказан и «Schroederi Lexicon». Иоганн Шредер (1600–1664) — знаменитый медик XVII в., т. е. имелся в виду какой-то его справочник, предназначавшийся для екатеринбургских медиков. По неизвестным причинам труды Грациана и Шредера не были высланы на Урал. Остальные книги прибыли двумя партиями, в июле и декабре 1737 г., но воспользоваться частью изданий, выписанных в Екатеринбургскую библиотеку специально для работы над «Историей Российской», Татищев не смог, так как в июне 1737 г. отбыл в Самару, к своему новому месту назначения главой Оренбургской экспедиции вместо умершего И. Кирилова.

Примечания

1. *Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.*
2. *ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 692. Л. 16-17.*
3. *Татищев В.Н. Записки. Письма. М., 1990.*
4. *Татищев В.Н. История Российская: В 7 т. М.; Л., 1962–1968.*

О.Д. Грибанова
Курганский государственный университет, г. Курган

МОТИВНЫЙ СОСТАВ ЗАУРАЛЬСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ

Топонимический мотив – это мотив, раскрывающий происхождение и/или объясняющий название географических и других объектов. Названия географических объектов объясняются различными событиями, явлениями и фактами окружающей жизни, значимыми для человека. Отсюда и многообразные версии топонимического мотива. Н.А. Криничная выделяет 11 версий топонимической разновидности мотива. Выделенные Н.А. Криничной версии топонимического мотива предлагаем рассмотреть на материале зауральских топонимических преданий.

1. Одной из широко распространенных версий топонимического мотива, по мнению Н.А. Криничной, является объяснение названия именем, прозвищем или фамилией человека. Это так называемый посессивный тип образования топонима. Обычно такие топонимические предания имеют узколокальный характер и «несомненно основываются на реальных фактах, что подтверждается лингвистическими и этнографическими исследованиями» (6,70]. В зауральской традиции данная версия топонимического мотива также является одной из широко распространенных. Название деревни Губанова произошло от фамилии ее основателя: «К концу XVIII века – началу XIX южная часть Куртамышского уезда была еще слабо заселена. Сюда и приехал в 1800 году зажиточный крестьянин по фамилии Губанов. От фамилии первого поселенца произошло и название деревни – Губанова. На избранное Губановым место жительства стали переселяться и другие крестьяне» (1).

Как правило, предания, объясняющие названия именем человека, не содержат поэтических подробностей, чем резко противопоставлены топонимическим преданиям, основанным на народной этимологии и построенным на фантастическом сюжете с широким использованием изобразительно-выразительных средств. Они существуют в форме коротких сообщений. В работе В.С. Чернышева приводится целый ряд подобных однотипных преданий: деревня Чуварина: «Еще до 1684 года (до переписи Л.М. Поскочина) на левом берегу речки Мостовки поселился татарин Чувар (он принял русское подданство)» (12,15); деревня Смолина: «Деревня основана по отводу Давыда Андреева драгунами братьями Иваном и Кононом Смолиными» (12,23); деревня Бахарева: «Основана Василием и Михаилом Бахаревыми» (12, 25) и другие.

В названии некоторых поселений закреплялись и имена, и фамилии их основателей одновременно. В таком случае населенный пункт носит двойное название. Так, деревня Першино «(от мужского личного имени Перша, Першик, уменьшительного от Порфирий)» (10,120), основателем которой был Порфирий Мальцев, «еще в середине XVIII века носила название Мальцева. Такое же двойное название имела и ныне существующая монастырская деревня Дубасова (Савинкова). Основателем ее был “сея обители крестьянин Савинко Дубасов”» (10,120).

2. Вторая версия топонимического мотива – «происхождение названия селения от наименования местности, в которой оно было основано» (11,71), или локативный тип образования топонима. Данный мотив в зауральских преданиях немногочислен. О названии села

Терсюкского в народе говорят так: «Давно было. Во время нашествия татаро-монголов на Русь на данной территории осело ранее кочевавшее татарское племя. На месте села Терсюкского было татарское кладбище. И сейчас при строительстве новых зданий находят черепа и кости людей. Раньше здесь протекала глубокая и бурная река Терсючок – так назвали ее татары, что в переводе означает «глубокая вода». Сейчас река эта обмелела. Но по ее названию и стали называть это село Терсюкское (3; коллекция «ШР-84»,1).

3. Третья версия топонимического мотива – топонимы, «обозначающие этническую принадлежность» (7,282). Деревня Колмаково получила название по некогда пришедшим на здешние места колмыкам: «Рядом с Яутлой Колмаково есть. А это Колмаково там, говорят, колмыки где-то есть. Там, говорят, муж с женой, колмыки пришли и тоже эту Колмакову организовали» (3; коллекция «Шатрово-2004», 23).

4. В ряде преданий повествуется о происхождении названия деревни, природного объекта от какой-либо особенности местности. Данную версию топонимического мотива мы предлагаем разделить на следующие:

а) топонимы, в основе которых лежат особенности природного и животного мира края. По данным историков, изучая список населенных пунктов Курганского округа, можно выделить целые группы деревень, связанных с особенностями животного мира края… Причем эти названия были присущи более чем 20% населенных пунктов» (5,201). Так, название озера Птичье объясняют следующим образом: «На юге Куртамышского района есть озеро Птичье, названное так из-за большого количества гнездящейся на нем водоплавающей птицы. В озере был большой запас пресной, пригодной для питья воды и рыбы. По названию озера получила имя и образовавшаяся на его берегу деревня Птичье» (1);

б) топонимы, в основе которых лежат отличительные черты объекта (очертания, размер, цвет, запах, характер почвы и др.). На основе сходства с лицом человека названа гора Охонины брови в Катайском районе: «В Булыгину ехать есть местечко – Охонины брови. Там такая гора очень высокая, посмотришь, очень высокая. И вот ей дали название старинны люди - Охонины брови. Там лес-от – брови, а нос – камень, гора. Похожа очень на лицо человека. Охонины почему? Видать, Охоней кого-то звали. Сейчас она еще больше. Я раньше часто там ездила к зятю в гости в Булыгину. Теперь Булыгиной-то нет, и Медведевой нету. А Охонины брови стоят и будут стоять» (3; коллекция «Катайск-2005», 21);

в) топонимы, указывающие местоположение, расположение объекта по отношению к другим: «Вехотевскую улицу называют так потому, что по этой улице выезжают в деревню Вехти, Банная – раньше на улице была общая баня, Центральная – расположена в центре деревни» (1).

5. Топонимы, образованные от наименования объекта культового назначения. Примером может служить предание о названии местечка Крестик: «По реке Синаре на правом берегу при впадении в нее маленькой говорливой речушки, привольно раскинула свои избы деревня Марай. А по правую сторону Марайки, подарившей деревне свое название, возвышается покатая гора, поросшая сейчас березовым лесом. Эту возвышенность люди издавна величают Крестиком… Когда-то, в старые времена, на вершине горы стоял большой деревянный крест, к которому приходили люди, чтобы здесь, в тиши, под бесконечными сводами храма небесного помолиться Богу о своих печалях и радостях» (3; коллекция «Катайск-2005»,73).

6. В ряде преданий повествуется о происхождении топонима, «обозначающего социальную или половозрастную принадлежность (титул)» (7,282): «Вся деревня Таволжанка была поделена на края: Шумиловка (в основном жили семьи Шумаковых), Мордва (жили выходцы из Мордвы), Коневка (окраина деревни), Селезневка (находилось около 10 домов), Богатый край. Мои предки жили в Богатом краю. Свое название он получил в честь купцов и середняков, которые жили там. После раскулачивания дома передали беднякам. Так и получилось, что мой прадед стал прозываться «богачом» (3; коллекция «ЗО-2003»,13).

7. В основе названия географического объекта может быть род занятий основателя или жителей селения (местности) или профессиональная деятельность первопоселенцев. О названии деревни Обрядовки Притобольного района в народе говорят так: «Да, здесь все деревни в округе старые. Наша Обрядовка называется красиво. Слышала, что здесь когда-то будто бы, давно это дело было, шили обмундирование солдатам. Обмундирование, то есть обряд» (2).

8. Зафиксирована в Зауралье и еще одна версия топонимического мотива, отмеченная Н.А. Криничной: топонимы, в основе которых «наименование местности, откуда пришли первопоселенцы» (7,283). Появление данной группы преданий объясняется желанием переселенцев сохранить образ малой родины. Название деревни Воробьевка, например, местные жители связывают с Воробьевыми горами: «Какой-то помещик, живший в Москве на Воробьевых горах, проиграл несколько десятков крепостных крестьян. Выигравший не имел своей земли и вывез крестьян в Зауралье, на высокий берег Тобола, во время освоения Сибири. Так и появилась деревня Воробьевка. И название ее говорит о том, что наши предки жили в Москве, на Воробьевых горах» (3; коллекция «СФ-2001», 161).

9. Топонимы, образованные от названия исторического события или связанные с историческим событием: «Старая дорога от Ялыма Притобольного района на Казахстан называется царской. По одним рассказам здесь проезжал царь на Казахстан. По другим рассказам царская дорога, потому что колодников гнали на Казахстан, царских преступников» (2).

10. Топонимы, образованные от имени исторического лица. В Зауралье в селе Ковриге, по мнению народа, проходил когда-то Ермак, проезжала Екатерина II: «Проходил по этим местам и Ермак. Ту дорожку до сих пор Ермаковской зовут. Этой стороной ездила на знаменитую Крестовскую ярмарку императрица Екатерина. И тоже в Ковриге память о себе оставила, – мостик Екатерининский» (4,3).

11. Еще одной версией топонимического мотива является «происхождение топонима по случайному признаку (народная этимология)» (7, 283). Подавляющее число топонимических преданий, в основе которых народная этимология, связаны с иноязычными топонимами. Данная группа – одна из многочисленных групп зауральских топонимических преданий, что объясняется многонациональным составом населения края. Как правило, иноязычные топонимы в нашем крае тюркского происхождения. Например, название села Камаган: «Раньше в этой местности жили татары. Возле села, среди дола есть холмы, на которых эти татары пасли свой скот. А на татарском языке “камаган” означает выгон для скота. С этим мнением о происхождении названия села согласны почти все его жители» (3; коллекция «Скоблино-2002»,46).

Зачастую народная трактовка иноязычных топонимов не совпадает с данными лингвистики и географии. Особенно показательно в этом отношении предание о названии деревни Кокуй: «На косогоре у излуки исетского

русла приютилась деревня со странным названием Кокуй. Место это весьма примечательно тем, что оно напоминает косогорье на берегу Яузы на окраине Москвы три с лишним столетия назад. Самый конец стольного русского города у яузской излуки был местом поселения немцев…

Слово это в допетровские времена и особенно после увеселений Петра Великого в слободе было популярным в народе и порой имело иронический смысл. Известно, что поселения по Исети начали свою историю во II половине XVII века. Сходство местечка на Исети с московским Кокуем, возможно, и определило название деревни» (8,6).

А.Ю. Рудаков в статье «Тюркская топонимика Южного Зауралья» приводит перевод слова Кокуй. Оно происходит от «тюрских слов кок – «синий» и уй – «долина», «низменность», то есть «синяя долина» (9,35).

Таким образом, все версии топонимического мотива, выделенные Н.А. Криничной, зафиксированы нами на материале зауральских топонимических преданий. Мотив «происхождения названия деревни, природного объекта или целой местности от какой-либо особенности местности» целесообразно разделить на три разновидности: а) топонимы, в основе которых лежат особенности природного и животного мира края; б) топонимы, в основе которых лежат отличительные черты объекта (очертания, размер, цвет, запах, характер почвы и др.); в) топонимы, указывающие местоположение, расположение объекта по отношению к другим.

Примечания

1. *Архив автора работы.*
2. *Архив В.П.Федоровой.*
3. *Архив кафедры древнерусской литературы и фольклора Курганского государственного университета.*
4. *Борисова Л. Двоедане после бани… умываются [Текст] / Л. Борисова // Шадринский курьер. 1998. 31 марта. С.3.*
5. *История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года) [Текст]. Курган, 1995. Т. I. 370 с.*
6. *Криничная Н.А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры [Текст] / Н.А. Криничная ; отв. ред. В.К.Соколова; АН СССР Карел.фил., ин-т яз., лит. и истории. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. 325 с.*
7. *Криничная Н.А. Предания Русского Севера [Исслед. и тексты] / Н. А. Криничная; АН СССР, Карел. фил., ин-т яз., лит. и истории. СПб. : Наука: С.-Петербургское отд-ние, 1991. 325с.*
8. *Мещериков В. Кокуй [Текст] / В. Мещеряков // Сельская новь. 1966. 28 апреля. С.6.*
9. *Рудаков А.Ю. Тюркская топонимика Южного Зауралья [Текст] / А.Ю. Рудаков // Зауралье в панораме веков: Межвузовский сборник научных трудов. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2000. С.32-36.*
10. *Рябков Н.Г. Топонимика вкладных книг и других рукописей Далматова монастыря XVII-XVIII [Текст] / Н.Г. Рябков // Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Курган: Изд-во КГУ, 1992. Вып. 4. С.116-120.*
11. *Северные предания: Беломор.-Обонеж. регион [Текст] / Изд. подгот. Н.А. Криничная. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1978. 254с.*
12. *Чернышев С. Русские на Исети [Текст] / С. Чернышев. Шатрово, 1995.*

Н.А. Ерохина
г. Нижний Тагил

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ УРАЛА В ИСТОРИОГРАФИИ XVIII- НАЧ. XX ВВ.

История Урала привлекала многих исследователей, начиная с XVIII в. и до настоящего времени. В центре внимания находилась металлургическая промышленность края, различные аспекты ее развития. При этом наиболее активно изучалась история отдельных округов и заводов. В работах как дореволюционных, так и советских исследователей рассматривались преимущественно вопросы управления горным делом, горного законодательства, социально-экономической истории края в целом. Изучение заводов Урала дает представление о развитии металлургии в исследуемый период, состоянии производства, горном управлении, рабочей силе предприятий.

Историография горных заводов Урала отличается различной степенью полноты. Было опубликовано большое количество работ, посвященных крупным металлургическим комплексам. Меньше внимания уделяется казенной промышленности. Одним из крупнейших заводских центров, построенных казной, были Гороблагодатские заводы. Их строительство началось в 30-е годы XVIII в. и связано с открытием богатого месторождения железной руды в г. Благодать. Сочетание больших рудных запасов, лесных и водных ресурсов позволило создать в данной местности ряд заводов составивших единый производственный комплекс (Кушвинский, Верхне- и Нижнетуринские, Баранчинский, Верхнебаранчинский и Серебрянский). Позднее эти предприятия вошли в состав Гороблагодатского горного округа, и его изучение начинается с XVIII в.

В дореволюционный период историками была проведена огромная работа по поиску и систематизации архивных материалов из истории Урала. Следует отметить деятельность *Н.К. Чупина* по сбору документов по истории округов и заводов. Составление библиографии по различным проблемам истории края было предпринято Д.Д. Смышляевым. Еще один указатель литературы и источников был составлен в это время М.П. Малаховым. Справочные издания об Урале, выходившие на рубеже XIX – XX вв., публикуют списки работ, посвященных истории и географии края, изданных на протяжении XVIII – XIX вв. (9).

Вопросами историографии уральской промышленности занимался *И.А. Гурьев* и *В.И. Усанов* Выходит ряд их работ по истории изучения промышленности и рабочего класса Урала XVIII – XIX вв. (3).

Большой интерес представляет историографический очерк Н.И. Павленко в его исследовании по истории металлургии XVIII в. В XX в. опубликовано несколько справочных изданий об Урале.

Изучение истории уральской металлургии было начато одновременно с ее созданием. Исследование края продолжили академические экспедиции. Начало собиранию географических, статистических, исторических сведений об Урале положили путевые записки *Иогана Георга Гмелина*, участвовавшего в экспедиции Г.Ф. Миллера (2). Первый раз Гмелин посетил Урал в 1733–1734 гг. Второе путешествие он совершил в 1742 г. Тогда же он посетил Гороблагодатские заводы, о деятельности которых оставил подробное описание. В ходе посещения заводов были исследованы рудные месторождения, леса и реки, заводское хозяйство округа.

Участники экспедиций 60 – 70-х гг. XVIII в. И.П. Фальк, Н.П. Рычков, И.И. Лепехин. П.С. Паллас и И.Г. Георги оставили множество важнейших сведений об уральских заводах (6). Скудные данные о заводах есть в сочинении И.П. Фалька, который посетил их в 1771 г. Более подробно предприятия округа исследовал Н.П. Рычков. Он оставил наблюдения о заводах и рудниках, обеспеченности предприятий лесами, энергетическими ресурсами и рабочей силой.

И.И. Лепехин совершил свою экспедицию в 1768–1773 гг. В ходе путешествия он посетил и уральские заводы. Данные И.И. Лепехина отличались большей полно-

той: изучалась история основания завода, его местоположение и владельцы, оборудование и производительность, рабочая сила предприятия. Автор отмечает особенности каждого завода. Сведения о горных заводах Урала приведены во втором и третьем томах его сочинения. В своей работе И.И. Лепехин использовал архивы заводских контор, законодательные источники, сочинения других авторов.

В конце XVIII – начале XIX в. было опубликовано несколько работ, посвященных истории металлургии на Урале. Среди них можно выделить труды А.Ф. Дерябина, И.Ф. Германа, Н.С. Попова.

А.Ф. Дерябин в своей работе обращается к истории горно-заводского управления (4).

Сочинение *И.Ф. Германа* представляет собой подробное и всестороннее исследование заводов Урала рубежа XVIII – XIX вв. (1).

И.Ф. Герман сообщает подробные данные о состоянии оборудования рудников и заводов, технологии добычи руды и выплавке металла, численности и составе работников, их обязанностях и размере жалованья, заводской энергетике.

Проблемами истории округа занимался также В.И. Рожков. Его внимание привлекает вопрос передачи заводов в частную собственность (7).

Работа интересна обилием выписок из документов, характеризующих порядок и условия передачи заводов, результаты деятельности предприятий при бароне Шемберге. Исследователь высказывал мнение, что приватизация заводов округа прошла при активном участии Бирона.

В середине XIX в. офицерами Генерального штаба под руководством *Х. Мозеля* было проведено исследование России (5).

Большое количество разнообразной информации, собранной в ходе исследования, было обобщено в двух томах, посвященных Уралу. Работа содержит данные о сырьевой и топливной базе заводов, энергетическом хозяйстве, путях сообщения. При описании заводов округа приводятся данные об их местонахождении, оборудовании, работниках.

Интерес к изучению истории уральских заводов возрастает во второй половине XIX в. В этот период активную исследовательскую деятельность в области горной промышленности ведут уральские историки-краеведы. Среди них *Н.К. Чупин* — автор ценнейшего труда «Географический и статистический словарь Пермской губернии» (11).

Статьи словаря посвящены заводам, рудникам, населенным пунктам и другим географическим объектам на территории губернии. В написании работы Н.К. Чупин использовал многочисленные архивные материалы, собранные им и послужившие основой для последующих исследований по данной проблеме.

Справочные данные об уральских заводах содержит и работа *Ф.П. Доброхотова*, представляющая собой путеводитель по Уралу (10).

Справочник знакомит с состоянием заводов в XIX – начале XX в., историей крупных промышленных центров. Большое внимание автор уделяет месторождениям руд и других полезных ископаемых.

В 1914 г. выходит справочник, содержащий сведения о географии и истории России. Один из его томов был посвящен Уралу (8).

Работа разделена на несколько частей, которые включают данные о географии края, в том числе о месторождениях полезных ископаемых, климате, растительном и животном мире, населении. Краткий очерк истории горного производства на Урале начинается со времени Ивана IV и заканчивается началом XX в.

Таким образом, отечественные исследователи проделали большую работу по накоплению данных по истории заводов. В XVIII – начале XIX в. оставлены богатые описания металлургических предприятий Урала, опубликованы разнообразные источники по истории заводов. Центральное место в работах исследователей занимают вопросы горного законодательства, управления предприятиями, промышленной политики правительства. Новый период изучения заводских центров Урала начался во второй половине XIX – начале XX в. Исследователи в это время собрали и опубликовали архивные материалы по истории заводов.

Примечания

1. *Герман И.Ф. Сочинения о сибирских рудниках и заводах. СПб., 1797–1801. Ч. 1–3.*
2. *Гмелин И.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества в 1768, 1769 и 1770 гг.*
3. *Гурьев И.А., Усанов В.И. История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии. Свердловск, 1982.*
4. *Дерябин А.Ф. Историческое описание горных дел в России // Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. СПб., 1807. Ч. 1.*
5. *Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. СПб., 1864. Т.1, 2.*
6. *Паллас П.С. Путешествия по разным местам Российского государства. Ч. 2, Кн. 1. СПб., 1786; Лепехин И.И. Продолжение «Дневных записок путешествия». СПб., 1802. Ч. 2.*
7. *Рожков В.И. Берг-компания на магнитной горе Благодати и в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии // Горный журнал. 1885. № 4–7.*
8. *Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В.П. Семенова-Тян-Шанского. Т. 5. Урал и Приуралье. СПб., 1914.*
9. *Смышляев Д.Д. Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1876; Малахов М. Указатель книг и статей о Пермском крае, 1866–1884.*
10. *Урал северный, средний, южный: Справочная книга / Сост. Ф.П. Доброхотов. Пг., 1917.*
11. *Чупин Н.К. Географический и статистический словарь Пермской губернии, 1873–1887. Ч. 1–8.*

М.И. Хлызов

Общественное объединение «Курганский казачий фонд», Зауральское генеалогическое общество им. П.А. Свищева, г.Курган

ПОЛЯКИ И КАЗАКИ

Многие жители многонационального села Звериноголовского и по сей день носят польские фамилии: Беньковские, Бояльские, Скворчевские. Жили в селе и Павлуцкие, Пневские, Голявинские, Борковские, Плисецкие, Лещинские и др.

Кто же они, откуда и когда появились в крепости, станице, селе? До наших дней дошла легенда, бытующая и поныне в Звериноголовском: мол, предки наши, пращуры – это повстанцы сподвижников Костюшко. Так ли это в самом деле?

Первые известия о польско – литовских служилых людях под именем «литва» (иначе «казаки литовского списка») в Сибири уходят к концу XVI в. Следует отметить, что не всегда удается четко определить собственно поляков по национальности от «взятых в бою» литовцев, украинцев и белорусов. Поэтому под словами «литва» и «поляки» в дальнейшем будем иметь в виду не столько

национальность, сколько государственную принадлежность бывших подданных Речи Посполитой (1).

Много «литвы» было поселено как в Западной, так и в Восточной Сибири. Пленные поляки отправлялись в Сибирь по следующим причинам: шло освоение Сибири и требовалось много служилых людей (грамотных и знающих военное дело) для изучения и освоения новых земель, а также для охраны границ от кочевников, то и дело нападавших на русские поселения; правительству России было опасно держать плененных и недовольных поляков в Европейской части страны.

На протяжении XVII в. только в Кузнецкий острог было несколько присылок «литвы»: первая группа поляков прибыла в 1642г., затем после каждого восстания чередом стали поступать другие группы ссыльных.

В дальнейшем же численность поляков в Сибири начала уменьшаться; это было связано с тем, что часть их вернулась к себе на историческую родину. Общая тенденция к сокращению численности «литвы» в Кузнецком остроге сохранялась: многие поляки, особенно в последующих поколениях, записывались в «русские» служилые люди и в документах не отделялись от них (1). По своему социальному происхождению со слов самих служилых в остроге 36 человек были «шляхтой». По местам своего «выхода» эта шляхта в основном была из западно-украинских и белорусских земель, входивших тогда в состав Речи Посполитой.

Различались и обстоятельства, в силу которых они попали в далекую Сибирь. Следует отметить, что часть поляков была сослана в Сибирь, а часть «шляхты» добровольно «отъехали со своих вотчин на государя к Москве». Здесь они принимали православие, верстались в сыны боярские на государеву службу в разные «русские и сибирские городы» (1). Эту часть поляков нельзя было назвать ссыльными, другая же часть «литвы» были «взяты в бою» во время войны между Россией и Польшей. Но при обмене пленными многие из них «не похотели идти на размен» и решили остаться в России: перекрестились в православие, и были поверстаны в «сыны боярские». В этом звании они и были присланы в Кузнецкий острог.

Ссылки поляков в Тобольскую губернию были идентичными: те же причины и те же обстоятельства.

Первые польские фамилии, появившиеся в Звериноголовской крепости, автором найдены в «Духовных росписях» за 1783г. (2) - Тобольской епархии, Челябинского заказа, Звериноголовской крепости, Крестовоздвиженской церкви: Звериноголовского пограничного батальона батальонный командир Георгий Филиппов сын Шкапский, 50 лет; провиант-мейстер Иван Григорьев сын Галявинский, 37 лет; Из первой роты: цирюльник Северский; рядовые Грушевской, Прилуцкой, Дмитрей Иванов сын Павлютской, Вотяховской (2 чел.), Северский. Из пятой роты: сержант Колотинской, рядовые Островской, Юровской, Чернавской, Брюховской. Из шестой инвалидской роты только один рядовой Колотинской.

После польского восстания 1794г. под предводительством Тадеуша Костюшко в Звериноголовской крепости появляется вторая волна пленных поляков.

23 октября 1794г. русские войска начали штурм Праги, укрепленного предместья Варшавы. В приказе по армии А.В. Суворов писал: «В дома не забегать, неприятеля, просящего пощады, щадить. Безоружных не убивать. С бабами не воевать, малолетков не трогать». Тем не менее, поляки позднее обвиняли русских в непомерной жестокости по отношению к восставшим. При штурме и последовавшей за ним резне погибли 13 000 защитников, более 2000 утонули в Висле. Русские потеряли 580 человек убитыми и 960 ранеными.

Однако, справедливости ради, следует напомнить, что польское восстание началось с уничтожения русских. По всем костелам ударили враз в набат, призывая убивать всех православных без разбора. Только в Варшаве в пасхальную ночь в церкви (на молитве, без оружия) врасплох был захвачен и полностью перебит целый батальон. Тогда погибли 2265 солдат и офицеров, а нападения на русские гарнизоны под лозунгом «Бей москалей!» прокатились по всей Польше.

Следует отметить, что в отличие от восставших Суворов никому не мстил и разрешил всем, кто пожелает, покинуть Польшу. Это вызвало некоторое неудовольствие императрицы, но зато один из активных участников восстания, генерал Михал Клеофас Огиньский, успел эмигрировать и написал свой знаменитый полонез ля-минор «Прощание с родиной». За второй раздел Польши полководец А.В. Суворов был награжден прусскими орденами Красного орла и Черного Орла (3).

…А в Звериноголовской крепости 10 февраля 1795г. священнослужители Крестовоздвиженской церкви получили из Челябинского духовного правления Указ Ея Императорского Величества, Самодержицы Всероссийской, в котором предписывалось, что при получении «…того Указа за покорение Победоносным Ея Императорского Величества оружием Польского столичного города Варшавы… священнослужителям отправить в следующий воскресный или праздничный день…с гражданскими правительствами благодарственный Господу Богу молебен с коленопреклонением и звоном соборным, а перед тем молебствием и прочесть в церкви оную копию, и по исполнении в правление отрепортовать. 1795 года генваря 20 дня. Протоиерей Петр Топорков» (4). Что и было выполнено.

В Звериноголовской крепости появляется новая волна ссыльных поляков и появились новые проблемы, как исповедать, причащать, хоронить людей других вероисповеданий. На свой запрос священнослужитель Крестовоздвиженской церкви Исай Милицын получает ответ от протоирея Духовного правления.

В полученном Указе сообщалось: «… Вы просили, надо ли будет находящихся в Звериноголовском батальоне из поляков Униацкой и Католицкой религии солдат по чиноположению веры грекороссийского исповедания исповедовать, святых тайн приобщать и умерших христианским погребением погребать, тако писать ли их в духовных росписях, а умерших в метрических книгах резолюций; В Челябинском духовном правлении определено: означенные из поляков солдаты состояли в Католицкой, а часть их в Униацкой религиях, как исповедовать их по чиноположению веры грекороссийского исповедания, яко другой религии людей, так и святых тайн приобщать, равно погребать христианским погребением, хотя они и объявляют к тому свои желания, никак не можно; о чем и дать знать Вам священнику Милицыну Указом, которым повелеть, впредь до сего времени навсегда их единственно для того, чтобы они не остались в стороне, так как они настоящие жители Звериноголовской крепости наряду с протчими в духовных росписях писать, означает против них, в самой последней линейке, что такой - то они религии; а будут у них случаться умершие, то их для сего же в метрические книги записывать. 1795 года октября 16 дня. Протоиерей Петр Топорков» (5). Священнослужители получили указание: поскольку поляки служили в гарнизоне, они являлись жителями крепости, но в связи с тем, что они других религий, то их только надо учитывать, как живых, так и умерших.

Следующие волны поселения поляков в Звериноголовской крепости и отрядах были после польских восстаний 1831 и 1863 гг.

В Духовных росписях 1843-1850 гг. (6) автором най-

дены новые фамилии католического вероисповедания: Каземир Янов сын Поляк, Матвей Ефимов Зайковский, Максим Павлов Посерб, Благикий Войцехов Новак, Яков Петров Урбанов, Францишек Благиев Сапея, Юзев Яков Лещинский, Степан Игнатьев Павлючек, Варфоломей Яков Залиберг, Михаил Толмашев Палевской, Михаил Михайлов Пасевка, Ян Гаврилов Демьянов, Марцыл Михайлов Фурлепов, Анисим Ануфриев Дисраланский, Францышек Антонов Цыглярский, Николай Филиппов Филипчик, Юзеф Лаврентьев Хрунзановский, Парфил Григорьев Карпинский, Юзев Юрачев Тарновский, Матвей Осипов Барковский, Лючи Крыштофов Андрюкевич, Марцын Якулов Года, Василй Лаврентьев Регула, Иван Матвеев Прилуцкий, Войцех Томашев Михальский, Александр Юрьев Беньковский.

К тому времени (1838г.) крепость была упразднена, получив статус казачьей станицы. Многие поляки были поверстаны в казаки, приняв православие.

Нередки были в станице и казачьих отрядах случаи женитьбы поляков на русских вдовах. При этом жених давал расписку в том, что если у них народятся дети, то он обязан привести детей в православную веру. В ГАКО найдены несколько расписок, одну из которых приведем полностью: «1846 года ноября 1 дня. Я, нижеподписавшийся Оренбургского казачьего полка Звериноголовской станицы служащий казак Казимир Янов Поляк сей подпиской обязуюсь в том, что если по вступлению моему в брак с вдовой Евдокией Степановой Кузнецовой приживу детей мужеского или женского пола, должен привести их в веру греко-российского православного исповедания. В чем и подписуюсь Звериноголовской станицы казак Казимир Поляк» (7).

Идентичную расписку давал 21.01.1847г. казак отряда Озерного из польских уроженцев Федор Семенов Чайковский, который пожелал бракосочетаться с вдовой Пелагеей Конопковой и брал обязательство привести детей (если родятся) в православную христианскую веру (8). А «служащий казак отряда Прорывинского Качардыкской станицы из польских уроженцев Антон Иванов сын Козловский» 29.07.1849г. дал такую же расписку (9).

Однако, несмотря на расписки, многие из поляков, даже их русские жены и дети на исповедь и на причастие не ходили.

В ГАКО найден «Список верующих Звериноголовской православной общины» (не моложе 18 лет), подписанный священнослужителем Кривощековым А.И., засвидетельствованный председателем сельсовета Косаревым (10).

Список начат 10.02.1924г., окончен 20.12.1926г. В названном списке указывались различные сведения о каждом верующем: социальное положение (бедняк или середняк); имущественное положение (наличие жилья, лошади, коровы), а также выделена принадлежность к сословию (крестьянин или казак).

Число польских фамилий резко уменьшилось. Вероятно, сказались ряд причин: обмен пленными; исчезновение рода (когда рождаются только девочки); естественная убыль по причине гибели казаков - поляков на театрах военных действий: японская, германская, гражданская и др. войны; переезды потомков польских уроженцев на другое место жительства в России или на историческую родину.

Полки и батареи Оренбургского казачьего войска дислоцировались в различных местах России: на Украине, в Туркестане, в Финляндии и др. 2-й Оренбургский казачий воеводы Нагого полк дислоцировался в городе Варшава (11). Вероятно поэтому поляки в первые годы плена недружелюбно относились к звериноголовским казакам, выражаясь при этом: «Пся кревь!». Однако они вскоре перекрестились и были поверстаны в казаки, с годами обрусели и стали равноправными жителями станицы. У некоторых потомков поляков изменились фамилии: Павлючек на Павлючков, Галявинский на Голявинский, Павлютский на Павлуцких и т.д.

В настоящее время в с. Звериноголовском польских фамилий осталось совсем мало, почти исчезли из употребления. Но следует отдать должное, многие потомки плененных поляков были и стали известными людьми в Звериноголовском крае: это полковники и подполковники Павлуцкие, Голявинские, Беньковские, учитель Барковский Леонид Александрович из с. Бугровое, учитель музыки Скворчевский Юрий Викторович, механизатор-орденоносец Бояльский Анатолий Владимирович. Рядовой Яков Павлуцкий в первой казачьей полусотне уходил на «германскую» войну в 1914г.

Более полное и обширное изучение богатейших материалов ГАКО (фонды №111 – более 100 томов, №244, №464 и др.) позволят исследователям Звериноголовского края провести дополнительные поиски, строить генеалогическое древо (родословную), а также изучать процессы заселения крепости, станицы, села, проводить анализы хозяйственной, миссионерской и других видов деятельности Крестовоздвиженской церкви.

Примечания

1. *Резун Д.Я. «Литва» Кузнецкого острога XVII в.» // Казаки Урала и Сибири в XVII – XX в. Екатеринбург, УРО РАН, 1993г. С.37.*
2. *ГАКО, ф. 111, оп.1, д.2, л. 58 – 69.*
3. *Осипов С. «Звезда Суворова» // А и Ф № 47, ноябрь 2004г. С. 21.*
4. *ГАКО, ф. 111, оп.1, д.1, л.356 а.*
5. *ГАКО, ф. 111, оп.1, д.1, л.361 а.*
6. *ГАКО, ф. 111, оп.1, д. 43, л.40-70.*
7. *ГАКО, ф. 244, оп.1, д. 7, л.2.*
8. *ГАКО, ф. 244, оп.1, д. 7, л. 3.*
9. *ГАКО, ф. 244, оп.1, д. 7, л. 7.*
10. *ГАКО, ф. 244, оп.1, д. 7, л. 1 - 74.*
11. *Галушко Ю. Казачьи войска России. М., 1993г. С. 139.*

А.О. Никитина
Уральский государственный университет им. А. М. Горького, г.Екатеринбург

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ НА УРАЛЕ В 1920-Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

1920-е гг. стали «экспериментальным» десятилетием, когда советская власть встраивала в социально-классовую структуру нового общества такую «группу» как интеллигенция. Специфика взаимоотношений интеллигенции и власти на Урале в 1920-е гг. определялась как общими факторами (культурная революция, переход от «военного коммунизма» к «нэпу», чистки технической интеллигенции 1928—1931 гг. и т. д.), так и сугубо региональными. После окончания Гражданской войны встала проблема восстановления уральских заводов, создания системы высшего образования, что осложнялось оттоком части интеллигенции Урала и спецификой собственно «региональной интеллигенции». В советской историографии раскрытие данной темы сводилось к анализу путей «формирования советской интеллигенции», в региональных исследованиях акцент делался большей частью на техническую интеллигенцию Урала и мероприятия власти по отношению к ней.

С начала 1990-х гг.начинается новый этап в изуче-

нии проблемы взаимоотношений интеллигенции и власти. Только в 1990-е гг. были защищены 134 диссертации по проблемам интеллигенции, состоялось более 50 конференций, круглых столов, опубликовано более 100 монографий, сборников статей, учебных пособий (3, 91-100). В 1990-е гг. исследования приобрели выраженную междисциплинарную основу, что отразило и характер новой области знания – «интеллигентоведения», в рамках которого «отряды» интеллигенции (в том числе и ИТР) рассматриваются не как определенные социальные группы, а как сообщества лиц интеллектуального труда, обладающие такими характеристиками, как невозможность нетворческого существования, внутренняя свобода.

Именно в рамках интеллигентоведения стало развиваться направление по исследованию «провинциальной интеллигенции», чему во многом способствовало формирование в начале 1990-х гг. региональных исследовательских центров (Иваново, Омск) по проблемам интеллигенции. В Екатеринбурге Центр «XX век в судьбах интеллигенции России» был создан в 1994 г. по инициативе М. Е. Главацкого. Уральский центр, сфокусированный на истории интеллигенции XX века и историографическом аспекте, с 1994 г. провел более 10 научно-практических конференций и «круглых столов». В историографии значение научно-практических конференций часто занижается, что мотивируется тем, что в рамках выступлений возможно лишь заявить проблему, но нельзя ее раскрыть. Вместе с тем, сам набор поставленных проблем, их изменение во времени дают информативный материал для анализа накопления исторических знаний по той или иной теме. Особенно велика роль конференций на этапе появления исследовательского интереса к проблеме, когда для монографических исследований еще недостаточно «наработок».

Анализ материалов конференций уральского центра позволяет говорить об эволюции проблематики темы «интеллигенция и власть». Если на первых конференциях общий тон задавали «черно-белые» темы, в рамках которых шла констатация дискриминационного характера политики властей по отношению к интеллигенции, то с конца 1990-х гг. тональность и постановка вопросов меняется. Исследователи, включая интеллигенцию в контекст общецивилизационных процессов (конференции «Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России», «Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции», «Интеллигенция России и Запада в XX-XXI вв.: выбор и реализация путей общественного развития»), начинают рассматривать посреднические функции интеллигенции в социально-политических конфликтах и опыт «хождения во власть», оппозиционность политическим режимам и ее поведенческие стратегии в переломные эпохи. В сферу интересов исследователей попадают новые группы — юридическая интеллигенция, художественная. Также значительно расширилась география и хронологические рамки исследований. Если в начале внимание уделялось 1920-м гг. и репрессиям 1930-х гг., то в дальнейшем на конференциях стали появляться доклады и по другим периодам.

Помимо проведений конференций уральский центр активно занимался издательской деятельностью: в 2002 г. Центр выпустил энциклопедический словарь «История интеллигенции России в биографиях ее исследователей», содержащий 150 кратких биографий ученых, занимавшихся или занимающихся изучением истории российской интеллигенции с перечислением их основных печатных работ.

Также Центр задал новое направление в исследовании проблемы «интеллигенция Урала и власть» — речь идет о повороте к личностям интеллигентов, изучение «культурных гнезд», т.е. выявление качественного, «штучного» вклада в культуру отдельных представителей и групп интеллигенции. В частности, можно выделить работы об инженерах В. Е. Грум-Гржимайло, П. А. Пальчинском. В 1993 году выходит отдельный сборник, посвященный судьбам научно-технической интеллигенции Урала в 1920-е годы — «Научно-техническая интеллигенция Урала в 20-30е гг.: дела и судьбы». В это же время Г. В. Гассельблат предпринимает попытку создать банк данных по научно-технической интеллигенции Урала 1920-1930-х гг.

В центре внимания региональных исследователей оказалась проблема определения характера государственной политики в отношении интеллигенции в 1920-е годы. Большинство пришло к выводу, что политика большевистского режима по отношению к интеллигенции уже с 1917 г. носила дискриминационный характер. Она вела к лишению интеллигенции ее «сущностных черт, к невозможности полнокровного, творческого существования» (1, 18). По мнению М. Е. Главацкого, правящая партия не хотела видеть в интеллигенции самостоятельной группы со своими специфическими интересами (свобода творчества, включавшая право критики власти; приоритет личности перед коллективом и т.д.) (2, 77 – 79). Причем, если в отношении «органической» интеллигенции (адвокаты, писатели, ученые и преподаватели-гуманитарии высшей школы) применялись дискриминационные меры, то в отношении «традиционной» интеллигенции (учителя, медики, инженеры) политика была противоречивой. Однако и здесь, как признает М. Е. Главацкий, в итоге восторжествовали репрессивные методы. Итог — интеллигенции как социального слоя по существу не стало уже на рубеже 1920—1930-х гг.

В региональных исследованиях стала разрабатываться периодизация политики советской власти в отношении уральской интеллигенции в 1920-е гг. Так, А. И. Делицой выделяет волны — смягчение / ужесточение политики — в «общении» власти с интеллигенцией. При этом автор подчеркивает несинхронный характер процессов в двух срезах — идейно-политическом и профессиональном. Причем периоды «смягчения» не оказывают решающего влияния на общую оценку взаимоотношений ИТР и власти на Урале в 1920-е гг., как на отношения, носившие явно дискриминационный для интеллигенции характер.

По-новому развернул проблему взаимоотношений интеллигенции и власти И. В. Сибиряков в монографии «Интеллигенция Урала в условиях реформ (исторический опыт XX века)», в которой отдельно выделены 1920-е гг. В исследовании делается акцент на специфику «провинциальной» интеллигенции в выстраивании общения с властью. И. В. Сибиряков, вслед за другими исследователями, делит методы социальной политики большевиков на «мягкие» и «жесткие». «Мягкая» линия проводилась в серии партийно-государственных решений, направленных на улучшение условий труда и быта специалистов. «Жесткая» линия — в серии идеологических «чисток» и кампаний (4, 36). Но также автор рассматривает способы, которые использовала интеллигенция Урала для защиты своих социальных и экономических прав. Подводя итоги, И. В. Сибиряков указывает, что основная масса интеллигенции не была допущена к разработке масштабных преобразований. Однако, на наш взгляд, вывод И. В. Сибирякова о том, что алгоритмы поведения уральской интеллигенции в годы реформ ничем принципиальным не отличались от алгоритмов поведения интеллигенции Сибири или Поволжья — достаточно поверхностен. Категорично автор заявляет и об отсутствии существенных расхождений в оценках и действиях отдельных отрядов интеллигенции внутри уральского региона.

Дальнейшее развитие получило изучение проблемы «спецеедства». В частности, А. Б. Суслов и А. И. Делицой сделали вывод, что одной из главных причин распространения этого явления в регионе стала проповедь особой миссии пролетариата в мировой истории, усиленно проводимая большевиками.

Одновременно с «описательным» направлением в изучении вузовской интеллигенции начинает разрабатываться и «проблемное» направление. Здесь необходимо отметить исследование О. В. Пропп «Высшая школа Урала и власть в условиях нэпа: опыт взаимоотношений (1921-1925 гг.)», в котором анализируются этапы и методы реорганизации административного аппарата вузов в 1921-1925 гг., процесс выполнения государственного заказа на подготовку новых специалистов, влияние органов власти на научную деятельность вузов. Автор указывает на то, что советская власть для обеспечения идеологического влияния в вузах использовала комбинации методов — от переговоров и обещаний уступок профессуре до административного давления и привлечения ГПУ. К 1925 году, по мнению О. В. Пропп, внутренняя жизнь вузов была полностью перестроена в интересах советской власти. Автор отмечает, что реорганизация системы высшего образования в первой половине 1920-х годов являлась для государства исключительно политической задачей.

Однако несколько невостребованной, со стороны современных региональных исследователей, оказалась педагогическая интеллигенция. Здесь вышли только единичные работы, в которых главный акцент сделан не на осмыслении сути и специфики моделей взаимоотношения педагогической интеллигенции и власти Урала, а на более полном фактографическом обосновании ранее высказанных концепций.

Среди новаций современной историографии стало введение понятия «конформизм» как поведенческой стратегии, которая была характерна и для интеллигенции Урала в 1920-е гг. Но, к сожалению, изучение явления конформизма применительно к истории интеллигенции Урала в 1920-е годы пока не нашло должного развития среди уральских исследователей. Выведенное «в свет» сибирской школой интеллигентоведения, оно в большей степени разрабатывается именно сибирскими учеными.

Одновременно ряд исследователей стал поднимать целый комплекс принципиально новых тем. Например, А. И. Делицой начал рассматривать феномен корпоративности инженеров, Л. А. Фофанова — поведение интеллигенции Урала в конфликте с властью за свои гражданские права в рамках проводимой государством кампании по лишению избирательных прав в 1920—1930-е годы. В этом направлении нашла отражение еще одна тенденция — выделять отдельные аспекты во взаимоотношениях интеллигенции и власти.

С 1990-х годов начинают появляться исследования, посвященные истории национальной интеллигенции Башкирии и Удмуртии, в рамках которых рассматриваются 1920-е гг. Здесь надо отметить работы О. И. Васильевой, Л. Ф. Шкляевой, посвященные вопросам формирования удмуртской и башкирской интеллигенции. Так, О. И. Васильева отмечает противоречивость политики советской власти в отношении национальной интеллигенции: высокий уровень подготовки специалистов, с одной стороны, политические репрессии — с другой. В результате, О. В. Васильева делает вывод о том, что удмуртская интеллигенция в конце 20-х — начале 30-х гг. отказалась от активной общественной позиции.

Таким образом, за последние 15 лет сделан значительный шаг в изучении проблемы взаимоотношений интеллигенции Урала и власти в 1920-е годы. Расширилась проблематика исследований, введены в научный оборот новые исторические источники, проводятся профильные научно-практические конференции. Вместе с тем очевидный недостаток — отсутствие комплексных трудов по проблеме. Выходящие тезисы исследований и докладов позволяют лишь заявить проблему и часто оставляют за скобками ее решение. На настоящий момент большинство исследований посвящено проблеме взаимоотношений технической интеллигенции и власти Урала: логика поведения государственной власти и изменение позиций интеллигенции по отношению к власти, проанализированы механизмы принятия решений. В меньшей степени исследователи обращались к изучению научной интеллигенции, уделяя главным образом внимание исключительно вузовской интеллигенции. Также только со второй половины 1990-х годов исследователи стали «переключаться» от анализа моделей «поведения» власти на анализ шагов, предпринимаемых интеллигенцией в отношении власти. Во многом именно неравномерность изученности различных аспектов взаимоотношений интеллигенции Урала и власти в 1920-е годы сдерживает появление обобщающих работ по данной теме.

Примечания

1. *Войков В. Л. Интеллигенция Урала в годы революций и гражданской войны (март 1917-1920 гг.). Автореф. дис. …канд. истор. наук. Свердловск, 1991.*
2. *Главацкий М. Е. Несостоявшееся партнерство // Интеллигенция и власть на пороге XXI века: Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1997. С. 77—79.*
3. *Олейник О.Ю. Изучение проблем интеллигенции в 90-е годы: Справочно-библиографическая информация // Интеллигенция и мир. Иваново, 2001. № 1. С. 91-100.*
4. *Сибиряков И.В. Интеллигенция Урала в условиях реформ (исторический опыт XX века). Челябинск, 2003.*

Е.В. Колобынцев
Уральский юридический институт МВД России, г.Курган

К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА «РЫНОК ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.»

В настоящее время проблема формирования и развития рынка и рыночных отношений занимает одно из ведущих мест в научно – публицистической литературе. Однако, не зная прошлого, достаточно тяжело говорить о настоящем. Зная исторические условия формирования рыночных отношений в Южном Зауралье, можно прогнозировать в какой – то мере и будущее. Понятия рынок и рыночные отношения достаточно общие. Попробуем разделить эти понятия на составляющие. Можно выделить рынок промышленных, ремесленных товаров и рабочей силы, сельскохозяйственный рынок и ценообразование.

Изучением данной темы в различное время в той или иной мере занимались следующие ученые и краеведы: В.В. Прусс, Н.Ф. Емельянов, В.А. Никитин, П.А. Свищев, А.И. Фельдшеров и др.

Одним из первых исследователей проблемы развития рынка в Южном Зауралье был В.В. Прусс. В статье «Развитие капитализма в Южном Зауралье в конце XIX – начале XX вв.» он исследовал этот вопрос с точки зрения развития капитализма в Южном Зауралье в конце XIX – начале XX вв. В конце XIX в. Зауралье представляло из себя район чисто аграрный, где никакой крупной про-

мышленности не было и сельское хозяйство дополнялось лишь кустарными промыслами и слабо развитой мелкой промышленностью по переработке продуктов земледелия и животноводства. Основным занятием подавляющего большинства населения Южного Зауралья было сельское хозяйство, развивавшееся на основе мелких крестьянских хозяйств. Прусс В.В. подробно рассмотрел вопрос о крестьянской реформе 1861 года и её последствиях. Главное зло общинного землепользования состояло в том, что в результате многократных переделов крестьянские земельные наделы становились всё более чересполосными, дробились на отдельные мелкие участки, расположенные на значительных расстояниях друг от друга и от крестьянского двора. Во второй половине XIX в. крестьянские хозяйства Южного Зауралья всё более втягивались в торговый оборот, как на основе развития местного рынка, так и в результате включения Зауралья во всероссийский рынок. В центральную Россию и на Урал вывозились хлеб, кожи, сало и другие продукты сельского хозяйства. Предметами ввоза были мануфактура, галантерея, москательные товары, металлические изделия, сахар, табак и т.п. Центрами торговли были ярмарки. К 90 гг. XIX в. в волостях Курганского уезда получило значительное развитие производство сельскохозяйственных орудий (сох, борон, молотилок и т.п.). Вместе с этим развивается процесс дифференциации крестьянства.

С постройкой Сибирской железной дороги Зауралье стало неразрывной частью всероссийского рынка и начало быстро втягиваться в мировой рынок. Быстро рос вывоз сельскохозяйственных продуктов за границу, преимущественно в Англию. Ярмарки начинают терять своё прежнее значение. Появляется большое количество постоянно действующих лавок и магазинов. Особенной чертой рынка Южного Зауралья данного периода являлось то, что сельскохозяйственные продукты и сырье сбывалось по крайне низким ценам, а промышленные товары приобретались по очень высоким, вздутым ценам. Вместе с развитием торговли развивалась промышленность. По данным официальной статистики количество промышленных предприятий в г. Кургане выросло с 11 в 1898 году до 49 в 1913 году, т. е. за 15 лет увеличилось более чем в 4 раза, но по – прежнему преобладали мелкие предприятия, занимавшиеся переработкой продуктов земледелия и животноводства.

В своих работах Прусс В.В. не достаточно досконально рассмотрел вопросы, связанные с изменениями рынка рабочей силы в указанный период, в частности динамику развития рынка рабочей силы, изменения оплаты труда рабочей силы, от чего зависела оплата труда рабочей силы, условия труда и т. д.

Другим крупным исследователем данной проблемы был Н.Ф. Емельянов. Он выделил большую главу, посвященную торговле в г. Кургане в своей книге «Город Курган. 1782 – 1917: Социально – экономическая история». В частности он писал: «В середине XIX в. Курган был широко охвачен торговлей, стал своеобразным центром рынка не только в округе, но и регионе, осуществляя связь с европейской Россией, Средней Азией и центральными ярмарками».

Емельянов Н.Ф. в своих работах рассмотрел вопросы ценообразования на сельскохозяйственные продукты. Цены на товары колебались в зависимости от времени года, урожаев, эпизоотий, погодных условий и пр.

Также им исследованы вопросы, касающиеся оплаты труда работников услуг.

Недостаточно полно в своих работах Н.Ф. Емельяновым исследован вопрос, касающийся развития промышленности и ремесла в указанный период времени, а именно, как сказалось строительство Сибирской железной дороги на развитии промышленности в Южном Зауралье и вообще на развитии рынка как сельскохозяйственных, так и промышленных товаров.

В конце XX – начале XXI вв. вопросами торговли и развития рынка Южного Зауралья занимались также такие учёные как П.А. Свищёв, А.И. Фельдшеров и В.А. Никитин.

В частности П.А. Свищёв в своём исследовании «Торговля и рынок Южного Зауралья в конце XIX – начале XX вв.» рассматривал вопросы развития торговли и рынка в данном регионе. В условиях локальной экономики Южного Зауралья торговля играла исключительно важную роль, являясь наряду с промышленным производством второй несельскохозяйственной отраслью экономики региона. С развитием капитализма в Зауралье появляются новые формы торговли – товарные склады, комиссионерные конторы, коммивояжёры, а также артельные лавки, создававшиеся под эгидой Союза маслодельных артелей. Достаточно подробно рассмотрена структура, баланс и характер ввоза и вывоза товаров, как продовольственных, так и промышленных, а также вопросы развития земельного, сельскохозяйственного рынка и рынка рабочей силы в регионе. Не до конца изучен вопрос развития рынка промышленных и ремесленных товаров, динамика развития данного рынка в конце XIX – начале XX вв. и его влияние на весь рынок Южного Зауралья.

Другим крупным исследователем проблем развития Южного Зауралья в конце XIX – начале XX вв. является В.А. Никитин. В своих исследованиях «Освоение Южного Зауралья во второй половине XIX в.», «Ремесло в Южном Зауралье во второй половине XIX в.», «Товарный рынок Южного Зауралья во второй половине XIX в.», «Эволюция рынка при капитализме», «Ценообразование на рынке промышленных товаров», «Особенности социально – экономического развития Южного Зауралья в пореформенный период» он достаточно подробно рассматривает вопросы развития сельскохозяйственного рынка, динамику и структуру ценообразования и развитие рынка рабочей силы в Зауралье. Однако им не в полной мере освещены вопросы развития, структура и динамика рынка промышленных и ремесленных товаров, а также какие процессы оказали влияние на развитие данного рынка в Южном Зауралье.

В своей статье «Иностранные фирмы в Южном Зауралье» А.И. Фельдшеров даёт картину проникновения на рынок Южного Зауралья иностранцев. Внедрение капитала извне происходит, прежде всего, в сфере торговли. Первоначально в области торговли сливочным маслом. С внедрением новых технологий в сельскохозяйственное производство рассматривается вопрос о поставках на рынок Южного Зауралья сельскохозяйственных машин. Делается вывод, что вовлечённость Южного Зауралья в товарообмен на мировом рынке в значительной степени осуществлялось иностранным торговым капиталом. Это являлось определённым стимулом для дальнейшего развития товарности сельского хозяйства.

Следует отметить, что наиболее полно различные сферы формирования и развития Южного Зауралья рассмотрены в работах В.А. Никитина.

Все вышеперечисленные исследования и статьи не позволяют создать целостную картину развития рынка Южного Зауралья в первой половине XIX – начале XX вв., т. к. начиная с 80-х гг. XIX в. можно говорить о сформированном всероссийском рынке, который начал втягивать в сферу своего притяжения также локальные рынки окраин, в частности, рынок Южного Зауралья. Отдельные элементы аграрного рынка как арены обращения товаров (земельный, хлебный, рабочего скота, рабочей силы

и т. д.) имели в регионе, да и во всей стране, неравномерное развитие. Земельный рынок в Южном Зауралье находился только в стадии формирования, что связано с отсутствием частной собственности на землю и преобладание в составе населения крестьянского элемента, владевшего землей на общинном праве.

В исследованных работах рынок рабочей силы сложно поддаётся изучению вследствие отсутствия статистических источников и поэтому оценить даже приблизительно количество уходящих на заработки практически не возможно.

Наиболее изучен и исследован сельскохозяйственный рынок Южного Зауралья, но и здесь имеются проблемы из – за отсутствия масштабных исследований о ценах на сельскохозяйственные продукты уездного уровня.

Примечания

1. *Емельянов Н.Ф. Город Курган 1782 – 1917. Курган, 1992.*
2. *Менщиков В.В., Павлуцких Г.Г., Никитин В.А. Освоение Южного Зауралья в XVII – XIX вв. Курган, 1993.*
3. *Никитин В.А. Ремесло в Южном Зауралье во второй половине XIX в. Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 5. Курган, 1993.*
4. *Никитин В.А. Товарный рынок Южного Зауралья во второй половине XIX в. Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 11 (2). Курган, 1991.*
5. *Никитин В.А. Эволюция рынка Зауралья при капитализме. Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 20. Курган, 1997.*
6. *Никитин В.А. Ценообразование на рынке промышленных товаров // Емельяновские чтения: Материалы 1 межрегиональной научно – практической конференции. Курган, 19 – 20 апреля 2006 г. Курган, 2006.*
7. *Никитин В.А. Особенности социально – экономического развития Южного Зауралья в пореформенный период // Зыряновские чтения: Материалы межрегиональной научно – практической конференции (Курган, 14 – 15 декабря 2004 г.). Курган, 2004.*
8. *История Курганской области (1861 – 1917 г.г.). Т. 2. Курган: Изд-во Курганского гос. университета. 1996.*
9. *Прусс В.В. Развитие капитализма в Южном Зауралье в конце XIX – начале XX вв. Учёные записки. Вып. 2. Курган, 1959.*
10. *Фельдшеров А.И. Иностранные фирмы в Южном Зауралье. Земля Курганская: прошлое и настоящее: Краеведческий сборник. Вып. 5. Курган, 1993.*

М.Н. Тайболина

Курганский государственный университет, г.Курган

ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К «КУЛАЧЕСТВУ» В 1920-Е ГГ.: НА МАТЕРИАЛАХ ЗАУРАЛЬЯ (МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ)

Цель автора – охарактеризовать методы, которые можно использовать при изучении политики советского государства 1920-х гг. по отношению к тем, кого в официальных документах той поры называли «кулаки».

Исследователь должен применять, прежде всего, следующие, присущие исторической науке методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный.

Применяя историко-генетический метод, историк исследует причины и развитие государственной политики по отношению к «кулачеству», детально описывает конкретные факты о проведении политики на местах, об изменениях в крестьянских хозяйствах, произошедших под воздействием этой политики, анализирует единичные факты, выявляет особенные факты, которые рассматривает в связи с общим и всеобщим. Эта политика изучается структурно-синхронически: сопоставляется проведение её на различных территориях в одно и то же время, и генетически-диахронически: рассматривается отношение государства к крестьянам в рамках Зауралья на протяжении 1920-х гг.

При использовании историко-сравнительного метода можно сравнивать социально-экономическое положение, правовой статус различных групп крестьянства, положение зажиточных крестьян различных местностей в начале, середине, конце 1920-х гг., проведение политики государства в разных районах Зауралья.

В данном исследовании целесообразно применение историко-типологического метода: типологизация для разбиения крестьян 1920-х гг. на социально-экономические слои, классификация мероприятий государства по отношению к «кулачеству».

Историко-системный метод помогает изучить систему зажиточных крестьянских хозяйств как часть систем всех крестьянских хозяйств. Историко-типологический анализ позволяет провести декомпозицию систем, то есть вычленить зажиточные крестьянские хозяйства из иерархии систем крестьянских хозяйств в целом. Для этого проводится выявление системообразующих признаков, в данном случае: способы получения и размеры совокупного дохода крестьянского хозяйства. Выделенная система анализируется. Подобным образом рассматривается государственная политика по отношению к тем, кого власть называла кулаками: системы мероприятий и отдельные части этих систем, например, налоги; деятельность центральных и местных органов власти в целом, и проведение политики на местах в частности.

Благодаря структурному анализу, изучается взаимосвязь элементов зажиточных крестьянских хозяйств и их свойства. Функциональный анализ даёт ответ на вопрос, как исследуемая система взаимодействует с более высокими системами. Например, конкретное крестьянское хозяйство – с хозяйствами в рамках отдельного района, в пределах Курганского округа, на территории Зауралья. Сравнение структуры зажиточного хозяйства на подворном уровне и на уровне Зауралья выявляет, как общее (суть структуры зажиточных хозяйств Зауралья) проявлялось в единичном (отдельных зажиточных хозяйствах). Аналогично выявляется, как курс российского руководства на ограничение «кулачества» проявлялся в решениях местных органов власти.

Математические методы широко применялись при изучении расслоения крестьянских хозяйств 1920-х гг., чего нельзя сказать об исследованиях по государственной политике, за исключением работ по налогообложению крестьянских хозяйств.

Можно рассчитать относительные статистические показатели структуры (для определения удельного веса сельского населения в населении Зауралья, удельного веса крестьян, подвергшихся репрессиям, доли отдельных категорий крестьян в общей массе крестьян, для характеристики структуры бюджета крестьянского хозяйства), относительные статистические показатели координации (при изучении соотношения зажиточных хозяйств и незажиточных хозяйств, соотношения лишенцев и лиц, имеющих избирательные права), относительные статистические показатели интенсивности (при анализе производительности труда (отношение произведённой продукции в стоимостном выражении к затратам труда на её производство), относительные статистические показатели сравнения (при сопоставлении урожайности, объёмов произведённой продукции в хозяйствах различных слоёв

крестьян).

Автор использовала методы частичного обследования массовых объектов: монографический метод, выборочный метод. Так, с помощью монографического метода попыталась нарисовать социальный портрет зажиточного крестьянина на примере описания личности и хозяйства одного из тех крестьян, кто в официальных документах именовался кулаком.

Применение метода группировки к документам по лишенцам позволяет сделать структурные, типологические, аналитические группировки.

Определение простой средней арифметической и взвешенной средней арифметической величин делается для характеристики количества работников, едоков, посевной площади, рабочего скота в крестьянских хозяйствах, моды – для показа наиболее часто встречающегося вида наёмного труда в зажиточных хозяйствах, медианы – для анализа посевных площадей, доходов крестьян, размаха вариации – для изучения доходов крестьян.

Изменение явлений во времени анализируется, благодаря расчёту статистических показателей динамики, например, темпов роста, темпов прироста – при изучении динамики численности зажиточных крестьян, элементов их хозяйств.

Сочетание историком традиционных описательных методов исследования с математическими методами делает его работу более представительной и аргументированной.

А.Л. Меньшикова
Уральский государственный университет им.А.М.Горького, г.Екатеринбург

МЕМУАРЫ ОБ ОБУЧЕНИИ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Большое значение для изучения истории домашнего образования и частных школ в России XVIII в. имеют источники личного характера, в частности, мемуары. Это воспоминания учителей и учеников, родителей, родственников, друзей. Большинство из них затрагивают историю столичных учебных заведений, школ Украины, домашнее образование детей в центральной России. И лишь в пяти имеются сведения об обучении детей на Урале в этот период. Среди авторов – выразитель просветительских идей, уроженец Украины Г.С.Винский, проведший на Южном Урале более двадцати лет в ссылке; уфимские дворяне Пекарские, воспоминания которых записаны с их слов родственником – П.П.Пекарским; соликамский купец Д.Е. Смышляев; дочь асессора Канцелярии Главного заводов правления А.Е.Лабзина. Несмотря на то, что автобиографическая книга «Детские годы Багрова-внука» основана на достоверном историческом материале, тем не менее, воспоминания известного писателя С.Т.Аксакова представляют собой художественное литературное произведение, поэтому нами не рассматриваются.

Только в двух мемуарах (П.П. Пекарских и Г.С.Винского) затрагивается история домашнего обучения и частной школы на Южном Урале, причем лишь дворянских детей. Воспоминания воспроизводят типичную картину обучения в дворянских семьях этого периода, отражают многие ценные факты, отсутствующие в других видах документов. Несмотря на единичный характер таких сведений, они позволяют почувствовать дух времени, царивший в этот период в дворянской среде, увидеть проблемы обучения дворянских детей, преломленные через индивидуальное сознание авторов, через их собственное отношение и личную оценку действительности.

Со слов Николая Николаевича и Матрены Семеновны Пекарских, представителей дворянских родов, проживавших в Уфе с середины XVIII в., были записаны воспоминания их родственником – П.П.Пекарским, русским историком, библиографом, собирателем исторических документов о просвещении в России в XVIII в. П.П.Пекарский проявлял большой интерес к прошлому, в связи с этим он и обратился к воспоминаниям своих родных, хорошо понимая всю ценность сведений, сохранившихся в памяти рядовых провинциальных дворян (3). Записки характеризуют образование и воспитание самих авторов, а также обучение их сыновей Петра и Семена. Воспоминания напечатаны в местном издании – в Справочной книжке Уфимской губернии за 1883 г. В последующие годы они не переиздавались.

Матрена Семеновна Пекарская была из рода уфимских дворян. Неизвестно, когда и как она сама выучилась чтению, письму, арифметике – прямых сведений о годах обучения в мемуарах нет. М.П.Пекарская подчеркивает, что «…по обыкновению, господствовавшему в тогдашних захолустьях, меня не учили грамоте на том основании, что де знание для дворянских дочерей грамоты только служило к тому, что оне легче заводили сердечные отношения с местными волокитами» (3, 307). Но, видимо, повзрослев, она получила неплохие основы образования, т.к. оказалась лучше подготовленной, чем ее муж, которому знания были необходимы на государственной службе – именно к жене обращался Николай Николаевич за помощью при составлении денежных отчетов.

П.П.Пекарский отмечает желание старших Пекарских видеть своих детей образованными людьми: «Отец хотел, чтобы младшие его сыновья не остались неучами, а потому намеревался везти их в Казанскую гимназию. Однако матери было жаль расставаться с детьми. Пришлось ограничиться отдачею их в ученье к одному ссыльному» (3, 312). В этом желании дать образование детям проявляется новое отношение к учебе со стороны родителей. Из воспоминаний неясно, почему детей не отдали в народное училище, а отвели в пансион к ссыльному, который взял на себя роль наставника дворянских детей. Видимо, здесь сыграл роль сословный фактор.

В воспоминаниях характеризуется круг «наук», изучавшихся в частном пансионе Уфы, куда отдали Петра и Семена Пекарских: «…Он не был обширен: читали псалтырь и выписывали буквы азбуки»; квалификация и личность учителя – «уфимский педагог отличался не столько своей ученостью, сколько жестокостью», а также жадностью и безнравственностью (3, 312). Об этом ярче всего свидетельствуют следующие строки: «Ученик, почему-либо опоздавший в школу, подвергался жестокому наказанию, способ избежать его – украсть по дороге петуха и впустить его перед собою в класс. Учитель, делая вид, что не видит воришки, приказывал отнести петуха на кухню. Однажды братья Пекарские не сделали этого и были жестоко наказаны учителем, так, что чуть не слегли» (3, 312). Жестокость педагога стала причиной того, что Матрена Семеновна упросила мужа не посылать больше в пансион детей.

Как ясно из воспоминаний, юные Пекарские продолжили образование у бывшего пленного немца, оставшегося жить в России. Пекарские дают характеристику его личности, отмечая человеколюбие педагога, описывают программу обучения, изучение основ арифметики и немецкого языка (3, 312). И в глубокой старости братья Пекарские вспоминали учителя – немца с признатель-

ностью.

Воспоминания Г.С.Винского дополняют сведения об обучении дворянских детей в Уфе, приведенные в мемуарах П.П.Пекарского. Г.С.Винский происходил из мелкопоместных украинских дворян. Сначала он учился в Малороссии, затем переехал в Петербург. Поступив в инженерную школу, устроенную Бибиковым при Измайловском полку, Г.С.Винский, как представитель другой национальности, столкнулся с черствостью, грубостью и притеснениями со стороны учеников и учителей. Военная служба не принесла Г.С.Винскому удовлетворения. В 1779 г. по ложному доносу, подозреваемый в неблагонадежности к правительству, Г.С.Винский был помещен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Оренбург. После завершения 25-летнего срока ссылки он был прощен, но не покинул Урал, а поселился в г.Бузулуке, где прожил 10-летний остаток жизни с 1808 по 1818 годы. За неимением средств во время ссылки Г.С.Винский был вынужден искать заработок в качестве учителя.

К написанию мемуаров Г.С.Винский приступил в 1813 г. в Бузулуке, отнюдь не ради славы или из желания написать произведение для широкой читательской публики, а лишь для себя и своих родных: «…Я хочу писать мою жизнь и какие мне памятны важнейшие случившиеся в течение оной происшествия…Я намереваюсь писать о себе, для себя, для своих…» (1, 78). Свою рукопись автор довел до XIX века, назвав ее «Записками». В печати воспоминания Г.С.Винского появились в 1877 г. в выпуске «Русского архива», в 1914 г. были изданы отдельной книгой.

В записках Г.С.Винский описывает свое домашнее учительствование в период ссылки в семьях чиновников и офицеров в Оренбургской и Уфимской губерниях в 1780-1790-е гг. В дом майора Рыбкина в Оренбурге он был взят по рекомендации самого губернатора, князя Хвабулова. С открытием Уфимского наместничества и новой Уфимской губернии появились более широкие возможности образованным людям применить свои знания. В 1783 г. Г.С.Винский по неизвестным причинам переехал из Оренбурга в Уфу, где стал давать уроки детям надворного советника Н.М. Булгакова – Анне и Александру. Затем Винский обучал детей в семьях уфимского судьи С.Я.Левашова и прокурора Уфимского наместничества В.П.Рычкова. Своему преподаванию в Уфе автор уделяет больше внимания.

Г.С.Винский отмечает, что его учениками были как мальчики, так и девочки. Он пишет, что в Оренбурге обучал дочь майора Рыбкина французскому языку. Это свидетельствует о возросшем интересе к женскому образованию в семьях местных офицеров, о том, что мода на французский язык получает распространение в уральской провинции. Винский сообщает, что сам оренбургский губернатор князь Хвабулов в 1780-е годы нанял для обучения своих детей француза старика Ганио, но «воспитание и обучение детей было чуждым для него делом… Был для детей заботливой нянюшкой, а для князя забавником» (1, 92). Для губернатора, – пишет Винский, – главным было то, что Ганио – француз, к мнению которого он прислушивался, т.е. и на Южном Урале, вдали от столиц, распространялась галломания – преклонение перед всем французским, явление, которое высмеивал в своих журналах Н.И.Новиков.

Переехав в Уфу, Винский стал преподавать в семье надворного советника Н.М. Булгакова. До него детей Булгакова, Анну и Александра, обучал француз, и Винский радовался, что тот не успел причинить своим ученикам сколько-нибудь существенного вреда. Г.Винский так формулирует свои педагогические взгляды: «… Я, поступая искренно, не только никогда не внушал ничего детям порочного, но старался всевозможно поселить в них человеколюбие, бескорыстие и другие нужнейшие для русских добродетели» (2, 188).

Г.С.Винский приводит данные о получаемой им за преподавание плате, перечисляет предметы, которые он вел в семье Н.М. Булгакова, характеризует способности учеников, говорит о своем отношении к занятиям: «Договор поставлен был для двух детей: учить французскому языку, географии, истории, арифметике, за то получать в год деньгами 300 р. и все содержание с услугою и выездом для жены и меня» (2, 180). Примечательно, что Г.Винский обучал детей сразу же нескольким предметам повышенного уровня (отнюдь не грамоте). Именно он, ссыльнопоселенец, оказался годным для этого. Видимо других, более достойных кандидатур не нашлось. Этот факт отражает недостаток подготовленных учителей, вынужденное использование ссыльных для домашнего обучения детей в дворянских семьях даже в городах – центрах губернии.

Г.С.Винский подробно описывает свое отношение к преподаванию, показывает, как оно заинтересовывает его, заставляет совершенствовать свои знания. Вызывает интерес его способ «домашнего учения» французскому языку. Поначалу учитель старательно следовал методе «иностранцев и наших педантов» – зубрежке: «…Выписав грамматику, разговоры, лексиконы и распорядив по ним уроки – невеликая трудность, а только скука…» (2,180). Но потом пришел к выводу, что «… есть средство самое верное и ученику полезное – в учении его языку чрез чтение с переводом и истолкованием слога того языка и разности нашего…». Освоив таким методом только четверть тома, ученик «столько уже знал язык и его состав, что ему можно было поручить тотчас переводы самых трудных авторов» (2,180). Такое обучение увлекло Г.Винского настолько, что он охотно жертвовал своими собственными «часами и занятиями». Он понимал, что, обучая чужих детей, расширяет и свои знания: оба языка, русский и французский, изучил «всесовершенно».

В мемуарах содержится информация об отношениях между учениками и домашними учителями. Г.Винский пишет, что дети в семье Булгакова были «избалованными барчатами» и не желали слушаться учителя. Винский относился к ним с добротой и пониманием, был противником телесных наказаний, которые часто применяли родители. Вскоре дети стали уважать своего наставника.

В семье надворного советника, судьи Уфимского суда С.Я.Левашова у Винского был целый «пансион»: четверо детей судьи (Елизавета, Наталья, Николай и Алексей), а также племянник хозяина – сын его сестры Марии Яковлевны. Винский настолько привязался к своим воспитанникам, что старался забыть прежние свои обиды: «Переселение к Левашовым было некоторым образом для меня непроизвольное; обиженный им в первое приглашение, я не хотел было с ним вовсе дела иметь; но увидевши детей, обласканный ими, я забыл все и четыре года прожил в сем доме, перенося многие неприятности» (2,194).

Г.Винский не без гордости пишет об успехах своих учеников. Так, например, дочь С.Я.Левашова, 15-летняя Наталья, спустя два года занятий с Г.Винским «…понимала столько французский язык, что труднейших авторов, каковы Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила без словаря; писала письмо со всею исправностью правописания; историю древнюю и новую, географию и мифологию знала также достаточно» (2, 195). Эти данные представляют большую ценность для нас, т.к. свидетельствуют о широком распространении трудов французских просветителей в дворянских семьях провинции. Своим ученикам Винский воздал должное «…довольно изрядно учились…». Подводя итог, Г.Винский писал, что

«ежели не выпустил своих учеников виртуозами в науках, зато сам столько успел…» (2, 180).

Таким образом, даже в двух мемуарах мы находим целый ряд интересных сведений, отражающих обучение дворянских детей на Южном Урале во второй половине XVIII в., неизвестных ни по каким другим источникам: о личностях учителей, программах обучения детей, об интересе к французскому языку, в том числе к трудам просветителей и т.д.

Примечания

1. Записки Григория Степановича Винского // Русский архив. 1877. № 1. С.76-123.
2. Записки Григория Степановича Винского // Русский архив. 1877. № 2. С.151-197.
3. Пекарский П.П. Известие об уфимских дворянах Пекарских // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883.

В.С. Суриков
Курганский государственный университет, г.Курган

ПАВЕЛ I РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Павел I - одна из самых и спорных загадочных фигур в длинной череде государей династии Романовых. Его жизнь, планы и деятельность вновь попала в поле зрения историков после десятилетий однозначных оценок в советской историографии. Нам хотелось бы рассмотреть кратко, что же произошло в стране в столь короткое царствование, и какие нововведения были проведены в жизнь и проследить оценку историков правления Павла I. Мы взяли в качестве примера для рассмотрения труды двух наиболее крупных деятелей русской дореволюционной исторической мысли В.О. Ключевского и Н.М. Карамзина. У этих историков совершено разные подходы к деятельности Павла. Один из крупнейших историков XIX века С. М. Соловьев довел свою капитальную Историю России с древнейших времен, лишь до 70-х годов XVIII столетия, поэтому в ней лишь достаточно бегло упоминаются интриги вокруг малолетнего Павла в первые месяцы и годы после воцарения Екатерины II. Небезынтересны экскурсы к трудам плодовитого историка-публициста К. Валишевского. Если В.О. Ключевский находит что-то новое в правление этого императора, то Карамзин, который был младшим современником Павла и свидетелем его правления, не находит ни одного положительного момента в деятельности Павла. Валишевский идёт по пути описания правления и личности Павла и осуждения и того, и другого (1).

Павел I родился 20 сентября 1754 года. Одна из первых загадок связана с его происхождения. Его мать, Екатерина II, недвусмысленно заявляет в своих Записках, что он не был сыном Петра III. Это обстоятельство наложило отпечаток на всю жизнь и правление Павла: он стремился подчеркнуть своё почтение к Петру III и не скрывал своей ненависти к матери и методам её правления. Вторая легенда, запущенная в оборот, по всей видимости, с согласия Екатерины, утверждает, что Павел был крайне неуравновешенным в психическом отношении человеком, на грани безумия. Именно этот вопрос: «Был ли действительно безумен сын Екатерины II?» занимает достаточное место в дореволюционной историографии. Павел был человеком, подверженным периодическим вспышкам гнева, возможно, это и подтверждало имевшие широкое хождение слухи о его умственной неполноценности и психической неуравновешенности. По многим свидетельствам современников высшие классы общества, мыслящая и правящая часть нации были уверены, что император ненормален, безумен, и т.д. (4, 139).

За 1586 дней правления император Павел издал множество манифестов, указов, приказов и других законодательных актов. Павел вступил на престол, одержимый одной мыслью: исправить все, что натворила его мать. Резюмируя мнения историков XIX века, Н.Я. Эйдельман приходит к выводу: «Количество законов, естественно, еще не говорит о содержании, направлении политики. Несомненно, часть павловских указов объективно способствовала упорядочению, европеизации российского правления»(4, 62). По мнению В. О. Ключевского, Павла слишком долго держали вдали от дел, но эта задержка не привела к появлению четкого плана действий по вступлении на престол, как скажем, это можно видеть у Людовика XIV. «Незримый, но постоянно чувствуемый обидный надзор, недоверие и даже пренебрежение со стороны матери, грубость со стороны временщиков - устранение от правительственных дел - все это развило в великом князе озлобленность, а нетерпеливое ожидание власти, мысль о престоле, не дававшая покоя великому князю, усиливали это озлобление… Благодаря этому настроению на престол принес он не столько обдуманных мыслей, сколько накипевших при крайней неразвитости, если не при полном притуплении политического сознания и гражданского чувства, и при безобразно исковерканном характере горьких чувств», - отмечает великий русский историк (3, 191 – 192). Он считает, что Павел настолько торопился все изменить, что даже в основном не обдумывал все свои действия: «…Мысль, что власть досталась слишком поздно, …заставляла Павла торопиться во всем, недостаточно обдумывая предпринимаемые меры…» (3, 192). Уже первые шаги Павла-императора продемонстрировали его намерение действовать во всем наперекор политике матери. Ключевский В. О. отмечает, что этим стремлением окрашено, по сути, все его царствование, в результате чего «Самые лучшие по идее предприятия испорчены были положенной на них печатью личной вражды». Василий Ключевский называет деятельность Павла не столько политической, сколько патологической (3, 193). Во внутренней политике Павла выделяется несколько взаимосвязанных направлений - реформа государственного управления, изменения в сословной политике и военная реформа. Пытаясь найти общий знаменатель деятельности Павла I, В. О. Ключевский называет императора «первым противодворянским царем», считая «чувство порядка, дисциплины и равенства» руководящим побуждением его деятельности, борьбу с сословными привилегиями главной задачей. Равенство - по Павлу I - было равенством рабов. Все сословия в его империи были равны, ибо ни одно не имело никаких привилегий (3 ,193).

Как ни удивительно, но такой проницательный и разносторонний человек, как Н. М. Карамзин, не нашел ни одного светлого пятна в мрачной, по его мнению, картине павловского царствования. У него сложилась, совершено другая оценка деятельности Павла. «…считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины…»(2, 1003). Что касается военной реформы то, Н.М. Карамзин дает также отрицательную характеристику: «…умертвил в полках наших благородный дух воинский, воспитанный Екатериною, и заменил его духом капральства. Героев, приученных к победам, учил маршировать; отвратил дворян от воинской службы; презирал душу, уважая шляпы и воротники… В царствование Павла чины и ленты упали в достоинстве…»(2, 1012-1013).

Резюмируя сказанное можно отметить, что в русской историографии, начиная с Н.М. Карамзина, поэтов Г.Р. Державина и А.С. Пушкина. Утвердилась негативная оценка деятельности Павла. Единственное, что сдерживало рез-

кость суждений, было то обстоятельство, что Павел не только был царем, но предком всех царей династии Романовых той поры. В. О. Ключевский - один из немногих попытался показать неоднозначность этого короткого периода в жизни государства, который был связан с деятельностью Павла I. Вот как он оценивает деятельность Павла в целом. «Император Павел I был первый царь, в некоторых актах которого как будто проглянуло новое направление, новые идеи. Я не разделяю довольно обычного пренебрежения к значению этого кратковременного царствования, напрасно считают его каким-то случайным эпизодом нашей истории, печальным капризом недоброжелательной нам судьбы, не имеющим внутренней связи с предшествующим и ничего не давшим дальнейшему». Дальше он отмечает и делает вывод что: «Нет, это царствование связано как протест - с прошедшим, и как первый неудачный опыт новой политики, как назидательный урок для преемников - с будущим. Инстинкт порядка, дисциплины и равенства был руководящим побуждением деятельности этого императора, борьба с сословными привилегиями - его главной задачей. Так как исключительное положение, приобретенное одним сословием, имело свой источник в отсутствии основных законов, то император Павел начал создание этих законов… Таким образом, благодаря отношениям, в каких готовился Павел к власти, его преобразовательные позывы получили оппозиционный отпечаток, реакционную подкладку борьбы с предшествующим либеральным царствованием…» (3, 189). «Трагедия императора Павла и главный парадокс его царствования состояли в следующем. Мероприятия, проводимые им для предотвращения переворота, на самом деле к нему и привели. Усиление самодержавной власти в правление Павла было воспринято дворянством как наступление на свои права… что же касается народа, то его отношение к императору было вполне равнодушным.» Он приходит к выводу: «Таким образом, царствование Павла было временем, когда была заявлена новая программа деятельности, хотя пункты этой программы не только не были осуществлены, но и постепенно даже исчезли из нее, заменившись стремлениями, им противопоставленными. Гораздо серьезнее и последовательнее начала осуществляться эта программа преемников Павла» (3, 441).

Другой видный историк того времени Н. М. Карамзин. У него сложилась, совершено другая оценка деятельности Павла. «Павел восшел на престол в то благоприятное для самодержавия время, когда ужасы французской революции излечили Европу от мечтаний гражданской вольности и равенства... Но что сделали якобинцы в отношении к республике, то Павел сделал в отношении к самодержавию: заставил ненавидеть злоупотребления оного…». Далее он пишет: «По жалкому заблуждению ума и вследствие многих личных претерпенных им неудовольствии, он хотел быть Иоанном IV; но россияне уже имели Екатерину II, знали, что государь не менее подданных должен исполнять свои святые обязанности, коих нарушение уничтожает древний завет власти с повиновением и низвергает народ со степени гражданственности в хаос частного естественного права. Сын Екатерины… начал господствовать всеобщим ужасом, не следуя никаким уставам, кроме своей прихоти; считал нас не подданными, а рабами; казнил без вины, награждал без заслуг; отнял стыд у казни, у награды - прелесть; унизил чины и ленты расточительностью в оных; легкомысленно истреблял долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя в них дело своей матери; … имея, как человек, природную склонность к благотворению, питался желчию зла; ежедневно вымышлял способы устрашать людей - и сам всех более страшился; думал соорудить себе неприступный дворец - и соорудил гробницу! Россияне смотрели на сего монарха, как на грозный метеор, считая минуты и с нетерпением ожидая последней... Она пришла, и весть о том в целом государстве была вестию искупления; в домах, на улицах люди плакали от радости» (2 , 1003).

В настоящее время появляется тенденция многих авторов к переосмыслению деятельности этого Павла. Из «самодура» Павел в глазах ученых вырастает во вполне нормального человека с непростым характером. О нем говорят как о прогрессивном реформаторе. Многие наши зарубежные ученые отмечают в нем стремление к преобразованиям к коренной ломки действительности. Таким образом, мы постараемся в последующих работах проследить эту эволюцию взглядов на деятельность Павла.

Примечания

1. *Валишевский К. Павел I: Сын Екатерины Второй. М., 2003.*
2. *Карамзин Н.М. История государства Российского. М., 2003.*
3. *Ключевский В.О. Сочинения. Т. 5: Курс русской истории. Ч. 5. М., 1958.*
4. *Эйдельман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII - нач. XIX столетия. М., 1986.*

С.С. Иванов
Курганский государственный университет, г.Курган

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Холодная война как явление международной жизни занимает почти всю вторую половину XX века. Последствия и отголоски её проявляются и по сей день. В данной статье предпринята попытка рассмотреть понимание термина «холодная война» в отечественной и зарубежной исторической литературе, рассмотреть и сопоставить наиболее распространенные оценки и периодизации, сравнить понимание этого сложного явления в отечественной и зарубежной историографии.

Традиционно начало холодной войны относится к 1947 году. Однако манифестом, который определил не только суть, но и само название данного явления считается знаменитая речь Уинстона Черчилля, произнесённая в Фултоне 5 марта 1946. Эта речь была воспринята многими и в СССР, и на Западе как призыв к развязыванию новой войны, а за Черчиллем закрепилась слава поджигателя войны. Однако текст этой сравнительно небольшой речи свидетельствует об обратном. Черчилль призывает сохранять бдительность и говорит об основных угрозах послевоенного мира. По его мнению, это, прежде всего, тирания и новая война. «Мы не можем допустить, чтобы наступил такой час, когда менять что-то будет уже слишком поздно», - говорил оратор об угрозе новой войны (11, 467-468, 480-481). Он также заметил, что искоренение бедности в мире выбивает почву и тоталитарных режимов и самой возможности войны (11, 472). Достаточно быстро последовала реакция со стороны СССР. Сталин в интервью газете «Правда» сравнил Черчилля с Гитлером, обвинил в расизме и заявил: «...по сути дела, г. Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны… несомненно, что установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР» (10, 407). С тех пор в советской политической публицистике закрепились положения о том, что Черчилль являлся идейным вдохно-

вителем развязывания холодной войны, вся ответственность за это полностью и целиком падает на Запад, реализацией «агрессивных планов Черчилля» является провозглашение Трумэном своей доктрины (10, 404; 408-409).

Рассмотрим теперь, как же понимался термин «холодная война» в СССР, западных странах и постсоветской России. В советской истории международных отношений сложилась традиция, которая опиралась на идеологические догмы, возлагавшая всю полноту ответственности за развязывание «холодной войны» на американский империализм и его приспешников. Неуклонным императивом XX века является освобождение человека (социальная революция) и освобождение народов (деколонизация). Стремясь не допустить этого, империалисты США повсеместно подавляют движение человека и человечества к свободе («доктрина сдерживания»). Таким образом, лишь миролюбивая политика советского правительства и КПСС позволяют избежать развязывания новой мировой войны. Не игнорировалась и идеологическая составляющая холодной войны. Противостояние «два мира – два образа жизни», «два лагеря: лагерь мира и прогресса и лагерь войны и реакции» являлись составной частью не только советской пропаганды, но и советской историографии, что нашло своё наиболее полное и выпуклое выражение, в частности, в Истории дипломатии (5). В отличие от изданий по истории международных отношений конца 1940 – начала 1950-х годов, в указанной Истории дипломатии несколько смягчены оценки, но в целом сталинская оценка и сталинское понимание сущности «холодной войны» сохранилась. Ещё более смягченный вариант представляют издания конца 1980-х их идеологическое содержание продолжало сохраняться и в первые постсоветские годы. Так, в учебнике «История новейшего времени стран Европы и Северной Америки. 1945 – 1990» (МГУ, 1993) «холодная война» характеризуется как противоборство двух идеологических и военно-политических блоков, «период резкого обострения международных отношений… сопровождавшийся острой полемикой с обеих сторон» (6, 32). Авторы данного издания продолжают мысль о том, что инициатором «холодной войны» был американо-британский тандем, делается вывод об адекватности реакции СССР на угрозу ядерного шантажа. Вместе с тем, содержится попытка отметить, что советское руководство во главе с И.В. Сталиным, «допуская явные преувеличения и искажения фактов, обвиняло правящие круги США в стремлении весь мир превратить в колонию американских империалистов»(6, 33). Приведенные высказывания можно характеризовать как весьма робкие попытки переосмыслить итоги «холодной войны» и долю ответственности СССР в её развязывании. В последних российских исследованиях системного характера делаются более взвешенные и менее идеологизированные определения и выводы. «Холодная война» рассматривается как проявление биполярности мира, в целом сложившейся к 1950 году. Для неё характерны конфронтационность двух сверхдержав, гонка вооружений, особенно ядерных, балансирование на грани ядерной войны («конфронтационная стабильность», «равновесие страха»), политико-идеологическое противостояние «свободного мира» и «стран социалистического лагеря», что вело к демонизации противника, неумению и нежеланию понимать его (7, 18-22). Понятие «холодная война» авторы Системной истории международных отношений предлагают понимать в двух смыслах. В широком смысле как синоним конфронтации, характерной для международных отношений после 1945 года и до распада СССР. В узком смысле этот термин означает наиболее острую степень конфронтации между СССР и США в период от берлинского кризиса 1948 года до Карибского кризиса 1962 года (9, 23). В качестве рубежей периодизации предлагаются этапы ослабления конфронтации (середина 1950-х, вторая половина 1960-х – конец 1970-х, 1985 год). Авторы полагают неправильным применение термина «холодная война» к этим периодам разрядки, по отношению к которым он выступает как антоним и использование его некорректно (9, 23). Говоря о начальном периоде «холодной войны» отмечается, что стороны ещё не выработали правила поведения в ядерном мире и не имели ясного представления о предельно допустимых порогах конфронтационности, стратегии обеих сверхдержав носили наступательный характер. Для всей второй половины XX века характерно недоверие враждующих сторон. Идеологические противоречия переплетались с геополитическим (9, 209).

Рассмотрим теперь основные понимания «холодной войны» на Западе. Здесь необходимо обратить внимание на наиболее типичные трактовки, которые отражали и мнение правящих кругов, и мнение широкой общественности, а не позиции каких-то замкнутых политических группировок. Остановимся на американском, английском и европейском понимании данного вопроса. Традиционно в американских исследованиях «холодной войны» была сильна идеологическая составляющая. Можно даже сказать, что здесь идеология была почти так же сильна, как и в советских исследованиях. Значительная часть написанного носит публицистический или даже апологетический характер, довольно мало аналитических работ. В конце XX века эти качества усилились под влиянием так называемой победы в «холодной войне». В «Народной истории США» по сути дела говорится о том, как США спасли мир от порабощения тоталитарным советским режимом(8). В исследовании крупного американского социолога и политолога конца XX века А. Этциони холодная война трактуется как противостояние двух систем ценностей: Запад (рынок и примат человеческой личности) и Восток (примат государства и коллектива). Холодная война – выражение глобального непонимания этих двух систем (12, 42-43). Сходные мысли можно обнаружить и в трудах француза Р. Арона. Будучи близок к теории конвергенции, он полагал, что «холодная война» носит во многом идеологический характер. Так, он пишет, что идеологические конфликты оказываются «конфликтами мифов, а мифы долго могут выдерживать конфликт с действительностью» (1, 296). То есть он обращает наше внимание и на взаимное непонимание двух систем и нежелание их понимать друг друга. Он считает датой начала «холодной войны» 1947 год, когда прекратились переговоры между США и СССР (2, 177 – 178). Арон пишет, что это состояние раскола Европы, и остального мира на два блока, между которыми «мир невозможен, война маловероятна» (2, 178). Кроме того, он также использует термин «холодная война» в двух смыслах. В узком – это собственно наиболее острая фаза противостояния, когда мир всё время балансировал на грани «горячей войны». Она завершилась со смертью Сталина в 1953 году. В более широком смысле это противостояние двух систем идеологий, который продолжался весь оставшийся период жизни Арона (2, 186). Характеризуя международные отношения к концу «холодной войны» (1981-1982 годы), он выделяет периоды подострой фазы: 1953 – 1964, 1964 по настоящее время (т.е по 1982 год). Он отмечает, что в это время Советский Союз сделал самые большие шаги в приобретении военной мощи, получил возможность вмешательства в практически любой части света, но в экономике, идеологии и морали он много проиграл. Он является олицетворением одновременно и великого экономического провала и великой военной державы (2, 192 – 193).

Большой взвешенностью и стремлением избежать ненужных идеологических оценок отличается книга Э. Ди Нольфо «История международных отношений (1918 – 1999 гг.)», выдержавшая более десяти изданий в Европе. Он определяет «холодную войну» как политику противостояния, которая вела к конфронтации и порой к столкновениям её основным полем стала Европа, «вторым фронтом» стала Азия, в частности – Дальний Восток. Цели противоборства тогда были не совсем ясны, но в конце XX века они очевидны – утвердить политико-экономическую и социальную организацию, наиболее пригодную для решения проблем, связанных с послевоенным изменением. Стороны не церемонились в выборе средств, не пренебрегали ничем, чтобы добиться преимущества. На определенное представление о советской угрозе следовала реакция американцев. На американскую реакцию следовал жёсткий советский ответ и т. д. Советский Союз превратился для стран Запада из трудного союзника в противника, а затем в коварного врага, которому следовало оказать самое упорное сопротивление (4, 131). Ди Нольфо полагает, что классическая «холодная война» закончилась к середине 1950-х годов. Следующие десять лет он характеризует как «сосуществование – соперничество», а с 1970-х мир переходит к «большой разрядке» (4, 15; 27 – 28).

В завершении данного обзора необходимо остановиться на ставшей уже классической книге Питера Кальвокоресси «Мировая политика после 1945 года». Этот видный британский историк международных отношений отмечает, что «холодная война – в высшей степени противоречивое и запутанное явление. Она сопровождалась шумной идеологической риторикой, которая большей частью не имела смысла». Обе сверхдержавы были равными в военном отношении, но США обладали решающим преимуществом – экономической мощью. «Корни холодной войны следует искать в недоверии, которое из-за непонимания и просчётов обрело масштабы великого страха. Этот раздутый страх и стал главным виновником холодной войны. Соединённые Штаты и СССР разделяла глубокая пропасть в области политической и экономической философии» (7, 10). Холодная война была выражением глубокого антагонизма в области идей и образе действий, но тем не менее она «не сопровождалась территориальными спорами и велась поэтому как боевая перепалка. Не будучи войной территориальной, холодная война потенциально носила глобальный характер. Появление ядерного оружия усугубило ситуацию» (7, 10). Кальвокоресси придерживается традиционной периодизации «холодной войны. Распад Советского Союза ознаменовал окончание холодной войны и переход к однополярному миру (7, 49 – 125). Таким образом, автор не делает акцент на том, кто виноват в развязывании «холодной войны». Он обращает наше внимание, что виноваты взаимное непонимание и недоверие, породившие взаимный страх. Немалое место занимает и идеологическое противостояние.

Таким образом, анализ имеющейся литературы показывает, что понимание феномена «холодной войны» на Западе и в СССР было различным, но в постсоветскую эпоху наблюдается сближение взглядов отечественных и западных историков, поскольку история «холодной войны» сама оказалась заложницей «холодной войны». Среди западных исследователей большей взвешенностью отличаются европейские историки. Периодизации границ «холодной войны» и её этапов в целом совпадают.

Примечания

1. *Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.*
2. *Арон Р. Пристрастный зритель. М., 2006.*
3. *Арон Р. Эссе о свободах. М., 2005.*
4. *Ди Нольфо Э. История международных отношений (1918 – 1999 гг.). М., 2005. Т. 2.*
5. *История дипломатии. Т. 4. М., 1979.*
6. *История новейшего времени стран Европы и Северной Америки. 1945 – 1990. М., 1993.*
7. *Кальвокоресси П. Мировая политика после 1945 года. М., 2000. Т. 1.*
8. *Народная история США. М., 2005.*
9. *Системная история международных отношений: В 2 т. Т.2. События 1945 – 2003 годов. М., 2006.*
10. *Тухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1977.*
11. *Черчилль У. Мускулы мира. Речи 1938 – 1946 гг. М., 2002.*
12. *Этцони А. От империи к сообществу: Новый подход к международным отношениям. М., 2004.*

И.С. Менщиков
Курганский государственный университет, г. Курган

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИСТИКИ

В конце прошлого, XX века в отечественной историографии существовал выраженный интерес к локальной истории. Это объясняется тем, что локальная история долгие годы не существовала на научном уровне и была отдана на откуп краеведению, к которому она зачастую и сводилась. Неменьшую роль сыграл всплеск национализм и «парад суверенитетов», когда региональные исследования помогали ответить на вопросы: «Чья земля?», «Кто первый сюда пришёл и имеет на неё больше прав?» и другие. В настоящее время мода на такого рода исследования, кажется, проходит. Как следствие, проходит и мода на локалистику. Однако когда конъюнктурная пыль улеглась, можно увидеть устойчивый интерес к локальной истории, актуальность и значимость её, которые мало зависят от социально-политической моды. С некоторым преувеличением можно сказать, что исследователи за пределами столичных центров обречены, в значительной части своей, именно на региональные исследования. Это ставит ряд вопросов, на которые трудно найти однозначный ответ.

Первый вопрос можно сформулировать так: «А что такое регион?». При всей кажущейся простоте вопроса, не так легко дать на него ответ. В своё время в немецкой географии под влиянием романтического идеализма сложилась школа Карла Риттера. Для него регионы были почти мистической реальностью, особыми индивидуальностями, созданными Творцом и данными человеку, чтобы тот обжил их в соответствии с божественным предназначением. Такие регионы существуют сами по себе и не зависят от точки зрения (2, 46; 51). Подобные представления не получили широкого распространения и вскоре стали достоянием истории науки. Практически все географы согласны с тем, что регион – понятие субъективное, которое выделяется исследователем по своему усмотрению (2, 45 – 46).

Во французской историографии, где хорошо разработана теория локальной истории есть несколько подходов к делению пространства. Один из самых простых предложил признанный мэтр французской локалистики Э. Ле Руа Ладюри. Он предложил рассматривать в качестве основных единиц-регионов исторические провинции, такие как, к примеру, Бретань во Франции (4, 9 – 16). Применительно к России этот подход годится только для её европейской части, да и то с известными оговорками – а существуют ли такие исторические провинции в России так же как во Франции или Италии? По всей видимости ответ будет отрицательный.

Другой подход к решению данной проблемы предлагает не менее крупный французский историк Ф. Бродель. В качестве наименьшей единицы-региона на которые распадается государственная территория он рассматривает «землю» (pays), то есть город и его окрестности, центром притяжения которых он выступает. (1, 18 – 36, 135) Таковы, к примеру, город Бове и «страна» или «земля» Бовези.

Данный подход представляется более подходящим для выделения регионов в России. Немного более сложной ситуация предстаёт в восточных регионах страны: Урал, Сибирь и т.п., где плотность населения была невелика и существовало смешение территориально-административных единиц и мест проживания различных этносов или различных систем хозяйствования. Самое простое – пойти именно по пути выделения исторического региона в рамках территориально-административной единицы (губерния, уезд, в советское время – область). На данный путь подталкивает и источниковая база, коль скоро статистика и делопроизводство присутствуют именно по отдельной губернии или уезду или области. Но что даст такой подход применительно, скажем, к Тобольской губернии, которая была едва ли не самой большой в российской империи. Зачастую исследователи охватывают лишь 3 – 4 южных округа/уезда. Если речь идет о Пермской губернии, то довольно трудно сопоставить, как это видно хотя бы на примере знаменитого обзора данной губернии, составленного Х. Мозелем (5). Здесь и районы вокруг самой Перми, и северные земли, заселенные коми-пермяками (зырянами), и горно-заводской Урал, и зауральские уезды, более близкие по хозяйственно-экономическому укладу к округам Тобольской губернии (Шадринский, Камышловский и др.).

Более продуктивным представляется в этой связи комплексный подход к выделению региона. Он предполагает несколько параметров, связанных между собой. Конечно, нельзя исключать административно-территориальное деление, тем более, что источники формировались чаще всего именно по этому признаку. Не менее важен географический фактор, поскольку природная среда оказывает существенное влияние на культурную, хозяйственную и иные сферы деятельности. Это обстоятельство надо учитывать, когда речь идет, допустим, о горных и равнинных уездах Пермской губернии или Барабинской степи и Тарском округе/уезде. Кроме того, следует учитывать тип хозяйственной деятельности. Так, к северу от Тобольского уезда преобладало присваивающее хозяйство.

И, наконец, нельзя отбрасывать этнический фактор при определении исследуемого региона. Для Урала и Сибири характерно компактное проживание отдельных этнических групп, поэтому, определяя территориальные рамки исследования, необходимо помнить, что на таких территориях могли быть принципиально иные формы культуры и хозяйственной деятельности. В этой связи достаточно интересным представляется подход, предложенный О.Г. Завьяловой (3). Автор выделяет указанные составляющие при определении границ регионов и более мелких территориально-географических единиц, а также приводит иные, на наш взгляд, менее важные для историка.

Второй вопрос, который нуждается в некотором прояснении - «Как изучать?». В западных школах локальной истории имеется достаточно хорошо разработанная система методов, методик и приёмов изучения прошлого в рамках того или иного региона. Для нас эти методы не всегда подходят. Это связано, прежде всего, с типом источников, которые во многом отличаются от итальянских или французских. Кроме того, применительно к Уралу и Сибири, широкая и надёжная источниковая база для исследования имеется в основном за последние два столетия, да и то многие источники, созданные ранее 1917 года, пострадали или даже уничтожены в ходе Гражданской войны и последующих событий. Принимая во внимание тезис об информационной неисчерпаемости источника, встает вопрос о повышении информационной отдачи источников уже введенных в научный оборот.

Правда, следует отметить, что содержание многих архивохранилищ Урала и Сибири ещё не в полной мере использованы историками-исследователями, многие ждут своих открывателей. Не в полной мере изучены материалы личных фондов, достаточно редко используются геодезические, географические и топографические данные. Не в полной мере, на наш взгляд, востребован потенциал фондов сельских обществ.

Подводя итоги сказанному, хочется отметить, что в рамках данной статьи содержится скорее приглашение к дальнейшему размышлению и поиску ответа на такие вопросы, что и как следует изучать в рамках локальной истории.

Примечания

1. *Бродель Ф. Что такое Франция? М., 1994. Т.1*
2. *Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2005.*
3. *Завьялова О.Г. Природопользование и развитие: этногеосистемный анализ. Тюмень, 2004.*
4. *Ле Руа Ладюри Э. История регионов Франции.М., 2005.*
5. *Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Ч.2 Пермская губерния. СПб., 1864*

СЕКЦИЯ 6. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ю.В. Закожурникова
Курганский государственный университет, г. Курган

БЫТ И НРАВЫ КУПЕЧЕСТВА Г.ШАДРИНСКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Бытует мнение, что города, как и люди, имеют свое лицо и свой нрав. Своя неповторимость есть и у Шадринска, старинного купеческого города. Это доказывают строки из романа Д.Н. Мамина – Сибиряка «Хлеб», который он написал о городе: «… уездный городок с пятнадцатью тысячами жителей…Купечество составляло здесь все… Сообразно этому купеческому складу устроился и весь город. Купец сказывался во всем»(1, 83). С этим утверждением трудно не согласиться, даже не смотря на то, что его окружали другие купеческие города Далматово, Катайск, Курган. И все же купеческий Шадринск – особое явление. Он и до сих пор содержит в себе ту особую атмосферу, колорит которой позволяет хранить давние торговые традиции.

В торгово – промышленном отношении Шадринск сильно выдвинулся к середине XIX века. По числу купцов он занимал второе место в Пермской губернии, уступая лишь Екатеринбургу, а по валовой продукции промышленности – третье, уступая Кунгуру и Екатеринбургу.

Торговый облик города наложил отпечаток на жилую застройку. Для купца каменный особняк или деревянный дом на каменном фундаменте был визитной карточкой и одним из доказательств его платежеспособности. Среди всех купеческих семей по имущественному признаку можно выделить три основные группы: 1-я – очень богатые (в рамках уездного города), 2-я – купцы, по уровню жизни резко не выделявшиеся из массы городских обывателей, 3-я – не имевшие недвижимости в городе (10, 64). Самым массовым был усадебный комплекс, в состав которого входили жилой дом, магазин, мастерские и другие постройки. Самый распространенный тип – каменная лавка, часто размещенная на усадебном участке. В Шадринске строили дома с открытым двором, окруженным хозяйственными постройками (13, 11). Конюшни для лошадей и завозни (амбары, где хранились упряжь и средства передвижения) были непременной частью усадеб богатых горожан (7, 119). Фетисовым, помимо двухэтажного каменного особняка, принадлежало в Шадринске еще несколько больших жилых зданий (6, 146). Особняк представлял из себя «каменное здание, крыто железом о два этажа, в нем 14 покоев, каменного строения в 2 этажа амбар, крыт железом, под оным погреб, флигель деревянного строения – изба с сенями и две горницы, 4 амбара, завозня, конюшня, два сарая, баня, имеет 15 лавок на площади, ограда, огород» (3, 65). В купеческих домах выделились зал и гостиная для приема гостей. Семья купца занимала в среднем от пяти до семи комнат в доме, остальные отдавались для прислуги, приказчиков и под кладовые. «Купцы отличаются в домах своих лучшими мебелями» (16,107), т. е. в особняке была европейская обстановка. У Фетисовых: «ампирный» дом на Пионерской (был ансамбль из трех зданий) и гостиный двор, выходящие на Михайловскую площадь. Дом бывшей городской управы и одноэтажный каменный на ул. К. Маркса (предположительно и здание санэпидстанции, так как и горсад – роща – были их собственностью). Они построили для города: школу (Дом работников просвещения), больницу (потом была воинская казарма, затем – театр) и здание «тюремного замка» на Исети. Была у них и фарфорово – фаянсовая фабрика в Калиничевой (9, 49).

Домашняя жизнь купечества была в основном однообразной, исключая годовые и семейные праздники, ярмарки. Одним из элементов развлечения были ярмарки и торжки. Город оживлялся во время ярмарки. Почти все ярмарки и торжки образовывались в дни приходских церковных праздников. Участие в ярмарках торговых людей не ограничивалось лишь участием в торгах (8, 29). Так как немало различных развлечений было приурочено к ярмаркам. Это совершение религиозных обрядов, предшествующих торгам, общение и обмен новостями с дальними торговцами и знакомыми, высматривание невест, выступление акробатов, фокусников, бродячих музыкантов, кукольников, комедиантов и пр. Сюда же можно отнести купеческие загулы, следующие после заключения сделок (15, 116).

Источники свидетельствуют, что на всем протяжении XVIII-начала XX в. одним из самых распространенных способов препровождения свободного времени было гостеванье. Званые приемы гостей устраивались, как правило, по праздникам — семейным, календарным, храмовым, государственным. В домах богатых купцов гостей созывали также по случаю приезда важных должностных лиц, известных путешественников, ученых или каких-либо других чрезвычайных событий: удачной сделки, получения почетного звания и пр. Гости, в основном купечество, приезжали, садились, обменивались праздничным новостями, закусывали и ... ехали дальше, а на их место появлялись новые. Так длилось до четырех-пяти часов. В числе обязательных посетителей были священники городских церквей (11, 5). Также дело редко обходилось без участия местных властей, даже если эти должностные лица прежде никогда не были в доме. При всяком удобном случае хозяин дома не забудет пощеголять перед своими собратьями знатностью знакомства. Некоторые решаются на экстренные расходы для обеда или бала не без задней мысли задобрить власти на случай какого-нибудь дела с казной (12, 44). Жители города «впитали» в себя бюрократические навыки, научились использовать государственные структуры в своих интересах, взаимодействовать с властями (6, 145). Например, Фетисовы сами возглавляли органы местного самоуправления и оказывали городу свое покровительство.

Одним из видов развлечений элиты города и богатого купечества были балы. На балах не только танцевали, но и вели беседы. Существовало даже выражение — «точить балы», в смысле вести непринужденный, увлекательный разговор. Вообще по праздникам улицы, площади, сады и парки, живописные городские окраины заполнялись толпами гуляющих. Праздничные гулянья собирали в одном месте и городскую «аристократию», в состав которой входили зажиточные купцы, и средние слои, и городскую «чернь». Другой забавой горожан на Масленицу было катание с ледяных гор. Во время этого праздника катались на санках и коньках.

Что касается одежды купцов первой половины XIX века, то она в основном остается неизменной. Все носят русское платье как мужчины, так и женщины (16, 107). Более зажиточные купцы носили одежду европейского образца. Одевали сюртуки, камзолы с жилетами, иногда носили панталоны. Летом одевали плащи и круглую шляпу, зимой – тулупы, покрытые сукном. На ногах в основном носили сапоги. Купеческие жены и дочери любили

покрасоваться своими нарядами и носили дорогие платья, кофты, юбки из парчи, бархата и т. д. Сверху накидывали мантилью, платок или шаль. Из верхней одежды носили бурнусы и шубы, на голове – косынки или платки. Некоторые молодые купеческие жены и дочери носили дамские шляпы (14, 93-103).

Изменилось отношение шадринского купечества к образованию. Существовавшее ранее недоверие к обучению постепенно вытеснялось (4, 46-47). Формулярные списки шадринского казначейства показывали, что будущие чиновники получали знания при горных заводах, в уездных училищах, духовных семинариях, а также родительским или собственным «иждивением» (2). Сохранились сведения, что «некоторые купеческие дети обучаются в гимназиях или воспитываются в коммерческих училищах» (5, 104-105,19-24). В домах богатейших купцов в качестве компаньонок проживали гувернантки.

Что касается общественного спокойствия, то можно проанализировать отчет городничего о происшествиях за 1828 год. Из него следует, что обстановка в городе была «в целом» спокойной. За весь год в документе зафиксировано всего 7 чрезвычайных происшествий. Из них откровенно криминальный характер носит лишь одно происшествие: «… при поимке беглецов 6 – ти человек из них один Степан Барадулин подколол шадринского крестьянина Родиона Галюкова и рану нанес смертельную».

Таким образом, Шадринск представлял собой типичный провинциальный город. Но он содержал в себе ту особую, купеческую атмосферу, которая позволяет хранить давние торговые традиции, влияние которых можно проследить и по сей день. Купечество первой половины XIX века составляло не только торговое сословие, но и вело активную социальную и управленческую деятельность.

Примечания

1. *Бирюков В.П. Природа и население Шадринского округа. Шадринск, 1926.*
2. *ГАШ ф.472. Оп. 1. Д. 61. Формулярные списки уездного казначейства.*
3. *ГАШ.ф.474. Оп. 1. Д.84. Л. 65.*
4. *ГАШ.ф.474. Оп. 1. Д.620. Л. 46 – 47.*
5. *ГАШ.ф.474. Оп. 1. Д.721. Л. 104 – 105; Д. 781. Л. 19 – 24.*
6. *Ершов М.Ф. Внегородская торговля Шадринска в конце XVIII – нач. XX вв. // Шадринская старина. Альманах. Шадринск, 1999.*
7. *Ершов М.Ф. Организация гужевого транспорта в позднефеодальном Зауралье // Шадринская старина. Альманах. Шадринск, 1995.*
8. *Ершов М.Ф. Специфика культурного развития Зауралья в период позднего феодализма // Шадринская провинция: Материалы региональной краеведческой конференции. Шадринск, 1993.*
9. *Иовлева В.Н. Еще о быте и нравах шадринских купцов // Шадринский альманах. Вып. 1. 1997.*
10. *Колбин К.К. Имущественное положение Шадринского купечества в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Шадринская провинция: Материалы региональной краеведческой конференции. Шадринск, 1998.*
11. *Миненко Н.А. Досуг и развлечения уральских горожан в XVIII – нач. XX вв. // Уральский город XVIII – нач. XX вв. : история повседневности. Екатеринбург, 2001.*
12. *Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Ген. Штаба. Пермская губерния (отрывки) // Шадринская старина. – Шадринск, 1997.*
13. *Перунов В.К. Очерки истории строительства и предпринимательства в Шадринске в XVIII – XX вв. Шадринск, 2001.*
14. *Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. Ч. III. СПб., 1813.*
15. *Синько В.Н. Досуг курганцев в первой половине XIX в. // Зыряновские чтения : Материалы межрегиональной конференции. Курган., 2004.*
16. *Шадринская старина: Хрестоматия. Шадринск, 1996.*

Н.В. Бутакова

Алтайский государственный университет, г.Барнаул

КАРТОЧНАЯ ИГРА КАК ЭЛЕМЕНТ ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОЖАН ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

В последние годы активно разрабатываются проблемы повседневной истории, в том числе вопросы досуговой культуры. При этом новая для исторической науки тема карточной игры часто рассматривается современными исследователями в ряду других сюжетов по истории Западной Сибири (В.П. Бойко, Ю.М. Гончаров и др.). Детальной теоретической и практической разработкой проблемы занимается томский исследователь В.В. Шевцов. Автор внес значительный вклад в изучение причин и процесса распространения карточной игры в русском обществе. Однако вопрос о месте игры в карты в жизни горожан Томской губернии в конце XIX – начале XX в. в работах В.В. Шевцова не получил широкого освещения и представляет интерес для более глубокого исследования. Источниками для изучения послужили воспоминания и материалы периодической печати конца XIX – начала XX в., отчеты Совета старшин Томского общественного собрания, работы современных ученых.

Конец XIX – начало XX в. – период, отличавшийся стремительным расширением сферы досуга: в повседневную жизнь горожан входили театр, цирк, кинематограф, гастролирующие артисты, библиотеки, воскресные народные чтения и т.д. Однако карточная игра как вариант проведения досуга удерживала твердые позиции. Одной из основных причин такой стабильности следует считать то, что умение играть в карты стало в российском обществе правилом хорошего тона, своеобразной культурной традицией (25, 18-19). Чиновника Н. Зинина, ехавшего на службу в Сибирь и имевшего безразличие к картам, предупреждали о необходимости играть, «без чего в сибирских городах можно умереть со скуки, да и неудобно, бывая в гостях отказываться от игры...: не играющему будет скучно и всех будешь стеснять своей излишней фигурой» (5, 6, 9).

Игра в карты велась преимущественно на деньги и была уделом состоятельных горожан. Традиционным местом игры, кроме домов частных лиц, были Общественные собрания. В Томске еще в 1840-е гг. был «весьма хороший» клуб, куда «члены собираются три раза в неделю поиграть в карты и на бильярде и где по воскресеньям бывают балы. Кроме того, здесь у многих назначены дни, куда собираются все знакомые играть в карты или танцевать…» (4, 45). В конце XIX в. по свидетельству современника карты оставались основным развлечением «скучающего» интеллигента, который «отправляется в благородное собрание людей посмотреть, себя показать и, если случиться (о, наверное, случиться!) повинтить» (2, 2).

Согласно типовому уставу Общественное собрание имело целью доставить своим членам и их семействам возможность «приятного и благородно-разнообразного препровождения времени». Для достижения этой цели Совету собрания предоставлялось право устраивать балы, маскарады, танцевальные, музыкальные и литературные вечера, драматические представления. Также разрешались различные игры: карты, домино, шашки, шахматы, бильярд и т.д. (22, 1). Среди всех обозначенных развлечений, согласно отчетам Томского общественного собрания за 1900-1912 гг., игра в карты занимала лиди-

рующие позиции и являлась одной из основных доходных статей в бюджете. Одноразовый характер использования карточной колоды обеспечивал до четверти прибыли: от 4,5 тыс. руб. (в сезон 1906/07 гг.) до 15,7 тыс. руб. (в 1909/10 гг.). Для сравнения: вторая по популярности игра – бильярд – давала лишь 550-1200 руб. в год (1-4% бюджета) (См. 6-13). Об огромном значении карточной игры свидетельствует тот факт, что Совет старшин Томского общественного собрания в мае 1903 г. решал проблему расширения помещений. В итоге, в том числе за счет лишения дам одной из их уборной, «явилась возможность предоставить для карточной игры совершенно достаточное помещение в три большие комнаты» (8, IV).

Согласно регламенту работы Общественного собрания на членов налагались штрафы за пребывание в помещении клуба дольше установленного времени: по рублю за каждые полчаса, проведенные с 2 ч 30 мин. до 4 ч утра «без различия, занимались ли они игрою, беседою, или оставались за ужином» (22, 9). Это были немалые суммы: от 5 тыс. руб. до 19 тыс. руб. в разные годы, что составляло в среднем более четверти ежегодных поступлений в бюджет (См. 6-13). Очевидно, что большую часть денег (если не всю) выплачивали засидевшиеся картежники. Таким образом, карточная игра приносила более половины доходов Собрания, что свидетельствует о ее значительной роли в досуговой культуре состоятельных томичей.

Карты оказывали влияние и на другие формы досуга. Так, сбор с карточной игры (по 20 коп. с разыгранной игры) служил долгое время основным источником пополнения фондов библиотеки Томского общественного собрания и давал неплохие суммы (500-900 руб. в год). Это позволило к концу 1912 г. собрать более 11 тыс. томов книг на сумму более 16 тыс. руб. (13, III). Кроме того, был установлен 10 коп. благотворительный сбор с карт Обществу попечения о начальном образовании и Обществу физического развития.

В начале XX в. в губернском центре появляются клубы и у представителей других социальных слоев (Коммерческое и Железнодорожное собрания, клубы Добровольного пожарного общества и Общества вспомоществования приказчиков и др.), в которых карточные игры также завоевали твердые позиции.

Ставками в игре служили не только наличные деньги, но и личные вещи, вроде посеребренного портсигара и дорогих часов, а также векселя, акции, другие ценные бумаги и даже породистые скакуны. Случались ссоры, драки, крупные проигрыши (26, 167-168).

В других городах губернии игра в карты, за отсутствием альтернативных видов развлечений, дающих подобный азарт, была еще более развита. По мнению современника, это происходило от окружающей социальной обстановки: «Карты и вино – главные полюсы провинциальной жизни, вокруг которых … размешаются все местные интересы, мысли и желания и погибают все возвышенные стремления» (15, 130-131).

По свидетельству жителя уездного Кузнецка, его отец-учитель и другие представители местной интеллигенции часто собирались в их доме и всю ночь напролет резались в «банчок», в винт, в стуколотку, в «темную». За ночь отец мог проиграть 60 руб., на которые в то время можно было купить 240 пудов (!) муки. И это притом, что он получал 45 руб. ежемесячной пенсии – также весьма приличные по тем временам деньги. В.Булгаков описывает и другие факты безудержной игры, когда городское общество собиралось в Кузнецком общественном собрании, и там купцы, чиновники и учителя «до одури картежничали по два, по три дня кряду». Домочадцы получали от отца записку с просьбой прислать одеяло, подушку и еду, чтобы после небольшой передышки он тут же снова мог засесть за зеленое поле. Автор свидетельствует, что это поистине «гомеровское» картежничанье было отдушиной для чиновников, учителей и купцов, которым часто просто некуда было приложить невостребованные силы в глухом провинциальном Кузнецке (1, 69-70).

На страницах сибирской печати в корреспонденциях из Кузнецка также постоянно отмечался этот порок горожан: «…наше обычное времяпрепровождение, вошедшее в пословицу: “у кузнечанина за пазухой карты, за голенищем – просьба”», «городские обыватели, за неимением других удовольствий, вистуют по маленькой» и т.д. (17, 4; 18, 3).

Страсть состоятельных бийчан к картам запечатлил в своих воспоминаниях чиновник Е.П. Клевакин: «Вчера было в собрании немного людей…. По обыкновению играли в карты: купцы в стуколку в отдельной комнате, а в стенах собрания на два стола в винт и мушку…. В общественном собрании, в танцевальные вечера, играют в комнатах собрания на три стола…. Итак, игра и игра в карты преобладающие развлечения общественные» (23, Л. 27об., 38).

Не остались в стороне от карточной болезни и колыванцы: «Винт в Колывани носит эпидемический характер; здесь играют старые и молодые; мужчины большинство, дамы почти все и даже барышни. Словом играют все… всегда и всюду. Именины ли то, званный ли вечер, свадьба или, наконец, просто-напросто завернули двоетрое из приятелей, пожалуйте – стол раскрыт, карты готовы…» (19, 3).

О нравах, царящих в барнаульских клубах, в 1907 г. современник писал: «наши с позволения сказать клубы за последнее время мало помалу превратились просто в игорные дома и кабачки невысокого сорта» (15, 4). Все времяпрепровождение барнаульского высшего общества, судя по заметкам в прессе, можно выразить четверостишьем:

«Сплетни, карты и вино,
Да порой скандал в собранье,
Неизменное одно –
Нашей жизни содержанье!» (20, 3).

В начале века в губернии предпринимались попытки борьбы с карточной игрой. В 1908 г. томские губернаторы К.С. Нолькен, а затем и сменивший его П.К. Гран, запретили в клубах карточные игры, имеющие азартный характер, тем самым поставив под вопрос существование общественных собраний. В итоге реальные материальные трудности испытали томские Коммерческое и Железнодорожное собрания (16, 16-17). Но игра, безусловно, не прекратилась, стали играть вне клубов, у когонибудь на дому. Или же за небольшую плату закрывали полиции глаза (26, 168). Таким образом, этот запрет отразился больше на финансовом положении клубов, нежели на нравственности общества. Между тем считать всех поголовно состоятельных горожан картежниками и гуляками было бы не верным. Ведь нужно было не только тратить деньги, но и зарабатывать их. Поэтому ярыми игроками были лишь единицы, другие просто коротали таким образом свой досуг. Более того, в источниках, приводимых в современных исследованиях, нередко указывается, что наиболее именитые, богатые гильдейцы вели достаточно скромный образ жизни (3, 174).

Таким образом, карточная игра, несмотря на стремительно развивающуюся индустрию развлечений, на протяжении рассматриваемого периода занимала стабильно высокое место в структуре досуга состоятельных горожан всей губернии. Такая картина была характерна и для других регионов страны конца XIX – начала XX вв., например, для городов Поволжья и соседней Тобольской губернии (См., напр., 24, 119; 14, 248).

Примечания
1. *Булгаков В. В том давнем Кузнецке. Кемерово, 1992.*
2. *Восточное обозрение. 1897. № 123.*
3. *Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. М., 1999.*
4. *Евтропов К.Н. История Троицкого кафедрального собора в Томске (постройка его с характеристикой времени и деятелей). Томск, 1904.*
5. *Зинин Н. Воспоминания из сибирской жизни. 1887–1892 гг. СПб., 1895.*
6. *Отчет Совета старшин Томского общественного собрания за 1900/01 гг. Томск, 1901.*
7. *Отчет Совета старшин Томского общественного собрания за 1901/02 гг. Томск, 1902.*
8. *Отчет Совета старшин Томского общественного собрания за 1902/03 гг. Томск, 1904.*
9. *Отчет Совета старшин Томского общественного собрания за 1903/04 гг. Томск, 1905.*
10. *Отчет Совета старшин Томского общественного собрания за 1905/06 гг. Томск, 1906.*
11. *Отчет Совета старшин Томского общественного собрания за 1906/07 гг. Томск, 1907.*
12. *Отчет Совета старшин Томского общественного собрания за 1909/10 гг. Томск, 1910.*
13. *Отчет Совета старшин Томского Общественного собрания за 1911/12 клубный год. Томск, 1912.*
14. *Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000.*
15. *Сибирская жизнь. 1907. № 169.*
16. *Сибирские вопросы. 1912. № 22.*
17. *Сибирский вестник. 1895. № 101.*
18. *Сибирский вестник. 1895. № 15.*
19. *Сибирский вестник. 1898. № 86.*
20. *Сибирский вестник. 1899. № 194.*
21. *Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 7.*
22. *Устав Томского общественного собрания. Томск, 1900.*
23. *ЦХАФ АК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 9.*
24. *Чукмалдин Н.М. Записки о моей жизни. М., 1902.*
25. *Шевцов В.В. Карточная игра в России: опыт историко-культурного анализа (конец XVI – начало XX века) Автореф. дис. ... канд.ист.наук. Томск, 2002.*
26. *Юшковский В. Эскиз сюжета: 40 этюдов о 400-летнем Томске. Томск, 2003.*

О.В. Черная
Курганский государственный университет, г.Курган

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Последняя треть XIX - начало XXвв. отмечены постепенным ослаблением власти главы семьи над домочадцами, мужа над женой и родителей над детьми в среде крестьянства (3, 243). К этому же периоду относится и гуманизация внутрисемейных отношений среди всего российского крестьянства (3, 249). В какой мере вышеперечисленные изменения коснулись Южного Зауралья? Изменились ли отношение к детям внутри семьи, взгляды на незаконнорожденных в среде крестьянства и со стороны церкви? Приблизилось ли понимание детства крестьянами к современному или нет? Некоторые из поставленных вопросов станут объектом данного исследования.

Нами проведен сравнительный анализ рождаемости и детской смертности на примере Марайской слободы с 1868 по 1918гг., чьи метрические книги явились материалом для исследования (2). За интересующий нас период здесь родилось 9795 человек, из них 4990 мальчиков и 4805 девочек. В первый год жизни умерли 2498 мальчиков и 2089 девочек, основной причиной смерти которых остаются инфекционные болезни (71%). Второе место занимает младенческая смерть (25%), а третье – заболевания системы органов дыхания (3%). Болезни неправильного питания стали причиной смерти только одного ребенка, а без указания причины зафиксирована смерть лишь четырех детей в возрасте до одного года. Если ребенок рождался мертвым, то его смерть не фиксировалась, а в графе рождений он записывался как мертворожденный. Если же младенец жил в течение хотя бы двух минут, то ему обязательно давали имя, а причиной смерти, как правило, называли младенческую смерть или неправильные роды. Таким образом, у нас нет никаких оснований подозревать крестьян в нежелании выхаживать своих детей.

Особый интерес представляют внебрачные связи, которые заканчивались рождением детей. Увеличение численности незаконнорожденных детей в определенной мере зависит от увеличения доли холостяков, которые искали замену браку и таким способом давали выход сексуальной энергии. Снижение процента заключения первых браков мужчинами уже через год дает повышение процента рожденных вне брака детей. Так максимальное падение показателя заключения первых браков мужчинами приходится на 1870, 1877, 1884, 1892, 1901, 1915гг., в то время как максимальное увеличение процента детей рожденных вне брака – на 1872-1873, 1878, 1884, 1894, 1900-1901, 1916гг. За исследуемый период на свет появился 171 незаконнорожденный ребенок, что в среднем составляет 1,7%.

Отношение церкви к внебрачным связям и, главное, детям как их последствиям на протяжении исследуемого периода заметно меняется. В метрических книгах на протяжении всего XIX века женщину, родившую вне брака, именуют «девкой», а ребенка записывают как незаконнорожденного, если же родила вдова, то незаконноприжитым. Но уже в самом начале XX века её начинают называть «девицей», ребенка же никак не выделяют из числа рожденных в браке детей. Вероятно, мы можем говорить об изменении демографического менталитета населения, которое на фоне снижения брачности стало более снисходительно относиться к подобным связям.

Естественно, что не все внебрачные связи оканчивались рождением детей, но, очевидно, что они все же были малочисленны. Нормой считался только церковный брак. Также понятно и то, что подобное поведение было неизбежно в определенные моменты, но, как и всякое греховное поведение, оно осуждалось крестьянским миром, что лишний раз укрепляло престиж церковного брака. Вероятно, что осуждение не распространялось на детей, так как имело место усыновление подкидышей, которых брали в семью и крестили как родных детей. Всего зафиксировано четыре подкидыша, что свидетельствует о том, что матери предпочитали сами воспитывать своих детей.

Естественно, что не только семья заботилась о детях, но и община продолжала контролировать эту сферу жизни крестьян, особенно если первая становилась неполной. Если женщина вдовела, то по старому обычаю сельский сход делал опись имущества, чтобы вдова его не растранжирила, а также назначал опекуна, без которого ничего не могло быть продано. Однако вдовы все чаще сами становились опекунами, часть имущества продавали, а вырученные деньги «клали на книжку для малолетних детей» (4, 113).

О месте и роли детей в жизни крестьян можно судить по сезонности заключения браков, которые в течение года распределяются неравномерно. Наибольшее число браков заключается в январе-феврале (54,4%) и октябре-ноябре (17,5%), причем причины помесячных колебаний были не только экономическими и религиозными (5, 121), но и биологическими (3, 169-171). Чтобы

доказать справедливость этого утверждения, необходимо провести сравнительный анализ сезонности рождений и младенческой смертности с сезонностью браков. Пик младенческой смертности приходится на июнь-сентябрь, достигая максимума в июле-августе (22,8% и 23%), значит, дети весенне-летнего рождения имеют наименьшее количество шансов к выживанию. Минимальное количество младенцев умирает в ноябре-январе (11,3%), т.е. у детей осенне-зимнего рождения будет больше шансов пережить жаркие летние месяцы – время страды и обилия инфекций. Минимум рождений приходится на последние месяцы весны, т.е. на летние зачатия. Таким образом, традиция заключать браки зимой обусловливается не только сезонной занятостью, это, прежде всего, традиция заботы о детях. Поскольку у женщин вырабатывался биологический ритм зачатий и рождений в одно и то же время, «время свадьбы обусловливало весь дальнейший цикл семейной жизни» (3, 170).

О том, что именно дети ставятся «во главу угла», говорит и тот факт, что в годы Первой мировой войны резко снизилась рождаемость, т.е. начинает довольно жестко действовать такая социокультурная норма, как внутрисемейное планирование рождаемости. Нежелание рожать детей говорит о том, что их судьба волнует крестьян больше, чем судьба своей души, так как «на все воля Божья». Тенденция к планированию семьи не могла возникнуть вдруг (3, 184-187, 224), она должна была иметь практику долгие десятилетия, чтобы действовать сразу же с началом войны. Скорее всего в эти годы начинает действовать не просто комплекс стереотипов демографического поведения, нацеленных на ограничение брачности и сокращение рождаемости, что характерно для традиционного ТВН (1, 39-41), а качественно новая форма саморегуляции с помощью внутрисемейного планирования, что характерно для «познеограничительного» ВВН, которому на смену приходит современный ТВН (1, 223,228).

Таким образом, в конце XIX - начале XXвв. в среде крестьянства постепенно дети становятся тем эпицентром в жизни родителей, в какой они превратились в наше время.

Примечания

1. *Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. М.: Наука, 1991.*
2. *ГАКО Ф. 235, оп. 6, д. 134, 144, 156, 163, оп. 3, д. 149, 164, 183, 193, 211, 229, 247, 265, 279, 294, 309, 323, 337, 352, оп. 4, д. 11, 38, 82, 106, 125, 155, 194, 257, 294, 333, 415.*
3. *Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Дм. Булганин. Т. 2, 2003.*
4. *Автобиографические записки сибирского крестьянина В.А. Плотникова: Публикация и исследование текста. Омск: Изд-во ОмГУ, 1995.*
5. *Свищев П.А. Брачность крестьян Южного Зауралья в конце XIX - начале XX вв. (К методологии регионального исследования) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник. Курган, 1994. Вып.7.*

В.П. Федорова

Курганский государственный университет, г.Курган

КУЛЬТУРА БЫТА И ОТНОШЕНИЙ В ЗАУРАЛЬСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА

В зауральской периодике 20 – 30-х годов с завидной настойчивостью публиковались материалы о культуре быта и культуре отношений. Слом старого мира обернулся крушением многих бытовых норм. Ну, лузгали прежде на вечёрках семечки, грызли орехи, но ведь и убирали после себя. Никому бы в голову не взбрело подвинуть лампу к себе, чтобы поближе карты рассмотреть. Да и карт на молодежных общественных увеселениях не было. Отреклись от старого мира, а новый – светлый, – увы, запаздывал. Отстал в дороге. Созданные избы-читальни как главные центры культуры и проводники новых идей в реальной жизни часто превращались в грязные клубы картежников. Слышались запретные в былые годы мат и грубая лексика. Появилась новинка – дурные надписи на стенах. Вчитаемся в газетные строчки. Укрывшийся за инициалами И. Б. гневно пишет о непорядках в Камышевском «нардоме». Заметка «Некультурные дела в «культурном» учреждении» помещена в № 53 «Красного Кургана» 19 апреля 1928 г.: «Плохие порядки существуют в Камышевском нардоме Лебяжьевского района. Прежде всего, кто входит в коридор, бережет зубы, нос, иначе могут разбить, потому что в коридоре темнота ужасная. В нардоме – гармошка, песни. – Это бы хорошо, но песни гнусные! Ругань на каждом шагу. А на стенах? Везде и всюду написаны гадости.

В селе есть комсомольская ячейка и актив, но кроме спектаклей никто не ведет никакой культурно-просветительской работы. Учительство в нардом даже не ходит – боится. Нужно бы камышевцам взять пример с соседней избы-читальни в деревне Прилогино, где молодежь ведет себя прилично, стремится учиться хорошему. Постыдитесь, камышевцы, и не срамите народного дома».

Как видим, защитник культурного очага не очень церемонился со словом, но уж и глаза имел! Даже в темноте разглядел «понаписанные гадости». Что это у нас за страсть такая – показывать свою грамотность и знание пакостей непременно на стенах и заборах! Десятилетия проходят, а рука все равно выводит всякую дрянь. Древние письмена, рисунки запечатлели историю. А что оставили грамотеи из села Камышевского? А что оставят потомкам наши стены? Самое лучшее, пожалуй: «Цой – живой! Цой с нами». Много сделано нардомами, но дурное слово вывести не удалось. К сожалению.

О помехах в культурном строительстве пресса сообщает регулярно. Не только сообщает, но и требует наведения порядка. Любопытную зарисовку с натуры предложила «Острая игла» в № 24 «Красного Кургана» (21 февраля 1928 года): «Ходи с короля» (дер. Ревина Курганского района).

«Неграмотный идет в Красный уголок за тем, чтобы послушать хорошие речи, а грамотный – почитать и другим рассказать. Не то у нас: здесь в Красном уголке дым столбом, мат, ругань, плевки… Только и слышишь:

- Тьфу ты, сволочь! – выкрикивает Лушников Семен, у которого помещение снято под уголок.

- Я говорил тебе – ходи с короля, а ты опять с семеры задаешь. Или не надоело еще дурковать?

И так… каждый день. Придут мужички, постоят, поглазеют на «дураков» и уходят ни с чем. Рады б, как говориться, почитать, да лампу всегда игроки забирают к себе на стол. Хотя бы сельсовет приглядывал за этим да взгрел бы Лушникова за то, чтоб он не палил керосин напрасно».

Газеты свидетельствуют, что разум не у всех отшибло. Сами крестьяне забили тревогу, называя конкретные имена нарушителей традиционной этики, приводя конкретные факты. Частотным становится слово «культурно». Оно означает многое: грамотность, уважение к людям, демонстрацию талантов, отдых с пользой для тела и души, чистую, хорошо сделанную работу. Через прессу 20 – 30-х годов проводится мысль о том, что освоение культуры начинается с привычки наводить чистоту в обыденной

жизни, в быту. Для Зауралья и Сибири такая постановка вопроса несколько неожиданна. В этих краях народ отличается особой чистоплотностью. Это ясно увидели декабристы, увязав «патологическую» чистоплотность с идеей свободы и объяснив ее отсутствием здесь крепостного права. И вдруг неожиданность! Освобожденный революцией зауралец разводит грязь там, где работает и отдыхает. Агроном Казуров с возмущением написал в «Белозерском колхознике» о некультурных порядках в Памятинской МТС. Заметка называется «Директору Памятинской МТС не до культуры».

«Хотя в «Белозерском колхознике» не раз поднимались вопросы культуры быта, «но дирекции памятинской МТС это не касается, им не до культуры. Зайдите и посмотрите любой кабинет конторы и в каждом вы увидите сплошную грязь, тенета на стенах и потолке. В махорочном дыму не сумеете с одного взгляда признать даже самого директора Люсова, не говоря уже об остальных». У агрономов помещение тесное, темное, сырое, еда приносится в грязной посуде.

Казуров обращался к товарищу Люсову и секретарю парткома Постновой с просьбой подыскать другое помещение или отремонтировать это. Но товарищи имеют один ответ: «Раньше хуже жили, да не тужили». Такие рассуждения прямо оппортунистические, мы должны жить культурно и производительно работать. Нам требуется для работы чистое и светлое помещение, и это требование законно». Тут же помещен еще один материал, в котором перевиты в понятии «культура» чистота, чтение, освоение грамоты, участие в общественной жизни. Собкоры пишут, порой не соблюдая правила «культурной» речи. Это и понятно: только что окончили ликбез. Некто Бабушкин написал заметку в тот же номер районной газеты: «Ваганова – плохой красноуголец». «В деревне Бузан Слободчиковского сельсовета имеется красноуголец Ваганова (комсомолка). Она в красном уголке работы никакой не ведет. У молодежи к культуре большая тяга, каждому хочется почитать свою газету или хорошую художественную литературу. А придут в красный уголок, там две несчастных устарелых книги, да и те изорванные, и одна газета.

В помещении грязь, нет ни портрета, ни лозунгов. Молодежь собирается не культурно развлекаться, а хулиганить. РК ВЛКСМ должно заставить Ваганову организовать по-настоящему работу красного уголка».

Свое понимание культуры раскрыл В. Шабрин. Судя по тому, что фамилия его мелькнула один раз, можно заключить: он рядовой колхозник, не газетчик. Материал редакцией подан так: «Не «пролазная грязь». Далее идет материал: «В правлении колхоза «Свобода» Лихачихинского с/с не пролазная грязь. Нет ни одного лозунга, портрета вождей или плаката. Тут же в правлении и мастерские: ремонтируют телеги, хомуты, бороны и ведра. О чистоте и культуре не думают, неграмотность не ликвидируют. Надо немедленно правление колхоза привести в культурный вид» («Белозерский колхозник», № 346 от 23 марта 1935 г.).

Отличает прессу 20 – 30-х годов внимание к теме «Чистота и воспитание подростков». 15 июня 1920 г. в № 112 «Красного Кургана» Безрукова поместила заметку «В Кургане «Рабочий отдых». Подняты две проблемы: культура подростков и сад как место отдыха и культуры. Она гневается, что название “Рабочий отдых”» - профанация. Здесь нельзя отдохнуть. «Дети от 7 до 15–18 лет ведут себя скверно, раскуривают, сплевывая в публику, не считаясь с тем, куда это летит – в лицо или на платье, курят, выражаются более, чем неприлично, бегают, сшибая с ног гуляющего мирно рабочего или служащего». Автор озадачивает внешкольный отдел обратить внимание на распущенное поведение этой публики, а также на наведение порядка в саду.

Через газеты проводится мысль о том, что в будущее нельзя идти, не наведя порядок там, где пропагандируется новое. Люди не поверят призывам. Сегодняшний читатель не может не удивляться несоответствию между звонкими политическими наименованиями новых форм крестьянских объединений и неуважением к центрам политической пропаганды и культуры. В коммунах сорвалось с устоявшейся колеи былое уважение к месту высокого общественного статуса. Кто бы осмелился плюнуть в церкви или обычной конторе! Клуб тоже вроде для всех, все хозяева, а порядка нет, бережного отношения нет. В «Белозерском колхознике» (№ 331, 31 января 1935 г.) опубликована «Заметка с места». Бобов озаглавил ее «Колхозу образцовый клуб». С горечью сообщается о том, что «в клубе коммуны «Коминтерн» грязно. В нем хулиганят, матерятся. А надо, чтобы клуб был центром культурной и воспитательной работы. За это должен взяться комсомол».

Из Каргапольского района Ковелин сообщает о плохих порядках в избе-читальне и плохой работе избача Верзилина, который «большую половину времени бездельничает». Чем же недоволен автор? Тем, что в помещении, которое открывается 1-2 раза в неделю, грязно и холодно, часть стекол разбита. В Толстопятовском совете вообще беда: изба-читальня стоит закрытой на замок. Стекол нет, имущество «растаскано». «Культурные секции в этих советах также не ведут никакой работы». К заметке дан рисунок – развалившаяся изба. Под рисунком стихи неизвестного нам Савина:

Тут избачи, пожив немножко,
Мотают удочки скорей.
И вот стоит на курьих ножках
Изба без окон и дверей («Знамя коммуны», № 34 от 12 марта 1937 г.).

Школьники негодуют на власть, которая бросает их в холод и неустроенность. Конечно, много и хорошего видно. Но на фоне серьезного отношения к организации школьного дела детское негодование слышно отчетливо. Ученик 7 класса неполной средней школы Мальков Борис обижен Каргопольским РОНО, которое никак не заботится о школе: холодно, угарно. «Редкий день проходит так, чтобы ученики не угорели. Нет настольных игр – шашек и домино. Нет и музыкальных инструментов. Нечего читать. Пора бы РОНО проявить заботу о школьниках нашей школы» («Знамя коммуны», № 38 от 21 марта 1937 г.).

Особые претензии по поводу наведения бытовой чистоты предъявляются представителям власти. Им напоминается позиция ЦК ВКП(б). С этой целью даются перепечатки передовой статьи «Правды» «Как начинать агитацию за культуру на селе», в которой выделена мысль о том, что культура начинается с чистого порога, чистого сельсовета, отремонтированного помещения. А как обстоит дело во многих населенных пунктах? Примеры многообразны. Осмелел народ и требует, чтобы власть начинала с себя. Опора есть – газета «Правда», с ней не поспоришь и не пошутишь.

Характерен материал, опубликованный в «Белозерском колхознике» № 341 от 3 марта 1935 г. Бригада печати (Плотникова, Сахарова, Толстоногов, Мокин) выступила с большой статьей: «В поисках культуры по кабинетам районных организаций». Они высказывают новое требование: зажиточность должна быть неразрывно связана с культурой: «Наша жизнь должна быть не только зажиточной, но и культурной». Примером, по их мнению, должна быть власть. Но бывает и так: «Там на краю есть дом, у которого худая изгородь и навоз, это и есть райисполком». А дом большой. Но и внутри дома – табачный

дым, окурки, бумага, пыль, тенета. Нет стульев, даже лавок: «Садитесь, где стоите».

Это – райисполком, на него должны ровняться. Но свои гнезда женщины по традиции стараются содержать в чистоте. Каргапольская газета «Знамя коммуны» (№ 31 от 6 марта 1931 г.) наряду с вопросами партийными, экономическими осветила и вопрос об инициативе женщин колхоза «Страна советов», решивших «каждую колхозную избу привести в культурный порядок, а в открывающихся детских яслях провести побелку». Все это согласуется с новыми формами культуры: «Драмкружок готовит спектакль и живгазету» (надо думать, живую газету. – В.Ф.).

С середины 30-х годов стали появляться тематические подборки материалов с константным словом «культурно». Жить на селе стали получше. Пришел небольшой достаток. Деревня чуть перевела дыхание и потребовала уважения к своему труду, к человеку от земли. В «Белозерском колхознике» № 346 от 23 марта 1935 года под общей шапкой «Зажиточная жизнь значит не только сытая, но и культурная» редакция свела 15 заметок. Три из них касаются культуры общения чиновников и тружеников, хамства чиновников. Вот одна из них: «Не только рассчитать, им лень даже отвечать». «В Памятинской МТС до сих пор не рассчитали трактористов и не выдали им зарплату. Если придешь в бухгалтерию спросить, есть или нет деньги, то кассир всегда отвечает: «У нас глотка пристала отвечать вам, идите отсюда». Кто же прогонит этого бюрократа из МТС?».

Через все районные газеты прошли материалы об устройстве «культурных станов». Культурный стан – это то, что раньше называлось пахальной избушкой. По всему Зауралью в обычае было принято оборудование жилья на весенне-летний период крестьянской работы. Значительные наделы земли требовали занятости от зари до зари. На переезды до дома не хватало ни человеческих, ни лошадиных сил. Спали в избушке. Семьи обосновывались надолго. Поэтому копали колодцы, делали загоны для скота. Не на день становились. Это уже в 70-е годы повелось на колхозных тракторах за бутылкой гонять. Лошадь не моя, хомут не свой, погоняй, не стой. Теперь не гоняют.

Как бы ни менялась социальная жизнь, а поле требовало времени. Власть это понимала и стремилась постарому удерживать работников в поле. Но ведь поняли также, что место и условия нужны. И началось! Что ни номер газеты, то опять о культурном стане – плохие примеры и достойные. Критика, как правило, адресна. О важности проблемы свидетельствует вынесение ее в передовые статьи. Так, «Знамя коммуны» (№ 35 от 14 марта 1937 г.) выбрала заголовок для передовицы: «Каждой бригаде – культурный стан». До читателей доводится мысль о причинах создания этих станов – короткий период весеннего сева, когда надо экономить каждую минуту. На конкретных примерах показано, как надо организовать дело: чтобы была кухня, хорошие бытовые условия, баня, амбары, койки. Поработал – отдохнул в нормальных условиях.

Избач Кутин рассказал, как устроен стан в бригаде Верзилина (колхоз «Память Ленина»). Тут и просторное светлое помещение, приготовлены на каждого колхозника койки, женщинам отведена специальная комната, отделаны кухня и столовая, поставлена баня на 12 мест, обустроены хороший колодец, а также амбары для зерна и отдыха лошадей.

На стане организован красный уголок, там есть черная доска и красная доска, отражающие дела. Есть «много интересных книг: «Поднятая целина» Шолохова, «Брусски» Панферова и другие». Выписаны газеты, приобретены балалайка, настольный бильярд. «На днях будет установлена радиоустановка». Вывод: культурный отдых будет способствовать повышению производительности труда.

Что бы сейчас ни говорили о крестьянской трагедии 20 – 30-х годов, нельзя не отметить стремление зауральцев построить ухоженный быт, наполнить его культурными ценностями, ликвидировать неграмотность, организовать хорошие школы с достойным обучением крестьянских детей. Самое, пожалуй, примечательное – это желание выпрямить спину в сложных условиях, потребовать от чиновников честности, добросовестности, чуткости к людям.

Ю.В. Казанцева
ИИиА УрО РАН,
г.Екатеринбург

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДОСУГ ГОРОЖАН УРАЛА В 1920-Е ГГ.

Среди показателей уровня городской культуры отношение к театру занимает особое место. Это характеристика традиционной культуры города, контакты горожан с профессиональными труппами, развитие любительского театрального движения.

В дореволюционной России театр воспринимался как «публичное культурное удовольствие, разумное развлечение», имеющее воспитательное и образовательное значение, несомненно, более дорогое, чем демократичный кинематограф (20, 147,151). С 1917 года, по убеждению К.С.Станиславского, театр получил новую миссию: «он должен был открыть свои двери для самых широких слоев зрителей, для тех миллионов людей, которые до того времени не имели возможности пользоваться культурными удовольствиями» (11, 460). Теперь государственный театр должен был служить «целям культурно – просветительным, политическому воспитанию масс и укреплению революционного самосознания».

Нарком просвещения А.В.Луначарский в 1920 г. рекомендовал создавать в крупных центрах образцовые театры, проникнутые революционным духом и отдающиеся революционной агитации в новой и, безусловно, художественной форме (9, 22). Для руководства учреждениями искусства во всех губерниях, уездах и городах Урала были созданы подотделы искусств при Советах. Репертуар государственного театра должен был отвечать двум основным требованиям: «содержательность пьес и художественность их…»(8, 114).

В это время в Екатеринбурге начал работу Верх – Исетский народный театр, постепенно налаживалась театральная жизнь в других уральских городах – Челябинске, Нижнем Тагиле, Тюмени, Шадринске, Кургане, Троицке. Развлечение предлагали не только профессиональные коллективы, но и любители, участники клубной самодеятельности, работавшие в пустых торговых помещениях, бывших купеческих особняках, клубах.

Менялся репертуар, рождались новые формы театральных представлений. Так, в июне 1920 г. в Оренбурге на главной площади было дано героическое представление «Сцены из жизни крестьянского казака Емельяна Пугачева». Организаторами представлений – игр, показывавших борьбу красных с белыми за освобождение Урала, были комсомольцы, молодые актеры местных театров и клубов. Их лозунгом стали слова В.Маяковского: «Улицы – наши кисти, площади – наши палитры» (9, 34). В августе 1920 г. в Перми было поставлено действо о III Интернационале, где вместе с артистами участвовали молодые рабочие, красноармейцы. К участникам спек-

такля присоединились зрители, и спектакль превратился в митинг, боевую демонстрацию (9, 36).

Как и в других крупных городах страны, театр выполнял утилитарные задачи, изображая научные и технические достижения, пропагандируя новые этические основы, становясь «трибуном революции». Например, театральный рецензент газеты «Уральский рабочий» советовал политпросвету взять на вооружение метод сибирского театра революционной сатиры: «средних размеров рама, окаймленная крупными полосами с надписью: «театр революционной сатиры». В раму вставлена лубочная картинка с содержанием, соответствующим диалогу. В картине прорези для головы артистов и соответствующих фигур. В постановке удачны такие образы: калейдоскоп, галерея героев контрреволюции, в противоположность им лукавый старикашка, красный раешник. Внушительна картина, изображающая кулака и попа, дуэт двух попов дышит остроумием» (16, 2).

Созданный в 1920 г. в Перми губернский показательный театр впервые на Урале поставил пьесу «Зори» Э.Верхарна, что оценивалось А.В.Луначарским как «первый реальный шаг на пути к революционному театру» (9, 27-28). Этот же коллектив первым осуществил постановку «Мистерии – буфф» В.Маяковского. В 1921 г. в Екатеринбурге был организован театральный клуб «Хлам», где проходили дискуссии о путях развития нового советского искусства.

Спектакли ставились не только на русском языке. Уже в 1919 г. в Челябинске начал работу мусульманский театр, с 1920 г. в Екатеринбурге башкиро–татарский театр выпускал 8 спектаклей в месяц в основном бытового и революционного характера (9, 23,29). К 1921 г. в Екатеринбургской губернии насчитывалось 38 театров, 147 клубов, 47 студий разных типов, «41 кинематограф» (17, 2).

Газета «Уральский рабочий» в 1921 г. практически каждую неделю сообщала о постановках в театре имени Луначарского, любительских спектаклях, концертах в саду Красной Армии. В театре имени Луначарского были показаны «Демон» Рубинштейна, «Царская невеста» Римского – Корсакова. В репертуар будущего сезона были приняты оперы «Садко», «Гугеноты», «Аида», «Пиковая дама», «Тангейзер», «Аскольдова могила», «Иоланта», «Снегурочка», «Е.Онегин», «Фауст», детские оперы: «Сандрильона», «Кот в сапогах» (14, 2). В репертуаре этого театра были и современные пьесы, «противопоставляющие старый буржуазный, пропитанный гнилой моралью и суеверием мир здоровому рабочему, который приносит собой в жизнь смелый задор молодого класса». Но пьеса А.Луначарского «Три путника и оно» была плохо воспринята зрителями из – за «ходульности фигур» и неудовлетворительной режиссерской работы (15, 2).

В Перми первый советский сезон в опере открылся в 1920 г. Вначале ставились небольшие спектакли, а некоторым солистам приходилось исполнять в одном представлении по 2-3 роли. С успехом шли в Перми «Пиковая дама», «Е.Онегин»», «Русалка», «Снегурочка», «Садко». В этом городе сильным было течение Пролеткульта, который требовал «изгнать со сцены произведения Чайковского, Рубинштейна, Бородина». К счастью, подобные идеи не встретили поддержки у коллектива театра (9, 71-72). Ставились оперные спектакли в Тюмени, но содержать оперную и драматическую труппы одновременно город был не в силах. Вскоре оперные спектакли прекратились. В сезон 1927-1928 гг. начала работать постоянная оперная труппа в Челябинске.

Для уральских изданий середины 20-х гг. характерны дискуссии о влиянии искусства на быт и мировосприятие граждан, о жизнеспособности того или иного жанра. Так, редакция журнала «Эхо театра» начала дискуссию на тему: «Как выйти из современного оперного репертуарного тупика?» (19, 6-7). Мнения читателей кардинально не различались. В основном считали, что театр должен стать современным. Читатели, доказывающие, что зрители должны «дорасти» до правильного восприятия пьесы, остались в меньшинстве. Соглашались с тем, что в абонементные дни, когда в театр идут рабочие, нужно ставить интересные для этой аудитории спектакли: «Не надо забывать, что рабочему театр – отдых. Он лучше посмеется над Каморрой, чем будет не понимать “Тангейзера” или слушать вздохи Онегина. Эти оперы для нэпманов. Четыре оперы понятны рабочему: “Борис Годунов”, “Мазепа”, “Царская невеста”, “Князь Серебряный”». Предлагали «осовременить» постановки старых произведений: «Первые опыты есть: переделка “Гугенот” - “Декабристы”, “Жизнь за царя” - “Серп и молот”, “Тоска” - “Борьба за Коммуну”. Если же опера не имеет общественно – исторического значения, славится только “колоратурными руладами”, не стоит и “огород городить”» (19, 6-7). Встречались и более грубые определения: «опера – это уцелевший осколок буржуазной культуры. Там кое–кто козлетоном поет…»(5, 4-5).

Трудности развития театрального искусства на Урале состояли в том, что здесь не было постоянных творческих коллективов. Артисты работали посезонно и путешествовали из города в город. Спектакли выпускались в спешке (до 25 за сезон) и не отличались нужным качеством, а репертуар был разнородным и «засоренным» (9, 40-41). В годы нэпа появились частные театры, экспериментальные постановки перемежались с откровенно примитивными, отвечающими самым низменным запросам. Например, в Оренбурге шли «Павел I» Д.Мережковского, «Ревность», «Закон дикаря» М.Арцыбашева. В Челябинском театре с октября 1922 г. по февраль 1923 г. в репертуаре насчитывалось 60 различных спектаклей, в частности: «Вера Мирцева» (драма с уголовным сюжетом), «Дама из Торжка», «Дочь улицы» (18; 8). Осенью 1925 г. в Свердловске театр отдела народного образования ставил пьесы: «Черная месса», «Национализация женщин», «Грех», «Аромат греха», «Сонька – золотая ручка» (9, 40-41). Такое «разнообразие» наблюдалось в каждом уральском городе, где действовали театральные коллективы. Критики оценивали подобный репертуар как анархический.

Организовывались гастроли второй студии МХАТа (1925), Театра Революции (1926), ЛГБДТ (1927), театра имени МГСПС (1929), чьи спектакли должны были послужить профессиональным ориентиром для уральских актеров. В 1926 г. на Урале действовало 20 драматических театров. Постоянных театров оперы и балета было два: Свердловский и Пермский (9, 51).

Нередко театры терпели убытки из-за высоких цен на билеты, малой наполняемости залов. Уральским областным отделом народного образования было предложено ввести организованное снабжение театральными билетами, снизить их стоимость, чтобы способствовать приближению профессионального театра к рабочим массам (8, 120).

В 1919-1920 гг. артистические профессиональные труппы предоставляли 5-10% бесплатных мест рабочим и крестьянам. Контрамарки выдавались профсоюзами предприятий. Для красноармейцев шли бесплатные спектакли (9, 23-24).

В середине 20-х гг. стоимость билетов, например, в Пролетарский драматический театр варьировалась в зависимости от ряда. Билеты в 1-4 ряды стоили 90 коп., а за абонемент на 15 спектаклей нужно было заплатить уже 13 руб. 50 коп. Последние ряды были гораздо дешевле - от 30 до 10 коп. Абонемент стоил 1руб. 50 коп. (5; 4 -

5). Очевидно, подобные цены были приемлемы не для всех, так как в 1926 г. Курганский театр, например, терпел убытки из-за высоких цен на билеты (7, 6).

Как свидетельствуют данные анкет, заполненных студентами УПИ в 1926 г., большинство студентов выделяли часть своего бюджета на «театр, кино, развлечения». Из 30 студентов 10 (33%) позволяли себе расходовать на театр и кино до 2 руб. в месяц, 8 студентов (27%) могли потратить не более 1 рубля. Только 2 человека (7%) могли потратить больше 3 рублей в месяц на эти развлечения, столько же людей не выходили за рамки – 50 коп. в месяц (2, 1-84).

Театры могли терпеть убытки и по другим причинам. Уральские историки отмечают, что по крайней мере, 1/5 часть рабочих, преимущественно молодые, не интересовались культурной сферой, присущей городскому образу жизни. В 1927 г. только 24% рабочих Верх – Исетского металлургического завода регулярно посещали клубы, никогда не были в кино 67% рабочих, а 81% - не посещали театров. Такая картина может быть объяснима не только невысокой заработной платой, но и неразвитым культурным уровнем рабочего (10, 315-316). В первом квартале 1926 г. рабочий тратил на алкоголь приблизительно 7 руб. 38 коп., а в третьем квартале 11 руб. 29 коп. Расходы на религиозные отправления могли превышать культурные расходы (1, 72-73).

Театр не только олицетворял возможность прикосновения к высокому искусству, он требовал соблюдения жестких правил поведения, которым не всегда желали подчиняться горожане. Об этом свидетельствует предписание начальника уездно – городской советской милиции районным милицейским начальникам: «публика некорректно ведет себя, курит не в указанных местах, после звонка позволяет входить в зрительное зало, а милиционеры не обращают никакого внимания. Предлагаю всех граждан, не подчиняющихся требованиям милиционера задерживать, в противном случае помощники начальников (ответственные за инструктаж дежурящих в увеселительных местах милиционеров) за неисполнение будут арестовываться» (3, 322).

К.С. Станиславский вспоминал: «Вчера наполняла театр смешанная публика, среди которой была и интеллигенция, сегодня перед нами – новая аудитория, к которой мы не знали, как подступиться» (11, 464). Очевидно, что это особенность театральной жизни первой половины 20-х гг. прошлого века.

Вероятно, поход в театр мог восприниматься как переход в другую социальную категорию, как, например, об этом рассказывается в газетном фельетоне:

«- Ты чего, это, Митревна, никак с ума сошла? Шелку на платье берешь.

- Не говори! Мой – то ирод на оперу рабочую абонементу взял. А в теантере – то и сзаду и переду мадамы в шелках да бархатах наряженные сидят. Совестно мне супротив их стало. На што мой скуп и тот галстуху с манжетой на толчке купил» (12, 13).

Досуговая деятельность людей зависит от наличия и объема свободного времени, материального благосостояния, культурных предпочтений и возможности их реализации. В дореволюционный период охват горожан театральной деятельностью был невелик, тем более что театральная культура обычно сильнее представлена в крупных городах. Более доступным и массовым развлечением были гулянья, концерты, кинематограф, благотворительные мероприятия (20, 147). В 1920-е гг. роль театра изменилась, он должен был экспериментировать и просвещать. Но все же наиболее популярными жанрами оставались комедия, драма, оперетта. Конкуренцию театру составляли эстрадно – агитационные театры «Синяя блуза» (6, 5), клубы, кинематограф. Малая популярность оперы, балета, экспериментальных спектаклей, отличающихся большой художественной условностью, свидетельствовала о невысоком уровне театральной культуры горожан.

Примечания

1. *Ваганов В. В поход за библиотеку //Просвещение на Урале.1929.№ 9.*
2. *ГАСО. Ф. 1812. Оп.2. Д.23. Л.1-84.*
3. *ГАСО. Ф. Ф.21-р. Оп.1. Д.16.*
4. *Город и культура. Челябинск, 1993.*
5. *Зрелища. 1925. № 2.*
6. *Зрелища. 1925. № 3.*
7. *Зрелища.1926.№4.*
8. *Культурное строительство на Среднем Урале (1917-1941).Свердловск, 1984.*
9. *Панфилов А. Театральное искусство Урала. 1917-1967. Свердловск, 1967.*
10. *Постников С.П.,Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900-1941 гг.) Екатеринбург, 2006.*
11. *Станиславский К. Моя жизнь в искусстве. М.: Вагриус, 2003.*
12. *Товарищ Терентий. 1925. № 2.*
13. *Уральский рабочий. 30.01.1920.*
14. *Уральский рабочий.19.07.1921.*
15. *Уральский рабочий. 20.07.1921.*
16. *Уральский рабочий. 23.08. 1921.*
17. *Уральский рабочий. 01.09.1921.*
18. *Челябинский академический театр драмы: избранные очерки истории и современности: В 2 т. Челябинск: Автограф, 2001.*
19. *Эхо театра. 1925. №3-4.*
20. *Яхно О.Н. Изменения в быту горожан Пермской губернии в конце XIX – начале XX вв. Екатеринбург, 2002*

И.В. Ильиных

Нижнетагильская государственная социально-педагогическая академия, г.Н.Тагил

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРАЛЕ НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ.: КАРНАВАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

На рубеже 1920-1930-х гг. одним из наиболее эффективных агитационных механизмов, позволявших партийно-государственному руководству страны обеспечивать необходимый уровень участия граждан в мобилизационных политических и социально-экономических кампаниях, являлось формирование новой советской праздничной культуры. Именно праздники служили способом ассимиляции новой исторической мифологии в общественном сознании, легитимизируя новый режим, новую власть, новую систему социальных норм и ценностей.

Анализ советского праздничного («юбилейного») календаря, хотя и насыщенного специфическими и многофункциональными праздниками, позволяет констатировать единство их функционального потенциала, обусловленного рядом факторов. Во-первых, мифотворческой доминантой большинства советских праздников. Формирование новой праздничной культуры, включение в календарь новых праздников обосновывалось лихорадочным стремлением партийного и государственного руководства в периоды наибольшей опасности и уязвимости правящего режима посредством праздничной мифологии внедрить в массовое сознание «правильную» картину прошлого и в нужном русле интерпретировать на-

стоящее (3, 18). Являясь мифотворческим компонентом процесса конструирования новой социальной реальности, праздники способствовали легитимизации правящего режима, транслируя формируемое партийными идеологами представление о закономерности и справедливости установления советской власти.

Большинство включаемых в советский календарь праздников выполняло мифотворческую функцию и при создании позитивного образа нового политического и социально-экономического курса развития страны. Проведение праздничных торжеств было ориентировано на создание атмосферы успеха в реализации целей и задач первой пятилетки. Городское население, участвуя в инициируемых властью торжествах, осознавало необратимость происходящих изменений, закономерность выбранного курса, что стабилизировало неустойчивую систему общественных отношений.

Вторым объединяющим элементом является компенсаторный потенциал праздничных мероприятий. По сути, праздники являлись своеобразным средством социальной терапии, «клапаном» выброса общественного недовольства, личной неустроенности, страха перед завтрашним днем, неудовлетворенности социальным положением. За праздничным «фасадом» на время скрывались трудовые будни, материальные и жилищные проблемы, необходимость поиска новых форм выживания. Создаваемая праздничная атмосфера, эмоциональное ощущение радости и победы, способствовали как дальнейшей мобилизации сил для выполнения государственных задач, так и «примирению» населения с окружающей действительностью.

Одной из отличительных особенностей организации советских праздников являлось конструирование в контексте формирования новой праздничной культуры особого политического дискурса официальных торжеств как коммуникативного действия, где в процессе общения продуцировались и артикулировались «тексты» новой советской идентичности. По сути, праздники превращались в конкретное звено политической коммуникации, представляющее собой концентрированную совокупность знаков (вербальных и невербальных), при декодировании которых информация обретала политический смысл, а коммуникация становилась политическим событием (6, 29). При этом необходимо отметить, что дискурсивные практики политики как средства коммуникации в советский период сохраняли агрессивный и манипулятивный характер, поскольку специфической целью политического дискурса являлся захват и удержание власти в одностороннем порядке, исключающем полноценную коммуникацию. Дискурсивный способ общения в данный период не предполагал критического, аналитического и оценочного прочтения «текста» адресатом, поскольку иллюзорный мир политического мотивирования полностью основывался на бессознательных потребностях человека, «эксплуатируемых» советскими идеологами в ходе организации революционных торжеств, одной из форм проведения которых на рубеже 1920-1930-х гг. являлись карнавалы.

Карнавал как древняя форма мировосприятия и мировоззрения обретал в конце 1920-х – начале 1930-х гг. смысловую конкретность при соблюдении следующих характеристик: атеистичности, диалогичности, интерактивности, анонимности авторского начала, абсолютном творчестве каждого участника действия, амбивалентности как столкновении релятивизирующих друг другу начал и бессознательности проявлений, выполняющих компенсаторную функцию предельного самовыражения, снимающего психологическое напряжение, порождаемое дисгармонией отношений с обществом, с собой, с властью (5, 68-69).

Изначально термин «карнавал» признавался партийными властями идеологически чуждым и в большинстве резолюций и инструктивных писем о проведении праздничных торжеств заменялся терминами «массовые рабочие гуляния» и «массовые инсценировки», но в народном обращении по прежнему циркулировало понятие «карнавал» (2, 117). «Карнавализация» торжеств на рубеже 1920-1930-х гг. была обусловлена необходимостью привлечения населения к участию в демонстрациях и парадах, ранее популярных формах проведения праздников, постепенно утрачивающих былую привлекательность в силу формализации и идеологической насыщенности. Продолжая традиции организации праздников начала 1920-х гг., руководство региона стремилось «оживить» торжества, насыщенные ритуальными формами (демонстрациями, парадами, митингами), показом «живых газет», инсценировками «на злобу дня», выступлениями «синеблузников». Для придания зрелищности и эмоциональности происходящему действию в сценарий празднеств включали показы «наших достижений», выступления кружков физкультурников и участников художественной самодеятельности (1, 1). В состав праздничных процессий стали входить группы «застрельщиков» - «массовиков-затейников», обязанностью которых было создание атмосферы праздничной активности, сплоченности участников демонстрации. Личным примером активисты «заражали» толпу, убеждая ее лозунгами, речевками, выкриками, аплодисментами поддерживать речи ораторов. Благодаря усилиям организаторов во время шествий по городу ощущалась атмосфера радости и свободы, участники демонстраций, распевая хором революционные и народные песни, выкрикивая поздравления и лозунги, жестами приветствуя зрителей, «растворялись» в общей массе, снимали на время с себя моральную ответственность за собственное поведение, освобождались от груза проблем.

На Урале наиболее популярными и эффективными формами «оживления» праздников выступали исторические инсценировки и ночные факельные шествия - непременные атрибуты традиционного карнавала, которые способствовали визуализизации образов и символов новой эпохи и оказывали наиболее сильное эмоционально-психологическое воздействие, прежде всего, на малограмотное население, восприимчивое к впечатлениям массовых зрелищ. Посредством карнавальных инсценировок в сознании людей закреплялся «единственно верный» вариант интерпретации революционных событий. Наиболее важными событиями и историческими примерами для инсценировок становились отдельные эпизоды Октябрьской революции и Гражданской войны. «Исторические спектакли», срежиссированные с расстановкой необходимых идеологических акцентов, зачастую с вольной интерпретацией фактов, конструировали в общественном сознании «верное» понимание событий, стирая собственный опыт и воспоминания непосредственных участников.

Как и многие явления рубежа 1920-1930-х гг., карнавальные постановки функционально и идеологически трансформировались. При сохранении определенной доли ритуальности, закреплявшей в социальной памяти населения единственно приемлемый вариант трактовки революционных событий, главное сценарное решение постепенно приобретало характер развлекательного действия, игры, зрелища.

Психологический механизм воздействия карнавальных инсценировок на сознание граждан был достаточно прост - люди становились не только наблюдателями, но и непосредственными участниками инсценируемых событий, участвовали в создании исторических мифов и чув-

ствовали личную ответственность, оказавшись втянутыми в создание революционного метанарратива и транслируя информацию в народные массы, запоминая ее «памятью тела» (синяками, шишками, ушибами) (3, 258).

В течение первой пятилетки инсценировки наиболее значимых октябрьских торжеств проходили по сценарию, разработанному в 1927 г. к X годовщине Октября. Материалы заседаний комиссий по проведению юбилейных праздников позволяют реконструировать ход октябрьских карнавалов, которые организовывались по сценарию, единому для всех городов Урала. Так в Нижнем Тагиле участники демонстрации были разбиты на несколько групп по тематическому и хронологическому принципу. Первая группа изображала рабочих, одетых в лапти, и несла плакат «Нижнетагильский завод при крепостном праве», сопровождая свое шествие песней «Эх, дубинушка, ухнем». Далее следовала вторая группа, одетая в рваную одежду и «конвоируемая» людьми в жандармской форме. В руках у демонстрантов, певших «Эх, машинушка, ухнем» и «Эх, ты доля, моя доля», был плакат с надписью «Велика ли разница?». Группу сопровождали рабочие, «наряженные» «народовольцем», «эсером», «эсдеком», «казаком», «урядником», «кабатчиком». Атрибутика следующей группы символизировала Октябрь 1917 года: двое рабочих везли «барина в тачке», сопровождаемого «солдатами» без погон и «казаками», которые несли плакаты с лозунгами «Пролетарии всех стран, соединяйтесь» и «Только с Российской Коммунистической партией большевиков к мировой победе пролетариата». Далее выстраивались группы рабочих с плакатами «Военный коммунизм 1918-1919 г.», «Все на восстановление советского хозяйства и промышленности», «Без Ленина по ленинскому пути» (4, 113).

Взаимодействия участников групп выстраивались на поведенческом контрасте: «наши» совершали агрессивные, наступательные действия, сопровождавшиеся криками «ура» против «бывших», эмоционально и сценарно представляемых побежденными. Эйфория победы, сопровождавшая инсценировку, способствовала формированию у населения идеологически верной картины событий – закономерного, справедливого и своевременного установления советской власти.

Не менее эффективной формой идеологического воздействия оставались ночные факельные шествия, усиливавшие эмоциональное давление на население совершением почти магических ритуальных действий, формирующих иную реальность. Программа проведения факельных шествий основывалась на 5 символических моментах.

1. Факелы, рассекающие ночь, олицетворяющую беспросветность прошлой жизни, символизировали зарождение зари, луч солнца, живительное тепло для начала новой жизни.

2. Постановочная игра света и тьмы символизировала борьбу добра и зла, своего и чужого, победу светлого над темным.

3. Ночные шествия обычно начинались от костров, зажженных на вершинах гор, издревле считающихся на Урале священными местами. Спускаемые с вершин зажженные факелы символизировали начало новой жизни, поток, постепенно заполняющий все жизненное пространство города, который невозможно остановить.

4. Одновременное зажжение костров и факелов сразу в нескольких концах городов было призвано включить в общее праздничное пространство все население городов, предупредить дистанцирование от общего празднования отдельных жителей.

5. Доминирование красного цвета, общий кровавый фон символизировали кровь, пролитую для установления советской власти, готовность принести себя в жертву, если это понадобится. Цветовое решение шествий было регламентировано: красный являлся цветом пролетариата, пролитой крови, солнца; желтый – цветом примиренчества; черный и белый - реакции, соглашательства, аполитичности.

Факельные шествия, посвященные Международному дню солидарности трудящихся, представляли собой воспроизведение традиционных элементов праздничной культуры - «карнавализацию», характерную как для европейской культуры, так и для праздничной канвы дореволюционной России. Так одним из эффективных приемов воздействия на население было сожжение фигур, символизировавших прошлых и современных врагов советской власти. На площадях, реконструируя традиционную атмосферу и символику празднования Масленицы, сжигались куклы, олицетворяющие «капитал», «растратчика», «накладные расходы», «прогулы».

Сохранение «пережитков» - элементов традиционной праздничной культуры было вынужденной мерой для советского руководства, которая не только способствовала скорейшему усвоению нового праздничного календаря, но и выступала своего рода компромиссным решением в сосуществовании двух культурных алгоритмов празднования.

Примечание

1. *Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф.2516.Оп.1.Д.313.Л.1.*
2. *Крупянская В.Ю., Будина О.Р., Полищук Н.С., Юхнева Н.В. Культура и быт горняков и металлургов Нижнего Тагила (1917-1970). М.,1974.*
3. *Малышева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, исторические мифы (1917-1927). Казань: Изд-во «Рутен», 2005.*
4. *Нижнетагильский городской исторический архив (НТГИА).Ф.70.Оп.2.Д.69.Л.113.*
5. *Петрик А.Н., Петрик О.В. Карнавальный язык политики // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, УрГАСХА, 2004.*
6. *Русакова О.Ф. Дискурс, политический дискурс, политическая дискурсология // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург: ИФиП УрО РАН, УрГАСХА, 2004.*

В.В. Гейль
Челябинский государственный педагогический университет,
г. Челябинск

РАЗВИТИЕ МАССОВОЙ И ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В период Великой Отечественной войны, несмотря на все тяготы и лишения, интерес населения к культуре не иссякал. Культура становится важной составляющей жизни общества, объединяющей все население нашей страны. Через приобщение к культурным ценностям, участие в культурной жизни удавалось снять социальные напряжения, усталость, которые возникали в суровые годы войны.

Условно культуру мы можем разделить на два вида - массовая и элитарная. Оба эти вида культуры получили в годы войны развитие. Особенностью военного времени становится смешение этих видов культуры, что связано с потребностями военного времени.

Элитарная культура – вид культуры, ориентированный на узкий круг людей, имеющих достаточно высокий уровень образованности, общей культуры. Данный вид

предполагает, что образцы элитарной культуры не будут широко тиражированы в обществе, они предназначены для конкретного потребителя, которому будут понятны. Понятие «элитарная культура» предполагает наличие у ее участников, творцов не просто высокого уровня образованности, а профессионализма в своей области работы.

В круг элитарных образцов культуры, как правило, включены следующие виды искусства: театральное (унаследовало традиции дореволюционного театрального искусства), живопись (профессиональным навыкам художники учились либо в Москве, либо в Ленинграде, которые унаследовали традиции живописи императорского времени), архитектура.

В области театрального искусства в годы Великой Отечественной войны на Южном Урале работали не только собственные театральные коллективы, но и эвакуированные из европейской части России (9 театров).

Яркой страницей в театральном искусстве в годы войны стала работа с октября 1941 г. по сентябрь 1942 г. в Челябинске Московского академического Малого театра. За время нахождения в эвакуации театр поставил три новые пьесы («Партизаны в степях Украины», «Осада мельница», «Отечественная война 1812 года»). Кроме постановок, артисты тетра проводили свои творческие вечера (А. Яблочкина, И. Ильинский, В. Пашенная) (3, 8).

Работа эвакуированных театров повысила мастерство южноуральских мастеров, дало дальнейший, послевоенный толчок развитию театрального искусства края.

В годы Великой Отечественной войны художники только Челябинской области провели 15 выставок: «Великая Отечественная война», «Тыл фронту», а в 1944 г. прошла межобластная выставка «Урал – кузница оружия» в Свердловске, участие на которой приняли пятеро челябинцев. В годы войны проходили и персональные выставки художников (Л.А. Малышева, М.И. Ткачева, М.И. Глущенко). Война внесла свои изменения в тематику произведений – на первый план выдвинулась тема войны, героизма, подвига, особо актуальной стала тема работы тыла в условиях войны (1, 60 –70).

Большой вклад в развитие местной художественной школы внесли живописцы, эвакуированные из Москвы, Ленинграда, Киева, Таллинна (Л.А Малышев приехал в Челябинск вместе с Кировским заводом, москвич В.Н. Перельман, ленинградец А.С. Пруцих, художник Малого театра Б.Н. Кноблок). Эвакуированные художники принимали участие в выставках, оформлении театральных декораций, а также занимались преподавательской деятельностью (лекции по истории изобразительного искусства в годы войны челябинцам читал искусствовед Ц.Г. Нессельштраус) (11, 11-12).

Скульптура в период войны практически не развивается. Тем не менее, в 1944 г. при городском управлении главного архитектора была открыта скульптурная мастерская, которую возглавил И.Н. Клигер (фонтан на площади Революции в Челябинске, вазы для оформления парков, садов, барельеф «Сталин») (9).

В сентябре 1944 г. в Челябинске был объявлен открытый конкурс на создание памятника труженикам тыла в годы Великой Отечественной войны, который предполагалось установить на площади Революции. К участию в конкурсе были приглашены лучшие архитекторы, художники не только Челябинска, но и Магнитогорска, Златоуста, Свердловска и других мастеров Уральского региона. Но памятник по разным причинам так и не был установлен (2).

В военное время на Южном Урале снизилось строительство зданий, представляющих какую-либо художественную ценность, в основном было развито строительство простых, дешевых построек (бараков). Главной задачей архитекторов и строителей военного времени было увеличивать количество построенных зданий, рационализировать свой труд, а не задумываться о художественной ценности построек. Тем не менее, стремление к красоте, художественной значимости зданий не перестает волновать архитекторов, в результате появляются прекрасные архитектурные образцы (Так, несмотря на тяготы войны в 1942 г. в Челябинске было закончено строительство здания Управления ЮУЖД, архитектор Б. Помпеев – в стиле неоклассицизма) (6).

Современные исследователи понимают под массовой культурой определенный тип культуры, который ориентирован на максимальное распространение стандартизированных и унифицированных продуктов культурной деятельности, максимальное количество участников и потребителей данного вида культуры.

В условиях военного времени массовая культура развивается в традиционных видах (развитие художественной самодеятельности, работа клубных кружков, изб-читален и кинотеатров). Данные виды культурной деятельности позволяли охватить как можно большее число жителей области, не требовали специального образования для понимания транслируемых культурных норм, являлись важным элементом для снятия социальной напряженности в обществе. Особенностью их развития становится стремление захватить в орбиту своей деятельности как можно больше участников.

Массовый характер получает развитие художественной самодеятельности. Художественная самодеятельность получила развитие в рамках работы клубных кружков. Занятие в подобных кружках не требует специального образования, а необходимо всего лишь желание и наличие свободного времени. Так, при клубе имени В. Ленина Челябинского отделения ЮУЖД работал двухголосный хор, в котором было занято 30 человек. В программу работы хора входили хоровое и сольное пение, художественное чтение, танцы. Только за 1942 год коллектив дал 300 концертов. В 1942 году в Челябинской области в 60 ремесленных училищах и школах ФЗО были организованы кружки художественной самодеятельности. Подобные кружки художественной самодеятельности существовали практически при всех заводах Челябинской области (10).

Широкий размах в годы войны получила работа изб-читален, в которых проходили беседы, лекции, читки политической информации. В избах-читальнях организовывались тематические кружки, проводились смотры художественной самодеятельности.

В годы войны возрастает потребность населения в кинохронике с полей сражения. Поэтому в Челябинской области увеличивается сеть киноустановок и число посетителей кинотеатров (Так, число городских зрителей с июля по декабрь 1941 года увеличилось с 517 тыс. до 735 тыс.).

В годы войны появляется забота государства в приобщении населения к культурным нормам, участие представителей высокообразованной, профессиональной элиты в массовых мероприятиях, что повысило уровень развития культуры в Челябинской области, дало толчок к совершенствованию местной культуры.

В 1942 году вновь начинают проводиться смотры художественной самодеятельности. Так, в марте 1943 года прошел областной смотр художественной самодеятельности среди ремесленных и железнодорожных училищ, школ ФЗО. А с 25 октября 1943 г. по 1 февраля 1944 г. в Челябинской области прошел смотр среди производственных коллективов. Подобные областные смотры становятся в годы войны обязательными и регулярными (10, 124).

В период военных действий появляется новая фор-

ма выступлений артистов – выступления в подшефных госпиталях, военных частях. Так за каждым театральным коллективом были закреплены госпиталя, военные части, в которых артистами проводились регулярно встречи, спектакли (За 10 месяцев пребывания в Челябинске Малый театр дал 51 шефских спектаклей в Челябинском гарнизоне и более 500 концертов. В Малом театре было организовано 48 специальных бригад для обслуживания подшефных госпиталей). Кроме того, артистами, писателями проводились регулярно авторские творческие вечера (В.Н. Пашенная, А.А. Яблочкина и другие), писатели читали по радио отрывки из своих новых произведений (4, 211).

Популярным видом живописи в годы войны становится агитационный плакат. Развитие данного вида было связано с потребностями военного времени, когда в короткие сроки необходимо было откликнуться на происходящие события. В годы войны художники Челябинской области участвовали в 16 выставках, из которых 4 выставки полностью были посвящены плакатному искусству. В Челябинской области только за 1942 год было организовано 213 «Окон ТАСС», а меньше чем за два года военных действий было выпущено 2 млн лозунгов и агитационных плакатов (11, 311-312).

Особенностью развития плакатного искусства в военное время была переориентация в работе живописцев. В условиях военного времени приоритетным направлением в работе профессиональных признанных художников был жанр агитационного плакатного искусства (примером служит работа агитбригады «Удар», сатирические работы графика М.И. Ткачева), что повысило художественный уровень плакатного искусства (1, 60-70).

В годы войны внимание государства также было обращено к профессиональным архитекторам и строителям. Власти, понимая, что условия в условиях войны таланты архитекторов востребованы только в области рационализаторства, строятся однотипные простые сооружения, осенью 1944 года при Управлении по делам архитектуры при СНК РСФСР и институте массовых сооружений Академии архитектуры СССР объявило открытый конкурс на составление новых проектов типовых малоэтажных жилых домов для поселков и городов Южного Урала. Требования к лучшему проекту были следующие: проект должен учитывать климатические условия региона, применение местных строительных материалов, в архитектурном облике применение образцов русского зодчества, которые присущи Южному Уралу. Проекты должны были быть двух видов: одноэтажные жилые дома для поселков и двух- и трехэтажные дома городского типа (6).

Таким образом, культура в период Великой Отечественной войны являлась важным элементом жизни общества. В этот период культура развивается в двух видах: массовая и элитарная, каждый из которых продолжает свое развитие в традиционных формах. Но в условиях военного времени в связи с появлением новых, специфических задач в области культурного развития массовая и элитарная культура приобретают ряд новых черт.

Примечания

1. *Байнов Л.П. Художники Челябинска. Челябинск, 1979.*
2. *Беляев П. Создадим монумент величия наших дней // Челябинский рабочий. 24 сентября 1944 г.*
3. *Бойко И. Встреча артистов Малого театра со стахановцами шахт // Челябинский рабочий. 17 мая 1942 г.*
4. *Из воспоминаний заслуженной артистки Московского академического Малого театра Н.О. Григоровской о концертной деятельности артистов театра в госпиталях гор. Челябинска в 1941-1942гг. // Челябинская область. 1917-1945 гг. Сборник документов и материалов / Под ред. П.Г. Агарышева. Челябинск: ЮУКИ, 1998. 304 с.*
5. *Из докладной записки секретаря Обкома ВКП(б) начальнику управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) о состоянии агитационно-пропагандистской работы в области //Партийная организация Челябинской области в Великой Отечественной войне. 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. Челябинск: ЮУКИ, 1967. – 367с.*
6. *Конкурс на проект жилых домов // Челябинский рабочий. 20 сентября 1944 г.*
7. *Культура Челябинска в годы Великой Отечественной войны Н.М.Чистякова, Е.А. Калинкина.// Исторические чтения: Мат. науч. конф. Центра историко-культурного наследия г. Челябинска «Культура Челябинска: поиски и находки»(1998). Челябинск: ЦИКНЧ, 2000. С. 168-198.*
8. *Октябрьские концерты Малого театра // Челябинский рабочий. 5 ноября 1941 г.*
9. *Скульптор за работой // Челябинский рабочий. 4 августа 1944 г.*
10. *Урал – фронту / П.Г. Агарышев, М.Н.Евланова, А.Г. Наумова; Под ред. А.В. Митрофановой. М.: Экономика. 1985. 344с.*
11. *Челябинская организация Союза художников России: справочник. 1936-1991 /Авт.-сост. О.А. Кудзоев.Челябинск, 1996. 340с.*

Л.Г. Скульмовская
Нижневартовский государственный гуманитарный университет,
г.Нижневартовск

ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЗАУРАЛЬЯ В СЕРЕДИНЕ 90-Х ГГ. XX СТОЛЕТИЯ: СТАТИСТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В середине 90-х гг. нами была предпринята попытка проведения статистико-социологического исследования двух регионов – Курганской области и Ханты-Мансийского автономного округа, а также городских поселений, расположенных на их территории. Проведение сравнительного анализа демографических процессов и развития социокультурной сферы молодого города Нижневартовска представляло определенную сложность в плане выбора аналога данному поселению, который бы соответствовал нормам по ряду параметров: величине, структуре, экономико-географическому положению и др. Однако, как подсказывает обыденный опыт, двух идентичных городов просто не существует. В связи с этим из всей палитры соседних городов был выбран г. Курган, поскольку он, на наш взгляд, имел один достаточно весомый показатель – примерно одинаковую величину (людность).

При сравнении двух регионов были выявлены некоторые сходные черты и специфические особенности. В Курганской области в середине 90-х гг. проживало 1101 тыс. чел. или 0,7 % населения России (практически столько же, как и в ХМАО), однако в 1992 г. здесь впервые была отмечена естественная убыль населения. Данная тенденция проявилась и на территории автономного округа, но несколько позже – к 1995 г. Следует заметить, что Курганская область была и остается одним из основных экспортеров рабочей силы на Тюменский Север.

Зауральем Курганская область стала называться в относительно недавнем советском прошлом. Прежде данная территория и экономически, и политически относилась к Сибири и выступала составной частью Западной Сибири, какой стала и Югра. Именно в середине 90-х гг. в целях расширения рынков сбыта, развития сотрудничества в сфере экономики, образования, культуры и искусства администрация Курганской области заключила договор о дружбе и сотрудничестве с Ханты-Мансийс-

ким и Ямало-Ненецким автономными округами и начала активно участвовать в работе Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона.

В дальнейшем в качестве предмета исследования мы избрали образовательное и культурное пространство Кургана и Нижневартовска, сложившиеся тенденции, которые, несмотря на существенные различия, все же имели место. Известно, что уровень образования – это важнейшая из социальных характеристик населения. При анализе системы общего образования двух городов было выявлено, что в областном центре г. Кургане примерно такое же количество общеобразовательных учреждений (923 дневных и 19 вечерних), равный контингент учащихся и педагогических кадров (1). Поиски индикатора для качественного анализа их деятельности представляли определенную трудность, но что касается квалификационной структуры, то в Нижневартовске она была даже несколько выше. В целом в середине 90-х гг. отмечалась стабильная работа и интенсивное обновление системы общего образования новых городов ХМАО, однако по ее развитию оставалось решить ряд проблем, что, впрочем, характерно и для Зауралья: 1) недостаток средств на приобретение современной техники, пособий, капитальный ремонт, новое строительство; 2) перегруженность школ (двух- и даже трехсменная); 3) недостаточная обоснованность, обеспеченность и эффективность инноваций в образовательной практике; 4) неполная обеспеченность преемственности идей и технологий развивающего обучения в начальной и основной школах.

Как известно, система начального профессионального обучения имеет тенденцию к многоуровневости. Существенное место в системе начальной профессиональной подготовки молодежи в то время занимали учебно-производственные комбинаты, клубы по интересам, общеобразовательные школы. В 1996 г. остро стояли проблемы развития профессионально-технического образования в г. Нижневартовске, где имелось всего 2 профтехучилища, требующих больших капиталовложений (в г. Кургане функционировало 13 ПТУ, и число это оставалось неизменным в течение длительного времени). Анализ организации профессионального образования в новых северных городах подтверждает общие тенденции в системе подготовки кадров рабочих и специалистов в Тюменском регионе. В то же время проявляется некое своеобразие, связанное со специфичностью городов, с монопрофильностью в экономике, деформированной социально-экономической структурой и др. Все это оказало существенное влияние на формирование и развитие их образовательной инфраструктуры. В 90-х гг., как и в целом по России, отмечается некоторый спад численности учащихся средних специальных учебных заведений.

На начало 1996-97 учебного года в Кургане функционировало 9 средних специальных учебных заведений. Статистико-социологический анализ контингента учащихся и количество учреждений говорили не в пользу Нижневартовска, где только происходило становление системы среднего специального образования, в то время как в Кургане она уже давно удовлетворяла потребности области в специалистах многих направлений. Безусловно, нас не могло не интересовать состояние системы высшего образования в исследуемых городах. Как показал анализ, в Кургане было меньше вузов (в Нижневартовске уже в то время было открыто множество филиалов вузов из различных регионов России), но кадровый потенциал в них значительно выше, чем в Нижневартовске. Развитие системы высшего образования в г. Кургане было в принципе не сопоставимо с Нижневартовском, который за неполных три десятка лет в статусе города не сумел еще накопить высокий интеллектуальный потенциал, характерный для старых промышленных городов России. Курган представлял из себя центр науки, где обучались студенты не только из Курганской области, но и из других регионов РФ. Высшие же учебные заведения Нижневартовска носили (и продолжают носить) в большей степени локальный характер: в них получают образование в основном студенты, проживающие в г. Нижневартовске и Нижневартовском районе. Однако это имеет положительную сторону – способствует закреплению кадров и сдерживает отъезд молодежи в другие регионы страны. Подобный анализ был сделан и по отношению к сфере культуры двух регионов и городов, который также выявил общие проблемы и специфические особенности функционирования и развития социокультурной сферы (2).

Примечания

1. *Информационно-методический бюллетень по результатам сверки педагогических кадров общеобразовательных школ г. Кургана // Курганский гор. информац. – метод. центр // Препринт. Курган, 1997. 32 с.*
2. *Культура Зауралья: Исторический опыт и уроки развития: Материалы 2-й обл. науч.–практ. конференции // Комитет по культуре администрации Курганской обл. Курган, 1997. 258 с.*

А.Б. Григорьева
Курганский государственный университет, г. Курган

ЧИН СВАХИ В СВАДЬБЕ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ

Образ свахи является одним из значительных в драматургии и поэзии свадебного обряда. Объектом исследования данной статьи является образ свахи, выполнявший значительную роль в свадебном обряде Среднего Притоболья.

В древнеиндийской мифологии слово «сваха» употребляется как восклицание при жертвоприношении богам (типа: «Да будет благо!», «Во здравие!», «Благослови!» и т.п.). «Сваха - это слово, обозначающее то, что приносится в жертву богам и употребляется с целью приглашения богов на предстоящее жертвоприношение» (8, 420). О происхождении возгласа «сваха» сообщается, что «Праджапати породил из своих уст Агни, которому нечего было есть, так как земля в это время была еще голой. Он решил создать для Агни пищу из самого себя и предпринял для этого определенные действия. Не будучи уверенным в том, что полученное им подходит для жертвы, он вдруг услышал голос «Жертвуй это!» и понял, что его (свое, др.-инд. sva) величие сказало (aha) это. После этого Праджапати произнес svaha и принес первую жертву. С тех пор при жертвоприношении произносилось это ритуальное слово» (8, 420).

В современной науке этимология слова «сваха» трактуется по-разному. В.Н.Топоров считает, что «возглас svaha, видимо, должен толковаться как su, «хорошо» и aha, «сказал» и, следовательно, представляет собой обычный тип благопожелания» (8, 420). Этимологический словарь М. Фасмера дает достаточно полное объяснение происхождения слова «сваха». «Сваха» - «посаженная мать, старшая родственница жениха и невесты. Сокращенное образование от “сват”» (12, 570). А слово «сват» в свою очередь произошло от «сведу», «сводить» (12, 568).

Былая сакральная семантика роли свахи раскрывается в ее обязательном присутствии в наиболее значимых частях структуры свадебного обряда не только в традиции Среднего Притоболья.

Особое положение свахи проявляется в сватовстве, на котором ее присутствие обязательно: «Приехали сватовщики к невесте на паре лошадей: жених, сваха и отец с матерью» (6, 51); «Сватать приезжали жених, отец, мать, свата там какого или двух возьмут…» (6, 55). В свадебном обряде Шатровского района, исследованном В.П.Федоровой, «в качестве сватов выступали крестный, крестная и дядя. Профессиональной свахи не было. Если сватовство состоится, крестный получит звание тысяцкого, а крестная – коренной свахи» (13, 202). Участие свахи в сватовстве встречаем и у А.И. Мякутина, записавшего свадьбу казаков Среднего Притоболья: «Когда выбор окончен, избирают сватовщика или сватовщицу» (9, 236). По материалам Н.О. Осипова, в свадебном обряде Среднего Притоболья участвуют две свахи и один сват со стороны жениха и одна сваха со стороны невесты: «Когда через свах становится известно, что родители девушки согласны отдать ее замуж…» (10, 100).

Положение свахи как сакральной персоны проявляется в знании ею обрядов. В Среднем Притоболье свадьба традиционно открывалась сватовством, особенностью которого являлся сакральный характер. Сватовство рассматривалось как один из важнейших этапов брачного комплекса. Поэтому оно, как и многие другие моменты свадьбы, сопровождалось обрядом предупредительных мер, направленных на предотвращение «порчи» со стороны колдунов и всевозможных недоброжелателей и на обеспечение успеха начатого дела.

Сватать обычно шли околицей в вечернее время, насыщенное, по народному мнению, опасностью. Вход во двор невесты трактуется как вторжение в «чужое» пространство и сопровождается особыми действиями. Чтобы обмануть темные силы, во время сватовства изменяли путь, ехали окольными дорогами. Сваха всегда знает, сколько раз следует приходить сватать. Обычно в первый раз не высватывали: родители невесты отказывали до определенного дня: «Пока мы не отказываем на время, приезжайте позже, до второго дня» (6, 54); «Мы подумаем, да посоветуемся, приезжайте второй раз» (6, 54); «Уезжают до другого дня. На другой день приезжают» (6, 55); «Сразу ведь не соглашались никто» (6, 55). Как правило, только третий приезд увенчивался успехом. Таким образом, действия свахи сопряжены с известным сакральным числом «три». В христианской нумерологии «3» выражает все лучшее, совершенное и святое, так как это число Троицы. Пифагорейцы называли «3» совершенным числом, потому что оно имеет начало, середину и конец, соответственно все, лишенное начала, середины и конца, является несовершенным. А все совершенные числа важны для магии, так как они указывают, сколько раз должно быть повторено то или иное действие.

Знала сваха семантику пространства дома невесты. В самом начале переговоров о сватовстве сваха всегда обязательно садилась под матицу – это условное обозначение того, что пришли именно сватать. По В.И. Далю, «матка или матица – балка, брус поперек всей избы, на котором настлан накат, потолок» (5, 723). Матицу считали границей между «своим» и «чужим» миром. Часть помещения до матицы считали «чужим» пространством, а за матицей – «своим». Сваты садились на границе двух миров – «своего» и «чужого». «Поздоровавшись с хозяевами, садятся под матицей» (9, 206); «Не переходили матицу до приглашения. Садились на продольную лавку» (1, 57). Для благополучного исхода сватовства свахой выполнялись определенные действия: «Первое, что положено сделать, это коснуться ладонью печки, чтобы дело состоялось. Мол, от нашей печки, нашего дома вашему очагу привет. Пусть очаг с очагом соединятся. Второе - захватить ногами как можно больше половиц, чтобы невеста не ускользнула от сватов» (14, 53). Садились сваты обязательно вдоль половиц: «Заходят, садятся вдоль полу и начинают...» (6, 53); «Получив приглашение, проходили, садились на лавочку вдоль половиц» (14, 53).

Сваха всегда знала, с чего начинать разговор в доме невесты. Для ритуала сватовства была характерна иносказательность. Поэтому заводили разговор издалека, хота подлинная цель визита была очевидна. Сначала говорили об урожае, о хозяйстве, затем переходили к делу. Для этого чаще всего использовались иносказательные выражение «У вас товар - у нас купец», «У вас курочка - у нас петушок, нельзя ли их загнать в один хлевушок». «Говорили загадками ишшо - Вот у вас, говорят, телушичка есть продажная, а у нас бычок» (6, 56). Иносказания помогали уберечься от порчи и злых духов, которые могли помешать благополучному исходу сватовства.

Сватовство в свадьбе Среднего Притоболья представляло сложный комплекс обрядов и обычаев, направленный на получение предварительного согласия невесты и ее родителей на вступление в брак с представляемым сватами женихом. Если такое согласие достигалось, то приступали к следующему этапу свадьбы - рукобитью, которое уже в начале XX в. в свадьбе Притоболья стянулось со сватовством.

На рукобитье необходимыми свадебными чинами были сваха и сватовщик: «Сосватанье и все переговоры всегда ведутся в присутствии третьего лица, которое называется сватовщиком…» (10, 100); «...у сватовщика - того свидетеля, который был на сосватании и рукобитии» (6, 224); «... делают рукобитье: сват со сватом руками схватятся, сватья - со сватьей, а потом - жених с невестой...» (6, 60); «Как рассядутся, сватовщик просит отца невесты дать руку отцу жениха, и берутся все за руки, а сватовщик разнимает руки, как бы свидетель согласия той и другой стороны» (9, 237). Обычай разнимания рук третьим человеком совершался с древних времен в особенно важных случаях и в ситуации спора. «Разнимающий руки становился свидетелем и порукой справедливого исполнения условий» (3, 39).

Значение свахи, представление о ее необычайных свойствах можно отметить в таком элементе структуры свадебного обряда, как одевание жениха. Во время одевания жениха девушки пели песню: «*Кто тебя, (имя жениха), хороша народил?... Кто тебя, (имя жениха), хорошо снарядил?- Снаряжала меня крестна матушка, Свецу (имя крестной)* (6, 163). «Сваха уводит жениха за занавеску и подает ему подвенечную рубаху, которая должна быть ее подарком; затем она выводит жениха из-за занавески и одевает его при всей публике в подвенечный костюм» (6, 163). «Чтобы жениха не извели, ему в карманы и обувь сыпали маковое семя, иголки вкалывали» (6, 212). В народной культуре игла - предмет-оберег. Иглы, воткнутые в одежду, служили оберегом от всякого зла и нечистой силы, которая натыкалась на них. Функция мака была также связана со способностью противодействовать нечистой силе: пока демон не соберет множество рассыпанных маковых зернышек, он, по поверьям, не может нанести вред. Иногда защитная функция мака объяснялась его снотворными свойствами, способностью усыпить нечистую силу и опасность.

Наиболее показательным в плане представления сакральности чина свахи является обряд «схождения свах» - один из главных обрядов свадебного торжества. Н.О. Осипов описал его со слов знатока свадебных обычаев В.Ф. Бобкова, который играл на свадьбах почетную роль «вежливца»: «Перед невестиной и жениховой сватами постилают ковер или кошму (войлок). Свахи становятся друг против друга, лицом к лицу, каждая касаясь постланного ковра только носками ботинок… Процеду-

ра эта называется «сходом свах»; каждая из них старается во что бы то ни стало или не подойти к другой, или подойти возможно медленнее, так чтобы другая прошла большую половину ковра. Деревенские женщины придают особое значение обряду «схода свах»: которая сваха подойдет скорее к другой – та сторона супружеская будет в подчинении и покорности у другой… Свахи сходятся, принимают друг от друга по рюмке водки, выпивают и потом целуются… Затем каждая наливает по рюмке проводнику другой свахи…Затем невестина сваха обносит вином весь жениховый поезд…, присоединяется к нему, и все входят в избу» (10, 105). Нужно заметить, что во время «схода» свахи шли не по голой земле, а по ковру, который, по мнению крестьян, был символом богатства, соединения мира жениха и мира невесты, оберегом и пожеланием благополучной судьбы. Во время «схода» свахи пили вино, поили проводников и весь свадебный поезд, так как вино считалось «древним символом плодородия и мифологическим знаком, отождествляемым с кровью человека» (15, 172). Таким образом, обряд «схода свах» означал породнение семей жениха и невесты, породнение всей округи и установление дружественных отношений. Еще Н.О. Осипов отмечал обязательность данного обряда. В позднее время он имел игровой характер, но соблюдение его повествует о сакральности.

К основным обрядам, в которых свахи принимали участие в день венчания, относятся обряд «расплетения косы» и обряд «окручения» молодой. «Первой начинала расплетать косу женихова сваха, потом – невестина. Ленточку забирала женихова сваха, прятала ее в карман или за пазуху, чтобы потом передать ее жениху как «повод» от невесты» (6, 228).

Приехав из церкви, свахи начинали «окручать» новобрачную: «Снимают восковые цветы, волосы расчесывают, разделяют надвое, заплетают две косы; ее сваха – заплетает левую косу, а сваха новобрачного - правую» (6, 353). «Загвоздка состояла в том, что из одних и тех же волос надо было ухитриться сплести косу длиннее. Сплетет сваха от невесты длиннее, обеспечит тем самым своей крестнице в доме большину» (14, 100).

Место свахи в свадебном обряде подчеркивает ее участие в проводах молодых на брачное ложе. Проводы сопровождались музыкой и шумом, чтобы отпугнуть нечистые силы. «Сначала в постельную комнату входит вся толпа пирующих на свадьбе… Наконец, уходят все, кроме вежливца, тысяцкого и обеих свах – жениховой и невестиной… Свахи раздевают молодую и с должной подробностью осматривают ее рубашку» (6, 354). Свахи осматривали помещение, чтобы не было каких-нибудь предметов, способных навести «порчу» на молодых. Затем провожающие покидали помещение и караулили молодых у двери. Утром, когда все гости соберутся, вежливец, тысяцкий и обе свахи шли к молодым. «Свахи вновь осматривают рубашку молодой» (6, 355).

В традиции Среднего Притоболья высвечивается сакральная роль свах на второй день, когда сваха с тысяцким топили баню для молодых.

На особое положение свахи указывает наличие величальных и корильных песен. Объектом изображения величальных песен является человек. «Сваха – счастливая замужняя женщина, выполняющая почетные свои обязанности. Она – чрезвычайно активный человек. Она может ехать полем и хвалиться тем, что несмотря ни на какие препятствия, она «доступит» до невесты и отдаст ее замуж за своего крестника. Именно в характере свахи поступать так, как поступают мужчины» (7, 71). В величальных песнях сваха воплощает в себе черты «чужой» стороны. От нее требовалось умение красиво и убедительно говорить, у нее «сахарные уста с приговором»:

Сваха сватала, хвастала,
За чужу душу божилася,
За чужу, за молодецкую:
Чужу сторону хвалила… (6, 76).

Корильные песни носят юмористический характер. Они вызывают смех у участников свадебного обряда, а смех, как известно, имеет отгонную функцию «нечистой» силы. Если в величальных песнях сваха – богатый человек:

Уж слышишь ли, княжна
Свашенька да свашенька
Ты дари девиц не скупися,
Тебе тем казну не скопити,
Золотое кольцо не купити… (1, 47)

Сваха моя, утиха моя,
Ни пил бы, ни ел,
На свашку глядел.
У свашки моей
Полон двор гусей
Всё свашки моей (1, 61),

то в корильных наоборот:

…Да и наша-то сваха богата:
У нашей-то свахи три рубахи –
Да перва-то рубаха дубовая,
Да друга-то рубаха смоляная,
Да третья-то рубаха крапивная... (7, 109).

Существовало представление крестьян о том, что от выбора сватов зависела будущая судьба молодых. В песнях раскрывается самое уважительное отношение к ней.

Таким образом, сваха должна была присутствовать во всех важных моментах свадебного обряда Среднего Притоболья, начиная со сватовства и заканчивая вторым днем после венчания.

Примечания

1. *Архив кафедры древней литературы и фольклора Курганского государственного университета. Коллекция «Давыдовское-81».*
2. *Архив кафедры древней литературы и фольклора Курганского государственного университета. Коллекция «Нагорское-88».*
3. *Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнограф. очерки. Л.: Наука, 1990. 165с.*
4. *Богословский П.С. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов // Пермский краеведческий сборник. 1927. Вып. 3. С.1 -63.*
5. *Даль В.И. Толковый словарь великорусского языка. М.: Прогресс, 1994. Т. 1. 1561 с.*
6. *Екимов М.Г. Русская свадьба сибиряков Среднего Притоболья (Курганская область). Курган: Куртамыш, 2002. 481 с.*
7. *Круглов Ю.Г. Русские обрядовые песни. М.: Высшая школа, 1982. 272 с.*
8. *Мифы народов мира. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1987.Т.2. К-Я. 720 с.*
9. *Мякутин А.И. Песни оренбургских казаков: В 4 т. Оренбург, 1904.*
10. *Осипов Н.О. Ритуал сибирской свадьбы // Живая старина. СПб., 1893. Вып. 1. Отд. 2.*
11. *Русская свадьба: В 2 т. Т. 1. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2000. 512 с.*
12. *Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3. СПб.: Азбука, 1996.*
13. *Федорова В.П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997. 284 с.*
14. *Федорова В.П. Свадьба на Ирюме. Челябинск: Южно-Уральское книжное изд-во, 1991. 128 с.*
15. *Шапарова Н.С. Краткая энциклопедия славянской мифологии. М.: Астрель, 2001. 623 с.*

Г.Р. Шарипова
Курганский государственный университет, г. Курган

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ РОДИЛЬНОГО ОБРЯДА, ЗАФИКСИРОВАННЫЙ И.М.ПЕРВУШИНЫМ

Личность Ивана Михеевича Первушина (1827-1900) на протяжении многих лет вызывает интерес ряда ученых, писателей, краеведов. Так, академик К.Д. Носилов, хорошо знавший Первушина, в статье «Священник - математик» писал: «Такие люди у нас редки: теперь ученый человек почти немыслим без кафедры, поклонников и поклонниц, без многотомных трудов, без славы, без рукоплесканий и известности. Быть может, это хорошо, но симпатии как – то невольно все – таки склоняются почему – то в сторону скромности ученого человека, и, встречая его, как – то невольно приходится удивляться и задаваться вопросом: откуда он черпает силы, чтобы при всей своей скромности жизненной обстановки, при всей умственной бедности окружающих людей, сохранить в себе до старости ту любовь к науке, которая словно рука любимой женщины закрывает от него и тяжелую действительность жизни, и умственную бедность окружающих его людей» (3).

Иван Михеевич Первушин вошел в историю прежде всего как ученый – математик, исследователь малых чисел. Сведения о нем имеются в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в Большой советской энциклопедии, в Уральской исторической энциклопедии. Известный уральский математик К.А. Торопов подробно вспоминал в некрологе о Первушине оценку его работ П.Л. Чебышевым: «…Результат, добытый Первушиным, должен изменить ход дальнейших изысканий в теории чисел…Одним словом, священник был действительно математик, и притом незаурядный математик» (7, 3). В частности, им было открыто самое большое простое число, которое впоследствии было названо «числом Первушина».

И.М. Первушин был членом Московского, Казанского и Уральского физико-математических обществ. Уже современникам он был известен как философ, мыслитель, гуманист, краевед. В переломные годы в истории России И.М. Первушин активно осмысливал «трудные темы» общественного переустройства России (отмена крепостного права, реорганизация цензуры, провозглашение гласности и т.д.), читал «Отечественные записки», «Современник». Свои размышления Иван Михеевич отразил в рукописном журнале «Шадринский вестник». Данный журнал создавался в 1861-1862 годах и был ориентирован на всеобщее пользование.

По мнению В.П. Тимофеева, данный журнал «…содержит хронику местной жизни, этнографические и бытовые зарисовки, фольклорные тексты; статьи о расколе, в чем И.М. Первушин был специалистом; педагогика; статистика; статьи самого издателя о просвещении; критические заметки…» (6, 27).

Особую ценность «Шадринскому вестнику» придают произведения устного народного творчества: песни, пословицы, поговорки, легенды, сказки, заговоры. Священник, математик интересовался народным бытом, духовным миром зауральцев и справедливо считал: «Мы никогда не узнаем народа, его души, его стремления, его нужд и горестей, его надежд и радостей; если не подслушаем его песен, сказок, пословиц, притчей и поговорок» (5, 81).

Следует отметить тот факт, что И.М. Первушин, будучи священником, стремился понять сущность и тайну заговоров.

Так, в «Шадринском вестнике» содержится четыре заговора, записанных фольклористом в 1859 году со слов повивальной бабки Февроньи Елисеевны Сваловой. Это заговоры от уроков, от худобы, чтобы у коровы вымя не болело. Чрезвычайно интересен заговор, связанный с рождением ребенка.

Священнику, с одной стороны, и ученому – с другой, нам понятно его стремление понять великое таинство рождения ребенка, отношение народа к проблеме вхождения в мир человека. Приведем пример заговора, который творится в бане, когда бабушка правит женщину после родов: «Во имя Отца и Сына и Святова Духа. Аминь. Стану я рабица божия Ховротья по утру рано, умоюсь росой, утрусь пеленой, у отца, у матери благословясь, пойду из избы во двери, из ворот в ворота, на широку улицу, в восточну сторону, под красно солнце, под светел месяц, к окияну морю. У окияна моря – золотов остров. На золотом острове стоит матушка наша апостольска соборна церковь, и в этой апостольской соборной церкви вся сила небесная, все святые чудотворцы. Я вам покорюсь и помолюсь о рабице божией. Ой, ясно вы, Соловецки чудотворцы! Донесите Докуку до Батюшки до истинова Христа, до Матушки до пречистой до Девы Марии. Как она родила истинова Христа, не услышала в себе не скорби и не болезни, ни приговоров, ни уроков; так де в рабице божией (имя) не было бы в ей не уроков и не приговоров и не переполохов, ни озевицы ни родимца - не было бы в веке по веки от ин до веку. Аминь. Закрой ее Господи, защити нетивиными ризами, Господни пеленами от всякого зла человека: от рьянова, от Черемнова, от двоегубова, от троегубова, чтобы не было от их уроков от инь до веку. Аминь. И будьте мои слова крепки и лепки, крепче камня, вострее булату; рыжему - черемному, чтобы соли в глаз ему, в другой - песку, чтобы он не увидел ни земли ни неба. Аминь» (4, 454-456).

И.М. Первушин называет объекты заговора (мать и новорожденный ребенок), дает и народное название творца заговоров - «бабушка», а также действия лекарки: «Бабушка правила родильницу и парила ее после родов», указывает место, где происходит действие - баню. Баня всегда играла важную роль в жизни людей. Возможно, именно потому, что баня занимала «пограничное» место между миром человека и природы, в ней совершались различные обряды переходного характера, основанные на принципе контакта человека с существами «чужого, иного» мира. Подтверждение о том, что в Шадринском крае по большей части рожали именно в бане, а не в хлеву, как это принято в некоторых областях, мы можем найти в работе Х. Мозеля: «Когда беременная женщина чувствует приближение родов, она сообщает об этом кому – нибудь из своих домашних, преимущественно старухам. Потом скрывается в уединенном месте, всего чаще в бане» (2).

Священником И.М. Первушиным был записан и заговор, связанный с закапыванием последа. Когда бабка кладет послед в землю, под избой, зарывая и перекрещивая, то говорит: «Во имя Отца, Сына и Святова Духа. Аминь. Как матушка сыра земля не дрогается не полохатся; так у рабицы божией, у (имя) бы не дрогалось и не полохалось. Трижды говорить и потом трижды перекрестить и говорить всякий раз: во имя Отца, Сына и Святова Духа. Аминь». – При этом необходимо, чтобы пуповина была поднята к верху, а если к низу, то женщина будет чахнуть. Тогда надо послед выкопать, перемыть и положить пуповиной к верху и тогда женщина выздоровеет» (4, 455).

В основе действий повивальной бабки находилось представление о том, что новорожденный не считается человеком до тех пор, пока над ним не совершен ряд ритуальных действий, к которым можно отнести закапывание последа, захоронение его в другом мире – подполье, под порогом, под избой. Как полагал А.К. Байбурин:

«…выход плаценты, по сути дела, рассматривался как вторые роды. ... При этом ребенок предназначался людям – а послед - иному миру» (1, 42). Далее объясняется то, для чего предпринимался данный ритуал: «…захоронение необходимо для того, чтобы обеспечить новое рождение, сохранить отношения непрерывного обмена между предками и потомками, нелюдьми и людьми, жизнью и смертью» (1, 43). Кроме того, ребенок, подобно невесте, солдату, покойнику, считался лиминальным существом (стоящим на стадии перехода в другое состояние, другой мир), и, следовательно, нечистым, опасным. А.К. Байбурин, подчеркивая изначальную принадлежность ребенка к сфере нечеловеческого, чужого, приводил следующие примеры: «На Житомирщине ребенка до крещения называли маняк (призрак, привидение), а после – дытыною…Показательно также, что по отношению к новорожденным применяются термины среднего рода (типа дитя) или собирательные (мелочь, тварня, блазнота)» (1, 41).

По поверьям, новорожденный не считался человеком до тех пор, пока над ним не совершали ряд ритуальных действий, смысл которых состоял в превращении его в человека. И.М Первушиным было отмечено обрезание пуповины, захоронение плаценты (отправление детского места «назад»), обмывание (символическое отделение ребенка от того мира). Не случайно также то, что священник записывал заговоры именно со слов не обычной бабушки, а специалиста – повивальной бабки, неразрывно связанной с процессом появления человека на свет.

Заговор, зафиксированный Иваном Михеевичем, является уникальным, поскольку благодаря ему мы имеем не только текст, но и описание действий.

Примечания

1. *Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993.*
2. *Мозель Х. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния (отрывки)// Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия (Вторая половина 50-х-начало 80-х гг. XIX в.). Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997.*
3. *Носилов К.Д. Священник – математик // Новое время.1896. №7311. 6 /18 июля.*

4. Первушин И.М. Шадринский вестник // ГАСО.Ф.101. оп.1.Д. 600.

5. *Первушин И.М. Шадринский вестник // Шадринская старина. Краеведческая хрестоматия (Вторая половина 50-начало 80-х гг. XIX в.).Шадринск: Изд-во Шадринского пединститута, 1997.*
6. *Тимофеев В.П. Священник – математик Иван Михеевич Первушин // Шадринское движение за культурное возрождение. Шадринск: Изд-во Шадринского педагогического ин-та, 1996. 140с.*
7. *Торопов К. Памяти о Иоанне Первушине // Пермские губернские ведомости. 1900. №273. 17 декабря.*

Н.А.Стафеева
Курганский государственный университет,
г. Курган

МИФОПОЭТИКА ВОДЫ В ПРОЗЕ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Среди литераторов-декабристов, живших в Кургане, В.К.Кюхельбекер был одним из самых решительных пропагандистов обращения к народной поэзии.

Особенно плотно наполнены открытыми и подтекстовыми фольклорными мотивами «Европейские письма» В.К.Кюхельбекера. «Европейские письма» - это прозаические произведения. Они были написаны в 1820г. Рассказчик и герой действия переносятся в 2519г. в Испанию, в Кадикс. Европа одичала. Американский наблюдатель – странник пишет о ней, воскрешая в памяти прошлое величие, славу, просвещение. Данные произведения наполнены историческими деталями, в частности, есть намек на восстание в испанском городе Кадиксе в июле 1819 г. Проза ведет читателя во времена Гая Юлия Цезаря и Гнея Помпея (60-36 г. до н.э.). Пространство, отразившееся в письмах, огромно: Китай, Рим, Греция, Испания, Америка, Италия, о. Капри, Германия, Франция, Сицилия. Кроме того, упоминаются имена историков, философов, «мыслящих» мудрецов. Читатель погружается в атмосферу разрухи. «Я видел развалины Неаполя, Мессины, Палермы. Я видел тот волшебный, но обесславленный в истории остров, с коего чудовища Нерон и Тиберий смотрели на цветущие берега Италии. Я отыскивал те места, где в XVIII столетии нашли под землею древние Помпеи и город Геркулеса. Ныне не существует и самое Портичи, построенное над сими подземными образчиками римских и греческих городов, и самый Везувий уже выгорел – здесь разрушение истребило самое орудие разрушения» (3, 316). Собственные наблюдения главного героя и книги мудрецов приводят к основной мысли о том, что отрыв от земли и абстрактные идеи – разрушительны. В письме X в качестве образца устойчивости приводятся северо-западные народы. «Северо-западные народы и в особенности англичане могли называться мужами и мужчинами между европейцами: они жили на земле и в жизни, а не в пустых пространствах воздуха и фантазии. Они одни только долгое время исключительно наслаждались правами граждан и человеков…» (3, 316). Но у этих народов были и слабости. «… сии сильные племена имели и все недостатки холодной зрелости – суровость, корыстолюбие, нечувствительность» (3, 316). Им противопоставляются сластолюбивые и пылкие итальянцы. Нарушение общепринятых законов в Италии, особенно в Риме, приводит к хаосу. «В Риме Катоны не стыдились быть ростовщиками; Цесарь был соумышленником Каталины и назывался супругом всех римлянок, супругою всех римлян; Агриппа и Юлия могли присутствовать при ужасных зрелищах, в коих мечебойцы резали друг друга в увеселение жестокого народа, который называл себя царем вселенной и терпеливо рабствовал бессмысленному Клавдию и чудовищному дитяте – Гелиогабалу. Не говорю тебе уже об европейцах: раскрой их историю и оцепенеешь, подумаешь, что читаешь летописи диких зверей» (3, 314). «Европейские письма» состоят из предуведомления и двенадцати писем. Символический характер носит само число двенадцать, которое принадлежит к наиболее употребительным числовым шаблонам в мифопоэтических культурах. Оно является результатом умножения чисел 3 и 4. При этом 3 – символ божественной сущности, а 4 - число материальных стихий, стран света - символ человеческой природы, число особого избранничества (4, 358). Таким образом, «Европейские письма» В.К.Кюхельбекера структурно соотносимы с мифофольклорной поэтикой. Письма построены на антитезе: цветущее прошлое и хаотическое настоящее. Они пронизаны мифофольклорными элементами. Опора на народные традиции позволяет Кюхельбекеру поставить важные вопросы и ответить на них. По нашему мнению, главный вопрос содержится в первых двух предложениях предуведомления. «Архимед говорил: дайте мне точку вне земли, и я сдвину землю с ее оси. Сохрани нас боже от таковой мысли!..» (3, 302). Архимеду не удалось сдвинуть землю с ее оси, но разрушение цивилизаций возможно в будущем. Об этом предупреждает нас Кюхельбекер – прозаик, об этом размышляет главный герой у воды.

Мотив раздумий у воды повторяется много раз. По моему мнению, это заслуживает серьезного внимания.

Впервые мотив воды в прозе Кюхельбекера возникает в «Письме IV Кордова. 1 августа»: Вчера я заблудился. Утомленный трудами палящего дня, я искал пристанища и с наслаждением преклонял слух на шум пустынного потока, которого голос пробирался сквозь ветви и обещал мне отдых и прохладу. Я рвался сквозь кустарник и густоту сплетшихся сучьев и вдруг увидел лазурь источника и над ним прелестное, чистое небо, которое во весь день являлось мне, если можно сказать, только отрывками. Над ручьем, на небольшой возвышенности, стояли развалины христианского величественного монастыря. Вечное движение воды и вечное спокойствие сих камней представляли разительную противоположность: я, казалось, видел всю вселенную в сокращении, все временное человеческое и все неразрушимое в природе. Шепот воды заставлял меня еще более задуматься: я перенесся в те веки, когда сии стены еще были обитаемы, когда отшельники, вольные и невольные, здесь старались забыть все земное и жить Небесному. Сколько здесь слез было пролито… Это меня пробудило. Я взглянул на развалины – они были освещены лучами заходящего солнца, которого прелестный образ сквозился сквозь ветви дерев, осыпанных розовым блеском. Воды пылали, светлая синева восточного неба улыбалася, и месяц, в виде легкого эфирного облака, носился в неизмеримости. – Как прелестна и вечно прелестна божественная природа! Как мал и превратен человек, гордый и слабый! Но я был утешен, и глаза мои с благодарною слезою поднялись к небу (3, 306). Мы привели эту значительную цитату, чтобы выявить мифологическую семантику воды и функции, которые определились в архаических воззрениях. В соответствии с народной символикой, в «письмах» вода – носитель жизни. Вода – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса (4, 55). Вода – это граница между мирами: небом, землей, потусторонним миром. Преодоление водной стихии как границы между жизнью и смертью – традиционный мотив в мифах и обрядовом фольклоре. Вода играла роль передатчика магической силы. Соединение в воде губительных и живительных начал нашло отражение в представлениях о живой и мертвой воде (7, 55). Почитание воды объясняется традиционными представлениями о ее свойствах, как положительных, так и отрицательных, что объясняется ее посреднической функцией и связью с потусторонним миром. Вода воспринималась народным сознанием как источник жизни. Ей приписывалась продуцирующая сила, способствующая плодородию растений, животных и человека, что в славянской традиции особенно хорошо прослеживается в ритуальных акциях весенне-летней обрядности. К ним относится окропление освященной водой в Иванов день (5, 173). Благодаря воде рождаются у героя-повествователя благородные размышления о божественности природы и о ничтожности человека - гордого и слабого. Мысли Кюхельбекера углубляются дальше, он говорит об инквизиции, пытках, о гонении на людей, о сопротивлении открытиям, о коварной политике Наполеона. Особого внимания заслуживают декабристские размышления о равновесии в обществе, в мире, а также о священных правах человечества, отдельных народов. «Не говоря уже об инквизиции и пытке, о гонениях на людей мыслящих, взглянем только на систему меркантилистов, на заблуждение физиократов, на сопротивление, которое встречал Адам Смит даже и в XIX столетии своим простым и мудрым наставлениям, взглянем на коварную политику Наполеона, на беспрестанные нарушения равновесия и священнейших прав человечества…» (3, 307). Размышления у воды касаются важнейших проблем русского общества, взаимосвязанности всех его частей. В этом отношении характерны образы воды и камня. Именно они наводят повествователя на выводы о сложности и тайнах бытия, о необходимости равновесия в мире, обществе. Вода и камень – вот опорные мифофольклорные образы, вошедши в прозу В.К.Кюхельбекера. Мысль автора ясна: вечное движение и вечное спокойствие обеспечивают благополучие, равновесие. Вода в соответствии с русской мифологией противопоставляется камню. Они едины как маркировка границы между мирами. «В этой связи не случайно, что образ камня очень часто встречается в мифопоэтических текстах, где оказывается и одним их существенных пространственных ориентиров, и магическим предметом, которые связаны с изменениями в судьбе того или иного фольклорного персонажа или человека. Сакральность образа камня обусловливается его пространственной закрепленностью на границе между «своим» и «чужим» мирами» (5, 201). У Кюхельбекера вода и камень едины и противоположны. Это единство противоположностей соответствует главному народному представлению об устойчивости мироздания.

Мотив воды появляется у Кюхельбекера и в эстонской повести «Адо». В данной повести нашли отражение типичные для декабристской литературы темы и настроения: призывы к борьбе за свободу, высокое патриотическое чувство, готовность к самопожертвованию во благо родины. Характерным для декабристов был интерес к прибалтийским провинциям, обостренный проводившимися там социальными преобразованиями (отменою крепостного права в 1816-1819 гг). Сюжет и герои повести вымышлены, но помещены в условно-историческую обстановку, где реальные факты далекого прошлого смешаны с этнографическими, географическими, бытовыми, языковыми и другими реалиями. Действие развертывается в первой трети XVIII в.: экспозиция, где говорится о завоевании Прибалтики Ливонским орденом, относится к 1217, а концовка датируется точно 1234 годом (3, 526). Однако в повести время художественно «спрессованно», что придает сюжету динамичность. Повесть В.К.Кюхельбекера «Адо» также пронизана мифофольклорными элементами. Мотив раздумий у воды в повести «Адо» становится основой диалога. Герой размышляет на берегу:

На берегу чужой реки
Одинок тоскую,
Грустно в дальней стороне
Воду пить чужую! (3, 339)

Сакральность воды помогает герою обрести близкую душу. Вода соединяет тот и другой мир. «… голос знакомый и сладостный; он пронесся над водами, как невидимый дух… как тужащая душа плененного отечества:

На берегу чужой реки
Ты почто тоскуешь?
Нор, воздвигнись! потеки!
Вспомни край родимый!» (3,339)

Вода способствует пробуждению патриотических чувств героя. Кроме того, сакральность воды позволяет соотнести повесть со сказками. В повести появляется прекрасный юноша - вода. «… перед ним прекрасный юноша, по одежде - его соотечественник» (3, 339).

Итак, мы подошли к выводу о том, что В.К.Кюхельбекер, опираясь на мифофольклорные образы воды и камня, высказал свое представление о сложности и тайнах бытия, о необходимости равновесия в мире, обществе. Опора на народные традиции позволила Кюхельбекеру поставить важные вопросы и предупредить о будущих катаклизмах.

Примечания

1. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского на-

родного календаря. М.,2002.
2. *Большой энциклопедический словарь. Мифология. М., 1998.*
3. *Кюхельбекер В.К. Сочинения. Л., 1989.*
4. *Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М.,1982.*
5 *Русская мифология. Энциклопедический словарь. М., 2006.*
6. *Славянская мифология. Энциклопедический словарь. М.,1995*
7. *Шуклин В.В. Русский мифологический словарь. Екатеринбург, 2001.*

О.Б. Фоминых
Курганский государственный университет, г.Курган

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЗАУРАЛЬЯ КАК СИСТЕМА

Особой сферой культурологии является художественная культура. Её можно определить как «совокупность процессов и явлений духовной практической деятельности, которая создает, распространяет и осваивает произведения искусства и материальные предметы, обладающие эстетической ценностью» (4, 80). Художественная культура занимает особое место в системе культуры в целом, так и в духовной культуре. Она непосредственно воздействует на человека, постоянно находится в контакте с ним, независимо от того, осознает он это или, как ему кажется, безразличен к ней.

Обычно понятие «художественная культура» отождествляется с искусством. Такой подход не случаен, поскольку искусство – центральный и системообразующий элемент художественной культуры. Оно обладает огромной культурогенной способностью, создавая целый ряд связанных с ним форм деятельности – художественное творчество, художественное восприятие, художественная критика и т.д., образуя вокруг себя «культурное поле» (3, 191, 219). Характерной чертой художественной культуры является её универсальное комплексное воздействие на духовный мир личности – разум, чувства и волю. В то же время она обращена преимущественно к эмоционально-чувственной сфере личности. С помощью художественно-культурной деятельности и ценностей, создаваемых и осваиваемых в ходе этой деятельности, формируются и воспитываются социальные чувства человека.

В научной литературе сложились различные мнения по поводу определения элементов, составляющих художественную культуру. Вместе с тем можно обозначить общую позицию: все авторы без исключения включают в художественную культуру три основных элемента, обеспечивающих её функционирование: производство, распределение и потребление (восприятие, освоение) художественных ценностей – произведений искусства.

Художественная культура любого региона складывается исторически по мере развития общества и расширения сферы художественной деятельности, вместе с тем остается открытой системой, вбирает в себя новые формы и виды творчества.

Художественная культура Курганской области в этом плане не является исключением. Она представляет собой достаточно сложную систему, которая складывалась исторически. Попытаемся обозначить некоторые её звенья, не претендуя на полноту. Под формами художественной культуры мы понимаем

1) виды разнообразной деятельности по созданию, распространению, изучению и пропаганде произведений искусства, материальных предметов, обладающих художественной ценностью, а также

2) сами художественные ценности, созданные в прошлом или создаваемые в настоящее время (5, 130).

В качестве структурных элементов художественной культуры можно назвать следующие:

– собственно художественное творчество, т.е. создание произведений искусства;

– социальные институты, связанные с организацией художественной деятельности (творческие ассоциации, союзы, организации);

– материальные подструктуры (производственные и демонстрационные площадки);

– система художественного образования и повышения квалификации;

– рефлексия по поводу предмета искусства;

– сохранение культурного наследия и реставрации;

– самодеятельное искусство и другие элементы (1, 80). Ядром художественной культуры является искусство. Прокомментируем чуть подробнее содержательную сторону структурных элементов художественной культуры:

– собственно художественное творчество – следует отметить, что в Курганской области сложилась основательная база для процессов художественного творчества. Талантливые люди – художники, скульпторы, писатели, музыканты, мастера прикладного искусства, актеры и т.п.- составляют «кадровый потенциал» художественной культуры края;

– социальные институты, связанные с организацией художественной деятельности представлены в области также достаточно широко. Это ряд творческих ассоциаций, союзов, организаций. Можно назвать прежде всего Курганские отделения Союза художников РФ, Союза архитекторов, Союза дизайнеров, Союза писателей и др. Можно отметить деятельность Благотворительного фонда поддержки филармонической деятельности, успешно функционирует ОМО «Культура» и т.п.;

– материальные подструктуры (производственные и демонстрационные площадки) – здесь в области достаточно много проблем. Среди них можно прежде всего назвать нехватку мастерских для художников, которые чаще всего ютятся в маленьких, неудобных помещениях, а многие не имеют их вовсе. Недостаточное количество выставочных площадей и концертных площадок. Открытие Курганского областного культурно-выставочного центра в некоторой степени решает часть проблем. Давно назрела проблема открытия театра оперы и балета, цирка, тем более, что кадровый потенциал в области есть;

– система художественного образования и повышения квалификации – в области существует сеть музыкальных, художественных школ, училищ, колледжей, вузов, готовящих специалистов для работы в различных областях художественной культуры. Функционирует множество любительских объединений, деятельность которых позволяет поднять мастерство до высот подлинного искусства;

– рефлексия по поводу предмета искусства – в области имеются кадры искусствоведов, художественных критиков, способных объективно оценить продукты творческой деятельности, воспитывать художественный вкус населения. Имеются и возможности для широкой пропаганды продуктов искусства и художественной культуры;

– сохранение культурного наследия и реставрации – в области имеются организации, занимающиеся вопросами сохранения культурного наследия региона. А вот вопрос с реставрацией памятников художественной культуры в области остается открытым;

– самодеятельное искусство – представлено большим числом любительских объединений, многие из которых поднимаются до высот профессионального искусства. Здесь можно назвать и детские, и взрослые объединения и коллективы. Успешно функционирует центр «Гармония», студия «Кудесница», «Мастерица», «Кружев-

ница» в г. Кургане, «Лад» в г.Шадринске, «Берегиня» в г. Катайске и многие другие.

Художественная культура Курганской области существует как особенное по отношению к художественной культуре России. Курганская область – достаточно большое территориальное образование. Она включает в себя 24 района и 9 городов. На территории области проживают представители 109 национальностей. Русские преобладают во всех районах и городах, вместе с тем на некоторых территориях компактно проживают представители ряда других национальностей, что позволяет сохранять своеобразие народных культур, в том числе и художественных (2, 280-281). Таким образом, художественная культура нашего региона не может быть однородной – она многосистемна.

Системы и подсистемы внутри художественной культуры можно выделить по различным основаниям.

Во-первых, по этническому признаку. В Курганской области существует доминирующая культура русских, вместе с тем существуют и традиционные культуры татар, башкир, казахов, немцев, азербайджанцев и других народов.

Во-вторых, по роду художественной деятельности, воплощенной в определенные виды и формы искусства. В нашей области развиваются многие виды искусства: живопись, скульптура, графика, литература, музыкальное и телевизионное искусство, театр, искусство художественной фотографии, хореография и др. Особое место занимают многочисленные формы декоративно-прикладного искусства. Первые шаги делает опера, цирк и др.

В-третьих, художественная культура различается в зависимости *от уровней* культуры – есть массовая, элитарная, разнообразные формы народной культуры.

В-четвертых, особую подсистему художественной культуры Курганской области образуют учебные заведения, которые готовят кадры для работы в сфере художественной культуры: музыкальные и художественные школы, культурно-просветительные училища и колледжи, Курганский музыкальный колледж, художественно-графические факультеты филиалов Магнитогорского и Шадринского пединститутов, филиал Челябинской академии искусства и культуры, художественно-творческие отделения педагогических училищ и Курганского педколледжа, технологического колледжа и др.

В-пятых, сама система художественной культуры выступает как элемент в системе иных видов культуры – научной, производственной, образовательной и т.д.

Художественная культура Курганской области, с одной стороны, открытая система, которая впитывает в себя все особенности российской и мировой художественной культуры. Это касается, прежде всего, таких видов искусства, как живопись, графика, литература, музыка и т.п. С другой стороны, это особый мир, сохраняющий свои традиции, «протестующий» против новаций – художественное народное творчество, прикладные и другие виды искусства.

Можно продолжить развертывание различных подсистем художественной культуры региона, основания для этого не исчерпаны. Многогранность, многосистемность этой культуры и составляет её своеобразие.

Примечания

1. *Захарова Л.Н. Художественная культура Тюменского региона как система // Художественная культура как феномен. Тюмень, ТГУ, 2002.*
2. *История культуры Южного Зауралья. Т.3. Курган: КГУ, 2006.*
3. *Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М.: Политиздат, 1974.*
4. *Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.*
5. *Художественная культура. Понятия. Термины. М.: Знание, 1978.*

А.В. Богатырева
Курганский государственный университет, г.Курган

ХУДОЖНИК В КУЛЬТУРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА

Роль художника очень неоднозначна. В зависимости от века, страны, социального положения, образования и многого другого она колебалась и продолжает это делать, от презрительного отношения, непонимания и неприятия до поднятия человека на пьедестал почета еще при жизни творца.

В зависимости от места можно условно выделить художников крупных городов и художников провинции. Провинциальной называют культуру в основном средних и малых городов или городов, удаленных от столиц (Москвы и Санкт-Петербурга). Также есть мнение, что это в чем-то ущербная, неразвитая, неполноценная или отсталая культура. Понятия «провинциал» и «провинциальная культура» часто несли в себе уничижительный оттенок. Столичные города буквально «всасывали» всех талантливых людей, мало-мальски умевших заявить о себе. Причиной всегда служили и служат сегодня более высокий уровень коммунально-бытовых и социально-культурных условий жизни; большие перспективы творческого и служебного роста; возможность быстро прославиться не только у себя в стране, но и за рубежом; более высокие гонорары и зарплата; более широкая аудитория; более высокий уровень профессионализма создателей культурных ценностей (коллег по жанру), критиков и более высокая подготовленность (а стало быть, и требовательность) зрителей (3, 698).

Культура провинции имеет характерные черты: компактное пространство, зависимость от природных ритмов, жесткий контроль над поведением индивидов, особенную временную организацию: неторопливость, несуетливость, размеренность и т.д. Субкультура провинции накладывает отпечаток на структуру повседневности. Повседневность провинции в отличие от столицы особенно бедна событиями, монохромна и монотонна. Ритмичное течение провинциальной жизни нарушают выходные и праздничные дни, но и они проходят, как правило, по одному и тому же сценарию. Дни и годы похожи друг на друга, жизнь человека неуловима для осознания и рефлексии. Редкий житель провинции может разорвать «путы» повседневности, нарушить ее строгий порядок. Это доступно только человеку креативному, творческому.

Художник – это своеобразный барометр, улавливающий даже самые незначительные изменения. Его всегда отличает повышенная наблюдательность и чуткость к происходящему. Творческий человек до старости лет сохраняет способность удивляться и радоваться окружающему как ребенок. Для художника маленькая провинция становится большой Вселенной, где каждый день совершаются важные и нужные открытия. Такой взгляд на мир дает ему возможность творить новое.

Откуда вообще берутся в провинции актуальные художники? Казалось бы, в провинции нет для этого ни повода, ни прагматической мотивации, ни, наконец, полноценной питательной среды (что информационной, что финансовой - бедность московских художественных институций на фоне провинциальной нищеты кажется почти непозволительной роскошью). Даже самые элементарные сведения о художественном процессе до недав-

него времени попадали в провинцию как контрабандный товар: изредка, небольшими партиями; при советской власти еще и с известным риском для распространителей. Так вышло, что для старшего поколения современное искусство оказалось единственным вариантом ухода из социума, который давал и пищу для ума, и возможность ощутить себя резидентом какой-то неведомой цивилизации. Не «изгоем», а «марсианином». «Чужим среди чужих».

Провинциальный художник в своем творчестве, как правило, сталкивается с проблемой невостребованности и невозможностью представить своё творчество широкой публике. Те художники из провинции, которые разными путями добираются до столичной аудитории, к этому времени теряют свою провинциальность. Если они талантливы, то реализуют все широкие возможности, предоставляемые им столицей, но при этом, как правило, их творчество лишается самобытной принадлежности локальным художественным если не школам, то, во всяком случае, направлениям.

Ситуация остается тяжелой и в настоящее время: немногочисленные институции, обладающие хотя бы минимальными ресурсами (финансовыми, техническими, информационными), нередко пытаются монополизировать актуальное искусство на отдельно взятой территории; адекватная художественная критика в местных СМИ, как правило, отсутствует.

В конце XIX века провинция не предоставляла художнику широкие возможности для реализации своего профессионального образования и таланта. Еще не был развит рынок профессионального искусства, не существовало социальных институтов, поддерживающих профессионального художника. Долгое время на художественном рынке Урала и Зауралья господствовали произведения ремесленников и кустарей, народных мастеров, которые придерживались веками вырабатывающихся эстетических ценностей и канонов.

Художникам-профессионалам, появившимся в провинции во второй половине XIX века, приходилось создавать новый художественный рынок профессионального искусства. Ими вырабатываются новые эстетические ценности на основе мастерства и традиций местного творчества.

Творчество профессиональных мастеров начинают питать темы и образы будничной провинциальной жизни. Повседневность эстетизируется в разных жанрах: пейзажах, портретах, бытовом жанре. Именно бытовой жанр наиболее характерно отражает тему повседневности.

Большое влияние на обыденную жизнь городского провинциала оказывала природа. Для художника она всегда была насыщена особенной информативностью. Природа Урала воспевалась издревле. Существует множество легенд, песен, поэм, стихотворений, живописных полотен, посвященных Уралу. Древние Рифейские горы, густые леса, полноводные реки и широкие просторы не оставляли равнодушными никого: ни местных жителей, ни путешественников.

История возникновения и развития профессионального искусства в городе Кургане и области ведет отчет лишь с середины XX века, когда в 1945 году сюда приехал первый профессиональный художник Валериан Федорович Илюшин (1888-1979), заслуженный художник Аджарской АССР, заслуженный работник культуры. Успешно совмещая творческую, преподавательскую и организаторскую деятельность, он внес большой вклад в развитие культурной жизни области. А создание организации СХ явилось следующим большим шагом на пути развития культурного процесса области и объединения творческой интеллигенции. Курганская организация Союза художников – одна из самых молодых на Урале. Постановление о ее создании было принято секретариатом правления СХ РСФСР 8 января 1968 года; 12 марта состоялось организационное собрание, на котором было избрано первое правление. Таким образом, отделившись от Свердловской, с этого времени она стала самостоятельным звеном. С десяти членов, представлявших курганскую организацию в 1968 году, она возросла до 51 в 1997 г., 60 членов в настоящее время. Более чем за два с половиной десятка лет организация показала себя живым, развивающимся и активным организмом. Доказывает это активное участие художников в городских, областных, зональных, республиканских, всесоюзных выставках, в выставках за рубежом. Также показателем заслуг в области искусства стало присвоение звания «Заслуженный художник РСФСР» Н.А. Романдину (1968г.), Г.А. Травникову (1982г.), «Заслуженный деятель искусств РФ» Т.И. Терещенко (1995г.), «Заслуженный художник РФ» И.Д. Щетинину (1, 65).

Примечательная черта изобразительного искусства сегодня – возросшее профессиональное мастерство.

Огромную роль в процессе развития местной художественной культуры играют Областной художественный музей и ГУК «Областной культурно-выставочный центр». Поддерживая с организацией Союза художников тесные отношения, учреждения культуры значительно расширили возможности ее выставочной деятельности. Большие залы позволяют организовывать достаточно объемные выставки, ранее невозможные из-за отсутствия выставочных площадей. Коллективы научных сотрудников, в свою очередь, имеют возможность пристального наблюдения за ходом художественного процесса (4, 4).

В 2002 г. состоялась I Всероссийская выставка акварели. Провинциальный Курган сумел нарушить традицию проведения подобных масштабных выставок в столице. Следует признать, что важнейшие центры художественной культуры являются все же далеко не единственными. География увлечений акварелью впечатляюще широка. Курган – одни из городов, где акварели уделяется особое внимание. Еще в 1960-х гг. родилась идея создания в городе Музея акварели, которая находит воплощение в серии проектов, выставках и отдельных мероприятиях. Курганский областной художественный музей на протяжении многих лет целенаправленно комплектует акварели отечественных художников. Именно художественный музей решился выйти с идеей организации и проведения в Кургане акварельной выставки, которую поддержало Министерство культуры России.

Выставка направлена на поддержку акварельного движения в современной России и объединение творческих сил художников-акварелистов. Не случайно в рамках проекта организован пленэр. Группа художников получила отличную возможность творческого общения, что выглядит в настоящее время почти фантастически. Выставка заслуживает пристального внимания. Об этом можно было говорить, судя по интересу, проявленному к ней и художниками, и теоретиками-специалистами, и широкими кругами зрителей. Эстетика акварели, получившая поддержку I Всероссийской выставки, всколыхнула волну интереса к этой древней и вечно юной технике. Организованная в Кургане, она создаст прецедент вернисажам акварели в провинции, также заинтересованной в масштабности и значимости происходящих художественных событий, как и столица (5, 3). Но провинциальный Курган решил показать не только пример, а также положил начало традиции. В 2006 г. открылась II Всероссийская выставка акварели. В ней принял участие 161 художник, чьи работы были отобраны выставкомом – 368 произведений со всей России (на I Всероссийской выставке акварели - 88 участников).

«Я работаю в разной технике, но акварель кажется мне более отзывчивой и чуткой к движениям человеческого сердца. Думаю, что именно акварель поможет мне выразить то, что я ценю в искусстве,— истину и красоту» (Герман Травников) (1, 55).

Сейчас, когда время – самый строгой судья – дало оценку искусству акварелистов и живописцев Кургана (это известные имена, сотни графических листов и живописных полотен, многолетний путь развития, отмеченный признанием многочисленных выставок самого высокого ранга) можно, наверное, подвести определенные итоги, сказать о том, что изобразительное искусство в провинциальном городе Кургане стоит на высоком уровне профессионального мастерства и имена Г.Травников, Г. Иванчин, В. Пичугин, Б. Орехов, В., Хорошаев, В. Левин, О. Бровин, Т. Иванова, Н. Щетинина, И. Аросланова, Е. Архипова и многих других должны быть знакомы курганцам и жителям других городов России и зарубежья.

Примечания

1. *Галявина О. В. Личность художника и образ мироздания в курганской акварели 1960-1980-х годов. Курганский областной художественный музей и культура края: Сборник научных сообщений. Вып. 2 / Ред.-соста. О.В. Луцко; Отв. ред. В.В. Пундани. Курган, 1997.*
2. *Герман Травников. Сто акварелей. Каталог выставки. М.: Советский художник, 1990.*
3. *Культура и культурология: Словарь / Сост. и ред. А.И. Кравченко. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003.*
4. *Курганский областной художественный музей и культура края: Сборник научных сообщений / Отв.реда. В.В. Пундани. Курган, 1997.Вып.2.*
5. *Первая Всероссийская выставка акварели 2002. Каталог. Министерство культуры РФ, Администрация (Правительство) Курганской области, Областной комитет по культуре и искусству, Курганский областной художественный музей, Курганская организация Союза художников России. Курган, 2002.*
6. *Хрестоматия по истории Курганской области (1946–1996)/ Отв. ред. В.В. Подливалов. Курган, 2005. Вып.3.*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. Абатуров Иван Николаевич – Демидовский институт, г. Екатеринбург
2. Абрамовский Александр Андреевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Челябинского института Уральской академии государственной службы
3. Агафонова Наталья Николаевна - кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного педагогического университета
4. Ахатов Альберт Тагирович – младший научный сотрудник Центра этнологических исследований Уфимского научного центра РАН (ЦЭИ УНЦ РАН)
5. Бабушкина Ольга Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент Института повышения квалификации и переподготовки работников образования Курганской области
6. Багаутдинов Радик Олегович - аспирант исторического факультета кафедры истории Республики Башкортостан и этнологии Башкирского государственного университета
7. Балюнов Игорь Валерьевич - аспирант Тобольского государственного педагогического института им. Д. И. Менделеева
8. Балюнова Елена Акифовна – соискатель Тюменского государственного университета, и. о. начальника отдела Государственного архива в г. Тобольске
9. Бездомов Валерий Иванович - краевед, г. Курган
10. Бездомов Иван Олегович – научный сотрудник Курганского пограничного института ФСБ РФ, соискатель Курганского государственного университета
11. Беспокойный Александр Викторович - младший научный сотрудник отдела экспозиционно-выставочных проектов Шадринского краеведческого музея имени В.П.Бирюкова
12. Богатырева Анастасия Владимировна – студентка Курганского государственного университета
13. Брехач Родион Александрович – соискатель кафедры древней и средневековой истории Пермского государственного педагогического университета
14. Бритвина Ирина Борисовна - кандидат философских наук, доцент кафедры культурологи Курганского государственного университета
15. Булавин Максим Викторович – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Уральского государственного университета им. А.М.Горького
16. Бутакова Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель Алтайского государственного университета
17. Вагутович Ольга Анатольевна – научный сотрудник Курганского областного краеведческого музея
18. Васенев Алексей Федорович – начальник отдела использования документов и информационно-поисковых систем Государственного архива общественно-политической документации Курганской области
19. Васильев Владимир Валерьевич – студент Курганского государственного университета
20. Волкова Люция Аполлосовна - зав. кафедрой отечественной истории Глазовского государственного педагогического университета, г. Глазов
21. Галлямова Земфира Виленовна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории, экономики и права Елабужского государственного педагогического университета
22. Гейль Вера Васильевна – аспирант кафедры отечественной истории и МПИ Челябинского государственного педагогического университета
23. Горобец Николай Сергеевич – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета
24. Горюнов Ю.А. – студент Оренбургского государственного педагогического университета
25. Грибанова Ольга Дмитриевна - старший преподаватель кафедры древней литературы и фольклора Курганского государственного университета
26. Григорьева Алёна Борисовна - аспирант кафедры древней литературы и фольклора Курганского государственного университета
27. Давыденко Наталья Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета
28. Данилов Петр Григорьевич - научный сотрудник Тобольского государственного историко-архитектурного музея – заповедника
29. Девятов Илья Владимирович - аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета
30. Добрейцина Лидия Евгеньевна - старший преподаватель кафедры культурологии Уральского государственного университета, г. Екатеринбург
31. Ерохина Наталья Александровна - доцент кафедры управления и права НТГСПА, г. Нижний Тагил
32. Жарова Анна Сергеевна - аспирантка кафедры отечественной истории Курганского государственного университета
33. Зайцева Любовь Юрьевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всемирной и отечественной истории Шадринского государственного педагогического института
34. Закожурникова Юлия Владимировна - аспирантка Курганского государственного университета
35. Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, национальный представитель России в Международном комитете по сохранению индустриального наследия, г. Екатеринбург
36. Иванов Сергей Сергеевич - студент исторического факультета Курганского государственного университета
37. Ильиных Ирина Викторовна – старший преподаватель кафедры управления и права социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии
38. Исаев Виктор Викторович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель декана факультета социально-культурного сервиса и туризма Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, г. Барнаул
39. Кадиков Эльдар Рашитович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
40. Казакова Наталья Сергеевна – соискатель кафедры истории Отечества Нижневартовского государственного

гуманитарного университета

41. **Казанцева Юлия Владиславовна** - аспирант Института истории и археологии УрО РАН, преподаватель Каменск-Уральского филиал Института международных связей
42. **Канев Андрей Николаевич** - аспирант Российского государственного профессионально-педагогического университета, г. Екатеринбург
43. **Карпук Сергей Васильевич** – соискатель Курганского государственного университета
44. **Кашенов Азамат Тулеубаевич** – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры правоведения Томского государственного педагогического университета
45. **Кислицын Василий Александрович** – кандидат исторических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Курганского государственного университета
46. **Китов Егор Петрович** - старший научный сотрудник специализированного природно-ландшафтного и историко-археологического центра «Аркаим», г. Челябинск
47. **Кишкин Олег Валерьевич** – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Курганского государственного университета
48. **Кобяков Олег Николаевич** – соискатель Курганского государственного университета
49. **Козельчук Татьяна Валентиновна** - доцент кафедры ИМТИ Курганского государственного университета
50. **Колобынцев Евгений Владимирович** - преподаватель Уральского юридического института МВД России, г. Курган.
51. **Коморникова Ольга Михайловна –** ассистент кафедры отечественной и всемирной истории факультета истории и права Шадринского государственного педагогического института
52. **Коновалов Сергей Сергеевич**- ассистент кафедры ИМТИ Курганского государственного университета
53. **Коняхин Артем Викторович** - аспирант Курганского государственного университета
54. **Коптелов Артем Олегович** – соискатель Института истории и археологии Уральского отделения РАН, г. Екатеринбург
55. **Копылов Виктор Петрович** – соискатель Курганского государственного университета
56. **Кориков Данил Геннадьевич** – аспирант Уральского государственного университета, г. Екатеринбург
57. **Коростелёв Вячеслав Александрович** - соискатель кафедры отечественной истории Курганского государственного университета
58. **Котович Лидия Владимировна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета
59. **Коурова Ирина Геннадьевна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета
60. **Красноперов Александр Анатольевич -** кандидит исторических наук, ассистент кафедры социологии коммуникаций Института социальных коммуникаций ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
61. **Крылова Нина Владимировна** - начальник отдела использования и публикации документов ГУ «Государственный архив Курганской области»
62. **Кряжев Юрий Николаевич –** доктор исторических наук, профессор Курганского государственного университета, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Курганского пограничного института ФСБ РФ
63. **Кузнецова Дарья Алексеевна** - студентка исторического факультета Курганского государственного университета
64. **Кузнецова Ольга Вячеславовна –** аспирант Оренбургского государственного педагогического университета
65. **Кузьмин Анатолий Дементьевич** – Курганское областное общество краеведов
66. **Кусмарцев Кирилл Михайлович –** руководитель Молодежного центра муниципальной политики Волгоградского регионального отделения Всероссийской политической партии «Единая Россия»
67. **Лебедев Виктор Эдуардович** - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Уральского государственного технического университета
68. **Лебеденко Елена Юрьевна** – аспирант Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
69. **Леонтьева Евгения Анатольевна** – аспирант Оренбургского государственного педагогического университета
70. **Лоскутова Наталья Владимировна** - студентка Пермского государственного педагогического университета
71. **Лукиных Андрей Александрович** - научный сотрудник Шадринского краеведческого музея им В.П.Бирюкова
72. **Любичанковский Сергей Валентинович** – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Оренбургского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала Института российской истории РАН, г. Самара
73. **Мазур Людмила Николаевна** – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой документационного и информационного обеспечения управления Уральского государственного университета им. А.М. Горького
74. **Майдурова Наталья Александровна** – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Института алтаистики им.С.С.Суразакова, г. Горно-Алтайск
75. **Малых Игорь Петрович** – Челябинское высшее военное автомобильное командно-инженерное училище
76. **Маслюженко Денис Николаевич** – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой культурологи, зам. декана исторического факультета Курганского государственного университета
77. **Масляев Владимир Борисович** – соискатель Курганского государственного университета
78. **Мезенина Татьяна Геннадьевна** – старший преподаватель Социально-гуманитарного института Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии
79. **Менщиков Владимир Владимирович** – доктор исторических наук, зав. кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры отечественной истории Курганского государственного университета
80. **Менщиков Игорь Самуилович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой ИМТИ Курганского государственного университета
81. **Меньшикова Алла Леонидовна** - ст.преподаватель кафедры архивоведения и истории государственного управления Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург
82. **Михащенко Анатолий Лаврентьевич** - доцент кафедры педагогики Курганского государственного университета,
83. **Мишин Сергей Александрович** – младший научный сотрудник Челябинского научного центра УрО РАН
84. **Мишина Мария Анатольевна** – аспирант Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск

85. Мотревич Владимир Павлович - доктор исторических наук, профессор Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург
86. Мямяченков Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного университета им. А.М. Горького
87. Немкин Павел Валерьевич – аспирант Курганского государственного университета
88. Неупокоев Игорь Валентинович - учитель истории средней общеобразовательной школы № 42
89. Никитин Владимир Анатольевич - кандидат исторических наук, доцент Курганского филиала Уральского юридического института МВД России
90. Никитина Анна Олеговна - ассистент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург
91. Николаев Александр Алексеевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск
92. Новиков Игорь Константинович - студент исторического факультета Курганского государственного университета
93. Новикова Наталья Александровна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург
94. Оконникова Татьяна Ивановна - кандидат исторических наук, докторант кафедры археологии и истории первобытного общества Удмуртского государственного университета
95. Орехова Оксана Борисовна – соискатель кафедры древней и средневековой истории России, зав. УМК исторического факультета Пермского государственного педагогического университета
96. Осин Андрей Николаевич - студент исторического факультета Курганского государственного университета
97. Павлуцких Геннадий Геннадьевич - кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Курганского государственного университета
98. Парунин Алексей Владимирович - научный сотрудник Шадринского краеведческого музея им. В.П. Бирюкова
99. Патылицына Юлия Юрьевна - аспирантка кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
100. Пахомова Елена Витальевна - аспирант кафедры новейшей истории России Оренбургского государственного педагогического университета
101. Подкорытова Лидия Георгиевна - член Зауральского генеалогического общества им. П.А. Свищева, г. Курган
102. Подосёнова Юлия Александровна - ассистент кафедры культурологии, заведующая музеем археологии и этнографии Пермского Предуралья Пермского государственного педагогического университета
103. Пожарская Ксения Александровна – аспирант кафедры новейшей отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул
104. Попп Иван Александрович – студент Уральского государственного педагогического университета
105. Пузанов Владимир Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент Сургутского государственного педагогического университета
106. Пундани Валерий Владимирович – доктор исторических наук, профессор Курганского государственного университета, действительный член Академии военных наук, почетный работник высшего профессионального образования, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации
107. Рогачева Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой организационной психологии Уральского государственного технического университета УГТУ-УПИ, г. Екатеринбург
108. Рыбаков С.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного технического университета (УГТУ – УПИ), г. Екатеринбург
109. Рынков Вадим Маркович – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории СО РАН, г. Новосибирск
110. Рябинина Елена Алексеевна – аспирантка Курганского государственного университета
111. Савельев Вадим Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета
112. Салазникова Светлана Сергеевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель, заместитель заведующего кафедрой истории Социально-гуманитарного института Нижнетагильской социально-педагогической академии
113. Самигулов Гаяз Хамитович - кандидат исторических наук, научный сотрудник Челябинского научного центра УрО РАН, зам. директора
114. Сапожников Станислав Владимирович – аспирант Курганского государственного университета
115. Сапожникова Татьяна Владимировна - директор Осинского филиала ГОУ ВПО «Пермский государственный педагогический университет»
116. Сарапулов Алексей Николаевич – аспирант Пермского государственного педагогического университета
117. Сафронова Алевтина Михайловна- доцент кафедры архивоведения и истории государственного управления Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург
118. Семячкова Вероника Викторовна – аспирант Института истории и археологии УрО РАН, г. Екатеринбург
119. Сериков Юрий Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии
120. Серикова Анна Юрьевна – соискатель, научный сотрудник Нижнетагильской государственной социально – педагогической академии
121. Скульмовская Любовь Григорьева – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Нижневартовского государственного гуманитарного университета
122. Скульмовский Денис Олегович – аспирант кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета
123. Смирнов Михаил Витальевич – аспирант Курганского государственного университета
124. Смирнов Геннадий Сергеевич - методист Министерства социальных отношений Челябинской области, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

125. Смирнов Сергей Сергеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры информационной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск
126. Смирнова Анна Сергеевна – студентка Челябинской государственной академии культуры и искусства
127. Совков Данила Михайлович - доцент кафедры отечественной истории Курганского государственного университета
128. Солдатов Вячеслав Николаевич – студент исторического факультета Уральского государственного университет им. А.М. Горького
129. Солодкин Янкель Гутманович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета
130. Сорогин Евгений Игоревич - аспирант Курганского государственного университета
131. Сподина Виктория Ивановна – научный сотрудник Института языка, истории и культуры народов Югры Югорского государственного университета, г. Ханты-Мансийск
132. Стафеева Наталья Анатольевна - аспирант кафедры древней литературы и фольклора Курганского государственного университета; преподаватель Курганской государственной сельскохозяйственной академии
133. Стороженко Анна Аркадьевна – соискатель Курганского государственного университета, директор филиала Тюменского нефтегазового университета, г. Урай
134. Суриков Вадим Сергеевич- студент исторического факультета Курганского государственного университета
135. Сушко Анатолий Владимирович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Омского танкового инженерного института, докторант кафедры отечественной истории Омского государственного технического университета
136. Тайболина Марина Николаевна - ст. преподаватель кафедры ИМТИ Курганского государственного университета
137. Тершукова Екатерина Владимировна - начальник отдела комплектования, делопроизводства и ведомственных архивов, Государственный архив Курганской области, г. Курган
138. Тимохин Евгений Анатольевич – аспирант Курганского государственного университета
139. Тихобаева Лидия Сергеевна – аспирант Алтайского государственного университета, г. Барнаул
140. Толопко Никита Анатольевич - аспирант кафедры древнерусской литературы и фольклора Курганского государственного университета
141. Толстых Николай Юрьевич - Варгашинская центральная библиотека
142. Трусов Владимир Александрович - краевед, член Общества уральских краеведов, Уральского историко-родословного общества, Уральского генеалогического общества, г. Первоуральск
143. Усанов Виктор Иванович – доктор исторических наук, профессор кафедры историографии, методологии и теории истории Курганского государственного университета
144. Усольцева Ольга Васильевна – аспирант кафедры отечественной истории и культурологии Томского государственного педагогического университета, методист музейного комплекса ТГПУ
145. Федоров Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории России Южноуральского государственного университета, г. Челябинск
146. Федоров Виктор Александрович – краевед, г. Курган
147. Федоров Сергей Георгиевич – старший преподаватель кафедры всеобщей истории Курганского государственного университета
148. Федорова Валентина Павловна - профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой древней литературы и фольклора Курганского государственного университета
149. Федченко Михаил Николаевич - профессор кафедры ИМТИ Курганского государственного университета
150. Фельдшеров Дмитрий Александрович - ассистент кафедры истории и теории государства и права Курганского государственного университета
151. Филонова Олина Игоревна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Курганского государственного университета
152. Фоминых Ольга Борисовна – старший преподаватель кафедры культурологии Курганского государственного университета
153. Хлызов Михаил Иванович - Общественное объединение «Курганский казачий фонд», Зауральское генеалогическое общество им.П.А.Свищева, г.Курган
154. Хисамутдинова Равиля Рахимяновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, методики преподавания истории и обществознания Оренбургского государственного педагогического университета
155. Цеменкова Светлана Ивановна - ассистент кафедры архивоведения и истории государственного управления Уральского государственного университета им. А.М. Горького, г. Екатеринбург
156. Цысь Валерий Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Нижневартовского государственного гуманитарного университета
157. Черкасова Оксана Геннадьевна – кандидат исторических наук, преподаватель Алтайского государственного университета
158. Черная Оксана Валентиновна – аспирант кафедры отечественной истории Курганского государственного университета
159. Чудаков Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры дореволюционной отечественной истории и документоведения Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского
160. Шарипова Гульнара Рашидовна - аспирант кафедры древней литературы и фольклора Курганского государственного университета.
161. Шилов Степан Николаевич - кандидат исторических наук, доцент, заведующий археологической лабораторией Курганского государственного университета
162. Штукатуров Дмитрий Юрьевич – аспирант Курганского государственного университета, адвокат, г. Москва
163. Янникова Мария Евгеньевна – студентка исторического факультета Уральского государственного педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ... 4
Менщиков И.С.
ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ТРУДАХ Н.Ф. ЕМЕЛЬЯНОВА ... 4
Пундани В.В.
АВТОГРАФЫ… ... 5
Добрейцина Л.Е.
ЦЕНТР И ПРОВИНЦИЯ: СИСТЕМА СВЯЗЕЙ И ОТНОШЕНИЙ КАК ОСНОВА РЕГИОНАЛИСТИКИ ... 9
Рыбаков С.В.
РЕГИОНАЛИСТИКА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПАРАМЕТРЫ ... 12

СЕКЦИЯ 1. ТРАДИЦИОННЫЕ ОБЩЕСТВА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ... 14
Оконникова Т.И.
РАЗРАБОТКА МЕТОДОЛОГИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ СТРУКТУР ДРЕВНИХ ОБЩЕСТВ В ТРУДАХ А.В. ШМИДТА ... 14
Сериков Ю.Б.
ИЗДЕЛИЯ ИЗ БИВНЯ МАМОНТА В ПАЛЕОЛИТЕ УРАЛА ... 16
Серикова А.Ю.
НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ НА РЕКЕ ЧУСОВОЙ (СРЕДНИЙ УРАЛ) ... 18
Осин А.Н.
ПРОЕЦИРОВАНИЕ МЕТОДОВ ВЫДЕЛЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МИКРОРАЙОНОВ НА ТЕРРИТОРИЮ МЕЖДУРЕЧЬЯ РЕК ТОБОЛ И СУЕРЬ ... 19
Новиков И.К., Кузнецова Д.А.
НОВЫЕ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СРЕДНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ ... 20
Сорогин Е.И.
К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА АЛАКУЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА ... 22
Шилов С.Н., Китов Е.П.
К ВОПРОСУ О ДЕКАПИТАЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ДАЧНОЕ-2) ... 24
Краснопёров А.А.
ОБУВЬ ПЬЯНОБОРСКО-МАЗУНИНСКОГО ВРЕМЕНИ ... 25
Подосёнова Ю.А.
ВИСОЧНЫЕ УКРАШЕНИЯ С ПРИВЕСКОЙ В ВИДЕ ПОЛОГО ШАРА И КОНУСА НА ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ В ЛОМОВАТО - РОДАНОВСКИХ ДРЕВНОСТЯХ ... 28
Сарапулов А.Н.
О ЗЕМЛЕДЕЛИИ СЫЛВЕНСКО-ИРЕНСКОГО ПОРЕЧЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ... 29
Васильев В.В.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МОКРОУСОВСКОМ РАЙОНЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ ... 31
Данилов П.Г.
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ХРАМА ВОЗДВИЖЕНИЯ КРЕСТА В ТОБОЛЬСКЕ ... 32
Лукиных А.А., Парунин А.В.
НОВЫЙ ПАМЯТНИК ЭПОХИ КОЛОНИЗАЦИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ... 34
Маслюженко Д.Н.
ИСТОРИЯ СИБИРСКОГО ХАНСТВА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ ... 35
Рябинина Е.А.
СИБИРСКИЙ ПОХОД 1483 ГОДА: К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РОССИИ С ТЮМЕНСКИМ ХАНСТВОМ ... 37
Канев А.Н.
ПРОБЛЕМА РЕКОНСТРУКЦИИ ТРАДИЦИОННОЙ МИФОЛОГИИ ... 38
Сподина В.И.
К ВОПРОСУ О САМОНАЗВАНИИ ЛЕСНЫХ НЕНЦЕВ В ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КОНТАКТНОЙ ЗОНЕ БАССЕЙНА Р.АГАН ... 40
Самигулов Г.Х.
«ЖИВАЯ» ПАМЯТЬ О СЛОБОДАХ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО (НЕКОТОРЫЕ ДЕТАЛИ ОСВОЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ) ... 42
Балюнов И.В.
ОБ ОДНОМ ИЗ ВИДОВ ГОНЧАРНОЙ ПОСУДЫ Г. ТОБОЛЬСКА XVII В. ... 45
Мишин С.А.
ЧЕЛЯБИНСКИЕ УЛИЦЫ (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ) ... 47
Ахатов А.Т.
РОЛЬ ЖИВОТНОВОДСТВА И ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ХОЗЯЙСТВЕ БАШКИРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ... 49

СЕКЦИЯ II. ИСТОРИЯ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVI-НАЧАЛЕ XX ВЕКА ... 50
Солодкин Я.Г.
ГАРНИЗОН ПЕЛЫМА В КОНЦЕ XVI В. (ФОРМИРОВАНИЕ И СОСТАВ) ... 50

Смирнов М.В.
ИКОНОСТАС ЕРМАКА ТИМОФЕЕВИЧА 52
Мезенина Т.Г.
ФОРМИРОВАНИЕ ВЛАДЕНИЙ СТРОГАНОВЫХ НА УРАЛЕ 52
Пузанов В.Д.
БЕЛОМЕСТНЫЕ КАЗАКИ В СИБИРИ XVII В. 54
Скульмовский Д.О.
ПУШКАРИ В СИБИРСКИХ ГАРНИЗОНАХ
В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVII ВВ. 57
Тимохин Е.А.
ОТПИСКИ СИБИРСКИХ ВОЕВОД КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РЕКОНСТРУКЦИИ
ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ 58
Лукиных А.А.
ОБ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ ЛИНИЙ В ЗАУРАЛЬЕ ВО
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII – XVIII ВВ. 59
Менщиков В.В.
ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА 61
Абатуров И.Н.
«АГЛИНСКИЕ ПРОВИНЦИИ» В ВОСПРИЯТИИ Е.Р. ДАШКОВОЙ И
Н.А. ДЕМИДОВА (НАЧАЛО 70-Х ГГ. XVIII В.) 62
Масляев В.Б., Усанов В.И.
РОЛЬ И.И. НЕПЛЮЕВА В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ 64
Новикова Н.А.
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ВЫБОРНЫХ ОРГАНОВ НА УРАЛЕ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА 65
Кашенов А.Т.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА МЕЩАН ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 66
Вагутович О.А.
К ВОПРОСУ ОБ ИСТОКАХ ПРАВОСОЗНАНИЯ КРЕСТЬЯН КОНЦА XVIII-НАЧАЛА XIX ВЕКА 68
Немкин П.В.
КУПЦЫ-СТАРООБРЯДЦЫ УРАЛА И ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ 70
Балюнова Е.А.
СИБИРСКАЯ ДИВИЗИЯ В ПЕРИОД НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙН
(1808-1814 ГГ.) 71
Усольцева О.В.
ПРОЕКТЫ СУДОХОДНОЙ ТРАНСПОРТИРОВКИ РУД ИЗ РУДНИКОВ НА ЗАВОДЫ И ПРАКТИКА ИХ
РЕАЛИЗАЦИИ В КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОМ (АЛТАЙСКОМ) ГОРНОМ ОКРУГЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 73
Лебеденко Е.Ю.
«МЕЩАНЕ» Г.ЕКАТЕРИНБУРГА ПО ГОРОДОВОМУ ОБЫВАТЕЛЬСКОМУ СПИСКУ 1823-1824-28 ГГ. 75
Черкасова О.Г.
СТРУКТУРА СЛОБОД ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ. 76
Кузьмин А.Д.
УЧАСТНИК ПОЛЬСКОГО ВОССТАНИЯ 1830-1831 ГОДОВ П.М. ВАЖИНСКИЙ И ЕГО 25-ЛЕТНЯЯ
ССЫЛКА В КУРГАНЕ 78
Кишкин О.В.
АНОМИЯ ПРИ PROIECTION ЛИБЕРАЛЬНО-БУРЖУАЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ИНСТИТУТ МИРОВЫХ
ПОСРЕДНИКОВ (1861-1864 ГГ.) 80
Попп И.А.
СТАНОВЛЕНИЕ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИИ (1873–1889 ГГ.): К ПРОБЛЕМЕ
ИМУЩЕСТВЕННОГО ЦЕНЗА СУДЕЙ 82
Федоров С.Г.
КРЕСТЬЯНСКАЯ КООПЕРАЦИЯ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА 84
Кислицын В.А., Стороженко А.А.
ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯНСКИМ МИРОМ И СЕЛЬСКИЙ
СХОД В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ 87
Горюнов Ю.А.
ОРЕНБУРГ-ТАШКЕНТСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА КАК ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОНИКНОВЕНИЯ В
СРЕДНЮЮ АЗИЮ 88
Смирнова А.С., Смирнов С.С.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВ О НАРОДНОЙ ТРЕЗВОСТИ В ПРИУРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЯХ 90
Кориков Д.Г.
П.Ф. ЛОСЕВ И ЕГО РЕЛИГИОЗНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ОРЕНБУРГСКОМ КРАЕ 92
Галлямова З.В.
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАСПОРЯДИТЕЛЬНОГО И ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНОВ В СТРУКТУРЕ
ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ Г. ВЯТКА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.) 93
Кобяков О.Н.
НАЧАЛО СИБИРСКОГО МАСЛОДЕЛИЯ 95
Толстых Н.Ю.
ВСТРЕЧА М. А. СПИРИДОНОВОЙ И ЕЕ СОРАТНИЦ НА СТАНЦИИ КУРГАН В 1906 ГОДУ 97

Карпук С.В.
ФИЛЕРСКАЯ СЛУЖБА В КУРГАНСКОМ ЖАНДАРМСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ПОСЛЕ 1907 Г. *99*
Любичанковский С.В.
МАТЕРИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СЛУЖАЩИХ ГУБЕРНСКИХ АДМИНИСТРАЦИЙ УРАЛА В ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ (РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА) 101
Зайцева Л.Ю.
ШКОЛЫ ПРИ МОНАСТЫРЯХ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XIX-НАЧАЛЕ XX В. 103
Кадиков Э.Р.
ОМСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ ВЕСНОЙ-ЛЕТОМ 1911 Г. ГЛАЗАМИ ФИЛЁРОВ 105
Коптелов А.О.
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ НА УРАЛЕ В XIX-НАЧАЛЕ XX ВЕКА 107
Котович Л.В., Давыденко Н.А.
«ПРОСЫПАЙСЯ, СИБИРЯК! КАПИТАЛ ИДЕТ!»: ОБРАЗ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СИБИРСКОЙ ДЕРЕВНЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ) 109
Майдурова Н.А.
СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ОСЕДЛЫМИ ИНОРОДЦАМИ ГОРНОГО АЛТАЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. 110
Тихобаева Л.С.
ФОРМЫ СОЦИАЛЬНОГО ВНУТРИОТРАСЛЕВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КАБИНЕТСКИХ КАМНЕРЕЗНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ УРАЛА И СИБИРИ В XIX – НАЧ. XX В. 112
Семячкова В.В.
ОКАЗАНИЕ МЕДИКО-САНИТАРНОЙ ПОМОЩИ МЕСТНЫМИ КОМИТЕТАМИ РОККА В ГОДЫ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА) 114
Пожарская К.А.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКОЙ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ АДАПТАЦИИ СТОЛЫПИНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ НА АЛТАЕ 116
Чудаков О.В.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В БОРЬБЕ С ДОРОГОВИЗНОЙ ЖИЗНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914 - ФЕВРАЛЬ 1917 ГГ.) 118
Николаев А.А.
РАЗВИТИЕ КРЕДИТНОЙ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СИБИРИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД 119

СЕКЦИЯ 3. УРАЛ И ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ 121
Янникова М.Е.
ИСТОРИЯ СТАРООБРЯДЧЕСТВА В АСПЕКТЕ ТЕОРИИ МОДЕРНИЗАЦИИ 121
Мазур Л.Н.
УРБАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ НА СРЕДНЕМ УРАЛЕ В XX ВЕКЕ 124
Кряжев Ю.Н.
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА РОССИИ И КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 125
Бездомов И.О.
НОВАЯ ВЛАСТЬ В ШАДРИНСКЕ 128
Бабушкина О.Ю.
КУРГАНСКИЙ УЕЗДНЫЙ СЪЕЗД ДУХОВЕНСТВА И МИРЯН В 1918 Г. 130
Абрамовский А.А.
ЗАРОЖДЕНИЕ СОВЕТСКОГО ПРАВОСУДИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ ЗАУРАЛЬЯ (НА МАТЕРИАЛАХ ШАДРИНСКОГО РЕГИОНА) 131
Штукатуров Д.Ю.
1917 – 1922 ГГ. КАК ПЕРЕХОДНЫЙ ЭТАП В РАЗВИТИИ АДВОКАТУРЫ В РОССИИ 133
Багаутдинов Р.О.
УЧАСТИЕ БЕЛЫХ БАШКИРСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЧАСТЕЙ НА ЕКАТЕРИНБУРГСКОМ ФРОНТЕ 135
Салазникова С.С.
БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА И ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ АЛЬТЕРНАТИВА НА ВОСТОКЕ РОССИИ (ОСЕНЬ1918 Г.) 136
Рынков В.М.
МАРГИНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ ЗА ТРУД В АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ 138
Исаев В.В.
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В РАЙОНЕ БИЙСКОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЛИНИИ В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА АЛТАЕ 140
Малых И.П.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА 1-Й АРМИИ ТРУДА ЧЕЛЯБИНСКОГО РАЙОНА В ХОДЕ КУРГАНСКО-ИШИМСКОГО МЯТЕЖА 141
А.В. Сушко
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В СИБИРИ НАЧАЛА 20-Х ГГ. ПО МАТЕРИАЛАМ IV СОВЕЩАНИЯ ЦК РКП С ОТВЕТСТВЕННЫМИ РАБОТНИКАМИ НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕСПУБЛИК И ОБЛАСТЕЙ 142

Цысь В.В.
РАСФОРМИРОВАНИЕ УРАЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ АРМИИ В КОНЦЕ 1921 - 1922 ГГ. 144
Филонова О.И.
СТРУКТУРА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКИХ СУДОВ В 1921-1929 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ) 145
Девятов И.В.
МЕСТО ЧАСТНОГО КАПИТАЛА В КУРГАНСКОМ ОКРУГЕ В ГОДЫ НЭПА 147
Савельев В.Г.
ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ РАБОТЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ 1920-Х ГОДОВ В УСЛОВИЯХ ЖЕСТКОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ДАВЛЕНИЯ 148
Смирнов С.С., Мишина М.А.
БОРЬБА С БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ И СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ДЕТСКИХ ДОМОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В 1920-1930-Е ГОДЫ 149
Казакова Н.С.
РАБОТА ШКОЛ-ИНТЕРНАТОВ ОСТЯКО-ВОГУЛЬСКОГО ОКРУГА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-Х ГГ. 151
Леонтьева Е.А.
КОММУНАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ОРЕНБУРГСКОЙ ОБЛАСТИ В 1934 – 1940 ГГ. 153
Мотревич В.П.
НАСЕЛЕНИЕ КУРГАНСКОГО РАЙОНА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ПО ДАННЫМ ВСЕСОЮЗНОЙ ПЕРЕПИСИ НАСЕЛЕНИЯ СССР 1939 Г.) 155
Фёдоров А.Н.
ВНУТРИПАРТИЙНАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА) 156
Хисамутдинова Р.Р.
ЗАСУХА 1946 Г. И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 158
Солдатов В.Н.
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВ СРЕДНЕГО УРАЛА В 1945 – 1953 ГГ.: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ 161
Булавин М.В.
СЕКУЛЯРИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА СРЕДНЕГО УРАЛА В ПЕРИОД 1945–1957 ГГ. 163
Васенёв А.Ф.
РАДИОВЕЩАНИЕ В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД КАК СРЕДСТВО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ 164
Мамяченков В.Н.
ЖИЛИЩНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ (1946–1955 ГГ.) КАК ВАЖНЫЙ ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ 166
Пахомова Е.В.
ПРОБЛЕМА ВОДОСНАБЖЕНИЯ ЦЕЛИННЫХ ХОЗЯЙСТВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ИХ СУЩЕСТВОВАНИЯ (1954-1956 ГГ.) 168
Кузнецова О.В.
СЕМЕЙНЫЕ И МЕЖЛИЧНОСТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ЦЕЛИНЕ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА ПЕРИОДА ХРУЩЕВСКОЙ «ОТТЕПЕЛИ» (1954-1959 ГГ.) 170
Коурова И.Г.
ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 50-70-Х ГГ. XX ВЕКА – ДИРЕКТОР КАМАГАНСКОГО СОВХОЗА А.И. БИМОКАНОВ 172
Копылов В.П.
КУРГАНСКИЙ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ: ОБРАЗОВАНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ (1960 –1965 ГГ.) 173
Горобец Н.С.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРЕНБУРГСКОГО ОБКОМА КПСС ПО ОРГАНИЗАЦИИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ. 1965-1970ГГ. 175
Федоров В.А.
НЕКОТОРЫЕ СТОРОНЫ БЫТА ЖИТЕЛЕЙ КУРГАНА В 70-Е ГОДЫ XX ВЕКА 177
Бритвина И.Б.
ПОИСК ИДЕНТИЧНОСТИ КАК ПУТЬ СНИЖЕНИЯ МИГРАНТОФОБИИ В РОССИИ 179
Фельдшеров Д.А.
ИЗ ИСТОРИИ ПАРТСТРОИТЕЛЬСТВА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОТДЕЛЕНИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ РОССИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ, ЧЕЛЯБИНСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ОБЛАСТЯХ 181
Брехач Р.А.
ВОСПРИЯТИЕ МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ НАСЕЛЕНИЕМ ПРИКАМСКОГО СОЦИУМА 182
Рогачева Т.В.
ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ УРАЛА 184
Коморникова О.М.
ЭТНИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ 186
Кусмарцев К.М.
ВЫРАВНИВАНИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ВНУТРИГОРОДСКИХ ТЕРРИТОРИЙ – ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ 187

Орехова О.Б.
ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КОМИ-ПЕРМЯКОВ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОДСИСТЕМЕ СОЦИУМА (ПО МАТЕРИАЛАМ КОМИ-ПЕРМЯЦКОГО ОКРУГА) 189
Запарий В.В.
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ ПО СОХРАНЕНИЮ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ И ЕГО РАБОТА В РОССИИ И НА УРАЛЕ 190
Подкорытова Л.Г.
ЗАУРАЛЬЕ И ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО - ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ) 193
Сапожников С.В.
РАЗВИТИЕ СБЕРЕГАТЕЛЬНОГО ДЕЛА В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНЦЕ XX ВЕКА 194

СЕКЦИЯ 4. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ 196
Коняхин А.В.
ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЧТЫ И ПУТИ СООБЩЕНИЯ В ЗАУРАЛЬЕ В XIX ВЕКЕ 196
Никитин В.А., Павлуцких Г.Г.
РЫНОК РАБОЧЕЙ СИЛЫ В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 198
Неупокоев И.В.
РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. 199
Беспокойный А.В.
ОЧЕРКИ И РАССКАЗЫ К.Д. НОСИЛОВА КАК ИСТОРИКО-ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК 201
Сапожникова Т.В.
И.С. СИГОВ И ОСИНСКОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ 203
Лебедев В.Э.
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РЕГИОНА В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ 205
Крылова Н.В.
ВОЕННОПЛЕННЫЕ I МИРОВОЙ ВОЙНЫ В КУРГАНСКОМ УЕЗДЕ 206
Коростелев В.А.
САД ДУШИ АРКАДИЯ БИРЮКОВА 209
Бездомов В.И.
РАССКАЗ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ 210
Агафонова Н.Н.
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ ЭТНИЧНОСТИ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ В КОМИ-ПЕРМЯЦКОМ ОКРУГЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ) 211
Лоскутова Н.В.
ОПЕРИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТАМИ ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАРОДОВ ПРИКАМЬЯ 213

СЕКЦИЯ 5. МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ 215
Федченко М.Н.
СОЦИАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЫХ ПРОИЗВОДСТВЕННИКОВ УРАЛА В 40-60-Е ГГ. XX В. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ 215
Козельчук Т.В.
ФОРМУЛЯРНЫЕ СПИСКИ КАК ИСТОЧНИК ГОРИЗОНТАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ ЧИНОВНИКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧ. XX ВВ.) 217
Козельчук Т.В., Тершукова Е.В.
ПРОБЛЕМЫ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В ТРУДАХ АРХИВИСТОВ: ИЗ ПРАКТИКИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 220
Михащенко А.Л.
АКТУАЛЬНОСТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ 222
Парунин А.В.
СВЕДЕНИЯ Г.Ф.МИЛЛЕРА О ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ 224
Коновалов С.С.
СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 1864 ГОДА НА УРАЛЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 225
Совков Д.М.
ВОЗМОЖНОСТИ ДАННЫХ МЕТРИЧЕСКИХ КНИГ XVIII – НАЧАЛА XX ВЕКОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ ЦЕРКВЕЙ ПРИМИАССЬЯ) 227
Волкова Л.А.
Н.Н. БЛИНОВ ОБ ЭТНОГРАФИИ УДМУРТОВ 229
Трусов В.А.
РОДОСЛОВИЕ МОЕЙ БАБУШКИ ЕКАТЕРИНЫ СУХАНОВОЙ 231
Смирнов Г.С., Смирнов С.С.
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ УРАЛЬСКИХ ГУБЕРНИЙ 233
Толопко Н.А.
СВОЕОБРАЗИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ А.Н. ЗЫРЯНОВА И Е.Д. ЗОЛОТОВА О ПУГАЧЁВСКОМ ВОССТАНИИ В ЗАУРАЛЬЕ 235

Жарова А.С.
МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ КУРГАНСКОГО РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО КОСТЕЛА О РОДИВШИХСЯ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 236
Патылицына Ю.Ю.
К ИЗУЧЕНИЮ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ЛИБЕРАЛЬНО-ОППОЗИЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА 238
Цеменкова С.И.
ЕЖЕГОДНЫЕ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ АРХИВА УРАЛЬСКОГО ГОРНОГО ПРАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА КОНТРОЛЯ ЗА СОХРАННОСТЬЮ ДОКУМЕНТОВ (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XIX - НАЧАЛО XX ВВ.) 240
Сафронова А.М.
НЕИЗВЕСТНЫЙ ЗАКАЗ КНИГ В.Н. ТАТИЩЕВЫМ В АКАДЕМИЮ НАУК ИЗ ЕКАТЕРИНБУРГА В 1736 Г. 241
Грибанова О.Д.
МОТИВНЫЙ СОСТАВ ЗАУРАЛЬСКИХ ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРЕДАНИЙ 243
Ерохина Н.А.
НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ УРАЛА В ИСТОРИОГРАФИИ XVIII- НАЧ. XX ВВ. 245
Хлызов М.И.
ПОЛЯКИ И КАЗАКИ 246
Никитина А.О.
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ НА УРАЛЕ В 1920-Е ГОДЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 248
Колобынцев Е.В.
К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА «РЫНОК ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В В.» 250
Тайболина М.Н.
ПОЛИТИКА СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА ПО ОТНОШЕНИЮ К «КУЛАЧЕСТВУ» В 1920-Е ГГ.: НА МАТЕРИАЛАХ ЗАУРАЛЬЯ (МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ) 252
Меньшикова А.Л.
МЕМУАРЫ ОБ ОБУЧЕНИИ ДВОРЯНСКИХ ДЕТЕЙ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА 253
Суриков В.С.
ПАВЕЛ I РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 255
Иванов С.С.
ХОЛОДНАЯ ВОЙНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 256
Менщиков И.С.
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИСТИКИ 258

СЕКЦИЯ 6. ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ 260
Закожурникова Ю.В.
БЫТ И НРАВЫ КУПЕЧЕСТВА Г.ШАДРИНСКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. 260
Бутакова Н.В.
КАРТОЧНАЯ ИГРА КАК ЭЛЕМЕНТ ДОСУГОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГОРОЖАН ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. 261
Черная О.В.
ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ В КРЕСТЬЯНСКОЙ СРЕДЕ В КОНТЕКСТЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ 263
Федорова В.П.
КУЛЬТУРА БЫТА И ОТНОШЕНИЙ В ЗАУРАЛЬСКОЙ ПЕРИОДИКЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА 264
Казанцева Ю.В.
ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДОСУГ ГОРОЖАН УРАЛА В 1920-Е ГГ. 266
Ильиных И.В.
ФОРМИРОВАНИЕ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ НА УРАЛЕ НА РУБЕЖЕ 1920-1930-Х ГГ.: КАРНАВАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА 268
Гейль В.В.
РАЗВИТИЕ МАССОВОЙ И ЭЛИТАРНОЙ КУЛЬТУРЫ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 270
Скульмовская Л.Г.
ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ЗАУРАЛЬЯ В СЕРЕДИНЕ 90-Х ГГ. XX СТОЛЕТИЯ: СТАТИСТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ 272
Григорьева А.Б.
ЧИН СВАХИ В СВАДЬБЕ СРЕДНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ 273
Шарипова Г.Р.
МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДТЕКСТ РОДИЛЬНОГО ОБРЯДА, ЗАФИКСИРОВАННЫЙ И.М.ПЕРВУШИНЫМ 276
Стафеева Н.А.
МИФОПОЭТИКА ВОДЫ В ПРОЗЕ В.К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА 277
Фоминых О.Б.
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЗАУРАЛЬЯ КАК СИСТЕМА 279
Богатырева А.В.
ХУДОЖНИК В КУЛЬТУРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА 280
Сведения об авторах 283

Научное издание

ЕМЕЛЬЯНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Ìàòåðèàëû Âñåðîññèéñêîé íàó÷íî-ïðàêòè÷åñêîé êîíôåðåíöèè «II Åìåëüÿíîâñêèå ÷òåíèÿ» Êóðãàí, 11-12 ìàÿ 2007 ã.

Редакторы: Н.М. Кокина
Н.Л. Попова

Подписано в печать | Формат 60х90 1/8 | Бумага тип. №1
Печать трафаретная | Усл. печ. л. 36,75 | Уч.-изд. л. 36,75
Заказ | Тираж 200 | Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ.
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25.
Курганский государственный университет.